

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІХ.

1892.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго мѡ., № 80.

1892.

Βαλασχοβ. τυπ., № 40.

3021

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІХ.

1892.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екштернинскій каналъ, № 80.

1892

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Общество въ память Ямса Коменсаго	1
О. И. Успенскій. Философское и богословское движеніе въ XIV в.	1
И. И. Милуковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (продолженіе).	66
В. О. Солнцева. „Воляка Вячнина“ и „Спектаторъ“	126
И. И. Ждановъ. Веседа трехъ святителей и Јоса монашеского	157
В. И. Стороженъ. Къ вопросу о „четвергичкахъ“.	196

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. Л. Радловъ. <i>Д. Кизилскій. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи.</i> Одесса. 1891,	218
О. Ф. Зѣлинскій. <i>М. Крамнишниковъ. Римскіе муниципальные жрецы и жрицы.</i> С.-Пб. 1891.	228
О. Г. Мищенко. „Филологическое Обзорѣніе“. Журналъ филологіи и педагогикѣ. Т. I. Кн. I. Москва. 1891	238
И. Е. Чижовъ. Отвѣтъ г. Ипполитскому.	241
О. Г. Мищенко. Отвѣтъ г. В. Шефферу.	253
— Книжныя новости	256
А. О. Бридтъ. Краткія правила относительно учебныхъ столовъ и скамей	1
И. В. Новый трудъ по методикѣ исторіи	11
— Наша учебная литература	16

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С. Л. Чудновскій. Школы въ Сибири.	1
Л. Л--ръ. Письмо изъ Парижа	46
В. И. Лавинскій. А. А. Потемна (некрологъ)	66
К. И. Вестужевъ-Рюминъ. Н. А. Поповъ (некрологъ)	73
Л. М. Д. П. Лебедевъ (некрологъ)	76

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. В. Майковъ. О не дошедшихъ до насъ проведеніяхъ Пандара	1
И. А. Ровинскій. Продолженіе раскопки древней Діоклен.	16
В. Л. Эпиграфическая записка	36
И. И. Ланге „Первая аналитика“ Аристотеля (продолженіе).	37

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

И. А. Любимовъ. Исторія физики	1
--------------------------------	---

Редакторъ **В. Васильевскій.**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (5-го октября 1891 года). *Объ утвержденіи новаго рисунка медали для лицъ, отлично окончивающихъ курсъ въ гимназическихъ классахъ лица Цесаревича Николая.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 5 день октября 1891 года, Высочайше соизволилъ на утвержденіе предложеннаго директоромъ лица Цесаревича Николая новаго рисунка медали для лицъ, отлично окончивающихъ курсъ въ гимназическихъ классахъ сего лица.

О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 19-го октября 1891 года, донесъ правительствующему сенату, представивъ, въ копіи, рисунокъ медали и описаніе ея.

Описаніе медали для награжденій лицъ, съ отличіемъ окончивающихъ курсъ въ гимназическихъ классахъ лица Цесаревича Николая.

Размѣръ медали предполагается въ величину представляемаго рисунка. На лицевой сторонѣ рельефное изображеніе въ Вѣнѣ почивающаго Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и такая же надпись: вверху Е. И. В., внизу Цесаревичъ Николай. На оборотной сторонѣ рельефные инициалы лица подъ великовняжескою короною, а подъ инициалами надпись „преуспѣвающему“.

Медаль не подлежитъ ношенію и въ видѣ общихъ знаковъ отличія.

2. (22-го октября 1891 года). *Объ устройствѣ въ 1892 г. въ г. Москвѣ международныхъ конгрессовъ по доисторической археологіи, антропологіи и зоологіи.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 22 день октября 1891 года Высочайше соизволилъ на устройство въ 1892 году въ г. Москвѣ международныхъ конгрессовъ по доисторической археологіи, антропологіи и зоологіи.

3. (21-го ноября 1891 года). *О причисленіи шималыхъ училищъ Закаспійской области, въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, къ IV разряду.*

Руководствуясь Высочайше утвержденнымъ, 19-го ноября 1877 года, мѣшнѣежъ государственнаго совѣта о порядкѣ причисленія училищъ къ IV разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, министръ народнаго просвѣщенія, по предварительномъ сношеніи съ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ и по соглашенію съ военнымъ министерствомъ, признавъ возможнымъ причислить къ означенному разряду въ отношеніи упомянутыхъ льготъ какъ начальное училище, существующее въ Узунъ-Ада, Закаспійской области, такъ и вообще всѣ начальныя училища названной области, курсъ коихъ не ниже курса, установленнаго для таковыхъ училищъ Высочайше утвержденнымъ, 25-го мая 1874 года, положеніемъ о сихъ училищахъ или Высочайше утвержденною, 4-го июня 1875 г., инструкціею для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Объ этомъ министръ народнаго просвѣщенія, 21-го ноября 1891 года, донесъ правительствующему сенату, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го октября 1891 года). *Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи Н. Т. Рязанова за лучшую „исторію Финляндіи для школъ“.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ видахъ распространенія правильныхъ историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ финляндскаго края, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, по желанію и на средства домо-

владѣльца г. Гельсингфорса Николая Тимоѣевича Рѣваго, при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія назначается единовременная денежная премія въ *восемьсотъ рублей* за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языкѣ.

2) Дабы удостоиться преміи Н. Т. Рѣваго, означенное сочиненіе должно удовлетворять, между прочимъ, слѣдующимъ условіямъ:

а) Исторія Финляндіи должна быть изложена отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

б) Въ сочиненіи съ особенною подробностью должны быть изложены судьбы православной вѣры въ Финляндіи и событія, касающіяся сношеній съ Финляндією сѣверно-русскихъ областей въ древнѣйшее время и распространенія въ Финляндіи русской власти въ позднѣйшія времена, и

в) Сочиненіе должно представлять собою не учебникъ, а книгу для чтенія въ школахъ и дома; книга эта должна быть изложена по-русски общепонятнымъ языкомъ, такъ, чтобы она могла быть доступна для чтенія учащимся не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ.

3) Сочиненіи для соисканія означенной преміи представляются въ ученый комитетъ не позднѣе 31-го декабря 1892 г. въ печатномъ видѣ, или же въ рукописи, при чемъ рукопись должна быть написана опрятно и разборчиво.

4) Сочиненіе, какъ печатное, такъ и рукописное, можетъ быть представлено безъ означенія имени автора, подъ какимъ либо девизомъ и съ приложеніемъ запечатаннаго пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

5) Въ случаѣ одобренія сочиненія, представленнаго въ рукописи, на автора возлагается обязанность прежде полученія преміи представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, въ видѣ пособія на печатаніе, половина преміи, то-есть 400 р., можетъ быть выдана автору до появленія его труда въ печати.

6) Для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій ученый комитетъ назначаетъ изъ числа своихъ членовъ и постороннихъ, буде понадобится, лицъ особую комиссію, предсѣдатель и члены которой утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. По разсмотрѣніи сихъ сочиненій и по обсужденіи ихъ достоинствъ, заключеніе свое касательно присужденія преміи означенная комиссія представляетъ на разсмотрѣніе ученаго комитета, опредѣленіе ко-

торого по сему предмету представляется на утверждение г. министра народнаго просвѣщенія.

7) На разсмотрѣніе сочиненій въ комиссіи полагается не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ученый же комитетъ свое о нихъ заключеніе представляеть г. министру народнаго просвѣщенія въ теченіе мѣсячнаго затѣмъ срока.

8) О результатахъ конкурса печатается во всеобщее свѣдѣніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, подробная же рецензія сочиненія, удостоеннаго преміи Н. Т. Рѣваго, послѣдъ затѣмъ печатается въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

9) Въ случаѣ, еслибы ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ вышеозначенному въ ст. 3-й сроку (31-го декабря 1892 г.), не было удостоено преміи Н. Т. Рѣваго, соисканіе оной отсрочивается на дальнѣйшее время по указанію ученаго комитета, который, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать болѣе подробныя указанія относительно условий, коимъ подобное сочиненіе должно удовлетворять.

2. (20-го октября 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ильича Щуцкаго.*

(Утверждено г. управленіемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты отъ капитала а) въ 2.500 руб., отказаннаго покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Ильичемъ Щуцкимъ и б) въ 2500 руб., пожертвованнаго сестрою его, Михаиною Ильиничною Осипчукъ, учреждается при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ильича Щуцкаго для бѣдныхъ студентовъ, преимущественно римско-католическаго вѣроисповѣданія, отличныхъ по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, при чемъ преимуществомъ пользуются уроженцы г. Баку.

§ 2. Г-жа Михаилина Осипчукъ оставляетъ за собою право назначать разновременно, двухъ кандидатовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, отличныхъ по поведенію и удовлетворительныхъ по успѣхамъ въ наукахъ, хотя бы и не изъ уроженцевъ г. Баку. Указаніе Г-жею Осипчукъ кандидаты обязательно принимаются на стипендію и пользуются ею въ теченіе полнаго университетскаго курса: пяти лѣтъ на медицинскомъ и четырехъ на прочихъ факультетахъ.

Кандидаты могутъ быть указаны Г-жею Осипчукъ и заблаговременно, но еслибы въ назначенный годъ указанный кандидатъ, по какимъ либо обстоятельствамъ, не поступилъ въ Варшавскій уни-

верситетъ, то стипендія, за данный годъ, можетъ быть предоставлена лицу по избранію университета.

Еслибы назначенный Г-жею Осичуку кандидатъ оставилъ университетъ до окончанія полнаго курса, то на остающемся число лѣтъ Г-жѣ Осичуку предоставляется право указать другаго кандидата.

Указаніемъ двухъ стипендіатовъ на вложенныхъ выше основаніяхъ всѣ права Г-жи Осичуку на учреждаемую стипендію прекращаются и назначеніе ея переходитъ къ начальству университета на основаніи существующихъ постановленій.

§ 3. Первоначальный размѣръ стипендіи опредѣляется въ триста рублей.

§ 4. Стипендія открывается въ то время, когда пожертвованный Щукинъ и Осичуку капиталъ, чрезъ приращеніе ежегодно получаемыми процентами или дополнительнымъ взносомъ, предполагаемымъ Г-жею Осичуку, достигнетъ таковой суммы, что количество доставляемыхъ имъ процентовъ составитъ 300 руб. въ годъ.

§ 5. Образовавшіеся какимъ либо способомъ остатки отъ стипендіи, могутъ быть употреблены, по усмотрѣнію правленія университета, для выдачи стипендіату единовременнаго пособія при окончаніи имъ университетскаго курса или же присоединяются къ основному капиталу стипендіи.

§ 6. Если капиталъ съ присоединяемыми къ нему остатками не выданныхъ стипендій возрастетъ до того, что ежегодно получаемые съ него проценты дойдутъ до шестисотъ руб., то правленію университета предоставляется назначить втораго стипендіата на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены настоящими правилами.

§ 7. Стипендіальный капиталъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ильича Щуцкаго хранится въ Варшавской конторѣ государственнаго банка въ билетахъ восточнаго займа или другихъ государственныхъ % бумагъ и составляетъ спеціальныя средства Императорскаго Варшавскаго университета.

3. (2-го ноября 1891 года). *Правила о стипендіяхъ, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ капитала въ двадцать тысячъ рублей, пожертвованнаго кандидатомъ правъ Михаиломъ Герасимовичемъ Коммиссіонаремъ и заключающагося въ двухъ 4% билетахъ внутренняго займа №№ 1703601 и 1703701, по 10.000 рублей каждый.*

(Утверждены г. управленіемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала въ 20.000 р. учреждаются при

Московскомъ университетѣ дѣй стипендіи „Александра Герасимовича Коммиссара“.

2) Размѣръ каждой стипендіи 360 р. въ годъ, или по 30 руб. въ мѣсяць.

3) Стипендіи, согласно волѣ жертвователя капитала, назначаются студентамъ историко-филологическаго факультета, христіанскаго вѣроисповѣданія, при соблюденіи слѣдующихъ условій:

4) Одна стипендія назначается студенту историческаго отдѣленія, имѣющему 4 зачетныхъ семестра, впродъ до окончанія курса, при условіи успѣшнаго прохожденія университетскаго курса.

5) Другая стипендія назначается съ 1 семестра и также до окончанія курса при томъ же условіи.

6) При избраніи кандидатовъ на стипендіи принимаются за основаніе бѣдность и хорошіе успѣхи, оказанные студентомъ при зачетѣ 4 семестра по историческимъ предметамъ, а для вновь поступившаго— въ гимназій; при чемъ обращается вниманіе въ аттестатѣ зрѣлости на отиѣтки по русскому языку и исторіи.

7) Стипендіаты лишаются стипендій, если по неуспѣшности не будутъ удовлетворять правиламъ о зачетѣ полугодій и о полукурсовыхъ испытаніяхъ, а также въ случаѣ недобрыяго поведенія.

8) Такъ какъ доходъ съ капитала, за вычетомъ изъ процентовъ государственнаго налога, составляетъ 760 р., а въ стипендіи будетъ назначаться 720 руб., то остающіяся деньги по 20 р. въ годъ отъ каждой стипендіи выдаются одновременно по окончаніи курса— получавшему стипендію 2 года—40 рублей, а получавшему 4 года—80 рублей.

9) Если же стипендіатами окажутся неуспѣшные студенты, которые будутъ лишены стипендій,—то означенные въ предмышлемъ § остатки отчисляются въ общую сумму пособій, выдаваемыхъ университетомъ.

10) Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ учредителю стипендій кандидату правъ Михаилу Герасимовичу Коммиссарову по соглашенію съ правленіемъ университета, а послѣ его смерти Обществу вспоможенія недостаточнымъ студентамъ Московскаго университета тоже по соглашенію съ правленіемъ университета.

11) Поэтому при освобожденіи стипендій сообщается отъ университетской инспекціи М. Г. Коммиссарову, а по его смерти упомянутому обществу.

4. (3-го ноября 1891 года). *Положеніе о стипендіи Имени въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, на проценты съ капитала, пожертвованнаго чинами С.-Петербургской судебной палаты и окружного суда, прокурорскаго надзора, при сихъ судебныхъ мѣстахъ состоящая, и присяжными поверенными округа той же судебной палаты, съ ихъ помощниками.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго чинами С.-Петербургской судебной палаты и окружного суда, прокурорскаго надзора, при сихъ судебныхъ мѣстахъ состоящаго, и присяжными поверенными округа той же судебной палаты, съ ихъ помощниками, учреждается, по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія дѣятельности означенныхъ судебныхъ мѣстъ, съ состоящими при нихъ установленіями, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, стипендія Имени въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ трехъ государственныхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ втораго выпуска (4 десятилѣтіе) за № 004931—на пять тысячъ рублей, за № 033793—на одну тысячу рублей и за № 148102—на сто рублей, а всего на сумму шесть тысячъ сто рублей, съ двадцатью купонами при каждомъ билетѣ, причисляется къ спеціальнымъ средствамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога въ пользу казны, употребляются, прежде всего, на уплату университету за право слушанія стипендіатомъ лекцій. Остающаяся за симъ свободная сумма предназначается на выдачу, по усмотрѣнію университетскаго правленія, пособій стипендіату въ теченіе учебнаго года. Если же стипендіатъ будетъ освобожденъ университетскимъ правленіемъ отъ платы за право слушанія лекцій, то всѣ причитающіеся въ годъ проценты съ капитала употребляются на выдачу стипендіату, по возможности въ равныхъ частяхъ, за каждый мѣсяцъ впередъ, денежныхъ пособій.

§ 4. Назначеніе стипендіи производится на основаніи п. 4, § 3 дѣйствующаго университетскаго устава (23-го августа 1884 года).

§ 5. Право избранія кандидата принадлежитъ особому комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя С.-Пе-

тербургской судебной палаты изъ прокурора той же палаты, предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда и предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при С.-Петербургской судебной палатѣ, по согласію съ правленіемъ С.-Петербургскаго университета, при чемъ стипендіатами избираются сыновья бѣднѣйшихъ чиновъ служащихъ или ранѣ служившихъ въ С.-Петербургской судебной палатѣ и окружномъ судѣ и въ составѣ принадлежащихъ къ нимъ установленныхъ, или же сыновья бѣднѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, состоящихъ или ранѣ состоявшихъ въ округѣ той же судебной палаты.

§ 6. Право на полученіе стипендіи сохраняется за избраннымъ стипендіатомъ во все время университетскаго курса. Периодъ этотъ считается четырехлѣтнимъ. Право пользоваться стипендіею въ болѣе продолжительное время имѣеть лишь тотъ стипендіатъ, коего занятія были приостановлены или болѣзнь (удостоверенною надлежащимъ порядкомъ), или не зависящими отъ воли его причинами, на примѣръ, измѣненіемъ устава университета, увеличеніемъ курсовыхъ занятій, или приостановкой лекцій университета на продолжительное время.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата, по окончаніи университетскаго курса, никакихъ обязательствъ.

§ 8. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незабѣженія соей стипендіи, приобщаются къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Избранный на означенную стипендію кандидатъ именуется стипендіатомъ Имени въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II.

5. (24-го ноября 1891 год.). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ имени Михаила Ивановича Доброхотова, перваго предсѣдателя Московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендія имени Михаила Ивановича Доброхотова, перваго предсѣдателя Московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ — учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, собранный присяжными повѣренными округа Московской судебной палаты, заключающійся въ облигаціяхъ четвертаго 4% внутренняго займа, на сумму четыре тысячи сто рублей.

§ 2. Капиталь стипендіи можетъ быть увеличенъ до шести ты-

сятъ рублей: а) чрезъ пожертвованія присяжными повѣренными округа Московской судебной палаты, б) присоединеніемъ къ капиталу процентовъ въ томъ случаѣ, когда стипендія останется не замѣщенной.

Примѣчаніе. Пожертвованія, по мѣрѣ ихъ поступленія, представляются совѣтомъ въ управленіе университета для присоединенія ихъ къ капиталу.

§ 3. Стипендія эта назначается дѣтямъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія. При неизмѣнн кандидатовъ изъ семействъ присяжныхъ повѣренныхъ, стипендія можетъ быть назначена дѣтямъ бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

§ 4. При неизмѣненіи стипендіи по отсутствію кандидатовъ, проценты присоединяются къ капиталу стипендіи; когда же капиталъ достигнетъ шести тысячъ рублей, проценты, при неизмѣненіи стипендіи, поступаютъ въ распоряженіе управленія университета и употребляются на взносъ за недостаточныхъ студентовъ юридическаго факультета платы за слушаніе лекцій.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты, по соглашенію съ правленіемъ университета, при чемъ предпочтеніе дается студенту юридическаго факультета.

§ 6. Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ университета до полного окончанія курса, правленіе университета увѣдомляетъ совѣтъ для замѣщенія стипендіи новымъ кандидатомъ.

6. (28-го ноября 1891 года). *Положеніе о стипендіяхъ, въ память двадцатипятилѣтія существованія Общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербурѣ, при С.-Петербургскомъ Владимірскомъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го октября 1881 года учреждаются при С.-Петербургскомъ Владимірскомъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи въ память двадцатипятилѣтія существованія Общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербурѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двѣсти рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью названнымъ Обществомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двѣнадцати облигаціяхъ третьяго 4% внутренняго займа, по сто рублей каждая, оставался навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ гу-

бернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ городского училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. поступленію въ казну, выдаются избраннѣмъ стипендіатамъ для взноса платы за ученіе и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа сыновей и родныхъ братьевъ дѣйствительныхъ членовъ названнаго общества, христіанскаго вѣроисповѣданія, принадлежитъ правленію сего общества, которое представляетъ къ приемнымъ испытаніямъ въ училище по три кандидата на каждую стипендію и назначаетъ стипендіатами тѣхъ изъ нихъ, которые лучше прочихъ выдержатъ испытаніе.

§ 5. Въ случаѣ, если никто изъ представленныхъ обществомъ кандидатовъ не выдержитъ приемнаго испытанія, проценты со стипендіальнаго капитала за этотъ годъ, равно какъ и всѣ остатки, могущіе образоваться по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія стипендій.

§ 6. Въ случаѣ превращенія существованія Общества въпомощенія привацникамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, право избранія стипендіатовъ изъ числа дѣтей бѣднѣйшихъ привацниковъ христіанскаго вѣроисповѣданія, по удостовѣренію С.-Петербургской купеческой управы, или замѣняющаго ее учрежденія, переходитъ къ педагогическому совѣту Владимірскаго городского училища.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія С.-Петербургскаго Владимірскаго городского училища въ учебное заведеніе другаго типа, стипендіальный капиталъ передается по усмотрѣнію Общества, пока оно существуетъ, а въ случаѣ закрытія его по усмотрѣнію правительства, въ такое учебное заведеніе, которое будетъ наиболѣе соотвѣтствовать нуждамъ отечественной промышленности и торговли.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

7. (30-го ноября 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени дочери штабсъ-капитана двинцы Евгеніи Григорьевны Муслиуз при Николаевской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждается при Николаевской Маріинской женской гимназіи одна стипендія имени умершей дочери штабсъ-капитана, дѣвicy Евгеніи

Григорьевны Мустаецъ на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи двѣсти рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью ея матерью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 4%, внутренняго займа, составляетъ неотъемлемую собственность гимназій и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 2-го мая 1885 г. удержанію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки, остальныя же деньги выдаются ей на руки.

§ 4. Прямо избранія стипендіатки посредствомъ жребія изъ числа отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ недостаточныхъ ученицъ гимназій православнаго исповѣданія, а также и право лишенія ея стипендіи, въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ и поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Стипендіатка, если она останется на 2-й годъ въ томъ же классѣ по причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ уважительными, не лишается стипендіи.

§ 6. Разъ избранная стипендіатка пользуется стипендіей до окончания полнаго VIII класснаго курса гимназій, или же до выхода изъ нея по какимъ-либо причинамъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Первою стипендіаткою назначается жертвовательницей дочь отставнаго инженеръ-полковника Никонова — Варвара Никонова, при чемъ, если Варвара Никонова въ теченіе 1891—1892 учебнаго года не поступитъ въ число ученицъ Николаевской Маріинской женской гимназій, стипендія считается свободною и поступаетъ въ распоряженіе педагогическаго совѣта гимназій, а накопившіяся въ теченіе того же учебнаго года проценты выдаются по опредѣленію педагогическаго совѣта одной изъ блднѣйшихъ ученицъ гимназій православно-наго исповѣданія.

8. (30-го ноября 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени жены подполковника Наталы Александровны Волоцкой при Грязовецкой женской прогимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Грязовецкой женской прогимназій учреждается, на счетъ про-

центовъ съ капитала въ 300 рублей, пожертвованнаго попечительницей названной прогимназіи вдовою подполковника Натальей Алексѣвной Волоцкой, одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ облигаціяхъ третьяго 4%, внутреннего займа 1891 г., по сто рублей каждая, составляетъ неотъемлемую собственность Грязовецкой прогимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ этого учебнаго заведенія.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удорожаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. вступленію въ казну, употребляются на износъ платы за ученіе одной изъ бѣднѣйшихъ, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, ученицъ прогимназіи, безъ различія сословія, преимущественно же изъ сиротъ или дѣтей жителей города и его уѣзда.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту прогимназіи.

§ 5. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, или по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

9. (9-го декабря 1891 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Ивановича Акатьева.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію потомственной почетной гражданки Елисаветы Александровны Акатьевой, при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ учреждается стипендія въ память покойнаго потомственнаго почетнаго гражданина Николая Ивановича Акатьева изъ процентовъ съ капитала въ 6000 руб., представленнаго душеприкащикомъ Е. А. Акатьевой и обращеннаго въ государственныя процентныя бумаги.

§ 2. Стипендія имени Николая Ивановича Акатьева находится въ пользованіи факультетовъ по очереди, въ порядкѣ, въ какомъ факультеты значатся въ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, съ тѣмъ, чтобы въ распоряженіи каждаго факультета по очереди стипендія была въ теченіе трехъ и ни въ какомъ случаѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ стипендія передается въ

распоряженіе слѣдующаго факультета. До истеченія трехлѣтняго срока стипендія передается въ распоряженіе другаго факультета только тогда, когда на очередномъ факультетѣ не окажется студентовъ, удовлетворяющихъ условіямъ для полученія стипендіи. О переходѣ стипендіи изъ одного факультета въ другой правленіе утѣмляетъ соответствующіе факультеты.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ получающихся на завѣщанный капиталъ процентовъ.

§ 4. Стипендіи имени Н. И. Акатьева назначаются на основаніи общихъ дѣйствующихъ нынѣ правилъ о стипендіяхъ и нособіяхъ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи вслѣдствіе незамѣненія ея, или по какой либо другой причинѣ, присоединяются къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго можетъ быть увеличенъ и размѣръ стипендіи.

§ 6. Студентъ, получающій стипендію Н. И. Акатьева, имѣется, во время пользованія ею, стипендіатомъ Н. И. Акатьева и никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіею не подлежитъ.

10. (9-го декабря 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени почетнаго Дмитровскаго приходскаго училища почетнаго гражданина города Дмитрова Филиппа Филипповича Бордмана при Дмитровскомъ уѣздномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. учреждается при Дмитровскомъ уѣздномъ училищѣ одна стипендія имени почетнаго гражданина города Дмитрова Филиппа Филипповича Бордмана, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., пожертвованныхъ почитателями Бордмана въ засвидѣтельствованіе ему благодарности за постройку зданія для уѣзднаго училища и квартиръ для учителей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Дмитровскаго уѣзднаго училища.

§ 3. Изъ процентовъ съ капитала, за удержаніемъ 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., вносится плата за ученіе за одного изъ

бѣдныхъ учениковъ училища и покупаются ему всѣ книги и учебныя пособія.

§ 4. Выборъ стипендіата изъ воспитанниковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, предоставляется Бордману, если онъ того пожелаетъ, а затѣмъ педагогическому совѣту уѣднаго училища, если Бордманъ откажется отъ назначенія своего стипендіата.

§ 5. Пользованіе стипендіею никакихъ обязательствъ на стипендіата не налагаетъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія уѣднаго училища въ городское по положенію 1872 г., капиталъ переходитъ въ собственность городского училища и служитъ для той же цѣли, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, и продолжаетъ носить имя почетнаго гражданина города Дмитрона Филиппа Филипповича Бордмана.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3-го декабря 1891 года. *Утверждены:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій* и профессоръ С.-Петербургскаго Технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бейльштейнъ*—въ званіи заслуженнаго профессора: первый—съ 10-го и второй—съ 24-го сентября 1891 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Востокъ*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета на три года, съ 26-го октября 1891 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Котошниковъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ діагностики, съ 1-го октября, и докторъ философіи *Гаусслейтеръ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ историческаго богословія, съ 10-го ноября 1891 г.; магистръ богословія, протоіерей *Тихвинскій*—профессоромъ богословія Демидовскаго юридическаго лица, съ 26-го октября 1891 г., директоръ Вильской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Розановъ*—директоромъ Александровской гимназіи смоленскаго земства, въ городѣ Вязьмѣ, съ 31-го октября 1891 г.; инспекторъ Евлаторійской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Друговъ*—и преподаватель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, статскій

совѣтникъ *Гвоздевъ*—директорами прогимназій: первый—Аккерманской, съ 31-го октября, и второй—Вѣльской, съ 5-го ноября 1891 г.; коллежскій ассессоръ *Карпичевъ*, коллежскій регистраторъ *Францовъ* и потомственный почетный гражданинъ *Наставинъ*—почетными почетителями прогимназій на три года: первый—Рославльской, второй—Одесской 2-й и третій—Касимовской; инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи *Стороженко*—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, съ 11-го октября 1891 года.

Назначены: доцентъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины *Опенховскій*, прозекторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра *Жимовичъ*, приватъ-доцентъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, надворный совѣтникъ *Малиновскій* и Деритскаго, *Гуляевъ*—звѣстующими профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Харьковскаго, по кафедрѣ госпитальной терапевтической клиники, съ 28-го ноября, второй—св. Владиміра, по кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи, съ 7-го октября, третій—Казанскаго, по кафедрѣ оперативной хирургіи, съ 19-го ноября, и четвертый—Деритскаго, по кафедрѣ римскаго права, съ 20-го ноября 1891 г.; доцентъ Кіевской Духовной Академіи, магистръ *Голубевъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра по кафедрѣ исторіи церкви, съ 11-го ноября 1891 г.; профессора практическихъ технологическихъ институтовъ: С.-Петербургскаго, статскій совѣтникъ *Гезекусъ* и Харьковскаго, статскій совѣтникъ *Пономаревъ*—помощниками директоровъ сихъ институтовъ: первый—съ 15-го и второй—съ 1-го октября 1891 г., съ увольненіемъ Пономарева отъ должности совѣтара учебнаго комитета Харьковскаго технологическаго института; правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Цендикевичъ*—начальникомъ Сувалкской учебной дирекціи, съ 15-го ноября 1891 г.; начальникъ отдѣленія канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Эймонтъ*—правителемъ сей канцеляріи, съ 15-го ноября 1891 г.; штатный смотритель Летичевскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Борышкевичъ*—исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, съ 20-го ноября 1891 года.

Опредѣленъ, изъ отставныхъ, коллежскій совѣтникъ *Страусъ* — вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ опому, съ 4-го сентября 1891 года.

Оставлены на службу: директоръ Красноярской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Савенковъ*—на одинъ годъ, съ 26-го мая; директоръ гимназій: С.-Петербургской десятой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Костевъ*, съ 1-го сентября, и Вятской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Нурминскій*, съ 20-го ноября, и директоръ народныхъ училищъ: Ярославской губерніи, статскій совѣтникъ *Гедосльевъ*, съ 12-го октября, и Минской дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимовцевъ*, съ 20-го ноября 1891 г., всѣ четверо—на три года; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мельниковъ*, съ 21-го сентября, и св. Владимира, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Владиміревскій-Будановъ*, съ 13-го октября, и *Бунге*, съ 10-го ноября; директоръ гимназій: Московской второй, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гулевичъ*, съ 19-го октября, Глуховской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лазаренко*, съ 11-го октября, Царицынской, статскій совѣтникъ *Третьяковъ*, съ 14-го сентября, Тифлисской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковъ*, съ 19-го октября, и Рижской Александровской, статскій совѣтникъ *Бьялевскій* со 2-го ноября; директоръ реальныхъ училищъ: Костромскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бумахъ*, съ 22-го ноября 1891 г., и Роменскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дьяченко*, со 2-го декабря 1890 г., директоръ Киржачской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Тяжеловъ*, съ 18-го ноября, и директоръ народныхъ училищъ Эриванской и Елисаветпольской губерній, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Орловъ*, со 2-го ноября 1891 г., всѣ двѣнадцать—на пять лѣтъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Герге* и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Кузнецовъ*, по выслугѣ 30 лѣтъ по ученой части, первый—съ 6-го сентября, и второй—съ 28-го ноября 1891 года.

Командированы съ ученою целью: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Дьяконовъ*—въ С.-Петербургъ и Москву, на четыре мѣсяца, съ 1-го февраля 1892 г., и кандидатъ филологіи *Вульфбусъ*—внутри Имперіи, на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1891 года.

Продолженъ срокъ отпуски директору Читинской мужской гим-

назін, статскому совѣтнику *Вирману*—въ разныя губерніи Европейской Россіи, на шесть мѣсяцевъ, съ 3-го февраля 1892 года.

Уволены въ отпускъ: а) *въ Россіи:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Кименскій*—на двѣ недѣли; директоры гимназій: Слудкой, коллежскій совѣтникъ *Ивановскій* и Лодзинской мужской, статскій совѣтникъ *Рождественскій* и директоръ Херсонскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Месняевъ*—на зимнее вакаціонное время 1891—1892 гг.; начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Акиллевъ*—съ 10-го декабря 1891 г. по 1-е января 1892 г.; директоръ Ровенскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Людкевичъ* и директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи и Уральской области статскій совѣтникъ *Осминовскій*—на 28 дней и директоръ Бердянской гимназій *Бронницкій*—на три мѣсяца, и б) *за границею:* доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Штадельманъ*—на двѣ недѣли; проректоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Вильницъ*, ординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ *Тома* и учитель Варшавской VI мужской гимназій, статскій совѣтникъ *Гольдбергъ*—на зимнее вакаціонное время 1891—1892 г.; учитель Ромненскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Каура*—на зимнее вакаціонное время 1891—1892 г. и 14 дней; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, губернской секретарь *Пенскій* и секретарь совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Орловъ*—на два мѣсяца.

Уволены: Профессоръ богословія Денидовскаго юридическаго лицей, магистръ *Смирновъ* и помощникъ директора С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Либзинъ*, согласно прошеніямъ, отъ настоящихъ должностей, первый—съ 1-го и второй—съ 15-го октября 1891 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, деканъ юридическаго факультета сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Болдиноскій*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сонинъ* и Дерптскаго, статскій совѣтникъ *Дитятинъ* и начальникъ Сувалкской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Юрковичъ-Лузановскій*—отъ службы: первый—съ 1-го декабря, второй—съ 23-го ноября, оба—согласно прошеніямъ, третій—по болѣзни, съ 10-го ноября, и четвертый—согласно прошенію, по болѣзни, съ 15-го ноября

1891 г., съ дозволеніемъ Солину и Юркевичу-Пузановскому носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенныя.

Объявлены признательность министерства народнаго просвѣщенія: учителямъ нѣмецкаго языка: Тамбовской мужской гимназіи—*Шрейберу* и Тамбовскаго реальнаго училища—*Юхансену* за успѣшную педагогическую ихъ дѣятельность; дѣйствительному статскому совѣтскому совѣтнику *Николю Торценко*, за денежное пожертвованіе на церковную утварь для вновь сооружаемой церкви при Кіевскомъ реальномъ училищѣ; потомственному почетному гражданину *Бродскому*, за денежное пожертвованіе на дополнительныя работы по постройкѣ зданія для Златопольской гимназіи; почетнымъ блюстителемъ Челябинскихъ 2-го мужскаго и 2-го женскаго приходскихъ училищъ *Ивану* и *Владимиру Покровскимъ*, за пожертвованія ихъ въ пользу сихъ училищъ и мѣстной Воскресенской школы; члену Мосальскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, Калужской губерніи, *Лопатину*, почетнымъ блюстительницамъ Александровскаго и Дмитріевскаго начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи, мѣстными землевладѣльницамъ *Муслицъ* и *Змучилло* и волостному писарю Лунговской волости, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи, крестыянину *Кобицкому*, за заслуги ихъ по дѣлу народнаго образованія; почетному блюстителю Вознесенскаго и Сергіево-посадскаго мужскихъ двухклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія *Миндеру* и попечительницамъ начальныхъ училищъ: при фабрикѣ товарищества тверской мануфактуры, Тверскаго уѣзда, *Морозовой* и Бобровскаго сельскаго, Ржевскаго уѣзда, *Рачинской*, за усердіе ихъ въ дѣлу народнаго образованія.

Исключены изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Степановъ*; заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кросновскій*; директоръ Вяземской гимназіи, статскій совѣтникъ *Заболотскій*; директоръ Аккерманской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Лавовскій* и почетный понечитель павлоградской прогимназіи *Воронинъ*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу *О. Кирхнера*. „Волѣзны и поврежденія нашихъ сельско-хозяйственныхъ культурныхъ растений. Руководство къ распознаванію ихъ и къ борьбѣ съ ними. Съ дополненіями применительно къ Россіи“, переводъ профессора *Губи* (Сиб. 1891 г. Цѣна 3 руб. 8⁰, XII и 630 стр.), одобрить для библіотекъ какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ), промышленныхъ училищъ, а также учительскихъ семинарій и институтовъ.

— „Полное собраніе проповѣдей *Димитрія*, архіепископа херсонскаго и одесскаго. Въ пяти томахъ. Томи: I и II. М. 1889.—Томи: III, IV и V. М. 1890 г.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ учебныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и шестиклассной прогимназіи *В. А. Соколовъ*. М. 1891. Стр. XII+492. Цѣна 1 р. 35 коп.“—допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособія для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Пѣснь о Нибелунгахъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средне-верхне-нѣмецкаго размѣромъ подлинника перевелъ *М. И. Кудръшевъ*. Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“. Сиб. 1890. стр. 437. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и учебныхъ (для старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки: „Наглядное обученіе русскому языку для употребленія въ приготовительныхъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа. Составили *Д. Л. Фрейфельдтъ* и *Н. О. Лиаровъ*. Въ двухъ отдѣлахъ: Отдѣлъ I. Человѣкъ и домашнія животныя. Изданіе 2-е. Ревель. 1890. стр. 112. Цѣна 40 коп.—Отдѣлъ II. Лѣсъ и лѣсные или дикіе животныя. Ревель. 1888. стр. 72. Цѣна 40 коп.“—допустить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

— Журналъ: „Филологическое Обзоріе. Журналъ филологів и

педагогика. Томъ 1, книга 1. Москва. 1891. Редакторы-издатели: учитель Московской 3-й гимназіи *Андрей Адольфъ* и приватъ-доцентъ Московскаго университета *Владиміръ Амслеръ*. Сроки выхода журнала четыре раза въ годъ. Цѣна съ пересылкой 6 руб. на годъ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Энеида Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ, съ введеніемъ и комментаріями. Издалъ *Д. П. Нагуевскій*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Казань. 1891. стр. XXVI+520. Цѣна 3 руб. 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Упраженія по греческой этимологій. Составилъ *Д-ръ Эустехъ Кохъ*, инспекторъ Петропавловскаго училища въ Москвѣ. Часть вторая. Курсъ четвертаго класса. Москва. 1891. стр. 128. Цѣна 75 коп.“ — одобрить, какъ учебное пособие по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ греческаго синтаксиса для гимназій. По *Wendt Griechische Schulgrammatik* и другимъ пособиямъ составилъ *Владиміръ Исаенковъ*, бывшій преподаватель древнихъ языковъ въ Москвѣ. Москва. 1891. стр. 152. Цѣна 80 коп.“ — одобрить въ качествѣ руководствъ по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Опытъ методики элементарнаго курса исторій. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматій изъ статей разныхъ авторовъ и бібліографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназій и педагогическаго класса Нижегородской Мариинской женской гимназій *А. Кролтицкій*. М. 1890. стр. XX+877. Цѣна 1 р. 80 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Систематическій курсъ древней исторій. Курсъ IV класса мужскихъ гимназій и прогимназій. (Составленъ примѣнительно къ новому учебному плану). *Николай Знойко*, преподаватель Одесской 2-й прогимназій Одесса. 1891. стр. VI+228. Цѣна 1 руб.“ — допустить въ видѣ руководствъ для гимназій и прогимназій.

— Книги: 1) „Грамоты и другіе историческіе документы, относящіеся къ Грузіи. Томъ I съ 1758 по 1774 годъ. Подъ редакцію *А. А. Цагарели*. Сиб. 1891. стр. LXXII—518“. — 2) „Сношенія Россіи съ

Кавказомъ. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ *Сергѣемъ А. Вьлокуровымъ*. Выпускъ I. 1578—1613 г. М. 1889. стр. СХХХ+584*—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа.

— Книга: 1) „*Neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von Mittelsteiner, Oberlehrer. II Theil. Lehrbuch. Moskau. 1889. стр. 108. Цѣна 40 коп.*— 2) *Neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch. Theil III. E. M. Mittelsteiner, Oberlehrer am Gymnasium Kreisman und an der Realschule Masing. Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ Э. Миттельштейнера, старшаго преподавателя гимназій Креймана и реальнаго училища Мазинга. Часть III. Москва. 1890. стр. IV+84. Цѣна 35 коп.*—допустить въ качествѣ руководства для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книга: „Учебникъ нѣмецкой грамматики для употребленія въ реальныхъ, коммерческихъ и военныхъ училищахъ, въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, въ институтахъ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ лицейхъ и при домашнемъ обученіи. *Lehrbuch der deutschen Sprache für den Schul, Privat—und Selbstunterricht. Составилъ Г. Беръ, учитель гимназій. Часть I. Этимология. Москва. 1890. стр. VI+77. Цѣна 40 коп.*—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книга: „Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Гростичъ*. Третья часть. Книга для чтенія и переводовъ, составленная примѣнительно къ новѣйшимъ учебнымъ программамъ для гимназій и реальныхъ училищъ. Москва. 1891. стр. XIV+267. Цѣна 90 коп.—одобрить, какъ учебное пособіе для низшихъ классовъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и допустить, какъ учебное пособіе для II и III классовъ мужскихъ гимназій.

— Книга: „Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекали*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. III курсъ. Москва. 1891. стр. X+182. Цѣна 80 коп.—допустить, какъ учебное пособіе въ реальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ.

— Книга: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Иоаннъ Аляксандровъ*, преподаватель Кишиневскаго реальнаго училища. Одесса. 1891. Часть I для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 4-е, исправленное изданіе, стр. IX+172. Цѣна 80 коп. и часть II для

среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 3-е, передѣланное изданіе. стр. X+257. Цѣна 1 рубль.—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книга: *Wilhelm Hauffe. Märchen für Söhne und Töchter gebildeter Stände.* Сказки *Вильгельма Гауффа.* Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Приспособилъ и снабдилъ словаремъ *С. Чекала,* инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища въ Москвѣ. Выпускъ I. Москва. 1891. стр. VIII+134. Цѣна 50 коп.—одобрить для употребленія въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи нѣмецкаго языка, а также для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки сихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книжки: 1) „Prof. Dr. *Otto Kohl, Griechische Uebungsbuch für Secunda neben und nach Xenophons Anabasis.* Halle. 1890.“ и 2) Dr. *Karl Meissner. Kurzgefasste lateinische Synonymik uebst einem Antibarbarus.* 4-te verbesserte Auflage. Leipzig. 1889.“—одобрить къ употребленію въ училищѣ св. Екатерины.

— Книгу: „Полный англо-русскій словарь, составленный *А. Александровымъ.* Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Сиб. 1891. въ 4-ю д. л. въ 2 столбца стр. 865 + 9. Цѣна 5 руб.“—одобрить, какъ учебное пособие при преподаваніи англійскаго языка въ реальныхъ училищахъ и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается англійскій языкъ, а также и для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій.

— Книгу: „*Е. Ф. Рейнбота:* Отвѣты на вопросы: какъ и възъ чего это“ дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. Изданіе седьмое, вполне переработанное, съ алфавитнымъ указателемъ и 125 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1891. стр. XVI+463“—одобрить: 1) для бібліотекъ промышленныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, для ученическихъ бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, и 2) какъ пособие при преподаваніи основаній товаровѣдѣнія и технологіи въ профессиональныхъ школахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— По доносенію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, постановленіемъ попечительскаго совѣта сего округа допущены къ упо-

требленію въ бібліотеки сельскихъ латышскихъ школъ онаго изданная состоящимъ при Рижскомъ латышскомъ обществѣ комитетомъ по изданію полезныхъ книгъ, книга подъ заглавіемъ: „Ihsa semkopības mahziba. Swarīgākais is semkopības un lopu kīmiņas“. (Краткое поученіе земледѣльцамъ. Главнѣйшія начала химіи по части земледѣлія и скотоводства).

— По донесенію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, постановленіемъ попечительскаго совѣта сего округа допущена къ употребленію въ тѣхъ начальныхъ училищахъ онаго, въ которыхъ преподается латышскій языкъ, составленная завѣдывающимъ Віталіскимъ двухкласснымъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія Юріемъ Калнинемъ книга подъ заглавіемъ: „Latwesechu waldas mahziba. Birmais rinkis. J. Kalnina. Riga. 1890“.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 6-го сентября 1891 года въ г. Рязани состоялось открытіе городского четырехкласснаго училища.

— 10-го октября 1891 года въ г. Аткарскѣ, Саратовской губерніи, открыто трехклассное городское по положенію 31-го мая 1872 г. училище.

— Съ 1-го августа 1891 года Екатеринодарское (Кубанской области) начальное училище преобразовано въ трехклассное городское по положенію 31-го мая 1872 года.

— 31-го октября 1891 года въ г. Ямбургѣ состоялось открытіе двухкласснаго городского по положенію 31-го мая 1872 г. училища.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 10-го минувшаго ноября послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ дер. Литовской Витѣ, Кіевской губерніи и уѣзда, при 37 учащихся.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 5-го минувшаго октября открыта въ поселкѣ Озерномъ, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, волостная русско-киргизская одноклассная школа.

ОБЩЕСТВО ВЪ ПАМЯТЬ АМОСА КОМЕНСКАГО.

По случаю предстоящей въ будущемъ 1892 году (16—28 марта трехсотлѣтней годовщины рожденія Амоса Коменскаго предполагается) учредить ученое общество его имени. Мысль эта, возникшая первоначально въ средѣ нѣмецкихъ ученыхъ, встрѣтила живое сочувствіе во всѣхъ странахъ Европы и Америки со стороны ученыхъ и любителей исторіи просвѣщенія, послѣднихъ подписаться подъ „Приглашеніемъ“ къ повсемѣтному празднованію годовщины и къ учрежденію Общества въ память великаго педагога. Такимъ образомъ, учреждаемое Общество еще въ самомъ зародышѣ приняло международный характеръ. По предположеніямъ, высказаннымъ въ „Приглашеніи“, Общество ставитъ себѣ цѣлю—содѣйствовать полному пониманію Коменскаго, какъ философа, богослова и педагога, не только въ ученомъ мірѣ, но и въ средѣ всѣхъ просвѣщенныхъ людей, которые въ наше время вездѣ столь отзывчивы, на вопросы, касающіеся воспитанія и преподаванія.

Средствомъ для достиженія означенной цѣли будетъ служить постепенное изданіе важнѣйшихъ сочиненій и писемъ, составляющихъ нынѣ библиографическую рѣдкость, какъ самого Коменскаго, такъ и нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ, учителей и единомыслящихъ ученыхъ. На первыхъ порахъ предполагается издавать особый журналъ—по нѣскольکو выпусковъ въ теченіе года,—который будетъ разсылаться членамъ Общества.

Согласно проекту устава, Общество составляютъ: 1) члены сотрудничества, принимающіе на себя разработку соотвѣствующихъ ученыхъ вопросовъ и изданіе трудовъ Общества; 2) члены покровители—такими могутъ быть, какъ отдѣльные лица, такъ и общественныя учрежденія, вносящія ежегодно по 100 германскихъ марокъ и пользую-

щіяся въ собраніяхъ Общества правомъ на семь голосовъ; 3) члены-основатели, вносящіе ежегодно по 10 германскихъ марокъ и пользующіеся правомъ на два голоса; накопецъ, 4) простые члены, вносящіе по 5 германскихъ марокъ ежегодно и пользующіеся правомъ на одинъ голосъ.

Кромѣ главнаго Общества, предполагается учредить и областныя Отдѣленія его, которыя, перечисляя известную часть взносовъ своихъ членовъ въ кассу главнаго Общества, будутъ получать всѣ изданія Общества. Эти областныя отдѣленія примутъ на себя заботу о томъ, чтобы знаменательный день 16—28 марта 1892 года былъ отпразднованъ подобающимъ его значенію образомъ.

ФИЛОСОФСКОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ XIV ВѢКѢ.

(Варлаамъ, Палама и приверженцы ихъ).

Заключительный отдѣлъ синодика.—Общій взглядъ на полемику между Г. Паламой и Варлаамомъ. 1) *Философское направленіе Варлаама*: діалогъ „Флорентій“.—Хронологическія данныя.—Значеніе діалога.—Изученіе астрономіи.—Византійская и западно-европейская философія.—Подрывъ авторитета Аристотеля.—Состояніе изученія философскаго движенія въ средніе вѣка.—Характеристики направленія и ученія Варлаама: Нила, Филоея, Кантакузина, Христула и др.—Связь философскихъ ученій съ догматикой.—Мнѣніи ученика Варлаама Акиндина.—Трактатъ о „существованіи и энергіи“.—Общія заключенія о направленіи Варлаама.—2) *Мысли Варлаама на Западъ и переговоры объ униі*.—Политическіе взгляды Варлаама, на основаніи его рѣчей и заключокъ, представленныхъ папѣ.—Униі съ точки зрѣнія римской курии: документъ 1462 года.—Сношенія Варлаама съ учеными итальянцами Перуджино и Петраркой.—Роль Варлаама въ возбужденіи интереса къ византійскимъ занятиямъ: Д. Пинаръ и Воккаціо.—3) *Философскія проблемы въ приложеніи къ догматику*.—Недостаточность и односторонность воззрѣній о началѣ богословской полемики: свидѣтельства Н. Григорія.—Хронологическія данныя въ исторіи полемики.—Письма Паламы.—Аеонскіе исихасты, мессалиане.—Переписка Акиндина, бросающая новый свѣтъ на отношенія между партіями.—Изложенія дѣиій собора 1341 года.—Положенію партій послѣ собора.—Значеніе политическихъ интересовъ въ полемикѣ.—Соборы 1347, 1351 и 1368 гг.

Рассмотрѣнный доселѣ отдѣлъ синодика явѣтъ то существенное отличіе, что находимые въ немъ имена и слѣды философскихъ системъ и еретическихъ ученій даютъ путеводную нить, по которой можно добратись до научныхъ идей и понятій, какими жило образованное византійское общество. Послѣ XII вѣка въ изучаемомъ нами памятникѣ явѣтся длинный черерѣвъ вплоть до тридцатыхъ годовъ XIV столѣтія. Нельзя, конечно, думать, что все это время оста-

лось бесплоднымъ въ византійскомъ мышленіи, что не было болѣе смѣлны идеи и живой борьбы въ-за философскихъ и богословскихъ понятій. Почему, однако, послѣдующее движеніе не нашло себѣ выраженія въ синодикѣ, это осталось не совсѣмъ яснымъ. Нужно пока остановиться на предположеніи, что въ XIII вѣкѣ, вслѣдствіе незавѣстныхъ причинъ, правительство приостановило продолжавшуюся доселѣ систему отлученія отъ церкви иномыслищихъ и не увеличивало синодика новыми статьями. Горячая богословская полемика, воевавшая между Паламой и Варлаамомъ и державшая въ напряженіи умы въ теченіе тридцати лѣтъ, выразилась въ переводномъ московскомъ синодикѣ въ очень слабой формѣ, которая далеко не можетъ дать идеи о томъ, что эта статья есть результатъ упорной борьбы, разбиравшейся на нѣсколькихъ соборахъ. Московскій синодикъ а) въ общихъ выраженіяхъ даетъ формулу отлученія Варлааму и Акиндину и приверженцамъ ихъ; б) тоже въ общихъ выраженіяхъ провозглашаетъ вѣчную память Паламѣ, солунскому митрополиту; в) резюмируетъ церковное ученіе о свѣтѣ Господня Преображенія. По этимъ весьма краткимъ намекамъ, которые нельзя даже назвать канвой, не возможно прійти къ уразумѣнію принциповъ, въ которыхъ исходила противоположная мнѣнія. Возникаетъ такимъ образомъ по отношенію къ этой части синодика вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится она къ соборнымъ дѣланіямъ. Статья о свѣтѣ Господня Преображенія въ Московскомъ синодикѣ излагается въ такой формѣ: „Славящимъ свѣтъ Господня Преображенія несозданенъ *преждереченнаго ради*“... Подчеркнутыя слова даютъ понять, что въ Московскомъ синодикѣ мы имѣемъ значительный пропускъ въ этомъ мѣстѣ, ибо статья ссылается на сказанное уже, то-есть, предполагаетъ выводъ изъ цѣлаго ряда положеній, которыхъ, однако, выше не приведено. Очевидно, въ греческомъ спискѣ, съ котораго сдѣлать переводъ, въ данномъ мѣстѣ не хватало нѣсколькихъ листовъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается другими русскими переводами, и именно Синодальнымъ спискомъ № 93 Патріаршей бібліотеки. На л. 551 здѣсь находимъ особое заглавіе: „На Варлаама и Акиндина главныи“, изъ чего явствуетъ, что существовали такіе греческіе синодики, въ которыхъ занимающему насъ вопросу отведено было самостоятельное и значительное мѣсто. Всего въ синодальномъ спискѣ приведено 16 статей противъ Варлаама, и въ этихъ статьяхъ изложены главные пункты его ученія.

Но если обратиться къ разсмотрѣнiю этихъ главъ, то прежде всего не можетъ не поражать способъ изложенiя протывоцерковнаго ученiя. Въ той формѣ, какъ изложены эти главы въ русскомъ переводномъ спискѣ, онѣ едва ли могутъ быть матеріаломъ для научныхъ выводовъ. Переводъ обличаетъ слишкомъ рабскую зависимость отъ греческаго оригинала и выдаетъ весьма неискусный подборъ русскихъ словъ для отвлеченныхъ философскихъ терминновъ. Возьмемъ для примѣра первую главу, хотя она ничѣмъ не хуже остальныхъ. „Съ вами мудрствующимъ и глаголющимъ просiявшему свѣту отъ Господа на божественномъ его преображенiи овогда убо быти мечтанiю и твари и призракъ вмалѣ явльшуся и разрушшуся вскорѣ, овогда же самому существу Божiю яко въ самую противнѣйшую умонордию и немощная всяко себе вмещающимъ, и се убо неистовствующимъ ариевымъ неистовствомъ на созданная и несозданная едино божество и единого Бога пресѣвающаго, се же массалианскимъ злочестiemъ согласующимся божественное существо видимое быти глаголющимъ, не исповѣдующимъ же по святымъ богодухновеннымъ богословiемъ и церковному благочестивому мудрованiю, ниже созданiю быти божественнѣйшему овому свѣту, ниже существу божiю, но несозданнѣй естественнѣй благодати и просiянiю и дѣйству отъ тогожде божественнаго существа неравнучно приспособу, анаеема трижды“. Вслѣдствiе довольно значительныхъ неясностей въ русскомъ переводномъ текстѣ, необходимо прежде всего отыскать оригиналъ, бывшiй подъ руками переводчика, чтобы при его посредствѣ восстановить смыслъ вѣсныхъ выраженiй. Хотя на помощь здѣсь съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ текстъ печатнаго синодика греческой редакцiи, заключающей всѣ главы противъ Варлаама и Акиндина, но этимъ не вполне разрѣшаются недоразумѣнiя, какъ скоро подлежитъ изслѣдованiю и происхожденiе самаго греческаго текста. Имѣя въ виду, что противъ Варлаама и Акиндина составляемо было нѣсколько соборовъ въ теченiе 30-лѣтней борьбы церковныхъ партiй, что рѣзкiя противоположности въ возрѣвнiяхъ вождей Наламы и Варлаама обнаружались не сразу, а съ постепеннымъ разгаромъ полемики, является далеко немаловажнымъ вопросъ о томъ, когда появилась окончательная редакцiя анаеematствованiя протнвъ Варлаама, сохранившаяся въ старопечатныхъ триодахъ и въ древнихъ русскихъ переводахъ. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ при изученiи литературныхъ данныхъ, относящихся къ полемикѣ, разборомъ которой мы будемъ заниматься ниже. Нужно сказать, что при изученiи борьбы

между Паламой и Варлаамомъ мы неожиданно попали на дѣлій рядъ такихъ любопытныхъ съ точки зрѣнія культуры фактовъ, которые побудили насъ значительно расширить первоначально намѣченныя рамки исследования и предпослать комментарий къ статьямъ синодана, осуждающимъ ученіе Варлаама, историко-литературный очеркъ, посвященный общей характеристикѣ Варлаама, какъ философа и политическаго дѣятеля. Побудившія къ тому обстоятельства заключаются въ слѣдующемъ.

Оказалось, что ожесточенная литературная борьба, завязавшаяся между Варлаамомъ и Паламой, не можетъ быть понята исключительно съ точки зрѣнія разностей въ богословскомъ направленіи, а обуславливается другими мотивами, которые привели въ движеніе и питали самую богословскую полемику. Послѣ того, какъ литературный споръ между Паламой и Варлаамомъ переведенъ былъ къ выисненію формулъ вѣрученія, наблюдается періодъ колебанія въ церкви, чьему ученію отдать предпочтеніе. Отъ 1341 по 1347 годъ вопросъ о православіи Паламы подвергался еще большому сомнѣнію, и никто не могъ рѣшительно утверждать, что его толкованіе этихъ формулъ возьметъ перевѣсъ надъ ученіемъ Варлаама. Партія Паламы получила преобладаніе тогда, когда Іоаннъ Кантакузій нашелъ полезнымъ воспользоваться ея вліяніемъ и значеніемъ для утвержденія своей власти. Слѣдательно, въ исторіи борьбы принималъ участіе политическій элементъ. Далѣе, нельзя оставлять безъ вниманія другихъ обстоятельствъ, относящихся къ области философскихъ воззрѣній и культурнаго направленія обоихъ соперниковъ; разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ можетъ пролить свѣтъ на начало и объяснить напряженіе борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, задолго еще до первыхъ полемическихъ статей, которыя собственно и обратили на себя вниманіе церковной власти, Варлаамъ пользовался извѣстностью, какъ учитель философіи. Его воззрѣнія, въ особенности же популярность, которою онъ пользовался, создали ему первыя непріятности, ибо туземное свѣтло, Н. Григора, чувствовалъ себя крайне оскорбленнымъ извѣстностью Варлаама и старался вредить ему. Еще важнѣе въ этомъ отношеніи то, что Варлаамъ является представителемъ западнаго направленія и сторонникомъ той партіи, которая искала сближенія съ папой. Принять на себя дипломатическую миссію въ Авиньонъ, Варлаамъ далъ противъ себя сильное оружіе византійской національной партіи, которая и воспользовалась этимъ, чтобы обвинить его въ латинствахъ. Именно эта послѣдняя сто-

рона его дѣятельности по преимуществу шла на себѣ освѣщеніе въ извѣстныхъ историко-литературныхъ памятникахъ византійскаго происхождения; первые же два элемента, оставшіеся въ тѣни, могутъ быть съ достаточною полнотою оцѣнены или на основаніи мало извѣстныхъ, или же еще не напечатанныхъ матеріаловъ. Прежде всего предлагаемъ характеристику философскаго направленія Варлаама, изъ которой должно выясниться взаимное отношеніе припавшихъ участіе въ борьбѣ лицъ.

1. Философское направленіе Варлаама.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для ознакомленія съ философскимъ направленіемъ Варлаама служитъ сочиненіе его ученаго соперника Никифора Григоры, подъ названіемъ „Флорентій“, или о мудрости. Принадлежитъ извѣстному византійскому писателю, хотя вѣдомо и враждебному Варлааму, составленное при томъ съ цѣлью предать имя Варлаама публичному осмѣянію, какъ поуча и выскочки, который надмевается своимъ якобы энциклопедическимъ образованіемъ и не знаетъ между тѣмъ самыхъ простыхъ началъ науки, это сочиненіе въ высшей степени интересно тѣмъ, что касается общихъ литературныхъ и культурныхъ вопросовъ того времени. „Тѣмъ, кто желалъ бы знать,—говоритъ Григора ¹⁾,—какъ ничтожество этого человѣка обличено было и осмѣяно, я могу рекомендовать діалогъ свой Флорентій“. Литературная особенность этого произведенія состоитъ въ томъ, что оно написано въ сатирическомъ тонѣ, и что собственныя имена въ немъ вымышлены. Въмѣсто Константинополя приводятся Аонны, на мѣсто современныхъ византійскихъ императоровъ Ираклиды и Кекрониды, самъ авторъ Григора является подъ именемъ Никагора, другъ его Θ. Метохитъ подъ именемъ Митродора; Варлаамъ выводится подъ именемъ Ксенофана. Имѣлъ ли мѣсто этотъ любопытный публичный диспутъ, объ этомъ трудно сказать; повидямому, онъ воспроизводитъ отношенія между лицами 1330 или 1331 года.

Діалогъ ведется между двумя лицами Флорентіемъ и Бритовуломъ и состоитъ въ слѣдующемъ;

¹⁾ *Nicéphori Gregorae, Historia* I, p. 556; II, p. 901. Единственное изданіе діалога находится въ *Archiv für Philologie und Pädagogik* herausgeg. v. Jahn und Klots, 10 Band, 1-er Heft, Leipzig, 1844 [Neue Jahrbücher, X Supplementband, erstes Heft]. Отрывки изъ діалога, не передающіе, впрочемъ, существеннаго, можно находить въ біографіи Григоры, въ Вонисскомъ изданіи его исторіи, и у *Parisot, Cantacuzène, homme d'état et historien*, l'aris, 1815, p. 328.

Флорентій. Жилъ въ Елладѣ нѣкто Ксенофанъ, сынъ Эрасимаха, выставившій себя великимъ знатокомъ мудрости. Сначала онъ посѣтилъ большой городъ Этолинъ Калидонъ, потомъ переселился въ другой, не менѣе извѣстный по изученію наукъ. *Кривоуль.* Откуда же происходилъ этотъ человекъ и какого онъ рода? *Флорентій.* Знаешь Тарентинскій заливъ и городъ въ сѣверной его части, колонію лакедемонцевъ? Мудрый Ксенофанъ происходилъ изъ Калабріи, по языку и по природѣ онъ латинянинъ и италіанецъ, но съ нѣкоторыми затрудненіями объясняется на эллинскомъ и на нашемъ туземномъ языкѣ ¹⁾. Свое философское образованіе онъ получилъ не въ Калабріи, а въ Италіи; при томъ же его философія ограничивалась знаніемъ только Аристотеля, и то не всего, а лишь его физики и силлогизмовъ, каковыя сочиненія въ особенности изучаются тамошними латинянами и италіанцами. Но и названныя сочиненія извѣстны тамъ не на аристотелевскомъ языкѣ, а въ старомъ сокращенномъ переводѣ на латинскій ²⁾. По природѣ любя прекрасное и восторгъ желаніе научиться эллинскому языку, онъ перагнѣшилъ языкъ и одежду, видъ и обычаи, ибо пересталъ брять бороду, снѣлъ латинскую одежду и одѣлся въ черную мантию. Изъ Калидона онъ переселился въ сессалискій городъ ³⁾, въ которомъ науки цѣнились больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь, пробывъ продолжительное время, значительно усовершенствовался въ знаніи эллинскаго языка, что сдѣлало его крайне высокоумнѣющимъ, такъ что себя онъ почиталъ обладателемъ всей мудрости, а къ другимъ относился слишкомъ прерзательно. Когда же до него дошелъ слухъ, что метрополія всякой мудрости Аонны ⁴⁾ ослабѣла философствующими людьми вслѣдствіе изгнанія Митродора и Никагора ⁵⁾, онъ рѣшился воспользоваться этимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ и переселился въ Аонны, гдѣ никто не могъ ему быть соперникомъ и гдѣ онъ на-

¹⁾ Διαλέκτω γε μὴν κέρηται φύσει μὲν τῇ λατίνων καὶ ἰταλῶν, βεβιασμένως δὲ καὶ τῇ δε Ἑλλάδι ταύτῃ καὶ ἐγχωρίῳ ἡμῶν.

²⁾ τὴν δὲ σοφίαν... ἀρίσασθαι... μόνην τὴν Ἀριστοτέλους δεη περὶ τὰ φυσικὰ γίνεται καὶ δεη περὶ συλλογισμοῦς, ἐπειδὴ καὶ αὐτὴ γε ἐς τὰ μάλιστα τοῖς ἐκεῖ λατίνοισι τε καὶ ἰταλιώταις σπουδάζεται, οὐ κατὰ τὴν Ἀριστοτέλους μέντοι φωνήν, ἀλλ' ὡς ἔχει πάλα μετανεχθεῖσα εἰς τὴν ἐκείνου συνεσταλμένην γλῶσσαν.

³⁾ Подразумѣвается Θεσσαλονίκη.

⁴⁾ Ииѣтся въ виду Κωνσταντινούπολις.

⁵⁾ Μητροπόλις μὲν ἐκεῖνος ὁ περιττός τὴν σοφίαν, ἐπειδὴ τὰ τῆς ἡγεμονίας εἰς Ἰρακλειῶδας μετακινύβευται, δεδήμευται μὲν τὴν οὐσίαν πάντοι πλείστην οὖσαν αὐτός δ' ἐπὶ θεοῖν ἔξοστρακίζεται τοῖν ἐνιαυτοῖ.

дѣлался снискать общій почетъ. Прежде всего онъ сталъ посѣщать здѣсь площади и собранія и вынуждался показывать опыты высшей какой-то мудрости и предлагалъ всякаго научить подобному же знанію за небольшую плату. Но его планамъ вполнѣ не удалось осуществиться, такъ какъ Митродоръ и Никагоръ скоро были возвращены изъ ссылки. Ксенофанъ, то-есть, Варлаамъ, всемірно сталъ почитать ихъ и унижать, стараясь поколебать авторитетъ ихъ: пусть, хвалился онъ, эти блуждающія свѣтила и мнимыя извѣстности покажутъ, что они усвоили изъ Аристотеля, какъ умѣютъ пользоваться его аналитическимъ и раздѣлительнымъ методомъ изслѣдованія и его аподиктическими и діалектическими силлогизмами ¹⁾,—вотъ что я надѣюсь блистательно доказать здѣсь аеминянамъ, какъ нѣчто новое и для нихъ неожиданное. Необыкновенной памятью обладать онъ, прочитанное могъ изложить вѣстно, какъ по книгѣ, въ особенности хорошо изучилъ комментаторовъ Аристотеля. Только произношеніе ввобличало въ немъ латинянина ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ довольно пикантное мѣсто, представляющее въ каррикатурномъ видѣ способъ преподаванія Варлаама. Здѣсь авторъ воспользовался матеріаломъ, а часто и оборотами Платона, въ особенности изъ діалога Софистъ. Для перевода это мѣсто представляетъ весьма значительныя трудности. Съ важнымъ видомъ, говоритъ Никагоръ о своемъ соперникѣ, онъ возвыщаетъ: та торговая лавочка знапіимн, въ которой находятся товары по разнымъ другимъ искусствамъ, можетъ имѣть какую угодно вывѣску, но на той, гдѣ собранъ товаръ добродѣтели, украшающей душу, а дѣлаю надписи: торговля искусствами ³⁾. И,

¹⁾ καὶ ποῦ γῆς εἰσὶν, ἔλεγον, οἱ κλάνητες οὗτοι καὶ ψευδῶς οὕτως καὶ ὑνοόμενοι παρόντες δεικνύσασαν τί παρὰ Ἀριστοτέλους ἄναντο καὶ τί περὶ διαλεκτικῆς καὶ ἀναλυτικῆς ἴσασι τέχνης καὶ τί περὶ συλλογισμῶν ἀποδεικτικῶν τε καὶ διαλεκτικῶν, ὡς περὶ ἐγὼ τῶν ἐνταυθοῦ περιφανῶς ἐπιδείξασθαί βούλομαι τί νεώτερον καὶ οὐ μάλᾳ Ἀθηναίους κροσθόσκινον.

²⁾ μνήμων δ' ἦν ὁ ἄνηρ καὶ δεα ἦν προαγεγνωκῶς πάντα ἀποτάθην ἐκ στόματος διεξῆαι καθάπερ ἀπὸ βιβλίου, καὶ μάλιστα πάντων τοῦς τῶν ἀριστοτελικῶν ἐρμηνείας. ἀποβαρβαρίζων δὲ τῇ τῶν λέξεων προδερ καταθῆλος ἦν ὅτι λατίνος εἶη.

³⁾ Игра словами ἢ μαθηματοπωλικῆς ἢ τεχνοπωλικῆς почти буквально заимствована изъ Платоновскаго діалога Софистъ (ed. Antias, II, p. 228).

Григора:

Платонаъ:

τῆς μαθηματοπωλικῆς, φησὶ, τὸ μὲν περὶ δεα τῶν ἄλλων τεχνῶν ἐστὶ μαθήματα, λεγέτω τις ὅτι βούλοιο ὄνομα· τὸ δὲ περὶ ἀρετῆν ἢ τὴν ψυχὴν κοσμεῖ τεχνοπωλικὸν ἐγὼ λέγω.

ταύτης τοίνυν τῆς μαθηματοπωλικῆς τὸ μὲν περὶ τὰ τῶν ἄλλων τεχνῶν μαθήματα ἐστίν, τὸ δὲ περὶ τὴν ἀρετῆς ἄλλω προσηγμένον. Τεχνοπωλικὸν μὲν τὸ γε περὶ τ' ἄλλ' ἢ ἀρμόττοι...

чтобы до конца исчерпать раздѣлительный методъ, тотъ отдѣлъ составительнаго искусства, въ которомъ борьба ведется въ рукопашную, долженъ быть названъ физическимъ насиліемъ, а гдѣ составленіе идетъ на словахъ—искусствомъ въ спорѣ. Такими образомъ, постепенно прилагая раздѣлительный методъ, скоро дойдешь съ помощью его до атомовъ. Что же касается лавочки съ тѣми товарами, на которой мы сдѣлали вывѣску: торговля искусствами, то этотъ отдѣлъ оставленъ безъ дѣленія и анализа; все, что въ немъ находится, можно всякому приобрести за нѣсколько драхмъ, стоятъ только записаться ко шпѣ въ слушатели. Такъ они могутъ узнать о сираведливости и мужествѣ, этихъ двухъ видахъ душевной добродѣтели, которая явъ нихъ выше: мужество, это—искусство вести войну и грабить ближняго, а та другая прилагается къ противоположному. Когда же нѣкто возражалъ, что какъ-то странно слышать, что послѣ того, какъ онъ въ своей системѣ дѣретики настаиваетъ, что мужество есть видъ душевной добродѣтели, теперь, забывъ это, доказываетъ противоположную мысль, что мужество есть тѣлесный недостатокъ,—Ксенофанъ ничего на это не нашелся сказать, кромѣ того, что спорить о словахъ онъ предоставляетъ грамматикамъ и риторамъ, а не тѣмъ, кто хочетъ изучать аристотелевскую философію. Съ этими словами онъ ушелъ изъ аудиторіи, уведя съ собой нѣкоторыхъ слушателей.

Но слава Нивагора долго мѣшала Ксенофану и охлаждала его учениковъ; наконецъ, они рѣшились положить конецъ этой славѣ. Воспользовавшись нерасположеніемъ къ Нивагору царя и вельможъ и зная его тяжелое горе по случаю смерти Митродора, Ксенофанъ вызываетъ его на публичный диспутъ, отъ котораго тотъ долго отказывался и на который согласился по усиленной просьбѣ друзей и по требованію дикатога Димарата ¹⁾. *Ксенофанъ* хвастается, что онъ можетъ показать опыты всякой мудрости и готовъ отвѣчать на какой угодно вопросъ. *Нивагоръ*, понимая чрезмѣрность притязаній противника, задумалъ нанести ему ударъ прежде всего по астрономіи. Указавъ на гороскопъ, предложилъ ему астрономически опредѣлить часъ дня, затѣмъ найти положеніе солнца и другихъ планетъ на зодіахъ. Такой простой вопросъ *Нивагоръ* предложилъ не безъ умысла, ибо онъ хотѣлъ сдѣлать непонятнымъ для большинства грубое невѣжество Ксенофана. И дѣйствительно, этотъ вопросъ, который должны

¹⁾ Развивается *И. Кантакузизъ*.

рѣшать начинающіе школьники, оказался выше пониманія Ксенофана. Сначала онъ стоялъ безгласенъ и въ недоумѣніи вращалъ глаза сверху внизъ, потомъ проронилъ слово, свидѣтельствующее лишь объ его невѣжествѣ. „Зачѣмъ, сказалъ, предлагать вопросы недоступные пониманію людей? Ибо кто можетъ взойти на небо, чтобы наблюдать теченіе звѣздъ и разстоянія между ними? А если это невозможно, то мы не въ состояніи знать, ни гдѣ утро, ни гдѣ солнце спускается подъ землю, ни гдѣ оно поднимается“. Этотъ отвѣтъ поразилъ все собраніе и вызвалъ единодушный хохотъ.

Никагоръ приглашаетъ собраніе къ порядку и, между прочимъ, говоритъ: нѣтъ ничего удивительнаго и смѣшнаго, что мудрый сей Ксенофанъ, сынъ Фрасимаха, рожденный и воспитанный между латинянами, у которыхъ не имѣеть гражданства ни астрономіи, ни многіе другіе виды наукъ, процвѣтающіе у еллиновъ, остался и самъ непричастенъ къ этимъ наукамъ; можетъ быть, онъ за то окажется сильнѣе въ другомъ ¹⁾. Когда Ксенофанъ замѣтилъ, что за исключеніемъ астрономіи онъ дѣйствительно все другое знаетъ очень хорошо, Никагоръ продолжалъ: такъ какъ ты и прежде хвалился, что знаешь всѣ науки, а между тѣмъ оказался не свѣдущимъ ни въ астрономіи, ни въ основныхъ элементахъ математики, то я боюсь, чтобы ты не осрамился и въ той области знаній, по которой считаешь себя теперь знатокомъ ²⁾. Итакъ, я спрошу тебя сначала по грамматикѣ: гдѣ и какъ ты ее научалъ. Ксенофанъ съ раздраженіемъ отвѣтилъ: не предлагай мнѣ такихъ ничтожныхъ и пустыхъ вопросовъ,—философствующій мужъ не имѣеть въ грамматикѣ никакой нужды ³⁾. Никагоръ доказываетъ важность грамматики и потомъ спрашиваетъ: а что ты скажешь о риторикѣ? Ксенофанъ надменно отвѣчаетъ: плохой бы я былъ ученый, еслибы, оставивъ философію, сталъ заниматься такими ничтожными предметами! Никагоръ утверждаетъ, что риторика имѣеть большое значеніе, она важна въ особенности въ

¹⁾ τί τοίνυν κατὸν ἢ γέλωςος ἄξιον εἰ καὶ ὁ σοφὸς οὗτος Σαφάνης ὁ Φρασιμάχου ἐν Λατίνοις καὶ φῶς καὶ τραφεῖς, καρ' οἷς οὐτ' ἀστρονομία οὐδ' ὅσα πλεῖστα κατ' Ἑλλήνων ἤθησαν εἶδη σοφίας οὐδὲν ἐκεί κολιτεῖται, τῶν τοιοῦτων ἄμειρος ἔμεινε καὶ αὐτός, φαίνεται γὰρ ἐν ἄλλοις εἶδη δόκιμος ἴσως εἶναι. Какъ предложенный Варламу вопросъ по астрономіи, такъ и слова пропіа Григоры имѣеть объясненіе въ историко-литературныхъ отношеніяхъ того времени, о чемъ скажемъ ниже.

²⁾ ἐξηλέγχθης μὴτ' ἀστρονομίαν μὴτ' ὅσα τῆς μαθηματικῆς ἐστὶν ἐπιστῆμης εἰσαγῆαι το παράπαν εἶδέναι, δέδια μὴ καὶ ἄ νῦν φῶς' εἶδέναι καὶ τούτων ἰδιότης ἦα...

³⁾ μὴ μοι πρόφερε τέχνην ἀνθρωπομαθεῖ καὶ βούλην, μία μὲν γὰρ οὐδέμια φιλοσόφος ἀνδραῖον αὐτῆς εἶη ἄν χρεία.

практической жизни: въ думѣ, въ судѣ, при составленіи похвальныхъ рѣчей и т. п. Тогда Ксенофанъ, внѣ себя отъ раздраженія, сбросилъ съ себя камиллаву и побѣждалъ вонъ изъ собранія, но его оставили и просили остаться нѣкоторыя вельможы.

Изъ дальнѣйшаго хода бесѣды до нѣкоторой степени выясняется взаимное положеніе соперниковъ, какъ представителей двухъ противоположныхъ направленій. Ксенофанъ претендуетъ, что составленіе велось не правильно, что онъ ограничиваетъ предметъ спора исключительно Аристотелемъ, который не придавалъ значенія ни грамматикѣ, ни риторикѣ ¹⁾, а сосредоточивалъ главное вниманіе на физикѣ, полагая въ ней одной истинный и неизмѣнный объектъ философіи ²⁾; на этой области и нужно было сосредоточить составленіе. На замѣчаніе Никагора, что у Аристотеля много сочиненій и что всѣ они имѣютъ одинаковое право на вниманіе, Ксенофанъ отвѣчалъ: я не помню и не слышалъ объ аристотелевскихъ сочиненіяхъ по грамматикѣ, истикѣ и риторикѣ ³⁾, но я въ состояніи научными методами при помощи диалектическихъ и аподиктическихъ силлогизмовъ доказать и логически обосновать всѣ положенія аристотелевской физики ⁴⁾. Никагоръ же отвѣчалъ ему, что силлогизмы сами по себѣ не составляютъ знанія, а служатъ только вспомогательнымъ средствомъ и прикрасой для выраженія не возвышенныхъ мыслей, будучи лишь органами служебными ⁵⁾; но что италянцы ⁶⁾, слегка коснувшись только преддверія науки и не будучи въ состояніи понять, какъ пользоваться и сколько давать значенія этому пропедевтическому искус-

¹⁾ ἦν γοῦν ἐθέλης ἐν τῷ παρόντι γινῶναι τὸν ἐμὸν παρὶ πάντων τῶν Ἀριστοτέλους σοφίαν εὐστροφον τῆς τε διανοίας καὶ γλώττης, πάντα χεῖρην εἰπὼν δαὰ τε μετ' αὐτὴν καὶ δσα πρὸ ταύτης πεφύλασι μαθήματα, ἐνταῦθ' αἰ τὰς ἐρωτήσεις πρόβαλλε. Ἀριστοτέλης γάρ οὔτε γραμματικῆς οὔτε ῥητορικῆς τὸ παράπαν ἀφασθαι κείρικε δεῖν ἀντροποδῶδη γάρ ταῦτα καὶ ψευδοῦργά.

²⁾ μόνην δὲ τὴν τῆς φύσεως θεωρίαν ἐσκέφατο καὶ ταύτη μόνη το πᾶν τῆς σχολῆς ἐδεδόκει αὐτὸ ἀληθὲς καὶ βέβαιον ἐχούση τὸ ὑποκείμενον.

³⁾ γραμματικῆς γάρ κέρι καὶ ποιητικῆς βιβλία καὶ ἐτι ῥητορικῆς οὐ μένημασι οὐς ἰδῶν ὄντ' Ἀριστοτέλους οὐτ' ἀκηκόως.

⁴⁾ ἔχω δ' ἄλλως ἐγώγ' ἐπι σου ποιήσασθαι τὴν ἐπίδειξιν ἐπιστημονικῶς διὰ συλλογισμῶν διαλεκτικῶν τε καὶ ἀποδεικτικῶν συμπεραίνων ἕκαστα τῶν φυσικῶς ἐν τοῖς πράγμασιν ὅπ' Ἀριστοτέλους ἀποφανθέντων.

⁵⁾ χαμερκοῦς διανοίας ἐπίκτητα ἐκεφόκει καὶ νόθα ἐγκαλλωπίσματα. ὄργανα γάρ τινα ταῦτα πεφύλασιν ἄλλω χάριν οἰκονομούμενα.

⁶⁾ οἱ δ' ἰταλοὶ καὶ ἕσοι κατ' ἐκείνους τῶν τῆς παιδείας προθύρων ἔκρη δακτύλων γευόμενοι καὶ μηδὲως ἐπι νοῦν ἀναβιβασάμενοι ἔτου χάριν τὰ τῆς τέχνης προπαιθεῖσθαι χρή, τοῦτοις μόνους ἐνέμεναν οἰηθέντες ἐνταῦθεν ἔχιν τὸ πᾶν.

ству, все свое вниманіе устремили на силлогизмы, думая при помощи ихъ усвоить все.

Ксенофанъ обращаетъ вниманіе своего противника на строгую послѣдовательность Аристотеля и предлагаетъ ему указать хотя бы одно мѣсто, которое бы или находилось въ противорѣчій съ другимъ, или явно опровергалось элементами физики ¹⁾. Никагоръ какъ будто ожидалъ этого вызова и дѣлаетъ рѣзкое нападеніе на Аристотеля. Въ первой книгѣ Аподиктики, говоритъ онъ, Аристотель утверждаетъ, что діалектическій силлогизмъ не есть наука, такъ какъ мысли его сознательны и не однородны. Ибо какъ назвать наукой то, что съ одинаковымъ правомъ можетъ быть прилагаемо для доказательства истины и лжи ²⁾. Такимъ образомъ, еслибы тебѣ потребовалось научно доказать какую либо мысль, то тебѣ не помогъ бы таковой силлогизмъ. Что касается аподиктического силлогизма, то и имъ нельзя пользоваться съ полной убѣдительною. Элементы его сами по себѣ не аподиктического свойства, но состоятъ изъ нѣкоторыхъ индуктивныхъ положеній, даваемыхъ уму вѣншими чувствами чрезъ наблюденіе частныхъ и отдѣльныхъ признаковъ; эти послѣдніе, составляющіе продуктъ опыта (эмпири), обобщаются въ нѣкоторые мысленные и сверхчувственные виды и составляютъ въ собственномъ смыслѣ элементъ аподиктическихъ силлогизмовъ и знанія ³⁾. Въ это время поднимается нѣкто изъ друзей Ксенофана и предлагаетъ перейти къ тому, что Аристотель говоритъ объ элементахъ природы. Никагоръ отвѣтилъ: не потому здѣшніе философы молчали о физикѣ, что мало знали ее, а потому, что она достаточно уже опровергнута какъ самимъ существомъ дѣла, такъ и самимъ авторомъ ея. Начинается разсужденіе о физикѣ и объ основныхъ элементахъ: водѣ, воздухѣ. Никагоръ доказываетъ, что противники его не хорошо знакомы съ физикою Аристотеля, и, сдѣлавъ ссылку на 2-ю книгу περί γενέσεως καὶ φθορᾶς, приходитъ къ слѣдующему заключенію: Аристотель часто

¹⁾ ἄλλ' οὐκ ἂν ἔγους οὐδαμῆ δεῖξαι τὸν Ἀριστοτέλην οὐδ' αὐτὸν ἀναφύοντα, οὕτε τὰ τῆς φύσεως τῶν ὄντων μαχόμενον ἵναργέα.

²⁾ ἐν τῷ πρώτῳ τῆς ἀποδεικτικῆς δεῖξυσαι... μὴ εἶναι τὸν διαλεκτικὸν συλλογισμὸν ἐπιστήμην, ὅτε ἐνδόξως καὶ ἀμφιβόλους ἔχοντα τὰς προτάσεις καὶ οὐκ ἀφωρισμένως περὶ ἂν τι καταγιγόμενον γένος. πῶς γὰρ ἂν καὶ εἴη ἡ ἐπιστήμη ἢ ἐφ' ἑκάτερα ἴσῃ τῇ ἰσχύϊ ἔχουσα, πρὸς τε τὴν τῆς ἀληθείας καὶ τοῦ ψεύδους ἀνατροπῆν.

³⁾ ἀρχὴς γὰρ αὐτοῦ μὴ εἶναι, φησὶν, ἀποδεικτικᾶς, ἀλλ' ἐπαγωγικοῖς τισὶ κέρμασι, τῆς αἰσθησεως προβαλλούσης τῷ νῷ τὰ μερικὰ καὶ καθ' ἕκαστα, γίνεσθαι πείραν καὶ ἱκανίαν καὶ καθόλου συναθροισμὸν εἰς εἶδη τινὰ νοητὰ καὶ ὑπὲρ τῶν αἰσθησιν, καὶ ταῦτ' εἶναι συλλογισμῶν ἀποδεικτικῶν καὶ ἐπιστήμης ἀρχήν.

не послѣдователенъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ и противорѣчить то самому себѣ, то истинѣ; въ тѣхъ же частяхъ, гдѣ онъ оказывается въ несогласіи съ Платономъ, особенно грѣшить невниманіемъ къ слову учителя¹⁾. Но, чтобы ты не почелъ насъ не основательными, что мы нападаемъ на древняго мудреца, унаслѣдовавшаго съ давняго времени великую славу, то замѣтимъ, что онъ далеко не пользуется безупречнымъ именемъ, такъ какъ противорѣчитъ многимъ и еще болѣе древнимъ мужамъ, какъ пользующимся почетной извѣстностью съ давняго времени, такъ и согласимымъ со всѣми другими мудрыми мужами. Вотъ, наиримѣръ, Платонъ: онъ пользуется великой извѣстностью въ Елладѣ, и самъ по себѣ человѣкъ весьма добросовѣстный, однако и онъ ссылается на свидѣтельство Гомера, который въ этомъ случаѣ говоритъ согласно съ большинствомъ другихъ, и въ своемъ діалогѣ Федонъ утверждаетъ, что земля²⁾ имѣетъ полости.

Составлянію положилъ конецъ Димарать, увѣнчавъ Никагора и объявивъ его побѣдителемъ. Ксенофанъ былъ этимъ очень опечаленъ и не звалъ, куда дѣваться отъ стыда. Онъ умеръ бы съ тоски, если бы его не поддержали нѣкоторые изъ его приверженцевъ. Затѣмъ онъ удалился въ одинъ изъ ессалійскихъ городов³⁾.

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого любопытнаго памятника, позволимъ себѣ обратитъ вниманіе на хронологическія данныя, по которымъ можно сдѣлать нѣсколько соображеній относительно времени предполагаемаго составанія между Варлаамомъ и Григорой. Самымъ важнымъ указаніемъ вужно признать то, что составаніе имѣло мѣсто при жизни Θ . Метохита, а такъ какъ послѣдній умеръ въ 1332 году, то мы получаемъ въ этомъ приблизительную дату для одного событія въ жизни Варлаама. Второе обстоятельство, дающее основаніе къ хронологическимъ выводамъ, заключается въ томъ намекѣ, что пребы-

¹⁾ ὁ μὲν Ἀριστοτέλης, ὃ φίλε, φησί, Σενόκρατες, ὁπότι καὶ καθ' αὐτὸν ἀγωνίζοιτο, περιτρέπεται καὶ περιπέτης γίνεται ποτὲ μὲν ἑαυτῷ, ποτὲ δὲ ἀληθείᾳ, ὁπότι δὲ πρὸς Πλάτωνα μάχοιτο, τότε μᾶλλον ἀμαρτάνει δοκεῖ διὰ τὴν πρὸς τὸν διδάσκαλον ἀγνοουμένην.

²⁾ καὶ τῷ Φαίδων φησὶ διάτρητον εἶναι τὴν γῆν. Платонъ въ діалогѣ Федонъ говоритъ: κοῖλα τῆς γῆς (ed. Asinius, I, p. 598, 600). Слово же διάτρητος позднѣйшаго происхожденія. Григора имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующее мѣсто діалога Федонъ (ed. Asinius, p. 604): ἔν τι τῶν χλωμάτων τῆς γῆς ἄλλως τε μέγιστον τυγχάνει ὄν καὶ διαμπερὲς τετραγώνον δι' ὅλης τῆς γῆς, τοῦτο οὐκ Ὀμηρος εἶπε, λέγων αὐτό 'Τῆλε μάλ', ἤχι βάθειστον ὑπὸ χθονός ἐστι βέρεθρον (то-есть, тартаръ).

³⁾ По всей вѣроятности, въ Солунѣ, ἐς πόλιν θατταλικὴν τινα λόγου καὶ παιδείας: τρόφιμον.

ваніе Варлаама въ Константинополѣ и самый диспутъ совпадалъ съ недавнимъ возвращеніемъ Григоры и Метохита изъ ссылки, что указываетъ на 1330 годъ. Въ виду того, что научная и публичная дѣятельность Варлаама главнѣйше сосредоточивалась въ Солуни, ибо здѣсь начались и тотъ богословскій споръ¹⁾, который занималъ византійское общество въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, здѣсь же были главные приверженцы и противники Варлаама,—можно догадываться, что пребываніе его въ Константинополѣ на этотъ разъ было не продолжительное и что онъ дѣйствительно послѣ 1330 года снова переселился въ Солунь.

Диалогъ Григоры имѣетъ важное историко-литературное значеніе и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Онъ рисуетъ литературные обычаи XIV вѣка и показываетъ направленіе главнѣйшихъ научныхъ и литературныхъ теченій того времени. Имъ устанавливается культурно-историческій фактъ научнаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ, въ немъ намѣчаются философскія воззрѣнія, раздѣлившія еллинскій и романскій міръ наканунѣ эпохи возрожденія. Научныя проблемы, затронутыя въ диалогѣ, несомнѣнно были живыми вопросами времени, волновавшими общество и раздѣлявшими мыслителей на партіи.

Однимъ изъ ярко освѣщенныхъ фактовъ въ диалогѣ представляется то, что Варлаамъ имѣетъ весьма скудныя свѣдѣнія въ астрономіи и математикѣ, и что эта скудость познаній объясняется его латинскимъ происхожденіемъ и италіанской школой. Если отправляться изъ тѣхъ данныхъ, которыя сообщены въ диалогѣ, то можно бы вслѣдъ за Григорой прямо заключать къ превосходству греческой школы передъ современной италіанской. Но это заключеніе едва ли будетъ справедливо. Дѣло въ томъ, что весь отдѣлъ діалога, выставляющій превосходство еллинскихъ знаній по астрономіи и математикѣ передъ латинскими, слишкомъ грубо и карикатуренъ и похожъ на сатиру. Оказывается, что Григора разъ былъ задѣтъ Варлаамомъ именно по этому предмету и что въ диалогѣ онъ сводилъ личные счеты съ своимъ ученымъ критикомъ. Само собой разумѣется, если намъ удастся освѣтить подразумеваемую часть діалога съ точки зрѣнія личныхъ ученыхъ счетовъ между Григорой и Варлаамомъ, то отсюда легко будетъ составить сужденіе и о прочихъ частяхъ интереснаго документа.

Что астрономія была изучаема въ XIV вѣкѣ, объ этомъ можно

¹⁾ *Migne, Patrologia*, t. CLII, col. 665: ἐν Θεσσαλονίκῃ γὰρ ὁ πόλεμος ἐλάμβανε τὴν ἀρχήν.

судить потому, что ученый Ф. Метохитъ создалъ школу въ этой области, оставивъ многихъ вѣдѣмыхъ учениковъ¹⁾. Разъ царь спросилъ Григору, какъ могло случиться, что Метохитъ сдѣлалъ громадные успѣхи въ астрономіи, и получалъ въ отвѣтъ: это не удивительно, ибо отъ небольшого свѣтильника можно зажечь большой костеръ²⁾. Изъ этого большого костра, вѣроятно, позаимствовался свѣтомъ и Григора, когда онъ рѣшился сдѣлать добавленіе къ сочиненію Клавдія Птолемея о Гармоніи³⁾, именно дополнить двѣ несохранившіяся главы. Случилось, что Варлаамъ долженъ былъ подвергнуть критикѣ эти добавленія къ Птолемею⁴⁾, при чемъ не пощадилъ автора, не называя, впрочемъ, его по имени. Онъ приступилъ къ вопросу посредствомъ изученія той части, которая несомнѣнно принадлежитъ Птолемею, и старался опредѣлять, на сколько соотвѣтствуютъ вновь присоединенныя главы той теоріи небесныхъ тѣлъ и гармоническихъ системъ, которая усвоена Птолемею. На основаніи критики текстовъ Птолемея онъ пришелъ къ заключенію, что двѣ изъ присоединенныхъ главъ принадлежатъ новому времени, „такъ какъ ихъ нѣтъ въ старыхъ рукописяхъ“, что же касается послѣдней, то она хотя и принадлежитъ старому писателю, но не самому Птолемею. Уже сказанное достаточно убѣждаетъ, что Варлаамъ трактуетъ свой предметъ какъ мастеръ, а не какъ неучъ, какимъ рисуется онъ въ діалогѣ. Самая критика составленныхъ Григоромъ главъ еще болѣе подтверждаетъ это. Указавъ шесть основныхъ положеній Птолемея, Варлаамъ доказываетъ, что авторъ добавленій не далъ себѣ въ нихъ отчета и потому погрѣшилъ противъ истины. Излагая систему Птолемея, Варлаамъ подробно останавливается на зодіакѣ и на приѣзженіи астрономическихъ данныхъ и къ гармоніи и вездѣ находитъ недоразумѣнія и путаницу у автора присоединенныхъ главъ⁵⁾. Итакъ, не мо-

¹⁾ Σαβα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη I, 19, 79.

²⁾ Καντακουζηνος I, p. 55.

³⁾ Авторство Григоря засвидѣтельствовано рукописями: Ватиканской № 176, J. 100, и Оксфордской; см. *J. Franke*, De musicis graecis commentatio, p. 10 (Berolini, 1840).

⁴⁾ *Franke*, p. 14: 'Ανασκευή εις τὰ προσθεθέντα τρία κεφάλαια ταῖς τελευταῖαις ἐπιγραφαῖς τοῦ τρίτου τῶν τοῦ Πτολεμαίου ἀρμονικῶν Βαρλαάμ (ἔγγραφεν).

⁵⁾ *Franke*, p. 22: ὅτι ἡ τὸ παράπαν οὐκ ἤφατο τῆς περὶ ταῦτα τοῦ Πτολεμαίου διανοίας οὐ χαλεπὸν ἐκ τῶν εἰρημένων συμπεραίνεισθαι... κατὰ πάντα φαίνεται ἡμαρτικῶς ταῦτα τε τοῖς πρότερον λέγων καὶ ἐπίσης καθόλου μήτε τηρήσει προσχρόμενος, μήτε οἰκείαν ποιούμενος τὴν παραβολήν, μῆθ' ὅτις ἀπαγγέλλων μήτε περὶ ὧν εἰσὶν αἱ ἐπιγραφαὶ τὸν λόγον ποιούμενος.

жетъ быть сомнѣніи, что занимающее насъ мѣсто діалога представляетъ каррикатуру на Варлаама и далеко не свидѣтельствуетъ объ его скудныхъ познаніяхъ въ астрономіи. Впрочемъ, и самъ Григоръ въ концѣ діалога говоритъ, что Варлаамъ потомъ сблизился съ однимъ ученикомъ его и подъ его руководствомъ изучилъ астрономію. Но, такъ какъ во главѣ тогдашней астрономической школы стоялъ Метехитъ, то и это послѣднее утвержденіе Григоры нужно принимать съ ограниченіемъ.

Но главная мысль діалога и, безъ сомнѣніи, наиболѣе интересная часть его сосредоточивается въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: а) еллинская философія нѣтъ исчерпаннаго преимуществна передъ латинской, то-есть, западно-европейской, ибо на Западѣ знакомы не со всеми сочиненіями Аристотеля, и при томъ не въ оригиналѣ, а въ передѣлкахъ и сокращеніяхъ; б) авторитетъ Аристотеля, твердо стоящій у латинявъ, поколебленъ уже въ Византіи, гдѣ ему противопоставлена философія Платона. Еслибы нужно было кратко обозначить основную мысль діалога, то мы бы не колеблясь сказали, что это есть тенденція подорвать значеніе Аристотеля. Остановимся на основной мысли діалога и попытаемся выяснитъ ее съ точки зрѣнія литературной исторіи того времени.

Состояніе изученія философскаго движенія въ средніе вѣка не находится еще на той высотѣ, чтобы можно было показать преемственную связь между отдѣльными философскими теоріями. Мыслима ли эта преемственность идей между Западомъ и Востокомъ, возможна ли общая исторія философскаго движенія въ Византіи и на Западѣ,— вотъ проблема, которую можно поставить относительно изученія занимающаго насъ памятника. На основаніи положенія Прантля ¹⁾, что теоретическія построенія среднихъ вѣковъ находятся въ зависимости исключительно отъ запасовъ матеріала, приобретаемаго извнѣ, можно бы думать, что наука вполне овладѣла этимъ вышнимъ матеріаломъ и нагнѣла стадіи развитія философскаго самосовнанія. Но оказывается, что этого далеко еще нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Такъ какъ въ приложеніи къ занимающей насъ эпохѣ, какъ и вообще къ среднимъ вѣкамъ, рѣчь можетъ идти исключительно о постепенномъ ознакомленіи Запада съ Аристотелемъ, и такъ какъ въ діалогѣ „Флорентинъ“ также главную роль играетъ изученіе Аристотеля въ оригиналѣ

¹⁾ Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, II. S. 203 (2-e Auflage, Leipzig, 1886).

я переводахъ, равно какъ полное и неполное знакомство съ этимъ философомъ, то ничто бы не препятствовало придти къ заключенію, что Григоръ былъ именно представителемъ полного знанія Аристотеля, а Варлаамъ неполнаго. Но противъ этого заключенія могутъ быть приведены довольно важныя соображенія.

Оказывается, что въ половинѣ XII вѣка стали уже извѣстны на Западѣ существенныя части Органона Аристотеля ¹⁾; въ началѣ XIII вѣка матеріалъ для изученія увеличился посредствомъ знакомства съ византійскими философскими сочиненіями, съ произведеніями арабской письменности, наконецъ, съ открытіемъ сочиненій по метафизикѣ и de anima. Въ особенности важная роль выпала на долю философскаго сочиненія Микхала Пселла: *Σύνοψις εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην*. Прантль установилъ и подтвердилъ рукописнымъ матеріаломъ очень любопытный культурно-историческій фактъ, имѣющій общенсторическое значеніе, что Аристотелевская логика въ упомянутой передѣлкѣ Пселла имѣла громадное и продолжительное вліяніе на Западѣ, ставъ основой всѣхъ школьныхъ руководствъ. Извѣстный ученый второй половины XIII вѣка Петръ Испанскій (иначе Юаннъ XXI, умершій въ 1277 г.) своимъ переводомъ Пселлова сокращенія надолго утвердилъ его господство въ западной наукѣ. Но это былъ не первый и не единственный переводъ: ранѣе его логику Пселла переводили на латинскій Ламбертъ Оксерскій и Вильгельмъ Ширесвудъ. Въ настоящее время это воздѣйствіе Византіи на Западную Европу посредствомъ логики Пселла можно считать прочно установленнымъ фактомъ, который вызываетъ на новыя поиски въ области литературнаго общенія между Византіей и Западомъ въ средніе вѣка. Прантль, отмѣтившій указанный литературный фактъ, понятно, наведенъ былъ на мысль—прослѣдить въ теченіе XII и XIII вѣковъ воздѣйствіе на Западѣ того вѣщнаго византійскаго матеріала, который на ряду съ арабскимъ приводилъ въ движеніе философскую мысль среднихъ вѣковъ ²⁾. Въ XIII вѣкѣ въ научный оборотъ, кромѣ логики, вступила метафизика, физика, этика и политика. Но въ частности прослѣдить дѣйствіе византинизма ему не удалось.

Какъ и какими путемъ выступали на Западѣ въ научный оборотъ разныя части произведеній Аристотеля, объ этомъ есть спеці-

¹⁾ *Ueberweg*, Grundriss der Geschichte der Philosophie, II. S. 124 (5-е Auflage, Berlin, 1876).

²⁾ *Prantl*, II, Ss. 267—270; III, Ss. 1—5; 129 и сл.

альное исследование француза Журдена ¹⁾. По его выводамъ оказывается, что къ 1220—1225 годамъ всѣ сочиненія Аристотеля стали доступны на Западѣ въ латинскихъ переводахъ. Въ 1232 году Боэцій перевелъ главныхъ частей Органона, почти забытый, замѣнивъ былъ новымъ переводомъ, сдѣланнымъ для императора Фридриха II. Во вторую половину XIII вѣка переведены были и комментаторы на Органонъ: Симплицій, Аммоній и Θεμισцій. Для конца XIII и XIV вѣвовъ представляются совершенно темными пути, которыми шло на Западѣ расширение философской мысли.

Итакъ, въ общемъ нельзя утверждать, что византийская ученость въ первой половинѣ XIV вѣка не могла представить, въ сравненіи съ западной, нѣкоторыхъ существенныхъ преимуществъ. Григоръ имѣлъ основаніе указывать на то, что его соперникъ изучалъ Аристотеля не въ оригиналѣ, а въ переводахъ и въ передѣлкахъ, ибо извѣстно, что знаніе греческаго языка на Западѣ распространялось очень медленно, и въ XIV вѣкѣ можно было пересчитать по пальцамъ итальянскихъ эллинистовъ. Имѣлъ ли такое же основаніе греческій философъ упрекать своего оппонента въ томъ, что онъ знакомъ не со всѣми сочиненіями Аристотеля, это должно быть рѣшено скорѣй въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ, если только не приимать во вниманіе того соображенія, что Варлаамъ могъ быть представителемъ какой либо школы аристотеликовъ.

Любопытнѣй тотъ упрекъ, что Варлаамъ часто находится въ противорѣчій съ Аристотелемъ. Этотъ упрекъ имѣетъ общее значеніе и касается очень важной стороны схоластической философіи. Въ XII и въ особенности въ XIII столѣтіи схоластика ваята была задачей установить согласіе между церковнымъ ученіемъ и разумомъ, иначе говоря, между христіанской догматикой и аристотелевской философій. Окончательно эта задача разрѣшена Томою Аквинатомъ. Предполагаемое согласіе между богословіемъ и разумомъ обуславливалось тѣмъ предположеніемъ, что Аристотеля слѣдуетъ понимать именно въ томъ церковномъ смыслѣ, какъ объясняетъ его Тома. Но Тома Аквинатъ изучалъ Аристотеля по латинскимъ переводамъ, которые, какъ извѣстно, пронялуты были сильно неоплатоническими элементами и не могли дать понятіе о настоящемъ Аристотелѣ. Теперь представлялся къ разрѣшенію вопросъ о выдѣленіи изъ Аристотеля

¹⁾ Jourdain, Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote, Paris, 1843, p. 212.

навязаннаго ему чуждаго смысла, заимствованнаго изъ новоплатониковъ ¹⁾.

Но Варлаамъ, знакомый съ сочиненіями Фомы Аквината, не былъ его приверженцемъ. Это доказывается сочиненіями его, направленными противъ нѣкоторыхъ положеній Фомы ²⁾. Слѣдовательно, упрекъ Варлааму въ томъ, что онъ не понимаетъ Аристотеля или находится съ нимъ въ противорѣчіи, можетъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что та якобы латинская школа, которую проходилъ онъ, не знала Аристотеля.

Григора оказывается, далѣе, такимъ тонкимъ знаткомъ Аристотеля, что поражаетъ своего противника длиннымъ перечнемъ неточностей и противорѣчій у этого философа. Цѣль этой части діалога, какъ сказано выше, направляется къ подрыву Аристотеля и къ возвышенію Платона. Здѣсь византійскій философъ стоитъ на твердой почвѣ, которая для него подготовлена была предыдущимъ развитіемъ. Весьма вѣроятно, что значительной частью своей учености Григора обязанъ былъ въ этомъ отношеніи Ф. Метохиту, который долженъ быть почитаемъ предшественникомъ и подготовителемъ византійскаго платонизма XV вѣка ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, возрожденіе платонизма въ XV вѣкѣ оказалось бы весьма неожиданнымъ явленіемъ въ исторіи мысли, еслибы не открылось слѣдовъ его подготовки на византійской почвѣ. Находимыя въ діалогѣ данныя, въ связи съ философскими сочиненіями Метохита, открываютъ намъ этотъ подготовительный періодъ. Какъ можно судить по приводимымъ у Саомъ даннымъ и по темамъ, развиваемымъ Ф. Метохитомъ, въ началѣ XIV вѣка въ Византіи уже довольно строго поставленъ былъ вопросъ о недостаточности Аристотеля ⁴⁾. Въ связи съ намѣченнымъ здѣсь вопросомъ

¹⁾ *Neherzog*, II, 119.

²⁾ Въспеманъ дворцовая бібліотека, cod. theolog. 101, f. 297, τοῦ αὐτοῦ (то-есть, Варлаама) κατὰ Θωμᾶ λέγοντος ὅτι κατὰ τι μόνον τὰ πρὸς τι διαφέρουσιν ἄλληλων τὰ θεῖα πρόσωπα. Начиная: Θωμᾶς μὲν οὐδένα τρόπον διαφοράς ἐν τῇ τριάδι οἰεῖται εἶναι παρὰ τὸν κατὰ τὴν πρὸς ἄλληλα εὐθείαν νοούμενον, ὅτι δε ταῦτο οὐκ ἄληθες γένοισ' ἂν οὕτω κατὰβῆλον λαβούσιν ἀρχὴν τοιαύτην. F. 298: τοῦ αὐτοῦ κατὰ Θωμᾶ λέγοντος ὅτι μόνη ἡ πατρότης εἰσατακίων ἐστὶ τῆς ὑποστάσεως τοῦ πρώτου αἰκίου, τὰ δὲ ἄγνυτων οὐ δικαίως.

³⁾ Много прекрасныхъ соображеній объ этомъ можно находить у Саомъ въ томъ I его греческой бібліотекѣ (pp. 63, 121 и др.). Въ Византійской бібліотекѣ, cod. philolog.-philosoph. 8, находится обширное епископское сочиненіе Метохита, состоящее изъ 118 главъ.

⁴⁾ Кроме рукописныхъ матеріаловъ, указанныхъ Саомъ (I, p. 121), позволимъ себѣ привести еще слѣдующія статьи по Византійскому списку № 8 (philosoph.-

позволимъ себѣ привести нѣсколько данныхъ изъ новѣйшей литературы.

Нѣмецкій ученый Шульце въ первомъ томѣ сочиненія по исторіи философіи Ренессанса пытается отыскать предшественниковъ Плинона между мыслителями XIV вѣка и называетъ, между прочимъ, Варлаама и ученика его Леонтія Пилата ¹⁾. Извѣстная доля вліянія, обнаруженная этими греческими учеными на знаменитыхъ италіанцевъ Петрарку и Боккачіо, уже сама по себѣ позволяетъ догадываться о томъ, что Варлаамъ былъ немаловажнымъ представителемъ учености своей эпохи. Но предыдущее изслѣдованіе показываетъ, что предшественникомъ Плинона скорѣй слѣдуетъ назвать Метохита. Точно также въ смыслѣ постановки любимаго историко-литературной проблемы слѣдуетъ отмѣтить соображенія ученаго біографа Петрарки Кертинга ²⁾ о томъ, что бы могло случиться съ исторіей европейскаго просвѣщенія, еслибы Петрарка выѣлъ счастье больше времени пользоваться обществомъ и уроками Варлаама. Онъ говоритъ: „Петрарка не могъ пойти далѣе элементарныхъ свѣдѣній въ греческомъ языкѣ, такъ что сокровища еллинской мудрости не могли раскрыться передъ нимъ. Но совершенно иной оборотъ получило бы развитіе Ренессанса, еслибы ему удалось углубиться въ духовную жизнь еллиновъ; ибо нельзя сомнѣваться, что онъ повилъ бы безконечное превосходство еллинскаго духа передъ римскимъ и увидѣлъ бы, что римская литература, въ особенности поэзія, находилась въ рабской зависимости отъ греческой, а это, безъ сомнѣнія, побудило бы его дать еллинизму преобладающую роль въ культурѣ возрожденія и даже построить его на еллинизмѣ. Въ дѣйствительности же произошло иначе. Гордое зданіе образованности и искусства Ренессанса воздвиглось почти только на римскихъ основаніяхъ и надолго сохранило римскій характеръ, хотя бы и привнесены были потомъ еллинскіе камни. По существу Ренессансъ удержалъ римскій характеръ, и до сихъ поръ

philolog.), подъ общимъ заглавіемъ *Ἐρῆνοι*. 1) *Ἐρῆνοι ἐπὶ τῇ τῶν Ῥωμαίων πρὶν ῥαίων ἐλευθέρωσι καὶ μεταβολῇ τῆς μεγάλης ἐκείνης εὐδαιμονίας*; 2) *Ἐρῆνοι τῶν κατὰ τὴν ἰσ τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς κακῶς πραξάντων*; 3) *Ἐρῆνοι εἰσι περὶ τῶν αὐτῶν καὶ ὅτι καὶ τὰ τῶν μοναχῶν ἐκείτοι βέλτερον εἶχεν ἢ ἄλλοθι πε*; 4) *ὅτι τῶν φιλοσόφων οἱ πλείους ἢ πάντας σχεδὸν περὶ τὸ λέγειν διέτριψαν μόνον μὴ χρήσιμοι γινόμενοι ταῖς περὶ τὸ πολιτικὸν θεωρίαις*; 5) *περὶ τῆς Ἀθηναίων πολιτείας*. Всего въ этой рукописи 118 статей Метохита.

¹⁾ *Schulze, Geschichte der Philosophie der Renaissance, I, Ss. 18—19.*

²⁾ *Koertling, Petrarka's Leben und Werke, Leipzig, 1878, Ss. 153—154.*

греческіе элементы составляютъ въ немъ болѣе или менѣе наружную прикрасу. Что Ренессансъ былъ возрожденіемъ романизма, а не эллинизма, это имѣло громадное значеніе для всего культурнаго развитія. Грекъ Варлаамъ своимъ поспѣшнымъ удаленіемъ изъ Аяньона, лишивъ Пестрапу возможности осповательнѣе узнать эллинскій языкъ и образованность, тѣмъ разрушилъ гордое зданіе будущаго и на цѣлыя столѣтія опредѣлилъ судьбу народовъ Европы. Малая причина, великія послѣдствія!⁴

Приведенныя мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ весьма энергично выдвигаютъ вопросъ о степенн образованности и о философскомъ направленіи Варлаама. Дѣйствительно, эта потребность становится тѣмъ настоятельнѣй, что, какъ будемъ имѣть случай убѣдиться, вліяніе Варлаама на дѣятелей итальянскаго возрожденія далеко не ограничивалось ознакомленіемъ ихъ съ элементами греческаго языка, а шло гораздо глубже. И если, не смотря на то, эллинизмъ не легъ въ основаніе зданія Ренессанса, то это, конечно, не зависѣло отъ тѣхъ малыхъ причинъ, о которыхъ говоритъ Кертингъ.

Въ разсужденіи философской дѣятельности Варлаама можно достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ посредствомъ изученія упомянутой выше литературной полемики на греческой почвѣ. Еслибы удалось подмѣтить отличительныя черты его міровоззрѣнія въ его ли собственныхъ сочиненіяхъ, или въ сочиненіяхъ его учениковъ и почитателей, то эти черты до нѣкоторой степени опредѣлили бы его нравственную личность, степенъ его образованности и значеніе его, какъ философа. Не можетъ быть сомнѣнія, что Варлаамъ явился въ Византію если не съ готовымъ и вполне сложившимся міровоззрѣніемъ, то во всякомъ случаѣ уже подъ вліяніемъ той школы, какую онъ прошелъ на Западѣ. Слѣдовательно, весьма можетъ статься, что тѣ отличительныя черты, которыми характеризовали греки его міровоззрѣніе, найдутъ себѣ объясненіе въ западномъ мышленіи той эпохи. Во всякомъ случаѣ только такимъ путемъ можно попытаться разрѣшить выставленную Кертингомъ проблему.

Мы нашли нѣкоторыя данныя для нашей цѣли въ діалогѣ Григоры, поищемъ другихъ указаній. Въ довольно скупыхъ и часто безцвѣтныхъ характеристикахъ другихъ писателей нельзя не обратить вниманія на научныя симпатіи Варлаама и на указаніе излюбленныхъ имъ писателей. Едва ли не лучшее въ этомъ отношеніи свидѣтельство имѣемъ въ похвальномъ словѣ Нила Григорію Паламѣ¹).

¹) *Migne, Patrologia graeca, t. 161, col. 663—664.*

„Въ то время какъ Палама подвизался въ лаврѣ великаго Аѳанасія, на наше испытаніе воздвигнуть былъ пагубный Адеръ, начавшій тѣсную осаду церкви Христовой и пытавшійся взять ее машинами, окопами и всякими способами. Говорю о хорошо известномъ лицѣ, изъ Калабріи происходитъ это зло, пусть назовутъ его тифономъ или молніей поражающей и истребительной, или бурей, все уносящей и приводящей въ смятеніе, или пусть придадутъ какое угодно имя. Это-то бѣдствіе, на вредъ и на пагубу вселенной зародившееся, подняло такой пламень нечестія и воздвигло такую важную и знатную брань, что не только привело въ смятеніе нашу страну и наполнило ее униженіемъ и смущеніемъ, но и перенесло къ сосѣднимъ народамъ пагубу: цѣлыя острова подвергло ножару нечестія, распространилось на восточныя и западныя области и не пощадило ни одного уголка вселенной. Онъ полагалъ, что нѣтъ ничего выше и больше еллинской мудрости и *обязательной силы силлогизмовъ*, и той истины, которая удовлетворяетъ ему какъ добыча, и что ничто другое не въ состояніи привести къ знанію причинъ всего сущаго ¹⁾. А вотъ это и еще безуміе и превосходить всякую воображаемую нелѣпность, что, по его извѣстію, и съ самимъ Богомъ никто не можетъ соединиться, если не пройдетъ прежде этого пути; что только тотъ, кто вступитъ въ общеніе съ Пифагоромъ, Аристотелемъ и Платономъ и научитъ изъ нихъ естественныя законы природы, пойметъ происхожденіе вещей и *неизбѣжность послѣдующаго затѣмъ уничтоженія* ²⁾, только тотъ можетъ придти къ воспріятію истины. Ибо, говорилъ онъ, если Богъ есть истина, то незнаніе истины есть незнаніе Бога; вслѣдъ же кто не изучилъ вѣдѣній мудрости и не ознакомился съ тѣмъ, что изобрѣли еллинскіе мудрецы о движеніи небесныхъ тѣлъ или природы, не знаетъ истины, а это одно и то же, что не знать Бога; невѣдѣніе же есть не что иное, какъ тьма душевнамъ, какъ, напротивъ, просвѣщеніе души есть знаніе всего. Если же это такъ, то никто не можетъ быть просвѣщеннымъ, не изучивъ вѣдѣній мудрости. Таково безуміе, или, лучше, умопомраченіе, *свойственно было не ему, впрочемъ, одному, но распространилось по всемъ латинскому племени съ давнихъ*

¹⁾ Ὡθῆ μὴδὲν ἐκεῖνος τῆς ἐλληνικῆς σοφίας, καὶ τῶν συλλογισμῶν τῆς ἀνάγκης καὶ τῆς ἐκ τούτων οἰοεὶ ὑπερομένης ἀληθείας μείζον εἶναι καὶ ὑψηλότερον, μὴδ' ἢ ψεῦς ἢ ἀν μᾶλλον ἐν περιείρα γένοιτο τοῦς τῶν ὄντων εἶδέναι λόγου.

²⁾ καὶ φύσει ἀνάγκας ἐκεῖθεν καὶ γενέσεως τῶν ὄντων καὶ φθορᾶς ἀκολουθῆσαι μεμαθηκώς, οὕτως ἐπὶ τὴν κατὰληψιν εἶναι τῆς ἀληθείας

норъ и до настоящаго времени, такъ что у нихъ для философствующихихъ о божественномъ и для пустынниковъ нѣтъ ничего важнѣе и ничто не кажется болѣе ведущимъ къ совершенству, какъ упражненіе въ этихъ глупостяхъ. И случается у нихъ нѣчто смѣшное и слезъ достойное. Зрѣлаго возраста люди собираются въ дѣтскія школы, изучаютъ тамъ внѣшнюю мудрость, свысока трактуютъ возвышенные предметы, себя же въ безуміи превозносятъ и, думая, что дѣлаютъ важное дѣло, оставляютъ въ полномъ пренебреженіи по истинѣ прекрасное и то, что къ Богу приближаетъ и можетъ просвѣтить душу... Такое онъ не только внушалъ слушающимъ его юношамъ, но и налагалъ насмѣнкою ¹⁾ свой взглядъ на заблужденіе *исихазмовъ*, всѣми средствами пытался отклонить ихъ отъ этого заблужденія и привлечь къ изученію еллинскихъ мудрецовъ и при помощи ихъ очистить себя отъ несправедливости.

Ясно, что въ дѣятельности Варлаама былъ значительный періодъ, когда на первомъ планѣ стояло у него преподаваніе философіи, и что въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ онъ разошелся съ тѣмъ направлениемъ, котораго придерживались туземные мыслители. Въ аргументъ похвальному слову въ честь Паламы, составленному Философомъ ²⁾, также находимъ указанія на философскіе взгляды Варлаама. „Этотъ калабриецъ, тогда только что прибывшій въ Ромейскую землю на зло себѣ и раздѣляющимъ его мысли, притворяясь философомъ и монахомъ и выдавая себя приверженцемъ православія, начинаетъ писать противъ догматовъ своихъ латинянъ и вести философскіе диспуты о происхожденіи Св. Духа, поддерживая при этомъ мнѣніе нашихъ богослововъ и защищая символъ вѣры и слова Христовы. Но коварство его не могло укрыться передъ столпомъ богословія и тайноводителями высней мудрости, божественнымъ Григоріемъ. Онъ изучаетъ его сочиненія и ясно обнаруживаетъ скрытое въ нихъ коварство противъ истины. Какъ всѣмъ извѣстно, латиняне въ ученіи о происхожденіи Св. Духа принимаютъ вопреки всякой необходимости два начала божества; обличая эту нецѣлостность, Варлаамъ оказался самъ допустившимъ новую: ибо, пропустивъ философскія доказательства мудрыхъ богослововъ, онъ называетъ еллинскихъ мудрецовъ, то-есть, Аристотеля и Платона и ихъ послѣдователей, *божественными и Богомъ про-*

¹⁾ ταῦτα οὐ μόνον τοῖς αὐτοῖς φοιτῶσι διελέγτο ματαχίως, ἀλλὰ καὶ λογογραφῶν ἦν (ibid., col. 665).

²⁾ *Migne*, t. 151, col. 584.

святенными существами. Это было для Григорія преддверіемъ къ будущимъ и величайшимъ его подвигамъ за благочестіе ¹⁾).

Въ лѣтописныхъ вѣстїяхъ сообщаются весьма неудовлетворительныя данныя о раннемъ періодѣ жизни Варлаама. Объ его высокой научной тенденціи говоритъ едва-ли не самый близкій къ нему человекъ, царь I. Кантакузинъ, называя его вообще весьма острымъ мыслителемъ и хвали его способность объяснять свои теорїи. Знаменитость Варлаама онъ полагаетъ въ глубокомъ изученіи писателей Евклида, Аристотели и Платона ²⁾).

Нѣсколько болѣе живыми чертами рисуется значеніе Варлаама въ предисловіи къ словамъ Христодула противъ ереси Варлаама и Аккидина ³⁾. „Нѣкто монахъ въ Калабрїи, по имени Варлаамъ, отличавшійся трудолюбіемъ съ дѣтскихъ лѣтъ и хорошими способностями, достигъ большого научнаго образованія, особенно изучивъ Органонъ и нѣкоторыя другія сочиненія и едва вкусивъ отъ другихъ наукъ ⁴⁾. Этими достигнувъ почета въ Константинополѣ, онъ продолжалъ и здѣсь упражняться въ занятїяхъ съ обычнымъ честолюбіемъ и настойчивостью и скоро сдѣлался извѣстнымъ. Вудучи сильнѣе во вѣншей мудрости, онъ наполнилъ въ ней чистоту души и утверждалъ что безъ нея трудно, даже невозможно соединиться съ Богомъ. Онъ въ такихъ смятеніяхъ высказывалъ свою мысль: если Богъ есть истина, мудрость же являеть истину, то тотъ, кто не предаётся изученію мудрости, не достигнетъ истины: не достигшій же истины никакъ не найдетъ Бога. Напротивъ, тотъ, кто позналъ мудрость, позналъ истину; познавшій же истину позналъ Бога и находится, следовательно, съ нимъ во всегдашнемъ общенїи. Посему-то со всею ревностью принадлежалъ къ безплодной еллинской мудрости, а что касается чрезвычайно дѣла исцелѣнїи и возвышенїи ума къ Богу чрезъ умную молитву, то не только не давалъ ей цѣны и не хвалилъ, но подвергалъ осмѣянію какъ бесполезную суету. Проведя не малое

¹⁾ Ibidem, col. 684: καὶ γίνονται προαῖνες οἰονεὶ τῶν μελλόντων ταῦτα τῷ Γρηγορίῳ, καὶ τῶν ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας μεγίστων ἐς ὕστερον αἰθλῶν.

²⁾ I. Cantacuzeni (ed. Bonn) I. p. 543 (lib. II, c. 39): ἄλλως δὲ νοῦσαι τε δεῖς καὶ τὰ νοηθέντα ἐξηγήσασθαι ἱκανώτατος, καὶ τὰ Εὐκλείδου καὶ Ἀριστοτέλους καὶ Πλάτωνος ἐκμελετήσας καὶ διαβοήτος περὶ ταῦτα ὧν.

³⁾ Pseudo-Basilii, S. Iohannis Chrysostomi II, p. 128 (cod. Медицкенин VIII, plut. 8).

⁴⁾ ὄργανου μὲν καὶ τινῶν ἑτέρων Ἀριστοτελικῶν ὑπῆρχα γεγεμεναμένους, τῶν δὲ λοιπῶν μαθημάτων οὐδ' ἀκρις δαχτύλοισι, ἢ φασί, γεγεμενός.

время въ столицѣ, онъ вошелъ въ честь у царей, и всѣ искали образованія и науки стекались къ нему учиться. Не стоа даже въ преддверіи монашеской жизни и не бывъ никогда въ монастырь, такъ какъ не въ жизнь вольную, перемѣняя мѣста, неожиданно онъ захотѣлъ быть учителемъ и монашеской жизни и образцомъ другимъ, повинуваясь въ этомъ случаѣ внушенію человѣконенавистныхъ демоновъ. Что же онъ дѣлаетъ? Притворившись ученикомъ, вступаетъ въ сношенія съ однимъ монахомъ, только за шесть передъ тѣмъ мѣсяцемъ освободиншимся отъ мірскихъ заботъ и тщетной суеты, ибо жилъ съ женой и имѣлъ дѣтей. Выспрашиваетъ у него и опытувается смысла не вѣрченной тайны молчаливчества (исихіа). Тотъ же, точно и самъ принадлежа къ цнгу корифеевъ, какъ Антовій или Арсеній или другой кто изъ образцовъ добродѣтели, очень добродушно сообщаетъ Варлааму, что самъ знаетъ. Наслушавшись его, Варлаамъ вооружается противъ исихіа и ея приверженцевъ, утверждая, что она представляетъ собой путь къ гибели, а не ко спасенію, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе, живущему вопреки Евангельскому ученію, какъ будто именно возлюбившіе исихію шли противъ Божественнаго Евангелія. Итакъ, онъ навеситъ *мнѣ заставъ мною оскорбленій, называя ихъ массалианами, обманщиками* и другими подобными именами. Когда это стало извѣстно кѣрному слугѣ Божію, іеромонаху Григорію Паламѣ, онъ рѣшился побесѣдовать съ Варлаамомъ, *такъ какъ и прежде еще былъ близокъ съ нимъ* ¹⁾. Итакъ онъ вслѣдствіи увѣщанъ его и просилъ и даже порицалъ такими словами: какъ ты могъ довѣряться какому-то легкомысленному и только что со вчерашняго дня произведенному въ монахи и позволивъ себѣ отъ него учиться высокимъ и божественнымъ предметамъ, когда онъ и самъ ихъ не понимаетъ и мало смыслить въ монашеской жизни? Ужъ если тебя такъ занимали эти вопросы, то тебѣ слѣдовало позаботиться отыскать мужей, съ дѣтства воспитанныхъ въ добродѣтели и усовершенствовавшихся въ подвигахъ исихіа, и отъ нихъ узнавать желаемое. А если сказать правду, то и у нихъ нельзя прямо спрашивать того, что составляетъ вѣнецъ совершенства и большинству неизвѣстно, а можно развѣ узнать нѣчто подготовительное и вводящее къ таковой политіи и отсюда направляться къ дальнѣйшему.

¹⁾ Ibid., p. 180: Γυώριμον δὴ τοῦτο τῷ τοῦ Θεοῦ γνήσιον ἑραράκοντι Γρηγορίῳ τῷ Πалаμῇ ἱερομονάχῳ τυγχανόντι κατὰστέν, ἐμίλησαι καίῃκι τῷ Βαρλαάμῃ ἐν συνηθείῃ καὶ πρότερον ὄντι. На основаніи этого мѣста можно бы исключить даже о соизвѣстномъ жителствѣ Палами и Варлаама.

Ибо не только неопытнымъ трудно знаніе такихъ вещей, но и для самихъ усовершенствовавшихся не такъ легко спрашивать другъ друга и давать отвѣты. Возьмемъ примѣръ изъ твоей науки, какъ болѣе тебѣ ясной. Допустимъ, что къ тебѣ пришелъ ктонибудь изъ простыхъ людей, земледѣлецъ или огородникъ, или землекоопъ, и потребовалъ бы у тебя посвятить его въ философію Платона или Аристотеля или научить его геометріи и астрономіи, — что бы ты сказалъ ему, не посягая ли бы ты надъ его наивностью? Такъ относись и къ вопросу объ исихіи. Нельзя ознакомиться съ этимъ возвышеннымъ дѣломъ отъ непосвященныхъ и чрезъ нихъ достигнуть знанія, но только бесѣду съ мужами мудрыми и подвижниками, по мнѣнію которыхъ, исихія есть равноангельное житіе. Итакъ, отстань отъ несчастнаго предпріятія, предай огню написанное противъ монаховъ: пользы тебѣ это не принесетъ никакой, а вредъ несоизвѣстный. Къ подобнымъ содѣяніямъ калабриецъ остался глухъ, какъ аспидъ, заткнувшій уши. О чемъ прежде говорилъ онъ осторожно и какъ бы сквозь зубы, теперь сталъ бесѣдовать открыто и публично, порицая исихастовъ за избранный ими страпный путь къ спасенію, не одобренній Господомъ и его учениками и апостолами, называя еретической ихъ молитву и богохульственнымъ ученіе ихъ о еаворскомъ свѣтѣ. Не довольствуясь этимъ, составилъ хнигу протавъ Паламы и исихастовъ и представилъ ее патріарху и собору^а.

Въ обличительныхъ словахъ Филовея противъ Григоры находится весьма богатый матеріалъ для характеристики богословскихъ новшествъ, введенныхъ Варлаамомъ и Акиндиномъ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ представляетъ интересъ XII слово, написанное, въ защиту исихастовъ¹⁾. Филовей старается здѣсь объяснить, между прочимъ, происхожденіе ереси Варлаама и говорить объ этомъ слѣдующее: „Варлаамъ, рожденный и воспитанный въ латинской церкви, отторгшейся уже отъ православія, впиталъ въ себя и понятія латинскія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, изучивъ языческихъ мудрецовъ, онъ не занимался церковными писателями. Что касается Григоры, то и онъ по происхожденію былъ варваръ. Происходя изъ Пафлагоніи, онъ тамъ получалъ образованіе и приобщался еллинской музы, но, страхнувъ съ себя варварскіе нравы и языкъ, онъ не могъ освободиться отъ варварскаго образа мыслей и поведенія; напротивъ, приложилъ еще къ худшимъ качествамъ варваровъ другія.

¹⁾ *Migne*, 161, col. 1110.

Будучи варварами по языку и правамъ, тѣ воспринимаютъ, однако, отъ своихъ отцовъ доброе поведеніе, нравственную чистоту и добродѣтель, являются ревнителями благочестія и хранителями апостольскихъ и святоотеческихъ догматовъ, такъ что ради нихъ готовы бываютъ пожертвовать жизнью; онъ же возсталъ противъ вскормившей и воспитавшей его церкви и дерзко неслыханнымъ образомъ оскорбилъ невѣсту Христову. Слѣдуя Варлааму, напавшему изъ дурныхъ побужденій на священную исихію и ревнителей ея, онъ, какъ ученикъ и преемникъ его заблужденія, напосать тяжелое оскорбленіе іереемъ Божиимъ и пастыремъ и учителямъ, оскорбивъ черезъ нихъ самого Бога. Сдѣлавъ грубое нападентіе на исихаство и вмѣстѣ на подвижниковъ и аскетовъ, онъ сталъ попирать ногами и всю добродѣтель въ теоріи и на практикѣ, имѣя цѣлью священныя Авоны, общее вмѣстѣ всакой добродѣтели, этотъ сонмъ, избранный во всей вселенной, гдѣ хранятся по истинѣ олимпійскія доблести. На этомъ-то Авоны Григора не нашелъ даже и слѣда добродѣтели, для него и его приверженцевъ остался невидимымъ тотъ блескъ всаческой добродѣтели, который, какъ зажженный костеръ, освѣщаетъ землю и море, острова и города, который свѣтитъ еллинамъ и варварамъ и доходитъ до отдаленныхъ предѣловъ вселенной. Не будучи въ состояніи познаться до уразумѣнія высшихъ качествъ жизни святогорцевъ, Григора собираетъ противъ нихъ обвиненія въ ожорствѣ и чревоугодіи, въ объяденіи и пьянствѣ, въ чрезмѣрной праздности и вообще въ такихъ порокахъ, которые не всегда можно находить даже между мірскими людьми. Не удовлетворяясь этимъ, присоединяетъ еще и другія нечѣности: сновидѣнія, возношенія въ высшія степеня, видѣнія какихъ-то чувственныхъ огней, ложныя предсказанія и обманы". Съ точки зрѣнія патріарха Филовея ересь Варлаама и его приверженцевъ есть привнесенное явленіе, объясняемое, съ одной стороны, варварскими восточными элементами, съ другой—своеобразными особенностями въ духовномъ развитіи Запада. Какъ, однако, сближались восточные элементы развитія съ западноевропейскими, почему Григора и Варлаамъ оказались сродными однимъ другому мыслителями, это остается невыясненнымъ. Вообще точка зрѣнія Филовея является выраженіемъ общаго и ходячаго мнѣнія партіи, что противоцерковныя мнѣнія въ Византіи составляютъ чуждое еллиннамъ и привносное явленіе. Но односторонность этого взгляда достаточно уже опровергается тѣмъ, что самаго сильнаго напряженія борьба достигаетъ послѣ удаленія со сцены Варлаама,

что она находитъ себѣ питательные матеріалы въ образованныхъ классахъ византійскаго общества и въ условіяхъ гражданской и церковной жизни.

Независимо отъ общихъ характеристикъ, находимыхъ у Паламы и его почитателей, воззрѣнія Варлаама, Акиндина и другихъ представителей отверженнаго церковью ученія выясняются изъ подлинныхъ писемъ, приведенныхъ въ соборныхъ опредѣленіяхъ, изъ полемическихъ и оправдательныхъ сочиненій, принадлежащихъ Варлааму, Акиндину, Григорѣ, Прохору, иаконецъ, изъ официальныхъ актовъ, издаваемыхъ на званіи патріаршества Іоанна Калеки. Весь этотъ довольно обширный матеріалъ не былъ еще достаточно исчерпанъ. Но въ немъ, кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе одна сторона, которая совсѣмъ не была замѣчена: это—философская основа, проходящая черезъ всѣ стадіи борьбы и объясняющая противоположные богословскіе выводы. Чтобы не останавливаться на мелочахъ, уважемъ на одно мѣсто въ актахъ собора 1348 года ¹⁾, которое прямо сводитъ къ философскому началу занимающую насъ борьбу богословскихъ партій. Церковная партія требуетъ доказательствъ отъ священнаго писанія, а партія варлаамитовъ стоитъ за доказательства отъ разума, основанныя на аристотелевскихъ силлогизмахъ. При этомъ монахъ Прохоръ, противъ котораго и составленъ соборъ 1368 года, такими доказательствами отстаиваетъ свою точку зрѣнія. „Тѣмъ, которые обвиняютъ меня за употребленіе силлогизмовъ, скажу слѣдующее. Такъ какъ всякая истина есть или силлогизмъ, или элементъ силлогизма, то какъ мнѣ, такъ и моимъ противникамъ при изложеніи истины неизбежно пользоваться этимъ средствомъ. Да и почему бы въ самомъ дѣлѣ, имѣя знаніе и владѣя законами его, намъ не пользоваться этимъ средствомъ для опроверженія тѣхъ, кто преступаетъ законы мышленія. Итакъ, я хвалю это искусство и считаю его всего болѣе необходимымъ въ панте према“. Ясно, что монахъ Прохоръ является приверженцемъ Варлаама не столько по практическимъ выводамъ по отношенію къ богословію, сколько по теоретическимъ приемамъ мышленія, по философскимъ основамъ, изъ которыхъ исходилъ онъ.

Нивакъ нельзя думать, что партія, бросавшая одна другой упрекъ въ еретическомъ образѣ мыслей, выступила въ полномъ вооруженіи уже на первомъ соборѣ въ 1341 году, или что взгляды Варлаама и

¹⁾ *Migne*, 151, col. 699.

Паламы ясно и неопровержимо доказывали еретичество одного и православие другаго. Навротивъ, была извѣстная доля убѣдительности какъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя формулировалъ Палама, такъ и въ тѣхъ, которыя выставлялъ Варлаамъ, что доказывалось и нѣкоторой нерѣшимостью соборнаго постановленія, не удовлетворившаго Паламы. Дѣло въ томъ, что обѣ партіи выступали съ неодинаковымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ логическихъ положеній и расходились въ способѣ заключеній изъ первыхъ посылокъ, принимаемыхъ одинаково представителями обѣихъ партій. Если Палама и его приверженцы имѣли свои основанія обвинять противниковъ въ измѣнѣ церковному ученію и въ многообразныхъ еретическихъ заблужденіяхъ, проистекающихъ изъ оказываемаго ими предпочтенія къ внѣшней мудрости и къ еллинской философій, то нельзя не видѣть также искренности и глубокаго убѣжденія въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя формулируетъ Варлаамова партія. Она собрала противъ Паламы 19 тезисовъ¹⁾, обвиняя его, между прочимъ: 1) въ еллинскомъ многобожій; 2) въ манхейскомъ двоебожій; 3) въ пифагорейзмъ; 4) въ увлеченіи аристотелевскимъ ученіемъ о безначальности и безконечности міра; 5) наконецъ, въ принадлежести ко всѣмъ отвергнутымъ церковью еретическимъ ученіямъ, начиная съ арианства и кончая богонилствомъ. Ясное дѣло, что всѣ эти обвиненія не могутъ быть признаны за ученія, высказанныя Паламой, но составляютъ выводъ, сдѣланный противниками изъ его посылокъ.

Всматриваясь въ эти первоначальныя послылки и въ характеръ полемики, мы пришли къ заключенію, что по существу борьба между Паламой и Варлаамомъ сводится къ исторіи философскихъ школъ въ Византіи. Но должно сознаться, что къ восстановленію исходныхъ моментовъ мировоззрѣнія той и другой партій встрѣчаются весьма важныя препятствія. За отсутствіемъ изложенія философскихъ воззрѣній Варлаама, необходимо обращаться къ сочиненіямъ его учениковъ, о которыхъ, однако, нельзя съ увѣренностью утверждать, что они воспроизводили лишь ученіе своего учителя, не присоединивъ и собственныхъ мнѣній и заключеній. Изданныя матеріалы по исторіи полемики о еаворскомъ свѣтѣ выставляютъ монаха Акиндина однимъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Варлаама. А такъ какъ во всей обличительной литературѣ Варлаамъ и Акиндинъ ставятся рядомъ, и опроверженія ревнителей православія направляются одинаково

¹⁾ *Migne*, 150, col. 865, 871.

противъ одного, какъ и противъ другаго, то можно бы считать основательнымъ заключеніе къ тождеству ихъ философскихъ и богословскихъ воззрѣній. Но на основаніи неизданной переписки Акиндина¹⁾, которая восстанавливаетъ въ надлежащемъ свѣтѣ значеніе и симпатіи этого общественнаго дѣятеля, нужно принять, что ревнители чистоты православнаго ученія были довольно несправедливы, приписывая Акиндину то, чего онъ не говорилъ и чему не сочувствовалъ. Оказывается, что Акиндинъ занималъ совершенно самостоятельное положеніе въ спорѣ и, полемизируя противъ Паламы, не раздѣляя въ то же время убѣжденій Варлаама. Только съ точки зрѣнія философскаго метода, со стороны прѣемовъ мысленія мы находимъ сближеніе между Варлаамомъ и Акиндиномъ.

Какъ философъ, Варлаамъ настойчиво проводилъ мысль, что логика есть одно изъ лучшихъ средствъ къ постиженію истины, въ силлогизмахъ онъ видѣлъ главнѣйшую силу доказательности при изслѣдованіи причинъ всего сущаго. Званіе онъ считалъ выше всего и преклонялся передъ изслѣдоваемъ и изученіемъ, видя въ немъ единственный и надежнѣйшій путь къ достиженію истины. Стремленіе же къ истинѣ было для него не отвлеченнымъ началомъ, а живымъ и дѣятельнымъ стимуломъ, ибо стремленіе къ истинѣ есть стремленіе къ божеству, такъ какъ Богъ есть истина. Въ то время, какъ противники его выставляли на видъ, что соединеніе съ божествомъ невозможно безъ сверхъестественнаго озаренія, Варлаамъ наставлялъ на возможности постигнуть истину, то-есть, божество, посредствомъ науки, посредствомъ изученія древнихъ философовъ. Что этотъ взглядъ на методъ познанія раздѣляемъ былъ въ то время многими греками, не бывшими въ числѣ учениковъ Варлаама, въ этомъ легко убѣдиться изъ горячій, напримѣръ, защиты метода познанія посредствомъ логическихъ умозаключеній у монаха Прохора. Что все значеніе жаркой полемики XIV вѣка находитъ себѣ ключъ въ этомъ отношеніи къ методу познанія, можно видѣть изъ послѣдующаго изложенія, когда мы будемъ разсматривать способы примѣненія этого метода къ философскимъ и богословскимъ построеніямъ.

Сохранился весьма важный для нашей цѣли трактатъ Акиндина „*περὶ οὐσίας καὶ ἐνεργείας*“, въ которомъ вопросъ о существѣ и о свой-

¹⁾ Въ Мюнхенской библиотекѣ cod. graecus 223. Объ этой перепискѣ будемъ говорить въ приложеніяхъ. Несогласіе Акиндина съ Варлаамомъ отмѣчено и въ изданныхъ текстахъ (*Migne*, 150, col. 875).

ствахъ божества рѣшается съ философской точки зрѣнія ¹⁾. „Есть возможность (δύναμις) страдательная и есть возможность дѣятельная (ἡ παθητικὴ, ἡ ποιητικὴ). Страдательной возможности противоположно то осуществленіе (ἐνέργεια), которое называется формой (εἶδος) и первой энтелехией; ибо все, по скольку страдательно, способно къ воспріятію свойственной (ему) формы, по отношенію къ которой называется возможностью; дѣятельной же возможности противоположно дѣятельное осуществленіе, ибо началомъ всякаго осуществленія, принимаемаго въ смыслѣ дѣятельности, служить дѣятельная возможность. И подобно тому, какъ осуществленіе въ смыслѣ формы есть исполненіе (τελειότης) страдательной возможности, такъ и осуществленіе въ смыслѣ дѣйствія есть исполненіе дѣятельной возможности. Ибо всякая возможность, разсматриваемая по отношенію къ противоположному ей осуществленію, есть нѣчто неисполненное. Одинъ изъ видовъ осуществленія, разсматриваемаго въ смыслѣ дѣятельности, есть исполненіе самаго дѣятеля, а не какаго нибудь внѣшняго совершенія ²⁾.. другой же видъ дѣятельнаго осуществленія есть исполненіе внѣшняго совершенія“. „Разсмотримъ теперь, можно ли и въ какомъ смыслѣ говорить, что сущность божія отлична отъ осуществленія (ἐνέργεια). И прежде всего скажемъ объ осуществленіи въ смыслѣ формы и первой энтелехіи ³⁾. Ибо это осуществленіе есть первое и основное изъ родѣ осуществленій (ἐν τῷ τῶν ἐνεργειῶν γένει)... Еслибы было доказано, что въ Богѣ нѣтъ ни страдательной возможности, ни матеріи, которой бы присуще было осуществленіе, какъ форма веществу ⁴⁾, но что Богъ есть форма, сама по себѣ существующая, то совершенно необходимо было бы признать, что осуществленіе въ Богѣ есть его сущность“.

Разобравъ свойства Божія, Акиндинъ въ заключеніе приходитъ къ постановкѣ вопроса: какимъ образомъ разныя осуществленія, возможности и качества составляютъ въ Богѣ одну субстанцію? Нѣко-

¹⁾ *Migne*, 151, col. 1192 и слѣд. При переводѣ этого отрывка мы пользовались совѣтомъ и помощью Н. Н. Ланге, которому и приводимъ искренную благодарность.

²⁾ Col. 1193: Τῆς δὲ ἐνεργείας τῆς ὡς δράσεω: λεγομένης ἢ μὲν ἔστι τελειότης τοῦ ἔχοντος καὶ οὐθένος ἔξωθεν ἀποτελέσματος.

³⁾ Col. 1196: καὶ πρῶτον περὶ τῆς ἐνεργείας, τῆς τὸ εἶδος καὶ τὴν ἐντελέχειαν δηλοῦσης.

⁴⁾ Ἄν τοίνυν δεχθῆι μὴ εἶναι δύναμιν τινα ἐν τῷ Θεῷ παθητικὴν, μήτε ὄλην, ἐν ἣ εἴη ἐν αὐτῇ ἡ ἐνέργεια, ὡς εἶδος ἐν ὄλη, ἀλλ' εἶναι εἶδος κατ' αὐτὸ ὑφιστάτως ἀνάγκη πᾶσα ὀμολογεῖν τὴν ἐνέργειαν τοῦ Θεοῦ εἶναι τὴν οὐσίαν αὐτοῦ.

торы стараются доказать, что Богъ есть существо простое, хотя и состоитъ изъ столь многого. Августинъ въ сочиненіи *peri tris aliter boni* *hacitas* говоритъ, что одна только простота Божія сложна, ибо въ немъ находится не только простота сущности, но и возможности, что его сложность проста, ибо въ немъ сущность и возможность и все остальное составляетъ нѣчто одно и простое. Это положеніе могло бы имѣть значеніе для упомянутыхъ лицъ, еслибы они признавали все это не за *реальности*, а за *простыя понятія*, какъ то утверждали нѣкоторые изъ такъ называемыхъ древнихъ богослововъ объ отличительныхъ признакахъ, *говоря, что эти признаки не суть реальности, а представленія нашего ума*, совершенно также, какъ говорится о *родахъ и видахъ* ¹⁾. Имѣть же трудно, даже невозможно признавать Бога и простымъ, и сложнымъ изъ столькихъ реальныхъ свойствъ, такъ что онъ будетъ единымъ по основѣ, множественнымъ по признакамъ, единымъ въ цѣломъ, множественнымъ въ частяхъ, что не значить быть вообще единымъ и простымъ, а лишь *нѣкоторымъ образомъ и въ известномъ отношеніи* ²⁾.

Возвръщая Акиндина рисуется еще другое его сочиненіе, написанное ямбическимъ рази́ромъ и направленное противъ Паламы. О происхожденіи и распространеніи этого сочиненія имѣемъ весьма любопытное мѣсто въ похвалѣ Филовея Григорію Паламѣ ³⁾. Такъ какъ это мѣсто хорошо рисуется литературные нравы эпохи, то находимъ не лишнимъ привести его. Назначенъ былъ тогда стратигъ въ Пелопоннесъ, человекъ прекрасный, благорасположенный къ правительству, другъ благочестія и защитникъ православія. Когда онъ приготовлялся отправиться къ новому мѣсту назначенія, къ нему ежедневно являлись посѣтители: одни потому, что имѣли сопутствовать ему въ качествѣ административныхъ чиновъ на разныя подчиненныя ему мѣста, другіе изъ дружескаго къ нему расположенія и ради бесѣды. Между ними былъ нѣкто изъ друзей и приверженцевъ

¹⁾ Col. 1241: Συνείπαινε δ' ἐν αὐτοῖς τὸ λεγόμενον, εἴπερ μὴ πράγματα ταῦτα ὑπεκρίθην, ἀλλὰ λόγους μόνον, ἕπερ τινὲς τῶν ἀρχαίων θεολόγων καλούμενοι περὶ τῶν διαφορῶν ἔλεγον, οὐ πράγματα εἶναι ταῦτα, διαβεβαίουμενοι, ἀλλ' ἐκ τῶν ἡμετέρων νοητῶν. οἷον τὰ γένη καὶ τὰ εἶδη φησίν.

²⁾ ἔσται γάρ ἐν μὲν τῷ ὑποκειμένῳ, πολλὰ δὲ τοῖς συμβεβηκόσι, καὶ ἐν μὲν τῷ ἄλλῳ, πολλὰ δὲ τοῖς μέρεσι. "Ὅπως ἔσται μὴ ἐν καὶ ἀπλῶς ἀπλοῦν εἶναι, ἀλλὰ πῆ, καὶ κατὰ τι

³⁾ *Migne*, 151, col. 808. Подразумываемое здѣсь сочиненіе мѣтросъ іамбическоу *ἡμερομένον* издано въ 150 т. *Patrologie* Миная, col. 848, и начинается словами *Ἰουδῆ Παλαμῶν εὐσεβῆς παῖς φεγγέτω.*

Акиндина, зачисленный на службу къ стратигу. Вручивъ ему самое главное свое сочиненіе противъ православія, написанное ямбическимъ разиѣромъ, Акиндинъ внушаетъ распространять его въ Целопопониѣ. Спритавъ у себя за пазухой рукопись, онъ сталъ питать странные замыслы и вести нелѣпные разговоры, въ особенности не зналъ мѣры въ хуленіяхъ противъ Григорія, защитника благочестія, спорилъ съ тѣми, кто защищалъ его, и надобѣдалъ противорѣчіями своему господину стратигу. Но Богъ, пекущійся о спасеніи всѣхъ, въ одну ночь дивно изхитилъ какъ всѣхъ целопопонисцевъ, такъ и его самого изъ душевредной заразы. Разъ онъ спалъ на кровати, имѣя у себя на груди упомянутое сочиненіе, и приснилось ему, будто пришли царскіе кошевоосцы и требовали по царскому указу, чтобы онъ сейчасъ же всталъ и шелъ въ темницу. Въ страхѣ онъ поднимается съ кровати, полный смущенія и безпокойства, но, понемногу придя въ сознаніе и приписавъ испытанное воображенію, снова растаянулъ на ложѣ и заснулъ. Но тотъ же сонъ повторился снова: опять будто пришли царскіе люди и отдали прежній приказъ. Онъ снова вскочилъ въ большемъ еще смущеніи, такъ какъ недавно передъ тѣмъ отвѣдалъ темницы и зналъ тягость заключенія, и долго волновался и недоумѣвалъ. Но, опять приписавъ это сновидѣнію и воображенію, заснулъ. А сонъ черезъ нѣкоторое время опять повторился, будто опять пришла царская стража и еще строже прежняго повторяетъ свое требованіе. Онъ же, еще находясь во снѣ, будто выражалъ свое недоумѣніе и спрашивалъ о причинѣ царскаго гнѣва, а ему указали пальцемъ на хранящееся у него на груди еретическое сочиненіе и тѣмъ объяснили причину царской немилости, говоря: „ты везешь съ собой болтовню нечестиваго Акиндина и хочешь распространять ее въ Целопопониѣ на развращеніе и погубель многихъ людей; если сейчасъ же не бросишь этого сочиненія, то не избѣжишь угрожающаго гнѣва царскаго“. И снялось ему далѣе, что убѣжденный этими словами онъ съ готовностію обѣщалъ исполнить совѣтъ. Пробудившись отъ сна, онъ счелъ нужнымъ поступить согласно обѣщанію, ибо усматривалъ въ этомъ божественное внушеніе. Итакъ, съ проклѣтѣмъ отвергнувъ еретическое сочиненіе, онъ съ спокойной совѣстью уроспалъ остатокъ ночи. На другой же день, явившись по обычаю въ домъ предводителя, началъ передъ всѣми проповѣдывать противоположное тому, что говорилъ прежде, и просилъ у всѣхъ прощенія за прежнія мысли, явившись такимъ образомъ громкимъ глашатаемъ чудесъ Божіихъ. Старшій сынъ стратига слышалъ его рѣчи,

отправился къ великому мужу (разумѣется, Палама), заключенному въ царскихъ палатахъ, и возвѣстивъ о пагубныхъ козняхъ еретика и о чудесномъ и дивномъ разоблаченіи оныхъ, показалъ въ подтвержденіе своихъ словъ это злое и нечестивое сочиненіе⁴.

Заключеніе приведеннаго отрывка поясняетъ обстоятельства, при которыхъ сочиненіе Акиндина *κατὰ τὸν αἰρέσεων Γρηγορίου τοῦ Παλαμά* попало въ руки паламитовъ и, конечно, сдѣлалось важною противъ него уликой. Оно начинается слѣдующими словами: „Тщательно избѣгай Паламы всякій благочестивый, ибо онъ, разъ преступивъ границы правильнаго мышленія и отвергнувъ отеческія наставленія и, что еще хуже, утративъ силѣтъ ума, безъ всякаго стѣсненія приписать нечестивыя ученія“. Изложивъ свое ученіе о Троицѣ, Акиндинъ такъ характеризуетъ ученіе Паламы¹⁾: Онъ перевернулъ все вверхъ дномъ и не оставилъ на мѣстѣ ни одного догмата. Духъ же его изворотливаго умствованія—эллинскій свинецъ. Ибо дѣлится на части монада и измѣряется не лицами, но степенями реальныхъ проявленій; разсѣкается на части то, что нераздѣльно, да и самыя эти части снова подвергаются дѣленію, какъ будто составленны изъ безчисленныхъ чуждыхъ элементовъ: тутъ есть и Демокритово множество, и Эпипедомлова вражда, и Платоновы формы, и боги Элады, и заблужденія Арія и Савелія“.

Подводя итогъ сказанному, мы должны признать, что въ литературной дѣятельности Варлаама и его приверженцевъ отмѣчается прежде всего опредѣленное отношеніе къ тому кругу идей, въ которомъ вращается все средневѣковое мышленіе. Не спеціальныя вопросы догматики стояли на первомъ мѣстѣ и не практическія соображенія, а лишь страстная любовь къ истинѣ и желаніе опредѣлить отношеніе познающаго ума къ изслѣдуемой причинѣ всего сущаго. Уму было открыто лишь поле философскихъ проблемъ и на этомъ полѣ ведется дѣятельная борьба между сторонниками номинализма и реализма. Споръ между Варлаамомъ и Паламой сводится къ толкованію Аристотеля, рѣшаемыя въ этомъ спорѣ проблемы относятся къ области философіи: вожди партій начали борьбу изъ-за простой логической формулы, изъ-за выясненія, можно сказать, одного словечка! По воззрѣнію Варлаама, который является представителемъ довольно ясно выраженнаго рационализма, умъ человѣчскій можетъ постигать природу вещей, потому что представляющія ума тяжести

¹⁾ Col. 849.

съ реальными вещами. Самымъ безошибочнымъ средствомъ къ познанію сущаго служатъ логика; разъ даво одно положеніе, при правильномъ пользованіи силлогизмами оно ведетъ къ правильнымъ заключеніямъ и выводамъ. Существуетъ такая тѣсная связь между стремленіемъ духа къ истинѣ и познаніемъ высочайшей истины—Бога, что одно безъ другаго немислимо, такъ что соединеніе съ Богомъ тождественно съ постиженіемъ истины. Но какъ человѣкъ достигаетъ познанія Бога? Можетъ ли человѣкъ видѣть существо Божіе и утверждать его существованіе, какъ опытъ можетъ утверждать реальность видимыхъ предметовъ? Здѣсь и оказалось существенное различіе вѣрившаго Варлаама и Паламы. По мнѣнію перваго, познаніе Бога не нуждается въ чувственныхъ органахъ, но сообщается какъ актъ особеннаго просвѣщенія тѣмъ, кто чистъ сердцемъ и исполняетъ заповѣди Божіи, это есть актъ сообщенія высшаго знанія. То, что называется блаженнымъ созерцаніемъ Бога, есть мысленное воспріятіе божества или осіаніе, доступное избраннымъ, но не приобщеніе человѣку существа Божія, которое недоступно высшимъ чувствамъ. Палама же и афонскіе монахи, не признавая за логикой и вообще за высшею мудростію могущественнаго орудія къ познанію причины всего сущаго, ссылались на авторитетъ церковнаго преданія и святоотеческихъ писаній, какъ на единственно надежный путь къ познанію сущаго. Должно, однако, замѣтить, что школа Паламы ограничивала значеніе логики въ дѣлѣ постиженія истины не въ томъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, Вильгельмъ Оккамъ, боровшійся противъ злоупотребленій силлогизма во имя проверки кажущагося и дѣйствительнаго, то-есть, во имя опыта, а лишь въ смыслѣ превосходства откровеннаго ученія передъ данными, добытыми усиліями человѣческой мысли. Припятое на ламитами положеніе есть то же самое, которое церковная партія въ Византіи отстаивала въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка: не преступать предѣловъ, установленныхъ въ богословіи святыми отцами.

Еслибы мы захотѣли опредѣлять мѣсто, занимаемое Варлаамомъ въ исторіи средневѣковаго мышленія, то необходимо пришлось бы искать точекъ соприкосновенія между его ученіемъ и современными ему западными филозофами. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не случайно у Варлаама и его учениковъ теорія знанія, опирающаяся на логику и силлогизмахъ. Въ исторіи развитія западной схоластики самыми крайними выразителями этой теоріи служатъ Рай-

мундъ Луллъ и Дунсъ Скотъ ¹⁾). Такъ какъ дѣятельность обоихъ упомянутыхъ философовъ падаетъ на конецъ XIII и начало XIV вѣка, то въ этомъ получился бы выводъ, что въ ученіи Варлаама мы имѣемъ случай воздѣйствія западнаго мышленія на византійское. Но на самомъ дѣлѣ на этомъ выводѣ нельзя остановиться. Прапль ²⁾ указываетъ въ произведеніяхъ Д. Скота и Р. Лулла матеріалъ для изученія новой стадіи развитія логики, но какимъ путемъ западные мыслители воспріяли этотъ матеріалъ, онъ не беретъ рѣшить, хотя не сомнѣвается, что онъ заимствованъ изъ Византіи. Слѣдовательно, по отношенію къ Варлааму приходится пока остановиться на томъ заключеніи, что онъ является въ Византіи выразителемъ философскаго мышленія сходнаго съ западно-европейскимъ конца XIII и начала XIV вѣка.

Гораздо удовлетворительнѣе тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о способѣ примѣненія философскихъ воззрѣній къ догматикѣ. Оно и понятно. Главнѣйше на богословскою почвѣ велась борьба; изъ способа примѣненія философскихъ основъ къ ученію о божествѣ заимствуемы были обвиненія въ еретичествѣ, бросаемыя представителями одной партіи противъ другой. Имѣется обширная полемическая литература, выискивающая взгляды Паламы и Варлаама. Изъ этой литературы неоднократно дѣлаемы были извлеченія, сводившія къ краткимъ положеніямъ сущность ученія той и другой партіи. Достаточно сослаться на краткое изложеніе мопаха Давида ³⁾, на матеріалъ, находящійся въ синодикѣ въ недѣлю православія ⁴⁾ и, наконецъ, на 19 пунктовъ обвиненій противъ Паламы, собраныхъ противниками его ⁵⁾. Благодаря этому матеріалу, мы можемъ безъ дальнѣйшихъ объясненій прямо войти въ сущность вопроса.

Основная мысль Варлаама заключалась въ томъ, что божественное озареніе есть наука и знаніе, это озареніе дается въ удѣлъ тѣмъ, кто чистъ сердцемъ и исполняетъ заповѣди Божіи. Такою именно было осіианіе учениковъ свѣтомъ Господнимъ во время преображенія на горѣ Фаворѣ; оно имѣло цѣлью сообщеніе высшаго знанія апостоламъ и не было по природѣ своей тѣмъ либудь невещественнымъ или изліяніемъ самаго существа Божія, но только призракомъ, мы-

¹⁾ *Hauréau*, *De la philosophie scolastique*, II, pp. 237, 309; *Ueberwey*, II, s. 225.

²⁾ *Prantl*, *Geschichte der Logik*, III, Ss. 129, 225.

³⁾ *Московская патріаршая бібліотека*, № 290, л. 1.

⁴⁾ Тамъ же, № 93, л. 551, на Варлаама и Акиндина главными.

⁵⁾ *Migne*, 150, col. 885, 871.

сленнымъ образомъ создааннымъ именно для этой цѣли ¹⁾. Палама же и авонскіе монахи отстаивали то мнѣніе, что возсіявшій на Фаворѣ свѣтъ, по ученію отцовъ церкви и церковному мнѣнію, хотя и не есть самое существо Божіе, но и не призракъ и не мысленный образъ: это есть неразлучно приспосуженное Божественному существу проявленіе и осуществленіе, иначе говоря, это есть естественное свойство и энергія Божества. Принятое Паламой положеніе было въ высшей степени трудно отстоять съ логической стороны; эта трудность легко замѣчается и теперь, если сопоставить редакцію основнаго положенія паламитовъ по синодику и въ изложеніи монаха Данида ²⁾. Хотя Палама не утверждалъ, что свѣтъ фаворскій есть истѣченіе существа Божія, но изъ его словъ можно было вывести это заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если осязаніе учениковъ на Фаворѣ было дѣйствіемъ сообщенія имъ Божественнаго существа, то какъ бы ни называть акта этого сообщенія — *φωσική χάρις* или *ἐνέργεια*, все же возникалъ вопросъ о томъ, какъ представлять себѣ свойства существа Божія, можетъ ли Богъ по существу быть доступенъ человѣку и приходить съ нимъ въ общеніе. Варлаамъ и напалъ на эту сторону положенія Паламы. Если, говорилъ онъ, допустить ваше мнѣніе о фаворскомъ свѣтѣ, то слѣдовало бы заключать, что тотъ свѣтъ тождественъ съ существомъ Божіимъ и что существо Божіе можетъ сообщаться человѣку, доступно человѣческимъ чувствамъ. Не существо, отвѣчали паламиты, а энергія Божественная, благодать и слава, удѣляемая отъ существа Божія святымъ. А если такъ, возражалъ Варлаамъ, то необходимо заключать, что вы допускаете двоебожіе; ибо съ одной стороны принимаете существо Божіе невидимое и непричастное людямъ, съ другой энергію Божества и благодать, сообщаемую святымъ, то-есть, высшую и низшую природу въ Богѣ. На это Палама, однако, указывалъ, что энергія Божественная нераздѣльна отъ существа Божія, а потому нѣтъ въ его ученіи мысли о двоебожіи. Мысль свою онъ доказывалъ слѣдующимъ образомъ: какъ въ видимомъ солнцѣ дискъ его самъ по себѣ недоступенъ осязанію и

¹⁾ Монахъ Данида: οὐκ ἦν ἐκεῖνο τὸ φῶς θεῖο, ἀλλὰ τότε ἐγένετο ἵνα εἶδωσαν οἱ μαθηταὶ ἰδῶνται ὄντες καὶ θαυμάσωσι; Синодикъ: ἵνα ἰδῶνται καὶ κτίσμα καὶ φῶσμα ἐπὶ βραχίον ὡσὲν καὶ διαλυθὲν παραχρῆμα.

²⁾ Мнѣте κτίσμα εἶναι τὸ θεϊκότατον ἐκεῖνο φῶς, μὴτε οὐσίαν Θεοῦ, ἀλλ' ἀκτίστον καὶ φυσικὴν χάριν καὶ ἔλλαμψιν καὶ ἐνέργειαν ἐξ αὐτῆς τῆς θείας οὐσίας ἀχωρίστως θεῷ προϋοῦσαν; у Данида: θεῖον καὶ ἀπρόσιτον, ἄχρονον, ἀκτίστον καὶ αἰθῶν ἔλλαμψιν καὶ ἄχριν καὶ λαμπρότητα Θεοῦ καὶ θεότητα παρὰ τῶν ἁγίων χαλούμενον.

неотдѣлимъ для глазъ, и еслибы кто, приблизившись къ нему, захотѣлъ отнять частяцу видимой его силы, то былъ бы обращенъ въ пепелъ, между тѣмъ какъ лучи его сходятъ къ намъ и осѣщаютъ весь миръ, и тѣмъ не менше, говори о солнцѣ и дискѣ и о лучахъ, мы не признаемъ два солнца, но одно, хотя оно посылаетъ безчисленные лучи; такъ и по отношенію къ Богу, мысленному солнцу, хотя признаемъ не дѣлящуюся на части сущность его исчисляемъ не видимою, и дѣлимою или сообщаемою энергію его и благодать, мыслимъ одно Божество, имѣющее сущность и энергію. И еслибы кто сталъ утверждать, что есть много солнцевъ на основаніи того, что много лучей, то явно утверждалъ бы неслѣдность, такъ точно неправильно бы судилъ и тотъ, кто заключалъ бы къ многобожію изъ признанія многихъ энергій божества. Неотдѣлима энергія отъ существа, какъ нераздѣлимъ сынъ отъ отца или духъ святой, или какъ неотдѣлимы лучъ отъ солнца и теплота отъ огня. И подобно тому, какъ говоримъ, что существо солнца, то-есть, дискъ его, какъ недѣлимый, выше лучей и сіянія, посылаемаго нашимъ глазамъ, ибо въ немъ источникъ и начало и корень и проводникъ сіянія, точно также, согласно ученію святыхъ, принимаемъ, что божественное существо, какъ недѣлимое и невидимое, выше посылаемыхъ или осіяній и энергій и благодетей, которыя сообщаетъ свѣтлѣмъ Сіянію Троица.

На этой стадіи былъ вопросъ, пока въ немъ принималъ личное участіе Варлаамъ. Послѣ его удаленія изъ Константинополя, исходные моменты разногласія между партіями снова были пересмотрѣны Акиндиномъ съ философской точки зрѣнія какъ въ трактатѣ περί ομοίας καὶ ἕνεργείας, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ. Можно думать на основаніи свидѣтельства монаха Давида, что Акиндинъ развилъ дальше положенія Варлаама, высказавъ пантеистическія теоріи ¹⁾. Но мы не находимъ нужнымъ здѣсь входить въ изложеніе подробностей борьбы партій на догматической почвѣ, считая свою задачу исполненною въ томъ отношеніи, что поставили вѣдъ соціалініи философскія основы въ спорѣ о евангорскомъ свѣтѣ и объ энергіи Божіей, и предполагая изложить догматическій споръ въ отдѣльной главѣ.

¹⁾ τὴν ομοίαν τοῦ Θεοῦ μεθεχτὴν καὶ ποιεῖ τοὺς κτίσματος λογικοῖς τε καὶ ἀλόγους, ἐμφύλους τε καὶ ἀψύχους, ὅπερ πάσης ἀσβείας ἐστὶν ἐπέκεινα.

2. Миссія на Западъ. Роль Варлаама въ возбужденіи интереса къ греческимъ занятіямъ въ Италіи.

Царь Андроникъ Младшій раздѣлялъ вѣсть съ другими мыслью о возможности новой попытки организовать крестовый походъ съ цѣлью освобожденія въ-подъ власти мусульманъ Святой земли. Поэтому онъ не прочь былъ вступить въ переговоры съ католическими государями относительно жертвъ, какія можетъ принести Византія въ пользу крестоваго похода ¹⁾. Посредникомъ въ сношеніяхъ византійскаго двора съ католическими государями въ этомъ вопросѣ былъ монахъ Варлаамъ. Получивъ секретныя порученія отъ Андроника къ папѣ и королямъ сцилійскому и французскому, онъ энергично принялся за дѣло и выполнялъ возложенное на него порученіе съ искренностью и достоинствомъ истиннаго патриота. Матеріалы касающіеся дипломатической миссіи Варлаама, весьма хорошо рисуютъ его нравственный обликъ и служатъ лучшимъ опроверженіемъ извѣданныхъ на него нѣкоторыми греческими писателями обвиненій въ диссидушіи и лицемѣрїи.

Византійскіе писатели почти не даютъ и подовѣрять, что Варлаамъ имѣлъ порученіе вести переговоры о такомъ важномъ вопросѣ, который затрогивалъ существенные интересы Греческой имперіи. Весьма глухо и кратко у нѣкоторыхъ ²⁾ упоминается объ его посольствѣ въ Италію, но ни одинъ не говоритъ о цѣли посольства. По всей вѣроятности, данное Варлааму порученіе держалось въ большомъ секретѣ, и такимъ образомъ свѣдѣнія о немъ почерпаются исключительно изъ латинскихъ источниковъ. Это суть официальные акты, извлеченные изъ архива консисторіи папы, обнимающіе дѣло-производство по случаю представленія папѣ [Венедикту XII византійскихъ пословъ монаха: Варлаама и вепеціанскаго дворнина Стефана Дандоло. Въ нихъ заключаются слѣдующіе документы: 1) письмо папы къ сцилійскому королю Роберту; 2) протоколы засѣданія коллегіи кардиналовъ; 3) рѣчь Варлаама; 4) отвѣтъ на нее папы; 5) докладная записка Варлаама; 6) отвѣтъ на эту записку; 7) дру-

¹⁾ О попыткахъ оживить крестоносную идею въ XIV вѣкѣ см. прекрасную монографію *Delaville le Roulx, La France en Orient au XIV siècle. Paris. 1886.*

²⁾ Такъ у Филоаса въ похвалѣ Паламъ, *Migne, t. 151, col. 588:* ' ' δὲ ὁ Варλαὰμ ὁκοστρέφας ἐκ τῆς πρῶτης...

гая записка Варлаама по поводу окончательнаго мнѣнія папы и кардиналовъ ¹⁾). Уже изъ перечня статей можно видѣть, что здѣсь мы имѣемъ хорошій и подлинный матеріалъ для ознакомленія съ возрѣніями Варлаама на предметъ первостепенной важности и для оцѣнки его симпатій и антипатій не по чужимъ словамъ, а по его собственнымъ признаніямъ. Содержаніе означенныхъ документовъ заключается въ слѣдующемъ.

Прежде всего помѣщено письмо папы Бенедикта XII къ королю сицилійскому Роберту. „Явившійся къ намъ аббатъ монастыря Искупителя въ Константинополѣ Варлаамъ, называющій себя посломъ своего государя Андроника, предложилъ на обсужденіе вопросъ о воссоединеніи грековъ со святой римской церковью, о чемъ мы подробно извѣщаемъ ваше королевское величество. Горячо рекомендуемъ названнаго аббата вашей благосклонности. Дано въ Авиньонѣ, 3 кал. сертіемв. анно 5“ ¹⁾). Затѣмъ слѣдуютъ протоколы съ приложеніями.

Въ лѣто 1339 отъ Р. Х. къ его святѣйшеству папѣ Бенедикту XII представился въ Авиньонѣ аббатъ монастыря св. Искупителя въ Константинополѣ Варлаамъ вмѣстѣ съ дворянникомъ Стефаномъ Дандоло, венеціанскимъ рыцаремъ. *Они представили письма королей: Филиппа французскаго и Роберта сицилійскаго, въ которыхъ заключается, между прочимъ, что Варлаамъ съ названнымъ рыцаремъ посланъ въ сію страну отъ великаго князя Андроника, греческаго государя, съ цѣлью переговоровъ о воссоединеніи греческой церкви съ римской. Предъ его святѣйшествомъ и коллегіей кардиналовъ онъ сдѣлалъ слѣдующія предложенія: чтобы на вселенскомъ соборѣ, имѣющемъ быть созваннымъ папой, статья символа о происхожденіи Св. Духа изложена была примѣнительно ко взгляду грековъ и римлянъ, которымъ предоставлена будетъ для того свобода публичныхъ преній и состязаній, и чтобы прежде всего оказано было вспоможеніе со стороны папы и церкви и названныхъ королей и другихъ вѣрныхъ къ возвращенію трехъ или четырехъ большихъ городовъ, которые отняты турками у имперіи Греческой. Спрошены были Варлаамъ и рыцарь: имѣютъ ли они вѣрительную грамоту какъ относительно означенныхъ предложеній, такъ и другихъ подлежащихъ*

¹⁾ Вся эти документы перепечатаны аббатомъ Мимелъ, *Patrologia graeca*, 151, col. 1331; *Varlaami oratio pro Unione*.

²⁾ Бенедиктъ XII избранъ 20-го декабря 1334 г., умеръ 25-го апрѣля 1342 года. Дата падаетъ на конецъ августа 1339 года.

обсужденію вопросовъ или отъ патріарха константинопольскаго, или императора, или отъ вельможъ того государства свѣтскихъ или духовныхъ, ибо иначе всё разсужденіе было бы излишни и не имѣло бы никакого значенія, какъ это видно изъ прежнихъ актовъ. Давно уже заключались торжественныя трактаты объ единеніи церквей, и соглашеніе не разъ было достигаемо; такъ, патріархъ Іоаннъ и императоръ Михаилъ Палеологъ чрезъ своихъ чрезвычайныхъ авокрисаріевъ дали согласіе на Ліонскомъ соборѣ ¹⁾ присоединиться къ тому ученію, которое держитъ святая римская церковь, но потомъ снова отвергли это единеніе, посмѣявшись надъ римскою церковью. На этотъ вопросъ Варлаамъ и рыцарь отвѣчали, что у нихъ нѣтъ ни вѣрительной грамоты, ни приказа. Тѣмъ не менѣе папа и коллегія кардиналовъ, желая воссоединенія, изъ котораго несомнѣнно

¹⁾ *Hefele, Conciliengeschichte, VI (2-e Auflage), Ss. 136 и слл.* Ліонскій соборъ состоялся въ 1274 г. Соборъ уже былъ открытъ, когда прибыла греческая посланная (24-го іюня): бывшій патріархъ Германъ, митрополитъ никейскій Феоданъ, сенаторъ и логоветъ Георгій Акрополитъ и др. Чтобы обезпечить успѣхъ дѣлу уніи, царь Михаилъ Палеологъ къ январю 1274 года подвергъ временному заключенію въ монастырь Шерманента тогдашняго патріарха Іосефа на тотъ конецъ, что если унія не будетъ провозглашена, то патріархъ снова получитъ свободу и возвратится будетъ на патріаршій тронъ; въ противномъ же случаѣ, чтобы лишить его возможности противодѣйствія, предположено было держать его въ монастырѣ. Независимо отъ сего царь потребовалъ отъ константинопольскаго духовенства согласія на слѣдующія статьи: признаніе папскаго примата, право апелляціи къ Риму и пронамошеніе ижеи пави на литургіи. Это требованіе возбуждало сильное возмущеніе, и съ большими трудомъ духовенство согласилось исполнить его, когда царь далъ торжественное обѣщаніе, что символъ вѣры ни на іоту не пострадаетъ. Въ засѣданіи 6-го іюля приняли участіе греческіе послы. Здѣсь почетнымъ были письма отъ царя, духовенства и отъ Андроника Палеолога, въ которыхъ высказывалось, что греки принимаютъ ученіе католической державы, признають приматъ папы. Оговорка сдѣлана по отношенію къ символу, который греческая церковь приняла въ той формѣ, какъ онъ былъ выраженъ до раздѣленія церквей, и еще относительно обрядовой стороны богослуженія. По возвращеніи греческаго посольства съ собора, иже пави было принято въ двѣнадцати церквахъ, и 16-го января 1276 г. въ торжественномъ богослуженіи апостолъ и евангеліе читались и на латинскомъ языкѣ, иже пави Григорія провозглашено съ присоединеніемъ титула „селенскій патріархъ“. На мѣсто патріарха Іосефа избранъ былъ хартофилактъ Іоаннъ Великъ. Но дѣло уніи вскорѣ начало сильноя расшатанія, общинный же папскій походъ на востокъ нео отглядывался. Со смертію Михаила (11-го декабря 1282 г.) и вступленіемъ на престолъ Андроника унія была отвергнута, и греческія церкви стали освящать и прощать святой водой, чтобы очистить ихъ отъ временной скверны.

воспослѣдуетъ спасеніе многихъ душъ, рѣшили допустить къ разсмотрѣнію предложенія Варлаама и венеціанскаго рыцаря. Далѣе приводится рѣчь Варлаама. „Получивъ разрѣшеніе вашего святѣйшества изложить способы, какими, по моему мнѣнію, возможно достигнуть единенія восточной и западной церкви, я прежде всего возношу ко Всевышнему молитву, чтобы онъ внушилъ святой душѣ нашей такія мысли, которыя относятся къ славѣ и похвалѣ вашей, къ уваженію нечестивыхъ и къ совершенству и единенію всѣхъ христіанъ. Могутъ быть два способа къ достиженію униі. Одинъ способъ насилія, если Востокъ присоединится къ единенію съ Римомъ противъ воли, уступая силѣ; другой способъ свободнаго согласія, когда Востокъ добровольно присоединится къ вамъ, наученный и смиренный увѣщаніями и поученіями. О первомъ я не буду говорить. Второй можетъ имѣть двоякіе виды: одними средствами можно примирить съ вами нашихъ ученыхъ, другими простой народъ. Средства для образованнаго класса совершенно просты и легки: пусть придутъ къ вашему святѣйшеству нѣз нашихъ мудрецовъ 30 или 40, и я очень хорошо увѣренъ, что они весьма легко придутъ въ согласіе съ вами. Почему? Да просто потому, что какъ вы, такъ и они ищутъ истины. Итакъ, уже въ силу того, что обѣ части желаютъ истины, должно думать, что скоро найдутъ ее и придутъ къ согласію. Но когда они, согласившись съ вами, возвратятся на Востокъ, то не будутъ въ состояніи побудить нашъ народъ вѣровать такъ, какъ соглашено было съ вами. Найдутся такіе люди, которые или изъ зависти, или изъ тщеславія, а, можетъ быть, и изъ чистыхъ побужденій, будутъ внушать толпѣ противоположныя мысли и скажутъ: „братья! берегитесь соблазна и не слушайте ихъ, они подкуплены подарками и почестями, не отступайте отъ старинны“. Такія внушенія подѣйствуютъ на толпу, а мудрымъ, пришедшимъ съ нами къ согласію, придется подвергнуться опасности жизни отъ толпы. Вслѣдствіе этого указаннйй способъ достаточенъ для ученыхъ, для толпы же не пригоденъ. Какъ же способъ можетъ привести къ униі и образованныхъ людей, и толпу? Простой народъ привыкъ къ мысли, что вселенскіе соборы имѣютъ обязательную силу, что постановленія этихъ соборовъ правильны и святы. Итакъ, если и вынѣ соберутся вселенскій соборъ по поводу тѣхъ разногостей, какія вы имѣете съ греками, то весь Востокъ охотно приметъ постановленія такого собора, и никто не будетъ противорѣчить имъ: такъ установится единогласіе и униі. Если бы кто возражалъ, что уже былъ Лионскій соборъ, на которомъ при-

существовали и греки для обсуждения тѣхъ разностей въ вѣроученіи, то я скажу, что никто не можетъ принудить грековъ принять тотъ соборъ безъ другаго собора. Почему? Да потому, что тѣ греки, которые присутствовали на этомъ соборѣ, не были послами ни отъ четырехъ восточныхъ патриарховъ, ни отъ народа, но были уполномочены однимъ императоромъ, который не добровольно, а насиліемъ былъ приведенъ къ униі съ вами.

Если ваше святѣйшество согласитесь назначать по этому вопросу вселенскій соборъ, то поступите слѣдующимъ образомъ. Пошлите къ восточной церкви легатовъ, людей вѣрующихъ и богобоязненныхъ, полныхъ духа смиренія и терпѣнія, и дайте имъ грамоту такого содержания. Братія! вы знаете, что общій врагъ нашъ, дьяволъ, положилъ соблазнъ между нами и раздѣлялъ насъ; и насъ, и васъ не можетъ не печаливать это, ибо наше раздѣленіе одинаково для насъ вредно. Итакъ, просимъ васъ, патриарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, какъ братьевъ во Христѣ, и другихъ епископовъ и избранныхъ мужей, соберемса въ какомъ либо мѣстѣ и разсудимъ сообща о главныхъ предметахъ ученія и, что внушитъ намъ Духъ Святій, то постановимъ, и надѣемся въ милосердіи Божіемъ устранить соблазнъ и восстановить между нами единодушіе и любовь. Святѣйшій отецъ! если Востокъ услышитъ такіа кроткія слова, то возрадуется императоръ и патриархи и народъ, и немедленно примутъ мѣры согласно съ этимъ предложеніемъ и назначать по согласію съ вашими нунціями время и мѣсто для вселенскаго собора, на которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, провозглашена будетъ униа. Послѣ этого всѣ тѣ, которые принимали участіе въ этомъ соборѣ, скажутъ простому народу: братья! святой вселенскій соборъ вотъ что опредѣлялъ, вамъ слѣдуетъ принять его опредѣленіе. И повѣрьте, что всѣ примутъ. Таковъ, святѣйшій отецъ, единственныи способъ для проведенія униі. Умоляю еще вѣзвѣстить и слѣдующія соображенія. Есть четыре большіе и богатые города, которые были греческими и которые по грѣхамъ нашимъ подпали власти нечестивыхъ турокъ; нынѣшніе правители и оберегатели этихъ городовъ были христіанами и посредствомъ насилія перешли въ турецкую вѣру. Желая, однако, иповѣ обратиться къ христіанству, они дали знать моему императору, что, еслибы онъ пошелъ къ нимъ съ войскомъ, то они передали бы ему означенные города. Императоръ же, не полагаясь на одинъ свой народъ, послалъ насъ къ *христіаннѣйшему королю французовъ просить его помощи*. Ибо, еслибы отнаты были

эти города, то турки немедленно утратили бы свое морское могущество и прекратились бы бѣдствія, испытываемыя христіанами съ моря и намъ бы передались тѣ страны и города, которые находятся между вами и прежде упомянутыми городами, и открылась бы *широкая дорога для крестоваго похода*. И вотъ, *французскій король послалъ насъ къ вамъ, чтобы узнать ваше мнѣніе*. Поэтому, умолимъ васъ, свѣтѣйшій отецъ, благоволите послать помощь въ тѣ страны или прежде послать вашихъ легатовъ, или вмѣстѣ съ ними. Два побужденія заставляютъ меня настаивать на этомъ. Первое то, что нѣмъ людямъ натурально подчиняться своимъ доброжелателямъ, а не врагамъ. Ибо и іудеи, самые неблагодарные между людьми, готовы были поставить Христа королемъ своимъ, когда онъ напичталъ ихъ въ пустынѣхъ цвѣтѣмъ хлѣбами. Если и греки увидятъ оказанную имъ вами помощь, то охотнѣе расположены будутъ внимать словамъ вашихъ легатовъ и исполнять ихъ, и намъ, приверженцамъ уніи, съ большей увѣренностью въ успѣхѣ можно будетъ готовить народъ, и императору данъ будетъ этимъ прекрасный случай сказать патріарху и другимъ епископамъ: смотрите, какъ латинцы расположены къ намъ и какъ заискиваютъ у насъ похвалами дѣлами и ласковыми словами, и намъ слѣдуетъ любить ихъ и изыскивать способы къ соглашенію съ ними. Второе побужденіе слѣдующее. Императоръ не можетъ приписать мѣры къ устройству вселенскаго собора прежде, чѣмъ не кончитъ борьбы съ турками, ибо не въ состояніи, находясь въ войнѣ, ни созвать на соборъ четырехъ патріарховъ и другихъ епископовъ, ни принять участія въ соборѣ, и поэтому необходимо прежде всего отогнать непріятелей отъ границъ имперіи, чтобы дать ему возможность, пользуясь спокойствіемъ, принять надлежащія мѣры.

А какъ въвторые изъ васъ держатся того мнѣнія, что сначала слѣдуетъ править грековъ въ унію, а потомъ уже идти войной на турокъ, то я нахожу это мнѣніе несправедливымъ, и вотъ почему. Первое. Турки вредятъ не однимъ грекамъ, но еще армянамъ и жителямъ Кипра и Негодіа¹⁾, нашимъ подданнымъ, населяющимъ острова. Итакъ, если не находите нужнымъ оказать помощь грекамъ, то нельзя по тѣмъ же соображеніямъ оставлять безъ помощи несчастныхъ армянъ и другихъ христіанъ, подданныхъ нашихъ. Второе. Турки враждуютъ противъ грековъ не потому, что они греки, и не потому, что они отличаются отъ насъ, а потому, что они суть

---

¹⁾ Родоса?

христіане; слѣдовательно, главнѣйше они воюють противъ креста, греки же тутъ случайность. Итакъ, если вы вооружаетесь противъ турокъ, то этимъ оказываєте помощь не грекамъ, но кресту, общему спасенію всѣхъ христіанъ. Справедливо, чтобы и вы были защитниками креста, какъ и греки. Третье. Латинянамъ легче сокрушить турокъ въ союзѣ съ греческимъ императоромъ, пока еще стоитъ Греческая имперія со всѣмъ своимъ авторитетомъ. Почему?—потому что греческое войско опитомъ научилось вести войну съ турками, потому что по всей Турецкой и Сарацинской землѣ разбѣяны многіе христіане, или репегаты, приверженцы греческой власти. Если они узнають, что императоръ приближается къ нимъ съ войскомъ, они сейчасъ же предадутся ему. Но если, отъ чего упаси Богъ, турки сокрушатъ Греческую имперію, они такъ этимъ усилятся, что вамъ почти невозможно будетъ бороться съ ними. Поэтому слѣдуетъ пользоваться благоприятными обстоятельствами и не дожидаться такого времени, когда для васъ будетъ задачей не измысканіе способа идти на нихъ, но принятіе мѣръ къ прикрытію себя отъ нихъ. Четвертое. Еслибы турки обратились къ вамъ съ такими словами: Латиняне! проснитъ насъ соединиться съ нами и панствъ имѣть на татаръ и сарацинъ и сокрушить ихъ, вы бы, конечно, приняли это предложеніе? А почему? Потому что вамъ въ союзѣ съ турками гораздо полезнѣе побѣдить татаръ и сарацинъ, чѣмъ однимъ бороться со всѣми троями. Пятое. Знайте, что грековъ отдѣляетъ отъ васъ не столько различіе догматовъ, сколько та ненависть, которая вибрилась въ нихъ по причинѣ многыхъ бѣдствій, испытанныхъ ими въ разные времена отъ латинянъ и доселѣ ежедневно испытываемыхъ, и нельзя надѣяться на унию, пока не изгладится эта ненависть. Вслѣдствіе чего, если вы не оклажете имъ предварительно крупнаго благодѣянія, то не изгладится вышеуказанная ненависть, и никто не посмѣетъ говорить съ ними по вопросу объ униі. Шестое. Слѣдуетъ вамъ знать, что я посланъ просить у васъ помощи и униі не народомъ греческимъ, а однимъ императоромъ, и при томъ секретно; прежде чѣмъ не будетъ послана помощь въ тѣ страны, императоръ не могъ бы открыться своему народу, что онъ ищетъ униі съ вами. Я высказалъ вамъ свою мысль, остальное пусть будетъ, какъ угодно Богу.

Объяснивъ вамъ этотъ способъ униі, я укажу и другой, хотя и не столько ширинъ, но при помощи Божіей могуціи вести къ униі. Я сказалъ выше, что великая ненависть вибрилась въ душу грековъ противъ латинянъ по причинѣ великахъ бѣдствій, испытанныхъ пер-

выми отъ послѣднихъ, и что прежде чѣмъ изгладится эта ненависть, никто не можетъ проповѣдовать грекамъ идею униіи. Дабы изгладить эту ненависть, умоляемъ, благоволите исполнить слѣдующія три просьбы: во первыхъ, прикажите королю французскому послать туда вспомогательный отрядъ; во вторыхъ, дайте индульгенцію всѣмъ, которые согласятся жертвовать на святое дѣло своимъ имуществомъ и которые умрутъ въ борьбѣ съ турками; въ третьихъ, сдѣлайте распоряженіе, чтобы освобождены были всѣ греки, проданные латинянами въ рабство, иъ бы они ни находились, и чтобы впредь прекратилась торговля плѣнными греками, а если кто уличенъ будетъ въ продажѣ или покупкѣ, тотъ пусть подвергнется отлученію. Но прежде, чѣмъ сдѣланы будутъ эти распоряженія, пошлите въ тѣ страны ученихъ богослововъ, которые, получивъ опасную грамоту отъ императора, будутъ готовить народъ. И очень можетъ быть, что народъ, увидѣвъ знамя вашего благорасположенія, устыдится и согласится даже безъ вселенскаго собора принять унию. Въ заключеніе прошу ваше святѣйшество, если найдете другой способъ достигнуть униіи, покажите намъ его, дабы мы съ своей стороны могли содѣйствовать его осуществленію“.

Папа и коллегія кардиналовъ подвергли зрѣлому обсужденію вышеприведенныя соображенія и отвѣчали вкратцѣ, что на Ефесскомъ соборѣ, равно какъ на Толедскомъ, Лионскомъ и другихъ различныхъ соборахъ, католической церковью торжественно опредѣлено, что Духъ Святый изъ вѣва исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала и согласія, и всякое противоположное ученіе отвергнуто и осуждено; что поэтому несогласно съ достоинствомъ папы и съ авторитетомъ святой церкви Божіей и съ соборіемъ вѣрныхъ нынѣ слова подвергать сомнѣнію и дѣлать предметомъ споровъ и пререканій столь ясно опредѣленный членъ символа вѣры, который греки исповѣдывали въ древнѣйшее время при блаженной памяти папѣ Ормиздѣ и патриархѣ константинопольскомъ Іоаннѣ, во время императора Іустина, и объ исповѣданіи котораго, по истеченіи длиннаго періода времени, патриархъ константинопольскій Іоаннъ и императоръ Михаилъ Палеологъ послали торжественное посланіе блаженной памяти папѣ Іоанну XXI; что апостольскій престолъ въ своихъ поступкахъ и иѣронріятіяхъ, касающихся православной вѣры, усвоенный обычай не отступать отъ стезя правоты и истины, поступилъ бы вопреки своимъ обычаямъ, еслибы по внушенію схизматиковъ и еретиковъ сдѣ-

ласть предметомъ споровъ и пустыхъ разсужденій то, что мудро и торжественно установлено и опредѣлено вселенской церковью.

Вышеназванные Варлаамъ и рыцарь, по выслушаніи этого отвѣта, сказали: „въ томъ случаѣ, если относительно этой статьи греки не согласятся уступить, можно было бы достигнуть уніи при томъ условіи, чтобы грекамъ разрѣшено было исповѣдывать подразумеваемый членъ символа вѣры по своему, между тѣмъ латиняне держались бы католическаго ученія, по которому Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына“. Последовалъ отвѣтъ, что невозможно допустить этого, ибо это значило бы католическую церковь, въ которой одна вѣра, представлять церковь съ двойной вѣрой; это имѣло бы далѣе видъ, что папа, не воспротивившійся такому отступленію, далъ на него свое согласіе.

Для уничтоженія какъ этого, такъ и другихъ заблужденій грековъ и для приведенія ихъ къ уніи, святѣйшій отецъ сообщилъ къ свѣдѣнію Варлаама и рыцаря другой способъ, болѣе легкій и удобный. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы патріархъ константинопольскій и императоръ, созвавъ представителей церквей александрійской, антиохійской и іерусалимской и главнѣйшихъ членовъ клира тѣхъ странъ и дворянъ и старшинъ народа на соборъ, приказалъ выбрать нѣсколько ученыхъ и послать ихъ на Западъ, снабдивъ ихъ полномочіями. Съ своей стороны папа назначилъ для этой цѣли депутатовъ изъ мужей мудрыхъ, свѣдущихъ въ законѣ Господнемъ, которые, однако, имѣютъ не спорить и не составлять съ греками, но стараться просвѣтить ихъ умъ и усовершенить въ спасительныхъ началахъ, какъ относительно вышеуказаннаго члена вѣры, такъ и другихъ вопросовъ, по которымъ они имѣютъ сомнѣнія, дабы такимъ образомъ греки, увидевъ истину католической вѣры и страхнувъ съ себя омраченіе, позратились къ Христову, у котораго одинъ настырь и вѣръ котораго вѣтъ ни благодати, ни спасенія. Созваніе же вселенскаго собора, требующее длиннаго періода времени и издержекъ и утомительныхъ хлопотъ и предполагающее обращеніе къ западнымъ прелатамъ и чинамъ церковнымъ, къ королямъ, князьямъ и другимъ лицамъ, не представляется возможнымъ въ особенности въ настоящее смутное и безпокойное время.

Названный Варлаамъ настаивалъ затѣмъ на необходимости немедленно оказать грекамъ военную помощь и другіе знаки благорасположенія и подкрѣплялъ свою мысль слѣдующими доводами, наложенными въ докладной запискѣ. „Нѣкоторые высказываютъ мнѣніе,

будто есть нѣкоторое неудобство въ томъ, чтобы снова подвергать изслѣдованію достаточно уже выясненные вопросы. Я думаю объ этомъ совершенно иначе. Очень важно подвергать новому изслѣдованію и самое ясное, если относительно его существуютъ у нѣкоторыхъ сомнѣнія; это важно по низеслѣдующимъ соображеніямъ. Вопервыхъ, вы исповѣдуете, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына и отъ Отца, греки же въ этомъ сомнѣваются. Если ваше ученіе истинное, то предложите его на общее изслѣдованіе: то, что для васъ ясно, будетъ тогда ясно и грекамъ. Ибо, какъ ароматъ, который чѣмъ больше подвергается тренію въ рукахъ, тѣмъ больше даетъ пріятный запахъ, такъ и истинна тѣмъ больше выигрываетъ въ ясности и чистотѣ, чѣмъ больше изслѣдуется. Изслѣдованіе не дѣлаетъ сомнительнымъ того, что было прежде ясно, а совсѣмъ наоборотъ то, что было прежде сомнительнымъ, посредствомъ изслѣдованія становится безспорнымъ. Итакъ, то, что было само по себѣ яснымъ, чрезъ изслѣдованіе пріобрѣтаетъ большую ясность. Вовторыхъ, вы ссылаетесь на примѣръ святыхъ отцовъ. Они полагали яснымъ, что Сынъ виѣтъ ту же субстанцію, что и Отецъ. Но, такъ какъ аріане сомнѣвались въ томъ, то, дабы спасти другихъ, святые отцы подвергли этотъ вопросъ изслѣдованію; подобнымъ же образомъ и на другихъ соборахъ православные отцы считали истиннымъ то, въ чемъ сомнѣвались еретики, но это не помѣшало имъ подвергать на общее обсужденіе ясныя предметы вѣроученія. Втретьихъ, я самъ хорошо знаю латинцевъ и не позволю себѣ сказать о нихъ дурное: они ученые и мудрые мужи; но тѣ греки, которые не знаютъ ихъ также хорошо, какъ я, могутъ сказать, что они изъ трусости не соглашались на общее обсужденіе, боясь, чтобы не обнаружилось, что греки ближе въ истинѣ, чѣмъ они. Ибо тотъ, кто увѣренъ въ себѣ и считаетъ себя держащимъ истину, не избѣгаетъ изслѣдованія, а кто уклонится изслѣдованію, внушаетъ подозрѣніе въ трусости. Если продавецъ золотыхъ вещей не соглашается подвергнуть предметъ изслѣдованію на камень, когда покупатель требуетъ опыта, то, естественно, онъ внушаетъ подозрѣніе, что самъ не вѣритъ въ чистоту металла; точно также позванный въ судъ для дачи показанія по какому нибудь дѣлу и уклонившійся отъ явки внушаетъ подозрѣніе, что онъ не увѣренъ въ себѣ и не надѣется доказать истину. Вчетвертыхъ, никакъ не слѣдуетъ опасаться, что этотъ соборъ будетъ имѣть слѣдствіемъ какой либо ущербъ для церкви Восточной; достаточно для этого вспомнить, что всякій вселенскій соборъ сопровождался возвышеніемъ и честью церкви и укрѣ-

пленіемъ истины; все заставляетъ вѣрить, что и настоящій соборъ будетъ имѣть слѣдствіемъ повышеніе церкви Божіей. По поводу того соображенія, что дѣло созванія собора требуетъ продолжительнаго времени и большихъ издержекъ, скажу, что оно не только стѣбитъ большихъ средствъ и времени, но за него можно съ охотой пролить и кровь, если нужно, ибо *большаго дѣла подъ небомъ нельзя себѣ и вообразить, чѣмъ уиія грековъ съ латинянами.*

Мнѣ остается еще сообщить о другомъ способѣ уніи, хотя съ увѣренностью не могу сказать, приведетъ ли онъ къ желанному единенію; но, такъ какъ я увѣренъ, что Богу все возможно, то предложу его на ваше усмотрѣніе. Вы могли бы послать легатовъ своихъ къ четыремъ патріархамъ восточной церкви и къ императору, снабдивъ ихъ такой грамотой: „Вратя! Какъ вы, такъ и мы исповѣдуемъ въ Божествѣ единую субстанцію и триничность лицъ въ единомъ началѣ; ни вы, ни мы не допускаемъ въ Божествѣ ни тождества лицъ, ни раздѣленія субстанціи: этого достаточно, чтобы быть намъ въ уніи. Ученіе о происхожденіи Св. Духа пусть не будетъ причиной раздѣленія; пусть объ этомъ разсуждаютъ ученые съ нашей и вашей стороны, но это не послужитъ поводомъ къ раздѣленію: исповѣдуйте этотъ членъ по вашему ученію, а мы по своему, но не будемъ отлучать другъ друга язъ-за этого вопроса. Вы окажите римской церкви подобающую честь, каковую воздавали ей прежніе патріархи во время единенія и какая причастствуетъ ей по законамъ императоровъ и по правиламъ святыхъ отцовъ, больше того мы не требуемъ отъ васъ. Съ своей стороны мы готовы дать и утвердить за восточной церковью и въ частности за константинопольской и за имперіей Византійской всѣ права, присущія ей по древнему обычаю, или предостановленія ей законами императоровъ и правилами святыхъ отцовъ.“ Святѣйшій отецъ, если съ такими словами вы обратитесь къ грекамъ, то хотя я не могу завѣрить васъ, что всѣ примутъ ихъ, но съ увѣренностью скажу, что примутъ весьма многие, и, можетъ быть, такимъ способомъ Богъ дастъ намъ унію. Умоляю ваше святѣйшество, не отошлите только насъ безъ всякаго знака вашей милости къ моему императору, дабы этимъ подогрѣть его расположеніе къ единенію съ нами“.

На это пана и коллегія кардиналовъ отвѣчали, что хотя сами по себѣ указанія въ запискѣ Варлаама соображенія не представляютъ ничего невозможнаго, но въ общемъ предложеніе его нельзя принять. Ибо апостольскій престолъ укрѣпилъ грековъ, обогатилъ и возвысилъ,

но они обратили спину къ римской церкви. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что папа, церковь и другіе вѣрные сдѣлаются предметомъ поруганія и насмѣшекъ, если окажется, что они поддерживали непрителей и враговъ и участвовали съ ними въ соблазнительныхъ дѣлахъ. Но, если при помощи того, кто просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, сердца грековъ просвѣщены будутъ изліяніемъ благодати и они постараются тѣмъ путемъ, какой Господь уважаетъ, возвратиться къ повиновенію, единенію и почтенію римской церкви, тогда съ великою радостью и расположеніемъ самъ Господь и апостольская вѣра примутъ ихъ въ радостныя объятія, и тогда не только ищѣнная ихъ просьба будетъ удовлетворена, но и относительно другихъ ихъ потребностей оказано будетъ вспоможеніе, совѣтъ и расположеніе.

Послѣ этого Варлаамъ передъ отправленіемъ своимъ въ Грецію заявилъ, что, хотя онъ не можетъ не признать даннаго ему отвѣта справедливымъ и резоннымъ, тѣмъ не менѣе находитъ труднымъ и даже невозможнымъ осуществленіе той части римскаго проекта, которая касается посланки изъ Греціи ученыхъ мужей, развѣ только Господь, для котораго нѣтъ невозможнаго, благоволитъ дать къ тому возможность. Эту мысль онъ изложилъ въ запискѣ слѣдующаго содержанія: „Святѣйшій отецъ! Хотя и имѣю уже вашъ отвѣтъ, но умоляю оказывать вниманіе еще немногимъ моимъ словамъ, которыя необходимо и мнѣ изложить, и вамъ знать. Ваше святѣйшество выразила мнѣнїе по дѣлу объ униі восточной церкви, что изъ восточныхъ странъ должны явиться легаты, снабженные императорскими грамотами и соборными постановленіями. Молю Бога, чтобы онъ сдѣлалъ это возможнымъ, но само по себѣ это весьма трудно по многимъ причинамъ. Прежде всего, императоръ не посылаетъ никому открытъ, что онъ замышляетъ унию съ вами; поелику, еслибы онъ открылъ кому свое намѣреніе, то многіе изъ его вельможъ и даже изъ народа стали бы искать случая убить его, дабы не испытать того же, что сдѣлалъ (для нихъ Михаилъ Палеологъ). Кромя того, константинопольская церковь не можетъ послать своихъ легатовъ безъ согласія патріарховъ александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, поэтому нужно будетъ и ихъ пригласить на соборъ, что оказывается невозможнымъ по причинѣ войнъ. Далѣе, можно сомнѣваться еще и въ томъ, какъ примутъ они предложеніе явиться на соборъ. Наконецъ, допустимъ, что они явились и пришли къ единодушному рѣшенію послать легатовъ, но никакъ уже нельзя ожидать, чтобы они дали своимъ легатамъ полномочія на унию, или чтобы общались безъ всякихъ ого-

порокъ и условій принять и утвердить все то, что сдѣлаютъ легаты; а развѣ вы согласитесь принять эти оговорки? Поэтому я думаю, что легаты не будутъ посланы уже потому, что на Востокахъ увѣрены, что вы никакъ не допустите условнаго соглашенія. Въ концѣ концовъ, если случится, что къ нашему свѣтѣйшему придутъ легаты, смотрите на это, какъ на дѣйствіе Промысла Божія, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго; но, если случится, что они не придутъ, не ставьте этого въ вину императору и не думайте, что это зависело отъ его неурядиці, ибо онъ давно уже одушевленъ желаніемъ уніи". Затѣмъ Варлаамъ присоединилъ на словахъ, что, не смотря ни на что, какъ бы ни казалось труднымъ, или почти невозможнымъ дѣло уніи, онъ самъ будетъ усердно трудиться въ его пользу.

Затѣмъ Варлаамъ ушелъ въ Грецію.

Приведенные документы весьма хорошо характеризуютъ Варлаама и льютъ идею объ его политическомъ и нравственномъ направленіи. Они характеризуютъ также дѣлю партію византійскихъ западниковъ, которая согласна была сдѣлать нѣкоторые уступки въ пользу латинской церкви, лишь бы получить отъ Запада благовременную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ. Напрасно было бы подозрѣвать Варлаама въ излишней преданности латинству. Въ Авіньонѣ онъ былъ искреннимъ и преданнымъ слугою императора и защищалъ до послѣдней крайности интересы Греческой имперіи. Онъ при томъ хорошо сознавалъ, что главное препятствіе для уніи представляетъ народная масса, которую трудно будетъ убѣдить въ томъ, въ чемъ легко сговорится съ интеллигентнымъ классомъ. Что на первомъ планѣ были у него интересы Византіи, видно изъ того, какъ онъ настаивалъ на важности послыя вспомогательнаго отряда и вообще на выраженіи вниманія къ грекамъ, которое бы хотя сколько нибудь разсѣяло причины недоумѣнія грековъ къ латинянамъ. По всему видно, что онъ глубоко вѣрилъ въ возможность соглашенія между Востокомъ и Западомъ въ дѣлахъ вѣры, вѣрилъ, что возможно еще спасти многое, если сдѣланы будутъ взаимныя уступки. Очень любопытна его точка зрѣнія на догматическія разногласія. Унія, по его взгляду, была бы возможна и въ томъ случаѣ, еслибы объ церкви остались каждая при своемъ мнѣніи по отношенію къ ученію объ исхожденіи Духа Святаго. Всюду въ симпатичномъ свѣтѣ рисуетъ его и та часть рѣчи, гдѣ онъ касается торговли христіанскими невольниками.

Положеніе, принятое папой и кардиналами, далеко не соответствовало воззрѣніямъ и ожиданіямъ Варлаама. Римская курія не со-

гласна была ни на какія уступки и твердо стояла на требованіи, чтобы сначала греки приняли унию, а потомъ уже могли ожидать всякаго содѣйствія со стороны государей Европы и римской церкви. Такъ какъ точка зрѣнія коллегіи кардиналовъ на опасность, которой подвергалась Византія и которая уже въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ угрожала и всей Западной Европѣ, представляють для насъ особенный интересъ по отношенію къ изученію восточнаго вопроса, то мы дополнимъ эту часть негодіаціи Варлаама.

Съ половины XIV вѣка и до самаго паденія Константинополя римская курія ни на волосъ не отступила съ своей позиціи по вопросу о помощи христіанской имперіи на Востокъ. Въ нашемъ распоряженіи есть документъ, составленный въ Римѣ, въ декабрѣ 1452 года ¹⁾, касающійся того же самаго вопроса, который защищалъ Варлаамъ въ Авиньонѣ. Не извѣстный авторъ пишетъ трактатъ на тему: *Должны ли христіане помочь грекамъ?* Вопросъ этотъ рѣшается различно, — говоритъ онъ. Есть сильная партія, держащаяся того мнѣнія, что никоимъ образомъ грекамъ не слѣдуетъ оказывать помощи, и есть партія противоположнаго взгляда на дѣло, которая доказываетъ, что непременно нужно оказать грекамъ содѣйствіе. Я, — продолжаетъ авторъ, — изложу мнѣніе той и другой партіи и представлю ихъ на усмотрѣніе свѣтѣйшаго отца нашего. Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, что нашъ документъ имѣетъ officialный характеръ и выражаетъ дѣйствительное положеніе партій въ Римѣ въ несчастную годину паденія Константинополя.

Свою тему авторъ рѣшаетъ посредствомъ постановки слѣдующихъ вопросовъ: 1) обязаны ли христіане по долгу любви подать помощь грекамъ въ угрожающей имъ опасности? 2) обязаны ли христіане пожогать грекамъ, пренебрегающимъ своими духовными и временными благами, въ неминуемой для нихъ опасности? 3) обязаны ли къ вышеуказанному папа преимущественно передъ другими королями и князьями христіанскими?

Первое положеніе рѣшается сначала въ отрицательномъ смыслѣ. Имѣя въ виду, что греки суть еретики и схизматики и отлученные отъ общенія съ дерковью, имъ не только нельзя оказывать помощи, но нельзя входить съ ними и въ общеніе. Эта мысль подтверждается частію отдѣльными доказательствами; некоторые изъ нихъ весьма интересны. Таково третье доказательство. Греки самые небла-

¹⁾ Рукопись находится въ Римѣ, *Bibliot. Casanatensis*, D. I. 20, fol. 9.

годарные люди; хотя они получали много благодѣвій отъ латинской церкви и отъ королей и князей христіанскихъ въ древнія и новыя времена, но всегда были и нынѣ оказываются глухими и неблагорасположенными. Еще лучше нитое: такъ какъ турки въ рукахъ Промысла могутъ служить орудіемъ Божественной сираведливости, подобно элементамъ и дикимъ животнымъ, то Промыслъ Божій можетъ избрать турокъ исполнителями своего гнѣва на грековъ. Слѣдуютъ возраженія на эти положенія. Но христіанищъ обязанъ любить ближняго, какъ самого себя; итакъ, грекамъ слѣдуетъ оказать помощь, хотя бы они были и схизматиками. Эта мысль подтверждается также отдѣльными доказательствами. Нужно помочь грекамъ, потому что изъ двухъ золъ слѣдуетъ выбирать меньшее, а греки меньше намъ опасны, чѣмъ турки. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что по завоеваніи Константинополя турки нанесутъ большой ущербъ сосѣднимъ странамъ. А потому лучше терпѣть грековъ, подобно тому, какъ церковь терпитъ дурныхъ женщинъ для избѣжанія большихъ бѣдствій. Хотя утверждается, что греки схизматики и еретики, но между ними есть и хорошіе люди, ради которыхъ слѣдуетъ помочь и остальнымъ.

Второй вопросъ рѣшается также сначала рго, потомъ contra. Итакъ, обязаны ли христіане помочь грекамъ, хотя бы они пренебрегали своимъ спасеніемъ, то-есть, не просили помощи? Все же слѣдуетъ помочь по слѣдующимъ основаніямъ. Пужно спасти греческое племя и городъ. И при томъ, если просятъ о помощи представителя ихъ, то остальныхъ слѣдуетъ спасти даже противъ ихъ воли. Итакъ, нужно оказать помощь изъ уваженія къ городу, въ которомъ почиваютъ тѣла святыхъ, изъ-за церквей и священныхъ сосудовъ, изъ почтенія къ памяти основателя города, который оказалъ много услугъ церкви.

Третій вопросъ также разсматривается и въ отрицательномъ, и въ положительномъ смыслѣ. Папа и церковь должны даже не пасть священныхъ предметовъ, чтобы приобрѣсти средства на освобожденіе грековъ отъ бѣдствій. Предшественники ваши ¹⁾ на римскомъ престолѣ принимали энергическія мѣры къ освобожденію грековъ (приводится брже Григорія XII и Евгенія IV). Изъ чего видно, что, не смотря на прегрѣшенія грековъ, ихъ слѣдуетъ спасти. Меньше опасности переносить грековъ, чѣмъ турокъ, ибо изъ турокъ никто не обратится, изъ грековъ же многое. Турки преслѣдуютъ грековъ не

¹⁾ Докладъ предназначался для папы Калиста III (1445—1458).

потому, что они греки, а потому, что они христіане. И такъ, въ лицѣ ихъ преслѣдуются всѣ христіане. Для чего же и дана папѣ высшая власть на землѣ, какъ не съ тѣмъ, чтобы проявлять ее въ важныя эпохи. А турки не только не хотятъ отдать силой отпыхъ у христіанъ городовъ, но замышляютъ похитить и другіе и самое христіанство вырвать съ корнемъ. Папа долженъ обуздать ихъ, на то у церкви есть сокровища, на то у папы свѣтская власть, къ этому побуждаютъ его примѣры предшественниковъ. Турки завлали всю Азію и часть Европы, населенную греками, то-есть, провинціи Фракію, Македонію, Илирію, Эпиръ, Болгарію и большую часть Албаніи, продаютъ въ рабство христіанскихъ исполнителей, обращаютъ христіанскихъ дѣтей въ войско имъчаръ. Папѣ необходимо во что бы то ни стало достигнуть всеобщаго перемирія и затѣмъ совершить походъ на Востокъ ¹⁾.

Фактически миссія Варлаама не имѣла никакихъ послѣдствій, ибо на Западѣ не расположены были къ новому крестовому походу и во всякомъ случаѣ требовали отъ грековъ предварительно безусловнаго присоединенія къ униі. Для частной исторіи Варлаама, въ особенности же для характеристики его научнаго значенія и для протѣрки отзывовъ о немъ со стороны греческихъ писателей, миссія на Западѣ имѣетъ весьма важный интересъ. Варлааму удалось завязать въ Италіи такія знакомства въ литературномъ мірѣ, которыя уже сами по себѣ оправдываютъ тотъ почетъ, какимъ онъ пользовался въ Константинополѣ въ придворномъ кругу. Историкъ эпохи Возрожденія не можетъ обойти молчаніемъ имя Варлаама уже потому, что онъ оставилъ въ Италіи довольно замѣтные слѣды, что къ нему съ уваженіемъ и благодарностью относились выдающіеся дѣятели той эпохи: Петрарка, Боккаччо, Перуджино и Леонтій Пилатъ. Слѣдовательно, есть много основаній, заставляющихъ внимательно оставаться на путешествіи Варлаама на Западѣ, хотя бы главная цѣль этого путешествія и осталась невыполненной.

Новѣйшіе исследователи по эпохѣ Возрожденія выдвинули очень любопытную въ культурно-историческомъ отношеніи проблему: какую форму развитія получила бы эпоха Возрожденія и западно-европейская культура послѣднихъ трехъ вѣковъ, еслибы италіанское Возрожденіе

¹⁾ Въ заключеніи авторъ говоритъ: *supplico prefato sanctissimo domino nostro cuius est ista corrigere et emendare, pro cuius gloria et honore coram Deo et hominibus sic insulse haec scripta sunt zelo meo licet forte non secundum conscientiam si in aliquo erravi indulgere dignetur.*

признано было болѣе глубокимъ изученіемъ эллинизма, то-есть, еслибы эллинизмъ, а не романизмъ, лежалъ въ основаніи европейскаго Возрожденія? Проблема, безусловно заслуживающая вниманія, какъ скоро плоды эпохи Возрожденія мы будемъ оцѣнивать съ точки зрѣнія преобладавшаго романизма или эллинизма въ западно-европейской культурѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ западно-европейскій романизмъ получилъ преобладающее значеніе, элементы же эллинизма (искусство, государственность и т. п.) сравнительно слабѣе примѣнены были къ жизни.

Если принять во вниманіе не прерывающійся во всѣ средніе вѣка обмѣнъ сношеній между Италіей и Византіей, если судить по приглашеніямъ византійскаго правительства считать Италію своею провинціей, если вспомнить, какъ много грековъ жило въ южной Италіи и сколько калабрійцевъ и сицилійцевъ дѣйствовало въ Византіи, то можно бы принять за несомнѣнное, что греческій языкъ и греческія занятія составляли въ Италіи не чуждую область. Но, если обратиться къ фактическимъ даннымъ, то найдемъ, что романы также пренебрегали въ средніе вѣка греческимъ языкомъ, какъ эллины латинскимъ. Довольно извѣстенъ тотъ фактъ, что на вселенскихъ соборахъ, а равно при дипломатическихъ сношеніяхъ, греки общивались съ италявцами посредствомъ переводчиковъ, что въ этихъ послѣднихъ, порядочно знающихъ тотъ и другой языкъ, былъ большой недостатокъ въ Римѣ и Византіи, что переводъ актовъ съ одного языка на другой часто былъ далеко не вѣрный. Вообще, въ дѣйствительности весьма немногіе греки учились латинскому языку, точно также весьма немногіе италявцы знали греческій языкъ. Ученѣйшій патріархъ Фотій не зналъ латинскаго языка, бібліотекаръ Анастасій дѣлаетъ большія погрѣшности противъ греческаго въ своихъ переводахъ на латинскій языкъ. Въ XIV вѣкѣ во всей Италіи можно было пазвать наперечетъ понимающихъ по-гречески.

Петрарка и Боккачіо оба одинаково чувствовали важность греческой литературы и сожалѣли о томъ, что не могутъ владѣть греческимъ языкомъ, вслѣдствіе чего передъ ними закрытъ былъ богатый источникъ, изъ котораго древніе не успѣли вычерпать все живое и полезное. Еслибы соединить, — говоритъ Боккачіо ¹⁾, — латинскія занятія съ греческими, этимъ много бы приобрѣсть намъ. На греческомъ остается еще много такого, что не извѣстно Западу и что помогло бы намъ далеко двинуться въ просвѣщеніи. Ревность

¹⁾ *Genealogia d'ecorum*, lib. XV, стр. 7.

и усердіе, съ которыми Петрарка и Боккачіо заботились о разысканіи и покупкѣ греческихъ рукописей, любовь, съ которой они относились къ рѣдкимъ еллинистамъ, бывавшимъ тогда въ Италиі, свидѣтельствуютъ, что, по крайней мѣрѣ, лучшіе дѣятели того времени, подготовлявшіе возрожденіе, понижали важное значеніе еллінизма. На сколько фактически слабо было въ Италиі знаніе греческой литературы, видно изъ того, что первое знакомство съ Гомеромъ итальянцы получали изъ латинскаго перевода, сдѣланнаго по внушенію Петрарки и на средства Боккачіо ученикомъ Варлаама, грекомъ Леонтиемъ Пилатомъ. Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ почетна роль нашего Варлаама, являющагося въ Италиі первымъ сѣятелемъ еллінизма, урокамъ котораго непосредственно или посредственно обязаны были Перуджино, Петрарка и Боккачіо.

Исправляя миссію императора Андроника въ Италиі, Варлаамъ, какъ образованный человѣкъ, обладавшій богатыми литературными знаніями, вездѣ завязывалъ тѣсныя дружескія сношенія съ людьми, интересующимися литературой. Такъ, въ Неаполѣ онъ свелъ дружбу съ библиотекаремъ короля, Перуджино. И любопытно, что проиндоссіе Перуджино *Collectiones* не только обилуетъ цитатами, взятыми отъ Варлаама, но одна изъ не обязано ему лучшими учеными своими частями ¹⁾.

Collectiones Перуджино есть то произведеніе, которое по содержанию своему соприкасается съ *Genealogia deorum* Боккачіо и о которомъ нѣкоторые писатели высказывали мнѣніе, что оно легло въ основаніе труда Боккачіо. Если въ пастолщее время и нельзя болѣе отставать эту мысль, то можетъ не подлежать сомнѣнію, что основною ученою фоню въ томъ и другомъ сочиненіи давъ ученымъ греческимъ монахамъ, многія изъ теорій и объясненій котораго нашли себѣ мѣсто и въ знаменитомъ сочиненіи Боккачіо.

Петрарка, можетъ быть, живѣе другихъ сознававшій, что латинская наука и литература есть дочь греческой, и что нельзя прійти къ сущности вещей, если не обратится прямо къ греческимъ источникамъ, считалъ для себя особенно благоприятнымъ обстоятельствомъ, то могъ лично познакомиться съ Варлаамомъ въ Авиньонѣ и оцѣнить его обширныя познанія.

Изъ писемъ Петрарки, равно въ сочиненіяхъ Боккачіо ²⁾, нахо-

¹⁾ Paolo singulari amicitia Barlaae junctus, quae a latinis habere non potuit, eo medio (то-есть, Варлаама) innumera extruxit a graecis.

²⁾ *Fracassetti*, *Lettere di Francesco Petrarca*, Firenze, 1862—1867, 5 томовъ; *Boccaccio: Genealogia deorum*; *Corazzini*, G. Boccaccio, *Le Lettere edite e inedite*, Firenze, 1877; *Attilio Hortis*, *Study sulle opere latine del Boccaccio*, Trieste, 1887.

димъ любопытный матеріалъ для освѣщенія просвѣтительной роли монаха Варлаама въ Италіи и выясненія разнообразныхъ научныхъ вліяній, которыя шли отъ него. Изученіе этого матеріала приводитъ къ выводу, что Варлаамъ не только лично участвовалъ въ распространеніи греческихъ знаній посредствомъ уроковъ своихъ Петrarкѣ, но еще больше посредствомъ своихъ учениковъ, между которыми выдѣляются Церуджино и Пилать.

Петrarка познакомился съ Варлаамомъ въ Авиньонѣ и сталъ учиться у него греческому языку. Извѣстно, что пребываніе Варлаама при дворѣ папы продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ; 30-го августа 1339 года онъ долженъ былъ снова отправиться въ Неаполь, а потомъ въ Константинополь. Могло случиться, что Петrarка воспользовался и вторичнымъ прибытіемъ Варлаама въ Авиньонъ въ 1342 году для продолженія ранѣе начатыхъ занятій. Часто упоминаемая въ своихъ письмахъ о Варлаамѣ и о греческихъ съ нимъ занятіяхъ, Петrarка, однако, ни разу не даетъ предполагать, что онъ дважды принимался за изученіе греческаго языка, при томъ же единственной причиною перерыва своихъ занятій онъ указываетъ возведеніе Варлаама въ епископское достоинство и назначеніе его на кафедру въ Geraci, въ Калабрію. Нельзя думать, что Петrarка достигъ большихъ свѣдѣній въ краткій срокъ, да онъ, впрочемъ, и самъ не выдаетъ себя за знатока греческаго языка, высказывая не разъ горькое сожалѣніе по случаю перерыва своихъ занятій съ Варлаамомъ. Такъ, въ письмѣ, написанномъ Немега Graie Musae principis, гдѣ, между прочимъ, пересчитываетъ немногихъ еллинистовъ въ Италіи, Петrarка говоритъ и о своемъ учителѣ: „былъ еще мой учитель, который, возбуждая во мнѣ сладчайшую надежду, оставилъ меня на начаткахъ ученія (in ipso studiorum lacte), будучи похищенъ смертію; хотя я и самъ болѣе заботился о немъ, чѣмъ о себѣ, способствовалъ возведенію его въ епископское достоинство, вслѣдствіе чего лишился его руководительства“. Въ другомъ письмѣ къ Николаю Сигеру²⁾, извѣстному государственному дѣятелю въ Византію, благодаря его за любезную присылку кодекса Гомера, съ котораго и сдѣланъ былъ потомъ первый латинскій переводъ этого поэта, Петrarка говоритъ, между прочимъ, о своихъ недостаточныхъ познаніяхъ въ еллинскомъ языкѣ и о своемъ учителѣ. „Что теперь могу я предпринять? Ты, счастливо соединившій знаніе того и другаго языка, находишься

¹⁾ *Fracassetti*, De reb. famil., lib. XXIV, ep. 12 (vol. III, p. 293).

²⁾ *Ibidem*, lib. XVIII, lett. 2.

отъ меня въ чрезвѣрномъ отдаленіи, а Варлаама отняла у меня смерть, или, правильнѣе, я самъ лишилъ себя его общества, когда, предпочитая честь его своей личной потерѣ и возвышая его въ епископскій санъ, я потерялъ въ немъ учителя, съ которымъ началъ проходить съ успѣхомъ науку (*sub quo militare coeregam magna cum spe*). Ты мнѣ оказалъ большую услугу, я же не знаю, чѣмъ могу отблагодарить тебя. Между тѣмъ какъ Варлаамъ ежедневными занятіями со мною приносилъ мнѣ много пользы, не знаю, чистосердечно ли, или только изъ вѣжливости онъ высказывалъ, что изъ свою очередь и самъ извлекаетъ громадную выгоду изъ нашей солиднѣйшей жизни (*incipit ingens ex convictu nostro se percipere beneficium*). Это былъ человекъ, столько же обладавшій прекраснымъ даромъ греческаго словеснаго искусства, сколько лишенный этого дара въ латинскомъ языкѣ, будучи богатъ идеями и отличаясь острымъ умомъ, онъ затруднялся въ выраженіяхъ, способныхъ передать его мысли. Такимъ образомъ, оказывая взаимную помощь, я подъ его руководствомъ несмѣлыми шагами направился въ область, гдѣ онъ господствуетъ; онъ же, пользуясь моими указаніями, шелъ твердымъ шагомъ въ нашу область. И здѣсь между нами было другое различіе: онъ больше зналъ по-латыни, чѣмъ я по-гречески. Я только что начиналъ греческія занятія, онъ же въ латинскихъ не былъ совсѣмъ новичкомъ, такъ какъ родился въ италіанской Греціи, былъ старше меня лѣтами, жилъ въ обществѣ, говорящемъ на латинскомъ языкѣ, и проходилъ латинскую школу; такимъ образомъ ему легче было возвратиться къ прежней привычкѣ ¹⁾. Итакъ, его отняла у меня смерть, тебя же даль, подобная смерти. Но какъ бы то ни было, мнѣ пріятна мысль имѣть такого друга, хотя до слуха моего не доходитъ живой твой голосъ, который могъ бы или воспламенить, или умѣрить мою жажду къ ученію, вслѣдствіе чего твой Гомеръ остается нѣмъ для меня, и я глухъ по отношенію къ нему. Но мнѣ пріятно и видѣть его, и часто обвиняю его, и говорю со вздохомъ: о, великій мужъ! какъ бы желалъ я послушать тебя! Но одно мое ухо вложила смерть, другое невзвистная отдаленность мѣстъ ²⁾.

¹⁾ Ego tunc primum inchoabam, aliquantulum ille processerat, ut qui italica natus esset in Graecia, et qui licet aetate provector, latinorum conversationem magisteriumque sortitus, ad naturam propriam facillius remearet.

²⁾ Далѣе Петрарка сообщаетъ, что у него есть теперь въ библиотекѣ Платона и Гомеръ; гречесов proprio in habitu spectare etsi forte non prosit, certe juvat. Просить поместить для него Гесиода и Еврипиду.

Это прекрасное письмо къ Н. Сигеру, съ которымъ Петрарка познакомился также въ Авиньонѣ, весьма любопытно въ исторіи пробужденія греческихъ знаній въ Италіи. Оно также даетъ достаточную характеристику отношеній Варлаама къ Петраркѣ и позволяетъ заключать, что греческій монахъ посвятилъ добрыя сѣмена въ души Петрарки. Этимъ, впрочемъ, не исчерпывается благодарная память ученика къ учителю ¹⁾. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ ²⁾: я всегда горѣлъ желаніемъ изучать греческую литературу, и еслибы фортуна не позанидowała моимъ личинаніемъ и смерти не лишила меня прекраснаго учителя, теперь бы я былъ уже навѣрное не начинающей эллинистъ. Наконецъ, въ трактатѣ *De contemptu mundi*, написанномъ въ 1343 году, онъ влагаетъ въ уста блаженнаго Августина слѣдующія слова: „ты утверждаешь, что недавно тщательно занимался Платономъ? — Да, — отвѣчаетъ Петрарка, — занимался тщательно и съ надеждой на успѣхъ, но новостъ иностраннаго языка и послѣднее удаленіе учителя не позволили осуществиться моему желанію“.

Вліяніемъ на Петрарку и благодарными воспоминаніями ученика къ учителю далеко не исчерпываются результаты дѣятельности греческаго монаха на пользу италіанскаго Возрожденія. Петрарка, самъ не успѣвъ узнать греческій языкъ на столько, чтобы читать въ оригиналѣ греческихъ авторовъ, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ Варлааму живой любовью къ греческой литературѣ и сознаніемъ важности ея для Запада. Въ своихъ сношеніяхъ съ литературными людьми эпохи, Петрарка нерѣдко указываетъ на греческихъ писателей, поощряетъ переводы ихъ и содѣйствуетъ своими совѣтами и вліяніемъ къ правильной постановкѣ греческихъ занятій. Съ другой же стороны, собственное вліяніе Варлаама не ограничивалось только тѣмъ, что онъ успѣлъ внушить Петраркѣ любовь къ этимъ запитіямъ.

Продолжателемъ дѣла Варлаама былъ ученикъ его, тоже калабрійскій уроженецъ, Леонтій Пилать. Благодаря поощренію Петрарки и содѣйствію Боккачіо, Италія увидѣла первый латанскій переводъ Гомера, сдѣланный упомянутымъ ученикомъ Варлаама. На пути изъ Венеціи въ Авиньонъ въ 1360 году, Боккачіо повстрѣчался съ Л. Пилатомъ, уговаривалъ его оставить палѣтроніе ѣхать въ Авиньонъ и взялъ съ собой во Флоренцію. Собственно этому болѣе счастливому

¹⁾ Въ сочиненіи *De sui ipsius et aliorum ignorantia* онъ называетъ Варлаама *modernum graecae specimen philosophiae*.

²⁾ *Variac*, № 25.

ученику Варлаама отводится обыкновенно главная роль въ пробужденіи греческихъ занятій въ Италиі, хотя, несомнѣнно, онъ былъ гораздо ниже Варлаама какъ въ умственномъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Л. Пилатъ три года провелъ подъ одной кровлей съ Боккачіо, который съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ другъ его Петрарка, воспользовался знакомствомъ съ еллинистомъ. Боккачіо такъ обозначаетъ въ *Genealogia deorum* свои заслуги въ дѣлѣ пробужденія еллинскихъ занятій: „я первый изъ латинянъ слушалъ Илиаду у Леонтин Палата и первый содѣйствовалъ тому, что сочиненія Гомера сдѣлались предметомъ публичнаго преподаванія. Хотя самъ я не вполнѣ научился греческому языку, но я сдѣлалъ, что могъ, и, конечно, усвоилъ бы его вполнѣ, еслибы побольше пробылъ у насъ этотъ непосидчивый человекъ* (то-есть, Пилатъ). Собственно Боккачіо считается въ Италиі основателемъ греческаго изученія; ему первому обязана Италиі знакомствомъ съ еллинскими писателями ¹⁾.

Нельзя считать слова Боккачіо относительно Гомера преувеличеніемъ. Дѣйствительно, въ 1363 году составленъ первый полный латинскій переводъ Гомера. Хотя у средневѣковыхъ писателей до XIV вѣка находимъ нѣрѣдко цитаты изъ Гомера, но они обличаютъ знакомство не съ полнымъ Гомеромъ, а лишь съ компендіями, или сокращеніями, приписываемыми Авсолю и Пиндару Фивскому. Собственно изученіе мифологическаго и литературнаго содержанія пѣсенъ Гомера начинается съ Боккачіо, который въ своей *Genealogia deorum* передаетъ комментарий къ Гомеру, главнымъ образомъ заимствованный изъ уроковъ своего учителя. Боккачіо открываетъ собой также новую эру въ изученіи Платона. Въ библиотекѣ Петрарки было 16 рукописей этого философа; Боккачіо желалъ начать переводъ нѣкоторыхъ діалоговъ, но ему отсвѣтовалъ это Петрарка, указавъ, что въ одно и то же время братья за Гомера и Платона было бы обременительно.

Петрарка принималъ самое живое участіе въ занятіяхъ Боккачіо съ Л. Пилатомъ. Онъ предоставлялъ имъ въ распоряженіе свой кодексъ Гомера, усматривая въ предпріятіи Боккачіо не частное дѣло,

¹⁾ Современникъ его Манетти говоритъ: totum hoc quicquid apud nos graecorum est, Boccaccio nostro feratur acceptum, qui primus praecceptorem et libros graecos a nobis per longa terrarum marisque spatia distantes propriis sumptibus in Etruriam adduxit (Attilio Hortis, p. 367).

а общественное¹⁾. Онъ живо интересовался ходомъ дѣла и просилъ не оставлять его безъ извѣстій о продолженіи перевода, заранѣе обѣщая полное свое содѣйствіе. Давая совѣты относительно перевода, Петрарка указывалъ образцы хорошаго дословнаго перевода съ иностраннаго языка на латинскій въ переводѣ хроники Евсевія Кесарійскаго на латинскій языкъ. Петрарка предупреждаетъ, что слишкомъ буквальный переводъ можетъ повредить поэту. Когда переводъ сталъ близиться къ концу, Петрарка заказалъ лично для себя копію съ этого перевода²⁾ и, извѣщая о полученіи этой копіи въ 1364 году, писалъ³⁾: „эта послѣдняя наполнила радостью и удовольствіемъ меня и всѣхъ какъ грековъ, такъ и латинцевъ, которые посѣщаютъ мою бібліотеку⁴⁾. Владѣя копіей перевода Гомера, Петрарка могъ, наконецъ, съ полною гордостью сознавать, что ему удалось осуществить свою заветную мечту и имѣть въ своей бібліотекѣ греческаго поэта, который не былъ больше чѣмъ для него.

Л. Цилать былъ хорошей еллинастью, но плохой латинистъ. Боккачіо говоритъ о немъ⁴⁾: *latinum non satis adhuc instructus* У *Hortis* приведены образчики его перевода, который можетъ быть признанъ довольно точнымъ, но не изящнымъ.

Приведенные факты не оставляютъ сомнѣнія, что Варлаамъ непосредственно на Петрарку и Леонтія Цилата, посредственно же на Боккачіо оказывалъ безспорное вліяніе въ смыслѣ оживленія греческихъ занятій въ Италіи. Тотъ живой интересъ къ изученію еллинской литературы, который мы замѣчаемъ у Петрарки, бывшаго въ свою очередь вдохновителемъ Боккачіо, несомнѣнно, долженъ быть относима къ бесѣдамъ и урокамъ Варлаама, обладавшаго большимъ даромъ пронагапды и умѣявшаго увлекать своихъ собесѣдниковъ.

Если мы, далѣе, посмотримъ внимательно въ произведенія первыхъ италіанскихъ еллингистовъ, то просвѣтительная роль Варлаама представится намъ еще болѣе осязательною. Ученый аппаратъ, которымъ поражаетъ Боккачіо въ своей *Genealogia deorum*, мифологическія и литературныя свѣдѣнія, которыя онъ пускаетъ въ оборотъ, главнѣйше идутъ отъ нашего Варлаама. Прослѣдить это научное преемство въ

¹⁾ *Fracassetti*, V. *Varine*, XXV (pp. 303—305).

²⁾ *Rerum. senil*, lib. III, ep. 6.

³⁾ *Ibid.* lib. VI, ep. 2.

⁴⁾ *Geneal. deorum* lib. XV, c. 6.

высшей степени интересно, и мы не лишены въ этомъ средствѣ. Въ собраніи ученыхъ матеріаловъ Боккачіо многимъ обязанъ былъ своимъ ученымъ друзьямъ. Не говоримъ здѣсь о Петраркѣ, котораго всѣ сочиненія цитуетъ Боккачіо и которому онъ многимъ обязанъ въ своей литературной карьерѣ; для насъ по преимуществу важны тѣ вліянія, которыми Боккачіо пользовался вмѣстѣ съ Петраркой и которыя одинаково должны были дѣйствовать на того и другаго.

Мы уже упоминали выше о бібліотекарѣ неаполитанскомъ Павлѣ Перуджино, о которомъ Боккачіо отзывался съ большою похвалою¹⁾.

Если сравненіе произведенія его *Collectiões* съ сочиненіемъ Боккачіо *de Genealogia deorum* не можетъ оправдать мнѣнія, что послѣдній рабски слѣдуетъ первому²⁾, то по искомъ случаѣ Боккачіо многимъ обязанъ знакомству съ Перуджино, какъ хорошимъ бібліофиломъ и человѣкомъ, имѣвшимъ обширныя ученые сношенія. Черезъ него, конечно, Боккачіо познакомился съ Варлаамомъ, когда этотъ исполнилъ въ Неаполѣ свою миссію. Въ сочиненіяхъ Боккачіо находимъ весьма сочувствительныя упоминанія о Варлаамѣ. Такъ, онъ называетъ его человѣкомъ громаднхъ знаній³⁾, который отличался выходящею изъ ряда вонъ ученостію: „императоры, князья и греческіе ученые говорятъ о немъ въ своихъ грамотахъ, что ни въ нынѣшнее время, ни даже въ теченіе многихъ столѣтій не было у грековъ чловѣка, одареннаго такой обширной и блестящей ученостію“. „Какъ же мнѣ не положиться, — заключаетъ Боккачіо, — на его авторитетъ, въ особенности по вопросамъ еллинской науки. Я не имѣлъ случая ознакомиться съ его сочиненіями, хотя слышалъ, что ему принадлежитъ нѣсколько трудовъ“.

Ученость этого-то монаха Василянскаго ордена и лежитъ какъ въ основаніи сочиненія Перуджино, такъ и Боккачіо. Что Перуджино много пользовался при составленіи своихъ *Collectiões* отъ Варлаама, объ этомъ прямо говоритъ Боккачіо, какъ сказано выше. Но, въ свою очередь, и самъ Боккачіо при посредствѣ Перуджино воспользовался многими свѣдѣніями, идущими отъ Варлаама. Стоитъ со вниманіемъ отнестись къ *Genealogia deorum*, чтобы убѣдиться, какъ обширно было вліяніе Варлаама на автора этого сочиненія, въ

¹⁾ Gen. d., XV, c. 6: Et si usquam curiosissimus fuit homo in perquirendis peregrinis undique libris, historiis et poeticis operibus, iste fuit.

²⁾ *Historia*, p. 490 и слѣд.

³⁾ *Genealogia deorum*, lib., XV c. 6: corpore pusillum, praegravatum tamen scientia.

которомъ весьма не рѣдки, впрочемъ, и принявъ ссылки на греческаго ученаго ¹⁾. Если ли мы преувеличимъ дѣйствительное положеніе дѣла, сказавъ, что отъ Варлаама главнѣйше идутъ свѣдѣнія Боккачіо по греческой мѣлологіи. Какъ можно заключать изъ цитатъ того же Боккачіо, самъ Варлаамъ заимствовалъ мѣнологическія и историко-литературныя свѣдѣнія изъ древнѣйшихъ греческихъ лѣтописцевъ (*Annales*) ²⁾.

Посредникомъ въ передачѣ италіанцамъ ученыхъ свѣдѣній Варлаама, кромя Псуджино, могъ быть еще и упомянутый выше Л. Пилать.

По своему характеру Л. Пилать рисуется въ сочиненіяхъ Боккачіо весьма несочувственными чертами. Имѣя въ виду отзывъ о немъ Петрарки и Боккачіо, удивляешься, какъ они могли дарить его своимъ вниманіемъ и дружбой. Не только вѣжливость его была не привлекательна ³⁾, характеръ его былъ не уживчивый, вѣчно не довольный, безпокойный и раздражительный; онъ въ Италіи ругалъ италіанцевъ и хвалилъ грековъ, а въ Греціи находилъ болѣе симпатичными италіанцевъ. Поживъ нѣсколько времени съ Петраркой, онъ съ грубыми ругательствами оставилъ его, а потомъ писалъ къ нему жалкія письма, прося снова принять къ себѣ. Что дѣлали въ немъ италіанскіе дѣятели эпохи Возрожденія, это были его зависти: онъ, по свидѣтельству Боккачіо, представлялъ собой неисчерпаемый архивъ греческихъ исторій и мѣночскихъ сказаній ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Леонтій взялся вполнѣ за посильное для него дѣло, когда онъ сталъ объяснять Боккачіо Гомера. Занятія ихъ велись методически: учитель говорилъ, а ученикъ записывалъ его объясненія ⁵⁾. На основаніи сообщеній Пилата выросъ богатый научный матеріалъ, которымъ щедроляетъ Боккачіо. Л. Пилать далъ богатія свѣдѣнія по мѣнологіи, литературѣ и критикѣ. Отъ него, между прочимъ, узналъ

¹⁾ *Genealogia deorum*, lib. I, c. 11; lib. IV, c. 47; XIII, c. 48: lib. I, c. 20; lib. VII c. 11: *asserit Barlaam rei hujus veritatem fuisse...*

²⁾ *Genealogia deorum*, lib. IV c. 7: *dicebat enim se legisse in graecorum antiquissimis annalibus*; lib. IX, c. 7: *dixit Barlaam in annalibus graecorum legisse.*

³⁾ *Geneal*, XV, c. 6: *aspectu horridus homo, turpi facie, barba proluxa, moribus incultus, nec satis urbana homo.* Сравни: Петрарка, *opp. senil.*, III, 6.

⁴⁾ *Graecarum historiarum aut fabularum archivium inexhaustum.*

⁵⁾ *Geneal.*, XV, c. 6: *Nam cum legentem Homerum et mecum singulari amicitia conversantem, fere tribus annis audivi, nec infinitis ab eo recitatis, vergente etiam alia cura animum, acrior suffecisset memoria, ni schedulis commendassetem.*

Боккачіо о писателѣ Ликофронѣ, о Дидимѣ, комментаторѣ Гомера, о Баллимахѣ, жизнеописателѣ того же поэта. Словомъ, Леонтій Пилать пустилъ въ научный оборотъ много свѣдѣній, которыхъ тогда не было на Западѣ и которыя могли культивироваться лишь въ Византии.

Но, если мы поищемъ источника сообщенныхъ Пилатомъ свѣдѣній и если обратимъ вниманіе на то, что самъ Л. Пилать заимствовалъ свои свѣдѣнія отъ того же Варлаама, то значеніе этого послѣдняго еще болѣе должно вырости въ нашихъ глазахъ. Въ своихъ комментаріяхъ къ Гомеру Пилать постоянно ссылается на авторитетъ Варлаама, объясняя, что такъ онъ слышалъ отъ Варлаама, что такое мѣтне высказывалъ Варлаамъ на своихъ урокахъ ¹⁾. Если, какъ мы видѣли выше, Варлаамъ поражалъ знавшихъ его обиліемъ знаній, то и ученикъ его съ неменьшимъ правомъ могъ похвастаться равнообразіемъ свѣдѣній. Боккачіо неоднократно отдаетъ ему ту честь, что онъ умѣлъ въ краткихъ словахъ разрѣшать весьма запутанные вопросы ²⁾. Такимъ образомъ, какъ бы ни казалось на первый взглядъ случайнымъ и маловажнымъ воздѣйствіе еллинской учености на начальныхъ дѣятелей италіанскаго Возрожденія, все же оно не было поверхностнымъ, напротивъ, оставило по себѣ значительно значительныя слѣды. И какъ ни достойно сожалѣнія, что гуманистическій вылъ Петрарки и Боккачіо не былъ утоленъ въ достаточной степени вслѣдствіе скоро прерванныхъ сношеній ихъ съ Варлаамомъ и Л. Пилатомъ, тѣмъ не менѣе нужно признать, что не только многія страны въ *Genealogia deorum*, отягчающіяся тонкостями изъ археологической и миеологической области, но и живое сознаніе идеи о важности еллинскихъ занятій, какимъ были проникнуты дѣятели италіанскаго Возрожденія, всецѣло должны быть приписаны посредственнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ Варлаама. Итакъ, за нимъ остается большая заслуга въ исторіи средневѣковой культуры. Мы, конечно, не въ состояніи рѣшить вопроса о томъ, могъ ли Варлаамъ, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, дать рѣшительное преобладаніе еллінизму въ эпоху Возрожденія, но, оставаясь на почвѣ реальныхъ фактовъ, смѣло можемъ утверждать, что онъ соединялъ въ себѣ лучшія качества тогдашней учености. Благодарная память

¹⁾ *Genealogia deorum*, XIV, c. 46: *Leontius vero dicebat se a Barlaam habuisse; XIV, c. 8: dicebat enim Leontius a Barlaam Calabro praeceptore suo et ab aliis eruditissimis viris in talibus audisse sacpius.*

²⁾ *Genealogia deorum*, IV, c. 59; V, c. 48.

къ нему въ сочиненіяхъ Петрарки и Боккачіо, а равно многочисленныя цитаты и ссылки на его авторитетъ, оправдываютъ достаточно то заключеніе, что Варлаамомъ посѣлена была въ Италіи мысль о важности изученія греческихъ писателей и что общія свѣдѣнія по сдѣланному, циркулировавшія въ XIV вѣкѣ на Западѣ, имѣютъ въ немъ свой главный источникъ. Личность Варлаама получаетъ совершенно новое освѣщеніе съ точки зрѣнія сношеній его съ Западомъ, но съ этимъ вмѣстѣ выигрываютъ въ историко-культурномъ отношеніи тѣ факты, которые касаются его судьбы въ Византіи.

Ф. Успенскій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ВЪ СВЯЗИ СЪ РЕФОРМОЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Административная и податная реформа.

§ 35. Учрежденіе коллегій.—Общій ходъ реформъ въ 1715—1719 гг.—Организація штатовъ—, камеръ—и ревизіонъ коллегій.—Взаимное отношеніе сената и коллегій.—Организація коммерцъ—, мануфактуръ—и бергъ коллегій.—Отдѣльныя отъ камеръ-коллегіи финансовыя вѣдомства. § 36. Новая губернская реформа.—Сравненіе шведскихъ губернскихъ должностей съ русскими (Фика).—Отношеніе шведскихъ областныхъ единицъ къ русскимъ.—Инструкціи губернскимъ чинамъ. § 37. Введеніе подушной подати.—Поводы къ нему.—Ходъ вершенія и ея „ревнзія“.—Расчетъ величины подушной подати.—Итоги реформы.

§ 35. Въ противоположность реформѣ 1710—1712 г., по всему видно, что Петръ не сдѣлалъ съ новой государственной реорганизаціей. Рѣшившись уже въ 1715 г. ввести новыя центральныя учрежденія, онъ, правда, уже въ декабрѣ того же года приступилъ къ ихъ обсужденію; но на первыхъ же шагахъ остановился, встрѣтивъ недостатокъ въ свѣдѣніяхъ и въ людяхъ ²⁾. Тогда же онъ сдѣлалъ извѣстныя распоряженія о доставленіи свѣдѣній относительно „экономіи“ датской, шведской и австрійской; Фикъ былъ посланъ въ командировку, и въ то же время Ягужинскій въ Коенгагенѣ и Веселовскій въ Вѣнѣ получали приказанія „прислать во всякую коллегію по че-

¹⁾ Продолженіе: См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1891 г.

²⁾ *Голлинго* (VI, 66) прямо утверждаетъ, что въ ноябрь—декабрь 1715 г. Петръ сочинялъ „уставъ воѣмъ коллегіямъ“; но *Журналъ Петра В.*, на который онъ, кажется, здѣсь основывается, вовсе не говоритъ этого, а говоритъ только, что Петръ присутствовалъ въ это время въ сенатѣ и въ коллегіяхъ (II, 14). Подъ коллегіями здѣсь, очевидно, разумѣются канцеларія Воинская, Адмиралтейская и Посольская, которыя, действительно, начинають съ этого времени называться коллегіями (см., напр., *Голлинго*, VI, 113, 360).

ловѣку¹⁾. Затѣмъ, въ январѣ 1716 г. Петръ уѣхалъ за границу и остался тамъ до конца 1717 г.: собраніе предварительныхъ свѣдѣній шло своимъ чередомъ, но устройство коллегій оставалось и динуплось впередъ только послѣ того, какъ Брюсъ получалъ приказаніе Петра (28-го іюня 1717 г.) продолжать дѣло вмѣстѣ съ Фикомъ (см. § 34, стр. 468). Фикъ привезъ съ собой нужныя для этого свѣдѣнія объ устройствѣ шведскихъ коллегій: „нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей“, по его собственному заявленію²⁾; но людей онъ набралъ недостаточно³⁾; въ томъ же письмѣ Петръ сообщалъ Брюсу, что Фикъ нигдѣ не могъ сыскать ассессоровъ и что слѣдуетъ приглашать ихъ изъ Лифляндіи и Эстляндіи, а также изъ числа плѣнныхъ шведовъ: Брюсъ долженъ былъ позаботиться о послѣднихъ, а „въ Ригу и въ Ревель по времени можетъ самъ Фикъ съѣздить“. По этому приказанію Брюсъ 9-го августа 1717 представилъ докладъ сенату, и сенатъ распорядился, чтобы губернаторы приглашали желающихъ изъ плѣнныхъ шведовъ, „которые у тѣхъ дѣлъ были, и хотя не были, а за оныя возьмутся“⁴⁾. Въ то же время за границей подбиралъ охотниковъ въ русскую службу Люберасъ. Между тѣмъ въ октябрѣ 1717 г. вернулся самъ Петръ и принялся рѣшительно за учрежденіе коллегій. На основаніи шведскихъ штатовъ, привезенныхъ Фикомъ, составленъ былъ примѣрный реестръ персонала всѣхъ коллегій и утвержденъ 11-го декабря; въ то же время окончательно опредѣлено, какія именно коллегіи будутъ введены, и 15-го декабря назначены въ нихъ президенты и нѣкоторые изъ вице-президентовъ⁵⁾. Канцлеръ (Головкинъ), фельдмаршалъ (Меншиковъ) и адмиралъ (Апраксинъ), естественно, остались начальниками своихъ канцелярій, превратившихся теперь въ коллегіи: иностранныхъ дѣлъ, ноянскую и адмиралтейскую; изъ соединеніи

¹⁾ Головкинъ, VI, 66, 360—361, 26-го января 1716 г. сдѣлано было известное распоряженіе о посылкѣ подъячихъ въ Кенигсбергъ „для наученія нѣмецкому языку, дабы удобнѣе въ коллегіумъ были“. П. С. З. №№ 2967, 2986.

²⁾ Русск. Архивъ, 1869 г.: Польковъ, О присягѣ иновѣдцевъ etc., стр. 1736.

³⁾ Свѣдѣнія о ходѣ командировки Фика (отъ іюля 1717 г.) см. въ Госуд. Арх. Каб. д., в. № 31, л. 534—535, въ корреспонденціи Вейде; о иновѣдцахъ, которыхъ намѣлъ въ Голштиніи намѣреть Фикъ.

⁴⁾ П. С. З., № 3101.

⁵⁾ Черновой списокъ, писанный собственной рукой царя, см. въ Сб. И. Общ. XI, 361. Слова распоряженія въ П. С. З. №№ 3128, 3129 и 3133. Ср. Журн. Петра В. II, 58 и Сб. И. Общ. XXXIV, 280. Въ черновикѣ Петра обыкновеннымъ образомъ составъ коллегій еще оказывается не опредѣленнымъ окончательно: такъ здѣсь значится „политическая коллегія“ (конечно, по забывчивости) пропущена посольская.

старыхъ приказовъ (всѣхъ судныхъ, помѣстнаго, сысканаго и земскаго) образовалась и юстицъ-коллегія ¹⁾, получившая въ президенты стараго дипломата Андр. Арт. Матѣева. Всѣ остальные коллегіи, камеръ—, штатсъ—и ревизионъ, коммерцъ—, бергъ,—и мануфактуръ-коллегіи должны были сформироваться вновь; президентами ихъ назначены были кн. Дм. Голицинъ, вѣроятно, заслужившій это мѣсто иррациональнымъ веденіемъ хозяйства Кіевской губерніи, Мусинъ-Пушкинъ, начальникъ Монастырскаго приказа, слившій у иностранцевъ за лучшаго русскаго камералиста, кн. Як. Долгоруковъ, котораго, вѣроятно, его легендарная честность выдвинула на должность государственнаго контролера; Петръ Толстой сдѣлался президентомъ коммерцъ-коллегіи, а двѣ послѣднія сосредоточены въ рукахъ фельдцейгмейстера Брюса, сохранявшаго въ своемъ завѣдованіи артиллерійскую канцелярію. Изъ вице-президентовъ (кромя вице-адмирала Крейса и Вейде) только трое были опредѣлены 15-го декабря: бар. Пиродъ, ревельскій ландратъ, въ камеръ,—Бревершъ (изъ Риги) въ юстицъ, и Шмитъ, „человѣкъ, отлично знающій торговлю и деньги и служившій по этой части въ Баваріи“,—въ коммерцъ-коллегію ²⁾.

„Учинивъ, такимъ образомъ, начало коллегіямъ“, Петръ въ тотъ же день (15-го декабря 1717) уѣхалъ въ Москву, „оставивъ для коллегій указъ, дабы брали вѣдѣніе у генер. Брюса, какъ оныя сочинять“ ³⁾. На „сочиненіе коллегій“ и собраніе нужныхъ „вѣдомостей“ давъ былъ годичный срокъ, въ теченіе котораго коллегіямъ велѣно было „въ дѣла не вступаться“; затѣмъ, съ 1719 г. должна была начаться правильная дѣятельность коллегій ⁴⁾.

Брюсъ устранился отъ организаціи коллегій уже въ самомъ началѣ. 1718 г. 26-го января Петръ писалъ сенату: „понеже (Брюсъ) нынѣ уѣхалъ въ Финляндію, то безъ него берите вѣдомости и спрашивайте у Фика, который оныя вывезъ изъ Шлеціи“. Въ концѣ мѣсяца Брюсъ совсѣмъ отказался отъ участія въ устройствѣ коллегій ⁵⁾ и

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 193: „положено на коллегіи юстиціи прѣмныхъ семь приказовъ“ etc.

²⁾ Отъѣздъ саксонскаго уполномоченнаго Ле-Форте, получавшаго черезъ него военнаго свидѣнія. Сб. И. Общ. III, 369.

³⁾ Сб. И. Общ. XI, 364.

⁴⁾ Распоряженіе объ этомъ въ П. С. З., № 3129, наисчитано съ прибавленіемъ словъ изъ позднѣйшаго указа 12-го (8-го) декабря 1718 г. (ер. П. С. З., № 3255 и ниже), которымъ введеніе въ дѣйствіе отсрочено было еще на годъ.

⁵⁾ Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. № 42—42, л. 86: „за тѣмъ отлученіемъ оныхъ вѣдомостей собирать и сочинять коллегіи нынѣ невозможно“.

руководство всѣмъ дѣломъ окончательно перешло въ руки Фикъ. Какъ эта двойственность завѣдованія, такъ и отсутствіе Петра были причинами того, что въ первую треть 1718 г. устройство коллегій очень мало подвинулось впередъ ¹⁾. Не ранѣе 28-го апрѣля встрѣчаемъ дальнѣйшія распоряженія какъ о „сочиненіи коллегій“, такъ и о „собираніи вѣдомостей“. Въ первомъ отношеніи указъ 28-го апрѣля официально опредѣлилъ способъ устройства коллегій: „всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ на основаніи шведскаго устава сочинить по всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по нунетагъ; а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ не удобны, или съ ситуациею сего государства не сходны, и оны ставить по своему разсужденію“ ²⁾. Для второй цѣли въ тотъ же день были посланы въ различныя учрежденія указы о высылкѣ безъ замедленія всѣхъ вѣдомостей, какія потребуютъ президенты ³⁾.

Въ присутствіи Петра и Фикъ принялся за дѣло энергичнѣе. 9-го мая онъ подалъ царю „всевижайшій меморіалъ“ о мѣрахъ для скорѣйшаго осуществленія коллегіальнаго устройства ⁴⁾. Пока соберутся служащіе въ коллегіяхъ и пока будутъ доставлены вѣдомости изъ губерній, Фикъ предлагалъ приступить къ выработкѣ вѣщныхъ формъ организаціи: опредѣлять окончательно штаты и оклады каждой отдѣльной коллегіи, составить ихъ „нижніе порядки и регламенты, такожъ и инструкціи“ коллежскимъ и чергубскимъ служащимъ, согласовать коллежское устройство съ губернскимъ. Онъ просилъ также два часа времени у Петра, чтобъ прочесть ему описаніе шведскихъ коллегій и свои разсужденія „о вспоможеніи и помѣшательствѣ коммерціямъ въ Россіи“, „о вспоможеніи и помѣшательствѣ мануфактурамъ въ Россіи“ и о „не трудномъ обученіи и воспитаніи россійскихъ молодыхъ дѣтей“ для гражданской и военной службы.

Не знаешь, получалъ ли Фикъ просимую аудіенцію; но остальные

¹⁾ „Когда возвратился я изъ Москвы, говоритъ Петръ въ указѣ 2-го іюня, тогда нашель въ нѣкоторыхъ (коллегіяхъ) не много, а въ иныхъ ничего“. П. С. З., № 3205. Вернулся Петръ въ Петербургъ 24-го марта.

²⁾ П. С. З., № 3197.

³⁾ П. С. З., № 3196; списокъ имѣетъ, куда посланы указы, см. въ Арх. мин. юст., дѣла сен., кн. № 42—42, л. 23.

⁴⁾ П. С. З., № 3208; здѣсь меморіалъ помѣченъ 11-го іюня; но въ Арх. мин. юст. на копіи, помѣченной Цукановымъ, находимъ надпись: „писано 9-го мая 1718 г.; слушано и надписано собственной рукой противъ пунктовъ 11-го мая 1718 г.“. См. Дѣла сената, кн. № 42—42, л. 36—41.

своѣты о предварительномъ внѣшнемъ устройствѣ коллегій Петръ прииялъ къ свѣдѣнію. Къ инструкціямъ отдѣльныхъ коллегій мы еще вернемся; что касается окладовъ, Петръ 19-го мая 1718 г. далъ собственноручный приказъ: „для опредѣленія жалованья въ коллегіяхъ надлежитъ первое вѣдать, сколько во всѣхъ канцеляріяхъ, какъ государственныхъ, такъ и губернскихъ, жалованья, дабы по тому качеству и коллегіи устроить“¹⁾. Такимъ образомъ, опредѣленіе окладовъ было связано съ доставленіемъ вѣдомостей отъ старшихъ учрежденій; вѣдомости эти съ конца мая присылались до поздней осени²⁾.

Вѣроятно, къ концу года составляется былъ сравнительный списокъ расхода на старую и новую администрацію: прежніи приказныи дачи равнялись по этому списку 109.026 р., а на коллежскую администрацію смѣтный расходъ былъ вычисленъ въ 105.162 р., то есть, со сбереженіемъ 3.864 р. Несомнѣнно, однако, и этотъ расчетъ не былъ окончательнымъ³⁾.

Другая часть предложеній Фика, выработка регламентовъ коллегій, также не была выполнена въ предѣлахъ 1718 г. 22-го декабря этого года Петръ могъ только обѣщать, что „искорѣ регламенты будутъ публикованы и всѣхъ коллегій должности“⁴⁾. Такимъ образомъ, представленные Люберасомъ осенью 1718 г. проекты инструкцій и регламентовъ нисколько не запоздали и могли быть приняты въ соображеніе при выработкѣ коллежскихъ „уставовъ“.

Очевидно, что начать дѣйствіе коллегій съ 1719 г. было не возможно. Къ концу года Петръ принужденъ былъ сдѣлать уступку: указомъ 12-го декабря велѣно „въ коллегіяхъ дѣла управлять съ будущаго 1719 г. старымъ, а съ 1720 г. новымъ манеромъ; понеже новымъ манеромъ еще не управлялись“⁵⁾. 1719 годъ долженъ былъ,

¹⁾ Ibid., л. 33, и Сб. И. Общ. XI, 371.

²⁾ См. эти вѣдомости въ Арх. мин. юст. дѣла сената, кн. № 42—42, лл. 52—83; 88—100; 109—119; 125—129; 163 — 166; 237—242; 340—343. Что и обдуманіе новаго устройства президентами (въ сенатѣ) шло медленно, видно изъ состоявшихся покаяній Петра: см. П. С. З., №№ 3205 (2-го іюня), 3231 (2-го октября)

³⁾ Ibid., л. 368—372. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ коллегій нѣтъ ни адмиралтейской, ни иностранныхъ дѣлъ, нѣтъ и сената и свѣтъ новаго расхода; а въ старой всѣ эти учрежденія есть. Содержаніе ихъ по старому счету стоитъ до 50 тысячъ, которыя, слѣдовательно, должны быть прибавлены и къ новымъ спискамъ?

⁴⁾ П. С. З. № 3261.

⁵⁾ П. С. З. № 3255.

слѣдовательно, какъ и 1718-ый пройти въ подготовительныхъ работахъ.

Изъ этихъ подготовительныхъ работъ только одна была до нѣкоторой степени закончена: именно подборъ служащихъ изъ коллегійхъ. Большинство иностранцевъ, занимавшихъ какъ высшія, такъ и низшія должности въ коллегіяхъ, получали уже въ 1718 году свои патенты ¹⁾. Въ этомъ же году идетъ оживленная переписка о формированіи русскаго персонала коллегій. Составъ его былъ утвержденъ Петромъ, по крайней мѣрѣ относительно штатсъ- и камеръ-коллегій, еще въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1718 г.; до конца года обѣ коллегіи собирали изъ разныхъ мѣстъ разрѣшенное имъ количество дьяковъ и подъячыхъ ²⁾.

Въ 1719 г. составлены были и утверждены Петромъ регламенты

¹⁾ Именно, въ камеръ-коллегіи бар. Ниродъ, Глаухъ, Бокіусъ, Шинъ-Квистъ, Наули, Шванвицъ, Геберъ, Зееландъ, Трумиеръ; въ штатсъ-канторъ-коллегіи Прицестеритъ, Шульцъ, Йохансъ, Соатнеръ, Шпаннаусъ, Зандгенъ; въ ревизіонъ-коллегіи Шинденъ, Груль и Остервальдъ; въ бергъ и мануфактуръ-коллегіи — Шлаттеръ, Девитъ; въ коммерцъ-коллегіи — Валлеръ, Гинтеръ, Шнейерманъ, Гольштейнъ, Тилле: всего 26 чел. Раньше 1718 г. получали свои патенты Фикъ, Корнелиусъ, Баконъ, Люберасъ, то-естъ, четверо, въ 1719 г. еще 10 человекъ. См. статью *Пользова*, „О присягѣ ввозенцовъ“ и т. д. въ Р. Архивѣ, 1879 г.; въѣтъ наложено дѣло, хранящееся въ Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. № 58—58, л.

²⁾ Арх. мин. юст. дѣла сената, кн. № 42—42; л. 28—29: предварительное описание штата камеръ-коллегіи; на подлинномъ собственноручная подпись го-сударя: „по сему числу чинамъ быть по сему, до которыхъ мѣстъ въ коллегіи осмотрится, а тогда опредѣлятся, что прибавить или убавить. Въ 29 апрѣля 1718. Петръ.“ По этому штату опредѣленъ персоналъ коллегіи, въ канцеляріи, шести камерныхъ канторъ (трехъ русскіихъ, люблинской, гражданской и военной вычетной канторы, пошленной и акцизной канторы) и отдѣльных должностей подъ вѣдѣніемъ коллегіи (камеръ-описалъ; инспекторъ надъ камерными архивомъ; комиссаръ, который подрядомъ вѣдаетъ; провіантмейстеръ, у котораго магазинъ на рукахъ; директоръ надъ землемѣрители; инспекторъ надъ мѣрою и вѣсомъ; еервалтеръ надъ чайною камерою). Ів. л. 135—137: на основаніи этой вѣдомости и вѣдомости 11-го іюня камеръ-коллегіи требуетъ, чтобы сенатъ распорядился прислать назначенный персоналъ (12-го іюня); 21-го іюля сенатъ одобрялъ соответствующее востановленіе. Но еще 27-го октября 1718 г. камеръ-коллегіи требуетъ выслати подъячыхъ изъ Московской губерніи (ів. л. 247). Штатсъ-кантора представляла роспись, кого надаситъ взять изъ царедворцевъ (4 дьяковъ и 6 подъячыхъ), 9-го мая 1718 г.; на подлинной находимъ резолюцію Петра: взять (ів. л. 31). 8-го сентября она тоже требуетъ 6 подъячыхъ изъ Московской губерніи (ів. л. 213); 11—12 декабря назначаются для нея же 14 драгуновъ для посмолковъ и караулъ (ів. л. 2—33б.).

двух финансовых коллегий: камеръ и штатсъ-конторъ-коллегии. По регламенту штатсъ-конторы, слушавшему сенатомъ въ февралѣ 1719 г. ¹⁾, эта коллегія „надзираетъ за исъми государственными расходами“; она составляетъ штаты государственныхъ расходовъ по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) дворъ; 2) кабинетная сумма (личная государева, расходъ которой „никому вѣдать не надлежитъ“); 3) штатъ коллегій; 4) штатъ „всѣхъ вышнихъ и нижнихъ судовъ“ въ государствахъ; 5) гвардія и пѣхота; 6) каналерія; 7) артиллерія; 8) фортификаціи (крѣпости); 9) генеральный штабъ; 10) адмиралтейство; 11) губернская или провинціальная администрація; 12) церковь, просвѣщеніе и благотворительность; 13) общественными постройками; 14) медицина; 15) дипломатія. Затѣмъ, штатсъ-контора вычисляетъ, сколько придется расхода по всѣмъ рубрикамъ на каждую провинцію, и сравниваетъ этотъ расходъ съ доходами провинцій, отмѣчая при этомъ, сколько останется или не достанетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, штатсъ-контора дополняетъ не достатокъ изъ остатка другой провинціи; излишки же присылаются въ центральное казначейство (главную казенную палату въ резиденціи). Изъ наличности центральной кассы штатсъ-контора ассигнуетъ преимущественно на нужды двора и центральныхъ учреждений, слѣдуя общему правилу, чтобы каждому ассигновать, гдѣ деньги ближе и безъ труда взяты могутъ быть“. Ассигновать, впрочемъ, штатсъ-контора можетъ только тѣ уплаты, которыя „въ государственной окладной книгѣ обрѣтаются“; чрезвычайные же расходы разрѣшаются именными или сенатскими указами.

¹⁾ П. С. З. № 3303. Къ сожалѣнію, мы не могли достать шведской инструкціи штатсъ-конторѣ, которая должна была послужить если не образцомъ, то однимъ изъ источниковъ для русской. *Verordnets* (Гос. хоз. Швеціи, 334) упоминаетъ объ инструкціи 11-го декабря, 1680 г.: очевидно, она разумѣетъ ту, которая напечатана у *Lönnbom's*, *Handlingar til konung Carl XI historien*, V, 1—9 и въ *Samling af instruktioner förande den civila förvaltningen i Sverige och Finland*. Stockh., 1886, стр. 121—128. Но это, собственно, инструкція *государственному казначею*, только что сдѣланному единоличнымъ начальникомъ штатсъ-конторы, выдѣленной изъ состава камеръ-коллегіи въ особое управленіе штатсъ-комиссара (ср. *Carlson*, *Sver. hist.* IV, 147). Въ одномъ донесеніи штатсъ-конторы (1697 г.) упоминается другая инструкція, 9-го сентября 1695 г., и цитируются изъ нея правила о подписываніи ассигновокъ членами конторы, которую послужить оригиналомъ для русской инструкціи. Если въ той же инструкціи находились и правила для составленія специальныхъ штатовъ и поименъ генерального, — изложенныя въ томъ же донесеніи, — то, несомнѣнно, именно она должна была послужить оригиналомъ русской инструкціи. См. *Lönnbom*, *ib.* V, 50, 46—49.

Краткій экстрактъ всего дохода и расхода въ двухъ параллельныхъ столбцахъ представляется государю. Утвержденные по этому экстракту государемъ, въ январѣ, штаты рассылаются губернаторамъ, которые ассигнуютъ на окладные расходы по присланной росписи, а на неокладные—не богъ ве, „яко случающая нужда требуетъ“, и при томъ съ представленіемъ оправдательныхъ документовъ. Составленіемъ росписей окладнаго расхода и ассигновками по нимъ и ограничивается роль штатсъ-конторы и губернаторовъ или воеводъ; наличный доходъ собирается особыми чиновниками, находящимися въ вѣдомствѣ камереръ-коллегии, и хранится рентмейстерами или казначеями въ рентеряхъ или „казенныхъ“; казначей большихъ (столичныхъ) рентерей назначаются государемъ или выбираются сепатомъ; въ провинціяхъ—опредѣляются штатсъ-конторой; штатсъ-контора на людаетъ за исправнымъ поступленіемъ платежей въ рентерен и въ случаѣ неисправности, или вообще ожидаемаго недостатка сборовъ, посылается заблаговременно съ камереръ-коллегіей.

Регламентъ камереръ-коллегии утвержденъ былъ уже въ концѣ 1719 г. (11-го декабря ¹⁾). Обязанность камереръ-коллегии, по этому

¹⁾ П. С. З. № 3466. Оригиналъ для регламента камереръ-коллегии можно предполагать въ шведскомъ „порядкѣ для камереръ-коллегии“, опубликованномъ „послѣ долгихъ и тщательныхъ приготовленій“ 25-го мая 1694 г. См. *Carlson Sv. hist.* VI, 160. Къ сожалѣнію, вѣ этого текста намъ не удалось достать, если только онъ не тождественъ съ изданнымъ того же 25-го мая 1694 г. „королевскаго величества постановленіемъ, по которому занятія его камереръ-коллегии должны быть раздѣлены между членами коллегии для скораго дѣлопроизводства“. Последний документъ не имѣетъ ничего общаго съ инструкціей. Общее указаніе Берендта (Гос. хов. Швеція, 835): „подлинники инструкцій напечатаны въ сборникѣ *Liljont*, указанномъ выше, и въ сборникѣ распоряженій, входящаго въ II отд. Выбл. Акад. Наукъ подъ названіемъ *Mandata Caroli XI, XII et Friderici I^a*“, по проверкѣ оказавшись не точнымъ; въ сборникѣ *Liljont*'а есть только въ одно мѣстѣ замѣчаніе (*Handl.* XI, 150), что эти инструкціи „давало бы издать впоследствии“; сборникъ же академической бібліотеки—до крайней мѣры тотъ, который по нашей просьбѣ былъ любезно высланъ Академіей въ Московское общество исторій и древностей,—также никакихъ намъ инструкцій не заключаетъ (*X, H. I. 98: Carl XI, Carl XII, Friedrich I*). Самое содержаніе русскаго регламента показываетъ однако же, что въ данномъ случаѣ заимствованіе было не особенно близкимъ: то же подтверждаетъ и позднѣйшее донесеніе члена коллегии Кохуса. Надо замѣтить, кромѣ того, что порядки шведскихъ коллегии сложились постепенно, и слабымъ не существовало указаній на текстъ инструкцій, не найденные нами, мы склонны были бы заключить, что—по крайней мѣрѣ, для штатсъ- и камереръ-коллегии—вообще не существовало формулровки ихъ порядка и дѣятельности въ какомъ-либо одномъ законоположеніи.

регламенту, состоитъ въ „надзирани и правленіи надъ окладными и неокладными приходами“. Значительная часть спеціальныхъ предписаній регламента относится не къ общему порядку дѣятельности коллегіи, а къ тѣмъ предварительнымъ мѣрамъ, которыя необходимы для вступленія въ отправленіе ея обязанностей. Сюда относятся распоряженія о собираніи ею свѣдѣній относительно состоянія государственнаго хозяйства, о составленіи „земскихъ или грунтовыхъ переписныхъ книгъ“, долженствовавшихъ, по шведскому образцу и по мысли составителя инструкціи, служить основаніемъ для исчисленія и взиманія земскихъ доходовъ; наконецъ, о пересмотрѣ окладовъ всѣхъ податей. Что же касается до постоянной дѣятельности коллегіи,—относящаяся сюда распоряженія преимущественно имѣютъ въ виду внѣшнюю организацію новаго учрежденія и отношеніе его къ другимъ, областнымъ и центральнымъ. Камеръ-коллегія дѣлится на „три экономственныя конторы, изъ которыхъ каждая третью долю губерній и провинцій государства, съ приходящими оттуда книгами и счетами, такожь и всѣ отправленія вѣдаетъ“. Кромѣ нихъ, въ вѣдомствѣ камеръ-коллегіи состоятъ „гражданская счетная контора“, вѣдающая всѣ дѣла, относящаяся къ гражданскому штату всего государства, и „пошлинная и акцизная контора“, значеніе которой видно изъ самаго названія. Какъ видимъ, за исключеніемъ лифляндской конторы, здѣсь принято то дѣленіе, которое утверждено было еще 29-го апрѣля 1718 г. Приняты въ регламентъ и главные упомянутыя тамъ же чиновники, подвѣдомственные камеръ-коллегіи: инспекторъ камеръ-архива, директоръ и инспекторъ надъ земскими нежевичниками, комиссаръ подрядныхъ дѣлъ и провиантмейстеръ. Что касается сношеній съ другими учрежденіями,—въ самой тѣсной связи съ камеръ-коллегіей стоитъ штатскъ-контора, присылающая ей всѣ штаты расходовъ и сообщаящая ей о промедленіяхъ въ поступленіи сборовъ и затруденіяхъ въ покрытіи государственныхъ расходовъ. Съ мануфактуръ-коллегіей камеръ-коллегія сносится по поводу „наложенія пошлинъ на мануфактуры“; съ коммерцъ-коллегіей,—когда внутренними пошлинами облагаются товары, составляющіе предметъ вывоза и, слѣдовательно, подлежащіе уплатѣ „морскихъ пошлинъ“; послѣднія сами по себѣ находятся въ исключительномъ вѣдѣніи коммерцъ-коллегіи. Въ прямомъ подчиненіи камеръ-коллегіи находятся камеральные чиновники въ провинціи, то-есть, въ сущности вся областная администрація. Въ новой организаціи провинціальнахъ властей сосредоточивается центръ тяжести новаго фискальнаго

устройства; въ виду особой важности этой стороны дѣла мы выдѣляемъ ее изъложеніе въ особый параграфъ.

Позже обвѣвъ предыдущихъ коллегій организовалась третья — ревизионъ-коллегія: конечно, и правильная дѣятельность ее до нѣкоторой степени была послѣдствіемъ правильной дѣятельности двухъ другихъ. Въ 1719 г. ревизионъ-коллегія составила списокъ нужныхъ ей подъячихъ; но переписка объ ихъ высылкѣ въ коллегію продолжалась и втотъ, и весь слѣдующій и даже часть 1721 года ¹⁾. За составленіе собственной инструкціи коллегія принялась только въ январѣ 1721 г. ²⁾. Но утверждена была инструкція ревизионъ-коллегіи только въ концѣ 1722 г., уже послѣ того, какъ коллегія сдѣлалась конторой сената ³⁾. По этой инструкціи ревизія должна производиться на основаніи „счетныхъ выписокъ“, ежегодно подаваемыхъ всѣми коллегіями и канцеляріями; провѣрка же по подлиннымъ документамъ производится въ самыхъ коллегіяхъ и только въ сомнительныхъ случаяхъ въ ревизионъ-коллегіи.

Устройство штатовъ и составленіе инструкцій были необходимыми, но не единственнымъ условіемъ для вступленія коллегій въ управленіе своихъ обязанностей. Послѣ того какъ формальная сторона новой реорганизациіи была закончена, оставалась еще реальная: надо было ввести ихъ въ дѣйствіе и, прежде всего, дать имъ необходимыя для ихъ дѣятельности фактическія свѣдѣнія. Такимъ образомъ, въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ финансовыя коллегіи зависѣли отъ присылки изъ губерній и центральныхъ учрежденій — вѣдомостей. Распоряженія объ этомъ были сдѣланы и повторены еще въ 1718 г. ⁴⁾. Не собравъ по этимъ указамъ нужныхъ вѣдомостей къ 1719 году, коллегіи получили, какъ мы видѣли, разрѣшеніе въ 1719 г. упра-

¹⁾ Арх. мин. юст., дѣла сен., кн. № 17 — 17, л. 274, 275, 277, 280, 282, 286—7, 354.

²⁾ Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. 17 — 17, л. 281; ревизионъ-коллегія проситъ сенатъ (11-го января 1721 г.) для руководства при составленіи собственной инструкціи распорядиться о высылкѣ списковъ съ инструкцій прочихъ государственныхъ коллегій, такъ какъ по двумъ памятникамъ самой ревизионъ-коллегіи ихъ не выислаютъ. Ibid. л. 282; 20-го января ревизионъ-коллегія еще разъ проситъ о присылкѣ списковъ съ инструкцій и предлагаетъ „проектъ“ собственной инструкціи (второго, къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не находится). Ibid. л. 286—287; ревизионъ-коллегія заявляетъ, что „какъ объ инструкціи, такъ и объ исполненіи (то-есть, исполненіи) членовъ и прочихъ служителей указы еще не имѣетъ“.

³⁾ И. С. З. № 4127; 4-го декабря 1722 г.

⁴⁾ И. С. З. №№ 3196; Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. № 2—811, л. 111.

взять по старому, а съ 1720 г. уже „зачать по новому манеру“. Въ мартѣ 1719, послѣ еще одного повторительнаго указа, сенатъ употребилъ повудительную мѣру: посланы были въ губерніи гвардейскіе офицеры, съ привазаціемъ „непрестанно докучать“ губернаторамъ о доставкѣ приходо-расходныхъ книгъ за 1716—1718 гг. въ каммеръ и штатсъ-коллегію; подчиненныхъ велѣно было „ковать за ноги и на шею положить цѣпи“¹⁾. И тѣмъ не менѣе, прошелъ 1719 годъ, а вѣдомости не были доставлены и приходилось просить новой отсрочки. 11-го декабря 1719 г. президентъ каммеръ-коллегіи, кн. Д. М. Голицынъ, доносилъ, что „каммеръ-коллегія еще не имѣетъ совершеннаго извѣстія о состояніи всего государства російскаго приходовъ и расходовъ и о прочемъ, что надлежитъ ко управленію, и не удовольствована еще и управителями и безъ основанія дѣйства производить не можетъ“. По этой причинѣ Голицынъ просилъ, „дабы правленіе каммеръ-коллегіи отложено было до предбудущаго 1721 г., а въ 1720 г. по требованію могла получить извѣстія и дѣйствію зачать съ 1721 году“. Для повужденія Голицынъ просилъ послать новые указы къ губернаторамъ и къ „посланнымъ отъ гвардіи офицерамъ“. Нетуръ развѣшилъ отсрочку: „на наступающій 1720 годъ дается сроку по старому, но съ начала 1721 г. конечно зачать по новому регламенту“²⁾.

Послушные указы по этой резолюціи были разосланы губернаторамъ и офицерамъ 26-го января 1720 г.³⁾. Отвѣты отъ офицеровъ получались не утѣшительные. Посланные доносили, что въ Московскоѣ, Архангелогородскоѣ, Смоленскоѣ, Сибирскоѣ губерніяхъ вице-губернаторы и воеводы не dokonчили составленіе вѣдомостей, „а другіе и ничего не учинили“; въ Азовскоѣ губ. посланный подпоручикъ Селивановъ попробовалъ посадить ландрата и ландрихтера подъ арестъ, но они „изъ за караула пошли сильно“, а вице-губернаторъ не только отказалъ ему въ содѣйствіи, но и объявилъ, что вѣдомостей посылать „не надлежало“, потому что указы о нихъ посланы въ 1718 и 1719 гг., а въ 1720 г. произведена новая губернская реформа: расписаны провинціи⁴⁾. При этихъ обстоятельствахъ, каммеръ-коллегія слагала съ себя отвѣтственность, если и къ 1721 г. вѣдомости не будутъ присланы⁵⁾. Сенатъ снова подтверждалъ указъ о присылкѣ,

1) П. С. З. № 8333, 3341. *Голыковъ*, 418—419.

2) П. С. З. № 3468. *Арх. мн. юст. дѣла сената*, кн. № 2—811, л.

3) П. С. З. № 3495.

4) *Арх. мн. юст. дѣла сената*, кн. № 2—811, 111, 113; ср. л. 639. См. ниже.

5) П. С. З. № 3647.

грозя на этотъ разъ губернаторамъ „жестокимъ наказаніемъ“ и штрафомъ. Не зная, произвелъ ли этотъ указъ надлежащее дѣйствіе; но что и съ началомъ 1721 года отчетность „новимъ манеромъ“ не налаждалась, видно изъ донесенія, посланнаго камеръ-коллегіей 19-го іюня 1721 г. „Изъ камеръ-коллегіи—должность, говорится здѣсь,— всего государства о приходѣ и расходѣ... имѣтъ вѣдомости, которыхъ изъ коллегій и канцелярій не токмо по должности, но и по вопросамъ не прислано; а нынѣ въ камеръ-коллегіи сочиняется государственная табель, сколько гдѣ въ приходѣ, изъ чего и куда въ расходѣ и по какимъ указамъ; а не собравъ всего государства такихъ вѣдомостей, сочинить того табеля невозможно“¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ уже не о старыхъ вѣдомостяхъ 1716—1718 гг., а о современномъ представленіи текущихъ отчетовъ согласно регламенту. На основаніи регламента же, какъ мы видѣли, камеръ-коллегія должна была по текущимъ свѣдѣніямъ составить новую государственную табель или общую окладную книгу. Эта первая крупная работа камеръ-коллегіи была, дѣйствительно, доведена до конца, но только въ 1722 году, и только въ 1723 она была рассмотрѣна и утверждена государемъ. Съ этого года началось дѣйствіе новой табели, замѣнившей совершенно устарѣвшую табель 1710 года: въ позднѣйшихъ документахъ обѣ табели очень часто являются двумя первыми этапами въ исторіи податныхъ окладовъ XVIII столѣтія²⁾.

Не получая вѣдомостей и не имѣя возможности составить общихъ отчетовъ, камеръ и штатсъ-коллегія³⁾ этимъ самымъ останавливали и контрольную дѣятельность ревизіонъ-коллегіи и сената. Ревизіонъ-коллегія, не смотря на немнѣніе инструкціи, вступила въ дѣятельность уже съ 1719 г.; но въ 1720—1721 гг. она занималась, сколько намъ извѣстно, исключительно повѣркой отдѣльных суммъ; ея были переданы и дѣла, и подъячіе изъ различныхъ счетныхъ канцелярій, учрежденных Петромъ по поводу частныхъ злоупотребленій⁴⁾. Общей же отчетности она не могла вести въ эти годы по

1) Арх. мин. юст. дѣла сената, кн. № 17—17, л. 477. № 2—811, л. 529.

2) См., напримѣръ, Арх. мин. юст. дѣла камеръ-коллегіи, вѣдья 9, 10, 11, 15 и др. Ср. слѣдующую главу.

3) Указы о писемкѣ вѣдомостей обыкновенно говорятъ о камеръ и штатсъ-коллегіяхъ вмѣстѣ, такъ что все сказанное о первой относится и ко второй.

4) Арх. мин. юст. дѣла сен. кн. № 17—17, л. 286—287.

5) Ревизіонъ-коллегія требовала подъячихъ (51 человекъ) изъ вѣдомостей: 1) генераль-майора и отъ лейбъ-гвардіи подполковника кн. Голицына. 2) Бри-

неизвѣстнѣ нужныхъ свѣдѣній. „Хотя ревизіонъ коллегія по должности своей прочимъ государственнымъ коллегіямъ черезъ посланныхъ памяти уже дважды напоминала, чтобы оныя о приходѣ и о расходѣ денежныхъ казны подчиненнымъ своимъ счеты заблаговременно готовить приказали,... токмо какъ изъ коллегій такъ и изъ канцелярій по тѣмъ требованіямъ... вѣдомостей ни откуду не прислано (кромѣ иностранной и бергъ-коллегіи нѣкоторыхъ вѣдомостей) и счеты прошлаго 1720 году о приходѣ и расходѣ денегъ и всякой казны въ готовности ли, о томъ ни откуду не отвѣствовано“¹⁾.

Затрудненія, вызванныя такимъ неправильнымъ ходомъ отчетности, особенно должны были подчеркнуть ненормальное положеніе, въ которое поставленъ былъ вслѣдствіе реформы центральныхъ учреждений—сенатъ. Мы видѣли, что въ той формѣ, въ какой заимствованы были шведскія учрежденія, — сенатъ былъ фактически совершенно устраненъ изъ системы центральныхъ учреждений. Король стоялъ въ непосредственной связи съ коллегіями; только онъ одинъ имѣлъ за ними высшій надзоръ, и только ему онѣ были обязаны отчетностью. Это положеніе сохранилось и при Карлѣ XII, и только его продолжительное отсутствіе изъ страны и необходимость замѣнить личный надзоръ короля хотя бы временнымъ центральнымъ учрежденіемъ—вернули шведскому сенату до нѣкоторой степени значеніе „правительствующаго“, и то только фактически, а не юридически²⁾. У насъ, напротивъ, сенатъ, введенный, какъ мы видѣли, въ

гадира и отъ гвардіи майора Волкова. 3) Бригадира Дмитріева-Мамонова. 4) Бригадира Юсупова. 5) Генералъ-майора Матюшинна. 6) Майора Салтыкова. Хотя начальники канцелярій заявляли, что „дѣла въ канцеляріяхъ еще не кончались“ (Голицыны и Матюшинны) и что отсылать ихъ въ ревизіонъ коллегію „не надлежало“ (Матюшинны), тѣмъ не менше въ концѣ концовъ имъ велѣно было передать дѣла въ ревизіонъ-коллегію. Изъ канцеляріи кн. Голицына дѣла были получены 10-го мая 1720 года; изъ канцеляріи бригадира Салтыкова по указу 1720 г.—въ 1721 году, 26-го іюля. Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. № 17—17, л. 275, 277, 288, 358—374, 381.

¹⁾ Арх. мин. юст. кн. № 17—17, л. 286—287.

²⁾ См. объ этомъ статью С. G. *Malmström*'а. Om rixstyrelsens under de tio första åren af Karl XII's fränvaro въ *Historisk Tidskrift*, 1884 и въ его *Smärre skrifter, rörande sjuttonhundratalets historia*. Stockh. 1889. Положенію шведскаго сената извѣстно было и правительству Петра, кромѣ донесеній Любераса, изъ донесенія Фика, поданнаго 25-го апрѣля 1718 г. (подлинникъ съ русскимъ переводомъ см. въ арх. мин. ин. дѣлъ, Шведскія дѣла, 1718 г., № 6; kurtze Beschreibung der königlichen Schwedischen Reichs-Cantzellei, oder des Cantzeley-Collegij in Stocholm.): So bald der hochseelige König (то-есть, Карлъ XI) die Souveraineté

моментъ совершеннаго крушенія центральныхъ учреждений, долженъ былъ одинъ замѣнить цѣлую систему ихъ. Теперь оба порядка, одинъ другому противоположные, совмѣщены были въ одной общей системѣ: вмѣстѣ съ правительствующимъ сенатомъ стали такія же правительствующія коллегіи. Конечно, іерархію сената и коллегій не трудно было установить, слѣдуя стариннымъ и уже давно отжившимъ формуламъ шведскаго государственнаго права; связь между ними и нѣкоторое единство были установлены тѣмъ, что президенты коллегій стали сенаторами. Но не такъ легко было согласовать подробности дѣйствующей практики русскаго сената и шведскихъ коллегій: каждый изъ этихъ элементовъ на своемъ мѣстѣ предполагалъ отсутствіе другого. Неправильный ходъ отчетности и долженъ былъ прежде всего обнаруживать неудобство двухъ формально подчиненныхъ одна другой, но фактически конкурирующихъ системъ центральной администраціи. При шведскомъ порядкѣ, правильный ходъ государственнаго ховийства лежалъ цѣликомъ на отвѣтственности финансовыхъ коллегій; при русскомъ порядкѣ онъ составлялъ главную обязанность сената и продолжалъ быть обязанностью сената послѣ учрежденія коллегій. Но если сенату приходилось, по прежнему, принимать и разбирать „не токмо словесныя, но и нисѣмныя многія жалобы“ на замедленія табельныхъ унлатъ и на другія нарушенія заведеннаго порядка,—то надо было дать ему и средства для наблюденія за порядкомъ; а разъ коллегіи не давали этихъ средствъ своевременно,

---

und folglich als ein christlicher König ein Reich nach Gutbefinden regieren kunte, so schaffte er den Titel der Reichsräthe... der Reichsmarschall wurde Oberhofmarschall, der Reichscantzler wurde Cantzlerpraesident, der Reichsschatzmeister—Cammerpraesident, und die Reichsräthe—Königliche Räthe genannt. Und damit der Senat seine alte Authorität so viel eher verlohren möchte, so legte der König sich gewisse Ministres zu und tractirte mit denselben die Reichs—und Staats Affairen in seinen Cabinet, ohne des Senats Meinungen darüber zu vernehmen... Auch hat des Senats Authorität bey dem jetzigen Könige noch einiger massen bestanden, indem der König bey dessen Abwesenheit dem Senat die Regierung des Reichs und die Handhabung der Affairen übertrug, doch hat er der Princessin seiner Schwester das Praesidium darinnen beygelegt. Существовъ этой записки Финкъ повторилъ, со ссылкой на записку 25-го апрѣля 1818 г., въ запискѣ 11-го ноября 1728 г., повидимому, послѣдствіе особаго приказаанія. Арх. инв. юстиціи, дѣла сената, кн. № 58—58, л. 64—71 (византийскій унлатъ и переводъ). Любопытно, что Дави повелъ учрежденіе коллегій именно какъ замѣну сената. „S. M. Czarienne, пишетъ оны въ январѣ 1719 г., а enfin exécuté le dessein... de casser le sénat et de substituer en sa place plusieurs collèges“. Сб. Р. И. Общ. т. XI, 4.

надо было сдѣлать его независимымъ отъ коллегій, по крайней мѣрѣ по отношенію къ отчетности. Эти обстоятельства вызвали, какъ полагаемъ, важный указъ 7-го іюля 1721 г., съ котораго начинаются приспособленія только что введенной правительственной системы къ прежде дѣйствовавшей. Сославшись на то, что „въ сенатѣ съ пачала правленія коллегій, съ 1719 года“ по день указа ни изъ камертъ, ни изъ штатсъ-коллегій не было присылаемо никакихъ вѣдомостей и отчетовъ и что, такимъ образомъ, сенатъ лишенъ возможности слѣдить за своевременностью табельныхъ улатъ, подрядовъ и покупокъ, указъ повелѣваетъ доставлять ежемѣсячныя и ежегодныя донесенія изъ всѣхъ коллегій и канцеларій въ сенатъ, „дабы... о всемъ о томъ всегдашнее извѣстіе безъ справокъ съ коллегіями въ сенатѣ имѣлось“¹⁾. Послѣ этого распоряженія дѣлалось совершенно излишнимъ отдѣльное существованіе ревизіонъ-коллегій и логическимъ послѣдствіемъ только что цитированнаго указа было дальнѣйшее распоряженіе (12-го января 1722 г.): „ревизіонъ-коллегіи быть въ сенатѣ, понеже едино (то-есть, то же) дѣло есть, что сенатъ дѣлаетъ, и не разсмотря тогда учинено было“²⁾. Эта поправка показывала направиленіе дальнѣйшихъ приспособленій одного порядка къ другому; коллегіи должны были потерять ту самостоятельность, которую онѣ имѣли въ шведскомъ устройствѣ и сдѣлаться исполнительными органами сената: русское самодержавіе не имѣло причинъ бояться этого учрежденія, въ за котораго въ Швеціи уже выдвигался въ то время вновь призракъ олигархической „свободы“. Переживая во взаимномъ отношеніи сената и коллегій самымъ рѣзкимъ образомъ выразилась въ томъ, что вельможные президенты коллегій были оставлены въ сенатѣ, а въ коллегіи назначены новые, гораздо менѣе вліятельные руководители³⁾. Такимъ образомъ, сенатъ, новсе не отягачившійся при своемъ учрежденіи аристократическимъ составомъ, повысился въ значеніи; а коллегіи, потерявъ прежнюю непосредственную связь съ сенатомъ въ лицѣ своихъ президентовъ, окончательно сдѣлались подчиненными органами сената. Только три „главныя“ государственныя коллегіи, военная, адмиралтейская и иностранная, сохранили старыхъ президентовъ-сенаторовъ: фельдмаршала, адмирала и канц-

¹⁾ П. С. З. № 3803.

²⁾ П. С. З. 3877. О превращеніи ревизіонъ-коллегій въ одинъ изъ столовъ сената см. также П. С. З. № 3928.

³⁾ П. С. З. № 3877; Сб. П. Ист. Общ. XI, 447—448.

лера; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ сохранили и положеніе учреждений, концентрирующихся съ сенатомъ ¹⁾.

Кромѣ собственно финансовыхъ коллегій, имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ нашей темѣ коллегіи, предназначавшіяся для заведѣнія торговлей и промышленностью Россіи: коммерцъ—, бергъ—, и мануфактуръ-коллегія. Учрежденіе ихъ стоитъ въ прямой связи съ усвоенной къ тому времени правительствомъ меркантилистической точкой зрѣнія. Для главныхъ организаторовъ нашего коллежскаго устройства, — Фиска, Любераса и не назвѣстнаго автора проекта о коллегіяхъ (§ 34, 464—467) введеніе этихъ коллегій было необходимымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи и обезпеченію для нея выгоднаго торговаго баланса. Естественно, что и въ своихъ запискахъ и въ своемъ проектѣ регламента коммерцъ-коллегіи Люберасъ особенно выдвигалъ эту основную цѣль вводимыхъ учреждений. Для этой цѣли онъ настаивалъ на устройствѣ отдѣльной отъ коммерцъ-коллегіи — мануфактуръ-коллегіи, долженствовавшей заняться специально развитіемъ промышленной дѣятельности, строго согласованной съ „ситуаціей“ страны, съ ея естественными богатствами. Съ этой же цѣлью внутреннее производство должно было тѣснѣйшимъ образомъ быть согласовано съ условіями внѣшняго сбыта, для чего мануфактуръ-коллегія должна была находиться въ нѣпосредственной корреспонденціи съ коммерцъ-коллегіей, а послѣдняя — съ своими заграничными агентами. Люберасъ затѣвалъ, дѣйствительно, обширную государственную организацію торгово-промышленной дѣятельности Россіи, — организацію, для которой обѣ коллегіи должны были служить центральнымъ регуляторомъ и справочнымъ бюро. Предпринимательскій интересъ въ этой организаціи долженъ былъ служить могущественнымъ орудіемъ и проводникомъ интереса государственнаго.

Въ значительной степени эти идеи не могутъ считаться личнымъ достояніемъ Любераса. Въ сущности, онѣ именно и привели, уже давнымъ давно, къ устройству того учрежденія, которое сдѣлалось теперь образцомъ для Россіи: шведской коммерцъ-коллегіи. Въ инструкціи шведской коммерцъ-коллегіи 1651 года находимъ эти идеи выраженными уже вполне отчетливо. Нужно сказать, что немногое изъ этой инструкціи перешло въ проектъ инструкціи Любераса, и немногое изъ той и другой пошло въ русскую инструкцію коммерцъ-

¹⁾ См. выше.

коллегии, утвержденную 3-го марта 1719 года. Но и по тому, что въ нее вошло, мы можем заключать о двойномъ и параллельномъ вліяніи на нее шведской инструкціи и проектовъ Любераса. Для пригѣра приведемъ сравнительный текстъ одного мѣста, особенно подчеркивающей и общую тенденцію русской инструкціи и ея источники ¹⁾.

Шведская инструкція 1651 г., *Проектъ Любераса*, § 10. *Инструкція* 1719 г., § 27.

Ея королевское величество считаетъ также полезнымъ, чтобъ подерживалась добрая корреспонденція съ посланми, резидентами, агентами, комиссарами и другими, какъ королевскими, такъ и компанейскими чиновниками во всѣхъ королевствахъ, республикахъ, княжествахъ и городахъ о состояніи в ходѣ торговли, усилченіи и уменьшеніи спроса на товары, повышеніи и пониженіи цѣвъ.

Es soll das Collegium mit denen ausszerhalb Reich befindlichen Commercio-Rähton, Agenten und Consuls Hobsig correspondiren, die erhaltene Nachrichten nach der Sachten Bewandniss der inländischen Kauffmanschaft aufrichtig und ohne Partialität ungesäumt communiciren, auf dass dieselbe ihre particulier Correspondentien darnach judiciren und ihre Messures im Handel desto sicherer zu nehmen Gelegenheit haben können.

Падлежитъ такожъ коллегіи коммерціи прилежную корреспонденцію содержать съ министрами ея царскаго величества, также съ консулами и съ агентами, пребывающими при чужестранныхъ дворахъ, и въдомости поучать трудиться, какъ въ другихъ государствахъ и земляхъ сего государства и чужестранные товары въ цѣвъ поднимаются и низятся; также какъ пошлени въ чужестранныхъ приморскихъ городахъ возвышаются и убав-

ляются, какіе *практики* отъ коммерціи между чужестранными державами поставлены и какіе въ морскомъ хожденіи о кучествахъ и канарствѣ и прочіихъ регламенты выдаваны бывають; и тѣ полученныя въдомости имѣть сія коллегія, елико за потребно быти разсудить, сего государства торговымъ людемъ вѣрно сообщать, дабы они по состоянію дѣлъ и времени по тому своимъ мѣры принимать и свои торги учредить могли.

Какъ видимъ, составитель инструкціи (вѣроятно, Фикъ) имѣлъ передъ глазами оба источника и болѣе даже воспользовался вторымъ, чѣмъ первымъ.

Инструкція 1719 года скоро замѣнена была новой, утвержденной

¹⁾ П. С. З., № 3318; проектъ Любераса см. въ Арх. мин. иностр. дѣлъ, бумага Любераса, № 47; шведская Instruction för handels- eller commercii collegio, som hennes kongl. May:t är til värke at anrätta, och måste hafva inspectiöner på alle navigations, commerciers och manufacturers beföring i Sverige och dessa underliggiande Provincier, och hvarefter samme handels collegii directorer och assessorer hafva sig at rätta. Dat. Stockh. den 23 Aug. år 1651, см. въ сборникѣ *Шерилана (Stjerntan)*: Samling utaf kongl. bref, stadgar och förordning etc., angående Sveriges rikets commercie, politie och ðconomie, etc. II, 669—678.

31-го января 1724 года; послѣдняя перередактировала первую, дополняла ее (по адмиралтейскому регламенту, см. ниже) правилами, относящимися къ коллежскому дѣлопроизводству и развала ее отдѣльными статьями; общій духъ остался тотъ же и мы не будемъ здѣсь останавливаться на отдѣльныхъ измѣненіяхъ.

Въ устройствѣ бергъ- и мануфактуръ коллегіи Люберасу принадлежала еще болѣе дѣятельная роль. Въ бумагахъ его сохранился черновикъ проекта регламента бергъ-коллегіи; этотъ проектъ съ нѣкоторыми измѣненіями положенъ былъ въ основаніе указа 10-го декабря 1719 года объ учрежденіи бергъ-коллегіи ¹⁾. Вѣроятно, вслѣдствіе его же представленій денежныя дворы, за годъ передъ тѣмъ отданные въ вѣдомство камеръ-коллегіи, были указомъ 16-го февраля 1720 года переданы изъ камеръ-коллегіи въ бергъ- и мануфактуръ коллегію ²⁾. Какъ членъ послѣдней, Люберасъ принималъ въ 1720 и 1721 годахъ дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ; объ этомъ мы можемъ судить по сохранившимся въ его бумагахъ запискамъ, представленнымъ имъ на обсужденіе коллегіальнаго присутствія ³⁾.

¹⁾ П. С. З., № 3464 и дѣла Любераса, № 61, гдѣ есть также и копія печатнаго указа. Введеніе его взято изъ введенія Любераса и изъ § 9. Параграфъ 1-й и 11-й переданы изъ § 1 проекта Любераса; § 2 Любераса переданы изъ § 7 указа; §§ 4—6 сокращены изъ § 10. Заключительный § 17 указа составленъ по заключительному параграфу Любераса. Въ концѣ проекта находится записка: „Wann es sollt gedruckt und publiciret werden, ist die Clausula darnach einzurichten, wobei dann unmaassgeblich dass Requisitoriale des Berg-Collegii ebenfalls müste gedruckt werden. Въ томъ же № бумагъ находится; черновикъ инструкціи бергъ-коллегіи берграту I. M. Михалису; Constitutorium и General-reglement бергъ коллегіи и печатный указъ 23-го января 1720 г. (на нѣмецкомъ языкѣ) о распространеніи правъ указа 10-го декабря 1719 г. на иностранцевъ. См. еще № 65 бумагъ Любераса; Nachricht, wie das Berg-collegium in Schweden bestellet und war für Berg-bediente in denen Provinzen gebraucht werden и № 62: рукописный текстъ указа 8-го августа 1719 г. о явкѣ иностранцевъ въ бергъ-коллегію.

²⁾ П. С. З., №№ 3324 (здѣсь и распоряженіе о переводѣ денежныхъ дворовъ изъ С.-Петербурга въ 1720 году) и 8524. Эту перемѣну въ управленіи денежныхъ дворовъ нужно, впрочемъ, отнести также въ связь со смертью ихъ старшаго начальника, кн. П. И. Прозоровскаго.

³⁾ См. въ Дѣлахъ Любераса, № 93: уставъ для Gold- и Silber—Schmiede, 16-го мая 1720 г.; № 92: Formular einer generalen Münz-Ordnung, май, 1720 г.; № 91: Unmaassgebliches Sentiment wegen der interim Ordnung an den Münz-director in Moscau, сентябрь, 1720 г.; № 90: уставъ монетнаго дѣла директору, 26-го июня 1721 г.; № 94: объ изъятіи изъ обращенія мѣдныхъ копѣчицковъ, 15-го декабря 1721 г. (о послѣднемъ см. въ слѣдующей главѣ).

Въ тѣхъ же бумагахъ Любераса можно найти нѣкоторые слѣды его вліянія на устройство мануфактуръ-коллегій. Согласно своимъ общимъ идеямъ, онъ, повидимому, настаивалъ на отдѣльномъ существованіи мануфактуръ-коллегій и возражалъ, хотя и тѣтно, противъ соединенія ея съ бергъ-коллегіей; это видно изъ фразы, которою начинается одна изъ его записокъ: „если уже суждено мануфактурамъ остаться подъ инспекціей бергъ-коллегіи, то было бы не лишнимъ — составить генеральный планъ регулированія мануфактуръ и назначить для надзора за мануфактурными дѣлами спеціальнаго члена“¹⁾. Онъ составилъ и для этой коллегіи проектъ регламента и даже дважды перередактировалъ его; вторая редакція, можетъ быть, имѣла вліяніе на составленіе печатнаго регламента²⁾.

Наконецъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ Любераса Петръ думалъ объ учрежденіи экономической коллегіи, хотя эта мысль и осталась не осуществленною³⁾.

Относительно личнаго участія Петра въ выработкѣ коллежскихъ регламентовъ мы имѣемъ свѣдѣнія, едва ли случайно, только по поводу регламента адмиралтейской коллегіи. Къ разсмотрѣнію этого регламента, вмѣстѣ съ выработкой морскаго устава, Петръ возвращался урывками нѣсколько разъ въ теченіе 1720 и 1721 годовъ⁴⁾; 6-го апрѣля 1722 года регламентъ, наконецъ, былъ изданъ. Что Петръ здѣсь впервые вошелъ въ подробности коллежскаго устройства, это, повидимому, отразилось и на довольно странномъ указѣ 11-го мая того же 1722 года. Игнорируя все, что было сдѣлано до

¹⁾ Дѣла Любераса, № 80: *Reflectiones in der Beobachtung der Reichs-Manufacturen. Project vom Collegio .... mensis (nochъ висано die 17 februarli) insiniret.*

²⁾ П. С. З., № 4378. Оба проекта Любераса, см. *ibid.* № 79: впереди 2-ая редакція „etwas von meinem ersten Concertъ geänderet“; 1-я редакція тамъ же въ концѣ; въ ней болѣе подчеркнуты общія точки зрѣнія и связь съ меркантильной теоріей. Между нѣстами, содержаніе которыхъ могло повліять на русскій регламентъ, выписанномъ § 10 (ср. въ русскомъ текстѣ §§ 4, 21, 24). „Es sollen des Collegii Glieder jeder bey seinen zugetheilten Fabriquen oder Handwerk, — auch wohl der Praesident selbst, wann es die Umstände forderou, zum öftern und zwar regulier nach geschlossenem Guttfinden die Fabriquen und Handtirungen besuchen, ihren Progress inquiriren, auch insonderheit auf die nationale Lehrlinge acht haben. И во 2-й редакціи проектъ Любераса остается чертатуръ отвлеченнымъ; въ немъ, напримѣръ, ничего нѣтъ о привилегіяхъ фабриккамъ, тогда какъ въ русскомъ регламентѣ это одна изъ главныхъ темъ.“

³⁾ См. въ бумагахъ Любераса, № 72 и *Голанкозъ*, VII, 188.

⁴⁾ *Голанкозъ*, VIII, 31 (январь, 1720), 126, 165 (январь 1721), 414.

сихъ поръ, Петръ приказывалъ „во всѣхъ коллегіяхъ сдѣлать регламенты противъ адмиралтейской коллегіи, только гдѣ потребно имена переимѣнати, а аянтальтъ чтобъ былъ весьма сходенъ во всѣхъ порядкахъ; только оставлять въ тѣхъ коллегіяхъ тѣ дѣла, гдѣ такихъ нѣтъ “¹⁾. Такъ какъ адмиралтейскихъ дѣлъ, конечно, не было ни въ какой другой коллегіи, то заимствовать оставалось внѣшній порядокъ. Кажется, всѣхъ буквально выполнила приказаніе Петра вѣчная коллегія. Составители проекта, представленнаго этой коллегіей въ февралѣ 1723 года, добросовѣстно перепелли въ свой проектъ всѣ мелочныя указанія адмиралтейскаго регламента относительно канцелярскаго порядка коллегіи, наполнили проектъ массою распоряженій по хозяйственной части, подрядамъ, закупкамъ и храненію матеріаловъ, въ которыхъ вотчинная коллегія не имѣла никакой нужды, а за то главнѣйшія обязанности коллегіи по помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ, ея судебныя функціи, остались вовсе не регламентированными²⁾. Очевидно, въ виду такого результата проектъ и не получалъ дальнѣйшаго движенія. Осмотрительнѣе поступили составители новаго регламента мануфактуръ-коллегіи и передѣланнаго теперь регламента коммерцъ-коллегіи: они заимствовали изъ адмиралтейскаго регламента только вступительные параграфы³⁾. Другихъ слѣдствъ исполненія петровскаго указа мы не знаемъ.

¹⁾ И. С. З. № 4008. Указъ сената на основаніи этого распоряженія см. у *Н. Н. Ардашева*. Регламентъ вотчинной коллегіи, 15: „въ которыхъ (коллегіяхъ) регламенты или инструкціи хотя и учинены,—къ тому въ дополненіе, а въ которыхъ еще не учинены,—то вновь“ выписать изъ регламента адмиралтейской коллегіи, составить проекты и подать въ сенатъ. Въ вотчинной коллегіи указъ сената полученъ 26-го октября 1722 г. Одной изъ цѣлей пересмотра регламентовъ было уменьшеніе штатовъ; ср. письмо Ягужинскаго Петру въ августѣ 1723 г.: „въ штатѣ сколько можно трудился противъ адмиралтейскаго уставу и другія коллегіи ураниять; но для множества илиминистъ дѣлъ не можно удолоситствовати друція, а особяяво камеръ-коллегіи, тачымъ малымъ числомъ служителей, какъ въ адмиралтейской опредѣлено“. *Соловьевъ*, XVIII, 163. О другихъ цѣляхъ пересмотра см. слѣд. главу.

²⁾ Подробное сравненіе проекта вотчинной коллегіи съ адмиралтейскими регламентами см. у *Н. Н. Ардашева*. Регламентъ вотчинной коллегіи, 15—23: тутъ же и текстъ проекта (25—54) съ примѣчаніями издателя (55—73). Работа *Н. Н. Ардашева* напечатана въ *Учпніяхъ Общ. Н. и Древл. Р.* 1890, кн. I съ отдѣльными оттисками.

³⁾ И. С. З. № 4378, §§ 1—4 и № 4453, §§ 2—6. За исключеніемъ вновь прибавленныхъ §§ 8—9, 11—12, 24, 31—32, всѣ остальные параграфы новаго

По идеѣ шведскихъ финансовыхъ учреждений ихъ введеніе должно было закончить процессъ концентраціи финансовыхъ вѣдомствъ Россіи. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, камеръ-коллегія унаслѣдовала только ту степень концентраціи, которой достигли русскія учреждения къ моменту заимствованія. Въ ея непосредственномъ заведеніи оказались всѣ сборы, сосредоточенные въ рукахъ губернаторовъ; а внѣ пріямго ея вѣдомства, кромѣ общегосударственныхъ поступленій (какъ доходъ съ денежныхъ дворовъ и съ соляной продажи), остались также и тѣ территориальные сборы, которые сохранились ко времени устройства коллегій въ центральныя учрежденія, уцѣлѣвшихъ отъ стараго порядка. Сюда относятся монастырскій и патриаршіе приказы, сборы малороссійскаго вѣдомства и ратуши, какъ сословно-городскаго учрежденія.

Что касается духовныхъ приказовъ, правительство приняло было рѣшительныя мѣры, чтобы ввести ихъ вѣдомство въ рамки общаго финансоваго управленія. Указомъ 17-го августа 1720 года велѣно было „монастырскому приказу не быть“, а дѣла его и патриаршіихъ приказовъ раздать въ камеръ-, штатсъ- и юстицъ-коллегію; относительно сборовъ монастырскія и патриаршія вотчины должны были на одинаковомъ основаніи съ другими разрядами подчиниться областнымъ чиновникамъ камеръ-коллегіи¹⁾. Непосредственное же завѣ-

регламента камеръ-коллегіи перодрѣланы (большой частью распространены) изъ стараго; опущены §§ 15, 24—25 старой инструкціи, затѣмъ § 5 (о морскихъ паеворотахъ), очевидно, потому, что соответственный параграфъ введенъ въ регламентъ адмиралтейской коллегіи (I, § 90) и §§ 17—21 (замѣненные параграфами 26 новой инструкціи, очевидно, въ виду того, что соответственные распоряженія вошли въ регламентъ главнаго магистрата). Остальные параграфы новаго регламента соответствуютъ слѣдующимъ §§ стараго (поставленнымъ въ скобки введеніе (введенію), 1 (1), 7 (2), 10 (3), 13 (4), 14 (6), 15—16 (7—8), 17 (9)—18 (10), 19 (11), 20 (12), 31 (13), 22 (14), 23 (27), 25 (16), 27 (22), 28 (23), 29 (26), 30 (28)). Важно отмѣтить, что нѣкоторые изъ правилъ канцелярскаго порядка, перенесенныхъ въ эти два регламента изъ адмиралтейскаго, въ самый адмиралтейскій введены, вѣроятно, подъ вліяніемъ совѣтовъ Люберса; наиримѣръ, правило о началѣ засѣданія черезъ четверть часа послѣ съѣзда большей части членовъ.

¹⁾ Указъ 17-го августа 1720 г. см. у Горчакова, Монастырскій приказъ, 128. По свидѣнію автора, „требованія указа были выполнены безъ замедленія. Камеръ-коллегія приняла всѣ книги и дѣла приказа, предписала своимъ областнымъ чиновникамъ—камерщикамъ и комиссарамъ вступить въ сборы съ вотчинъ приказа и ввести всѣ вотчины его въ общее исчисленіе государства“.

дѣяніе монастырскими вотчинами указомъ 16-го октября 1720 года возвращено было отдѣльнымъ монастырямъ ¹⁾. Но въ самый день открытія святѣйшаго синода, 14-го февраля 1721 года, онъ просилъ передать патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины „сборами и правленіемъ“ въ его вѣдомство, мотивируя это тѣмъ, что „они отъ гражданскихъ правителей пришли въ скудость и пустоту“. Петръ разрѣшилъ просьбу синода, и синодъ немедленно разослалъ указы по епархіямъ: „присылаемыхъ изъ губерній и провинцій камерировъ, комиссаровъ и прочихъ посланныхъ—въ архіерейскія и монастырскія вотчины отиудъ не впускать“; сборы собирать въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ и отсылать или „по губерніямъ и провинціямъ, куда прежде сего были влечены“, или же въ синодъ „для отсылки въ каморъ и штатсъ-конторъ коллегіи“, отдавая во всякомъ случаѣ ежемѣсячные отчеты синоду ²⁾. Такимъ образомъ, синодъ сталъ между центральными финансовыми учрежденіями и мѣстными сборами съ духовныхъ вотчинъ въ качествѣ посредника. Добившись этого положенія, онъ постыдился добиться вѣдѣмъ разрѣшенія Петра на возстановленіе только что уничтоженнаго центральнаго духовно-финансоваго вѣдомства, монастырскаго приказа: 8-го мая 1721 года приказъ получилъ новаго начальника, Василія Ершова и возобновилъ свою дѣятельность уже въ прямой зависимости отъ святѣйшаго синода ³⁾. Но такъ какъ монастырскій приказъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ провинціальныхъ чиновниковъ, то въ теченіе 1721 и 1722 годовъ фактически продолжали завѣдывать сборами духовныхъ вотчинъ старыя провинціальныя власти; только съ 1723 года установилось въ этомъ вѣдомствѣ областное управленіе, параллельное камеръ-коллежскому: „по примѣру свѣтской команды“ вѣдомство монастырскаго приказа было раздѣлено по вновь введеннымъ провинціямъ (см. ниже), а не по епархіямъ; во главѣ каждой провинціи долженъ былъ стать „комиссаръ синодальной команды“, инструкция котораго была передѣлана изъ инструкціи земскому комиссару (см. ниже) ⁴⁾.

¹⁾ П. С. З. № 3659. Ср. Горчакова, Монаст. прик., 167—168.

²⁾ П. С. З. №№ 3734, 3749 („черезъ посланныхъ изъ духовнаго синода собирать, отсылать въ каморъ и штатсъ-конторъ коллегіи“) и Горчаковъ, Монаст. прик. 247—248 и прилож., стр. 47, 53—54.

³⁾ Горчакова, Монаст. прик. 248—249, 261 и *сю же*, О земель. владѣніяхъ митрополитовъ etc., 513.

⁴⁾ О промежуточномъ состояніи 1721 и 1722 годовъ, именно о безконечныхъ столкновеніяхъ старыхъ провинціальныхъ властей со вновь посылаемыми для

Приспосаблия, такимъ образомъ, областную администрацію духовнаго вѣдомства къ вновь вводившемуся тогда образцу провинціальнаго устройства (слѣд. §), правительство передѣлало на новый образецъ и центральное его управленіе: монастырскій приказъ превратился въ коллегію. Въ виду сложности и многосторонности его вѣдомства было только нѣкоторое колебаніе, по образцу какой именно коллегіи его перестроить: синодъ предлагалъ проектъ реорганизации приказа „противъ юстицъ-коллегіи“¹⁾, но Петръ рѣшилъ принять за образецъ камерь-коллегію и 23-го сентября 1724 года былъ изданъ указъ, превратившій „суды монастырскаго приказа“ въ „президента камерь-конторы“; указомъ 14-го января 1725 года приказано было „монастырскому приказу отнынѣ именоваться синодальнаго правительства камерь-конторою“¹⁾.

Наравнѣ съ духовнымъ и еще два сословно-финансовыя вѣдомства сохранили нѣкоторую отдѣльность отъ камерь-коллежскаго управленія: городское и дворцовое. Мы видѣли, что съ паденіемъ центральныхъ учрежденій вѣдомство ратуши распредѣлилось между губерніями, и только московское дунечество продолжало находиться въ ея непосредственномъ заведѣваніи. При реставраціи центральнаго управленія появилось и новое учрежденіе, опять сосредоточившее власть надъ всѣмъ городскимъ населеніемъ Россіи: петербургскій главный магистратъ. По регламенту главнаго магистрата городскія управленія

защиты изъ синодальными дворянами, см. подробное изложеніе *Горчакова*, Монаст. прик., 258—279. О новомъ порядкѣ, см. *ibid.*, стр. 280—282 и прилож. 101—109. При сравненіи напечатанной здѣсь инструкціи комиссару синодальной команды съ П. С. З. № 3295 (инструкція земскому комиссару) видно, что отдѣльные параграфы первой соответствуютъ слѣдующимъ §§ второй (ноставленнымъ въ скобки): 1 (общіе введеніе и присяга), 2 (2), 3 (3), 4 (5), 5 (6), 6 (7), 7 (9), 8 (10), 9 (14, 1), 10 (14, 2—3), 11 (17—18), 12 оригинальнъ (соотвѣтствуетъ 23—24), 13 (27), 14—18 оригинальнъ (изъ нихъ 15—16 о составленіи новаго описанія духовныхъ вотчинъ, изъ населенія и хозяйства).

¹⁾ Обсужденіе въ 1722—1723 г. вопроса, по образцу какой коллегіи переделать Монастырскій приказъ, см. у *Горчакова*, Мон. пр. 287—293. Рѣшеніе Петра (22-го января 1724 г.: въ синодѣ учинить коллегію подобно камерь-коллегіи) и указы сената въ П. С. З. №№ 4567 и 4632. Какъ извѣстно, уже черезъ годъ камерь-контора переименовывается въ коллегію экономическаго синодальнаго правленія. Дальнѣйшія колебанія въ управленіи духовныхъ приказовъ, см. у *Горчакова*, О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, 514 и слѣд. и *Милюткина*, О недвижимыхъ имуществѣхъ духовенства въ Россіи, 534 и слѣд.

отдѣльныхъ городовъ „губергаторамъ и воеводамъ не должны подчинены быть въ томъ, что экономія касается“. Освобожденные, такимъ образомъ, изъ подъ вѣдомства мѣстныхъ камеръ-коллежскихъ органовъ, городские магистраты были однако подчинены камеръ-коллегіи; по ея назначеніямъ они отсылали городскіе сборы, давая однако отчеты о количествѣ ихъ и объ ихъ употребленіи главному магистрату¹⁾. Такъ какъ кромѣ камеръ-коллегіи городские магистраты подчинялись также коммерцъ- и мануфактуръ-коллегіи, то въ сущности власть надъ ними центрального городского управленія (главнаго магистрата) была далеко не безраздѣльной. Въ прежнее время такое управленіе было нужно правительству, главнымъ образомъ, потому, что, централизуя упрямленіе купечествомъ, правительство централизовало и лежащее на его отвѣтственности сборы косвенныхъ налоговъ. Но теперь въ такой централизаціи не было надобности, во первыхъ, потому, что сборы распредѣлились по губерціямъ и провинціямъ, во вторыхъ, потому, что правительство поныталось въ концѣ царствования Петра измѣнить старинный взглядъ на сборы косвенныхъ налоговъ, какъ на сословную обязанность купечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось и главное побужденіе къ сословно-финансовой организаціи его²⁾. Важнѣйшею функціей главнаго магистрата оста-

¹⁾ П. С. З. №Ж 3708, гл. XIV и 4624, § 23. О стоакиновскихъ городскихъ властей съ губерскими см. *Соловьева* XVIII, 170—173 и *Димитина* Устр. и упр. городовъ, 238—240. Врядъ ли правъ, однако, послѣдній, полагая, что регламентъ самъ себя противорѣчитъ по вопросу о независимости городскихъ властей отъ губерскихъ (*ibid.* 231—233).

²⁾ Какъ извѣстно, сборы „пошлинные, казенные, соляные и другіе всякіе“, собиравшіеся выборными изъ посадскихъ людей, именными указами 11 и 13-го апрѣля 1722 года волико было передать отставнымъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ солдатамъ по назначенію военной коллегіи, придавъ имъ въ цѣловальники „изъ рясольниковъ и бородачскій“ по выбору магистрата. П. С. З. № 3966. Въ теченіе 1723 и 1724 годовъ изъ военной коллегіи и отъ герольдмейстера опредѣлено было однако къ названнымъ сборамъ всего 971 человекъ, тогда какъ всего нужно было 4.290, (въ П. С. З. № 4388 находимъ для 1723 года цѣры 475 и 6.997). Тогда *въ видѣ временной мѣры*, „дабы тѣмъ сборамъ оставши не было“, разрѣшено, было „гдѣ по присылкѣ отставныхъ не достанетъ, быть по прежнему изъ купечества“. Продленіе этого разрѣшенія на 1725 годъ, съ напоминаніемъ однако военной коллегіи и герольдмейстеру о присылкѣ отставныхъ, см. въ П. С. З. № 4620. Въ собственныхъ своихъ сборахъ городское общество совершенно сохранило свои старыя права мірской раскладки, приспо-

вазась затѣмъ сословно-судебная: понятно, такимъ образомъ, почему главному магистрату пришлось раздѣлить судьбу остальныхъ судебныхъ учрежденій Петра: онъ былъ закрытъ уже въ 1727 году; городская администрація окончательно пошла въ рамки губернскаго упрощенія ¹⁾).

Центральное управленіе дворцовыми волостями, раздробившееся, подобно ратушскому, между губерніями, также было восстановлено въ послѣдній періодъ реформы. Кажется, такой смыслъ имѣеть уже распоряженіе Петра 16-го января 1721 года „дворцовыя и коопиенныя деревни вручить одному въ Москвѣ“. Сенатъ по этому распоряженію приказалъ вѣдать эти деревни, кромѣ приписанныхъ въ Петербургѣ къ дому государя и государыни, П. Е. Васкакову въ Москвѣ „и бытъ ему подъ вѣдѣніемъ камеръ-коллегии“ ²⁾. Распоряженіемъ 12-го августа 1724 года сборы съ дворцовыхъ волостей, „что собирается во Дворецъ, кромѣ подушнаго сбору“, переданы были въ непосредственное заведѣваніе Дворцовой канцеляріи ³⁾, помимо штатсъ-конторы.

Наконецъ, мы должны еще упомянуть объ одномъ финансовомъ вѣдомствѣ, подобно предыдущимъ, отдѣльномъ отъ камеръ-коллежской администраціи, но тѣмъ не менѣе представляющемъ не остатокъ старой финансово-административной раздробленности, а, наоборотъ, результатъ дальнѣйшаго централизаціоннаго движенія. Мы говоримъ о появленіи новой малороссійской коллегии въ Глуховѣ. До тѣхъ поръ поступленіе и расходъ малороссійскихъ сборовъ стояла внѣ контроля московской администраціи. Какъ извѣстно, отдѣльность гетманскаго управленія была уничтожена устройствомъ въ 1722 году при гетманѣ цѣлой коллегии московскихъ чиновниковъ, подъ президентствомъ бригадира Вельяминова. Одною изъ главныхъ обязанностей малороссійской коллегии было слѣдить за сборами, принимать ихъ „въ казну его императорскаго величества“, изъ коллегию, и уже отсюда выда-

собивъ ихъ только къ новой организаціи общественныхъ группъ городского населенія. См. инструкцію магистратамъ 1724 года П. С. З. № 4624, § 18—21. О возвращеніи и общегосударственныхъ сборовъ въ отвѣтственное вниманіе городскихъ обществъ по среднему окладу см. слѣд. главу.

¹⁾ Объ уничтоженіи главнаго магистрата см. *Дизъюнкція*, 327—332.

²⁾ П. С. З. №№ 3704, 3737.

³⁾ П. С. З. №№ 4548. Исполненіе по этому указу см. уже по смерти Петра 17-го марта 1725 года. П. С. З., № 4677.

вать на уплату жалованья по старымъ окладамъ, давал о приходѣ и расходѣ третіе и годичные отчеты сенату ¹⁾. Подробности финансовой комитетціи малороссійской коллегіи были развиты распоряженіями слѣдующихъ 1723 и 1724 годовъ ²⁾.

§ 36. Мы замѣтили уже, что въ шведской финансовой системѣ центральные органы находились въ самой тѣсной связи съ областными. Ввести одни безъ другихъ было совершенно не возможно, такъ какъ только правильная дѣятельность областныхъ финансовыхъ учрежденій давала содержаніе дѣятельности центральныхъ. Вотъ почему при первомъ-же серьезномъ приступѣ къ учрежденію коллегіи долженъ былъ подняться вопросъ и о соответственныхъ измѣненіяхъ въ губернскомъ устройствѣ: Въ своемъ меморіалѣ 9-го мая 1718 года Фикъ основательно заявлялъ: „всѣ коллегіи касаются до губерній, и того ради потребно, чтобъ правительство губернское на извѣстной мѣрѣ поставитъ“ ³⁾. Прежде чѣмъ ввести новыя учрежденія во всѣхъ губерніяхъ, Фикъ предлагалъ сперва испробовать ихъ на одной. На эти предложенія Фика Петръ написалъ слѣдующую резолюцію: „земское управленіе надлежитъ перво одинъ уѣздъ отъ мужика до правителя уѣзда, а потомъ до ландсведдинга, шведское съ русскимиъ сложя, и на мѣрѣ свои мѣнья поставя, изготовать въ докладѣ по порядку и чинамъ“ ⁴⁾. Эту-же резолюцію мы имѣемъ и въ другой редакціи, собственноручно написанной государемъ того-же 9-го мая (то-есть, до слушанія меморіала): „сколько ландсведдинговъ и надъ сколькими уѣздами одинъ, и подъ нимъ сколько какихъ чиновъ и какъ оныя связаны послушаніемъ и должностію, то выписывать и приносить въ сенатъ, гдѣ надлежитъ спускать съ русскимиъ обычаями: что можетъ быть по старому и что переимѣнять, то все ставить на мѣрѣ въ сенатѣ и изготовать къ будущей осени въ докладѣ“ ⁴⁾.

¹⁾ П. С. З. № 4010. Уже въ № 3988 (29 апреля 1722 г.) это наблюденіе ваденскими и хабнскими сборами Малороссіи и отдача ихъ „въ нашу казну“ представляется, какъ порядокъ „предковъ нашихъ“, по которому „хотя прежде того и чинилось, однако-же нынѣ оное упущено незнамо для чего“. Въ верховномъ совѣтѣ Толстой откровеннѣе объяснялъ въ 1726 г., что цѣль покойнаго Петра при учрежденіи малороссійской коллегіи была—„Малую Россію къ рукамъ прибрать“. Сб. Р. Ист. Общ. т. I.V. 60.

²⁾ П. С. З. №№ 4196, 4613. О берѣбѣ старшими противъ малороссійской коллегіи см. *Соловьева*, XVIII, 225—239. О доходахъ малороссійской коллегіи см. подробную вѣдомость въ Сб. II. Общ. т. LXIII, 486—508 и ниже.

³⁾ П. С. З. № 3208, пунктъ 7.

⁴⁾ Сб. II. Общ. XI, 371.

Итакъ, обсужденіе новаго губернскаго устройства должно было начаться съ осени 1718 года; къ этому времени нужно было приготовить сличеніе русскихъ губернскихъ учреждений съ шведскими. Песомнѣнно, что эту самую работу мы найдемъ въ документѣ, сохранившемся въ сенатскихъ дѣлахъ и содержащемъ описаніе шведскаго губернскаго устройства, составленное Фикомъ; параллельно съ описаніемъ каждой губернской должности сдѣланы и выписки о соответствующихъ имъ русскихъ губернскихъ властяхъ ¹⁾. Содержаніе этой записки лучше всего познакомитъ насъ съ тѣмъ матеріаломъ, какимъ располагалъ законодатель въ моментъ введенія шведскаго губернскаго устройства.

Какъ извѣстно, областное устройство Швеціи складывается изъ трехъ ступеней управленія, восходящихъ по своему происхожденію къ древнегерманской эпохѣ, но къ намъ перешедшихъ въ той формѣ, которую дало имъ въ концѣ XVII года самодержавное законодательство Карла XI. Это именно, „волость“ или приходъ, (*socken*, кирхшпилъ на языкѣ остзейскихъ посредниковъ между нами и Швеціей), затѣмъ *högad* (древняя „сотня“, дистриктъ) и „земля“ (*land*). Въ этомъ порядкѣ мы и будемъ излагать содержаніе нашего документа.

„Приходъ“ есть областная единица наименѣе похожая на русскія и наименѣе удобная для непосредственнаго заимствованія. Упомянувъ о представителяхъ киршпиля, фогтѣ или ленсманѣ, который служитъ посредникомъ между крестьянствомъ и властями дистрикта, передавая и выполняя ихъ распоряженія, наша записка, естественно, не можетъ найти параллельнаго чиновника въ Россіи. Замѣтивъ, что у насъ такихъ чиновъ нѣтъ, записка прибавляетъ, что „для понужденія въ сбораніи денежныхъ сборовъ и проч. опредѣлены при ландратахъ разсыльщики, которые употребляются во всякія послылки“. Еще менѣе точекъ соприкосновенія оказывается при дальнѣйшемъ изложеніи дѣятельности прихода: здѣсь изображается участіе общины въ судѣ посредствомъ выборныхъ изъ крестьянъ, которые „въ судѣ сидятъ и присуждаютъ“ и собираютъ для судебныхъ чиновниковъ „всякія потребныя вѣдѣнія“, „когда обыски бываютъ“, — „понеже имъ состояніе крестьянъ лучше вѣдомо“. Не оказывается ничего общаго и въ роли, какую играетъ въ кирхшпилѣ духовенство. Пасторы присутствуютъ при опредѣленіи платежной способности крестьянъ, гово-

¹⁾ Арх. мин. юст., дѣла сенат., кн. 58—58, л. 1—16.

рять „судебное поученіе“ при обычныхъ засѣданіяхъ ландгерихта въ приходѣ и вообще внушаютъ населенію повиновеніе законамъ и религіи, объясняютъ королевскія и губернаторскія распоряженія; „такимъ образомъ, говоритъ авторъ записки, шведское христіанство въ такое приведено состояніе, что едва во всемъ христіанствѣ честнѣе, вѣрнѣе, угоднѣе, набожнѣе и храбрственнѣе крестьянства, кромѣ что въ Швеціи найти можно:... вольный крестьянинъ такъ ревнивъ о чести своей, что ни отъ дворянина пореканія—плута или вора—не терпитъ, по процессу о томъ всчинасть“. Противъ этихъ строкъ замѣчено, что „въ Россіи такого обыкновенія и опредѣленія указомъ“ о пмѣнательствѣ духовенства въ гражданскія дѣла „нигдѣ не обрѣтается“. Однако, роль настора въ кирхшннгѣ, произвела на Петра впечатлѣніе, суда по тому, что въ позднѣйшихъ указахъ онъ не разъ приказывалъ черезъ священниковъ объявлять въ селахъ указы о всякихъ сборахъ ¹⁾.

Областными чиновниками „герата“, кромѣ судейскаго чиновника (häradshöfding) были герадсъ-фогтъ (ландъ — или кронъ-фогтъ, бекельсманъ) и герадсъ- или ландъ-шрейберъ. Обязанности обоихъ, почти исключительно фискальныя, переданы подробно во ихъ инструкціяхъ, къ которымъ мы еще возвратимся. Противъ отдѣла о ландфогтѣ находимъ замѣтку: „такого чина ландъ-фогтскаго въ губерніяхъ нѣтъ, а все то, что въ Швеціи въ дистриктахъ на ономъ чинѣ положено, управляемо бываетъ отъ губернаторовъ и отъ ландратовъ“. Противъ статьи о ландъ-шрейберѣ замѣчено: „ландратомъ въ должности ихъ вспоможеніе и отправленіе повинны чинить комиссары, которые съ ними у дѣлъ опредѣлены“. Дѣйствительно, ландраты и комиссары всего ближе подходили къ шведскимъ чиновникамъ „герата“; раньше (§ 31, стр. 392) мы сопоставляли и самый герадъ съ „долей“, которому завѣдовали эти чиновники.

Если средняя ступень шведской областной администраціи находила въ некоторомъ подобіи въ недавно введенныхъ русскихъ „долахъ“, то высшая опять весьма мало походила на русскую „губернію“. Шведское устройство различало три вида главныхъ областныхъ начальниковъ: генераль- губернаторовъ, губернаторовъ и ландсгевдан-

¹⁾ П. С. З. № 3515, 3648, 4311. См. также № 3787. Уже въ инструкціи поводами встрѣчаемъ (П. С. З. № 3294 § 5) распоряженіе о чтеніи приходамъ указовъ въ церквахъ трижды въ годъ; но здѣсь это простой переводъ соответственнаго мѣста шведской инструкціи 1687 г. (см. ниже).

говъ. Первые назначались въ пограничныя провинціи (Эстляндію, Лифляндію, Померанію, Временъ) изъ важныхъ государственныхъ особъ, сенаторовъ, фельдмаршаловъ и графовъ, „попече коммуникаціи и осторожности съ сосѣдями такихъ великихъ и искусныхъ генераловъ требуетъ“; вторые—изъ генераловъ, генералъ-лейтенантовъ и бароновъ—назначались въ Сконію и Ингерманландію; третьи—изъ еще менѣе значительныхъ чиновъ—во все остальные провинціи. Все они подчиняются прямо королевскимъ государственнымъ коллегіямъ, руководствуются инструкціями, составленными „отъ короля или отъ коллегіевъ“; „до юстиціи не касаются“, а лишь направляютъ дѣла къ судебному вершенію и „ко экзекуціи вспомогаютъ, что судья исполнил“, — исключая, однако, тѣлеснаго наказанія и казни; въ сборахъ не могутъ никого обложить „больше, нежели въ поземельныхъ и въ контрибуціи книгахъ содержится“; иначе на нихъ можно жаловаться. Кромѣ этихъ ограниченій, губернаторъ имѣетъ „полное правительство“ надъ своей областью, надъ гражданскимъ и военскимъ штатомъ и шляхетствомъ, надъ крѣпостями, приставами, рудоплавными заводами, коронными землями и доходами и т. д.

Противъ этихъ отдѣловъ замѣчено, что въ Россіи налагать налоги безъ вѣдома сената губернаторамъ запрещено указомъ 1712 г.; право жалобы по указу 1714 г. признано—на коменданта—губернатору, на губернатора—сенату, на сенатъ—государю. Отмѣчена и главная разница въ компетенціи русскихъ и шведскихъ губернаторовъ: „губернаторы въ губерніяхъ по указу царскаго величества не только во всемъ губернскомъ управительствѣ, но и судъ и расправу полную имѣютъ, кромѣ одного только ландрацкаго правленія, понеже ландраты въ уѣздахъ опредѣлены для управленія дѣлъ и сборами казны особые“. Очевидно, послѣднее замѣчаніе подчеркиваетъ смѣшеніе инстанцій въ Петровской губерніи. Въ шведской губерніи имѣется свое особое судейское чиновничество, съ правильнымъ устройствомъ судебныхъ инстанцій: въ губерніи—лагманъ или, по остзейской терминологіи, оберъ-ландрихтеръ, подъ вѣдомствомъ котораго состоятъ въ дистриктахъ 4—6 ландрихтеровъ (герардъ-гевдинговъ); къ оберъ-ландрихтеру вносятся только спорныя дѣла изъ дистриктовъ, а на его собственное рѣшеніе можно „апеллировать“ (на поляхъ пояснено: „челобитые приносить до вышшняго суда, подъ которымъ онаг губернія подлежитъ“,—то-есть, къ мѣстному гофгерихту).

Конечно, ничего подобнаго не было въ Россіи: наша запискаближаетъ съ уѣздными ландрихтерами тѣхъ же ландратовъ, а для

сопоставленія съ оберъ-ландрихтеромъ употребляется русскій губернский чиновникъ-ландрихтеръ; въ запискѣ его должность опредѣлена тѣмъ, что онъ „бѣдитъ въ губернію по случаю споровъ о земляхъ или прегрѣшенія ландратовъ“.

Помимо лагмана, специализовавшаго судъ, при шведскомъ губернаторѣ (ландсгевдингѣ) состоялъ еще цѣлый рядъ чиновниковъ, специализовавшихъ различныя отдѣлы финансовой администраціи. Этимъ чиновникамъ уже не находилось ничего соответствующаго въ русской губерніи. Это были именно: ландъ-секретарь и ландъ-бухгалтеръ или камериръ, ландъ-рентмейстеръ и другіе. Ландъ-секретарь исполняетъ при ландсгевдингѣ ту же обязанность, „какъ канцеларскій коллегіумъ (при королѣ и сенатѣ): все изготовлять имѣть, что отъ короля или отъ сената рѣшено бываетъ“; другими словами, это начальникъ канцеларіи губернатора. Ландъ-бухгалтеръ „имѣть еще важнѣйшій и тяжелейшій чинъ“: его обязанность „въ губерніи все оное примѣчать, чего камеръ-коллегіумъ во всемъ государствѣ смотрѣть имѣть“. Ландъ-рентмейстеръ занятъ исключительно приемомъ и „добрымъ сохраненіемъ“ вносимыхъ въ рентерю денегъ и выдачей ихъ по ассигновкамъ съ росписками¹⁾. Всѣмъ этимъ должностямъ записка могла противопоставить только известныя намъ мѣры 1714 г. для упорядоченія отчетности: указъ 22-го января о возобновленіи дѣятельности Нижней канцеларіи и распоряженіе того же указа о „подъячихъ добрыхъ, которые будутъ у прихода и расхода“ и которые „держатъ казну за дьячьи, а въ городѣхъ за комендантскими печатями“.

Съ осени 1718 г., какъ и предполагалъ Петръ, началось обсужденіе губернской реформы въ сенатѣ. Прежде всего сенатъ приступилъ къ опредѣленію штатовъ и жалованья губернской администраціи. Не присутствуя самъ въ сенатѣ, Фикъ тѣмъ не менѣе отъ васѣданія къ васѣданію составлялъ, по требованію сенаторовъ, свои доклады, которые и принимались затѣмъ сенатомъ въ соображеніе. Такъ, 17-го октября онъ подалъ вѣдомость о жаловань губернскихъ чиновъ и прибавлялъ къ ней свои замѣчанія, что при опредѣленіи окладовъ надо принимать въ расчетъ два обстоятельства: вопервыхъ, „величину провинцій и множество городовъ, повеже ль такой про-

¹⁾ Подробности объ этихъ должностяхъ опускаю, такъ какъ о нихъ идетъ рѣчь ниже. Не останавливаясь на другихъ должностяхъ, ландовскаль (ср. о ней у *Петровскаго*, О сенатѣ стр. 111—118), ландмессеръ, эвалдигеръ (смотритель за тюрьмами), лѣсныхъ объѣзжныхъ нахистралъ и др. канцеларскихъ служителей.

винции больше трудовъ происходитъ"; восторыхъ, „въ которой провинции дѣна (продовольствія) настоятъ дорого или дешево“. 27-го октября онъ составилъ дополнительную записку о томъ, „какимъ образомъ завоеванныя отъ Шведскаго государства провинции подъ шведскимъ владѣніемъ управлялись и что при нынѣшнемъ опредѣленіи губерній покорнѣйше припамятовати. могу“ (подана 4-го ноября). Хотя высказанныя здѣсь соображенія относятся спеціально къ ново-завоеваннымъ провинціямъ, но въ сущности онѣ вылились приложимы къ остальной Россіи и затрогиваютъ одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ при приспособленіи шведскихъ губернскихъ учреждений къ условіямъ русской государственной жизни. „Понеже состояніе тѣхъ провинцій, замѣчаетъ Фикъ, послѣ взятія оныхъ зѣло переиѣнилось, того ради мы за шведскимъ опредѣленіемъ весьма держаться не можемъ... Всѣ оныя провинціи и города прежде войны процвѣтали, а нынѣ едва ни въ половину опустѣли отъ мороваго повѣтрія и отъ многой войны и, что еще оставшее, и то отъ непрестанныхъ подводъ и другими образы больше разоряется... Изъ онаго естественно происходитъ, что отъ тѣхъ земель многихъ толико приходовъ не собирается противъ прежняго, и ежели бы лифляндскую губернію по шведскому регламенту опредѣлитель, то бы съ оной земли толикое число приходовъ въ сборѣ не было, сколько шведы погодно служителямъ жалованья платили. Ибо передъ войною, когда токмо малый гарнизонъ въ Ригѣ обрѣтался, то однако отъ короля больше 200.000 р. погодно на Лифляндію издержано; и въ Ревелѣ съ Эстляндією, хотя никогда полки на квартирахъ тамъ не стояли, однако жъ по 25.000 р. расходу по всѣ годы исходило, и Нарва съ умѣреннымъ гарнизономъ коптовала съ 80.000“. Принимая въ расчетъ, что по штатамъ 1715 г. вся губернская администрація стоила государству 173.026 р., то-есть, меньше чѣмъ одна Лифляндія Швеціи по расчету Фика, мы поймемъ, въ чемъ заключалась та слабая сторона дѣла, о которой мы только что говорили: шведскія учреждения, если ввести ихъ настоящимъ образомъ, были для тогдашней Россіи слишкомъ дороги и не соответствовали степени ея хозяйственнаго развитія ¹⁾.

¹⁾ Приведенныя записки Фика см. Арх. мин. юст., дѣла и пригов. сената, кн. 58—58, л. 23, 24—27. Стоимость губернской администраціи по окладамъ 1715 г. ibid, кн. 42—42, л. 373.

Какъ бы то ни было, 7-го ноября сенатъ опредѣлялъ ввести въ Россію в сѣ шведскія губерскія должности, исключая приходскихъ¹⁾. Оторвавши такимъ образомъ іерархію шведскихъ областныхъ единицъ отъ ихъ основной ячѣйки, приходи, сенатъ этимъ самымъ развязалъ себѣ руки относительно опредѣленія территориальныхъ размѣровъ вводимыхъ единицъ. Эти размѣры, по слабой плотности населенія тогдашней Россіи, также какъ и по малой платежной способности этого населенія, должны были оказаться болѣе крупными, чѣмъ въ Швеціи, а вмѣстѣ и слмаій характеръ являющихся учрежденій должевъ совершенно измѣниться.

Въ „подлиннѣйшемъ доношеніи“ 22-го ноября Физъ обратилъ вниманіе сената на эту сторону дѣла, напомнивъ, что въ революціи се-

¹⁾ Приводимъ цѣликомъ это вышнее сенатское опредѣленіе по черновой „запискѣ“ приговору сенатскаго ноября 7-го числа 1718 г.⁶ (Арх. мин. юст., дѣла сен. 58—58, л. 29). Зачеркнуты въ подлинникѣ слова выпечатаны въ скобкахъ: *Губернаторамъ и ландсъ-гвдинтамъ* быть въ такомъ же правленіи, какъ въ Швеціи опредѣлено. И того для взять инструкцію онаго чина приготовить къ слушанію.

Судамъ въ губерніяхъ быть такъ, какъ именнымъ ц. в. указомъ опредѣлено. А о чинахъ земскихъ судей, гдѣ сколько оныхъ быть надлежитъ, взять вѣданіе отъ президента юстиціи-коллегіи.

Ландс-фогтамъ (въ збрѣхъ съ крестьянства росписалатца) о всякъхъ платежахъ, на крестьянъ положенныхъ давать книги за своею рукою, помѣщикомъ или прикащикомъ, а по тѣмъ доходы платить въ казну, и въ платежѣ оныхъ, что что заплатить (въ томъ и то) подписывать въ оныхъ книгахъ самому ландсъ-фогту [Въ запискѣ Физа этииъ словамъ соответствуютъ: „онъ (ландсфогтъ) долженъ всякому крестьянину росписать книгу вѣдать, и въ той записать, когда что который крестьянинъ заплатилъ, которая росписанная книга съ пріежочною его росписью сходна быть имѣетъ“. Ср. ниже инструкцію ландсфогта].

Земскому секретарю въ провинціяхъ при губернаторахъ быть въ такой же силѣ, что и въ Швеціи на нихъ положено.

Каммер-амтъ быть (въ такомъ же правленіи), а о управленіи дѣла того чина взять инструкцію къ слушанію отъ Каммеръ-коллегіи.

Ландсъ-рекс-мейстеру быть же (а ви).

Земскому фискалу быть же, а инструкцію дѣла ихъ приготовить къ слушанію.

Землемъру быть же (противъ шв) въ каждой провинціи (такому) для чертежей,

Кирхеншлэфогту и въ крестьянъ выборнымъ при судехъ и у дѣлъ не быти для того что всякіе наряды и посылки бываютъ по указомъ нивъ городовъ, а не отъ церковей, къ тому жъ и въ уѣздехъ не крестьянства умилы людей имѣти. Губернаторамъ, которые назначены будутъ вѣдать провинціи, объявить о являющъ чинахъ (сколько гдѣ оныхъ быть надлежитъ) и взять отъ нихъ вѣданія, сколько вому (оны) тѣхъ лишнихъ чиновъ къ дѣламъ будетъ надобно.

Старостамъ тюремнымъ быть.

ната о введеніи „земскихъ служителей“ „не означено, сколькимъ чело-
вѣкамъ земскимъ фогтомъ быть, или сколькимъ же крестьянамъ
быть подъ каждымъ земскимъ фогтомъ“, — другими словами, не опре-
дѣлеть размѣръ дистрикта. „Въ Швеціи, докладывалъ Фикъ, имѣеть
земской фогтъ подъ своимъ вѣдѣніемъ не больше 800—1000 крестья-
нскихъ дворовъ; крестьяне тамъ „яко вольные люди, подати свои
самому земскому фогту отдають и оный ландфогтъ со 800 или 1000
дворовъ довольно имѣеть отправлять и толикое число земскихъ книгъ
пріуготовлять: для того—большаго числа управлять не можетъ“, тѣмъ
болѣе, что онъ „имѣеть, кромѣ собранія и исчисленія доходовъ, и
другіи многія дѣла отправлять“. Принимая въ расчетъ, что „изъ
Швеціи уже всё регулярно и служители всё дѣло свое знаютъ“, а
въ Россіи нѣтъ, — придется заключить, по мнѣнію Фика, что „если
самому земскому фогту у крестьянъ собирать доходы, то больше ему
трудовъ произойдетъ отъ 1000 челоуѣкъ крестьянъ, нежели въ Шве-
ціи“. Но съ другой стороны, въ Россіи можно воспользоваться со-
ціальнымъ положеніемъ крестьянъ и поручить взиманіе податей „по-
лиціикамъ и прикащикамъ ихъ“. Если снать остановится на по-
слѣднемъ способѣ взиманія, „то крестьянамъ въ томъ способѣ, а
земскимъ фогтомъ дѣло ихъ легче чиниться, такожъ и исправнаго
счета надѣяться можно, и тогда могъ бы земской фогтъ у
3000—4000 крестьянъ быть“. Таковъ долженъ былъ быть максималь-
ный размѣръ дистрикта по соображеніямъ Фика; и даже при такомъ
размѣрѣ онъ считалъ необходимымъ дать фогту помощниковъ, отъ
5 до 6 „нижнихъ комиссаровъ“, какъ и въ Швеціи „имѣють земскіе
фогты при всякой парохіи на 60 — 80 крестьянъ, одного нижняго
фогта“. Такимъ образомъ, подъ именемъ „нижнихъ комиссаровъ“
Фикъ считывалъ ввести тѣхъ самыхъ кирхшиль-фогтовъ, которые
уже были отвергнуты сенатомъ въ постановленіи 7-го ноября. Такъ
какъ сенатъ категорически заявилъ, что для этой должности „въ
уѣздахъ изъ крестьянства умныхъ людей нѣтъ“, то Фикъ предла-
галъ, въ случаѣ невозможности найти „изъ подлихъ“, кто бы умѣлъ
читать, писать и считать, — назначать въ нижніе комиссары „изъ няж-
ныхъ и убогихъ дворянъ“. Въ заключеніе Фикъ убѣждалъ не жалѣть
денегъ на жалованье губернской администраціи и не убавлять изъ-за
денежныхъ соображеній количество служащихъ¹⁾.

¹⁾ „А если бы высокоуправляющей сенатъ изъ благомыслительнаго
намеренія въ интересъ Е. В. В. многихъ денегъ на жалованье удержать похотѣлъ

Итакъ, даже увеличивъ въ 3—5 раза размѣръ шведскаго „ге-рада“ (дистрикта), даже уничтоживъ непосредственную связь между ландфогтомъ и плательщиками податей, Фикъ все-таки получалъ въ результатъ областную единицу значительно меньшую по количеству населенія (3—4 тысячи дворовъ), чѣмъ прежняя русская „дола“ (5½ тыс. дворовъ). Еще значительно должна была оказаться разница между высшими инстанціями русской и шведской областной администраціей,—между прежней русской губерніей и шведскимъ ландсгевдингствомъ. О размѣрахъ послѣдняго можно судить по тому, что въ составъ его входили обыкновенно 4—7 дистриктовъ. Это не была огромная русская губернія: въ то же время это не былъ и уѣздъ, такъ какъ уѣзды бывали у насъ иногда даже меньше „долы“; это была совсѣмъ особая средняя между губерніей и уѣздомъ, болѣе или менѣе равномерная по величинѣ единица, которую и Фикъ съ самаго начала реформы обозначалъ особымъ терминномъ „провинція“.

Черезъ четыре дня послѣ наложеннаго „донесенія“ Фика, въ засѣданіи 26-го ноября, сенатское опредѣленіе о введеніи шведскихъ губернскихъ учрежденій было утверждено Петромъ и назначенъ годичный срокъ для ихъ окончательнаго устройства; съ 1720 г. новыя учрежденія должны были вступить въ дѣйствіе: „а для при-мѣра лучшаго“, „велѣно было въ С.-Петербургской губерніи начать съ іюля (1719 г.) по новому“¹⁾.

Исполняя это распоряженіе, сенатъ немедленно принялся за при-мѣрные вычисленія, необходимыя для введенія областной реформы въ Петербургской губерніи. Руководящей мыслью его, кажется, было—ввести новыя учрежденія такъ, чтобы они не обошлись дороже старыхъ. Высчитано было, что старое содержаніе петербургской губернской администраціи стоило 41.293 р. Новый же расчетъ сдѣланъ былъ на 47.816 р. Мы не будемъ слѣдить за всѣми колебаніями этихъ

бы, и для того малою число служителей въ провинціяхъ опредѣлять“,—тогда Фикъ противопоставлялъ этому слѣдующія соображенія: 1) всѣ христіанскія государства „честно и по нуждѣ“ пропитываютъ своихъ слушателей, а Россія „ниветъ большихъ прибытковъ по природѣ, чѣмъ слушателей пропитать, нежели Швеція (это именно и было сомнительно). 2) Лучше дать 100 р. жалованья „нежели допустить на 200 или 300 р. подлогу“. 3) Въ милліонѣ жалованья „нѣтъ государству... ни рубля убытка, если всѣ оныя деньги въ государствѣ какъ удержаны будутъ“. 4) Только надеждой на хорошее жалованье и повышеніе чина можно привлечь способныхъ людей.

¹⁾ И. С. З. № 3244.

расчетов сената, а представимъ только ихъ окончательный результатъ ¹⁾. Старая губернія раздѣлена была на 12 провинцій (=губерній ²⁾), и кромя того двѣ провинціи составились изъ городовъ, приписанныхъ къ адмиралтейству. Въ каждой изъ 14 провинцій предположено было ввести всѣ административныя должности, перечисленные въ сенатскомъ приговорѣ 7-го ноября, и для суда—должность оберъ-ландрихтера. Затѣмъ, каждая изъ провинцій дѣлилась на 5 частей—дистриктовъ (всего, слѣдовательно, 70 въ губерніи), состоявшихъ каждый изъ 1½ тысячи дворовъ по переписи 1710 г. и около 2 тысячъ по переписи 1678 г. ³⁾. Какъ видимъ, этотъ размѣръ былъ меньше, чѣмъ предлагалъ для „дистрикта“ Фикъ. Въ отличіе отъ губерній и провинцій управленіе дистрикта носило названіе „земскаго“. Во главѣ каждого дистрикта стоялъ—для управленія „земскій комиссаръ“ и для суда—унтеръ-ландрихтеръ; при каждомъ изъ „земскихъ комиссаровъ“ состоялъ подъячій и три размыщника, то-есть, четверо меньшей штатѣ, чѣмъ въ прежней ландратской долѣ: это соответствовало и отношенію между размѣрами „доли“ и округа, подчиненнаго „земскому комиссару“: первая состояла (по закону) изъ 5536 дворовъ (въ дѣйствительности же, часто гораздо болѣе); а второй, какъ мы только что видѣли, изъ 1½—2 тысячъ дворовъ.

Къ сроку, когда должны были вступить въ дѣйствіе учрежденія Петербургской губерніи, распредѣлены были на провинціи и города остальныхъ губерній; распредѣленіе это утверждено государемъ 29-го мая 1719 г.; по шведскому образцу (см. выше) „въ тѣхъ провинціяхъ велѣно быть: въ порубежныхъ въ знатныхъ—генераломъ губернаторомъ, а въ другихъ порубежныхъ провинціяхъ—губернаторомъ, вице-губернаторомъ, оберъ-комендантомъ и комендантомъ, а въ прочихъ (окромѣ Московской) внутреннихъ провинціяхъ же во всѣхъ—воеводамъ (=ландсгендинги)“ ⁴⁾. По смыслу этого указа „провинціи“

¹⁾ Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. 58—58, л. 294, 297—298, 300 и слѣд. На листѣ 295 и 296 об. находимъ, между прочимъ, расчеты, „если опредѣлитъ въ каждомъ дистриктѣ по 5000 дворовъ“, или: „и буде въ каждомъ дистриктѣ опредѣлитъ по 3000 дворовъ“. Расчеты эти обсуждались въ засѣданіяхъ 3-го и 10-го декабря.

²⁾ Въ одномъ современномъ документѣ (ноябрь, 1718 г.) говорится, что „С.-Петербургская губернія нынѣ раздѣлена на двѣнадцать особыхъ губерній“ (Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. 58—58, л. 267).

³⁾ Ibid. л. 303.

⁴⁾ Арх. мин. юст., дѣла сената, кн. № 8—124, л. 348. Распредѣленіе 29-го мая 1719 г. см. Госуд. арх. Каб. дѣла, кн. л. 167—183 и кн. № 94, л. 220—227.

должны были, очевидно, сдѣлаться высшими областными единицами и устранить вполнѣ старое губернскае дѣленіе ¹⁾. То же самое предполагается и въ инструкціи воеводамъ 1719 г., къ которой скоро вернемся. Но на практикѣ старыя губерніи продолжали сохранять значеніе высшихъ областныхъ центровъ, и провинціальный воевода продолжалъ подчиняться мѣстному губернатору. Такимъ образомъ, „провинція“ сдѣлалась сперва фактически, а потомъ, какъ увидимъ, и юридически—подраздѣленіемъ русской губерніи, только нѣсколько болѣе крупнымъ, чѣмъ до нея была „доля“. Въ среднемъ, новая провинція составлялась, правда, изъ нѣсколькихъ старыхъ долей ²⁾, такъ что доли должны были соответствовать новому подраздѣленію провинціи—дистрикту; но онѣ были, какъ мы видѣли, крупнѣе предполагаемыхъ дистриктовъ, и въ прежней системѣ прямо подчинялись губерніи: и начальники долей, ландраты, по своему прежнему положенію соответствовали не дистриктнымъ, а провинціальнымъ властямъ ³⁾; при введеніи новыхъ учреждений съ ними пришлось имѣть дѣло провинціальнымъ воеводамъ, камериарамъ, казначеямъ и т. д.; отъ ландратовъ они принимали дѣла; во многихъ случаяхъ ландраты прямо и превращались въ провинціальныхъ чиновниковъ, особенно

Въ послѣднемъ документѣ названы назначенные начальники, и нѣкоторые провинціи переименованы въ губерніи. См. также П. С. З. № 3980 и у *Арсеньева*, Статист. очерки Россіи, стр. 68—76.

¹⁾ Такъ и понималъ Флякъ смыслъ губернской реформы еще въ 1724 году. См. слѣд. главу.

		долей.	провинцій.
²⁾ Именно:	въ С.-Петербургской губ.	32 ¹ / ₂	12
	Московской.	44 ¹ / ₂	9
	Кіевской	5	4
	Азовской	7 ¹ / ₂	5
	Рижской	9	2
	Архангелогородской	18 ¹ / ₂	4
	Сибирской.	9	5
	Казанской	5 ³ / ₁₆	4
	Нижегородской .	15 ¹³ / ₁₆	3
	Астраханской	—	1
	Итого	146 ² / ₅	49

³⁾ Иногда доля и называются провинціями еще до реформы 1719 г.: сюда относятся нѣкоторые изъ случаевъ, указанныхъ П. *Мрочекъ-Дроздовскимъ*, Обл. упр. 23—24.

въ камерировъ. Итакъ, дистриктъ и его начальникъ, „немскій комиссаръ“, были совѣтъ новой областной инстанціей: въ Швеціи это была инстанція средняя, вторая послѣ кирхшпиля; у насъ, съ устраненіемъ кирхшпиля, она должна была оказаться низшей; ближе, чѣмъ къ „долѣ“, эта инстанція стояла къ до-петровскому уѣзду, котораго восстановление она и подготовила. Что касается высшей единицы шведскаго устройства, ландсгевдингства, она оказалась въ Россіи средней, хотя и нѣсколько болѣе крупной, чѣмъ прежняя средняя единица; замѣнивъ послѣднюю („долю“), она не тронула вышшаго дѣленія (на „губерніи“): оно продолжало существовать, хотя по смыслу новаго устройства „провинція“ имѣла совершенно самостоятельное положеніе, и ея учрежденія, по шведской теоріи, были непосредственно согласованы съ центральными, съ которыми она и имѣла прямыя сношенія, мимо старой петровской. Это столкновеніе новой губерніи со старой должно было вызвать путаницу въ іерархіи областныхъ единицъ, какъ столкновеніе коллегій съ сенатомъ низывало путаницу въ іерархіи центральныхъ учреждений. Ни то, ни другое столкновеніе не было предвидѣно; люди, понимавшіе теорію новыхъ учреждений, не могли ожидать такого столкновенія, потому что въ ихъ проектахъ вводимыя учрежденія упрядняли старыя; если при осуществленіи реформы тѣ и другія продолжали существовать одновременно,—это показываетъ только теоретическую неподготовленность исполнителей реформы и бессиліе тогдашней законодательной власти передъ дѣйствующей практикой государственныхъ учреждений. И въ областныхъ, какъ въ центральныхъ учрежденияхъ, послѣ описанной реорганизации долженъ былъ начаться тотъ же процессъ приспособленія новаго къ старому, о которомъ мы говорили по отношенію къ сенату и коллегіямъ. Но здѣсь противорѣчіе не представлялось такъ наглядно, не было такъ на виду у всѣхъ; поэтому, можетъ быть, мѣры къ его устраненію были приняты здѣсь уже послѣ Петра Великаго: мы къ нимъ еще возвратимся.

Намъ остается разсмотрѣть теперь значеніе введенныхъ учреждений въ системѣ финансовой администраціи. Кромѣ судейскихъ, всѣ остальные губернскіе чиновники имѣли большую или меньшую финансовую компетенцію,¹⁾ и, чтобы охарактеризовать ихъ должности съ этой стороны, достаточно заглянуть въ ихъ инструкціи. Мы начнемъ съ низшей изъ вновь введенныхъ должностей, съ „земскаго комиссара“ съ его помощниками. Инструкція земскаго комиссара, утвержденная въ январѣ 1719 г., составляетъ точный переводъ шведской

инструкція герадсфогта (или ландсфогта) 1688 г. съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями въ частностяхъ ¹⁾.

Отказавшись отъ введенія кирхшнля и передавъ, согласно мнѣнію Фика (и, конечно, согласно ранѣе дѣйствовавшей практикѣ),

¹⁾ Ср. II. С. З. № 3295 и Kongl. Mayts nådige instruction för häradsfogderne vid deras tjänsters och embetens förrättningar. Gifven Stockholm den 9 octobris år 1688. Шведскіе тексты этой и слѣдующихъ инструкцій въ годахъ XVII в. и частью въ епископствѣ нѣются въ сборникахъ „королевскихъ распоряженій“ (kongliga förgörningar) въ библиотекѣ Арх. мин. иностр. дѣл. Измѣненія въ инструкціи земскимъ „комиссарамъ“ сравнительно съ шведскою— слѣдующія. Послѣ § I пропущенъ текстъ спеціальной пріеаги, заглаженный смысломъ на „обыкновенную присягу“. § II переданъ въ §§ 2—4 русской инструкціи въ болѣе общихъ выраженіяхъ: не говорится объ ответственности земскаго комиссара въ томъ случаѣ, если во время замедленія оборотъ уменьшатся самыя неотложныя обороты (отъ смерти, пожара и т. д.); нѣтъ запрещенія взимать подати или недоимку съ той части имущества крестьянина, которая необходима для продолженія хозяйства и нѣтъ распоряженій о продажѣ этой части имущества только съ разрѣшенія ближайшаго тинга (сходки). Начало § III, съ перечисленіемъ шведскихъ податей, съ правилами для ежегодной переписки манталей и для опредѣленія размѣровъ церковной десятины, тоже опущены; § 5 русской инструкціи начинается прямо съ 3-го отдѣла III параграфа, гдѣ трактуется (послѣ отдѣловъ о подати съ манталей и о церковной десятинѣ) о болѣе близкой къ русскимъ податямъ земельной подати (jordbookegintan): этотъ отдѣлъ „переселенъ“ въ параграфѣ вѣтомъ вѣломъ и буквально. Остальная (4-я) часть § III опять опущена. § IV переведенъ въ §§ 6—7 русской инструкціи: но шведскій текстъ обсуждаетъ тотъ случай, когда военные сборы натурой переводятся на деньги, а русскій останавливается на соевой уплатѣ натурой и устанавливаетъ распоряженіе: „смотруть, дабы тѣ вещи добрыя и годныя въ пріемъ были и чтобы при томъ справедливыя вѣсы и мѣра употреблены были“. Последніи половина фразы, впрочемъ, тоже взята изъ конца § IV. Остальное, за исключеніемъ этого конца, переведено буквально. § V переведенъ въ § 8, только вмѣсто достяган „провіанта или товаровъ казенныхъ“ въ Петербургѣ изъ приморскихъ и прирѣчныхъ городовъ, шведская инструкція говоритъ о доставкѣ „навоза“ (gräntor) „сюда“ (то-есть, въ Стокгольмъ) изъ „Норрландскихъ или другихъ мѣстъ“. § VI говоритъ о сборѣ *экстраординарныхъ* налоговъ (въ §§ III—V говорится объ *ординарныхъ*); въ русскомъ текстѣ онъ вовсе опущенъ. Слѣдующій § VII переведенъ въ § 9 буквально. Въ § VIII говорится объ участіи ландсфогта и писаря съ левшаномъ или нембедманомъ въ составленіи ежегодной земельной переписки „на осенней тингѣ“ (vid höste-tingen); русскій § 10 характернымъ образомъ замѣняетъ это—участіемъ „вскаго комиссара съ всескими имеремъ и съ другими нижними земскими служителями“ при „досмотрѣхъ и перепискахъ дворовъ“—*сжело иъ какія начнутся*; а правила на случай, если перепись поручена будетъ самому комиссару, отлагаются до „новаго“ регламента. Слѣдующіе параграфы шведской инструкціи регулируютъ эксплуата-

сборы податей съ „невольных“ крестьян ихъ помѣщикамъ, сенатъ принялъ однако предложеніе Фика, по которому земскій комиссаръ получалъ помощниковъ: въ инструкціи упоминаются „нѣскольکو подчиненныхъ нижнихъ комиссаровъ по состоянію уѣзда—вѣдать крестьянъ“ (§ 24). Во всякомъ случаѣ нижніе комиссары не составляли особой инстанціи, но нязшую камерную инстанцію составлялъ уѣздъ и его финансовый представитель—земскій комиссаръ. Земскій комиссаръ принималъ всѣ взносы податей съ уѣзда и велъ точную запись поступленіямъ въ составленной земскимъ писаремъ приходной книгѣ. По истеченіи мѣсяца онъ представлялъ сборы въ „земскую казенную“ и отчетъ о приходѣ и расходѣ за мѣсяцъ—въ „земскую контору“. По истеченіи года земскій писарь получалъ отъ комиссара всѣ документы и составлялъ годовой отчетъ, который оба представляли лично въ „земскую контору“. Земскій комиссаръ завѣдовалъ также приѣмомъ взносов въ натурѣ, заботился о равномерномъ распредѣленіи рекрутской и постоянной повинности, завѣдовалъ путями сообщенія и полиціей въ уѣздѣ, долженъ былъ помогать проектированному въ уѣздѣ „нижнему суду“, наблюдалъ за эксплуатацией государственныхъ имуществъ. Въ отличіе отъ шведскаго герадсефогта, онъ не опирался на мѣстное самоуправленіе и не имѣлъ средствъ слѣдить за постоянными измѣненіями въ положеніи плательщиковъ: правительство должно было отказаться отъ ежегоднаго составленія и повѣрки „земляной книги“, служившей основаніемъ для земель-

тацію государственныхъ имуществъ въ городѣ. По самой разницѣ положенія эти параграфы не могли быть заимствованы: они частью выкинуты вовсе (IX, XII, XIV), частью переданы (XIII въ § 11; XV въ § 13). Далѣе слѣдуетъ замѣтить для реформатора часть инструкціи: веденіе отчетности. Относящійся сюда § XVI (исключая 1-го отдѣла) переведенъ въ § 14 цѣлкомъ. (Последніе строки § 14 со словъ „въ отдѣлѣ сего главнаго отчета“—прибавилъ). Слѣдующій § XVII (обязанности герадсефогта относительно судебной дѣятельности тинга) вставленъ въ § 22 русской инструкціи; XVIII (составленіе списковъ подонки и раскладованіе прична въ на тинга) опущенъ. §§ XIX—XXI переведены въ §§ 15—17 вполнѣ. X XII, содержащій распоряженія о составленіи герадсефогтомъ ротируемыхъ списковъ въ „тѣхъ мѣсяцахъ, которыя еще подлежатъ рекрутчинѣ“ (см. выше, § 26, стр. 399) „такъ чтобы нито не было исключено“, — перефразированъ въ § 18 „о собраніи рекрутъ“. XXIII переведенъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ § 19; но третій отдѣлъ, возлагающій на земскаго комиссара обязанности слѣдить за быльми и гулящими людьми въ сносѣ уѣздѣ, есть самостоятельное русское прибавленіе; точно также оригинальнымъ въ русской инструкціи и §§ 20—26; послѣдній, 27 параграфъ переводится съ послѣдняго § XXV шведской инструкціи (§ XXIV пропущенъ).

ной подать, и отъ точнаго контроля надъ поступленіемъ каждаго отдѣльнаго сбора, надъ явученіемъ каждой отдѣльной недоимки. Вместе съ умноженіемъ регламентаціи уменьшалась и отвѣтственность за правильность и своевременность взносов, — какъ со стороны земскаго комиссара, такъ и со стороны самого плательщика.

Всѣ свои сборы и отчеты земскій комиссаръ передаетъ въ высшую камерную инстанцію: сборы въ „земскую казенную“ или въ „рентерею“, а отчеты въ „земскую контору“, помѣщающуюся въ „томъ же домѣ“. Рентмейстеръ и камериръ, начальники этихъ присутствій, суть главные камерные чиновники высшей инстанціи — провинціи.

Камериръ есть „знатѣйшій камерный чиновникъ въ губерніи“. По его инструкціи, тоже переведенной съ шведскаго ¹⁾, онъ полу-

¹⁾ Ср. П. С. В. № 3296 и Kongl. May:ts nådige instruction för landsbookhållarne vid deras tjänsters och embetens förförklaringar. Gifven Stockholm den 28 Mån åhr 1688. После обычнаго введенія и присяги (по русски опущенной), §§ I и II шведской инструкціи переведены цѣликомъ въ §§ 2—3. Затѣмъ §§ III — VII, трактующіе о специальныхъ податяхъ, опущены; вмѣсто нихъ находимъ оригинальный § 4, очевидно, внушенный пѣсоловскими фразами шведскаго § VII и въ сущности общихъ выраженій сообщавшій, что для облегченія разоренныхъ войной подданныхъ государь „милостивѣе дозволяетъ воспріять истребіе о податяхъ, какъ бы оныя спосны и въ расцвѣтѣ были и для этого рѣшилъ публиковать новый регламентъ. § VIII (объ отчетности) переведенъ въ § 5 съ измѣненіемъ сроковъ доставки отчетовъ. § IX, выходящій въ обязанность бухгалтеру слѣдить за правильностью пользованія королевскими пожалованіями, переведенъ въ § 6; § X, трактующій о великаго рода сбавкахъ въ платѣхъ податей, замѣненъ параграфомъ 7-мъ, гдѣ дается общіе выработанныя правила для сбавокъ въ „новомъ регламентѣ“. Въ § XI идетъ рѣчь о наблюденіи за продажей и обмѣномъ коронныхъ имуществъ; этотъ параграфъ вовсе пропущенъ, также какъ и § XII, гдѣ внушается бухгалтеру относительно содержанія арміи соблюдать регламентъ и указы о сѣ „распределеніи“. § XIII переведенъ съ небольшоими измѣненіями въ § 8. § XIV почти буквально переведенъ въ дѣяніемъ § 9; только послѣднія строки параграфа 9 (отъ словъ „и такія подобіемъ безъ уседенія подлинно доваться можно“) составляютъ прибавленіе русскаго текста. Въ § XV дѣлаются подробныя указанія для хозяйственнаго контроля надъ управленіемъ королевскими имѣніями; этотъ параграфъ замѣненъ въ русской инструкціи двумя, §§ 10 и 11, въ которыхъ излагаются распоряженія о надворъ камерира надъ откущиками государственныхъ имуществъ и даются правила отдѣли казенныхъ статей на откупъ. § XVI буквально переведенъ въ § 12. Въ § XVII говорится о контролѣ надъ хозяйствомъ общественныхъ учреждений, городовъ, госпиталей, гимназій и т. д.; русскій § 13 повторяетъ распоряженіе шведской инструкціи на случай, „если е. ц. в. между которыми городъ“, учебнымъ и благотворительнымъ заведеніемъ „поналуетъ“ или царѣ-

часть всѣ отчеты отъ мѣстныхъ властей и самъ отдаетъ отчеты камереръ-коллегии и штатсъ-конторѣ и сносятся съ центральнымъ управленіемъ. Представляемъ ему ежемѣсячно вѣдомости земскихъ комиссаровъ онъ свѣриваетъ съ оригинальными документами прихода и расхода, сличаетъ съ записями рентмейстера и вѣдѣмъ заноситъ ихъ въ „земскую книгу“. Ежемѣсячно, а изъ дальнихъ мѣстъ четыре раза въ годъ онъ посылаетъ приходо-расходнымъ вѣдомости въ штатсъ-контору; въ концѣ года, не позже 1-го іюня слѣдующаго, онъ составляетъ для нея же „валовой счетъ—каждому доходу порознь“. Кроме того, онъ „сочиняетъ погодно главную книгу всѣмъ доходамъ всей губерніи, кромѣ таможенныхъ“,—для камереръ-коллегии; въ камереръ-коллегію же—онъ отсылаетъ и свою „земскую книгу“, а вмѣстѣ съ ней также „земляную переписную“, по которой собираются въ губерніи всѣ сборы комиссарами ¹⁾. Кроме отчетности, обязанности камерира заключаются въ наблюденіи за всѣми сборами, въ надзорѣ за проловодствомъ гарнизоновъ, за подрядами и покупками провіанта и фуража на армию ²⁾, за государственными имуществами и отдачей на откупъ казенныхъ статей, за хозяйствомъ общественныхъ учреждений. Присутствіе камерира находится при губернской канцеляріи въ особой „земской конторѣ“; кромѣ него, оно состоитъ изъ одного или двухъ писарей и засѣдаетъ ежедневно до 6 часовъ.

идеть общественные фонды. § XVIII о наблюденіи надъ коронными парками, лѣсами, землями—опущенъ. § XIX переводитъ въ § 14 съ небольшими сокращеніями и выпускомъ изъ него о прежнихъ неисправностяхъ бухгалтеровъ. Въ § 15 переведена буквально большая часть § XX (часть перемещена въ § 18). Слѣдующій § XXI тоже буквально переводъ въ § 16, за исключеніемъ послѣдней ервы, записанной въ русской инструкціи еразой о штраемыхъ деньгахъ. Послѣдній § XXII-й шведской инструкціи переводъ сокращенно въ § 17. § 18-й оригиналь, кромѣ послѣдней ервы, переведенной изъ § XX. Остальные §§ 19—21, содержащія постановленія о канцеляріи и присутствіи камерира и о его отношеніи къ губернатору (гдѣ встрѣчаемъ выраженія, совпадающія съ ервами Фива въ описаніи шведской губерніи, напримѣръ, „пожеже земскій камериръ вѣдѣвшій камерный служитель въ губерніи есть“) самостоятельны.

¹⁾ Названія книгъ соответствуютъ шведскимъ „hufvudboken“, „landsboken“ и „jordeboken“; въ § 16 встрѣчаемъ еще книгу „вычетную или свидѣтельствовавшую недоимокъ“, afkortnings eller verifications book; уже неудачный переводъ afkortning (симвла, то-есть, податное облегченіе) словомъ „вычетъ“ показываетъ, что тонкости шведскаго веденія книгъ должны были остаться мортной буквой.

²⁾ Относящійся сюда § 6 формулируетъ эту обязанность въ иривисіи къ шведскимъ условіямъ (отправленіе арміи за море изъ прибрежныхъ провинцій).

„Хотя, такимъ образомъ, должность камерирская есть—въсѣ счеты той губерніи пересматривать и свидѣтельствовать^а, однако же онъ не имѣетъ права ни получать самъ денегъ, ни расходовать ихъ по своему усмотрѣнію. Расходъ производится исключительно „по ассигнаціямъ отъ штатсъ-конторъ-коллегіи“; а поступленіе сборовъ производится въ „земскую рентерею“, находящуюся подъ управленіемъ рентмейстера.

Инструкція земскому рентмейстеру, утвержденная 12-го февраля 1719 г., подобно предыдущимъ, переведена съ шведскаго¹⁾; къ сожалѣнію, шведскаго оригинала ея намъ не удалось достать. По этой инструкціи обязанность рентмейстера (казначей) исключительно пассивная: приемъ поступленій отъ комиссаровъ, храненіе ихъ и выдача по ассигновкамъ. Ни для какихъ сборовъ казначей самъ въ губернію не ѣздитъ и комиссаровъ не понуждаетъ; о неисправности поступленій онъ только доноситъ камериру и губернатору. Для свидѣнія объ имѣющихся поступить вносахъ онъ получаетъ экземпляръ „сметныхъ и окладныхъ книгъ“; поступленія занисываетъ въ свою приходную книгу и выдаетъ квитанціи; выдачи вноситъ въ особую расходную книгу, сохранивъ ордера, по которымъ эти выдачи произведены, и росписки получившихъ ихъ лицъ. Отчетъ о ежемѣсячномъ движениіи суммъ подается къ 8 числу слѣдующаго мѣсяца камериру въ земскую контору, со всѣми оправдательными документами; по окончаніи года, къ марту слѣдующаго, казначей подаетъ ему же „генеральный или валовой счетъ прошедшаго года“. Казна хранится въ рентерей или „земской казенной“, находящейся въ одномъ домѣ съ земскою конторой,—„въ безопасномъ мѣстѣ“, въ „крѣпкихъ сундукахъ“ за тремя замками, ключи отъ которыхъ, кромѣ казначея, находятся у губернатора и камерира. На текущій расходъ казначей можетъ держать у себя не болѣе 1.000 рублей.

Переходимъ къ высшему представителю областной администраціи, „воеводѣ“, инструкція котораго утверждена была въ январѣ 1719 г. Мы уже говорили выше, что шведская губернія (или ландсгевдингство) стала у насъ провинціей, а губернаторъ (ландсгевдингъ) — провинціальный воевода. Такъ какъ, однако, старая губернія не была уничтожена, то провинціальный воевода очутился въ довольно неопредѣленномъ положеніи относительно губернатора: формально, это были власти одной и той же инстанціи, а фактически—

¹⁾ П. С. З. № 3304.

воевода долженъ былъ оказаться, конечно, подчиненнымъ губернатору. Когда составлялась инструкция воеводамъ, это столкновение старыхъ и новыхъ должностей, повидимому, не было принято въ расчетъ; званіе губерній, по смыслу вводимыхъ нормативовъ, должно было отличать въкоторыя изъ провинцій, особо важныя или пограничныя: напримѣръ, С.-Петербургскую (подъ управленіемъ генералъ-губернатора), Ревельскую; остальнымъ же провинціямъ „надлежало каждой быть особо“¹⁾, то-есть, самостоятельной областной единицей. Естественнымъ выводомъ изъ этого положенія дѣла было и то распоряженіе (29-го мая 1719 г.), по которому вѣлѣно „воеводской инструкціи... быть въ той силѣ, какъ въ оной инструкціи написано, и въ губерніи и въ провинціи“²⁾.

Инструкция воеводамъ переведена съ шведской инструкціи ландсгевдингамъ 1687 г.³⁾ Финансовыя обязанности воеводы по этой

¹⁾ Прямо это распоряженіе одѣлано относительно провинцій Азовской, Рязанской и Архангелогородской губ. въ П. С. З. № 3380. Азиатская часть Сибирской губ. дѣлилась по указу 29-го мая 1719 г. на три янцо-губернаторства „подъ губернаторскимъ вѣдѣніемъ“ (П. С. З. № 3379); европейская же часть дѣлилась на (независимая?) провинціи. Сибирскую провинцію по указу 19-го июня (П. С. З. № 3392) вѣлѣно было „приписать“ къ Астраханской губерніи и ее воеводѣ быть „подъ вѣдѣніемъ астраханскаго губернатора“.

²⁾ П. С. З. № 3381.

³⁾ П. С. З. № 3294 и Instruction, hvarefter kongl. May:ts... Landshöfdinge...hafva uti sitt embetes förrättning och beställning hörsamligen at efterleva. Gifven Stockholm 28 Januarii 1687 (рукописный экземпляръ этой инструкціи есть въ томъ же сборникѣ библиотекѣ Арх. мин. иностр. дѣлъ, гдѣ и инструкціи ландсгевдинга, намеривантъ и др.). § I-й шведской инструкціи и прилога переведены съ сокращеніями въ параграфѣ 1-мъ русской. §§ II—VII переведены съ важными сокращеніями, но безъ значительныхъ измѣненій и безъ дополненій въ §§ 2—7. Параграфъ VIII-й, трактующій о „распределенной“ арміи (см. выше) переделанъ весьма характернымъ образомъ; мы приводимъ параллельныя выписки, изъ которыхъ выяснится сходство и различіе въ содержаніи шведской арміи въ мирное время съ содержаніемъ русской, какъ оно проектировалось одновременно съ новой губернской реорганизаціей (см. ниже).

Тамъ какъ престыные вѣсто наборовъ приняли на себя въ приходахъ содержаніе известнаго постоянного количества солдатъ, то ландсгевдингъ долженъ по мемориаламъ командировъ объ убыли людей пригласить роты въ силу контракта 1682 г. поставлять сол-

Когда опредѣлено будетъ расположеніе полковъ на уѣзды, и будутъ подавать командиры ему воеводѣ мемориалъ о числѣкъ солдатъ и о другихъ положеніяхъ, что надлежитъ по указамъ; то ему посподѣ то село, въ которомъ по расположенію тѣхъ солдатъ

инструкціи являются въ значительной степени повтореніемъ обязанностей камериера и комиссара; подобно имъ онъ долженъ заботиться объ исправности и своевременности поступлений, расквартировкѣ и продовольствіи войскъ, слѣдить за состояніемъ крѣпостей и магази-

дать вмѣсто выбывшихъ, руководясь учрежденіемъ о распределеніи солдатъ и не осмѣливаясь никоимъ образомъ измѣнить или вѣнчиваться въ уговоры между ротой и солдатами о содержаніи и вознагражденіи; онъ обязанъ лишь принимать своевременныя мѣры къ тому, чтобы ежегодные расчеты между ними были ликвидированы, такъ чтобы солдаты получали, что ему слѣдуетъ по контракту, а роты не платила бы ничего сверхъ этого, и чтобы тѣмъ же образомъ по возможности не было споръ и несогласій между ними; а тотъ, кто нарушитъ условіе, подвергнется бы надлежавшему штрафу. Далѣе, такъ какъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне согласились дѣлать денежную ссудчину для поддержанія ротъ или гениановъ, которые заступаютъ и не будутъ въ состояніи содержать и платить солдатамъ изъ собственныхъ средствъ,—пока они не воздѣлаютъ снова земли и не получатъ урожая, — то на обязанности ландсгевдинга лежитъ въ этихъ мѣстахъ наблюдать, чтобы собранное держалось въ хорошей сохранности, чтобы ежегодно составлялись отчеты о приходахъ и расходахъ, чтобы въ нѣрное время эта сумма была выгодно помѣщена на проценты для блага и выгоды крестьянъ. Точно также, такъ какъ въ некоторыхъ провинціяхъ по королевскому распоряженію ежегодно собирается съ каж.ой роты черезъ сѣговъ нѣкоторая часть годичнаго солдатскаго жалованья на обмундировку солдатъ, то въ этихъ мѣстахъ заботливости ландсгевдинга поручается наблюдать, чтобы деньги были своевременно собраны и [положены въ банкъ или въ другомъ вѣрномъ мѣстѣ, по возможности, на проценты, и тамъ лежали въ готовности, пока не потребуются на обмундировку полковъ.

§ 9-й переведенъ бузвально съ § IX; послѣдній ерва о „селитраномъ вареньѣ“ вята изъ слѣдующаго § X. Остальная часть § X въ сокращеніи переведена въ § 10. Изъ § XI только обрывки, не противорѣчащіе русскому порядку (наборъ патроновъ), переведены въ § 11. §§ XII—XXII точно также сокращенно и потому слѣжковъ общо переведены въ §§ 12—22; распоряженіе о „прѣлжнихъ письяхъ“, впрочемъ, есть сщсціально русское; повелю русскими терминными замѣнены шведскіе; между прочимъ, исправительный домъ (Tukthus) переведенъ „прѣдѣлными“ домомъ. § XXIII въ шведской инструкціи говоритъ о наблюденіи ландсгевдинга въ королевскихъ изуществахъ и регалияхъ; въ рус-

скавъ довелось, понуждать оное исполнить; также и о заслуженномъ солдатскомъ жалованьи истинныя расчеты вѣсти, дабы въ томъ никому съ обиды стороны обиды не было. Разнымъ же обривомъ и между комиссаромъ полковымъ и сѣнцераномъ и комиссаромъ земскимъ и другимъ и крестьянами, на которыхъ солдаты расколочены, въ обидѣхъ и въ ссорахъ и во всякихъ неурядкахъ чинить рассмотрение, чтобы на обѣ стороны было безобидно и положенное всегда исправлено было по регламенту.

новъ, за дѣлами, казенными заводами и друг. государственными имуществами, вслѣдовать причины вѣдомовъ. Но какъ главный представитель областной администраціи, онъ имѣетъ надъ другими чиновниками высшій надзоръ: наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ ихъ отчетности и „смотритъ накрѣпко надъ приставленными къ дѣламъ, а именно за надзирателями сборовъ, земскими комиссарами, казначеями, сборщиками и за подъячими, дабы оныя—каждый свое управленіе по данному имъ инструкціону исполняли“.

Таковъ былъ характеръ дѣятельности новыхъ областныхъ чиновниковъ по инструкціамъ, утвержденнымъ большей частью уже въ началѣ 1719 года. 17-го апрѣля 1719 года старый персоналъ областного чиновничества, — ландраты и комиссары, отданъ былъ въ распоряженіе камеръ-коллегіи для новыхъ назначеній; 29-го мая утверждено новое распредѣленіе губерній и повторено приказаніе — Петербургской губерніи вступить въ управленіе по новому порядку съ 1-го іюля, а остальнымъ „какъ пискорѣе“, но не позже 1-го января 1720 года ¹⁾. Однако еще въ февралѣ 1720 г. сенатъ не имѣлъ

своей онъ замѣненъ общими правилами отчетности. § XXIV переведенъ сокращенно въ § 24. Въ такомъ же родѣ и такъ же общо переведены §§ XXV—XXIX въ §§ 25—29. Съ параграфа XXX начинается въ шведской инструкціи отдѣлъ о законныхъ причинахъ для повашенія податей (до § XXXVIII включительно). Этотъ отдѣлъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Распоряженіе § XXX о податяхъ съ привилегированныхъ служилыхъ земель (säterier, ladugårder) замѣнено въ столбцахъ строками § 30 о „публичныхъ и шляхетныхъ мѣстностяхъ“. За то интересны § 31, устанавливающей опеку надъ „людьми, которые своими деревнями сами безпутные разорители суть“, оказывается самостоятельной ветвью русской инструкціи. Слѣдующій § 32 составляетъ общій переказъ шведскаго § XXXI; но общими распоряженіемъ — свидѣтельствовать причинамъ „пустоты“ отъ несчастныхъ случаевъ и доносить камеръ-коллегіи—и ограничиваются обязанности воеводъ по отношенію къ пострадавшему населенію; такимъ образомъ нѣтъ детальныхъ распоряженій о льготѣ (§§ XXXII—XXXVIII) совсѣмъ опущены. Взятый ими шведскій самостоятельный § 33 о наблюденіи за исполненіемъ указа о единонаследіи и § 35—о наблюденіи за подушной переписью; промежуточный § 34 въ общемъ соответствуетъ шведскому порядку, но тоже не замѣнованъ прямо. Слѣдующій § 36 передѣланъ на шведскаго § XXXIX съ приспособленіемъ къ русскимъ обстоятельствамъ. § XL такимъ же образомъ переведенъ въ § 37; §§ XLI—XLII вовсе опущены. §§ 38—43 переведены съ сокращеніями, но безъ измѣненій, съ §§ XLIII—XLVIII. Параграфъ XLIX пропущенъ; слѣдующій § L переведенъ въ § 44. Параграфъ LI замѣненъ самостоятельнымъ § 45; наконецъ, послѣдній § LII переведенъ съ небольшими измѣненіями въ заключительномъ параграфѣ 46.

¹⁾ И. С. З. №Ж 3361, 3380.

никакихъ свѣдѣній отъ камерь-коллегии, назначены ли и вступили ли въ управленіе новыя областныя чиновники; о послѣднемъ не имѣла, впрочемъ, понятія и сама камерь-коллегія, какъ видно изъ ея доношенія, можетъ быть, составляющаго отвѣтъ на сенатскій указъ 1-го февраля ¹⁾: камерь-коллегія жалуется здѣсь, что „опредѣленные по провинціямъ новыя воеводы и камереры о положенныхъ имъ дѣлахъ и сборѣхъ, которые надлежатъ въ камерь-коллегію, многіе не рапортуютъ, а можетъ быть въ провинціи не прибыли“; коллегія предлагала „для свѣдѣтельства исправить ихъ и поужденія сборовъ послать отъ гвардіи унтеръ-офицеровъ 10 человекъ и дать инструкціи за подписаніемъ вашего величества“. Дѣйствительно, въ 1720 г. посланы были въ губерніи и провинціи гвардейскіе оберъ-и унтеръ-офицеры; но еще и въ 1723 г. они не успѣли наладить правильной высылки денегъ и отчетовъ и по указу 27-го іюня этого года сами подвергались отвѣтственности за „поворочку“ мѣстнымъ властямъ ²⁾.

Введеніе провинціальной камерной организаціи, какъ видно уже по этимъ даннымъ, затнулось и на первыхъ порахъ не прекратило путаницы въ поступленіи сборовъ, а можетъ быть, даже и усилію разбѣры этой путаницы. Что касается до введенія дистриктныхъ властей (земскаго комиссара), оно и вовсе не состоялось въ томъ смыслѣ, въ какомъ было задумано: съ распредѣленіемъ полковъ на квартиры и съ началомъ взиманія подушной подати роль земскаго комиссара опредѣлилась совершенно иначе, чѣмъ опредѣляла ее шведская инструкція ландфогта. Согласно распоряженіямъ Петра, сдѣланнымъ при самомъ началѣ введенія подушной подати, земскій комиссаръ сдѣлался посредникомъ между населеніемъ и расквартированной арміей: онъ собиралъ новый налогъ и передавалъ его полковому комиссару. Такъ какъ взиманіе податей, по совѣту Фика, совпадавшему, впрочемъ, со старой русской практикой, должно было производиться дворянами, то было послѣдовательно и должность земскаго комиссара сдѣлать выборной отъ мѣстнаго дворянства. Естественно, что при такихъ перемѣнахъ шведская инструкція не подходила болѣе къ характеру должности земскаго комиссара, и для него пришлось составить новую ³⁾. Такимъ образомъ, вслѣдъ

¹⁾ И. С. З. № 3500. Госуд. арх. Каб. дѣл, кн. № 49, л. 509, безъ даты.

²⁾ И. С. З. № 4248.

³⁾ И. С. З. № 4536, іюня 26-е, 1724 года.

за „приходомъ“ былъ оставленъ въ сторонѣ при областной реформѣ и „геральдъ“ (дистриктъ): вмѣстѣ съ этимъ вѣнствовавіе шведскихъ областныхъ порядковъ окончательно потеряло всякое реальное значеніе, сохранивъ только чисто внѣшній, исключительно формальный характеръ. Но такая переиѣна въ положеніи дистриктаго финансоваго чиновника должна была отразиться и на провинціальныхъ и даже на центральныхъ учрежденіяхъ. Земскій комиссаръ въ своемъ новомъ положеніи сборщика главной прямой военной подати не подчинялся камериру и зависѣлъ отъ военной, а не отъ камереръ коллегіи. Такимъ образомъ, вѣдомство камереръ-коллегіи было существеннымъ образомъ стужено, а на обязанности камерира остались только таможенные, кабацкіе да канцелярскіе сборы ¹⁾. Къ послѣдствіямъ этой переиѣны мы еще вернемся.

§ 37. Осенью 1717 г. обстоятельства сложились такъ, что можно было съ увѣренностью ждать скораго мира. Петръ убѣдился въ желаніи Карла XII начать переговоры и уже уговорился съ Герцогомъ относительно амандскаго конгресса. Его совѣтники рады были случаю отдѣлаться, наконецъ, отъ присутствія русскихъ войскъ и настаивали на скорѣйшей эвакуаціи. 17-го октября Петръ писалъ сенату: „повеже войска ваши, которыя были въ чужихъ краяхъ, маршируютъ нывѣ въ своимъ границамъ, и для того заранѣе распшиште имъ зимтеръ квартиры“ ²⁾. Такимъ образомъ, опять возникъ тотъ же самый вопросъ, который вызвалъ раздѣленіе полковъ по городамъ въ 1710—1711 гг.: вопросъ о содержаніи арміи въ мирное время. Мы видѣли, что та попытка территориализаціи арміи кончилась совершенной неудачей и возвращеніемъ къ содержанію войскъ черезъ посредство военнаго приказа ³⁾. Такъ какъ главной причиной неудачи было отсутствіе войскъ изъ губерній и постоянныя ихъ передвиженія, то теперь возвращеніе ихъ на постоянныя квартиры должно было навести на мысль о возобновленіи старой попытки ⁴⁾. За продолжительное время отсутствія изъ

¹⁾ П. С. З. № 4928.

²⁾ Сб. Ист. Общ. XI, 355 и Журн. П. В. II, 57.

³⁾ Выше, § 26, стр. 137—138; § 30, стр. 376—377.

⁴⁾ Что Петръ сознательно подражалъ при этомъ шведской системѣ, — объ этомъ свидѣтельствуетъ Фокеродтъ: in den letzten Jahren seiner Regierung hat Petrus I einen Plan gemacht, die schwedische Methode, die Armeo in Friedenszeiten ohne Beschwerde des Landes auf Both-Stellen zu unterhalten und in Kriegszelten aus denselben zu recrutiron, auch in seinem Reiche einzuführen, zu welchen Ende er bereits verschiedene unbebaute Plätze destinet und den Regementern angewie-

Россія русскіе полки, плохо и несвоевременно получавшіе свое казенное жалованье, несомнѣнно должны были пополнять его реквизиціями и привыкли содержаться въ значительной степени помимо русскаго бюджета. Теперь всё эти выгоды должны были кончиться; возвращеніе арміи домой должно было сопровождаться новымъ увеличеніемъ издержекъ на ея содержаніе. Вотъ тѣ обстоятельства, которыя, надо думать, особенно содѣйствовали появленію мысли о новомъ военномъ налогѣ, непосредственно связанномъ съ размѣщеніемъ полковъ на постоянныя квартиры. Такъ какъ къ тому же времени различныя фискальные проекты выяснили, что наиболее выгоднымъ субъектомъ прямаго налога можетъ быть отдѣльная „персона“, то вся задача и сводилась къ тому, чтобъ опредѣлять количество „персонъ“ въ государствѣ и количество армейскаго расхода: частное отъ дѣленія второй цифры на первую и должно было опредѣлять размѣръ новаго военнаго налога. Нужна была, слѣдовательно, новая поголовная перепись и новый армейскій штатъ.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1717 г. Петръ отдаетъ приказаніе рассчитать, „со сколькихъ работныхъ персонъ можетъ содержанъ быть одинъ человѣкъ ильшій со всѣмъ, что къ нему надлежитъ, въ годъ, также конный, лошади, палатки, телѣги и прочее“¹⁾. Черезъ годъ, какъ мы знаемъ, этотъ проектъ развѣивается: 26-го ноября 1718 г. Петръ приказываетъ произвести поголовную перепись и тутъ же даетъ указаніе относительно дальнѣйшихъ мѣръ: опредѣлять, „на сколько душъ солдатъ рядовой съ долею на него роты и полковаго штата“, по этому расчету „расписать полки по крестьянамъ“ и распредѣливъ ихъ, „учинить на каждый полкъ два комиссара: одного полковаго, другаго отъ земли“; земскій комиссаръ, ежегодно выбираемый дворянствомъ, „долженъ на уреченные сроки собирать съ кре-

sen hatte. Приводимъ нѣмецкій текстъ, такъ какъ русскій переводъ въ этомъ мѣстѣ не полонъ и не вѣренъ: переводчикъ не зналъ шведскаго слова *boställe* (квартира) и перевелъ выраженіе *auf Both-Stellen* словами „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли шведскія суда“. Ср. также *Manstein*, *Memoires* (Lpz. 1771), 559: *Pierre I fit cet établissement à l'imitation des Suédois*. Впрочемъ, уже шведскій историкъ *Harald Hjérne* замѣтилъ, что изложеніе Манштейна, „кажется, главнымъ образомъ основано на рѣквизитѣ Флоренда“, *Historisk Tidskrift*, 1884, häftet 3, 195, прим. (*ryska konstitutions project år 1730 efter svenska förebilder*). Прибавимъ только, что Манштейнъ имѣлъ также и свои собственныя хоронія свиданія.

¹⁾ Сб. И. Общ. XI, 357, распоряженіе 5-го декабря. Ср. распоряженіе 15-го ноября выше, § 33, стр.

стланъ деньги и отдавать полковому комиссару при всѣхъ офицерахъ ¹⁾. Мы уже видѣли, что это распоряженіе пробивало брешь въ одновременно введенныя шведскихъ финансовыхъ порядкахъ. Главный прямой налогъ изъять былъ, такимъ образомъ, изъ вѣдомства центральныхъ учрежденій, собирався вышней областной инстанціей и па мѣстѣ же расходовался безъ всякаго участія штатсъ-конторы. вмѣстѣ съ этимъ и земскій комиссаръ, избираемый дворянствомъ, оказывался совсѣмъ не тѣмъ земскимъ комиссаромъ, котораго мы знаемъ по его инструкціи и по его шведскому оригиналу, ландфогту. Разница эта обуславливалась различіемъ въ содержаніи арміи, такъ какъ при всемъ вышнемъ сходствѣ проектированное содержаніе ея изъ подушного сбора весьма мало походило на шведское *indelningsverket*. Тамъ, какъ мы видѣли, знаетъ и содержаніе солдатъ предоставлялось свободной хозяйственной дѣятельности мѣстныхъ обществъ и поэтому совершенно выходило изъ рамокъ государственныхъ сборовъ; у насъ же правительству само брало на себя содержаніе войска, требуя отъ населенія лишь опредѣленной суммы денегъ въ видѣ особаго налога ²⁾. Эта же разница вела за собой и другое различіе въ области податной системы между новымъ русскимъ порядкомъ и его шведскимъ образцомъ. Переводныя инструкціи постоянно говорятъ „о переписной земельной книгѣ“; на ней основываются оклады прямой подати; правилами о ея составленіи, повѣркѣ и отчетности по ней выполнены эти инструкціи; и въ то же время начатая перепись не имѣетъ съ земельной книгой ничего общаго, какъ нѣтъ ничего общаго и между основываемымъ на переписи подушнымъ налогомъ и шведской земельной податью, платимой на основаніи *lögdebok*. Последняя есть кадастръ подобіе котораго когда-то представляли наши писцовыя книги, но отъ котораго давно уже отказалось наше правительство. Давно уже понявъ свое безсиліе въ дѣлѣ опредѣленія объекта подати, оно предоставило это опредѣленіе общественной раскладѣ, а само занялось исключительно домей податнаго субъекта. Съ этой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія выгодности окладной единицы, правительство когда-то предпочло дворъ сохѣ; точно также теперь оно предпочло душу — двору: въ томъ и другомъ случаѣ оно выигрывало въ количествѣ плательщиковъ и, слѣдовательно, могло поднять общую сумму окладныхъ

¹⁾ Сб. И. Общ. XI, 374—375 и II. С. З. № 3245. Ср. выше стр.

²⁾ Выше, стр. 107—108, составленіе параграфовъ моровской инструкціи и шведской инструкціи *länsegendebok*.

платежей. Что эти платежи съ крестьянства, будутъ ли они дворовые или подушные, все равно превратятся послѣ раскладки въ поземельные, въ этомъ оно нисколько не сомнѣвалось и знало это очень хорошо¹⁾; по до этого ему не было ровно никакого дѣла.

Исполняя именное приказаніе 26-го ноября 1718 г., сенатъ 22-го января слѣдующаго года опубликовалъ указъ о поголовной переписи крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей всѣхъ владѣльцевъ и однодворцевъ²⁾. „Понеже сіе яко главное дѣло и къ оному армейскихъ полковъ расположенію весьма есть нужное“, то приказывалось „пріемъ сказокъ во всѣхъ губерніяхъ окончить въ семъ настоящемъ году безъ всякаго отлагательства“. Не смотря однако на то, что этотъ указъ до конца 1719 г. былъ четыре раза повторенъ³⁾, въ декабрѣ „ни откуда присылки“ сказокъ не было, „кромя что изъ немногихъ мѣстъ прислаива“. Въ поданныхъ же (бригадиръ Зотову) сказкахъ оказывались „многія неисправы“ и, такимъ образомъ, никакихъ итоговъ переписи къ 1720 году получить было не возможно⁴⁾. Въ январѣ 1720 г. задача переписи усложнилась, такъ какъ, кромя крестьянъ, Петръ велѣлъ писать также дворовыхъ людей и церковниковъ, чтобъ не было „такой же утайки, какъ и въ дворахъ бывала“. На составленіе этихъ „повольнительныхъ“ сказокъ дано было еще полгода срока⁵⁾. Этотъ указъ опять былъ дважды повторенъ⁶⁾, но тѣмъ не менѣе и къ концу 1720 г. далеко не всѣ сказки были поданы, а въ поданныхъ оказывались многочисленныя утайки⁷⁾. Истощивъ уже съ самаго начала всѣ угрозы (смертной казнью и конфискаціей утаенныхъ людей), правительство 15-го марта 1721 г. издало „последній указъ“, — „дабы впадшіе той утайкою въ погрѣшеніе могли всѣ исправиться“, признавшись утайкѣ до 1-го сентября 1721 г.⁸⁾.

1) Само правительство говоритъ о „раскладкѣ“ подушной подати городскими обществами; см. инструкцію магистратамъ 1724 г. П. С. З. № 4624. Относительно же сельскихъ обществъ само собою разумѣлось, что полученное переписью количество плательщиковъ не замедлитъ получить совершенно емилтанный характеръ. См. ниже.

2) П. С. З. № 3287.

3) Въ апрѣлѣ, сентябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. П. С. З. №№ 8355, 8460, 3470.

4) П. С. З. №№ 3458, 3474.

5) П. С. З. № 3181, 3492.

6) Въ мартѣ и въ юнѣ. П. С. З. № 3657.

7) П. С. З. №№ 3675, 3687, 3707.

8) П. С. З. № 3762. По указу 28 февраля того же года задача переписи разъ еще усложнилась, такъ какъ кромя крестьянъ и дворовыхъ велѣно было этихъ указомъ переписывать также посадскихъ людей. П. С. З. № 3747.

Не рассчитывая однако на то, что укрыватели захотят воспользоваться этой отсрочкой, сенат рѣшилъ въ маѣ послать для освидѣтельствованія сказокъ на мѣстѣ самихъ губернаторовъ и воеводъ; мѣстное духовенство особымъ синодскимъ указомъ приглашалось помогать имъ, „ибо оное дѣло особливо государственное нужное и не на краткое сочнется время“¹⁾. На сколько необходима была предпринятая такимъ образомъ ревизія переписи и на сколько не полны были безъ ревизіи ея показанія, можно видѣть изъ того, что къ концу 1721 г. сосчитано было переписью въ 6-ти губерніяхъ только 3.036.906 душъ, и изъ нихъ 452.444 были еще найдены „по свидѣтельству сверхъ сказокъ“²⁾; а послѣ окончанія ревизіи въ тѣхъ же губерніяхъ считалось 4.159.962 души муж. пола.

Съ января 1722 года Петръ рѣшилъ приступить къ окончательному рескрипціонному полковъ, и „ревизія“ переписи (съ этихъ поръ употребляется этотъ оставшійся за нею терминъ) перешла въ руки лицъ, специально назначенныхъ для этого распредѣленія³⁾. Въ томъ же январѣ Петръ опредѣлялъ круглую цифру крестьянъ и дворовыхъ пятью милліонами⁴⁾; по, повидимому, онъ руководился при этомъ

¹⁾ П. С. З. № 3782, 3787.

²⁾ Госуд. архивъ, Каб. д. кн. № 57, л. 169: „по ведомостямъ переписочнымъ объявлено въ губерніяхъ, что по спискамъ 719, 720 и 721 годовъ написано, и что сверхъ сказокъ по свидѣтельству изъ (а не губернаторовъ и воеводъ?) явилось мужеска полу душъ“. Въ четвертомъ столбцѣ прибавлены цифры платящихъ (мужескаго пола), записанныхъ въ переписныя книги 1710 года. Выше стр. 273.

	По сказкамъ.	Сверхъ сказокъ.	Итого.	Въ 1710 г.
Въ С.-Петербургской губерніи.	840.153	112.190	910.963 (sic)	(436.383)
„ Московской по 5-е ноября (не досвидѣтельствовано 280.537).	1.175.182	156.702	1.331.884	(711.811)
Въ Нижегородской по 2-е ноября.	413.568	36.824	450.392	(255.923)
„ Киевской по 1-е сентября.	196.936	22.709	219.648	(301.022)
„ Азовской августа по (sic) чело.	—	98.308	98.308	(304.254)
„ Смоленской октября по 18-е.	—	25.711	25.711	(217.723)
Итого	2.626.842	452.444	3.036.906	(2.226.616)

Не хватаетъ свидѣній по Архангелогородской, Казанской, Астраханской и Сибирской губерніямъ.

³⁾ П. С. З. № 3871. Ср. инструкцію имъ П. С. З. № 3901.

⁴⁾ П. С. З. № 3873.

приблизительнымъ соображеніемъ, а не точной цифрой, которой, судя по только что приведеннымъ даннымъ, тогда не могло еще быть. Такой цифры не было даже и въ концу 1723 г.; посланные для ревизіи офицеры доносили, что они „перевиску и свидѣтельство душъ еще не окончили“ и „къ будущему 1724 году того переписного дѣла окончить имъ не можно“¹⁾. Однако, досвидѣтельствовать оставалось уже не много; не имѣя объ этомъ примыхъ свѣдѣній, мы заключаемъ это изъ одного донесенія Жана Ле-Форты, польскаго резидента при русскомъ дворѣ²⁾. Отъ 3-го декабря 1723 г. онъ пишетъ: „теперь усиленно работаютъ надъ ревизіей подушной переписи, которая была произведена. Утверждаютъ, что больше двухъ милліоновъ душъ было утаено“. Приложивъ эти два слишкомъ милліона къ тремъ, полученнымъ по шести губерніямъ въ концу 1721 года, мы получимъ общую цифру, во всякомъ случаѣ недалекую отъ окончательной. Окончательныя цифры мы находимъ уже въ 1724 году слѣдующія³⁾:

¹⁾ П. С. З. Ж 4390.

²⁾ Сб. Р. Ист. Общ. III, 366. Это тотъ самый Ле-Форты, который былъ нашимъ агентомъ въ Парижѣ. См. Сб. И. О. XL, 246, и у насъ выше.

³⁾ Гоеуд. арх. XVI, 35, л. 11—12: „Табель, коликое число по вѣдомости изъ высокаго сената въ нижнеисписанныхъ губерніяхъ объявлено мужеска полу душъ и по разчлененію въ каверъ-коллегіи со омыхъ душъ надлежитъ подушнихъ денегъ на 724-й годъ“. Въ итоги крестьянъ вошли дворцовые, черносомные, синодальнаго вѣдомства, помѣщичьимъ, однодворцы и асачные. Тѣ же почти итоги крестьянъ получаютъ и по таблицѣ распределенія полковъ, приведенной у Кириллова, Цѣнтучее состояніе всероссійскаго государства etc, над. Погодинъ М. 1881, т. II, стр. 162—173 (только итогъ Московской губерніи на 18 единицъ выше, Петербургской губерніи на 13 единицъ, Казанской и Астраханской губерніи на 4 и Смоленской—на 3 единицы, всего общій итогъ выше на 38 единицъ; по *ibid.* стр. 134 принять нашъ итогъ). Но сверхъ цифръ нашей первой колонки здѣсь показаны остатки отъ распределенія полковъ, именно, въ С.-Пб. губ. 911 душъ, въ Московской 2,946, въ Нижегородской 727, въ Смоленской—0, въ Архангелогородской—14,551, въ Азовской—6,562, въ Киевской—178, въ Казанской и Астраханской—8,729, въ Сибирской—367, всего, следовательно, 34,971 душа; тутъ же находимъ осямку на указы 22-го сентября 1725 г. и 22-го февраля 1726 г., по которымъ „вѣдно изъ вышеостаточныхъ душъ писать на полки, вѣсто выключенныхъ, вдвое и втрое написанныхъ въ сказкахъ именъ“. Если присоединить эти 34,971 души къ итогу „крестьянъ“ (5,401,042), то получимъ 5,436,013 душъ, (по цифрамъ Кириллова 5,436,051), то-есть, ту самую цифру (5,436,054), которая повзана въ вѣдомости, посланной Вольтеру для доставленія исторіи Петра. Тогда общій итогъ будетъ 5,605,429 душъ. Цифры Голицына (5,794,928 крестьянъ и 172,385 посадскихъ, XIII, 658, 681—682) есть результатъ его собственныхъ

	крестьянъ.	посадскихъ.	итого.	(въ 1710 г.).
1. Московская губ.	1.572.309	49.694	1.622.003	(711.341)
2. С.-Петербургская	884.424	38.787	923.211	(436.383)
3. Нижегородская	465.604	8.053	473.657	(255.923)
4. Каванская и Астра- ханская	580.508	11.417	591.925	(158.500)
5. Архангелогородск.	302.417	13.558	315.975	(217.449)
6. Смоленская .	263.695	8.246	271.879	(217.723)
7. Сибирская .	384.719	19.907	404.626	(272.091)
8. Азовская .	432.759	1.777	434.536	(304.254)
9. Киевская .	514.669	17.987	532.656	(301.022)
итого.	5.401.042	169.426	5.570.458	(2.874.685)

Необходимо остановиться несколько на этомъ сопоставленіи итоговъ старой и новой переписи. Итогъ переписи 1710 года, приведенный въ скобкахъ, какъ мы показали выше ¹⁾, слѣдуетъ признать весьма полнымъ выраженіемъ числовыхъ данныхъ этой переписи. Мы знаемъ, что она показала огромную убыль населенія Россіи; мы знаемъ также—но даннымъ ландрутской переписи, что уменьшеніе населенія не останавливалось до самаго начала ревизіи; услышимъ и послѣ ревизіи все тѣ же жалобы на продолжающійся процессъ запустѣнія Россіи. Чѣмъ же объясняется полученное ревизіей огромное увеличеніе количества плательщиковъ? О приростѣ населенія, какъ видно

комбинаціи по даннымъ Кириллова; послѣдняя получена дѣленіемъ общей суммы налога на размѣръ его съ души (208.862,40:1,20) и сама по себѣ вѣроятна; но какъ получалъ Голыковъ изъ данныхъ Кириллова первую цифру, мы не могли догадаться. В. О. Ключевскій предполагаетъ, что онъ внесъ сюда 172.385 послѣднихъ душъ, сосчитавъ ихъ кромя того и отдѣльно, сверхъ полученнаго итога (Подушная подать и отѣвне холопства, Р. Мысль, 1886, V, 120, прим.); это можетъ быть, но и тогда остается неопозитной остальшии часть итога (5.791.928—172.385=5.622.543); изъ Кириллова и ее нельзя получить и, вообще, врядъ ли Голыковъ нашелъ эту цифру въ источникахъ. О его комбинаціяхъ надъ данными Кириллова см. въ § 38. Въ Госуд. арх., Каб. кн. № 62, л. 636, встрѣчаемъ цифру для отдѣльныхъ провинцій С.-Петербургской губерніи, отклоняющуюся отъ цифры таблицы Кириллова (особенно Тверская провинція—119.518 вмѣсто 92.765); по нимъ итогъ получается 910.963, то-есть, совпадающій со счетомъ 1721 года (выше). Въ Каб. кн. № 68, л. 1083—1084 есть цифры по отдѣльнымъ провинціямъ и отдѣльнымъ уѣздамъ Московской провинціи (послѣднихъ нельзя получить по Кириллову).

¹⁾ § 20, стр. 273.

въ только что упомянутыхъ фактовъ, ово никоимъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать. Несомнѣнной причиною этого увеличенія слѣдуетъ прежде всего признать записъ въ подушный окладъ новыхъ категорій плательщиковъ ¹⁾. Однако же влияніе этой причины не слѣдуетъ преувеличивать. Большая часть разрядовъ, считавшихся впервые введенными въ составъ плательщиковъ при подушной переписи, — въ сущности и фактически и частью даже юридически были уже привлечены къ государственному тяглу въ предыдущее время. Задворные люди, какъ мы думаемъ, попали въ составъ государственныхъ тяглицевъ уже со времени переписи 1678 года, одновременно съ реформой прямой подати ²⁾. Одиодворцы точно также входятъ

¹⁾ Мы видѣли, что первымъ указомъ 22-го января 1719 г. велѣно писать крестьянъ бобылей, дѣловыхъ и задворныхъ людей и одиодворцевъ, а дополнительнымъ указомъ 5-го января 1720 г. — дворовыхъ людей и церковниковъ. Дальнѣйшими разъясненіями 1721 и 1722 гг. дѣйствіе послѣдняго указа распространено было на всѣ категоріи дворовыхъ людей. См. В. О. Ключевскаго, Подушная подать и отмена холопства, *Русск. Мысль*, 1886, V, стр. 121—122 и X, стр. 17—18.

²⁾ Задворные люди представляютъ не особое юридическое состояніе, а эконоическую группу населенія; въ составъ ихъ входила, — и, можетъ быть, даже составляли большинство, — холоты разныхъ наименованій (полные, старичицы, кибальные и т. д.), но попадались и крестьяне. См. нашу рецензію на сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго въ XXXIII присужденіе Уваровскихъ награды. Смотря, такимъ образомъ, на состояніе задворныхъ людей, мы не рѣшаемся говорить о задворныхъ „холопахъ“, задворной „крѣпости“, которая могла бы „сама по себѣ служить достаточнымъ средствомъ укрѣпленія“, и объ особой, отличной отъ крестьянской, „задворной судовой записи“, которая вводила бы въ это состояніе. В. О. Ключевскій основываетъ этотъ выводъ, между прочимъ, на наблюденіи, что „обозначая свойство крѣпости задворнаго человека, акты очень рѣдко прилагаютъ къ нему названіе какого либо прежняго вида холопства, покаявая тѣмъ, что задворная крѣпость сама по себѣ служила достаточнымъ средствомъ укрѣпленія“ (*Р. Мысль*, 1886, X, 10). Необходимо сопоставить съ этимъ наблюденіемъ другое: переписныя книги (1678) всегда требуютъ предъясненія какой нибудь крѣпости на задворнаго человека, и таковыми оказываются поступныя и рядныя записи, служилыя кабалы, старыя переписныя книги и выписи изъ книгъ, откупныя книги; часто крѣпостей вовсе не оказывается (Лѣтоп. занятій Археогр. комиссіи, VIII, Извѣщенія изъ переписныхъ книгъ, сост. Е. Е. Замысловскаго, стр. 139, 142, 143, 144, 145, 146, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 165, 230, 231, 238, 239, 246, 249, 262, 263, 264; на стр. 211 встрѣчается важное указаніе на хозяйственное положеніе задворныхъ людей: „а тѣ задворные люди писаны были въ сельскіе и бобыльскіе дѣти, — что они отъ бѣдности своей живутъ на боярской и мѣщаньей и государственной подати и боярскихъ доходовъ не пла“

уже въ составъ цифры населенія 1710 года и, по крайней мѣрѣ, часть ихъ платять уже въ это время государственную подать ¹⁾. И дворовые частію введены какъ въ цифры переписи, такъ и въ составъ плательщиковъ; однако же, сравнивая цифры ихъ (то есть, тѣхъ, которые живутъ въ помѣщичьихъ дворахъ) въ переписяхъ 1710 и 1717 годовъ (ландратской), нельзя не замѣтить такого увеличенія этихъ цифръ, которое не можетъ объясняться возрастаніемъ количества дворян и, слѣдовательно, должно быть объясняемо измѣненіемъ пріемовъ регистраціи. Но и это увеличеніе количества дворовыхъ, заче-

тять²⁾. Что за дворовые люди привлечены были къ тяглу прежде всего своими хозяевами, единичными ихъ на опустѣлыхъ тяглыхъ участкахъ, и потому уже правительствомъ, съ этимъ предположеніемъ В. О. Ключевскаго слѣдуетъ вполне согласиться; но врядъ ли вѣрно, что они оставались въ такомъ положеніи вплоть до указа 17-го іюля 1711 г., именно, что до самаго этого времени они, оставаясь по закону свободными отъ прямаго государственнаго тягла, участвовали въ немъ косвенно чрезъ своихъ владѣльцовъ—по тяглымъ участкамъ, которыми пользовались³⁾. Что касается момента перехода за дворовыхъ людей въ положеніе государственныхъ тягловыхъ, В. О. Ключевскій замѣчаетъ: «не извѣстенъ прямой законъ, который ввелъ за дворовыхъ людей въ государственное тягло; но изъ указа 17-го іюля 1711 г. знаемъ, что это произошло еще до первой ревизіи...; впрочемъ, едва ли когда нибудь и былъ изданъ такой законъ: за дворовые люди постепенно были введены въ государственное тягло сами землевладѣльцами...». Ниже авторъ разясняетъ, что положеніе оствялось *фактическимъ* до указа 1711 г. и этимъ указомъ «пахотные холопы, платившіе тягло по частному договору или по хозяйственному распоряженію господъ, были признаны тяглыми по закону». Съ большей вѣроятностью, однако же, можно относить оціальное признаніе за дворовыхъ людей государственными тяглецами къ другому, болѣе раннему моменту: именно, къ тому, когда обложение владѣльческихъ крестьянъ по «живущимъ частямъ» замѣнено было окончательно обложеніемъ подворнымъ, для котораго составлены новыя переписныя книги (1678), впервые введенныя подъ особой рубрикой за дворовыхъ людей. Впрочемъ, вопросъ этотъ пущается въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.

¹⁾ См. выше § 19, стр. 258, 260. По ревизіи значилось однодворцевъ: Кіевской и Азовской губерній, платившихъ оброчную подать (40 коп.), — 291.067 душъ. До ревизіи считалось изъ этихъ губерній 40.480 дворовъ однодворцевъ (то есть, до 147.347 чел. мужскаго пола, считая на дворъ по 3,64 чел.), платившихъ въ 1715—1716 гг. 49.048 руб. окладныхъ налоговъ («вмѣсто рублевыхъ»). Гос. арх. Кав. д. кн. № 38, л. 107—108 и кн. № 48, л. 249—250. Другихъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ, платившихъ эту подать, было въ Сибирской, Казанской и Астраханской губерніяхъ (то есть, преимущественно мечетные)—522.376 душъ въ Московской, Архангельской (то есть, черносочинныхъ), Нижегородской и другихъ губерній 232.834 душъ всего государственныхъ крестьянъ, слѣдовательно, 1.049.287 душъ мужскаго пола.

сенныхъ въ ревизскія склзки, не можетъ вполнѣ объяснить полученную ревизіей крушую цифру плательщиковъ. Единственнымъ объясненіемъ, которое остается, такимъ образомъ, для этого факта, должна быть та строгость, съ которою производилась регистрація всѣхъ платежныхъ группъ. Дѣйствительно, изъ сообщенныхъ выше данныхъ видно, что еслибы за переписью не послѣдовала ревизія, итогъ ея былъ бы на два милліона ниже; эти два милліона остались бы утаенными и мы получали бы для платежнаго населенія Россіи цифру около 3¹/₂ милліоновъ душъ. Итакъ, сравненіе цифръ переписи 1710 года и ревизіи ведетъ насъ къ заключенію, что увеличеніе количества плательщиковъ не можетъ быть объяснено возрастаніемъ населенія и только отчасти объясняется привлеченіемъ къ государственному тяглу новыхъ разрядовъ плательщиковъ; главнымъ же образомъ это увеличеніе должно быть объясняемо болѣе точнымъ веденіемъ регистраціи. Вмѣстѣ съ этимъ, мы получаемъ понятіе о томъ, какое относительное значеніе имѣютъ переписи XVII вѣка для статистики русскаго населенія.

Возвращаясь послѣ этого отступленія къ исторіи введенія подушной подати. Другимъ необходимымъ элементомъ при расчетѣ ея размѣра должны были служить данныя о величинѣ армейскаго расхода. Справками о томъ, во что обойдется содержаніе каждаго драгуна и солдата, Петръ, какъ мы видѣли, началъ распоряженія о податной реформѣ. Отвѣтомъ на эти запросы Петра послужила новая генеральная табель, утвержденная Петромъ 9-го февраля 1720 г.¹⁾ По расчету табели оказалось, что генеральный штабъ и армейскіе 73 полка, драгунскіе и пѣхотные, стоить 2.978.878 р.; а гарнизонные — 961.017 р. Петръ приказалъ считать первый расходъ круглымъ числомъ въ 3 милліона, а второй — въ одинъ милліонъ. При этомъ счетѣ содержаніе одного драгуна обходилось въ 40 р. 50¹/₂ коп., а пѣхотнаго солдата — въ 28 р. 52¹/₄ коп. (по другимъ цифрамъ, по-

¹⁾ На эту связь указываетъ самое заглавіе табели: „табеля о полевой арміи и гарнизонныхъ подвахъ, а именно, какому числу впрѣдъ быть впрямь: генералитету и генеральному штабу, драгунскимъ полкамъ, въ какомъ трактантѣ, и о провантѣ и рационѣхъ и о всей амуниціи, и о цѣнахъ каждой вещи порознь, и что всего на содержаніе всей полевой арміи и гарнизонномъ надлежитъ быть въ годъ денегъ и по чему по расчисленію той генеральной сумми на каждаго драгуна и солдата прійдетъ, ради расположенія всей арміи на число душъ мужеска пола. См. П. С. З. т. XLIII, часть I, книга штатовъ, отд. 1-е, штаты военно-сухопутные, стр. 15—38. Журн. П. В. II, 147.

лучившимся не отъ дѣленія общей суммы расхода на общее число людей, а отъ сложения отдѣльныхъ статей расхода, высчитанныхъ на одного человека, приходилось на драгуна 40 р. 17 коп., на пѣхотинца—28 р. 40 коп.).

Съ этими цифрами въ рукахъ, мы можемъ сами рассчитать величину новаго налога. Принявъ общій расходъ въ 4 милліона, а общее число душъ, какъ предполагалъ Петръ въ началѣ 1722 г., въ 5 милліоновъ, мы получимъ на переписную душу расходъ въ 80 коп.: такова первоначально и была цифра подушнаго налога ¹⁾. По этому расчету Петръ сдѣлалъ и свои распоряженія о расквартированіи полковъ. При налогѣ въ 80 к. содержаніе одного драгуна (40 р. 50¹/₂ к.—40 р. 17 коп.) должно было лечь на 50⁶/₈—50¹/₄ душъ, а содержаніе пѣхотнаго солдата (28 р. 52¹/₂ к.—28 р. 40 коп.) на 35¹¹/₁₆—35¹/₂ душъ. Эти цифры, съ этими самими колебаніями (только въ 35¹¹/₁₆—35¹⁵/₁₆), и помѣщены были въ инструкціяхъ лицамъ, посланнымъ для распредѣленія полковъ ²⁾.

Такъ какъ, однако же, дѣйствительная цифра душъ по новой переписи оставалась до 1724 г. неизвѣстной, то подушный окладъ 80 коп. долженъ былъ быть только временнымъ. „Но чему съ души того положеннаго сбора (то-есть), подушнаго быть имѣть, о томъ, за неокончаніемъ переписнаго дѣла, подлинно еще неизвѣстно“, такъ выражается одинъ указъ 10-го декабря 1823 года ³⁾. Между тѣмъ, по указу государя, съ 1724 г. велѣно было уже начать изиманіе подушнаго сбора ⁴⁾. Въ виду невозможности закончить къ этому времени работы по переписи, правительство на этотъ годъ сохранило окладъ 80 коп. Еще въ сентябрѣ 1723 г. было рѣшено взять на 1724-й годъ необходимую сумму (911.853) на провіантъ и фуражъ по старому способу: съ двороваго числа—съ крестьянъ, съ десятой деньги съ купечества и зачесть эту сумму въ подушный сборъ. По расчету на 5 милліоновъ пришлось бы этого сбора на 18 коп. на душу. Въ декабрѣ 1723 г. семять рѣшили добрать за первые 2 трети

¹⁾ П. С. З. № 3873, 11-го января 1722 г. „раскладку учинить на души на 5 милліоновъ мужскаго пола крестьянъ и дворовыхъ дѣловыхъ людей и выхъ, которые съ ними равно въ тягло положены, по 8 гривенъ съ персонъ“. Ср. сообщеніе Лаврета отъ 15-го мая 1722 г. въ Сб. И. О. III, 316—317.

²⁾ П. С. З. № 3901.

³⁾ П. С. З. № 4390.

⁴⁾ П. С. З. № 4310.

1824 г. еще 35 коп. и за послѣднюю треть остальныхъ 27 коп. съ души ⁴⁾).

По уже весной 1724 г. стала извѣстна точная цифра подушной переписи. Тогда же былъ произведенъ и окончательный расчетъ подушнаго налога,—но 74 коп. на душу: цифра, очевидно, полученная при дѣленіи 4 милліоновъ расхода на 5,4 милліона душъ населенія ⁵⁾). Этотъ размѣръ налога сенатъ опредѣлилъ ввести только съ 1726 г.; какъ извѣстно, немедленно послѣ смерти Петра онъ былъ повышенъ до 70 коп. ⁶⁾; слѣдовательно, можно было бы думать, что въ размѣрѣ 74 коп. подушная подать повсе не собиралась. Однако, изъ официальныхъ донесеній камеръ-коллегіи и штатсъ-конторы видно, что и за 1724-й годъ подушная подать была въ концѣ концовъ собрана по окладу 74 коп. Общая сумма подати (съ крестьянъ всѣхъ наименованій, однодворцевъ и ясачныхъ) по этому окладу составляла 3.996.771 р.; но къ этой цифрѣ присоединялась еще оброчная четырехгривенная подать съ государственныхъ крестьянъ и съ однодворцевъ—414.556 р. и подать съ гостинной сотни и посадскихъ по 1 р. 20 к. съ души—203.311 р.; всего 4.614.638 р. ⁴⁾). Согласно

⁴⁾ И. С. З. № 4390. Итакъ, въ 1724 г. долженъ былъ быть взятъ и вчетверть полный окладъ подушной подати, (то-есть, всѣ 80 коп.), а не $\frac{3}{4}$ его, какъ толкуетъ приведенный указъ И. И. Рукоискій (Труды комисіи для перосмотра системы податей и сборовъ, т. I. Прямые налоги: историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ, стр. 6, 161). Работа Рукоискаго представляетъ очень полезный сводъ матеріала, выходящаго къ И. С. З., и мы отсылаемъ къ ней за дальнѣйшими подробностями введенія подушной подати, которыхъ мы здѣсь не имѣли надобности касаться.

⁵⁾ И. С. З. № 4503, указъ 19-го мая и № 4533, вѣдѣніе 26-го іюня. Первый указъ приказываетъ „подки раскладывать, счисли по 74 коп. на душу сколько по одному положенію душъ на который полякъ придется“. По росписи, приложенной къ указу, общая цѣна положенныхъ на подки и остаточныхъ душъ показана 5,409,930. Распределеніе общей цѣры по губерніямъ также не соответствуетъ цѣрантъ, показаннымъ выше. У Кириллова находимъ особую табель, въ которой показаны именнo общія цѣры, принятія при расчетѣ: 4.000.000 рублей 5,405,405 душъ=74 коп. на душу. Цѣтущее состояніе etc. II, 174.

⁶⁾ И. С. З. № 4650, указъ 8-го февраля.

⁴⁾ Госуд. арх. XVI, 35, л. 11—12. По губерніямъ налогъ распределялся слѣдующимъ образомъ:

	по 74 к.	по 40 к.	по 1 р. 20 к.	ИТОГО.
Московская	1.163.509	4.791	59.633	1.227.933
С.-Петербургская	654.474	429	46.544	701.447
Нижегородская .	344.545	13.831	9.664	368.040

прежняиъ обѣщаніиамъ, новая подать должна была замѣнить всѣ старые сборы съ двороваго числа: „больше того (то-есть, 74 коп.) никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей не имать, и платять пеповинны, развѣ что за деньги ¹⁾“. Какое значеніе имѣла эта замѣна въ бюджетѣ, мы скоро увидимъ.

Мы кончили теперь разказъ объ административной и податной реформѣ послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго. Прежде чѣмъ перевести къ результатамъ реформы, мы поставимъ одинъ вопросъ, отвѣтъ на который достаточно выясняется и въ этой стадіи осуществленія реформы. Была ли эта реформа заимствованіемъ? Въ исходныхъ точкахъ своихъ, несомнѣнно, да. Въ своемъ осуществленіи,—несомнѣнно, нѣтъ. Реформа исходила изъ почти рабскаго подражанія оригиналу. Но, по скольку она была такимъ подражаніемъ, на первыхъ же порахъ она оказалась невозможной. Она, однако, все-таки осуществилась: только приспособленіе къ условіямъ русской финансовой и административной практики такъ далеко увело ее отъ ея исходныхъ пунктовъ, что она въ концѣ концовъ сохранила очень мало общаго съ своими образцами. Въ различныхъ сферахъ реформы эта разница между первоначальной идеей и осуществленіемъ достигала различныхъ размѣровъ. Гдѣ заимствованіе носило часто формальный, техничскій характеръ, разница эта была меньше; чѣмъ больше приходилось счтаться съ реальной стороной дѣла, тѣмъ болѣе было и отклоненіе. Понаболѣе формальный характеръ носила реформа центральныхъ государственныхъ учреждений. Однако и тутъ коллегіямъ пришлось претерпѣть значительныя измѣненія, чтобъ приспособиться къ русскому сенату. Реформа областныхъ учреждений тѣснѣе связана была съ условіями дѣйствительности. Въ высшихъ инстанціяхъ, гдѣ заимствованіе все еще оставалось преимущественно формальнымъ, оно и удалось: въ результатѣ Россія получила новую областную единицу—провинцію. По чѣмъ ниже, тѣмъ ослзательнѣе

Кавказская и Астраханская	429,578	125,607	13,700	568,885
Архангелогородская .	223,788	58,368	16,270	298,426
Смоленская	195,090	337	9,895	205,322
Сибирская.	284,692	93,590	23,888	402,170
Азовская	320,242	60,156	2,132	388,530
Кіевская	380,853	51,447	21,585	453,885
всего	3,996,771	414,656	203,311	4,614,638

¹⁾ П. С. З. № 4538.

давала знать себя русская дѣйствительность: отъ властей „герода“ остался земскій комиссаръ съ совершенно измѣнившейся компетенціей; „приходъ“ не могъ быть заимствованъ вовсе. Наконецъ, наиболѣе реальный характеръ носила реформа податной системы. Толчокъ здѣсь тоже, какъ мы видѣли, могли дать совѣты иностранцевъ; но разработка реформы была совершенно самостоятельна, сознательно скрывалась отъ иностранцевъ и произведена была въ тѣснѣйшей связи съ практикой стараго русскаго бюджета.

Констатированъ всѣ эти измѣненія, мы однако далеко еще не выяснили окончательныхъ результатовъ реформы. Петръ умеръ, такъ сказать, на полусловѣ своей послѣдней реформы; чтобы видѣть ея окончательный исходъ; мы должны будемъ нѣсколько переступить хронологическую грань его царствованія.

И. Миллюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА“ И „СПЕКТАТОРЪ“.

(Къ исторіи русской сатирической журналистики XVIII вѣка).

Въ нашей литературѣ существуетъ не мало трудовъ, посвященныхъ сатирическимъ журналамъ второй половины XVIII вѣка. Начиная съ пятидесятихъ годовъ, съ появленія диссертации профессора Булича „Сумароковъ и современная ему критика“, и до послѣдняго времени журналы эти. представляющіе дѣйствительно любопытное и выдающееся явленіе въ исторіи нашей литературы прошлаго столѣтія, постоянно привлекали вниманіе нашихъ изслѣдователей. Кромѣ сочиненія г. Булича, мы имѣемъ изслѣдованіе Леопасьева „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.“, статьи Добролюбова („Русская сатира Екатерининскаго времени“), Мордוצева („Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности“), труды г. Шумигорскаго „Императрица-публицистъ“ и г. Пезелопова „Н. И. Новиковъ—издатель журналовъ“ и „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“. Можно еще указать на статью г. Галахова въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1854 г., представляющую рецензію труда профессора Булича, на изслѣдованіе г. Пыпина о Лукичѣ (въ собраніи сочиненій послѣдняго) и, наконецъ, на соответственные отдѣлы въ „Исторіи русской словесности“ г. Галахова и г. Порфирьева. Разсматривая и оцѣнивая наши сатирическіе журналы съ различныхъ точекъ зрѣнія, почти все изслѣдователи согласны въ томъ, что эти журналы отличались полною самостоятельностью и народностью, что вліяніе на нихъ иностранныхъ сатирическихъ изданій касалось только формы и тона статей, отнюдь не простираясь на ихъ содержаніе. Это мнѣніе наиболее категорически было высказано Леопасьевымъ въ его изслѣдованіи о сатирическихъ журналахъ 1769—

1774 гг. ¹⁾ и принято позднѣйшими изслѣдователями какъ нѣчто доказанное. Но неправильно было бы думать, что въ литературѣ нашей никогда не возбуждалось сомнѣній въ самостоятельности и народности русскихъ сатирическихъ журналовъ. Въ статьѣ академика Пискаревскаго: „Любители литературы Екатерининскихъ временъ“, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г., было указано, что наши сатирическіе журналы—за исключеніемъ нѣсколькихъ статей „Трутня“ и „Живописца“—лишены всякой оригинальности, представляя лишь переводы и передѣлки изъ иностранныхъ изданій подобнаго рода. Однако это замѣчаніе, столь же далекое отъ истины, какъ и голословное утвержденіе Ломпасова, нашими изслѣдователями было пройдено безъ вниманія, и самобытность русской журнальной сатиры осталась не заподозрѣнной.

Такая постановка вопроса привела къ преждевременнымъ и неправильнымъ выводамъ какъ историко-литературнымъ, такъ и историческимъ. Признавая самобытность сатирическихъ журналовъ, наши изслѣдователи тѣмъ самымъ признали, что въ нихъ ярко отразилась современная жизнь русскаго общества со всеми ея темными сторонами. Съ другой стороны, наши историки обильно пользовались и пользуются сатирическими журналами для характеристики умственного и нравственнаго состоянія общества Екатерининской эпохи ²⁾. Но подобный приемъ можетъ считаться научнымъ лишь въ томъ случаѣ, если въ каждомъ изъ нашихъ журналовъ строго будетъ отдѣлено все заимствованное или подражательное отъ дѣйствительно самобытнаго. Этой-то работы до сихъ поръ и не было предпринято въ нашей литературѣ. Имѣя въ виду по мѣрѣ возможности восполнить этотъ пробѣлъ, мы представляемъ, на первый разъ, изслѣдованіе отношеній первенца нашихъ сатирическихъ журналовъ, „Всякой Всячины“, къ знаменитому журналу Стиля и Аддисона, который слылъ у насъ подъ названіемъ „Англійскаго Смотрителя“.

1.

Что наши сатирическіе журналы были затѣяны по образцу иностранныхъ изданій этого рода, и въ частности англійскаго „Спекта-

¹⁾ *Аннотация*, I. с., стр. 6. Это же мнѣніе повторяютъ и *Губертъ* въ поданномъ вышеизданіи III вып. „Матеріаловъ для русской бібліографіи“, стр. 466—467.

²⁾ Такія характеристики мы находимъ у гг. *Незвезова* („И. П. Новиковъ“); *В. Семевскаго* („Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Екатерины II“), *Дубровина* („Пугачевъ и его сообщники“) и др.

тора“,—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. „Спектаторъ“ пользовался громкою извѣстностью не только въ своей родной Англiи, но и во всей Западной Европѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его появленiя, въ Германiи и Францiи издаются полные переводы его съ предисловіями, наполненными самыми лестными похвалами талантамъ его издателей. Еще ранѣе, спустя всего полгода послѣ выхода послѣдняго нумера „Спектатора“ (6-го декабря 1712 г.), въ Германiи появляется, въ подражаніе ему, сатирическій журналъ „Der Vernünftler“. Впрочемъ, въ этомъ первомъ нѣмецкомъ сатирическомъ журналѣ подражаніе заходило слишкомъ далеко: изъ подробнаго обзорiя его, представленнаго въ статьѣ Карла Якоби: *Die ersten moralischen Wochenschriften Hamburgs am Anfange des achtzehnten Jahrhunderts*¹⁾, видно, что журналъ этотъ сплошь состоялъ изъ передѣлокъ статей „Спектатора“ и отчасти „Tatler'a“. Позднѣйшіе нѣмецкіе журналы нравоучительнаго характера, изъ которыхъ лучшими считаются „Гамбургскій Патріотъ“ и „Жизнописецъ нравовъ“, въ своихъ предисловіяхъ прямо заявляютъ, что появленіемъ своимъ они обязаны знаменитому англійскому журналу и что они преслѣдуютъ ту же цѣль, какую имѣлъ въ виду „Спектаторъ“. Во Францiи, въ Дамин, даже въ Польшѣ „Спектаторъ“ также вызвалъ цѣлый рядъ подражаній. Такими огромными успѣхомъ журналъ былъ обязанъ прежде всего, разумѣется, своимъ издателямъ.—Стилю, а въ особенности Аддисону. Блестящій талантъ послѣдняго развернулся въ этихъ летучихъ листкахъ во всей своей полнотѣ, во всемъ разнообразіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ марта 1711 г. по декабрь 1712 г., ежедневно появлялись летучіе листки „Зрителя“. Большая часть (около трехъ седьмыхъ) помѣщенныхъ въ немъ статей принадлежала перу Аддисона. Маколей, статья котораго объ Аддисонѣ представляетъ напечатанію послѣднему, говорить, что слабѣйшій изъ опытовъ этого автора не хуже лучшихъ опытовъ его сотрудниковъ. „Его лучшіе опыты близко подходятъ къ абсолютному совершенству, и мы не знаемъ, чему больше удивляться—ихъ превосходству или разнообразію. Его изобрѣ-

¹⁾ Wilhelm-Gymnasium zu Hamburg. 7 Jahresbericht. Schuljahr 1887—1888. Hamburg. 1888. О нѣмецкихъ и англійскихъ нравоучительныхъ журналахъ см. также *Max Kawczynski*, Studien zur Literaturgeschichte des XVIII-ten Jahrhunderts. Moralische Zeitschriften. Leipzig. 1880; *Ernst Milberg*, Die deutschen moralischen Wochenschriften des 18 Jahrhunderts. Meissen; *Hettner*, Literaturgeschichte des 18 Jahrhunderts. B. I und III; *Cheval-Clairigny*, Histoire de la presse en Angleterre et aux États-Unis. Paris. 1857.

тательность, кажется, никогда не слабѣетъ, и никогда ему не приходится повторяться или истончаться. Въ его видѣ нѣтъ осадка. Онъ угощаетъ насъ подобно тому расточительному пабобу, который утверждалъ, что въ бутылкѣ вина только одинъ добрый стаканъ. Едва мы впустили первую нескромную нѣшу шутки, ее удаляютъ и подносятъ къ нашимъ губамъ свѣжій нектаръ. Въ понедѣльникъ намъ предлагаютъ аллегорію, живую и остроумную, какъ аллегорію Луціана, во вторникъ—восточный анологъ, раскрашенный такъ же роскошно, какъ сказка Шехеразады, въ среду—характеръ, описанный съ искусствомъ Лабрюйера, въ четвергъ—сцену изъ обыденной жизни, равную лучшимъ главамъ „Векфильдскаго священника“; въ пятницу—какую-нибудь лукавую гораціевскую шутку по поводу фешьёнебльныхъ негѣпостей, фикжъ, мушекъ и кукольныхъ комедій; въ субботу—религіозныя размышленія, выдерживающія сравненія съ прекраснѣйшими страницами Массильона¹⁾. Быть можетъ, въ этихъ словахъ знаменитаго историка звучитъ увлеченіе, но самое увлеченіе это можетъ служить яснымъ доказательствомъ всей силы и прелести таланта Аддисона.

Но не въ одномъ блестящемъ талантѣ издателя слѣдуетъ видѣть причину огромнаго успѣха „Спектатора“. Въ самой Англій журналъ расходился въ количествѣ трехъ-четырехъ тысячъ экземпляровъ; нѣкоторыхъ номеровъ спрашивалось до 20 тысячъ экземпляровъ. Мало того, каждый отдѣльный томъ, заключавшій въ себѣ извѣстное число номеровъ, раскупался въ количествѣ до 10 тысячъ экземпляровъ, и требовались новыя изданія²⁾. Испомнивъ, что населеніе Англій въ то время едва составляло третью часть нынѣшняго, что людей читающихъ было сравнительно немного, мы должны придти къ заключенію, что огромная часть листовъ журнала расходилась среди низшаго и средняго классовъ англійскаго населенія. Талантъ автора много содѣйствовалъ этой популярности, но кромѣ таланта здѣсь были еще иныя причины.

Въ началѣ XVIII столѣтія Англія еще не имѣла ни одного романа, представлявшаго въ живыхъ картинахъ бытъ и нравы современнаго англійскаго общества. Когда сталъ выходить „Спектаторъ“, читатели все съ большимъ и съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали въ его очеркахъ не извѣстную имъ до тѣхъ поръ прелесть бытоваго

¹⁾ *Маколей*. Полное собраніе сочиненій. Изд. П. Тиблена. С.-Пб. 1883 г., т. V, стр. 112.

²⁾ *Маколей*, I. с., стр. 113.

романа. Въ живыхъ, исполненных остроумія очеркахъ Стюла и Аддисона проходилъ передъ английскимъ читателемъ цѣлый рядъ характеровъ, типовъ, хорошо ему знакомыхъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни; съ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за жизнью членовъ кружка издателей журнала, изъ которыхъ наиболѣе удачно и ярко были обрисованы Аддисономъ типы стараго деревенскаго баронета и зкореннаго городского кутяки. Происшествія, которыя съ ними случаются, — самыя обыденныя, совершенно непохожія на необыкновенныя приключенія героевъ рыцарскихъ романовъ. Разумеетсяъ, эти бытовые очерки, а не правоучительныя разсужденія, прельщали читателей журнала, изъ которыхъ большинство не замѣчало сатиры и не понимало морали, но за то съ удовольствіемъ прочитывало страницы, наполненныя мѣткими изображеніями типовъ, которые, какъ выразился Н. И. Панинъ о бригадирѣ Фонвизина, были „всѣмъ родилъ“. Подобно тому, и въ Германіи и въ Россіи наибольшимъ успѣхомъ пользовались тѣ журналы, въ которыхъ читатели находили яркое и мѣткое изображеніе быта и нравовъ современнаго общества. Въ Германіи въ теченіе XVIII вѣка издавалось болѣе 500 правоучительныхъ журналовъ, и изъ нихъ продолжительный успѣхъ имѣли лишь очень немногіе, именно тѣ, въ которыхъ видное мѣсто занимала живая, остроумная сатира нравовъ современнаго общества; большинство же журналовъ, превратившее живую, толковую сатиру своего общаго образца „Спектатора“ въ сухую, отвлеченную мораль, не имѣло успѣха и существовало лишь короткое время. Мы знаемъ, что „Трутень“ и „Живописецъ“, выдержавшіе нѣсколько изданій, находили себѣ читателей главнымъ образомъ въ среднемъ классѣ населенія. Понятно, что не сатиры и не морали искали въ нихъ читатели этого рода, а живаго, доступнаго для нихъ изображенія нравовъ современнаго общества. Если обратимся къ Франціи, то увидимъ, что тамъ журналы, предпринимавшіеся въ подражаніе английскому „Спектатору“, не имѣли успѣха. „Le Spectateur français“ Мариво былъ принятъ очень холодно и скоро прекратился. Долге существовалъ журналъ аббата Прево „Le Pour et Contre“; но онъ не имѣлъ сатирическаго характера: это былъ журналъ, въ которомъ, какъ значилось на заголовкѣ, „on s'explique librement sur tout ce qui peut intéresser la curiosité du public en matière de sciences, d'arts, de livres d'auteurs, etc. sans prendre aucun parti, et sans offenser personne“. Вообще должно замѣтить, что число сатирическихъ журналовъ, выходившихъ въ теченіе XVIII вѣка во Франціи, было очень невелико. Въ перечнѣ ихъ, приведенномъ въ диссертации Кав-

чинскаго, видное мѣсто занимають переводы англійскихъ журналовъ „Зритель“, „Болтуна“, „Опокупа“ и др. ¹⁾).

Этотъ малый успѣхъ, вынавший на долю французскихъ журналовъ, нетрудно будетъ объяснить, если мы вспомнимъ, что еще въ XVII вѣкѣ Франція имѣла бытовой романъ. То, что привлекало читателей англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ сатирическихъ журналовъ, уже не представляло для французскаго читателя интереса и прелести новизны, и вотъ почему сатирическіе журналы родственнаго со „Спектаторомъ“ направленія не нашли во Франціи широкаго распространенія.

Обращаясь къ русскимъ сатирическимъ журналамъ, выходившимъ съ 1769 по 1774 г., замѣтимъ, что возникновеніе ихъ слѣдуетъ приписать влиянію того-же „Спектатора“, положившаго на Западѣ начало огромной сатиро-правоучительной литературѣ. По крайней мѣрѣ, „Всякая Всячина“, эта „прабабушка“ русской сатирической журналистики, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды сильнаго влияния знаменитаго англійскаго журнала. (Нужно замѣтить, что знакомство нашихъ писателей и издателей журналовъ со „Спектаторомъ“ началось гораздо раньше появленія „Всякой Всячины“. Еще въ 1731 году Шумахеръ писалъ Тредьяковскому: „Или не задотите ли вы лучше перевести небольшой сборникъ острогъ или разказцевъ, или какое нибудь путешествіе, или разговоры нашего любезнаго *Speelateur*“ ²⁾?) Съ этого же года начинаютъ появляться переводы изъ „Спектатора“ въ „Примѣчаніяхъ въ Вѣдомостяхъ“. Замѣтимъ, что всѣ помѣщенные въ этомъ журналѣ переводы изъ „Спектатора“ имѣютъ правоучительный или философскій характеръ. Такъ, въ „Примѣчаніяхъ“ 1731 года мы находимъ переводъ изъ „Англійскаго Спектатора“, часть 2, разговоръ IV—„о полезномъ употребленіи времени“; VII разговоръ 1-ой части—„о смѣшномъ естественн безумныхъ людей“ ³⁾; разговоръ XLII 2-й части—„о добромъ правѣ“; о томъ-же—разговоръ XLVIII 2-й части; разговоръ LXI изъ 1-й части — „о задумчивости“; разговоръ XXVI изъ 2-й части—„о краткости человѣческой жизни“. Въ „Примѣчаніяхъ“ 1732

¹⁾ О журналахъ иностранныхъ, кромѣ указанныхъ уже сочиненій, см. также *Nain Eugène. Histoire politique et littéraire de la presse en France. Paris. 1869. T. II, III.*

²⁾ Письмо отъ 1-го февраля 1731 г. См. *Цесарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ, т. 2-ой, стр. 26.* Въ черновыхъ бумагахъ Тредьяковскаго сохранился переводъ одной изъ статей *Спектатора* (Тамъ же, стр. 26, примѣч.).

³⁾ Эта статья переведена и во *Всякой Всячинѣ*, подъ № 6.

года помѣщенъ разговоръ IX изъ 5-й части (размышленія большого человека о смерти); изъ той же части разговоръ X (о томъ, что богатствомъ пороку, а скудостью добродѣтели закрывается); разговоръ — „о безсмертїи души“. „Примѣчанїя“ за 1733 и 1734 гг. дали всего по одному переводу изъ „Спектатора“: изъ части 5-й разговоръ II (о средствахъ, кои въ вѣра въ сердцахъ утверждаются и вкореняются) и изъ VI книги разговоръ LVI (о безсмертїи души). Последний переводъ изъ англійскаго журнала мы находимъ въ „Примѣчанїяхъ“ 1735 года (о дѣйствїихъ надежды вообще, а особливо оныя, которая основана на благочестїи; часть V, разг. XVI); въ „Примѣчанїяхъ“ дальнѣйшихъ годовъ переводовъ изъ „Спектатора“ уже не встрѣчается.

Первыя статьи сатирическаго характера, перенесенныя изъ „Спектатора“, мы находимъ въ „Ежемесячныхъ Сочиненїяхъ“. Мы не станемъ перечислять ихъ здѣсь, такъ какъ всѣ онѣ уже указаны въ статьяхъ академика Пекарскаго ¹⁾ и Милютина ²⁾. Затѣмъ, переводы изъ „Спектатора“ встрѣчаются почти во всѣхъ журналахъ, издававшихся въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Такъ, въ журналѣ „Праздное время, въ пользу употребленное“, мы находимъ слѣдующїи статьи, переведенныя изъ „Спектатора“: „О скорости времени“ („Спектаторъ“, часть II, разказъ V), „О привычкѣ“ (часть IV, разказъ LXXII), „Письмо отъ одной красавицы“ (источникъ въ журналѣ не указанъ), „Лукавые и коварные люди суть язва обществу“ (тоже безъ указанїя источника), „Сонъ“ (безъ обозначенїя источника) и др.; въ журналѣ „Полезное Увеселенїе“ помѣщенъ переводъ обширной статьи „Спектатора“, подписанный буквами С. Д. (Сергѣй Домашневъ), безъ указанїя источника. По всего болѣе переводовъ изъ „Спектатора“ встрѣчаемъ мы въ журналѣ „Доброе Намѣренїе“, при чемъ всѣ переводы сдѣланы уже прямо съ англійскаго подлинника студентомъ Михаиломъ Пержемкямъ, бывшимъ ранѣе дьячкомъ посольской церкви въ Лондонѣ ³⁾. Среди этихъ переводовъ встрѣчается не мало сатирическихъ. Интересно, что даже „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова помѣстила на своихъ страницахъ

¹⁾ Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1754—1764 гг. Сборникъ статей, читанныхъ въ Од. русск. языка и словес. Им. Ак. Наукъ, т. II, № 4.

²⁾ „Современникъ“, т. XXV, стр. 35 сл.

³⁾ См. о немъ „Опытъ историческаго описанїя российскихъ телѣхъ“ Попова въ „Материалахъ“ Ефремова, стр. 81.

нѣсколько переводныхъ статей изъ „Спектатора“: три изъ нихъ (рѣчь XVIII изъ второй части Смотрителя, рѣчь IV изъ 2 ч. и рѣчь XXVII изъ 2 ч.) переведены Иваномъ Дмитревскимъ и одна (отрывокъ изъ I рѣчи 3-й части) А. Сумароковымъ. Впрочемъ, сатирической характеръ имѣеть лишь одна изъ этихъ статей (рѣчь XXVII изъ второй части). (Въ виду этой широкой извѣстности, которую пользовался у насъ „Спектаторъ“, въ виду его огромнаго значенія на Западѣ, понятно, что, какъ только возникла мысль о русскомъ сатирическомъ журналѣ съ правдоучительнымъ направлеиіемъ, образцомъ для него должны были взять знаменитый англійскій журналъ. Это и доказываетъ „Всякая Всячина“.)

II.

„Всякая Всячина“ нашими изслѣдователями и историками литературы признается за одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ XVIII вѣка и ставится наравнѣ съ „Грутнемъ“ и „Живописцемъ“ Попикова ¹⁾. Главное значеніе ея видятъ въ томъ, что она даетъ прекрасный матеріалъ для характеристики нравовъ Екатерининской эпохи, что въ картинахъ быта (tableaux de genre), нарисованныхъ ею, какъ живая возстаетъ передъ нами цѣлая старина. Въ ея сатиры, легкой, не забирающей глубоко и потому чуждой пристрастія и тенденціозности, видятъ речительство дѣйствительной вѣрности рисуемыхъ ею картинъ быта и нравовъ современнаго ей общества. Въ книгѣ Аванасьева, въ отдѣлѣ, посвященномъ характеристикѣ общества Екатерининскаго вѣка, мы находимъ не малое количество ссылокъ на „Всякую Всячину“. Все это дѣлаетъ тѣмъ болѣе необходимымъ съ возможною тщательностью прослѣдить отношенія „Всякой Всячины“ къ ея образцу—„Англинскому Смотрителю“.

Прежде всего вліяніе „Спектатора“ на „Всякую Всячину“ ясно выразилось въ цѣли, какую поставилъ себѣ нашъ сатирический журналъ. Цѣлью его было исправленіе нравовъ. „Мы не сомнѣваемся“,—говорится въ одномъ изъ листковъ журнала,—„о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ; ибо начали твердить наизусть „Всякую Всячину“, что выпеняющимся нисъ-

¹⁾ См. *Глазовъ*, Исторія русской словесности, т. I, отд. 2, стр. 161 (изд. 2-е). *Порубирьевъ*, Исторія русской словесности, т. II, отд. 2, стр. 312 сл. (изд. 2-е, Казань, 1888). *Поговой*, Исторія русской литературы, стр. 435 (изд. 1-е, С.-Пб., 1872). *Буличъ*, Сумароковъ, стр. 219.

момъ доказывається. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узналъ...“¹⁾ Именно эту задачу поставилъ себѣ англійскій журналъ, прямо заявившій, что его „главная и единственная цѣль—исправленіе нравовъ и искорененіе невѣжества въ Великобританіи“²⁾. Для исполненія своей задачи „Спектаторъ“ избралъ себѣ двойное оружіе—сатиру и мораль. По сатира его не громитъ, не негодуєтъ: она дышетъ юморомъ и добродушною насмѣшкою, не заставляетъ читателя содрогаться, но вызываетъ у него улыбку. Тотъ же тонъ былъ усвоенъ и „Всякой Всячиной“. „Любезный читатель“,—говорится въ обращеніи къ читателю,—„предирялъ и сообщитъ вамъ все то, что имѣтъ за благо разсудится, безъ всякаго порядка. Иногда дамъ вамъ *полезныя наставленія*; иногда *будете смѣяться*“³⁾. Въ этихъ словахъ прямое указаніе на тотъ же двойственный характеръ содержанія журнала, какой мы видимъ въ „Спектаторѣ“, и который усвоилъ за цѣлымъ рядомъ подобныхъ журналовъ особое названіе „нравоучительно-сатирическихъ“. Однако должно замѣтить, что въ то время, какъ „Спектаторъ“ постоянно имѣетъ въ виду всего человѣка, со всѣми его страстями и чувствами, слабостями и пороками,—„Всякая Всячина“ почти совершенно отказалась отъ морали и обратила все свое вниманіе на то, чтобы смѣшить и развлекать читателя. Это журналъ по преимуществу сатирической, чѣмъ онъ сильно отличается отъ другаго современнаго ему русскаго подражателя „Спектатора“—журнала „Полезное съ приятнымъ“, который имѣлъ почти исключительно нравоучительный характеръ.

О формахъ, которыя придавали своимъ статьямъ наши сатирическіе журналы, было говорено уже почти во всѣхъ изслѣдованіяхъ, затрогивающихъ сатирическую журналистику XVIII столѣтія. Въ частности, относительно „Всякой Всячины“ слѣдуетъ замѣтить, что и ней воспроизведены далеко не всѣ формы, встрѣчаемыя въ другихъ сатирическихъ журналахъ. Такъ, напримеръ, мы не видимъ здѣсь довольно употребительныхъ „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“, „рецептовъ“, „сатирическихъ словарей“ и др. Быть можетъ, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть вліяніе „Спектатора“. Разнообразіе формъ, употребляемыхъ послѣднимъ, значительно уступаетъ тому разнообразію, какое находимъ мы въ позднѣйшихъ журналахъ, представляющихъ под-

¹⁾ *Всякая Всячина*, стр. 123—124.

²⁾ *Spectateur*, I, 45.

³⁾ *Всякая Всячина*; обращеніе къ читателю. Замѣтимъ также, что статья *Всякой Всячины* № 123 дословно переведена изъ *Спектатора*.

ражаніе ему, особенно въ нѣмецкихъ. Оттуда эти формы перешли и въ наши журналы. Излюбленная форма статей, употребляемая „Спектаторомъ“, это—письмо, присланное отъ посторонняго лица въ редакцію. Эту же форму мы часто встрѣчаемъ во „Всякой Всячины“.) Изъ другихъ употребляемыхъ англійскимъ журналомъ формъ мы можемъ указать аллегорію, повѣсть изъ восточной жизни, сонъ, видѣнный авторомъ, чья либо записки, случайно попавшіяся ему. Всѣ эти формы находимъ мы и во „Всякой Всячинѣ“.

Вліяніе „Спектатора“ на „Всякую Всячину“ не ограничивалось только этою внѣшнею стороною: оно выразилось также въ передѣлкѣ и въ переводѣ статей англійскаго журнала, что рѣшительно отвергаетъ Лванасевичъ, но что не было тайною для современныхъ „Всякой Всячины“ журналовъ, хотя сама „Всякая Всячина“ тщательно старалась скрыть это. Въ одной изъ статей „Трутни“, представляющей очевидную пародію на статью № 103 „Всякой Всячины“ и, слѣдовательно, прямо нѣющей въ виду этотъ журналъ, издатели ея уличаются въ передѣлкѣ статей „Спектатора“. „Етотъ перекрапываетъ на свой салтыкъ статьи изъ славнаго Англійскаго зрителя и, называя ихъ произведеніемъ своего умоначертанія, восклицаетъ: и мы яблока пльвемъ“¹⁾. Другой намекъ, впрочемъ, не столь ясный, мы встрѣчаемъ въ журналѣ „И то и се“. Осмѣивая обыкновеніе „Всякой Всячины“ печатать самой себѣ похвалы, „И то и се“ восклицаетъ: „*Всѣ не знающіе друзей языковъ люди* благодарятъ насъ отъ искренняго сердца, выключая нѣкоторыхъ полуученыхъ господъ, стиховъ и прозы писателей“²⁾. Наконецъ, на страницахъ самой „Всякой Всячины“ мы находимъ такое замѣчаніе: „Скажутъ, что мы переводы списываемъ. Признаемся, что и сіе бываетъ; легко узнать оныя можно; осмѣиваемся сказать, что почти всѣ переводы, здѣсь внесенные, слабѣ настоящихъ сочиненій“³⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ указанію статей, замѣтованныхъ „Всякою Всячиной“ изъ „Спектатора“, мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно вопроса о томъ, какое изданіе находилось въ рукахъ у сотрудниковъ „Всякой Всячины“—англійскій ли подлинникъ, или французскій переводъ его. Нельзя сомнѣваться, что это былъ французскій переводъ „Спектатора“. Въ этомъ нетрудно будетъ убѣ-

¹⁾ *Трутни*, листъ XIX, № 33.

²⁾ *И то и се*, нѣдѣля 46.

³⁾ *Всякая Всячина*, стр. 294—295.

даться, если мы вспомнимъ, что англійскій языкъ въ то время былъ очень мало извѣстенъ нашимъ писателямъ. Мы знаемъ, что изъ переводчиковъ того времени лишь одинъ Михаилъ Пермскій хорошо владѣлъ этимъ языкомъ, ознакомившись съ нимъ въ бытность свою въ Лондонѣ. Среди огромнаго количества переводовъ, наполняющихъ наши журналы 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, мы не встрѣчаемъ почти совсѣмъ переводовъ съ англійскаго. То, что внесено въ наши периодическія изданія изъ англійскихъ журналовъ, переведено не непосредственно съ подлинника, а съ французскихъ или нѣмецкихъ переводовъ. Это замѣчаніе остается вѣрнымъ и относительно „Всякой Всячины“. Издатель ея Козицкій, какъ извѣстно, не зналъ но-англійски. То же самое должно замѣтить и относительно предполагаемаго нами „перекрапывателя на свой салтыкъ статей изъ славнаго Англійскаго смотрителя“—И. П. Благина. До какой степени издатели „Всякой Всячины“ были незнакомы съ англійскими журналами въ подлинникъ, свидѣтельствуеъ тотъ фактъ, что извѣстный „Guardian“ упоминается во „Всякой Всячинѣ“ подъ именемъ „Новаго Монтора“—названіе, которое дано ему во французскомъ переводѣ. Наконецъ, сопоставленіе русскаго перевода съ французскимъ и подлиннымъ англійскимъ изданіемъ „Спектатора“ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ рукахъ издателей „Всякой Всячины“ находился не англійскій подлинникъ, а французскій переводъ „Спектатора“. Поэтому въ нашей работѣ мы не будемъ касаться англійскаго изданія „Спектатора“, а ограничимся лишь французскимъ переводомъ его. Ссылки мы будемъ дѣлать на амстердамское изданіе 1768 года¹⁾. Нумерація статей въ этомъ изданіи идетъ отдѣльно для каждаго тома, а потому мы будемъ обозначать римскими цифрами номеръ тома и арабскими номеръ статьи.

№ 1 (стр. 1): „Часто случалось мнѣ примѣтить... до словъ: „Современнѣ объявлено и имена наши...“ почти бурлескный переводъ изъ Спектатора“, I, I. Идущее далѣе описаніе издателей журнала, несомнѣнно, есть подражаніе „Спектатору“, который въ нѣсколькихъ номерахъ даетъ прекрасныя остроумныя характеристики членовъ общества, предпринимающаго изданіе летучихъ листовъ.

№ 6 (стр. 17): „Вздыхъ и объядать за Москворѣчье...“ представляетъ почти дословный переводъ изъ Sp. I. 7. Передѣлокъ „на свой

¹⁾ *Le Spectateur ou le Socrate moderne, où l'on voit un portrait naïf des mœurs de ce siècle. Traduit de l'Anglais. Tomes I—VIII. A Amsterdam et à Leipzig, chez Arkstée et Mercus.*

смыслъ" очень мало: введено замоскворѣчье, какъ центръ суевѣрія; школьный учитель, о которомъ упоминается въ „Спектаторѣ“, обратился во „Всеякой Всеячнѣ“ въ пономаря; сраженіе при Альмаэзѣ замѣнено во „Всеякой Всеячнѣ“ Цоридорфскою баталіей. На стр. 21 прибавлено переводчикомъ отъ себя: „Она рѣшила дѣвку смотрѣть, лаетъ ли собака подымая рыло, или опускала голову къ землѣ. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака съ двора ушла; и то была бѣда“. Самый конецъ разсужденія, гдѣ „Спектаторъ“ указываетъ, что суевѣріе и старанія заглянуть въ будущее не согласны съ христіанскимъ ученіемъ о Промыслѣ Божіемъ, во „Всеякой Всеячнѣ“ совершенно опущены. Вообще должно замѣтить, что мораль „Всеякой Всеячны“ не основывается, какъ въ „Спектаторѣ“, на христіанскомъ ученіи о нравственности, и, можетъ быть, въ этомъ слѣдуетъ видѣть вліяніе идей современныхъ французскихъ философовъ. Измѣненія, которыя допустила въ переводѣ этой статьи „Всеякая Всеячина“, на столько незначительны, что врядъ-ли возможно назвать этотъ переводъ передѣлкою, какъ называлъ его г. Галаховъ въ своей „Исторіи русской словесности“¹⁾.

№ 14 (стр. 41): „Когда я былъ во Франціи...“ изъ Sp. I, 11. Обширная статья англійскаго журнала значительно сокращена. Оупущена біографія госпожи, о роскоши которой разсказывается въ статьѣ. Весь конецъ статьи, гдѣ идетъ разсужденіе объ истинномъ счастіи, къ которому должна стремиться женщина, во „Всеякой Всеячнѣ“ остался безъ перевода.

№ 18 (стр. 49): „Изъ Франціи поѣхалъ я въ Англію...“ есть описаніе англійскихъ клубовъ, выбранное изъ разныхъ статей „Спектатора“.

№ 27 (стр. 80): „Господишь сочинитель! Прошу васъ, уймите злоупотребленія“—взято изъ „Спектатора“, V, 7. Отъ начала до словъ: „И иногда удивляюсь“—переводъ значительно сокращенный и измѣненный; далѣе переведено почти дословно.

№ 36 (стр. 98): „Мой взоръ обращенъ къ истинѣ одной“. Начало этой статьи, служащее какъ бы предисловіемъ, самостоятельное; отиѣченное далѣе въ кавычкахъ есть дѣйствительно, какъ замѣчаетъ самъ авторъ статьи, сокращенный вольный переводъ изъ „Спектатора“, I, 27. Замѣтимъ также, что самое заглавіе статьи: „Мой взоръ обращенъ къ истинѣ одной“ заимствовано изъ „Спектатора“.

¹⁾ Т. I. отд. 2-й. стр. 162. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880.

№ 45 (стр. 124): „Господинъ сочинитель! У меня есть двѣ племянницы“—представляетъ почти дословный переводъ изъ „Spectator“а, III, 24. Какъ на характерное добавленіе, можемъ указать на фразу: „Я бы имъ отвѣтствовалъ кулакомъ; но, и болель; да сверхъ того дѣвки такovy, чтобъ онѣ сами меня съѣдали въ рожу“. Этой фразы нѣтъ въ „Spectator“ѣ, и вставлена она, вѣроятно, для того, чтобы придать переводу болѣе русскій колоритъ.

№ 57 (стр. 150): „До рукъ нашихъ дошло письмо...“ Первая половина этой статьи, гдѣ излагается содержаніе письма, оригинальна. Вторая же половина, заключающая мораль, дословно заимствована изъ обширнаго разсужденія „Спектатора“ о нѣпестивѣ, VI, 6. Онущены всѣ прикѣпы изъ исторіи и ссылки на древнихъ авторовъ. Что касается заключительныхъ словъ статьи (о скупости), то, кажется, онѣ принадлежать самому автору: по крайней мѣрѣ, мы не нашли ихъ въ „Спектаторѣ“.

№ 65 (стр. 172): „Господинъ сочинитель! Давно мнѣ хочется къ вамъ писать!“ Письмо это, въ которомъ гостиннаго двора лавочникъ Фока Деньголюбовъ жалуется на барынь, перерывающихъ товары „безъ малѣйшей охоты что-нибудь купить“,—естъ нередкая подобнаго же письма, помѣщеннаго въ „Спектаторѣ“, IV, 2.

№ 71 (стр. 190): „Государь мой! Мнѣ четырнадцать лѣтъ минуло 11-го января“. Статья переведена почти дословно изъ „Спектатора“, VI, 53. Удержана даже фамилія господина, мнѣніе о которомъ желаетъ знать молодая дѣвушка, пишущая письмо: Mr. Mignard (нѣжный) французскаго перевода во „Всякой Всячины“ получили фамилію Пѣжнихина. Вопросы, которые задаетъ молодая дѣвушка, и отвѣты на нихъ „Спектатора“ переведены безъ всякихъ измѣненій.

№ 74 (стр. 195): „Ничто такъ не подло“. Статья эта—дословно переведенный отрывокъ изъ обширнаго разсужденія „Спектатора“, направленного противъ сатирическихъ писателей, или вѣрнѣе памфлетистовъ (I, 17). Замѣтимъ, что въ полномъ видѣ статья эта была переведена въ журналѣ „Праздное время, въ пользу употребленное“, стр. 338. А. Н. Пыпинъ въ своей статьѣ о Лукинѣ замѣчаетъ, что указанная статья „Всякой Всячины“ написана ad hoc, въ поученіе Лукину, равно какъ и слѣдующій номеръ (75-й), въ которомъ говорится о подчиненныхъ и окружающихъ тѣхъ. „кои въ верныхъ должностяхъ находятся“¹⁾. На сколько эта догадка справедлива, мы ска-

¹⁾ Сочиненія и переводы В. П. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. С.-Пб. 1868, стр. XXXV сл.

жемъ ниже, а теперь ограничимся замѣчаніемъ, что обѣ цитуемыя г. Панинымъ статьи „Всякой Всячины“ не оригинальны.

№ 75 (стр. 197): „Подчиненные и окружающіе тѣхъ. кон въ пер- ныхъ должностяхъ находится“. Какъ сказано выше, статья эта почти дословно переведена изъ „Спектатора“, V. 14. Лишь въ концѣ сдѣ- ланы небольшія сокращенія и пропуски. Пропущено, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ „Спектаторъ“ указываетъ на малую заботливость прави- тельства въ дѣлѣ назначенія чиновниковъ: „Я увѣренъ, что эта испор- ченность происходитъ преимущественно отъ того, что на должности назначаются первые попавшіеся или тѣ, которые слывуть за людей ловкихъ и хитрыхъ“.

№ 91 (стр. 237): „Третьяго дня, когда мы собрались... Мате- ріаломъ для этого разказа послужила обширная статья „Спектатора“, заключающая въ себѣ нѣсколько разказовъ и писемъ (I. 29). Ста- тейка эта вполнѣ можетъ быть названа передѣлкой подлинника: ма- теріалъ, заимствованный изъ „Спектатора“, сохранивъ вполнѣ сущ- ность, совершенно измѣнилъ свою форму.

№ 94 (стр. 246): „Великое множество есть мужей...“—представ- ляетъ переведенный съ незначительными измѣненіями ¹⁾ отрывокъ изъ разсужденія „Спектатора“ о бракѣ (V. 22).

№ 103 (стр. 265): „Нѣкогда читаль нѣкто“... Статья заимствована изъ „Спектатора“, I. 5. Въ переводѣ допущены измѣненія съ цѣлью при- мѣнить статью къ русскимъ условіямъ жизни. Въ статьѣ „Спекта- тора“ рѣчь идетъ о газетахъ, которыя потворствуютъ „неутолимой жаждѣ и жадности ко новизнамъ“. Въ переводѣ роль газетъ пере- дается „любителямъ и составителямъ новизнъ“, которые таскаются изъ дома въ домъ, перенося смѣтлив. Пространное разсужденіе „Спек- татора“ о политическихъ извѣстіяхъ совершенно вынуждено во „Вся- кой Всячинѣ“.

№ 109 (стр. 281): „Есть одинъ мнѣ знакомый человѣкъ...“. Эта статья составлена изъ двухъ разказовъ „Спектатора“. Отъ начала до нисыма, приведеннаго на стр. 285,—почти дословный переводъ Sp. I. 37. Здѣсь пропущены въ переводѣ тѣ мѣста, которыя ка- саются исключительно Англій (напримѣръ, разсужденіе о виггахъ и торіяхъ). Письмо, находящееся на стр. 285, переведено изъ другой статьи „Спектатора“, именно V. 68.

¹⁾ Вставлена, напримѣръ, фраза: „Съ того времени какъ обычай вѣнчаться съ невидимомъ перемѣнился“.

№ 117 (стр. 309): „Нѣсколько тому лѣтъ назадъ.“ Передѣлка письма, помещеннаго въ „Спектатор“¹, I, 40. Болѣзню, о которой идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ.—силнѣ. Во „Всякой Всячинѣ“ выето едина упоминается о „несносной ушамъ“ болѣзни—„маткѣ“². Въ сущъ статьи „Спектатора“³, заключающаяся въ тонкой насмѣлкѣ надъ силнмомъ (во „Всякой Всячинѣ“ надъ маткою)—болѣзнию, составляющею привилегію только однихъ „благородныхъ“⁴, во „Всякой Всячинѣ“ сохранена безъ измѣненій.

№ 122 (стр. 324): „Жена мой мнѣ сказывала...“ взято изъ „Спектатора“⁵, I, 53. Тутъ приводится два письма, изъ которыхъ въ первомъ идетъ рѣчь о дѣвицѣ, воспитанной въ деревнѣ и приведенной въ городъ (первая часть статьи „Всякой Всячины“), а второе представляетъ разсужденія о модномъ воспитаніи дѣвицъ (вторая половина статьи „Всякой Всячины“).

№ 123 (стр. 327): „Два есть у меня рода читателей...“ есть довольно переведенный отрывокъ изъ „Спектатора“⁶, II, 50. Это одна изъ тѣхъ статей „Спектатора“⁷, которыя, какъ увидимъ ниже, оказали сильное вліяніе на взгляды „Всякой Всячины“ относительно дѣянъ и значенія сатиры.

№ 131 (стр. 344): „Женщины отъ природы суть неселѣе мужчинъ...“ переведено почти слово въ слово изъ „Спектатора“⁸, II, 28. Оупущень мнѣ примѣръ изъ римской исторіи (Марія Аврелія и Фаустина) и выброены собственные имена.

№ 137 (стр. 364): „Недавно нашелъ я лѣтонисецъ.“ Статья представляетъ почти дословный переводъ (съ небольшими пропусками) изъ „Спектатора“⁹, II, 61. Отъ себя во „Всякой Всячинѣ“ прибавлено вступленіе: „Недавно нашелъ я лѣтонисецъ четвертаго на десять вѣка, который говорить тако“¹⁰. Вставлена также фраза: „Подобно утомленной мухѣ въ августѣ мѣсяцѣ, кои сидеть понежмѣнно на носѣ, на бровь или на лобъ министру, который сочинять важную депешу“¹¹.—Остальное все переведено безъ измѣненій.

№ 139 (стр. 373): „Вчерашній день случился мнѣ быть въ бѣсѣдѣ...“ представляетъ нѣсколько передѣланный отрывокъ изъ статьи „Спектатора“¹², I, 28. Замѣтимъ, что нарисованные здѣсь портреты женщины, старающейся велически обратить вниманіе всѣхъ на свою красоту, и мужчины, желающаго во что бы то ни стало показаться умнымъ, Аонасьевъ принялъ за мѣтки изображеній современныхъ петиетровъ и щеголихъ¹³). Между тѣмъ въ статьѣ „Спектатора“¹⁴ идетъ

¹) *Аванасевъ*, I, с., стр. 212 сл.

рѣшъ о свойственномъ вообще натурѣ человѣка стремленіи тѣмъ или другимъ привлечь къ себѣ общее вниманіе. Во „Великой Всячинѣ“ эта статья получила нѣсколько иное освѣщеніе: то, что „Спектаторъ“ считалъ общимъ свойствомъ всѣхъ людей. „Великая Всячина“ признается лишь немногимъ, и это даетъ ей поводъ посмѣяться надъ „предувѣреніями“ нѣкоторыхъ людей „о своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ качествахъ“.

№ 145 (стр. 390): „На сихъ дилъ отправленные наши послы...“ Статья оригинальная, но, несомнѣнно, повѣянна подобно же статьей „Спектатора“, II, 7. Въ этомъ убѣждаетъ и заимствованный во „Всякой Всячинѣ“ изъ указанной статьи англійскаго журнала разказъ о проповѣдникѣ (Фомѣ Конектѣ), возстававшемъ противъ модныхъ дамскихъ уборовъ.

№ 147 (стр. 398): „Лишь былъ бы человѣкъ съ достоинствами... Это отрывокъ, переведенный дословно (за исключеніемъ необходимыхъ измѣненій) изъ „Спектатора“, II, 10. Статья эта тѣмъ любопытнѣе, что представляетъ оцѣнку „Великою Всячиною“ своего значенія въ настоящемъ и будущемъ, съ которою вполне соглашается г. Буличъ въ своемъ сочиненіи о (Сумароковѣ¹⁾).

Обратимся теперь къ „Варынку Всякой Всячины“. Какъ извѣстно, большинство статей, здѣсь помѣщенныхъ, представляетъ переводы изъ разныхъ авторовъ древнихъ и новыхъ. Мы не будемъ поэтому останавливаться на тѣхъ статьяхъ, которыя самою редакціей журнала отмѣчены какъ переводныя, а прослѣдимъ лишь статьи, выдаваемыя „Всякой Всячиною“ за оригинальныя.

№ 158 (стр. 454): „Не однажды я уже объявилъ войну бѣлякамъ...“ заимствовано изъ „Спектатора“, I, 29. Любопытно, что изъ этой же статьи заимствованъ и разказъ, помѣщенный во „Всякой Всячинѣ“ подъ № 91 (см. выше). Настоящій отрывокъ почти дословно переведенъ изъ „Спектатора“ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что вмѣсто никовъ и бретюнокъ подданика въ немъ упоминаются русскія и татарки.

№ 170 (стр. 481): „Былъ я въ деревнѣ у одного дворнина...“ есть нѣсколько измѣненный отрывокъ изъ статьи „Спектатора“, II, 16. Разказъ этотъ въ передѣлкѣ „Всякой Всячины“ сильно проигрываетъ по сравнению съ подлинникомъ.

Изъ этого обзорѣнія видно, что заимствованія „Всякой Всячины“

¹⁾ Буличъ, Сумароковъ, стр. 218.

изъ „Спектатора“ рѣдко являются въ видѣ дословныхъ переводовъ, а въ большинствѣ случаевъ представляютъ, но приведенному выше выраженію „Трутня“, передѣлки „на свой салтыкъ статей изъ славянаго Англичскаго Смотрителя“. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь тѣ приемы, которые употребляетъ „Всякая Всячина“ при пользованіи англійскими журналами.

1) „Всякая Всячина“ или дословно, безъ всякаго измѣненія, переводитъ статью или отрывокъ изъ статьи французскаго подлинника. Такихъ переводовъ сравнительно очень мало; можно указать лишь № 57 (Sp. VI, 6), № 71 (VI, 53) № 74 (Sp. I, 6), № 123 (Sp. II, 50). Чтобы показать на сколько близки къ оригиналу подобныя переводы „Всякой Всячины“, приведемъ одинъ изъ такихъ переводовъ параллельно съ подлинникомъ.

Spectateur, I, 17.

Il n'y a rien de plus lâche et de plus indigne, que de porter en secret des coups mortels à la réputation d'un homme. (Далѣе во „Всякой Всячинѣ“ пропущено нѣсколько строчекъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о сатирическихъ умахъ).

C'est pour cela même que j'ai le coeur navré, toutes les fois que je vois un caractère malin, accompagné d'une humeur agréable et badine. Un esprit cruel et barbare n'est jamais plus satisfait, que quand il afflige un particulier, ou qu'il excite la division entre les plus proches parents, et qu'il expose des familles entières à la risée du public, pendant qu'il se cache lui même et que personne ne le découvre... etc.

Всякая Всячина.

Ничто такъ не подло и уничижительнѣе достойно, какъ потаенно поносить человѣка.

У меня сердце ноетъ всякій разъ, когда вижу такое лукавое умоощертаніе, совокупленное съ нравомъ веселымъ и насмѣшливымъ. Суровое и невѣжливое сердце никогда довольнѣе не бываетъ, какъ когда оно оскорбитъ какую ни есть особу; или когда ему удастся поссорить ближнихъ родственниковъ; или когда можетъ цѣлый родъ выставити въ смѣхъ для насмѣшки тогда, когда оно само скрывается и всячески старается, чтобы постунокъ его не узнали... и т. д.

2) Гораздо чаще встрѣчаются переводы сокращенные, съ измѣненіями, съ пропусками или вставками. Измѣненія часто обусловливаются необходимостью примѣнить разказъ къ русскимъ нравамъ, къ современному положенію вещей. Такое „перекрашиваніе на свой салтыкъ“ представляетъ огромное большинство статей, замѣтованныхъ изъ „Спектатора“. Для примѣра приведемъ параллельно нѣсколько къ „Спектатору“ джентельмена, страдающаго сплиномъ, и передѣланную изъ него статью „Всякой Всячины“

Spectateur, I, 40.

М. le Spectateur! Tous ceux qui me connaissent savent que, depuis bien des années, je suis attaqué du mal de rate, et que ce mal m'est venu de la lecture des meilleurs livres et de la fréquentation des plus beaux esprits. J'ai contracté par là une si grande délicatesse, que je ne puis souffrir la moindre inexactitude dans les discours, ni la moindre grossièreté dans les manières.

D'ailleurs, j'avais toujours cru que cette maladie ne regardait que les gens d'esprit; mais j'ai observé, depuis quelque temps, qu'il n'y a si misérable cancre qui ne se plaigne de la rate, et ne l'accuse de la pesanteur de son cerveau, quoiqu'il n'ait jamais un mot à dire. Ce n'est pas tout, je vis l'autre jour, dans la cuisine d'un cabaret, deux estafiers qui prétendaient être atteints de ce mal, faire venir chopine de vin avec des pipes, avaler cette liqueur à la santé l'un de l'autre, et se souffler la fumée au nez, dans l'espérance de se guérir ainsi de la rate. J'en appelle à votre témoignage, si l'on doit deshonorer jusqu'à ce point la maladie des personnes les plus distinguées et les plus polles. Je vous conjure donc, monsieur, de vouloir avertir ces estafiers

Всѣмъ Всѣмъ, № 117.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я помню, что на всѣхъ женщинъ повѣтріе было: они было всѣ слегли отъ моихъ ушамъ неспосныя болѣзни, матки. И у врачей навѣдывался, отъ чего имъ то сдѣлалось? Они мнѣ отвѣтъ дали, что начало ей бываетъ отъ великаго прилѣжанія къ чтенію книгъ; отъ слушанія преушныхъ разговоровъ; отъ того, что женщины много ходятъ, а никогда не лежатъ; и что смотря прилѣжно въ домохъ, рано очень вставать, а послѣ обѣда мало почиливають, остаточныя же часы дня не кушаютъ; комнаты у нихъ зимою такъ холодны, что дрожь беретъ; воздухъ же они такъ любятъ, что кругомъ годъ стараются оный глотать. Отъ всего того такъ ослабѣваютъ тѣлесныя и душевныя у нихъ качества, что когда и самая малѣйшая вещь ихъ тронетъ, то они уже не въ силахъ сносить оную. Сіе то причиняетъ имъ тѣ припадки, коиимъ столь много знатныхъ родовъ были приведены въ печаль.

И всегда думалъ, что сія болѣзнь только у однихъ благородныхъ была; но однажды сошелъ я на кухню и увидѣлъ кухарку, коя жаловалась на припадки таковыя же. Она послала сискати штофъ водки, и проглотила нѣсколько чарокъ. Потомъ мужъ ея пришелъ. Свой раскурнул трубку, и пустил оя дыма въ пось. И у васъ сирашнпая, можно ли безчестить до такой крайности болѣзнь знатныхъ и вѣжливѣйшихъ людей? Я тотъ часъ спозналъ, что кухарка, коя слова не можетъ выговорить, не заикавая онаго, ни мыслей своихъ изъяснить безъ того, чтобы мужъ оя ихъ не встрѣтилъ густымъ облакомъ дыма изъ трубки, не можетъ быть подвержена болѣзни иѣжныхъ людей. И пришелъ въ верьхъ, и женѣ объявлялъ мое приобруженіе.

qu'il ne peuvent être sujets à ce mal, puisqu'il ne saurait dire un mot sans avoir le verre à la bouche, ni se communiquer leurs pensées sans l'interposition d'un nuage épais qui leur crève les yeux. Pour moi, je vous déclare franc et net, que si vous ne remédiez au plutôt ce desordre. Je vai renoncer à la maladie, et être toujours de bonne humeur avec la vulgaire. Je suis, etc.

Она мнѣ чистосердечно безъ обиняковъ призналась, что пока въ еяхъ неурядкахъ не будетъ сдѣлано исправленіе, она отрицается быть больна сою болѣзнію, но будетъ здорова и всегда весела по по модѣ.

Та же необходимость или, вѣрнѣе, то же стремленіе примѣнить разказъ къ русскимъ правамъ, къ современному положенію вещей заставляетъ „Всякую Всячину“ дѣлать въ заимствованныхъ статьяхъ пропуски. Такъ, въ большой статьѣ, помѣщенной во „Всякой Всячинѣ“ подл. № 109 и представляющей почти буквальный переводъ подлинника, выпущено то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о дѣленіи англійскаго общества на партіи вигговъ и торіевъ. Въ другой передѣланной статьѣ ли слова не говорится о привозимыхъ изъ Индіи и Китая товарахъ, о которыхъ упоминается въ статьѣ „Спектатора“ (Sp. IV. 2; „Всякая Всячина“, № 65). Цитаты изъ древнихъ авторовъ, которыми пестритъ почти каждая статья „Спектатора“, примѣры, приводимые послѣднимъ изъ исторіи классическихъ народовъ, совершенно опускаются во „Всякой Всячинѣ“. Вообще же большую часть пропусковъ можно объяснить лишь простымъ желаніемъ издателей по возможности сократить часто, очень длинныя статьи подлинника. Что касается вставокъ, попадающихся въ дословно переведенныхъ разказахъ, то ихъ вообще чрезвычайно немного. Дѣлаются онѣ, повидимому, съ цѣлью придать разказу болѣе русской колоритъ. Такъ, напримѣръ, въ разказѣ о двухъ дѣвушкахъ, ударившихся въ вышній науи („Всякая Всячина“, № 45; Sp. III. 24), вставлена такая фраза: „Я бы имъ отвѣтствовалъ кулакомъ; но я боленъ; да сверхъ того дѣвки такыя, чтобъ онѣ сами меня съѣздили въ рожу“.

Что касается собственно составленія статей изъ заимствованнаго матеріала (переведеннаго дословно или передѣланнаго), то здѣсь можно указать нѣсколько приемовъ, употребляемыхъ сотрудниками русскаго журнала.

1) Въ большинствѣ случаевъ передѣлывается или переводится для статьи „Всякой Всячины“ *одна* разказъ „Спектатора“ (Таковы №№ 1 (Sp. I. 1), 6 (Sp. I. 7), 14 (Sp. I. 11), 27 (Sp. V. 7), 36 (Sp. I.

27). 45 (Sp. III. 24), 65 (Sp. IV. 2), 71 (Sp. VI. 53), 74 (Sp. I, 17). 75 (Sp. V. 14). 94 (Sp. V. 22). 103 (Sp. I. 5), 117 (Sp. I, 40). 123 (Sp. II. 50). 131 (Sp. II. 28). 137 (Sp. II. 61), 139 (Sp. I. 28). 147 (Sp. II. 10), 170 (Sp. II, 16).

2) Нѣсколькѣ разказовъ подлинника, помѣщенныхъ въ одномъ номерѣ журнала, а иногда и въ нѣсколькихъ номерахъ, соединяются въ „Всякой Всячигѣ“ въ одинъ, при чемъ сущность ихъ вполнѣ сохраняется. Таковъ, напримѣръ, разказъ о женѣ, которая до свадьбы имѣла красавицей, а послѣ свадьбы оказалась безобразною старухой („Всякая Всячина“, № 91; Sp. I. 29). Первая часть разказа взята изъ письма, которое пишетъ „Спектатору“ несчастный мужъ этой красавицы, вторая же — изъ разказа самого автора статьи о любовницѣ одного изъ его друзей. Другая статья, помѣщенная въ „Всякой Всячигѣ“ подъ № 109, составлена изъ двухъ различныхъ разказовъ „Спектатора“ (I. 37 и V 68).

3) Обратно — одинъ разказъ „Спектатора“ разбивается въ „Всякой Всячигѣ“ на нѣсколько статей. Примѣромъ можетъ служить № 29 I-го тома „Спектатора“, откуда заимствованы въ „Всякой Всячигѣ“ двѣ статьи: № 81 и № 158.

4) Иногда въ разказѣ, новидному оригинальный, вставляется отрывокъ изъ статьи „Спектатора“. Такова, напримѣръ, статья помѣщенная въ „Всякой Всячигѣ“ подъ № 57), гдѣ приводится письмо изъ Астрахани о пьяницѣ и скуномъ. Конецъ этой статьи, то-есть, отвѣтъ на письмо, заимствованъ „Всякою Всячиною“ дословно изъ „Спектатора“ (VI, 6).

5) Наконецъ, иногда въ статьѣ „Всякой Всячины“ вліяніе „Спектатора“ отражается въ общемъ духѣ или въ отдѣльной фразѣ, хотя ближайшій источникъ русской статьи указать невозможно. Напримѣръ, въ статью „Всякой Всячины“ о современныхъ модахъ, источникъ которой мы затрудняемся указать въ англійскомъ журналѣ, вставлено заимствованное изъ послѣдняго упоминаніе о „нѣкоемъ проповѣдникѣ“, который въ своихъ проповѣдяхъ нападалъ на дамскіе уборы („Всякая Всячина“, № 145; ср. Spectateur, II, 7).

Кто былъ „перекрапывателемъ на свой салтыкъ“ статей англійскаго журнала? Какъ извѣстно, вопросъ о сотрудникахъ „Всякой Всячины“ до сихъ поръ не разрѣшенъ. Мы имѣемъ положительное свидѣтельство лишь объ участіи въ немъ императрицы Екатерины II. Въ „Опытѣ“ Новикова встрѣчаемъ весьма неопредѣленное указаніе,

что издателемъ „Всѣкой Всѣчины“ былъ Козицкій¹⁾. Мы склонны думать, что участие Козицкаго заключалось въ завѣдываніи общей редакціей журнала, въ корректурѣ доставляемаго матеріала и, быть можетъ, въ поправкѣ присылаемыхъ императрицею статей. Весьма также вѣроятно, что Козицкому принадлежать и переводы (или часть ихъ) изъ латинскихъ авторовъ, помѣщенные въ „Варышкѣ Всѣкой Всѣчины“. Но допустить, что онъ былъ передѣльвателемъ статей „Спектатора“, едва-ли возможно, въ виду серьезнаго характера какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ трудовъ, принадлежность которыхъ ему засвидѣтельствована положительно. Перебирая возможныхъ сотрудниковъ „Всѣкой Всѣчины“, взиншихъ на себя передѣлку статей „Спектатора“, мы остановились на И. П. Елагинѣ. Еще ранѣе, за нѣсколько лѣтъ до появленія „Всѣкой Всѣчины“, Елагинъ занимался подобною передѣлкою статей иностранныхъ сатирическихъ журналовъ. Именно въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ (1754—1765), среди немалаго количества переводовъ изъ различныхъ иностранныхъ журналовъ, мы находимъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Авторъ“, представляющихъ *единственную передѣлку* иностраннаго сочиненія, и эта передѣлка принадлежитъ Елагину. Онъ самъ заявляетъ въ концѣ послѣдней статьи, что переводилъ не дословно, иное выпустилъ, другое прибавилъ отъ себя, стараясь статью иностраннаго автора примѣнить къ русскимъ нравамъ, къ русскому быту²⁾. Выше мы видѣли, что именно таковы всѣ передѣлки статей „Спектатора“ во „Всѣкой Всѣчинѣ“.

Остается рѣшить вопросъ, могъ ли быть Елагинъ сотрудникомъ „Всѣкой Всѣчины“. Сказать положительно, что онъ былъ имъ, разумѣется, нельзя, за отсутствіемъ точныхъ свидѣтельствъ. Но, что въ этомъ предположеніи много вѣроятнаго, мы постараемся доказать, сгруппировавъ здѣсь кое-какія данныя, подтверждающія нашу мысль.

Мы знаемъ, что дѣятельное участие въ журналѣ принимала сама Екатерина II; знаемъ также, что императрица не разъ привлекала къ своимъ литературнымъ занятіямъ приближенныхъ къ ней лицъ³⁾.

¹⁾ „Матеріалы“ *Ефремова*, стр. 53.

²⁾ *Ежемесячные Сочиненія*, I, 12, стр. 56.

³⁾ Известно, наиримѣръ, что въ 1767 г. она перевела „Велизарія“ Мармонтеля вмѣстѣ съ Орловыми, Шуваловыми, Елагинимъ и др.; нѣсколько позже (въ 1783 г.) Левъ Нарышкинъ подъ именемъ Каюника принималъ участіе въ ея литературныхъ трудахъ (См. *Леккерскій*, Матеріалы для журнальной дѣятельности Екатерины II).

Оближеніе ея съ Елагинимъ относится еще къ 1757 году: въ этомъ году онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ въ петербургскихъ интригахъ гр. Понятовскаго. Когда въ февралѣ 1758 года былъ арестованъ канцлеръ графъ Вестужевъ-Рюминъ, заподозренный вмѣстѣ съ фельд-маршаломъ Апраксинымъ въ заговорѣ въ пользу великой княгини Екатерины Алексѣевны. Елагинъ былъ тоже взятъ подъ стражу, какъ одинъ изъ довѣреннѣйшихъ кліентовъ заговорщиковъ, вмѣстѣ съ В. Е. Адауровымъ и брильянтичикомъ Бернгарди. Какое наказаніе постигло его, объ этомъ не имѣется положительныхъ свѣдѣній. По свѣдѣтельству Гельбига, онъ былъ сосланъ въ свое Казанское имѣніе. Когда взошла на престолъ Екатерина, она немедленно вызвала Елагина ко двору и, не смотря на то, что Орловы не очень къ нему благоволяли, щедро наградила его за его преданность. Тогда же въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Елагинъ былъ опредѣленъ въ „Кабинетъ при собственныхъ Ея Величества дѣлахъ у приватнъ челобитенъ“. Въ 1768 году, оставался при Кабинетѣ императрицы, Елагинъ былъ назначенъ сенаторомъ и главнымъ директоромъ театровъ¹⁾. Такимъ образомъ, Елагинъ весьма близко стоялъ къ главному руководителю „Всякой Всячины“—императрицѣ Екатеринѣ. Въ современныхъ „Всякой Всячинѣ“ журналахъ мы встрѣчаемъ намеки, что издателя „Всякой Всячины“—придворные господа и высокопоставленные лица. Наконецъ, въ самой „Всякой Всячинѣ“ мы находимъ описаніе ея сотрудниковъ. Изображеніе одного изъ членовъ общества издателей журнала довольно близко подходитъ къ Елагину, судя по сохранившемуся портрету его и по тому, что мы о немъ знаемъ. На стр. 46 „Всякой Всячины“ находится такое описаніе одного изъ сотрудниковъ журнала: „И не величекъ; приземистъ, часто запыхаюсь. широка рожа. занкаюсь, когда сердить. немножко хромъ, отъ части кося, глухъ на одно ухо. руки длиннѣе колѣнъ. брюхо у меня остро. пошу кафтаны одного цвѣта по году. по два, а иногда и по три“. Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 462). вѣроятно, о немъ же говорится: „Другій повыше сего и почергѣ маленько; брови выросли кустомъ, пось птичій. борода подалась впередъ и спорить съ носомъ, кому первѣ войти въ ротъ; рыбъ прызвычайно; въ прочемъ весьма знающъ; въ свѣтѣ побывалъ и все видывалъ. по памяти мало“.

¹⁾ Объ Елагинѣ см. статью *Лонилова* въ *Русской Старинѣ*, т. II, стр. 197—200. Также статью *М. Семевскаго* „Противники Фридриха Великаго“ (*Воспитный Сборникъ*, 1862 г., № 6, стр. 293).

Въ послѣднемъ описаніи нельзя не замѣтить каррикатурности въ изображеніи физическихъ чертъ, почему мы и не рѣшаемся придавать ему какое-либо значеніе. Что же касается перваго изображенія, то въ немъ, какъ намъ кажется, можно почерпнуть нѣкоторыя указанія относительно внѣшности Елагина. Сохранившіеся портреты изображаютъ его дѣйствительно съ широкимъ лицомъ (широка рожа); далѣе, мы знаемъ, что въ концѣ 1768 года Елагинъ былъ боленъ подагрой ¹⁾; очень вѣроятно, что эта болѣзнь заставляла его хромать (немножко хромъ). Указаніе, „впрочемъ весьма знающъ“ вполне сходится съ отзывомъ современниковъ объ изумительной начитанности Елагина ²⁾. Сдѣлаемъ еще одно указаніе, которое, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго нами предположенія. Въ своей статьѣ о Лукинѣ г. Пыпинъ приводитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о враждебномъ отношеніи къ этому писателю нашихъ сатирическихъ журналовъ, между прочимъ, и „Велкой Велчины“ ³⁾. Мы, напротивъ, видимъ по „Велкой Велчинѣ“ единственный изъ журналовъ, взявшій всѣми осмѣиваемаго автора комедій подъ свою защиту. Напечатавъ письмо, заключающее въ себѣ нападку на передѣланную Лукинскимъ комедію Колле „Dernis et Doronpals“, „Велкая Велчина“ непосредственно подъ нимъ помѣщаетъ такую замѣтку: „Для сочинительницы сего писма мы почитаемъ за нужию перевести французскую пословицу: критика легка, но искусство или ремесло не легко. Въ теперешнемъ положеніи наукъ у насъ, мы думаемъ, что гораздо нужнѣе поощреніе сочинителей, переводчиковъ и молодыхъ людямъ, кои посвящаютъ себя наукамъ, нежели строгая критика. И такъ нѣсколько взлнпншихъ а, а; и одно или два выраженія, къ коимъ уши не привыкли, и кои суть слѣдствія перевода, еще не довольны для доказательства, что цѣлый переводъ не соотвѣтствуетъ желанію трудящагося, чтобъ удовлетворять другими глазами смотрящую на представленіе публику. Мѣлкіе пороки находятсѣ въ совершеннѣйшихъ сочиненіяхъ. Но во обще чѣмъ болѣе будетъ переводовъ и сочиненій, тѣмъ болѣе будемъ имѣть надежды получить со временемъ лучшія, а можетъ быть и совершеннѣйшія. Башни не строить начинавъ съ верху, но напротивъ того съ низу“.

¹⁾ См. Письмо гр. Разумовскаго къ П. П. Шувалову, въ изданіи „XVIII вѣкъ“, стр. 613.

²⁾ „Матеріалы“ *Ибрамова*, стр. 136.

³⁾ Сочиненія В. Лукина, стр. XX сл.

Если мы вспомнимъ, что Лукинъ, будучи личнымъ секретаремъ Елагина, пользовался большимъ довѣріемъ и покровительствомъ послѣдняго, то въ томъ обстоятельствѣ, что „Всякая Всячина“ одна явилась его защитницей, не трудно будетъ видѣть подтвержденію нашего мнѣнія объ участіи въ ней И. П. Елагина. Въ статьяхъ, помѣщенныхъ во „Всякой Всячинѣ“ подь №№ 74 и 75, нельзя видѣть, какъ это дѣлаетъ г. Пыпинъ ¹⁾, нападокъ на Лукина, тѣмъ болѣе, что и онѣ цѣлкомъ были заимствованы изъ „Спектатора“.

III.

„Всякая Всячина“ не ограничивалась перескакиваніемъ на свой салтыкъ статей славнаго Англійскаго Смотрителя; подражаніе и заимствованіе шло гораздо далѣе. Оно выражалось какъ въ выборѣ предметовъ, которые предавала осмѣянію „Всякая Всячина“, такъ и въ тонѣ и манерѣ ея сатирическихъ нападокъ и даже въ самомъ взглядѣ ея на цѣль и значеніе сатиры. Профессоръ Буличъ осыпаетъ похвалами „Всякую Всячину“ за ея умѣніе „подмѣчать легкія, ежедневныя, исчезающія черты и смѣшныя стороны“. Но можно сомнѣваться, оказалось ли бы это умѣніе у издателей „Всякой Всячины“, еслибы у нихъ не было подь руками англійскаго журнала. Разсматривая „Всякую Всячину“ въ связи со „Спектаторомъ“, мы должны всѣ похвалы, высказанныя г. Буличемъ по ея адресу, всецѣло отнести къ англійскому журналу. Нельзя, по крайней мѣрѣ, указать почти ни одного явленія обыденной жизни, которое раньше не было бы отмѣчено „Спектаторомъ“. Вообще должно замѣтить, что самостоятельно „Всякою Всячиною“ былъ выдвинутъ лишь одинъ вопросъ — о подъячихъ, да и то, какъ кажется, нападки на „кранивное сѣмя“ шли со стороны и приѣхъ ли принадлежали кому-либо изъ членовъ общества издателей „Всякой Всячины“. Надо вспомнить и то, что гораздо раньше, еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, неутомимымъ обличителемъ подъячихъ являлся Сумароковъ. Въ своемъ обзорѣни предметовъ сатиры „Всякой Всячины“ мы послѣдуемъ Аванасьеву, который—по указанію, впрочемъ, г. Галахова ²⁾—группируетъ недостатки Бибатерининскаго общества по двумъ отдѣламъ: къ первому отнести тѣ, которые происходили отъ небѣзестна, а ко второму тѣ,

¹⁾ Сочиненія Лукина, стр. XXXV—XXXVI.

²⁾ См. рецензію г. Галахова на сочиненіе профессора Булича „Сумароковъ и современная ему критика“, *Отечественныя Записки*, 1854 г., июль.

причина которых заключалась въ провратно понятой, ложной цивилизаціи.

Одно изъ видныхъ мѣстъ среди предметовъ, подвергавшихся обсужденію на страницахъ „Спектатора“, занимаетъ вопросъ о воспитаніи дѣтей. „Спектаторъ“ подробно трактуетъ о наилучшихъ способахъ воспитанія, о томъ, къ чему должно быть направлено воспитаніе, и какихъ результатовъ должно оно достигать въ отношеніи какъ юношей, такъ и дѣвушекъ. Среди такихъ разсужденій онъ останавливается на уродливости стараго воспитанія мальчиковъ, направленнаго лишь къ тому, чтобы выкормить и вырастить юношу, и нисколько не заботящагося объ образованіи ума и характера. Онъ даетъ намъ нѣсколько характеристикъ подобныхъ „недорослей изъ дворянъ“, выросшихъ на попеченіи заботливыхъ мамзенокъ ¹⁾. Во „Всякой Всячинѣ“ мы находимъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ подобнаго же воспитанія дворянскихъ дѣтей, вся суцность котораго заключалась въ томъ, чтобы какъ можно болѣе кормить дитя, и какъ можно менѣе набивать ему голову науками. Этими сближеніемъ „Всякой Всячины“ со „Спектаторомъ“ мы вовсе не хотимъ сказать, что первая рабски подражала здѣсь англійскому журналу. Напротивъ, въ картинкахъ воспитанія, нарисованныхъ „Всякою Всячиной“, мы признаемъ значительную долю самостоятельности, тѣмъ болѣе, что намъ совершенно неизвѣстно, кому принадлежать эти статьи, то-есть, вышли ли онѣ изъ редакціи журнала, или присланы къ-мъ-либо изъ постороннихъ сотрудниковъ.

„Всякая Всячина“ не оставила безъ вниманія жизни большинства современныхъ русскихъ помѣщиковъ: она смѣялась надъ ихъ бездѣльнымъ житьемъ въ деревнѣ, надъ провожденіемъ времени въ охотѣ и попойкахъ или безпросыпномъ спаньѣ съ утра до вечера. Здѣсь невольно бросается въ глаза ея сходство со „Спектаторомъ“, который въ своихъ полныхъ юмора очеркахъ изображаетъ джентльменовъ, убивающихъ время въ охотѣ, держащихъ пари, кто кого перенесетъ, или цѣлые дни проводящихъ въ спаньѣ ²⁾. Любопытный типъ помѣщика,

¹⁾ См., напримѣръ, *Ср.* II, 23: Она (мать молодого человѣка) нашла въ скоромъ времени, что чтеніе утомляетъ глаза, а писаніе причиняетъ ему (ея сыну) жестокою головную боль. Онъ былъ оглушенъ въ лѣсъ, лишь только научился ѣздить верхомъ и носить на плечѣ ружье. Словомъ, по отъѣзду моего друга, я нашелъ, что молодой человѣкъ имѣетъ добрый запасъ здоровья, но отнюдь ничего иного.

²⁾ *Ср.* II, 54. Я носмѣю валять этотъ дневникъ не только потому, что онъ содержитъ дѣянія Николая Гартга, но также и потому, что наглядно представ-

занимающагося визаніемъ чулокъ, дѣлающаго мельницъ изъ щенокъ и кораблей изъ бумаги и въ то же время отличнаго охотника, изъять „Всякой Всячиной“ (съ незначительными измѣненіями) изъ „Спектатора“¹⁾.

Суевѣрію по „Всякой Всячинѣ“ посвящена лишь одна статья, и эта единственная статья оказывается, какъ было указано выше, почти дословнымъ переводомъ одного изъ разказовъ „Спектатора“²⁾.

Вопросъ о взяточничествѣ обсуждался во „Всякой Всячинѣ“ почти исключительно въ примѣненіи къ подъячимъ. Пошито, что въ нападкахъ „Всякой Всячины“ на подъячихъ „Спектаторъ“ былъ нисколько несовѣстенъ. Но мы должны отмѣтить, что взгляды на взяточничество, приписываемые изслѣдователями нашихъ сатирическихъ журналовъ Екатерины II, не принадлежали самой императрицѣ. Извѣстная фраза: „Какъ бы подаркомъ ни называли, все они суть покрываломъ подкупа“, находится въ статьѣ, которая почти цѣлякомъ переведена изъ „Спектатора“³⁾.

Изслѣдователи наши справедливо указываютъ, что, попадая на невѣжество, русская журнальная сатира въ то же время сумѣла критически отнестись къ ложной, чисто виѣшней образованности, которую предки наши съ такою легкостью усвоили отъ французовъ. По словамъ Аопасьева, это умлеченіе виѣшностью европейской жизни очещъ понятно: русское общество, при первомъ знакомствѣ съ Европою, стояло на весьма невысокой ступени умствешаго и нравственнаго образованія. „Медленно и съ трудомъ усвоившая себѣ богатые свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы, какъ дѣти, бросились на то, что кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостью и блестящею

жизнью добраго числа благородныхъ англійскихъ джентльменовъ, которые ограничиваются званіемъ, дремотой, потягиваніемъ, поштыгиваніемъ на другой бокъ, снащенъ, нитьемъ и другими подобными занятіями, достойными ихъ положенія. См. также II, 32: Огромное число нашихъ деревенскихъ джентльменовъ... разламается тѣмъ, что тушить возможно скорѣе ту искру разума, которая свѣтится въ нихъ, когда они трезвы. Эти милые дебоширы только и стремятся къ тому, чтобы притупить съ возможною тщательностью свои чувства: они пьютъ до потери вкуса вина, курятъ, пока нѣтъ имъ въѣсть глаза, и воютъ до тѣхъ поръ, пока дѣлаются не въ состояніи слушать самихъ себя.

¹⁾ *Всякая Всячина*, № 170; Sp. II, 16. См. выше.

²⁾ *Всякая Всячина*, № 6; Sp. I, 7. См. выше.

³⁾ *Всякая Всячина*, № 75, стр. 200 (ошибочно напечатано 100); Sp. V, 14. См. выше.

комъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія¹⁾). Но не одни мы оказались дѣтьми въ этомъ отношеніи: французскій блескъ ослѣпляя и холодныхъ, разсудительныхъ сыновъ Альбіона, и глубокомысленныхъ иѣмцевъ. Въ одной изъ своихъ статей „Спектаторъ“ замѣчаетъ, что, при всемъ своемъ пламенномъ желаніи мира, онъ боится его дурныхъ послѣдствій не въ отношеніи политическомъ, а въ отношеніи нравственности. „Какое наводненіе лести и парчи хлынетъ на насъ!“—воскликаетъ онъ—„Какимъ издѣвательствамъ, какимъ насмѣшкамъ подвергнемся мы тогда! Я желалъ бы отъ всего сердца, чтобы для предупрежденія этихъ бѣдствій былъ изданъ парламентскій указъ, запрещающій ввозъ галантерей изъ Франціи“²⁾). Въ цѣломъ рядѣ англійскихъ и иѣмецкихъ правоучительныхъ журналовъ мы встрѣчаемъ безпрерывныя нападки на пристрастіе ко всему французскому, находимъ сатиру на петиметровъ и кокетокъ, насмѣшки надъ воспитаніемъ на французскій манеръ, надъ роскошною жизнью не по средствамъ, модами и прочее. Несомнѣнно, что такое враждебное отношеніе иностранныхъ журналовъ къ французамъ не оставалось безъ вліянія на нашу сатирическую журналистику и въ частности на „Всякую Всячину“.

Если въ изображеніи стариннаго неѣжества и его слѣдствій, въ нападкахъ на подъячихъ и на взяточничество „Всякая Всячина“, находилъ подъ песимѣннымъ вліяніемъ „Спектатора“, все-же дала нѣсколько самостоятельныхъ разказовъ, отличающихся при томъ яркостью красокъ, то здѣсь, въ нападкахъ на ложную образованность, на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія, въ картинахъ модныхъ щеголей и щеголихъ, мы не можемъ указать ни одной черты, которую можно было бы отнести къ наблюдательности издателей журнала.

На стр. 325 „Всякая Всячина“ рисуетъ намъ картину моднаго воспитанія дѣвицы; въ другомъ мѣстѣ, на стр. 124, мы находимъ изображеніе двухъ дѣвушекъ, ударившихся „въ вышнія науки“. Какъ та, такъ и другая статья цѣликомъ переведены изъ „Спектатора“.

Указывая на вольность обращенія мужчинъ съ женщинами, на моду, требовавшую, чтобы жена нигдѣ не показывалась съ мужемъ, „Всякая Всячина“ также только повторяла нападки своего образца. „Всѣ разговоры и манеры французовъ“, говорить „Спектаторъ“ въ одной изъ своихъ статей,—направлены исключительно къ тому, чтобы

¹⁾ *Annuaire*, I, с., стр. 179.

²⁾ *Sp.* I, 33.

сдѣлать женщину болѣе распущенной, или, какъ онѣ любятъ выражаться о самихъ себѣ, болѣе живой, нежели это позволяютъ добродѣтель и скромность. Говорить чрезвычайно громко въ общественныхъ собраніяхъ и во всеуслышаніе произносить такія вещи, о которыхъ не должно говорить иначе какъ наединѣ или на ухо,—все это показываетъ хорошее воспитаніе; между тѣмъ какъ стыдъ, заставляющій краснѣть, совѣмъ не въ модѣ, и молчаніе считается болѣе неприличнымъ, нежели все, что бы ни говорилось совѣмъ не кстатѣ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется на манеру дамъ говорить при дѣтяхъ все, называя всѣ вещи ихъ собственными именами²⁾. Поведеніе женщинъ въ церкви, заслужившее осужденіе „Спектатора“, подверглось нападкамъ и со стороны „Всякой Всячины“³⁾. По указанію того же „Спектатора“, „Всякая Всячина“ обращаетъ свое вниманіе на моду, предававшую осмѣянію любовь между супругами. Въ одной изъ своихъ статей „Спектаторъ“ приводитъ письмо молодой барыни къ живущей въ деревнѣ подругѣ, содержащее въ себѣ наставленія, какъ надо держать себя въ обществѣ, чтобы не возбудить насмѣшекъ. „...Въ качествѣ добраго друга, заботицагося о вашей репутациі, я желала бы дать вамъ небольшое наставленіе на первый случай, когда вы покажетесь въ городѣ, какъ замужняя женщина. Быть можетъ, нѣсколько заносчиво желать давать совѣты замужней женщинѣ; но я такъ сильно боюсь, чтобы вы не представили изъ себя глупой фигуры съ вашей супружеской любовью, что не могу удержаться, чтобы не предупредить васъ, что вы должны никогда не показываться съ вашимъ мужемъ въ одно мѣсто и томъ же публичномъ мѣстѣ, ни прогуливаться вмѣстѣ по парку св. Іакова. Если васъ увидятъ съ нимъ въ каретѣ на прогулкѣ въ Гайдъ-Паркѣ,—вы погибали безвозвратно. Точно также вы не должны заботиться другъ о другѣ ни въ Комедіи, ни въ Оперѣ, если вы не хотите, чтобы надъ вами смѣялись и дали вамъ прозвище счастливой четы, соединенной пріятнымъ игромъ супружества“⁴⁾. Это прекрасное письмо ярко рисуетъ намъ отношенія между супругами, установленныя современною модой. И „Всякая Всячина“ нашла нужнымъ указать точно такія же отношенія супруговъ въ современномъ ей обществѣ: любовь свойственна однимъ мѣщанамъ; людямъ высшаго общества женъ своихъ любить неприлично. „Привы-

¹⁾ *Sp.* I, 33.

²⁾ *Sp.* IV, 59; ср. *Всякая Всячина*, стр. 158.

³⁾ *Sp.* V, 7; *Всякая Всячина*, стр. 80 (№ 27).

⁴⁾ *Sp.* III, 30.

завность твоя къ жепѣ“—отвѣчаютъ мужу, влюбленному въ свою жену,—„причиняетъ сей смѣхъ потому, что ничего страннѣе нѣту, какъ видѣть мужа и жену, влюбленныхъ другъ въ друга“¹⁾.

Изображенія петиметровъ и цеголихъ, насмѣшки надъ страстью женщинъ къ нарядамъ, къ моднымъ прическамъ, къ мушкамъ, бѣлиламъ и румянамъ—представляютъ въ огромномъ большинствѣ не только подражаніе, но прямыя заимствованія изъ „Спектатора“²⁾. Среди не-малого количества этого рода статей можно указать лишь очень немногіе оригинальныхъ, написанныхъ, впрочемъ, тоже подъ несомнѣннымъ вліяніемъ англійскаго журнала. То же самое должно сказать и относительно единственной статьи „Всякой Всячины“, направленной противъ роскоши: она цѣликомъ заимствована изъ „Спектатора“³⁾.

Мотовство и неоплатные долги, въ которые впадали владѣльцы большихъ состояній, много разъ привлекали вниманіе „Спектатора“. Онъ не разъ указываетъ на охватившее англійское общество стремленіе жить возможно роскошнѣе, часто далеко не по средствамъ, слѣдствіемъ чего являются неоплатные долги. „Пани джентльмены,—пишетъ онъ,—почти всѣ въ долгахъ, и есть много семействъ, гдѣ это несчастіе сдѣлалось какъ бы наследственнымъ и продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отецъ закладываетъ свои земли въ самой нѣжной юности своего старшаго сына, и этотъ послѣдній женится раньше, нежели придетъ въ возрастъ, чтобы выкупить земли и найдти средство выплатить приданое своимъ сестрамъ. Это не мѣшаетъ ему, если вамъ угодно, распутничать съ женщинами, держать открытый столъ, кормить стаю собакъ, какъ подобаетъ истинному англійскому джентльмену, до тѣхъ поръ, пока онъ не заложитъ половины своего имѣнія“⁴⁾. Эти указанія „Спектатора“ на мотовство не остались не замѣченными „Всякой Всячиной“, и въ одной изъ своихъ статейъ она рисуетъ суиругонъ, которые, имѣя изрядное состояніе, пріѣхали въ Петербургъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ промотали все до послѣдней нитки⁵⁾. Какъ „Спектатор“, она нападаетъ на женщинъ, своими прихотями разоряющихъ мужей.

Кромѣ сатирическихъ нападокъ на современные пороки, мы пахо-

¹⁾ *Всякая Всячина*, стр. 299.

²⁾ См., напримеръ, *Всякая Всячина*, №№ 91 (*Sp.* I, 29), 109 (*Sp.* I, 37), 145, 158 (*Sp.* I, 29).

³⁾ *Всякая Всячина*, № 14; *Sp.* I, 11.

⁴⁾ *Sp.* I, 65.

⁵⁾ *Всякая Всячина*, № 92 (стр. 239 сл.).

димъ во „Всякой Всячины“ статьи, имѣющія характеръ правоученія или разсужденія. Многія изъ этихъ статей заимствованы также изъ „Спектатора“. Таково происхожденіе разсужденій „Всякой Всячины“ о предѣлѣ нравства, о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, о преобладающихъ чертахъ въ характерѣ мужчинъ и женщинъ ¹⁾; со словъ же „Спектатора“ русскій журналъ дѣлитъ своихъ читателей на два разряда: на любителей веселыхъ, насмѣшливыхъ статей и на почитателей сухой, строгой морали ²⁾).

Почти всѣ изслѣдователи русскихъ сатирическихъ журналовъ останавливались болѣе или менѣе подробно на полемикѣ, возникшей между „Всякой Всячиной“ и „Трутнемъ“ относительно цѣли и предѣловъ сатиры. Одни—г. Вуличъ и Лопатевъ—ограничились изложеніемъ фактической исторіи спора, другіе—гг. Невеленовъ и Шумигорскій—пытались такъ или иначе объяснить несимпатичные имъ взгляды „Всякой Всячины“ и, слѣдовательно, ея главнаго редактора—императрицы Екатерины. Въ своей любопытной брошюрѣ „Императрица—публицистъ“ г. Шумигорскій удачною комбинаціей фактовъ пытается установить послѣдовательность императрицы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ литературныхъ взглядахъ. Въ ея правилахъ „не цѣлѣть въ особь, а единственно въ пороки“ онъ видитъ твердо установленный ею и послѣдовательно проводившійся принципъ осторожности и осмотрительности. Г. Невеленовъ идетъ далѣе: онъ усматриваетъ въ этомъ осторожномъ отношеніи къ личности, въ этой снисходительности къ пороку вліяніе матеріалистическихъ идей, усвоенныхъ Екатериною отъ французскихъ философовъ ³⁾. Справедливость этихъ домысловъ очень сомнительна, такъ какъ дѣло объясняется гораздо проще: взгляды эти были продиктованы „Всякой Всячинѣ“ все тѣмъ же „Спектаторомъ“. Послѣдній рѣзко отдѣляетъ сатиру на пороки отъ сатиры на лицо: онъ признаетъ только первую и рѣшительно возстаетъ противъ послѣдней. Поставивъ себѣ правиломъ „не цѣлѣть на особь, а единственно на пороки“, „Всякая Всячина“ повторила слова англійскаго журнала: „Если я нападаю на порочныхъ, то я обрушиваюсь на все ихъ сословіе, и какъ бы ни дурень былъ поступокъ со мною другихъ, и все же не рѣшусь никогда взять примѣромъ одного виновнаго.—И буду разсматривать пороки такимъ, какимъ онъ кажется, какъ родъ,

¹⁾ *Всякая Всячина*, № 57, *Sp.* VI, 6; № 94, *Sp.* V, 22; № 131, *Sp.* II, 28.

²⁾ *Всякая Всячина*, № 123; *Sp.* II, 50.

³⁾ *Невеленовъ*, Литер. направленія въ Екатерин. эпоху. С.—Иб. 1889, стр. 79.

а не такимъ, какъ онъ проявляется въ отдѣльной личности¹⁾). Уна-
женіе къ личности заставляетъ „Спектатора“ отказываться въ помѣ-
щеніи на своихъ страницахъ такихъ писемъ, въ которыхъ выставли-
лись на посмѣяніе проступки извѣстныхъ личностей и разказывались
скандальныя исторіи. „Надобно знать моимъ корреспондентамъ, гово-
рить журналъ по этому поводу, что помѣщеніе мое состоитъ вовсе не
въ томъ, чтобы предавать гласности разные интриги и нарушенія
супружеской вѣрности и вытаскивать безславяція приключеньца изъ
ихъ темныхъ нѣдръ, чтобы выставить ихъ при полномъ свѣтѣ“²⁾).
Тѣми же взглядами руководилась и „Всякая Всячина“, отказывая
своимъ корреспондентамъ помѣщать статьи, въ которыхъ видѣлось
стремленіе цѣлить на osoby (№ 76) или затрогивалась семья (№ 47).
Замѣчательно, что противоположные взгляды были высказаны „Трут-
немъ“—журналомъ, въ которомъ всего менѣе видно слѣдовъ подра-
жанія „Спектатору“. Полемизируя съ „Трутнемъ“, „Всякая Всячина“
напечатала цѣлый рядъ статей, содержащихъ нападки на писателей,
не жалѣющихъ для показанія своей остроты матери, жены, сестеръ,
братьевъ, друзей³⁾). По мнѣнію „Всякой Всячины“, такіе писатели
приносятъ огромный вредъ обществу. Нельзя, разумеется, отрицать,
что въ этихъ нападкахъ проглядываетъ личное чувство недоброжела-
тельности къ „Трутню“; но, съ другой стороны, въ нихъ видно не-
сомнѣнное вліяніе взглядовъ „Спектатора“. Последній настойчиво об-
рушивается на сатириковъ, имѣющихъ въ виду личность: это его за-
клятые враги. Для нихъ только онъ отступаетъ отъ своего правила
не затрогивать личность и общається преслѣдовать ихъ всѣми силами.
Онъ сравниваетъ такихъ людей съ разбойниками и убійцами, по его
мнѣнію, это—чудовища, которыя не могутъ быть терпимы въ цивили-
зованномъ обществѣ⁴⁾). Онъ требуетъ гуманнаго отношенія къ лю-
дямъ. „Гибельно умъ, если онъ не сопровождается добродѣтелью и
гуманностью“⁵⁾). И этотъ взглядъ вполне раздѣляла „Всякая Всячина“,
говори, что любовь къ ближнему должна больше простираться на снис-
хожденіе, нежели на исправленіе, что человѣкъ, желающій испра-
влять ближняго, долженъ имѣть челоуѣколюбіе. Напитанная взглядами

¹⁾ *Ср.* I, 12.

²⁾ *Ср.* I, 12.

³⁾ „Всякая Всячина“, стр. 402.

⁴⁾ *Ср.* I, 23.

⁵⁾ *Ср.* I, 23.

„Спектатора“, она однако не сумѣла развить ихъ съ такою послѣдовательностью и полнотою, какъ англійскій журналъ, и въ спорѣ съ „Грутцемъ“ выказала себя съ не совсѣмъ выгодной стороны.

Въ заключеніе нашего очерка изложимъ наши выводы въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Образцомъ для перваго нашего сатирическаго журнала послужилъ „Спектаторъ“.

2) Вліяніе „Спектатора“ не ограничивалось одной внѣшней стороною (форма и тонъ статей), но простиралось и на самое содержаніе „Всякой Всячины“.

3) Статьи, заимствованныя изъ „Спектатора“, являются во „Всякой Всячинѣ“ въ большинствѣ случаевъ въ передѣланномъ видѣ, но передѣлка нисколько не касается сущности статей.

4) Почти всѣ статьи „Всякой Всячины“, признаваемые важными для исторіи быта и правовъ общества Екатерининской эпохи, заимствованы изъ англійскаго журнала. Исключеніе составляютъ статьи, направленные противъ подъячихъ, и разказы, рисующіе старое воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей.

5) Взгляды „Всякой Всячины“ на задачу и предѣлы сатиры не принадлежали самой императрицѣ Екатеринѣ; они не вытекали изъ ея принципа осторожности и не были результатомъ вліянія материалистическихъ идей, усвоенныхъ ею отъ французскихъ философовъ, а всецѣло были заимствованы отъ „Спектатора“.

В. Солнцевъ.

БЕСѢДА ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ И ЮСА MONACHORUM.

Литературная исторія Бесѣды трехъ святителей мало по малу выясняется. Не буду перечислять изданій этого памятника, а также тѣхъ ученыхъ трудовъ, въ которыхъ находимъ замѣчанія о составѣ Бесѣды и объ ея отношеніяхъ къ другимъ памятникамъ древне-русской литературы ¹⁾. Укажу лишь на послѣднія, по времени, работы гг. *Архангельскаго*, *Красносельцева* и *Порфирьева* ²⁾.

Сравнительное изученіе рукописныхъ текстовъ, сходное заглавіе которыхъ указывало, повидимому, на пересказы одного и того же произведенія—„Бесѣды святителей“, привело г. Архангельскаго къ наблюденію, что за кажущимся и виѣшнимъ сходствомъ скрывается здѣсь глубокое внутреннее различіе. Въ ряду текстовъ, которые считались лишь разнообразными изводами „Бесѣды“, г. Архангельскій отмѣтилъ три отдѣльныхъ памятника, независимыхъ одинъ отъ другаго:

а) Вопросы и отвѣты Григорія Богословца и Василия ³⁾. „Содержаніе вопросовъ и отвѣтовъ — строго богословское, догматическое, бесѣда идетъ о воплощеніи Сына Божія и связанномъ съ этимъ во-

---

¹⁾ Обзорѣніе этихъ изданій и сочиненій см. въ соч. г. *Мочульскаго*: Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, гл. I, стр. 24—53. Ср. *М. Соколова*: Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, стр. 8.

²⁾ *Архангельскій*, Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Намеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—II, (Казань, 1889), стр. 89—203. *Красносельцевъ*, Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды трехъ святителей“ (Одесса, 1890). *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки (С.-Пб., 1890), стр. 113—127 и 378—402.

³⁾ Старѣйшій списокъ этой Бесѣды въ Изборникѣ Святослава 1073 г. (См. Опис. списод. рукон., II, 2, стр. 387).

просѣ о возможности или невозможности для человѣка видѣть божество и ангеловъ“ (стр. 92).

б) Вопросанія и отвѣты евангельскихъ словесъ, сказана Василиемъ и Осологомъ Григоріемъ ¹⁾. „Евангельскія словеса“ — притчи І. Христа; вопросанія и отвѣты содержатъ изложеніе и объясненіе этихъ притчъ.

в) Третій памятникъ встрѣчается въ двухъ видахъ: въ видѣ Бесѣды *трехъ* святителей и въ видѣ безыменныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, при чемъ раздѣльность этихъ двухъ формъ не всегда, впрочемъ, выдерживается: текстъ Бесѣды переходитъ нерѣдко въ рядъ анонимныхъ вопросовъ-отвѣтовъ ²⁾. Съ первымъ изъ указанныхъ памятниковъ (разговоромъ *двухъ* святителей) Бесѣда не имѣетъ никакого сходства: „въ томъ и другомъ рядѣ“ вопросовъ и отвѣтовъ „идеть *ни одного общаго*“. Въ первомъ памятникѣ вопросы „болѣе или менѣе тѣсно связаны между собою единствомъ содержанія, — эти вопросы всѣ болѣе или менѣе богословскаго характера, всѣ они относятся, такъ или иначе, къ предмету богословскому, догматическому, связаны общей идеей о возможности воплощенія при невидимости божества; здѣсь (въ Бесѣдѣ трехъ святителей) передъ нами нестрая смѣсь весьма разнообразныхъ вопросовъ, большая часть которыхъ относится вообще къ лицамъ и событіямъ *библейскимъ*, имѣя нерѣдко при этомъ характеръ *загадки*“ (стр. 100) ³⁾.

Первый изъ указанныхъ діалоговъ (Вопросы и отвѣты Василия и Григорія Богословца) — памятникъ переводный. Греческій его оригиналъ

¹⁾ Рукопись Румянцевскаго музея (XV вѣка) № VI (Ср. въ „Описаніи“... Востокова, стр. 10).

²⁾ Такъ въ спискахъ Бесѣды, изданныхъ проф. *Буслаевымъ* (Приложенія къ Рѣчи о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, отд. 4, стр. 2—5) и проф. *Арзамельскимъ* (ор. сіт. 195—203), первая половина вопросовъ и отвѣтовъ отмѣчена именами святителей (Василій рече... Григорій рече... Иванъ рече...), другая половина анонимна. Въ спискахъ, изданныхъ кн. *Власкинымъ* (Памятники древн. письменности, вып. I, стр. 88—91) и г. *Мочульскимъ* (ор. сіт. 241—262) въ надписаніи памятника упомянуты имена трехъ святителей; самыя вопросы анонимны. Древнѣйшій списокъ Бесѣды отыскавъ въ Сборникѣ сербскаго письма XIII—XIV вѣка, принадлежащемъ бѣлградскому профессору *Срнчковицу* (*Сикаловъ*. Материалы и Замѣтки, стр. 8; приведено нѣсколько выписокъ); изъ изданныхъ текстовъ старѣйшіе относятся къ XV вѣку: списокъ, изданный проф. *Тихонравовымъ* по рукописи Московской синодальной бібліотеки № 682 (Памяти. отреч. литер., II, стр. 429—432); списокъ, напечатанный проф. *Арзамельскимъ* по рукописи Румянцевскаго музея № VI (ор. сіт. 195—203).

³⁾ Ср. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія, стр. 119—120.

наль отиѣченъ былъ еще Востоковымъ по рукописи Коаленовой библиотеки, описанной Монфокономъ ¹⁾; другой списокъ указалъ г. Мочульскимъ въ рукоп. Моск. Синодальной библиотеки № 248 ²⁾. Г. Красносельцевъ отыскалъ третій списокъ греческаго діалога въ рукописи Андреевскаго скита на Аѳосѣ ³⁾. Текстъ этого списка изданъ одесскимъ ученымъ; въ примѣчаніяхъ „приводятся нѣкоторые изъ вариантовъ синодальнаго списка и славянскаго перевода“. Любопытны и цѣнны соображенія г. Красносельцева о полемическомъ значеніи діалога: „Очевидно, это совершенно цѣльное сочиненіе, написанное для уясненія частной мысли и, можетъ быть, для опроверженія довольно распространеннаго заблужденія, свойственнаго нѣкоторымъ еретикамъ, именно схизматамъ или мессалианамъ, о которыхъ извѣстно, что они допускали возможность видѣть тѣлесными очами Бога. Взятое само по себѣ, въ отдѣльности, мнѣніе это было довольно распространено не только въ еретической средѣ, гдѣ оно приняло отиѣнокъ суевѣрнаго догмата, но и въ средѣ православныхъ, особенно въ монастыряхъ, такъ какъ по происхожденію своему оно есть не столько плодъ еретичества, сколько низкаго уровня образованія, аскетическаго строя жизни и направленія мысли. Въ X и XI вѣкахъ оно особенно было сильно въ монастыряхъ Фракіи, откуда усвоено было и богошлями. И впоследствии оно не чуждо было монашеской средѣ, хотя уже въ смягченномъ видѣ и безъ еретической окраски“ (стр. 26—27).

Отыскался греческій первообразъ и для „вопросаній и отвѣтовъ евангельскихъ словесъ“. По указанію г. Архангельскаго, „статья своимъ содержаніемъ представляетъ почти *буквальная извлеченія* изъ одного сочиненія, приписываемаго Аонасію Александрійскому: *Ρήσεις καὶ ἐπιτηδεῖα παραβολῶν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου*, напечатаннаго у Migne'и, *Patrol. Coursus Compl. s. gr., t. XXVIII, col. 711 — 774*. Статьи впрочемъ нѣсколько измѣнена; встрѣчаются добавленія, распространенія, мѣстами придается форма вопросовъ и отвѣтовъ, мѣстами изложеніе переходитъ въ бесѣду Василия и Θεолога Григорія“ (стр. 117). Г. Архангельскій напечаталъ снова эту „статью, параллельно

¹⁾ Описаніе рукописей Руманцевскаго музея, стр. 503. Коаленова рукопись принадлежитъ X вѣку.

²⁾ Заглавіе: *Διάλογος τῶν ἁγίων Βασίλειου καὶ Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου*. Рукопись синодская XVII вѣка.

³⁾ Заглавіе: *Διάλεκτις ἢτοι διάλογος τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν Βασίλειου τοῦ Μεγάλου καὶ Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου*. Рукопись XVIII вѣка.

просѣ о возможности или невозможности для человѣка видѣть божество и ангеловъ“ (стр. 92).

б) Вопросы и отвѣты евангельскихъ словесъ, сказана Василіемъ и Осомогомъ Григоріемъ ¹⁾. „Евангельскія словеса“ — притчи І. Христа; вопросы и отвѣты содержатъ изложеніе и объясненіе этихъ притчъ.

в) Третій памятникъ встрѣчается въ двухъ видахъ: въ видѣ Бесѣды *трехъ* святителей и въ видѣ безыменныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, при чемъ раздѣльность этихъ двухъ формъ во всегда, впрочемъ, выдерживается: текстъ Бесѣды переходитъ чертѣко въ рядъ анонимныхъ вопросовъ-отвѣтовъ ²⁾. Съ первымъ изъ указанныхъ памятниковъ (разговоромъ *двухъ* святителей) Бесѣда не имѣетъ никакого сходства: „въ томъ и другомъ рядѣ“ вопросовъ и отвѣтовъ „идеть *ни одного общаю*“. Въ первомъ памятникѣ вопросы „болѣе или менѣе тѣсно связаны между собою единствомъ содержанія, — эти вопросы себѣ болѣе или менѣе богословскаго характера, всѣ они относятся, такъ или иначе, къ предмету богословскому, догматическому, связаны общей идеей о возможности воплощенія при невидимости божества; здѣсь (въ Бесѣдѣ трехъ святителей) передъ нами лестрая себѣ весьма разнообразныхъ вопросовъ, большая часть которыхъ относится вообще къ лицамъ и событіямъ *библейскимъ*, имѣя чертѣко при этомъ характеръ *загадокъ*“ (стр. 100) ³⁾.

Первый изъ указанныхъ діалоговъ (Вопросы и отвѣты Василія и Григорія Богословца) — памятникъ переводный. Греческій его ориги-

¹⁾ Руконисъ Румянцевскаго музея (XV вѣка) № VI (Ср. въ „Описаніи“... Востокова, стр. 10).

²⁾ Такъ въ спискахъ Бесѣды, изданныхъ проф. *Буслаевымъ* (Приложенія къ Рѣчи о народной волнѣ въ древне-русской литературѣ, отд. 4, стр. 2—5) и проф. *Арзамельскимъ* (ор. cit. 195—203), первая половина вопросовъ и отвѣтовъ отличена именами святителей (Василій рече... Григорій рече... Иванъ рече...), другая половина анонима. Въ спискахъ, изданныхъ кн. *Вяземскимъ* (Памятники древн. письменности, вып. I, стр. 88—91) и г. *Мочульскимъ* (ор. cit. 241—262) въ надписаніи памятника упомянуты имена трехъ святителей; самые вопросы анонима. Древнѣйшій списокъ Бесѣды отысканъ въ Сборникѣ сербскаго письма XIII—XIV вѣка, принадлежащемъ бѣлградскому профессору *Сречковичу* (*Соколовъ*. Матеріалы и Записки, стр. 8; приведено нѣсколько выписокъ); изъ изданныхъ текстовъ старѣйшіе относятся къ XV вѣку: списокъ, изданный проф. *Тихомировымъ* по рукописи Московской синодальной бібліотеки № 682 (Памяти. отреч. литер., II, стр. 429—432); списокъ, напечатанный проф. *Арзамельскимъ* по рукописи Румянцевскаго музея № VI (ор. cit. 195—203).

³⁾ Ср. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія, стр. 119—120.

наль отиѣченъ былъ еще Востоковымъ по рукописи Коаленовой библиотеки, описанной Монфокономъ ¹⁾; другой списокъ указалъ г. Мочульскимъ въ рукоп. Моск. Синодальной библиотеки № 248 ²⁾. Г. Красносельцевъ отыскалъ третій списокъ греческаго діалога въ рукописи Андреевскаго скита на Афонѣ ³⁾. Текстъ этого списка изданъ одесскимъ ученымъ; въ примѣчаніяхъ „приводятся нѣкоторые изъ вариантовъ синодальнаго списка и славянскаго перевода“. Любопытны и цѣнны соображенія г. Красносельцева о полемическомъ значеніи діалога: „Очевидно, это совершенно цѣльное сочиненіе, написанное для уясненія частной мысли и, можетъ быть, для опроверженія доволно распространеннаго заблужденія, свойственнаго нѣкоторымъ еретикамъ, именно еихитамъ или мессалианамъ, о которыхъ извѣстно, что они допускали возможность видѣть тѣлесными очами Бога. Взятое само по себѣ, въ отдѣльности, мнѣніе это было довольно распространено не только въ еретической средѣ, гдѣ оно приняло оттѣнокъ суевѣрнаго догмата, но и въ средѣ православныхъ, особенно въ монастыряхъ, такъ какъ по происхожденію сиону оно есть не столько плодъ еретичества, сколько низкаго уровня образованія, аскетическаго строя жизни и направленія мысли. Въ X и XI вѣкахъ оно особенно было сильно въ монастыряхъ Оракинъ, откуда усвоено было и богомънами. И впоследствии оно не чуждо было монашеской средѣ, хотя уже въ смягченномъ видѣ и безъ еретической окраски“ (стр. 26—27).

Отыскался греческій первообразъ и для „вопроса и отвѣтовъ евангельскихъ словесъ“. По указанію г. Архангельскаго, „статья своимъ содержаніемъ представляетъ почти *буквальныя извлеченія* изъ одного сочиненія, приписываемаго Аонасію Александрійскому: *Ρήσεις καὶ ἀρμηνεῖαι παραβολῶν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου*, напечатаннаго у Migne'я, *Patrol. Coursus Compl. s. gr., t. XXVIII, col. 711 — 774*. Статьи впрочемъ нѣсколько измѣненны; встрѣчаются добавленія, распространенія, мѣстами придается форма вопросовъ и отвѣтовъ, мѣстами изложеніе переходитъ въ бесѣду Василия и Θεолога Григорія“ (стр. 117). Г. Архангельскій напечаталъ сполна эту „статью, параллельно

¹⁾ Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 508. Коаленова рукопись принадлежить X вѣку.

²⁾ Заглавіе: *Διάλογος τῶν ἁγίων Βασιλίου καὶ Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου*. Рукопись синодская XVII вѣка.

³⁾ Заглавіе: *Διζλήσις ἤτοι διάλογος τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν Βασιλίου τοῦ Μεγάλου καὶ Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου*. Рукопись XVIII вѣка.

съ соответствующими мѣстами названнаго греческаго сочиненія⁴ (стр. 117—128).

Списки третьяго изъ указанныхъ выше памятниковъ, „Бесѣды трехъ святителей“, очень разнообразны по составу и изложению. Это разнообразіе, эта неустойчивость содержания указываютъ на процессъ глубокаго измѣненія, пережитый Бесѣдой въ теченіе ея долгой литературной жизни. Несомнѣнно, что извѣстная часть этого процесса шло на русской почвѣ. „Едва ли большинство позднѣйшихъ списковъ Бесѣды XVII—XVIII вѣка, — говоритъ г. Архангельскій, — не возникло на почвѣ русской письменности оригинальной или переводной. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть слѣдовъ прямого, непосредственнаго вліянія весьма многихъ произведеній древне-русской письменности на извѣстныхъ намъ позднѣйшихъ спискахъ Бесѣды“ (стр. 192)¹). Но гдѣ появилась, какой литературной средѣ должна быть усвоена та древнѣйшая, первоначальная форма памятника, которая скрывается за позднѣйшими передѣлками? Г. Архангельскій (стр. 174—183) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сопоставленіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ нашей Бесѣды (въ разныхъ ея спискахъ) съ памятниками византийскаго литературы, въ которыхъ отыскиваются сходныя выраженія. (Вопросы кн. Антиоха и отвѣты Аванасія Александрійскаго; упомянутыя выше Рѣзецъ хзі ἐρημικῆς πρᾶξου, приписываемыя тому же Аванасію). Г. Красносельцевъ справедливо признаетъ эти сопоставленія недостаточными для опредѣленія „основныхъ и первичныхъ источниковъ Бесѣды“²). „Отвѣты Аванасія...

¹) Г. Архангельскій указываетъ при этомъ слѣдующіе памятники: „Книга бытія небеси и земли, древне-русская Псалмъ...“ отдѣльные апокрифы, напримѣръ, вопросы Юліана Богослова къ Аврааму, различныя редакціи Пренія Паладіа съ Азимтомъ, переводъ Луцидаріуса, различныя отдѣльныя сказанія, вращившіяся въ древне-русской письменности, какъ, напримѣръ, Сказаніе о построеніи церкви Софіи премудрости Божіей, поученія о злыхъ женахъ, различныя произведенія болѣе поздней древне-русской апокрифической литературы, древне-русскаіе Иконописныя подлинники, даже Лѣтопись Дм. Ростовскаго, на которую дѣлается указаніе въ одномъ изъ списковъ, печатное Учит. Евангеліе, цитируемое тамъ же“. Ср. замѣчанія Порфиріева объ источникахъ Бесѣды (Апокр. соч., стр. 121—122, 125—126).

²) Передавая соображенія г. Архангельскаго о византийскихъ литературныхъ вліяніяхъ, опредѣленныхъ составъ нашей Бесѣды трехъ святителей, нельзя не остановиться на странной замѣткѣ, появившейся въ *Филологическомъ Вѣстникѣ* по поводу книги казанскаго изслѣдователя. „Если уже отыскивать, — говорится въ замѣткѣ, — прототипъ позднѣйшей Бесѣды, то его надо видѣть не въ вопросахъ Аванасія, а въ сборникѣ вопросовъ и отвѣтовъ, изреченій и къ нимъ толкованій, сохра-

нѣли нѣкоторое вліяніе на Бесѣду, но вліяніе это относится къ позднему сравнительно времени и было довольно слабо.... Еще менѣе даютъ для цѣли объясненія Бесѣды другія статьи, приписываемыя Ананасію“ (стр. 6). „Бесѣда эта,—продолжаетъ одесскій ученый,—но нашему мнѣ-

ншавшему между прочимъ въ спискѣ XIII вѣка Публичной бібліотеки. Этотъ сборникъ имѣетъ много общаго съ указанными у г. Архангельскаго лаврскимъ сборникомъ XV вѣка и Кавоюмъ... и находится въ несомнѣнной связи съ позднѣйшей Бесѣдою. Она едва ли не русскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, приведенный въ немъ отрывокъ изъ слова Григорія Богослова... взятъ изъ древняго переноса словъ Григорія“ (*Русскій Филологъ*, *Вѣстникъ*, 1890 г., 2, стр. 306—307). Замѣчательно, какъ въ непопыхъ словахъ можно было соединить такъ много несообразностей. Прототипъ позднѣйшей Бесѣды „надо видѣть въ сборникѣ вопросовъ и отвѣтовъ, изреченій и къ нимъ толкованій“. *Прототипомъ* позднѣйшихъ редакцій такого нибудь напутника служить, безъ сомнѣнія, *древнѣйшая* его редакция. Стало быть, „сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ, изреченій и къ нимъ толкованій“ слѣдуетъ называть древнѣйшей редакціей Бесѣды трехъ святителей? Сборникъ—„едва ли не русскаго происхожденія“. Стало быть, Бесѣда составлена по русскому прототипу? Или, быть можетъ, слѣдуетъ различать прототипъ и древнѣйшую редакцію, то есть, признавать прототипы разнаго значенія? Вся эта путаница легко разъяснится, если мы прочтемъ то, что говоритъ г. Архангельскій объ упомянутыхъ сборникахъ XV вѣка. „Презвычайно любопытными для изученія литературной исторіи позднѣйшихъ Бесѣдъ представляются намъ два произведенія, встрѣченныя нами— одно въ сборникѣ XV вѣка бібліотеки Троицко-Сергіевской лавры № 122, лл. 156—195, и въ сборникѣ XV вѣка Соловецкой бібліотеки Каз. дух. акад. № 807, лл. 407—439, носящее заглавіе: *Григорія Богослова словеса избранная яже суть толкованія*, другое—только въ сейчасъ названномъ сборникѣ XV вѣка Соловецкой бібліотеки № 807, лл. 149—192, гдѣ оно помѣщается подъ заглавіемъ: *Лавра, нарицаемая каавъ, свръше сборникъ* и пр. По содержанію, оба напутника довольно сходны между собою. И тотъ и другой представляютъ длинный рядъ вопросовъ и отвѣтовъ, различныхъ текстовъ св. Писанія и толкованій на нихъ и т. п.,—рядомъ съ вопросами и отвѣтами болѣе замысловатаго содержанія, источниками для которыхъ служили тѣ или другія апокрифическія сочиненія. Едва ли сочиненія эти *на ряду* со многими другими подобными не были въ числѣ *меченическихъ* позднѣйшихъ списковъ Бесѣды; во всякомъ случаѣ два названныхъ напутника своимъ содержаніемъ указываютъ на близкія связи Бесѣды съ древне-русскими произведеніями экзегетическаго характера“ (стр. 146—147; далѣе приводится нѣсколько выписокъ изъ „Словесъ Григорія Богослова“ и изъ „Кавою“). Оказывается такимъ образомъ, что „критическая“ замѣтка *Филологъ*, *Вѣстника* представляетъ только неумѣлую передачу того, что говорится въ сочиненіи, именуемомъ замѣткою. Г. Архангельскій говоритъ не о прототипахъ Бесѣды, а объ *меченическихъ*, изъ которыхъ позднѣйшіе передѣльщики Бесѣды черпали матеріалъ для своихъ добавокъ и вставокъ. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія казанскій ученый говоритъ, правда, и о *прототипахъ*. „Литературная исторія Бесѣды трехъ святителей связана съ общей исторіей обширной древне-русской литературы вопросовъ и отвѣтовъ... *Прототипами* разнообразныхъ древне-русскихъ „вопросовъ

нiю, въ сломхъ первоначальныхъ редакцiяхъ, имѣла точные прототипы въ византийской литературѣ, гдѣ, какъ и въ нашей литературѣ, рядомъ съ вопросо-отвѣтами болѣе или менѣе высокаго богословско-теоретическаго или эстетическаго содержанiя, составленными людьми болѣе или менѣе извѣстными своимъ образованiемъ и ученостью, каковы Леонасiй Александрийскiй, Анастасiй Синаитъ, Феодоритъ и другiе, существовали другаго рода вопросо-отвѣты, получившие свое начало и вращавшiеся въ болѣе низменной средѣ и имѣвшие отличный отъ

и отвѣтомъ“ чаще всего служили различными подобными же произведенiя византийской литературы, рано перешедшими въ южно-славянскую и нашу письменность“ (стр. 192—193). Рѣчи, очевидно, идетъ не о Бесѣдѣ трехъ святителей, а о всемъ томъ рядѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ по содержанию вопросовъ и отвѣтовъ, къ которому принадлежатъ и „сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ“, сохранившiеся въ спискѣ XIII вѣка. Сборникъ этотъ, — говорится въ замѣткѣ, — „едва ли не русскаго происхожденiя, но крайней мѣрѣ, присвоенный въ немъ отрывокъ изъ слова Григорiя Богослова взятъ изъ древняго перевода словъ Григорiя“. Странное основанiе! Равнѣ доказано, что древнiй переводъ словъ Григорiя сдѣланъ на Руся? Рукопись XI вѣка, содержащая древне-славянскiй переводъ XIII словъ Григорiя Богослова, указываетъ, какъ извѣстно, на юго-славянское происхожденiе этого перевода. „Но особенностямъ звуковымъ видно, что мы имѣемъ передъ собой рукопись, переведенную, вѣроятно, въ Болгарiю, но переписанную потомъ опять кѣмъ либо изъ юго-славянъ, то-есть, болгаринкомъ или сербомъ и, наконецъ, одинъ или нѣсколькими русскими“ (*Вудыловичъ, Исслѣдованiе языка древне-слав. перевода XIII сл. Григорiя Богослова*, стр. 142). Почему же какойнибудь болгарскiй или сербскiй книжникъ не могъ быть составителемъ сборника, въ который внесены отрывки изъ сочиненiй Григорiя? Сборникъ XIII вѣка (Публ. библиот., Q. n. I, 18.—Толст. II, № 6), о которомъ говорится въ замѣткѣ, давно извѣстенъ по описанiю *П. А. Лавровскаго* (Описание семи рукописей Импер. Публ. Библиот. № 2, въ *Чистилѣ общ. ист. и дресн. росс.*, 1858, 4; ср. *Калайдовича и Стрессова*, Описание рукоп. гр. Толстова, стр. 213). Содержанiе Сборника *времущественно* библейско-эзгетическое: приводятся побольше отрывки изъ разныхъ библейскихъ книгъ; къ каждому отрывку присоединяется кратко толкованiе. Форма вопросовъ и отвѣтовъ встрѣчается лишь въ немногихъ отдѣлахъ рукописи. Такъ, на л. 34 и слѣд. находимъ вопросы: кто крестилъ Захарiю и Иоанна, при комъ взялъ Иосифъ Марiю изъ церкви, кто обрѣзалъ Иисуса, что есть Киѳа? и др.; на л. 131 и слѣд. — вопросъ: почему Ева создала изъ ребра Адама, что значатъ кожаная одежда первыхъ людей, почему мана называется хлѣбомъ ангельскимъ и др. (Ср. *Архангельскiй*, *op. cit.* 147—148, 157—158). Сходство Сборника съ соловецкимъ Клавомъ — несомнѣнно; а такъ какъ отношенiе Клава къ позднѣйшимъ спискамъ Бесѣдъ указано именно г. Архангельскимъ, то не понятнымъ представляется замѣчанiе: „Если уже отсыкивать прототипъ позднѣйшей Бесѣды, то его надо видѣть не въ вопросахъ Леонасiя, а въ сборникѣ вопросовъ и отвѣтовъ, жарченiй и къ нимъ толкованiй“ и т. д. То, что находимъ въ рукописи XIII вѣка нѣсколько не имѣющихъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело г. Архангельскаго

первыхъ характеръ. Тогда какъ вопросы-отвѣты перваго рода, какковы, напримѣръ, Аванасіевы, Анастасіевы и другіе, содержатъ въ себѣ серьезныя богословскія изслѣдованія многихъ важныхъ вопросовъ, . . . вопросы-отвѣты втораго рода, всегда анонимныя или псевдонимныя, имѣють тотъ же характеръ, какъ и въ нашей славяно-русской Бесѣдѣ трехъ святителей. Вопросы эти отличаются болѣе замысловатостью, чѣмъ серьезною; отвѣты кратки и всегда почти основаны на апокрифическихъ сказаніяхъ и фантастическихъ домыслахъ" (стр. 7). Г. Красносельцеву удалось отыскать въ одной изъ рукописей Афонскаго Пантелеймоновскаго монастыря небольшую греческую статью, которая можетъ служить образцомъ такихъ именно вопросовъ и отвѣтовъ, которые служили древнѣйшею основой нашей Бесѣды трехъ святителей. Статья, отысканная и изданная г. Красносельцевымъ, носитъ такое заглавіе: Ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις διαφόροι ἀφίλοιι κερύρου Ἰωῶ φανόμενα. „Статья эта состоитъ изъ 20 вопросовъ съ отвѣтами, составленными подъ сильнымъ вліяніемъ апокрифовъ, и при томъ иногда такихъ, которые весьма мало извѣстны. Большая часть этихъ вопросовъ встрѣчается въ разныхъ спискахъ нашей Бесѣды. Некоторые изъ нихъ могли попасть сюда и изъ другихъ источниковъ, но большинство пока не иначе могутъ быть объяснены, какъ изъ найденной нами греческой статьи. . . . Статья озаглавляется просто: „Вопросы и отвѣты“ Именъ трехъ или двухъ святителей здѣсь нѣтъ. Но именъ этихъ святителей нѣтъ также и на многихъ спискахъ нашей Бесѣды“ (стр. 8—9). Указавъ затѣмъ на сходство большей части греческихъ вопросовъ съ подобными же вопросами, встрѣчающимися въ разныхъ спискахъ нашей Бесѣды. г. Красносельцевъ продолжаетъ: „Достаточно ли, однакожъ, всего этого, чтобы утверждать, что разобранные нами вопросы-отвѣты принадлежать къ числу прототиповъ или основныхъ источниковъ нашей Бесѣды? Если имѣть въ виду исключительно только тотъ текстъ, который мы имѣемъ подъ руками, то, конечно, этого будетъ недостаточно, такъ какъ нельзя еще положительно утверждать, что этотъ

изученіе сборниковъ XV вѣка. Можно вѣстѣ съ казанскимъ ученымъ предполагать, что сборники, подобные Каау, могли имѣть вліяніе на позднѣйшіе списки Бесѣды, но видѣть въ этихъ сборникахъ какой-то „прототипъ позднѣйшихъ Бесѣдъ“ конечно не *можно*. Кромѣ этихъ сборниковъ, собиратели вопросовъ и отвѣтовъ могли, безъ сомнѣнія, брать матеріалъ и изъ другихъ произведеній, вліявшихъ въ древне-русской письменности, почему и не возбраняется указывать на сходство Бесѣды съ вопросами и отвѣтами Аванасія къ Антону и т. и.

именно текстъ былъ переведенъ на славянскій языкъ и пращался въ рукахъ древне-русскихъ книжниковъ, занимавшихся редактированіемъ нашей Бесѣды. Но если взять вопросъ нѣсколько шире и имѣть въ виду не этотъ только списокъ, а вообще подобныя этому греческіе списки, то указаные нами пункты совпаденія греческихъ вопросовъ съ русскими будутъ имѣть рѣшающее значеніе для вопроса объ основномъ типѣ нашей Бесѣды трехъ святителей. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ византійской литературѣ Вопросы, подобныя разобраннѣмъ нами, существовали, какъ и у насъ, не въ одной редакціи и не въ одномъ спискѣ, а во многихъ. Нѣкоторые, а, можетъ быть, и многіе изъ этихъ списковъ переведены были на славянскій языкъ, сдѣлались достояніемъ древне-русской письменности и образовали собою ту основу, которую позднѣйшіе компиляторы старались разработать великій по своему вкусу при пособіи другихъ весьма разнообразныхъ источниковъ. Что это было дѣйствительно такъ, что въ древне-русской письменности существовали переводы греческихъ вопросовъ-отвѣтовъ апокрифическаго содержанія и разныхъ редакцій....., на это мы имѣемъ нѣкоторые весьма немаловажныя доказательства. Это — слѣды греческаго происхожденія нѣкоторыхъ древнихъ списковъ славянской Бесѣды, сохранившіеся въ самомъ языкѣ ихъ“ (стр. 15). Въ подтвержденіе указываются такія, напримѣръ, выраженія: „Василіи рече: что ся слышаше *дина*, идѣже Господь вочери?“ *Дина-деіва*; что ся слышаше (то-есть, какъ назывался) — переводъ греч. выраженія *πῶς ἤκουεν* (стр. 17).

Со всѣми этими замѣчаніями и соображеніями одесскаго ученаго нельзя не согласиться. Въ дополненіе нужно замѣтить, что и теперь можно указать нѣсколько греческихъ вопросовъ, не вошедшихъ въ составъ изданной г. Красносельцевымъ статьи, но встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ спискахъ славяно-русской Бесѣды. Таковъ вопросъ объ Адамѣ, отмѣченный Ламбекомъ въ описаніи рукописей Вѣнской Императорской бібліотеки.

Ὁ πατήρ μου ἐγέννησεν ἐμέ, καὶ τὸ ἐγέννησα τὴν μητέρα τῶν παιδίων μου καὶ τὰ παιδιά μου ἐγέννησαν τὴν μητέρα τοῦ πατρὸς μου¹⁾.

Что есть: роди мя отецъ, азъ же родилъ себѣ жену, жена же моя родитъ дѣти, а дѣти же родятъ отцу моему матеря? Отецъ есть Христось, созда

¹⁾ *Lambecii Commentarii de bibliotheca Vindobonensi*, III, 39, № XXV, f. 29 (кодексъ chartaceus, mediocriter antiquus). Ср. *Fabricii, Codex pseudepigr. Vet. testamenti*, vol. I, p. 49. Въ этомъ же сборникѣ Фабриція (vol. II) помѣщенъ *Josephi veteris christiani scriptoris Hypomnesticon, sive liber sacer memorialis*

Адама и отъ ребра его жону, Евуа же роди ому дѣти, а дѣти его роднича свитую Богородицу, матерь Христа Бога. (*Питицъ*, 176; *Мочульскій*, 242—243; *Вяземскій*, 114—115).

Таковы же двѣ загадки, внесенныя въ краткую Палею („Книга бытія небеси и земли“).

а) О семь ковчезѣ мудрый гѣкто провидѣніемъ вѣща: Небо бѣ, а земля не бѣ, село бѣ, а пути не бѣ.

б) О сіи голубици мудрый гѣкто глаголаше, провидѣніемъ вѣща: гѣмъ поклясору книги неписанныя въ градъ приносятъ, и градъ стонѣи и по имъи пути ¹⁾).

Греческій оригиналъ краткой Палеи указанъ *Горскимъ* и *Нево-струевымъ* въ описаніи рукописей Московской Синодальной бібліотеки: „у Ламбеция между рукописями Вѣнской бібліотеки приводится „Сокращеніе ветхозавѣтной исторіи отъ Адама до времени пророка Аввакума“ съ такимъ заглавіемъ: 'Ιστορία παλαιού περιέχων ἀπό τοῦ Ἀδάμ. Она пачинается такимъ же образомъ, какъ и разсматриваемая статья въ рукописи“ ²⁾).

А. Н. Попова, издатель краткой Палеи, имѣлъ подъ руками выписки изъ указанной Вѣнской рукописи: „Сличеніе этихъ отрывковъ, — говоритъ онъ, — съ славянскимъ текстомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ указанной Вѣнской рукописи — то самое сочиненіе, которое нынѣ издается въ славянскомъ переводѣ“ ³⁾).

(ἁποκαταστάσεων βιβλίων Ἱωσήφου), трудъ библейско-историческаго содержанія, изложенный въ 167 главахъ, раздѣленныхъ на 5 книгъ. Въ началѣ каждой главы выставляется вопросъ, отвѣтомъ на который служитъ содержаніе главы: βασὶ γυνώσκων ἀπὸ τοῦ Ἀδάμ ἕως τῆς τοῦ Σωτήρος παρουσίας γενεαί (κεφ. α); βασὶ γυνώσκων ἀρχιερεῖς ἀπὸ τοῦ Ἀαρῶνος ἀρχάμενοι (κεφ. β.); τίνας οἱ ἐκ τοῦ Καὶν γινώσκονται καὶ εἰς ἱββῶν γενεάν ἀνάγειν; (κεφ. γ.) и т. д. Нѣкоторыя главы сходны съ нашими вопросами и отвѣтами, наиримѣръ: βασὶ γυνώσκων τοὺς ἄνδρας διέφθειραν (κεφ. λβ.); τίνας διέφθειραν καὶ οὐκ ἀπέθανον (κεφ. νγ). Что касается времени составленія ἀποκαταστάσεων, то на основаніи указаній, приведенныхъ Фабриціемъ, слѣдуетъ признать, что трудъ Іосифа появился не ранѣе X вѣка. Ср. *Порфирьевъ*, op. cit. стр. 114.

¹⁾ Стр. 17—18 по изд. *Попова* (*Ученія въ общ. истор. и древн. российск. 1881 г.*, кн. 1).

²⁾ Описаніе рукоп. Синод. бібліот. II, 3, стр. 597.

³⁾ *Попова*, стр. XXIII. Αὐτῶματ' на библейскіи темы встрѣчаются и въ сборникахъ греческихъ загадокъ. *Г. С. Дестуниса* въ статьѣ: „Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ“ приводитъ загадку, встрѣчающуюся у Песеля и Василия Мегаломити: Ἐβλοο μὲν ἡ γαῖα, ἡ κηλίς δὲ τῶν, ἀέροφ

Приведенныя выше загадки повторяются въ нашихъ вопросахъ и отвѣтахъ:

„Стоялъ градъ на пути, а пути къ нему лѣтъ, придетъ къ нему посоль пѣтъ, принесетъ грамоту не писаную. Градъ бысть Ноевъ ковчегъ, а посоль—голубь, принесетъ сучецъ масляный“ (*Литинъ*. 171; ср. *Буслаевъ*. 5; *Вяземскій*, 90, 91).

Нѣкоторые списки Бесѣды святителей имѣютъ такое заглавіе: „Бесѣда трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, вопрошеніе съ тѣмъкопаніемъ. *Списано отъ патерика римскаго*“. „Интересно здѣсь,—говоритъ г. Красносельцевъ,—указаніе на иноземный источникъ: *списано отъ патерика римскаго*. Указывается источникъ весьма необычный для древне-русской литературы—источникъ латинскій. Правда, весьма вѣроятно, хотя это и не доказано, что и въ латинской литературѣ существовали бесѣды, подобныя греческимъ, но довольно не вѣроятно, чтобы русскіе могли знакомиться съ ними непосредственно.... Патерикомъ римскимъ у насъ назывались Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцовъ Григорія Двоеслова. Собесѣдованія эти очень рано переведены были на греческій языкъ и были очень распространены у грековъ. Замѣчательно, что на славянскій языкъ собесѣдованія эти переведены были именно съ греческаго перевода, а не съ латинскаго подлинника“ (стр. 18—19). Не подлежитъ спору, что упоминаніе о „римскомъ патерикѣ“ не можетъ быть принято за прямое указаніе на латинскій оригиналъ нашихъ вопросовъ-отвѣтовъ, но требуетъ поправки замѣчаніе, будто бы „не доказано, что и въ латинской литературѣ существовали Бесѣды, подобныя греческимъ“. Исследователи, говорившіе о Бесѣдѣ трехъ святителей, не разъ указывали на сходство вопросовъ и отвѣтовъ нашей Бесѣды съ подобными же вопросами и отвѣтами, встрѣчающимися въ памятникахъ западныхъ. Такія указанія можно найти въ сочине-

λαφός καὶ κοινὸν (у Василія: ὁ κοινῆτός οὐνεχὲς ἔθη, то-есть, ключъ деревянный, замокъ подковой, языкъ убѣждать, а несъ (=ловчій) задерживать) (*Журналъ Минист. Нар. Просв.*, 1890 г., августъ, стр. 285). Эта загадка о переходѣ евреевъ черезъ Черное море повторяется и въ старо-русскихъ вопросахъ и отвѣтахъ (*Буслаевъ*, Прилож. къ рѣчи о нар. поэзіи въ древн. русск. литер., стр. 3; Памяти стар. русск. литер., вып. 3, стр. 170; *Вяземскій*, Бесѣда трехъ святителей, 110; *Мочульскій*, О голубиной книгѣ, 245; *Нордфирска*, 387, 400).

нїяхъ Иппина, Миллера, Весселовскаго, Мочульскаго ¹⁾. Не повторяя того, что отиѣчено этими учеными, я укажу лишь нѣкоторые именно *латинскіе* тексты, составъ и характеръ которыхъ близко напоминаетъ наши вопросы и отвѣты.

1) Въ 1845 году въ библиографическомъ журналѣ *Serapicum* помѣщена была замѣтка *Bethman*'а о рукописномъ сборникѣ IX вѣка, принадлежащемъ Шлеттштадтской библиотекѣ (въ Эльзасѣ). Въ ряду произведеній, вошедшихъ въ составъ этого сборника, находится небольшая статья, подъ заглавіемъ: *Josa monachorum*, изложенная въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, содержаніе которыхъ заимствовано главнымъ образомъ изъ библейской исторїи. Ветманъ напечаталъ лишь часть этой статьи ²⁾. Полный ея текстъ издалъ въ 1872 году *E. Wölflin-Troll* въ Извѣстіяхъ Бернскіихъ академїи наукъ. Шлеттштадтская статья состоитъ изъ 86 вопросовъ и отвѣтовъ; порядкомъ, въ какомъ слѣдуютъ эти вопросы, даетъ основаніе предполагать, что текстъ IX вѣка составленъ изъ соединенїи двухъ болѣе краткихъ статей: вопросы 1—38 обнимаютъ рядъ фактовъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторїи отъ Адама до апостоловъ Петра и Іуды; далѣе начинается новый рядъ вопросовъ, начинающійся также съ Адама. Въ первой части форма вопросовъ и отвѣтовъ проведена послѣдовательно; во второй части встрѣчаются обращенїя въ императивной формѣ: *dic mihi* поменъ и т. п. *Wölflin-Troll* называетъ изданный имъ *Josa monachorum* — ein Repetitorium der biblischen Geschichte; такое опредѣленіе оправдывается содержаніемъ большей части вопросовъ; лишь немногіе изъ нихъ взяты изъ исторїи не библейской (на-

¹⁾ *Иппинъ*, Очеркъ лит. ист. стар. нов. и сказокъ русскихъ, 143—144; *Миллеръ*, Опытъ ист. обзорїи русск. слов., 332—336; *Весселовскій*, Сказанїя о Соломонѣ и Китораѣ, 168—169, 248—255; *Мочульскій*, Историко-литер. анализъ стиха о Голубиной книгѣ, 72—74, 186. Ср. еще *Вулагаръ*, Очерки, I, 149—149; *Archiv für Slav. Philologie*, I, 335—336. Только во время печатанїя этой статьи удалось мнѣ ознакомиться съ дополнительной замѣткой г. Красносельцева: „Еще на вопросу объ источникахъ Бесѣды трехъ святителей“ (*Записки Новороссійскаго университета*, 1891 г. т. 55, стр. 464—476). Почтенный ученый издалъ въ подлинникъ и въ русскомъ переводѣ новый текстъ греческихъ вопросовъ-отвѣтовъ по рукописи XV—XVI вѣка Парижской національной библиотекы (№ 395). Въ этой же замѣткѣ г. Красносельцевъ исправляетъ неточности, вкраившася въ его первую статью, указывая нѣкоторые западные напечатки, сходные съ Бесѣдой трехъ святителей.

²⁾ *Serapicum*, 1845, Sa. 28—29.

примѣръ: Кто былъ первымъ императоромъ?) или изъ круга свѣдѣній о природѣ (сколько видовъ рыбъ, птицъ? и т. п.)¹⁾.

2) Въмѣстѣ съ вопросами и отвѣтами, отысканными въ рукописи IX вѣка, Wölfelin-Troll издалъ другой, болѣе дѣлный текстъ подобнаго же содержанія, взятый изъ рукописи VII вѣка, принадлежащей той же Шлеттштадтской библіотекѣ²⁾. Двадцать четыре вопроса, вошедшіе въ составъ этого текста, касаются преимущественно, какъ и *Josa monacho*ш, событій библейскихъ. Изъ пунктовъ янаго содержанія можно указать вопросы объ изобрѣтателяхъ азбуки греческой, латинской, готской (*Qui primus litteras guttigas invenit? Gothophyla Gothorum episcopus*); вопросы о Ромулѣ, Октавіанѣ, Гиперіѣ; замѣтку о лангобардахъ: „Fuit autem da principium mundi usque quod Langobardi in Italia praesiderunt UDCCLXX et II anni tempore Iustiniano imperatore“. Вторженіе лангобардовъ въ Италію (568 г.)—самое позднее событіе, упомянутое въ разсматриваемой статьѣ³⁾.

3) Въ 1871 году *W. Wilman* напечаталъ въ журналѣ Гаунта „Ein Fragebüchlein aus dem neunten Jahrhundert“⁴⁾. Изданный памятникъ, имѣющій заглавіе: *Interrogationes*, отысканъ въ рукописномъ сборникѣ (IX вѣка) Мюнхенской библіотеки. Всѣхъ вопро-

¹⁾ *Monatsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1872, S. 106, fg.

²⁾ *Ibid.*, S. 115 fg. Die Schlettstadter Handschrift... enthält: *Selectae lectiones ex prophetis et epistolis St. Pauli, welcher Titel indeas nur auf die acht ersten Quaternionen passt. Auf. Quat. 9, Blatt 4 folgt: incipit chronicam sancti Gironimi prbi coeli et terrae creationis etc. Auf. Quat. 10, fol., 1 recto: incipit de plasmatione Adam; fol. 1 verso: ubi Deus Adam plasmavit etc.; fol. 4 verso: incipit de septem ponderibus, nämlich: pondus limis, quia de limo factus est (scil. Adam), pondus maris, inde sunt lacrimae salsae; pondus ignis, inde sunt alita (es ist halitus gemeint) caldus; pondus venti, inde est flatus frigidus; pondus rux (i. roris), inde auctor humano corpore; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus feni, inde est diversitas capillorum. Dann Quat. 10 fol. 5 verso: Adam absque Abel etc.“. Паданъ лимя послѣдній изъ указанныхъ отдѣловъ рукописи (отъ словъ: Adam absque Abel). По поводу перечисленія элементовъ, изъ которыхъ образованъ человекъ, — перечисленія, известнаго въ нѣсколькихъ вариантахъ (см. *Мочульский*, *op. cit.* 73—85, 253), припомню замѣчаніе *Gaidos's*, который указать, что la légende que l'homme est formé de huit parties (*Adam de octo partibus etc.*) se trouve pour la première fois dans Plutarque où elle est attribuée aux Stoiciens (*Mélanges*, 1890, № 5, p. 107).*

³⁾ Упомянутіе о готяхъ и лангобардахъ указываетъ на итальянскую редакцію этихъ Шлеттштадтскихъ вопросовъ.

⁴⁾ *Zeitschrift für deutsches Alterthum* hrsg. v. Haupt. N. F., III B. (1872), Ss. 166—180.

совъ 52. Общее содержаніе ихъ то же, что и въ указанныхъ выше текстахъ. „Als eigentliche Rätsel,—говоритъ издатель,—können diese Fragen noch kaum angesehen werden: sie sind nicht sowohl Prüfungen des Vorstandes als des Wissens, und können ihren Ursprung aus den gelehrten Kreisen der Geistlichen nicht verläugnen; aber an diese ersten Fragen der Gelehrsamkeit lehnten sich im Laufe der Jahrhunderte Scherz und Witz an, und für die historische Verfolgung der Rätselliteratur sind diese Fragebüchlein von erheblicher Bedeutung“. Въ примѣчаніяхъ къ изданному памятнику *Wilmanns* указала сходные вопросы, повторяющіеся въ цѣломъ рядѣ памятниковъ (Бесѣды Соломона и Сатурна, Адриана и Риоси, Адриана и Ениктета, Flores Беды ¹⁾, Шлеттштадтскія Јоса монахогум и др.).

4) Въ 1872 году *P. Meyer* издалъ „Јоса монахогум (Texte de VI-e siecle (?) écrit au VIII-e)“, по рукописи Парижской національной библиотеки ²⁾. Къ тексту (заключающему 46 вопросовъ) присоединены примѣчанія, указывающія сходные вопросы-отвѣты въ бесѣдѣ Адриана съ Ениктетомъ и въ Шлеттштадтскихъ статьяхъ ³⁾.

Указанные латинскіе тексты находятся въ такомъ же взаимномъ отношеніи, какъ и списки славяно-русскихъ вопросы-отвѣтовъ и Бесѣды трехъ святителей: при сходствѣ цѣлаго ряда вопросовъ, указывающихъ на общую литературную основу, каждый текстъ представляеть и нѣкоторыя разницы, состоящія въ опушеніи и добавленіи тѣхъ или другихъ вопросовъ. Составъ латинскихъ памятниковъ, ихъ литературный характеръ представляютъ ближайшее сходство съ греко-славянскими вопросами. Эти вопросы, по замѣчанію г. Красносельцева, „отличаются болѣе замысловатостью, тѣмъ серьезностью ⁴⁾; отвѣты

¹⁾ *Excerptiones patrum, collectanea, Flores ex diversis, quæstiones et parabolaе (Patrol. cursus compl., series lat., t. XCIV. Bedae Vener., t. V, col. 539—551)*. Какъ видно и изъ заглавія, вопросы составляютъ лишь часть этого сочиненія Беды. Вопросы и отвѣты перемежаются богословскими размышленіями и наиздательными изреченіями.

²⁾ *Wotania*, 1872, 483—489.

³⁾ Говоря о латинскихъ вопросахъ и отвѣтахъ, сходныхъ съ нашей Бесѣдой святителей, нельзя еще не упомянуть объ извлеченіяхъ изъ рукописей, сообщенныхъ въ *Anzeiger f. d. Vorzeit v. Mone* (В. VII, 46: De nomine Adam; 50: Quis mortuus est et nunquam natus?). Ср. *Bartsch*, Zur Räthelliteratur (*Germania*, IV, 308—314).

⁴⁾ Допуская, что вопросы Бесѣды болѣе замысловаты, тѣмъ серьезны, мы должны, однако, оговориться, что, съ точки зрѣнія старо-русскихъ читателей, первоначальныхъ и передѣлывателей Бесѣды, вопросы и отвѣты, въ ней содержащіяся, не

кратки и всегда почти основаны на апокрифическихъ сказаніяхъ и фантастическихъ домыслахъ⁴. Таковы же и западные памятники, которымъ дается названіе *Josa monachorum*¹). Наши вопросы обращались въ средѣ, не имѣвшей притязаній на широкую образованность. Такое же замѣчаніе вызываютъ и западные *interrogationes*: достаточно указать на удивительную латынь отмѣченныхъ выше памятниковъ.

Чтобы яснѣе видѣть близость греко-славянскихъ и латинскихъ вопросовъ и отвѣтовъ, привожу рядъ сходныхъ выраженій, встрѣчающихся а) въ греческихъ *Ἐρωτήσεις*, изданныхъ г. Красносельцевымъ, и въ латинскихъ *Josa* и *Interrogationes*; б) въ тѣхъ же западныхъ памятникахъ и въ славяно-русскихъ. Вопросахъ и въ Вѣсѣдѣ трехъ святителей²).

были только игрой остроумія и памяти; этихъ вопросовъ и отвѣтамъ придавалось явное, болѣе важное, значеніе. И припоминаю при этомъ извѣстіе, сообщенное антиохійскимъ архидіакономъ Павломъ. Русскіе, говоритъ Павелъ, очень любили запутывать другихъ вопросами, особенно людей, которые славы учеными. Однажды прибылъ въ Россію греческій епископъ, который былъ извѣстенъ, какъ философъ. Русскіе ему задали вопросъ: „Есть ли въ священномъ писаніи какое нибудь свидѣтельство касательно обычая употреблять въ Пасху красныя яйца?“ Епископъ привелъ имя слова Исая пророка (LXIII, 1): „Кто сей, пришедшій отъ Едома, черными ряси Его отъ Вавона?“ Послѣ такого свидѣтельства русскіе замолчали (*Русинскій*, Религіонный бытъ русскихъ по свидѣніямъ иностр. писателей XVI и XVII вѣковъ, стр. 195). И вопросъ, и отвѣтъ—въ стилѣ Вѣсѣды трехъ святителей. Замѣчу еще, что русскіе люди, задававшіе вопросъ о красномъ яйцѣ, имѣли, быть можетъ, въ виду особое сказаніе объ этомъ предметѣ (см. *Бычково*, Описание рукоп. сборн. Публ. библиот. 163, 168, 456, 488).

¹) Подобное же заглавіе „*Josa clericorum*“ принимается къ собранію загадокъ и шарадъ (*Romania*, 1876, t. V, 230).

²) Издаанные списки Вѣсѣды цитуются такъ: В (*Буслаевъ*, Приложеніе къ рѣчи о нар. поэзіи въ дрем. русск. литературѣ), Т. (*Тихонравова*, Памятники отреченной русск. литературы, т. II, стр. 429—457), П. (*Пыпинъ*, Ложныя и отреч. книги русск. старины въ Памятн. стар. русск. литературы, вып. 3, стр. 169—178), В. (*ки. Вяземскій*, Памятники дремней именовности, вып. I, 1880 г., стр. 88—123), М. (*Мочульский*, О Голуб. ки., стр. 241—253), А. (*Архангельскій*, оп. ест., стр. 195—203), Норф. (*Норбургеръ*, Апокр. еванг. о возмол. лицѣхъ, стр. 378—402). Латинскіе вопросы и отвѣты укладываются такъ: *Schl. VII* (отрывокъ изъ Шлеттштадтской рукописи VII вѣка); *Schl. IX* (Шлеттштадтскія *Josa monachorum*); *Münch* (*interrogationes*, изд. *Wilmanns* омъ); *Par.* (*Josa monachorum*, изд. въ *Romania*).

Α.

Τίς μὴ γεννηθεὶς ἀπέθανε; ὁ Ἄδαμ.
(Κρασν., στρ. 34, в. 4).

Κто не роженъ, умре? Адамъ.
(Т. II, 432; В. 89; А. 200).

Κто не родисе, умре, или кто родисе, не умре? Адамъ не родисе, не сыздасе и умре, а Илна родисе, не умре.

(Т. II, 442, 432; В. 5; А. 199).

Χто не роженъ? Χто не умеръ? Χто не стлѣ? Не роженъ Адамъ, но умеръ Илья пророкъ, не истрѣ Лотова жена.

(Т. 435; В. 3; В. 106, 120; П. 170; М. 243).

Πόσων χρόνων ἐκῆρчен ὁ Νῶε, ὅτε ἐγένετο ὁ κατακλυσμὸς;—πεντακοσίων.
(Κρασн. 35, в. 9).

Κοζμκογѣтотъ бѣ Ноо, егда нотъ бысть? 600.

(А. 200).

Πόσα ἐτη ἐβούλευσαν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ εἰς Αἴγυπτον;—τετρακόσια.

(Κρασн., 35, в. 12).

Κοζико гѣтъ работаша Ишьти въ Египтѣ?—400 гѣтъ и 30.

(А. 200).

Восьмой вопрос греческой статьи повторяется въ сборникѣ нѣмецкихъ загадокъ XVI вѣка.

Πότε ἀπέθανεν ἐφ' ἑκαστὸ τὸ τέταρτον τοῦ κόσμου;—ὅτε ἀπέκτανε Κάιν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ.

Quis est mortuus et non est natus? Adam.
(Münch. 20; Schl. IX, 2; Par. 3).

Tres fuere: unus numquam natus et semel mortuus; alter semel natus, numquam mortuus; tertius semel natus et bis mortuus.—Primus aequivocus terra; secundus deo meo; tertius homini pauperi. (Адамъ, Илья, Лазарь).
(Disputatio Pippini cum Albino, 97).

Quantos annos habuit Noe, quando incipit fabricare arcam? D.
(Schl., VII, 4).

Quod annos habitavit populus Israel in Aegyptum? CCCCXXX.
(Schl. IX, 72).

Welcher mensch hat ain gantz viertail der welt getödt oder umbbräht?—Chaun erschläg seinen bruder Abel, darvor lebt niemandt dann sy zwen und ir eltern adam und eva.¹⁾

¹⁾ Въ примѣч. *Wilmanns* указывает сходные вопросы въ Бесѣдахъ Адриана и Риея (Ал. 28), Адриана и Ениктота (АЕ. 11), въ Flores Веды, въ Оксфордскомъ ватехнизисѣ, въ сборникѣ нѣмецкихъ загадокъ. Ср. еще *Mone*, *Anzeiger f. Kunde d. deutschen Vorzeit*, VII (1838), 50.

²⁾ *Haupt's*, *Zeitschrift f. d. Alt-eth.* 3, 33. Ср. *Ляминъ*, Очеркъ янг. нест. стар. пошесть, стр. 143. Въ нашихъ вопросахъ и отвѣтахъ: „Когда четвертая часть умре мира? Егда уби Каннъ Авелъ“ (Т. II, 432, 434; В. 8; В. 99; А. 199).

Вопросы первый (сколько времени пробылъ Адамъ въ раю?), третій (кто прежде всѣхъ называлъ Бога Богомъ?), пятый (кто состарѣвшійся опять вошелъ въ чрево матери своей?) и десятый (сколько времени пролежалъ Ной въ ковчегѣ?) находимъ въ Вещдѣ Соломона и Сатурна ¹⁾.

Б.

Кто обрете имени его (Адама)?— 4 англы: архггль Михаилъ изыдо на вѣстокъ и видѣ звѣзду, имо онъ анатоля, и възомъ слово отъ есе, слово азъ, и принесе прѣдъ Гѣ; архггль Гаврииль изыдѣ на западѣ и видѣ звѣзду, имѣ ей дисисъ, и възомъ слово отъ есе, слово добро, и принесе прѣдъ Гѣ; Рафанль изыдѣ отъ полудне и видѣ звѣзду, имѣ онъ арктосъ, и възомъ слово отъ шѣе, слово азъ, и принесе прѣдъ Гѣ; Оуриль изыдѣ на полунощъ и видѣ звѣзду, имѣ онъ (мо)севрѣа и възомъ слово отъ шѣе, слово мыслите, и принесо прѣдъ Гѣ; и рече Гѣ: члти, Оуриле; и рече Оуриль: Адамъ.

(Т. II, 444).

Како наречеся Адамъ? Носла Богъ ангола і новелѣ взяти на востоцѣ Азъ, на западѣ Добро, на юго Мыслото, на сѣверѣ Еръ, и бысть Адамъ.

(В. 118; М. 242; Порф. 386).

Колыко Адаму отъ роженія і до смерти?—933 лѣта.

(В. 6).

Долго ли Адамъ жилъ на земли и колыко сыновъ было и дщерей? Адамъ жилъ на земли девятсотъ тридцать лѣтъ, дѣтой было у него яко сто и женилъ брата на сестрѣ.

(М. 243).

Чѣмъ крещень бысть Адамъ? Кровію Христовою: огда распять бысть

Dic mihi nomina quattuor stellarum, unde ortus est nomen Adam.—Anatolem, dysis, arctus, misimbria ²⁾.
(Schl. IX, 89).

Quantus annus vixit Adam?
DCCCCXXX.

(Par. 4; Schl. IX, 4).

Ipsæ Adam quod filius habuit?
Excepto Cain et Abel et Seth, treginta filius et treginta filias ³⁾.
(Par. 5; Schl. IX, 5; Münch. 21).

Ubi Adam accepit baptismum? In monte Calvariae, ubi Dominus Jesus

¹⁾ Dictionnaire des Apocryphes *Migne*'я, t. II, col. 880—882.

²⁾ Ср. примѣч. 24 и 46.

³⁾ Wilshaus отиѣчалъ сходные вопросы въ Вещ. Соломона и Сатурна, Адриана и Епиктета, въ Оксф. катех., въ Flores Беды.

на Голгофѣ, и отъ ребра его изиде кровь и вода, и рассѣдеса земля и камень, и боготочныя капли спидоша на главу Адамову.

(II. 172—173).

Внукъ рече бабѣ; положи мя у себя; и рече ему баба; како ты положу, еще есмь дѣвою?—Авель рече земли; тотъ бѣ первый мертвецъ.

(II. 171; Порф. 388).

Кто есть—молодецъ къ девиче рече; дѣво, пусти мя в себе; отвѣща ему дѣвица: како ты пушту, поже азъ оице ни отъ кого не разлѣйна? Молодецъ есть второй сынъ Адамовъ Авель, просидя в землю погребствися, а земля тогда была чиста, аки не растлѣна.

(M. 245).

Кому Господь первие посла грамоту?—Къ Снеу, Адамову сыну.

(Т. II, 433; II. 170; Б. 3, 5; M. 245; В. 88—89, 98; Порф. 386, 400).

Кто не умереть до второго пришествия Христова?—Илия і Енохъ.

(B. 89).

Кто смерти не приять і смерти богиша?—І Илия і Енохъ но приять смерти.

(B. 8).

Christus crucifixus est, de ojus sanguino.

(Münch. 40).

Qui aviam suam virginem violavit?—Abel terram ').

(Münch. 42; Schl. IX, 3; Par. 6).

Qui primus dicit litteras? Mercurius gigans et Enoch filius Jafet: ipse est scriba ante portas Hierusalem caelestem, nomina justorum ').

(Schl. IX, 44).

Qui sunt nati et non sunt mortui? Helias et Enoc et Johannes evangelista.

(Münch. 47).

Quis est natus et non est mortuus? Helias et Enoc.

(Schl. IX, 7).

Quis vivit dum saeculum vicit? Helias et Enoc et Johannes ').

(Münch. 4; Par. 10).

¹⁾ Сх. въ Demaundes joyous, 47 (*Wilmanus*).

²⁾ Въ ирвалѣ. вопросахъ и отвѣтахъ, изданныхъ *Narcole*, удоржано ими Снеа (Seth), какъ перваго изобрѣтателя писмьстъ (*Germania*, IV, 312). Въ отрывкахъ изъ статьи: „Оуказъ Господа нашего Исоу Христа“, приведенныхъ г. Ягичемъ въ описаніи рукоп. сборника XVI—XVII вѣка изъ библіотеки Кузубовича, вопросы объ изобрѣтателяхъ азбукъ переданы такъ: „Рци ми, кто обрѣ латинскоу книгоу; рече Матоусаль. Рци ми, кто обрѣте грѣчкоу книгоу; рече: Меркуриѣ. Рци ми—Боугарскоу: Куриль (*Клѣветникъ*, III, 1866, стр. 130). Упомянутое Меркуріа указывать на проникновеніе западныхъ вліній въ кругъ славянскихъ вопросовъ-отвѣтовъ.

³⁾ Сходные вопросы у Федя, въ Бесѣдѣ Адріана и Квинтета (*Wilmanus*). Объ авостолѣ Іоаннѣ см. далѣе особый вопросъ.

Живъ гробъ ходитъ, а мертвецъ въ немъ пость.—Есть бо жить рыба в морю, а мертвецъ есть Иона пророкъ: во чреве китове поше і моляся Богу.

(Б. 7, 4, 10; Т. 436, 443; В. 91, 110, 117, 120; М. 249; П. 171; А. 200; Порф. 389, 394, 400).

Кто есть—едияъ имѣ много, а друуги отнюдъ не имѣ ничтоже; дасть же нищи боле богатому много?—Пищій рече Іованъ, а богатыи Хс, иде бо Хс къ Іовану яслескыи обладни небесныи и земныи и възть отъ Іованна крщеніе, его же не имаше Іованъ.

(А. 202; Б. 6; В. 89).

Приде богатыи и нищезу, много оу себя имѣше, а одинаго у себя не имѣа, а нищей то ему даде чего оу него не было.—Приде Господь ко Іовану, все имѣа, одинаго крщенія не имѣа.

(В. 108; П. 170—171; Порф. 388, 395, 398).

Кто двожды смерти вкуси?—Лазарь четверодневный.

(Т. 434, 432; А. 199; Б. 3, 6; М. 249; В. 106, 117, 99, 88, 118; П. 170; Порф. 387, 393, 397, 401).

Кто ото апостоль не умеръ, жить?—Иванъ Богословъ.

(Т. 435; Б. 3; М. 249; В. 107, 116; Порф. 388, 397).

Іованъ Богословъ погребень ли, или нѣтъ? Погребень бысть седмію мужи во Ефесѣ, стоялъ покровешъ дскою и посыпанъ землею и увѣдаша граждана, придоша въ Э дель, хотице видѣти Іованна, и раскопанше гробъ и не обрѣтоша тѣла его.

(П. 173).

Quid est: vivit sepultus, vivit et sepulchrum? Jonas in ventre coeli.

(Munch. 10; Par. 16).

Quis tribus diebus et tribus noctibus oravit, nec caelum vidit, nec terram tetigit? Jonas in ventre piscis¹⁾.

(Munch. 23; Par. 15).

Quis dedit quod non habebat et recepit quod dederat? Sanctus Johannes baptismum et Eua lac.

(Munch. 41).

Quis simul natus et bos mortuos Lazarus²⁾.

(Par. 13; Munch. 88).

Qui Christum vidit et dormivit? Sanctus Johannes Evangelista.

(Schl. IX, 30; Munch. 89).

¹⁾ Сх. въ Бес. Адр. и Епикт. (*Wilmanns*). Ср. *Melusine*, t. III (1866), № 8.

²⁾ Flores Беды, Disput. Pipp. cum. Alb., Aдр. et Epict. (*Wilman*).

Кто отъ апостолъ не погребенъ, живъ ходитъ и донынѣ посвящаетъ всѣхъ насъ? Святый Иванъ Богословъ, яко молния, по небу скача, снабдѣвая рыбъ своимъ, стущицхъ сѣверю намять его...!).

(Г. 11).

Хто первый черноризецъ на земли? Пахомей великій: во образе чернечества повелѣ ему Богъ быти.

(Т. 437; Б. 4; П. 172).

Колко острововъ великихъ?—Семьдесятъ и два, а языковъ разныхъ только же, а рыбъ разныхъ только же, а птицъ разныхъ только же, а дровъ разныхъ только же, а костей въ чело-вѣкѣ всякихъ разныхъ двѣсти девяносто пять, а суставовъ въ чело-вѣкѣ столько же.

(Т. 433; М. 245; П. 169—170; Б. 3, 7; Порф. 386).

Который градъ преже всѣхъ сотворенъ и болши всѣхъ? Ерусалимъ градъ преже всѣхъ сотворенъ и болши всѣхъ, въ немже нунѣ земли и деревъ Святая Святыхъ и Господонъ гробъ.

(Т. 437).

Можно еще отмѣтить вопросъ о Лотѣ, сходный съ западными загадками:

Кто есть твой отецъ, а мой сынъ, ты мнѣ братъ, а я тебѣ мать, тебѣ дѣдъ. а мнѣ мужъ.—Где изыде Лотъ и пребысть съ дщери свои на пути и родиша сына, и мать ему загадывала (М. 245).

Измѣнная загадка о Лотѣ изложена въ формѣ зинтафин:

Wunder über Wunder:
Hier ligt begraben under

¹⁾ Относительно этого повѣрья о св. Иоаннѣ см. Сахарова, Эсхавологич. сочиненія и сказанія въ древне-р. писм., стр. 94—95, примѣч. Ср. Fabricii, Cod. ar. novi testam., 533, 530.

²⁾ Сх. въ бес. Солом. и Сат., Адр. и Ев. (Wilm.).

³⁾ Подобные же вопросы въ бес. Солом. и Сат., Адр. и Ев., Адр. и Рио., въ Осс. катех., у Беды (Wilm.).

⁴⁾ Солом. и Сат., Адр. и Ев., Flores Беды (Wilm.).

Mein Vatter und dein Vatter
 Und unser beider Kinder Vatter,
 Mein Mann und dein Mann
 Und unser beider Mutter Mann,
 Und ist doch nur ein Mann.

Есть подобная же французская загадка ¹⁾. Въ латинскихъ вопро-сво-отвѣтахъ извѣстіе о Лотѣ перюдано кратко:

Quis cum filias suas peccavit? Loth. (Münch. 51).

Какъ объяснить ближайшее, большею частью, дословное сходство приведенныхъ вопросовъ гречко-славянскихъ и латинскихъ? Можно ли предположить, что эти одинаковые вопросы и отвѣты сложились самостоятельно, независимо одни отъ другихъ, а оказались сходными лишь потому, что строились на одной и той же литературной основѣ? Нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ могутъ, пожалуй, дать поводъ къ такому предположенію. Таковы, напримѣръ, вопросы: сколько лѣтъ жилъ Адамъ, сколько лѣтъ провели евреи въ Египтѣ? Но подобныхъ вопросовъ не много. Рядомъ съ ними находимъ *замѣтки*, отличающіяся нѣкоторой замысловатостью, нѣкоторой сложностью и изысканностью замысла. Припомнимъ вопросъ объ Авелѣ, погребеніе котораго нарушило дѣвственность земли, вопросъ о Лотѣ и его дочеряхъ и др. Появленіе такихъ вопросовъ въ латинскихъ, славянскихъ и греческихъ текстахъ трудно, конечно, объяснить литературнымъ самозарожденіемъ. Противъ самозарожденія говорить и то, что сходными являются не два—три, а цѣлый рядъ вопросовъ.

Славяно-русскіе вопросы и отвѣты, какъ показали гг. Красносельцевъ и Архангельскій, ведутъ свое начало отъ греческихъ *ἑρωτηματικῶν*. Есть нѣкоторыя основанія догадываться, что и западныя *interrogationes* восходятъ также къ греческимъ образцамъ. Р. Мейеръ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые вопросы и отвѣты о библейскихъ событіяхъ, встрѣчающіеся въ „*Joca monachorum*“, не объяснимы изъ текста вулгаты: „Il convient de remarquer,—говоритъ французскій ученый,—que ces interrogations sur la Bible se rapportent pas à la Vulgate, mais à une des versions antérieures à saint Jérôme connues sous le nom d'*Itala*. En effet, la réponse à la question 35: *ad illicem Mambre* et précisément la leçon de la *Versio antiqua*, donnée par Sabatior pour *Gen. XVIII, 1*. Il y a dans la Vulgate in *convall*

¹⁾ *Wilmanns* I. с. *Веселовскій*, Разсужденія въ обл. русскаго дух. стиха, гл. X, стр. 381. Ср. *Dunlop's* Geschichte der Prosadichtungen übertr. v. *Lieb-recht*, Ss. 289—290, 498—499.

Mambre. La même observation s'applique au texte de Schlestadt, ce dont l'éditeur Berlinois ne s'est pas aperçu. La question 82 de ce texte (elle ne se trouve pas dans la rédaction du ms. de Paris) est ainsi conçue: „Qui pugnavit cum Golia, rege *Alofilorum*“, allusion à I Rois XVII. Ce chapitre est bien incomplet dans Sabatier, mais pourtant on y voit que la *versio antiqua* employait *Allophyllus* où la Vulgate emploie Philistaeus. De là il résulte que la composition de ce bizarre catéchisme ne peut guère être placée plus tard que le VIe siècle ¹⁾. Замѣтимъ, что *versio antiqua* совпадаетъ съ греческимъ текстомъ LXX и его славянскимъ переводомъ. Въ исто in convalle Mambre въ греческой библии читается: πρὸς τῇ ὄρει τῇ Μαρβρῆ (въ слав. вулгатѣ: „у дуба Мамврийска“); въ исто: congregantes autem Philisthiim agmina sua: καὶ συναγαγοῦσιν ἄλλόφυλοι τὰς παρεμβολὰς αὐτῶν (въ слав.: „И собираша иноплеменицы полки свои“). Въ виду того, что греческіе и латинскіе вопросы не могли явиться независимо, совпаденіе библейскихъ указаний, находящихся въ Јоса, съ текстомъ греческой библии получать не мало важное значеніе. Слѣдуетъ ли признавать, что это совпаденіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что латинскіе вопросы явились не позже VI вѣка? На отступленія отъ латинской вулгаты, находящіяся въ Јоса, могъ имѣть вліяніе не древне-латинскій переводъ библии, а текстъ греческихъ вопросовъ, оказывающійся сходнымъ съ *versio antiqua*. Любопытно, что въ латинскихъ вопросахъ встрѣчаются греческія слова: „duo Adam fuerunt: unus *protoplastos* и т. д. (Шлеттштадтскій текстъ VII вѣка, I); *Anatolem, dysis, arctus, misimbria* (Шл. IX. 39), при чемъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такія греческія наименованія встрѣчаются и въ другихъ латинскихъ памятникахъ ²⁾. Можно еще отмѣтить, что въ Шлеттштадтскомъ сборникѣ IX вѣка въ ряду другихъ статей помѣщенъ символъ вѣры на греческомъ языкѣ, написанный латинскими буквами: *pisteno his ana theon pathera panthocratoran* ³⁾. и пр.

Сличеніе нашихъ вопросовъ и отвѣтовъ съ подобными имъ памятниками западными можетъ нѣсколько освѣтить и литературную исто-

¹⁾ *Notania*, 1872, 489.

²⁾ Иларионъ: In limine commentarii Pseudo-Hieronymi ad Novum Test. Tom. V, edit. Mercianaci p. 817 legas: Adam a quatuor litteris et a quatuor stellis nomen accepit, quod est artis, dosis, antholis, mesimbrio (*Fabricei, Codex pseudepigr. vet. test.*, vol. I, pp. 49—50).

³⁾ *Scrapium*, 1845, 28.

рію Бесѣды трехъ святителей и другихъ произведеній, имѣющихъ съ нею сходство. Западныя безыменныя interrogatioes повторяются, какъ было уже замѣчено, въ цѣломъ рядѣ памятниконъ, изложенныхъ въ формѣ діалоговъ: Бесѣда Соломона и Сатурна, Адріана и Риона, Адріана и Епиктета. Эти бесѣды сложились, конечно, въ вліяніи такихъ произведеній, какъ *Josa monachorum*; но содержаніе бесѣдъ, разнообразное и чуждое единства, ихъ свободная форма давала широкій просторъ для позднѣйшихъ дополненій и вставокъ. „Растяжимость діалогической формы,—замѣчаетъ А. П. Веселовскій,—столь любимой старыми грамотѣями, открывала доступъ самому разнообразному матеріалу знанія и вѣрованій; онъ легко разиѣчался въ установленныя рамки и незаметно измѣнялъ самый смыслъ статьи. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же діалогъ могъ безграницно дифференцироваться, оставаясь при тѣхъ же иснахъ, и, наоборотъ, тотъ же діалогъ переходилъ на новыя лица, доказательствомъ чему однообразіе подобаго рода произведеній, дошедшихъ до насъ то съ именами *Sydrach's* и *Vocicus's*, то Адріана и Секунда или Эпиктета, *Deshaundes Joyous*“¹⁾, и т. н.

То же явленіе повторяется и въ нашей литературѣ. Западнымъ діалогамъ, избравшимъ матеріалъ вопросовъ и отвѣтовъ, соответствуютъ у насъ а) Бесѣда трехъ святителей, б) Повѣсть града Іерусалима (или Бесѣда Іерусалимская), в) Голубиная книга.

а) Какъ объяснить появленіе именъ трехъ греческихъ святителей въ памятникѣ, встрѣчающемся въ формѣ анонимныхъ вопросовъ-отвѣтовъ? Не перенесены ли имена Василія и Григорія изъ упомянутого выше діалога, въ которомъ собесѣдниками выступаютъ эти именно святители? На этомъ вопросѣ останавливается и г. Краснопольцевъ: „Можетъ быть, вліяніе Діалога на Бесѣду выразилось въ томъ, что съ перваго на послѣднюю перенесено было надписаніе? И это едва ли можно доказать. А если и такъ, то во всякомъ случаѣ это случилось не у насъ. Древнѣйшій юго-славянскій списокъ Бесѣды, списокъ Срезковича XIII—XIV вѣка, независимый отъ русскаго вѣдѣнія, имѣетъ уже на себѣ этотъ псевдонимъ почти въ полномъ его видѣ. По всему вѣроятію, что надписаніе именъ трехъ святителей сдѣлано было на спискахъ бесѣды.... въ Греціи и перешло къ южнымъ славянамъ и къ намъ

¹⁾ Скалліанъ о Соломонѣ и Китонрѣ, стр. 252. О діалогѣхъ Сидраха и Юкха, Адріана и Секунда см. *Веселовскаго*, Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1873, ч. CLXV, стр. 148—168) и Разысканія въ области русск. дух. стиха, V, стр. 181—184.

вѣстѣ съ этими списками" (стр. 31—32). Миѣ кажется, г. Красносельцевъ не далъ бы такого нерѣшительнаго и неопредѣленнаго отвѣта на поставленный имъ вопросъ, еслибы обратилъ вниманіе на разницу въ заглавіи позднѣйшихъ и старѣйшихъ списковъ памятника.

Въ позднихъ спискахъ заглавіе прямо называетъ имена извѣстныхъ трехъ святителей: Веседа Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста. Не таково заглавіе старѣйшихъ списковъ. Въ рукописи XV вѣка Московскаго Румянцевскаго Музея (№ VI) памятникъ имѣетъ такое подписаніе: „Устройство словесъ Василія и Григорія Θεολога Иоанна“¹⁾; въ рукописи XV вѣка Московской Синодальной Библиотеки (№ 682): „О устройеніи словесъ Василія, Григорія Θεолога Иоанна“²⁾; въ рукописи Сречковича XIII—XIV вѣка: „Въпроси и-Ѡвѣсти стго Григоріа и Василія, Ивана БѢгослова“³⁾. Такимъ образомъ третьимъ собесѣдникомъ является здѣсь не Иоаннъ Златоустъ, а Иоаннъ Богословъ. Совѣстное упоминаніе именъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста объяснить не трудно. Это соединеніе именъ могло вызываться и поддерживаться общей церковной памятью этихъ знаменитыхъ отцевъ⁴⁾. Но какъ объяснить болѣе раннее появленіе имени апостола Иоанна рядомъ съ именами греческихъ святителей? Нельзя не обратить вниманія на то, что эпитетъ „босоловъ“ занимаетъ въ заглавіи нашего памятника какое-то неопредѣленное, двойственное положеніе. Въ рукописяхъ Синодской и Румянцевской Веседа названа устройеніемъ словесъ „Василія (и) Григорія Θεолога Иоанна“, при чемъ прозваніе „Θεолога“ можно относить и къ предшествующему и къ послѣдующему имени. Въ списокѣ Сречковича уже прямо называется имя Иоанна Богословца. Не смотря на то, что рукопись Сречковича старше рукописей Синодальной и Румянцевской, чтеніе послѣднихъ слѣдуетъ признавать болѣе древнимъ, ибо замѣпа яснаго и точнаго надписанія („Вопросы и отвѣты Василія, Григорія и Иоанна Богослова“) неопредѣленнымъ (устрой-

¹⁾ Арзамельскій, *op. cit.*, стр. 196.

²⁾ Тихомировъ, Памяти. отеч. литерат., II, 429.

³⁾ Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по стар. слав. литературѣ, стр. 8.

⁴⁾ „Соборъ трехъ святителей“—праздникъ 30-го января. *Дн. Вяземскій* огибѣтъ любопытное извѣстіе, сохранившееся въ Словѣ на этотъ день Иоанна Еухимскаго (XI вѣка). По свидѣтельству Иоанна, константинопольскіе ритори при богословскихъ и философскихъ спорахъ раздѣлялись на партіи, при чемъ каждая партія обозначалась именемъ одного изъ трехъ великихъ святителей (Пам. древ. изам., вып. I, 1880 г., стр. 68, 127). Это указаніе повторено г. Красносельцевымъ (стр. 29.)

ніе словесъ Василія, Григорія (еолога Іоанпа) представляется необъяснимой. Это разнообразіе надписаній, какое-то колебаніе въ обозначеніи имени Іоанна даетъ основаніе догадываться, что имя это не принадлежало первоначальному заглавію. Это имя могло явиться какъ дополненіе, какъ объяснительная приписка къ прованію „Еологъ“. Первоначально названы были, вѣроятно, два имени: Бесѣда Василія Великаго и Григорія Еолога (таково именно заглавіе діалога о неопостижимости Божества). Въ этомъ заглавіи наименованіе „Еолога“ принято было позднѣйшими переписчиками за указаніе на третью собесѣдника; приписка имени Іоаннъ явилась при этомъ, какъ попытка болѣе точнаго опредѣленія упомянутого *Еолога*. Еще позже неудобное сопоставленіе апостола и двухъ епископовъ замѣнено было комплексомъ именъ, подсказаннымъ „соборомъ трехъ святителей“. Припомнимъ заглавіе славянскаго перевода того толкованія евангельскихъ притчъ, греческій оригиналъ котораго приписывается Аванасію Александрійскому: „Въпросанія и отвѣты евангельскихъ словесъ сказана Василіемъ и Еологомъ Григоріемъ“. Едва ли можно сомнѣваться, что это надписаніе составлено подъ влияніемъ діалога Василія и Григорія. Форма этого же намятника могла послужить образцомъ и для Бесѣды трехъ святителей.

б) Бесѣда ¹⁾ іерусалимская открывается вступительной картиной, изображающей сѣздъ царей и князей въ Іерусалимѣ. „Что дѣлалось на Синайстѣй горѣ, цосторонь града Іерусалима, у того дуба Мамврейскаго, у креста Лифанидова, у главы Адамовы? Тутъ было собраніе многими царемъ, и княземъ, и бояромъ, и всякими чиномъ, и людемъ Божиимъ: сѣзжались въ субботу великую къ свѣтлому Христову Воскресенію. И было тутъ сорокъ царей, а четыре царя у нихъ больше всѣхъ: вначалѣ всѣхъ былъ царь *Волотъ Волотовичъ*, а по немъ былъ второй царь Моисей Моисеевичъ, а третій былъ царь Елисей Елисеевичъ; четвертый былъ царь *Давидъ*, пророкъ Іерусалимскій *Лессевичъ* премудрый. И всѣ тѣи цари ко святой литургіи сѣзжались я, отслушавъ обѣдню, вышли изъ церкви Божіи, и стали между собою бесѣдовать“. Волотъ Волотовичъ просить князей и бояръ объ-

¹⁾ Бесѣда издана яр. *Буслаевичъ*: а) въ статьѣ: „Волотъ Волотовичъ“, по списку явч. XVIII вѣка (Очерки русск. нар. слов. и иск., I, стр. 461—468), б) въ Русской Христоматіи (стр. 345—354, 3 изд.), по четыремъ рукописямъ XVII и XVIII столѣтій (сводный текст). См. также Памят. стар. русск. литерат., выд. 2, стр. 307—308: Повѣсть града Іерусалима („изъ сборника, принадлежащаго Ф. И. Буслаеву“).

яснить его сонъ: „А мнѣ почесъ много видѣлось, и вы про тотъ сонъ скажите и добромъ его осудите. Кабы съ тоя страны восточныя восходить луча солнца краснаго, освѣтила всю землю святорусскую, а съ другую сторону полуденную выросло великое древо кипарисное... Серебряное кореніе у него, а вѣтви златое, а листвіе все бѣлое бумажное. А поверхъ того древа сидитъ птица кречеть, бѣлая вся, а на правой ногѣ у тоя птицы колокольчикъ золотой весь, зѣло предивенъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать?“ (Отвѣтъ держитъ Давидъ Иосефовичъ: „Государь ты знаишь первый царь Волотъ Волотовичъ! Далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Іакова, брата Господни ¹⁾: тотъ былъ гораздъ своимъ угадывать. И азъ тебѣ про него скажу: и тотъ твой сонъ сбудется во второмъ-на-десяти году. У меня, царя Давида, родится сынъ *Соломонъ*, а у тебя родится дщерь *Соломонида Волотовна*... А что съ тоя страны восточныя восходить лучъ солнца краснаго, освѣтила всю землю святорусскую: то будетъ градъ Іерусалимъ, исполненъ чудесами, во всю подсолнечную славень будетъ... И будетъ въ Іерусалимѣ построена церковь Святая Святыхъ о седмидесяти верхахъ. А что у древа вѣтви золотое, то будутъ наикадилья поставлены; а листіе бумажное, то свѣтъ на наикадильяхъ поставлены будутъ предъ чуднымъ образомъ. А на верху того древа сидитъ птица — кречеть бѣлая, то у моеи царицы сынъ будетъ, а что у кречета колоколець весь золотой, то будетъ у твоеи царицы дочь. И мой сынъ будетъ на твоеи дочери женатъ, и твоимъ престоломъ и царствомъ будетъ владѣть“. Далѣе слѣдуетъ состязаніе Давида и Волота въ рѣшеніи мудреныхъ вопросовъ. Царь Давидъ спрашиваетъ: „А ты мнѣ, большой царь Волотъ Волотовичъ, про то скажи: отъ чего у насъ свѣтъ свѣтится, и отъ чего у насъ зари занимается?“ и т. д. Волотъ рѣшаетъ эти задачи и въ свою очередь предлагаетъ Давиду рядъ вопросовъ: „кой градъ всѣмъ городамъ мати? И коя церковь всѣмъ церквамъ мати?“ и проч.

Имена Давида и Соломона даютъ основаніе предполагать, что наша „Повѣсть града Іерусалима“ сложилась на основѣ какихъ-то апокрифныхъ сказаній того цикла, центромъ котораго служить эпическій образъ мудраго израильскаго царя. Пр. *Буслаевъ* обратилъ вниманіе на то, что сонъ о деревѣ, разказываемый Волотомъ, въ общихъ чертахъ согласенъ съ загадкою, которую въ сказкѣ о царѣ

¹⁾ Это замѣчаніе о Римѣ и о св. Іаковѣ г. *Буслаевъ* называетъ „пословицей“ (Русск. Христом., стр. 347, примѣч. 4). *О. О. Миллера* видѣлъ здѣсь слѣды какого-то знаменитаго вліянія на нашу Бесѣду (Обзор. русск. слов., I, стр. 327).

Соломонъ Давидъ загадываетъ прибавимъ гостямъ, и которую отгадываетъ сынъ его Соломонъ, вмѣстѣ съ ними прибывшій къ своему отцу инкогнито¹⁾. Это сопоставленіе сна и загадки принято в *А. Н. Веселовскимъ*²⁾. Далѣе, за разказомъ о снѣ, Повѣсть града Іерусалима передаетъ, какъ было уже сказано, бесѣду Давида съ Волотомъ, ихъ состязаніе въ рѣшеніи загадочныхъ вопросовъ. Соединенное съ именемъ Давида, такое состязаніе представляется фактомъ удивительнымъ, не яснымъ. Неясность эта можетъ быть устранена лишь предположеніемъ о ближайшей связи и этого отдѣла нашей повѣсти съ сказаніями о Соломонѣ. Совоприсничеству Давида съ Волотомъ отвѣчаютъ сказанія о бесѣдѣ Соломона съ какими-то загадочнымъ существомъ, выступающимъ подъ именами Сатурна, Морольфа, Китовраса. Можно бы поэтому допустить, что въ Повѣсти града Іерусалима святы двѣ упомянутыя темы Соломоновыхъ сказаній: рѣшеніе Соломономъ загадокъ, задаваемыхъ Давидомъ, и бесѣда Соломона съ мудрымъ шпороцемъ. Появленіе Давида въ первомъ отдѣлѣ повѣсти (вопросъ о деревѣ) могло оказать вліяніе на замѣну имени Соломона именемъ его отца и во второмъ отдѣлѣ. Смѣшеніе въ повѣсти какихъ-то сказаній подтверждается и двойственнымъ смысломъ Волотова сна. „Двойственность символическаго значенія,—замѣчаетъ г. Мочульский,—сказалась въ данномъ случаѣ въ томъ, что одно и то же символическое древо съ кречетомъ бѣлымъ на его вершинѣ является то въ значеніи церкви, при чемъ кречеть бѣлый символически означаетъ или самое церковь—святая святыхъ, или Соломона, имѣющаго построить эту церковь; и снова то же символическое древо употреблено здѣсь для выраженія отношенія Соломона къ Соломопидѣ Волотовѣ, при чемъ бѣлый кречеть есть несомнѣнно самъ Соломонъ, а что у кречета на ногахъ колокольчикъ золотой, то есть Соломонидъ, на которой Соломонъ имѣеть женителъ“³⁾. Это упоминаніе о Соло-

¹⁾ Загадка Давида такова: „Позонецъ моего царства стоитъ древо злато, вѣтви самоцѣтныя, каменя на томъ дрѣвѣ драгія, мѣсяць сіяетъ, вокругъ древа ишеница бѣлояра, а околѣ ишеницы пива ржаная сильна“. Соломонъ разгадываетъ: „Позонецъ твоего царства стоитъ древо злато—то есть твое государство; вѣтви самоцѣтны—то есть овольнія царства подъ твою державою; камень—то есть твои царемъ ближнія пріятели и многіи князи и бояра; а сверху того древа мѣсяць сіяетъ—то ты, государь царь; вокругъ того древа ишеница бѣлояра—то твое войство; вокругъ ишеницы пива ржаная сильна—то православныя христіане“ (Очерки, I, 458).

²⁾ Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 180.

³⁾ Ист.-лит. анализъ стиха о Голуб. книгѣ, стр. 232.

монидѣ, женѣ Соломона, дало академику Явичу основаніе предполагать, что Повѣсть града Іерусалима имѣеть пѣкоторую связь и съ сказаніями о Соломоновой женитьбѣ¹⁾.

Какъ бы, однако, ни представлять себѣ сложеніе Повѣсти града Іерусалима, несомнѣннымъ остается параллелизмъ бесѣды Давида и Волота съ бесѣдой Соломона и того мудреца, который называется Сатурномъ, Морольфомъ, Китоврасомъ. Какъ объяснить этотъ параллелизмъ? Кто такой Волотъ? Что общаго между этимъ Волотомъ и Сатурномъ или Китоврасомъ-Кештаромъ?

Волотъ—великанъ, гигантъ, исполинъ²⁾. Имя и отчество Давида собесѣдника указываютъ такимъ образомъ на какое-то поколѣніе великановъ. Относительно *Сатурна*, упоминающагося въ англосаксонскомъ діалогѣ рядомъ съ Соломономъ, высказано было предположеніе, что имя древне-италійскаго бога закрыло здѣсь какой-то иной туземный мѣологическій образъ, образъ одного изъ древне-германскихъ божествъ³⁾. Назвать удачнымъ такое предположеніе нельзя. Какойнибудь Нгуодо (или Чгѣодо) въ положеніи Соломонова собесѣдника такъ же мало понятенъ, какъ и Сатурнъ. Въ самомъ памятникѣ Сатурнъ называется княземъ халдеевъ; онъ побывалъ по многихъ странахъ востока—въ Индіи, Персіи, Палестинѣ, Мидіи. Очевидно, представленіе о мѣологическомъ значеніи Сатурна остается совершенно забытымъ, хотя самое имя несомнѣнно указываетъ на известное божество. Соломоновъ собесѣдникъ — Сатурнъ, переставшій быть богомъ, сдѣлавшійся земнымъ властителемъ, многое выдававшимъ за своею вѣку. Не поможетъ ли намъ этотъ царь Сатурнъ отыскать имя того апопимскаго цари-великана, который выступаетъ въ нашей бесѣдѣ?

Съ давнихъ поръ, со времени сближенія римлянъ съ славянскимъ міромъ, установился обычай сопоставлять, даже отождествлять образы италійскихъ и греческихъ боговъ. Сатурнъ приравнивался обыкновенно къ Крону. У позднѣйшихъ писателей такое сопоставленіе мѣологическихъ образовъ получаетъ значеніе безспорнаго, общепринятаго миф-

¹⁾ *Archiv für slav. Philologie*, I, S. 87—88.

²⁾ *Буслаевъ*, Очерки, I, стр. 456; *Китоврасовъ*, ст. о „Клѣткахъ переходныхъ“ (въ Отч. о 33 присужд. Демидовскихъ наградахъ), стр. 203—204. Примѣры употребленія слова: волотъ см. Матеріалахъ для русск. слов. *Срезневскаго*, т. I, в. v.

³⁾ *Веселовскій*, op. cit., 254. Сопображеніе *Kendle's* и повторено въ *Dictionnaire des Aposryphes*, изд. abb. *Migne's* (t. II, col. 875).

ниѣ. Въ средневѣковой литературѣ можно указать разказы, представляющіе любопытное смѣшаніе подробностей, взятыхъ изъ двухъ мифологій, при чемъ своеобразный епигемизмъ христіанскихъ писателей придавалъ этимъ смѣшаннымъ повѣствованіемъ видъ *историческихъ псевдотитлидъ*. (Образцомъ такого псевдо-историческаго слагама можетъ служить разказъ о Кронѣ въ одной анонимной византійской хроникѣ: „Καὶ κρατήσας τὴν Συρίαν καὶ τὴν Περσίδα καὶ τὰ λοιπὰ μέρη τῆς ἀνατολῆς ἀνεφάνη καὶ ἄλλος, υἱὸς τινος Ὀβρανοῦ λεγομένου καὶ Ἀφροδίτης, γυναῖκός αὐτοῦ, γιγαντιαῖος, ὀνόματι Κρόνος κατὰ τὸ ὄνομα τοῦ πλανήτου ἀστέρος· γενόμενος δὲ καὶ οὗτος δυνατὸς πάντοτε καὶ πολλοὺς ὑποτάξας καὶ κυριεύσας, πρῶτος κατέδειξε τὸ βασιλεύειν καὶ κρατεῖν τῶν ἄλλων ἀνθρώπων. Ὅς καὶ βασιλεύσας πρῶτος Συρίας ἔτη νϵ υπέταξε πᾶσαν τὴν Περσίδα, ἀρξάμενος ἀπὸ τῆς Συρίας. Ἐχων δὲ γυναῖκα Σεμίφραμιν, τὴν καὶ Ῥέαν καλομένην παρὰ Ἀσσυρίους, ἔσχεν καὶ υἱούς δύο καὶ θυγατέρα μίαν, καὶ τὸν μὲν προσηγόρευσε Δία εἰς ὄνομα τοῦ πλανήτου ἀστέρος, τὸν δὲ ἐπωνόμασε Νίνον, καὶ τὴν θυγατέρα Ἦραν, ἣν καὶ ἔλαβεν εἰς γυναῖκα Πίκος ὁ καὶ Ζεὺς, τὴν ἰδίαν ἀδελφὴν“ ¹⁾). Въ хроникѣ Мих. Глики: „Ἀνεφάνη δὲ ἐκ τῆς τοῦ Σὴμ φυλῆς ἕτερος γιγαντογενῆς το ὄνομα Κρόνος, οὗτος πάντοτε γενόμενος δυνατὸς καὶ πολλοὺς ὑποτάξας, πρῶτος κατέδειξε τὸ βασιλεύειν καὶ τῶν ἄλλων κρατεῖν“ и т. д. ²⁾). Георгіи Кедринъ къ этимъ свѣдѣніямъ о Кронѣ присоединяетъ еще извѣстія объ его переселеніи въ Италію: ὁ δὲ Κρόνος ἐξωσθεῖς τῆς βασιλείας ὑπὸ τοῦ ἰδίου υἱοῦ Διός, κατελθὼν ἐν τῇ δόξαι κρατεῖ τῆς Ἰταλίας ³⁾). Путемъ переводовъ свѣдѣнія о великанѣ Кронѣ распространились и на Русь. Въ „Лѣтописцѣ Еялинскомъ и Римскомъ“ читаемъ: „Роди же ся отъ перваго сына Поева человекъ *ициптиска рода*, именемъ Кронъ, нареченъ бывъ отъ Дамна, отца своего, по имя переходныя звѣзды. Въ же силехъ зѣло, тыи прежде показа царствовати, рекше владѣти человекы, и царствова тои прьвнне во Асирии много лѣтъ“ Далѣе разкалывается, какъ Кронъ, оставивъ въ Асирии сына своего Пика Женеца, „иде на западныя страны“ ⁴⁾). Въ Азбуковникѣ имя Крона объясняется такъ: „Кроуъ гигантъ бѣ, рекше человекъ *солотъ*, а нареченъ бысть Кроуъ по имя звѣзды проходныя. Царствова сей Кронъ гигантъ во Асси-

¹⁾ Хроника эта падана въ Corp. script. hist. byzant. издѣнъ съ хрон. Малала (Malalae Chronogr., 17—18).

²⁾ M. Glycae Annales, 213.

³⁾ Cedren., p. 28.

⁴⁾ *Повесть*, Обзоръ Хроногр., I, 12.

рив. Сего Крова безумнн елини бога себѣ наричуть* 1). Еслибы мы хотѣли передать эти извѣстія примѣнительно къ употребленію мнѣологическпхъ терминовъ, принятому въ намятникахъ западныхъ, намъ пришлось бы имя Крова замѣнить именемъ Сатурна. Такъ именно и сдѣлалъ переводчикъ той византійской хронки, отрывокъ изъ которой приведенъ выше. Extitit et alius gigantaeae staturae, Coeli cuiusdam et Veneris filius, Saturnus, a planetae nomine dictus: qui Syriam, Persidem reliquasque Orientis regiones sibi subjectas habuit* и т. д. Въ этомъ гигантѣ Крова-Сатурнѣ есть несомнѣнное сходство и съ англо-саксонскимъ Сатурномъ, властителемъ, приближеннымъ съ востока, и съ нашимъ „первымъ царемъ Золотомъ.“

Преданія о Крова-Сатурнѣ напоминаютъ и другіе образы, появляющіеся въ сказаніяхъ о Соломонѣ. О Крова сообщается, что онъ имѣлъ отъ Филуры (Филора), сына „нарицаемаго Хирона философа“ 2). Этотъ философъ Хиронъ—извѣстный кентавръ Хейронъ, мудрецъ и праведникъ, воспитатель и содѣльникъ героявъ. Ахилла „Хиронъ училъ, справедливѣйшій всѣхъ изъ кентавровъ“ (δικαιοτάτος Κενταύρων. II., XI, 832). Наставникъ Пеллея сына владычя разнообразными знаніями: ὁ σοφιστάτος Χείρων μουσικῆς τε ἀμα ὦν καὶ δικαιοσύνης καὶ ἰατρικῆς διδάσκαλος. Съ именемъ владыча кентавра связывались какн-то мудрыя изреченія, Хейронος ὀρθῶτα 3). Объ отношеніяхъ Ахилла къ Хирону упоминал и позднѣйшіе писатели. I. Малала сообщаетъ, что Атриды (οἱ Ἀτρεΐδαι βασιλεῖς) передъ походомъ на Троию просили Хейрона, τὸν φιλόσοφον βασιλέα, παρασχεῖν αὐτοῖς τὸν Ἀχιλλεῖα 4). Намъ кажется, этотъ китоврасъ Хиронъ можетъ объяснить появленіе въ сказаніяхъ о Соломонѣ и золота Сатурна.

Еще Вильгельмъ Тирскій догадывался, что сказанія о Соломонѣ

1) *Оазиротъ*, Сказанія русск. народа, т. II, стр. 167. Любопытно, что и имя Морольфа примѣнилось къ той же переходной звѣздѣ: „Appellaverunt lingua sua *Morcholon*, id est stellam Deorum, quod derivato nomine *Saturnum* appellant“, замѣчено въ лат. сказаніи о Гортѣ и Маротѣ (*Весселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, стр. 253).

2) *Поповъ*, op. cit., 13.

3) Извѣстія о Хиронѣ взяты изъ *Preller's Griechische Mythologie*, II, 15—18.

4) *Malalae Chron.*, 97. Не забыть быль Хиронъ и въ средневѣковой литературѣ Запада. Неаполитанская хроника XIV вѣка разсказываетъ, что Виргалій напелъ волшебную книгу, излагавшую тайны магіи и астрономіи, въ пещерѣ подъ водою Хирона. Распространенный въ средніе вѣка хѣтебникъ посылъ такое заглавіе: „Herbarium Apulei Platonici, traditum a Chirone Centauro, magistro Achilliae“ (*Comparetti*, Virgil im Mittelalter, S. 291).

и Морольфѣ стоять въ связи съ преданіями объ отношеніяхъ Соломона къ Тирскому царю *Хираму*. „Hujus (Hiram) temporibus erat Abditus, Abdaemonis filius in vinculis, qui semper propositiones, quas imperasset Hierosolymorum rex, evincebat. Et hic fortasse est, quem fabulosae popularium narrationes Marcolphum vocant, de quo dicitur, quod Solomonis solvebat aenigmata et ei responderat aequipollenter iterum solvenda proponens“¹⁾. Въ 3 книгѣ Царствъ (гл. V) упоминается о сношеніяхъ Давида съ тирскимъ царемъ: „И прислалъ Хирамъ, царь тирскій, посланца къ Давиду и кедровыя деревья, и плотниковъ и каменщиковъ, и они построили домъ Давида“²⁾. По смерти Давида Хирамъ поспѣшилъ отстранить посольство къ Соломону: „И послалъ Хирамъ, царь тирскій, слугъ своихъ къ Соломону, когда услышалъ, что его помазали въ царя на мѣсто отца его“³⁾: ибо Хирамъ былъ другомъ Давида во всю жизнь. И послалъ также и Соломонъ къ Хираму сказать: Ты знаешь, что Давидъ, отецъ мой, не могъ построить домъ имени Господа Бога своего, по причинѣ войнъ съ окрестными народами, доколѣ Господь не покорилъ ихъ подъ стопы ногъ его. Иныя же Господь, Богъ мой, даровалъ мнѣ покой отвсюду: и нѣтъ противника и нѣтъ болѣе прелонъ. И вотъ я намѣренъ построить домъ имени Господа Бога моего... Итакъ прикажи парубить для меня кедровъ съ Ливана: и вотъ рабы мои будутъ вмѣстѣ съ твоими рабами, и я буду давать тебѣ плату за работы твоихъ, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у насъ нѣтъ людей, которые умѣли бы рубить дерева такъ, какъ сидоняне“. Хирамъ исполнилъ просьбу Соломона (3 книга Царствъ, V, 1—18). Объ этихъ переговорахъ Соломона съ тирскимъ царемъ разсказывается и во 2 книгѣ Паралипоменионъ (гл. II), при чемъ передаются подробности, не упомянутыя въ книгѣ Царствъ. „Пришли мнѣ,—говоритъ Соломонъ,—человѣка, умѣющаго дѣлать издѣлія изъ золота, и изъ серебра, и изъ мѣди, и изъ желѣза, и изъ иржи нуруроваго, багрянаго и лхотоваго цвѣта, и знающаго вырѣзывать рѣзную работу“ (ст. 7). „Посылаю тебѣ,—отвѣчаетъ Хирамъ,—человѣка умнаго, имѣющаго знаніи, *Хирамъ-Авля*, сына одной женщины изъ дочерей Даловыхъ, а отецъ его тирянинъ“ (ст. 13—14). Рукописи греческаго перевода LXX въ передачѣ этого

¹⁾ *Вестникъ*, Солом. и Китопр., 262.

²⁾ Въ греч. текстѣ: καὶ ἀπέστειλε Χираμ βασιλεὺς Τύρου τοὺς παῖδας αὐτοῦ χρῖσαι τὸν Σαλωμών ἀπὸ Δαυὶδ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, καὶ ἀπέστειλε... τοὺς παῖδας αὐτοῦ πρὸς Σαλωμών ἤκούσαν γάρ ὅτι αὐτὸν ἔχρισαν εἰς βασιλεῖα (Vetus testamentum graece juxta LXX interpretes, ed. C. Tischendorf, I, p. 415).

извѣстiя о тирскомъ мудрецѣ представляютъ любопытное разнообразiе: και τὸν ἀπέστειλά σοι ἄνδρα σοφὸν καὶ εἰδότα σόουσαι Χιρὰμ τὸν πατέρα μου, ἢ μήτηρ αὐτοῦ ἀπὸ θυγατέρων Δάν, καὶ ὁ πατήρ αὐτοῦ ἀνὴρ Τύριος, или: ἀπέσταλα... τὸν Χειρὰμ τὸν παῖδα μου¹⁾. Въ латинской вульгатѣ: Misi ergo tibi virum prudentem et scientissimum *Hiram, patrem meum*. Въ славянскомъ переводѣ: и нынѣ послахъ тебѣ мужа мудра и свѣдуща разумъ *Хирама, раба моего*. По преданiю, сохраненному Иосифомъ Флавiемъ, сношенiя Соломона съ тирскимъ царемъ не ограничивались переговорами, касавшимися постройки иерусалимскаго храма. Хирамъ и Соломонъ состязались въ мудрости, предлагая одинъ другому загадочные вопросы. Καὶ σφίσματα δὲ καὶ λόγους αἰνιγματώδεις διαπέμψατο πρὸς τὸν Σολομῶνα ὁ τῶν Τυρίων βασιλεὺς, παρακαλῶν ὅπως αὐτῷ τούτους σαφήνιση, καὶ τῆς ἀπορίας τῶν ἐν αὐτοῖς ζητουμένων ἀπαλλάξῃ τὸν δὲ δεινὸν ὄντα καὶ συνετὸν οὐδὲν τούτων παρήλθεν, ἀλλὰ πάντα κηῖσας τῷ λογισμῷ, καὶ μαθὼν αὐτῶν τῇ διάνοιαν ἀνεφοτίως (Antiquit. Jud., cap. 2). Въ другомъ сочиненiи Иосифа Флавiя упоминается о загадкахъ, предложенныхъ Соломономъ тирскому царю: τὸν δὲ τορανοῦντα Ἱεροσολύμων Σολομῶνα πέμψαι φασὶ πρὸς τὸν Εἰρωμῶν αἰνίγματα, καὶ παρ' αὐτοῦ λαβεῖν ἀξιοῦν, τὸν δὲ μὴ δυνηθέντα διακρίνα, τῷ λύσαντι χρήματα ἀποκτείνειν. Ὁμολογῆσεντα δὲ τὸν Εἰρωμῶν καὶ μὴ δυνηθέντα λύσαι τὰ αἰνίγματα, πολλὰ τῶν χρημάτων εἰς τὸ ἐπιτήμιον ἀναλῶσαι. Εἶτα δὲ Ἀβδημόνον τινα Τύριον ἄνδρα τὰ προτεθέντα λύσαι· καὶ οὕτων ἄλλα προβαλεῖν, ἃ μὴ λύσαντα τὸν Σολομῶνα, πολλὰ τῷ Εἰρωμῶν προσποτίσαι χρήματα (Contra Apionem, I). О пренирательствѣ загадками царей иерусалимскаго и тирскаго упоминають и христіанскіе писатели. Такъ Осифiя Антиохiйскiй говорить, что Хирамъ (Ἱέρωμος) и Соломонъ часто занимали другъ друга мудренными вопросами (ἐν γὰρ προβλήμασιν ἀλλήλους συνεχῶς ἐτόνμαζον). „Quis nescit, — замѣчаетъ св. Иеронимъ, — Salomonem philosophis Tyri et popula proposuisse et aliqua respondisse“²⁾.

Всѣ эти свидѣтельства о царяхъ иерусалимскомъ и тирскомъ представляютъ несомнѣнно древнѣйшiй видъ сказанiя о пренирательствѣ Соломона съ какимъ-то шоземнымъ мудрецомъ, о вопросахъ и отвѣтахъ, которыми они обитивались. Независимо отъ этого сказанiя существовало другое, связанное также съ постройкiемъ храма, сказанiе о Соломонѣ и Асмодеѣ, отъ котораго еврейскiй царь узнаеть тайну обдѣльвания камней. Этi два сказанiя, приуроченныя къ одному и

¹⁾ Ibid., p. 531- 535.

²⁾ Всѣ эти свидѣтельства о Хирамѣ приведены у *Фабриція: Codex pseudepigr. vet. testam. I, 1026-1030.*

тому же предирітію Соломона, легко, конечно, могли смѣшиваться и дѣйствительно смѣшиваясь. Не останавливаясь на этомъ смѣшеніи, замѣчу, что въ преданіяхъ о Соломонѣ есть слѣды еще иного, недостаточна вылепленнаго наслоенія. И имѣю при этомъ въ виду образъ китовраса, появивающійся въ нашихъ сказаніяхъ о Соломонѣ. Китоврасъ, *xétxopos*,—имя, несомнѣнно указывающее на примѣсь къ еврейскимъ преданіямъ какихъ-то воспоминаній изъ греческаго эпоса. Какъ объяснить эту примѣсь? Что могло дать поводъ къ появленію классическаго кентавра рядомъ съ библейскимъ даремъ? Мнѣ кажется, поподъ могли дать *слава и слава* упомянутого выше греческаго „философа Хирона“. Тирскій царь Хирамъ (*Хетрафъ, Хирафъ, Нирамъ, Нирапъ*), обвиняющійся съ Соломономъ загадками, а также *Хирамъ-мудрецъ*, извѣстный по книгѣ Наралипоменонъ, напомнили передатчикамъ библейско-апокрифныхъ сказаній имя и образъ *мудраго* кентавра Хирона. Такое сопоставленіе Хирама и Хирона могло повести къ дальнѣйшимъ сближеніямъ. Хирамъ—изъ рода великановъ; онъ—Волотовичъ, сынъ гиганта Крона-Сатурна. Поэтому англо-саксонскій Соломонъ оказался бесѣдующимъ съ Сатурномъ (принимая, что, по разказу книги Наралипоменонъ. Хирамъ называется къ Соломону *virum prudentem et scientissimum*, котораго называетъ *своимъ отцемъ, patrem meum*). Нашъ Давидъ Исакевичъ вступаетъ въ разговоръ съ *Волотомъ Волотовичемъ*. Такое появленіе въ одномъ и томъ же кругѣ сказаній Сатурна, кентавра и волота нельзя же признать случайнымъ, если мы знаемъ, что Сатурнъ-Кронъ дѣйствительно представлялся волотомъ и имѣлъ сына кентавра.

Случайность представится намъ въ этомъ случаѣ еще менѣе вѣроятной, если мы обратимъ вниманіе на то, что предположеніе о Хирамѣ-Хиронѣ, сынѣ волота, даетъ намъ возможность легче, чѣмъ прежде, представить себѣ составъ такого налитника, какъ Вѣсѣда Иерусалимская. въ которой выступаютъ Давидъ и Волотъ Волотовичъ. Какой-то царь Волотъ Волотовичъ разказываетъ Давиду сонъ: онъ видѣлъ великое дерево съ золотыми вѣтками, на деревѣ птица-кречетъ съ золотымъ колокольчикомъ на правой ногѣ. Давидъ признаетъ этотъ сонъ вѣдшимъ. Онъ предказываетъ два событія: а) женитбу Соломона на дочери Давидова собесѣдника. б) построчіе храма въ Иерусалимѣ. Далѣе, послѣ разказа о снѣ, передается рядъ вопросовъ, которые предлагаютъ другъ другу Давидъ и Волотъ. Признавъ тожество Волота и Хирама, мы объяснимъ всѣ пересказанныя подробности Иерусалимской Вѣсѣды. Мы знаемъ, что Хирамъ находился въ друж-

ственныхъ сношеніяхъ съ Давидомъ: при содѣйствіи тирскаго царя построень дворець Давида. Есть извѣстіе, что сынъ Давида *Соломонъ былъ женатъ на дочери Хирама*: Εἰράμω τοῦ Ἰουρίων βασιλέως θυγατέρα εὐτυχῆ Σολομῶν, ὡς Τατιανὸς ἱστορεῖ, — замѣчаетъ Георгій Синкель 1). Построеніе іерусалимскаго храма также неразрывно связано съ именемъ тирскаго царя. Объясняется такимъ образомъ двойное значеніе Волотова сна; эта двойственность соотвѣтствуетъ двоякимъ отношеніямъ Соломона къ Хираму: тирскій царь выдаетъ свою дочь за Соломона и оказываетъ ему содѣйствіе при постройкѣ храма. Съ тѣмъ же тирскимъ царемъ *Соломонъ* препирается загадками. Наша Бесѣда предлагающимъ и рѣшающимъ загадки называетъ, правда, не Соломона, а Давида, но такое смѣшеніе именъ было, вѣроятно, дѣломъ позднѣйшихъ пересказчиковъ повѣсти града Іерусалима. Быть можетъ, первоначально повѣсть имѣла такой видъ: а) Давидъ вступаетъ въ сношенія съ какимъ-то царемъ; вѣщій сонъ этого царя; пророчество Давида о Соломонѣ; б) спустя много лѣтъ, пророческій сонъ сбывается: Соломонъ возобновляетъ сношенія съ тѣмъ царемъ, съ которымъ перепаривался его отецъ; постигали въ рѣшеніи загадокъ.

3) Голубиная книга имѣетъ, какъ извѣстно, ближайшее сходство съ Повѣстью града Іерусалима. Въ книгѣ, какъ и въ Повѣсти, собесѣдниками выступаютъ два лица: Давидъ Ессеевичъ (Елсеевичъ, Авсеевичъ, Осеевичъ, Васильевичъ) и Волоть Волотовичъ (Волотоманъ Волотомановичъ, Володимиръ Володимировичъ). Сходенъ въ томъ и другой памятникъ и составъ вопросовъ, которыми обмѣниваются разговаривающіе мудрецы. Поэтому Книгу и Бесѣду можно бы назвать пересказами одного и того же произведенія, если бы въ Голубиной книгѣ не было своеобразныхъ особенностей, не объяснимыхъ изъ сказаній о Соломонѣ и Давидѣ.

Повѣсть града Іерусалима открывается изложеніемъ и объясненіемъ сна о деревѣ. Въ Книгѣ Голубиной этотъ сонъ отнесенъ къ концу памятника; при томъ же, по замѣчанію г. *Мочульскаго*, „сонъ о деревѣ встрѣчается лишь въ двухъ пересказахъ стиха..., которые представляютъ собственно незначительныя варіаціи одного и того же списка 2). Вместо сна о деревѣ Книга рисуетъ другую вступительную картинку: сорокъ царей и цареничъ, князей и князевичъ, сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ собрались около необыкновенной книги: „до-

1) Georg. Synes., I, 342.

2) Авансъ Стиха о Голуб. книгѣ, стр. 220.

лины книга сороку сажень, поперечныи двадцати сажень*. Содержаніе Іерусалимской Бесѣды связано, какъ мы видѣли, съ сказаніями о Давидѣ и Соломонѣ. Изложеніе вѣщаго сна предшествуетъ вопросамъ и отвѣтамъ не случайно: значеніе сна раскрывается *пророчествомъ Давида*, а вопросы и отвѣты служатъ выраженіемъ *мудрости Соломона*. Голубиная книга повторяетъ основное содержаніе Бесѣды, но измѣняетъ порядокъ подробностей (изложеніе вопросовъ предшествуетъ разказу о снѣ), нарушая такимъ образомъ естественную последовательность эническихъ событій. Ясно, что Книга представляетъ болѣе поздній, болѣе измѣненный видъ того апокрифнаго сказанія, которое въ болѣе цѣльномъ, хоти и не первоначальномъ видѣ, сохранилось въ Новѣсти града Іерусалима.

Повѣсть заканчивается вопросомъ эсхатологическаго содержанія: „И рече туто царь большой Волотъ Волотовичъ: скажи ты мнѣ, царь Давидъ Іессеевичъ, на второмъ Христовѣ пришествіи кому не бывати и лица Божія не видати, а суда ему не слыхати, безъ суда будетъ посланъ въ муку вѣчную? И рече туто царь Давидъ пророкъ: яно я тебѣ про то скажу: всякому челоуѣку быти на второмъ Христовѣ пришествіи, и судъ ему по его дѣламъ будетъ. Тѣмъ на второмъ пришествіи не бывати и суда Божія ему не будетъ, кто здѣсь на свѣту чародѣйствуетъ и рожаницъ погититъ, изъ хлѣба спорныю выпимаетъ¹⁾: тому на томъ свѣту лица Божія не видати, и безъ суда Божія посланы будутъ въ муки разнымъ и грознымъ, и въ тартары, въ муки вѣчныя и въ огни неугасимыя“. Эти именно вопросы и дали, вѣроятно, поводъ внести въ разказъ о Давидѣ и Волотѣ изображение необыкновенной книги. Давно указано, что описаніе такой именно

¹⁾ „Спорныю выпимать.“—значаетъ пр. Вуслаевъ,—посредствомъ ворожбы и кудесничества, производимаго въ полѣ на пивахъ, дѣлать сжатыи съ этихъ ивъ хлѣбъ неспорныи, топяи, невыгодныи. Въ стихѣ „Прощаніе души съ тѣломъ“ грѣшница между другимъ своимъ грѣхамъ ваетъ: „мы изъ хлѣба спорныю выпимавали“ (Русск. Христом., 354). Объясненіе неточное. „Спорныя“ — vesale соглицит; народнымъ знахарямъ навѣстно ея abortивное дѣйствіе. Выраженіе „изъ хлѣба спорныю выпимать“ находится въ ближайшей связи съ предшествующимъ: „рожаницъ погититъ“. Въ Стихѣ о Голубиной книгѣ:

Треть грѣхамъ великоє, тяжкоє покаяніе:
Кто блудъ блудитъ съ кумой престовна,
Кто во чрево сымаи интравлиаєтъ,
Кто бранитъ отца съ матерью.

(Калѣка Перехож., в. 2, 298).

необыкновенно большой книги встрѣчаются въ памятникѣ апокалиптического содержанія: въ апокрифныхъ Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской ¹⁾).

Такимъ образомъ Голубиная книга—та же Іерусалимская Бесѣда, лишь нѣсколько измѣненная подъ влияніемъ примѣся апокалиптическихъ образовъ. При этомъ нужно, однако, оговориться, что и въ Голубиной книгѣ могли удержаться кое-какія подробности, принадлежавшія, быть можетъ, первоначальному сказанію о Соломонѣ и Волотѣ, но забытыя Іерусалимской Бесѣдой той редакціи, которая теперь, известна. Припомнимъ сновидѣніе о двухъ борющихся звѣряхъ:

Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались—билися,
Однѣхъ одного звѣрь одолѣть хочеть.

Давидъ объясняетъ этотъ сонъ такъ:

Это Кривда съ Правдой сходилася,
Промежду собой билися—дралися,
Кривда Правду одолѣть хочеть, и т. д.

Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ пересказахъ Голубиной книги этой борьбѣ Кривды и Правды придается значеніе, соответствующее эсхатологическимъ вопросамъ іерусалимской бесѣды:

При послѣднемъ будетъ при времени,
При восьмой будетъ при тысящи
Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо
А Кривда пойдетъ она по всей земли,
По всей земли, по всей вселенныи,
По тѣмъ крестьянамъ православнымъ,
Вселится на сердца на тайныи...

(Калѣки Порех., I, стр. 292).

Или:

Правда пошла къ Богу на небо,
Къ самому Христу, царю небесному;
А Кривда осталась на сырой земли,
И пошла она по сырой земли,
По всемъ четвернымъ по сторонамъ.

¹⁾ Тизонравовъ, ст. о „Калѣкахъ переходныхъ“ (Отчетъ о 33 присуд. Деявдовскихъ наградъ), стр. 205—206; Веселовскій, Сказанія о Солом. и Киптовр., 165—167; Явичъ въ *Archiv. f. slav. Philologie*, I, 86; Сагаровъ, Эсхатологич., сочиненія и сказанія, 132.

А кто стаетъ жить у насъ правдою,
Тотъ наследуетъ царство небоспоо,
Но избавлеть злой муки претѣхныя;
А кто стаетъ жить у насъ Кривою,
Отрѣшишь на муки на вѣчныя.

(Ibid., стр. 274).

А. Н. Пынинъ указалъ на сходство загадочнаго сна о двухъ бьющихся звѣряхъ съ разказомъ о Соломонѣ и царѣ пересскомъ. „Дарій, царь пересскій, послалъ къ Соломону, мудрому царю, написать загадку: „стоитъ цыть, а на цыть заецъ; прилетѣвъ соколъ взялъ зайца, и тутъ еде сова“. Рѣшить эту загадку помогать Соломону бѣсъ. „И рече бѣсъ объ одномъ оцѣ: цыть царю—земля твоя, а на цемъ заецъ... правда стоитъ, а прилетѣвъ соколъ взялъ зайца, то есть ангель Господень взялъ правду на небо, и тутъ еде сова, то-есть кривда“¹⁾. Возможно, что эта загадка принадлежала къ составу того же сказанія о пренирательствѣ Соломона съ тирскимъ царемъ, которое отразилось въ শেষей новѣсти града Иерусалима²⁾.

Остается еще коснуться заглавія Голубиной книги. Признается вѣроятнымъ, что названіе „голубина“ замѣнило другое опредѣленіе „глубинная“³⁾. Авраамія Смоленскаго упрекали за то, что онъ читаетъ какіи-то *глубинныя книги*; въ статьѣ о книгахъ нетипичныхъ и ложныхъ упоминается книга *Глубина*; такое же наименованіе примѣнялось къ Псалтири: „Начинается книга Псалтирь Златорѣчивая; протолкуется *глубины премудрости велимудраго царя Давида*“⁴⁾. Любопытно, что въ одномъ изъ пересказовъ Голубиной книги Псалтирь описывается такими же чертами, какъ и сама книга Голубиная:

Псалтирь книга всѣмъ книгамъ мати:
Въ долинѣ книга сорока сажокъ,

¹⁾ Очеркъ лит. ист. стар. новѣстей и сказовъ, 147—148. Ср. Сазаровъ, Сказанія русск. народа, т. I. кн. 2, стр. 104; Тихомировъ, Памяти. отреч. русск. литературы, I, стр. 269.

²⁾ „Замѣтить, — говоритъ А. Н. Веселовскій, — что романъ о Мерзавѣ, въ основѣ котораго мы отроемъ апокрифическія данныя о Соломонѣ и Китоврасѣ, также начинается видѣніемъ о борьбѣ двухъ звѣрей; борится красный и бѣлый драконъ... когда одинъ одѣлѣлъ другаго, также дается аллегорическое толкованіе, съ тою разницею, что Правда и Кривда замѣнены другими историческими мотивами, сообразно съ содержаніемъ самого романа“ (Солом. и Китовр., стр. 178—179).

³⁾ Тихомировъ, () „Калѣв. перек.“, 204; Веселовскій, op. cit., 181.

⁴⁾ Мочульскій, op. cit., 49—50.

А въ ширину книга двадцати сажоуь,
 А въ толщину книга десяти сажоуь,
 А читать той книги—не прочитатъ буде,
 А на рукахъ держатъ—не удержатъ буде.

(Калѣки черех., I, стр. 373).

Перенесеніе опредѣленія Псалтири, какъ *глубины премудрости*, на повѣствованіе, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ пророчествовавшій Давидъ,—дѣло возможное.

Въ заключеніе замѣчу, что сравненіе книжной мудрости съ глубиной нерѣдко повторяется въ нашей старинной письменности. Въ записи, находящейся въ Изборникѣ 1073 года, читаемъ: „Великѣи въ книзихъ князь Стославъ въжделаниемъ зѣло въжделаниъ держалимины вѣка обавити покръвенныя разоумы въ глбниѣ многострѣпльныхъ сихъ книгъ прѣмудраго Василя“ и т. д. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ (XVI вѣка) Публичной бібліотеки читается такая замѣтка: „Книгѣ оучѣ дръ дръга, а развѣмъ даѣ Бѣ смѣже хочѣ, книгы бо быша первѣе по бни глбниѣ моретѣи“¹⁾. Въ другомъ сборникѣ той же бібліотеки помѣщено между прочимъ: „Слово стго Іошина Злѣуста ѡ вторѣ принестѣи Гѣ Вѣа шнго Іса Хѣ“. Въ концѣ этой статьи приписано „послѣслово находявшееся въ той рукописи, съ которой было списано слово: Сія книга нарицаѣся Жѣчюжная Матица, по бни есть глбниѣ мѣстем, в ѣйже поныряя ѣносѣ бисѣ и каменне драгое слѣше бо меду и сота драгая словеса Г ѣа“²⁾. Такое уподобленіе мудрости глубинѣ дѣйствительно находится въ книгѣ, носящей заглавіе: „Сія книга именуѣтся Жѣнчѣи и Матица зѣла“³⁾. Первая статья „Матицы“ („Сказаніе ѡ книжинѣи нещи. Слово стго Іошѣ Злѣустаго ѡ почитаніи книгъ“) начинается такъ: „Что прѣмудрѣи-

¹⁾ *Бычьковъ*, Описаніе рукоп. сборн. Публ. бібліот., I, 492.

²⁾ *Ibid.*, 467—468.

³⁾ Рукоп. XV вѣка Публ. бібліот. изъ Погод. древлехр. № 1024 (Отрывки изъ этой рукописи напечатаны въ Историч. Христом. *Буслаева*, ст. 688—693). „Златая Матица“—сборникъ, статьи котораго расположены въ церковно-календарномъ порядкѣ, представляютъ рядъ чтеній, приуроченныхъ къ илѣстнымъ днямъ года. Въ заглавіи перваго чтенія помѣчено: „В ѣнеѣ сиропоуѣ“; послѣднія чтенія относятся къ недѣлямъ, слѣдующимъ за праздникомъ Богоявленія. Погодинская Матица—несомнѣнно русской редакціи; въ ней помѣщены отрывки изъ Печерскаго патерика (л. 229, 233), разказъ о крещеніи кн. Ольги (л. 238), о кн. Михаилѣ Черниговскомъ и бояринѣ его Теодорѣ (л. 257). Анонимно, что нѣкоторыя статьи Матицы изложены въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ: см. л. 16, 17 об., 219, 277, 297 об., 408 об.

тають приникающе въ бжественныя книги. Книгѣ быша первое поѣбныя глѣбинѣ морстѣи, в нюже понирающе износать бласерь драги, тако припичюще въ бгдѣхновенныя книги обрѣтають себѣ скровища не нмы цѣны*. Это изображеніе глубины премудрости повторяется и позднѣйшими писателями. Кирилл Транквилионъ, объясняя заглавіе своей книги: „Перло многоцѣвное“, говоритъ о глѣбинѣ небесной премудрости, изъ которой добылъ онъ дорогія жемчужныя слова въ честь и славу Божію.

Иль. Збѣдшоуль.

НЪ ВОПРОСУ О „ЧЕТВЕРТЧИНАХЪ“.

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1891 годъ помѣщена пятая глава изслѣдованія П. Н. Милюкова „Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго“. Въ третью примѣчаніи на 36 страницѣ этой главы г. Милюковъ цитуетъ, по одному частному вопросу, второй выпускъ monkъ „Историко-юридическихъ матеріаловъ“. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ этотъ второй выпускъ въ свѣтъ не выйдетъ, а матеріалъ, которымъ предполагалось его наполнить, въ значительно измѣненномъ видѣ появляется въ VIII томѣ „Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи“ подъ заглавіемъ „Десятины XVI вѣка“¹⁾. Въ виду этого невольнаго недоразумѣнія мнѣ кажется умѣстнымъ сообщить на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* тѣ данныя, которыя необходимы для болѣе отчетливаго пониманія указаннаго мѣста нитой главы изслѣдованія П. Н. Милюкова и который послѣдній имѣлъ въ виду, — присоединивъ къ нимъ одну, двѣ небольшихъ оговорки.

Одною изъ заслугъ труда П. Н. Милюкова нельзя не признать выясненіе имъ происхожденія и значенія „четвертей“. „Четь“, по мнѣнію П. Н. Милюкова, происходящая въ тѣсной связи съ мнѣніемъ *А. Лохвицкаго* (Губернія. С.-Пб. 1865 г., стр. 20—35), съ самаго своего появленія была *финансовымъ* учрежденіемъ, учреждена была, какъ таковое, и никогда не превращалась въ учрежденіе сословное²⁾. (Образовавшись

---

¹⁾ Въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ изданы отдѣльно подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства.—I. Десятины и Тысячная книга XVI вѣка“. М. 1891.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890 г., № 9, стр. 39—40.

внутри вѣдомства Большого Прихода ¹⁾, чети съ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка становятся самостоятельными финансовыми учрежденіями, не стоящими ни въ какой связи съ Большимъ Приходомъ, но сохранившими за собою старое значеніе учреждений, изъ которыхъ главнымъ образомъ выплачивается жалованье служилымъ людямъ ²⁾.

Всѣ эти четверти, не исключая отчасти и Новгородской (вопреки утвержденію г. Милюкова на стр. 36 первой главы: *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890 г., № 9), какъ финансовые округа, находятся внѣ всякой связи съ округами поелными ³⁾, такъ что Новгородскую четъ, какъ кажется, можно съ полнымъ правомъ отнести ко второй категоріи финансовыхъ округовъ наравнѣ съ Владимірской, Галицкой, Устюжской и Костромской, если обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на ея отношеніе къ новгородскому разряду, и съ *нѣкоторой* *натяжкой* къ первой категоріи, если преимущественно имѣть въ виду территорію, ею охватываемую. Чети одинаково уплачивала денежное жалованье какъ служилымъ людямъ *по отечеству* (дворянамъ и дѣтямъ

¹⁾ Наиболѣе раннее свидѣтельство о нѣсколькихъ четахъ относится къ 1676 году (см. *ib.* с. 28); наиболѣе раннее свидѣтельство о „четвертьникахъ“ по десятииѣмъ относится къ тому же году (см. *Арх. мин. вѣст.*, к. д., 17, л. 1, мой описи № 114, ²⁾отъ 1677 г. по Коломнѣ).

²⁾ Ср. свидѣтельства Маржерета и записки, найденной Н. Соловьевымъ въ Шпецціи; выдержки у Н. П. Милюкова, *ib.* стр. 34—35. Иное мнѣніе о четвертихъ высказано въ книгѣ С. М. Середонина, „Сочиненіе Джильса Флетчера *Of the nature of common wealth*, какъ историческій источникъ“. С. М. Середонинъ связываетъ позначеніе четвертей съ учрежденіемъ опричнины. Мнѣніе это требуетъ подробнаго анализа, такъ какъ аргументы автора не вполне доказательны.

³⁾ Что финансовый округъ *Новгородской чети* лишь отчасти совпадалъ съ военнымъ округомъ *новгородскаго разряда*, видно изъ того, что изъ 19 городовъ послѣдняго 11 принадлежали къ финансовому вѣдомству Новгородской чети, два города (Зубцовъ и Торонецъ) къ вѣдомству Костромской чети, четыре (Ржева Вл., Старая и Луки Великіе и Песель) — къ вѣдомству Устюжской и два (Тверь и Торжокъ) — къ вѣдомству Владимірской чети. Въ свою очередь, изъ городовъ Новгородской чети одиннадцать (Новгородъ, Ладога, Порховъ, Старая Руса, Псковъ, Гдовъ, Островъ, Опочка, Изборскъ(?), Олонецъ, Ржева Пустая) относились къ новгородскому разряду, одинъ (Орель) — къ сѣверскому разряду, одинъ (Иренскъ) — къ казанскому разряду, одинъ (Орловъ) — къ тамбовскому разряду, девять (Архангельскъ, Соль Клясская, Вологда, Гороховецъ, Нижній Новгородъ, Ромашовъ, Холмогоры, Чердынь, Каргополь) — къ владимірскому разряду и нѣсколько городовъ внѣ разрядовъ. Слова Н. П. Милюкова (на стр. 86-й *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890, № 9) о Новгородской чети и Казанскомъ дворцѣ: „финансовые округа совпали въ этомъ случаѣ съ военными; это совпаденіе дано также названіемъ приказамъ положеніе болѣе самостоятельное“, — исправляются на 85—86 стр. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, № 3.

боярскимъ), такъ и служилымъ людямъ по прибору (стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики), при чемъ первые по полученію жалованья дѣлились на емлющихъ „изъ чети“ (четвертчики) ¹⁾ и емлющихъ съ городомъ ²⁾. Жалованье „съ городомъ“ какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и въ XVII вѣкѣ, несомнѣнно, но было ежегоднымъ, а давалось только

¹⁾ См. Арх. мин. юст., кн. д. 60, л. 9: „изъ городовыхъ во 114 г. по верстанью государеву жалованье деньги даны имъ съ городомъ, а по государевѣ даревѣ и великого князя Василия Ивановича всея Русіи грамотѣ и по списку за приписью дьяка Топила Луговского велѣно ихъ написать въ дворянскіе четвертчики вѣдѣнъ“; также л. 10 об.; въ кн. д. 121, л. 52: „пущенъ въ четь и писанъ въ четвертчикѣхъ“; въ кн. д. 4 ривизи: „четвертное денежное жалованье; кн. д. 123, л. 7 об.: „а денежное де государеву оброкъ жалованье емлетъ изъ чети“ или л. 54 об. „городовые оброкъ имали изъ чети“; срв. кн. д. 121, л. 25 об.; о припискѣ по жалованью къ чети обыкновенно употреблялось техническое выраженіе „пущитъ въ четверть“, „пущенъ въ четь“, „пущенъ въ четь вновь“ (passim); кн. д. 4, л. 60: „ошладчики про него сказали: денегъ емлетъ съ городомъ 14 рублевъ, пущенъ въ четверть, а съ которую четь, того не вѣдаютъ“; приписка въ чети заносилась въ особыя „четвертныя книги“, а по достиженіи перѣдко заносились денежныя оклады въ десятиныхъ, какъ наиримѣръ, въ кн. д. 4 изъ костромской и галицкой чети. Выраженіе „пущитъ въ четь“ можно встрѣтити среди документовъ перваго тома „Актовъ Московск. государства“.

²⁾ „Городовыя деньги, см., наиримѣръ, Арх. мин. юст., кн. д. 129, л. 21; срв., впрочемъ, въ кн. д. 124, л. 206 об., выраженіе: „городовые деньги ималъ изъ чети“, и кн. д. 123, л. 55: „городовые деньги имали съ городомъ“; дѣленіе жалованья съ городомъ на „первыя“, „другія“ и „свершенныя“ съ начала XVII вѣка исчезаетъ. Есть, впрочемъ, указанія на полученіе жалованья „изъ чети“ также казаками, именно бѣлгородскими, нелельскими и др.; см. Арх. мин. юст., кн. д. 106, л. 20, кн. д. 19 съ л. 80, кн. д. 28 съ л. 115. Въ текстѣ приведено указаніе, что иногда окладчики не знаютъ, въ какую четверть пущенъ дворянинъ; иногда оказывается, окладчики даже не знали, емлетъ ли иной дворянинъ деньги „съ городомъ“ или „изъ чети“: см. кн. д. 78, л. 100: „денегъ съ городомъ или изъ четверти, того не вѣдаютъ“, или кн. д. 188, л. 10: „а во сколько пущенъ изъ городовыхъ денегъ въ четь“. Ср. кн. д. 127 л. 19, въ 114 г. „въ городовыхъ деньгахъ свершенъ въ 14 руб.“, а въ 116 г. за службу „иной пущенъ въ четь, денегъ ему изъ чети уменъ окладъ 10 руб.“ Окладъ „изъ чети“ уменъ меншею сравнительно съ окладомъ „съ городомъ“. Срв. „Акты Московскаго Государства“ т. I, № 508, стр. 474: „вѣдѣть написать въ государеву жалованье въ четвертныя книгахъ въ 10 рублевъ“. Пожалованіе Ф. Ю. Еропкина изъ городовыхъ „съ городомъ въ 5 р.“ въ четвертчики, здѣсь упоминаемое, особенно любопытно по припискѣ, чтобы его пожалованіе за малымъ окладомъ никому на образецъ не выписывать. См. *ibid.* № 512, стр. 487; № 515, стр. 490, 492 („четвертныя придача“); № 547, стр. 522 и др. Ученнаго придача къ денежному окладу дьяка Ефима Юрьева „и ту его придачу въ Устюжской чети въ книгахъ справити“. Арх. Мин. Юст. столб. Моск. стола Разряда № 301/1 л. 106 отъ 1659 г. (повиится въ „Актахъ Моск. Госуд.“, т. II, № 1100).

„за службы и посылки“ въ извѣстные сроки (въ пятый годъ, въ третій годъ) ¹⁾. Что касается жалованья „изъ чети“ („четвертьчиками“ равно были какъ выборъ, такъ и дворовыя и городовыя), то въ коломенской десяти: 1577 г. ²⁾, встрѣчаемъ намекъ на то, что четвертое денежное жалованье было годовымъ („коломннчи жъ, — сказали про нихъ окладники, — смѣють изъ четверти годово..“). Другихъ указаній на то, что денежное жалованье „изъ чети“ было годовымъ, то-есть, ежегоднымъ, мнѣ не извѣстно. Иногда соглашались съ замѣчаніемъ Н. Н. Милюкова (*Ibid.*, стр. 47), что денежное жалованье давалось вслѣдствіе разъ по особому челобитію ³⁾, и должнъ прибавить, что 1) въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ денежное жалованье дается городу *не въ Москвѣ*, а на мѣстѣ, и 2) что сами источники отмѣчаютъ случаи раздачи денежнаго жалованья *безъ челобитья*, какъ экстраординарные. Такъ, въ разборной и денежной раздачѣ десяти: раздачи новгородцамъ Бѣжецкой пятины (Арх. мин. юст., кн. д. 141 отъ 25-го апрѣля 1657 г.; моск. опис. I. 198) встрѣчаемъ оговорку, что велѣно „для тое полковые службы дати свое великого государя денежное жалованье *безъ изъ челобитья*“. (Однако жалованье дается *не изъ мѣстныхъ средствъ* (за немногими исключеніями, при чемъ я имѣю въ виду главнымъ образомъ дворянство), а изъ суммъ, привозившихся съ Москвы. Обыкновенно отъ уѣздной дворянской корпораціи отправлялось въ Москву нѣсколько челобитчиковъ, которые были челою о жалованьѣ „городу“ и, получивъ его, везли на мѣсто. гдѣ оно и раздавалось „за ихъ счетомъ“ (кн. д. 51) въ Сѣбязей избѣ; челобитчики сами получали жалованье, какъ кажется, всегда на Москвѣ ⁴⁾.

¹⁾ См. цитаты у Н. Н. Милюкова, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890 г. № 9, стр. 47, и у С. М. Сурядомини, „Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства“ С.-Пб. 1891, также въ журналѣ *Библиографъ*; въ одной изъ рязскихъ десятиенъ XVI вѣка имѣемъ указаніе на дачу денежнаго жалованья за два года до срока: жалованье дано не по окладамъ слона, „потому что изъ денежному жалованью до срока деньги даны за два года“ кн. д. 94 отъ 87 года.

²⁾ Стр. 42 моего изданія „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства“ т. I, М. 1891.

³⁾ Стало быть, безъ подобныхъ челобитій не могло явиться и десятиенъ до денежной раздачи, но крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ; срв. неудачную попытку А. Н. Зерцлова доказывать, что *нѣкоторыя* десятины денежной раздачѣ составлялись по челобитію отъ дворянъ, тогда какъ основательнѣе было бы набрать примѣры противнаго (см. *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей*, 1891 г., кн. I, стр. 14—20).

⁴⁾ К. д. 51 отъ 158 г.: съ челобитчиками, черныгонецъ Владиміромъ Берновымъ, Мивентюмъ Вулгковымъ да Васильемъ Новиковымъ, прислано на жалованье

Этотъ порядокъ раздачи трудно не признать обычнымъ; онъ практиковался и въ вѣдомствѣ новгородскаго разряда. Въ 1621 году велѣно было дать денежное жалованье новгородцамъ всѣхъ пятихъ согласно ихъ челобитью. Въ Москву явилось трио челобитчиковъ¹⁾, которые сами получили жалованье на Москвѣ, да на Москвѣ же раз-

съ Москвы 3.999 руб. для раздачи дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ путивальцамъ и черниговцамъ и верстанымъ казакамъ, да кромя того на Москвѣ было роздано 281 руб.; кн. д. 62 отъ 154 г.: челобитчиками путивальцемъ Оедоромъ Алданнымъ да Потромъ Суворонимъ „за ихъ счетомъ“ получено на Москвѣ для раздачи черниговцамъ и путивальцамъ 4.163 руб., да кромя того на Москвѣ было роздано 214 руб.; за раздачею осталось на мѣстѣ 50 руб. „и тѣ остаточные деньги взяты въ государеву казну до государина указа“; кн. д. 63 отъ 155 г.: прислано изъ Москвы съ челобитчиками 4.564 руб., за раздачею въ Путивль осталось 34 руб., которые отосланы были въ Москву обратно, да на Москвѣ было дано 111 руб.; кн. д. 64 отъ 156 г.: прислано изъ Москвы съ челобитчиками „за ихъ счетомъ“ 5.080 руб., за раздачею осталось въ Путивль 60 руб., которые хранились въ Приказной Избѣ до государина указа, на Москвѣ кромя того было роздано 184 руб.; въ четыре года непосредственно одинъ за другимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, черниговцамъ и путивальцамъ, также верстанымъ казакамъ въ Путивль, вѣданнымъ по Владимирской чети, роздано было (17.796 159) 17.637 руб. да на Москвѣ 790 руб. Настоящій примѣръ взять какъ наиболѣе типичнымъ и выстъ съ тѣмъ покалывающій случаи ежегодной раздачи денежнаго жалованья; см. раздачу тѣмъ же городамъ за 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190 годы.

¹⁾ Иногда челобитчики самовольно удерживали у себя часть довѣренныхъ имъ денегъ. См., напримѣръ, Арх. М. Кт., кн. д. 51, 170: за раздачею осталось 15 рублей „а 15 рублей челобитчикъ Володимиръ Бершовъ изъ государеву казну не отдать, стоить въ тѣхъ деньгахъ на правожѣ“, а между тѣмъ изъ этихъ денегъ надо было дать 6 рублей Дмитрью Горбуноку, „а не додано ему государева жалованья 6 рублевъ, потому довелось взять на челобитчицъ на черниговцѣ Володимирѣ Бершовѣ 12 руб. (?), и онъ, Володимиръ, въ тѣхъ деньгахъ стоить на правожѣ и къ государю о томъ писано“, л. 12 об.; к. д. 65 отъ 139 г. раздачи въ Пирискѣ брянчаньямъ, стиродубчаньямъ, поченчаньямъ и раславчаньямъ, л. 151: „а не довелъ противъ государина указа челобитчикъ Михайло Семичевъ 37 рублевъ,—а въ тѣхъ недозволенныхъ деньгахъ государевыхъ М. Семичевъ данъ на поруку до государина указа и стоить на правожѣ“; к. д. 189, л. 129: „да на челобитчикѣ на рылепинѣ Микифорѣ Мыгѣевѣ допить 20 рублевъ“; к. д. 194 л., 27 об.: „а тѣхъ денегъ Пв. Широносоевъ не довелъ противъ государевы грамоты, и тѣхъ деньгахъ къ государю писано“. Челобитчица, выданая на Москвѣ денежное жалованье случившимся тамъ одногородцамъ, давали только часть жалованья, удерживая остальное до приѣзда на городъ: см., напримѣръ, к. д. 25, лл. 31 и 47. См. ib. лл. 6, 13, 20, 23, 25 об., 31 об., 32, 36 и др.: „дать ему государева жалованья на Москвѣ 10 руб. челобитчикъ Минула Шетневъ, поруки по немъ нѣтъ, и о томъ къ государю объ указѣ писано“; ib. л. 8 об.: „всилъ государева жалованья 10 рублей самъ себя деньги на Москвѣ, и поруки по немъ въ службѣ нѣтъ, и о томъ къ государю объ указѣ писано“.

дали жалованье новгородскимъ помѣщикамъ, „которые были на Москвѣ“. Съ челобитчиками „за ихъ счетовъ и за печатныя“ послано было изъ Москвы 10.000 рублей на раздачу. „а посланы съ ними съ Москвы за государевою казною въ провожать: 80 человекъ“. Въ Новгородѣ для полученія жалованья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ (земцамъ¹⁾, воевода и дьяки „ведѣли быти къ разряду“ (Арх. мин. юст. к. д. 127, лл. 1—3). То же наблюденіе можно сдѣлать и по десятиѣ новгородской 141 г. (к. д. 138: раздача челобитчика, ѣздившаго въ Москву за жалованьемъ, въ присутствіи воеводы), во великолудской, пусторжевской и невельской десятиѣ 1622 и 1623 гг. (новгородскаго стола к. д. 19 и к. д. 198; за деньгами ѣздилъ въ Москву помѣщикъ Ив. Широносъ), по бѣлгородской десятиѣ 1639 года (к. д. 1; прислано съ Москвы съ челобитчиками 1.500 рублей) и др. Эта раздача денежнаго жалованья челобитчиками, изъ среды самихъ дворянъ, довольно любопытный фактъ, особенно, если принять во вниманіе, что мѣстный воевода въ такихъ случаяхъ только присутствуетъ при раздачѣ (срвн. к. д. 81), происходящей въ Сѣвѣжѣ (или въ разрядѣ въ Новгородѣ). Очевидно, такой способъ раздачи черезъ челобитчиковъ отъ дворянъ, а не черезъ воеводу, предполагалъ значительное сокращеніе волокаты и болѣе надежное доставленіе жалованья въ руки служилаго класса²⁾. Характеризуя порядокъ раздачи денежнаго жалованья уѣзднымъ дворянамъ, предложенный сейчасъ матеріалъ съ достаточною очевидностью свидѣтельствуетъ,

¹⁾ См. мою замѣтку въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, 1890 г., № 5—6, стр. 241—246, и Русск. Истор. Библ., С.-Пб., 1886, X, 575, отъ 170—171 г., роспись земцамъ обоеужской патицы.

²⁾ Помѣщая въ приписаніи двѣ любопытныя отиѣтки о челобитчикѣ и воеводѣ въ одной изъ десятиѣ 174 года (к. д. 77 л. 102 об. и л. 104): 1) дворянинъ, сынъ боярскій Филиппъ Пересвѣтовъ къ разбору въ Сѣвскѣ не явился „не бывалъ, потому что его нѣтъ дома, на Москвѣ въ челобитчикахъ же изъ *гражданинъ дворянъ*“ (въ другихъ случаяхъ записывалось „нѣтъ дома, на Москвѣ, за *своимъ дворянъ*“ въ противоположность общему) и 2) дворянинъ, выборный, Матвій Чубаровъ, „а нынѣ де онъ въ Сѣвскѣ не бывалъ, потому что его нѣтъ дома, на Москвѣ,—а поѣхалъ къ Москвѣ по государевѣ грамотѣ государевы денежныя казны съ роздаточными книжками, что раздавалъ государева денежнаго жалованья подрыгайловцамъ и инымъ городомъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ по 171 году да съ росписаниями города Каменного списками;—государеву де службу ему, Матвию, съ помѣстья своего (изъ Рымльскою уѣздѣ) и потому, что по указу великаго государя и по отпуску съ Москвы изъ Разряду онъ былъ на Каменномъ воеводою, служить безъ денежнаго жалованья два года мочно, а болыинъ дву годовъ безъ денежнаго *имѣя служить ему не мочно*“.

что суммы на раздачу денежнаго жалованья *мѣстнымъ* служилымъ людямъ берутся въ большинствѣ случаевъ не изъ *мѣстныхъ* же средствъ, а изъ московскихъ приказовъ: такъ было и въ Новгородѣ, и въ другихъ городахъ. Вотъ почему слова П. Н. Милюкова ¹⁾, что „мѣстные служилые люди отсылаются въ чети, что указывасть на то, что „четвертича“ суммы въ собственномъ смыслѣ расходовались на мѣстѣ, на содержаніе мѣстнаго служилаго сословія“ ²⁾,—должны быть сильно ограничены. Такое же ограниченіе должно потерпѣть и другое положеніе П. Н. Милюкова объ отношеніи новгородской чети къ новгородскому разряду ³⁾: „четь уплачиваетъ жалованье разряду, и при томъ эта уплата производится не изъ Московскаго приказа, а на мѣстѣ—въ городахъ“. Признавая справедливость обоихъ положеній *лишь отчасти*, отдавая значительную роль присылкѣ денегъ въ область изъ московскихъ приказовъ, я затрудняюсь примирить не подлежащую, повидимому, спору выписку П. Н. Милюкова ⁴⁾,—что изъ Новгорода къ Москвѣ деньги „николи не присылають, для того что въ Новгородѣ выходить въ расходъ безъ остатка; а на Москвѣ въ новгородской четверти новгородскіе доходы въ приходныхъ и свѣдѣнныхъ спискахъ пишутъ для вѣдома окладу по новгородскимъ свѣдѣннымъ спискамъ“—съ не подлежащими спору фактами присылки денегъ изъ Москвы въ Новгородъ въ 1621 и 1632 гг. (то есть, какъ разъ и раньше, и позже цитованной П. Н. Милюковымъ даты 1628 г., при чемъ въ первый годъ прислано было съ Москвы 10.000 рублей, а слѣдовательно, было прислано не въ додачу, а дѣликомъ вся сумма необходимая для раздачи; дѣлать предположеніе, что въ новгородской чети не нашлось въ данный моментъ денегъ, не возможно, ибо новгородская четь съ одной стороны относится къ богатѣйшимъ, а съ другой стороны фактъ присылки изъ Москвы не единичный, а повторяющійся). Что касается приговора выдачи *мѣстнымъ* служилымъ людямъ жалованья изъ *мѣстныхъ* доходовъ, то, кромѣ двухъ, приведенныхъ П. Н. Милюковымъ (№ 3, стр. 36), приведу для уясненія вопроса еще два приговора, не лишенные значительнаго интереса ⁵⁾. Такъ въ

¹⁾ Журн. М. Н. Пр., 1890 г., № 9, стр. 34.

²⁾ Срин. оп. сік.: Журн. М. Н. Пр., 1890 г., № 10, стр. 398.

³⁾ Журн. П. Н. Пр., 1891 г., № 3, стр. 36.

⁴⁾ Изъ Прик. Дѣл. 1628 г., № 61, Моск. архива мин. ин. дѣлъ.

⁵⁾ На случаяхъ раздачи денежнаго жалованья изъ Москвѣ останавливаться не буду. Упомяну лишь о главнѣйшихъ: 1) раздача дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ можамчанъ и Кирѣва Польскаго изъ Москвѣ *изъ Галицкой четверти* въ іюніѣ 156

одномъ не издаваемо документѣ (Арх. мин. юст., кн. д. 5) читаемъ о денежной раздачѣ по грамотѣ изъ *Разряда* (199) луцкимъ и попельскимъ безпомѣтнымъ кормовымъ казакамъ по 5 рублей каждому въ февралѣ 1645 года. Деньги для раздачи привезъ изъ Москвы луцкій помѣщикъ да челобитчики отъ казаковъ (209 рублей), да взято на мѣстѣ изъ *луцкихъ* (Луки Великіе въ финансовомъ вѣдомствѣ Устюжской чети, по службѣ—въ повгородскомъ разрядѣ) *кабацкихъ доходовъ* 152 года 695 рублей, изъ четвертныхъ, земляныхъ, лавочныхъ и всякихъ доходовъ 152 и 153 гг. 105 рублѣй, да изъ таможенныхъ

года (Можайскъ состоятъ въ финансовомъ вѣдомствѣ Устюжской чети и по службѣ отнесенъ къ Смоленскому разряду, Юрьевъ же Польскій—къ Владимірскому); 2) въ іюлѣ 156 г. дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ разныхъ городовъ, вѣроятно, въ Устюжской чети (моей описи, II, 69—70); 3) въ октябрѣ 157 г. дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ разныхъ городовъ раздача въ *Галицкой чети* (к. д. 117, л. 255; па л. 6 читаемъ: деньги готовы въ Устюжской чети у дьяка у Мипы Гризева, которые взяты изъ казны при бояринѣ при Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, а въ Галицкой чети у дьяка Семена Софюнова, которые взяты изъ казны при околничемъ при князѣ Василіи Петровичѣ Ахамануковѣ Черкасскомъ); для раздачи въ Галицкую четь изъ Разряда были присланы списки съ предупрежденіемъ: „а то во бѣ беречь накрѣпко, чтобъ государеву денежное жалованье никому *едое* не дать, также и тѣмъ государеву денежное жалованье не давать, которые отъ службы отбыли и которыхъ впередъ въ службу не будетъ, а дантъ государеву жалованье съ поруками всѣмъ на лицѣ“ (л. 127); 4) въ декабрѣ 157 г. дѣтямъ боярскимъ визичанамъ, бричичанамъ, поченицамъ, стародубцамъ, рославичамъ и трубчанамъ раздача *изъ Разбойномъ приказѣ* изъ суммъ ярославской послыши у боярина Мих. Мих. Салтыкова (М. М. Салтыковъ, срв. моей описи, II, 68 и 76; I, 116 и 160), приказа Большой Казны (у Павла Даниловича Милославскаго), Устюжской и Полой четей (раздано было 5.570 руб., осталось 704 руб.; к. д. 67, развѣд и л. 298); 5) въ октябрѣ 159 г. тверичамъ и новоторжцамъ (моей описи, II, 72, 74 и 81); 6) въ февралѣ 157 г. полуприборнымъ дѣтямъ боярскимъ короченцамъ изъ суммъ Стрѣлецкаго приказа (*изъ Стрѣлецкомъ приказѣ*?); 7) въ сентябрѣ 124 г. юртонскимъ татарамъ и новокрещенцамъ, которымъ велѣно быть на службѣ въ Псковѣ, раздача изъ суммъ *Большаго Дворна* (моей описи, I, 115 и 227); 8) въ 116 г. погородцамъ Вѣжецкой пятинны раздача на Москвѣ изъ суммъ Повгородской четверти и Новгородскаго Дворца (всего взято было 6.588 руб. съ полтиною; моей описи I. 179); 9) о челобитчикахъ, получившихъ жалованье на Москвѣ и на Москвѣ же раздаваемыхъ жалованье своимъ одиородцамъ, тамъ случившимся, а уже упоминаемъ въ текстѣ, ограничусь здѣсь указаніемъ на одну случайную выдачу на Москвѣ изъ суммъ Большаго Прихода одному рылянину (к. д. 197, л. 102 об., при общей раздачѣ горюду въ Рыльскѣ). Ни одного случая въ Разрядѣ раздаче денежнаго жалованья среди приведенныхъ не встрѣчается (срв. перстанія повлѣвъ на Москвѣ въ Разрядѣ, въ Посольскомъ и Искомъ приказахъ, въ Большомъ Приходѣ, на Казенномъ дворѣ; см. моей описи, II, 63, 53, 57, 60, 47; Рус. Ист. Библ., X, 240 и 386).

доходовъ 16 рублей. За раздачею осталось (1125—995) 30 рублей, „и тѣ деньги оставлены на Лукахъ Великихъ въ сбереженіе до государеву указу“. Тѣмъ же казакамъ (уже 196 лицами) раздавалось жалованье „на кормъ за хлѣбъ деньгами“ и въ 1646 году по грамотѣ изъ Разряда, Большаго Прихода и Устюжской четверти изъ суммъ, взятыхъ изъ луцкихъ кабацкихъ доходовъ (759 рублей) и изъ таможенныхъ (186 рублей). Кабацкій голова при этомъ заявилъ, что кабацкіе доходы не собрашы, давать жалованье не изъ чего, „а четвертные доходы къ раздачѣ луцкимъ казакамъ собрать не успѣли“ (срв. к. д. 19, л. 1—3). Иногда, впрочемъ, повельскимъ и великолуцкимъ служилымъ людямъ денежное жалованье дается по грамотѣ изъ Новгородской четверти ¹⁾). Можетъ быть, имѣются въ виду и тѣ суммы, взятыхъ при раздачѣ на Тихвинѣ денежнаго жалованья въ 1615 году безпомѣстнымъ новгородскимъ дѣтямъ боярскимъ (тихвинскимъ сидѣльцамъ): деньги раздавалъ Остапъ Качаловъ съ товарищами (челобитчиками) въ присутствіи воеводъ В. О. Пешкова да Ив. Ив. Баклановскаго, при этомъ замѣчено: „а велѣти тѣ деньги 2.106 рублей съ полутиною на Тихвину послати съ Костромы въ сопровожденіи дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ“ (к. д. 125 „а раздавъ государеву жалованье велѣно написать въ расходные книги дѣтей боярскихъ съ десятию съ помѣстными и денежными оклады, и что кому дано, и хто по комъ порука, а сотниковъ, и стрѣльцовъ, и пушкарей, и воротниковъ, и атамана, и казаковъ въ расходные книги отъ дѣтей боярскихъ,—и руки свои къ тѣмъ книгамъ приложить“). Я думаю однако, что эти деньги скорѣе московской присылки, такъ что Кострома была лишь только передаточнымъ пунктомъ ²⁾).

Итакъ, въ результатъ этого случайнаго и, признаюсь, недостаточно полнаго подбора возможныхъ фактовъ и прихожу къ выводу, что „нормальнымъ“ порядкомъ раздачи денежнаго жалованья служилымъ людямъ „по отечеству“ была порядкомъ раздачи на мѣстѣ изъ суммъ, привозившихся съ Москвы челобитчиками отъ города; раздача на Москвѣ происходила лишь по особымъ обстоятельствамъ, равно какъ и дача жалованья безъ челобитья было столь экстраординарнымъ явленіемъ, что современные документы считали необходимымъ ее отифичать.

¹⁾ Арх. мин. юст., кн. д. к. 33, л. 66; срв. кн. д. 121, дача жалованья новгородцамъ по наказу изъ Новгородскаго разряда.

²⁾ Необходимо при этомъ обратить вниманіе на распоряженіе написать получившихъ денежное жалованье въ два различныхъ документа (служилыхъ людей по отечеству особо отъ служившихъ людей по прибору).

Этотъ порядокъ распространяется на всѣ военные округа, не исключая и новгородскаго разряда. Что касается порядка раздачи денежнаго жалованья служилымъ людямъ „по прибору“, то оль отчасти такой же, отчасти же практиковалась выдача на мѣстѣ изъ мѣстныхъ таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ¹⁾; иногда и тотъ, и другой порядокъ дѣйствовалъ въ одну и ту же раздачу. Стало быть, какъ сборы новгородской, такъ и сборы другихъ четвертей (точнѣе часть сборовъ) расходовались на мѣстѣ, не будучи отсылаемы въ московскіе приказы (такъ, несомнѣнно, что часть сборовъ каждой четверти тратилась на мѣстныхъ служилыхъ людей, приписанныхъ къ тому городу, который именно и нѣдался въ финансовомъ отношеніи данною четью). И думаю, что это различіе (которое отнюдь не выдаю за абсолютно точное) объясняется тѣмъ, что жалованье служилыхъ людей „по отечеству“ было срочнымъ, а жалованье служилыхъ людей „по прибору“ платилось „ежегодъ“ (послѣдніе все таки должны были быть челомъ о жалованьѣ, посылая въ Москву челобитниковъ, какъ то видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ). Помимо этого различія срочнаго и ежегоднаго жалованья служилыхъ людей „по отечеству“ и служилыхъ людей „по прибору“, порою исчезавшаго при вѣдшемъ наблюденіи (въ виду необходимости быть челомъ и тѣмъ, и другимъ, и въ виду случаевъ ежегодной раздачи служилымъ людямъ по отечеству), при характеристикѣ организаціи четвертей²⁾ необхо-

¹⁾ Любопытно, что примѣры раздачи жалованья мѣстными служилымъ людямъ изъ мѣстныхъ средствъ, приведенные П. Н. Милославскимъ (№ 8, стр. 36, и № 10, стр. 398, за 1890 годъ), какъ и мои, относятся къ служилымъ людямъ „по прибору“.

²⁾ Остатокъ послѣ денежной раздачи обыкновенно поступалъ не въ четверти, а въ Разрядъ. См. разрядныя помѣты, напечатанныя мною въ „Описаніи десятиль XVI и XVII вѣка“, I, 130, 136, 256, 263. Также Арх. мин. юст., разр. к. д. 25, л. 125 об.: „я по списку, каковъ списокъ присланъ съ Москвы за приписью дьяка Михаила Данилова, роздано дворникамъ и дѣтямъ боярскимъ на 137 г. государева жалованья, лудскимъ, и нусторжевскимъ, и невельскимъ помѣщикомъ, въ оладды ихъ 2.196 руб. А осталось денегъ у раздачи, что присланы головѣ стрѣльцовому и сотникомъ всего 63 рубля,—и тѣ деньги посланы къ Москвѣ съ невляникомъ съ Юрьемъ Житкимъ, а велѣно ихъ отдать въ Разрядѣ. И о томъ къ государю въ Разрядѣ писано съ нимъ же, съ Юрьемъ“. Визу л. 126 приписано: „денга отданы и въ приходѣ написаны въ денежномъ столѣ“; к. д. 28: рождено 2.867 руб., а „въ остаткѣ 9 рублевъ, и тѣ деньги до государева указа оставлены на Лукахъ Великихъ въ государевѣ казнѣ въ Съѣзжей избѣ“. Разрядъ новдѣе помѣтилъ на документѣ: „141 г. мая въ 25 день тѣ деньги принялъ и въ приходѣ въ Разрядѣ записалъ подъячей Михайло Волошинниковъ“; также к. д. 30, 41, 130: „а велѣно тѣ деньги держати въ государевѣ казнѣ, и ни на какіе расходи тѣхъ денегъ безъ государева указа давати не велѣно“.

димо принять во вниманіе и упомянутое въ началѣ моей замѣтки различіе въ полученіи дворянами (отчасти также и казаками) жалованья „изъ чети“ и „съ городомъ“. И фактъ существованія этого различія, и его значеніе совершенно оставлены П. П. Милюковымъ въ сторонѣ, отчего и пострадала ясность излагаемаго въ 3-мъ примѣчаніи на 36 стр. (№ 3 за 1891 г.), гдѣ уважаемый авторъ дѣлаетъ ссылку на имѣющіеся въ моемъ распоряженіи примѣры, набранные по десятиныи и касающіеся полученія денежнаго жалованья изъ чети.

Раздѣленіе дѣтей боярскихъ на емлющихъ жалованье „изъ чети“ и емлющихъ „съ городомъ“ отчетливо замѣчается еще въ XVI вѣкѣ. Когда сейчасъ рѣчь идетъ о полученіи жалованья „изъ чети“, и разумѣю не фактъ дѣйствительнаго полученія жалованья изъ четверти, а лишь фактъ приписки по жалованью къ четверти. Эти уѣздные дворяне и дѣти боярскіе, приписанные по жалованью къ четверти и носившіе специальное наименованіе „четвертчиковъ“, составляли избранное меньшинство города¹⁾. Эта избранная, иногда значительно меньшая,

¹⁾ Въ 1577 г. на Коломнѣ на 290 слишкомъ дѣтей боярскихъ (при четырехъ только „выборныхъ“ въ томъ числѣ), емлющихъ жалованье „съ городомъ“, приходилось нѣсколько болѣе 10 дѣтей боярскихъ, емлющихъ жалованье „изъ четверти“; въ 1597 г. въ Муромѣ на 180 приблизительно человекъ дѣтей боярскихъ, емлющихъ жалованье „съ городомъ“, приходилось 11 емлющихъ „изъ четверти“ (см. мои „десяти XVI вѣка“ въ VIII т. „Описанія Арх. мин. вѣст.“). Въ 1618 г. въ Нижнемъ Новгородѣ всѣ 8 выборныхъ получали „изъ чети“ (6 изъ костромской—1 изъ галицкой), изъ 16 человекъ дворовыхъ 13 получали изъ чети, изъ 71 городовыхъ 23 изъ чети (стало быть, на 95 нижегородцевъ наличнаго состава, не считая новинковъ, принисанныхъ и находившихся по приказамъ и у дѣл, приходилось всего 44, емлющихъ „изъ чети“ в. д. 11). Въ 1618 г. въ Юрьевѣ Польскомъ на 103 чел. выбора, дворовыхъ и городовыхъ приходилось 25 человекъ емлющихъ „изъ чети“ (емлющихъ „съ городомъ“ роздано было 864 руб.; емлющихъ „изъ чети“ въ общую раздачу денегъ городу жалованья не дано; в. д. 8, выборы всѣ „изъ чети“). Въ 1630 г. на 70 человекъ сурдальцевъ дворовыхъ (наличнаго состава) приходилось лишь 7, емлющихъ „изъ чети“, изъ 95 городовыхъ не было ни одного, который былъ бы приписанъ по жалованью къ чети; изъ 80 приблизительно человекъ выбора болѣе половины получало жалованье „изъ чети“; кроми того одинъ атаманъ, сурдальскій помѣщикъ,—съ жалованьемъ „изъ чети“ (в. д. 7). Въ 1622 г. въ Кашинѣ 9 чел. выбора „изъ чети“, 13 чел. дворовыхъ емлющихъ „изъ чети“ (емлющихъ съ городомъ 11 чел.), да изъ 91 городовыхъ емлющихъ „изъ чети“, всего только 8 (значить, на 124 чел. только 30 емлющихъ изъ чети; но Кашину иноземцевъ, трое человекъ Латымъ да трое нѣмцевъ—всѣ съ жалованьемъ „изъ ямскаго приказу“ (у Невольна, VI, 173; А. А. Э. III, № 118; А. М. Ю. к. д. 15). Въ 1622 г. въ Нижнемъ Новгородѣ 14 чел. выбора получали жалованье „изъ чети“ (именно 10 чел. изъ костромской, по одному изъ владимирской, устюжской, и галицкой

половина города представляла собою, повидимому, лучшую часть въ составѣ мѣстной корпорациі: здѣсь надо отмѣтить двѣ особенности, что 1) жалованье „четвертчиковъ“ носить наименованіе „обрюка“ и 2) можно набрать примѣры, изъ которыхъ видно, что пушечные въ четь получали перѣдко меншіи оклады сравнительно съ тѣмъ, въ который они были поверстаны деньгами съ городомъ (см. стр. 197, примѣч. 2). Последняя особенность говоритъ за то, что четвертное денежное жалованье представляло какой то интересъ, заставлявшій предпочитать его денежному жалованью „съ городомъ“. Два наблюденія, которыя сейчасъ приведу, мало разъясняютъ суть дѣла. Отъ XVI вѣка до насъ дошелъ смутный намекъ (см. коломенскую десятню XVI вѣка въ моемъ изданіи „Десятень XVI вѣка“ I. с. стр. 42) на то, что четвертное денежное жалованье было годовымъ („емлютъ изъ четверти годоно...“). вмѣстѣ съ тѣмъ изъ десятень XVI вѣка (см. у меня *loc. cit.* стр. 45—46, 84) и десятень начала XVII вѣка (приблизительно до 1618 г.; см. к. д. и противный примѣръ въ к. д. 4 отъ 1615 года) видно, что „четвертчики“ въ общую раздачу денегъ городу жалованья не получали, чѣмъ и отличались существенно отъ емлющихъ жалованье „съ городомъ“. Со второй четверти XVII вѣка указан-

четей и 1 просто съ отмѣткой „изъ чети“, 16 человекъ дворовыхъ (14 изъ костромской да 1 просто „изъ чети“), изъ 115 челоп. городовыхъ 23, емлющихъ изъ костромской чети (значить, на 164 человекъ 52 емлющихъ изъ чети). Въ 1628 г. на Лукахъ Великихъ на 147 боярскихъ 59 емлющихъ „изъ чети“ (1 изъ выбора, 46 дворовыхъ и 13 городовыхъ), въ Ржевѣ Пустой на 34 человекъ 11, емлющихъ изъ чети (9 дворов.—2 городоп.) и на Невели изъ 59 человекъ 24, емлющихъ изъ чети (17 дворов.—7 городоп.; к. д. 19). Въ 1628 г. при раздачѣ денежнаго жалованья (4.015 руб.) въ Путыльцѣ оказалось, что на 188 городовыхъ путыльцевъ приходится 13 емлющихъ изъ чети и на 125 городовыхъ черняговцевъ 7 емлющихъ изъ чети, а въ 1629 г. (раздача на 4.280 руб. съ полуною)—изъ 245 путыльцевъ 17, емлющихъ „изъ чети“ (2 выборныхъ, 3 дворовыхъ, 12 городовыхъ) да изъ 141 черняговцевъ 11 емлющихъ „изъ чети“ (5 дворовыхъ—6 городовыхъ), въ 1630 г. (раздача на 4.197 р. съ полуною)—изъ 241 путыльцевъ 17 человекъ емлющихъ „изъ чети“ (2 выборныхъ, 3 дворовыхъ, 12 городовыхъ) и изъ 151 черняговцевъ 12, емлющихъ „изъ чети“ (6 дворовыхъ—6 городовыхъ), въ 1631 г. (раздача на 4.780 руб. съ полуною)—изъ 266 путыльцевъ 16, емлющихъ „изъ чети“ (2 выборныхъ, 3 дворовыхъ, 11 городовыхъ) и 162 черняговцевъ 8 емлющихъ „изъ чети“ (3 дворовыхъ—5 городовыхъ). Въ 1631 г. въ Ярославлѣ 5 выборныхъ „изъ чети“—2 выборныхъ „съ городомъ“, 4 дворовыхъ „изъ чети“—11 дворовыхъ „съ городомъ“, изъ городовыхъ большинство емлетъ „съ городомъ“ (к. д. 63). Въ дальѣйшихъ примѣрахъ не представляется нужды; въ приведенныхъ не приняты въ расчетъ юнчики, бывшіе въ XVII вѣкѣ исключительно „въ городовыхъ“ и получавшіе жалованье „съ городомъ“ (см. мои „Десятни XVI вѣка“ I. с. стр. 45).

ное различіе исчезаетъ бесслѣдно: четвертчики получаютъ денежное жалованье въ общую раздачу денегъ городу наравнѣ съ емляющими „съ городомъ“. Далѣе: въ теченіе всего XVII вѣка (по крайней мѣрѣ, до финансовой реформы царя (Еодора) документы (имѣю въ виду, главнымъ образомъ, десятины) различаютъ четвертчиковъ отъ емляющихъ съ „городомъ“, не смотря на то, что первые получаютъ жалованье наравнѣ съ послѣдними. Иногда десятины даже выдѣляютъ четвертчиковъ въ особую рубрику въ каждомъ разрядѣ (въ выборѣ, въ дворовыхъ и городонныхъ) наличнаго состава дворянства уѣзднаго города; большую же часть четвертчики перебиты вмѣстѣ съ емляющими „съ городомъ“. Для отличія четвертчиковъ употребляется особый приписка: „изъ чети (столько-то) рублей“. Такъ въ большинствѣ случаевъ (см., напримѣръ, кн. д. 7, 8, 15, 16, 18 etc.). Иногда же десятины означаютъ, изъ какой именно четверти: въ такихъ случаяхъ встрѣчаются галицкая, устюжская, владимирская и костромская; ни разу мнѣ не пришлось встрѣтить повгородской чети. Чѣмъ объясняется такая разница въ отиѣткахъ, когда окладчикамъ надо было знать о томъ, къ какой чети приписать по жалованью четвертчикъ¹⁾? Есть случаи, когда почти при всѣхъ именахъ четвертчиковъ мѣстнаго города стоитъ обозначеніи

¹⁾ См. стр. 197, примѣчаніе 2-е. Иногда у составителей десятинь были росписи денежныхъ окладовъ изъ четвертей, такъ какъ въ послѣднихъ четвертой денежный окладъ долженъ быть справленъ (см., напримѣръ, указанія на росписи изъ четвертей въ арзамасской десятинѣ 1615 года, к. д. 4) и выписанъ въ четвертымъ книгѣ. Ср. отиѣтки верейской десятины 130 г. (к. д. 202, л. 4) „государева ему жалованья до московскаго разоренья было изъ Галиціе чети 15 рублей, а послѣ московскаго разоренья тѣ деньги ему съ чети не справлены, написаны по смыслу въ верейской десятинѣ; въ козельской десятинѣ того же года (к. д. 216 л. 9, 12, 13): „а послѣ московскаго разоренья тѣ деньги ему въ чети не справлены, написаны по смыслу въ козельской десятинѣ“. Въ вопросѣ о денежныхъ окладахъ (также какъ и помѣстныхъ) строго слѣдуетъ различать *окладъ* отъ *дѣйствительной дачи* (въ нашей литературѣ подобное сѣмшеніе, къ сожалѣнію, все еще встрѣчается), но *окладъ* (денежный) въ то же время слѣдуетъ отличать и отъ разборныхъ „статей“ (обыкновенно 3 статьи въ 25, 20 и 15 руб.) къ денежному жалованью, что оговорено современными документами. Такъ, въ воротанской десятинѣ 139 г. (к. д. 92, л. 4) читаемъ: „а про то дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ велѣно сказать именю, которые пушены въ четверть и которые государеву жалованье емлютъ съ городомъ, и тѣмъ ихъ окладомъ впередъ быти по прежнему, а нынѣ ихъ по государеву указу разбирать для службъ, а *впередъ имъ нѣ денежныхъ статьи не окладъ*“ (разборныя статьи: 25, 20 и 15 руб.); въ новосильской десятинѣ 139 г. (к. д. 167, л. 3): „а нынѣ ихъ по государеву указу разбирать для службъ, а впередъ имъ тѣ денежные статьи не въ окладъ“ (разборныя статьи: 20, 17 и 13 р.). См. также Арх. м. н., к. д. 178 и 196 (л. 2).

чети, и вдругъ при одномъ или двухъ именахъ этого обозначенія иѣтъ, стоитъ просто „изъ чети (столько-то) рублей“. Здѣсь возможно два предположенія: или не было безусловнаго требованія означать въ десятияхъ наименованія четверти, къ которой приписанъ четвертичекъ (техническія приемы составленія десятиенъ отличаются, правда, нѣкоторымъ разнообразіемъ: однѣ десятии съ итогами, другія безъ нихъ; однѣ выдѣляютъ четвертичковъ въ особую рубрику, другія не выдѣляютъ; введенія къ однѣмъ отличаются обиліемъ подробностей, введенія къ другімъ сжаты), или же припятъ отсутствіе наименованія четверти за приписку къ новгородской четверти. Последнее предположеніе, несомнѣнно, надо признать очень смѣлымъ, но здѣсь представляется слѣдующій вопросъ: неужели новгородская четверть не имѣла четвертичковъ? Отсюда не настаиваю на второмъ предположеніи, которому, какъ кажется, противорѣчатъ данныя изъ кн. д. 4, но придется все-таки распространить его хотя бы на *юрода новгородскаю разряда*. Изучивъ тѣ случаи, въ которыхъ означена четверть, къ какой приписанъ по жалованью четвертичекъ, приходится сдѣлать неопровержимое заключеніе, что служилые люди „по отечеству“ приписывались по жалованью къ четвертямъ совершенно независимо отъ того, въ какой чети вѣдался въ финансовомъ отношеніи соответствующій городъ. Распределеніе четвертичковъ по четямъ было также совершенно перебито, какъ и самыя уплаты четвертныхъ суммъ на жалованье мѣстнымъ служилымъ людямъ ¹⁾. Вотъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ выставленное положеніе. 1) Арзамасы (въ 1615 г.) четвертички приписаны по жалованью къ галицкой и костромской четямъ (Арзамасъ—въ вѣдомствѣ *новгородской* чети). 2) Алексинцы (въ 1622 г.) четвертички приписаны по жалованью къ галицкой, костромской, владимирской и устюжской четвертямъ (Алексинъ—въ *костромской* чети). 3) Воровичи (въ 1622 г.) четвертички приписаны также къ четыремъ четвертямъ (Воровскъ—въ *володимірской* чети). 4) Верейчи (въ 1622 г.) четвертички приписаны къ костромской, устюжской и галицкой четямъ (Верея—въ *володимірской* чети). 5) Воротыницы (въ 1622 г.) четвертички приписаны по жалованью къ четыремъ четвертямъ (Воротынецъ — въ *володимірской* чети). 6) Медыницы (въ 1622 г.) четвертички приписаны къ *устюжской, костромской и володимірской* четямъ (не можемъ опредѣлить, въ какой чети была

¹⁾ Приписка къ чети практиковалась даже и тогда, когда соответствующій городъ стоялъ въ финансовомъ вѣдомствѣ четвертей.

Медынь). 7) Нижегородцы (въ 1618 г.) четвертчики приписаны къ *галицкой* (двое: одинъ изъ выбора и одинъ городской) и *костромской* (сорокъ: 6 изъ выбора, 13 дворовыхъ и 21 городскихъ; кромѣ того одинъ выборный и одинъ городской съ приписками „изъ чети“ безъ означенія послѣдней). 8) Нижегородцы же (въ 1622 г.) четвертчики приписаны къ четыремъ четвертямъ (къ *костромской* чети: 10 человекъ изъ выбора, 14 изъ дворовыхъ, 25 изъ городскихъ, а всего 43; къ *владимірской* чети: 1 человекъ изъ выбора; къ *устюжской* чети: 1 человекъ изъ выбора; къ *галицкой* чети: 1 человекъ изъ выбора; см. мое сообщеніе въ *Дѣйствіяхъ Нижегородской архивной комиссіи*, выпускъ 8-й). 9) Рязанцы (въ 1649 г.) четвертчики приписаны по жалованью къ галицкой, костромской и устюжской четямъ¹⁾. 10) Лихвинцы (въ 1622 г.) четвертчики при-

¹⁾ Встрѣчаемъ еще упоминанія о жалованьи „изъ наискаго приказа“. Одно изъ нихъ отъ 1622 г. приведено въ примѣч. на стр. 205. Въ бѣженкой десятии 1622 г. „четверо Литвы изъ наискаго приказа“ (к. д. 102 л. 39). Въ углицкой десятии 1622 г. (к. д. 162 л. 55 об.—66 об.) упоминаются иноземцы, углицкіе помѣщики, литва и вѣнды съ жалованьемъ „изъ наискаго приказа“. Въ боровской десятии 1622 г. встрѣчается литвинъ Левонтій Лонскій, иномѣщенный въ Боровскѣ и на Бѣлозерѣ, съ жалованьемъ также „изъ наискаго приказа“ (к. д. 177 л. 16 об.). Въ десятии по Бѣлоз отъ 1630 г. упоминается наискашій „съ вѣндыи въ наискомъ приказѣ“ (к. д. 83 л. 97). Во многихъ (напримѣръ, к. д. 12) другихъ случаяхъ о жалованьи иноземцевъ ничего не говорится. Слѣдуетъ еще прибавить нѣсколько случаевъ означеній денежнаго жалованья терминомъ „изъ приказа“: к. д. 128, л. 190, об. новгородскій новокрещенъ дельги „изъ приказу“ отъ 1621 г. (см. здѣсь же на л. 198 объ иноземцахъ „изъ чети“; тоже въ к. д. 185, л. 221; любопытно, что эти „иноземцы волоские земли“, емдичіе „изъ чети“, занисаны въ *кормовыя*); к. д. 185, л. 224 об., новгородскіе новокрещены съ жалованьемъ „изъ приказу“; к. д. 188, л. 116, повгородцы съ жалованьемъ „изъ приказу“; к. д. 150, жильцы съ жалованьемъ „изъ приказу“. См. въ к. д. занисанныхъ „изъ ниске сикомъ приказѣ въ кормовыхъ“ и о тѣхъ, которые „по городамъ на корму“. Ср. также любопытное выраженіе въ десятии рязанскаго архіепископа дѣтей боярскихъ (к. д. 206 л. 9 об.): „денежъ по 8 рублевъ *да въ приказъ по рублю*“. Деньги для раздачи изъ жалованья были взяты изъ *Новгородской четверти*. Выраженіе „въ приказъ (столько-то)“, повидимому, надо строго отличать отъ выраженія „изъ приказу“. Второе такъ или иначе соответствуетъ выраженію „изъ чети“, а первое имѣетъ значеніе одновременной выдачи денежнаго жалованья, какъ награды. Въ 1660 г. старшему Ва. Ив. Бастанову велѣно „быти на ево государевѣ службѣ въ Вытепску... въ товарищакъ съ околыничимъ и воеводоу съ Микитоу Михайловичемъ Боборыжничимъ... а для той службы велѣно ему своего государена денежнаго жалованья *въ приказъ изъ Устюжскіе чети* 50 руб.“ (Арх. м. в., Москов. столб. № 309, л. 116). Въ дѣлахъ 1660 г. (Моск. ст., столб. № 307, л. 11) читаемъ, что „по указу великаго государя роинныхъ городовъ драгуномъ велѣно давать его, ве-

НА ЗАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

... костромской и галицкой четвѣтъ
... Приведенные мелкіе факты, несо-
... подробности, касающіяся четвертчиковъ,
... отчасти исправить, отчасти ограничить
... П. Н. Милюкова. Остается не выяснен-
... указаннаго дѣленія по жалованью на
... и емлющихъ „съ городовъ“. Не вдаваясь въ
... свою замѣтку слѣдующимъ апріорнымъ положе-
... соотносительно съ своимъ доходомъ, должна была со-
... количество „четвертчиковъ“; весь паличный составъ
... делился между четыми независимо отъ приписки
... службъ къ тому, или другому городу, вѣдавшемуся
... отношенія въ какой либо чети или совѣтъ стояв-
... вѣдомства четей; приписанные *службою* къ новгородскому
... приписывались *по жалованью* исключительно къ новгородской
... ; каждый иномъ пущенный въ четверть приписывался къ той
... за которой слѣдовала очередь содержания дальнѣйшаго прилива
... или въ которой имѣлись выбылые мѣста ¹⁾).

Остаюсь въ надеждѣ, что мои немногія наблюденія дадутъ поводъ
вашимъ архивистамъ подѣляться съ ученою публикою матеріалами,
находящимися въ ихъ распоряженіи по данному вопросу, и исправить
неточности, которыя должны были вкратѣ въ мое изложеніе ²⁾.

ликаго государя, жалованья за полонское терѣнье и за выходы по 2 рубли, да
въ приказъ по полтинѣ, кормныхъ денегъ на двѣ недѣли, по 4 денги на день,
да по сукну“, да (л. 106) „положнякомъ изъ городовъ рейтаромъ вѣдѣно давать
государю жалованья за полонское терѣнье и за выходы *въ приказъ* по 5 руб-
дель, да по сукну доброму“; такъ же по новоду нѣкоторыхъ челобитчиковъ объ
указанномъ жалованьи номѣчено: „отпущены въ Большой Приходъ, вѣдѣно дать по
10 рублевъ“. (См. еще отиѣтки „и въ приказъ“ въ „Актахъ Московскаго Госу-
дарства“, т. II, № 1160). О жалованьи нарядчика см. „Десятина XVI вѣка“, Ис-
сн... 15.

¹⁾ Тверская десятина 1658 г. составлена по грамотѣ изъ *Новгородской четвѣртини*,
откуда былъ присланъ и списокъ (к. д. 81. л. 78 об.: „а въ спискѣ, каковыя спи-
сокъ присланъ въ Тверь съ государевомъ грамотою изъ *Новгородскіе чети*“...).

²⁾ Въ приложеніи поимѣнно нѣкоторыя данныя, касающіяся нормъ денежныхъ
дачъ и необходимыя для соображеній по поднятому вопросу.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нормы денежныхъ дачъ разныхъ годовъ и городовъ ¹⁾.

№	Д А Ч А.	Городъ.	Годъ.	Доку- менты. н. л.
1.	а) Для бѣдности по 5 рублей человѣку	Бѣлгородъ.	1631	1
	—	Черниговъ и Пу- тивль.	1640	47
	б) По 8 рублей человѣку.	Черниговъ и Пу- тивль.	1648	54
	—	Черниговъ и Рыльскъ.	1646	197
	в) По 10 рублей человѣку.	Стародубъ и Ро- славль.	1656	191
	г) По 10 рублей человѣку, „для госуда- ревы службы и для ихъ бѣдности... чтобъ дубъ, имъ службою пополянца и нынѣшняго Почень, лоцку съ бояриномъ и съ воеводы со вьяземъ Юриемъ Алексѣевичемъ Дол- горукимъ съ товарищи“.	Брянскъ, Старо- славль, Рославль, Почень, Труб- човскъ, Карачовъ, Новгородъ-Свер- явскій, Черниговъ, Рыльскъ, Путивль.	1658	68
	д) По 10 рублей тѣмъ, которые служатъ старо, и по 7 руб. новикамъ верста- нымъ при денежной раздачѣ.	Рязскъ.	1648	101
	е) По 7 руб. человѣку, „а которые дер- жатца воровства и пропиваютъ на ка- бакѣхъ и зерню играютъ, и табакъ держатъ, и тѣмъ государева жалованья давати не велѣно“.	Дивны. Елецъ.	1649 1619	74 88
2.	По окладамъ сполна при сравнительно невысокихъ окладахъ (напримѣръ, 16, 18 руб. „изъ чети“) и ниже окладовъ при болѣе высокихъ, напримѣръ, при 32, 31 руб. „изъ чети“ давали только по 20 р. Арзамазъ.		1615	4

¹⁾ Предложенная таблица довольно рельефно рисуетъ общій планъ, котораго держалось московское правительство XVII вѣка при раздачѣ денежнаго жало-
ванья служилымъ людямъ. Но трудно замѣтить, что весь этотъ планъ держится
на довольно причудливомъ компромиссѣ между интересами фиска и неотложными
требованиями служилого люда для исправнаго отбыванія службы. Данныя таблицы
на столько краснорѣчивы, что, имѣя въ виду спеціалистовъ, я не предлагаю къ
нимъ дальнѣйшихъ поясненій.

№	Д а ч а.	Городъ.	Годъ.	Доку- менты. н. л.
3.	Указныя статьи: 1) 25 руб. при окладахъ изъ чети въ 40, 35 или 36 рубл.; 2) по окладамъ сплона при окладахъ менѣе 25 руб.; 3) 15 руб. при окладахъ въ 15 руб. и ниже.	Нижній-Новгородъ	1818	11
4.	По окладамъ сплона и съ новою придачею по памяткамъ 115 и 116 гт., а которые на службѣ въ Болховѣ не были или „съѣхали до погрому“, тѣмъ денежныя дачи „вполнѣ ихъ окладовъ и съ придачами“; смяющими „изъ чети“ жалованья не было дапо.	Юрьевъ-Польскій. В.-Новгородъ.	1608 1608	8 124
5.	При окладахъ выше 6 руб.—половину окладовъ, при окладахъ въ 6 руб. и ниже по окладамъ сплона.	Гороховецъ. Алексинъ. Звенигородъ. Боровскъ. Ростовъ. Ржева Владимірова.	1607 ^н 1631 1630 1630 1631 1631	14 166 174 178 184 229
6.	Денежныя дачи по разбору на три статьи (не взирая на оклады): въ 25, 20 и 15 руб.	Одоевъ. Сѣдадь. Луки Великіе, Ржева Пустая и Невель. Малый Ярославецъ Карачовъ. Лихвинъ. — Тверь. Бѣлая. Воротынскъ. Бѣжецкій Верхъ. Новокрещены московскаго и другихъ уѣздовъ. Тула. В. Новгородъ.	1631 1630—31 1631 1630 1634 1630 1630 1630 1630 1630 1630 1631 1631 1632	154 7 28 146 62 157 64 79 83 92 103 113 116 138
7.	При окладахъ выше 10 руб. — по 10 р. Луки Великіе, каждому, при окладахъ въ 10 руб. и ниже Ржева Пустая.			

№	Д А Ч А.	Городъ.	Годъ.	Дому мѣстн. н. д.
	по окладамъ снола.	Невель.	{ 1622	103
	—	—	{ 1623	19
	—	—	1626	20
	—	—	1628	21
	—	—	1629	25
	—	—	1632	29
	—	—	1633	30
	—	Черниговъ и Пу- тивль.	1626	38
	—	—	1628	41
	—	—	1629	42
	—	—	1630	43
	—	—	1631	44
	—	—	1635	45
	—	Брянскъ и Почевъ	1634	66
	—	В. Новгородъ.	1621	{ 127
	—	—	1624	{ 132
	—	—	1624	136
	—	Стародубъ.	1634	148
	—	Черниговъ и Рымльскъ.	1634	189
8.	Тѣмъ, которые „по осмотру въ Глмбо- комъ въ естѣхъ и которые оставлены въ Ковнѣ по 15 руб. челоуѣку“, а тѣмъ, ко- торѣ „были больны и отиуцены и кото- рыя по осмотру въ нѣтѣхъ по 10 руб. челоуѣку“, при чемъ воуѣбно было дать „половину мелкими серебряными, а дру- гую ефинками печатными по цѣнѣ ефи- нокъ по 21 алтыну по 2 деньгъ“.	Луки Великіе, Ржева Пустая и Невель.	1656	33
9.	Помѣстными по 5 руб. челоуѣку, пусто- помѣстными по 6 руб. челоуѣку, безоно- мѣстными по 7 руб. челоуѣку.	Черниговъ и Пу- тивль.	1641	46
	—	—	1642	50
	—	—	1647	53
	—	Кѣремовъ.	1649	173
10. а)	Потерпѣвшими отъ татарскаго раз- грома 152 и 153 гг. по 10 руб. челоуѣку, а не потерпѣвшими („у которыхъ татар- скіе войны не было“) въ такой пропор- ціи: помѣстными по 6 руб. челоуѣку; пустономѣстными по 7 руб. челоуѣку; безпомѣстными по 8 руб. челоуѣку.	Черниговъ и Пу- тивль.	1645	51

№	Д А Ч А.	Городъ.	Годъ.	Документы. н. л.
	б) „И у которыхъ дѣтей боярскихъ въ выѣшнемъ во 154 г. въ декабрѣ въ татарскій приходъ жены, и дѣти, и люди, и крестьяне побиты и въ холощъ поиманы, и села, и деревни, и хлѣбъ пощожь, и которые въ татарскій приходъ побиты и въ холощъ поиманы,—и тѣмъ государева денежнаго жалованья велѣно дати по 10 руб.; а которые въ холощъ поиманы, и побиты, а дѣти въ службу не посылли,—и тѣмъ велѣно дати государева жалованья по 7 руб. на семью, а бездѣтными вдовамъ по 3 руб. А у которыхъ татарскіе войны не было“ (см. выше).	—	1646	53
	в) „Которые были на государевѣ службѣ въ черкасскихъ городѣхъ съ боярными и дворецкими и воеводами съ Вас. Вас. Прозоровскими и которые черниговцы были въ Киевѣ, и вдовамъ и дѣтямъ ихъ, которые служили люди на государевѣ службѣ въ черкасскихъ городѣхъ побиты и померли, безпомѣстными я за которыми пустыя и выметныя земли по 10 руб., помѣстными по 8 руб., побитыхъ женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 руб., мертвыхъ по 3 руб. человѣку“.	—	1656	56—57
11.	По окладамъ сполна; емлющимъ „изъ чети“ жалованья въ общую раздачу не даю.	Торопецъ и Холмъ	1606	60
	По окладамъ сполна.	Елецъ	1606	86
	—	Елифанъ.	1604	193
12.	„Которые были на государевѣ службѣ подѣ Смоленскимъ по отходѣ, какъ отпозъ изъ острогу въ большой обозъ околяничій князь Семень Васильевичъ Прозоровской и которые съѣхали послѣ уходу—первой статьѣ по 25 руб.; а которые имели по 20 р. и меньшую статью по 15 руб.—и тѣмъ давали одну статью по 20 руб. для того, что они съ государева службы изъ подѣ Смоленска съѣхали отъ великой вужи, пометать въ своемъ обозѣ свои и конскіе кормы. А которые отпущены изъ подѣ Смоленска ра-			

№	Д А Ч А.	Городь.	Годь.	Доу- менты. к. л.
	ными, и съ отписками, и въ челобитчи- кахъ, а имали большую статью, и тѣмъ нмиѣ давали тужь статью по 25 руб.; а которые имали среднюю именьшую статью и тѣмъ нмиѣ давали по 20 руб.“.	{ Бѣлевъ. Воротынскъ.	1633 1633	84 93
	—	Одоевъ.	1633	155
	—	В. Новгородъ.	1633	139
	—	Козельскъ.	1633	158
	—	Лихвинъ.	1633	161
	„Которые были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ сентября по 18 число по отходу ок. кн. Семена Васильевича Прозоровского и съѣхали послѣ отхода и которые по окладчиковымъ сказкамъ отпущены до отходу къ Москвѣ изъ подъ Смоленска и съ Бѣлой съ отписками съ свучемъ и съ языки и со всякими государевыми разными дѣлы, и ранены, и большы, а у разбору государева жало- ванья дано имъ по 25 руб. челоуѣку, — первой статьѣ по 25 руб. А которые бы- ли подъ Смоленскимъ же и на Бѣлой, а у разбору на Москвѣ государево жало- ванье имали по 25 руб., а съѣхали изъ подъ Смоленска, педождаяся отходу ок. кн. Семена Васильевича Прозоровского самовольствомъ, безъ отпуску, — и тѣмъ нмиѣ давали по 20 руб. А которые дво- ряне и дѣти боярскіе государево жало- ванье имали у разбору по 20 и по 15 р., а были они на государевѣ службѣ подъ Смоленскимъ же и на Бѣлой, и тѣмъ н- мѣ давали по 20 руб.“			
		Тверь.	1634	80
		Ярославъ.	1634	63
		Бѣжецъ.	1634	104
		Зубцовъ.	1633	110

13. Которые „во 154, и во 155, и во 156
годѣхъ были на государевѣ службѣ въ
Бѣлгородѣ, и въ Карповѣ, и на Лив-
нахъ, и въ Царевѣ Алексѣевѣ городѣ съ
прѣзду до отпуску и для бережонья отъ
приходу воинскихъ людей земляноу дѣло
дѣлали и впередъ по окладчиковѣ сказ-

№	Д. А. Ч. А.	Городъ.	Годъ.	Дому- ннцы. в. д.
	кѣ на службу будутъ со всею съ полною службою, — а тѣмъ давати государева жалованья по 14 руб. А которые въ тѣхъ годѣхъ по наряду на государевѣ службѣ на Ливнахъ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Карповѣ, и въ Царевѣ Алексѣевѣ городѣ не были и валово дѣла не дѣлали и которые перестали съ города, и на службѣ съ города не были, а были въ сандоцкой службѣ, и тѣмъ всѣмъ дать государева жалованья по 10 руб. ⁴	Вязьма, Брянскъ, Почепъ, Стародобской службѣ, и тѣмъ всѣмъ дать государевъ, Рославль, Трубочевскъ.	1648	67 (срв. к д. 77 л. 1—3).
	(См. таблицу, составленную по Рус. Ист. Биб. т. X въ monkъ „Десятняхъ XVI вѣка“ 1. с.).	Бѣлевъ.	1648	85 (срв. к. д. 111 и 105).
	(и. д. 85 л. 3 „а которые валового дѣла дѣла не дѣлали и у нихъ вычитано за валовое дѣло съ крестьянскихъ дворовъ, по 2 гривны съ двора“).	Убранные города. Одоевъ.	1648 1648	117 156
14.	При помѣстномъ окладѣ въ 300 четей дано 9 р. челоуку, — 250—7 р., — 200—6 р., — 150—5 р., — 100—4 р. съ полтин., 80 4 р., — 70—3 р. съ полтин., — 60 и 50—3 р., — 40—2 р. съ полтин.	Ливны.	1633	70
15.	„Для ихъ разоренья“ тѣмъ, у кого оклады въ 15 р. челоуку; у кого оклады меньше 15 р., — по окладамъ спола, у кого же оклады въ 10 руб. и ниже, тѣмъ всѣмъ.— по 10 руб.	Творь.	1616	76
16.	Помѣстнымъ дано по 10 руб.; безпомѣстнымъ по 12 руб.	Торжокъ. Творь.	1658 —	81 —
	(„всѣмъ на лицо безъ вычету серебряными съ мѣдными по поламъ“ к. д. 81 л. 1 об).			
17.	Тѣмъ, которые омають „изъ чети“ по 37, 35, 27, 20 и 15 р., дано по 15 руб., а которые омають „изъ чети“ и „съ городомъ“ по 14, 13, 12, 11, 10 и 9 р., по окладамъ спола; получающимъ мѣше 9 руб. всѣмъ дано по 9 руб.	Зубцовъ. В. Новгородъ.	1615 1615	107 125

№	Д а ч а.	Городъ.	Годъ.	Документы. к. д.
18.	„Каждому изъ малопомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ по 10 руб.; у кого въ помѣстьѣ болѣе 10 дворовъ крестьянскихъ, тѣмъ служить безъ жалованья; по указнымъ статьямъ за которыми крестьянскихъ и бобыльскихъ менше 10 дворовъ и тѣмъ дати по росчету, а вычитать у нихъ за дворъ по рублю“ (примѣръ разсчета: а крестьянскихъ за нихъ 7 дворовъ; государева жалованья ему, Федору, для службы къ крестьянскимъ къ 7 дворокъ въ додачу 3 рубля дано“ л. 5 об.).	В. Новгородъ.	1657	141
19.	Денежныя дачи по разбору на три статьи (не взирая на оклады). Срв. звенигородскихъ казаковъ дачи по к. д. 174 отъ 1630 г.).	Новосиль.	1630	167

В. Стөрешень.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Казанскій. Ученик Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. 1891, 8°, 420 стр.

Появленіе обширнаго труда г. Казанскаго меня очень обрадовало. Вотъ, подумалъ я, возрастаетъ наша философская литература, и я не могъ не принести этого возрастанія классической системѣ образованія. Есть у насъ сочиненія о Платинѣ (Владиславлева), объ Алаксимандрѣ (Каринскаго), о Платонѣ (Гилярова), и о метафизикѣ въ древней Греціи (ки. Трубецкаго); но не было у насъ труда объ Аристотелѣ, и г. Казанскій наполнилъ этотъ пробѣлъ. Правда, въ заглавіи меня смущали слова „при познаніи“; къ чему они? Вѣдь ясно, что если рѣчь идетъ объ опытѣ, то ни къ чему иному этотъ опытъ, крошѣ какъ къ познанію, относиться не можетъ. Правда, что уже при первомъ поверхностномъ просмотрѣ книги меня поразили нѣкоторыя странности, напримѣръ, постоянныя повторенія одной и той же мысли различными словами. но безъ обогащенія содержанія¹⁾ (еслибы выкинуть всѣ

---

¹⁾ Ст. р. 266. „Такъ начинается Аристотель настоящую главу, такъ начинаетъ онъ эту 3-ю главу III-й книги De anima. Что же собственно говорится въ этомъ началѣ?“

Стр. 260. „А что это дѣйствительно такъ, что такое толкованіе дѣйствительно можно дать всей настоящей части, всему настоящему отдѣлу этой 3-ей главы III-й книги De anima,—это доказывается я самими непосредственно слѣдующими подлинными фразами Аристотеля“.

Стр. 263. „Такъ продолжаетъ самъ Аристотель эти свои приведенныя выше разсужденія, такое непосредственное продолженіе даетъ онъ самъ своему разсужденію нами выше началу настоящей 3-й главы III-й книги De anima“.

Стр. 281. „Вотъ собственно, подлинныя, непосредственныя (?) разсужденія

повторения, то книга могла бы быть сокращена больше чемъ наполовину), любовь къ вставнымъ и не нужнымъ словамъ въ родѣ „такъ сказать“, неправильное пользованіе самими обыкновенными и грамматически правильными пользованіе необычными словами¹⁾, наконецъ, ударація, которыя авторъ ставитъ на нѣкоторыхъ словахъ, что не принято и вовсе не нужно, а иногда даже весьма зазорно, напримеръ, на словахъ: какѡй, какѡн (стр. 177), какѡиѣ (стр. 170). Вѣдь, вполнѣ очевидно, что на этихъ словахъ никто не рѣшится сдѣлать много ударенія, но именно этого боятся авторъ, ибо на словахъ „такой, такая“, онъ ударенія не ставитъ. Все это я приписала неосытности автора и приступилъ къ чтенію. Подкупила меня и заранѣе расположенная въ пользу автора таблица „мѣстъ“ изъ сочиненій Аристотеля, помѣщенная на страницахъ 416 и 417; но, разсмотрѣвъ эту таблицу, я убѣдился, что „мѣстъ“ много, но разобранныхъ авторомъ сочиненій Аристотеля весьма мало; и большинство мѣстъ заимствовано изъ

Аристотеля въ 8-й главѣ III-й книги De anima, вотъ подлинный ходъ развитія мысли Аристотеля въ этомъ мѣстѣ его сочиненій“ etc. etc. Такъ приступаетъ г. Казанскій, такъ онъ приступаетъ, уны, къ каждому новому періоду рѣчи; это дѣйствительно такъ, но никакого толкованія дѣйствительно нельзя дать подобному писанію.

Стр. 282. „Итакъ эта 3-я глава, анализъ этой 8-й главы III-й книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля дѣйствительно является для насъ весьма существеннымъ, этотъ анализъ дѣйствительно даетъ намъ,—какъ мы и ожидали,—общую и наиболее существенную схему взглядовъ Аристотеля на интересующія насъ въ настоящее время знанія“.

А чтобы читатель никакъ не забылъ объ этой 8-й главѣ III-й книги De anima, г. Казанскій указываетъ на нее, съ обозначеніемъ всѣхъ ея титуловъ, сверхъ указанныхъ мѣстъ еще и на стр. 249, 250, 251, 254, 276, 286, 288, 295. Иногда эти обозначенія дѣлаются въ весьма поэтической формѣ, нужно отдать справедливость автору, напримеръ: „Тамъ, въ этой 8-й главѣ“ etc. (стр. 281). Такъ авторъ заболтался о „наиболѣе краткомъ изложеніи“ (стр. 224).

¹⁾ Напримеръ, значеніе слова „настоящій“ не извѣстно г. Казанскому. Онъ говоритъ (стр. 38): „Итакъ въ настоящее время (то-есть, послѣ развитій г. Казанскаго) не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и душа и тѣло,—обѣ части (?) душевнаго существа, участвуя въ чувственномъ познаніи“. Или, стр. 35: „Довольно разумно, довольно удачно говоритъ Аристотель въ настоящихъ параграфахъ 4-й главы I-й книги De anima“. Читатель настоящие параграфы противоположить подложнымъ, но таковыхъ не существуетъ. Такое же неправильное значеніе придаетъ онъ этому слову и на стр. 163, 313 et passim. Съ другой стороны, слово „прямисливецъ“ (стр. 374) вполнѣ неупотребительное; не говорится также „мимолодное значеніе“ (стр. 354), „довольно безапостельно“ etc. etc. Но пусть читатель не думаетъ, прочтя эти повторенія и погрѣшности въ языкѣ, „что съ чисто внѣшней стороны изложеніе дошло уже до своего предѣла“ (стр. 58).

небольшаго трактата Аристотеля о душѣ: еслибы авторъ прибѣгъ къ нѣскольکو иному способу писанія, упрощенному и обыкновенно употребляемому, то всю эту величественную таблицу можно было бы написать въ трехъ строкахъ. Напримеръ, огъ вышестъ: De anima II 417a 14—21 и *ibid.* II 417a 21—v; очевидно, что это два смежныхъ мѣста и вполне достаточно было бы одного указанія. Я, конечно, далеко отъ мысли, что авторъ желалъ этой таблицей произвести впечатлѣніе на читателя, поразить его эрудиціей, а думаю, что онъ стремился лишь къ точности въ цитатахъ. „каковѣн“ нѣкоторыми почитается единственнымъ требованіемъ относительно учснаго сочиненія. Можетъ быть, автору покажется, что я придираюсь къ мелочамъ, и, конечно, это были бы мелочи, еслибы содержаніе книги эти мелочи выкупало (ставлю удареніе, чтобы г. Казанскій не прочелъ выкупало), но дѣло въ томъ, что философскія сочиненія, вопервыхъ, читаются не только специалистами, но и всей образованною публикой, и посему философы обязаны обращать большее вниманіе на изложеніе, на форму сочиненія, а вовторыхъ, сомнительно, чтобы въ данномъ случаѣ форма выкупалась содержаніемъ.

Большая часть книги г. Казанскаго состоитъ изъ перевода Аристотелевскихъ сочиненій; главное изъ тѣхъ, которыми пользовался авторъ („О душѣ“), переведено г. Снегиревымъ (Казань, 1885) и, какъ мнѣ казалось, переведено не дурно, но г. Казанскій говоритъ въ предисловіи, что „переводъ этотъ оставляетъ желать послѣ себя (!?) весьма многого“ (стр. 10). Поэтому и съ любопытствомъ сталъ сравнивать текстъ Аристотеля съ переводомъ г. Казанскаго, и оказалось, что нашъ авторъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что значить переводить. Развѣ вольный перефразъ, въ который вставлены цѣлыя предложенія вовсе не Аристотелевскія, называется переводомъ? Перефразировать автора, конечно, дозволяется, но тогда не слѣдуетъ ставить квычекъ, которыми обозначаются подлинныя слова переводимаго автора. Для примѣра возьмемъ слѣдующую фразу Аристотеля: δῆλον οὖν ὅτι αἰσθητικὸν οὐκ ἔστιν ἐνεργεῖα ἀλλὰ δυνατὸν λόγῳ, которую г. Снегиревъ переводитъ: „Очевидно, что начало оцущающее не есть дѣятствующая сила, а только способность“; это не точный переводъ, но все же переводъ. Что же сдѣлалъ г. Казанскій? Огъ эти 10 греческихъ словъ переводитъ 52-ми русскими; „И такъ ясно, что чувствующая способность или чувствующій организмъ самъ по себѣ не есть что-либо, находящееся въ состояніи осуществленія, реализація, не есть что-либо, находящееся въ полной дѣятельности, а только гѣчто,

находящиеся въ возможности, простая способность, которая для того, чтобы начать функционировать, требует присутствія и дѣйствія на себя нѣкотораго болѣе дѣятельнаго начала“ (стр. 5). Таковы во всей книгѣ переводы г. Казанскаго: онъ не только перефразируетъ Аристотеля, но приписываетъ ему иногда цѣлыя предложенія, которыхъ у него нѣтъ. Напримеръ (стр. 10), Аристотель яко бы говоритъ: „Возьмемъ термины *δύναμις*, *ἐνέργεια* и *ἐντελέχεια*“. Ничего подобнаго въ текстѣ Аристотеля не находится. Но г. Казанскому и этого мало, онъ не только перефразируетъ Аристотеля, приписываетъ ему цѣлыя предложенія, но переводитъ совершенно невѣрно. Напримеръ, слово *ἀπλῶς* г. Казанскій переводитъ, „съ общей точки зрѣнія, то-есть, допуская анализъ, но анализъ поверхностный, не особенно глубокий“ (стр. 8 и 9); между тѣмъ *ἀπλῶς* просто значить „безотносительно“; слово *τίς* переведено „нѣчто какъ бы въ родѣ“ (стр. 4), *ἕταυον ὑψηλοτέρων* — переведено — „очень высокими, болѣе высокими способностями“. Въ виду такихъ свойствъ переводовъ г. Казанскаго лучше было бы, чтобы онъ не переводилъ, когда это возможно, самъ, а пользовался бы переводомъ г. Снегирева, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги нашего автора не трудно узнать, оговъ перевода г. Снегирева, искаженный, не извѣстно для чего, г. Казанскимъ. Возьмемъ, напримеръ, слѣдующее мѣсто перевода Снегирева (стр. 52): „въ силу этого страдательное состоянiе, какъ мы сказали, производится какъ подобнымъ, такъ и несходнымъ, потому что въ страдательное состоянiе приходитъ несходное, но, пришедши въ это состоянiе, оно становится подобнымъ“. Г. Казанскій пишетъ (стр. 9): „Страдательное состоянiе въ этомъ случаѣ производится какъ подобнымъ такъ и несходнымъ,—ибо въ страдательное состоянiе, до начала акта страдательнаго состоянiя, приходитъ несходное, но приди въ это состоянiе, послѣ начала акта оно становится подобнымъ“. Устраню, что свойвольный перефразъ г. Казанскій постоянно сопровождается напоминанiемъ читателю, что онъ, авторъ, приводитъ „подлинныя настоящія выраженiя Аристотеля“! Да простятъ мнѣ авторъ и читатель, что я останавливаюсь только на переводахъ первой главы разсматриваемой книги и по нимъ сужу объ остальныхъ. Вообще естественно to begin with the beginning. Такъ поступать и г. Казанскій: „прочитывая двѣ первыя книги“, говоритъ онъ, „сочиненiя Аристотеля De anima, и при томъ прочитывая съ желанiемъ найти именно какія-либо указанiя Аристотеля на то, какъ самъ онъ вообще смотритъ на разумъ, мы прежде всего, такъ сказать, совершенно невольно остановимся уже на самой пер-

вой главѣ—на 1-й главѣ 1-й книги“ (стр. 325). Впрочемъ, возьмемъ для примѣра изъ конца книги слѣдующій переводъ, и пусть читатель, ежели можетъ, найдетъ въ немъ смыслъ: „Защитники же идеологизма, какъ будто, если будутъ существовать какія-либо сущности помимо чувственныхъ и находящихся въ постоянномъ измѣненіи, необходимо имъ быть отдѣленными, иныхъ сущностей и не признавали,— эти же, называемыя общими сущностями, особенно выставили“ etc. etc. (стр. 407).

Отъ переводовъ г. Казанскаго перейдемъ къ комментаріямъ на нихъ. Весь смыслъ книги и долженъ бы заключаться въ точномъ перепереводѣ и толковомъ комментаріѣ. Но комментарій оказывается чисто вышниннымъ, иногда онъ сводится къ указаніямъ, что за числомъ 11 слѣдуетъ 12, что, какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію. „Съ чисто вышней точки зрѣнія, если мы допустимъ, что настоящее мѣсто служить разъясненіемъ того отрывка 12-й главы, вполне будетъ понятно, что Аристотель могъ употребить указанное отождествленіе какъ разъ въ этой 12-й главѣ. Въ самомъ дѣлѣ 12-я глава непосредственно слѣдуетъ за настоящею, 11-й; совершенно можно думать, что при составленіи 12-й главы Аристотель еще имѣлъ въ головѣ всѣ мысли 11-й главы. отсюда и естественно ему было привести указанное отождествленіе какъ разъ въ этой 12-й главѣ“ (стр. 167). Въ данномъ случаѣ толкованіе опирается на несомнѣнную математическую истину, это все же лучше, чѣмъ ссылка на крайнюю нужду: на стр. 6 мы читаемъ: „Итакъ, если чувственное познаніе по Аристотелю и есть нѣкоторое страдательное состояніе, то нужно во всякомъ случаѣ различать при этомъ болѣе страдательное и болѣе дѣятельное, нужно во что бы ни стало примѣнить къ чувственному познанію, къ процессу чувственнаго познанія, эти понятія *δύναμις* и *ἐνέργεια* и *ἐντελέχεια*“.

Но зачѣмъ же нужно во что бы ни стало? Подобная ссылка на необходимость находится и на стр. 275, гдѣ ея объясняется замѣчаніе, брошенное Аристотелемъ мимоходомъ. Ссылка на математическія истины и нужду представляетъ хоть нѣкоторую попытку объяснить текстъ, въ большинствѣ же случаевъ г. Казанскій мѣсто комментарія ограничивается вторымъ перифразомъ перваго перифраза, называемого имъ переводомъ, при чемъ вставляются лишь слова: „говоритъ Аристотель“, „разъясняетъ Аристотель“, „замѣчаетъ Аристотель“ и т. д. Четвертый приемъ толкованія можетъ быть названъ приемомъ совпаденія. Обозначивъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ крайней обстоятельностью всѣ мѣста, разборъ кото-

рыхъ предстоитъ, г. Казанскій удивляется, что Аристотель „какъ разъ“ гдѣ это ему, г. Казанскому, нужно, иходить въ разсмотрѣніе какаго-либо вопроса. Напримеръ, стр. 357: „Въ предыдущемъ, въ 4-й главѣ III-й книги De anima, Аристотель ничего не говорилъ о происхожденіи разума, здѣсь же онъ какъ разъ вводитъ въ свои разсужденія и вопросъ объ этомъ происхожденіи“¹⁾. Удивительно случайное совпаденіе!

При такихъ скудныхъ средствахъ толкованія нельзя ждать многого отъ изслѣдованія; запутанное ученіе Аристотеля врядъ-ли такимъ путемъ можетъ быть приведено къ „полной, такъ сказать, окончательной ясности“, и жалъ, что авторъ не остался вѣронъ своему заявленію: „настоящее изложеніе есть только нѣкоторое отраженіе предыдущихъ изложеній, другими словами я утверждаю полнѣйшую зависимость настоящаго изложенія отъ предыдущихъ“ (стр. 77 прим. и стр. 243) и не изложилъ результатовъ изслѣдованій предшественниковъ, тогда бы могъ получиться полезный трудъ. Авторъ часто жалуется на неясность, непоследовательность и туманность великаго Стагирита (ст. 8, 34 примѣч. 152, 161, 410 и 415), и безъ сомнѣнія текстъ Аристотелевскихъ сочиненій весьма испорченъ и потому труденъ, но читатель, вѣроятно, подумаетъ, что туманность принадлежитъ болѣе г. Казанскому, чѣмъ Аристотелю. Боюсь, что на вопросъ г. Казаискаго на ст. 405: „Можно ли вообще въ нашемъ изложеніи удовольствоваться этимъ отвѣтомъ? Можно ли, послѣ полученія такого отвѣта, такъ сказать поставить точку вообще въ нашемъ сочиненіи?“—читатель отвѣтитъ не такъ, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ („Чтобы уничтожить всѣ эти недочеты, чтобы привести все наше изложеніе, все наше сочиненіе къ вполнѣ ясному и точному концу, намъ, очевидно, къ настоящимъ тремъ главамъ нужно будетъ прибавить еще IV-ю, но объему теперь уже самую небольшую, намъ нужно будетъ сдѣлать общее заключеніе“, ст. 405), а скажетъ: давно пора было поставить „точку вообще“, слѣдовало остановиться даже на „получочіи“. Что такое получочіе, я не знаю: это одно изъ изобрѣтеній г. Казанскаго. Упоминая на 351 ст. о крупныхъ измѣненіяхъ, которыя онъ дѣлаетъ въ Беккеровскомъ изданіи Аристотеля, г. Казанскій говоритъ, что онъ, по примѣру Wallace'a, ставитъ въ одномъ мѣстѣ „получочіе“ вмѣсто точки. Болѣе существенно открытіе „матеріальныхъ мысленныхъ предметовъ“ (ст. 336) и „матеріальныхъ, такъ сказать, понятій“ (ст. 361); матеріальными

¹⁾ То же см. стр. 226 и 254.

г. Казанскій называетъ „болѣе конкретныя понятія“. Если еще можно спорить о томъ, существуютъ ли конкретныя понятія, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что матеріальныхъ понятій не существуетъ, какъ не существуетъ и „отвлеченныхъ предметовъ“ (стр. 388), и „заключеній, но только до нѣкоторой степени“ (стр. 66). Изъ открытіямъ слѣдуетъ причислить и то, что „субъектъ и объектъ суть наиболѣе существенные элементы вообще въ познаніи“ (стр. 168). Но какіе же еще элементы можно найти въ познаніи? Воплѣ ново также то, что практика и частности суть тождественныя понятія (стр. 245), ипаче говоря, родовое понятіе есть нѣчто теоретическое, а раздѣлито его на видовыя, — и получится практика. Всѣ эти открытія г. Казанскаго въ извѣстной мѣрѣ характеризуютъ его образъ мыслей, который не такъ то легко извлечь изъ многословныхъ перифразъ Аристотеля; по все же философскія воззрѣнія г. Казанскаго кое-гдѣ прорываются; напримѣръ, въ замѣчаніи къ слову мышленіе нашъ авторъ пишетъ „стало быть какъ разъ психическое состояніе, вырабатываемое именно разумомъ“ (стр. 325); это даетъ нѣкоторую характеристику психологическихъ воззрѣній г. Казанскаго. При первомъ просмотрѣ книги я думалъ, что авторъ гегельянецъ, ибо извѣстно, что у гегельянцевъ противоположныя понятія оказываются соединимыми въ одномъ высшемъ; нѣчто подобное я замѣтилъ и у г. Казанскаго, который, съ одной стороны, утверждаетъ полную зависимость своего сочиненія отъ работъ предшественниковъ, съ другой — ставитъ свою книгу выше сочиненій извѣстныхъ знатоковъ Аристотеля и находитъ у себя въ книгѣ „порядокъ, стройность, гармоничность изложенія“ (стр. 76); далѣе, онъ находитъ, что Аристотель писалъ о „наиболѣе важныхъ психологическихъ вопросахъ въ наименѣе важныхъ психологическихъ сочиненіяхъ“ (стр. 30) и, слѣдовательно, наоборотъ, о наименѣе важныхъ вопросахъ въ наиболѣе важныхъ сочиненіяхъ. Но другихъ болѣе серьезныхъ примѣтъ гегельянства не оказалось. Напротивъ, нашлось нѣсколько весьма неопредѣленныхъ, впрочемъ, указаній, что авторъ стоитъ за истинный научный эмпиризмъ. Упрекъ Аристотеля въ неослѣдовательности, г. Казанскій говоритъ на стр. 473: „Истинный эмпиризмъ по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, дѣйствительно признаетъ совершенно равноравное участіе въ образованіи познаній какъ за субъектомъ, такъ и за объектомъ; истинный эмпиризмъ не станетъ высказывать въ одной части своихъ познательныхъ ученій мнѣній, которыя только могутъ быть истолкованы въ пользу неподвижному существованію участія и опыта, объекта, а въ

дальнѣйшемъ проповѣдывать ученія, не согласныя съ такими мнѣніями,—истинный эмпирикъ постарается волюнѣ сознательно и волюнѣ опредѣленно вслѣдъ въ познавательныхъ ученіяхъ дѣйствительно провести совершенную равноправность этихъ двухъ факторовъ. Видѣ все дѣло науки, истиннаго научнаго эмпиризма по отношенію къ познанію въ томъ и состоитъ. мнѣ кажется, чтобы волюнѣ сознательно и опредѣленно задаться цѣлью постараться отвѣтить на вопросъ, что именно, какія черты въ познаніи должны быть такъ сказать отнесены на счетъ окружающей человѣка дѣйствительности,—а у Аристотеля такой сознательной и опредѣленной постановки нигдѣ нѣтъ“. Изъ этой цитаты, впрочемъ, не видно, признаетъ ли самъ авторъ эмпиризмъ истиннымъ. На то слѣдующее опредѣленіе философіи дѣйствительно принадлежитъ г. Казанскому: „Такъ, между прочимъ, высказываетъ Аристотель свои общія философскія взгляды. И говорю—общія философскія, ибо повидному здѣсь дѣйствительно дѣло идетъ объ общихъ, послѣднихъ основаніяхъ существующаго, здѣсь на самомъ дѣлѣ какъ бы трактуется о нѣкоторыхъ, такъ сказать, послѣднихъ общихъ объясненіяхъ, которыя можно дать вообще этому существующему,—такія же разсужденія, но крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, по преимуществу должны будутъ быть названы общими философскими“ (ст. 409). Такъ какъ здѣсь вообще говорится объ общихъ философскихъ вопросахъ, то весьма кстати будетъ выписать опредѣленіе г. Казанскимъ общаго (ст. 410): „Общее какъ мнѣ кажется, нельзя опредѣлять иначе, какъ то, что по преимуществу принадлежитъ, по преимуществу исходить изъ разума, общее есть главнымъ образомъ—обобщеніе разума“. Такое опредѣленіе сонѣтъ не пригодно въ Аристотелевской философіи, ибо авторъ самъ говоритъ, что, по ученію Стагирита, общее существуетъ въ конечныхъ предметахъ; къ тому же „по преимуществу принадлежитъ, по преимуществу исходить изъ разума“ и многое другое, кромѣ общаго, напримѣръ, всякій видоръ (причину коего, впрочемъ, скорѣе слѣдуетъ искать въ отсутствіи разума).

Мы коснулись способа изложенія, переводовъ, комментариевъ и образа мыслей г. Казанскаго. Скажемъ нѣсколько словъ и о добытыхъ результатахъ. Результаты такіе, какихъ можно было ожидать. Авторъ очень подробно излагаетъ ученіе Аристотеля о чувственномъ познаніи, менѣе подробно говорить о представленіи и очень коротко излагаетъ запутанное ученіе о разумѣ. Остановимся для примѣра на ученіи о разумѣ. На первомъ наиболѣе подробномъ отдѣлѣ (277 стр.) о чувственномъ познаніи не стоитъ останавливаться, ибо онъ, по словамъ

автора, не замѣчательна: на стр. 412 говорится: „Общая теорія вообще чувственнаго познанія дѣйствительно могла быть у Аристотеля замѣчательной, но эта замѣчательность ея не была чѣмъ-либо вполне сознательнымъ: замѣчательность эта въ сущности оказывается, такъ сказать, довольно случайною“

Глава о разумѣ распадается на три части; сначала дается общее опредѣленіе разума, затѣмъ разумъ опредѣляется подробно, и, наконецъ, указывается процессъ образованія разумныхъ познаній. Порядокъ изложенія опредѣленъ Аристотелевскимъ текстомъ *De anima*. Нашъ авторъ дѣлаетъ еще добавленіе изъ сочиненія Аристотеля „о происхожденіи животныхъ“. Это добавленіе онъ мотивируетъ тѣмъ, что послѣднее „мѣсто также довольно извѣстно, оно также весьма часто приводится въ настоящемъ случаѣ—и отсюда остановиться и на немъ при разсмотрѣніи общей природы разума по Аристотелю будетъ совершенно необходимо“ (стр. 324). Приступая къ изложенію и переводу, авторъ говоритъ, что Аристотель, повидимому, находился „въ колебательномъ отношеніи къ разуму“ (стр. 326). Это не значитъ, что разумъ Аристотеля колебался или что Аристотель колебалъ разумъ¹⁾; авторъ просто хотѣлъ замѣтить, что Аристотель сомнѣвается въ безблестномъ характерѣ разума. Далѣе говорится, что Аристотель опредѣляетъ разумъ, какъ возможность мыслимыхъ предметовъ (стр. 340) и отдѣлать разумную способность отъ чувственной. Ученіе о разумѣ, какъ возможности мыслимыхъ предметовъ напоминаетъ ученіе Платона объ идеяхъ, но въ чемъ именно это сходство, г. Казанскій не говоритъ. Разумъ входитъ въ человѣка извне и имѣетъ божественную природу. Здѣсь авторъ прерываетъ изложеніе, или, какъ онъ выражается: „мы окончательно покончимъ съ настоящимъ отдѣломъ“ (стр. 358)²⁾. Но вѣдь все это извѣстно и нуждается лишь въ объясненіи, объясненій же у автора мы не находимъ. Еще скуднѣе свѣдѣнія о *νοῦς λογικὸς*; и *νοῦς παθητικὸς*. Авторъ просто переводитъ соответственное мѣсто, а затѣмъ, переводить всѣ эти „подлинныя выраженія на общепонятный языкъ“. Авторъ въ примѣчаніи указываетъ на литературу предмета, но изъ его примѣчаній никакъ нельзя замѣтить, воспользовался ли онъ дѣйствительно литературой, самый же текстъ книги говоритъ скорѣе противное. Для примѣра вынншу длинное примѣчаніе на стр. 403: „По принятому мною

¹⁾ Сильно испугаетъ читателя, когда онъ прочтетъ, „о колебаніи (самого) Аристотеля въ 5-й главѣ II-й книги трактата о душѣ“ (стр. 42).

²⁾ „Окончательно покончить“ все же оказывается только сравнительною степенью; превосходящая же степень—„дѣйствительно окончательно покончить“ (стр. 99).

порядку, какъ разъ въ настоящее время, въ заключеніе къ настоящему положенію мнѣ слѣдуетъ сказать еще по поводу частнаго, обнаружившагося въ самомъ моемъ изложеніи отношенія моего къ вообще существующей, разъясняющей разумное познаніе по Аристотелю, литературѣ. Въ этомъ отношеніи скажу, что эта сторона въ достаточной степени, какъ мнѣ кажется, уже выяснилась изъ моихъ непосредственно предшествовавшихъ примѣчаній,—въ частности она выяснилась изъ примѣчаній, приведенныхъ мною въ началѣ настоящей III-й главы. Въ виду обширности, и главное, въ виду, такъ сказать, разнорѣчія литературы, касающейся объясненія и пониманія Аристотелевскаго ученія вообще о разумномъ познаніи, не возможно было особенно слѣдить за этою литературою, — такимъ образомъ пришлось преимущественно сосредоточиться на подлинныхъ выраженіяхъ самого Аристотеля. Но это, строго говоря, замѣчу теперь, не особенно разнится отъ способа положенія, принятаго мною въ предыдущихъ главахъ, при изложеніи предыдущихъ познавательныхъ ученій Аристотеля, ибо и тамъ, въ сущности, я также старался излагать по большей части словами самого же Аристотеля. Разница заключается только въ томъ, что тамъ, благодаря отсутствію такихъ значительныхъ разногласій у толкователей, можно было все-таки дать какъ будто сравнительно болѣеясшее понятіе и о существующей литературѣ толкованій соответствующихъ ученій самого Аристотеля,—здѣсь же это было возможно сдѣлать даже еще въ гораздо мѣншей степени. Но выставяя на видъ такое спос., какъ будто нѣсколько отрицательное отношеніе къ вообще существующей литературѣ, разъясняющей разумное познаніе по Аристотелю, я, конечно, и здѣсь, и въ настоящемъ случаѣ, также хорошо сознаю, на сколько и обязанъ этой же самой литературѣ. На сколько я считаю себя обязаннымъ этой же самой литературѣ въ пониманіи отдѣльныхъ выраженій Аристотеля—это, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени выяснилось уже и въ моихъ непосредственно предшествовавшихъ примѣчаніяхъ,—но и самая моя общія концепція, самая общія схема моего изложенія ученія Аристотеля о разумномъ познаніи, конечно, могла явиться только при существованіи этой же литературы. И мою общую схему въ настоящемъ случаѣ я также не могу не признать какъ бы отраженіемъ работъ моихъ предшественниковъ,—отраженіемъ въ томъ смыслѣ, что такъ или иначе—но безъ тщательнаго изученія всѣхъ этихъ работъ эта схема, разумѣется, не могла бы принять своего настоящаго вида“

Это примѣчаніе давало бы мнѣ право не говорить о рѣшеніи 3-го вопроса, о разумѣ, ибо, по заявленію автора, мы имѣемъ у него дѣло

лишь съ подлинными словами Аристотеля, въ литературѣ же парствуетъ разногласіе. Но я все же приведу содержаніе и этой 3-й части (стр. 368—406). Аристотель, говорится здѣсь, изображаетъ „какъ бы переходъ къ конкретнымъ учепіямъ“, и указывается, „чѣмъ менше съ конкретной стороны бывають вообще разумныя познанія“; Аристотель доказываетъ совершенную необходимость участія въ образованіи разумныхъ познаній образовъ или представленій. Онъ старается отбѣнить различіе образовъ отъ первыхъ понятій, получаемыхъ при помощи образовъ. (Отдѣлнть разумное познаніе отъ чувственнаго весьма трудно, ибо эти два рода познанія „настоящую смѣниваются“). Однако разумъ остается вполнѣ самостоятельнымъ, вполнѣ независимымъ органомъ. Вотъ точная передача содержанія 40 страницъ, изъ коей видно, что въ ученіи о разумѣ г. Казанскій не сказалъ ничего, что не было бы давно извѣстно всякому, кто хоть слегка заглянулъ въ сочиненія Аристотеля; затрудненія же г. Казанскій не разъяснилъ. Въ заключеніи, то-есть, въ „IV-й, по объему теперь уже самой небольшой главѣ“ говорится о различіи ученія о познаніи Платона и Аристотеля: главную разницу г. Казанскій видитъ въ томъ, что Платонъ былъ чловѣкомъ увлекающимся, а Аристотель трезвымъ. Самое же ученіе Аристотеля о познаніи содержитъ въ себѣ „нѣчто какъ будто не совсемъ согласное, не совсемъ примиримое“. Такую же, „какъ будто нѣкоторую непримиримость“ г. Казанскій находитъ и въ общихъ философскихъ воззрѣніяхъ Аристотеля: „и эта непримиримость, это отсутствіе полной и ясной послѣдовательности, замѣтимъ въ заключеніи, и пляется, такъ сказать чѣмъ то роковымъ для вообще пониманія и оцѣнки философіи Аристотеля“ (ст. 415). Такъ строго судитъ г. Казанскій великаго Стагирита. Въ виду явной непослѣдовательности, отсутствія логики и философскаго таланта у Аристотеля г. Казанскій сдѣлалъ хорошо, что въ заключеніи обратилъ вниманіе на смягчающее обстоятельство, на трезвость Аристотеля.

Э. Радловъ.

М. Крашенинниковъ. Римскіе муниципальные жрецы и жрицы. Эпиграфическое наследство. Сиб. 1891.

Римская эпиграфика у насъ гораздо менѣе популярна, чѣмъ ея младшая сестра—эпиграфика греческая, и было бы несправедливо отрицать, что виною тому въ значительной мѣрѣ, если не исключительно, ея характеръ. Въ противоположность кипучей, беспокойной

жизни греческой эпиграфики, на римской лежит отпечаток гробовой тишины; чтение надписей, собранных въ монументальных томах С. I. L., оставляетъ въ душѣ читателя почти такое же впечатлѣніе, какъ прогулка по кладбищу, чему ниюю далеко не единственно многочисленныя надписи D. M. и V. R. И все таки мы вполне понимаемъ, что и къ нимъ можно пристраститься; римскій геній и на нихъ положилъ печать, которую носить все его творенія—печать величія; начиная вышними очертаніями буквъ, таинственными лигатурами и сокращеніями и кончая неподражаемой сжатостью слога—все въ нихъ просто, мѣрно и величаво. Эта своеобразная красота римской эпиграфики доступна не всемію; но она несомнѣнно существуетъ, она въ состояніи плѣнить человѣка и плѣнить его надолго, независимо отъ чисто научной пользы, которую онъ извлекаетъ изъ нея. Полагаю, что и г. Крашенинниковъ испыталъ это на себѣ; онъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но вся его работа доказываетъ, что онъ основательно проникся духомъ римской эпиграфики. Римскія надписи не только являютъ ей содержаніемъ, но имѣли также явное влияние на ея форму; мы находимъ въ ней ту же многосодержательную простоту, ту же подъ часъ загадочную сжатость и—если не считать нѣсколькихъ мѣстъ—ту же спокойную dignitas, какъ и въ нихъ. Не скрою отъ автора, что второе изъ названныхъ качествъ при чтеніи его работы показалось мнѣ не разъ довольно неудобнымъ; все же и оно способствуетъ цѣльности впечатлѣнія.

Читатель, конечно, догадался уже, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ выдающимся и драгоценнымъ сочиненіемъ. Считаю поэтому позволительнымъ не тратить времени на панегирикъ, въ которомъ авторъ не нуждается, и перехожу къ содержанію его труда.

Чему научилъ насъ г. Крашенинниковъ? Въ частности очень много, но не далъ ли его изслѣдованіе и общаго результата? Даю; это—*принципиальная разница между столичнымъ и муниципальнымъ культомъ*. Гдѣ же это коренное положеніе доказано? Нигдѣ и вездѣ: „принципиальная разница“ предполагается существующей и извѣстной читателю съ первыхъ же страницъ, мѣстами авторъ по цензурски обращается съ тѣми, которые на муниципальный культъ смотрятъ „черезъ очки“ столичнаго и указываетъ то или другое различіе; сгруппировать все эти различія въ частности и возсоздать такимъ образомъ „принципиальную разницу“ онъ предоставилъ читателю. Первое, конечно, не представляетъ особенныхъ трудностей, и не представляло бы ровно никакихъ, еслибы авторъ, согласно общепринятому въ концѣ

XIX вѣка обычаю, снабдилъ свою работу указателемъ. Но „принципальной разницы“ читатель все-таки не найдетъ; соглашаясь съ авторомъ почти во всѣхъ его положеніяхъ, онъ все-таки скажетъ, что они доказываютъ только нѣкоторыя волюнтарности и уклоны въ муниципальномъ культѣ отъ принятыхъ въ столичномъ культѣ правилъ, при томъ различныя для различныхъ провинцій и даже, быть можетъ, для различныхъ муниципій. и поэтому вызванныя, очевидно, чисто практическими соображеніями, жѣсткими условіями жизни, а не принципомъ. () послѣднее могла бы быть рѣчь лишь тогда, еслибы можно было прослѣдить зависимость муниципальнаго культа не отъ столичнаго, а помимо столичнаго отъ культа древнихъ муниципій въ тѣсномъ смыслѣ латинской и сабинской народностей. Возможность такой зависимости существовать въ Италіи, по крайней мѣрѣ для бывшихъ колоній латинскаго права, пожалуй и для муниципій, получившихъ латинское право раньше римскаго. Но прослѣдить эту зависимость даже послѣ прекрасныхъ замѣчаній автора относительно нѣкоторыхъ особенностей древне-муниципальнаго культа (укажу въ особенности на § 48 о *monitores sacrorum*; жаль, что авторъ здѣсь не устоялъ противъ соблазна предложить новую и при томъ съ точки зрѣнія древнѣйшаго языка невозможную этимологию слова *pontifex*) трудно и врядъ ли возможно.

Но перейдемъ къ частностямъ. Исслѣдованіе г. Крашенинникова состоитъ изъ двухъ частей; въ первой онъ даетъ намъ инвентарь муниципальной жреческой титулатуры, во второй—разсужденіе о квалифікаціи и компетенціи муниципальных жрецовъ. Каждая часть снабжена многочисленными примѣчаніями, изъ которыхъ многія можно назвать скорѣе экскурсами; это на мой взглядъ самая интересная часть труда.

Глава I трактуетъ о понтификатѣ; по этому поводу авторъ касается и интереснаго *понтификата Augusti*, который, какъ это замѣтитъ еще Моммзенъ, ограничивается Бэтикой. Ему удалось, однако, найти надпись, не замѣченную Моммзеномъ, и дополнить ее лучше ее издателя Гюбнера, но все же, кажется, не совсѣмъ правильно, именно N 5120 (изъ *Carmo*) *L. Servilio L. f. Polloni [III] vir(o) [m. m.] bis, praefecto C. Caesaris quatuorvirali [potestate, flamine] sacrorum publicorum municipalium, pontificali divi Aug(usti)*. Впрочемъ, что значить *m. m.*? Обычное *municipium municipalis* здѣсь не годится, такъ какъ не сказано, какого именно муниципія; свою конъектуру *municipalis Municipensis* Гюбнеръ самъ опровергъ указаніемъ на то, что *Mu-*

piqua была муниципиемъ лишь съ Веспасиана; но было поэтому причиною отступать отъ чтенія турническаго анонима (единственной копии; подлинникъ затерявъ) MV. V. Затѣмъ возможно ли flamen sacrorum publicorum *municipalium*? Мы понимаемъ выраженіи вродѣ omnibus honoribus municipalibus functus (Wilm. 2135; 2178), такъ какъ муниципальный cursus honorum извѣстенъ; но flamen sacrorum p. municipalium, вмѣсто s. p. municipii такого-то—явная несообразность, и другаго примѣра ей нѣтъ. Прежде можно было сослаться на Orelli 2158 L. Calpurn. L. f. Gal. Silvii II vir. bis flam. sacr. pub. municipal. (по Gruter'у; въ концѣ Peutinger'a даже прямо municipalium); Henzen въ своемъ Index'ѣ снабдилъ однако это слово municipal. вопросительнымъ знакомъ (стр. 50; кармонская надпись извѣстна ему не была), и послѣдствія оправдали его сомнѣніи: при слѣженіи съ подлинникомъ оказалось, что читать слѣдуетъ flam. sacr. pub. municip. Alb. Ur. = municipii Albensis Urgaonenis (Corp. II 2105). При такомъ положеніи дѣлъ мнѣ кажется несомнѣннымъ, что и въ кармонской надписи, извѣстной намъ только по копии турническаго анонима, должно быть принято это чтеніе. Оно подтверждается и загадочными для Губнера буквами MV. V, обозначающими, конечно, муниципіи U(rga)onenis, или вѣрнѣе—предполагая, что нерычливый копистъ привнѣлъ лигатуру A съ L а равно и лигатуру V съ R за V—municipii Al(bensis) Ur(ga)onenis). A съ установленіемъ этого факта и замѣчанія автора на стр. 54 (пр. 1) теряютъ почву. Кстати замѣчу, что ссылка на Марквардта I, 172, очевидно, плодъ недоразумѣнія.

Въ объясненіи понтификата Augusti авторъ не соглашается съ Моммзеномъ и предлагаетъ собственное толкованіе, которое, однако же, гораздо менѣе вѣроятно. Гипотеза Моммзена—онъ самъ скромно называетъ ее Vermuthung—заключается въ слѣдующемъ: въ виду того, что тогда (то-есть, при Юліяхъ) большая часть божественныхъ общинъ имѣла лишь перегринское право и, слѣдовательно, перегринскія sacra, можно допустить, что культъ Августа ощущался ими какъ sacra Romae, и что онъ именно потому данъ жрецу, который его правилъ, титулъ pontifex. Авторъ, напротивъ, полагаетъ, „что при введеніи жречества императорскаго культа въ сакральную муниципальную организацію въкоторыя божественныя общины даны новымъ жрецамъ титулъ понтификовъ, взявъ его (NB) отъ своихъ верховныхъ жрецовъ, которымъ съ тѣхъ поръ пришлось титуловаться flamines sacrorum“ (стр. 10). При этомъ пришлось бы допустить, что въ общинахъ перегринскаго права жрецы перегринскихъ же sacra носили титулъ pontifices;

вѣроятно ли это? Что же касается соотношенія титулов *flamines* и *pontifices* съ одной стороны и культа императоровъ и боговъ съ другой стороны, на которое указываетъ авторъ, то оно объясняется и при толкованіи Моммзена. Возьмемъ, напримѣръ, Антикарію и допустимъ, какъ это дѣлаетъ Гюбнеръ, что она сдѣлалась муниципіемъ лишь при Веспасіанѣ. Еще при Юліяхъ она, община перетринскаго права, учредила культъ Августа и приурочила его жрецамъ титулъ понтификовъ. Получить при Веспасіанѣ латинское право, а съ нимъ и муниципальную организацію, она уже не могла называть своихъ верховныхъ жрецовъ понтификами, и имъ пришлось удовольствоваться титуломъ *flamini*.

За то авторъ, какъ я полагаю, вполнѣ резонно отстраняетъ титулъ *pontif. jur. dic.* въ надписи XI 3009; онъ объявляетъ его „совищеніемъ въ одномъ лицѣ магистратскихъ и жреческихъ должностей“, т. е. съ другими словами приурочиваетъ этому понтифику кватуорвиральную власть. А въ такомъ случаѣ этотъ *pont. jur. dic.* будетъ имѣть аналогію въ карноскемъ *pontifex Augusti quatuorvirali potestate* (II 1380).

Въ пр. 4 (стр. 56) авторъ справедливо опровергаетъ „вильмансовскій принципъ разграниченія титулатуры муниципальныхъ и немунципальныхъ представителей муниципальныхъ жречествъ“, но ошибается, считая свое возстановленіе надписи VI 2177 новымъ; оно стоитъ уже у Генцена 5982. Равнымъ образомъ его объясненіе англійской надписи X 5919 (пр. 118) и вообще титула *sacerdotes juvenitatis* предвосхищено Вильмансомъ (1791, ср. *Ind.* стр. 414 и 634).

Въ пр. 9 онъ ссылается на *Cic. de legg.* II 20 *divisque aliis aliis sacerdotes* и т. д., заявляя, что это мѣсто „ни въ какомъ исправленіи не нуждается“; при этомъ отъ его вниманія ускользнуло, что, выписывая слова Цицерона въ этой формѣ, онъ уже призналъ необходимымъ ихъ исправленіе; въ рукописяхъ стоитъ *divisque aliis sacerdotés*.

Врядъ ли справедливо усматриваетъ авторъ разницу между стольнымъ и муниципальнымъ культомъ въ томъ обстоятельстве, что Ливія, Антонія и Агриппина были жрицами, первая—Августа, а последняя—Клавдія, между тѣмъ какъ въ муниципальномъ культѣ *жрица Августа* или *Divogum* не встрѣчается; императрицы и ближайшія родственницы императоровъ пользовались многими привилегіями, недоступными обыкновеннымъ смертнымъ женщинамъ.

Очень поучительно и интересно разсужденіе автора о *наרבонскомъ законѣ* XII 6038 въ пр. 52, который онъ относитъ не къ вѣроятію

Августа, какъ Гиринфельдъ и другіе, а самое раннее ко времени Воспасаіана. Не рѣшаясь произнести окончательное сужденіе объ этомъ вопросѣ, замѣчу однако, что изъ надписи XII 392 *sacerdoti templi divi Augusti quod est Narbone* врядь ли возможно вывести заключеніе, что упоминаемый храмъ выстроенъ не при Августѣ, на томъ-де основаніи, что онъ посвященъ не *Romae et Augusto*, а только этому послѣднему. Если даже при жизни Августа слово *Romae* въ титулатурѣ жрецовъ *Romae et Augusti* могло быть пропущено (ср. пр. 54), то это было тѣмъ болѣе возможно послѣ его смерти.

Матеріалы, которыми приходится пользоваться автору, не смотря на свое сравнительное обиліе, представляются отрывочными и недостаточными, если вспомнить о томъ множествѣ вопросовъ, на которые мы требуемъ отъ нихъ отвѣта; при такомъ положеніи дѣль никто не будетъ пенять на автора за то, что онъ, при своемъ нѣшкомъ темпераментѣ, не пожелалъ ограничиться *arte nesciendi* и предпочелъ—явленіе, доказанное свидѣтельствомъ одной надписи и собственно только для одного муниципія, возводить въ правило и законъ. Такъ (§ 15), надпись XI 1421 доказываетъ ясно, что въ Пизѣ *fl. Augustalis* была фламинью Августъ при его жизни. Отсюда авторъ заключаетъ, что и *fl. Julianus* въ Атестѣ, и *fl. Trajanalis* въ Сассинѣ, и *fl. Hadrianalis* въ Тергестѣ были фламинами живыхъ императоровъ. Я бы ограничился одной возможностью; здѣсь, впрочемъ, повліяла на автора и „принципиальная разниця“⁴. Равнымъ образомъ авторъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ поспѣшно обобщаетъ свое разрѣшеніе *fl. Divor. Augustor. = Divorum et Augustorum*, добытое имъ, пожалуй, справедливо для камеринской надписи *Wilm. 2104*. Онъ требуетъ, чтобы мы примѣняли то же разрѣшеніе и къ II 2009, 1338, 4191, и объявляетъ II 2844, которая ему никакъ не поддается, подложной. Чтобы начать съ послѣдней съ ея тремя консулами, она извѣстна по коніи Моралеса; послѣдній по Губнеру, который его знаетъ основательно, *probus et sani in rebus antiquariis iudicii* (II стр. XIV); подлогъ, слѣдовательно, а *probi* невѣроятенъ. Затѣмъ я просилъ бы г. Крашенинникова показать мнѣ сочиненную фальсаріемъ надпись съ тремя консулами; обыкновенно эти господа бывають хитрыѣ. Но главное вотъ что: въ надписи консулами (конечно, *suffecti*) названы *Vicerius Alarianus et L. Marcus Postumus*. Такъ какъ эти имена встрѣчаются только здѣсь, то авторъ обязанъ допустить, что Моралесъ ихъ сочинилъ. Между тѣмъ Моралесъ жилъ въ XVI вѣкѣ, а въ 1765 г. на албанской горѣ

былъ найденъ отрывокъ *fastorum feriarum Latinarum* (VI 1, 2018), начинающійся такъ

I. MÆCIO posth MO
VICIRIO MARTIALI   COS
LAT EVER III IDVS AVG

Въ тожествѣ этихъ двухъ паръ сомнѣваться нельзя, а этимъ возможность подлога исключена; придется допустить, что Л. Мецій Постумъ и Вицирій Марціалъ были консулами въ 100 г. и что Вануста подъ вліяніемъ ириноподданническихъ чувствъ принисала къ обонимъ *consules suffecti* и имя землика-императора, который въ этомъ году былъ *cos III*—конечно, *ordinarius*. Этотъ результатъ не лишень интереса; онъ касается одной личности, которая гораздо ближе нашему сердцу, чѣмъ Вицирій и Мецій, а поэтому я позволю себѣ маленькую digressio.

Вопросъ о продолжительности консулата въ правленіе Траяна еще не рѣшенъ: для 100 года Моммзенъ раньше (*Hermes* III 91) допускаетъ выборъ между двухмѣсячнымъ и трехмѣсячнымъ, нынѣ онъ допускаетъ только двухмѣсячный (*Staatsg.* II 1⁸, 86, пр. 1), но только на томъ основаніи, что случаи, которые бы *требовали* трехмѣсячныхъ нундний, очень мало. Дѣйствительно, о фастахъ 100 года знали только то, что въ началѣ года были консулами *Imp. Nerva Trajanus III Sex. Julius Frontinus III*, въ сентябрѣ *C. Plinius Secundus C. Julius Cornutus Tertullus*, въ декабрѣ *L. Roscius Aelianus Tl. Claudius Sacerdos*; это допускаетъ и двухмѣсячныя, и трехмѣсячныя нунднии, а въ виду того, что нунднии 101 г. были навѣрное трехмѣсячными (*Momms. ibid.* пр. 4), заключенію Моммзена о двухмѣсячнокъ консулатѣ 100 г. представляется носибильнымъ. Теперь оно блестятельно оправдывается: изъ комбинаціи обѣихъ надписей съ именами Меція и Вицирія явствуется, что они были консулами въ августѣ 100 г. А если такъ, то консулатъ былъ несомнѣнно двухмѣсячнымъ, Плиніи былъ консуломъ въ сентябрѣ и октябрѣ, его панегирикъ произнесенъ 1-го сентября 100 г.

Возвращаемся къ надписи. Ея подлинность доказывается еще и слѣдующей мелочью. Г. Краешениникомъ по Гюбнеру пишетъ: *Hic provinciae Baeticae consensu flaminis munus est consequutus*. Но у Моралеса стоитъ *FLAMINIC*; пользуется собранными авторомъ матеріалами (пр. 70), и доложилъ *flaminic(i)*; авторъ, конечно, не повѣритъ, чтобы рѣдкая форма *flaminicus* была выдумкой фальсариа. А если такъ,

то придется сознаться, что еще при Траянѣ были *flamines DIVORUM AUGG.*, то-есть, другими словами, что эти слова *не вездѣ* означаютъ *divorum et Augustorum duorum*, какъ въ Камеринѣ; въ нашей надписи и, вѣроятно, во всей Испаніи они означаютъ *divorum Augustorum duorum*. Какіе же это два *divi Augusti*, когда при Траянѣ ихъ было шесть, или—если не считать Юлія Цезаря—пять? спросить авторъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно „отрѣшиться отъ общемунципальной точки зрѣнія“ и взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія мѣстной, испанской. Испанія была обилана гражданскими шравами дому Флавіевъ, ими которыхъ увѣковѣчили многочисленныя *municipia Flavia*; не было бы, поэтому, ничего страннаго въ томъ, еслибы какъ провинціи, такъ и муниципіи посвятили особый культъ этому дому, то-есть, обилие консекрированнымъ императорамъ этой династіи, Веспасіану и Титу. Оба вмѣстѣ они не могли быть названы иначе, чѣмъ *divi Augg.*; съ другой стороны, всякій Испанецъ зналъ бы, что подъ этими *divi Augg.* разумѣются Веспасіанъ и Титъ, точно такъ же какъ, напримеръ, всякій Египтянинъ зналъ, что подъ *θεοὶ ἀδελφοὶ* разумѣются именно Филаделфъ съ Арсенией. Что такъ было на 1-юю дѣль—это показывается по моему мнѣнію, разобраннымъ нами Мелларійская надпись.

Не согласенъ я также съ разсужденіемъ автора о выраженіи *sacerdos publicus* § 38. Прежде всего я не согласенъ съ его полемикой противъ Гиршфельда; послѣдній (въ 1866 г.) сопоставляетъ *sacerdotes publicos*, которыхъ онъ знаетъ только въ Африкѣ, съ муниципальными ивонтификами; „это объясненіе“, говоритъ авторъ, „при всей своей несостоятельности все-таки не заслуживаетъ упрека въ лживости, если принять въ расчетъ тогдашнее состояніе латинской зинграфіи“ и т. д. Со временемъ авторъ, надѣюсь,ознакомится съ Гиршфельдомъ лично и убѣдится тогда, что „упрека въ лживости“ онъ никогда и ни подъ какимъ условіемъ не „заслуживаетъ“; но и не нахожу даже его объясненіе несостоятельнымъ; мало того, я нахожу, что самъ авторъ объясняетъ *sac. pub.* не иначе. „Странно“, говоритъ авторъ, „что Гиршфельдъ упустилъ изъ виду“ извѣстныхъ еще тогда „итальянскихъ *sacerdotes publicos* и *publicas*“. Я нахожу, что онъ вовсе не упустилъ ихъ изъ виду; *sacerdotes publicae*, какъ мы увидимъ, ничего для *sacerdotes publici* не доказываютъ, а *sacerdotes publici* въ 1866 г. въ Италіи вовсе не знали, такъ какъ въ нувійской надписи именно до-полненіе *publicus* сомнительно, а въ остальныхъ (*sacerdoti et aruspici publico*) нѣтъ никакой надобности относить *publico* къ *sacerdoti*. За-

иѣчаніе Марквардта, „что и въ Римѣ понтификъ называется *sacerdos publicus*“, тоже остается въ силѣ, не смотря на возраженіе автора, „что не только понтификъ, но и всякій представитель *sacrorum publicorum* есть *sacerdos publicus*“; во первыхъ, одно другому не иѣшается, а во вторыхъ, подъ *sacerdos publicus* хат' *ἑξουχῆν* мы все-таки будемъ разумѣть понтифика, такъ же какъ мы, напримѣръ, подъ трибуномъ хат' *ἑξουχῆν* разумѣемъ народнаго трибуна, а не *tribunus militum* или *tribunus aegrarius*. Страннѣе всего, что авторъ даже къ словамъ Варрона I. L. VI, 21 *Opsecranda dies ab dea Opsecranda, quojus in regia sacrarum, quod ideo arum (Jordan; actum eodl.) ut eo praeter virgines Vestales et sacerdotem publicum Introcat* немо дѣлать замѣчаніе, что „*sacerdotem publicum* иѣтъ надобности относить именно къ понтификамъ“. Вѣдь святилище находится въ регіи, участниками называются весталки—не ясно ли, что обряды правилъ *sunt tacita virgine pontifex?*—Самъ г. Крашенинниковъ говоритъ, что жрецы и жрицы общаго культа божествъ, не называющіе послѣднихъ въ своихъ титулахъ, относятся къ культу всѣхъ вообще божествъ, официально чтимыхъ въ данныхъ общинахъ. Въ чемъ же тутъ разниа? *Divis aliis alii sacerdotes, omnibus pontifices, singulis flamines sunt*, говоритъ Цинцеронъ; выходитъ, что муниципальный понтификъ и муниципальный *sacerdos publicus*—одно и то же; заявленіе автора „никогда и нигдѣ муниципальные понтифики не называются просто *sacerdotes*“—не болѣе какъ *circulus vitiosus*. Что касается *sacerdotes publicae*, то уже обиліе надписей съ этимъ титуломъ въ сравненіи со скудостью эпиграфическихъ свидѣтельствъ о *sacerdotes publici* доказываетъ, что ставить ихъ на одну линію съ ними нельзя; оно и не нужно. Самъ авторъ совершенно правильно указываетъ на то, что въ бѣгическихъ общинахъ *flamina*—иѣчто совершенно различное отъ *flamen*, такъ какъ первый относится къ императорскому культу, послѣдній—къ культу божествъ. Допустить центральное управленіе женскихъ культовъ, соответствующее понтификату, очень трудно. Мнѣ кажется, что подъ *sacerdos publica* хат' *ἑξουχῆν* слѣдуетъ разумѣть жрицу главной богини муниципія; такъ, напримѣръ, въ Помпеяхъ—жрицу *Veneris Pompejanae*.—Кстати замѣчу, что допознание обульконской надписи (N 2126), предложенное Моммзенемъ, мнѣ кажется вѣроятнѣе, чѣмъ то, которое предлагаетъ авторъ (стр. 76); авторъ упустилъ изъ виду, что эта надпись—обломокъ.

Въ объясненіи одного мѣста, очень интереснаго впрочемъ, *legis coioniae Juliae Genetivae* авторъ, на мой взглядъ, попалъ на ложный

слѣдь (стр. 92 сл.). Это—гл. 128: *II vir praefectus coloniae Genetivae Iuliae quicumque erit, is suo quoque anno magistratu imperioque facto curato, quod ejus fieri poterit, uti quod recte factum esse volet sine dolo malo magistris ad fana templa dolubra, quemadmodum decuriones censuerint, suo quoque anno fiant, eique suo quoque anno ludos circenses sacrificia pulvinariaque facienda curent, quemadmodum de iis rebus magistris creundis, lulis circensibus faciendis, sacrificiis procurandis, pulvinariis faciendis decuriones statuerint decreverint.* Авторъ указываетъ на то, „что при sacrificiis стоитъ procurandis, а не faciendis: это ясно показываетъ, что magistris fanorum собственно жреческихъ обязанностей не имѣли“; это послѣднее заключение эксплуатируется авторомъ и дальше, оно — одно изъ его главныхъ положеній, имъ онъ рѣшаетъ и пресловутый вопросъ объ августиалахъ, которые, по его мнѣнью (стр. 132), не что иное какъ magistris fanorum императорскаго культа. Все это зданіе построено на интерпретаціи слова procurandis, которой авторъ посвятилъ всего три строки. Противъ этой интерпретаціи я могу сказать слѣдующее: 1) все напечатанныя курсивомъ слова, по крайней мѣрѣ, такъ же подозрительны, какъ и тѣ, которыя объявлять подложными Можжевель при полномъ сочувствіи автора. По допустить, что они подлинны: 2) эти слова параллельны съ предшествующей фразой ludos circenses sacrificia pulvinariaque facienda curent; значить, pulvinaria facienda curare=pulvinaria facere; и если такъ, то возможно ли дѣлать разницу между sacrificia procurare и sacrificia facere? 3) откуда авторъ взялъ, что procuratio sacrificiorum исключаетъ жреческія обязанности магистровъ? Чтобы не ходить далеко за примѣрами, напомню ему объ извѣстномъ мѣстѣ Цезаря, гдѣ говорится о друидахъ (b. G. VI 13): *illi rebus divinis intersunt, sacrificia publica ac privata procurant.*

Какъ видно, основаніе, на которомъ авторъ воздвигъ свою постройку, не прочно; magistris fanorum имѣли несомнѣнно жреческія обязанности. За то онъ, съ другой стороны, не достаточно смѣло протестовалъ противъ общепринятаго толкованія 64-й главы и въ особенности словъ *quos ea sacra facere placeat*, полагая, что эти слова только „отчасти“ поясняются выше объясненной 128-й гл. По моему, они не поясняются ею вовсе. Вотъ интересное намъ мѣсто: *II viri quicumque post colontiam deductam erunt, il in diebus X proxumis, quibus eum magistratum gerere coeperint, ad decuriones referunt, cum non minus duae partes aderint, quos et quot dies festos esse et quae sacra fieri publice placeat et quos ea sacra facere placeat; quod ex eis rebus*

decurionum major pars, qui tum aderunt, decreverint statuerint, id jus ratumque esto, eaque sacra etque dies festi in ea colonia sunt. Въ этой главѣ, полагаетъ авторъ, законодатель намекаетъ на выборы декуріонами прочихъ жрецовъ (кромѣ понтификовъ и авгуровъ, избираемыхъ народомъ). Мнѣ же думается, что о выборахъ жрецовъ или магистровъ *fanorum* здѣсь вовсе не говорится; еслибы слова *per quos ea sacra facere placeat* означали „... и о выборахъ жрецовъ, долженствующихъ совершать эти жертвоприношенія“, то законодатель долженъ былъ бы продолжать *eaque sacra etque dies festi ei que sacerdotes in ea colonia sunt*; отсутствие словъ *e. sac.* ясно доказываетъ, что выписанная выше фраза имѣетъ значеніе „... и о томъ, кому изъ (предполагающихся существующими) жрецовъ поручить эти жертвоприношенія“. Рѣчь идетъ, повидимому, о *feriae imperativae* и *sacra*, если можно такъ выразиться, *imperativa*.

Маленькій недосмотръ находимъ мы на стр. 108 (§ 82): „Децемвиры, назначенные по закону П. Сервілія Рулла для основанія колоніи въ Кануѣ, избрали для послѣдней 6 понтификовъ и 10 авгуровъ“ Такъ какъ *lex Servilia* принята не была, то и децемвиры не были назначены, а объ избраніи понтификовъ и авгуровъ и недавно не могло быть рѣчи.

Но довольно объ этомъ. Если въ работѣ г. Крашенинникова и нашлось нѣсколько пунктовъ, по которымъ мнѣ пришлось возражать ему, то въ ней много разъ болѣе такихъ, съ которыми и я, и, падѣюсь, всякій другой принужденъ будетъ безусловно согласиться. Перечислять ихъ нѣтъ надобности; на каждой страницѣ нашей книги можно найти результаты, съ которыми римская эпиграфика и въ особенности молодая еще наука объ организаціи римскаго государства должны будутъ считаться. Лично мнѣ остается лишь принести искреннюю благодарность автору за тѣ часы истинно-научнаго наслажденія, которые и явель при чтеніи его книги, и пожелать ему счастливаго пути для его научной командировки и добраго успѣха для дальнѣйшихъ трудовъ, которыхъ въ правѣ ожидать отъ него наша наука.

●. *Валленштейнъ.*

Филологическое Обозрѣніе. Журналъ филологіи и педагогикки. Т. I. Кн. I. Москва. 1891.

Какъ бы для того, чтобы читатель сразу освоился съ задачами новаго изданія и съ намѣреніями издателей, въ первыхъ же строкахъ

обращенія къ публикѣ содержится напоминаніе о *Протилексѣ*, о томъ, что изданіе это пользовалось въ свое время огромнымъ успѣхомъ, а это послѣднее обстоятельство даетъ основаніе издателямъ надѣяться на успѣхъ и ихъ собственнаго начинанія. Такимъ образомъ, А. Адольфъ и В. Ансельротъ вознамѣрились возобновить прекрасной памяти изданіе пятидесятихъ годовъ, снова дать специалистамъ, преподавателямъ и публикѣ чтеніе высоко наставительное, разнообразное и интересное. Однако, съ того времени многое измѣнилось въ положеніи классической филологіи въ Россіи, и новый филологическій журналъ обязанъ имѣть въ виду и совершившіяся перемѣны, и новыя потребности читателя. Въ рядахъ читателей гораздо рѣзче прежняго обособились специалисты-ученые, преподаватели и образованная публика. Удовлетворить тройнымъ требованіемъ читателей стало гораздо труднѣе.

Почтенные редакторы-издатели преслѣдуютъ тройную задачу: создать органъ, объединяющій филологическія силы въ Россіи, знакомить русское общество съ успѣхами изученія античнаго міра, наконецъ, содѣйствовать учителямъ древнихъ языковъ въ дѣлѣ ознакомленія учащихся съ языками греческимъ и латинскимъ, съ жизнью и литературою античныхъ народовъ. Въ видахъ успѣшнаго достиженія поставленныхъ цѣлей гг. Адольфъ и Ансельротъ постарались привлечь къ участию въ изданіи значительное число профессоромъ и преподавателей университетовъ, учителей гимназій и другихъ лицъ, занявшихъ себя литературными трудами по предметамъ классической филологіи. Если только поименованные редакціей сотрудники примутъ дружное и постоянное участіе въ изданіи, то успѣхъ ему можно предсказать вѣрный; необходимо будетъ возможно равномѣрно распредѣлять плоды сотрудничества между тремя задачами, преслѣдуемыми изданіемъ.

Первая книжка журнала составлена весьма старательно и достаточно интересно, однако, на нашъ взглядъ, она по своимъ достоинствамъ и по тому значенію, какое можетъ имѣть для читателя, далеко уступать своему предшественнику, *Протилексѣ* Леонтьева. Нельзя не сознаться, что *Протилексы* блистали талантами, увлекали читателя широкою постановкою задачъ, воодушевленными, блестящими изложеніями. Я не хочу этимъ сказать, что Леонтьевское изданіе въ томъ же видѣ было бы столь же пригодно для насъ, какъ оно было пригодно для тогдашняго общества; однако, судя по первой книжкѣ, навѣрное можно утверждать, что *Филологическое Обзорное* не займетъ мѣста, оставшагося вакантнымъ послѣ „*Протилексы*“. Разу-мѣется, новому изданію можно и должно желать возможно большаго

успѣха, но необходимо на первыхъ же порахъ дать себѣ отчетъ въ томъ, чего можно ждать отъ новаго журнала, и чего не должно отъ него требовать.

Все, что появилось въ первой книжкѣ, написано литературно, ясно и большею частью кратко, но чего-либо капитальнаго, imponирующаго читателю пока нѣтъ. Впрочемъ, нѣкоторое исключеніе въ этомъ смыслѣ представляетъ статья харьковскаго профессора И. Петушила: *О придаточныхъ вопросительныхъ предложенияхъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ*; пока дано начало трактата, но и въ теперешнемъ видѣ онъ замѣтно выдѣляется и по важности рѣшаемаго вопроса, и по самостоятельности обработки. Кроме краткихъ замѣтокъ О. Зѣлинскаго (*Къ триклинну Лукіана „О томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію“*) С. Соболевскаго (*Синтаксическое дѣленіе времени греческаго глагола*), въ этомъ же основномъ отдѣлѣ имѣются еще только компилятивныя статьи В. Бузескула (*Раскопки Шлимана въ Трою, Микены и Тиринъ*) и С. Любомудрова (*Мысли Гербарта о педагогическомъ значеніи и преподаваніи древнихъ языковъ*), а также бѣглый очеркъ археологіи на египетскомъ востокѣ, принадлежащій перу А. Щукарева. Очеркъ написанъ живо и общаесть становится интереснѣе по мѣрѣ продолженія. Статья г. Любомудрова, въ которой Гербартъ низводитъ преподаваніе древнихъ языковъ къ усвоенію историческаго содержанія читаемаго, содержитъ въ себѣ нѣчто по досказанное; да она и не совсѣмъ отбѣчаетъ направленію журнала, во главѣ котораго идетъ грамматическій трактатъ профессора Петушила. Недостаткомъ обстоятельности грѣшитъ и хорошая въ другихъ отношеніяхъ компиляція профессора Бузескула. За основнымъ отдѣломъ слѣдуетъ *Смѣсь* (*Varia*): здѣсь сообщаются кратко разнообразныя новинки въ области классической филологіи. Серьезное вниманіе обращено редакціей на критику, при чемъ первое мѣсто по важности разбираемаго сочиненія принадлежитъ также статьѣ г. Петушила о Греческой грамматикѣ Вругмана. Профессоръ Деревницкій напечаталъ довольно обстоятельную рецензію многологическаго словаря Рошера. Прочія критическія статьи принадлежать извѣстнымъ ученымъ, каковы: Зѣлинскій, Шварцъ, Цвѣтаевъ, Латышевъ. Заключительный отдѣлъ журнала — обзоръ журналовъ, не доведенный до послѣднихъ книжекъ.

Если первая книжка *Филологическаго Обозрѣнія* и содержитъ въ себѣ статьи, отвѣчающія всѣмъ тремъ задачамъ изданія, то съ другой стороны нельзя отрицать, что главное вниманіе почтенныхъ редакторовъ-издателей обращено было пока на то, чтобы проложить по-

вому изданію дорогу за предѣлы кружка специалистовъ, въ публичку; отсюда преобладающій характеръ статей — общедоступность и популярность изложенія. Слѣдуетъ надѣяться, что въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ выдвигаться впередъ и другія задачи изданій.

Ф. Мищенко.

Отвѣтъ г. Ивановскому.

Въ июльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1891 г. помѣщенъ разборъ моего сочиненія „Право и его содержаніе по ученію Лоренца фонъ-Штейна“. Авторъ этого разбора, г. Ивановскій, начинаетъ съ того, что будто бы „двѣ трети моего изложенія политико-юридической теоріи Штейна наполнено матеріями, относящимися скорѣе къ политической, а не къ „юридической“ теоріи Штейна“. Въ доказательство г. Ивановскій выписываетъ оглавленія всѣхъ отдѣловъ первой части моего сочиненія („конституціонное право правительства“, „самоуправленіе и его система права“, „личныя союзы“, „международныя сношенія“, „войско“, „финансы“, „внутреннее управленіе“, „гражданское право“, „частное право“, „торговое право“, „гражданское право обществъ“) (стр. 214, 215 рец.).

Чтобъ понять неосновательность приведеннаго мнѣнія г. Ивановскаго объ измнненіи и не относящемся къ дѣлу матеріалѣ моего сочиненія, нужно обратить вниманіе на заглавіе моего сочиненія. Общее заглавіе моего сочиненія слѣдующее: „Право и его содержаніе по Штейну“. Еслибы г. Ивановскій зналъ о томъ, что Штейнъ разумѣетъ подъ *содержаніемъ* права, то никогда не рѣшился бы утверждать, что въ моемъ сочиненіи много матеріи, къ дѣлу не относящихся. Въ содержаніе права у Штейна входятъ всѣ жизненные отношенія и явленія (благо, правительство, финансы, управленіе и т. д.) (Vergw. L. I. 1. 21. 25. Gegenw. 101). Представляя право и его *содержаніе* по Штейну, я не могъ, понятно, обойти, наиримѣръ, самоуправленія, внутренняго управленія, финансовъ и т. п., составляющихъ *содержаніе* права, объектъ опредѣленія юридическихъ нормъ. Это — съ одной стороны. Съ другой же стороны, объемъ и свойство того матеріала, который помѣщенъ въ первой части моего сочиненія, ясно обозначены оглавленіемъ этой части: „изложеніе политико-юридической теоріи Штейна“; слѣдовательно, въ данную часть должны были войти не только юридическія, но и *политическія* матеріи.

Г. Иваиовскій упрекаетъ меня въ томъ, что я представилъ только *очеркъ* теоріи Штейна, составленный на основаніи *важнѣйшихъ* его сочиненій. „Измагалъ ученіе Штейна“.—говорить г. Иваиовскій.— „авторъ пользовался какими нибудь десяткомъ (прибавлю отъ себя—20 томовъ) важнѣйшихъ сочиненій этого писателя (а не всѣми)“ (стр. 216). При этомъ къ числу недостатковъ моего сочиненія г. рецензентъ относитъ отсутствіе въ немъ ссылокъ на сочиненія Штейна: „Die Grundlagen und Aufgaben des künftigen Friedens, 1856; Oesterreich und der Frieden, 1856; Lehrfreiheit, Wissenschaft und Collegengeld, 1875; Frau auf dem Gebiete der Nationalökonomie“ и друг. (стр. рец. 216). Наконецъ, по словамъ г. рецензента, я *исречтываю, переписываю* для первой части цѣлыя страницы изъ моего же сочиненія „Энциклопедія и философія права въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ“ (рец. стр. 217), сослался только разъ на это сочиненіе.

На стр. 2-й моего сочиненія сказано: „рѣшеніе взятыхъ на меня задачъ потребовало отъ меня изученія *всѣхъ* сочиненій Штейна, *имѣющихъ отношеніе къ праву*“; эти сочиненія точно обозначены на стр. VII и VIII моей диссертациі. На той же 2-й и 3-й страницахъ у меня въ примѣчліи перечислены приблизительно *всѣ* труды, *какіе были написаны когда либо Штейномъ*. Г. Иваиовскій взявъ послѣднее примѣчаніе, къ настоящему дѣлу не относящееся, скрылъ отъ читателя стр. VII и VIII, гдѣ обозначены *всѣ* сочиненія Штейна, *имѣющія отношеніе къ праву*, и, найдя тамъ (примѣч. № 2) сочиненія: Die Grundlagen des Friedens, Lehrfreiheit..., Oesterreich und der Frieden, Frau auf dem Gebiete der National-ökonomie, утверждаетъ, что „напрасно было и говорить г. Чилову на счетъ изученія *всѣхъ вообще* сочиненій Штейна“ (чего я и не говорилъ) (стр. рец. 216).

Очевидно, что г. Иваиовскій не хотѣлъ понять приведенныхъ на стр. 2-й словъ моего сочиненія, опредѣляющихъ количество сочиненій, которыми я пользовался при изложеніи политико-юридической теоріи Штейна. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что г. Иваиовскій ставитъ мнѣ въ вину отсутствіе въ моемъ трудѣ ссылокъ на такія сочиненія Штейна, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого научнаго для меня интереса, и, между прочимъ, указываетъ на сочиненіе „Frau auf dem Gebiete der Nationalökonomie“, гдѣ Штейнъ проводитъ мысль, что призваніе женщины въ области политической экономіи выражается въ собраніи свѣчныхъ огарковъ. Я думаю, что отъ пользованія этимъ сочиненіемъ рѣшительно ничего не приобрѣла моя диссертациа.

Что же касается замѣчанія г. Ивановскаго, будто первая часть моей книги (изложеніе теоріи Штейна) есть конспект, составленный на основаніи *важнѣйшихъ* сочиненій Штейна, то это замѣчаніе, по моему мнѣнію, скорѣе указываетъ на достоинство, чѣмъ на недостатокъ моего сочиненія. Интересно было бы знать, что дала бы самъ г. Ивановскій, еслибы захотѣлъ изобразить политико-юридическое ученіе Штейна на основаніи 20—30 томовъ его сочиненій? Кроме конспекта, онъ дать ничего не могъ бы; нужно только, чтобы этотъ конспектъ былъ составленъ на основаніи *„важнѣйшихъ“* сочиненій Штейна, а не на основаніи сочиненій: „*Ueber auf dem Gebiete der Nationalökonomie*“, и ему подобныхъ трудовъ Штейна, которымъ почему-то г. Ивановскій придаетъ рѣшающее значеніе.

Къ числу недостатковъ моего сочиненія г. Ивановскій относитъ то обстоятельство, что Штейнъ въ Россіи не новость, что имъ занимались ученые, обозначенные у меня на стр. 412—413, а потому, заключаетъ г. рецензентъ, „у г. Чицова былъ цѣлый рядъ предшественниковъ, которые значительно (?) облегчили ему изложеніе и критику ученія Штейна“ (стр. рец. 217, 218).

Что не я первый сталъ заниматься въ Россіи Штейномъ, мною обозначено въ диссертациі, а что помощь другихъ для меня была не существенно, въ томъ можетъ убѣдиться каждый, кто прочтетъ мое сочиненіе. Еслибы г. Ивановскій обратилъ вниманіе на стр. 413 моего сочиненія, то нашелъ бы тамъ указанія на значеніе для меня русскихъ ученыхъ, занимавшихся отдѣльными (и то не всѣми) сторонами *политическаго* (а не юридическаго) ученія Штейна. Не же, съ своей стороны, рѣшился дать впервые систематическое изложеніе *всего* политико-юридическаго ученія Штейна, чего у насъ, въ Россіи, не было, а потому объ особой помощи моихъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи едва ли можетъ быть и рѣчи.

На стр. 150-й моего сочиненія я сказалъ, что подробно изложено ученіе Штейна объ управленіи (и только объ управленіи) проф. Тарасовымъ, трудъ котораго имѣлъ для меня значеніе особенно при переводѣ отдѣльныхъ техническихъ словъ и выраженій, ирисущихъ только Штейну. На основаніи этой оговорки г. Ивановскій утверждаетъ, „что особеннымъ вниманіемъ пользуется у меня г. Тарасовъ“ (стр. рец. 217, 218). Кроме того, мнѣ ставится въ вину, что я пользовался переводомъ учебника Штейна объ управленіи, сдѣланнымъ проф. Андреевскимъ, „на который у меня встрѣчаются довольно частыя ссылки“ (стр. рец. 218).

Я никогда не могъ думать, что слѣдуетъ избѣгать русскихъ переводовъ Штейна. Къ тому же русскіе переводы сочиненій Штейна не остались съ моей стороны безъ! проверки ихъ на подлиннымъ сочиненіямъ Штейна, что видно изъ сопоставленія моихъ ссылокъ на сочиненія Штейна и ссылокъ, напримеръ, г. Тарасова¹⁾. Далѣе, такъ какъ сочиненія Штейна изложены слишкомъ тяжелымъ, туманнымъ языкомъ, то для установленія единообразія въ терминологіи и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ я считалъ не лишнимъ слѣдить свой переводъ Штейна съ русскими переводами (что мною было оговорено въ своемъ мѣстѣ). Переводы Тарасова и Андреевскаго не были исключительнымъ для меня основаніемъ при изложеніи ученія Штейна „объ управленіи“, потому что по этому вопросу я пользовался такими переработанными вполнѣ сочиненіями Штейна „объ управленіи“, которыхъ не существовало во время появленія въ свѣтъ трудовъ гг. Тарасова и Андреевскаго. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на 3, 5, 6, 8 части „Verwaltungslehre“ и въ особенности на „Handbuch der Verwaltungslehre, 3-е Aufl.“, которыми гг. Тарасовъ и Андреевскій пользоваться не могли, а между тѣмъ для меня, напримеръ, послѣднее сочиненіе Штейна послужило матеріаломъ для представленія *первое* на русскомъ языкѣ такихъ отдѣловъ ученія объ управленіи, которые не были извѣстны въ Россіи. Г. Ивановскому даже кажется, что я не уяснилъ себѣ вполнѣ ученія Штейна. Для доказательства онъ беретъ *одно мѣсто* изъ сочиненія Штейна „System der Staatswissenschaft“ (II, 37 и 38 стр.), указываетъ на *одно слово* изъ сочиненія Штейна „Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft“ и на *одно слово* изъ учебника объ управленіи. Означенное мѣсто и указанная два слова г. Ивановскій считаетъ „сугубыми грѣхами“, открывъ которые онъ лишилъ мою диссертацию „всякаго научнаго значенія“ (конецъ рец.).

Прежде, чѣмъ освободить себя отъ всякихъ прогрѣшеній, считаю не лишнимъ сказать, что указаніе на неопиниманіе мною Штейна

1) *Тарасовъ.*

Чижовъ.

О самоуправленіи. Verwaltungsl., I., 2. Стр. 109 и слѣд., 119, 124, 150, 151, 152, 312, 322, 333.

Самоуправленіе и его система права, V. L. I. 2. Стр. 5—6, 12, 24, 28, 32, 35, 38, 39, 42—48, 54, 55, 58, 59, 61, 64, 23, 109, 115, 117, 127, 128, 132, 149, 152, 153, 182, 206, 306, 307, 326, 339, 344, 345.

идеть преимущественно от лицъ, которыя никогда не занимались Штейномъ; къ нимъ относятся гг. Печаевъ и Ланге, которые представляли свое извращеніе идей Штейна на страницахъ *Юридическаго Вѣстника* (1891, № 2), и г. Ивановскій, главный трудъ котораго состоитъ въ перенечаткѣ „договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ (Одесса, 1890), съ изданія таковыхъ проф. Мартенса и министерства иностранныхъ дѣлъ.

Я думаю, что съ моей стороны не будетъ нескромностью, если я скажу, что основныя идеи и наравъ моихъ работъ были извѣстны самому Штейну. Еслибы этого не было, то онъ не писалъ бы декану юридическаго факультета Новороссійскаго университета слѣдующихъ строкъ:

„Ich habe längere Zeit das Vergnügen gehabt ihn (Tsch.) hier (Wien) bei mir zu sehen und auch in einen wesentlichen Theil seiner Arbeiten Etusicht genommen. Ich habe mich überzeugt nicht bloss von dem Ernst seiner philosophischen Studien, sondern auch von seiner Fähigkeit den Stoff zu bewältigen. Nach allem was ich von Herrn Tschischoff weiss und gesehen habe würden wir auch in Wien — abgesehen von den gesetzlichen Erfordernissen — kaum einen Anstand nehmen, ihm eine öffentliche Docentur zu übergeben und es würde mich sehr freuen, wenn ihm diese meine Ansicht in seiner Laufbahn von Nutzen sein könnte“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ все-таки разобрать замѣчанія г. Ивановскаго.

Приведя стр. 37, 38 сочиненія Штейна „System“, г. Ивановскій никакъ не могъ уяснить отношенія общества *an sich* къ дѣйствительному обществу по ученію Штейна, то-есть, не въ состояніи былъ понять, какимъ образомъ общество *an sich*, по *уничтожается*. *Можетъ проявляться* въ разнообразныхъ формахъ. Г. Ивановскій по этому случаю говоритъ: „(Онъ, то-есть, Чижовъ, повидимому, думаетъ, что чистая абсолютная природа общества не уничтожается, но *можетъ измѣняться* подъ вліяніемъ явленій дѣйствительной жизни. Это значить (?), что авторъ не уяснилъ себѣ сущности возрѣвнй Штейна на природу общества *an sich*“... (см. стр. рец. 219). Конечно, ишгія подъ руками только взятое г. Ивановскимъ мѣсто изъ сочиненія Штейна „System“, нельзя понять воздѣйствія внѣшнихъ условій на общество *an sich*, — на чистую природу общества. Но, еслибы

¹⁾ См. *Записки Новороссійскаго университета*, т. XXXV, стр. 128.

Я никогда не могъ думать, что слѣдуетъ избѣгать русскихъ переводовъ Штейна. Къ тому же русскіе переводы сочиненій Штейна не остались съ моей стороны безъ! провѣрки ихъ по подлиннымъ сочиненіямъ Штейна, что видно изъ сопоставленія моихъ ссылокъ на сочиненія Штейна и ссылокъ, напримѣръ, г. Тарасова¹⁾). Далѣе, такъ какъ сочиненія Штейна изложены слишкомъ тяжелымъ, туманнымъ языкомъ, то для установленія единообразія въ терминологіи и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ я считалъ не лишнимъ слѣчать свой переводъ Штейна съ русскими переводами (что мною было оговорено въ своемъ мѣстѣ). Переводы Тарасова и Андреевскаго не были исключительнымъ для меня основаніемъ при изложеніи ученія Штейна „объ управленіи“, потому что по этому вопросу я пользовался такими переработанными вполне сочиненіями Штейна „объ управленіи“, которыхъ не существовало во время появленія въ свѣтъ трудовъ гг. Тарасова и Андреевскаго. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на 3, 5, 6, 8 части „Verwaltungslehre“ и въ особенности на „Handbuch der Verwaltungslehre, 3-e Aufl.“, которыми гг. Тарасовъ и Андреевскій пользовались не могли, а между тѣмъ для меня, напримѣръ, послѣднее сочиненіе Штейна послужило матеріаломъ для представленія *впервые* на русскомъ языкѣ такихъ отдѣловъ ученія объ управленіи, которые не были извѣстны въ Россіи. Г. Ивановскому даже кажется, что я не усвоилъ себѣ вполне ученія Штейна. Для доказательства онъ беретъ *одно мѣсто* изъ сочиненія Штейна „System der Staatswissenschaft“ (II, 37 и 38 стр.), указывая на *одно слово* изъ сочиненія Штейна „Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft“ и на *одно слово* изъ учебника объ управленіи. Означенное мѣсто и указанная два слова г. Ивановскій считаетъ „сугубыми грѣхами“, открывъ которые онъ линилъ мою диссертацию „вслѣдствіе научнаго значенія“ (конецъ рек.).

Прежде, чѣмъ освободить себя отъ всякихъ прегрѣшеній, считаю не лишнимъ сказать, что указаніе на непониманіе мною Штейна

¹⁾   Тарасовъ.

О самоуправленіи. Verwaltungsl., I, 2. Стр. 109 и слѣд., 119, 124, 150, 151, 152, 312, 322, 333.

Чижовъ.

Самоуправленіе и его система права, V. L., I, 2. Стр. 5—6, 12, 24, 28, 32, 35, 38, 39, 42—43, 54, 55, 58, 59, 61, 64, 23, 109, 115, 117, 127, 128, 132, 149, 152, 153, 182, 206, 306, 307, 326, 339, 344, 345.

идеть преимущественно от лицъ, которыя никогда не занимались Штейномъ; къ нимъ относятся гг. Печаевъ и Ланге, которые представили свое извращеніе идей Штейна на страницахъ *Юридическаго Вѣстника* (1891, № 2). и г. Ивановскій, главный трудъ котораго состоитъ въ перепечаткѣ „договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ (Одесса, 1890), съ изданія таковыхъ проф. Мартенса и министерства иностранныхъ дѣлъ.

Я думаю, что съ моей стороны не будетъ нескромностью, если я скажу, что основныя идеи и планъ моихъ работъ были извѣстны самому Штейну. Еслибы этого не было, то онъ не писалъ бы декану юридическаго факультета Новороссійскаго университета слѣдующихъ строкъ:

„Ich habe längere Zeit das Vergnügen gehabt ihn (Tsch.) hier (Wien) bei mir zu sehen und auch in einen wesentlichen Theil seiner Arbeiten Einsicht genommen. Ich habe mich überzeugt nicht bloss von dem Ernst seiner philosophischen Studien, sondern auch von seiner Fähigkeit den Stoff zu bewältigen. Nach allem was ich von Herrn Tschischoff weiss und gesehen habe würden wir auch in Wien—abgesehen von den gesetzlichen Erfordrnissen—kaum einen Anstand nehmen, ihm eine öffentliche Docentur zu übergeben und es würde mich sehr freuen, wenn ihm diese meine Ansicht in seiner Laufbahn von Nutzen sein könnte“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ все-таки разобрать замѣчанія г. Иванова.

Приведя стр. 37, 38 сочиненія Штейна „System“, г. Ивановскій никакъ не могъ уяснить отношенія общества *an sich* къ дѣйствительному обществу по ученію Штейна, то-есть, не въ состояніи былъ понять, какимъ образомъ общество *an sich*, по *уничтожается*, можетъ *проявляться* въ разнообразныхъ формахъ. Г. Ивановскій по этому случаю говоритъ: „Опъ. то-есть, Чинжогъ, повидимому, думаетъ, что *чистая абсолютная природа общества не уничтожается, но можетъ измѣняться* подъ вліяніемъ явленій дѣйствительной жизни. Это значить (?), что авторъ не уяснилъ себѣ сущности возрѣвшаго Штейна на природу общества *an sich*“... (см. стр. рец. 219). Конечно, итъ подъ руками только взятое г. Ивановскимъ мѣсто итъ сочиненія Штейна „System“, нельзя понять возрѣвшаго вѣвшихъ условій на общество *an sich*, — на чистую природу общества. Но, еслибы

¹⁾ См. *Записки Новороссійскаго университета*, т. XXXV, стр. 128.

г. Ивановскій раскрылъ въ первомъ томѣ этого сочиненія стр. 20—22, а во второмъ—17, 18, 19, 46, 47, 50, то тамъ нашелъ бы, что мое изложеніе ученія Штейна объ обществѣ *an sich* вполне согласно съ идеями Штейна о томъ же предметѣ. На этихъ страницахъ г. Ивановскій увидѣлъ бы, что, по Штейну, каждая вещь, каждое человѣческое отношеніе содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, нѣчто неизмѣнное, вѣчное, а съ другой стороны—измѣняющееся, непостоянное. Первое—сущность вещи, вещь *an sich*, а второе—вещь въ ея дѣйствительности, въ ея проявленіяхъ, въ ея различныхъ формахъ. То же самое Штейнъ видитъ и въ обществѣ. У него есть сущность общества (*an sich*) и дѣйствительное общество. То и другое можетъ быть предметомъ особаго изученія. Можетъ изучаться или внутренняя природа общества (вещи), сущность общества, или же — совокупность извѣстныхъ или разнообразныхъ формъ, которыя происходятъ въ природѣ общества (вещи) подъ вліяніемъ силъ, лежащихъ внѣ этой природы (*Das zweite Gebiet der Untersuchungen umfasst die Gesamtheit der Aenderungen oder der verschiedenen Gestaltungen, welche die Natur des Dinges (der Gesellschaft) durch Kräfte und Verhältnisse, die nicht in ihr liegen, erleidet. Syst., II, 17*). Кажется, ясно; а между тѣмъ г. Ивановскій открылъ у меня неуясловіе сущности ученія Штейна объ обществѣ *an sich*. Для доказательства, что я вѣрно передаю ученіе Штейна объ обществѣ *an sich*., приведу и сравненіе моего изложенія ученія Штейна съ подлинными словами Штейна.

На стр. 9-й у меня сказано: „Есть отношенія и явленія, напримѣръ, завоеваніе, свойства территоріи..., которыя опредѣляютъ чистое понятіе общества (*Alle diese Verhältnisse und Erscheinungen (Eroberung, die Eigenthümlichkeit des Landes und andere nichtgesellschaftliche Elemente des menschlichen Lebens) bestimmen unzweifelhaft dasjenige, was wir den reinen Begriff der Gesellschaft genannt haben. System, II, 18, 19*). Общественный порядокъ не мыслить иначе, какъ среди всѣхъ этихъ необщественныхъ условій, *подъ вліяніемъ которыхъ чистая абсолютная природа общества подвергается различнымъ измѣненіямъ*; (*Die Gesellschaftsordnung ist gar nicht denkbar anders als in der Mitte aller dieser nichtgesellschaftlichen Verhältnisse, von ihnen bestimmt, sie wieder bestimmend, und in dieser Gegenseitigkeit eben eine verschiedene werdend, je nachdem jene in Art und Mass wechseln. Es ist klar, dass dadurch die reine, absolut selbstgleiche und einfache Natur der Gesellschaft sehr geändert wird*“, *ibid.*). Изъ изло-

женнаго ясно, что чистая природа общества, не уничтожаясь, претерпѣваетъ измѣненія, что у меня и сказано на стр. 9 моего сочиненія. Изъ изложеннаго также очевидно, что не я, а г. Ивановскій не понимаетъ сущности ученія Штейна объ обществѣ an sich.

На основаніи одного мѣста изъ сочиненія Штейна „Gegenwart“ (точнѣе—одного слова) г. Ивановскій утверждаетъ, что я „не вполне точно передаю ученіе Штейна о неправѣ“ (рец. стр. 220). Такъ какъ г. Ивановскій не даетъ *своей* вполне точной передачи ученія Штейна о неправѣ, а ограничивается простою выпискою 110 страницъ сочиненія Штейна „Gegenwart“, то отсюда еще не видно, понимаетъ ли самъ г. Ивановскій Штейна, и нисколько не опровергаетъ моего толкованія ученія Штейна о неправѣ. Ужели г. Ивановскій раздѣляетъ ученіе гг. Печаева и Ланге о неправѣ по Штейну, негодность котораго (ученія) до очевидности мною обнаружена на страницахъ *Юридич. Вѣстника* (1891 г., № 4)? Ужели г. Ивановскій думаетъ вмѣстѣ съ гг. Печаевымъ и Ланге, что неправое вытекаетъ изъ разногласія между волей и дѣяніемъ лица, а не изъ нарушенія дѣяніемъ неприкосновенности личности, какъ утверждаетъ Штейнъ и такъ я передаю? Если да, то можно положительно сказать, что Штейна г. Ивановскій не понимаетъ.

При раскрытій своего взгляда на ученіе Штейна о неправѣ, г. Ивановскій беретъ случайно одно мѣсто изъ сочиненія Штейна „System“ и утверждаетъ (рец. стр. 220), что „опредѣленіе владѣнія передано мною не вѣрно“. Постараюсь доказать, что и въ этомъ отношеніи г. Ивановскій положительно неправъ.

На стр. 32 своего сочиненія я говорю, что Штейнъ подъ владѣніемъ разумѣетъ „имущество въ опредѣленномъ количествѣ съ извѣстными качествами. Количество и качество владѣнія опредѣляютъ развитіе личной жизни“. Это пониманіе владѣнія положено Штейномъ въ основаніе образованія общественныхъ классовъ (опредѣляемыхъ количествомъ владѣнія) и общественныхъ порядковъ (опредѣляемыхъ свойствами владѣнія). Безъ опредѣленія владѣнія въ томъ смыслѣ, какъ передалъ я, нельзя понять ни образованія классовъ, ни образованія общественныхъ формъ по Штейну. Означеннаго опредѣленія владѣнія Штейнъ придерживался и на своихъ лекціяхъ по философіи права, которыя я, съ согласія Штейна, напечаталъ въ своей книгѣ „энциклопедія и философія права въ германскихъ и австрійскихъ университетсахъ“. Г. Ивановскій, выисывая дѣйствительно изъ сочиненія Штейна „System“ о владѣніи („Besitz aber heissen wir sie

[то-есть. *wirtschaftlichen Güter*], wenn sie als Macht für die Ordnung des geistigen Lebens anerkannt worden“). нисколько не подры-
вает моего пониманія владѣнія по Штойну ¹⁾.

Таковъ характеръ критическихъ приѣмовъ г. Ивановскаго, обнаруженныхъ имъ при разборѣ первой части моего сочиненія.

Переходя ко *второй* части диссертации, г. Ивановскій указываетъ, между прочимъ, на то, что у меня нѣтъ *полной* картины развитія юридическихъ теорій въ XIX в. вообще, что у меня нѣтъ *всей* исторіи нѣмецкой философіи права; почему же?—а потому, что я упустилъ изложить теоріи Краузе, Ярке и друг. (стр. рец. 222, 223).

Изъ заглавія моего сочиненія („*очеркъ нѣмецкой юридической литературы*“²⁾) всякому видно, что я имѣлъ въ виду дать только *очеркъ*, а не полную картину развитія юридическихъ теорій вообще, и при томъ *очеркъ* только по поводу теорій Штейна. Что же касается имѣнія г. Ивановскаго, будто бы отъ упущенія ученій Краузе и Ярке мой *очеркъ* нѣмецкой литературы страдаетъ существенными недостатками, то это мнѣніе, по моему, доказываетъ только незнакомство моего критика съ значеніемъ той или другой теоріи въ исторіи философіи вообще. Всѣмъ извѣстно, что ученіе Краузе блестящимъ образомъ развило его послѣдователь Аренсъ, теорія котораго у меня изложена подробно (стр. 246—261); изложеніе теоріи Аренса освободило меня отъ обязанности касаться Краузе. Съ другой стороны, также всѣмъ извѣстно, что г. Ярке, „безъ котораго картина развитія правовыхъ теорій XIX вѣка была бы не полна“, *не было и нѣтъ въ исторіи философіи права*, и нужно быть слишкомъ безцеремоннымъ, чтобы рекомендовать настоячиво не существующаго въ исторіи философіи права автора ³⁾ лицу. „представляющему диссертацию на степень доктора“ (слова г. Ивановскаго). По мнѣнію г. Ивановскаго, только *половина* приподимыхъ мною писателей подвергнута мною оцѣнкѣ

¹⁾ Мои критики почему-то придаютъ громадное значеніе слову Aufenthalt, которое передано мною словомъ „состояніе“. Изъ мѣста, занимаемаго этимъ словомъ въ моей книгѣ, для всякаго очевидно, что слово *состояніе* мною употреблено въ смыслѣ пребыванія лица въ опредѣленномъ мѣстѣ, и надо быть слишкомъ наивнымъ, чтобы допустить, что слову Aufenthalt я придавалъ специфическое значеніе „сочетанія“. Чтобы придружные критики не истолковали слова „состояніе“ въ послѣднемъ смыслѣ, я поставилъ рядомъ съ нимъ въ скобкахъ Aufenthalt, думая, что этимъ устраню всякаго рода недоразумѣнія среди букволюбивъ.

²⁾ Въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія встрѣчается *Lawke*, но то былъ никому не извѣстный криминалистъ, который въ развитіи правовыхъ теорій имѣлъ нулевое значеніе.

переме; „Г. Гроцій, Гоббсъ, Томазій и т. п.,—говорить г. Ивановскій,—излагались и критиковались на русскомъ языкѣ Неволынымъ, Пилипковичемъ, Азаревичемъ, Сергѣевичемъ, Пахманомъ и друг.“ (стр. ред. 223). Никто не утверждаетъ, что, напримѣръ, Г. Гроцій у насъ въ Россіи сталъ извѣстенъ въ моемъ только изложеніи, и было бы странно, чтобы русскіе ученые не касались той или другой стороны ученія Гроція о правѣ; коснулся Гроцій и я, но не столько, на сколько его ученіе имѣетъ отношеніе къ теоріи Штейна; подробное изложеніе ученій старыхъ писателей не входило въ мою задачу.

Какъ бы то ни было, но словамъ даже самого г. Ивановаго, выходитъ, что *толовину* разсматриваемыхъ мною писателей на русскомъ языкѣ представилъ впервые я; а это я, давшій только *очеркъ* литературы, считалъ и считаю для себя достаточнымъ. Трудъ Пилипковича, которому—неизвѣстно почему—г. Ивановскій отводитъ видное мѣсто въ исторіи русской философской мысли и даже ставитъ его рядомъ съ проф. Сергѣевичемъ, Пахманомъ, какъ устарѣвшій, для меня не имѣлъ и не могъ имѣть значенія. Что же касается обвиненія меня въ томъ, что Теринга касался г. Азаревичъ (что у меня обозначено, впрочемъ, на стр. 312), который лишилъ даровитѣйшаго современнаго ученаго почти всякаго значенія, то, не входя въ существо чрезвычайно смѣлыхъ умозаключеній г. Азаревича объ Терингѣ, могу сказать, что статьи г. Азаревича (1882 г.) представляютъ собою самый блѣдный очеркъ юридической теоріи Теринга, изложенный далеко не по всѣмъ сочиненіямъ Теринга. Отличаясь крайне одностороннимъ освѣщеніемъ теоріи Теринга, статья г. Азаревича могла бы оказать мнѣ весьма плохую услугу. Я уже не говорю о томъ, что проф. Сергѣевичъ разсматриваетъ только нѣкоторыхъ мною упомянутыхъ писателей, и при томъ, съ *методологической* точки зрѣнія, а проф. Пахманъ касается, напримѣръ, Теринга и его послѣдователей преимущественно для опредѣленія значенія обществннаго интереса въ понятіи права, такъ что, не смотря на солидность взглядовъ этихъ ученыхъ на ученіе того или другаго писателя, они не могли доставить мнѣ *всего* матеріала для изложенія научныхъ условий, подъ влияніемъ которыхъ слагалась политико-юридическая теорія Штейна.

Г. Ивановскій утверждаетъ (стр. ред. 224), что Гроцій, Гоббсъ, Томазій, Спиноза, Кантъ, Фихте, *историческая школа* ¹⁾ суть „пере-

¹⁾ Въ моемъ сочиненіи „Источники права“ дѣйствительно есть глава „историческая школа“, но еслибы г. Ивановскій постарался прочесть эту главу, то убѣ-

печатки", „заимствовала“ соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ сочиненія *самого же г. Чижева* „Источникъ и форма права“ (привавляе отъ себя— не диссертациа, какъ увѣряетъ г. Ивановскій). Такимъ образомъ, уже второй разъ г. Ивановскій указываетъ на то, что я „списалъ“, „заимствовалъ“ у *себя* извѣстное количество страницъ, нигдѣ объ этомъ не упоминая ни слова. Значить, указывается на то, что я *поставилъ* у себя свои мысли, безъ всякаго на то указанія. Это необычайное обвиненіе г. Ивановскаго равносильно требованію, чтобы собственникъ не перекладывалъ денегъ изъ одного кармана въ другой и не платилъ бы долговъ деньгами изъ втораго кармана, взятыми изъ перваго, въ притупленномъ случаѣ, по теоріи г. Ивановскаго, его (то-есть, собственника) можно обвинить въ похищеніи у себя денегъ, хотя вѣкъ извѣстно, что похищать у *себя* нельзя, что предметомъ похищенія можетъ быть только вещь чужая. Господину же Ивановскому до всего этого нѣтъ дѣла ¹⁾.

Г. Ивановскій говоритъ, что я *рѣшительно* не понимаю теоріи Канта и извращаю вполнѣ *все* нравственное ученіе Канта (стр. рец. 225). На чемъ же основывается г. Ивановскій столь суровый приговоръ? А вотъ на чемъ:

На стр. 175, 176 моего сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о Кантѣ, читаемъ: „Въ независимости отъ матеріи закона (именно отъ желаемаго объекта), а равно въ опредѣленіи произвола всеобщему законодательному формою, къ которому матерія должна быть способна, заключается всеобщій принципъ нравственности“. Пользуясь переводомъ г. Смирнова, г. Ивановскій слово „къ которому“ исправляетъ на „къ которой“ и заключаетъ отсюда, что „я рѣшительно не понимаю *всю* нравственнаго ученія Канта“ (стр. рец. 225) ²⁾.

Я охотно сознаюсь, что въ приведенной выше фразѣ вмѣсто недо-смотрѣннаго слова „къ которому“ нужно читать „къ которой“, но отсюда еще весьма далеко отъ того, чтобы говорить о *полномъ* неопытнѣнн

двигая бы, что я такъ совершенно иначе смотрѣлъ на историческую школу, чѣмъ въ диссертациа, а слѣдовательно, не могъ перенести историческую школу изъ „источника“ въ диссертациа.

¹⁾ Мое отношеніе къ труду г. Чижева („Исторія политическихъ ученій“) я выискивалъ въ отвѣтъ гг. Печену и Лавичу, выискивалъ который (стр. 226) г. Ивановскій извращаетъ дѣло, скрывая нѣкоторыя страницы, приводимыя мною въ „отвѣтъ“.

²⁾ Я не касаюсь уже того обстоятельства, что переводъ даннаго мѣста Канта у г. Смирнова едва ли можно признать абсолютно чистымъ.

мшоу Канта. И уже не обращаю особеннаго вниманія на то, что провѣрка моего перевода Канта переводомъ г. Смирнова доказываетъ только неспособность г. Ивановскаго самому перевести соответствующее мѣсто Канта. (Общій приемъ г. Ивановскаго состоитъ въ томъ, что, при указаніи невѣрности перевода, онъ приводитъ или оригиналъ, или пользуется переводами другихъ). Источникъ, изъ котораго черпаетъ г. Ивановскій свои познанія о Кантѣ, то-есть, переводъ г. Смирнова, вовсе не такъ чистъ, какъ думаетъ г. Ивановскій. У того же г. Смирнова мы находимъ такіе недосмотры и ошибки, что слѣдное довѣріе къ нему можетъ поплечь къ ложному пониманію Канта. Для доказательства приведемъ слѣдующія, между прочимъ, мѣста перевода г. Смирнова, за которыми скрывается г. Ивановскій:

(Стр. 20) „Чистый разумъ самъ по себѣ есть только практическій, и существуетъ (въ человѣкѣ) всеобщій законъ, который мы называемъ закономъ нравственнымъ“ (Нужно читать: *даетъ человѣку всеобщій законъ*—). (Стр. 29) „А если всякій проступокъ, не обращая вниманія на физическія слѣдствія относительно виновника, требуетъ наказанія самъ по себѣ, то-есть, лишается счастья (но крайней мѣрѣ, отчасти), то, очевидно, и нельзя говорить, что всякое преступленіе состоитъ въ томъ, что оно навлекаетъ на себя наказаніе, потому что приносить вредъ личному счастью“ (Нужно читать вмѣсто слова проступокъ (Verbrechen)—преступленіе, такъ какъ проступокъ по-нѣмецки обозначается словомъ—Vergehen; вмѣсто оно навлекаетъ и т. д. нужно читать—оно, виновникъ, навлекаетъ, на себя наказаніе, при чемъ оно приносить вредъ своему личному счастью)...

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, на сколько не безопасно полагаться на переводы другихъ и на сколько не основательно, полагаясь, напримѣръ, только на г. Смирнова, категорически заявлять, что „я рѣшительно не имѣю понятія о нравственномъ ученіи Канта“¹⁾.

Кромѣ г. Ярке, г. Ивановскій особенно почему-то расположенъ къ г. Геллинку, о которомъ, какъ не очень важномъ для меня писателѣ, у меня идетъ рѣчь на стр. 348—351. Переведа убійственнымъ обра-

¹⁾ Я привелъ образцы перевода г. Смирнова вовсе не съ цѣлью указать на извращеніе переводчикомъ Канта, а для того, чтобы, съ одной стороны, показать, какъ трудно избѣгать недосмотровъ при переводѣ не только цѣлаго ряда философовъ, но и одного философа, а съ другой—для указанія, что рецензенту слѣдуетъ самому переводить философовъ, и не безусловно полагаться на переводы другихъ

зюмъ нѣсколько страницъ изъ одного сочиненія Геллинка (*Die rechtliche Natur der Staatsverträge*), г. Ивановскій утверждаетъ, что у меня „не только истерично ученіе Геллинка“ (стр. рец. 229), потому что у меня отсутствуетъ понятіе Геллинка о правѣ, какъ „о совокупности нормъ“. потому что у меня не выяснены разногласія между нѣкоторыми представителями международнаго права (Блюнчли, Бри съ одной стороны, Мартенсъ и другіе съ другой) (стр. рец. 231) и т. п. (къ чему это?).

На основаніи приведенныхъ дефектовъ моего сочиненія, г. Ивановскій дѣлаетъ выводъ, что я не только не только не ипольгъ истеричаль, но уже „извратилъ“ (?) ученіе Геллинка (рец. стр. 228). На сколько правъ мой рецензентъ, предоставляю судить читателю. Съ своей же стороны, я замѣчу, что ученіе Геллинка, въ томъ видѣ, какъ оно изложено у меня, г. Ивановскимъ не опровергается, а только дополняется не нужными для меня учениями Геллинка, такъ что, на основаніи этихъ дополненій, нѣтъ и не можетъ быть никакого повода утверждать, что я „извращаю“ ученіе Геллинка.

Не понимъ характеристики ученія Гоббса, предложенной мною на стр. 164 ¹⁾, г. Ивановскій останавливается на моемъ опредѣленіи права, по которому право есть совокупность нормъ, *исходящихъ отъ центрального органа совместной жизни*.

Г. Ивановскій говоритъ, что мое опредѣленіе права „не распространяется на обычное и международное право“, а потому, —заключаетъ г. рецензентъ.— „ясно (?) видно, на сколько не состоятельна представленная авторомъ характеристика права“ (стр. рец. 233). Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что г. Ивановскій не даетъ, по обыкновенію, *своею* опредѣленія *права, такъ что рѣшительно нельзя узнать, какое понятіе о правѣ имѣетъ самъ г. Ивановскій*. Во всякомъ случаѣ и изъ приведенныхъ словъ г. Ивановскаго видна крайняя поспѣшность его въ выводахъ и обобщеніяхъ, которая една ли составляетъ принадлежность ученой критики. Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробномъ выясненіи правильности моей характеристики права. Скажу только нѣсколько словъ.

Каждая форма советской жизни людей имѣетъ нравственный органъ, изъ котораго, какъ изъ центра, исходитъ регулирующая сила общественной

¹⁾ На стр. 164 я называю Гоббса представителемъ либеральныхъ идей сравнительно съ средневѣковыми писателями, выводящими право изъ божественной воли, а не изъ человеческой природы. Господищу же Ивановскому показалось, что я вообще считая Гоббса *либераломъ*, чего я никогда и не думалъ утверждать.

жизни. Отъ этого органа зависитъ обратить ту или другую норму въ *юридическую*, то-есть, произвести норму права и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ лицъ, составляющихъ ту или другую социальную группу лицъ. Регулирующая сила общества можетъ принадлежать отцу семейства, родоначальнику, народному собранію, народу во всемъ его составѣ или же въ отдѣльныхъ частяхъ, главѣ государства и т. д. При образованіи обычнаго права, центральнымъ органомъ, признающимъ ту или другую норму *юридическою*, является самъ народъ или отдѣльная его часть. Значитъ, обычное право *имѣетъ* органъ, изъ котораго, какъ изъ центра, оно исходитъ. Что же касается международнаго права, то оно есть право особаго рода,—оно не есть право въ строгомъ смыслѣ, а потому, быть можетъ, моя характеристика къ нему не вполне приложима. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, если право есть совокупность нормъ, *признанныхъ* государствомъ для себя обязательными, то участіе *центральною* органа государства въ *признаніи* нормъ международнаго права для себя (и государства) обязательными едва ли покажется сомнительнымъ. (Слѣдовательно, и къ международному праву приложима моя характеристика права. Указанные мною критическіе приемы г. Ивановскаго и обнаруженные имъ при разборѣ моего сочиненія познанія по основнымъ вопросамъ права даютъ мнѣ полное основаніе сказать словами самого г. Ивановскаго, что рецензія г. Ивановскаго „не имѣетъ рѣшительно научнаго значенія“, потому что рекомендація воспользоваться несуществующимъ господиномъ Ярке, указаніе на заимствованіе мною у себя, безъ обозначенія источника, нѣкоторыхъ идей и тому подобныя перлы критики г. Ивановскаго нельзя считать доброкачественными.

II. *Число*.

Отвѣтъ Г. В. Шефферу.

Въ № 38 *Berliner Philologische Wochenschrift* за 1891 годъ, г. Валеріанъ Шефферъ напечаталъ разборъ моего Полибія. Покорно благодарю критика за любезный отзывъ о моихъ знаніяхъ и силахъ вообще („seine reichen Kenntnisse und Kräfte“), равно какъ и о достоинствахъ моего перевода („die Uebersetzung selbst ist in glatter, fließender Sprache vorfasst, und im grossen u. allgemeinen lässt sich wenig an ihr aussetzen“), о примѣчаніяхъ моихъ къ переводу („kurz,

sachlich und gut abgefasst“), наконецъ, о моемъ предисловіи („vorzügliche Einleitung ....mit genauer Kenntniss sowohl des Gegenstandes wie auch der einschlägigen Litteratur abgefasst“). Еще больше благодарю критика за то вниманіе, съ какимъ онъ остановился на подробностяхъ моего труда и подчеркнул цѣкоторыя ошибки и недосмотры. Критикъ всегда имѣетъ возможность вѣрно отмѣтить ту или другую погрѣшность автора. Я не отрицаю, что въ трудѣ моемъ можно было бы наидти и больше недочетовъ, чѣмъ сколько ихъ отмѣчено любезнымъ критикомъ; за то критикъ подчеркиваетъ погрѣшности и тамъ, гдѣ на нашъ взглядъ ихъ нѣтъ вовсе. Такъ, отсутствіе Саламина на второй картѣ онъ называетъ „непріятнымъ недосмотромъ“ (unangenehmes Versehen). Это—карта эгейскаго союза, въ составъ котораго Саламинъ никогда не входилъ, а потому и намъ не было надобности заносить его на эту карту. Съ точки зрѣнія критика можно бы открыть на картѣ очень много такого рода „непріятныхъ погрѣшностей“. „Страннымъ“ (auffallend) тоже кажется критику и то, что главный городъ *спартанскаго* государства на обѣихъ картахъ называется Лакедемономъ, а не Спартою. „Странность“ эту мы допустили шамбрено, и вотъ почему: вопервыхъ, наши карты приложены къ Полибію, а Полибій не знаетъ употребляемаго критикомъ термина „спартанское государство“; вовторыхъ, главный городъ лакедемонскаго государства историкъ называетъ то Спартою, то—несравненно чаще—*Лакедемономъ*, какъ видно будетъ изъ нашего указателя къ переводу всего Полибія. Вотъ почему и мы предпочли поставить на картѣ Лакедемонъ, а не Спарта, а пока приведемъ замѣчаніе Гюльча: *Lacedaemou sive Sparta (utroque nomine promiscue utitur Polybius)*. Наконецъ, напрасно критикъ приписываетъ намъ невниманіе къ Аристотелю, усвоеніе Аристотелю извѣстія о постройкѣ Мегалополя Гипподамомъ. Ссылка на то мѣсто „Полютивъ“ Аристотеля, гдѣ содержится характеристика строительнаго искусства Гипподама, у насъ есть. Если мы и ошибаемся относительно строителя Мегалополя, то независимо отъ Аристотеля.

Однако всё наши недостатки и достоинства покрываются заключительною укоризною критика. Критикъ сожалѣетъ, что мы посвящаемъ наши „богатія знанія и силы“ такому неблагодарному дѣлу, какъ переподъ греческихъ классиковъ на родной языкъ, неблагодарному потому, что число читателей нашихъ переводовъ ничтожно. Признаемся, меньше всего мы могли ждать подобаго укора со стороны русскаго, пишущаго въ нѣмецкій журналъ изъ Москвы и, ка-

жется, преподающаго въ московскомъ университетѣ, при томъ со стороны филолога. По нашему мнѣнiю, филологу, да еще русскому, совсѣмъ не подобаеъ корить своего товарища малочисленностью его читателей: едва ли чьи монографiи по классической филологiи имѣютъ у насъ много читателей. Потому, на нашъ изгладъ вообще не пристало ученому оцѣнивать труды своего собрата тѣмъ, сколько онъ имѣетъ читателей. Неужели многочисленность читателей всегда точно отвѣчаетъ достоинствамъ труда? Переводъ греческихъ классиковъ на русскiй языкъ мы позволяемъ себѣ не считать дѣломъ неблагодарнымъ. Полагаемъ, что ни одинъ просвѣщенный нѣмецъ, ни одинъ французъ или англичанинъ не станутъ выражать сожалѣнiе по поводу того, что кто-либо изъ его соотечественниковъ посвящаетъ свои силы и вниманiю, путемъ перевода, древне-классическихъ произведенiй родному языку, родной литературѣ, разъ переводъ сдѣлавъ удовлетворительно и пополняетъ собою имѣющiйся въ литературѣ пробѣлъ. Къ тому же смѣемъ увѣрять нашего критика, что в русская публика далеко не такъ ужъ безучастна къ переводамъ классиковъ, какъ онъ думаетъ. Напримѣръ, нашъ Геродотъ вышелъ въ количествѣ 1.200 экз. въ 1885—1886 гг., а въ 1888 г. уже потребовалось новое изданiе перевода, который и былъ отпечатанъ въ количествѣ 2.000 экз. Угнѣнительныя справки критикъ могъ бы получить и относительно Оукидида и даже Полибiя, хотя мы и пѣриимъ г. Валерiану Шѣфферу, что почти никто изъ читателей *B. Philology. Wochenschrift* русскаго языка не понимаетъ. Шѣмецкiй журналъ имѣетъ не мало русскихъ читателей, но, разумѣется, русскiй переводчикъ Геродота или Оукидида имѣетъ въ виду прежде всего русское общество.

Мы не могли оставить безъ вниманiя печалованiй критика на счетъ непродуманной затраты нами силъ, и главнымъ образомъ потому предпочли отвѣтить на русскомъ языкѣ, въ русскомъ изданiи; къ тому же критикъ—нашъ русскiй, и въ пѣмецкомъ журналѣ онъ не сказалъ ничего такого, что было бы не по плечу русскому читателю.

Въ заключенiе покорнѣйшая просьба наша—оцѣнивать наши труды, если таковыя окажутся, независимо отъ спроса на нихъ на рынкѣ, великъ ли этотъ спросъ, или ничтоженъ.

Ф. Мищенко.

Книжныя новости.

Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. *И. Покровско.* Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами. С.-Пб. 1892. 4°, стр. LXI+496.—Великолѣбно изданный Императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ трудъ профессора Н. В. Покровскаго представляетъ драгоценный вкладъ въ нашу археологическую науку: будучи основанъ на многолѣтнихъ, усердныхъ занятіяхъ какъ литературой предмета, такъ, въ особенности, самими памятниками древне-христіанской иконографіи (съ этою цѣлю авторъ предпринялъ рядъ путешествій по Россіи, Греціи, Турціи и западной Европѣ), онъ имѣетъ своей задачей церковно-археологическое изясленіе изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно—византійскихъ и русскихъ. Въ обширномъ введеніи авторъ указываетъ основныя задачи и приемы изслѣдованія византійско-русской евангельской иконографіи въ связи съ характеристикою ея началъ и даетъ подробный и въ высшей степени драгоценный по полнотѣ и обстоятельности перечень источниковъ византійско-русскихъ, начиная съ недавно изданнаго Россійскаго евангелія VI вѣка и оканчивая ливецкими и теоритическими подлинниками. Въ видѣ приложенія, указываются и памятники западные, имѣющіе важное значеніе для исторіи евангельской иконографіи. Слѣдующее за введеніемъ изслѣдованіе дѣлится на три части: первая, озаглавленная: Иконографія дѣтства Іисуса Христа.—содержитъ въ себѣ изученіе изображеній Богородицы Пресвятыя Богородицы, посѣщенія правдой Елизаветы, явленія Ангела Іосифу, путешествія Іосифа и Маріи въ Влодемъ, Рождества Христа, Обрѣзанія, Срѣщенія Господня, поклоненія волхвами, бѣгства въ Египтъ, возвращенія Св. Семейства изъ Египта, Избѣнія младенцевъ Влодемскихъ, посѣщенія двѣнадцатилѣтнимъ Іисусомъ Христомъ храма Іерусалимскаго. Вторая часть, озаглавленная: Общественное служеніе Іисуса Христа въ памятникахъ иконографіи, заключаетъ: Крещеніе Іисуса Христа, искушеніе Его въ пустынѣ, Преображеніе Господне, ученіе Іисуса Христа и изображеніе чудесъ Евангелія. Наибольше объемистою, какъ естественно было ожидать, оказывается третья часть, посвященная изученію конечныхъ событій евангельской исторіи въ памятникахъ иконографіи. Въ этой части содержится: Воскресеніе Лазаря, Входъ Господень въ Іерусалимъ, изгнаніе торговцевъ изъ храма, Тайная вечеря, умованіе ногъ, Молитва Іисуса Христа въ саду Гесеманскомъ и предательство Іуды, судъ надъ Іисусомъ Христомъ, Бичеваніе Христа, отреченіе Ап. Павла, раскаяніе и смерть Іуды, Распятіе Іисуса Христа, испрошеніе у Пилата тѣла Іисусова, Святіе со креста, Положеніе во гробъ, Воскресеніе, явленіе Іисуса Христа во Воскресеніи, явленіе Маріи Магдалинѣ, утѣреніе Фомы, Вознесеніе, Составіе Св. Духа на Апостоли. Изъ этого обзоренія отдаловъ книги видно, какую массу матеріала и какое богатство изслѣдованій заключаютъ они; авторъ изучитъ и сопоставляетъ памятники катаномбной живописи, саркофаги, изображенія на многообразныхъ сосудахъ, мозаики, миниатюры, иконы, свидѣтельства отеческія и литературныя, подлинники, и т. д., и т. д. При массѣ собраннаго имъ матеріала, трудно указать въ немъ какіе-либо, болѣе существенныя, пробѣлы;

можно прямо сказать, что отъ вниманія автора не ускользнуло ничего существеннаго, и слѣдуетъ удивляться той настойчивости и энергій, которая, которая проявилъ при отысканіи возможности ознакомиться съ памятниками и ихъ воспроизведеніями, но рѣдко мало доступными и большинству известными только по наслышкѣ. Изученіе каждого отдѣльнаго сюжета ведется г. Покровскимъ въ строгой системѣ, при чемъ въ началѣ онъ старается отыскать изображеніе наиболѣе древнее и, какъ всегда бываетъ при этомъ, наименіе сложное и, исходя изъ него, слѣдитъ за его осложненіемъ и развитіемъ, не упуская, гдѣ это возможно, случая указать и на причины вліянія въ томъ или другомъ направленіи на это развитіе. Отъ трудовъ западныхъ ученыхъ, въ родѣ, напримѣръ, пользующагося хорошей репутаціей сочиненія Рого-де-Флери (Rohaut de Fleury, l'Évangile), трудъ г. Покровскаго выгодно отличается тѣмъ, что привлекаетъ къ изученію массу выжпыхъ и драгоценныхъ данныхъ, сохранившихся въ памятникахъ иконографіи византийской и русской, а отъ изслѣдованій христіанскаго искусства, принадлежавшихъ отечественнымъ ученымъ,—тѣмъ, что авторъ, сверхъ близкаго знакомства со своею спеціальною, обладаетъ солиднымъ богословскимъ образованіемъ, предохраняющимъ его отъ поверхностныхъ и ошибочныхъ взглядовъ и сужденій.

Вологодская старина. Историко-археологическій сборникъ. Составилъ Н. К. Степановскій. 1890. Стр. IX+591. Ц. 4 р.—Изданіи настоящей сборникъ, авторъ имѣлъ въ виду дать „систематическій указатель и справочную книгу для будущихъ изслѣдователей и изыскателей старины Вологодскаго края“. Съ этой цѣлью г. Степановскій озаботился составить систематическіе указатели къ мѣстнымъ изданіямъ: *Губернскимъ и Епархіальнымъ Ведомостямъ*, *Памятникамъ вѣнцамъ*, *разнаго рода мѣстнымъ сборникамъ*, и т. п. Указатели эти помѣщены въ концѣ книги (стр. 452—591) и, составляя существенную часть, дѣйствительно окажутъ не малую услугу будущимъ изслѣдователямъ, такъ какъ въ мѣстныхъ вологодскихъ изданіяхъ помимо статей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣющихъ научное значеніе, напечатано довольно большое количество сырого матеріала въ видѣ разнаго рода актовъ и документовъ, розыскать которые безъ указателя было бы почти не возможно. Что же касается до первой половины книги г. Степановскаго, гдѣ авторъ помѣстилъ краткую исторію края вообще и cadaго города въ отдѣльности, описаніе разнаго рода церковныхъ древностей, монастырей, церквей и т. п.,—то ни значенія, ни интереса она представить не можетъ потому, что исторія состоитъ изъ ряда хронологическихъ датъ, а описанія почти цѣликомъ напечатаны изъ мѣстныхъ изданій. Нѣсколько болѣе значенія имѣетъ третій отдѣлъ книги, въ которомъ описаны „курганы и городища, памятники общественнаго быта“, помѣщены „историческія справки и народныя преданія“. Статьи эти имѣютъ компилятивный характеръ, но такъ какъ основаны не только на статьяхъ мѣстныхъ изданій, но и на гораздо болѣе широкомъ матеріалѣ, то болѣе интересны и умѣсты въ настоящемъ сборникѣ. Въ общемъ, однако, трудъ г. Степановскаго выполненъ вполне добросовѣстно и будетъ имѣть несомнѣнное значеніе. Было бы очень желательно, чтобы примѣръ г. Степановскаго не остался единичнымъ и имѣлъ себѣ послѣдователей среди мѣстныхъ ученыхъ другихъ провинцій.

Лобисевичъ, Ф. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. (Очеркъ). Москва. 1891.—Громадная котловина въ 900.000 квадратныхъ верстѣ, ограниченная землями Уральскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, губерніями Оренбургскою и Тобольскою, областю сибирскихъ киргизовъ и ханствами Кокандскимъ и Хивинскимъ, называется Киргизскою степью Оренбургскаго вѣдомства. Эта громадная окраина, съ населеніемъ почти въ миллионъ чело-вѣкъ, находясь около 140 лѣтъ подъ властью Россіи, представляетъ, по словамъ автора очерка, для насъ, русскихъ, область совсѣмъ не извѣстную. До настоящаго времени у насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ киргизовъ этой степи, о количествѣ скота, главнаго ихъ богатства, о внутреннемъ бытѣ, религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ киргизовъ. Однимъ словомъ, мы, русскіе, не знаемъ народа, судьбой котораго уже такъ давно распорядились. Нельзя не признать справедливымъ этого упрека, сдѣланнаго авторомъ народу-властелину. Оренбургскіе киргизы, составляющіе часть некогда (особенно въ XVII столѣтіи) могущественнаго народа, впервые изъ-явили покорность русскому правительству чрезъ своего хана Абуль-Хайра въ 1730 году, въ царствованіе Анны Іоанновны. Въ условіяхъ подданства киргизовъ была допущена ошибка, имѣвшая невыгодныя послѣдствія какъ для русскаго правительства, такъ и для самого киргизскаго народа. А именно, русское правительство обязалось признавать киргизскихъ хановъ только изъ рода Абуль-Хайра. Это съ одной стороны стѣсняло киргизовъ въ дѣлѣ свободнаго выбора правителей, а съ другой стороны повело къ тому, что послѣдственные ханы, заботясь объ охранѣ своей власти, стали вскорѣ же прямо въ враждебное положеніе къ русскому правительству. Грѣшныя, нападеныя киргизовъ на пограничныхъ русскихъ жителей не прекращались въ степи. Къ этому присоединилась непримиримая вражда киргизовъ съ башкирами, дошедшая до ужасной рѣзни въ 1755 году, виновникомъ которой отчасти является извѣстный Ненюевъ. Въ 1782 году Екатерина II, для введенія порядка въ степи, повелѣла учредить въ Оренбургѣ для киргизовъ особое управленіе, но въ названіи пограничной экспедиціи, а для разбирательства дѣлъ между киргизами и русскими жителями учреждеть особый судъ. Отъ этого, однако, положеніе дѣлъ не улучшилось. Но настоянню управляющаго краемъ барона Нгельстрема, ханская власть, какъ не соответствующая условіямъ подчиненія киргизовъ Русской державѣ, была уничтожена, и киргизы въ кредителю себѣ выбрали простаго чело-вѣка Сарыма. Отсюда начинаются волненія въ степи, вызванныя борьбой представителей ханскаго рода съ Сарымомъ. Съ 1790 года русское правительство опять признало хановъ правителями киргизовъ. Съ 1809 года киргизы управлялись ханскимъ совѣтомъ, а съ 1812 года снова ханами изъ рода Абуль-Хайра. Всѣ эти перемены въ высшемъ управленіи степью не устранили волнонй среди киргизовъ и ихъ враждебнаго отношенія къ русскимъ. Послѣ кончины послѣдняго хана Арунгази, умершаго въ ссылкѣ въ Калугѣ въ 1833 году, русское правительство, наконецъ, занялось административнымъ устройствомъ киргизовъ на особыхъ началахъ. Были учреждены должности султановъ-правителей, къ которымъ вскорѣ были присоединены еще дистаночные начальники. Центральное управленіе степью сосредоточивалось въ пограничной комиссіи. Эта новая администра-

дѣя, въ лицѣ султановъ, разорила киргизовъ поборами. Тогда же киргизы лишались значительной части пастбищъ для скота. Все это служило причиною волненій киргизовъ и вызывало въ нихъ праждебное настроеніе къ русскимъ. Со времени управленія краемъ генералъ-адъютанта Катенина и по вѣдъ управленіе генерала Бозака реформы по административному устройству степи не было. Киргизы въ это время жили спокойно, признавъ, наконецъ, несокрушимое могущество русской власти. Завоеваніи русскихъ въ Средней Азіи, совершившіяся въ 1860-хъ годахъ, также значительно содѣйствовали замиренію Киргизской степи. Для замиренной степи настала пора гражданскаго благоустройства. Было составлено новое положеніе для управленія всѣми киргизами, въ томъ числѣ и оренбургскими. 21-го октября 1868 года, по Высочайшему повелѣнію, изъ бывшей области оренбургскихъ киргизовъ образованы области Тургайская и Уральская. Реформа киргизовъ была построена отчасти на выборномъ началѣ. Введеніе новаго управленія во многихъ мѣстахъ было встрѣчено киргизами враждебно и сопровождалось волненіями, доходившими до кровопролитія при столкновеніи киргизовъ съ русскими войсками. Представія къ введенію реформы создавались преимущественно муллами, султанами и родопривилегіями, которые при новыхъ порядкахъ утрачивали прежнюю власть и значеніе. Авторъ кратко излагаетъ основы положенія, по которому до сихъ поръ управляются киргизы; при этомъ авторъ особенно разсматриваетъ систему киргизскаго суда и указываетъ на ея сложности и недостатки. Затѣмъ нѣсколько страницъ (28—34) посвящено характеристикѣ киргизскаго народа и въ частности киргизской женщины. Киргизы оказываются народомъ „добраго характера и нѣютъ чрезвычайно развитое, глубокое уваженіе къ старости; всегда гостеприимны и готовы къ участію на помощь ближняго“. Киргизы, не смотря на сосѣдство съ фанатиками-магометанами (бухарцы, туркмены, хивинцы) и на ревностную пропаганду фанатиковъ-муллъ, остаются до сихъ поръ равнодушными къ исламу. Киргизская женщина находится въ угнетенномъ, жалкомъ положеніи и не отличается дѣломудріемъ. Авторъ считаетъ киргизовъ вполне способными къ воспріятію русской гражданственности, но видитъ рѣшительное препятствіе для этого въ подвижности кочевой жизни. Для пріученія киргизовъ къ осѣлости авторъ проектируетъ обязательное для киргизовъ устройство постоянныхъ зимнихъ деревень со школами для обученія киргизскихъ дѣтей русской грамотѣ и съ мечетями. Въ лѣтнее время киргизы могутъ кочевать свободно въ извѣстномъ районѣ. Имѣя въ виду замѣчательную способность киргизовъ къ усвоенію образованія, авторъ считаетъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на распространеніе среди киргизовъ русскаго языка и грамотности, что дастъ имъ возможность учиться въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и чрезъ то достигнуть извѣстнаго развитія въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Авторъ, составляя очеркъ о киргизахъ, пользовался, судя по его словамъ (стр. 8), отчасти архивными мѣстными матеріалами, затѣмъ печатными источниками и, наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія приводитъ, какъ человекъ, долгое время лично наблюдавшій киргизскую шароудость. Все это въ совокупности дѣлаетъ небольшую брошюру (41 стр.) до извѣстной степени цѣною, въ виду важности вопроса, затрагиваемаго авторомъ.

Въ теченіе декабря 1891 года въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археологическою комиссіею. Томъ тринадцатый. Памятники древней русской письменности, относящіяся къ смутному времени. С.-Пб.

Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министрства Юстиціи. Книга восьмая. Москва. 1891.

Материалы для исторіи русскаго дворянства. I. Десятия и тысячная книга XVI вѣка въ обработкѣ *В. Н. Сторосова*. Москва. 1891.

Православный Палестинскій сборникъ. 28-й выпускъ. Отодосій и вѣстоположении Свѣтой Земли начала VI вѣка. По россіи *Гильдмейстера* издалъ, перевелъ и объяснилъ *Н. Помяловскій*. С.-Пб. 1891.

Материалы и исследование по старинной русской литературѣ. *Л. Майкова*. II. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII вѣка. III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка. С.-Пб. 1891.

Учители въ Англіи. Essays in English medieval history. by *Paul Viogradoff*, professor in the University of Moscow. Oxford, at the Clarendon press. 1892.

Очерки Литовско-русской исторіи XV вѣка. Витовтъ. Последніе двадцать лѣтъ княженія. 1410—1430. Сочиненію *А. Барбашева*. С.-Пб. 1891.

Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князяхъ Владимірскихъ“ *Н. Н. Жданова*. С.-Пб. 1891.

Хр. Ловаревъ. Византійскій поэтъ Мангуилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ. С.-Пб. 1891.

Смислонъ Беклегаловичъ ханъ Касимовскій, великій князь всяя Руси, впоследствии великій князь Тверской. 1567—1616 г. (Историческій очеркъ). Составилъ преподаватель Тверской духовной семинаріи *Н. В. Лысеевъ*. Тверь. 1891.

Григорій Павлуцкій. Корнянскій архитектурный ордевъ. Съ 50-ю рисунками въ текстѣ и 8-ю фототипическими таблицами. Кіевъ. 1891.

Вл. Штейнъ. Графъ Джакомо Леонарди и его теорія Инфеситѣ. Литературный очеркъ. С.-Пб. 1891.

Н. Г. Дебольскій. Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Выпускъ I. С.-Пб.

Въ пользу пострадавшихъ отъ пекурожая. Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ Лицѣ. „Колѣбанія камнаты“. Вырота *Ф. Ф. Врамеля*. С.-Пб. 1891.

Славянская Муза. Переводы и подражанія *В. В. Уманова-Котляуновскаго*. С.-Пб.

Образцы архитектурныхъ деталей для употребленія въ среднѣхъ и низнѣхъ техничскихъ училищахъ, реальныхъ училищахъ и т. п. заведеніяхъ. Пятнадцать листовъ обработанъ съ краткимъ руководствомъ къ пользованію ими архитектора *М. Шегринскаго*, директора ремесленнаго училища въ Ригѣ. Изданіе *К. Л. Риккера*. С.-Пб. 1891. Цѣна руководства 1 руб. и атласа 6 руб.

Ио. Сеоклыстовъ. Къ вопросу о датскомъ чтении. Изданіе *М. В. Ледерле* и *Е. С.-Пб.* 1891.

Настольная книга для народа. Подъ редакцію *Н. П. Хруцова.* Въ четырехъ отдѣлахъ. Трудами и средствами Издательскаго Общества при Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1891.

Временникъ Домидовскаго Юридическаго Лицея. Книга пятьдесятъ четвертая. Ярославль. 1891.

Внешняя торговля по Европейской границѣ. Сравнительныя таблицы за разные годы по 1890 г. включительно. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ. С.-Пб. 1891.

КРАТКІЯ ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО УЧЕБНЫХЪ СТОЛОВЪ И СКАМЕЙ.

(Описаніе новой универсальной парты профессора Харьковскаго университета
А. О. Брандта).

Въ настоящее время руководящія начала въ дѣлѣ конструціи парты, сообразно требованіямъ гигиены и педагогики, по справедливости, считаются вполне выясненными. Для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ этими началами, можетъ служить цѣлый рядъ общепонятно изложенныхъ источниковъ ¹⁾. Однако, педагоги нуждаются не столько въ ссылкахъ на обстоятельные источники, которыхъ къ тому же можетъ и не оказаться у нихъ подъ рукою, сколько въ краткихъ руководящихъ положеніяхъ. Предлагаемая нами правила представляютъ собою именно такія положенія. Прототипомъ ихъ послужилъ ястоукъ, въ свое время издававшійся профессоромъ *Эмарломъ* родителямъ приводимыхъ въ его клинику кривобочныхъ школьничковъ. Впрочемъ, ястоукъ знаменитаго хирурга отличается диктаторскою законичностью, тогда какъ гг. педагога въ правѣ требовать указаній мотивированныхъ. Сущность ученія о школьной мебели сводится къ слѣдующимъ принципамъ:

1. Плохая, сгорбленная или искривленная посадка учениковъ ведетъ съ одной стороны къ близорукости, всегда предрасполагающей къ серьезнымъ страданіямъ глаза и становящейся наслѣдственною, а съ другой — къ кривобокости, вторична стѣсня дыханіе и

---

¹⁾ Изъ числа русскихъ источниковъ могутъ быть названы: *Эрисманъ, Ф.* Вліяніе школы на здоровье, М., 1871; *Белларминовъ, Н.*, Педагогическій отдѣлъ на вѣнской всемірной выставкѣ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1874, январь); *Виреніусъ, А.*, Школьные столы и скамьи, ихъ устройство и распредѣленіе въ учебныхъ заведеніяхъ, С.-Пб., 1886; *Козь, Г.*, Гигіена глазъ въ школахъ, переводъ съ нѣмецкаго, Полтава, 1887; *Брандтъ, А.*, Гигіена школьной скамьи, Харьковъ, 1888.

КРАТКІЯ ПРАВИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО УЧЕБНЫХЪ СТОЛОВЪ И СКАМЕЙ.

(Описание новой универсальной парты профессора Харьковского университета
А. Ф. Брандта).

В настоящее время руководяція начала въ дѣлѣ конструціи парты, сообразно требованіямъ гигиены и педагогики, по справедливости, считаются вполне выясненными. Для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ этими началами, можетъ служить цѣлый рядъ общепонятно изложенныхъ источниковъ ¹⁾. Однако, педагоги нуждаются не столько въ ссылкахъ на обстоятельные источники, которыхъ къ тому же можетъ и не оказаться у нихъ подъ рукою, сколько въ краткихъ руководящихъ положеніяхъ. Предлагаемая нами правила представляютъ собою именно такія положенія. Прототипомъ ихъ послужилъ листокъ, въ свое время издававшійся профессоромъ *Земархомъ* родителямъ приводимыхъ въ его клинику кривобочныхъ школьниковъ. Впрочемъ, листокъ знаменитаго хирурга отличается диктаторскою лаконичностью, тогда какъ гг. педагога въ правѣ требовать указаній мотивированныхъ. Сущность ученія о школьной мебели сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Плохая, сгорбленная или искривленная посадка учениковъ ведетъ съ одной стороны къ близорукости, всегда предрасполагающей къ серьезнымъ страданіямъ глаза и становящейся наследственною, а съ другой — къ кривобочности, которая, стѣсняя дыханіе и

---

¹⁾ Изъ числа русскихъ источниковъ могутъ быть названы: *Эрншана, Ф.* Вліяніе школы на здоровье, М., 1871; *Валавиринская, П.*, Педагогическій отдѣлъ на вѣнской всемірной выставкѣ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1874, январь); *Виреніусъ, А.*, Школьные столы и скамьи, ихъ устройство и распредѣленіе въ учебныхъ заведеніяхъ, С.-Иб., 1886; *Котъ, Г.*, Гигіена глазъ въ школахъ, переводъ съ французскаго, Полтава, 1887; *Брандтъ, А.*, Гигіена школьной скамьи, Харьковъ, 1888.

оказывающаѣ давленіе на внутренности, является прямою или косвенною причиною заболѣванія дыхательныхъ и брюшныхъ органовъ.

2. Плохая посадка учениковъ находится въ несомнѣнной связи съ устройствомъ классной мебели. При этомъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что и на самой лучшей классной мебели можно сидѣть неправильно и что, поэтому, и такая не избавляетъ наставниковъ и школьныхъ врачей отъ неусыпнаго наблюденія надъ позами учениковъ. Что же касается старинной, дурно построенной мебели, съ чрезмѣрными разстояніемъ между лавкой и конторкой, и съ конторкой, слишкомъ много или слишкомъ мало приподнятой надъ уровнемъ лавки, то на такой мебели, даже при всемъ желаніи, нельзя правильно сидѣть въ теченіе сколько нибудь продолжительнаго времени за чтеніемъ или письмомъ.

3. Главною причиною дурной позы учащихся является *значительное разстояніе между лавкой и конторкой парты*. При такомъ разстояніи ученикъ, сидя прямо, не можетъ безъ напряженія глазъ отчетливо видѣть шрифтъ книги или кончикъ пера, а потому невольно подается на передній край лавки и наклоняется впередъ всѣмъ корпусомъ. Вслѣдствіе этого туловище и голова, не будучи поддержаны въ центрѣ тяжести, лишь на первыхъ порахъ удерживаются въ неустойчивомъ равновѣсіи усиленнымъ напряженіемъ мускуловъ спины и затылка, а вслѣдъ за тѣмъ, когда мускулы эти устаютъ, — какъ бы валятся на столъ.

4. При нормальной позѣ (рис. I) туловище находится въ отвѣсномъ положеніи и поддерживаетъ собою достаточно отвѣсную же, или слегка наклоненную голову. Оно упирается въ лавку сѣдалищными буграми и затымъ бедрами. Послѣднія, стелаясь горизонтально по лавкѣ, изображаютъ собою какъ бы дополнительную его подставку и, въ свою очередь, при посредствѣ голени и ступни, находятъ опору на полу. Углы, образуемые туловищемъ съ бедрами, бедрами съ голеними (колѣнными) и голеними со ступнями (пятичными), должны быть прямые. Вспомогательными подпорками туловища, для болѣе устойчиваго его равновѣсія, служатъ далѣе: сзади спинка, а спереди край конторки, въ который упирается предплечіе.

5. Простекающія отчасти уже изъ предыдущихъ пунктовъ требованія, коимъ должны удовлетворять школьные столы и скамьи, суть слѣдующія:

а) Высота лавки должна равняться длинѣ голени вмѣстѣ съ пяткой и каблукомъ ученика.

б) Ширина (глубина) лавки должна, по возможности, приближаться къ длинѣ бедеръ.

в) Спинка должна стоять въ точности надъ [заднимъ краемъ лавки, въ одной съ нимъ отвѣсной плоскости.

г) Влѣкшій къ ученику край конторки долженъ заходить за передній край лавки на нѣсколько (отъ 3 до 5) сантиметровъ („отрицательное разстояніе“).

д) Тотъ же ближній край конторки долженъ, дагѣе, находиться на столько выше уровня лавки, чтобъ ученикъ могъ вѣсть предплечіе на конторку удобно и свободно, то-есть, не приподымая плечъ (при слишкомъ высокой) и не горбя спины (при слишкомъ низкой конторкѣ). Край этотъ долженъ лежать на нѣсколько, примѣрно пять, сантиметровъ выше уровня опущенныхъ локтей, ибо, надымаясь на конторку, предплечія влекутъ за собой локоть по восходящей дугѣ.

При соблюденіи требованій, выраженныхъ въ пунктахъ г) и д), глава ученика оказывается на разстояніи наилучшаго видѣнія отъ книги и тетрадей.

6. При заходящихъ край за край конторкѣ и лавкѣ, ученикъ не можетъ располагать просторомъ, большимъ противъ того, комѣ располагаетъ, когда сидитъ правильно за обыкновеннымъ столомъ; дагѣе онъ не можетъ стоять свободно на своемъ мѣстѣ. Эти неудобства устраняются разнаго рода механизмами, при которыхъ пространство между конторкой и лавкой можетъ быть по произволу увеличиваемо и уменьшаемо. Наиболѣе распространенные изъ такихъ механизмовъ сводятся къ двумъ типамъ, а именно: къ конторкамъ съ подвижною всею доскою и къ конторкамъ съ откидною частью той же доски. Однако, подобные механизмы опасны для пальцевъ, производятъ шумъ, болѣею частью легко портится и во всякомъ случаѣ увеличиваютъ дѣву парты. Въ виду этого многіе авторитеты мирятся съ указанными неудобствами, представляемыми партами съ неизмѣннымъ „отрицательнымъ“ разстояніемъ между конторкой и лавкой. Привѣтствуя начальство или отвѣчая урокъ, ученикамъ приходится становиться подлѣ своихъ мѣстъ въ проходѣ. Впрочемъ, обстоятельство это едва ли можетъ быть признано существеннымъ недостаткомъ, тѣмъ болѣе, что ученикъ, стоящій въ проходѣ, лучше видѣтъ съ каеэдры и подсызывать ему труднѣе.

7. А чтобы ученику лучше было видѣтъ, конторка должна имѣть возможно большій уклонъ; однако, при значительномъ уклонѣ письмо

затруднено, къ тому же и учебныя пособия спазываютъ или сеютываются съ нею. Въ виду этого приходится довольствоваться уклономъ въ $\frac{1}{7}$ прямого угла, или въ 13° (рис. I). Въ верхней своей части конторка должна имѣть горизонтальную площадку или желобокъ для перьевъ и карандашей.

8. Спинку вынѣ принято дѣлать узкую и низкую подпирающую лишь крестецъ и поясницу, ибо при высокой спинкѣ туловище вынѣтъ попользованіе соскальзывать съ лавки. Верхній край такой крестцово-поясничной спинки приходится на одномъ уровнѣ съ ближнимъ (нижнимъ) краемъ конторки.

9) На среднее учебное заведеніе желательно имѣть не менѣе восьми форматъ или номеровъ партъ, при чемъ въ каждомъ изъ классовъ должны находиться парты не менѣе, какъ трехъ изъ этихъ форматъ. Желательно, чтобы на каждой партѣ форматъ былъ обозначенъ явственнымъ номеромъ.

10) Для сообразнаго съ ростомъ развитія учениковъ по партамъ, ихъ слѣдуетъ взирать предъ началомъ каждого учебнаго полугодія. Съ этой цѣлью ихъ приставляютъ къ намѣченному на стѣнѣ или дверяхъ масштабу, дѣленія котораго обозначены цифрами, соответствующими номерамъ партъ¹⁾. Тема ученика прямо указываетъ потребный номеръ парты. Пользуясь такимъ простымъ приемомъ, за какія нибудь пять минутъ можно отмѣтить въ классномъ журналѣ передъ каждой фамиліей соответственный номеръ парты. Желательно, чтобы масштабъ былъ намалеванъ масляной краской въ каждомъ изъ классовъ, дабы и сами ученики могли слѣдить за правильнымъ выборомъ для нихъ парты.

11. Учениковъ слѣдуетъ размѣщать вообще по росту, маленькихъ спереди, большихъ сзади; только близорукихъ и тугимъ на ухо отводить назадъ, независимо отъ ихъ роста, мѣста спереди.

12. Необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы прислуга при уборкѣ классныхъ комнатъ не приводила партъ въ безпорядокъ произвольными перестановками. Во избѣжаніе этого неудобства заслуживаютъ

¹⁾ Составленіе такого масштаба весьма не трудно. Такъ, приравниваясь къ форматамъ, установленнымъ докторомъ *Писсомъ*, проводить на стѣнѣ, на 11-ти дециметрахъ, отъ пола горизонтальную черту и, начиная отъ нея, откладывать вверхъ еще 8 дециметровъ, кои обозначать последовательно цифрами отъ 1 до 8. Последніе и будутъ соответствовать номерамъ партъ, принимаемымъ названнымъ авторомъ. Аналогичные масштабы легко составить и применительно къ форматамъ партъ профессора *Эрманиа*, д-ра *Виржиуса* и другихъ авторитетовъ.

предпочтеніе парты, привинченныя къ полу, если только конструкція ихъ не слишкомъ мѣшаетъ чистѣй послѣдняго.

13. Парты многомѣстныя рѣшительно осуждены всѣми знатоками дѣла, какъ по затруднительности подбора по росту цѣлыхъ серій учениковъ, такъ и по крайнему неудобству входить и выходить изъ нихъ, въ особенности, если соблюдено „отрицательное“ разстояніе между копторкой и лавкой.

14) Въ настоящее время, въ видахъ нѣкоторой денежной экономіи, еще допускаются въ школахъ парты двумѣстныя, хотя при нихъ по разнымъ педагогическимъ соображеніямъ и личному желанію учениковъ, весьма часто приходится сидѣть рядомъ ученикамъ, совершенно неподходящимъ другъ къ другу по росту. Такимъ образомъ пользованіе партами разныхъ форматовъ становится на практикѣ болѣе или менѣе флетивнымъ.

15. Фактическое пользованіе каждымъ изъ учениковъ мебелью, подходящею къ его росту, достигается проце всего партами одномѣстными. Потому онѣ-то и должны быть признаны наиболѣе цѣлесообразными и желательными, не смотря на большую свою стоимость. Будучи сдвинуты попарно, *онѣ занимаютъ никакъ же прострѣченную, какъ и двумѣстныя.*

16. Преобразование школьной мебели въ учебныхъ заведеніяхъ, въ случаѣ недостатка средствъ на всѣ классы сразу, должно быть начато съ вышнихъ, гдѣ учащіяся еще не приобрѣли близорукости и искривленій и еще не приучили себя къ дурной посадкѣ.

Постройка разныхъ форматовъ партъ и распредѣленіе ихъ по классамъ рѣшительно затрудняетъ завѣдующихъ училищами. Даже, добывъ литературные источники съ указаніемъ размѣровъ отдѣльныхъ номеровъ партъ, завѣдующій не можетъ угадать, но сколько экземпляровъ каждаго нумера необходимо заказать, во избѣжаніе съ одной стороны недостатка, съ другой избытка и переналатъ. Только что указанныя затрудненія устранимы лишь принятіемъ партъ универсальныхъ или механическихъ, то-есть, удобоприспособленныхъ ко всякому росту. Къ сожалѣнію, многочисленныя предложенныя до сихъ поръ универсальныя парты по своей сложности, дороговизнѣ или недостаточной прочности находятъ примѣненіе лишь въ достаточныхъ семьяхъ, въ школахъ же не могли получить распространяія.

Это обстоятельство побудило насъ затратить не мало труда, времени и матеріальныхъ средствъ на изобрѣтеніе собственной универсальной парты, примѣнимой также и въ школахъ. Изобрѣтенная нами парта состоитъ изъ слѣдующихъ частей: стола, стула и копторка:

а) *Столбъ*. Это—конецъ полуторной доски привинченный къ полу или подставкѣ помощью металлическихъ угольниковъ. Онъ замѣняетъ собою сложную, состоящую у обыкновенныхъ скамей изъ четырехъ столбовъ, стойку. Вблизи верхняго конца черезъ столбъ проходитъ болтъ для прикрѣпленія конторки или стула, или же, при двуконечномъ болтѣ, той и другой части одновременно. Столбы устанавливаются разъ навсегда во всѣхъ классныхъ комнатахъ продольными рядами, на одномъ и томъ же взаимномъ разстояніи въ 1 арш. Они не мѣшаютъ метенію и мытью половъ. Даже при покраскѣ половъ достаточно снять конторки и стулья. Снять эти части, между столбами можно разставить и обыкновенные стулья, въ чемъ можетъ представиться надобность при празднованіи въ классной комнатѣ публичнаго акта.

б) *Стулъ*. Его доска, или лавка поюются на двухъ кронштейнахъ, связанныхъ между собою еще и среднею соединительною доскою. Въ послѣдней имѣется вертикальная щель для прохода упомянутого болта, на которомъ стулъ и можетъ быть укрѣпленъ съ помощью гайки съ шейбой, на требуемой даннымъ ростомъ высотѣ. Спинка состоитъ изъ бруска и двухъ стоекъ. Стойки эти оканчиваются книзу ланамн, наклоненными къ горизонту подъ угломъ въ 45° и входящими въ желобъ смежнаго кронштейна. Какъ въ лангахъ, такъ и желобахъ прорѣзано по щели, сквозь которую продѣтъ общій болтъ для привинчиванія спинки на желаемой высотѣ. Если, что, вмѣстѣ съ подъемомъ по наклонной плоскости спинки, расширяется и сидѣніе.

в) *Конторка*. Она имѣетъ стержень, состоящій изъ доски съ вертикальною щелью, надѣваемой на задній конецъ упомянутого, прободающаго столбъ болта. Такимъ образомъ, подобно стулу, и конторка, при помощи гайки съ шейбой, можетъ быть утверждена на различной высотѣ. Шатавіе конторки со стороны на сторону устраняется имѣющимся на нижнемъ концѣ стержня клинообразнымъ шиномъ, который ходитъ въ особомъ желобкѣ столба (точно такое же приспособленіе устроено и на соответственныхъ частяхъ стула). Вблизи верхняго края конторки имѣется желобокъ для перьевъ и карандашей и свицовая чернильница.

Установка конторки и стула на высотѣ, требуемой ростомъ ученика (см. выше пунктъ 10-й и примѣчаніе къ нему), облегчается цифрами отъ 1 до 8, вытисненными въ два ряда на боковой поверхности столба. Само собой разумится, что при установкѣ партъ

цѣлью передній изъ столбовъ носить одну только конторку, а задній одинъ только стулъ, что какъ тотъ, такъ и другой спабаются бодами, выходящими лишь на одну сторону.

При желаніи боречь паркетные полы можно привинчивать столбы къ общей доскѣ, которая затѣмъ въ свою очередь лицъ тамъ и сямъ прихватывается винтами къ полу.

Далѣе ясно, что, приспособляя описываемую парту къ употребленію на дому, надо брать два столба и укрѣплять ихъ на особой подставкѣ (рис. I). Порта могла бы быть устроена, при нѣкоторомъ видоизмѣненіи, и двумѣстной, но это составляло бы шагъ назадъ, едвали оправдываемый экономическими соображеніями; тѣмъ болѣе, что я сама по себѣ цѣна одномѣстной парты не высокая. Сдвинутыя по двѣ, какъ показано на рис. II, наши парты занимаютъ въ классѣ не болѣе пространства, нежели скамья двумѣстная. Принципы устройства описываемой парты были сообщены нами въ особомъ докладѣ Петербургскому съѣзду по техническому образованію, въ январѣ 1890 г. Осенью того же года порта, послѣ ряда измѣненій, была выставлена въ Берлинѣ на международной медицинской выставкѣ (№ 762 каталога), а потомъ описана въ спеціальному школьно-гигиеническому журналѣ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ его сѣтельству г. министру народнаго просвѣщенія угодно было назначить при С.-Петербургской Маринской гимназій особую комиссію изъ директоровъ и врачей С.-Петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для разсмотрѣнія изобрѣтенной нами парты. Комиссія нашла, что порта удобопримѣнима для каждаго возраста, что ученикъ можетъ быть посаженъ за партой съ соблюденіемъ всѣхъ гигиеническихъ требованій; что, представляя собою достоинства, требуемая врачебной наукой, порта отличается дешевизной. Признавая эти преимущества парты, комиссія постановила, что она заслуживаетъ быть рекомендованной для испытанія въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ посвященной нашей скамьѣ, докладной запискѣ проф. *К. А. Зворыкина*, на имя директора Харьковскаго технологическаго института *В. А. Кирпичева*, констатируется, что перемѣщеніе по вертикальному направленію конторки, перемѣщеніе по тому же направленію стула и перемѣщеніе относительно стула его спинки по опредѣленному наклон-

¹⁾ *Zeitschr. f. Schulgesundheitspflege* v. Dr. *L. Rotzmann*, т. IV, 1890, стр. 129—141 и стр. 201—206; а также, въ почти окончательномъ видѣ, въ томъ же журналѣ, т. V, 1891, стр. 142—149.

ному направленію развѣшены въ кинематическомъ отношеніи нами простѣйшими и наиболѣе дешевымъ способомъ. Давая такой отзывъ о сущности нашего изобрѣтенія, специалистъ по технологіи дерева дополняетъ его нѣкоторыми критическими замѣчаніями относительно степени развитія направляющихъ и способа скрѣпленія частей. Весьма цѣнными указанія его принимаются во вниманіе при строящихся новыхъ экземплярахъ скамьи. Что касается вопроса о прочности скамьи, то онъ рѣшается въ благопріятномъ смыслѣ, съ одной стороны, сличеніемъ скамьи съ введенными въ разныхъ отечественныхъ и заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, — напомнимъ специалистамъ о скамьяхъ парижскихъ муниципальныхъ школъ, бывшихъ на недавней французской выставкѣ, — а съ другой, отзывомъ многочисленныхъ практиковъ, мебельныхъ фабрикантовъ и столяровъ.

Парты изготовляются въ настоящее время подѣ личнымъ нашимъ наблюденіемъ изъ сосноваго лѣса по слѣдующимъ цѣнамъ: *школьное мѣсто*, состоящее изъ конторки, стула и *одного* столба, обходится въ 7 руб. 50 коп., дополнительные столбы, требующіеся по одному на каждую цѣнь парты, стоятъ по 1 руб. 80 коп.; *Домашнее мѣсто*, то-есть, конторка, стулъ, *два* столба и подставка, стоитъ 10 руб. Съ откидною частью конторки на Кейхеровскихъ шарнирахъ, мѣсто обходится на 1 руб. дороже. Изъ этихъ цѣвъ видно, что наша скамья, по дешевизнѣ можетъ конкурировать съ солидно построенными неподвижными двумѣстными скамьями. Стоимость упаковки одного мѣста, въ *собранномъ* видѣ, съ отправкой на вокзалъ равняется 2 руб.; что же касается упаковки цѣлыхъ партій скамей, то стоимость ея совершенно ничтожная, ибо скамьи пересылаются въ разобранномъ видѣ. Мебель перевозится по желѣзнымъ дорогамъ по $\frac{1}{2}$ коп. отъ пуда и персты; всѣхъ-же школьнаго мѣста нашей парты равняется безъ малаго $\frac{1}{4}$ пуда. Такимъ образомъ пересылка изъ Харькова, наприимѣръ, на 1000 верстъ выражается въ прилатѣ на каждое мѣсто всего по 1 рублю. Впрочемъ, упакованные отдѣльно отъ конторокъ и студьевъ столбы и металлическія части могутъ быть введены подѣ болѣе выгодныя статьи желѣзнодорожнаго тарифа, и такимъ образомъ пересылка скамьи можетъ быть еще удешевлена.

А. Ирандтъ.

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО МЕТОДИКЪ ИСТОРИИ.

Опытъ методики элементарнаго курса истории. Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназiи и педагогическаго класса Нижегородской Марiинской женской гимназiи, *А. Кролюницкiй*. Москва. 1890. Цѣна 1 р. 80 к. Стр. XX + 377.

Книга г. Кролюницкаго представляетъ рядъ извлеченiй изъ педагогическихъ статей самостоятельныхъ и переводныхъ, появившихся на русскомъ языкѣ въ истекшіи 25—30 лѣтъ. Всѣ извлеченiя, представленныя въ опредѣленномъ порядкѣ, подраздѣлены на отдѣлы и на 16 главъ, при чемъ въ каждой главѣ передовою статью служитъ статья самого автора; затѣмъ, какъ бы въ дополненiе, разъясненiе и развитiе мыслей такой передовой статьи, слѣдуютъ извлеченiя изъ другихъ авторовъ.

Книга состоитъ изъ 5-ти отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ дается понятiе объ исторiи, какъ объ учебномъ предметѣ, и о матеріалѣ, входящемъ вообще въ школьный курсъ исторiи. Второй отдѣлъ посвященъ содержанiю собственно элементарнаго курса, ученiю о методѣ и формѣ изложенiя его; въ немъ авторъ, между прочимъ, свавокомитъ читателя со взглядами Раумера, Грубе, Дистервега и Видермана на преподаванiе исторiи въ дѣтскомъ возрастѣ и даетъ относящiеся къ предмету отрывки изъ Гизо, Грановскаго, Герье и изъ другихъ авторовъ, какъ-то: Гуревича, Виноградова, Никольскаго, Кемница и своихъ 4 статьи; сверхъ того, въ томъ же отдѣлѣ даны образцы изложенiя элементарнаго курса исторiи, извлеченные изъ „Разказовъ изъ русской исторiи“ Водовозова и изъ „Русской лѣтописи для первоначальнаго чтенiя“ С. Соловьева. Въ третьемъ отдѣлѣ разсматриваются дидактическiе приемы при преподаванiи элементарнаго курса исторiи. Разъяснивъ значенiе разказа, авторъ наиболѣе останавливается на ютехизацiи и на зна-

ченіи вообще повторенія, при этомъ свои собственныя мнѣнія онъ подкрѣпляетъ такими нѣмецкими авторитетами, какъ Кампе в Пранге. По поводу повторенія хронологіи г. Кролюницкій не безъ пользы представляетъ образцы разныхъ хронологическихъ таблицъ Извинскаго и болѣе новаго нѣмецкаго педагога Дехента. Въ четвертомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ „Пособія въ элементарномъ курсѣ исторіи“ обрисовываются идеальныя требованія отъ учебниковъ, а равно недостатки существующихъ руководствъ; затѣмъ представляется списокъ имѣющихся у насъ учебниковъ. Въ томъ же отдѣлѣ авторъ много и обстоятельно останавливается на историческихъ картахъ, на конспектахъ и на разныхъ наглядныхъ пособіяхъ, именно: на картинахъ, моделяхъ, экскурсіяхъ и на чтеніяхъ съ туманными картинами. Пятый отдѣлъ г. Кролюницкій посвящаетъ описанію тина учителя и надлежащаго урока; тамъ же перечисляются и пособія для преподавателей.

Принятый авторомъ хрестоматическій способъ методики самъ по себѣ не можетъ быть названъ удобнымъ, такъ какъ имъ удлиняется путь, который читатель долженъ совершить для того, чтобы узнать существенныя дидактическія и методическія положенія. Но хорошая сторона его состоитъ въ томъ, что онъ сообщаетъ книгѣ больше интереса, живости и разнообразія и можетъ возбудить въ преподавателѣ, даже не склонномъ вообще къ чтенію педагогическихъ статей, охоту ознакомиться, хотя въ извлеченіяхъ, съ тѣмъ, что у насъ написано по технику преподаванія исторіи. Къ тому же выборъ статей сдѣланъ вообще удачно и свидѣтельствуетъ столько же о трудолюбіи автора, сколько и о надлежащемъ пониманіи имъ предмета. Конечно, мѣстами попадаются извлеченія не особенно характерныя, но такихъ статей весьма немного, и онѣ ничему не вредятъ.

Наиболѣе важною и интересною частью книги нужно признать отдѣлы, касающіеся содержанія элементарнаго курса и пріемовъ преподаванія его.

Въ вопросѣ о составѣ курса авторъ высказывается за преподаваніе въ элементарномъ видѣ всѣхъ отдѣловъ исторіи Древней, Средней и Новой, но главнымъ образомъ Русской. Общія дидактическія основанія для этого курса изложены г. Кролюницкимъ правильно и здраво, но въ частномъ опредѣленіи матеріала включается нѣкоторое преувеличеніе. Такъ, кромѣ обыкновеннаго матеріала, свойственнаго элементарному курсу, г. Кролюницкій считаетъ

необходимымъ: 1) предпослать очеркъ до-историческаго періода, изложеннаго, какъ онъ говоритъ, въ формѣ робинзонады; 2) ввести саги въ большемъ объемѣ, чѣмъ это дѣлается, и при томъ не напиши только, но и иностранця; 3) ввести очеркъ изобрѣтеній, впѣшлаго быта, правовъ и литературы и 4) признается необходимымъ дать болѣе широкое понятіе о государственныхъ учрежденіяхъ въ виду возможнаго въ этомъ возрастѣ сознательнаго отношенія къ современной жизни. Присоединеніе подобнаго матеріала къ матеріалу изъ политической исторіи, военной и религіозной сдѣлало то, что примѣрная программа элементарнаго курса у нашего автора заняла 31 страницу (стр. 68—99). Времени, въ которое можетъ быть пройденъ этотъ курсъ, г. Кролюницкій не опредѣляетъ; но едва ли его можно пройти приблизительно въ 8 уроковъ. Къ мысли о расширеніи содержанія элементарнаго курса до такихъ размѣровъ ни отечественная, ни иностранная практика не могли привести г. Кролюницкаго. Что у насъ элементарный курсъ нигдѣ не преподается въ такихъ размѣрахъ, объ этомъ говорить нечего. Въ нѣмецкихъ школахъ, видимо, существуетъ довольно обширный курсъ, о чемъ можно судить, напримѣръ, по учебнику Андрэ, существующему въ 10-ти яданіяхъ и выходящему въ двухъ видахъ — для протестантскихъ школъ и для католическихъ; но въ этомъ учебникѣ, состоящемъ болѣе чѣмъ изъ 400 страницъ, я помню пѣтъ о томъ разнообразіи матеріала, который имѣется въ виду нашимъ авторомъ. Начинаясь онъ библейскою исторіею, а не робинзонадою и оканчивается послѣдвою франко-германскою войною, изложенною, какъ и всѣ отдѣлы, относящіяся до нѣмецкой исторіи, съ патристическимъ воодушевленіемъ. Авторитетные нѣмецкіе писатели, на которыхъ ссылается авторъ, также не требуютъ такого разнообразія матеріала; напримѣръ, Дистервегъ, писавшій около 40 лѣтъ тому назадъ, высказывался за необходимость введенія очерка культуры въ нившія школы, но онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что пужно останавливаться на человѣкѣ не историческомъ, дикомъ и полудикомъ. Грубо отстаиваетъ народныя сказанія, хотя по преимуществу для младшаго возраста отъ 9 — 12 лѣтъ; что же касается до очерковъ культуры и другихъ особенностей, то, судя по его книгѣ, все это предлагается имъ въ небольшихъ размѣрахъ. Каково, основныя положенія котораго нашъ авторъ вполне усвоиваетъ, считаетъ культуру исторіи удобною только подъ условіемъ особаго изложенія, при которомъ совокупность культурныхъ фактовъ представляла какъ бы

дѣйствіе, а отнюдь не очеркъ или описаніе; между тѣмъ программа нашего автора переполнена именно такими описаніями.

Какого рода матеріалъ и въ какомъ видѣ предлагаетъ г. Кролюницкій, видно изъ слѣдующихъ выписокъ. На стр. 83 мы читаемъ:

„Очеркъ культурнаго состоянія западной Европы: краткое упоминаніе объ эпохѣ Возрожденія, изученіи классическихъ писателей и о началѣ науки и литературы; главные представители литературы и науки: Торквато Тассо: краткая біографія и краткое содержаніе поэмы: „Освобожденный Іерусалимъ“; Шекспиръ: его краткая біографія въ связи съ краткимъ очеркомъ начала драмы и театра, при чемъ упоминается кратко о мистеріяхъ въ средніе вѣка; Галилей: его отношенія къ ученію Коперника и преслѣдованія, которымъ оно подвергалось; живописцы: Леонардо-да-Винчи и разказъ о составленіи „Тайной Вечери“ (пріоръ-Іуда); Микель Анджело: разказъ о статуѣ спящаго Амура; картина: „Странный Судъ“; Рафаэль Салціо: его личность; „Сикстинская Младница“ и проч.

Или:

Стр. 91. „Культурный очеркъ времени отъ Петра Великаго до Екатерины II-й включительно: европейскій характеръ и роскошь русскаго двора; одежда, обстановка дома, роскошь, многочисленность дворни и подражаніе французскому у русскаго знатнаго дворянства; высшій лоскъ образованія: петиметры и типъ Иванушки въ Бригадирѣ фонъ-Визина; иностранцы въ качествѣ учителей; жизнь провинціального дворянства: краткое содержаніе записокъ Данилова объ ученіи грамотъ, ученіи въ артиллерійской школѣ и о пребываніи его у воеводы на святкахъ; типы Митрофанушки и Простаковыхъ въ комедіи „Недоросль“.

Замѣтимъ, что такой и подобный ему матеріалъ не вносится въ программы даже старшихъ классовъ и, конечно, для этого существуютъ достаточныя основанія.

Отдѣлъ о методѣ преподаванія обнимаетъ предметъ на столько всестороннее, что мы затруднились бы найти пунктъ, котораго бы авторъ въ этой сферѣ не коснулся. Взгляды и совѣты, преподаваемо въ этомъ отдѣлѣ, основательны и здравы; нельзя не отнѣстись только нѣкоторыхъ преувеличеній автора о значеніи класснаго чорченія историческихъ картъ. Г. Кролюницкій полагасть, что преподаватель каждый свой разказъ долженъ сопровождать вычерчиваніемъ на классной доскѣ географическихъ данныхъ.

Точнѣе говоря, онъ рекомендуетъ и при исторіи конструктивный приемъ черченія картъ; но этотъ приемъ безудерженъ и по отношенію къ географіи, такъ какъ одновременно требуетъ отъ учениковъ вниманія къ воспроизведенію географическихъ знаковъ и къ самому содержанію урока. Спрашивается къ чему же осложнять урокъ исторіи такимъ сомнительной пользы дѣломъ, которое можетъ быть замѣнено болѣе цѣлесообразнымъ показываніемъ требуемой мѣстности хотя бы на вѣной и географической картѣ.

Въ общемъ, книжка г. Кролюницкаго весьма небезполезна для преподавателей.

В. С.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса, съ упражненіями для переноса съ русскаго языка на латинскій для III, IV, V и VI классовъ гимназій, согласно съ новыми учебными программами (1890 г.). Составилъ *Ио. Виноградовъ*. Ч. I и II. С.-Пб. 1891. Стр. 290. Цѣна 1 р. 50 коп.

Синтаксисъ г. Виноградова представляетъ отчасти сокращеніе, отчасти передѣлку другаго, болѣе обширнаго труда того же автора, Грамматикѣ латинскаго языка (С.-Пб. 1887), Настоящій, краткій учебникъ содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя правила латинскаго синтаксиса, безъ знанія которыхъ не возможно осмысленное чтеніе древнихъ авторовъ. Матеріалъ сгруппированъ по двумъ отдѣламъ: въ первомъ помѣщены правила объ употребленіи падежей, во второмъ — правила объ употребленіи временъ, наклоненій, союзовъ, причастій, герундія и супина. Правила расположены въ общепринятомъ порядкѣ, изложены ясно и обстоятельно и сопровождаются удачно подобранными примѣрами, заимствованными изъ классическихкихъ авторовъ, преимущественно изъ Цезаря и Корнедія Непота. „Практическииъ“ названъ учебникъ потому, что въ концѣ того и другаго отдѣла помѣщены въ достаточномъ количествѣ русскія фразы для упражненій въ переводѣ на латинскій языкъ и соотвѣтственныя правила синтаксиса. Упражненія эти предназначаются для классныхъ занятій и снабжены потребными указаніями лексическими и фразеологическими. Примѣры заимствованы составителемъ частью изъ наиболѣе распространенныхъ сборниковъ этого рода, частью набраны изъ древнихъ авторовъ путемъ самостоятельнаго чтенія.

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученимъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Латинскій синтаксисъ въ изложеніи Дютрэ, по методу, употребляемому въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи, съ измѣненіями примѣнительно къ русскому языку. Перевелъ *И. Сербозъ*. Херсонъ. 1891. Стр. VII+968+XXI+63. Цѣна 1 р. 20 к.

При передѣлкѣ труда Дютрэ авторъ имѣлъ, по его словамъ, въ виду двоякую цѣль: съ одной стороны, познакомить интересующихся этимъ дѣломъ (?) съ методомъ преподаванія древнихъ языковъ, и латинскаго въ частности,—въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи, а съ другой—оказать, на сколько возможно, хотя и въ некоторомъ содѣйствіи ученикамъ среднихъ классовъ при систематически подробномъ повтореніи латинскаго синтаксиса, а ученикамъ младшихъ классовъ облегчать усвоеніе основныхъ правилъ латинскаго синтаксиса. Первой цѣли составитель достигъ, но сомнѣваемся, чтобы книга его могла содѣйствовать осуществленію второй. Причины этому лежатъ отчасти въ оригиналѣ, отчасти въ русской передѣлкѣ. Первое, что составляетъ особенность синтаксиса Дютрэ, это не достаточно строгій выборъ матеріала: тогда какъ лучшіе иѣмецкіе грамматикки стремятся къ тому, чтобы ознакомить учащихся съ классическою латынью, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она представляется намъ въ произведеніяхъ Цезаря и Цицерона, Дютрэ включаетъ въ область своего изложенія цѣлую массу авторовъ самыхъ различныхъ эпохъ и стилей; мы видимъ у него цитаты изъ Плинія, Сенеки, Квинтиліана, Юстина, Геллія и т. д. и т. д. Такой конгломератъ не можетъ не сбивать съ толку учащихся и не можетъ не внести въ ихъ знаніе синтаксиса неопредѣленность и даже противорѣчія. Другую особенность оригинала составляетъ расположеніе синтаксическихъ явленій, далеко отступающее отъ общепринятаго и наиболѣе цѣлесообразнаго. Вотъ, напримѣръ, порядокъ, въ которомъ излагается *syntaxis casuum*: родительный сказуемаго, родительный множественнаго послѣ раздѣлительныхъ словъ, согласованіе раздѣлительныхъ словъ въ родѣ съ родительнымъ множественнаго, другія конструкціи при раздѣлительныхъ словахъ и превосходной степени, двойная конструкція послѣ сравнительной степени, необходимо употреблять творительный, необходимо употреблять quam, особенное употребленіе сравнительной степени, дополненія при прилагательныхъ, дополненія при прилагательныхъ отглагольныхъ, дополненія при прилагательныхъ на *ах*, прилагательныя съ родительнымъ дополненіемъ, съ дательнымъ, съ предлогомъ *ad*, герундій и герундизъ какъ дополненіе при прилагательныхъ.

тельныхъ, прилагательныхъ съ творительнымъ падежомъ, дополненіе при глаголахъ, не самостоятельное esse, прямое дополненіе при глаголахъ переходныхъ, дополненіе при глаголахъ страдательныхъ, не прямое дополненіе, дополненіе при глаголахъ не переходныхъ, глаголы, употребляемые въ переходномъ и не переходномъ значеніи и т. д. Такое своеобразное распредѣленіе матеріала, помимо другихъ, заключаетъ въ себѣ два существенныя неудобства: автору приходится говорить объ одномъ и томъ же въ нѣсколькихъ мѣстахъ (напримѣръ, о герундіи и герундіивъ говорится болѣе, чѣмъ въ 5 мѣстахъ) и затѣмъ знакомить учащихся съ явленіями латынскаго синтаксиса не въ той послѣдовательности, какая требуется ихъ важностью и общностью: такъ, конструкція: *triste lupus stabulis* разъясняется на стр. 15, а *pecchio quis*—только на 357. Прибавимъ, наконецъ, и то, что въ частностяхъ изложенія и въ опредѣленіяхъ встрѣчается не мало странностей и неточностей, напримѣръ, стр. 8: „*Sub regibus pastoribus. Pastoribus* употреблено здѣсь въ значеніи прилагательнаго, подобно отглагольнымъ именамъ на *tor*“. Къ чему здѣсь: подобно, какъ будто *pastor* не отглагольное имя на *tor*? Стр. 19: „*Всякое существительное, которое опредѣляетъ другое, не обозначая того же самаго предмета, ставится въ родительномъ*“,—опредѣленіе крайне неудачное. Стр. 21: „*Существительныя, употребляемыя въ значеніи предлоговъ, каковы: instar, causa, gratia, ergo*“. Теперь доказано, что *ergo* не равняется греческому *ἔργον*, а образовалось изъ *er(e)go*. Стр. 31: „*Встрѣчается впрочемъ, особенно въ поэзіи, творительный послѣдъ нѣкоторыхъ формъ сравнительной степени, образованныхъ посредствомъ magis и minus*“, и приводится примѣръ изъ Цицерона. Стр. 46: „*Аттракціей называется такое сочетаніе, по которому, безъ грамматической необходимости, два члена предложенія принимаютъ одинаковую форму, для выраженія единства предмета, описываемаго обоими членами*“,—опредѣленіе совершенно не вразумительное. Стр. 52: „*Повтореніемъ предлога наглядно указывается на мысль, заключающуюся въ предлогѣ*“. Ученикъ вправѣ усумниться, что за мысли заключаются въ предлогахъ. Не имѣя подъ руками подлинника Дютре, не можемъ сказать, на сколько виноваты въ этихъ и подобныхъ неточностяхъ авторъ, или же опі: всецѣло принадлежать русскому переводчику. О томъ, что и этотъ послѣдній не безгрѣшенъ, свидѣлствуютъ многочисленныя промахи, допущенныя имъ при переводѣ латынскихъ фразъ на русскій: напримѣръ, стр. 14: *abdixit viros*—онъ привелъ гражданъ; стр. 24: *operto capite*—съ закрытой головой (см.

покрытой); стр. 28: *inter vitia maxima nullum est frequentius*—между важнейшими недостатками ни одного нѣтъ слишкомъ постоянного (им. ни одинъ не встрѣчается наиболее часто); стр. 200: *post hominum monogamiam*—отъ сотворенія міра; стр. 276: *Tuo stetitse dicit in casu*—онъ говорить, что сѣлъ на твою голову (им. онъ говоритъ, что стоялъ на твоей вершинѣ), и т. д.

Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе 2-е, исправленное и измѣненное соответственно новымъ учебнымъ планамъ. Составилъ *Мил. Кеммерлингъ*, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназій. Часть I. Упраженія. Стр. 123.—Часть II. Словарь. Стр. 97. С.-Пб. 1891.

Во второмъ изданіи своего труда, составитель, принимаясь къ учебнымъ планамъ 1890 г., сдѣлалъ слѣдующія измѣненія: а) отвелъ болѣе мѣста связнымъ латинскимъ статьямъ, баснямъ, разказамъ и анекдотамъ; б) отнесъ въ курсъ перваго класса всѣ упражненія на всѣ формы изъявительнаго наклоненія обонхъ залоговъ правильныхъ четырехъ спряженій и глагола *esse*; в) перенесъ изъ курса третьяго въ курсъ втораго класса упражненія на главнѣйшія неправильности и особенности въ этимологіи; д) присоединилъ къ курсу третьяго класса упражненія на употребленіе надежей; е) ограничылъ матеріалъ для перевода съ русскаго языка на латинскій; ф) слова къ отдѣльнымъ статьямъ и словари русско-латинскій и латинско-русскій отдѣлилъ въ особую книжку, при чемъ слова къ отдѣльнымъ статьямъ далъ лишь для перваго и втораго курсовъ съ цѣлью, чтобы ученики третьяго класса уже въ первое полугодіе, прежде чѣмъ приступятъ къ чтенію Юрнелія Непота, приобрѣтали навыкъ обращаться съ словаремъ.

Латинская хрестоматія для I, II, III и IV классовъ гимназій. Составилъ *Ив. Селенковичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Москва. 1891. Примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, ч. I. Курсъ 1-го класса, стр. VI—126. Ч. II. Курсъ II класса, стр. 160. 1 р.

Новые учебные планы по латинскому языку, существенно измѣнивъ элементарное преподаваніе этого предмета, не замедлили называть движеніе въ нашей учебной литературѣ: въ виду того, что занятія въ первомъ планѣ должны имѣть своей исходною точкою чтеніе фразъ и связныхъ статей, сопровождаемое переводомъ, разборомъ, пересказомъ по вопросамъ, перифразомъ и т. д., они тре-

буютъ особаго руководства въ видѣ сборника статей или хрестоматій. Этимиъ объясняется значительное количество подобныхъ сборниковъ, появляющихся въ послѣднее время. Къ числу ихъ принадлежатъ и книга г. Семеновича. Она содержитъ въ себѣ двѣ части, изъ коихъ первая предназначена для прохожденія въ первомъ, вторая—во второмъ классѣ. Каждая часть заключаетъ статьи, басни и разказы для перевода съ латинскаго языка на русскій (какъ на особенность, можно указать на то, что къ каждой статьѣ прибавлены вопросы на латинскомъ языкѣ и метафоры, что значительно облегчаетъ дѣло преподавателя), пословицы и изреченія, вокабуларій, и, въ концѣ книги, общіе латино-русскій и русско-латинскій словари для обѣихъ частей. Въ заключеніе, приложены: алфавитный списокъ болѣе употребительныхъ склоняющихся глаголовъ и общій словарь собственныхъ именъ, встречающихся въ обѣихъ частяхъ. При составленіи книги, авторъ, по собственному заявленію, пользовался ипострапными пособиями, прочѣ трудовъ Генпенбергера, Пертеса, Варта, Гольцшаймга, Остермана, Мейерера; многое составилъ самостоятельно, а заимствованное передѣлалъ, сообразно съ требованіями учебныхъ плановъ. Въ общемъ, трудъ г. Семеновича заслуживаетъ вниманія, хотя нѣкоторые его частности и вызываютъ замѣчанія. Напримѣръ 1, стр. 5: *in silvis Italiae reliquiae agarum Dianae sunt*. Фраза неестественная; 1, стр. 24: *duces legionum erant legati, dux equitatus magister equitum erat*. Фраза не точная, ибо *magister equitum* не былъ магистратомъ постояннымъ, а назначался только тогда, когда былъ диктаторъ, стр. 28: орфографія *caelum* теперь признается ошибочной (во второй части, напримѣръ на стр. 18, самъ г. Семеновичъ вѣрно пишетъ *caelum*), стр. 61: *tempora mutantur, mutamur et nos in illis*; точнѣе было бы сказать: *et nos mutamur in illis*; стр. 62: *festina lente* передано по-русски черезъ: „спѣши, да не больно“; лучше было бы привести нашу пословицу: „тише ѣдешь, дальше будешь“; часть вторая, стр. 3: въ одномъ мѣстѣ читаемъ: *picnicus*, а въ другомъ: *luntius*; стр. 16: „это небольшая толпа душъ смиренныхъ, тѣла которыхъ не похоронены“. Смиренный указываетъ перевести черезъ *supplex*, что не соответствуетъ русскому слову, *ibid.*: „развѣ ты не знаешь отрядъ вѣчно бодрствующихъ Эпицидовъ.“ выраженіе не локое; стр. 17: *his tribubus rusticis omnes regiones urbis continebantur*—это не вѣрно; стр. 30: „граждане этого города подарили его деньгами“—выраженіе не локое; стр. 32: „весь городъ огласился стукомъ оружія“—тоже; стр. 33: „звѣки побѣды были корабельные носы, которые

послѣ были прилажены къ колоннѣ и украшали римскій форумъ"— фраза, помимо своей неловкости, не совсѣмъ точная, потому что первоначально носами кораблей была украшена ораторская кафедра на форумѣ, и т. д.

Опечатокъ въ книгѣ довольно много.

Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Приблизительно къ требованіямъ новыхъ учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ С. Радецкій, преподаватель Лазаревскаго института и 4-й гимназій и В. Соколовъ, преподаватель Лазаревскаго института и шестиклассной прогимназій. Москва. 1891 г. стр. XXII+124+164. Цѣна 1 рубль.

Исходя изъ указанія объяснительной записки къ учебному плану латинскаго языка, указанія, въ которомъ говорится, что при прохожденіи латинской этимологій въ двухъ низшихъ классахъ гимназій соблюдается не столько система, сколько метода, составители разбираемой хрестоматіи выработали планъ, при которомъ учащійся, съ наименьшей затратой времени усваивая наиболѣе важные отдѣлы грамматическаго матеріала, могли бы скорѣе приступить къ чтенію связанныхъ статей. Съ подробностями этого плана составитель знакомитъ читателя на стр. IV и слѣдующихъ предисловія, при чемъ оказывается, что за исключеніемъ глагольныхъ формъ въ курсѣ I-го класса въ нѣкоторыхъ синтаксическихъ правилахъ въ курсѣ II-го, онъ не отступаетъ отъ обычнаго расположенія матеріала. Книга раздѣляется на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ латинскій и русскій тексты для чтенія и перевода, вторая содержитъ отдѣльный словарь къ курсу I-го класса, синтаксическія правила для I и II-го классовъ и два общихъ словаря: латинско-русскій и русско-латинскій. Первая часть обнимаетъ собою матеріалъ для упражненій на весь курсъ этимологій и на тѣ синтаксическія правила, которыя проходятся въ двухъ низшихъ классахъ, при чемъ составитель, стремясь дать учащимся возможность скорѣе перейти къ чтенію связанныхъ статей, не считалъ нужнымъ наблгать матеріала, состоящаго изъ отдѣльныхъ фразъ. Что касается связанныхъ статей, то большая ихъ часть заимствована изъ латинскихъ писателей, нѣкоторыя взяты изъ нѣмецкихъ учебниковъ, а часть обработана самостоятельно. Латинскія фразы по большей части состоятъ изъ различныхъ изреченій, пословицъ, поговорокъ и тому подобное. Русскому тексту отведено, сравнительно, немного мѣста, при чемъ, въ отличіе отъ другихъ хрестоматій, онъ не представляетъ изъ себя повторенія латинскаго, но даетъ нѣчто новое и болѣею частью самостоятельное.

Изъ этого обобръженія содержанія хрестоматіи видно, что она составляетъ толково и можетъ принести пользу при прохожденіи латинскаго языка въ младшихъ классахъ гимназій. Содержаніе статей подходящее, словари полнѣе.

Сборникъ греческихъ въ русскіяхъ примѣровъ для упражненія въ греческой этимологіи. Составилъ по *Вестеру М. Григоревскій*. Изданіе пятое. С.-Пб. 1890. Стр. 184. Цѣна не обозначена.

Книга Везнера, по которой составленъ предлагаемый сборникъ известна, какъ прекрасное пособие къ изученію греческой этимологіи; хорошія качества подлинника уцѣляли при обработкѣ его г. Григоревскимъ, а потому не представляется надобности входить въ подробный разборъ книги, тѣмъ болѣе, что пригодность ея къ употребленію въ нашихъ гимназіяхъ доказана тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ г. Григоревского появился уже пятимъ изданіемъ.

Самый текстъ книги напечатанъ хорошо; кромѣ исправленныхъ самимъ составителемъ не многочисленныхъ опечатокъ, пришлось замѣтить лишь слѣдующія: стр. 125 κλήσας вм. κλάσας, βλατος вм. ἤλατος, ἡμέρας вм. ἡμέρας; стр. 126 Τυφών вм. Τυφών; стр. 137 Ὀδυσσεύς вм. Ὀδυσσεύς; стр. 130 Βιβνίδος вм. Βιβνίδος, и стр. 150 въ Самоѣ вм. пѣ Самоѣ. Въ словаряхъ же, прибавленныхъ въ концѣ книги, опечатокъ гораздо больше; онѣ преимущественно относятся къ именамъ собственнымъ и лишь отчасти могутъ быть поставлены въ вину наборщику и корректору; въ большинствѣ случаевъ эти опечатки доказываютъ, что составитель словарей не считалъ нужнымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ провѣрить правописаніе данного собственного имени и слишкомъ довѣрчиво полагался на свою память и на свои ономастологическія знанія. Позволимъ себѣ выписать замѣченные промахи: стр. 164 Ἀσκληπίδς вм. Ἀσκληπίος; стр. 159 Ἰσοός вм. Ἰσός; стр. 160 Καλοδών вм. Καλοδών; стр. 163 Νηρείδας вм. Νηρείδης; стр. 166 Σαλμυδοσοός вм. Σαλμυδοσοός; стр. 167 στήφος вм. στήθος, συγγραφεύς вм. συγγραφεύς, Σομπλωγάδας вм. Σομπληγάδες; стр. 169 Φοίνιξ вм. Φοίνιξ; стр. 172 Γερρώνης вм. Γηροώνης; стр. 174 Καύστριος вм. Καύστριος, Κίθαράν вм. Κίθαράν; стр. 175 Κλέοβις вм. Κλέοβις, Λήσανδρος вм. Λύσανδρος, Μακεδονία вм. Μακεδονία; стр. 178 Ὀχος вм. Ὀχος, Πίτταχός вм. Πίτταχος; ср. 179 Πριάμος вм. Πρίαμος; стр. 181 Σονώπη вм. Σινώπη; стр. 182 Ταυρόσθενης вм. Ταυροσθένης; стр. 183 Φοκίων вм. Φοκίων; стр. 184 Εὐρυβιάδης вм. Εὐρυβιάδης, Εὐροστῆος вм. Εὐροστῆος и Ἐπιματῆος вм. Ἐπιμηθέος.

Начальный курс немецкого языка для младших классов средних учебных заведений. Составил К. Я. Вильницкий. Одесса. 1891 г. Стр. 258. Цѣна 80 коп.

Разсматриваемая книга, по завлеченію составителя ея, издана въ видѣ опыта, для восполненія пробѣла, явившагося въ нашей учебной литературѣ по преподаванію элементарнаго курса нѣмецкаго языка вслѣдствіе существеннаго измѣненія, которому долженъ былъ подвергнуться способъ преподаванія нѣмецкаго языка въ силу утвержденныхъ 20-го мая 1890 г. учебныхъ плановъ. Опытъ г. Вильницкаго можно признать удавшимся; учебникъ его дастъ хорошо распределенный и тщательно обработанный матеріалъ для практическаго изученія языка, обращая вѣстѣ съ тѣмъ и должное вниманіе на сообщеніе ученикамъ теоретическихъ свѣдѣній въ принятомъ порядкѣ, такъ что учебникъ представляетъ полный курсъ этимологіи и содержитъ всѣ важнѣйшія синтаксическія указанія. Вся книга состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Упраженія въ чтеніи и письмѣ, 2) Упраженія и связныя статьи для перевода съ нѣмецкаго языка на русскій, 3) Русскія связныя статьи для перевода на нѣмецкій языкъ, 4) Стихотворенія, 5) Словари къ отдѣльнымъ статьямъ и алфавитный и 6) Прибавленіе, заключающее въ себѣ перечень отступающихъ и неправильныхъ глаголовъ.

Второй отдѣлъ — самая важная часть учебника; онъ построенъ слѣдующимъ образомъ: въ началѣ параграфовъ помѣщаются парадигмы, сопровождаемыя краткими правилами, затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя фразы для перевода и упражненія въ примѣненіи сообщенныхъ правилъ; остальную часть параграфа занимаетъ связанная нѣмецкая статья. Парадигмы, благодаря употребленію жирнаго шрифта для напечатанія окончаній, представляютъ весьма наглядную картину данной флекціи и не нуждаются въ обстоятельныхъ объясненіяхъ. Заслуживаетъ одобренія и подражанія сокращенный способъ, которымъ составитель пользовался при представленіи полнаго спряженія глаголовъ (ср., напримѣръ, § 67).

Связныя статьи, служащія матеріаломъ для перевода на русскій языкъ и для другихъ практическихъ упражненій, снабжены краткими примѣчаніями, въ которыхъ объясняются особенности нѣмецкаго языка, впервые встрѣчающіяся ученику въ данной статьѣ. Такъ, напримѣръ, на стр. 34, § 11 по поводу выраженія „drückte Verdacht aus“ объясняются глаголы съ отдѣляемою приставкою. Въ

§ 6, стр. 19 послѣ первой связанной статьи помѣщена „примѣрная переработка“ этой статьи въ вопросахъ и отвѣтахъ. Для учениковъ нечего было печатать эту переработку, такъ какъ она должна пронаводиться безъ приготовленія по почину и подъ руководствомъ преподавателя, а если авторъ желалъ представить учителямъ примѣръ, какъ слѣдуетъ пользоваться его книгою, то подобному методическому указанію не мѣсто въ учебникѣ, по крайней мѣрѣ не въ контекстѣ его. Это слѣдовало помѣстить въ предисловіи и, конечно, къ менѣе растянутому видѣ. Къ предисловію слѣдовало отнести и примѣчаніе на стр. 108, въ которомъ говорится что „русскія статьи предполагаются, согласно учебнымъ планамъ, преимущественно для реальныхъ училищъ“. Эти русскія статьи, составляющія третій отдѣлъ учебника, представляютъ собою парафразъ помѣщенныхъ во второмъ отдѣлѣ нѣмецкихъ статей и служатъ болѣе основательному усвоенію словъ и оборотовъ, заключающихся въ нѣмецкихъ статьяхъ.

Выборъ нѣмецкихъ стихотвореній, составляющихъ четвертый отдѣлъ книги, удаченъ. Эти стихотворенія, какъ по изложенію, такъ и по содержанію доступны пониманію учениковъ, и при томъ они почти всѣ столь кратки, что заучиваніе ихъ навзвустъ не представляеть никакихъ затрудненій.

Остальные два отдѣла, словари и перечень глаголовъ отступающихъ, составлены вполне удовлетворительно.

- I. Viertes deutsches Lesebuch. Chrestomathie nebst einer Kurzgefassten Geschichte der deutschen Dichtung für mittlere und obere Klassen russischer Lehranstalten von *Ferdinand Mey*, Lehrer am 2. Moskauer Kadettenkorps. Moskau. 1890. Стр. VII+289. Цѣна 1 р. 10 коп.
- II. Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Часть вторая. Снятая съ составл. *Ferdinandъ Mey*, преподаватель I, II и IV московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Москва. 1890. Стр. IV+22. Цѣна 20 коп.

I. Составленная г. Мей нѣмецкая хрестоматія подъ заглавіемъ „Viertes deutsches Lesebuch“ содержитъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Lesestücke zum freien (häuslichen) Lesen und Wiedererzählen. 2) Stücke zum Memorieren und Wiedererzählen. 3) Kurzgefasste Geschichte der deutschen Dichtung. 4) Musterstücke zum Uebersetzen und Wiedererzählen. 5) Poetischer Theil. 6) Vocabeln zu den Musterstücken. 7) Uebungsstücke zum Uebersetzen (то-есть, для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій) и 8) Wörter zu den russischen Uebungsstücken. Статьи перваго отдѣла (стр. 1—43) назначаются для чтенія à livre ouvert и для частнаго чтенія на дому; для этой цѣли подъ текстомъ

поміщені рускія значенія встрічаючихся въ текстѣ словъ, и въ самомъ текстѣ болѣе трудныя или рѣдкія выраженія объясняются номінаціями рядомъ въ скобкахъ синонимами, наприкладъ, grimmig (furchtbar), niederstossen (tödten) и т. п. Содержаніемъ своимъ эти статьи имѣють греческію и древне-германскіе мифы, а именно: сказанія о Геркулесѣ, о Мивотаврѣ, объ Аргонавтахъ и троянской войнѣ, о возвращеніи Одиссея, о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ.

Статьи второго отдѣла (стр. 44—67), снабженныя также русскими vocabulaми, весьма разнообразны по своему содержанію. Онѣ назначены для заучиванія названій и главною цѣлью имѣють познакомить учениковъ съ словами и выраженіями, свойственными извѣстнымъ наукамъ и относящимся къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ быденной жизни. Статьи географическаго, этнографическаго, историческаго, даже лингвистическаго содержанія чередуются съ такими, въ которыхъ въ формѣ разговора описываются объѣдъ въ гостинницѣ, приготовленіе въ дорогу, остановка въ гостинницѣ; на страницѣ 47 помѣщена даже арифметическая задача, которую, по мысли составителя, ученики должны продѣлать на доскѣ, давая всѣ необходимыя объясненія по-нѣмецки. Для изученія языка и его грамматики въ этихъ статьяхъ мало матеріала—это скорѣе сборники vocabulъ, чѣмъ связныя статьи; сравнить особенно №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и др.

Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ, озаглавленный: „Краткая исторія нѣмецкой поэзіи“. Такой, хотя и краткій очеркъ нѣмецкой литературы съ древнѣйшихъ временъ до классическаго періода, заходитъ за предѣлы курса нѣмецкаго языка въ среднихъ учебникахъ и, по своему конспективному характеру, не можетъ дать ученикамъ надлежащаго понятія объ умственномъ развитіи народа, языкъ котораго они изучаютъ, или о „постепенномъ развитіи поэзіи отъ грубыхъ ея началъ до классическаго ея совершенства“, чего желаетъ составитель (сравни предисловіе стр. V). Масса собственныхъ именъ и другихъ данныхъ, съ которыми ученикъ не связываетъ никакого яснаго представленія, только напрасно смущаетъ и обременяетъ его, тѣмъ болѣе, что и языкъ, которымъ написанъ этотъ историческій очеркъ, слишкомъ возвышенъ для пониманія ученика, усвоившаго лишь въ весьма скромной степени нѣмецкую рѣчь. Вотъ одинъ примѣръ вмѣсто многихъ: на страницѣ 89 о второй части Фауста сказано слѣдующее: „Der zweite Theil des Faust, im hohen Alter des Dichters beendet, verliert sich in Allegorien. Am Schlusse steht Faust im Geiste die arbeitende Menschheit und findet nun endlich die längst vergeblich gesuchte

Befriedigung. Entzückt ruft er: „Das ist der Weisheit letzter Schluss: nur der verdient sich Freiheit und das Leben, der täglich sie erobern muss“. Faust stirbt und Mephistopheles will sich mit Hilfe der höllischen Geister der emporstrebenden Seele bemächtigen, allein die Engel „entführen sein Unsterbliches“ unter dem Gesang: „Wer immer strebend sich bemüht, Den können wir erlösen“

Четвертый отдѣлъ, статьи для перевода и пересказа, начинается съ разказовъ, заимствованныхъ изъ сочиненія Андерсена. „Bilderbuch ohne Bilder“. Эти сантиментальныя, кокетливо-наивныя сочиненія Андерсена почему-то особенно полюбились составителямъ нѣмецкихъ хрестоматій, хотя эти произведенія для дѣтей не представляютъ того интереса и не имѣютъ той прелести, какъ для чувствительнаго взрослого. Вторую статью „das betende Kind“ слѣдуетъ признать неудобною для класснаго чтенія, такъ какъ въ ней говорится о, хотя и невинномъ, искаженіи „Молитвы Господней“ молящимся ребенкомъ. За статьями Андерсена помѣщены историческіе разказы, заимствованные преимущественно изъ военной исторіи, и статьи, содержащія описанія странъ, животныхъ и тому подобное.

Эти статьи можно признать соотвѣтствующими ихъ назначенію. Затѣмъ слѣдуютъ письма извѣстныхъ писателей. Изъ нихъ письмо Маттіаса Клаудіуса (стр. 148), по слою сатирическому содержанію, неопитно для учениковъ, а письмо шестнадцатилѣтняго Лессинга, какъ оно ни интересно для характеристики этого писателя, ни по формѣ, ни по содержанію не можетъ служить образцомъ. Помѣщенные затѣмъ отрывки изъ драматическихъ и эпическихъ произведеній нѣмецкихъ классиковъ, по заданію составителя хрестоматіи, заимствованы изъ извѣстной хрестоматіи Любена и Наке съ цѣлю облегчить преподавателямъ приготовленіе къ уроку по составленному тѣмъ же авторами комментарію „Введеніе въ нѣмецкую литературу“. Заботясь объ удобствахъ преподавателей, составитель хрестоматіи позабылъ учениковъ, а для нихъ-то и слѣдовало ему снабдить эти отрывки указаніями на содержаніе цѣлаго произведенія, изъ котораго они заимствованы, а также примѣчаніями, объясняющими трудныя мѣста и облегчающими ихъ переводъ на русскій языкъ. Это тѣмъ болѣе необходимо—въ виду того, что къ этимъ отрывкамъ словъ не дано и эти отрывки назначаются для курсорнаго чтенія. Съ мнѣніемъ, выраженнымъ на этотъ счетъ составителемъ въ предисловіи стр. VI, а именно, что при курсорномъ чтеніи не важно, понимаетъ ли ученикъ каждое отдѣльно слово, и что достаточно если онъ въ состояніи

схватить (auffassen) смысл каждого предложения, мы согласиться не можем. Такой способ чтения неминуемо ведет къ поверхностному отношенію къ дѣлу и особенно неумѣстенъ, когда такому чтенію подвергаются самыя лучшія произведенія нѣмецкой литературы. Помѣщенные въ концѣ разсматриваемаго отдѣла на стр. 210 „Witzige und satirische Einfälle“ представляютъ совершенно случайный выборъ остроумныхъ изреченій, появленіе которыхъ въ учебной книгѣ ничѣмъ не оправдывается.

Пятый отдѣлъ подъ заглавіемъ „Poetischer Theil“ содержитъ нѣсколько басенъ, балладъ и лирическихъ стихотвореній, при чемъ, по нашему мнѣнію, оказано слишкомъ большое предпочтеніе произведеніямъ графа Платена и Фрейлиграта.

Въ концѣ книги помѣщены статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, имѣющія цѣлью упражнять учениковъ въ приложеніи синтаксическихъ правилъ. Ссылки на эти правила дѣлаются исключительно по учебнику синтаксиса, изданному составителемъ хрестоматіи, а поэтому статьями для перевода трудно пользоваться въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ не введено вышеупомянутой учебникъ синтаксиса.

Въ заключеніе приходится сказать, что нѣтъ опредѣленнаго, яснаго плана ни въ распредѣленіи отдѣльныхъ частей книги, ни въ выборѣ и группировкѣ статей въ предѣлахъ одного и того же отдѣла, развѣ за исключеніемъ одного чернаго отдѣла. Пользованіе предлагаемымъ столь пестрымъ матеріаломъ затрудняется еще болѣе отсутствіемъ перечня содержащихся въ хрестоматіи статей. Помѣщенный въ ней очеркъ исторіи нѣмецкой литературы вноситъ лишній предметъ въ курсъ преподаванія нѣмецкаго языка и послужитъ напраснымъ бременемъ учениковъ, такъ какъ не всякій преподаватель откажется отъ прохожденія этого, для самого преподавателя интереснаго, отдѣла.

II. Вторая книга „Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка“ составляетъ вторую часть сочиненія, изданнаго г. Мей подъ тѣмъ же заглавіемъ и одобреннаго ученимъ комитетомъ. Это краткій конспектъ нѣмецкаго синтаксиса, въ составъ котораго вошли самыя главныя правила о порядкѣ словъ, употребленіи члена и ученіе о временахъ и наклоненіяхъ. Написана книга по-нѣмецки, но помѣщенные подъ текстомъ переводы трудныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ правилахъ, дѣлаютъ пониманіе этихъ правилъ вполнѣ доступнымъ для русскихъ учениковъ. Краткость учебника, содержащаго все необходимое, и ясное изложеніе правилъ, снабженныхъ удачно подобранными примѣрами, должны считаться большими преимуществами

Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка, составленное Штейнгауеромъ, преподавателемъ нѣмецкаго языка Спббургской гимназіи. Первый курсъ для младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. 13-е изданіе, передѣланное примѣнительно къ новому учебному плану, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія. Москва. 1891. Стр. 154. Цѣна 65 коп.

Разсматриваемое новое (13-е) изданіе Практическаго руководства къ изученію нѣмецкаго языка, по заявленію составителя г. Штейнгауера, „передѣлано примѣнительно къ новому учебному плану министерства народнаго просвѣщенія“. Въ чемъ именно состоитъ эта перодѣлка, прямо не указано составителемъ; но въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать эту передѣлку—это можно заключить изъ указанія автора на требованіе учебныхъ плановъ, по которому „главнымъ занятіемъ на урокахъ новыхъ языковъ должно быть чтеніе и переводъ съ иностраннаго языка на русскій; всѣ же практическія упражненія, а также изученіе грамматики, должны имѣть лишь служебное значеніе“. Что же сдѣлалъ авторъ? Для чтенія и перевода съ нѣмецкаго языка на русскій, дѣйствительно, можетъ служить вторая часть его книги, названная имъ хрестоматіею; но этой хрестоматіи предшествуетъ не имѣющая къ ней прямаго отношенія первая часть подъ заглавіемъ „Грамматическія свѣдѣнія“, состоящая изъ ста параграфовъ и составленная, какъ и въ прежнихъ изданіяхъ, по методу Ана. Это краткія, отрывочныя и вполне безсодержательныя фразы, служащія единственно для упражненія въ примѣненіи отдѣльныхъ грамматическихъ правилъ, при чемъ самыя эти правила помѣщаются болѣею частью въ видѣ примѣчаній за этими фразами. „Грамматическія правила“, по совѣту составителя, высказавшему имъ въ предисловіи, „пользуется преподаватель настолько, насколько это необходимо для усильнаго чтенія и перевода связнаго текста по приложенной хрестоматіи“. Послѣдовать этому совѣту—трудно или, вѣрнѣе, невозможно въ виду того, что въ статьяхъ хрестоматіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, къ какимъ статьямъ первой части относятся онѣ, а безъ такихъ указаній преподавателю не отыскать необходимыхъ въ данномъ случаѣ упражненій въ первой части. такъ какъ эта часть составлена безъ строгой грамматической системы. Преподавателю, слѣдовательно, остается только пройти съ учениками всю первую часть отъ доски до доски и продѣлать съ ними около ста параграфовъ, состоящихъ изъ фразъ, подобныхъ слѣдующимъ: „Я далъ свое перо другу брата. Далъ ли ты свою кошку подругѣ моей се-

стры? Мы дали письмо служанкѣ лѣкаря" и т. д., безъ конца. Развѣ это не значитъ морить дѣтей, отказывая имъ во всякой умственной пищѣ, и лишать нѣмецкій языкъ значенія общеобразовательнаго предмета, относясь къ изученію его чисто съ формальной точки зрѣнія. Пресловутый методъ Ана, которымъ въ былое время похищались не въ мѣру, имѣетъ примѣненіе лишь въ томъ случаѣ, когда кто нибудь — человекъ взрослый — для чисто практическихъ цѣлей желаетъ въ возможно короткое время приобрести извѣстный, ограниченный запасъ обыденныхъ фразъ и выраженій, дающій ему возможность объясняться въ чужой странѣ на туземномъ языкѣ. Въ общеобразовательной школѣ, каковы наши средно-учебныя заведенія, предлѣдуются при преподаваніи новыхъ языковъ совсѣмъ другія цѣли, и потому въ нихъ нѣтъ мѣста для метода Ана. — Что касается грамматическихъ правилъ, то они составлены далеко не удовлетворительно; склоненія именъ существительныхъ изложены сбивчиво; полное склоненіе слова по всѣмъ надежамъ и обонямъ числамъ показано только на нѣкоторыхъ парадигмахъ словъ мужскаго рода и одного слова средняго рода, въ остальномъ ученикъ долженъ довольствоваться таблицей падежныхъ окончаній (§ 29), которая, вдобавокъ, не вѣрна: по грубой опечаткѣ, — замѣченной, правда, самимъ составителемъ, — какъ окончаніе трехъ падежей множественнаго числа перваго склоненія выставлена буква *n* вмѣсто буквы *e*. На то, что въ этомъ склоненіи нѣкоторые слова вовсе не принимаютъ въ множественномъ числѣ особаго окончанія, въ таблицѣ не указано; такое указаніе помѣщено лишь въ примѣчаніи къ § 38-му, а между тѣмъ уже въ § 31 дается склоненіе слова *der Bruder* безъ всякихъ поясненій. Въ § 71, В сказано, что слова подобныя слову *Fels*, *Felsen* или *Friede*, *Frieden* (составитель печатаетъ *Fels* = *en*, *Friede* = *en*) „смотри по окончанію именительнаго падежа принимаютъ въ родительномъ падежѣ *s*, *es* и *es*“; это не ясно по отношенію къ первымъ двумъ окончаніямъ, а по отношенію къ послѣднему окончанію — не вѣрно. Статья, относящаяся къ спряженію глаголовъ, составлена не лучше. Начинается изученіе глагола съ полнаго спряженія трехъ вспомогательныхъ глаголовъ *sein*, *haben*, *werden* не только въ изъявительномъ, но и въ сослагательномъ наклоненіи (§ 20). Затѣмъ слѣдуютъ „предварительныя понятія о спряженіи глаголовъ“, не имѣющія въ данномъ мѣстѣ никакого значенія (не говори о томъ, что въ данномъ изложеніи они непонятны для учениковъ, незнакомыхъ еще съ самимъ спряженіемъ), такъ какъ образцы спряженія предлагаются

лишь 56 параграфовъ снусть въ § 76. Формулировка правилъ большею частью неудачна, особенно по причинѣ недомолвокъ. Приводимъ пѣсколько примѣровъ: § 7 прим. 3. „И прилагательное и глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи часто служатъ подлежащими, но въ такомъ случаѣ принимаютъ всегда форму существительнаго“ (?); § 12 прим. „Обращаясь къ кому-либо употребляютъ изъ вѣжливости третье лицо вмѣсто второго“. § 14, прим. 1. „Превосходная степень образуется изъ положительной прибавленіемъ окончанія *ist (est)*“ опечатка вмѣсто *st (est)*; § 16 прим. „Прилагательныя *gut, hoch* имѣютъ неправильныя степени сравненія“ — не указано, какъ онѣ образуются, и пропущено прилагательное *nah*; § 19, прим. „Имена существительныя женскаго и средняго рода сходствуютъ въ именительномъ и винительномъ падежахъ“; § 22, прим. „*Participium perfecti* ставятся въ концѣ предложевій“ — въ такомъ общемъ видѣ — правило не вѣрно; § 25. „*Perfectum* показываетъ дѣйствіе, происшедшее безъ всякой связи съ другимъ дѣйствіемъ“; § 56, прим. „Въ нѣмецкомъ языкѣ (то-есть, послѣ числительныхъ количественныхъ въ противоположность русскому языку) ставится именительный падежъ“; § 57, прим. „Частичный родительный падежъ (*partitivus*) выражается опускаемъ члена“ и т. и.

Что касается „хрестоматіи“, состоящей изъ 29 прозаическихъ статей и 21 стихотворенія, то въ ней не соблюдается того постепеннаго перехода отъ легкаго къ болѣе трудному, о которомъ составитель говоритъ въ предисловіи. Ограничусь нѣкоторыми примѣрами: въ статьѣ 1, во фразѣ: „*Mit meinen Augen sehe ich die Dinge um mich her*“ послѣднія слова хотя переведены въ словарѣ словами: „вокругъ себя“, но для полнаго пониманія требуютъ отъ ученика знакомства съ различіемъ въ употребленіи возвратнаго мѣстоименія въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Тамъ же встрѣчаемъ условное предложеніе и притомъ въ отступающей отъ русскаго языка формѣ: „*Hat sich aber die Seele von dem Körper getrennt, so ist der Mensch todt*“. Въ статьѣ 3 встрѣчается уже *Plusquamperfectum*: „*Selten hatte er alles mitgebracht*“; для выраженія: „ohne Sinn und Liebe für das Gute“ мы находимъ въ словарѣ: „ohne безъ“. „*Keinen Sinn haben* не любить“ — объясненіе, не дающее ученику возможности перевести данное мѣсто; значеніе предлога (или вѣрнѣе, нарѣчія) *zu* въ оборотѣ: *zu faul* — оставлено безъ объясненія. Въ статьѣ 6, въ концѣ, находится неполное условное предложеніе: „*Niemand hätte geglaubt, dass mir das Thierchen das Leben retten würde*“ и т. и.

Карл Скуйе, преподаватель Московской 4-й гимназии и реального училища Воскресенскаго. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго на нѣмецкій, составленный по новой программѣ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1891. Стр. VII | 111. Ц. 50 коп.

Матеріалъ для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій въ книгѣ г. Скуйе расчитанъ на шесть классовъ, и соотвѣтственно тому сборникъ раздѣляется на шесть отдѣловъ, приблизительно одинаковаго объема: только послѣдній отдѣлъ, назначаемый для 6-го класса, занимаетъ побольше мѣста. Первый отдѣлъ содержитъ краткіе разказы и статьи, состоящіе изъ вопросовъ и отвѣтовъ, для упражненія въ разговорной нѣмецкой рѣчи. Изложеніе весьма простое и удобопереводимое, такъ какъ разказъ ведется почти исключительно въ формѣ самостоятельныхъ краткихъ предложеній и содержаніе статей соотвѣтствуетъ вполне уровню умственнаго развитія учениковъ перваго класса.

Отдѣлъ, назначаемый для 2-го класса, устроенъ подобнымъ образомъ; только статьи немного потруднѣе, и кромѣ главныхъ предложеній, составляющихъ и въ этомъ отдѣлѣ преимущественную форму изложенія, постепенно вводятся и простѣйшіе виды придаточныхъ предложеній. Грамматическій матеріалъ, входящій въ первые два отдѣла, соотвѣтствуетъ по объему тѣмъ грамматическимъ свѣдѣніямъ, которыя по программѣ реальныхъ училищъ должны быть усвоены въ первыхъ двухъ классахъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ для перевода на нѣмецкій языкъ предлагаются краткіе анекдоты, относящіеся къ лицамъ историческимъ древнихъ и новыхъ временъ, а также географическія описанія.

Въ 4-мъ и 5-мъ отдѣлахъ мы встрѣчаемся съ небольшими статьями историческаго содержанія, нѣтъщими уже болѣе серьезный характеръ. Статьи 4-го отдѣла относятся къ древней исторіи и къ первымъ временамъ отечественной исторіи, а статьи 5-го заимствованы изъ средней исторіи.

Въ 6-мъ отдѣлѣ относительно содержанія статей можно различить нѣсколько группъ; болѣе половины статей посвящается историческимъ событіямъ тридцатилѣтней войны на томъ, вѣроятно, основаніи, что въ весьма многаяхъ учебныхъ заведеніяхъ читается исторія этой войны сочиненія Шиллера. Другую группу составляютъ письма, а третью — отрывки изъ сочиненій Гете: Мальчикъ со львомъ, Вильгельмъ Мейстеръ и Германъ и Доротея.

Въ книгѣ соблюдается постепенный переходъ отъ болѣ легкаго къ болѣ трудному: но и статьи послѣдняго отдѣла не представляютъ особенныхъ трудностей для перевода. Необходимыя для перевода указанія дѣлаются кратчайшимъ образомъ въ самомъ текстѣ; нѣсколько буквъ, помѣщенныхъ въ скобкахъ, указываютъ, какой членъ, какой надежъ, какое время и т. п. слѣдуетъ поставить въ нѣмецкомъ переводѣ; такъ, напримѣръ, буквами н. ч. обозначается, что слѣдуетъ поставить неопредѣленный членъ, буквами н. в.—что требуется употребленіе настоящаго времени и т. д. Конечно, эти обозначенія или лучше — условные знаки должны быть объяснены учителемъ; но при этомъ условіи употребленіе ихъ весьма удобно не только въ видѣ сбереженія мѣста, но и потому, что они, благодаря своей краткости, почти не нарушаютъ единства русскаго текста. Прилагаемый къ сборнику русско-нѣмецкій словарь составленъ хорошо, и такъ какъ слова помѣщены въ томъ именно значеніи, какое они имѣютъ въ статьяхъ сборника, то пользованіе этимъ словаремъ, конечно, на первыхъ порахъ подъ руководствомъ преподавателя, не затруднитъ и учениковъ первыхъ двухъ классовъ. Книга вообще хороша и немалое преимущество представляетъ то обстоятельство, что она составлена не для одного или двухъ классовъ, но назначена служить ученику въ продолженіе прохожденія всего курса средне-учебнаго заведенія. Жаль только одно, что книга напечатана не достаточно исправно, въ чемъ можно убѣдиться, взглянувъ на значительное число указанныхъ въ концѣ книги опечатокъ. Этотъ недостатокъ, конечно, будетъ устраненъ при новомъ изданіи.

Для влѣвѣтскѣт МАРШЕН ДЕН ВЙДОНЪ ГРИММЪ. Лучшія сказки братьевъ Гриммъ. Пособіе для классаго чтенія въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ, обработанъ *Максъ Фишеръ*, помощникъ инспектора Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Изданіе третье, вновь обработанное. Москва. 1891. Въ 16-ю д. л. Стр. X+253. Цѣна въ папѣ 60 в.

Третье изданіе отличается отъ предыдущихъ слѣдующими измѣненіями и дополненіями. Текстъ сказокъ обработанъ и приуроченъ къ познанимъ начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ, такъ что къ чтенію его можно приступать уже во второй годъ обученія нѣмецкому языку, даже во вторую половину перваго года. Изъ словарей, коихъ во второмъ изданіи было два, постатейный и алфавитный, въ попят. изданіи сохраненъ лишь постатейный; онъ напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ. Прибавленъ новый отдѣлъ, содер-

жацій относящіеся къ отдѣльнымъ сказкамъ методическіе вопросы, по которымъ ученики могутъ заранее приготовляться къ устному пересказу прочитаннаго, производящемуся въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя. Въ связи съ этими вопросами, въ томъ же отдѣлѣ помѣщено 160 темъ для составленія краткихъ разказовъ и описаній, тѣсно примыкающихъ по содержанію къ прочитанной сказкѣ и составляющихся изъ тѣхъ же словъ и выраженій, которыя встрѣчались ученику въ соответствующемъ прочитанномъ текстѣ. Какъ, по мысли автора, слѣдуетъ пользоваться книгою, изложено въ предисловіи, гдѣ можно найти нѣсколько разумныхъ и практическихъ на этотъ счетъ совѣтовъ.

Существенная разница третьяго изданія отъ втораго, какъ видно, состоитъ въ указанныхъ выше темахъ или задачахъ для устной, и, гдѣ возможно, письменной переработки прочитаннаго. Эти задачи двоякаго рода. Къ первому роду относятся тѣ, въ которыхъ ученику предлагается разказать содержаніе сказки съ другой точки зрѣнія, напримѣръ, отъ имени того или другаго изъ дѣйствующихъ лицъ, или съ небольшимъ измѣненіемъ, напримѣръ, съ замѣною пастушка—пастушкой, короля—королевою и тому подобное. Эти темы составлены хорошо и дадутъ прекрасный матеріалъ для перефразировки прочитаннаго текста. Къ другому роду относятся тѣ задачи, въ которыхъ предлагается ученику составить небольшіе разказы и описанія, пользуясь болѣе свободнымъ образомъ общимъ содержаніемъ сказки и встрѣчающимися въ ней словами. Предметомъ этихъ подражавій служатъ случаи изъ семейной жизни, описанія домашнихъ животныхъ, простые описанія временъ года и т. п. Эти темы менѣе удачны, не столько потому, что иногда ученику въ нихъ предлагается описывать то, чего онъ можетъ быть самъ и не видѣлъ, напримѣръ крещеніе брата, свадьба сестры и т. д., сколько потому, что планъ этихъ разказовъ сообщается въ крайне неудобной формѣ. Желаніе быть по возможности краткимъ побудило автора выражаться такъ, какъ имѣлъ обыкновеніе выражаться прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, то-есть, ставить всѣ встрѣчающіеся глаголы въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія.

До какого искаженія нѣмецкой рѣчи можетъ довести такой способъ выраженія показывается, напримѣръ, задача № 122, гдѣ встрѣчается фраза: *ich sich sehr freuen*. Слѣдуетъ ожидать, что при слѣдующемъ изданіи авторъ позаботится о лучшей формулировкѣ этихъ темъ.

Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ Ф. Крейсбергъ. Часть I. Тифлисъ. 1891. Стр. III+70. Цѣна 40 к.

Учебникъ г-на Крейсберга принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ методическихкихъ учебниковъ. Онъ состоитъ изъ 35-ти краткихъ нѣмецкихъ статей (басенъ и анекдотовъ), 19-ти параграфовъ русскихъ фразъ, составленныхъ изъ словъ и оборотовъ, содержащихся въ нѣмецкихъ статьяхъ, нѣмецко-русскаго постатейнаго словаря, 18-ти параграфовъ, въ которыхъ помѣщены вопросы, относящіеся къ соответствующимъ нѣмецкимъ статьямъ и отдѣла, озаглавленнаго „грамматическимъ свѣдѣніемъ“.

На первый взглядъ учебникъ г-на Крейсберга поражаетъ своею краткостью. Матеріалъ для практическихъ занятій языкомъ, словарь и очеркъ грамматики все это помѣщается на 70 страницахъ. Связный нѣмецкій текстъ, надъ которымъ должна производиться работа изученія языка въ продолженіе цѣлаго перваго учебнаго года, занимаетъ всего 10 печатныхъ страницъ, или вѣрнѣе только пять страницъ, такъ какъ, по указанію автора (предисл. стр. III), только 18 первыхъ параграфовъ изучаются всесторонне въ классѣ, слѣдующіе же параграфы предполагается задавать ученикамъ готовить самостоятельно на дому. Какимъ образомъ, по мысли автора, должна производиться эта разработка текста — подробно указывается имъ въ предисловіи, гдѣ для примѣра до мелочей опредѣляется, что дѣлать на каждомъ урокѣ при прохожденіи перваго параграфа, содержащаго басню „Волкъ и Ягненокъ“. Оказывается, что для разбора этой басни, состоящей изъ 8 строкъ, потребуется семь уроковъ. Въ концѣ книги на стр. 67 слл. указано, какой именно грамматическій матеріалъ изучается при прохожденіи каждаго изъ 18-ти первыхъ параграфовъ. Требуется отъ преподавателя большое умѣніе вести дѣло, для того чтобы такой способъ прохожденія текста не надоелъ ученикамъ; но нѣтъ сомнѣній, что если у обихихъ сторожъ хватить терпѣнія шагъ за шагомъ въ теченіе цѣлаго года пройти не болѣе пяти страницъ нѣмецкаго текста, ученики усвоятъ не только значительный запасъ словъ и оборотовъ, но и въ достаточной степени познакомятся съ грамматическими формами нѣмецкаго языка. Самое главное возраженіе противъ избраннаго авторомъ метода сводится къ тому, что ученики при этомъ сами не замѣчаютъ своихъ успѣховъ и не видятъ движенія впередъ, такъ какъ ихъ держатъ въ тѣсныхъ рамкахъ пяти страницъ текста. Тѣмъ болѣе, что русскія фразы втораго отдѣла составлены такъ, что

постоянно повторяются не только слова, но и целые обороты уже раньше пройденных немецких статей.— Что касается содержания этих статей, то они не все одинаково заслуживают того, чтобы по дѣлным урокамъ останавливать на нихъ вниманіе учениковъ. Конечно, необходимость составить статьи по возможности короткія заставила автора оказать предпочтеніе анекдотамъ, въ которыхъ все суть заключается въ остротѣ. Выборъ этихъ статей не всегда можно считать удачнымъ; укажемъ для примѣра на §§ 25, 31 и 32.

Отдѣломъ „грамматическія свѣдѣнія“, по мысли автора, „преподаватель можетъ пользоваться каждый разъ, когда какой-нибудь отдѣлъ грамматики выведенъ и приведенъ въ систему самими учениками“. Этотъ отдѣлъ составленъ не особенно удачно. Главный недостатокъ состоитъ въ формулировкѣ правилъ, которыя не достаточно проста и ясна для начинающихъ. При наложеніи правила текстъ его перебивается помѣщенными въ скобкахъ примѣчаніями, исключеніями и т. п., вслѣдствіе чего теряется цѣльность и опредѣленность впечатлѣнія. Сравните, напр., правила, помѣщенные на стр. 47. Въ таблицѣ спряженій глаголовъ напрасно помѣщены формы сослагательныхъ наклоненій, не входящихъ въ курсъ этого класса; при томъ Conditionals I и II неправильно рассматриваются какъ вторыя формы Coniunctiv'a Imperfecti и Plusquamperfecti.

Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныя имья. Составилъ *К. Елпатьевскій*. 2-е изданіе исправленное и дополненное. Цѣна 1 р. 30 коп. С.-Пб. 1891. IV+431 страницъ.

Послѣ того, какъ г. Елпатьевскій пересмотрѣлъ, исправилъ и дополнилъ свой „Учебникъ русской исторіи“, пріятно отмѣтить во второмъ его изданіи отсутствіе грубыхъ ошибокъ и промаховъ, обдуманность въ выборѣ матеріала и выработанность изложенія. Со стороны исполненія трудъ г. Елпатьевского, несомнѣнно, заслуживаетъ похвалы.

И содержаніе учебника производитъ благоприятное впечатлѣніе. Соответствуя своимъ планомъ и объемомъ примѣрнымъ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній, учебникъ г. Елпатьевского представляетъ собою очень серьезный систематическій курсъ русской исторіи, обнаруживающій въ авторѣ хоронее знакомство съ литературною предмѣта и даже съ тѣми результатами сравнительно новыхъ изысканій въ области русской исторіи, которые, къ сожалѣнію, и до послѣднихъ дней не были должнымъ образомъ излагаемы въ учебныхъ книгахъ.

Такъ, панримвръ, г. Елпатьевскій дастъ очень обстоятельный очеркъ славянской колонизаціи на сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи, въ финскія земли, и очень хорошо выискиваетъ фактъ образованія великорусскаго племени и особенности его психической и общественной организаціи (стр. 25—27). Излагая устройство новгородскаго управленія, г. Елпатьевскій не забываетъ упомянуть и о новгородскомъ правительственномъ совѣтѣ, значеніе котораго въ Новгородѣ было очень велико (стр. 35). Далѣе: совершенно резонно авторъ посвящаетъ отдѣльную статью „внутреннему состоянію сѣверо-восточной Руси во время татарскаго ига“ (стр. 70—83), не смѣнившаго бытовыхъ фактовъ этой эпохи съ фактами другихъ эпохъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ нашихъ учебникахъ. Подобныхъ удачныхъ частныхъ въ изложеніи г. Елпатьевского можно указать и еще нѣсколько. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ пожелать, чтобы при послѣдующихъ изданіяхъ авторъ еще разъ пересмотрѣлъ свою книгу и устранилъ тѣ недосмотры, которые можно подмѣтить и въ настоящемъ „исправленномъ“ изданіи книги. Укажемъ часть этихъ недосмотровъ.

Стр. 1. Въ статьѣ „Источники для изученія русской исторіи“ авторъ относитъ начало лѣтоисчисленія въ Кіевѣ ко „временамъ Аскольда и Дира“. Это предположеніе врядъ ли удобно помѣщать въ учебникѣ въ столь категорической формѣ.

Стр. 5. Мало примечательны тѣ нить строукъ, которыя авторъ относятъ до-историческому времени, „подраздѣляя“ это время „на вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный“. Объ этомъ слѣдовало бы или сказать подробнѣе, или просто умолчать.

На стр. 10-й авторъ говоритъ о норманнахъ, что они „вѣдали и въ Константинополь, чтобы поступать на службу къ византійскимъ императорамъ въ качествѣ наемныхъ воиновъ (варяговъ), при чемъ вмѣстѣ съ норманнами отправлялись и разныя удалыцы, искатели приключеній, изъ другихъ народностей“. Стало бытъ, варяги здѣсь опредѣлены, какъ „наемные воины византійскихъ императоровъ“, и при томъ принадлежащіе не къ одному племени. А на стр. 11-й оказывается, что варяги брали дань со славянъ и жили „за моремъ“, а не въ Византіи, что Русь была варяжское племя, къ которому принадлежалъ Рюрикъ и его братья. Эти противорѣчія требуютъ поправки; названы они тѣмъ, что авторъ боялся сдѣлать научную ошибку, отождествивъ варяговъ и норманновъ; но это отождествленіе возможно, и на стр. 39-й самъ авторъ прибѣгаетъ къ нему, называя Рюрика, Олега и т. д. — норманскими князьями.

Стр. 19. Напрасно авторъ въ разказѣ о завѣщаніи Ярослава Мудраго, фразу лѣтописи, что Ярославъ завѣщалъ дѣтямъ „не преступати предѣла братія“ переводитъ: „не выступать изъ предѣловъ волостей, не выгонять изъ нихъ другъ друга“. Это не точный переводъ.

Стр. 75. Слишкомъ категорично утверженіе, что татлыи чело-вѣкъ „въ татарскую эпоху не могъ сдѣлаться служилымъ“.

Стр. 102. Митрополитъ Зосима у автора прямо занесенъ въ число „жидовствующихъ“, между тѣмъ какъ его еретичство—вопросъ очень спорный, въ послѣднее время склоняющійся къ тому рѣшенію, что митрополитъ не былъ такимъ еретикомъ, каковымъ онъ изображенъ въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоцкаго.

Стр. 108—109. Очень неудачно связанъ разказъ о чтеніи, кото-рому съ жаромъ предавался Іоаннъ Грозный, съ разказомъ о чув-ствахъ молодаго царя къ боярамъ: выходить такъ, будто Іоаннъ въ книгахъ „выскакиваетъ способы, какъ доказать врагамъ-боярамъ свою власть, какъ побѣдить ихъ и заставить ему подчиниться“. Врядъ ли въ стремленіи къ книгамъ Грознымъ руководила эта практическая дѣль, и не одни аргументы противъ боярства вынесъ Грозный изъ своего чтенія. Авторъ, къ сожалѣнію, оставилъ въ сторонѣ старо-московское ученіе о Москвѣ, какъ преемницѣ Рима; поэтому у него осталась безъ должнаго истолкованія и начитанность Грознаго, и нѣ-которые факты Московской политики XVI вѣка.

Стр. 127 (также 124, 192, 194): авторъ неправильно употреб-ляетъ терминъ „дѣти боярскіе“—для обозначенія то „обѣдѣвшихъ потомковъ бояръ“ (стр. 124), то вообще „служилыхъ людей“ (стр. 127), то низшаго разряда служилаго класса (стр. 192, 194). Какъ сослов-ное наименованіе, „дѣти боярскіе“—терминъ явнѣ опредѣленный, означавшій одниъ (низшій) „чинъ“ въ средѣ городского (не Москов-скаго) дворянства. Поэтому слѣдуетъ считать прямою ошибкою за-явленіе автора, что на всесомъ соборѣ 1598 года „большинство со-ставляли служилые люди (дѣти боярскіе)“. На этомъ соборѣ очень много было московскихъ (столичныхъ, придворныхъ) чиновъ и очень мало городскихъ дворянъ.

Стр. 132. Лжедмитрій не формально „принимъ титулъ импера-тора“, какъ выражается г. Елизатьевскій, а только называлъ себя рядомъ со старымъ титуломъ, и по поному: *imperator* и *rex*.

Стр. 164. Не точно сказано, что изъ Москву „изъ-за границы даже былъ выписанъ ученый чело-вѣкъ“ А. Олсарій. Московское пра-

вительство предлагало ему остаться въ Москвѣ, воспользовавшись тѣмъ, что Олеарій проѣзжалъ черезъ Москву, направляясь изъ Персіи въ Германію. Но Олеарій остаться не согласился.

Стр. 165—166. Не совсѣмъ понятна и не согласна съ истинною фразою о возвращеніи боярина Б. И. Морозова въ Москву послѣ бунта 1648 г.: „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (?) послѣ мятежа царь самъ просилъ у народа не требовать выдачи Морозова... Народъ согласился и Морозовъ былъ возвращенъ въ Москву“.

Стр. 176—177. Точно также не правильно выраженіе, что послѣ оставленія Никономъ патриаршества „прошло нѣсколько лѣтъ, но царь все еще не думалъ объ избраніи новаго патриарха“. Напротивъ, царь Алексѣй объ этомъ очень думалъ, но были обстоятельства, затруднявшія рѣшеніе этого вопроса и канонически, и на практикѣ.

Стр. 192—195. Составъ населенія Московскаго государства изложенъ не безупречно, и автору необходимо исправить этотъ параграфъ, руководясь лучшими учебниками по исторіи права (Владимірскаго-Буданова, Сергѣевича). Для примѣра укажемъ на одну неточность: въ составъ „боярства“ авторъ вводитъ „думныхъ дворянъ“ и поэтому о Ковьѣ Мининѣ говоритъ, что онъ получилъ „боярство“; а между тѣмъ думные дворяне боярами не назывались, а назывались „думными людьми“.

Стр. 197—198. Земскіе соборы совершенно напрасно сравниваются съ „малымъ вѣчемъ“: это по существу явленіе не сравнимы и не имѣющія между собою прямого историческаго преемства. Сверхъ того „малое вѣче“, о которомъ авторъ говоритъ не разъ (стр. 40, 41, 110), не есть что-либо юридически опредѣленное и должно рассматриваться не какъ самостоятельное учрежденіе, а какъ княжеская дума въ случайно расширенномъ составѣ.

Стр. 200. Вполнѣ неправильно воеводское управленіе смѣшано съ „кормленіемъ“, и самое слово „кормленіе“ взято неправильно вмѣсто слова „кормъ“ или „кормы“.

Стр. 202. Уголовныя кары XVIII вѣка изложены почему-то по Олеарію, а не по Уложенію. Статьи 9—12-й главы XXI Уложенія кое-что могутъ испривить въ разказѣ автора.

Стр. 246. При объясненіи сословныхъ реформъ Петра Великаго указъ 1714 г. о единонаслѣдіи въ недвижимыхъ имуществѣхъ изложенъ не полно и безъ всякой даты, при томъ и названъ неправильно указомъ о „майоратѣ“. А на стр. 276-й, повѣствуя объ отиѣнѣ этого указа императрицей Анной, авторъ иначе, вѣрнѣе и полнѣе, пере-

даетъ содержаніе его и относить его къ 1714 году. Ученикъ поэтому можетъ не сразу даже догадаться, что на стр. 246 и 276 рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же законоположеніи.

Стр. 249 (и 199). Авторъ не разъ говоритъ, что уѣзды Московскаго государства „образовались изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ“. Это вѣрно, но въ отношеніи только нѣкоторыхъ уѣздовъ и отнюдь не всѣхъ.

Стр. 276. Почему-то авторъ сперва разказываетъ о возвышеніи и о казни Волынскаго, а затѣмъ уже — о назначеніи того же А. Волынскаго въ Кабинетъ и о той роли, которую предназначилъ ему въ кабинетѣ Вироць. Конечно, такой порядокъ не удобенъ.

Стр. 279. Обстоятельства сверженія Вирона изложены съ мелкими неточностями.

Стр. 296 и 247. То, что говорится на этихъ страницахъ о подушной подати, не приведено въ соответствіе. Сперва (стр. 247) сказано: „чтобы увеличить казенные доходы, Петръ замѣнилъ поземельную подать подушною“; а затѣмъ (стр. 296) заявлено, что подушная подать ввѣщалась на содержаніе полковъ и собиралась полковыми командами. Стало бытъ, подушной подати придано сперва значеніе общей подати, шедшей въ государственную казну, а затѣмъ—значеніе спеціальнаго сбора, поступавашаго въ полковныя кассы.

Стр. 314 и 344. Начало единавѣрія отнесено сперва къ царствованію императрицы Екатерины II, а затѣмъ — къ царствованію императора Павла, что и вѣрнѣе.

Стр. 390. О венгерской войнѣ 1849 года сказано 3¹/₂ строки и то въ скобкахъ.

Всѣ эти погрѣшности учебника г. Елпатьевскаго легко поправимы и не умаляютъ общихъ достоинствъ труда. То, что въ учебникѣ принадлежитъ самому составителю, въ общемъ написано съ знаніемъ дѣла, а тѣ отрывки изъ лучшихъ спеціальныхъ сочиненій по русской исторіи, которые приводятся довольно часто авторомъ въ дополненіе и разъясненіе къ его собственному разказу,—выбраны имъ удачно и своимъ объемомъ, всегда не большимъ, мало вліяютъ на увеличеніе объема всего учебника.

Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Овцій обзоръ земнаго шара. Съ рисунками въ текстъ и съ приложеніемъ краткаго обзорнаго Россійской Имперіи. Составилъ *Обломковъ*. С.-Пб. 1891. Стр. 88. Цѣна 60 коп.

Въ оваглавленномъ учебникѣ, предназначаемомъ для среднихъ учебныхъ заведеній, отдѣлъ самый трудный для учениковъ, именно первона-

чальныя свѣдѣнія изъ математической географіи, вложено довольно просто и немногословно. Не безполезно въ методическомъ отношеніи сдѣлалъ авторъ, приурочивъ годовое движеніе земли къ климату, такъ какъ черезъ это ученіе о ноясахъ становится въ болѣе тѣсную связь съ ученіемъ объ источникѣ тепла, то-есть, о солнцѣ. Похвально также и то, что авторъ даетъ немного цифръ, да и тѣ болѣею частью помѣщаетъ въ примѣчанія, дѣлая ихъ такимъ образомъ обязательными для учениковъ. Заслуживаетъ также одобренія и то, что авторъ въ своемъ курсѣ не ходитъ въ область другихъ предметовъ, а ограничивается только географическимъ матеріаломъ.

Что касается до количества географическихъ названій, то въ этомъ отношеніи для автора осталась безслѣдною рецензія Ученаго Комитета на книгу г. Турчаковскаго, въ которой ему вѣнялось въ похвалу, что онъ сократилъ число названій въ первомъ курсѣ. Правда, г. Обломковъ далъ меньше названій, чѣмъ даетъ г. Смирновъ, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ г. Яичкинъ, а учебникъ этого послѣдняго, какъ уже показавъ продолжительный опытъ, не считается легкимъ. Впрочемъ, излишество названій не составляетъ такого бремени для учениковъ, которое не могло бы быть облегчено учителемъ; труднѣе для нихъ будетъ изученіе нѣкоторыхъ географическихъ названій въ комбинаціи, предлагаемой авторомъ.

Такъ, низменности, горы и мысы г. Обломковъ разсматриваетъ совмѣстно, по частямъ свѣта. Бывалъ бы ни была естественная связь между данными этого рода, но усвоеніе ихъ въ этой связи для учениковъ 1-го класса, у которыхъ преобладаетъ еще механическая память, представитъ немало затрудненій и тѣмъ болѣе, что г. Обломковъ, для округленія, мѣстами вводитъ свѣдѣнія прямо изъ систематическаго курса. Таковы:

Стр. 20. „Двѣ трети поверхности Европы (120.000 кв. м.) состоятъ изъ низменныхъ равнинъ, одну треть — занимаютъ горы и плоскогорья“.

Или, стр. 21. „Альпы, высочайшія горы Европы, расположены въ срединѣ европейской горной страны. Начинаются отъ Средиземнаго моря, направляются сначала на сѣверъ, потомъ на востокъ, идутъ до Венгерской низменности, гдѣ и оканчиваются въ видѣ небольшихъ холмовъ. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Альпы измѣняютъ свое направленіе, находится горная группа“. . . и т. д.

Съ такими комбинаціями, конечно, нѣкоторые ученики сладятъ,

но не при прохождении курса вновь, а при повторении и при помощи хороших орографических картъ.

Соединение въ одну группу океановъ, ихъ частей и острововъ не представляетъ такихъ трудностей, какъ вышеупомянутая группа, но въ дидактическомъ отношеніи гораздо полезнѣе, чтобы и эта комбинація дѣлалась только при повторении и при помощи картъ.

Въ общемъ, г. Обломковъ нерѣдко вноситъ въ свой учебникъ такой матеріалъ, который легче усваивается въ классѣ при помощи вопросовъ учителя. Такъ, на примѣръ:

Стр. 14. „Океаны и части свѣта взаимно служатъ границами другъ другу: изъ пяти океановъ четыре окружены тремя частями свѣта каждый; такъ, на примѣръ, Великій океанъ окружаютъ Америка, Азія“ . . и т. д.

Стр. 17. „Европа и Азія на югѣ оканчиваются тремя полуостровами, изъ которыхъ восточные полуострова двойные, въ Европѣ: Балканскій полуостровъ съ Моресю, въ Азіи—Индокитай съ Малаккою“.

Къ учебнику приложено краткое обзорніе Россійской Имперіи, но для гимназій и реальныхъ училищъ это приложеніе слишкомъ обширно, и выполненіе по немъ программы представить затрудненіе. Сверхъ того, къ учебнику приложено 16 чертежей и 4 рисунка; всѣ оны составлены хорошо за исключеніемъ одного рисунка, находящагося на стр. 41, на которомъ авторъ пытается соединить, и весьма неудачно, слѣдующія данныя: низменность, плоскогорье, холмы, дѣсныя горы, область вѣчнаго снѣга, дѣйствующій вулканъ, водораздѣлъ и т. п. Но вообще, иллюстрація г. Обломкова гораздо ниже, чѣмъ таковая въ соответствующей книгѣ Личина.

Въ учебникѣ нерѣдко встрѣчаются мѣста, которыя можно было бы изложить легче и точнѣе. На примѣръ:

Стр. 4. „Внутри земного шара скорость движенія точекъ точно такъ же неодинакова, какъ и на поверхности. Чѣмъ дальше находится точка отъ земной поверхности, тѣмъ медленнѣе она движется и, наконецъ, встрѣчается цѣлый рядъ неподвижныхъ точекъ, образующихъ неподвижную линію, около которой земля совершаетъ свое суточное движеніе. Неподвижная линія проходитъ отъ одного полюса до другаго, черезъ центръ земли, и называется земною осью“.

Стр. 5. „Земля освѣщается солнцемъ, которое, *относительно земли, неподвижно*“.

Стр. 14. „Противомъ называется узкая *соединительная* полоса

воды". Тамъ же: „Перешеекъ есть узкая *соединительная* полоса земли".

Стр. 15. „Полуостровамъ Европы *соотвѣтствуютъ* слѣдующія части воды: Канинскому—Ческая губа, Кольскому—Бѣлое море" и т. д.

Стр. 26. „Всемирный океаномъ мы называемъ тотъ *слой* (?) воды, который покрываетъ обширныя впадины твердой поверхности земного шара, составляющей его дно".

Стр. 38. „Рѣка представляетъ *узкую* полосу проточной воды, *напрямляющую* свое русло, то-есть углубленіе или жолобъ, по которому она течетъ, въ ту сторону, куда поката поверхность".

Стр. 41. „Озера встрѣчаются *на теченіи* рѣкъ, напримѣръ: въ Европѣ Боденское озеро".

Мѣстами попадаются фактическія ошибки. Отгѣтимъ для при-
мѣра:

Стр. 4. „Днемъ мы называемъ свѣтлую часть сутокъ, а ночью—
темную часть сутокъ".

Стр. 18. „Низменностями называются такія равнины, которыя возвышаются надъ уровнемъ моря не болѣе какъ на 700 футовъ". Но вообще въ географіи принято слѣдовать Риттеру, опредѣляющему крайнюю высоту въ 500 футовъ.

Стр. 20. „Нѣсколько *цѣпей* горъ, расходящихся отъ одного центра, образуютъ горный узелъ". Такое опредѣленіе не вѣрно, такъ какъ горнымъ узломъ называются не развѣтвленія, а тотъ центръ, отъ котораго идутъ эти развѣтвленія.

Стр. 49. „*Совокупность* свойствъ воздуха въ какой-либо мѣстности составляетъ климатъ этой мѣстности". Такое опредѣленіе слишкомъ обще; теплота и количество осадковъ составляютъ существенную принадлежность климата, и эти понятія должны входить въ опредѣленіе его.

Напечатана книжка довольно опрятно. Опечатокъ почти не встрѣчается. Но вообще учебникъ требуетъ пересмотра.

Краткій учебникъ алгебры. Составилъ преподаватель Рославльскаго техника-
ческаго желѣзнодорожнаго училища при Орловско-Витебской желѣзной
дорогѣ. Д. Хмыровъ. Орелъ. 1891. Стр. 155. Цѣна 50 коп.

Названный учебникъ не соответствуетъ учебному плану алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и, очевидно, предназначенъ для
высшихъ техническихъ школъ, или вообще для такихъ, въ которыхъ
предметъ этотъ предположено преподавать въ весьма сокращенномъ

видѣ. Объемъ книги соответствуетъ такому ея предназначенію; но этотъ малый объемъ достигнуть не краткостью и простотою изложенія, а почти исключительно лишь неполнотою содержания, ущербомъ строгости доказательствъ и отсутствіемъ необходимыхъ разъясненій. Для обнаруженія этихъ существенныхъ недостатковъ учебника достаточно немногихъ указаній. Напримѣръ:

При изложеніи рѣшенія уравненій [въ главахъ V, VII, X] приводятся различныя преобразованія уравненій и не упомянуто [хотя бы безъ доказательства] о томъ, что преобразованныя уравненія будутъ однозначны съ заданными, то-есть, будутъ имѣть тѣ же корни. Не сказано также вовсе о случаѣ, когда уравненіе умножаютъ или дѣлятъ на количество содержащее неизвѣстное; между тѣмъ, въ примѣры на рѣшеніе уравненій 1-й степени (стр. 61) включены такіе:

$$\frac{1}{2x-1} - \frac{1}{x+1} = 0, \quad \frac{x-5}{x+1} = \frac{x-1}{x+18}, \text{ и т. под.}$$

Въ числѣ этихъ примѣровъ, относящихся до уравненій 1-й степени, есть даже такой, который не можетъ быть сведенъ на рѣшеніе уравненій 1-й степени и не имѣть вещественныхъ корней, а именно:

$$\frac{2x-4}{2x-10} = \frac{2x+7}{3x+1}.$$

Глава XI, о логарифмахъ, изложена слѣдующимъ образомъ. Помѣщена таблица послѣдовательныхъ цѣлыхъ положительныхъ степеней числа 2, до 23-й степени включительно, и на основаніи этой таблицы сказано, что такъ какъ

$$2^{16} \cdot 2^8 = 2^{24}, \quad 2^{20} \cdot 2^3 = 2^{23}, \quad (2^6)^3 = 2^{18}, \quad \sqrt[3]{2^{21}} = 2^7,$$

то „логарифмъ произведенія равенъ суммѣ логарифмовъ производителей“ и т. д. (стр. 133). Заключение это распространено, уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, на логарифмы всѣхъ положительныхъ чиселъ при основаніи 2, а затѣмъ (на стр. 136) и на логарифмы чиселъ при какомъ угодно основаніи, съ однимъ лишь замѣчаніемъ, что „за основаніе логарифмовъ можно принять всякое положительное число кромѣ единицы“. Не говоримъ уже о томъ, что не только не разъясненъ смыслъ степени, которой показатель несоизмѣримое число, но даже не упомянуто о существованіи такихъ степеней.

О вполнѣ удобныхъ и дешевыхъ пятизначныхъ логарифмическихъ таблицахъ не упомянуто, а показано употребленіе семизначныхъ таблицъ. При этомъ, кромѣ неполноты разъясненій, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія особенности: употребляется такое обо-

значение $N L 4,6528912 = 44966,7$; а также такое $L 0,0917 = 8,962 \dots$ и сказано: „условное изображение логарифмовъ дробей положительными числами повидимому можетъ привести къ слѣдующему недоразумѣнію.... Это недоразумѣніе въ практикѣ устраняется тѣмъ, что при рѣшеніи задачи или при вычисленіи данной формулы всегда напередъ можно сообразить: будетъ ли отвѣтъ выраженъ очень большими цѣлыми числомъ, въ 10, 9 или 8 цифръ, или же дробью“...

О прогрессіяхъ, арифметической и геометрической, не упомянуто.

Основные теоремы, относящіяся до дѣйствій надъ корнями (стр. 100 и слѣд.), доказаны такъ, какъ еслибы подразумѣвались исключительно лишь корни квадратные изъ полныхъ квадратовъ, кубичные изъ полныхъ кубовъ и т. под.; между тѣмъ эти теоремы прихвѣнны, безъ всякой оговорки, къ дѣйствіямъ надъ несоизмѣримыми числами. Относительно этихъ послѣднихъ дѣйствій не только не разъяснено (хотя бы безъ доказательствъ) ихъ смысла, но даже не дано скольнибудь опредѣленнаго понятія о несоизмѣримомъ числѣ; сказано только (стр. 109), что „корни изъ чиселъ, которыя не суть полные квадраты, не могутъ быть выражены конечными числами (?) и потому называются невыразимыми или ирраціональными числами“. Употребленіе термина „невыразимый“ есть одна изъ особенностей разсматриваемой книги.

Задача II (стр. 3) рѣшена такъ, какъ еслибы проценты были простые, вопреки заданію: „капиталъ отдастъ въ ростъ“. Подобнымъ же образомъ рѣшена задача параграфа 10-го (стр. 5) о возрастаніи населенія нѣкотораго города.

О знакѣ равенства впервые сказано на стр. 28-й, а между тѣмъ этотъ знакъ употреблялся уже на всѣхъ предшествовавшихъ страницахъ.

Одпочлену дано такое опредѣленіе: „алгебраическое выраженіе, въ которомъ не входятъ знаки $+$ и $-$ “.

Было бы излишне продолжать перечисленіе неудовлетворительныхъ опредѣленій, неслучныхъ выраженій и другихъ недостатковъ разсматриваемой книги.

Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть 2-я. Задачникъ по алгебрѣ. Составилъ *И. Никульцевъ*, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Изданіе второе, значительно дополненное. Москва. 1891. Цѣна 1 р. стр. IV—276.

Второе изданіе 2-ой части труда г. Никульцева содержитъ въ себѣ задачи и примѣры, распределенные раньше въ двухъ выпу-

скажъ, я вслѣдствіе этого, представляеть цѣлѣпый задачникъ по алгебрѣ. Число примѣровъ значительно увеличено: оно возросло съ 1.500 до 5.132. При этомъ увеличеніи особенное вниманіе обращено на задачи, служащія для перехода отъ арифметики къ алгебрѣ, и, въ особенности, на задачи, усилюющія значеніе алгебраическихъ знаковъ. Въ концѣ книги помѣщено болѣе 200 очень хорошихъ задачъ на повтореніе разныхъ статей алгебры, изъ которыхъ многія могутъ служить при изученіи приложенія алгебры къ геометріи. Сборникъ содержитъ много задачъ на maxima и minima, на методу неопредѣленныхъ коэффициентовъ, на способъ предѣловъ и на теорію рядовъ. Встрѣчается много задачъ теоретическаго характера, хотя и не трудныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма полезныхъ, пріучающихъ учениковъ къ самостоятельнымъ доказательствамъ и разсужденіямъ, а не къ однимъ только выкладкамъ и преобразованіямъ. Недостатки книги не существенны. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

1) На стр. 13 редакція вопроса неудачна. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ спрашиваетъ: „опредѣлить разницу между слѣдующими выраженіями: $(a-b)^5$ и $5(a-b)$, a^3-b^3 и $(a-b)^3$ и т. д.“. Понятно, что хотѣлъ сказать авторъ, но сказалъ неудачно.

2) На стр. 16 авторъ задаетъ вопросъ: „опредѣлить родъ слѣдующихъ выраженій: $3a^2-2ab$, $\sqrt{a^2 \times b^2 \times c^2}$, и т. д. Опять вопросъ заданъ въ неудачной формѣ.

3) На стр. 31 помѣщены задачи: „опредѣлить квадратъ четнаго и нечетнаго числа“, „опредѣлить квадратъ двузначнаго числа“ и т. п. Не совсѣмъ ясно заданіе. По всей вѣроятности, авторъ желалъ преобразованій формулъ, представляющихъ квадраты четныхъ и нечетныхъ чиселъ.

4) Введено некрасивое слово „производитель“ вмѣсто слова „множитель“. Пора бы нашимъ авторамъ изгнать слово „производитель“ изъ употребленія.

5) Отсутствуютъ, или же если и присутствуютъ, то въ весьма маломъ количествѣ, задачи на слѣдующіе вопросы:

- а) на вслѣдованіе ур. 1-й степени со многими неизвѣстными;
- б) на приближенное вычисленіе выраженій формы $a\sqrt{b}$;
- с) на уничтоженіе радикаловъ въ знаменателѣ и урненіяхъ степени выше 2-ой.

Эти недостатки поглощены однако вышеуказанными достоинствами книги, представляющей хорошей задачникъ по алгебрѣ.

А. Стебловъ. Руководство къ рѣшенію задачъ на тройныя правила. С.-Пб. 1891. Стр. 146. Цѣна 65 коп.

Названная книжка представляет собою не что иное, какъ курсъ ариметики III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Въ ней налагаются такъ-называемыя тройныя правила, при чемъ каждое изъ правилъ сопровождается рѣшеніями большаго числа задачъ. Принимая во вниманіе, что весь матеріалъ, содержащійся въ книжкѣ г. Стеблова, заключается въ болѣе сокращенномъ видѣ во всѣхъ учебникахъ ариметики; принимая во вниманіе, что вся арифметика должна быть пройдена ученикомъ по одному учебнику, — не можемъ признать книжку г. Стеблова руководствомъ при прохожденіи арифметики въ III классѣ гимназій и реальныхъ училищъ, ибо допустить эту книжку все равно, что разрѣшить перемѣнить учебникъ арифметики въ концѣ прохожденія ея, что и не педагогично, и противорѣчитъ предписаніямъ министерства.

Принимая, однако, во вниманіе, что рассматриваемая книжка, содержитъ въ себѣ рѣшенія почти всѣхъ типичныхъ задачъ, встрѣчаемыхъ въ задачникахъ, считаемъ ее полезною для слабыхъ учениковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ въ ней и промахи. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Стр. 8. Авторъ, ни слова еще не сказавъ о пропорціяхъ, пишетъ пропорціи:

$$I : II = 3 : 4$$

$$II : III = 4 : 7$$

и отсюда выводитъ:

$$I : II : III = 3 : 4 : 7.$$

Это непонятно для учениковъ.

Стр. 12. Авторъ пишетъ:

$$I : II = 4 : 9'$$

$$III : I = 5 : 8$$

$$IV : II = 7 : 3$$

и говоритъ: „здесь отношенія написаны въ безпорядкѣ“. Замѣтимъ автору, что здесь написаны не отношенія, а равенства отношеній, то-есть пропорціи, и потому, что это значить „написаны въ безпорядкѣ?“

Стр. 17. Авторъ, желая доказать главное свойство геометрической пропорціи, формулируетъ это свойство и потомъ, повѣривъ его на примѣрѣ, говорятъ: „легко убѣдиться, что оно такъ и должно быть“.

По всей вероятности, автор хотѣлъ сказать: „докажемъ это свойство, убѣдившись въ его справедливости для рассмотрѣнной пропорціи“.

Авторъ не излагаетъ теоремъ о равныхъ отношеніяхъ.

Авторъ, на стр. 24, утверждаетъ, что равенства:

$$15 \text{ ар.} : 3 \text{ ар.} = 20 \text{ коп.} : 4 \text{ коп.}$$

$$18 \text{ ф.} : 6 \text{ ф.} = 24 : 8$$

не суть пропорціи, ибо въ первомъ равенствѣ нельзя составить произведеній среднихъ и крайнихъ членовъ, а во второмъ нельзя переставлять члены.

Замѣтимъ автору, что онъ ошибается. Еслибы авторъ былъ правъ, то тогда большинство равенствъ геометріи, которыя мы называемъ пропорціями, не представляли бы изъ себя пропорцій.

Стр. 25. Авторъ даетъ неточное опредѣленіе пропорціональности величинъ, при чемъ смѣшиваетъ понятіе о величинѣ и понятіе о ея значеніи.

М. П. Давыдовъ. Садоводство и огородничество. Практическое общепольное руководство для сельскихъ жителей: учителей, духовенства, учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ и другихъ школъ. (Казань, 1891. 8°, 37 стр.)

Будучи сельскимъ учителемъ, г. Давыдовъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, велъ бесѣды съ учениками старшаго отдѣленія по садоводству, огородничеству и хмѣлюдовству и, занимаясь, въ то же время какъ любитель, на небольшомъ клочкѣ земли практически означенными отраслями хозяйства, записывалъ все то, что преподавалъ и что требовалъ отъ учениковъ. Составившуюся такимъ образомъ рукопись авторъ затѣмъ переработалъ и пиши издалъ въ видѣ указанной брошюры.

Въ этой небольшой брошюрѣ г. Давыдовъ, имѣи въ виду читателя, главнымъ образомъ, изъ простаго народа (крестьянъ и учащихся въ школахъ ихъ дѣтей), изложилъ яснымъ и удобопонятнымъ языкомъ элементарныя основанія садоводства и огородничества, при чемъ имъ обращено важнѣйшее вниманіе на правильное веденіе этихъ отраслей въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Въ виду все болѣе и болѣе развивающагося сознанія въ пользѣ устройства, при сельской школѣ, сада и огорода, а также обученія крестьянскихъ мальчиковъ садоводству и огородничеству, очень отрадно, что среди самихъ сельскихъ учителей являются дѣятели,

излагающіе предметъ этотъ съ особой, такъ сказать, школьной точки зрѣнія.

Въ предисловіи къ своему труду г. Давыдовъ высказываетъ надежду, что онъ встрѣтитъ сочувствіе въ средѣ сельскихъ жителей: учителей, духовенства и другихъ; по его мнѣнію, вполне справедливому, книжку эту можно по преимуществу рекомендовать для тѣхъ народныхъ училищъ, гдѣ учитель вздумаетъ преподавать садоводство и огородничество; она, по замѣчанію автора, можетъ быть съ большою пользою выдаваема для внѣкласснаго чтенія ученикамъ и тѣхъ сельскихъ училищъ, въ которыхъ и не будетъ введено это преподаваніе, а также другимъ грамотникамъ села; наконецъ, книжка эта пригодна для выдачи крестьянскимъ мальчикамъ въ награду, при окончаніи ими курса ученія въ сельскихъ училищахъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ШКОЛЫ ВЪ СИБИРИ.

Предлагаемый вниманию читателей обзоръ школьно-учебнаго дѣла въ Сибири составляетъ какъ бы продолженіе обзора состоянія этого дѣла къ январю 1886 г., напечатаннаго въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1888 годъ. Придерживаясь того же плана и той же системы, какихъ мы придерживались при составленіи предыдущаго обзора, мы намѣрены очертить въ статистическомъ отношеніи положеніе школьно-учебнаго дѣла къ 1-му января 1890 г. во всей Западной Сибири — въ томъ составѣ, какой послѣдняя имѣла до упраздненія Западно-Сибирскаго генералъ-губернаторства (въ предѣлахъ Тобольской и Томской губерній и Акмолинской и Семипалатинской областей), а также во всей Восточной Сибири, за исключеніемъ Приамурскаго края, то-есть, въ предѣлахъ Иркутской и Енисейской губерній и Забайкальской и Якутской областей. Изъ сопоставленія нынѣшняго состоянія съ изображенными нами раньше ивистеи возможность нагляднаго представленія роста школьно-учебнаго дѣла въ Сибири, а въ особенности за послѣдніе годы. Наглядно-статистическая же картина учебнаго дѣла на громадной территоріи въ 202.683,9 кв. миль представляется, по нашему крайнему разумѣнію, дѣломъ далеко не безинтереснымъ.

А. Положеніе школьно-учебнаго дѣла по всемъ обозрѣваемымъ районамъ Сибири.

На выше намѣченной колоссальной площади, занимаемой обозрѣваемыми нами четырьмя губерніями и четырьмя областями, населеніе

къ 1-му января 1890 г. простиралось до 5.539.929 душъ: 2.899.666 мужскаго пола и 2.640.264 желскаго пола.

Къ услугамъ этого населенія находилось 1960 учебныхъ заведеній съ 60.575 учащимися, что составляло одно учебное заведение на 2.826,6 жителей и на 30,6 учащихся, и одного учащагося на 91,4 душу.

Говоря сравнительно, такое положеніе отнюдь не блестящее. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько примѣровъ и сопоставимъ ихъ въ таблицѣ.

	Губернія Европейской Россіи:			
	Сибирь.	Архангель- ская.	Бессараб- ская.	Астрахан- ская.
Площадь района въ кв. м.	202,683,6	15.109,1	818,2	4.076
Число жителей	5.539,929	315.730	1.628.876	856.480
Число учебныхъ заведеній	1.860	174	662	308
Количество учащихся	60.575	9.962	41.715	14.069
Одно учебное заведение:				
на: а) число жителей	2.826,6	1.820,6	2.460,6	2.780,6
б) число учащихся	30,6	57,6	63	46,6
Учится одинъ изъ	91,4	31,7	39	60,6

Нами выбраны лишь 3 губерніи на удачу, при чемъ Архангельская имѣетъ сравнительно рѣдкое и раскиданное населеніе, Бессарабская — наоборотъ, густое и довольно плотное, а въ Астраханской значительная часть населенія кочевая (калмыки и киргизы). При взглядѣ на таблицку ясно видно, на сколько низко поставлено школьно-учебное дѣло въ Сибири сравнительно съ этими губерніями Европейской Россіи, отнюдь не принадлежащими къ тѣмъ, въ которыхъ народное образованіе процвѣтаетъ. Что же пришлось бы сказать, еслибы мы вдумали сопоставить школьно-учебное дѣло въ Сибири и въ разныхъ районахъ западно-европейскихъ? Напримѣръ, въ Бельгій въ январю 1880 г. было не многимъ больше жителей, чѣмъ нынѣ въ Сибири — 6.093.798 человекъ, а между тѣмъ въ 1887 г. мы насчитываемъ тамъ 2.092 учебныхъ заведеній съ 605.039 учащихся, то-есть, даже количество учебныхъ заведеній больше (хотя заселена она въ сотни разъ гуще сибирскихъ районовъ), а количество учащихся больше почти въ десять разъ! Или въ маленькомъ герцогствѣ Баденскомъ, при населеніи въ 1.601.255 душъ, однихъ народныхъ школъ болѣе двухъ тысячъ, а вѣдь въ этомъ герцогствѣ имѣется 2 университета, политехническая школа, школа живониси, четыре обсерваторіи, 14 гимназій, 5 реальныхъ гимназій и т. д.

Какая разница между Сибирью и Европейской Россіей! Въ послѣдней, по недавно изданнымъ матеріаламъ Центрального статисти-

ческаго комитета, въ 1886 г. одно начальное училище приходилось на 2.176 жителей, а въ Сибири въ 1889 г. вообще одно учебное заведение приходилось на 2.826,5 жителей (а къ 1886 г. даже на 3.612,3 жителей); въ Европейской Россіи одинъ учащійся въ начальнымъ училищахъ приходился въ томъ же 1886 г. на 42 человека, въ Сибири же одинъ учащійся вообще въ учебныхъ заведенияхъ на 91,4 жителя (а къ 1886 г. на 106,3 душъ).

Итакъ, сравнительно говоря, положеніе школьно-учебнаго дѣла въ Сибири далеко незавидно. Но для вѣрной оцѣнки подобный критеріумъ не правиленъ. Необходима для этого историко-статистическая, такъ сказать, точка зрѣнія. Если мы припомнимъ, что въ половинѣ прошлаго столѣтія на всю Сибирь существовала лишь одна школа, что Сперанскій всталъ здѣсь лишь 18 сельскихъ школъ, и то въ одной Иркутской губерніи, что еще въ 1834 г. на всей сибирской территоріи было лишь двадцать одно уѣздное училище, да двѣ гимназіи, что въ сущности школьное дѣло начинается правильнымъ образомъ насаждаться въ Сибири лишь съ конца пятидесятихъ годовъ, то нельзя не признать, что оно уже замѣтно здѣсь упрочилось и неукоснительно развивается и прогрессируетъ. Еще 4 года назадъ къ 1-му января 1886 г. здѣсь было 1.446 учебныхъ заведеній съ 49.118 учащимися, а къ 1-му января 1890 г., какъ мы видѣли, насчитывается уже 1.960 учебныхъ заведеній съ 60.575 учащимися; стало быть, за четырехлѣтній періодъ количество учебныхъ заведеній возросло на 514, или на 35,5%, а количество учащихся—на 11.457 человекъ, или на 23,3%. между тѣмъ какъ населеніе за это время возросло лишь на 6,1% — на 316.631 душу¹⁾; ясно, что школьно-учебное дѣло за такой короткій промежутокъ развилось и абсолютно, и относительно: въ 1885 г. одно учебное заведение приходилось на 3.612,3 жителя, а въ 1889 г.—на 2.826,5 жителя; въ 1885 г. одинъ учащійся приходился на 106,3 душъ, а 1889 г.—на 91,4 душъ; въ 1885 г. на учебное заведение приходится, въ среднемъ, 33,9 учащихся, а въ 1889 г.—30,9 учащихся.

Само собою разумѣется, уровень школьно-учебнаго дѣла замѣтно различенъ и не съ одинаковой быстротой развивается въ мужскомъ и женскомъ населеніи. Въ общемъ вышеприведенномъ контингентѣ учащихся въ учебныхъ заведенияхъ 60.575 человекъ было 45.700 маль-

¹⁾ Къ 1-му января 1890 г. населеніе простиралось до 5.223.298 душъ: 2.720.409 мужчинъ и 2.502.889 женщинъ.

чиковъ и 14.875 дѣвочекъ, то-есть, первые составляютъ 75,4%, а послѣднія лишь 24,6%. Это значить: изъ 1.000 душъ мужскаго пола въ учебныхъ заведеніяхъ обучалось 12 мальчиковъ, а изъ 1.000 душъ женскаго пола—лишь 5,6 дѣвочекъ; учащіеся мальчики составляютъ 1,6% мужскаго населенія, а учащіяся дѣвочки—лишь 0,56% женскаго населенія; въ учебныхъ заведеніяхъ обучается: изъ среды мужскаго населенія одинъ изъ 63,4, а изъ среды женскаго населенія одна изъ 177,6 женщинъ. Столь же различенъ былъ ростъ школьно-учебнаго дѣла въ обоихъ полахъ за послѣдніе 4 года: количество учащихся мальчиковъ возросло на 9.970 (съ 36.770 до 45.700), или на 26,8%, а количество учащихся дѣвочекъ на 2.527 (съ 12.348 до 14.875 душъ), или на 20,5%. Но не одинаковый уровень школьно-учебнаго дѣла въ обоихъ полахъ замѣчается не въ одной Сибири, и все-же школьно-учебное дѣло женскаго населенія Сибири прогрессируетъ: въ 1885 г. обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ изъ 1.000 женщинъ лишь 4,6 дѣвочки, а въ 1889 г.—5,6 дѣвочекъ; въ 1885 г. учащіяся дѣвочки составляли 0,6% женскаго населенія, а въ 1889 г.—0,56%; въ 1885 г. въ учебныхъ заведеніяхъ обучалась одна изъ 202,7 женщинъ, а въ 1889 г.—одна изъ 177,6 женщинъ. Въ сравненіи съ Европейскою Россіей школьно-учебное дѣло въ женскомъ населеніи, бесспорно, преобладаетъ еще въ очень позавидномъ положеніи: тамъ въ земскихъ губерніяхъ, по даннымъ того же Центрального статистическаго комитета, въ 1886 г. одна ученица въ начальныхъ училищахъ приходилась на 199 жителей, а въ губерніяхъ не земскихъ—на 376 жителей, въ Сибири же въ 1889 г. одна ученица *въ учебныхъ заведеніяхъ вообще* приходилась на 372 жителей, а въ 1886 г.—на 473 жителя; стало быть, оно значительно хуже не только въ сравненіи съ земскими, но даже и съ не земскими губерніями. Но важно то, что нынѣ въ Сибири уже трудно найти такой уголокъ, гдѣ въ школахъ не обучались бы дѣвочки, а лѣтъ 30—40 назадъ такіе уголки составляли общее явленіе. Правда (и это достойно всякаго сожалѣнія), ростъ школьно-учебнаго дѣла въ женскомъ населеніи шелъ не вполне ровнымъ съ ростомъ въ мужскомъ населеніи; въ послѣднемъ онъ былъ выше въ 1885 г. въ 2,7, а въ 1889 г.—въ 2,8 разъ; однако же, школьно-учебное дѣло въ женскомъ населеніи подвинулось впередъ и улучшилось какъ абсолютно (въ 1,2 раза), такъ и относительно (въ 1,14 разъ): это наглядно видно при анализѣ контингента дѣтей школьнаго возраста. По таблицѣ Бунаковскаго въ Сибири въ 1889 г. должно было быть около 928.468 дѣтей школьнаго возраста; въ учеб-

ныхъ же заведеніяхъ обучалось, какъ мы видѣли, только 60.575, то-есть, около 6,6%. Отдѣльно по поламъ дѣтей школьнаго возраста должно было быть—мальчиковъ 468.006 и дѣвочекъ 460.462, обучалось же въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мы видѣли, 45.700 мальчиковъ и 14.875 дѣвочекъ; стало быть, мальчики, обучавшіеся въ учебныхъ заведеніяхъ въ 1889 г., составляли 9,7% мальчиковъ школьнаго возраста, а дѣвочки—3,2% дѣвочекъ школьнаго возраста. А между тѣмъ, только четыре года назадъ въ 1885 г. контингентъ дѣтей, обучавшихся въ учебныхъ заведеніяхъ, составлялъ 5,6% дѣтей школьнаго возраста, а именно: 8,4% мальчиковъ школьнаго возраста и 2,8% дѣвочекъ школьнаго возраста.

Попробуемъ теперь обозрѣть положеніе школьно-учебнаго дѣла, хотя приблизительно, отдѣльно въ городахъ и въ округахъ Сибири. Изъ всѣхъ 1.960 учебныхъ заведеній на города приходится 363, а на округа 1.607, то-есть, на первые 18%, а на послѣдніе—82%; между тѣмъ какъ окружное населеніе составляло, приблизительно, 91,6% всего сибирскаго населенія. Стало быть, количество учебныхъ заведеній въ городахъ абсолютно было меньше въ 4,8 разъ, а относительно—больше въ 2½ раза. Что же касается контингента обучавшихся въ учебныхъ заведеніяхъ, то изъ 60.575 человекъ приходится на города 24.576, а на округа 35.999, то-есть, на первые 40,6%, а на послѣдніе—59,4%. Стало быть, количество учащихся въ городахъ абсолютно меньше количества учащихся въ округахъ въ 1½ раза, а относительно больше въ 7½ разъ. Сопоставляя эти данныя съ соответствующими данными за 1885 г., мы убѣдимся въ несомнѣнномъ прогрессѣ школьно-учебнаго дѣла въ округахъ: въ послѣднихъ тогда число учебныхъ заведеній было относительно меньше, чѣмъ въ городахъ въ 3,2 раза (теперь въ 2½ раза), а число учащихся было относительно меньше въ 7,7 разъ (нынѣ въ 7,8). Въ 1885 г. въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучался одинъ изъ 18,4 душъ городского населенія; въ 1889 же году въ первыхъ одинъ изъ 18,2 душъ, а въ послѣднихъ—одинъ изъ 141,4 душъ; въ 1885 г. приходилось одно учебное заведеніе въ городахъ, на 1.341,2 жителей и на 79,8 учащихся, а въ округахъ—на 4.224 жителей и на 23,8 учащихся, въ 1889 же году въ городахъ—на 1.238 жителей и на 67,7 учащихся; и въ округахъ—на 3.167,7 жителей и на 22,4 учащихся. Все это показываетъ, что школьно-учебное дѣло въ округахъ отнюдь не отстаютъ изъ statu quo.

Но еще важнѣе для насъ тотъ фактъ, что въ окружномъ населе-

ни все болѣе и болѣе укрѣпляется потребность въ обученіи дѣвочекъ. Анализируя контингентъ учащихся въ городскихъ и окружныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мы видимъ вотъ что: къ 1-му января 1890 г. въ контингентѣ учащихся въ городскихъ школахъ дѣвочки составляютъ 34,1%, а въ окружныхъ школахъ—18,1%: здѣсь какъ бы маленькое отступленіе противъ 1885 г., когда учащіяся дѣвочки составляли въ городахъ 33,8% а въ округахъ 18,2%. Но въ общемъ же не можетъ быть и сравненія съ тѣмъ, что было гдѣтъ 30—40 назадъ, когда въ городахъ еще тамъ и сямъ попадались въ школахъ рѣдкіе экземпляры учащихся дѣвочекъ, а въ округахъ онѣ совершенно отсутствовали въ школахъ. А въ отчетномъ 1889 г. мы находимъ ихъ всюду въ довольно замѣтныхъ размѣрахъ, увеличившихся даже за послѣдніе 4 года: въ 1885 г. изъ 1.000 душъ мужскаго населенія обучалось въ городахъ 66 м., а въ округахъ — 8,8 м.; изъ 1.000 душъ женскаго населенія—въ городахъ 40 ж., а въ округахъ 2,1 ж., между тѣмъ какъ въ 1889 г. мы видимъ, что изъ 1.000 душъ муж. пола обучается въ учебныхъ заведеніяхъ въ городахъ 66 м., а въ округахъ 11 м., а изъ 1.000 душъ женскаго пола—въ городахъ 41 ж. и въ округахъ — 2,8 ж. Стало быть, въ 1885 г. школьное образованіе въ округахъ слабѣе, чѣмъ въ городахъ—для мужскаго населенія въ 7,4 разъ, а для женскаго — въ 19,2 разъ, между тѣмъ какъ въ 1889 г. оно слабѣе въ округахъ—для мужскаго населенія только въ 6 разъ, а для женскаго населенія только въ 15,8 разъ: относительный замѣтный прогрессъ для населенія округовъ вообще очевиденъ. Въ 1885 г. приходился одинъ учащійся въ учебныхъ заведеніяхъ мальчикъ—въ городахъ на 15,4 мужчинъ и въ округахъ на 113,8 душъ мужскаго населенія; въ 1889 же году онъ приходится—въ городахъ на 16,2 м. и въ округахъ на 82,8 м. Одна учащаяся въ учебныхъ заведеніяхъ дѣвочка приходилась въ 1885 г. въ городахъ на 24,7 д. женскаго населенія и въ округахъ на 474,8 д., въ 1889 же году она приходится—въ городахъ на 24,1 д. и въ округахъ—на 376,3 ж.

Въ вышеприведенный итогъ 1.960 учебныхъ заведеній кромѣ начальныхъ школъ, къ которымъ отнесены нами не только приходскія и сельскія школы, но еще и городскія школы, уѣздныя училища и женскіяprogимназіи (4-хъ-классныя) Вѣдомства Императрицы Маріи,—входятъ нѣкоторые спеціальныя и среднія учебныя заведенія, сгруппированныя исключительно по городамъ. Въ категорию этихъ „среднихъ“ отнесены нами: 6 мужскихъ классическихъ гимназій съ 1.226 учащимися, енисейская и якутская мужскія ше-

стигласныя прогимназіи съ 151 учащимся, 6 женскихъ гимназій съ 1.305 учащимися, тобольская маринская семиклассная женская школа съ 184 учащимися, да иркутскій двѣичій институтъ съ 121 учащеюся, 3 реальныя училища съ 345 учащимися, омское техническое съ 71 учащимся и иркутское промышленное съ 189 учащимися, сибирскій кадетскій корпусъ съ 361 учащимся, да иркутскіи военная прогимназія и юнкерское училище съ 106 учащимися, 4 духовныхъ семинаріи съ 468 учащимися, барнаульское горное училище со 160 учащимися и 3 учительскихъ семинаріи съ 202 учащимися, — всего, стало быть, тридцать два учебныхъ заведенія съ 4.889 учащихися [3.279 м. и 1.610 дѣв.]¹⁾. Любопытно, что количество учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Сибири за послѣдніе четыре года *уменьшилось* на 317 чел. — 284 м. и 33 д., а именно: въ 6-ти мужскихъ классическихъ гимназіяхъ оно уменьшилось на 135 уч., или на 9,9%, [вмѣсто 1.361—1.226], въ тобольской маринской женской школѣ на 56, или на 23,3%, [вмѣсто 240—184], въ 3 реальныя училищахъ на 22, или на 6%, [вмѣсто 367—345], въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ и иркутскихъ военныхъ прогимназій и юнкерскомъ училищѣ на 125, или на 21,1%, [вмѣсто 592 — 467], въ духовныхъ семинаріяхъ на 23, или на 4,7%, [вмѣсто 491—468], въ енисейской и якутской прогимназіяхъ — на 5 ч. [вмѣсто 156—151], въ барнаульскомъ горномъ училищѣ на 13 ч., или на 9% (вмѣсто 177—160); увеличилось количество учащихся только: въ женскихъ гимназіяхъ на 18 д.²⁾, или на 1,4%, [вмѣсто 1.287 — 1.305], въ иркутскомъ женскомъ институтѣ на 5 д., или на 4,8%, [вмѣсто 116 — 121], въ техническихъ школахъ — на 14 ч., или на 5,7%, [вмѣсто 246—260], да въ учительскихъ семинаріяхъ на 25, ч. или на 14,1%, [вмѣсто 177—202].

Итакъ, для болѣе строгаго итога начально-школьнаго дѣла въ Сибири изъ общаго контингента 1.960 учебныхъ заведеній съ 60.575 учащимися [45.700 м. и 14.875 д.] должно быть исключено 32 учебныхъ заведенія съ 4.889 учащимися, и исключено именно изъ контингента учащихся въ городахъ, на долю которыхъ останется — такимъ образомъ, 331 уч. заведеніе съ 19.687 учащимися [12.900 м. и

¹⁾ При обзорѣ отдѣльныхъ губерній мы ценного отступили отъ этой нормы по разнымъ соображеніямъ. Здѣсь же оставили для наглядности норму, приняту въ предыдущемъ обзорѣ.

²⁾ Надо замѣтить, что число женскихъ гимназій за это время увеличилось на двѣ, когда въ сущности число учащихся уменьшилось.

6.787 д.]. Это значить, что въ окончательномъ итогѣ въ городахъ одно начальное учебное заведеніе приходится на 1.357,7 душъ населенія и 59,3 учащихся, между тѣмъ какъ въ 1885 г. оно приходилось на 1.495,4 д. и 61,7 учащихся. Что же касается средняго образованія, то, какъ видно изъ предыдущаго, процентъ населенія, получающаго его, не особенно высокъ. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставляя приведенныя данныя съ населеніемъ, мы увидимъ, что среднее образованіе приходилось въ 1889 г. на долю лишь 113 человекъ изъ 100.000 душъ мужскаго населенія и всего 61 ч. изъ 100.000 душъ женскаго населенія: то-есть, имъ пользуется одинъ мальчикъ изъ 884,3 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 1.639,9 женщинъ и одинъ изъ 1.133,1 д. обоего пола. Выводъ далеко не изъ благоприятныхъ, онъ еще много безотраднѣе, чѣмъ четыре года тому назадъ—въ 1886 г., когда изъ 100.000 д. м. пола среднее образованіе получалъ 131 ч. и изъ 100.000 д. ж. п.—66 ч., когда среднимъ числомъ образованіемъ этимъ пользовался одинъ мальчикъ изъ 762,4 д. м. пола, одна дѣвочка изъ 1.523,4 д. женскаго пола и одинъ изъ 1.003,2 д. обоего пола. Тогда среднее образованіе выпадало на долю десяти изъ 93,6 мальчиковъ, получавшихъ начальное-школьное образованіе, и на долю десяти изъ 65-ти дѣвочекъ, посѣщавшихъ начальныя школы; теперь же оно приходится, въ среднемъ выводѣ, на долю десяти изъ 96,2 мальчиковъ, получавшихъ образованіе въ начальныхъ училищахъ и на долю десяти дѣвочекъ изъ 81,8 д., посѣщавшихъ начальныя школы. Надо, правда, замѣтить, что и во многихъ другихъ районахъ Европейской Россіи положеніе вещей въ этомъ отношеніи не блестящее, но все-же оно тамъ далеко выше стоитъ. На весьма невысокомъ уровнѣ стоитъ, напримѣръ, среднее образованіе въ Астраханской и Архангельской губерніяхъ, однако же оно приходится на долю—въ первой одного изъ 837,2 душъ обоего пола, а во второй—одного изъ 983,8.

Ближайшее наблюденіе убѣждаетъ насъ, что даже въ Европейской Россіи, а тѣмъ наче въ Сибири, среднее образованіе *de facto* (а отчасти и *de jure*) доступно въ весьма малой степени сельскому населенію. Погрѣшность съ нашей стороны будетъ весьма не велика, если мы отнесемъ все среднее образованіе на долю одного городского населенія; во всякомъ случаѣ, погрѣшность эта во многократъ меньше той, въ какую впадаютъ, относя среднее образованіе на долю *всего* населенія. При этой поправкѣ, стало быть, 32 учебныхъ заведеній съ 4.889 учащимися должны быть отнесены на долю лишь

449.393 душъ [246.731 м. и 202.662 ж.] городского населенія Сибири. Это значить вотъ что: среднее образованіе приходится на долю одного изъ 91,9 душъ обоого пола, а именно одного изъ 75,3 мужчинъ и одной изъ 125,9 женщинъ; начальнo-школьное же образованіе получаетъ одинъ изъ 22,9 душъ обоого пола—одинъ м. изъ 19 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 30 женщинъ. Другими словами, выводъ этотъ можно формулировать такъ: изъ контингента дѣтей, получающаго начальнo-школьное образованіе въ городахъ, среднее образованіе получили въ 1889 г.: 10 мальчиковъ изъ 40 да 10 дѣвочекъ изъ 42, или по 10 человекъ изъ 40,3 душъ обоого пола учащихся въ начальныхъ училищахъ. Изъ контингентъ, получающаго начальное образованіе въ городскихъ школахъ, дѣвочки составляютъ 34,4%, а получающаго среднее образованіе—32,9%, между тѣмъ какъ въ 1885 г. первый былъ 34%, а послѣдній—31,4%, то-есть, дѣвочки пропорціонально принимаютъ большее участіе въ среднемъ образованіи.

Чтобы нагляднѣе изобразить ростъ школьнаго дѣла въ Сибири за послѣдніе четыре года, прежде чѣмъ перейдти къ обзорнiю его въ отдѣльныхъ районахъ, сгруппируемъ главнѣйшія данныя въ таблицку:

	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Населеніе всего Сибирскаго района .	5.223.298	5.539.929
Въ томъ числѣ: а) мужчинъ .	2.720.409	2.899.665
б) женщинъ..	2.502.889	2.640.264
Количество учебныхъ заведеній	1.446	1.960
Въ томъ числѣ: въ городахъ	307	363
„ округахъ	1.139	1.597
Одно учебное заведеніе на число душъ:		
а) въ городахъ.	1.341,3	1.238
б) „ округахъ. . .	4.224	3.167,7
в) по всему сибирскому району	3.612,3	2.826,5
Количество учащихся	49.118	60.575
Въ томъ числѣ: а) мальчиковъ	36.770	45.700
б) дѣвочекъ	12.348	14.875
Одно учебное заведеніе на количество учащихся.	33,9	30,9
Одинъ учащійся на число душъ .	106,3	91,4
Количество учащихся въ городахъ	22.341	24.576
„ „ „ округахъ .	26.777	3.999

	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Среднее образованіе получаетъ одинъ изъ	79,9	91,9
Въ томъ числѣ въ мужскомъ населеніи		
одинъ изъ	64,8	75,8
Въ женскомъ населеніи одна изъ .	118,8	125,9
Обучалось дѣтей школьнаго возраста:		
а) въ городахъ.	0,35	0,32
б) „ округахъ.	0,024	0,022
в) по всей Сибири.	0,017	0,017

Б. Школьное дѣло въ отдѣльныхъ районахъ Сибири.

1. Тобольская губернія.

Населеніе Тобольской губерніи, разселенное на площади въ 25.021 кв. миль, къ январю 1890 г. простиралось до 1.396.582 душъ обоого пола, изъ которыхъ приходится на города 100.529 душъ (53.682 м. и 46.847 ж.) и на округа 1.296.053 души [656.418 м. и 639.635 ж.].

Въ 1889 г. въ распоряженіи этого населенія имѣлось учебныхъ заведеній: мужскихъ 37, женскихъ 13 и для обоого пола 582,— всего 578; изъ этого числа приходится на города 69 и на округа 509¹⁾, то-есть, изъ общаго числа учебныхъ заведеній приходилось въ городахъ 11,9%, а въ округахъ 88,1%. Сравнивая эти цифры абсолютно и относительно, видимъ, что абсолютно въ городахъ число учебныхъ заведеній меньше, чѣмъ въ округахъ въ 7,4 разъ, или на 762%; относительно же оно въ нихъ *больше* въ 1,7 разъ, или на 174%. Такимъ образомъ. за послѣдніе 4 года въ дѣлѣ народнаго образованія замѣчается несомнѣнный прогрессъ: понерныхъ, общее число учебныхъ заведеній увеличилось замѣтно — на 66,1% (вмѣсто 348 въ 1885 г. ихъ оказывался 578) и, восторыхъ, что самое главное, увеличеніе это произошло преимущественно въ округахъ, а не въ городахъ: въ первыхъ, число учебныхъ заведеній увеличилось на 73,7% (вмѣсто 293—509), а въ послѣднихъ—только на 25,8% (вмѣсто 55—69). Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ слабая сторона школьнаго дѣла въ Сибири до сихъ поръ, главнымъ образомъ, и состоитъ въ прогрессированіи его въ сельскомъ населеніи далеко не соразмѣрно съ прогрессомъ его въ городскомъ населеніи,

¹⁾ Въ томъ числѣ: 271 церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности.

благодаря тому, что послѣднее пользуется благами городского самоуправления, а окружное населеніе имъ обдѣлено въ виду отсутствія въ Сибири земскихъ учреждений. Повторяемъ, мы усматриваемъ утѣшительный шагъ впередъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ то время, какъ въ 1885 г. число учебныхъ заведеній въ городахъ было относительно больше, чѣмъ въ округахъ въ 3 раза, оно въ 1889 г. больше лишь въ 1,7 разъ, между тѣмъ какъ абсолютно оно замѣтно увеличилось и тамъ, и здѣсь.

Сравнивая количество учебныхъ заведеній въ губерніи съ ея населеніемъ, мы увидимъ, что вообще по губерніи въ 1889 г. приходилось одно учебное заведеніе на 2.416,2 д. обоаго пола, при чемъ въ городахъ—одно на 1.456,9 д., а въ округахъ на 2.546,2 д.,—опять-таки за 4 года довольно замѣтный прогрессъ: въ 1885 г. приходилось одно учебное заведеніе въ губерніи вообще на 3.869 д., въ городахъ на 1.440 д. и въ округахъ на 4,324 д. Стало быть, если по губерніи вообще число учебныхъ заведеній, пропорціонально съ населеніемъ, увеличилось въ 1,9 разъ, то въ отдѣльности оно въ городахъ даже уменьшилось (хотя и на ничтожную цифру—0,01), а въ округахъ увеличилось въ 1,7 разъ.

Въ 578-ми учебныхъ заведеніяхъ, которыми располагало населеніе Тобольской губерніи въ 1889 г., обучалось 15.529 дѣтей обоаго пола. Въ среднемъ это составляетъ 26,9 учащихся на одно учебное заведеніе (имѣсто 35,2 д. въ 1885 г.).

Въ общемъ числѣ 15.529 учащихся¹⁾ обоаго пола было 12.163 м. и 3.366 дѣвочекъ, то-есть, первые составляли 78,2%, а послѣдніи 21,7%: здѣсь передъ нами выводъ неблагопріятный сравнительно съ 1885 г., когда мальчики составляли лишь 73,2%, а дѣвочки—26,7% учащихся.

Если мы сравнимъ цифры учащихся съ цифрами населенія, то окажется слѣдующее: по губерніи вообще въ 1889 г. обучался одинъ изъ 89,9 д. обоаго пола, при чемъ въ мужскомъ населеніи обучался одинъ изъ 58,4 мужчинъ, а въ женскомъ—одна изъ 203,9 женщинъ. Опять-таки, сравнительно съ 1885 г. очевидный прогрессъ: въ 1889 г. учился одинъ изъ 118,7 д. об. п., а въ отдѣльности одинъ изъ 76,9 мужчинъ и одна изъ 220,9 женщинъ, то-есть, четыре года назадъ число учащихся было меньше не только абсолютно, но и отно-

¹⁾ Въ томъ числѣ 4.494 учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности.

нительно въ 1,32 раза, при чемъ число учащихся мальчиковъ было относительно меньше въ 1,317 разъ, а число учащихся дѣвочекъ— въ 1,081 разъ. Если здѣсь и кроется нѣчто не совсѣмъ благоприятно, такъ это то, что число учащихся дѣвочекъ (какъ отмѣчено уже выше) относительно увеличилось гораздо меньше, чѣмъ число учащихся мальчиковъ—на самую незамѣтную величину, а въ то время, какъ школьно-учебный уровень женскаго населенія Тобольской губерніи въ 1885 г. былъ относительно въ 2,9 разъ слабѣе уровня этого въ мужскомъ населеніи, онъ въ 1889 г. уже былъ относительно слабѣе въ 3,49 разъ,—результатъ весьма прискорбный!

Изъ общаго контингента учащихся въ 1889 г. 15.529 дѣтей обоего пола приходится: на города съ населеніемъ въ 100.529 душъ— 4.577 учащихся и на округа съ населеніемъ въ 1.296.053 душъ— 10.952 учащихся. Этотъ фактъ весьма любопытный: въ 1885 г. было въ городахъ 4.339 учащихся, а въ округахъ 7.004 учащихся, между тѣмъ какъ населеніе тогда простиралось въ городахъ до 79.240 душъ, а въ округахъ до 1.267.047 д.; стало быть, въ городахъ число учащихся уменьшилось въ 1,34 разъ, абсолютно же оно увеличилось на ничтожную величину—на 5,9%.

Въ городахъ учащиеся обоеихъ половъ, вмѣстѣ взятые, составляютъ къ 1890 г. 4,66% городскихъ обывателей, а въ округахъ 0,2% сельскихъ обывателей, а по всей губерніи—1,1% всего губернскаго населенія. Прогрессъ противъ 1885 г. несомнѣнный: тогда учащіеся составляли лишь 0,8 всего губернскаго населенія, то-есть, одинъ учащійся приходился на 125 душъ всего населенія, между тѣмъ какъ къ 1890 г. такой учащійся приходился на 91 душу населенія; при этомъ прогрессъ отразился весьма замѣтно въ сельско-окружномъ населеніи въ ущербъ городскому: въ первомъ, въ 1885 г. одинъ учащійся приходился на 181,8 душъ, а въ послѣднемъ—на 18,8 душъ населенія, между тѣмъ къ 1890 г. въ округахъ приходился одинъ на 117,8 д., а въ городахъ—одинъ на 21,8.

Обратимся къ разсмотрѣнію учащихся отдѣльно по поламъ въ городахъ и округахъ въ 1890 году. Изъ общаго числа учащихся къ 1890 г. въ 4.577 чел. было мальчиковъ 3.016 да дѣвочекъ 1.561; стало быть, первые составляли 65,9%, а послѣднія только 34,1%, между тѣмъ какъ въ 1855 г. дѣвочки составляли 36,8% всѣхъ учащихся. Что же касается обучавшихся къ 1890 г. въ окружно-сельскихъ училищахъ 10.952 чел., то мальчиковъ въ этомъ числѣ было 9.147, а дѣвочекъ 1.805, то-есть, первые составляли 83,2%, а по-

слѣднія—только 16,8%, цифры, рѣзко бьющія въ глаза своей неблагоприятностью: въ городахъ учащіяся дѣвочки составляли больше трети всѣхъ учащихся, въ округахъ же—меньше пятой части всѣхъ учащихся: въ городахъ на 1.000 учащихся приходится 341 дѣвочка, а въ округахъ на 1.000 учащихся лишь 165 дѣвочекъ; другими словами, на каждые 10 учащихся мальчиковъ дѣвочекъ приходится въ городахъ—6, а въ округахъ лишь около двухъ, между тѣмъ какъ въ 1885 г. на 10 учащихся мальчиковъ дѣвочекъ приходилось въ городахъ 5,8 а въ округахъ 2,8.

Изъ изложеннаго видно, что въ городахъ къ 1890 г. обучался одинъ мальчикъ изъ 17,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 30 женщинъ; въ округахъ же обучался одинъ мальчикъ изъ 71,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 854,4 женщинъ. Уровни начально-школьнаго образованія въ городахъ и округахъ Тобольской губерніи относились между собою, стало быть, къ 1890 г.—въ мужскомъ населеніи, какъ 17,8:71,8 а въ женскомъ, какъ 30:854,4. Другими словами, значить это вотъ что: въ городахъ Тобольской губерніи къ 1890 г. уровень начально-школьнаго образованія былъ выше, чѣмъ въ округахъ въ мужскомъ населеніи въ 4,03 разъ, а въ женскомъ—въ 11,81 разъ; разница между этими двумя уровнями въ 2,88 раза, между тѣмъ какъ въ 1885 г. разница эта не превышала 2,8 разъ, то-есть, измѣненіе замѣтное въ пользу начально-школьнаго образованія дѣвочекъ въ округахъ.

Теперь обратимся къ среднему образованію. Къ 1890 г. мы находимъ въ Тобольской губерніи 4 среднихъ учебныхъ заведеній: въ губернскомъ городѣ Тобольскѣ мужскую классическую гимназію съ 131 учащимся, духовную семинарію съ 184 уч., 7-миклассную Маріинскую женскую школу (вѣдомства Императрицы Маріи) съ 184 уч., да въ г. Тюмени Александровское реальное училище съ 158 учащимися, то-есть, оказывается, что во всѣхъ четырехъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось въ 1890 г. съ 653 учащимися—469 м. и 184 дѣв., крупный регрессъ не только относительно, но и *абсолютно* сравнительно съ 1885 г.! Тогда въ мужск. гимназіи было 224 учащихся, въ духовной семинаріи 186 уч., въ Маріинской женск. школѣ 240 уч. и въ реальномъ училищѣ—158 уч.,—всего 808 чел.—568 мальчиковъ и 240 дѣвочекъ. Стало быть, абсолютно число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уменьшилось за 4 года въ 1,23 раза, а относительно даже въ 1,20 разъ: при чемъ въ частности уменьшилось абсолютно число учащихся въ мужск. класс. гимназіи на

41,2%, въ дух. семинаріи на 1,1%, Маріинской женск. шкoлѣ на 23,2% и осталось statu quo (то-есть, относительно уменьшилось) въ реальномъ училищѣ. Выводъ для средняго образованія въ губерніи далеко неблагоприятный, въ особенности для мужской гимназіи и для Маріинской школы!

Распредѣляя учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по поламъ сравнительно съ населеніемъ, мы видимъ, что въ 1890 году среднее образованіе получалъ вообще въ губерніи одинъ изъ 3.138,7 душъ населенія обоаго пола, и въ частности въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 1514,1, а въ женскомъ населеніи губерніи—одна изъ 3.676,5. Сопоставляя съ контингентомъ, получившимъ начальнo-школьное образованіе, окажется, что по всей губерніи среднее образованіе приходилось на долю одного изъ 84,9 получавшихъ начальное образованіе, именно въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 26,9 получавшихъ начальное образованіе, а въ женскомъ населеніи одна изъ 18-ти: рѣзкая равница съ 1885 годомъ, когда по губерніи получалъ среднее образованіе одинъ изъ 14 д. об. пола, получившихъ начальное образованіе, и въ частности въ мужск. населеніи одинъ изъ 15-ти получавшихъ начальное образованіе, а въ женскомъ—одна изъ 8,1.

Для болѣе отчетливаго представленія о состояніи народнаго образованія въ губерніи выдѣлимъ изъ общаго числа учебныхъ заведеній и учащихся въ городахъ эти четыре среднихъ учебныхъ заведенія съ ихъ 653-мя учащимися. Тогда остается въ 1890 г. въ городахъ 65 учебн. завед. съ 3.924 учащимися, что составляетъ въ среднемъ одно учебное заведеніе на 1.546,4 д. населенія (об. пола) и на 60,4 учащихся. Распредѣляя цифры эти по поламъ, мы видимъ: на мужское населеніе въ 53.683 д. приходится 2.547 учащихся, а на женское населеніе въ 46.847 д.—1.377 уч., то-есть, въ городахъ обучалось въ начальныхъ школахъ: одинъ изъ 21,1 муж. и одна изъ 34 женщинъ; въ округахъ же одинъ изъ 71,9 мужчинъ и одна изъ 354,4 женщинъ. И этотъ итогъ не совсѣмъ благоприятенъ для 1889 г. для городовъ вообще и въ особенности для округовъ относительно женскаго населенія: въ 1885 г. въ начальныхъ школахъ обучалось—въ городахъ: одинъ изъ 20,6 мужч. и одна изъ 25,8 женщинъ, а въ округахъ—одинъ изъ 113,7 м. и одна изъ 441,6 женщинъ.

Безъ особенной погрѣшности можно отнести среднее образованіе исключительно насчетъ городского населенія, и тогда окажется, что къ 1890 г. одно среднее учебное заведеніе приходилось на 25.132 д.

населенія и на 163 учащихся (въ 1885 г. одно учебн. зав. на 19.810 душъ и на 202 уч.); при этомъ изъ мужскаго городского населенія среднее образованіе получалъ одинъ изъ 114,6 мужч. (въ 1885 г. одинъ изъ 78,6 м.) и одна изъ 254,6 женщинъ (въ 1885 г. одна изъ 144,2 ж.). Ясно, что для средняго образованія оказывается рѣшительный регрессъ: въ 1889 г. получаетъ среднее образованіе въ мужск. населеніи одинъ изъ 5,4 мужч., получившихъ начальное образованіе, а въ 1885 г.—одинъ изъ 3,8; въ 1889 г. получаетъ среднее образованіе въ женскомъ населеніи одна изъ 7,5 женщинъ, получившихъ начальное образованіе, а въ 1885 г.—одна изъ 5,7 ж. Еще нагляднѣе: изъ 10.000 душъ городского населенія получили образованіе:

	Въ мужск. населеніи.		Въ женск. населеніи.	
	Начальное.	Среднее.	Начальное.	Среднее.
въ 1885 г.	488	127	891	69
„ 1889 „	473,9	87,2	294,1	39,2

Школьное дѣло въ городахъ губерніи, разумѣется, не на одинаковомъ уровнѣ. Всѣ преимущества на сторонѣ губернскаго города Тобольска, на долю котораго изъ 4-хъ среднихъ учебныхъ заведеній приходится три, да и изъ 65 начальныхъ училищъ приходится 15, то-есть, на долю его одного приходится 26,1%, или больше одной четверти, а на долю остальныхъ 9-ти городовъ—51 учебн. заведеніе, и въ томъ числѣ одно среднее (реальное училище въ Тюмени). Изъ общаго числа 4.577 ч. учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ на Тобольскъ приходится 1.727, или 37,7%: немногимъ меньше двухъ пятыхъ всѣхъ учащихся. Въ томъ числѣ изъ 658 учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на долю Тобольска приходится 495 уч., или 75,2%, а изъ 3.924 учащихся въ начальныхъ училищахъ на долю Тобольска приходится 1.074, или 27,1%, а именно изъ 2.547 мальчиковъ—645 м., или 25,3%, а изъ 1.377 дѣв. — 429 д., или 31,1%. Уже эти цифры показываютъ, что девять окружныхъ городовъ Тобольской губерніи въ школьномъ дѣлѣ значительно отстали отъ Тобольска, населеніе котораго къ 1890 г. составляло лишь около четвертой части городского населенія всей губерніи.

Чтобы рѣвче представить ходъ школьнаго дѣла за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, достаточно внимательно разсмотрѣть слѣдующую таблицу:

	Въ 1878 г.	Въ 1882 г.	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Колич. учебн. заведеній	267	299	348	578
Изъ нихъ:				
а) въ г. Тобольскѣ.	12	14	18	18
б) въ окружн. городахъ	31	33	37	51
в) въ округахъ	224	252	293	509
Въ томъ числѣ:				
а) мужскихъ .	31	36	37	37
б) женскихъ .	15	15	26	13
в) для обоого пола .	221	248	294	528
Одно учебн. зав. приходится:				
а) въ городахъ на	1.498	1.572	1.441	1.456,9
б) въ округахъ на .	5.134	5.846	4.324	2.546,8
в) по всей губерніи на	4.548	4.254	3.868	2.416,2
Количество учащихся:				
а) въ городахъ .	3.445	3.740	4.389	4.577
б) въ округахъ	4.969	5.982	7.004	10.952
в) по всей губерніи	8.414	9.722	11.343	15.529
Изъ нихъ: 1) мальчиковъ:				
а) въ городахъ	2.270	?	2.744	3.016
б) въ округахъ .	4.165	?	5.568	9.147
в) по всей губерніи	6.435	7.389	8.312	12.163
2) дѣвочекъ:				
а) въ городахъ.	1.175	?	1.595	1.561
б) въ округахъ .	804	?	1.436	1.805
в) по всей губерніи	1.979	2.303	3.031	3.366
Изъ общаго количества:				
а) мальчиковъ	6.435	7.389	8.312	12.163
б) дѣвочекъ	1.979	2.303	3.031	3.366
Процентъ учащихся:				
а) мальчиковъ	76,6	74,89	73,86	78,8
б) дѣвочекъ	23,5	25,11	26,70	21,7
Процентъ учащихся къ населенію:				
а) въ городахъ	5,4	5,08	5,39	4,88
б) въ округахъ	0,4	0,49	0,55	0,85

Стало быть, за сравнительно небольшой 12-лѣтній періодъ количество учебныхъ заведеній въ Тобольской губерніи увеличилось абсолютно на 311, то-есть, на 116,5%, а *относительное* увеличеніе этого количества выражается 88,2%. Въ городахъ число учебныхъ заведеній увеличилось на 26, или на 60,5% абсолютно и только на 2,5% относительно; въ округахъ же число учебныхъ заведеній увеличилось на 285, или абсолютно на 127,2%, относительно же на 101,6%.

Обращаясь къ количеству учащихся, ъимъ видимъ изъ таблички, что за этотъ же періодъ (1878—1879) оно возросло весьма замѣтно, почти вдвое—съ 8.414 до 15.529: абсолютно возросло оно на 7.115 уч., или на 84,2%, что составляетъ среднее годовое абсолютное приращеніе въ 7,02%, или на 593 учащихся; относительно же число учащихся увеличилось на 32%. Въ отдѣльности число учащихся возросло въ городахъ на 1.132 учащихся, или абсолютно на 32,9%, относительно же оно уменьшилось даже на 15,1%¹⁾; въ округахъ же оно возросло абсолютно на 5.983 учащихся, что составляетъ 120,5%, или абсолютное среднее годовое приращеніе въ 10,02%, и относительно оно въ округахъ возросло на замѣтный процентъ—96,6%, ибо въ 1878 г. здѣсь приходился одинъ учащійся на 231,1 душу общаго населенія, а въ 1889 г. одинъ уч. на 117,6 душъ. Благопріятный ходъ школьнаго дѣла въ округахъ здѣсь рѣзко бросается въ глаза; относительный же застой и отчасти даже регрессъ въ школьномъ городскомъ дѣлѣ обуславливается, вѣроятно, какими либо временными случайными причинами. Въ губерніи же вообще школьное дѣло безусловно и замѣтно растетъ: менѣ четверти вѣка назадъ, въ 1869 г. число учащихся простиралось лишь до 6.407 чел.; за девятилѣтній періодъ оно возросло до 8.414 (въ 1878 г.), или на 31,2%, за слѣдующія 7 лѣтъ—до 11.343 (въ 1885 г.)—на 34,2%, а за послѣдніе 4 года—до 15.529 (въ 1889 г.)—на 36,9%. Другими словами среднее годовое приращеніе составляло: въ девятилѣтіе 1869—1878 г. 3,47%; въ семилѣтіе 1878—1885 4,07%, а въ четырехлѣтіе 1885—1889 гг. 9,22%.

Академикъ Вунлювскій школьнымъ возрастомъ признаетъ вмѣстѣ съ другими возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ, и по его же вычисленіямъ въ Россіи дѣти школьнаго возраста составляютъ 16,14% мужскаго и 17,44% женскаго населенія. Къ 1890 г., какъ мы видѣли, насе-

¹⁾ Въ 1878 г. въ городахъ приходился одинъ учащійся на 18,6 жителей, а въ 1889 г.—одинъ на 21,м.

леніе Тобольской губерніи простиралось до 710.100 д. мужчинъ и 686.482 женщины. Стало быть, число дѣтей школьнаго возраста можетъ быть вычислено приблизительно въ цифрахъ около 114.610 мальчиковъ и около 119.722 дѣвочекъ, всего дѣтей школьнаго возраста обоего пола приблизительно около 234.332. Мы же видѣли, что къ 1890 г. во всѣхъ училищахъ Тобольской губерніи обучалось дѣтей обоего пола не болѣе 15.529; стало быть, говоря безотносительно, школьное дѣло здѣсь стоитъ еще на весьма невысокомъ уровнѣ: вѣдь оказывается, что здѣсь посѣщала учебныя заведенія только *пятнадцатая* часть дѣтей школьнаго возраста $\frac{1}{6,6\%}$ — мальчиковъ 0,106 шк. возраста, а дѣвочекъ—0,28 шк. возраста. Для смилженія этого недріятнаго впечатлѣнія можемъ лишь напомнить, что въ обзорѣ нашего, напечатаннаго въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1888 г., видно, что тогда число учащихся въ Тобольской губерніи составляло лишь около *двадцатой* части дѣтей шк. возраста, при чемъ уч. мальчики составляли только 0,08 шк. возраста, дѣвочки же составляли почти тотъ же процентъ, что теперь.

Само собою разумѣется, эти проценты въ городахъ и округахъ отнюдь не одинаковы. Изъ приведенныхъ выше цифръ городского и окружнаго населенія по поламъ въ 1890 г. легко вычислить по нормѣ Цупиковскаго, что въ 1889 г. должно было быть дѣтей школьнаго возраста—въ городахъ: мальчиковъ около 8.664, а дѣвочекъ—около 8.170; въ округахъ же—мальчиковъ шк. возр. около 105.946, а дѣвочекъ—около 111.552 д. Учащихся, какъ мы видѣли выше, было: въ городахъ—мальчиковъ 3.016 и дѣвочекъ 1.561, а въ округахъ—мальчиковъ 9.147 и дѣвочекъ 1.805. Стало быть, въ городахъ школа была доступна 0,27 дѣтей школьнаго возраста: 0,28 мальчиковъ и 0,19 дѣвочекъ; въ округахъ же школы посѣщало всего 0,08 дѣтей школьнаго возраста: мальчиковъ—0,08 и дѣвочекъ 0,016.

Вотъ каково положеніе школьнаго дѣла въ Тобольской губерніи. Оно прогрессируетъ, но далеко отъ удовлетворительнаго состоянія. „Число элементарныхъ правительственныхъ школъ“, — констатируетъ officialный отчетъ за 1889 г., — „оказывается далеко недостаточнымъ для Тобольской губерніи, какъ по цифрѣ населенія, такъ и по географическому положенію ея. Сельскія училища болѣею частью находятся въ селахъ, а деревни, расположенныя въ значительныхъ отъ нихъ расстояніяхъ и часто превышающія числомъ жителей самыя села, остаются безъ школъ и по необходимости довольствуются малограмотными поселенцами, которыхъ болѣею частію, по нрав-

ственнымъ ихъ качествамъ, нежелательно было бы видѣть въ званіи преподавателей". Кроме того, какъ констатируется въ томъ же отчетѣ, „неполнѣ удовлетворительное состояніе народнаго образованія зависитъ отъ недостаточнаго надзора за сельскими училищами, такъ какъ въ губерніи не существуетъ училищныхъ совѣтовъ", объ учрежденіи которыхъ возбуждено уже ходатайство 20-го октября 1887 года.

II. Томская губернія.

На площади въ 15.476 кв. миль, занимаемой Томской губерніей, населеніе къ 1-му января 1890 г. простиралось до 1.351.360 душъ об. пола—694.699 м. п. и 656.661 ж. п. Цифра эта лишь приблизительная, ибо, къ сожалѣнію, въ оборотахъ губерніи за послѣдніе годы приводится лишь общая цифра населенія безъ подраздѣленія его по поламъ и по городамъ и округамъ, такъ что, пользуясь данными за 1883—1885 годы и коэффициентами рождаемости и смертности, данными о сильныхъ и переселенцахъ, намъ пришлось вычислить цифры населенія по поламъ и подраздѣленія его по городамъ и округамъ, имѣя въ рукахъ лишь косвенныя указанія; но эти приблизительныя величины, во всякомъ случаѣ, близки къ дѣйствительности и въ дѣлаемые нами выводы вносятъ лишь незначительныя погрѣбности.

Въ распоряженіи этого населенія состояло въ 1889 г. 451 учебное заведеніе, считая и университетъ, или правильнѣе 450, такъ какъ университетъ служить всему сибирскому населенію, а отчасти и Европейской Россіи. Если мы припомнимъ, что къ 1886 г. въ Томской губерніи было всего 265 учебныхъ заведеній, то прогрессъ въ количествѣ школъ рѣзко бросится въ глаза: за 4 года увеличеніе на 185 школъ, или 69,8%, въ то время какъ населеніе увеличилось только на 13%, увеличеніе весьма крупное и шумително: это составляетъ среднее годовое увеличеніе въ 46 школъ, или абсолютное въ 17,8% и относительное—въ 13,86%. Въ 1885 г. одно учебное заведеніе въ губерніи приходилось на 4.513 душъ об. пола, а въ отчетномъ 1889 г.—на 3.003 души.

Этотъ успѣхъ тѣмъ ошутительнѣе и отраднѣе, что онъ, главнымъ образомъ, приходится на округа, то-есть, на сельское населеніе. Изъ 450 учебныхъ заведеній на города приходится лишь 63, или 14%, а на округа 387, или 86% ¹⁾, между тѣмъ какъ въ 1885 г. учебныхъ за-

¹⁾ Нужно замѣтить, что замѣтное увеличеніе школъ въ округахъ въ значительной степени объясняется церковно-приходскими и миссіонерскими школами: верныхъ въ 1889 г. было 103, а послѣднихъ 33.

веденія губерніи распредѣлялись такъ: на города 21,1%, и на округа—78,9%. Городское населеніе за этотъ промежутокъ времени увеличилось на 3,6%, а окружное на 14%, количество же школъ увеличилось въ городахъ на 7 (12,6%), а въ округахъ на 178 (85,1%), то-есть, абсолютно число школъ увеличилось въ городахъ почти въ 6 разъ меньше, чѣмъ въ округахъ, и относительно въ 1½ раза: въ 1885 г. приходилось одно учебное заведеніе въ городахъ на 2.021 душу и въ округахъ—на 5.181 д., а въ 1889 г.—въ городахъ на 1.861 душу и въ округахъ—на 3.188,9 д.

Во всѣхъ 450 учебныхъ заведеніяхъ обучалось въ 1889 г. 15.023 чел. об. пола, что составляетъ въ среднемъ на каждое учебное заведеніе 33,4 учащихся и одного учащагося на 90 душъ обоюго пола населенія. Значительный шагъ впередъ сравнительно съ 1885 г. опять очевиденъ: количество учащихся увеличилось на 4.220 чел. (съ 10.803 до 15.023), или на 39,1%, что составляетъ среднее годовое увеличеніе на 1.055 чел. (9,6%); въ 1885 г. на учебное заведеніе приходилось въ среднемъ по 40,8 учащихся и одинъ учащійся на 108,8 д. населенія, а въ 1889 г. на учебное заведеніе по 33,4 учащихся и обучался уже одинъ изъ 90 душъ об. пола. И опять еще рѣзче выступаетъ тотъ фактъ, что самый осязательный успѣхъ за этотъ небольшой періодъ времени приходится на округа, а не на города. Въ то время какъ въ 1885 г. на города изъ общаго контингента учащихся приходилось 46,24% (изъ 10.803—4.955) въ 1889 г. приходится на округа 62,6% (9.394 уч.), а на города только 37,6% (5.629 уч.); число учащихся въ городахъ за это время возросло на 674 ч., то-есть, на 13,9%, что составляетъ абсолютное среднее годовое увеличеніе на 3,4% (169 ч.); въ округахъ же за это время число учащихся увеличилось на 3.586 учащихся, или на 61,6%, а это составитъ среднее абсолютное годовое увеличеніе на 15,26%, на 896 ч. уч. Въ 1885 г. число учащихся въ городахъ было абсолютно меньше, чѣмъ въ округахъ въ 1,3 раза и относительно въ восемь разъ больше; въ 1889 г. оно въ городахъ абсолютно меньше въ 1,7 разъ, а относительно больше только въ 6,3 раза: въ 1885 г. обучался въ городахъ одинъ изъ 22,7 душъ населенія и въ округахъ одинъ изъ 186,8 душъ, въ 1889 же году въ городахъ одинъ изъ 20,8 д., а въ округахъ—одинъ изъ 131,4 д. Въ 1885 г. учащіяся въ городахъ составляли 4,4% гор. населенія, а въ округахъ 0,4% окр. населенія; въ 1889 же году они составляютъ въ городахъ—4,3%, въ округахъ—0,7% сельского населенія.

Разсмотримъ теперь контингентъ учащихся по поламъ. Въ общую массу 15.023 учащихся входитъ 11.198 мальчиковъ и 3.825 дѣвочекъ; послѣднія, стало быть, составляютъ 25,5%, а первые 74,5% всѣхъ учащихся: процентныя отношенія почти не измѣнились сравнительно съ 1885 годомъ, когда дѣвочки составляли 25%, а мальчики—75%, учащагося контингента, по уровеньъ въ томъ и другомъ полѣ безспорно поднялся: въ 1885 г. обучался въ мужскомъ населеніи губервіи одинъ изъ 75,6 и въ женскомъ одна изъ 216,9; въ 1889 же году обучается въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 62 и въ женскомъ—одна изъ 171,7; отношенія же между уровнями школьно-учебнаго дѣла для обоихъ половъ сильно измѣнились: уровеньъ его въ земскомъ населеніи ниже, чѣмъ въ мужскомъ—въ 1885 г. въ 2,7, а въ 1889 г.—въ 2,83 раза.

Совсѣмъ не то увидимъ при разсмотрѣніи школьно-учебнаго дѣла по поламъ въ городахъ и въ округахъ отдѣльно. Общій контингентъ учащихся (въ 1889 г.) въ городахъ состоитъ изъ 3.649 мальч. и 1.980 дѣв., а въ округахъ—изъ 7.549 мальч. и 1.845 дѣв. Стало быть, дѣвочки составляютъ въ городахъ 35,2%, а въ округахъ 19,6%, между тѣмъ какъ въ 1885 г. онѣ составляли 33,8% въ городахъ и 17,2% въ округахъ изъ общаго контингента учащихся, то-есть, если въ средѣ женскаго населенія школа и нынѣ все еще не имѣетъ того права гражданства, какимъ она пользуется въ средѣ мужскаго населенія, то все же успѣхъ замѣтенъ и въ этомъ отношеніи. Это,—вообще говоря и въ особенности относительно округовъ: въ 1885 г. въ послѣднихъ учащихся дѣвочекъ было 1.001, когда въ городахъ ихъ было 1691, то-есть, оно было абсолютно меньше на 690 д., или на 68,9%; въ послѣднемъ же 1889 г. количество учащихся дѣвочекъ въ округахъ меньше, чѣмъ въ городахъ только на 135, или абсолютно на 7,2%; относительно разницы между уровнями школьно-учебнаго дѣла половъ въ городахъ и округахъ замѣтно измѣнилась: въ 1885 г. въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 18,3 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 31,1 женщ., а въ округахъ—одинъ м. изъ 114,8 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 530,6 женщинъ, то-есть, тогда отношеніе учащихся мальчиковъ ко всему мужскому населенію было въ 6,8 раза больше въ городахъ, чѣмъ въ округахъ, а отношеніе учащихся дѣвочекъ ко всему женскому населенію въ городахъ было больше, чѣмъ въ округахъ, въ 18 разъ; послѣднее отношеніе, стало быть, было слабѣе перваго въ 2,8 разъ. Не то уже ми видимъ въ 1889 г. Теперь уже обучался въ городахъ одинъ мальчикъ изъ 17,1

мужчинъ и одна дѣвочка изъ 27,8 женщинъ, а въ округахъ одинъ мужч. изъ 83,8 мужч. и одна дѣв. изъ 32,1 женщ.; теперь, какъ мы видимъ, отношеніе учащихся мальчиковъ ко всему мужскому населенію въ городахъ больше, чѣмъ въ округахъ, уже не въ 6,2 раза, а лишь въ 4,9 раза; отношеніе же учащихся дѣвочекъ ко всему женскому населенію въ городахъ больше, чѣмъ въ округахъ, не въ 18 разъ, а только въ 11,7 разъ; послѣднее отношеніе слабѣе перваго, такимъ образомъ, уже не въ 2,2 раза, какъ было въ 1885 г., а только въ 2,4 раза. Въ 1885 г. изъ 100 мужчинъ обучалось въ городахъ 5,46 м., а въ округахъ 0,87 м., а изъ 100 женщинъ въ городахъ 3,21 дѣв. и въ округахъ 0,18 дѣв.; въ 1889 г. обучается уже изъ 100 мужч. въ городахъ 5,88 м. и въ округахъ 1,19 м., а изъ 100 женщ. въ городахъ 3,6 дѣв. и въ округахъ 0,21 дѣв. Стало быть, въ 1885 г. уровни школьно-учебнаго дѣла въ мужскомъ населеніи городовъ и округовъ относились между собою, какъ 5,46 : 0,87 и въ 1889 г.—какъ 5,88 : 1,19, а уровни въ женскомъ населеніи въ 1885 г.—какъ 3,21 : 0,18, въ 1889 же году—какъ 3,60 : 0,21,—прогрессъ въ школьно-учебномъ дѣлѣ женскаго населенія (и въ особенности окружнаго) бросается въ глаза: въ мужскомъ населеніи округовъ оно сравнительно съ городскимъ улучшилось въ 1,2 раза, а въ женскомъ въ 1,2 раза.

Для болѣе строгаго сопоставленія положенія начальпо-школьнаго дѣла въ городахъ и округахъ, намъ слѣдуетъ выдѣлить изъ учебныхъ заведеній нѣрныхъ тѣ, которыя имѣютъ характеръ средне-учебныхъ заведеній; такихъ въ 1889 г. насчитывается, какъ и въ 1885 г., пять съ 956 учащимися: четыре въ Томскѣ—мужская губернская гимназія съ 270 уч., женская Маринская гимназія съ 282 уч., Алексѣевское реальное училище съ 114 уч. да духовная семинарія съ 130 уч., еще окружное барнаульское училище (курсъ уѣзднаго училища съ пріготовительнымъ и двумя спеціальными классами) со 160 уч. Если мы теперь изъ 63 городскихъ учебныхъ заведеній съ 5.629 учащимися выдѣлимъ эти 5 среднихъ съ ихъ 956 уч. ¹⁾, то ова-

¹⁾ Интересно, что число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уменьшилось сравнительно съ 1885 г., когда ихъ было 1.019 учащихся, то-есть, тогда они составляли 22,4% всѣхъ учащихся въ городахъ, а въ 1889 г. ихъ только 956, и они составляютъ лишь 17% учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Интересно, что уменьшилось число учащихся во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—больше всего въ женской гимназіи, гдѣ оно уменьшилось на 74 уч. (20,4%), и меньше всего въ мужской гимназіи—на 26 чел. ((8,9%).

жется, что начальное школьно-учебное дѣло въ Томской губерніи выражается въ 445 учебныхъ заведеніяхъ съ 14.067 учащимися, что составляетъ въ среднемъ по 31,6 уч. на учебное заведеніе и по одному учащемуся на 96,1 жителей; при этомъ въ городахъ придется одно начальное учебное заведеніе на 2.021,6 жит. и на 80,6 учащихся; учился же въ начальныхъ школахъ одинъ изъ 25,1 жителей; въ округахъ же, какъ мы видѣли уже выше, въ начальныхъ школахъ обучался одинъ изъ 131,4 д., а учебное заведеніе приходилось на 5.181 д. Группируя по поламъ, увидимъ, что въ 1889 г. въ начальныхъ школахъ обучались: въ городахъ одинъ мальчикъ изъ 20,9 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 32,4 женщинъ; въ округахъ же, какъ выше показано, одинъ учащійся мальчикъ приходится на 83,9 мужч. и одна уч. дѣвочка на 326,1 женщинъ; стало быть, отношеніе между уровнями начально-школьнаго дѣла въ женскомъ населеніи для округовъ въ 2,9 раза ниже, чѣмъ для городовъ (83,9 : 20,9 и 326,1 : 32,4), а въ 1885 г. оно было ниже въ 2,9 разъ.

Относя среднее образованіе на счетъ одного городского населенія (что довольно близко къ дѣйствительности), мы увидимъ, что одно среднее-учебное заведеніе приходится на 23.448 душъ об. пола а на 191,1 учащихся, при чемъ одинъ учащійся приходится на 122,4 учащихся, и среднее образованіе получалъ изъ мужскаго населенія одинъ изъ 92,4 мужч. и одна изъ 194,9 женщинъ, или, можно сказать, среднее образованіе приходилось на долю одного изъ 4,4 получившихъ начальное образованіе (въ школахъ) мужчинъ и одной изъ 6-ти женщ., проходившихъ черезъ начальныя школы: здѣсь видимъ замѣтный регрессъ сравнительно съ 1885 г., когда среднее образованіе получалъ въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 79,4 или одинъ изъ 3,9 получившихъ начально-школьное образованіе, и въ женскомъ населеніи одна изъ 147,9 душъ, или одна изъ 3,7 получившихъ начально-школьное образованіе.

Слѣдующая таблица даетъ наглядное представленіе историко-статистическаго хода школьнаго дѣла въ Томской губерніи за сравнительно большой періодъ въ 46 лѣтъ.

Количество учебныхъ заведеній:	Въ годы:				
	1843.	1856.	1873.	1886.	1889.
а) въ городахъ .	10	16	30	56	63
б) въ округахъ . .	21	34	104	209	387
в) по всей губерніи	31	50	134	265	450

	Въ годы:				
	1843.	1856.	1873.	1886.	1889.
Одно учебное заведеніе на число душъ:					
а) въ городахъ .	3.331	2.638	2.193	2.020	1.861
б) въ округахъ . .	23.774	19.015	7.988	5.181	3.188,а
в) по всей губерніи .	17.180	13.774	6.696	4.513	3.003
Количество учащихся:					
а) въ городахъ:					
1) мальчиковъ .	1.130	1.204	1.452	3.304	3.649
2) дѣвочекъ .	19	83	679	1.691	1.980
3) обою пола .	1.149	1.287	2.131	4.996	5.629
б) въ округахъ:					
1) мальчиковъ .	1.503	1.527	2.071	4.807	7.549
2) дѣвочекъ .	—	—	283	1.001	1.846
3) обою пола .	1.503	1.527	2.354	5.808	9.394
Однихъ учащихся на число душъ:					
а) въ городахъ .	29	32,а	30,а	22,а	20,а
б) въ округахъ .	332,а	423,а	352,а	186,а	131,а
в) по всей губерніи	200,а	244,а	199,а	108,а	90
Учащихся на одно учебное заведеніе:					
а) въ городахъ . .	115	80	71	89,а	89,б
б) въ округахъ . .	71	46	23	27,а	24,а
в) по всей губерніи	85,а	56,а	33,а	40,а	33,а
Изъ 1000 душъ мужскаго пола обучалось мальчиковъ:					
а) въ городахъ .	62	50	41	54,а	58,а
б) въ округахъ . .	5,а	5,а	4,а	8,а	11,а
в) по всей губерніи .	9,а	8,а	7,а	13,а	16,а
Изъ 1000 душъ женскаго пола обучалось дѣвочекъ:					
а) въ городахъ . .	1,а	4,а	21,а	32,а	36,а
б) въ округахъ . .	—	—	0,аа	1,аа	3,а
в) по всей губерніи . . .	0,аа	0,аа	2,аа	4,аа	5,а
‰ дѣвочекъ въ числу учащихся:					
а) въ городахъ . .	1,а	6,а	31,а	38,а	35,а
б) въ округахъ	—	—	12,аа	17,аа	19,а
в) по всей губерніи	0,аа	0,аа	21,аа	24,аа	25,а
‰ учащихся въ городахъ къ городскому населенію	3,а	3,аа	3,аа	4,аа	4,а
‰ учащихся въ округахъ къ сельскому населенію .	0,а	0,аа	0,аа	0,аа	0,аа
‰ учащихся въ губерніи къ обще-губернскому населенію	0,аа	0,аа	0,аа	0,аа	1,аа

Табличка эта, опираясь на данныя за довольно продолжительный періодъ времени, весьма краснорѣчива. Она наглядно убѣждаетъ въ томъ, что въ Томской губерніи школьно-учебное дѣло поставлено на прочную ногу и въ послѣднее время уже безостановочно развивается и совершенствуется. Абсолютно постоянно увеличивается и количество учебныхъ заведеній, и количество учащихся обоого пола какъ въ городахъ, такъ и въ округахъ; относительно же количество учебныхъ заведеній также неизмѣнно увеличивается и въ городахъ, и въ округахъ; количество же учащихся относительно въ первое тридцатилѣтіе уменьшалось, а за послѣднія 16 лѣтъ замѣтно увеличилось: это въ городахъ; въ округахъ же мы замѣчаемъ относительное уменьшеніе количества учащихся лишь въ первое тринадцатилѣтіе, а затѣмъ оно уже постоянно увеличивается, и въ 1889 г. оно уже относительно въ 3,2 разъ больше, чѣмъ въ 1856 г. (абсолютно оно за это время увеличилось въ городахъ въ 4,4 разъ и въ округахъ—въ 6,2 раза). Но, если гдѣ рѣзко бросается въ глаза усиѣхъ школьно-учебнаго дѣла, то это въ женскомъ населеніи, въ которомъ количество учащихся за этотъ 46-лѣтній періодъ увеличилось абсолютно въ 201 разъ, а относительно въ 83 раза; въ округахъ еще въ 1856 г. дѣвочки въ учебныхъ заведеніяхъ вовсе не было, а въ 1889 г. онѣ уже составляли около пятой части всѣхъ учащихся (19⁰/₁₀₀), а на 1.000 душъ женщинъ обучалось 3,1 дѣвочекъ (противъ 11,6 мужчинъ на 1.000 мужчинъ); въ 1856 г. во всей губерніи лишь 83 учащихся дѣвочки, а черезъ 33 года—въ 1889 г. ихъ уже 3.825, то-есть, въ 46,2 раза больше, и интересны при этомъ размѣры роста: въ 17 лѣтъ (1856—1873 гг.) количество учащихся дѣвочекъ увеличивается съ 83 до 962 д., то-есть, въ 11,6 разъ; а въ послѣднія 16 лѣтъ оно возрастаетъ до 3.825, то есть, абсолютно въ 4 раза, а относительно въ 2,7 разъ. И опять приходится повторить, что самое отрядное въ этомъ случаѣ то, что усиѣхъ этотъ выпадаетъ и на долю окружнаго населенія, которое, чѣмъ дольше, тѣмъ относительно и абсолютно все больше и больше приобщается къ школьному дѣлу: въ 1856 г. лишь $\frac{1}{400}$ часть окружнаго населенія (0,25⁰/₁₀₀) проходила чрезъ школы, а въ 1889 г. уже больше $\frac{2}{400}$ (0,75⁰/₁₀₀); разумѣется, безотносительно такое положеніе вещей весьма и весьма далеко отъ желательной высоты, ибо изъ дѣтей школьнаго возраста, которыхъ въ 1889 г. въ Томской губерніи должно было быть около 224.966, а въ школахъ обучалось, какъ мы видѣли, только 15.023, или 0,007 (6,7⁰/₁₀₀), при чемъ изъ мальчиковъ школьнаго возраста посѣщало школы 10,1⁰/₁₀₀, а

изъ дѣвочекъ школьнаго возраста—3,2%. Въ особенности скудевь, безотносительно говоря, уровень школьнаго дѣла въ округахъ: въ то время, какъ въ городскомъ населеніи посѣщало школы изъ дѣтей школьнаго возраста — мальчиковъ 36,2% и дѣвочекъ 20,7%, въ округахъ посѣщало школы—мальчиковъ школьнаго возраста—7,2%, а дѣвочекъ—всего 1,8%. Итоги, ваятые сами по себѣ, далеко не веселые, но, стоя на историко-статистической точкѣ зрѣнія, мы все-таки не можемъ не видѣть постоянного прогрессируванія школьнаго дѣла въ губерніи; если его что больше всего тормозитъ нынѣ, такъ это, какъ констатируется въ Приложеніи къ всеподданнѣйшему отчету за 1889 года, «плохое экономическое состояніе сельскихъ обществъ: въ мѣстахъ хлѣбородныхъ дѣти отнимаются отъ школъ для полевыхъ работъ, въ сѣверныхъ частяхъ губерніи, на Оби—для рыбной ловли, на большомъ же Сибирскомъ трактѣ дѣти крестьянъ принимаютъ постоянное и дѣятельное участіе въ извозѣ». Отчасти же школа до сихъ поръ еще не пользуется повсемѣстно въ сельскомъ населеніи должнымъ простижемъ еще и потому, что персоналъ учительскій en masse не всегда стоитъ на высотѣ своего положенія: «сельскіе учителя и учительницы,—констатируется во всеподданнѣйшемъ отчетѣ,—въ большинствѣ случаевъ, получившіе образованіе въ уѣздномъ училищѣ, прогимназій или низшихъ классахъ гимназій и достигшіе своего званія послѣ полугодичной педагогической практики, не могутъ считаться вполне подготовленными». Совсѣмъ въ иномъ положеніи школьное дѣло въ городахъ вообще, а въ городѣ Томскѣ въ особенности. Въ послѣднемъ въ настоящее время имѣется 26 начальныхъ школъ да двѣ воскресныхъ школы—мужская и женская для взрослыхъ; въ этихъ 26 школахъ обучается 1.828 дѣтей: 1.005 мальчиковъ и 818 дѣвочекъ; здѣсь приходится одинъ учащійся на 22 жителя. Изъ этихъ школахъ сравнительно хорошій составъ преподавателей, и опытные и дѣльные руководители. Хотя и здѣсь до идеальнаго положенія еще далеко, хотя и здѣсь нѣкоторые учебныя заведенія переполнены учащимися (напримѣръ, въ Юрточномъ—около 180 учениковъ), но все же сравнительно здѣсь дѣло школьное стоитъ уже на такой высотѣ, что можетъ поспорить не только съ губернскими городами Европейской Россіи, но даже и со столичными. И если вспомнить, что еще въ серединѣ 60-хъ годовъ въ Томскѣ, кромѣ гимназій, было всего три учебныхъ заведенія, а въ 1889 году ихъ было уже, считая и гимназію, тридцать восемь, то прогрессъ оказывается поистинѣ блистательнымъ. Мы видѣли, что

во всѣхъ городахъ было 63 учебныхъ заведенія; стало быть, на одинъ г. Томскъ приходится слишкомъ три пятыхъ (60,3%) всѣхъ учебныхъ заведеній; также изъ общаго числа учащихся въ городахъ 5.629 человекъ на одинъ Томскъ приходится 3.263, то-есть, около трехъ пятыхъ (58%) всѣхъ учащихся, между тѣмъ какъ населеніе г. Томска составляетъ лишь около 33% всего городского населенія губерніи, то очевидно, что число учащихся въ г. Томскѣ больше, чѣмъ въ другихъ семи городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, абсолютно въ 1,4 раза, а относительно въ 4,2 раза; также количество учебныхъ заведеній въ г. Томскѣ превосходитъ количество ихъ въ другихъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, абсолютно въ 1,8 раза и относительно почти въ пять разъ. Въ Томскѣ изъ дѣтей школьнаго возраста (6.370 человекъ) учебныя заведенія посѣщала большая половина—51,2% (3.263 человека), въ остальныхъ же городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изъ дѣтей школьнаго возраста (19.637 человекъ) учебныя заведенія посѣщала меньше восьмой части—около 12% (2.366 человекъ); при этомъ г. Томскъ особенно рѣзко выдается контингентомъ своихъ учащихся дѣвочекъ: послѣднихъ въ Томскѣ больше, чѣмъ въ остальныхъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, абсолютно въ 1,8 раза и относительно въ 5½ разъ; изъ дѣвочекъ школьнаго возраста посѣщало учебныя заведенія въ г. Томскѣ около двухъ пятыхъ—40,8% (изъ 3.186—1.283), а въ остальныхъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, лишь около 1/11—10,9% (изъ 6399—697). Въ то время, какъ въ г. Томскѣ учащіяся дѣвочки составляли 39,2% всѣхъ учащихся, онѣ въ другихъ городахъ составляютъ лишь 29,2%. Въ Томскѣ обучался одинъ мальчикъ изъ 10 мальчиковъ и одна дѣвочка изъ 14,2 женщинъ, въ другихъ же городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, одинъ мальчикъ изъ 25,4 мальчиковъ и одна дѣвочка изъ 52,6 женщинъ, то-есть, школьно-учебное дѣло стояло въ Томскѣ выше, чѣмъ въ другихъ городахъ—для мужскаго населенія въ 2½ раза, а для женскаго—въ 3,7 раза и т. д.

Не станемъ останавливаться на причинахъ столь блистательнаго положенія школьнаго дѣла въ г. Томскѣ. Мы по возможности выяснили ихъ уже въ ноябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1888 г. Замѣтимъ лишь, что главнымъ образомъ городъ обязанъ этимъ успѣхомъ дарованному ему въ 70-хъ годахъ городскому самоуправленію, благодаря которому для общественной и личной инициативы открылось широкое поприще. Училищная коммиссія, возникшая при думѣ по инициативѣ Н. И. Макунина и имъ руководимая, а затѣмъ возникшее, по его же почину, общество попеченія о на-

чальномъ образованіи,—вотъ главные двигатели образованія въ гор. Томскѣ. Комитетъ грамотности въ прошломъ году награждалъ П. И. Макушина золотомъ медалью; послѣдняя была достойной наградой личной инициативы, наисходней для себя должно приложеніе, благодаря самоуправленію. Чтобы не распространяться, мы замѣтимъ лишь, что по процентному отношенію учащихся къ населенію и по относительному количеству учебныхъ заведеній Томскъ стоитъ даже выше Петербурга и Москвы. Мало того, въ 1887 году въ центрѣ европейскаго просвѣщенія въ г. Берлинѣ насчитывалось 296 учебныхъ заведеній съ 179.609 учащимися, что составляло по одному учебному заведенію на 4.802,4 души населенія и на 606,4 учащихся, при чемъ одинъ учащійся приходился на 7,9 жителей. Въ Томскѣ же въ 1889 году, какъ мы видимъ, находилось 38 учебныхъ заведеній съ 3.263 учащимися, а съ университетомъ—3.453 учащихся, при населеніи въ 35 разъ меньше, то-есть, относительно въ Томскѣ учебныхъ заведеній съ $4\frac{1}{2}$ раза больше, а учащихся относительно меньше только въ 1,4 раза: въ Томскѣ приходилось одно учебное заведеніе на 1.000 душъ и на 88,6 учащихся, одинъ же учащійся приходился на 11 жителей. А вотъ передъ нами лежатъ данныя соотвѣтственныя для одного изъ видныхъ промышленныхъ городовъ Европейской Россіи, расположеннаго на лѣвомъ берегу главнаго русла р. Волги—г. Астрахани: при населеніи въ 73.710 душъ (40.200 мужчинъ и 35.510 женщинъ) въ немъ насчитывается 60 учебныхъ заведеній съ 4.035 учащимися, что составляетъ одно учебное заведеніе на 1.228,4 души и 67,3 учащихся, и одинъ учащійся приходится не на 11 жителей, какъ въ Томскѣ, а на 18,3 жителей, то-есть, въ то время, какъ въ Томскѣ изъ 1.000 душъ населенія въ учебныхъ заведеніяхъ обучается 91, въ Астрахани ихъ обучается только 51; въ Томскѣ учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ составляютъ около 66%, дѣтей школьнаго возраста, въ Астрахани они составляютъ всего на всего 32,9%.—меньше одной трети. Впрочемъ, далеко не съ одной Астраханью можеть поспорничать г. Томскъ. Мы воспользуемся имѣющимися у насъ данными относительно учебной части, но сколько она зависитъ отъ городскихъ обществъ, то-есть, относительно начальныхъ школъ содержимыхъ городскими думами, и сгруппируемъ ихъ въ таблицу.

Данныя относятся къ 1886 году и показываютъ, что Томскъ уступаетъ одному лишь городу,—и то сибирскому.

Названіе города.	Число жителей.	Доходъ.		Расходъ.		Число начальныхъ училищъ.		Расходъ на содержаніе начальныхъ училищъ.		% въ общемъ расходѣ за годъ.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Число	К.	Руб.	К.	
Астрахань	70.554	545.432	72	553.344	34	13	16.426	17	2,0	
Воронежъ.	56.179	288.443	—	299.510	—	7	12.541	—	4,1	
Екатеринбургъ.	37.309	191.871	38	193.657	70	7	13.445	69	6,0	
Казань.	136.570	601.707	—	601.707	—	21	31.697	92	5,1	
Кіевъ	165.561	1.240.770	84	1.068.241	94	30	53.905	69	5,0	
Красноярскъ	14.274	65.467	22	72.950	15	4	4.577	53	6,1	
Курскъ .	49.657	256.213	30	256.492	20	10	15.624	31	6,1	
Нижній-Поногородъ	66.716	550.463	21	550.463	21	13	17.853	—	3,1	
Одесса. .	154.240	2.988.884	—	5.570.157 ¹⁾	—	39	108.743	—	3,0	
Полтава .	42.210	194.114	74	225.612	83	2	3.313	50	1,0 ²⁾	
Саратовъ.	123.760	630.011	50	680.459	56	18	49.130	—	7,1	
Тверь .	39.796	163.097	6	155.234	56	10	7.931	37	5,1	
Тобольскъ	21.533	40.974	97	53.206	16	2	1.907	—	3,1	
Петербургъ ,	?	7.512.520	97	7.512.520	97	238	450.734	58	6,1	
Москва	?	5.510.383	24	6.087.105	97	73	388.847	52	6,1	
Рига .	169.329	1.978.448	92	1.972.747	82	30	73.499	—	3,7	
Ростовъ на Дону	79.313	649.114	64	647.720	11	12	29.151	—	4,1	
Харьковъ .	166.921	788.056	65	797.882	—	8	25.843	40	3,1	
Иркутскъ.	39.226	266.843	37	269.246	89	15	26.556	33	9,1	
Томскъ	31.382	169.440	—	180.661	—	14	16.012	44	8,1	

III. Акмолинская область.

Къ 1-му января 1890 г. на площади приблизительно въ 479.200 кв. верстъ (9.903 кв. м.), занимаемой Акмолинской областью, населеніе простиралось до 500.174 обоего пола. Изъ этого числа приходилось: на города 65.959 дѣв. (35.717 мужч. и 30.242 женщ.) и на уѣзды 434.215 дупъ [229.143 мужч. и 205.072 женщ.].

Учебныхъ заведеній имѣлось для этого населенія въ 1889 г. 151, изъ коихъ приходилось на города 41 зав. и на уѣзды 110 зав., то есть, на города изъ этого числа приходится 27,2%, а на уѣзды 72,8%, между тѣмъ какъ городское населеніе составляетъ 13,2%, а уѣздное— 84,8%, общаго населенія области. Стало быть, при абсолютномъ и относительномъ сравненіи этихъ цифръ, оказывается, что число учебныхъ заведеній въ городахъ абсолютно меньше, чѣмъ въ уѣздахъ въ

¹⁾ Давы не взывать недоумѣній, нужно замѣтить, что Одессѣ въ 1886 г. пришлось уплатить долгъ въ 2.666.561 р.; % отношеніе вычислено по расходу, равному доходу.

2,7 раза, относительно же оно больше въ 2,4 раза. Выходитъ, такимъ образомъ, что за протекшіе 4 года по всей области количество учебныхъ заведеній увеличилось на 20, или на 15,3%, въ то время какъ население увеличилось на 6,4%, то-есть, по области количество это относительно увеличилось въ 2,4 раза, и что при этомъ назидательно, такъ это то, что въ городахъ оно не только относительно, но и абсолютно уменьшилось—на 6 заведен. (вмѣсто 47—41], въ уѣздахъ же оно увеличилось на 26, или почти на 31%, абсолютно (вмѣсто 84—110) и на 5,3% относительно; въ 1885 г. число учебныхъ заведеній въ городахъ превышало число учебныхъ заведеній въ уѣздахъ относительно въ 3,3 раза, а въ 1889 г. лишь въ 2,4 раза: это, бесспорно, шагъ впередъ, ибо главнѣйшій факторъ прогресса въ школьномъ дѣлѣ—это именно возможно большее разлитіе его въ народной массѣ.

Если сравнимъ число учебныхъ заведеній въ области съ ея населеніемъ, то увидимъ, что по области вообще въ 1889 г. приходилось одно учебное заведеніе на 3.312,4 души обоего пола, между тѣмъ какъ въ сосѣдней Тобольской губерніи оно приходится лишь на 2.416,3 жит.; при этомъ въ городахъ приходится одно учебное заведеніе на 1.608,3 ж., а въ уѣздахъ—одно на 3.947,4 ж.; четыре же года назадъ, въ 1885 г., приходилось по одному учебному заведенію въ городахъ на 1.272,3 д., а въ уѣздахъ на—4.886,3 д.

Всѣхъ учащихся въ 151 учебномъ заведеніи Акмолинской области въ 1889 г. было 6.107, что составитъ въ среднемъ на одно учебное заведеніе 40,4 учащихся. Въ общемъ числѣ 6.107 учащихся было 4.465 м. и 1.642 ж., то-есть, первые составляли 73,1%, а послѣдніа 26,9% учащихся, стало быть, въ относительныхъ процентахъ учащихся обоеихъ половъ почти никакой разницы не произошло.

Сравнивая количество учащихся съ цифрами населенія, мы увидимъ вотъ что: по области вообще въ 1889 г. обучался одинъ изъ 81,3 д. обоего пола (въ 1885 г. одинъ изъ 87,4 ж.), при этомъ въ мужскомъ населеніи обучался одинъ изъ 59,4 м., а въ женскомъ населеніи одна изъ 143,3 женщинъ. Изъ общаго числа учащихся приходится на города 3.171 (2.125 м. и 1.046 ж.) и на уѣзды 2.936 учащихся (2.340 м. и 596 ж.). Стало быть, изъ общаго числа учащихся приходится на города 51,9%, а на уѣзды—48,1%, между тѣмъ какъ 4 года назадъ въ 1885 г. на города приходилось 61,3%, и на уѣзды 38,5%. Конечно, печально, что число учащихся въ городахъ не только относительно, но и абсолютно уменьшилось (вмѣсто 3.313—3.171), но весьма огорченъ тотъ фактъ, что центръ тяжести столь замѣтно пе-

рenessи въ уѣздное населеніе: въ то время, какъ въ 1885 г. число учащихся въ городахъ было больше числа учащихся въ уѣздахъ абсолютно въ 1,6 раза (на 59,7%), а относительно почти въ *одиннадцатъ* разъ (на 1.000%), оно въ 1889 г. больше абсолютно въ 1,06 раза (на 11,6%), а относительно въ 6,7 раза (на 711%): въ 1885 г. приходился одинъ учащійся въ городахъ на 18 жит., а въ уѣздахъ на 198,6 ж.; въ 1889 г. одинъ учащійся въ городахъ на 20,8 ж., а въ уѣздахъ—на 147,66; въ 1885 г. учащіеся составляли въ городахъ 5,6% городского населенія, а въ уѣздахъ 0,6% сельского населенія; въ 1889 г. же они составляли въ городахъ 4,6% городского населенія, а въ уѣздахъ 0,62% сельского населенія; въ 1885 г. учащіеся составляли въ городахъ 0,22 дѣтей школьнаго возраста, а въ уѣздахъ—0,02 дѣтей школьнаго возраста; въ 1889 г. они въ городахъ составляютъ 0,29 дѣтей школьнаго возраста, а въ уѣздахъ—0,04 дѣтей школьнаго возраста.

Распредѣляя учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ по поламъ, мы получаемъ вотъ что: въ городахъ учащіеся мальчики составляютъ 67%, учащіеся дѣвочки—33% всѣхъ учащихся, или почти третью часть въ 1885 г. 67,6% и 32,6%; въ уѣздахъ же учащіеся мальчики составляли 79,7%, и учащіеся дѣвочки—20,3% всѣхъ учащихся (въ 1885 г. 77% и 23%). Мы видимъ, такимъ образомъ, что для женскаго населенія уровень школьно-учебнаго дѣла въ 1889 г. въ уѣздахъ былъ слабѣе, чѣмъ въ городахъ въ 1,6 разъ (а въ 1885 г. въ 3,2 раза).

Мы знаемъ, что городское населеніе области въ 1889 г. состояло изъ 35.717 м. и 30.242 ж., учащихся же было 2.125 м. и 1.046 ж.; стало быть, въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 16,6 мужчинъ и 1 дѣв. изъ 28,6 женщинъ (въ 1885 г. 1 м. изъ 14,2 м. и 1 д. изъ 24,6 ж.); въ составъ же уѣзднаго населенія входило 229.143 м. и 205.072 ж. при учащихся — 2.340 м. и 596 д.; въ уѣздахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 97,6 м. и 1 д. изъ 344,1 ж. (въ 1885 г. 1 м. изъ 135,6 м. и 1 д. изъ 408,6 ж.). Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ 1889 г. отношеніе числа учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ къ общей цифрѣ мужскаго населенія въ городахъ въ 5,6 больше, чѣмъ въ уѣздахъ (въ 1885 г. въ 9,6 раза больше), отношеніе же числа учащихся дѣвочекъ ко всему женскому населенію въ городахъ въ 11,6 раза больше, чѣмъ въ уѣздахъ (въ 1885 г. въ 16,6 раза больше). Изъ 10.000 мужчинъ обучалось въ 1889 г. въ городахъ 704,2 (въ 1885 г. 728), а въ уѣздахъ—102,1 (въ 1885 г.—79); изъ 10.000 женщинъ обучалось въ 1889 г. въ городахъ—346 (въ

1885 г.—406), а въ уѣздахъ—29,1 (въ 1885 г.—24). То-есть, оказывается, что уровни школьно-учебнаго дѣла городовъ и уѣздовъ области относились другъ къ другу въ 1889 г.—въ мужскомъ населеніи, какъ 704,2 : 102,1, а въ женскомъ, какъ 346 : 29,1; между тѣмъ въ 1885 г. они относились между собой въ мужскомъ населеніи, какъ 728 : 73 и въ женскомъ, какъ 406 : 24.

Обращаясь къ контингенту дѣтей школьнаго возраста, мы, на основаніи таблицы Буняковского, видимъ, что въ городахъ онъ долженъ былъ состоять изъ 5.764,7 мальч. и 5.274 д., а въ уѣздахъ—изъ 36.983,7 м. и 35.764,5 дѣв. Въ учебныхъ же заведеніяхъ обучалось, какъ мы видѣли, въ городахъ 2.125 м. и 1.046 д. и въ уѣздахъ—2.340 м. и 596 д. Стало быть, школы въ 1889 г. посѣщало изъ контингента дѣтей школьнаго возраста мужскаго пола—въ городахъ 0,37 (въ 1885 г.—0,43), а въ уѣздахъ 0,063 (въ 1885 г.—0,04), женскаго же пола—въ городахъ 0,20 (въ 1885 г.—0,21), а въ уѣздахъ—0,017 (въ 1885 г.—0,01).

Уже изъ изложеннаго можно замѣтить, что положеніе школьно-учебнаго дѣла въ Акмолинской области сравнительно съ другими районами Сибири довольно благоприятно, и это обстоятельство, главнымъ образомъ, обусловлено тѣмъ, что казаки, какъ отмѣчено уже было нами во время оно, составляютъ весьма значительный элементъ населенія области, а школа въ казачьихъ станицахъ и поселкахъ приобрѣла уже себѣ право гражданства. Въ самомъ дѣлѣ, въ составѣ 500.174 жителей области насчитывалось въ 1889 г. 67.078 душъ, или 13,4% казаковъ, на долю которыхъ изъ общаго числа 151 учебнаго заведенія приходилось школъ 88, или 58,3%, то-есть, хотя казаки составляютъ лишь меньше седьмой части населенія, на ихъ долю приходится около трехъ пятыхъ всѣхъ учебныхъ заведеній: абсолютно число ихъ школъ больше, чѣмъ число школъ всего прочаго населенія въ 1,4 раза (на 36%), а относительно въ 10,4 раза (на 374,4%), и надо замѣтить, что казачьи дѣти составляютъ не малый контингентъ и въ общихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (кадетскій корпусъ, женская гимназія и др.). Впрочемъ, сравнительно съ 1885 г. все-таки сдѣланъ шагъ въ пользу общаго населенія: тогда казачьи школы составляли 65,7% всѣхъ учебныхъ заведеній, и численность ихъ была относительно больше числа учебныхъ заведеній остальнаго населенія въ 10,4 раза. Однако же, для правильнаго освѣщенія подлиннаго положенія вещей слѣдуетъ имѣть въ виду, что казаки составляютъ сплошь осѣдлый элементъ, въ средѣ же прочаго

населенія кочевники образуютъ значительную часть: изъ 500.174 д. всего населенія области киргизовъ въ 1889 г. насчитывалось 350.591, то-есть, они составляли 70,1% всего населенія, но и отбросивъ киргизское населеніе, мы увидимъ, что на все осѣдлое населеніе, простиравшееся до 149.583 душъ обоого пола, приходилось 147 учебныхъ заведеній ¹⁾, и въ томъ числѣ на 67.078 д. казаковъ 88 шк., а на 82.506 д. прочаго осѣдлага населенія 59 учебныхъ заведеній: то-есть, число учебныхъ заведеній у казаковъ, и при этомъ расчетѣ, оказывается больше абсолютно въ 1,5 раза и относительно въ 1,7 разъ.

Нужна, впрочемъ, еще одна поправка: кромѣ киргизъ въ составъ населенія входятъ еще и другіе инородцы (татары, средне-азиатцы). Отбросимъ и ихъ съ ихъ школами и будемъ имѣть лицомъ къ лицу одно лишь русское населеніе христіанское—казаковъ и не казаковъ: окажется тогда, что на 67.078 казаковъ имѣлось 88 школъ, а на 75.438 душъ прочаго осѣдлага христіанскаго населенія ²⁾ приходилось 29 учебныхъ заведеній ³⁾; здѣсь преимущества казачьяго населенія рѣзко бросаются въ глаза: число ихъ школъ больше абсолютно въ 3 раза и относительно въ 3,4 раза: въ казачьемъ населеніи одно учебное заведеніе приходится на 762,2 д. обоого пола, а въ остальномъ населеніи—на 2.604,2 д. Обращаясь къ числу учащихся, мы видимъ, что изъ общаго числа учащихся по области приходится на 88 казачьихъ школъ 2.306, или 37,2% (въ 1885 г. — 39,2%), а на прочія 59 учебныхъ заведеній осѣдлага населенія — 3.733 уч. ⁴⁾, или 61,1%, а отбросивъ 30 магометанскихъ школъ съ 845 уч., получимъ, что число учащихся во всѣхъ 117 учебныхъ заведеніяхъ осѣдлага христіанскаго населенія простиралось до 5.194 чел., изъ коихъ на 88 казачьихъ приходится 2.306, а на 29 учебныхъ заведеній прочаго осѣдлага населенія — 2.888 уч., то-есть, число учащихся въ казачьихъ школахъ абсолютно меньше числа учащихся въ школахъ прочаго осѣдлага христіанскаго населенія въ 1,2 раза (на 25,2%), а относительно—лишь въ 1,1 разъ: въ казачьемъ населеніи обучался одинъ изъ 29,2 д. (въ 1885 г. — 1 изъ 33,5), а въ прочемъ осѣдломъ населеніи — одинъ изъ 26,1; но дѣло въ томъ, что, какъ

¹⁾ Мы исключили 4 киргизскихъ сельско-хозяйственныхъ школы.

²⁾ Отбрасываемъ ерссит, татаръ, средне-азиатцевъ.

³⁾ Магометанскихъ школъ при мечетяхъ оказывается тридцать.

⁴⁾ Отбрасываемъ 4 киргизскихъ школы съ 68 учащими.

мы уже замѣтили, казаки составляютъ значительную долю учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ, къ которымъ относятся 19 изъ 29-ти, относимыхъ на остальное осѣдлое христіанское населеніе, в изъ которыхъ мы не имѣемъ возможности выдѣлить учащихся по сословіямъ; въ общемъ число учащихся изъ казачьяго сословія, безусловно, и абсолютно, и относительно больше числа учащихся изъ другихъ сословій. Но нельзя опять намъ не отмѣтить того грустнаго факта, что обученіе дѣвочекъ въ казачьемъ населеніи стоитъ на заднемъ планѣ и не пользуется особеннымъ сочувствіемъ: въ общемъ числѣ 2.306 учащихся было 1.786 м. и 520 дѣвочекъ, то-есть, послѣднія составляли всего не много больше пятой части (22,6%) всѣхъ учащихся, между тѣмъ какъ въ общемъ числѣ учащихся по всей области дѣвочки составляли болѣе четвертой части (26,9%). Сравнительно съ 1885 г. общее число учащихся въ киргизскихъ школахъ увеличилось абсолютно только на 184, но изъ этого числа приходится на мальчиковъ 162, а на дѣвочекъ только 22, то-есть, въ то время какъ число учащихся мальчиковъ возросло на 9,99%, число учащихся дѣвочекъ возросло лишь на 4,41%.

Нигдѣ болѣе, какъ въ Акмолинской области, для выясненія истиннаго положенія *народно-школьнаго* образованія, не необходимо такъ выдѣлить изъ общихъ цифръ учащихся и школъ въ городахъ цифры специальныхъ и средне-учебныхъ заведеній въ нихъ: г. Омскъ до упраздненія Западно-Сибирскаго генераль-губернаторства служилъ резиденціей Западно-Сибирскаго генераль-губернатора, а нынѣ продолжаетъ быть резиденціей степнаго генераль-губернатора, и въ немъ сосредоточивается значительная часть учебныхъ заведеній, удовлетворяющихъ потребностямъ не только всей Акмолинской области, но и другихъ районовъ.

Въ общемъ списокъ учебныхъ заведеній области мы насчитываемъ 4 среднихъ и 3 специальныхъ учебныхъ заведенія, сосредоточенныхъ всѣ въ г. Омскѣ. Къ среднимъ причисляемъ: мужскую классическую гимназію съ 203 уч. (въ 1885 г. — 256 уч.), Сибирскій кадетскій корпусъ съ 361 уч. (въ 1885 г. — 390 уч.), учительскую семинарію съ 69 уч. (въ 1885 г. — 72 уч.) и женскую гимназію съ 312 уч. (въ 1885 г. — 316 уч.). Къ специальнымъ учебнымъ заведеніямъ отнесимъ: техническое училище съ 71 уч. (въ 1885 г. — 62 уч.), центрально-фельдшерскую школу съ 82 уч. (въ 1885 г. — 80 уч.) и ветеринарно-фельдшерскую школу съ 30 уч. (въ 1885 г. — 28 уч.). Стало быть, изъ общаго числа учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ

3.171 ч. на среднія и спеціальныя учебныя заведенія, помѣщающіяся въ г. Омскѣ, приходится 1.128 уч., или 35,6⁰/₀.

По соображеніямъ, развитымъ нами раньше, средне-учебныя заведенія можно безъ всякой замѣтной погрѣбности отнести на долю одного городского населенія, и окажется, такимъ образомъ, что одно учебное заведеніе приходилось на 16.490 дѣтей обоого пола, или на 11.906 м. и 30.242 ж. Среднее образование получалъ одинъ мальчикъ изъ 69,8 д. об. п., а въ отдѣльности одинъ мальчикъ изъ 56,4 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 96,8 женщинъ.

Исключивъ изъ общаго числа 41 учебныхъ заведеній городскихъ 4 среднихъ съ 945 учащимися, то въ городахъ остается 37 учебныхъ заведеній съ 2.226 учащимися (1.492 мальчиковъ и 734 дѣвочки). Это составитъ одно учебное заведеніе на 1782,7 душъ обоого пола и на 60,2 учащагося, при чемъ обучался одинъ изъ 23,8 мужчинъ и одна изъ 41,2 женщинъ; въ уѣздахъ же, какъ мы видѣли, одно учебное заведеніе приходится на 3.947,4 жителей и на 26,7 учащихся, при чемъ въ уѣздахъ обучался одинъ изъ 97,8 мужчинъ и одна изъ 334,1 женщинъ.

О ростѣ нѣкольно-учебнаго дѣла въ Акмолинской области можно судить по слѣдующей табличкѣ за 11 лѣтъ:

	Въ 1879 г.	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Количество учебныхъ заведеній	125	131	151
Изъ нихъ: а) въ городахъ	39	47	41
б) въ уѣздахъ.	86	84	110
Одно учебное заведеніе приходится на число			
душъ: а) въ городахъ	1.307,7	1.272,88	1.603,8
б) въ уѣздахъ.	4.709,8	4.886,2	3.947,4
в) по всей области	3.633,6	3.589,7	3.312,4
Количество учащихся: а) въ городахъ.	2.779	3.313	3.171
б) въ уѣздахъ	2.091	2.066	2.936
в) по всей области.	4.870	5.379	6.107
Изъ нихъ мальчиковъ: а) въ городахъ.	1.866	2.333	2.125
б) въ уѣздахъ	1.634	1.591	2.340
в) по всей области.	3.500	3.924	4.465
Изъ нихъ дѣвочекъ: а) въ городахъ .	913	980	1.046
б) въ уѣздахъ	457	475	596
в) по всей области .	1.370	1.455	1.642

3*

	Въ 1879 г.	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Въ общемъ количествѣ учащихся:			
а) мальчиковъ	3.500	3.924	4.465
б) дѣвочекъ	1.370	1.455	1.642
Процентъ учащихся:			
а) мальчиковъ	71	72,9	73,1
б) дѣвочекъ .	28,1	27,1	26,9
Процентное отношеніе учащихся къ на- селенію:			
а) въ городахъ .	6,8	5,6	4,8
б) въ уѣздахъ	0,3	0,5	0,7
в) по всей области.	1,1	1,1	1,2
Процентное отношеніе учащихся къ дѣтямъ школьнаго возраста:			
а) въ городахъ .	?	32	28,7
б) въ уѣздахъ	?	3	4
в) по всей области.	?	6,1	7,2

Мы видимъ изъ этой таблицы слѣдующія перемѣны за одиннадцатилѣтній періодъ: 1) количество учебныхъ заведеній увеличилось абсолютно на 26, то-есть, на 20,4%, а относительно на 9,7%. Въ городахъ число учебныхъ заведеній увеличилось на 2, или на 5,1% абсолютно, а относительно оно уменьшилось на 18,7%; въ уѣздахъ же число учебныхъ заведеній увеличилось абсолютно на 24, или на 27,8%, а относительно—на 19,3%.

2) Количество учащихся возросло на 1.237 человекъ, то-есть, абсолютно на 25,3%, а относительно на 9,1%; среднее ежегодное увеличеніе составляетъ—абсолютное 2,3%, а относительное 0,82%. Въ городахъ число учащихся возросло за весь періодъ на 392 человекъ, или абсолютно на 12,4% (а сравнительно съ 1885 годомъ уменьшилось на 142 человекъ, или абсолютно на 4,3%); въ уѣздахъ же оно возросло на 845 человекъ, или абсолютно на 40,4%, а сравнительно съ 1885 годомъ даже на 870 человекъ, то-есть, абсолютно на 42,8%,—а въ уѣздахъ возросло число учащихся не только абсолютно, но и относительно: именно сравнительно съ 1885 годомъ оно возросло относительно на 34,3%, между тѣмъ какъ въ городахъ оно относительно уменьшилось на 13,6%, а сравнительно съ 1879 годомъ оно въ уѣздахъ относительно увеличилось на 133,3%, а въ городахъ относительно уменьшилось на 29,4%.

3) Число учащихся мальчиковъ въ области увеличилось абсолютно на 965, что составляет абсолютное приращеніе на 27,6‰ или среднее годовое въ 2,5‰. Число же учащихся дѣвочекъ возросло на 272, что составляет абсолютное приращеніе на 19,0‰, или среднее годовое въ 1,8‰.

Чтобы закончить съ Акмолинскою областью, нужно остановиться еще немного на кочевомъ элементѣ населенія, простирающемся до 357.285 душъ ¹⁾, или 71,4‰ всего населенія. Изъ общаго числа 151 учебнаго заведенія на его долю въ 1889 г. приходится 34 (22,5‰); 30 магометанскихъ школъ при мечетяхъ съ 845 учащимися и 4 киргизскихъ школы съ 68 учащимися; стало быть, на всѣхъ инородцевъ изъ общаго числа 1.607 учащихся приходится 913 учащихся, или около 15‰. Другими словами, для кочеваго населенія области число училищъ меньше, чѣмъ для осѣдлаго—абсолютно въ 6,7 раза, и относительно—въ 16,7 раза: въ осѣдломъ населеніи одна школа приходится на 1.221,8 дѣтей, а въ кочевомъ—на 10.508,4 дѣтей, а по отношенію къ учащимся видимъ, что въ осѣдломъ населеніи обучается одинъ изъ 28 душъ, а въ кочевомъ—одинъ изъ 391,8 душъ; но съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что въ то время какъ въ общемъ числѣ учащихся по области дѣвочки составляютъ 26,0‰, въ числѣ учащихся инородцевъ онѣ составляютъ 31,4‰.

IV. Семипалатинская область.

Для Семипалатинской области, захватившей сравнительно небольшую территорію въ 8.856 кв. миль, у насъ, къ сожалѣнію, имѣются лишь приблизительныя данныя, выведенныя по даннымъ предыдущихъ лѣтъ. Населеніе области превышаетъ населеніе вышеприведенной Акмолинской области на 79.000 душъ, но кочевой элементъ здѣсь является уже совершенно поглотающимъ элементомъ. Въ Акмолинской области послѣдній, какъ мы видѣли, составляетъ 71,4‰ всего населенія, такъ что на осѣдлую часть все же остается 28,6‰, въ Семипалатинской же области осѣдлое населеніе составляетъ лишь около одной восьмой части населенія—12,3‰, а 87,7‰ приходится на кочевниковъ. Все населеніе простиралось приблизительно до 580 тысячъ жителей—316 тысячъ мужчинъ и 264 тысячи женщинъ. Изъ этого населенія приходилось на кочевниковъ около 508.660 душъ и на осѣдлыхъ около—71.340 душъ.

¹⁾ Выключаемъ въ эту цифру киргизъ, татаръ и иныхъ инородцевъ.

Въ распоряженіи этого населенія было около 96-ти учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ: на города 40 (41,6%) и 56 (58,4%) на округа, хотя окружное населеніе составляло приблизительно 93,6% всего областного населенія. Въ то время, какъ въ городахъ одно учебное заведеніе приходилось приблизительно на 944 души, въ уѣздахъ оно приходилось на 9.683 души, то-есть, число школъ въ городахъ абсолютно было меньше, чѣмъ въ уѣздахъ, въ 1,4 раза, а относительно больше въ 10,2 раза.

Учебныхъ заведеній съ характеромъ среднихъ въ области нѣтъ. Въ городахъ имѣются: одна женская прогимназія, одно городское 5-ти-классное училище, три городскихъ училища двухклассныхъ мужскихъ, 8 приходскихъ училищъ, 5 станичныхъ, 8 русско-киргизскихъ интернатовъ, 18 татарскихъ школъ и одна еврейская школа, въ уѣздахъ же — одно приходское училище, 53 поселковыхъ и сельскихъ школъ да 2 татарскихъ.

Во всѣхъ 96-ти учебныхъ заведеніяхъ было около 2.485 учащихся, что составляло по одному учащемуся приблизительно на 233,6 душъ населенія, при чемъ въ мужскомъ населеніи обучался одинъ изъ 147 душъ, а въ женскомъ — одна изъ 868 душъ женскаго пола. Само собою разумѣется, школьно-учебное дѣло далеко не одинаково поставлено въ городахъ и уѣздахъ: поперныхъ, на населеніе приблизительно въ 37.738 душъ учащихся приходится 1.628 душъ, а на уѣзды съ населеніемъ въ 542.262 — 857 учащихся, то-есть, въ первыхъ одинъ учащійся приходится приблизительно на 23,1 жителя, а въ уѣздахъ — на 632,7; при этомъ въ мужскомъ населеніи обучался — въ городахъ одинъ изъ 16,4 мальчиковъ и въ уѣздахъ — одинъ изъ 381 мальчика, въ женскомъ же населеніи — въ городахъ одна изъ 49,6 женщинъ и въ уѣздахъ — одна изъ 2.980 женщинъ. Стало бытъ, количество учащихся въ городахъ и абсолютно, и относительно больше, чѣмъ въ уѣздахъ: абсолютно въ 1,9 раза и относительно — въ 28,3 раза; а именно, число учащихся мужскаго пола въ городахъ больше, чѣмъ въ уѣздахъ — абсолютно въ 1,7 раза и относительно въ 23,3 раза; количество же учащихся женскаго пола въ городахъ больше, чѣмъ въ уѣздахъ — абсолютно въ 4 раза и относительно въ 59,8 разъ. Ясно, что положеніе школьно-учебнаго дѣла въ Семипалатинской области вообще не выгодно, и тѣмъ болѣе въ уѣздахъ; особенно неблагоприятно это положеніе для женскаго населенія. Въ уѣздахъ учащіеся составляютъ 0,16% населенія, а въ городахъ 4,3%; учащіеся мужскаго пола составляютъ въ уѣздахъ 0,26% мужскаго населенія, а въ городахъ —

6%; учащіеся женскаго пола составляютъ въ уѣздахъ—0,03% женскаго населенія, а въ городахъ—2,08%. Изъ дѣтей школьнаго возраста по всей области посѣщало учебныя заведенія всего 2,6% — мальчиковъ школьнаго возраста—1,06%, а дѣвочекъ школьнаго возраста — 0,16%; уровень школьно-учебнаго дѣла для женскаго населенія, какъ видимъ, въ 25,4 раза ниже, чѣмъ для мужскаго! Изъ 10.000 дѣтей школьнаго возраста въ области учебныя заведенія посѣщало 260 дѣтей; при этомъ изъ 10.000 мальчиковъ — 406 мужчинъ, а изъ 10.000 дѣвочекъ—16 дѣвочекъ.

Само собою разумѣется, что столь низкій уровень школьно-учебнаго дѣла въ значительной степени обусловливается поглощающей долей кочеваго населенія, въ средѣ котораго потребность въ школѣ во много разъ слабѣе, чѣмъ въ средѣ осѣдлаго населенія, и для болѣе точнаго представленія о школьномъ дѣлѣ слѣдуетъ выдѣлить послѣднее. Въ такомъ же случаѣ окажется вотъ что: на 71.340 душъ (приблизительно) осѣдлаго населенія приходится если не всѣ 2.485 учащихся, то по меньшей мѣрѣ — 2.341 учащіеся, такъ какъ въ восьми русско-киргизскихъ интернатахъ помѣщено было только 60 челоуѣкъ, всѣхъ же воспитанниковъ было около 117 челоуѣкъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что, съ самой небольшой развѣ погрѣшностью, можно сказать, что въ осѣдломъ населеніи посѣщало учебныя заведенія одинъ изъ 30,6 душъ, и учащіеся составляли 3,3% осѣдлаго населенія и 19,7% дѣтей школьнаго возраста—29,3% мальчиковъ школьнаго возраста и 7,8% дѣвочекъ школьнаго возраста, — посѣщало учебныя заведенія въ осѣдломъ населеніи—въ мужской половинѣ одинъ изъ 21,8 мужчинъ, а въ женскомъ населеніи одна изъ 73,4 женщинъ. Нельзя не отмѣтить, что сравнительно высокимъ уровнемъ школьно-учебнаго дѣла осѣдлое населеніе области въ значительной степени обязано мусульманско-татарскому элементу, въ распоряженіи котораго имѣлось 15 учебныхъ заведеній съ 610 учащимися. Правда, въ этихъ магометанскихъ школахъ (мохтебахъ) преподаваніе весьма невысокой пробы, — ведется оно преимущественно по одной татарской грамотѣ и ведется муллами изъ оренбургскихъ и сибирскихъ татаръ, обучающими лишь чтенію, письму по-татарски и правиламъ религіи; татарскія дѣвочки школы вовсе не посѣщаютъ. Что касается кочеваго населенія, то на мѣсто прежде существовавшихъ корпусныхъ школъ съ 70-хъ годовъ учреждены для него 8 интернатовъ, ставящихъ собѣ цѣлью давать киргизскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ элементарное образованіе и выдѣсть тѣмъ при-

учать ихъ къ осѣдлому быту, обучая ихъ разнымъ мастерствамъ, садоводству, огородничеству и земледѣлію вообще. Интернаты эти, однако, не только не достигли поставленной имъ цѣли, а приносили даже вредъ населенію, вслѣдствіе чего коммиссія, составленная бывшимъ степеннымъ генераль-губернаторомъ въ 1884 году, предложила преобразовать ихъ въ хозяйственныя и профессиональныя школы, въ виду чего въ 1885 году и утвержденъ былъ начальникомъ края „Временный уставъ о сельско-хозяйственныхъ школахъ“, которыя и стали открываться съ конца 1887 года.

Относительно школьно-учебнаго дѣла въ русскомъ населеніи области нужно замѣтить, что преобладающую роль въ области играютъ станичныя и поселковыя школы казаковъ, и что если въ средѣ послѣднихъ еще слабо развита вообще потребность въ образованіи, то относительно дѣвочекъ можно сказать, что сознаніе такой потребности почти вовсе отсутствуетъ.

На этомъ заканчиваемъ обзоръ школьно-учебнаго дѣла въ Западной Сибири, то-есть, въ районѣ, занимающемъ площадь въ 59.256 кв. миль. Населеніе этой территоріи простиралось приблизительно до 3.828.116 душъ обоюга пола (1.985.659 мужчинъ и 1.842.457 женщинъ) и имѣло въ своемъ распоряженіи 1.276 учебныхъ заведеній, то-есть, количество послѣднихъ увеличилось противъ 1885 г. на 427, или на 50,2%, между тѣмъ какъ само населеніе увеличилось лишь на 6,7%. Общее же количество учащихся простирается въ этихъ 1.276 учебныхъ заведеніяхъ до 39.144 человекъ противъ 30.462, бывшихъ въ 1885 г., то-есть, и количество учащихся увеличилось на 28,2%, но, въ сожалѣнію, увеличилось не одинаково въ мужскомъ и женскомъ населеніи: въ то время какъ въ первомъ оно увеличилось на 7.096 человекъ (съ 22.798 до 29.894) на 31,7%,—оно въ женскомъ населеніи увеличилось только на 1.586 человекъ (съ 7.664 до 9.250), или на 20,7%. Анализируя эти общіе итоги по городамъ и округамъ, мы видимъ, что изъ общаго числа 1.276 учебныхъ заведеній съ 39.144 учащимися на города Западной Сибири приходится 213 учебныхъ заведеній съ 15.005 учащимися, а на округа—1.063 учебныхъ заведеній съ 24.139 учащимися, то-есть, на первые приходится 16,7% всѣхъ учебныхъ заведеній и 38,2% всѣхъ учащихся; на округа же 83,2% учебныхъ заведеній и 61,7% учащихся, между тѣмъ какъ окружное населеніе составляетъ 91,6%, а городское лишь 8,4% населенія Западной Сибири.

Изъ нижеслѣдующей таблицки наглядно видно количественное положеніе школьно-учебнаго дѣла въ Западной Сибири и ростъ его за послѣдніи 11 лѣтъ:

	Въ 1879 г.	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Количество учебныхъ заведеній:			
а) въ городахъ .	148	196	213
б) въ округахъ .	512	653	1.063
в) во всемъ районѣ	660	849	1.276
Одно учебное заведеніе приходится на число дунъ:			
а) въ городахъ .	1.324	1.459,8	1.509,4
б) въ округахъ . .	5.949,7	5.054	3.298,8
в) во всемъ районѣ	4.911	4.212,8	3.000,1
Количество учащихся:			
а) въ городахъ .	11.049	14.506	15.005
б) въ округахъ . .	11.765	15.956	24.139
в) во всемъ районѣ	22.814	30.462	39.144
Въ томъ числѣ мальчиковъ:			
а) въ городахъ .	7.671	9.859	10.035
б) въ округахъ .	9.794	12.939	19.859
в) во всемъ районѣ	17.465	22.798	29.894
Дѣвочекъ:			
а) въ городахъ .	3.378	4.647	4.970
б) въ округахъ . .	1.971	3.017	4.280
в) во всемъ районѣ	5.349	7.664	9.250
Въ общемъ контингентѣ учащихся какой процентъ составляютъ:			
а) мальчики.	76,6	74,8	76,4
б) дѣвочки	23,4	25,2	23,6
Процентъ учащихся въ населенію:			
а) въ городахъ .	5,6	5,06	4,67
б) въ округахъ .	0,4	0,18	0,69
в) во всемъ районѣ	0,7	0,8	1,02
Какая доля дѣтей школьнаго возраста посѣщала учебныя заведенія:			
а) мальчиковъ	—	0,076	0,092
б) дѣвочекъ	—	0,026	0,029
в) обоюго пола . . .	0,042	0,050	0,061
Обучался въ учебныхъ заведеніяхъ одинъ изъ:			
а) мужчинъ .	—	81,2	66,4
б) женщинъ .	—	226,2	199,2
в) обоюго пола .	142,1	117,7	97,8

Прогрессъ, и замѣтный прогрессъ, въ школьно-учебномъ дѣлѣ за это время въ Западной Сибири очевиденъ даже при самомъ бѣгломъ взглядѣ на эту табличку. Въ самомъ дѣлѣ, количество нѣколъ увеличилось почти въ два раза—на 93,2^o/_o, съ 660 до 1.276, что составляетъ среднее годовое приращеніе въ 8,5^o/_o. на 56 школъ, и въ то время какъ среднее годовое приращеніе въ первые 7 лѣтъ (1879—1885 гг.) составляетъ 4,1^o/_o (27 школъ), оно въ послѣдніе 4 года (1886—1889 г.) составляетъ 12,4^o/_o,—108 школъ! То же самое мы видимъ и относительно количества учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ: за 11-лѣтній періодъ оно возросло на 16.330 человекъ, или на 71,5^o/_o, а это составитъ среднее годовое приращеніе на 6,5^o/_o, или на 1.485 учащихся, а опять-таки, возросли въ первые 7 лѣтъ (1879—1885 гг.) на 7.648 учащихся, или на 33,3^o/_o.—оно за послѣдніе 4 года (1886—1889 гг.) возросло на 8.682 учащихся, или на 28,5^o/_o; то-есть, за первые 7 лѣтъ среднее годовое приращеніе составляетъ 4,8^o/_o, или 1.098 учащихся, а за послѣдніе 4 года—7,1^o/_o, или 2.170 учащихся, почти вдвое болѣе. Въ 1879 г. одно учебное заведеніе приходилось на 4.911 учащихся, а черезъ 11 лѣтъ, въ 1889 г., оно приходится уже на 3.000, учащихся; въ 1879 г. въ учебныхъ заведеніяхъ обучалось 0,7^o/_o населенія, чрезъ 7 лѣтъ процентъ этотъ возросъ всего на ¹/₁₀—до 0,8^o/_o. а въ 1889 г. онъ уже составляетъ 1,02^o/_o; въ 1879 г. учебныя заведенія посѣщали только 0,004 дѣтей нѣколѣтнаго возраста, или 4,2^o/_o, черезъ 7 лѣтъ контингентъ этотъ увеличивается до 0,008 или всего на 0,004 (0,8^o/_o), между тѣмъ какъ въ послѣдніе 4 года доля эта уже доходитъ до 0,004 (6,4^o/_o), увеличившись на 0,004 или на 1,4^o/_o за 4 года. Въ 1889 г. въ западно-сибирскомъ районѣ обучается въ учебныхъ заведеніяхъ только одинъ изъ 142,1, а въ 1889 г. одинъ изъ 97,8, хотя еще за 4 года назадъ, въ 1885 г., обучался одинъ изъ 107,7, и т. д.

Ясно, стало бытъ, что, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи школьно-учебное дѣло въ западно-сибирскомъ районѣ замѣтно подвинулось впередъ и абсолютно, и относительно. И этотъ прогрессъ замѣчается какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ населеніи, въ послѣднемъ относительно даже болѣе: количество обучавшихся мальчиковъ возросло за этотъ одиннадцатилѣтній періодъ съ 17.465 до 29.894, то-есть, на 12.429 учащихся, или на 71,2^o/_o; количество же учащихся дѣвочекъ возросло съ 5.349 до 9.250, то-есть, на 3.901, или на 72,2^o/_o. При этомъ въ первый семилѣтній промежутокъ (1879—1885 гг.) количество учащихся мальчиковъ возрастаетъ

на 5.333 ж. (съ 17.465 до 22.798), а учащихся дѣвочекъ—на 2.315 д. (съ 5.349 до 7.664), а въ послѣдній четырехлѣтній промежутокъ (1886—1889 гг.) количество учащихся мальчиковъ возрастаетъ на 7.096 (съ 22.798 до 29.894), а количество учащихся дѣвочекъ на 1.586 ж. (съ 7.664 до 9.250); стало быть, количество учащихся мальчиковъ возросло въ первый періодъ на 30,3⁰/₀, а въ послѣдній—на 31,1⁰/₀, это составляетъ среднее годовое приращеніе въ первый семилѣтній промежутокъ на 4,3⁰/₀ (764 мальчика), а въ послѣдній четырехлѣтній на 7,8⁰/₀ (1.774 мальчика); количество же учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ дѣвочекъ возросло въ первый семилѣтній періодъ на 43,3⁰/₀, а въ послѣдній четырехлѣтній на 20,7⁰/₀, что составляетъ среднее годовое приращеніе въ первый промежутокъ въ 6,2⁰/₀ (331 дѣвочка), а въ послѣдній—5,2⁰/₀ (397 дѣвочекъ); не совсѣмъ, конечно, отрадно то, что относительно ростъ школьнаго дѣла для дѣвочекъ какъ бы въ послѣдніе годы немного замедлился, но все же послѣднее продолжаетъ прокладывать собѣ путь: уже не на 331 дѣвочку, а на 397 дѣв. увеличивалось ежегодно (въ среднемъ.) количество учащихся дѣвочекъ. Количество дѣтей школьнаго возраста, посѣщавшихъ учебныя заведенія, увеличилось за это время въ 1½ раза—съ 0,042 до 0,064, при чемъ за послѣдніе 4 года контингентъ этотъ въ средѣ мальчиковъ возросъ на 0,017 (съ 0,078 до 0,095) или на 1,7⁰/₀, а въ средѣ дѣвочекъ на 0,004 или на 0,4⁰/₀; четыре года назадъ, въ 1885 г., обучалась одна дѣвочка изъ 226,3 женщинъ, а въ 1889 г.—изъ 129,3 женщинъ; также въ 1885 г. въ мужскомъ населеніи обучался одинъ изъ 80,2, а въ 1889 г.—одинъ изъ 66,4 мальчиковъ. Замѣчается въ общемъ, правда, что за послѣдніе 4 года ростъ школьнаго дѣла въ женскомъ населеніи идетъ медленнѣй роста его въ мужскомъ населеніи и пропорціонально даже медленнѣе, чѣмъ въ промежутокъ 1879—1885 гг.: въ 1879 г. на 100 учащихся въ школѣ мальчиковъ приходилось 30,6 дѣвочекъ, а уже въ 1885 г. 33,6 дѣвочекъ, между тѣмъ какъ въ 1889 г. опять на 100 мальчиковъ приходится 30,6 дѣвочекъ; но это указываетъ не на то, чтобы школьное дѣло въ женскомъ населеніи остановилось въ statu quo (что ясно изъ предыдущаго), а лишь на то, что оно развивалось не съ той быстротой, какъ въ мужскомъ населеніи.

Обращаясь къ анализу школьнаго дѣла въ отдѣльности въ городахъ и въ округахъ, мы увидимъ, что оно развивалось и здѣсь, и тамъ, и въ округахъ даже успѣшнѣе (относительно), чѣмъ въ городахъ, и не только для мужскаго населенія, но и для женскаго. Такъ,

количество учебныхъ заведеній за 11-лѣтній періодъ въ городахъ увеличилось на 65 заведеній (съ 148 до 213), или на 43,2%, а въ округахъ на 551 заведеніе (съ 512 до 1063), то-есть, слишкомъ вдвое—на 107,6%, въ городахъ среднее годовое приращеніе въ 4% (6 заведеній), а въ округахъ—въ 9,7% (50 учебныхъ заведеній), и наименьшій ростъ приходится въ округахъ именно на послѣдніе 4 года: въ городахъ количество учебныхъ заведеній увеличивалось въ семилѣтіе 1879—1885 гг. на 48 заведеній (съ 148 до 196), то-есть, на 32,4%, за послѣднее 4-лѣтіе возросло лишь на 8,7%; въ округахъ же наоборотъ возросло въ первый 7 лѣтъ лишь на 141 учебное заведеніе (съ 512 до 653), или на 27,5%, количество учебныхъ заведеній возросло здѣсь за послѣдніе 4 года на 410 учебныхъ заведеній (съ 653 до 1.063), или на 62,8%; среднее годовое приращеніе въ городахъ составляетъ въ 1879—1885 гг. 4,6%, а въ 1886—1889 гг. 2,2%, въ округахъ же оно составляетъ въ первый періодъ 3,8%, а въ послѣдній 13,2%; въ городахъ одно учебное заведеніе приходилось въ 1879 г. на 1.324 человѣка, а въ 1889 г. на 1.509,4 человѣка. въ округахъ же въ 1879 г. на 5.949,7, а въ 1889 г. на 3.293,8, хотя еще въ 1885 г. оно приходилось въ послѣднихъ на 6.054 душъ.

То же видимъ и при анализѣ количества учащихся. Въ городахъ за 11-лѣтній періодъ контингентъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ возрастаетъ на 3.056 человѣкъ (съ 11.049 до 15.005), или на 27,7%, что составитъ среднее годовое приращеніе въ 2,8% (278 человѣкъ) въ округахъ же оно возросло на 12.374 человѣка (съ 11.765 до 24.139), или слишкомъ вдвое—на 105,2% въ годъ, среднимъ числомъ, на 9,6% (1.125 человѣкъ); при этомъ преимущественный ростъ количества учащихся имѣетъ мѣсто именно въ округахъ: возросши въ городахъ въ семилѣтіе 1879—1885 гг. на 3.457 (съ 11.049 до 14.506), или на 31,3%, количество учащихся за послѣдніе 4 года возросло здѣсь всего на 499 учащихся (съ 14.506 до 15.005), или на 3,4%, то-есть, въ первый періодъ среднее годовое приращеніе составляло 4,8% (2.072 чел.), а въ послѣдній 0,9% (125 чел.); совсѣмъ не то въ округахъ: здѣсь за 1879—1885 гг. количество учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ возросло на 4.191 чел. (съ 11.765 до 15.956), или на 35,6%, а въ послѣдніе 4 года (1886—1889 гг.) на 8.183 чел. (съ 15.956 до 24.139), или на 51,3%, то-есть, среднее годовое приращеніе составляло въ первый періодъ 5,1% (599 чел.), а въ послѣдній—12,8% (2.046 чел.). Тотъ же выводъ получаемъ при анализѣ роста учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ въ городахъ и въ округахъ

по поламъ: количество учащихся мальчиковъ за весь 11-лѣтній періодъ возросло въ городахъ на 2.364 мальч. (съ 7.671 до 9.859), или на 30,8%, что составитъ среднее годовое приращеніе въ 2,8% (215 мальч.), въ округахъ же возросло оно слинкомъ вдвое—на 10.065 мальч. (съ 9.794 до 19.859), или на 102,8%, что составляетъ среднее приращеніе въ годъ въ 9,3% (915 мальч.). Что касается учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ дѣвочекъ, то количество ихъ за этотъ періодъ возросло въ городахъ на 1.592 дѣвочки (съ 3.378 до 4.970), или на 47,1%, въ годъ среднимъ числомъ на 4,3% (145 дѣвоч.); въ округахъ же оно возросло слинкомъ вдвое на 2.309 дѣвоч. (съ 1.971 до 3.047), или на 117,2%, что составитъ среднее годовое приращеніе въ 10,7% (210 дѣвочекъ). Мы видимъ особенный успѣхъ дѣла въ томъ именно обстоятельствѣ, что въ округахъ количество учащихся возросло сравнительно больше, чѣмъ въ городахъ, и не только количество учащихся мальчиковъ, но и учащихся дѣвочекъ. И опять-таки не можемъ не отмѣтить, что ростъ за послѣдніе 4 года шелъ быстрее, чѣмъ въ предыдущія 7 лѣтъ; въ городахъ количество учащихся мальчиковъ возросло въ 1879—1885 гг. на 1.188 чел. (съ 7.671 до 9.859 мальч.), или на 15,5%, а въ 1886—1889 гг. всего на 176 мальч. (съ 9.859 до 10.035), или на 1,8%; то-есть, въ первый періодъ среднее годовое приращеніе составляло 2,2% (170 мальч.), а въ послѣдній—0,4% (44 мальч.), не то въ округахъ: здѣсь оно возросло въ первый періодъ на 3.145 чел. (съ 9.794 до 12.939), или на 32,1%, что составитъ среднее годовое приращеніе въ 4,6% (449 мальч.), а въ послѣдній періодъ на 6.920 чел. (съ 12.239 до 19.859), или на 53,5%—среднимъ числомъ въ годъ на 13,4% (1.730 мальч.). То же и относительно учащихся дѣвочекъ: среднее годовое приращеніе составляеть въ городахъ въ 1879—1885 гг. 5,7% (181 дѣв.), а въ 1886—1889 гг. 1,1% (81 дѣв.); въ округахъ же оно составляетъ въ первый періодъ 7,8% (149 дѣв.), а въ послѣдній—10,5% (316 дѣв.).

4. Чудинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Декабрь 1891 года.

Я не разъ сообщалъ вамъ о пробудившемся во Франціи стремленіи къ изученію русской исторіи и литературы. Оно подало поводъ къ изданію нѣсколькихъ сочиненій, къ сожалѣнію, написанныхъ поспѣшно и не отличающихся полнотой. Собственно говоря, можно было бы у насъ пересчитать по пальцамъ лицъ, дѣйствительно знающихъ русскій языкъ и вообще Россію. Упомяну, какъ о явленіи особенно любопытномъ, о только что вышедшей въ свѣтъ книгѣ *Révue Encyclopédique*, всецѣло посвященной Россіи (номеръ 1-го декабря). Это періодическое изданіе, основанное въ началѣ истекающаго года книжною фирмой Ларусса, предназначено служить повременнымъ продолженіемъ известной „Энциклопедіи“, изданной этою фирмою и понынѣ расходящейся въ продажѣ. *Révue Encyclopédique* является прежде всего очень любопытнымъ сборникомъ малозвѣстныхъ матеріаловъ и свѣдѣній, а также рисунковъ и чертежей по разнымъ отраслямъ знанія. Послѣдствіемъ Московско-французской выставки редакция этого сборника задумала издать книгу о Россіи, какъ образовательное пособие для лицъ, мало знакомыхъ съ нашимъ отечествомъ. Для составленія такой книги потребовалось много сотрудниковъ и собраніе многихъ малодоступныхъ матеріаловъ; поэтому ея печатаніе замедлилось, и она появилась въ свѣтъ только 1-го декабря. Это цѣлый томъ въ 110 страницъ въ 4-ку, съ сотней гравюръ и картой. Въ составленіи его участвовали почти все наши писатели, известные своими познаніями *in russiis*. Отдѣлы исторіи русской литературы обработалъ Вогюэ и Луи Лажеромъ, отдѣлы русской исторіи—Рамбо и Вандалемъ, общественной и политической жизни—Леруа-Болье и Эрнестомъ Леромъ, экономическаго быта—Рафаловичемъ, этнографіи—Жираномъ де Ріалемъ. Артуръ

Нуженъ помѣстилъ въ книгѣ статью о русской музыкѣ, а Гранъ-Картере—о русскихъ народныхъ картинкахъ; иллюстраціи исполнены фототипіей и очень хороши. Это изданіе имѣло большой успѣхъ и составитъ со временемъ библиографическую рѣдкость, за которую любители будутъ гоняться.

Наши филологи и археологи начинаютъ также интересоваться трудами своихъ русскихъ собратьевъ. Фирма Librairie de l'art только что окончила печатаніе перевода „Исторіи византійской живописи по миниатюрамъ“ Н. П. Кондакова. Французскій переводъ сдѣланъ помянутымъ Травинскимъ, предисловіе написано лейпцигскимъ профессоромъ Шпрингеромъ, а напечатанъ этотъ трудъ подъ редакціей Эжена Мюнтца, бібліотекаря школы изящныхъ искусствъ. Книга издана очень роскошно въ 4-ву. Одновременно съ этимъ изданіемъ нашъ неутомимый археологъ Соломонъ Рейнакъ выпустилъ книгу о древностяхъ южной Россіи, переводъ известной книги Н. П. Кондакова и графа П. П. Толстого; переводъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ самихъ авторовъ, и во французское изданіе вошли снимки съ клише русскаго изданія. Книгѣ предпослуживъ введене, написанное Рейнакомъ.

Изъ новихъ описаній путешествій по Россіи укажу на книгу Калуста Гульденкіана: „Закавказье и Апшеронскій полуостровъ“ (1 т. въ въ 12-ю д. л. у Галлетта). Не смотря на свое иностранное происхожденіе, авторъ превосходно владѣетъ французскимъ языкомъ. Сообщаемыя имъ подробности о торговлѣ петролеумомъ на Кавказѣ очень любопытны.

Наконецъ, книжная фирма Альберга Савина только что напечатала томъ въ 12-ю д. л. подъ заглавіемъ: „Россія. Исторія, географія и литература“. Авторъ ея Еженъ Геренъ не специалистъ и ограничилъ свой трудъ просто компиляціей изъ прежнихъ французскихъ сочиненій. Небольшая книжка его гораздо бѣднѣе свидѣніями, чѣмъ вышеупомянутое изданіе *Révue Encyclopédique*. Наиболее любопытна въ ней бібліографія главныхъ сочиненій, изданныхъ на французскомъ языкѣ о Россіи.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ сочиненій, вышедшихъ въ 1891 году, принадлежитъ Дебидуру: „Исторія европейской дипломатіи съ открытія конгресса въ Вѣнѣ и до закрытія конгресса въ Берлинѣ. 1814—1878“ (*L'Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès à Berlin. 1814—1878, 2 vol. in 8°. Paris. Librairie Alcan*). И еще не имѣлъ случая говорить вамъ о трудахъ Дебидура. Нѣкоторые изъ нихъ, на-

прикѣръ, по исторіи провинці Анжу, имѣютъ чисто мѣстный интересъ, другіе же—болѣе общій. Онъ написалъ біографію Дюгеслена, этюдъ объ императрицѣ Осодорѣ, „Критическіе этюды о революціи, имперіи и современномъ періодѣ“. Дебидуръ былъ деканомъ словеснаго факультета въ Нанси, а теперь состоитъ главнымъ инспекторомъ средняго образованія. Его „Дипломатическая исторія“—трудъ, глубоко обдуманнй и важный. Авторъ стремился прежде всего, какъ и самъ говоритъ въ предисловіи, быть точнымъ и яснымъ, откровеннымъ и честнымъ. Методъ его изложенія—синтетическій; онъ старается изобразить политическую картину Европы и объяснить дипломатическія дѣйствія державъ—перевѣию яхъ внутреннихъ условій. Къ каждой главѣ приложенъ тщательно составленный бібліографическій указатель. При появленіи каждого новаго листа авторъ посвящаетъ ему особое примѣчаніе. Весьма подробный указатель именъ заканчиваетъ второй томъ. Вообще эта книга любопытна по своему содержанию. Не смотря на дороговую цѣну (18 франковъ за два тома), она уже распродана въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ; для труда серьезнаго это настоящій успѣхъ.

Въ послѣднее время, рядомъ съ руководствами, назлагающими преимущественно политическую исторію, стали появляться сочиненія, посвященныя исторіи правовъ и учреждений. Книжная фирма Каптена предпринимаетъ изданіе цѣлаго ряда такихъ книгъ, подъ заглавіемъ „Bibliothèque d'histoire illustrée“, обѣщающую принести большую пользу. Она печатается подъ наблюденіемъ Жюльа Зеллера, члена академіи нравственныхъ наукъ, объ „Исторіи Гераніи“ котораго я недавно писалъ вамъ, и одного изъ парижскихъ профессоровъ Васта, автора весьма замѣчательнаго изслѣдованія о кардиналѣ Виссаріонѣ. Предполагается снабдить воспитанниковъ лицеевъ, студентомъ и вообще читателей не-специалистовъ, книгами общедоступнаго содержанія, не претендующими на ученость, но въ то же время соответствующими послѣднимъ открытіямъ науки. Это не учебники, а книги для чтенія, предназначенныя поощрять преподаваніе учителя и возбуждать любознательность читателя. Онѣ будутъ снабжены гравюрами и снимками съ древнихъ памятниковъ. Все собраніе составитъ томовъ тридцать. Изданіе это имѣетъ нѣкоторое сходство съ „Bibliothèque de l'enseignement des beaux-arts“, которая печатается тою же фирмой и имѣетъ весьма значительный успѣхъ. Два тома „Исторической бібліотеки“ уже появились въ свѣтъ: „Двѣ революціи въ Англіи (1603—1689) и англійская нація въ XVII вѣкѣ“—

Эдуарда Сёу (Les deux révolutions d'Angleterre et la nation anglaise au XVII siècle) и „Франція при Людовикѣ XV“—Эрнеста Карре (La France sous Louis XV). Миѣ уже случилось писать вамъ о Сёу, профессорѣ словеснаго факультета въ Безансонѣ; онъ, между прочимъ, написалъ „Исторію Венгріи“, лучшую изъ существующихъ на французскомъ языкѣ. Его книга даетъ любопытную картину Англіи въ XVII вѣкѣ. Авторъ хорошо знакомъ со всѣми сочиненіями объ этомъ важномъ періодѣ, написанными во Франціи и въ Англіи, и пользуется ими съ большимъ талантомъ. Карре—профессоръ исторіи въ словесномъ факультетѣ города Пуатье. Его задача была познакомить читателя съ состояніемъ двора и общества въ царствованіе Людовика XV и показать, какимъ образомъ это царствованіе подготовило паденіе монархіи и революцію. „Историческая Библіотека“ насчитываетъ уже теперь въ числѣ своихъ сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ нашихъ историковъ—Перрана, Люнера, Зеллора.

Нравящъ съ этимъ издапіемъ обращаю ваше вниманіе на серію „Историческихъ чтеній“, издаваемую Гашеттомъ. Она обогатилась новымъ томомъ: „Чтенія по исторіи для втораго класса“ (Lectures historiques pour la classe de seconde), посвященнымъ исторіи среднихъ вѣковъ и исторіи новаго времени съ 1270 по 1610 годъ. Это выборъ отрывковъ изъ подлинныхъ источниковъ въ переводѣ на современный французскій языкъ или же изъ сочиненій нинѣшнихъ историковъ—Ренана, Тена, Симеона Люса, Лависса, Сёу, Лажера, Рамбо. Къ нимъ приложены очень хорошія иллюстраціи, и каждая глава снабжена библиографическимъ указателемъ, который, быть можетъ, покажется лишнимъ для воспитанниковъ лицеевъ, но будетъ очень полезенъ для учителей и студентовъ. Къ исторіи Россіи относится тутъ очеркъ Лажера о Домостроѣ и статьи Рамбо объ англичанахъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ.

Въ „Bibliothèque des merveilles“, издаваемой также Гашеттомъ, вышли въ свѣтъ два тома, оба весьма любопытные для молодыхъ людей, посвящающихъ себя занятіямъ исторіей: „Форумъ“—Оже де Лассю (Le Forum) и „Рукописи“ (Les Manuscrits)—Августа Молинье. Оже де-Лассю—археологъ-любитель, хорошій знатокъ древняго міра, умѣло знакомящій съ нимъ юное общество. Онъ уже помѣстятъ въ „Bibliothèque des Merveilles“ „Voyage aux sept merveilles du monde“, „Les Tombeaux“ и „Les Spectacles antiques“. Въ небольшомъ изящномъ томикѣ, разказывая исторію Форума, онъ воссоздаетъ исторію древняго Рима въ цѣлой серіи живописныхъ сценъ; иллюстраціи этой

книги тщательно воспроизведены по памятникамъ. Книга Огюста Молинье о рукописяхъ и миниатюрахъ весьма любопытна. Хранитель Мазариновой библиотеки, Молинье — одинъ изъ лучшихъ учениковъ école des Chartes. Его книга будетъ содѣйствовать распространенію свѣдѣній, которыя обыкновенно не выходятъ за предѣлы тѣснаго круга палеографовъ по профессіи. Она начинается описаніемъ первыхъ извѣстныхъ памятниковъ цилиндрическаго письма ассиріанъ и идетъ до конца XVIII вѣка. Добросовѣстно написанная, хорошо иллюстрированная, эта книга поучительна не только для юности, но и для болѣе широкаго круга читателей.

Климентъ Жюлианъ, профессоръ словеснаго факультета въ Бордо, продолжаетъ печатать сочиненія Фюстеля-де-Куланжа. Онъ только что выпустилъ въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ: „Новыя изысканія о нѣкоторыхъ историческихъ задачахъ“; она служитъ продолженіемъ книги Фюстеля, напечатанной въ 1885 году, подъ тѣмъ же названіемъ (*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*) и заключающей въ себѣ этюды о послѣднихъ вѣкахъ Римской имперіи и германскомъ мірѣ. Новый томъ состоитъ частью изъ статей, нѣкогда помѣщенныхъ авторомъ въ журналахъ, частью же изъ трудовъ не изданныхъ. Главныя статьи книги слѣдующія: 1) „Изысканія о правѣ собственности у грековъ“ (не изданная); 2) „Изысканія о метаніи жребія при назначеніи лонинскихъ архонтовъ“; 3) „Какимъ образомъ исчезъ друнизмъ“; 4) „Римскія традиціи по французской монархіи“ (сочиненіе совершенно не изданное); 5) „Изысканія о законахъ варваровъ“. Жюлианъ пополнилъ эти статьи нѣсколькими примѣчаніями, которыя помѣстилъ въ скобкахъ, чтобы выдѣлить ихъ отъ текста самаго Фюстеля-де-Куланжа.

Нѣсколько времени тому назадъ я писалъ вамъ объ атласѣ Шрадера, какъ о наиболѣе замѣчательномъ изъ нашихъ картографическихъ изданій послѣдняго времени. Издателю пришла прекрасная мысль выпустить подъ заглавіемъ „Картографическаго года“ (*L'Année cartographique*) ежегодную лѣтопись всѣхъ сдѣланныхъ за годъ работъ по картографіи; книга эта вышла въ свѣтъ въ видѣ тетради цѣною въ 3 франка и включаетъ въ себѣ карты и текстъ. Въ ней помѣщены, между прочимъ, маршруты русскихъ путешественниковъ по Азіи — капитана Громчевскаго, братьевъ Грумъ-Гржимайло, а также маршруты Шарля Рабо отъ Нечоры до Оби и Бонвало — по Средней Азіи и Тибету; затѣмъ маршруты французскихъ, бельгійскихъ и нѣмецкихъ миссій по Африкѣ; кромѣ того, обозначены границы владѣній различныхъ европейскихъ государствъ въ Африкѣ по опредѣленію

недавнихъ дипломатическихъ конвенцій (французскія владѣнія въ Африкѣ равняются въ настоящее время почти 9 милліонамъ квадратныхъ километровъ); помѣщены также извѣстія о новой топографической картѣ (Ъверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и карта съ точно нанесенными границами Бразиліи и Боливіи. Примѣчанія, приложенныя къ картамъ, дополнены библиографическими указаніями.

Изъ недавнихъ французскихъ изслѣдованій въ Африкѣ одно изъ самыхъ важныхъ сдѣлано капитаномъ Бенже (Binger) на протяженіи отъ Нигера до Гвинейскаго залива чрезъ страну Конго и Моси (1887—1880). Нѣкоторые отрывки изъ этого путешествія были напечатаны въ журналѣ *Le Tour du Monde*, полный же разсказъ о немъ появился подъ названіемъ: „Отъ Нигера къ Гвинейскому заливу“ (*Du Niger au Golf de Guinée*, 2 vol. in 8°), [съ картами и гравюрами. Капитанъ Бенже — дѣятельный и умный офицеръ главнаго штаба. Онъ пишетъ совершенно просто и очень занимательно. Онъ имѣетъ въ виду иржеде всего французскую колонизацію и дѣлетъ драгоценныя указанія для ея расширенія. Онъ не пренебрегаетъ научными вопросами; послѣднія главы его книги посвящены климатологій, флорѣ, языковѣдѣнію, исторіи и генеалогіи пройденныхъ имъ странъ. Иллюстраціи книги весьма любознѣтны, особенно тѣ, которыя изображаютъ татуированіе мѣстныхъ жителей.

Книжная фирма Поля Делашлана предприняла изданіе исторіи трехъ преимущественно изучаемыхъ литературъ въ нашихъ школахъ— французской, греческой и латинской. Оно составитъ три тома и будетъ обработано по одному плану. Въ каждой книгѣ, въ концѣ главы, посвященной извѣстному писателю, находится нѣсколько отрывковъ изъ него и указатель главныхъ сочиненій о немъ. Исторія греческой литературы написана Максомъ Эгжеромъ, синомъ извѣстнаго еллингиста; исторія французской литературы составлена Думи, извѣстнымъ профессоромъ и критикомъ, а исторія латинской литературы— Жанруа и Нюшомъ, профессорами факультетовъ въ Реннѣ и въ Тулузѣ. Эти три тома возбуждѣтъ въ юношахъ желаніе прочитатъ авторовъ, съ твореніями которыхъ они знакомятся тутъ въ краткомъ изложеніи, а это—самый желательный результатъ въ педагогическомъ отношеніи. Впрочемъ, по содержанію своему изданіе это не имѣетъ и не можетъ имѣть научнаго характера.

Серія монографій о великихъ французскихъ писателяхъ увеличилась двумя новыми томиками: о Стендалѣ-Эдуардѣ Родѣ и объ Альфредѣ де Виньи—Мориса Палеолога, которому мы уже обязаны пре-

краснымъ этюдомъ о Вовенаргъ. Эдуардъ Родъ, швейцарецъ по происхожденію, состоитъ профессоромъ Женевскаго университета; онъ пишетъ очень много: ему принадлежить нѣсколько романовъ и довольно много критическихъ статей въ журналахъ—въ *Revue des Deux Mondes*, въ *Nouvelle Revue* и въ *Bibliothèque Universelle*. Его этюдъ о Стендалѣ тщательно составленъ, но нѣсколько небрежный слогъ выдаетъ швейцарское происхожденіе автора. Онъ хорошо освѣщаетъ личность писателя, имѣющаго усердыхъ поклонниковъ, но не популярнаго, и талантъ котораго по разъ оспаривался. Имя Стендала отсутствуетъ даже въ классической „Исторіи французской литературы“ Цизара. Въ замѣткѣ той же ему восторженно поклонялись Мериме и Бальзакъ, а въ наше время его превозносятъ Тенъ и Поль Вуржэ. Постоянное имя его Вейль; онъ родился въ Греноблѣ въ 1788 году. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Наполеоновой арміи, онъ сдѣлался во время реставраціи консуломъ сначала въ Триестъ, затѣмъ въ Чевита-Веккии. Онъ провелъ большую часть жизни въ Италіи и никогда не искалъ извѣстности. Стендаль умеръ въ 1842 году, предсказавъ, что сочиненія его будутъ пошаты въ 1880 году, что и сбылось: имя его окружено теперь гораздо большею извѣстностью, чѣмъ въ царствованіе Луи-Филиппа. Особеннымъ успѣхомъ пользуются его книга „О любви“, два романа „La Chartreuse de Parme“ и „Le Rouge et le Noir“ и этюды объ искусствѣ въ Италіи. Книга Рода еще болѣе распространить извѣстность Стендала.

Если значеніе Стендала все еще остается спорнымъ, то никто не станетъ отрицать высокое положеніе Альфреда де-Виньи въ средѣ представителей романтической школы XIX вѣка. Лирикъ, романистъ и драматургъ, онъ долженъ быть поставленъ рядомъ съ Гюго, Ламартиномъ и Альфредомъ де-Мюссе. Онъ менѣе ихъ искалъ литературной славы и всегда стремился къ глубинѣ мысли. Его сочиненія не очень популярны, но пользуются большимъ уваженіемъ среди людей тонкаго вкуса. Какъ поэтъ-философъ, онъ, быть можетъ, стоитъ выше своихъ современниковъ. Его сочиненія проникнуты духомъ пессимизма, который иной разъ напоминаетъ Лукреція. Въ жизни своей онъ держался особникомъ. Для этюда, посвященнаго де-Виньи, Палеологъ могъ воспользоваться драгоценными документами—не изданнымъ дневникомъ поэта, который принадлежитъ имѣнію Ратисбону и по особой волѣ покойнаго, не долженъ появляться въ свѣтъ, и не изданными же записками Сентъ-Бѣва, въ высшей степени любопытными для исторіи романтизма.

Фердинандъ Брюнетьеръ только что выпустилъ четвертый томъ своихъ „Критическихъ этюдовъ о французской литературѣ“. Эта новая серія заключаетъ въ себѣ этюды о французскомъ театрѣ XVI вѣка, о романахъ XVII вѣка, о Паскалѣ, Мольерѣ, Монтескье, Вольтерѣ Руссо, и г-жѣ де-Сталъ. Читающіе *Revue des Deux Mondes*, вѣроятно, замѣтили нѣкоторые изъ этихъ статей. Изъ всѣхъ нашихъ критиковъ Брюнетьеръ самый ревностный представитель традицій XVII вѣка; онъ даже имѣетъ притязаніе воспроизводить стиль лучшихъ мастеровъ той эпохи. У него есть нѣкоторая доля педантизма, какой то наставнической тонъ, что породило ему много недоброжелателей; тѣмъ не менѣе, онъ—одинъ изъ замѣчательныхъ критиковъ нашего времени. Въ его этюдахъ много поучительнаго, если даже и не вполне съ нимъ соглашаешься. Притомъ же, Брюнетьеръ—одинъ изъ наиболее трудолюбивыхъ современныхъ писателей. Онъ состоитъ профессоромъ французской литературы въ Нормальной школѣ, пишетъ въ *Revue des Deux Mondes* и въ „Большой энциклопедіи“; кромѣ того, онъ предпринималъ вести въ театрѣ Одеонъ еженедѣльные бесѣды по исторіи французскаго театра. Въ этомъ театрѣ идутъ каждый четвергь представленія классическихъ пьесъ для учащагося юношества. Читенія Брюнетьера, предназначенныхъ для большой публики, составляютъ нѣчто въ родѣ исторіи театра. Онѣ еженедѣльно печатаются въ *Revue Bleue* и, вѣроятно, въ скоромъ времени составятъ новый томъ этюдовъ неутомимаго критика.

Книжная фирма Армана Колена издала два сборника, весьма любопытныя для изученія французской литературы: „Антологію изъ сочиненій Жюль Мишле“ (*Anthologie des oeuvres de Jules Michelet*) и „Антологію изъ сочиненій Жака-Жака Руссо“ (*Anthologie de Jean-Jacques Rousseaux*). Сочиненія Мишле очень многочисленны и объемисты, но не всѣ имѣютъ время читать его двадцатитомную „Исторію Франціи“, а въ другихъ его произведеніяхъ не все удобно для чтенія юношества. „Антологія изъ сочиненій Мишле“ (одинъ томъ въ 12-ю д. л.) редактирована подъ наблюденіемъ вдовы знаменитаго историка молодымъ писателемъ Сеньюбозомъ. Сдѣланный въ ней выборъ отрывковъ даетъ полное понятіе о весьма разнообразномъ талантѣ автора, которому мы обязаны важными и глубокими страницами исторіи, поэтическими размышленіями о царствѣ природы и о социальной философіи.

Еще менѣе Мишле Жакъ-Жакъ Руссо можетъ быть цѣлкомъ предоставленъ для чтенія юношеству. Рѣшблавъ, авторъ любопытной

монографіи о графѣ Кейлюсъ, съ большимъ умѣніемъ и вкусомъ выбралъ и составилъ выборъ отрывковъ изъ разнообразныхъ сочиненій женевскаго философа. Этой антологіи предислано введене, въ которомъ изложена біографія Руссо и приведены нѣкоторыя сужденія о немъ критиковъ: — Берко, Вильмена, Сентъ-Бѣва, Низара, Ламартина.

Тѣмъ же издателемъ предпринято печатаніе большаго сборника отрывковъ изъ иностранныхъ писателей. Первый томъ его только что появился въ свѣтъ и посвященъ Англіи и Германіи. Составитель его Дицъ,—преподаватель въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ. Книга заключаетъ въ себѣ краткую исторію англійской и нѣмецкой литературы, свѣдѣнія объ отдѣльныхъ писателяхъ и рядъ отрывковъ изъ нихъ, при чемъ Дицъ либо пользовался лучшими изъ существующихъ переводовъ, либо самъ перевелъ ихъ. Это изданіе появилось кстати въ то время, когда стараются организовать во Франціи такъ называемое „новое образованіе“ съ замѣною греческаго и латинскаго языкомъ англійскимъ и нѣмецкимъ.

Для той же цѣли Боссеръ, главный инспекторъ средняго образованія, выпустилъ въ свѣтъ краткую исторію нѣмецкой литературы. Вы уже знаете нѣкоторыя его сочиненія: „La Littérature allemande au Moyen-Âge“, монографіи о Гете и Шиллерѣ, о поэмѣ „Тристанъ и Изольда“. Имъ же редактирована статья о нѣмецкой литературѣ для „Большой Энциклопедіи“. Краткая его „Исторія“ есть въ сущности историческая антологія, для которой Боссеръ, также какъ и Дицъ, воспользовался прежде сдѣланными переводами.

Не для учебныхъ цѣлей предназначено сочиненіе Эмиля Монтегю: „Часы чтенія одного критика“ (Heures de lecture d'un critique); оно посвящено исключительно англійской литературѣ и заключаетъ въ себѣ этюды о Джонѣ Обрей, Поупѣ, Вильямѣ Коллинзѣ, Джонѣ Моундвиллѣ; Монтегю не принадлежитъ къ школѣ Брюнетьера; онъ очерпнулъ въ сношеніяхъ съ англичанами наклонность къ юмору; онъ чуждъ неадаптизма и дидактизма, но онъ уменъ, пишетъ занимательно и потому пользуется большимъ сочувствіемъ читателей.

Л. Л.—рѣ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

А. А. Потебня.

29-го ноября скончался въ Харьковѣ заслуженный ординарный профессоръ Александръ Леонасьевичъ Потебня. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ будащихъ, поучающихъ и поднимающихъ нашу читающій миръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія знавали профессора Потебню развѣ по имени: печатался въ двухъ, трехъ не читаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственный званію нивогда не являвагоса въ Петербургъ провинціального профессора и приличныя ему позымошія и награды, на лѣтнее время часто бывалъ увольняомъ въ отпуски за границу.

Чѣмъ занимался А. А. Потебня? Что онъ писалъ? Надо думать—предметъ его занятій былъ очень далеко отъ разумныхъ интересовъ русскаго общества, отъ современныхъ задачъ общечеловѣческой образованности, науки, если столь яизъ преданная просвѣщеніа наша публика и лучшая ея выразительница, наша повременная литература такъ мало знала о профессорѣ Потебнѣ и его трудахъ.

Нѣтъ, труды покойнаго нашего ученаго были посвящены языкованію и преимущественно не какииъ-нибудь дальнимъ и совершенно чуждыиъ пайтъ языкамъ, наприиѣръ, африканскимъ, а языкамъ нашей индо-европейской семьи, главнѣйше языкамъ литовскому, латыш-

скому и славянскимъ, въ особенности же языку русскому и его наричаемымъ. Другимъ излюбленнымъ, собственно однороднымъ, предметомъ занятій профессора Потебни была народная поэзія Литовцевъ, Латышей, народовъ славянскихъ и въ особенности русскаго, во всѣхъ его разновидностяхъ.

Не къ удивленію, а къ сожалѣнію надо прибавить, что даже среди нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ и такъ-называемыхъ специалистовъ по русской словесности. среди даже преподавателей высшихъ заведений и членовъ ученыхъ учреждений и среди огромнаго большинства нашихъ педагоговъ-учителей русской словесности имя и труды профессора Потебни если пользовались, то лишь нечальною извѣстностью. Его называли *букволюдомъ*; про его сочиненія замѣчали, что они *темны, не понятны*.

Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечетъ извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ — что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славянскихъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языковѣданію.

Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ — тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ — не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проникательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высококачественнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Говорю о почившихъ и умалчиваю здѣсь о двухъ, трехъ высоко-даровитыхъ нашихъ языковѣдахъ, не перестающихъ трудиться къ чести нашей науки.

Какъ къ концу дѣятельности великаго основателя славяновѣдѣнія — аббата Добровскаго, Россія дала Востокова, разомъ далеко дѣкнущаго впередъ новую отрасль знанія, а въ пору зрѣлости и наибольшей славы другаго крупнаго слависта на западѣ, Шафиррика, Россія трудами и дѣятельностью Прейса, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Ундольскаго, Горскаго, Буслаева, Лавровскаго, Гильфердинга, Тихонравова, Пшпина, далеко распространила и въ ширь и

въ глубь изученіе разныхъ частей славяновѣдѣнія, такъ точно ко второй половинѣ самой плодотворной и энергической дѣятельности третьяго большаго слависта на западѣ—покойнаго профессора Миклошича, Россія въ послѣдніи два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней. Его изслѣдованія по славянской фонологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзи и мифологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ въ научномъ отношеніи и далеко оставляютъ за собою однородныя изысканія профессора Миклошича. Изслѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на западѣ, но можно съ увѣренностью предвидѣть гораздо большее ихъ вліяніе въ будущемъ.

Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражался всегда очень сжато, пиша исключительно для ученыхъ, посвящая свое богатое дарованіе и свои лучшіе, не щедро отмѣряемые судьбой, годы, русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движеніе науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасъ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области языка обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ.

Въ Европѣ огромное большинство образованнаго общества тоже не читало и не читаетъ трудовъ своихъ великихъ языковѣдовъ и филологовъ, но ихъ имена и великіи заслуги наукѣ ему хорошо извѣстны. Такъ, большая публика въ Германіи не читала и не читаетъ трудовъ В. Гумбольдта, Як. Гримма, Воппа, Нотта, Шлейхера, Бругманна или во Франціи—Бюрнуфа, Литтре, Н. Мейера, Г. Шариса, въ Италіи—Асколи, въ Даніи—Раска, Томсена, однако всему образованному обществу въ этихъ странахъ дороги и близки эти имена и болѣе или менѣе понятны заслуги этихъ ученыхъ. Тамъ школа, общія литература, журналистика давно и постоянно распространяетъ въ массѣ публики вѣрныя о нихъ понятія, прививаетъ цѣлымъ поколѣніямъ глубокое уваженіе къ этимъ подвижникамъ науки. Она воспитала въ обществѣ

любовь и благодарное къ нимъ чувство, благородную гордость нми, какъ одну изъ чистыхъ славъ своей родины.

Ничто такъ не свидѣтельствуеть о значительной невѣжественности нашего полубразованія и легкомыслія, какъ господствующее въ вашей школѣ, въ нашемъ литературномъ мірѣ и въ нашемъ образованномъ обществѣ это невѣдѣніе о трудахъ проф. Потебни или мнѣніе о немъ, какъ о несчастномъ буквоѣдѣ, писавшемъ темно и непонятно, невѣдомо для кого и для чего. Въ странахъ съ историческія, съ корня выросшею, а не привизною, или не заносною и не показною, образованностію, давно вошло въ привычку не только у богатыхъ, но и просто достаточныхъ, людей пріобрѣтать для своихъ бібліотекъ не только сочиненія любимыхъ и лучшихъ отечественныхъ поэтовъ, писателей, но и замѣчательнѣйшіе труды своихъ именитыхъ ученикъ, тѣмъ болѣе труды, посвященные родному языку. Нѣмецкая грамматика и исторія нѣмецкаго языка Гримма, его словарь или словарь Ляттре и его же филологическія изысканія о французскомъ языкѣ расходились во множествѣ экземпляровъ и украшаютъ собою тысячи частныхъ бібліотекъ не только богатыхъ, но и просто достаточныхъ Нѣмцевъ и Французовъ, вовсе не филологовъ. У насъ же Словарь Для Областныхъ Словари II Отд. Акад. Наукъ, историческая грамматика русскаго языка Вулаева во многихъ ли паходится частныхъ бібліотекахъ, особенно въ нашихъ богатыхъ домахъ, часто совершенно не имѣющихъ никакихъ почти настоящихъ бібліотекъ, или у нашихъ литераторовъ и нашихъ обыкновенныхъ любителей литературы, обычныхъ подписчиковъ и чтецовъ нашихъ толстыхъ журналовъ? Справокъ мы не наводили, но, думается, не ошибемся, если скажемъ, что изслѣдованія проф. Потебни о русскомъ языкѣ и русской народной повѣи въ отдѣльныхъ изданіяхъ (а не въ книжкахъ Ворон. Фил. Зап. и Варш. Филол. Вѣстника, считающихъ сотни три, четыре полуобязательныхъ подписчиковъ) разошлись въ продажѣ, едва ли болѣе, чѣмъ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, и едва ли не добрая половина этихъ распроданныхъ экземпляровъ пошла за границу.

Къ великому моему сожалѣнію и никогда не паходился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ покойнымъ А. А. Потебней. Только разъ въ жизни случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1862 г. и провести съ нимъ въ самой оживленной бесѣдѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ теченіе одного, двухъ ли или трехъ дней, теперь рѣзительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая, блиставшая оригинальнымъ умомъ и богатствомъ

продуманныхъ, изъ первыхъ рукъ добытыхъ, свѣдѣній, его любовь и художественная чуткость къ народной поэзи, его рѣдкое, особенно въ нынѣшней молодежи, уваженіе къ свободѣ и разуму народной жизни и мысли, его убѣжденіе въ народности науки въ каждой странѣ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе и вынудили мнѣ глубокое къ нему сочувствіе. О встрѣчѣ нашей я ничего не записалъ, подробности нашихъ разговоровъ мною забыты, помню впрочемъ, что кромѣ языка и народной поэзи шла рѣчь и о русской литературѣ и о разныхъ нашихъ и славянскихъ дѣлахъ. Помню также, съ какою глубокою грустью вспоминалъ онъ однажды о своемъ безвременно погибшемъ младшемъ братѣ, жертвѣ юношескихъ увлеченій,—передалъ нѣсколько подробностей о лично ему знакомой и высоко имъ цѣнимой писательницѣ нашей—Кохановской. Во второй и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось заочно сойтись съ покойнымъ Александромъ Аванасевичемъ въ началѣ нынѣшняго года. По предложенію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудилъ проф. Потебнѣ свою высшую награду—Константиновскую медаль. Какъ председательствующій въ этомъ Отдѣленіи, я извѣстия въ поздравилъ Александра Аванасевича, и мы тогда обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, свою фотографію. Сопоставляя ее съ его фотографическою карточкою, давнюю имъ мнѣ въ 1862 г., я, разумеется, нашелъ его сильно состарѣвшимся, но лица, видѣнія его прошлую зиму, гошорилъ мнѣ, что онъ нехудалъ, ослабѣлъ и постарѣлъ такъ, что эта фотографія уже не представляетъ настоящаго Александра Аванасевича. Проф. М. С. Дриновъ и самъ Александръ Аванасевичъ писали мнѣ еще зимой, что здоровье его очень плохо и силы слабѣютъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 25-го апрѣля онъ въ заключеніе прибавилъ: „За вопросъ о здоровьи—благодарю. Все плохо. Но утрамъ кое-чтоковырню, какъ старуха чулокъ выкетъ, при полномъ отсутствіи интереса, спускаю нетли и роняю синцы. 3-ю ч. Записокъ (по Русской грамматикѣ) нужно еще разъ переписать непременно самому; но она мнѣ уже надоѣла и я не знаю, когда я это сдѣлаю“.

Прошлою зимою Александръ Аванасевичъ не выходилъ изъ дому и съ трудомъ могъ читать лекціи только у себя на дому; но побѣдка лѣтомъ въ Италію—писалъ мнѣ В. А. Линуновъ, нашъ молодой даровитый филологъ, маистрантъ, работавшій у покойнаго профессора,—оказала благотворное дѣйствіе, хотя не надолго: вернувшись изъ-за границы Александръ Аванасевичъ чувствовалъ себя, повиди-

тому, на столько хорошо, что началъ было чтеніе лекцій въ университетѣ въ сентябрѣ, но вскорѣ принужденъ былъ прекратить вслѣдствіе инфлюэнціи, которая его страшно ослабила и возобновила приступы его постоянной болѣзни почекъ. Весь октябрь и ноябрь почти не вставалъ Александръ Афанасьевичъ съ постели¹⁾.

„Одно время передъ смертію ему стало лучше..., но 1-го декабря происходили его похороны“.

Изъ краткой, но весьма любознательной автобиографической записки А. А. Потебни (Шнина Ист. Русск. Этнографіи III, 420—424), мы узнаемъ нѣсколько подробностей объ его дѣтствѣ и юности.

Уроженецъ и мелкопомѣстный дворянинъ Ромненскаго уѣзда Полтавской губерніи, Александръ Афанасьевичъ учился въ польской Радомской гимназій, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Здѣсь училъ сносно развѣ только латышскому языку, остальное, по словамъ Афанасія Александровича, было ниже посредственности. Преподаваніе большей части предметовъ было на польскомъ языкѣ, поэтому и среди товарищей полковъ, (русскихъ было немного) юный Потебня отлично выучился по-польски и съ дѣтства такимъ образомъ свободно овладѣлъ тремя славянскими языками. Нѣмецкому языку выучился онъ въ семьѣ дяди, гдѣ также „приобрѣлъ охоту къ легкому чтенію“. Онъ отзывался съ благодарностью о своихъ харьковскихъ профессорахъ Зернинѣ, Валицкомъ, Н. А. и П. А. Лавровскомъ. Черезъ послѣднихъ Потебня, по его словамъ, познакомился съ сочиненіями Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка“, съ грамматикой Миклошича, съ трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на него вліяніе, говоритъ Потебня, укажу Костомарова: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ сочиненіе, которое мнѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не нравилось, и статью Пуслаена: „Объ энической поэзіи“¹⁾. „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ скромно А. А., ничьими совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, изолированно. Благодаря П. А. Лавровскому я сталъ заниматься славянскимъ языкованіемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. Больше пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ сличкомъ поздно, когда садиться за учебку было уже неудобно. Въ Берлинѣ и лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что,

¹⁾ Сборникъ Южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ Метлянскаго „былъ первымъ книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка“.

сидя одинъ на одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей бывало 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, еслибы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; стала одолавать тоска, и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію“

Въ той же автобиографической замѣткѣ, А. А. Потебня такъ объясняетъ направленіе и характеръ своей послѣдующей ученой дѣятельности: „Мнѣ кажется я вижу помочи, на которыхъ шла моя судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, не имѣющимъ непосредственно такъ-называемаго житейскаго значенія (ваковъ исчерпывающей все языковѣднѣе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики Полтавской гимназій, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (Полякъ; его ученикъ между прочимъ А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики Курской гимназій. Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давно умершими родственниками по отцу, получившими (по старинному) бузвально грошевое образованіе (за выучку у дѣака—кона грошей и горноковъ каши). Тетка моя по Чернигъ-Минскаму рѣшала философскіе вопросы, а дяди, рано убитый на Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій“¹⁾.

Подъ конецъ своей жизни замѣчательнѣйшій русскій филологъ, глубокомысленный исследователь русскаго языка и его историческаго развитія, А. А. Потебня нечаянно глядѣлъ на постановку филологическаго образованія въ русской сродной и высшей школѣ. Въ письмѣ къ мнѣ, отъ 7-го февраля 1891 г., Александръ Лодыженскій писалъ между прочимъ: „Я немногимъ Васъ моложе: въ этомъ году мнѣ будетъ 56. У меня два сына, къ счастью оба уже въ университетѣ, старшій на математическомъ, младшій на естественномъ. Случилось такъ, что 17-го января, когда я получилъ отъ Васъ телеграмму“²⁾,

¹⁾ *Извѣст. Ист. Русск. Этнографіи*, III, 421—422, и пр.

²⁾ Телеграмма была послана изъ Географическаго Общества въ годовое засѣданіе, за подписями вице-предсѣдателя Общества Н. Н. Семенова и предсѣдательствующаго въ Отдѣл. Этнографіи съ поздравленіемъ и извѣщеніемъ о присужденіи А. А.—чу высшей награды Общества—Константиновской медали.

старшій получилъ (золотую) медаль за сочиненіе по механикѣ. На выборѣ факультетовъ я не вліялъ, между прочимъ, и потому, что къ своему пристрастію не чувствую. *Печальная судьба филологическихъ знаній въ Россіи. Поую кажется, что мы идемъ не впередъ, а назадъ.* У насъ въ этомъ году на 1005—32 филолога въ томъ числѣ по славяно-русскому отдѣленію и(ожеть) б(ить) человекъ 5—6, да и то не по призванію, а ради хлѣба. Теперь у меня (на дому) 3 слушателя, въ томъ числѣ одинъ изъ вашихъ ¹⁾ кандидатовъ, Ляпуновъ, который здѣсь держитъ на магистра славянской филологіи. *„Изъ него будетъ прокъ“.*

Въ заключенію нашей памятной замѣтки о дорогомъ покойникѣ позволяю себѣ повторить мой отзывъ о трудахъ Потебни, представленный медальною комиссіею отдѣленія этнографіи совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о присужденіи проф. Потебнѣ Константиновской медали.

„Перебирая рядъ замѣчательныхъ сочиненій по лингвистикѣ, филологіи и народовѣдѣнію, вышедшихъ у насъ за послѣдніе три года, комиссія остановилась на трехъ новѣйшихъ трудахъ нашего глубоко-ученаго и высокоталантливаго языковѣда, уже тридцать лѣтъ энергически работающаго на пользу и славу отечественной науки въ области тѣхъ изслѣдованій, которыя, по § 1 Положенія, подлежатъ присужденію Константиновской медали со стороны Отдѣленія Этнографіи: „этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до народовъ, обитающихъ въ Россіи, или соплеменныхъ съ ними, если они привели къ какимъ-либо новымъ и важнымъ результатамъ“.

Разумѣемъ три новыхъ труда проф. А. А. Потебни: 1) Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 1889. Харьковъ. 1889. 535+IV стр. въ 8-ку. 2) Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Воронежъ. 1888. 76 стр. Въ 8-ку. 3) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ вѣсенъ. Веснянки. Колідки. Щедровки. 2 томл. Варшава. 1883 и 1837, 268+801 стр. въ 8-ку.

При оцѣнкѣ этихъ трудовъ проф. Потебни, мы обратимъ вниманіе, согласно § II Положенія о присужденіи Константиновской медали, и на прежнія произведенія автора.

¹⁾ То-есть. Петербургскаго университета, ученикъ проф. Игича, Б. М. Ляпуновъ вончалъ курсъ лѣтъ 6 назадъ, отличный молодой ученый. Его интересныя воспоминанія о Потебнѣ въ 1-мъ вым. „Живой Старши“ 1892 г.

Постоянными предметами 30-ти лѣтнихъ занятій и изслѣдовацій проф. Потебни были: Русскій языкъ въ его повременномъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи, въ связи и въ сравненіи съ родственными языками, то-есть, исторіи русскаго языка и русскаго діалектологіи, сравнительно съ исторіею и діалектологіею сродныхъ языковъ, преимущественно славянскихъ и литовско-латынскаго, или иначе историко-сравнительное изученіе русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ и словарномъ, и такое же историко-сравнительное изученіе народной поэзіи. со стороны ея формы и содержанія, возстановленіе, приёмами, историко-сравнительнаго метода, по остаткамъ обрядовъ, новѣлій, преданій, по разнымъ поэтическимъ образамъ и мотивамъ цѣлыхъ отдѣловъ народныхъ пѣсенъ, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ народовъ.

Высокое образованіе проф. Потебни, вполне знакомаго съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ сравнительнаго языковеденія, изученія народной поэзіи и сравнительной мифологіи, близкое знакомство съ Санскритомъ и Зендомъ, съ двумя классическими языками, съ историко-сравнительною грамматикою германскихъ и романскихъ, глубокое, на первоисточникахъ основанное, знаніе не только русскаго языка, древняго стараго и новаго, въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, но и всѣхъ языковъ славянскихъ, равно какъ литовскаго и латынскаго,—всѣ эти особенности составляютъ рѣдкіи и цѣнныя достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если онѣ соединены съ такимъ же глубокимъ знаніемъ народной поэзіи русскаго и всѣхъ славянскихъ племенъ, а также и наиболѣе съ нимъ сроднаго, литовско-латынскаго. Но какъ ни цѣнны и ни почетны эти качества, они не даютъ еще полнаго понятія о значеніи его трудовъ для отечественной образованности и для извѣстнаго круга наукъ: сравнительнаго языковеденія, русскаго и славянскаго филологіи, русскаго народовѣдѣнія, сравнительной исторіи литературъ, народной психологіи, сравнительной мифологіи. Глубокій и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгій изслѣдователь, проф. Потебни не живетъ процентами съ чужаго капитала, не производитъ своихъ наблюденій и изслѣдовацій лишь въ подтвержденіе, или на основаніи лишь постороннихъ соображеній и указаній, чужихъ, часто лишь занятыхъ, а не усвоенныхъ и не продуманныхъ, идей. Проф. Потебни мыслить самостоятельно. Въ избранной имъ области мысли, въ развитіи и сдѣленіи понятій онъ

прицѣплетъ такъ же свободно, онъ всегда такъ же дома, какъ въ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ звуковъ, корней, рѣченій, народныхъ поэтическихъ образовъ и мотивовъ. Отличался замѣчательною силою анализа, онъ, какъ и истинные художники слова, имѣлъ съ тѣмъ, хранить въ себѣ не порванными нити бессознательнаго поэтическаго преданія и творчества языка, и какъ всѣ высокіе дарованій ученые, обладаетъ своего рода творчествомъ. Его воззрѣнія и мысли по занимающимъ его вопросамъ всегда отличаются свѣжестью и оригинальностью, а воспринятія имъ идеи и мысли другихъ дѣятелей всегда имъ усвоены, выношены и переработаны въ его сознаніи. Оттого онъ и является у него съ извѣстными ограниченіями или дополненіями, значительно измѣненныя или развитыя далѣе. Въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Потѣбна, касаясь старыхъ не рѣшенныхъ вопросовъ, всегда подходитъ къ нимъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и открываетъ новыя стороны дѣла; но, требуя постоянно возможно большей „внутренней принудительности доказательствъ“, онъ не позволяетъ себѣ забыть „чего нельзя и что возможно“ для окончательнаго заключенія при наличномъ запасѣ данныхъ и наблюденій.

Въ своихъ запискахъ по грамматикѣ, какъ во второй, такъ особенно въ первой общій части проф. Потѣбна не только исполняетъ, ограничиваетъ, исправляетъ положенія и мысли о тѣхъ или другихъ вопросахъ по ученію объ языкѣ, высказанныя въ разное время В. Гумбольдтомъ, Вовпомъ, Поттомъ, Я. Гриммомъ, Гейзе, Штейнталемъ, Курціусомъ, Шлейхеромъ и друг., и остроумно обличаетъ внутреннюю несостоятельность разныхъ не продуманныхъ формулъ и положеній, встречаемыхъ у нѣкоторыхъ иначе заслуженныхъ ученыхъ, богатыхъ эрудиціею, но болѣе или менѣе слабыхъ по части идей и самостоятельности мысли. Между тѣмъ такого рода не продуманныя формулы и положенія, въ видѣ общихъ мыслей и опредѣленій, попадаютъ всего чаще въ текущую учебную литературу, всего легче пропикая въ общіе курсы и учебники. Проф. Потѣбна не только останавливается, особенно во второй части своихъ записокъ, на обличеніи несостоятельности такихъ положеній и опредѣленій не ради охоты къ обличенію, а потому что онъ имѣетъ въ виду правильное пониманіе многихъ важныхъ явленій въ исторіи языка и потому, что обличая односторонность того или другаго взгляда или мнѣнія, онъ лучше успѣваетъ раскрыть правильность и истинность представляемаго имъ воззрѣнія или положенія.

Обширная и глубокая эрудиція, масса фактовъ, извлеченныхъ

изъ памятниковъ древней и старинной русской письменности, памятниковъ народной словесности русской и всѣхъ славянскихъ, а также литовско-латынскихъ, самостоятельность и оригинальность основныхъ мыслей и замѣчательный даръ проникновенія въ тончайшіе отбѣнки строя русскаго языка сразу завоевали труду проф. Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, еще въ первомъ его изданіи 1874 — 1877 г., высокое мѣсто въ наукѣ, и русская и иностранная критика не могла тотчасъ же не признать его высокаго значенія, его выдающихся достоинствъ.

Наша Академія Наукъ, по почину Срезневскаго, поспѣшила присудить его автору полную Ломоносовскую премію. Въ своемъ отзывѣ, относительно первой части труда профессора Потебни, Срезневскій, между прочимъ, выразился: „Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже, какъ выборъ изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предъитые вопросы, въ трудѣ же проф. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка, его образованія и преобразованія“. О второй же части Срезневскій замѣтилъ между прочимъ: „Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикамъ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся; но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ усиліемъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до записокъ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ“.

Вслѣдъ за отзывомъ Срезневскаго поспѣшилъ и проф. Ягичъ въ своемъ Arch. f. slav. Phil. высказать свое мнѣніе о трудѣ проф. Потебни. Отзывивъ его крупными достоинства, онъ прибавилъ, что онъ „дастъ этому труду почетное мѣсто въ небольшомъ и безъ того ряду изслѣдованій въ области историко-сравнительнаго синтаксиса“. Ученикъ проф. Миклошича, г. Ягичъ высказалъ прямо, что „въ славянской грамматической литературѣ трудъ г. Потебни стоитъ рядомъ

съ синтаксисомъ Миклошича⁴. Дѣбы понять настоящее значеніе этихъ словъ, прибавимъ, что по выходѣ синтаксиса Миклошича, Ягичъ въ томъ же Archiv'ѣ высказалъ свое удивленіе „къ этому, по его словамъ, величественному Thesaurus syntacticus“, къ этому обширному труду въ 896 страницъ съ небывалымъ дотогѣ богатствомъ примѣровъ изъ древнихъ, старыхъ и новыхъ славянскихъ языковъ (Arch. f. sl. Phil. 1876. B. I.).

Впрочемъ, проф. Ягичъ прибавилъ, что „ближайшее сравненіе этихъ двухъ трудовъ одна ли теперь желательно, такъ какъ изслѣдованіи Потебни еще не доведены до конца“ (Arch. f. slav. Phil. 1876. B. II. II. 1. S. 166).

Ставя два труда рядомъ, мы извѣстнымъ образомъ уже сравниваемъ ихъ и даже сравнивали. Различіе труда проф. Потебни отъ этого труда Миклошича состоитъ не въ томъ только, что онъ не оконченъ, то-есть, что въ немъ, по мысли автора, не всѣ части синтаксиса обслѣдованы, а трудъ Миклошича, по мысли его автора, довершенъ. Если присоединить къ этимъ двумъ частямъ записокъ проф. Потебни по русской грамматикѣ недавно вышедшее новое его превосходное синтаксическое изслѣдованіе „Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“ 1889. 76 стр., то мы увидимъ, что по общему своему виду (547 + 76 = 623 стр.) трудъ Потебни составляетъ добрыя двѣ трети труда Миклошича. Такимъ образомъ, хотя трудъ г. Потебни и не оконченъ, но въ немъ синтаксическія явленія русскаго языка во всемъ его объемѣ очевидно рассмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать Миклошичъ въ своемъ оконченномъ трудѣ, посвященномъ синтаксису десяти славянскихъ языковъ съ общелитературнымъ русскимъ и малорусскимъ включительно. Вполнѣ признавая крупныя достоинства синтаксиса Миклошича, впервые давшаго вразѣ такой обильный запасъ примѣровъ и данныхъ по синтаксису десяти славянскихъ языковъ, не можемъ не обратить вниманія на особенность системы или вѣдимаго распорядка всѣхъ этихъ примѣровъ. Синтаксисъ Миклошича раздѣленъ на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ: о значеніи частей рѣчи, вторая о значеніи формъ. Первая часть раздѣлена на семь главъ съ своими подраздѣленіями, а вторая только на двѣ главы съ болѣе многочисленными отдѣлами. Такимъ образомъ видно, какъ были извлечены изъ памятниковъ различные примѣры, и какъ потомъ они были разложены по рубрикамъ: существительное, прилагательное, родъ, число, числительное имя, мѣстоименіе съ его обычными дѣле-

ніями, нарѣчіе, союзъ, глаголь съ его отдѣлами. Во второй части идутъ падежи и формы спряженія. Передъ каждой рубрикой есть нѣсколько болѣе или менѣе краткихъ предварительныхъ замѣчаній и затѣмъ идутъ примѣры на данную часть рѣчи или форму въ началѣ изъ ц.-слав., а потомъ изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Возможна и такая точка зрѣнія, по которой синтаксисъ Миклошича, не смотря на свое богатство примѣровъ, окажется далеко не конечнымъ и не полнымъ. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ, о числѣ именъ, окажутся очень краткими (37—51), не будетъ ли замѣчено, что между всѣми этими рубриками только разъ попадается слово „предложеніе“, имено за именительнымъ падежомъ идетъ небольшой отдѣлъ: *subjectlose Sätze* (346—369). Во избѣжаніе путаницы („лабиринта“) Миклошичъ, по собственнымъ его словамъ, предпочелъ размѣстить свои замѣчанія о разныхъ предложеніяхъ по рубрикамъ мѣстоименія, союза и пр. При такой системѣ или расположеніи сырого матеріала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видѣть отличительныя особенности и разнообразныя отгѣнки синтаксиса отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и почти нельзя прослѣдить историческое развитіе ихъ внутренняго строя. Въ трудѣ же проф. Потебни, благодаря его системѣ, мы имѣемъ передъ собою стройное изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличены и отмѣчены различныя отгѣнки повременныхъ замѣненій въ строѣ русскаго рѣчи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Тутъ привлекаются къ сравненію сходныя или различныя явленія историческаго развитія строя другихъ языковъ славянскихъ, а также литовскаго и латышскаго, а иногда, по жѣрѣ надобности, и другихъ арійскихъ. Въ общемъ введеніи, то-есть въ первой части и въ частныхъ главахъ второй части мы постоянно встрѣчаемся съ глубокими мыслями, тонкими наблюденіями и остроумными соображеніями, въ коихъ ярко выступаетъ высокое дарованіе нашего языковѣда. Въ своемъ отзывѣ о трудѣ проф. Потебни Срезневскій не смелъ возможнымъ умолчать о синтаксисѣ проф. Буслава, въ его исторической грамматикѣ. Дѣйствительно синтаксисъ составляетъ лучшую часть грамматики Буслаева. Онъ почти на 20-ть лѣтъ предварилъ синтаксисъ проф. Потебни. За Буслаевымъ навсегда останется великая заслуга, что онъ еще въ 1844 г. въ книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“ первый у насъ высказалъ въ своихъ синтаксическихъ замѣткахъ (II ч.), что „научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое“, и тутъ же

представилъ нѣсколько поясненій и примѣровъ изъ древняго, стариннаго и современнаго народнаго и литературнаго языка (стр. 141—163 и нѣсколько далѣе). Въ синтактичскомъ отдѣлѣ грамматки Буслеева наука получила въ первый разъ богатство примѣровъ изъ древней, старинной и современной народной рѣчи, вмѣстѣ съ примѣрами изъ Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и пр. При этомъ Буслеевымъ было высказано не мало частныхъ дѣльных замѣчаній, но справедливость не позволяетъ умолчать, что система Буслеева, вообще вся теоретическая сторона его синтаксиса, по большей части, не самостоятельна и довольно слаба. Послѣ труда проф. Потебни еще въ первомъ изданіи (1874 г.) синтаксисъ Буслеева является уже въ значительной степени трудомъ отсталымъ и устарѣлымъ, нельзя по истинѣ не пожалѣть, что педагоги наши доселѣ почти исключительно пробавляются книгою Буслеева и очень мало (не говоримъ объ исключеніяхъ и о непосредственныхъ ученикахъ проф. Потебни) усвоили себѣ глубокіе взгляды и богатые новыми плодотворными выводами наблюденія Потебни. Разумно усвоенная почтенною средою нашихъ педагоговъ, они должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ переѣмамъ въ методѣ и приемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже не маловажную, практическую сторону синтактичскихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько длетъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторію въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и обогащаютъ ее и какъ предметъ нашего изученія и какъ литературный нашъ языкъ, то-есть, какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства.

Научное значеніе синтактичскаго труда проф. Потебни выяснитъ

еще лучше, если, припомнивъ его отношеніе къ однороднымъ трудамъ Буслаева и Миклопича, мы прибавимъ, что по оригинальности воззрѣній, по глубинѣ анализа, по широтѣ и силѣ учености, трудъ А. А. Потебни далеко оставилъ за собою весьма почтенные труды Даниича, Вальявца, Гаттала, Зигмунда, Малецкаго и др. по синтаксису отдѣльныхъ западныхъ славянскихъ языковъ, южныхъ и сѣверныхъ. Можно сказать, что записки по русской грамматикѣ проф. Потебни занимаютъ въ настоящее время такое же мѣсто въ славянской филологіи по отдѣлу синтаксиса, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введеніе въ исторію чешской литературы и чешская грамматика), послужившія впоследствии образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ.

Много важнаго для славянской филологіи и для сравнительнаго языкознанія вообще представляютъ и другіе филологическіе труды проф. Потебни. Такъ его изслѣдованія подъ скромными заглавіями „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“, „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“ и замѣчательный разборъ сочиненія Житенцака, „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“. С.-Пб. 1871, — внесли въ науку рядъ важныхъ филологическихъ наблюденій историко-географическаго характера и понинѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по русской діалектологіи. Нельзя не пожелать появленія этихъ изслѣдованій въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи, ибо съ тѣхъ поръ вышло не мало новыхъ матеріаловъ, имѣющихъ значительно расширить и пополнить наблюденія нашего ученаго.

Въ четырехъ выпускахъ изслѣдованій „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“. Воронежъ 1876. Варшава 1880, 1881, 1883, содержится нѣсколько высоко замѣчательныхъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской общеславянской филологіи: о некоторыхъ звукахъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ, о первомъ полногласіи русскаго языка, о такъ названномъ Потебнею второмъ полногласіи — это явленіе впервые имъ отиѣчено, и терминъ, имъ данный, вошелъ уже въ науку, — о начальныхъ сочетаніяхъ: лш, ры, лу, ру=основнымъ + ал + ар — рядъ примѣровъ или словъ съ начальными лш, ры, лу, ру, приводимыя въ ограниченіе выставленнаго Миклопичемъ положенія, что начальное + ар + ал всегда = слав. ра, ро, ла, ло (раз-роз, ладья, лодья), о нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки, наконецъ, довольно большое изслѣдова-

ніе „Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ“. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ перебираются и разсматриваются, часто съ совершенно новой точки зрѣнія, весьма тонкіе и трудно поддающіеся окончательному разрѣшенію вопросы первостепенной важности для классификаціи славянскихъ нарѣчій и для уясненія ихъ постепеннаго выдѣленія изъ общаго славянскаго пра-языка, для славянской и вообще сравнительной грамматики арійскихъ языковъ, наконецъ, для такого же этимологическаго словаря. Многія изъ высказанныхъ здѣсь проф. Потебни соображеній достигаютъ полной доказательности, а нѣкоторые наблюденія, еще такъ сказать не завершениыя, важны тѣмъ, что раскрываютъ новые пути къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія проф. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики и выдаютъ въ авторѣ такого же первостепеннаго мастера, каковыи онъ оказалъ себя въ своихъ занискахъ по русской грамматикѣ.

Отчасти въ указанныхъ же статьяхъ и особенно въ другихъ главахъ изслѣдованія „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, подъ заглавіемъ „этимологическія замѣтки“, заключаются важныя и часто весьма удачныя разъясненія происхожденія длиннаго ряда словъ велико- и малорусскихъ, польскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-латышскихъ, объяснены разныя иностранныя слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, татарскаго, турецкаго, валашскаго и проч. Наконецъ, тутъ же мы встрѣчаемъ многосодержательную статью (48 стр.) подъ заглавіемъ село, деревня и проч.,—это цѣлая прекрасная глава изъ исторіи русскаго языка и быта.

Какъ во многихъ мѣстахъ синтаксиса, такъ и въ этихъ послѣднихъ трудахъ проф. Потебни, при объясненіяхъ отдѣльныхъ народныхъ реченій и оборотовъ малорусскихъ, великорусскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-латышскихъ, сильно даетъ себя чувствовать еще другая сторона громаднхъ знаній и высокаго дарованія нашего автора. Разумѣемъ его глубокое изученіе народной поэзіи славянской и литовско-латышской и его необычайную зрѣлость и чуткость во всѣхъ ея особенностяхъ, оттѣнкахъ и переливамъ. Эти качества автора стали показываться еще въ первыхъ его работахъ, посвященныхъ вопросамъ по народной поэзіи, мифологіи. Таковы его разсужденія: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“. Харьковъ. 1860. „О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Москва. 1865. „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“. Москва. 1865.

Эти стороны познаній и дарованій проф. Потебни нашли себѣ блестящее выраженіе въ двухъ его небольшихъ, но важныхъ трудахъ: Малороссійская народная нѣсня по списку XVI нѣка. Воронежъ. 1873, и Слово о Полю Игоревѣ. Воронежъ. 1878. 150 стр. Уже въ первомъ изъ этихъ трудовъ проф. Потебни касался нѣкоторыхъ мѣстъ Слова. Во второмъ онъ представилъ его текстъ „по жрѣбъ разумѣніа“ или приготовилъ новое изданіе этого драгоценнаго памятника нашей древней словесности. Болѣе крупныя поправки онъ обозначилъ косымъ прифтошъ, а въ скобкахъ поставилъ чтеніе изданія 1800 г. Текстъ раздѣленъ на небольшія главы, за каждою изъ нихъ слѣдуетъ комментарий. Въ обширной литературѣ о нашемъ драгоценномъ памятникѣ, — отъ начала столѣтія до настоящаго года, она составляетъ цѣлую бібліотеку, — нѣтъ сомнѣнія, толкованія и объясненія проф. Потебни занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и принадлежатъ къ наилучшимъ и наимаѣчительнѣйшимъ разъясненіямъ этого перла нашей словесности. Здѣсь ярко выступаетъ даровитость проф. Потебни, его удивительная памятность, что касается народной повѣи русской и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа, рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ, и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа. Здѣсь находится не мало очень дѣльныхъ и мѣткихъ замѣчаній на разныя прежнія объясненія Слова, напримѣръ Буслаева, Тихонравова, Вс. Миллера, Веселовскаго, Огюновскаго и другихъ, болѣе раннихъ толкователей, а также и на переводы Вельтмана, Малашова, А. Млйкова....

Въ написанномъ для Академіи Наукъ, замѣчательномъ разборѣ сборника Головацкаго (Пѣсни Галицкой и Угорской Руси) проф. Потебни высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о пѣсенномъ напѣвѣ и размѣрѣ, какъ главномъ руководящемъ началѣ для классификаціи народныхъ пѣсень, о необходимыхъ приемахъ и паялучшемъ, по его мнѣнію, методѣ изученія народной повѣи.

Эти важныя мысли цолнѣ имъ были развиты и примѣнены въ новомъ обширномъ трудѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. I ч. Варшава. 1883. 268 + VIII + III стр. въ 8-ку и II ч. Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедренокъ“. Варшава. 1887. 801 стр. въ 8-ку.

Въ первой части заслуживаютъ особаго вниманія статьи: „Делю-полелю, диди-ладо“, — гдѣ показано, что ни въ Лель-полелѣ, ни въ Диди-ладо нельзя находить ничего мимическаго, замѣчательное разъ.

ясненіе образовъ веснянокъ (верба надъ водою и ремезъ). Что касается второй части, то она не ограничивается замѣтками и наблюденіями относительно лишь однихъ колдоекъ и педровокъ, а представляетъ много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, весеннихъ и лѣтнихъ, царинныхъ, лазарскихъ, вралицкихъ, купальскихъ, зажиночныхъ и дожиночныхъ, подблюдныхъ, наконецъ, разныхъ великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсень.

Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ въ тысячу страницъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и вѣрныхъ соображеній и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографію русскую, общеславянскую и литовско-латышскую.

Въ 1890 г. исполнилось 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности А. А. Потебни. Присуждая ему высшую свою награду за наибѣйшія его изслѣдованія, Императорское Русское Географическое Общество достойно почтить многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукъ этого глубоко-свѣдущаго и высоко-даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества¹⁾.

Съ волею А. А. Потебни не стало одного изъ даровитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ русскихъ людей. Послѣ покойнаго остались: переводъ Одиссеи на малорусскій языкъ, Матеріалы для малорусскаго словаря, 3-я часть Записокъ по русской грамматикѣ и курсъ Теоріи словесности и, вѣроятно, еще не мало разныхъ отдѣльныхъ замѣтокъ. Харьковское Филологическое Общество, гдѣ покойный былъ долго предсѣдателемъ, намѣрено приступить къ изданію этихъ трудовъ, а также и къ перенесенію разныхъ его статей. Пожелаемъ, чтобы Общество энергически взялось за это дѣло и съ успѣхомъ его окончило. Харьковъ, вообще Украина наша всегда можетъ указывать съ гордостью на Потебню, какъ на одного изъ своихъ драгоценнѣйшихъ даровъ нашей общей русской образованности. Миръ его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, одинъ изъ лучшихъ подвиговъ русской мысли въ области человѣческаго знанія.

Владиміръ Лашаевскій.

¹⁾ Этотъ отзывъ былъ написанъ еще въ концѣ 1889 г., но въ январѣ 1890 г. Константиновская медаль никому не была присуждена по ижевашей болѣзни Августѣйшаго Предсѣдателя Общества.

II.

Н. А. Поповъ.

22-го декабря въ Москвѣ скончался управляющій архивомъ министерства юстиціи заслуженный профессоръ Московскаго университета Нилъ Александровичъ Поповъ. Уроженецъ Тверской губерніи, воспитанникъ Тверской гимназіи, покойный кончилъ въ 1854 г. курсъ въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. Написанное имъ на золотую медаль разсужденіе о Песторовой лѣтописи обратило на него вниманіе С. М. Соловьева, по совѣту котораго Поповъ началъ готовиться къ магистерскому экзамену и между тѣмъ занялъ учительское мѣсто въ одной изъ Московскихъ гимназій. Въ 1857 году, когда Ешевскій былъ переведенъ изъ Казани въ Москву, Поповъ явился его преемникомъ въ Казани на кафедре русской исторіи. Въ 1861 году онъ защитилъ диссертацию: „В. Н. Татищевъ и его время“. Дотогдѣ Н. А. былъ уже извѣстенъ своими статьями въ журналахъ, изъ которыхъ уважемъ на статьи: „Марина Мнишекъ“ (въ „Моск. Вѣдом.“ 1857 г.) и „Королева Варвара“ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 г.). Статьи эти свидѣтельствуютъ о томъ, что молодой ученый познакомился уже тогда съ польскимъ языкомъ и пользовался польскими источниками. Это положило начало его будущему знакомству съ исторіей славянскихъ народовъ, которое составляетъ его замѣтное отличіе въ ряду русскихъ историковъ. Славянскіе языки тогда являлись не многими, кромѣ специалистовъ. Интересна также статья его: „Изъ жизни графа П. А. Толстаго, („Русск. Вѣстн.“ 1860); впоследствии помѣстивъ онъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1889 г.) путешествіе Толстаго. Сочиненіе Попова о Татищевѣ пользуется до сихъ поръ большимъ авторитетомъ: въ немъ обстоятельно, на основаніи архивныхъ данныхъ, изложена административная дѣятельность Татищева и представлено возможно полное обзорнѣе его литературной дѣятельности. Въ 1886 году, когда Академія Наукъ праздновала 200-лѣтній юбилей Татищева, Попову поручено было провнести рѣчь о значеніи этого замѣчательнаго дѣятеля. Тогда же Академія передала ему редакцію задуманнаго покойнымъ академикомъ Калачовымъ изданія сочиненій Татищева. Хотя это предпріятіе еще не осуществлено, тѣмъ не менѣе Поповъ напечаталъ въ 1887 г. (въ „Чт. Общ. Ист.“) сочиненіе Татищева: „Разговоръ о

пользѣ наукъ и училищъ“, дотолѣ извѣстный только въ извлеченіи; интересное предисловіе придастъ особую цѣну этому изданію. Занявъ кафедру въ Московскомъ университетѣ, Поповъ былъ командированъ съ ученой цѣлью въ славянскія земли. Это путешествіе доставило ему возможность ближе ознакомиться съ исторіей славянскихъ народовъ, которую онъ потомъ не разъ излагалъ съ кафедры. Въ литературѣ по этому вопросу болѣе всего извѣстна его статья „Австрія“ (въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Березина) и изложеніе Исторіи Венгрии Слалл. Самые же важные труды его на этомъ поприщѣ: „Россия и Сербія“ (М. 2 т. 1869 г.), доставившій ему степенъ доктора и званіе профессора, сначала экстраординарнаго, а потомъ ординарнаго, и „Сербія послѣ Парижскаго мира“ (М. 1871). Сочиненія эти необходимы для каждаго занимающагося исторіей русской дипломатіи и вообще русской исторіей въ XIX в. Они основаны на первоисточникахъ. Интересъ къ Славянскому міру побудилъ Попова принять участіе въ Славянскомъ благотворительномъ комитетѣ (преобразованномъ впоследствии въ Московское Славянское благотворительное общество) при предсѣдателяхъ Погодинѣ и И. С. Аксаковѣ. Поповъ былъ ревностнымъ помощникомъ Аксакова во время Сербской войны, а прежде (въ 1867 г.) дѣлательно работалъ при устройствѣ Этнографической выставки и сопровождавшаго ее съѣзда славянскимъ ученымъ. Онъ издалъ цѣлый томъ въ память этого событія. Въ 1883 г. Поповъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ; а по смерти Калачова ему поручено было веденіе задуманнаго снѣмъ послѣднимъ изданія: „Акты Московскаго Государства“, первый томъ котораго, появившійся въ 1890 г., заключаетъ въ себѣ дѣла Разряднаго приказа съ 1671 по 1634 г.. Значеніе этого изданія извѣстно для каждаго лица интересующагося исторіей Россіи въ XVI и XVII вв. Занявъ въ 1886 г. мѣсто Калачова въ званіи управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, Поповъ озаботился приведеніемъ его въ порядокъ въ пономѣ помѣщеніи на Дѣвичьемъ полѣ и продолженіемъ начатаго Калачовымъ „Описанія“ архива, котораго вышло 8 томовъ. Любопытныя изслѣдованія молодыхъ ученыхъ, собранныхъ въ архивѣ стараніями его управляющихъ Калачова и Попова, дѣлаютъ этотъ сборникъ необходимымъ для всѣхъ занимающихся исторіей. Вскорѣ послѣ своего новаго назначенія покойный оставилъ кафедру.

Поповъ былъ трудолюбивый, обстоятельный ученый. Какъ профессоръ, онъ приносилъ на кафедру точное знаніе, ясное изложеніе, порою не лишнее воодушевленія. Какъ человѣкъ, благодушный

и часто веселый, Поповъ былъ любимъ знавшими его близко. Нельзя не пожелать, чтобы его ученики и сотрудники близко познакомили публику съ его трудовою жизнью и издали-бы поскорѣ полный списокъ его сочиненій ¹⁾. Такіе труженники служатъ лучшимъ примѣромъ для подрастающихъ поколѣній.

К. Вестушевъ.—Рюминъ.

III.

Д. П. Лебедевъ.

Въ началѣ декабря 1891 года скончался въ Москвѣ, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, Дмитрій Петровичъ Лебедевъ, хранитель рукописей и старославянскихъ печатныхъ книгъ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Онъ оставилъ по себѣ нѣсколько дѣльныхъ учено-литературныхъ трудовъ,—всего же болѣе извѣстенъ своею полезною дѣятельностью въ томъ учрежденіи, гдѣ служилъ ²⁾.

Д. П. Лебедевъ былъ родомъ изъ Рязанской губерніи и происходилъ изъ духовнаго званія; учился сперва въ семинаріи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1874 году кандидатомъ по историко-филологическому факультету. Службу онъ началъ въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ оставался около трехъ лѣтъ, а съ 1878 по 1880 годъ слушалъ лекціи въ Археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Въ бытность свою въ этомъ заведеніи Лебедевъ исполнялъ нѣсколько ученыхъ порученій, возложенныхъ на него покойнымъ Н. В. Калачовымъ, именно: извлекалъ изъ архива департамента народнаго просвѣщенія документы по исторіи народнаго образованія въ царствованіе императора Александра I и осматривалъ въ Рязани назначенныя къ уничтоженію дѣла архива тамошняго управленія государственными имуществомъ; за составленіе обзора этнхъ дѣлъ, а также за изслѣдованіе о мировыхъ сдѣлкахъ

¹⁾ Перечень трудовъ покойнаго, напечатанныхъ имъ до 1889 года, помѣщенъ въ „Памятной книжкѣ Московскаго архивнаго министерства юстиціи“, М. 1890, стр. 218—222.

²⁾ Съ Дмитріемъ Петровичемъ Лебедевымъ не слѣдуетъ смѣшивать его однофамилца Дмитрія Павловича, который помѣстилъ нѣсколько коммунікацій въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1881—1888 годовъ.

въ древней Россіи, Лебелевъ при окончаніи курса въ институтѣ былъ награжденъ серебряною медалью.

Вскорѣ по выходѣ изъ Археологическаго института Д. П. Лебелевъ былъ назначенъ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ и такимъ образомъ имѣлъ случай воспользоваться руководствомъ извѣстнаго отличнаго знатока нашей старинной письменности А. Е. Викторова, занимавшаго должность хранителя. Викторовъ поручилъ Лебелеву описаніе обширной коллекціи историко-юридическихъ актовъ, поступившей въ музей въ 1875 году послѣ смерти профессора И. Д. Бѣляева, который составилъ ее и систематически подобралъ въ видѣ матеріала для изученія разнообразныхъ формъ нашей старинной администраціи и судопроизводства. Этотъ трудъ, усѣбно оконченный Лебелевымъ и изданный въ 1881 году къ пятидесятилѣтнему юбилею Румянцовскаго музея подъ заглавіемъ: „Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева“, заслуживаетъ полнаго вниманія. Бѣляевская коллекція, содержащая въ себѣ до 3000 номеровъ и, можно сказать, единственная у насъ въ своемъ родѣ, бесспорно имѣетъ какъ историческое и юридическое значеніе, такъ и интересъ палеографическій и дипломатическій. Составленное Лебелевымъ описаніе этой коллекціи соответствуетъ ея важности и исполнено весьма тщательно. Описанные въ ней акты раздѣляются на два отдѣла: въ первомъ содержатся болѣе или менѣе подробное обзорніе древнѣйшихъ актовъ—съ 1404 по 1613 годъ, при чемъ документы XV вѣка папечатаны частію иполпѣ, частію въ извлеченіи; во второмъ отдѣлѣ предлагается систематическое обзорніе остальныхъ актовъ по разрядамъ, при чемъ описаны только важнѣйшіе документы, а изъ относящихся въ XVIII вѣку—только тѣ, которые писаны на столбцахъ. Къ сожалѣнію, почетниинный трудъ Лебелева не пользуется должною извѣстностью, и ссылки на него очень рѣдко встрѣчаются въ сочиненіяхъ нашихъ историковъ и юристовъ.

Въ августѣ 1883 года скончался Викторовъ, и Лебелевъ по праву унаслѣдовалъ ему въ заповѣданіи отдѣленіемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Съ тѣхъ поръ вышли отчеты музеевъ за два трехлѣтія (1883—1885 гг., 1886—1888 гг.), и въ каждой изъ этихъ книгъ около двухъ третей заняты [описаніемъ новыхъ приобретеній рукописнаго отдѣленія. Викторовъ, составляя подобныя обзорнія въ прежнихъ отчетахъ, усилъ придавать имъ большой интересъ, искусно отмѣчалъ и вы-

ставлялъ на видѣ все то, что въ новыхъ приобретеніяхъ особенно важно и любопытно. Въ обзорѣныхъ, составленныхъ Лебедевымъ, сохраненъ тотъ же приемъ. Въ отчетѣ за 1883 — 1885 годы заслуживаетъ особеннаго вниманія обзоръ собранія рукописей, старопечатныхъ книгъ, актовъ, автографовъ и ученыхъ работъ, принесенныхъ музеямъ въ даръ въ память А. К. Викторова. Въ составъ этой коллекціи вошли между прочимъ его собственные не изданные труды и въ числѣ ихъ черновые реестры разныхъ монастырскихъ, церковныхъ и семинарскихъ библиотекъ, которыя были осматрѣны Викторовымъ во время его лѣтнихъ поѣздокъ въ 1876, 1877 и 1881 годахъ. Покойный Алексѣй Егоровичъ предполагалъ обработать эти матеріалы для ихъ изданія Археографическою комиссіей; но преждевременная кончина помѣшала ему осуществить это намѣреніе. Д. П. Лебедевъ, вполне понимая научную цѣнность археографическихъ замѣтокъ своего предшественника, принялъ на себя обработку этого матеріала. Результатомъ его трудовъ было изданіе книги подъ заглавіемъ: „Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи“, выпущенной Археографическою комиссіей въ 1890 году. Должно признать, что приготовленіе этого изданія потребовало отъ Лебедева значительныхъ усилій. Только небольшая часть замѣтокъ Викторова была приведена имъ самимъ въ порядокъ, — все же остальное уцѣлѣло лишь въ черновомъ видѣ, на клочкахъ бумаги и отдѣльныхъ карточкахъ. Лебедевъ довершилъ систематизацію этого матеріала и, сохранивъ по возможности текстъ автора, допускалъ въ немъ измѣненія лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, однако позволилъ себѣ присоединять къ нему нѣкоторыя замѣчанія и измѣненія, къ описаніямъ нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній присоединялъ реестры рукописей тѣхъ же книгохранилищъ, составленные въ прежнее время, и наконецъ, снабдилъ книгу подробнымъ указателемъ. Исполненіе этого почтеннаго труда было со стороны Дмитрія Петровича прекраснымъ выраженіемъ уваженія и признательности къ памяти почтеннаго археографа, въ которомъ онъ нашелъ себѣ столь благожелательнаго и столь опытнаго руководителя.

Одновременно съ обработкой „Описи“ Д. П. Лебедевъ продолжалъ и другіе ученые труды. Онъ собиралъ матеріалы для исторіи Рязанскаго края, которую предполагалъ писать; вѣроятно, въ кругу этихъ занятій относится небольшая статья, помѣщенная имъ въ „Трудахъ Рязанской ученой архивной комиссіи“ (т. V, № 3), подъ заглавіемъ: „Праздники въ Переяславлѣ Рязанскомъ 20-го и 22-го сен-

табря 1774 года*. Къ восьмому археологическому съезду происходившему въ Москвѣ въ январѣ 1890 года, Д. П. Лебедевъ приготовилъ рефератъ объ одномъ неизвѣстномъ русскомъ проповѣдникѣ временъ юности Ивана Грознаго. Въ одной рукописи, недавно поступившей въ Московскій музей, докладчику посчастливилось найти проповѣдь, произнесенную въ одномъ изъ придворныхъ московскихъ соборовъ по случаю изгнанія Крымскаго хана Саишъ-Гирея изъ-подъ Москвы 31-го іюля 1541 года. Имени проповѣдника въ рукописи не обозначено; но, судя по содержанію слова, по начитанности, обнаруживаемой авторомъ, а также по лексическимъ и даже палеографическимъ особенностямъ текста, можно догадываться, что то былъ извѣстный благовѣщенскій протопопъ Сильвестръ, и что рукопись составляетъ его автографъ. Большая часть нашихъ историковъ полагала, что Сильвестръ сталъ извѣстенъ Ивану не ранѣе 1547 года, и только С. М. Соловьевъ высказывалъ противное мнѣніе. Находка Д. П. Лебедева служить къ его подтвержденію. При докладѣ на съѣздѣ сообщеніе Дмитрія Петровича было принято съ живѣйшимъ интересомъ.

Д. П. Лебедевъ былъ человекъ слабаго здоровья, и его продолжительная болѣзнь постепенно подготовляла печальный конецъ, который и наступилъ прежде, чѣмъ покойный достигъ зрѣлаго возраста. Отъ основательныхъ познаній Лебедева, отъ его любви къ ученымъ занятіямъ можно было ожидать дѣльных трудовъ на столь мало воздѣланной у насъ нивѣ старинной письменности. Но судьба рѣшила иначе... О преждевременной кончинѣ полезнаго ученаго дѣятеля пожалѣютъ всѣ, кто интересуется русскою письменною старинною; а тѣ, кто имѣлъ случай лично знать Дмитрія Петровича, кто пользовался его обязательностью и его свидѣніями при своихъ занятіяхъ въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго музея, тѣ въ особенности сохраняютъ добрую память объ этомъ скромномъ и почтенномъ человекѣ.

Л. М.

О НЕ ДОШЕДШИХЪ ДО НАСЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ПИНДАРА.

Кромѣ эпиккиевъ, этой единственной отрасли греческой лирики вообще и Пиндаровой въ частности, о которыхъ мы можемъ составить себѣ до нѣкоторой степени законченное представленіе, благодаря сохранившимся 45 эпиккиямъ Пиндара, мы имѣемъ еще многочисленныя отрывки другихъ лирическихъ стихотвореній, какъ Пиндара, такъ и другихъ лириковъ. Цѣлью настоящей замѣтки будетъ, по возможности, выяснить до нѣкоторой степени классификацію этихъ видовъ лирики, которые извѣстны намъ лишь по названію. Разумѣется, ваша задача ограничивается лишь кругомъ отрывковъ стихотвореній Пиндара, и мы не имѣемъ въ виду касаться фрагментовъ другихъ поэтовъ ¹⁾).

Мы имѣемъ два свидѣтельства о томъ, какія лирическія произведенія древность приписывала Пиндару; оба они согласны лишь относительно числа книгъ; классификація же этихъ послѣднихъ весьма различна.

Первое свидѣтельство принадлежитъ Свида, который говоритъ, что Пиндаръ ἔγραψε ἐν βιβλίῳις ἰς' Δωριδι διαλέκτῃ ταῦτα· Ὀλυμπιονίκας, Πυθιονίκας, προσόδια, παρθένια, ἐνθρονισμούς, βασιχικά, δαφνηφορικά, παιάνας, ὑπορχήματα, ἕμνους, διθυράμβους, σχολιά, ἐγκώμια, ἠρήνους, δράματα τραγικά—ἰς', ἐπιγράμματα ἐπικά καὶ καταλογάτην παραινέσεις τοῖς Ἑλλῆσι καὶ ἄλλα πλείστα.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству Свида, всѣ произведенія Пин-

---

¹⁾ При составленіи этого очерка мы пользовались извѣстнымъ изданіемъ Пиндара А. Бѣка. Отрывки занимаютъ въ этомъ изданіи окончанію III т. (1821), стр. 561—680. Въ 4-мъ изданіи: Poetae lyrici graeci (1878) Bergk'a они помѣщены, въ I т. на стр. 367—478, при чемъ имъ предпосылается замѣчательное введенеіе, на которое намъ придется неоднократно сослаться. Далѣе укажемъ на статью Эдуарда Любберта (Lübber): Commentatio de Pindari carminibus dramaticis tragicis eorumque cum epiniciis cognatione (Бонн, 1831—1835).

дара были распределены въ 17 книгахъ въ такомъ видѣ: 1) Олимпійскіе эпіикия, 2) Пнѣійскіе, 3) Просодія, 4) Царевнія, 5) Эптронысмъ, 6) Ваххическія стихотворенія, 7) Дафнефорійскія, 8) Пэавы, 9) Гапорхеми, 10) Гимны, 11) Дионрабми, 12) Сколія, 13) Эпкомія, 14) Тренъ, 15) Трагическія драмы (—17), 16) Эпическія эпиграммы и 17) Прозанческія увѣщанія къ грекамъ, и еще многія другія.

Въ этомъ спискѣ замѣчательно отсутствіе немейскихъ и истмійскихъ эпіикиевъ ¹⁾. Между тѣмъ, несомнѣнно, что они существовали, и столь же несомнѣнно, что они принадлежатъ Пиндару. Слѣдовательно, необходимо дополнить ими списокъ Свиды. Но въ такомъ случаѣ, число книгъ Пиндара выразится уже числомъ девятнадцать, а не семнадцать, а это противорѣчитъ первымъ словамъ Свиды: *ἑν βιβλίῳ ιζ'*. Чтобы избавиться отъ этого противорѣчія, обыкновенно принято исключать изъ списка Свиды два послѣднихъ номера — *Ἐπιγράμματα ἑκτά* и *καταλογὸν ἑκατέσασιν τοῖς Ἑλλήσιν*.

Мы постараемся показать, что, съ одной стороны, включеніе немейскихъ и истмійскихъ эпіикиевъ въ списокъ Свиды имѣетъ свое основаніе не только а priori, но прямо вытекаетъ изъ приведеннаго текста; съ другой стороны, что вѣтъ никакой нужды прибѣгать къ остракизму двухъ послѣднихъ заглавій, то есть, *Ἐπιγράμματα ἑκτά* и *καταλογὸν ἑκατέσασιν*, для того, чтобы сохранить число 17, которое, какъ мы увидимъ ниже, соответствуетъ и второму перечню книгъ, куда были включены александрійскими грамматиками извѣстные имъ произведенія Пиндара.

Итакъ, не имѣя никакой причины сомнѣваться въ точности цифри 17, точности, въ которой не сомнѣваются ни Вѣкъ, ни Бергкъ, посмотримъ, какъ эти ученые поступаютъ съ текстомъ Свиды. Начнемъ съ Вѣка.

Приведи вышеуказанное мѣсто Свиды, Вѣкъ говоритъ слѣдующее: *Nihil dicam de aliis permultis* (то есть καὶ ἄλλα κλειστά), *neque de cohortationibus ad Graccos* (то есть καταλογὸν παραίνεσιν τοῖς Ἑλλήσιν) *soluta oratione scriptis, quae si unquam exstiterunt, incertum est num genuinae fuerint; ex Epigrammatis autem unum superest* и т. д. ²⁾.

¹⁾ *Doeckh*, t. III, 554, не упоминая объ этомъ пробѣлѣ въ текстѣ Свиды, относитъ ихъ подл. №№ 8 и 4. *Вѣкъ* (стр. 367) замѣчаетъ: *haec in libris Suidae omnia supplavit Kuster*.

²⁾ То же самое говоритъ и *Крузе*, (*La poésie de Pindare et les lois du lyrisme grec*, Paris, 1881, p. 21), очевидно, со словъ Вѣка: „Quant à la mention des prétendus écrits en prose de Pindare, il n'y a pas lieu de s'y arrêter.“

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ эпиграммахъ, постараемся разъяснить себѣ, что разумѣлъ Свида подъ прозаическими „увѣщаніями“ Пиндара. Мы думаемъ, что подъ этимъ, правда, довольно неопредѣленнымъ титуломъ, Свида разумѣлъ не иное что, какъ тѣ изреченія (афоризмы или апофтегмы), которыя въ достаточномъ числѣ встрѣчаются въ его биографіяхъ ¹⁾. Да и странно было бы предполагать, что въ X вѣкѣ по Р. Хр., когда жилъ Свида, не могъ существовать сборникъ *прозаическихъ* афоризмовъ Пиндара. Замѣтимъ, впрочемъ, что Свида, какъ читатель увидитъ ниже, не включаетъ этотъ сборникъ въ число 17 каноническихъ книгъ Пиндара.

Перейдемъ теперь ко второму, подвергнутому остракизму, роду произведеній Пиндара, который у Свида названъ *ἐπιγράμματα ἐπικὰ* За дѣйствительное, реальное существованіе эпиграммъ (то есть, коротко выраженныхъ въ опредѣленной стихотворной формѣ мыслей) Пиндара говорятъ слѣдующіе факты и соображенія. До нашего времени дошла одна, несомнѣнно принадлежащая Пиндару эпиграмма. Ее сохранили многіе писатели, изъ которыхъ первое мѣсто, и по времени, и по авторитету занимаетъ Аристотель; въ своемъ недодшедшемъ до насъ сочиненіи „*Ὀρχομενίων πολιτεία*“ оныя приводятъ, какъ цитату, слѣдующее двустипіе, посвященное Гезіоду:

Χαῖρα δις ἠβήσας καὶ δις τάφου ἀντιβολήσας,
Ἦσιός', ἀνθρώπους μέτρον ἔχων σοφίης.

¹⁾ Приведемъ наиболѣе извѣстныя: 1) Πίνδαρος, ὁ μελοποιεῖς, ἐρωτηθεὶς ὑπὸ τινος: „τί πρόνοος εἰς τούτους“; εἶπε: „διαβολή“. 2) Παραγενόμενος δὲ εἰς Δελφοὺς καὶ ἐρωτώμενος τί πάρεστι θύσων τῷ Ἀπόλλωνι, εἶπε: „καῖάνα“. 3) Ἐρωτηθεὶς πάλιν διὰ τί Σιμωνίδης πρὸς τοὺς τυράννους ἀπεδήμησεν εἰς Σικελίαν, αὐτὸς δὲ οὐ θέλει: „ὅτι βούλομαι“, εἶπεν, „ἴμαυτῷ ζῆν, οὐκ ἄλλω“. 4) Ἐρωτηθεὶς διὰ τί τῷ εὐ κρίττοντι τὴν θυγατέρα οὐ δίδωσιν, „οὐ μόνον δεῖσθαι“, φησὶν, „κεὺ πράττοντος, ἀλλὰ καὶ πράξαντος εὐ“. 5) Ἐρωτηθεὶς ὑπὸ τινος διὰ τί μέλη γράφων οὐκ ἐπίσταται ζῆσιν, εἶπεν: „καὶ γὰρ οἱ ναυπηγοὶ, πηδάλια κατασκευάζοντες, κυβερνᾶν οὐκ ἐπίστανται“. 6) Τοὺς φυσιολογοῦντας ἐφη ἀτελεῖ σοφίας δρέπειν καρπὸν. Мы выискали эти изреченія въ издашіи *Byassonada* (Ποιητῶν Ἑλληνικῶν Συλλογή, т. XIV, Πίνδαρος, curante Jo. Fr. Voissvonnad, P., 1825), гдѣ они помѣщены подъ заглавіемъ Πινδάρου ἀποφθέγματα. Само собою разумѣется, мы не думаемъ, что за такими изреченіями дѣйстви-тельно скрывается историческая личность: эти; мы воишнѣ убѣждены, что эти ἀποφθέγματα, какъ и многія другія, приписываемыя другимъ выдающимся личностямъ Греціи, происхожденія позднѣго; но мы не можемъ въ виду указать никакъ на то, что во время Свида, могло считаться хатελογαθὴν ἱκανοῖσι τοῖς Ἑλλησι.

Правда, Аристотель не называетъ имени Пиндара, но другіе писатели пополняютъ этотъ пробѣлъ, какъ это указано Бергкомъ¹⁾.

Итакъ, мы имѣемъ оду несомнѣнно принадлежащую Пиндару эпиграмму, написанную дистихомъ. Что же можетъ помѣшать предположенію, что такихъ эпиграммъ было много? Припомнимъ, что отъ Симонида ихъ дошло до насъ болѣе 150, а это невольно заставляетъ насъ думать, что и Пиндаръ не былъ чуждъ этого рода поэзіи, но, къ сожалѣнію, время безпощадно уничтожило почти всѣ слѣды его творчества въ этомъ направленіи, что, конечно, не можетъ никого удивлять.

Теперь обратимся къ эпигмету *ἔπη*, приданному Свиною эпиграммамъ Пиндара. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ блестящею, повидимому, конъектурою Бергга, совершенно изгоняющею слово *ἔπη* изъ текста Свины. Приводя указанное мѣсто, Бергъ къ слову *ἔπη* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „*Ἐπη manifesto corruptum: haud dubie numerus versuum fuit additus, non epigrammatum (nam haec pauca fuisse consentaneum est), sed omnium Pindaricorum carminum: scriptum fuisse videtur: ἔπη , x , δ , h. e. viginti quattuor milia versuum*“. Далѣе Бергъ защищаетъ такое, не совсѣмъ обычное обозначеніе цифры 24,000, которая обыкновенно обозначалась иначе, а затѣмъ слѣдуютъ разсужденія о числѣ 24,000, которое, будучи раздѣлено на 17 (число различныхъ книгъ Пиндара), дастъ въ частномъ около 1,400—число до нѣкоторой степени приближающееся къ дѣйствительному числу стиховъ въ каждой книгѣ дошедшихъ до насъ эпиккиевъ²⁾.

Чтобы рѣшить вопросъ, насколько можетъ быть принята приведенная конъектура Бергга, обратимъ вниманіе на цифру 17 (17), стоящую въ текстѣ Свины послѣ словъ *ἑξήκοντα τραγῳδία*. Бергъ совершенно вѣрно считаетъ невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, невѣроятнымъ, что 17-я книга перечня въ свою очередь заключаетъ

¹⁾ *Bergk*, op. cit., 479. Раннимъ образомъ и Бѣкъ (III, 554) не находятъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ принадлежности эпиграммы Пиндару: „*Quamquam autem non intelligo, cur non Pindarus hoc epigramma sepulcrale scribere potuerit*“.

²⁾ Эту конъектуру Бергга нецѣло принялъ Круазе въ своемъ прекрасномъ трудѣ: „*La poésie de Pindare*“ etc., p. 19—21, называя ее *ingénieuse suggestion*. Въ этомъ эпигметѣ мы ей, конечно, не откажемъ, но читатель увидитъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, остроуміе не можетъ служить ручательствомъ абсолютной правды конъектуры.

въ себѣ 17 произведеній. На этомъ основаніи Бергкъ говоритъ, что цифра эта „*temere ex prioribus heredita*“. Мы думаемъ нѣсколько иначе и предлагаемъ слѣдующее объясненіе этого повторенія цифры 17 (читатель помнитъ, что въ началѣ цитаты стоятъ слова: *ἔγραφε ἐν βιβλίῳ ιζ' Ἀορίδι διαλέκτῳ ταῦτα*). Перечисливъ всѣ 17 книгъ сти хотвореній Пиндара (включая сюда Немеійскіе и Истмійскіе эпиникии, пропускъ которыхъ, мы, согласно съ общимъ мнѣніемъ, относимъ къ ошибкѣ переписчика), Свидя повторяетъ цифру 17 въ смыслѣ: *итого—17*, и даетъ этимъ понять, что называемыя далѣе произведенія Пиндара, то-есть, *ἑκτράμματα ἑπικά и καταλογίδην ἑκαίνεσις*, не входятъ въ число книгъ Пиндара или по своей малочисленности, или по другимъ причинамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, по оуъ, какъ добросовѣстный библиографъ, все же считаетъ нужнымъ упомянуть о нихъ, дабы не нарушить полноты ¹⁾. Нашей догадкѣ помогаютъ и непосредственно слѣдующія слова Свиды: *καὶ ἄλλα κλειότεα*, о которыхъ такъ прерзрительно отзывался Бскъ.

Съ конъектурою Бергка нельзя согласиться еще по слѣдующей причинѣ: она оставляетъ висющимъ на воздухѣ слово *ἑκτράμματα*, которое Бергкъ все же не выкидываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда его дѣвать? Если отнестн его къ предшествовавшимъ 17 каноническимъ книгамъ, то въ результатѣ получится не 17, а 18 книгъ, и слѣдовательно аргументъ въ пользу поправки (то-есть, что каждая книга заключаетъ въ себѣ около 1400 стиховъ) падаетъ самъ собою. Или, быть можетъ, слово *ἑκτράμματα* должно быть отнесено къ слѣдующимъ неканоническимъ *ἑκαίνεσις καὶ ἄλλα κλειότεα*? Но какъ въ такомъ случаѣ понять вставку словъ *ἑπκ, x, δ* не послѣ перечня 17 каноническихъ книгъ, какъ этого можно было бы ожидать, а послѣ слова *ἑκτράμματα*? На эти вопросы конъектура Бергка не даетъ отвѣта, да и самъ онъ осторожно удержался отъ приведенія полного текста Свиды, сообразно своей поправкѣ.

Наконецъ, возбуждаютъ сомнѣніе и вопросъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать слово *ἑπκ*. Бергкъ отождествляетъ его со смысломъ слова *versus*. Круазе видитъ въ немъ *cola*. Во всякомъ случаѣ объ этомъ слѣдовало бы высказаться обстоятельнѣе.

Мы рѣшительно стоимъ за сохраненіе слова *ἑπικά* въ текстѣ

¹⁾ Относительно того, что Пиндару дѣйствительно приписывались эпиграммы и афоризмы, см. *Восекъ*, III, 564, гдѣ собрано нес суда относящееся. Прибавимъ только, что всѣ замѣчательныя изреченія и отрывки Пиндара могутъ быть отнесены подъ рубрику *καταλογίδην ἑκαίνεσις* Свиды.

Свиды; но понимаемъ это слово не въ смыслѣ *размера*, какъ повидному понимаютъ это слово Бёкъ и Бергкъ, а въ смыслѣ *діалекта*: Свиды, по нашему мнѣнію, хотѣлъ сказать приблизительно слѣдующее: „Пиндаръ на *Дорійскомъ діалектѣ* написалъ 17 книгъ: олимпійскіе эпиграмы, воеійскіе, просодіи, парееніи и т. д. — всего 17; кромѣ того эпиграмы, написанныя на *итическомъ діалектѣ*, также прозою написанныя апофтегмы и еще многое другое“. Такимъ образомъ становится понятнымъ и повтореніе цифры 17, указывающее, что это число относится лишь къ книгамъ произведеній, написанныхъ на дорійскомъ діалектѣ и которыхъ, дѣйствительно, только 17; съ другой стороны, и слово ἐπιγράμματα получаетъ свой *raison d'être*. Приведенная выше эниграмма Пиндара не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что она написана на діалектѣ Гомера и Гесіода и такимъ образомъ оправдываетъ слова Свиды.

Кромѣ того повтореніе цифры 17, послѣ перечисленія лишь 15-ти книгъ, указываетъ на необходимость дополнить списокъ Свиды двумя пропущенными книгами, то-есть вполнѣ санкціонируетъ поправку, а ргіогі сдѣланную Кустеромъ.

Обратимся теперь ко второму перечню произведеній Пиндара, сохранившемуся въ *Vita Gratiislavienstis* и въ сочиненіи Евстазіа ¹⁾. Авторъ этой біографіи говоритъ, что Пиндаръ ἑτέγραψε δὲ βιβλία ἑκτακάδεκα βιβλίου, παιάνων, διθύραμβων β', προσοδίων β', φέρεται δὲ καὶ παραβίων β' καὶ γ', ἔπιγράμματα κωμωδικῶν παραβίων, ὑπορχημάτων β', ἑχόμενα, ἠρήτους, ἐπινίκων δ'. По этому свидѣтельству Пиндаръ написалъ 17 книгъ: 1. Гимны, 2. Пѣаны, 3 и 4. Дітирамбы (2 кн.), 5 и 6. Просодіи (2 кн.), 7, 8 и 9. Парееніи (2 кн., представляютъ и 3-ю, которая носитъ заглавіе κωμωδικῶν παραβίων), 10 и 11. Гипорхеми (2 кн.), 12. Эпикомія, 13. Трени, 14, 15, 16 и 17. Эпикіи (4 кн.).

Въ этомъ перечнѣ прежде всего останавливаются вниманіе читателя слова, прибавленные къ „Парееніямъ“. Въ объясненіи ихъ слѣдуютъ Бёку, съ которымъ согласенъ и Бергкъ: было 2 книги Парееній; къ нимъ прибавляются 3-ю, содержащую стихотворенія, въ строгомъ смыслѣ не принадлежащія къ „Парееніямъ“, но близкія къ нимъ по содержанию ²⁾.

¹⁾ О біографіяхъ Пиндара, въ которыхъ приведены занимающіе насъ перечни, см. нашу статью „Жизнь Пиндара“ въ *Журн. Мин. Нап. Др.*, 1887, октябрь, отд. класс. фил., стр. 75 вѣк.

²⁾ См. *Boeckh*, *op. cit.*, III, 555; *Bergk*, *op. cit.*, I, p. 368 и 371... *potissimum libro III Partheniorum, qui liber carmina miscella continebat.*

Сравнивая перечень Свиды съ перечнемъ *Vitae Vrat.*, мы видимъ одинаковое число книгъ—17; но тѣ произведенія, которыя въ первомъ спискѣ составляютъ самостоятельный видъ лирики, во второмъ вошли въ составъ другихъ видовъ лирическихъ произведеній, такъ что число названій сократилось. Не говоря уже о ἐπιγράμματα ἐπικά и Παραίνεσις, во второмъ спискѣ не достаетъ: ἐνθροισμοί, βαχχικά, δαφνηφορικά, σκολιά и δράματα τραγικά. Далѣе, порядокъ расположенія этихъ произведеній иной, такъ что эпиккии, занимавшіе первое мѣсто въ спискѣ Свиды, въ спискѣ *Vitae Vrat.* отошли на самый конецъ.

Итакъ, какому же списку отдать предпочтеніе, то-есть, другими словами, который изъ нихъ считать за болѣе древній и слѣдовательно болѣе заслуживающій вниманія? Въ рѣшеніи этого вопроса Бѣкъ и Бергъ совершенно расходятся: 1-й считаетъ болѣе древнимъ перечень *Vitae Vrat.*, второй—перечень Свиды. Середину между ними занимаетъ Шнейдевинъ, въ общемъ согласный съ Бѣкомъ, но отступающій отъ него въ вопросѣ объ опредѣленіи времени происхожденія списка Свиды. Познакомимся съ аргументаціею обоихъ исследователей.

Бѣкъ ¹⁾ считаетъ списокъ Свиды позднѣйшимъ, принадлежащимъ Аристарху (222—150),²⁾ списокъ же *Vitae Vrat.* древнѣйшимъ, принадлежащимъ Аристофану (262—185), первому ученому, занимавшемуся Пиндаромъ. По его мнѣнію тотъ списокъ древнѣе, который вмѣщаетъ въ себѣ менѣе видовъ лирики. Сравнительно позднѣе стали обращать болѣе вниманія на различіе видовъ лирики и тогда то произведенія Пиндара были раздѣлены на большее число видовъ ³⁾. Поэтому списокъ *Vitae Vrat.* есть списокъ, составленный Аристофаномъ; единственное исключеніе могутъ составлять лишь Пареміи, вошедшія въ III книгу, которые были выдѣлены изъ первыхъ двухъ книгъ его послѣдователями. Вскорѣ послѣ того отъ эпиккии были отдѣлены сколии, куда были влючены тѣ стихотворенія, которыя по очереди иблизь подъ аккомпаниментъ китары; кромѣ того изъ самаго стихотворенія можно было заключить, что это сколій, наприимѣръ, Scol., fragm. 1. Точно такимъ же образомъ βαχχικά были отдѣлены отъ диеврамбовъ, и, вѣроятно, составили ихъ вторую книгу.... Далѣе δαφνηφορικά были отдѣлены отъ Пареміи и т. д. Всѣ произведенія

¹⁾ Op. cit., III, 555.

²⁾ Кромѣ указаннаго выше мѣста, Бѣкъ говоритъ о томъ же, т. III, p. XI sq: (prooemio fragmentorum) hoc tantum praeligo, non Suidae, sed Vitae Vrat. slavievuis seriem ab Aristophane profectam videri.

однако были раздѣлены на тѣ же 17 книгъ*. Такимъ образомъ Бѣкъ сопоставляетъ оба списка въ слѣдующемъ видѣ:

Первоначальный списокъ. (Prior ordo). Vita Vrat.	Послѣдующій списокъ. (Posterior ordo). Suidas.
1. Гимны.	Гимны.
2. Поэмы.	Поэмы.
3. 1-я кн. Диеирамбовъ.	Диеирамбы.
4. 2-я кн. Диеирамбовъ.	Вакхическія стих. (Вахυκῆς).
5. 1-я кн. Просодій.	Просодій.
6. 2-я кн. Просодій.	Эпиграммы (Ἐπιγραμμάτων).
7. 1-я кн. Паросій.	Паросіи.
8. 2-я кн. Паросій.	Дафнофорійскія стих. (Δαφνοφορικά).
9. Τὰ χεῦραμένα τῶν Παρθενίων.	Распредѣлены въ другихъ видахъ стихотвореній.
10. 1-я кн. Гипорхемъ.	Гипорхемы.
11. 2-я кн. Гипорхемъ.	Трагедіи (Δράματα τραγικά).
12. Эпикоміи.	Эпикоміи и Сколіи.
13. Тренны.	Тренны.
14—17. Эпипикіи.	Эпипикіи.

Не такъ распредѣляютъ стихотворенія Пиндара Бергъ. Прежде всего списокъ *Vitae Vrat.* хотя онъ и приписываетъ Аристофану¹⁾, но не признаетъ за нимъ древнѣшаго происхожденія; этому списку слѣдуютъ всѣ грамматикки безъ исключенія. Вслѣдствіе этого тѣ названія стихотвореній Пиндара, сами по себѣ вѣрны (*resulantes*), ни разу не встрѣчаются въ сочиненіяхъ этихъ грамматиконъ. Слѣдовательно, должно предположить, что списокъ Свида составленъ не Аристархомъ, но что онъ былъ въ употребленіи значительно ранѣе, то-есть за долго до составленія новаго списка Аристофана. Его нельзя относить и ко времени Каллимаха, какъ это думаетъ Шнейденъ; Каллимахъ нашелъ его уже готовымъ и помѣстилъ въ своихъ *κίνακες*, а съ нихъ списалъ ихъ тотъ авторъ, которому слѣдуетъ Свида.

Что Каллимахъ не былъ самостоятельнымъ составителемъ списка—это явствуетъ, по мнѣнію Бергъ, изъ того соображенія, что характеръ завѣтій Каллимаха рѣзко отличался отъ трудовъ Аристофана, Аристарха и другихъ издателей поэтовъ: Каллимахъ все свое стараніе приложилъ лишь на составленіе указателей или списковъ ихъ произведеній; слѣдовательно, въ его задачу не входило создавать что-либо

¹⁾ Ego vero secus sentio: etenim eo ordine, quem Pindari biographi exhibent (то-есть V. Gr., Eustathius и Thomas Magister), quem ego quoque ad Aristophanem referendum esse sensico...

новое, онъ ограничивался болѣе скромною цѣлью: старательно воспроизвести то, что сохранено отъ его предшественниковъ. Болѣе того, тѣмъ спискомъ стихотвореній Пиндара, которымъ пользовался Каллимахъ, равнѣ его пользовались Аристоксенъ, Теофрастъ и Хамелеонтъ ¹⁾.

Для доказательства сравнительной древности списка Свида, Бергкъ обращается къ *Vita Metrica*, въ которой классификація стихотвореній Пиндара въ главныхъ чертахъ сходна съ классификаціею Свида. Эта *Vita Metrica* ²⁾ Шнейдевиномъ отнесена ко времени первыхъ римскихъ императоровъ; Вѣкъ считаетъ ее „valde recens“; Бергкъ же, относя ея погрѣшности къ виѣмъ переписчиковъ, не видитъ причинъ, мѣшающихъ приурочить ее къ Александрійской эпохѣ, ссылаясь на мнѣніе Leutsch'a. Указавъ на хронологически невѣрное упоминаніе о Датисѣ во 2-й персидской войнѣ и извиняя эту ошибку невниманіемъ начинающаго, Бергкъ тѣмъ не менѣе не настаиваетъ на несомнѣнности того, что авторъ *Vita Metrica* жилъ ранѣе Аристофана, такъ какъ и послѣ Аристофана можно было возвратиться къ первоначальной редакціи произведеній Пиндара. Какъ бы то ни было, авторъ *Vita Metrica* такъ говоритъ о произведеніяхъ Пиндара;

ἔμελλε δὲ κῦδος ἀγώνων
τῶν πικρῶν, μακάρων καί τῶνας, ἐν δὲ θρονονόμοις,
καὶ μέλος ὀρχηθμοῖσι, θεῶν τ' ἐρικυδέας ὕμνους
ἤδ' ἀμελιφθσύγων μελεδήματα παρθενικάων.

Если авторъ не перечисляетъ далѣе произведеній Пиндара, то лишь потому, что это ему показалось непосильною задачею—вслѣдствіе трудности, представляемой метрическою формою изложенія; возможно впрочемъ предположить и пропускъ стиховъ, происшедшій по виѣмъ переписчика.

Тѣмъ не менѣе въ этихъ стихахъ важно то, что эпитетика здѣсь поставлена на первомъ мѣстѣ, что едва-ли возможно объяснить требованіемъ метра, и еще важнѣе упоминаніе ἐνθρονόμοι: въ томъ и другомъ случаѣ *Vita Metrica* согласна со спискомъ Свида ³⁾.

Основываясь на вышеизложенномъ, Бергкъ доказываетъ, что порядокъ перечисленія произведеній Пиндара по списку Свида имѣетъ свое основаніе. По его мнѣнію, редакція пѣсепъ Пиндара несетъ свое

¹⁾ Bergk, op. cit., I, 369.

²⁾ См. нашу статью о жизни Пиндара, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887, октябрь, отд. клас. фил., стр. 76 и сл.

³⁾ Bergk, op. cit., I, p. 370.

начало отъ Аттисиковъ (*Atticorum hominum*); при полномъ процвѣтаніи гимнастическихъ упражненій (*gymnicæ artis studium*), первое мѣсто среди произведеній Пиндара должны были занимать эвникіи, какъ произведенія наиболѣе дорогия и цриятныя юности. Слѣдующее за ними мѣсто занимаютъ стихотворенія въ честь боговъ; за ними—остальныя, посвященныя людямъ; послѣднее мѣсто занимаютъ *драмата трагика*, быть можетъ, потому, что они были включены въ сводъ Пиндаровскихъ произведеній нѣсколько позднѣ другихъ.

Такое было, по мнѣнію Бергга, первоначальный порядокъ въ классификаціи произведеній Пиндара. Этотъ, такъ сказать, педагогическій порядокъ впоследствии подвергся коренному измѣненію въ рецензіи Аристофана, преслѣдовавшаго другія цѣли, сообразно съ возрѣніями современной ему литературной критики (*cum ad artis criticæ leges Pindari carmina examinaret*)¹⁾. Сохранивъ то же число книгъ—17, такъ какъ въ это число свободно умѣщалось общее число стиховъ 24,000, то-есть около 1,400 стиховъ въ каждой книгѣ, Аристофанъ раздѣлилъ всѣ стихотворенія Пиндара по слѣдующей схемѣ: первое мѣсто было отведено тѣмъ стихотвореніямъ, которыя были посвящены богамъ, послѣднее тѣмъ, которыя содержали въ себѣ хвалы людямъ. Между этими двумя полюсами заняли мѣсто тѣ стихотворенія, которыя имѣютъ общее и съ богами и съ людьми²⁾.

Въ новой редакціи Аристофана мы не видимъ, какъ выше указано, 5-ти видовъ лирическихъ произведеній: *εὐβοικῶν*, *βακχικῶν*, *δαφνηφορικῶν*, *οἰκιά*, *τραγικῶν* *драмата*. Въ какія книги новой редакціи вошли вышеназванныя произведенія, въ точности неизвѣстно, говоритъ Берггъ. Единственнымъ установленнымъ фактомъ онъ считаетъ отождествленіе 2-й книги Пароеній (*Vita Vrat.*) съ *Δαφνηφορικῶν* (*Suid.*), какъ это дѣлаетъ и Бѣкъ. Затѣмъ Берггъ, вопреки Бѣку относитъ *драмата трагика* къ *дионрамбамъ*, а *Вахука* ко II кн. просодій; *εὐβοικῶν* же, по мнѣнію Бергга, были распределены по разнымъ книгамъ, преимущественно они вошли въ составъ Пароеній и 2-й книги гипорхемъ. Та же судьба постигла и Сколіи, отнесенныя Бѣкомъ къ разряду энкомій. Берггъ, по нашему мнѣнію, вполне основательно считаетъ такое предположеніе нецѣлостнымъ: если сколіи были присоединены къ энкоміямъ первоначальной редакціи, то, несомнѣнно, объемъ этой новой книги требовалъ бы раздѣленія ея на двѣ другія, и слѣдовательно въ новой редакціи было бы двѣ книги энкомій; надо думать,

¹⁾ *Bergk. op. cit.*, I, 370.

²⁾ *Bergk. op. cit.*, I, 370.

что сколи́и были присоединены частью къ энкоми́и, такъ какъ между этими видами лирики существуетъ близкое родство, частью же были отнесены къ другимъ книгамъ, преимущественно къ III книгѣ парое́нiй, которая вообще имѣла смѣшанный характеръ ¹⁾).

Такимъ образомъ по Бергу вышеприведенная таблица Бѣка представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Suidas.	Vita Vratislaviensis.
1—4. Эпипикии.		Эпипикии.
5. Просодии.		I кн. просодий.
6. Парое́нiй.		I парое́нiй.
7. 'Εὐφροναροί.		{ II гипорхемъ.
8. Βαχυκά.		{ III парое́нiй.
9. Δαφνηφορικά.		II „ просодий.
10. Пэаны.		II „ парое́нiй.
11. Гипорхемы.		Пэаны.
12. Гимны.		Гипорхемы.
13. Диокрамбы.		Гимны.
14. Сколи́и.		I кн. диокрамбовъ.
15. Энкоми́и.		{ Энкоми́и.
16. Θρήνοι.		{ III кн. парое́нiй.
17. Δράματα τραγικά.		Энкоми́и.
		Θρήνοι.
		II кн. диокрамбовъ.

Для болѣе удобнаго сравненiя этой таблицы, составленной нами на основанiи Берга, съ вышеприведенною таблицею Бѣка, приводимъ ее въ обратномъ видѣ:

Vita Vratislaviensis.	Suidas.
1. Гимны.	Гимны.
2. Пэаны.	Пэаны.
3. I кн. диокрамбовъ.	Диокрамбы.
4. II „ диокрамбовъ.	Δράματα τραγικά.
5. I „ просодий.	Просодии.
6. II „ просодий.	Βαχυκά.
7. I „ парое́нiй.	Парое́нiй.
8. II „ парое́нiй.	Δαφνηφορικά.
9. III парое́нiй.	{ 'Εὐφροναροί.
10. I „ гипорхемъ.	{ Сколи́и.
11. II „ гипорхемъ.	Гипорхемы.
	'Εὐφροναροί.
12. Энкоми́и.	{ Энкоми́и.
13. Θρήνοι.	{ Сколи́и.
15 — 17. Эпипикии.	Θρήνοι.
	Эпипикии.

¹⁾ Bergk, op. cit., I, 371.

Съ этими таблицами, устанавливающими соотношенія двухъ свѣдѣтельствъ о недошедшихъ произведеніяхъ Пиндара, въ общихъ чертахъ согласенъ и Люббертъ въ указанной выше брошюрѣ ¹⁾. По его мнѣнію *Δαρνηφορικά* составляютъ вторую книгу Парееній: *Daphneforia dies festus Thebanorum est, quo novae lauri virgae Apollini Ismenio obferuntur. Pomram ducit Apollinis sacerdos, puer ἀμφιθαλής, carmen daphneforicum cantit virginum chorus sacerdotem sequentium.* Proclus, Chrestom., p. 248: ἀρχεὶ δὲ τῆς δαρνηφορίας καὶ ἀμφιθαλής... φ̄ χορὸς παρθένων ἐπικλοοῦθεὶ etc. . . . . Но сacerdotium Пиндари quo quo filius Daiphantus gessit, cui inter daphneforicum carmen composuit. cf. Vit. Vrat.: εἶχεν οἶον Δαίφραντον, φ̄ καὶ δαρνηφορικὸν ᾄσμα ἐγραψεν ²⁾. Далѣе ἐνθρονισμοί Люббертъ помѣщаетъ частью въ 3-ю книгу Парееній (по списку Аристофана), частью между пэнами и гимнами; *σκολιά*, по его мнѣнію, вошли въ составъ отчасти энкомій, отчасти гипорхемъ; *βακχικά* же составили вторую книгу пресодій въ перечнѣ Аристофана ³⁾.

Такимъ образомъ приурочивая четыре вида лирическихъ произведеній списка Свида къ соответствующимъ книгамъ списка Vit. Vrat., Люббертъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на пятомъ, наиболѣе загадочномъ — *δράματα τραγικά* — и на его отношеніи къ диоирамбамъ.

Какъ читатель видѣлъ выше, *δράματα τραγικά* были помѣщены Бѣкомъ во вторую книгу гипорхемъ списка Аристофана, а Бергкомъ — во вторую книгу диоирамбовъ. Помѣстивъ, какъ выше сказано, *δαρνηφορικά* во вторую книгу парееній, *ἐνθρονισμοί* въ III книгу парееній и въ книгу пэновъ, *σκολιά* въ энкоміи и II книгу гипорхемъ и *βακχικά* во II книгу пресодій, Люббертъ такимъ образомъ считаетъ необходимымъ оставшіяся въ остаткѣ 5-й видъ списка Свида — отождествить съ единственною свободною книгою перечня Аристофана, то-есть со второю книгою диоирамбовъ. Замѣтимъ отъ себя, что такая аргументація представляется нѣсколько странною.

¹⁾ Замѣтимъ, что заглавіе, какъ и въ большинствѣ программъ Любберта, не вполнѣ соответствуетъ содержанію: программѣ эту слѣдовало бы озаглавить не „*Commentatio de Pindari carminibus dramaticis tragicis eorumque cum epiniciis cognatione*“, а — *Commentatio de carminibus dramaticis lyricis tragicis apud Graecos eorumque cum dithyrambis cognatione*, что было бы значительно точнѣе.

²⁾ E. Lübbert, op. cit., 12.

³⁾ Op. cit., 12—13.

Это такъ называемый IV индуктивный методъ—методъ остатковъ¹⁾, главная вѣроятность котораго основывается на безусловной истинѣ предшествовавшихъ отождествленій; другими словами истинность вывода, на немъ основаннаго, находится въ полной зависимости отъ истинности равнѣ сдѣланныхъ заключеній. Впрочемъ Люббертъ не ограничивается этимъ методомъ, но приводитъ новыя аргументы въ пользу своего вывода.

Что-же такое представляютъ възъ себя эти брѣзата трагика и какое ихъ отношеніе къ двенрамбамъ? На эти вопросы Люббертъ даетъ такой отвѣтъ. „Было два вида двенрамбонъ, говоритъ онъ, двенрамбы весенніе и зимніе. Первые отличались веселымъ характеромъ: въ нихъ изображалось рожденіе или приходъ Вакха, поэтому въ нихъ не было умѣстнымъ упоминаніе о трагической судьбѣ героевъ (*Verga enim sacra hilaria sunt; in eis Bacchi ortus et adventus celebrantur, neque locus est lugubribus heroum fati*)²⁾.

Напротивъ въ зимнихъ двенрамбахъ олицетворялись печали и страданія бога и въ нихъ уже съ давнихъ поръ отводилось мѣсто неавамъ о герояхъ; къ такимъ-то зимнимъ двенрамбамъ, по мнѣнію Любберта, и должны быть отнесены брѣзата трагика Свиды.

Чтобы иллюстрировать свое мнѣніе, Люббертъ указываетъ на нѣкоторыя произведенія древнихъ поэтовъ, которыя могутъ быть отнесены къ этому второму виду двенрамбонъ; таковы, по его мнѣнію „Мемвонъ“ Симонида, „Ахиллъ“ Праксилла, „Данаяды“ Меланиппида, „Мелеагръ“ Клеомена, особенно-же „Нюба“ Тимолея Милетскаго, друга Еврипида и ии. др.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, что такое эти брѣзата трагика; объ этомъ уже много писано; желающихъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ сочиненіямъ Бѣка, *Staatshaushaltung der Athener*, II, 361 sqq. и Германа, *Opuscula*, VII, 211 sqq. *De tragoediae comodiaque Iugica*. Въ этихъ сочиненіяхъ читатель найдетъ всѣ нужныя цитаты и довольно полную литературу вопроса. Въ наши дни тотъ-же вопросъ затронутъ въ указанной программѣ Любберта, въ предлагаемой замѣткѣ мы ограничимся слѣдующимъ выводомъ изъ всего вышесказаннаго: мы сомнѣваемся въ существованіи у Грековъ

¹⁾ „Методъ остатковъ состоитъ въ слѣдующемъ: илъ объясненной группы явленій одно явленіе за другимъ относится на извѣстныя уже причины, пока наконецъ окажется необъясненнымъ остатокъ изъ группѣ, для котораго предполагается особая причина или особое условіе“ (*Владиславлевъ*).

²⁾ Op. cit., 15.

лирическиа трагедій и комедій, и въ этомъ отношеніи согласны съ указаніемъ Германа, ибо списокъ Свида, повторенный въ „Vulgatum“ Псевдо-Евдокіи, говоритъ о братахъ трагика, а не лирика, но съ другой стороны, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія отрицать возможности попытокъ лирическихъ поэтовъ, каковы Симонидъ и Пиндаръ, и въ другихъ отрасляхъ поэзіи. Намъ кажется, по аналогіи съ современными поэтами, что и въ древности всякій даровитый поэтъ могъ испытывать свои силы въ разныхъ родахъ поэтическаго творчества. Но истомство сохранило память лишь о тѣхъ произведеніяхъ, которыя болѣе подходили къ преобладающему характеру поэтическаго его творчества. Вѣдь писалъ же Шекспиръ и поэмы, и лирическія пьесы (сонеты), и драмы; по ны, его потомки, цѣнили преимущественно, если даже не исключительно, лишь драматическія произведенія и, думаю, не особенно сожалѣли бы объ уtratѣ его лирическихъ и эпическихъ произведеній. Думаю, что и съ Пиндаромъ произошло нѣчто подобное. Изъ всѣхъ его произведеній цѣнились преимущественно тѣ, въ которыхъ его современники и ближайшіе потомки видѣли наиболѣе яркое выраженіе его своеобразнаго гениа; прочія мало по малу забывались и не дошли до насъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ не было, или даже не могло быть.

Итакъ, возвращаясь къ перечню Свида, мы не будемъ, подобно Д. Кихоту, напрасно ломать косякъ противъ вѣтренныхъ мельницъ, такъ или иначе понималъ его классификацію, и ограничимся лишь тѣмъ простымъ выводомъ, что Пиндаръ, кромѣ лирическихъ произведеній, писалъ и гекзаметромъ, и дистихомъ и либомъ, и прозою, а позднѣйшіе его комментаторы, для полноты перечня и въ доказательство своей начитанности, сочли нужнымъ упомянуть и объ этихъ мало популярнымъ произведеніяхъ славнаго лирика.

Валер. Майковъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАСКОПКИ ДРЕВНЕЙ ДІОКЛЕИ ¹⁾.

(Съ 22-го февраля до 12-го мая 1891 года; рабочихъ дней было 35).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1890-го года раскопка Діоклеи была пріостановлена, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по приказанію е. п. князя Николая, я снова отправился въ Подгорицу, чтобы продолжить раскопку.

На этотъ разъ я предполагалъ уяснить до известной степени планъ цѣлаго города. Прежде всего я рѣшился открыть ворота и затѣмъ пойти внутрь города улицю, которая, по моему предположенію должна была вести къ базиликѣ, проходя между нею и постройкою, въ то время еще не открытою, находящеюся vis-à-vis ей къ югу.

Ворота мы нашли; но постигшая меня болѣзнь заставила прекратить работу въ самое благоприятное для того время, осень; и только во второй половинѣ февраля 1891 года я могъ приняться за нее снова. Осмотрѣвши вновь всю мѣстность и убѣдившись, что улица дѣйствительно идетъ, какъ предполагалось, я принялъ базилику за исходную точку и при систематической раскопкѣ, сообразно съ чѣмъ и рѣшился продолжить работы въ южномъ направленіи къ р. Морачѣ, чтобы потомъ вести раскопки параллельно этой главной линіи къ востоку и западу; чѣмъ болѣе что здѣсь открывается улица, идущая поперекъ первой и пересѣкающая городъ въ другомъ направленіи, съ сѣвера на югъ, при чемъ такимъ образомъ вся площадь разбивается на отдѣльныя части, которыхъ и можно держаться, производя дальнѣйшія раскопки не произвольно, а по границамъ, означеннымъ самымъ расположеніемъ города. Чтобы читатель могъ ориентироваться въ этихъ указаніяхъ, мы предлагаемъ и планъ города.

---

¹⁾ Первые статьи о раскопкѣ древней Діоклеи были помѣщены въ июльской и октябрьской книжкахъ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1890 годъ.

Полной точности въ этомъ планѣ, конечно, нѣтъ, такъ какъ, снимая его, мы имѣли только маленькій, карманный компасъ, посредствомъ котораго нельзя было точно брать углы, а измѣрля расстоянія лентою, весьма растяжимою и уклоняемою отъ прямого направленія, вѣтромъ и неровностями поверхности, мы и этихъ измѣреній не могли выполнить съ точностью. На планѣ мы означили открытыя уже нами постройки безъ деталей, но съ соблюденіемъ размѣра, по которому можно видѣть ихъ отношеніе къ цѣлому пространству, и, приближительно, ихъ положеніи и разстояніи по отношенію къ сторонамъ цѣлаго города. Итакъ, держась плана, мы вступаемъ въ ворота, находящіяся на западной сторонѣ; отъ нихъ идетъ улица къ базиликѣ. Кромѣ этихъ, были и другія ворота на югъ ур. Морачи, отъ которыхъ теперь нѣтъ никакого знака, кромѣ того, что отъ нихъ идетъ улица на сѣверъ. Но одиннадцать лѣтъ назадъ мы видѣли еще слѣды ихъ и въ нашемъ дневникѣ отиѣтили: „далѣе (отъ угла черезъ 430 шаговъ), паходятся ворота шириною около 20 шаговъ“. Недалеко оттуда въ то время находился дубокъ и подъ нимъ четырехугольная колонка съ короткою латинскою votivною надписью; теперь эта колонка исчезла, а надпись, въ то время снятая мною, то же гдѣ-то затерялась. Такъ быстро исчезаютъ слѣды прошлаго, я потому такъ необходимо пользоваться удобными моментами для ихъ сохраненія, если не въ натурѣ, то въ возможно точномъ и подробномъ описаніи.

Въ сообщенія нашемъ о раскопкахъ 1890-аго года мы дали карту цѣлой окрестности Подгорицы, съ тою мѣстностью, гдѣ находятся развалины Дюклен, а планъ раскопанной нами базилики; теперь въ дополненіе къ прошлогоднему, сверхъ плана цѣлаго города, присоединяемъ планъ того пространства, которое мы раскопали вновь въ этомъ году и которое представляетъ собою публичныя бани (balneae, Thermae). Настоящее сообщеніе распадается на двѣ части, которыя и изложимъ въ отдѣльности: 1) ворота съ идущею отъ нихъ улицей и 2) бани.

1. *Ворота (porta)*. Въ первыхъ нашихъ статьяхъ мы уже дали нѣкоторое понятіе о расположеніи города; теперь это расположеніе читатель можетъ представить себѣ еще яснѣе изъ прилагаемаго плана. Окружающая городъ стѣна, надобно замѣтить, сохранилась только по восточной и западной сторонамъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она имѣетъ толщину болѣе трехъ метровъ; отчасти стѣна эта угнѣбла и по западной сторонѣ вдоль потока Ширалии и вдоль р. Зеты; по вдоль Морачи ея почти нѣтъ, и только внизу въ глубинѣ русла рѣки вид-

нѣются кое-какіе куски ея. Больше всего разрушеній произведено Морачей; поэтому здѣсь мы во многихъ мѣстахъ проводимъ линію по догадкѣ, не будучи въ состояніи услѣдить за всѣми извилинами, исчезнувшими во множествѣ обваловъ. Бастіоны мы замѣтили только по сѣверной сторонѣ, и на западной—одинъ, находящійся къ югу отъ воротъ, лучше другихъ сохранившій свою форму. Безъ сомнѣнія, такой же бастіонъ былъ и къ сѣверу отъ воротъ, и оба они представляли собою для воротъ оборонительныя башни (turris). Мы означили на планѣ, какъ шла одна улица отъ южныхъ воротъ. Вблизи того же мѣста отдѣляется и еще одна улица, направляющаяся къ углу, гдѣ потокъ Ширалія соединяется съ Зетой. На противоположной, сѣверной сторонѣ находятся двое малыхъ воротъ, отвѣчающихъ, очевидно, также улицамъ, идущимъ отъ Морачи, но въ этой части мы не производили никакихъ изслѣдованій. Кромѣ того, на сѣверной же сторонѣ, къ западу отъ бойницы, вѣз-подъ стѣны идетъ къ Шираліи канавъ, внутри вымощенная камнемъ и сверху покрытая плитами; она на столько велика, что въ нее можно пролѣзть, и это, по всѣмъ вѣроятіямъ, сіюса. Вотъ все, что можно замѣтить при наружномъ осмотрѣ стѣны. Вокругъ нея, какъ мы уже упоминали въ прежней нашей статьѣ, шелъ каналъ, съ восточной стороны двойной, отъ перваго изгиба къ западу одиночный, идущій вплотную къ стѣнѣ, а далѣе совершенно теряющійся и, по всѣмъ вѣроятіямъ, обвалившійся въ Ширалію. Потомъ онъ снова виденъ тамъ, гдѣ стѣна перемѣняетъ западное направленіе на юго-западное. Каналъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, служилъ для обороны; вопросъ въ томъ только, наполнялся ли онъ водою или представлялъ собою редутъ. Замѣтимъ при этомъ, что къ Морачѣ онъ имѣетъ совершенно открытое устье такъ что вода въ немъ безъ особенныхъ сооруженій не могла держаться, а отъ сооруженій этихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; впрочемъ, въ теченіе вѣковъ тамъ многое исчезло бесслѣдно. Другой вопросъ, откуда этотъ каналъ могъ наполняться водою. Водопроводъ отъ р. Цѣвны доходитъ до Морачи; не вѣстно только, служилъ ли онъ для одной лѣвой стороны ея, гдѣ также находился городъ, или переводился и на другой ея берегъ для Дюклен. До сихъ поръ, не много выше ея, сохранялись остатки, такъ-названнаго Златицкаго моста (по селу Златицѣ), который разрушенъ менѣе ста лѣтъ назадъ пашерами, чтобы воспрепятствовать турецкимъ войскамъ отъ Подгоряцы переходить и нападуть на ихъ сторону. Но въ то же время разкапываютъ, что существовали слѣды моста и противъ самаго го-

рода, недалеко отъ соединенія Морачи съ Зетой. Этотъ мостъ могъ служить какъ вообще для соединенія той и другой стороны, такъ и для проложенія водопровода. Вопросъ этотъ можетъ рѣшиться только тогда, когда будетъ раскопана южная сторона вдоль Морачи, гдѣ должны будутъ оказаться слѣды водопровода, если онъ существовалъ.

Съ другой стороны, вода могла быть доведена изъ Ширали, которая въ настоящее время представляетъ собою потокъ пересыхающій, наполняющійся водою только во время дождей и поднимающійся въ лихвой части очень высоко (метровъ на 7), когда его связу подпираетъ Зета. Русло его чрезвычайно глубоко; но, конечно, было время, когда оно не было такъ размыто, и вода текла по высокой поверхности, при томъ постоянномъ потокомъ. По народному замѣчанію, потокъ этотъ усилился только въ послѣдніе годы, и это объясняютъ образованіемъ какой-то трещины отъ Морачи, въ верхнемъ ея теченіи, идущей подъ Вежешникомъ. Но это относится къ периодическому его теченію, между тѣмъ какъ опъ въ древнее время могъ и долженъ былъ быть постояннымъ. Есть слѣды небольшого моста черезъ Ширалию, который называется—Булицъ-мостъ и лежитъ глубоко; но онъ принадлежитъ, кажется, новѣйшему времени.

Послѣ этого осмотра наружной стѣны города, мы можемъ приступить къ описанію воротъ.

На присутствіе ихъ въ этомъ именно мѣстѣ указывало углубленіе, въ родѣ пролома, въ стѣнѣ, по бокамъ достаточно сохранившейся. Тамъ же чуть видѣлся изъ земли камень, о которомъ можно было предположить, что то былъ воротный столбъ, и рядомъ лежалъ большой камень съ надписью, изъ которой было видно, что это былъ надгробный памятникъ. Нѣсколько углубленій въ землѣ показывали, что оттуда вынута нѣсколько подобныхъ камней, а мѣстные жители подтвердили, что дѣйствительно оттуда вынута нѣсколько камней для постройки моста черезъ Зету.

Конать мы начали не совсѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагали ворота, а метра на 4 передъ ними извѣй; копали до тѣхъ поръ, пока дошли до природнаго грунта, состоящаго изъ конгломерата въ видѣ мелкихъ кругляковъ, крѣпко спаянныхъ известковымъ цементомъ. Глубина насыпной земли оказалась до 4 метровъ ниже предполагаемаго порога воротъ, и тутъ постоянно находились камни, обдѣланные рукою человѣка: кусокъ порога, колонна съ отверстіемъ сбоку, въ которую, повидимому, входила задвижка для запора воротъ, просто камни съ различными фигурами и надписями, и кусочекъ отъ статуи,

именно локотокъ дѣтской {руки изъ прекраснаго мрамора и очень искусно сдѣланный (дѣлая статуя могла представлять Купидона). Дойдя до дна, мы повели раскопку къ воротамъ по выемкѣ въ уломянутомъ выше конгломератѣ, имѣя его съ боковъ въ видѣ стѣны, и дошли до такой же стѣны впереди, на которой лежалъ камень, служившій порогомъ, и другую половину котораго мы нашли внизу. По направленію какъ мы шли впередъ, онъ составлялъ правую сторону; въ одномъ углу его было широкое круглое отверстіе, служившее, очевидно, для желѣзной паты массивныхъ воротъ, и ложбина вдоль по выемкѣ кверху краю, а сбоку дѣйствительно оказался воротный косякъ. На той же сторонѣ сохранилась часть стѣнки воротъ изъ большихъ камней, служившихъ когда-то надгробными намятниками. Лѣвая сторона оказалась совершенно разрушенною, а за нею открылось нѣсколько ступенекъ, ведущихъ на наружную стѣну, часть которой мы при этомъ и очистили. Мы прокопали еще метровъ на 20 впередъ соответственно ширинѣ воротъ, отыскивая мостовую, но не находили ничего, кромѣ природнаго грунта. Осматривая уцѣлѣвшій кусокъ стѣнки воротъ, мы останавливали наше вниманіе прежде всего на томъ, что вся она сложена изъ надгробныхъ кампей (на это указываютъ надписи) и что положены они такъ, что надписи при томъ не принимались въ соображеніе. Сверхъ того, на многихъ изъ нихъ видно стараніе разрушить эти надписи съ помощью молотка, и одѣя дѣйствительно совсѣмъ разрушены, а другія разрушены на половину. Эти надписи, снятыя нами, предлагаются здѣсь безъ соблюденія принятаго тамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сліанія буквъ, но безъ измѣненія орфографіи, и съ означеніемъ чертами не разобранныхъ нами буквъ.

1) Камень на самомъ верху, остававшійся постоянно снаружи такъ, что надписи спята многими, еще прежде раскопки; вотъ она:

SERVENIAE
MARCIAE
MATRI
OPTIME
FL.C.FIL.
PRISCA
L.D.D.D.

2) Другой тамъ же (длина 86 сантим., ширина 52 сантим.):

AVIA
PINNIA

FL. EPDAVS

F.C.

L.DDD

3) Третій (длина 80 сантим., ширина 52):

M. NOVIO

QV—VSTO

DECEXTESTA

MENTOEIVS

T. NOVIVS. MA

XIMVS FRA

TER. PONENDVM

CVRA VT.

L..D.D.D.

Есть и еще камни тамъ же, но надписи на нихъ совершенно разрушены. Всѣ они застроены въ стѣнку; слѣдующіе же находятся внизу, куда, очевидно, сброшены при разрушеніи воротъ.

1) Длина 83 сантим., ширина 65 сантим., толщина 40 сантим.:

M. FLAVIO. T. FQVIR

FRONTONI SACERD

IN COLONIS. NARON

ET EPIDAVRII VIRII —

— — ORISINOI VIR

C — — NQIONINCOL

SCCDRII VIRIDQVI —

IIAM — — — PRAEFI — — — —

PLEPS

EXAERECONIA — — —

2) Очевидно, находившійся въ стоячемъ положеніи и сломанный на половину по высотѣ; верхняя часть шириною 69 сантим., высота одного была 52, другого 44 сантим.; сбоку вырѣзана ваза съ цвѣтами:

CLQFIL

PROBILIAE

Ниже еще остается мѣсто по надписи дагѣе вѣтъ.

3) Съ рѣзьбой съ обонхъ бововъ; длина 57, ширина 45 сантим.:

IIID. II

FLAVIA

C.F.
RVE—NA
FILIO
POSVIT
L.DDD.

Есть еще обломки съ не полными надписями и цѣльные камни съ надписями попорченными такъ старательно, что нельзя разобрать ни одной буквы.

Изъ послѣднихъ № 1 представляетъ собою не надгробный, а какой-то votivный камень, указывающій на посвященіе чего-то, можетъ быть, самыхъ воротъ Флавію Фронтоу, по всѣмъ вѣроятіямъ, тому самому, имя котораго встрѣчаемъ и на архитравѣ базилики. При этомъ упоминаются *колонны Нарона и Эпидавра*, т. е. ишѣшникъ—Герцеговини и Дубровника, къ которымъ какъ будто причислялись и колонны Дюклен.

Судя по глубинѣ, на которой найдены эти камни, мы предполагаемъ, что изъ воротъ внизъ долженъ былъ существовать спускъ въ видѣ высокаго крыльца или камешной лѣстницы, отъ которыхъ, однако, не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ въ постройкѣ воротъ оказались надгробные памятники? и не была ли эта постройка произведена въ позднѣйшее время, и' не римлянами, а наслѣдниками ихъ господства въ тѣхъ мѣстахъ?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ, важно отмѣченное нами стараніе уничтожить или попортить надписи. Есть много примѣровъ, что уничтожаютъ на камнѣ старую надпись съ цѣлю вырѣзать на немъ свою, новую, а здѣсь того нѣтъ; заботливость направлена на уничтоженіе надписи съ исключительною цѣлю, чтобъ ее нельзя было прочесть. Другому народу, кромѣ римлянъ, въ томъ не было никакой пользы и надобности. Такъ могли поступить только люди, которые не относились къ этимъ памятникамъ равнодушно; похищая ихъ, такъ сказать, у могилъ и употребляя на другую постройку, они чувствовали нѣкоторую неловкость, въ родѣ угрызения совѣсти, что и побуждало уничтожать ясныя указанія на то, кому принадлежалъ тотъ или другой памятникъ.

Руководясь такими соображеніями, мы держимся мнѣнія, что ворота эти строились въ позднѣйшее время, послѣдствіе какой-то вновь появившейся потребности имѣть ихъ тутъ, но не какимъ-либо другимъ народомъ, а самими же римлянами.

Вступая черезъ ворота внутрь города, вы встрѣчаете нагроможденія, указывающія на бывшія постройки, только съ правой стороны противъ бастіона,—тогда какъ влѣво идетъ ровное пространство, нѣсколько возвышенное надъ дорогою или улицей. Далѣе, по направленію къ базиликѣ,—улица съ однимъ только нагроможденіемъ поперекъ ея въ равствіи отъ воротъ метровъ на 50; по бокамъ ея видны остатки каминыхъ-то зданій.

Указанное выше пространство, влѣво отъ воротъ, на которомъ на поверхности не видно было никакихъ слѣдовъ построекъ, не было ли занято кладбищемъ, и не съ него ли взяты для воротъ надгробныя памятники?

Такую же поверхность, безъ слѣдовъ каминыхъ бы то ни было построекъ, представляетъ собою и весь юго-восточный уголъ.

Все это наводитъ насъ на предположеніе, что вся почти западная часть города была когда-то занята кладбищемъ для болѣе важныхъ личностей, которое уничтожено въ то время, когда тамъ построены новыя ворота.

Отъ воротъ вдоль улицы до базилики 224 метра.

Больше мы не производили здѣсь никакихъ изслѣдованій и перешли къ раскопкѣ зданія *vis-à-vis* базиликѣ.

2. *Баня*. Считаю нужнымъ предварительно объяснить наши отношенія къ правамъ владѣтелей тѣхъ участковъ земли, на которыхъ мы производимъ раскопки, такъ какъ этимъ обуславливается способъ раскопки. Все это пространство составляетъ частную собственность племени Пиперъ и имъ разработано подъ нивы (если на немъ нѣтъ большихъ нагроможденій камня), или представляетъ собою пастбище, или, наконецъ,—просто запущенное мѣсто, поросшее вустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, въ котораго владѣлецъ пользуется дровами и матеріаломъ для домашнихъ подѣлокъ.

На этомъ основаніи, поручивъ мнѣ раскопку известнаго пространства, е. в. князь Николай въ прошедшемъ году поручилъ строго оберегать отъ всякой порчи прилегающія къ нему нивы, а еслибы гдѣ такая порча оказалась неизбежною, вознаграждать потерпѣвшихъ, что мы и исполнили со всею соотвѣствующею тому точностію. Но тогда былъ, такъ сказать, только проба раскопки; послѣ нея князь, убѣдившись въ важности дѣла, рѣшился продолжать его систематично въ продолженіе многихъ лѣтъ, удѣляя на то ежегодно известную сумму, и при томъ далъ намъ полную свободу располагать работы, не стѣсняясь ничѣмъ, выкупа попорченныя

участокъ или замѣняя его другимъ по свободному съ владѣльцемъ соглашенію.

Послѣ этого намъ не было необходимости, какъ прежде, перекопать мѣстность, опять заваливать ее вынутыми изъ нея каменьями и землей, и мы стали землю и каменья выносить вонъ, такъ, чтобы откопанныя зданія были совершенно чисты. Но, обладая только 5-ю тачками и двумя двухколесными телѣжками и самодѣльными носилками изъ двухъ колевъ, переплетенныхъ прутьями, мы не могли все это относить дальше въ Морачу или Ширалю, а рассыпали по сосѣднимъ участкамъ земли.

Какъ бы то ни было, на этотъ разъ всѣ открытыя нами комнаты очищались вполне отъ земли и камня до пола, и только изъ трехъ или четырехъ изъ нихъ мы оставили часть земли (перекопавши однако предварительно все пространство до требуемой глубины), такъ какъ то существеннаго вреда дѣлу не наноситъ, а между тѣмъ облегчаетъ работу; но и эта земля со временемъ можетъ быть оттуда выброшена.

Приступимъ теперь къ описанію того, что открыто послѣднею раскопкой. Мѣстность, подлежащая раскопкѣ, представляла собою почти правильный квадратъ, каждая сторона котораго была приблизительно около 70 метровъ; слѣдовательно немного меньше раскопанной нами въ прошломъ году базилики. Кругомъ почти вездѣ ясно обозначались остатки стѣны; а внутри находились нагроможденія камней, покрытыхъ довольно толстымъ слоемъ земли на которомъ росли не крупный, но весьма густой лѣсокъ, перенутившій разнаго рода выщипанія и колючими растеніями. Народъ называлъ это *царскими палатами*, тогда какъ мѣсто прошлагодной раскопки слыло— *царскимъ дворомъ* (стобор).

Прежде чѣмъ приступить къ раскопкѣ самаго зданія, мы прокопали капаву вдоль пространства, въ родѣ улицы, отдѣливаемаго его отъ базилики, и нѣсколько поперечныхъ канавокъ, чтобы узпать, нѣтъ-ли чего нибудь и тутъ, не открылся-ли, по крайней мѣрѣ, мостовая. И дѣйствительно близъ стѣны открылось нѣчто въ родѣ мостовой, но только въ трехъ мѣстахъ съ перерывами, и мы остаемся относительно этого въ недоумѣніи, не куски-ли это развалившейся стѣны.

Затѣмъ мы стали открывать самыя стѣны снаружи, начавши копать передъ ними метра на два, мѣстами же на три, а изъ глубину, какъ и прежде, до природнаго грунта, прокапывая немного и его. Внутри прежде всего необходимо было очистить поверхность отъ

лѣса, а потомъ отъ завалившихся ее камней. Изъ-за этой первоначальной очистки ясно обозначилось, что цѣлое зданіе состоитъ изъ множества отдѣленій или комнатъ, не одинаковой величины, иногда очень мелкихъ, расположенныхъ безъ симметріи. Отсутствие симметріи и центрального отдѣленія, гдѣ могли быть *atrium* и *impluvium* въ жилищѣ римскомъ домѣ, а также отсутствие слѣдовъ перистилы служили мнѣ знаками, что это было нѣчто другое. Послѣ дома со множествомъ отдѣленій, расположенныхъ при томъ по весьма сложному плану, слѣдуютъ бани. Въ такомъ предположеніи мы, очистивши всю сѣверную сторону, открыли большія двери, отъ которыхъ вполнѣ сохранился порожекъ, и стали раскапывать первое отдѣленіе (№ 1). На первыхъ-же шагахъ мы нашли два обломка свинцовой трубы (*fistula*), отверстіе которой не вполнѣ круглое, а сжатое съ одной стороны до остраго угла.

Въ противоположной стѣнкѣ оказались также двери, ведущія въ другое отдѣленіе, а но угламъ закруглены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находили мы полъ, состоящій изъ массы яввести со щебнемъ, выглаженной въ родѣ асфальта; по большая часть его была разрушена, и подъ нимъ, прокопавши насыщенную землю, находили природный грунтъ, тоже впрочемъ мягкій, состоящій изъ желтой глины. Эта первая комната имѣла въ ширину и длину по 10 м. 58 с. Поставивъ одну партію для очистки стѣнъ въ смежномъ отдѣленіи, идущемъ къ югу (№ 2), другую мы направили вправо отъ входной двери, гдѣ также оказалась небольшая дверь, повидямому, продѣланная въ позднѣйшее время и потомъ опять кое-какъ заваленная большими камнями. Это послѣднее отдѣленіе (№ 5) имѣетъ въ ширину только 5 м. 35 с., а въ длину 23 м. 35 с. съ дверью въ западномъ краю. Оно было сильно завалено камнями отъ разрушенныхъ стѣнъ и обломками кровельной черепицы; по пола не оказалось никакого, сколько ни копали въ глубину. За то въ сѣверо-западномъ углу найдена одна статуетка и другіе обломки, о которыхъ будемъ говорить ниже. Одновременно раскапывали и сосѣднее съ нимъ отдѣленіе (№№ 6 и 7), которое оказалось весьма обширнымъ съ наружною дверью къ западной сторонѣ и съ прямымъ сообщеніемъ къ востоку. Параллельно стѣнкѣ въ западной сторонѣ открыты слѣды еще стѣнки внутренней, которая сохранилась только при концахъ, тогда какъ по срединѣ разрушена до самаго основанія, и потому не найдено слѣда двери, которая должна бы вести внутрь главнаго отдѣленія (№ 7). Здѣсь, какъ и въ первомъ отдѣленіи, былъ полъ изъ извест-

ковой массы, но сохранилось отъ него весьма мало. Посрединѣ же, надъ поломъ, выложенъ былъ квадратъ изъ цѣльныхъ шлифованныхъ камней въ родѣ мрамора, уцѣлѣвшихъ однако только на немногихъ мѣстахъ (а, а, а, а). Въ сѣверо-восточномъ углу (б) ясно видно, что сверхъ него была стѣнка, и это наводитъ на предположеніе, что она возвышалась надъ цѣлымъ квадратомъ. Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ въ основаніе ея положенъ фундаментъ изъ такого хорошаго, тщательно отшлифованнаго камня?

На южномъ краю этого квадрата находятся рядомъ два большіе камня кубической формы (около 1 метра), съ узкимъ карнизкомъ по верхнему краю, и еще одинъ такой же въ соседнемъ отдѣленіи (в, в, в). Первые два находятся какъ бы на своихъ мѣстахъ, а послѣдній, очевидно, сдвинуть. Камни эти представляютъ собою вѣчто въ родѣ пьедесталовъ или постаментовъ, на которыхъ могли помѣщаться статуи или ставиться какія-нибудь скамеечки или стулья для сидѣнья. Несмотря на то, что въ цѣломъ этомъ отдѣленіи находились остатки пола, мы копали посрединѣ глубже съ цѣлью, не окажется ли какой-нибудь резервуаръ для воды; но ничего, кромѣ мусора сверху и природнаго грунта въ самомъ низу, не находилось.

Принявъ а priori, что цѣлое раскапываемое нами зданіе—бани, какъ то впоследствии волигѣ оправдалось, мы это отдѣленіе считали за комнату для раздѣванья (apodyterium), которая потому и отдѣлена стѣнкой отъ наружной двери, чтобы со двора не проинивалъ холодный воздухъ непосредственно въ отдѣленіе, гдѣ люди раздѣвались и одѣвались и гдѣ была другая температура. Упомянутый выше квадратъ изъ шлифованнаго камня могъ служить для сидѣнья; а на камняхъ кубической формы могли также сидѣть на особыхъ стульяхъ тѣ изъ выдупавшихся, которымъ нужно было дѣлать какія-либо операціи съ ногами: обрѣзывать ногти, срѣзывать мозоли и т. п.

Рядомъ съ этимъ отдѣленіемъ находится двѣ комнаты (ММ 8 и 9), соединенныя дверью между собою; въ нихъ полъ изъ мозаики, хорошо сохранившійся, съ цвѣтными фигурами. Мы, впрочемъ, его не разсматривали весь и оставили на немъ слой земли, чтобы онъ не подвергся порчѣ, какъ отъ атмосферныхъ вліяній, такъ и отъ разрушительныхъ наклонностей тѣхъ посѣтителей, которые все стараются разломать и раскопать, не ограничиваясь поверхностнымъ осмотромъ. Это будетъ устранено, когда будутъ приняты надлежащія мѣры вообще для охраны отъ порчи и расхищенія цѣлаго города. Мозаичный съ рисунками полъ ясно показывааетъ, что эти ком-

наты служили для дѣйствій, которыми купавшіеся подвергали себя, послѣ того какъ обмылись и обсушились. Это былъ, можетъ быть, *elaeothesium*, гдѣ производилась прическа волосъ и намазываніе тѣла различными маслами и благовоніями.

Изъ главнаго же отдѣленія ведетъ дверь и въ другую комнату, нѣсколько возвышенную (№ 10), въ которой полъ былъ также изъ известковой массы и сохранился только по краямъ. Середину комнаты мы копали въ глубину болѣе 1½ метра, но, не найдя ничего, опять засыпали и для облегченія работы, пабросали еще земли и съ краской ¹⁾. Эта комната довольно обширна: именно одна изъ сторонъ ея въ 10 м. 63 с., другая—въ 9 м. 86 с.; изъ нея идутъ двѣ двери въ сосѣдную комнату, а одна наружу; послѣдняя вела въ *salinet d'aisance* (№ 24), имѣющій сверхъ всего каменный желобокъ, по которому стекала вода изъ сосѣдней комнаты (№ 10). Длина его 5 м. 50 с.; а ширина—3 м. 4 с. Здѣсь, надобно замѣтить, нашлось много мелкихъ мѣдныхъ монетъ.

Слѣдующая комната (№ 11), также довольно обширная, вымощена мозаикой, имѣетъ, кромѣ двухъ дверей изъ комнаты № 10, еще три двери и сверхъ того въ западной сторонѣ резервуаръ (№ 12). Глубина этого резервуара 1 м. 24 с., и спускъ въ него по тремъ ступенькамъ, довольно высокимъ. Отъ сосѣднихъ комнатъ онъ отдѣленъ двойными стѣнками, которыя покрыты толстою и очень прочною, вполне сохранившеюся штукатуркой. Полъ—изъ бѣлыхъ мраморныхъ плитъ, но нигдѣ нѣтъ отверстія ни для впуска ни для выпуска воды. Закаина, обращенная въ комнату, выложена тонкими мраморными плитками, которыхъ и кромѣ того найдено множество; это наводитъ на мысль, что и всѣ стѣнки этой комнаты были обшиты такими же плитками. Что это былъ резервуаръ съ водой, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, откуда и какимъ бы способомъ она туда ни приводилась; вопросъ только въ томъ: была ли то холодная, или горячая вода? Мы склоняемся въ пользу втораго предположенія, тѣмъ болѣе что въ сосѣдствѣ наши отдѣленіе (№№ 17 и 18), въ которомъ открыта печь, служившая, очевидно, для согрѣванія воды и пагрѣванія помѣщеній паромъ, о чемъ, скажемъ ниже. Сверхъ того, рядомъ находилось помѣщеніе (№ 25), въ которомъ также

¹⁾ Это однако не исключаетъ возможности, что тутъ былъ резервуаръ съ холодной водой или такъ-называемый *lavium*, то-есть, купель холодной воды, которою омовались, выходя изъ теплаго отдѣленія и вступая въ *apodyterium*.

могла нагрѣваться вода. Но, къ величайшему удивленію, мы нашли совершенно замкнутое помѣщеніе въ родѣ каменнаго мѣшка, и въ немъ множество изломанныхъ костей, приблизительно, отъ двухъ скелетовъ, мелкіе кусочки стеклянныхъ и глиняныхъ сосудовъ, кое-какія бронзовыя вещицы и нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Очевидно, это была могила, и, какъ обычно бываетъ, въ сѣверной стѣнкѣ продѣлано углубленіе внутрь, гдѣ мертвый помѣщался головой. Не подлежало также сомнѣнію, что эта могила была когда-то перекопана, и тогда всѣ кости и другія вещи переломаны и брошены обратно. Мы копали здѣсь въ глубину на три метра и въ нижнемъ слоѣ не находили уже никакихъ остатковъ, а шла все глина, вязкая и мокрая, вслѣдствіе того, что оттуда не было никуда стока воды. Что это помѣщеніе нѣкогда имѣло другое назначеніе и въ могилу обращено въ позднѣйшее время, хотя еще римскаго періода, на то указываетъ сѣверная стѣнка, очевидно не имѣющая внутри никакой связи съ боковыми, и только снаружи этотъ недостатокъ слези кроется подъ штукатуркой. Отбросивши послѣ этого все предполагавшееся нами относительно того помѣщенія, мы остались при нашей догадкѣ, что упомянутый выше бассейнъ наполнялся горячею водою изъ другаго отдѣленія сверху посредствомъ трубъ, а удаленіе ея происходило посредствомъ вычерпыванія или помпы.

Пока шла раскопка всѣхъ этихъ отдѣленій внутри зданія, одновременно шла работа и внѣ его. Здѣсь параллельно западной сторовѣ зданія, идетъ каналъ, покрытый большими плитами изъ простаго камня, часть котораго мы раскопали еще въ прошломъ году (г, г, г). Онъ идетъ изъ подъ баялики и, по всѣмъ вѣроятіямъ, до рѣки Морачи, служа для отвода нечистотъ изъ всѣхъ прилежащихъ зданій. Къ нему же направлялась и труба изъ жженой глины отъ бани, именно близъ юго-западнаго яхъ угла (д). Тутъ же оказался каналъ между самымъ зданіемъ и окружающею его наружною стѣною (е, е), которая идетъ и по южной сторонѣ, такъ что вездѣ между нею и самымъ зданіемъ находится свободное пространство до двухъ метровъ въ ширину. На южной сторонѣ оказались двѣ абсиды, и при дальнѣйшей раскопкѣ оказался рядъ комнатъ, совершенно отличныхъ отъ разсмотрѣнныхъ нами. Отъ крайней абсиды идетъ также каналъ (ж, ж); бока отлично выложены камнями кубической формы съ известью, а дно плитами изъ жженой глины.

Въ трехъ комнатахъ (№№ 15, 16 и 17) полъ состоитъ изъ известковой массы; но изъ разрушеній его видно, что подъ нимъ нахо-

двигалась пустота вышиною до 25 с., и полъ, такъ сказать, висѣлъ, поддерживаемый кирпичными столбиками. Кромѣ того, подъ нимъ мѣстами вертикально, а мѣстами въ горизонтальномъ положеніи находились длинныя полые кирпичи съ отверстіями по бокамъ. Такія же кирпичами обложены были и стѣны, но нельзя опредѣлять—до какой высоты, такъ какъ вся штукатурка отбита, а съ нею и они разломаны въ мелкіе куски и большею частью также онали. Какимъ образомъ поддерживался этотъ массивный полъ, имѣющій въ толщину до 12 с., всего лучше можно видѣть подъ порогомъ дверей, ведущихъ изъ комнаты № 15 въ комнату № 11. Очевидно, что пустота подъ поломъ и полые кирпичи служили для проведенія нагрѣтаго воздуха или пара. Но какимъ образомъ происходило нагрѣваніе? При комнатѣ № 17 рядомъ находится помѣщеніе, въ которомъ полъ совершенно уничтоженъ и держится немного только у южнаго края. Все это отдѣленіе (№ 18) вслѣдствіе того ниже пола сосѣдней комнаты, и тутъ видна набитая глина, отъ дѣйствія жара покраснѣвшая, какъ кирпичъ; тамъ же есть маленькое отверстіе въ стѣнѣ (в), которое можно бы считать устьемъ печи; но, всмотрѣвшись внимательно, вы увидите, что отверстіе это составляетъ просто проломъ, или что тутъ могла проходить дымовая труба. Скорѣе же всего можно предположить тонку пѣ сѣверной сторонѣ; по здѣсь все такъ разрушено, что трудно составить себѣ представленіе о томъ, какую форму имѣла эта топка. Снаружи абсиды № 15 также открылось нѣчто въ родѣ топя; но мы не рѣшились углублять раскопку, потому что тогда обвалилась бы и вся абсида. Взаимъ того, способъ отопленія совершенно ясно виденъ въ комнатахъ №№ 13, 14 и 15. Въ первой и послѣдней изъ нихъ полъ, вполнѣ сохранившійся, находится на одномъ уровнѣ съ комнатами №№ 16 и 17; а въ средней между ними полъ ниже на $\frac{1}{2}$ метра, и изъ нея идутъ четвероугольныя отверстія подъ обѣ сосѣднія комнаты (и, в), а въ южной сторонѣ находится отлично выложенное, съ кирпичнымъ сводомъ, отверстіе, составлявшее устье печи (i), при чемъ отопленіе происходило снаружи. Ясно, что въ этой комнатѣ происходило нагрѣваніе воздуха или помѣщался аппаратъ для образованія пара, проходившаго черезъ упомянутыя выше отверстія подъ полъ сосѣднихъ комнатъ. Для входа въ эту комнату служила дверь изъ проходящаго мимо ея корридора (№ 23).

Итакъ, рядъ комнатъ, идущихъ по южной сторонѣ, представляетъ собою паровое отдѣленіе (assump), въ которомъ нагрѣвались не только

поль, во и стѣны. Это было отдѣленіе, служившее для паренья или потѣнья (sudatio и sudatorium), чему особенно помогала полукруглая форма комнаты съ абсидой (Lacopiscum). Вотъ все, что представляютъ намъ развалины этого отдѣленія; о дальнѣйшемъ же устройствѣ его можно судить по сравненію съ другими подобнаго рода зданіями, лучше сохранившимися, въ Римѣ, Помпеяхъ и др. Возвратимся теперь назадъ къ оставленной нами комнатѣ съ бассейномъ для воды (№ 12). Къ представленному выше описанію добавимъ, что на самомъ дѣлѣ этого бассейна найдена золотая монета императора Гонорія прекрасно сохранившаяся. На одной сторонѣ юный ликъ императора, съ надписью его имени вокругъ, а на оборотной сторонѣ надпись victoria aug. съ такимъ изображеніемъ: воинъ въ шлемѣ ногами топчетъ своего врага, въ правой рукѣ держитъ знамя, а на лѣвой стоитъ геній, вѣнчающій побѣдителя лавровымъ вѣнкомъ. Въ томъ же мѣстѣ найдено болѣе 30 мелкихъ мѣдныхъ монетокъ.

Изъ этой комнаты въ паровое отдѣленіе ведутъ двѣ двери въ комнаты №№ 15, 16, находящіяся въ связи съ комнатою № 17; при томъ въ паровое отдѣленіе приходится немного спуститься.

Еще одна дверь ведетъ въ комнату № 19. Эта послѣдняя находится на одномъ уровнѣ съ первой, вымощена мозаикой и имѣетъ одну дверь, ведущую въ корридоръ (№ 23), гдѣ находится небольшою резервуарчикъ (к) съ желобкомъ, который идетъ вдоль стѣны и конца котораго мы не могли прослѣдить. Назначеніе этого резервуара испо: на $\frac{1}{2}$ м. глубже ея находится отдѣленіе №№ 21 и 22. Первое изъ нихъ не имѣетъ никакого пола, а во второмъ полъ изъ кирпичныхъ плитокъ, поставленныхъ на ребро въ формѣ параллельныхъ зубчатыхъ линій. Между ними замѣтенъ только фундаментъ стѣнки. На одномъ уровнѣ съ ними находится комната № 20, изъ которой въ № 21 продѣлано полукруглое отверстіе въ родѣ устья тонки (л); это заставляетъ предполагать, что и здѣсь было теплое помѣщеніе: можетъ быть, въ комнатѣ № 21 существовалъ полъ съ пустою подъ нимъ, а въ сосѣдней комнатѣ находился аппаратъ для нагреванія, и тогда комната № 22 могла служить для охлажденія передъ вступленіемъ въ проходную комнату № 19. Впрочемъ, не имѣя подъ руками никакихъ почти справочныхъ средствъ, мы высказываемъ лишь догадки; мы недоумѣваемъ, наиримѣрь, зачѣмъ для такого малаго помѣщенія, какъ комната № 21, нуженъ такой просторъ, вѣнчающій согревательный аппаратъ, какъ въ комнатѣ № 20? Зачѣмъ останавливаемся съ вопросомъ и передъ комнатою № 18: случайно или нарочно она

такъ изолирована и удалена отъ другихъ помѣщеній и нашла свое мѣсто на краю корридорчика, служащаго совершенно для другой цѣли? Не было-ли это и въ дѣйствительности совершенно особенное отдѣленіе, моущіеся въ которомъ могли и не имѣть сообщенія съ остальными, пользуясь входною комнатою № 1 в продолженіемъ пути прямо на югъ и маленькимъ корридоромъ № 23?

Считаемъ при этомъ не лишнимъ сообщать нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этой части зданія.

Прежде чѣмъ открыты были отдѣленія №№ 4, 13, 14, 23, 20, 19, 21, 22, мы раскопали уже № 3, оставивши въ № 2 не открытою середину, такъ какъ не видѣли въ томъ большаго интереса, а хотѣли по возможности скорѣе раскрыть все характерное и существенное. Все это пространство составляетъ проходной корридоръ, который отъ выступа комнаты № 20 впередъ суживается; тутъ находится нѣсколько возвышенный порогъ; могли быть и двери. Въ этомъ самомъ мѣстѣ въ углу, образуемомъ упомянутымъ выше выступомъ, нашелся камень съ изображеніемъ флгуры, какія въ Помпеяхъ встрѣчаются надъ дверями комнатъ, находящихса подъ ключемъ. Мнѣ съ перваго раза пришла мысль, что фигура эта, находясь надъ дверями корридора, показывала путь въ особое отдѣленіе, по назначенію своему не имѣющее ничего общаго съ банею. Но дальнѣйшая раскопка открыла корридорчикъ № 23 съ маленькимъ резервуаромъ, на который, по нашему мнѣнію, и указывала означенная фигура. Послѣ этого относительно отдѣленія, куда выходять комнаты №№ 13, 20, 21 и 22, у насъ остается недоумѣніе: назначались-ли онѣ для низшихъ классовъ, или для людей съ какими-нибудь знакомыми болѣзнями.

Этимъ покуда и завершена наша раскопка: мы открыли немного больше половины зданія, именно западную его часть, которая проходными комнатами (№№ 1, 2, 3 и 4) отдѣляется отъ восточной.

Эта вторая половина можетъ представлять собою, какъ и въ другихъ баняхъ Рима и Помпей, женское отдѣленіе. Но въ то же время можно предполагать, что она служила проходнымъ или дополненіемъ перваго; что тамъ находился бассейнъ для плаванія, которому мало мѣста въ первой половинѣ, а также залъ для гимнастики и разныхъ игръ, комнаты для отдохновенія, не говоря уже о библіотекѣ и сценѣ для представленій, находящихса въ другихъ извѣстныхъ баняхъ, помѣщеніе для слугъ и различныхъ принадлежностей бани и т. п. Принимая въ соображеніе, что Дюклея была крѣпость,

что въ ней могли находиться только воины, люди безсемейные, мы склонились бы именно къ этому второму предположенію. Въ пользу перваго однако больше шансовъ. Мы уже раскопали часть другой половины и въ самомъ углу (юго-востокъ) открыли *assum* и *Laconicum*. Для кого-же могло служить это другое паровое отдѣленіе, какъ не для женщинъ? Оно было безъ сомнѣнія скромнѣе мужскаго: комната для потѣнъ была одна, тогда какъ для мужчинъ ихъ было четыре и даже больше. Можетъ быть также, что часть этого отдѣленія была отнята у женщинъ и занята помѣщеніями для слугъ и т. п. Но во всякомъ случаѣ это должно было быть женское отдѣленіе. Вопросъ о томъ, были-ли въ Дюклеѣ и семейства жившихъ тамъ военныхъ коленовъ, также рѣшается въ смыслѣ утвердительномъ. Это прежде всего подтверждается надписанными на надгробныхъ памятникахъ женскими именами, какъ-то: *Serventiae Marcelae matri optime; Flavia filio posuit; Avia Pinnia; Probitiae; miseritmae infelicissimae feminae* или *filiae Ursillae, quae vixit* и т. д., затѣмъ вещами, находимыми всюду, какъ-то женскія серьги, кольца, браслеты, булавки и т. п.

Одинъ изъ словенъ, въ этомъ зданіи мы находимъ римскую баню со всѣми отдѣленіями, хотя гораздо меньшаго объема и далеко не роскошно обставленную сравнительно съ банями Рима или Помпей, ея прототипами. При раскопкѣ этого зданія мы нигдѣ не находили тѣхъ прекрасныхъ украшеній, какъ колонны, въ изищія, чрезвычайно узорныя капители, карнизы, также украшенные очень искусною рѣзьбой, какія на каждомъ шагѣ попадались въ базиликѣ; но въ такомъ зданіи, впрочемъ, нѣтъ и мѣста для подобнаго рода архитектурныхъ украшеній. Не рассчитывали мы также найти много вещей; предполагали, однако, что хотя въ обломкахъ найдемъ какую-нибудь статую, такъ какъ римляне имѣли обыкновеніе украшать свои бани статуями, и знаменитая группа Лаокоона, украшающая въ настоящее время Ватиканъ, найдена именно въ баняхъ Веспасіана; и наше ожиданіе до нѣкоторой степени оправдалось. Въ одномъ мѣстѣ, какъ мы уже упомянули выше, найдена мраморная статуетка сидящаго человѣка. Она сильно изувѣчена: головы нѣтъ, также какъ и кистей рукъ; отломана цѣлая правая нога вмѣстѣ съ бедромъ, хотя стопа послѣ найдена отдѣльно въ томъ же мѣстѣ.

Статуетка эта представляетъ торговца-разносчика, сидящаго на пѣвѣ или обручкѣ толстаго дерева, кора котораго чешуйчатого сложенія; подъ пнемъ плоскій постаментъ, составляющій одно цѣлое со статуеткой. Это — фигура крупнаго человѣка; онъ сидитъ, держа

на лѣвой рукѣ корявку съ дужкой, и въ ней видны доверху наложенные какіе-то продолговато-круглые предметы; тогда какъ правая рука какъ будто на что-то опиралась, но это отломлено съ цѣлымъ бокомъ и ногой. Тѣло его обернуто матеріей такъ, какъ обычно носили ее римляне: оголены правое плечо съ частью груди и спина съ той же стороны; по верхнему краю этой матеріи идетъ широкая полоса въ родѣ ленты или скорѣе широкой складки. Открытая часть груди развита такъ, что нѣкоторые готовы были принять эту фигуру за женскую; то же развитіе груди обнаруживается и на другой сторонѣ, хотя она и покрыта матеріей; также развита до нѣкоторой припухлости и спина, и лопаточной кости не видно. Голенъ сохранившейся въ цѣлости лѣвой ноги высокая, мышцы якръ сильно развиты безъ полноты, сухія, упругія, какія бываютъ у людей много ходящихъ; стопа небольшая, стройная, и видна напряженность подъ тяжестью или напоромъ цѣлой ноги, вслѣдствіе чего пальцы нѣсколько расширены; чрезвычайно отчетливо и правильно обозначаются почти и суставы пальцевъ; черезъ верхъ стопы нѣсколько идетъ узкая полоса, которую можно принять за морщину кожи; но на второй найденной стопѣ видно яснѣе, что это ремень, которымъ поддерживалась обувь, состоящая изъ одной подошвы (solea), хотя самой подошвы и не замѣтно, и нога стоитъ какъ бы прямо на постаментѣ. Мышцы рукъ также выражены отчетливо, но онѣ не сильно развиты, почему можно судить, что это былъ человѣкъ, много ходившій, но не упражнявшій много ни рукъ своихъ, ни грудныхъ и спинныхъ мышцъ. Намъ передавали, что анатомической точности, съ какою изображены всѣ части тѣла, при чемъ всякая мышца и всякій суставъ полны жизненнаго напряженія, удивлялся и пріѣзжавшій въ Цетинье для княгини Милены д-ръ Поарье.

Въ техническомъ отношеніи, замѣтимъ въ добавокъ, голова и кисти рукъ были вырѣзаны отдѣльно и прикрѣплены къ туловищу и рукамъ посредствомъ желѣзныхъ шпильковъ, которые и теперь тамъ сохранились, и это, можетъ быть, и послужило причиною утраты этихъ частей. Въ общемъ—работа чрезвычайно искусная, и мы скажемъ бы, очень древняя. Последнее предположеніе мы основываемъ на томъ, что мраморъ сверху принялъ желтоватый, колоритъ; мѣстами образовались пятна точно отъ ржавчины; этого не замѣчается на другихъ предметахъ, тоже изъ мрамора, которые, какъ только обмоется при-ставшая снаружи грязь, принимаютъ совершенно свѣжій бѣлый цвѣтъ.

Кромѣ этой статуетки найдена еще стопа дѣтской ножки, тоеж

на плоскомъ постаментѣ, пухленькая, съ прекрасно очерченными ногтями на полненькихъ пальчикахъ, точно живая. И еще одинъ обломокъ: тулпъ собаки, у которой шея съ головой, ноги, хвостъ — все обломано; и при всемъ томъ, можно видѣть, что собака эта бор-
ва и находилась въ лежачемъ положеніи.

О другихъ вещахъ, найденныхъ въ продолженіе всей раскопки какъ прошлаго, такъ и этого годовъ, мы покуда не будемъ говорить, потому что онѣ требуютъ еще предварительной разборки, для чего мы до сихъ поръ не имѣли времени. И то нужно сказать, что цѣльныхъ вещей весьма мало, а все обломки, особенно стекла и глиняныхъ сосудовъ, по которымъ однако можно судить, до какого совершенства доходило это производство. Всѣ эти вещи покуда сложены въ ящикахъ и по распоряженію князя поступаютъ въ музей въ „Зетскомъ Домѣ“ въ Цетиньѣ; статуетка же, упомянутая выше, выѣстъ съ другими обломками мраморныхъ статуѣ, а также часть монетъ и нѣкоторыя другія вещи находятся у е. в. князя Николая.

Въ заключеніе остается намъ сказать нѣсколько словъ относительно нѣкоторыхъ открытій, сдѣланныхъ помимо главной раскопки. Такъ, устранивъ дорогу отъ Пиперскаго моста къ Дюклеѣ, мы встрѣтили нѣсколько гробницъ. Одну гробницу нашли на глубинѣ не болѣе 10 с. отъ поверхности. Она была покрыта большими природными плитами; длина 2 м. 8 с., ширина 86 с. и глубина 89 с.; она очень хорошо выложена камнемъ съ извѣстью, только въ восточномъ концѣ стѣнки пѣтъ; дно выложено большими во всю ширину плитами жженой глины. Внутрь попало очень немного земли; въ западномъ концѣ нашлись двѣ головы, и одну изъ нихъ мы сочли бы за женскую; много нашлось и другихъ костей, но всѣ онѣ сбиты въ кучу и изломаны, такъ что цѣлаго скелета составить нельзя. По этому мы взяли только два черепа и нѣсколько голенныхъ костей. Кромѣ костей, найденъ стеклянный сосудъ, изломанный, и вообще много обломковъ стекла, при томъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и пещицъ изъ бронзы. Вынули мы также и большія плиты со дна; а затѣмъ опять покрыли гробницу плитами и оставили ее какъ была.

Не много далѣе, тоже почти на поверхности, найдена урна изъ простаго бѣлаго камня, круглая въ родѣ ступки и съ такою же сверху крышкою. Внутри ея найдены: обломки стеклянныхъ сосудовъ, кусочки костей выѣстъ съ пепломъ, нѣсколько монетъ и бронзовыхъ вещей.

Находились также горшечки съ измельченными костями и пещ-

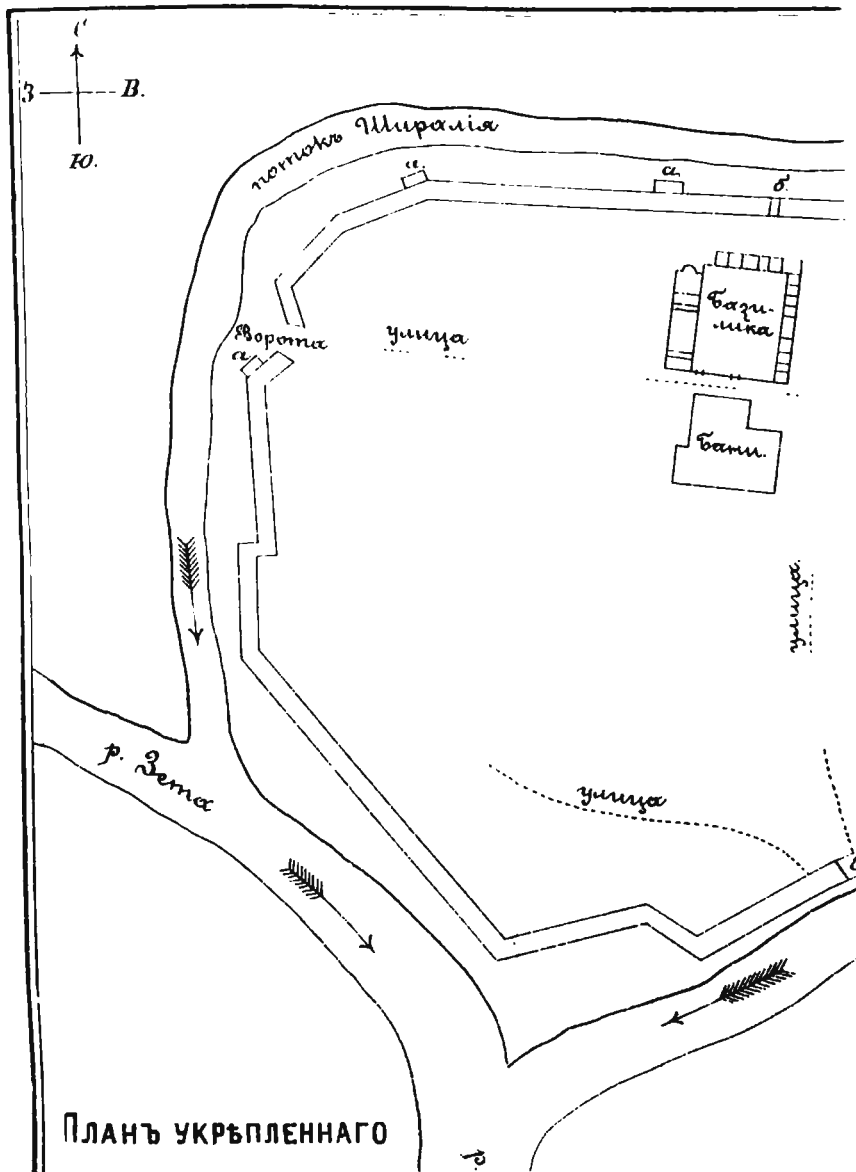
ломъ; но они отъ времени сдѣлались такъ ломки, что рассыпаются при малѣйшемъ прикосновеніи. Намъ удалось сохранно вынуть только одинъ, и то однявъ бокъ его выпалъ. Внутри оказалась земля, а въ ней стеклянная бутылочка съ широкимъ круглымъ корпусомъ и длиннымъ узкимъ горлышкомъ, прикрытымъ сверху монетой. Вокругъ горшковъ всегда оказывалась гарь и въ ней по нѣскольку жалѣанныхъ гвоздочковъ безъ шляпокъ, въ родѣ саножныхъ шпилекъ, которые ничуть не заржавѣли. Одинъ каменный саркофагъ оказался прямо на поверхности дороги, перевернутый вверхъ дномъ, совершенно пустой, съ отломаннымъ однимъ угломъ; тутъ же найдена и крышка его, на половину сложенная.

На другой сторонѣ Морачи найдена (не нами) каменная урна въ родѣ нашей, изъ лучшаго камня и лучше отшлифованная, съ крышкой, которая была прикрѣплена желѣзомъ; внутри ея найдены стеклянный сосудъ, горлышко котораго, довольно широкое, прикрито было спачала свинцовою пластинкою круглой формы съ нѣсколькими вытисненными буквами, а подъ нею лежала мѣдная монета. Вышина стекляннаго сосуда 20 с., окружность посрединѣ 69 с., а отверстіе вверху имѣетъ въ діаметрѣ 15 с. Онъ весь наполненъ землею, которую однако мы не трогали, такъ какъ вещь не поступила въ наше распоряженіе.

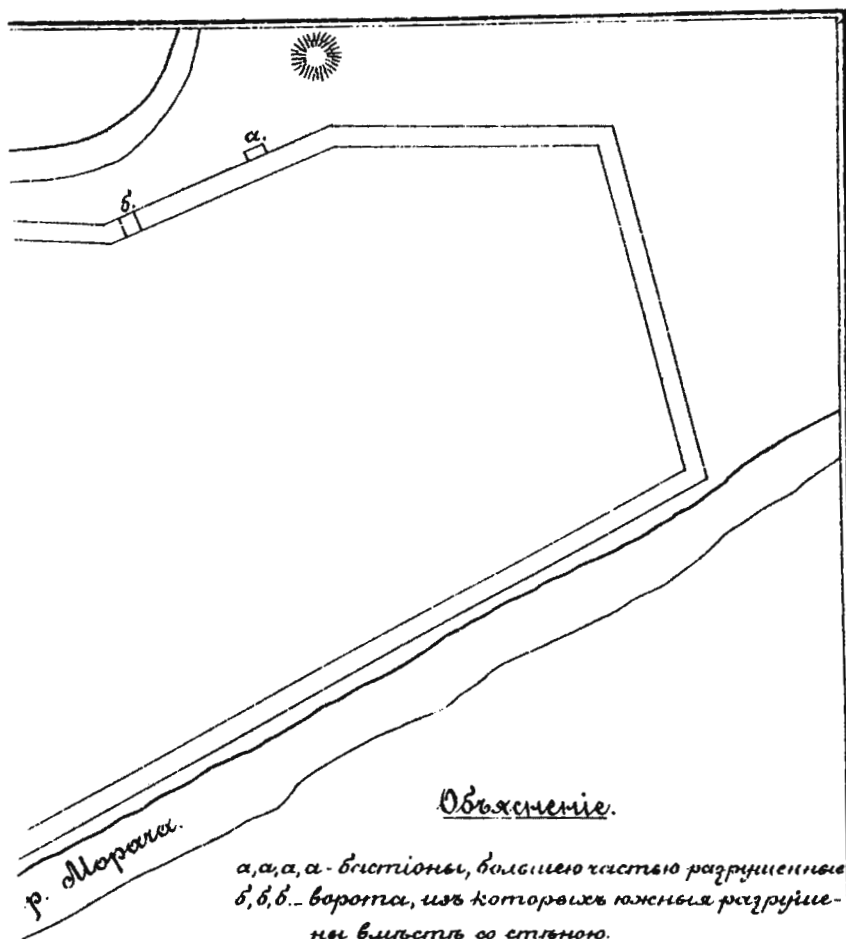
Какъ и въ прошломъ году мы прекратили раскопку въ половинѣ мая, такъ какъ рабочіе изъ мѣстныхъ жителей въ это время должны вполнѣ отдаться полевымъ работамъ, да и тяжело работать среди грудъ камня подъ жаркими лучами южнаго солнца и безъ всякой защиты отъ него. Но работа, по всѣмъ вѣроятіямъ, возобновится съ осени, такъ какъ князь Николай рѣшилъ довести это дѣло до конца. Кто будетъ продолжателемъ этого, только что начатаго дѣла, мы не знаемъ; но оно остановиться не должно, потому что представляеть собою величайшій научный интересъ, открывая новыя страницы въ исторіи великаго народа и особенно дополняя многіе пробѣлы въ исторіи его быта и искусства. Только для управленія этими работами требуется человекъ, не случайно попавшійся безъ всякой подготовки, какъ я, но обладающій специальными теоретическими знаніями и практическіи умѣнью вести дѣло. И то, что уже открыто до сихъ поръ нами, остается безъ надлежащаго объясненія, въ ожиданія своего настоящаго истолкователя спеціалиста.

И. Ровинскій.

Объяснение.

*а, а, а - бастіоны, болшего частію разрушенныя
б, б, б - ворота, изъ которыхъ кажныя разруше-
ны вильсть со стѣною.*

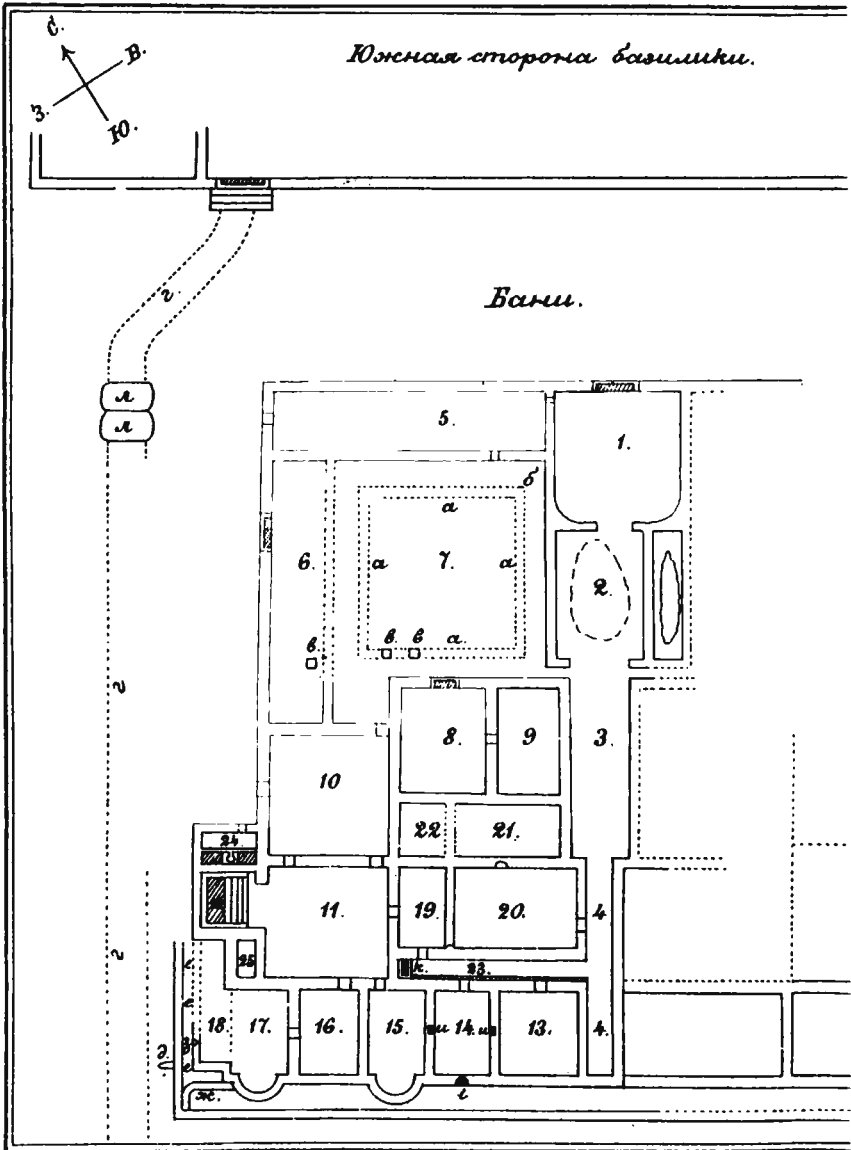
*Вся стѣна, прилегающая къ Морачѣ, совер-
шенно разрушена, и только кое-гдѣ суще-
ствуютъ остатки.*

Масштабъ 1 метръ въ 1 миллиметръ.

Окружность стѣны - 2244 метра.

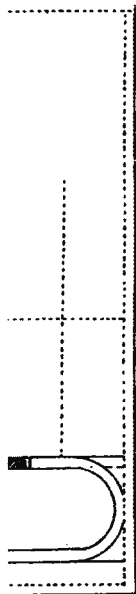

Объяснение плана.

1. Главная входная комната.
- 2,3 и 4. Продолжение главного входа
(2 и соседняя внутри неоглазены)
5. Наименее неудобство (в ней найдена статуя).
6. Передняя комната для раздевания.
7. Комната для раздевания (арадухитт)
а, а, а, а - квадрат из шифрованных камней.
б. - напольные его остатки стены.
в, в, в - камни кубической формы.
- 8 и 9. Комнаты с мозаичным полом (савоухитт?)
10. Неизвестного назначения (фридаухитт?)
11. Комната с мозаичным полом и 12 резервуар
для теплой воды (савоухитт?)
- 13-18. Паровое отделение (ахитт Ласоухитт.)
е, е, - промежутки между баней и внешней стеной.
ж. - канал для спуска воды из бани.
з. - отверстие в стене.
д. - трубка для спуска воды в клоаку.
19. Проходная комната с мозаичным полом.
20. Комната с пехю.
- 21 и 22. Паровая с переднего.
23. Корридор, в нем резервуарик к. с желобком
24. Cabinet d'aisance.
г, г, г. - канал для спуска нечистоты (слова),
идущий из под базилики к Морсиг; и, и - по-
крывающая его плитки.
Масштаб 1 метр в двух миллиметрах.

ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ послѣднемъ выпускѣ журнала *Bulletin de correspondance hellénique* (XV-ème année, mars-juin, 1891, p. 412 sv.) г. Louis Couve, членъ французской археологической школы въ Афинахъ, издалъ надпись изъ еврейскаго города Ореса, представляющую списокъ лицъ, удостоенныхъ званія проксеновъ этого города въ годъ, обозначенный въ заголовкѣ именами архонтовъ. Этотъ заголовокъ издатель даетъ въ транскрипціи въ слѣдующемъ видѣ:

Ἀγαθῆν τόχην ἐπ' ἀρχόντων Φύτωνος[ς],
ἐκ Πρωτείου Φίλοστράτου, [...] λυμνίσως¹⁾,
Εὐφραντίδου, Διέως, Ἀριστομένου, ἐξ
Ἀνωλόγ[ου Φ]λεταίρου, ἐξ Ἰρίστου Λύκωνος[ς],
Ἡϊριάω[ς] ἱερα[θ]ύτου Ἰφιησιθέου, τοῖς δὲ
ἔδωκεν ὁ δῆμος προξενίαν αὐτοῖς [τε]
καὶ ἐγγόνας κατὰ τὸν νόμον.

(слѣдуютъ имена).

Въ краткомъ комментарий къ надписи издатель, напоминая, что существованіе архонтовъ въ Оресѣ уже было извѣстно изъ одной дилосской надписи, изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Durrbach'омъ, продолжаетъ: „L'intitulé de notre inscription nous apprend, ou paraît nous apprendre quelque chose de plus. En effet, on y trouve, trois fois au moins, la particule ἐκ devant un nom, qui n'est pas un nom propre connu: Πρωτείου, Ἀνωλόγου, Ἰρίστου. On peut supposer que ce sont là des noms des lieux: quartiers ou faubourgs d'Oréas;

¹⁾ Въ эпиграфической копіи эта строка читается такъ: ΕΚΠΡΩΤΕΙΟΥΦΙΛΟΣΤΡΑΤΟΥ. ΙΑΥΜΝΙΣΩΣ.

la forme Ἀνωλόφου, en particulier, répond bien à cette idée. Chaque quartier aurait été représenté, suivant son importance, par un nombre plus ou moins grand d'archontes. Malheureusement, les lacunes du texte et quelques difficultés de lecture ne permettent pas d'être plus affirmatifs".

Мысль, высказываемая издателемъ, въ основѣ своей вѣрна; но неопытность его въ чтеніи надписей помѣшала ему, какъ слѣдуетъ, разобрать заголовокъ изъ-за какихъ-то призрачныхъ „difficultés de lecture“ и опредѣлить число и происхождение архонтовъ. Заголовокъ слѣдуетъ читать такъ:

Ἀγαθῆι τύχη. Ἐπ' ἀρχόντων Φύτωνος
 ἐκ Πρωταίου, Φιλοστράτου [Φ?]ιλυμνι[ε]ως.
 Εὐφραντίδου Διέως, Ἀριστομένου ἐξ
 Ἀνωλόφρου, Φιλεταίου ἐξ Ἰρίστου, Λύκωνος
 Εἰριάω[ς], ἱεροθ]ύτου Τμησιθίου и т. д.

Слова, отмѣченныя разрядкой, несомнѣнно представляютъ собою названія мѣстностей (частей города, предмѣстій или окрестныхъ селеній—рѣшить нельзя), изъ которыхъ каждая имѣла по одному лицу представителями въ коллегіи архонтовъ, которыхъ такимъ образомъ всего было *шесть*. Постановка τῶν ἐθνικῶν или δημοτικῶν послѣ личныхъ именъ и оба встрѣчающіеся въ надписи способа ихъ обозначенія—давнымъ давно извѣстны.

В. Л.

— — — — —

„ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА“ АРИСТОТЕЛЯ ¹⁾.

Такия-же отношенія имѣютъ мѣсто и въ частныя умозаключенія. Если отрицательная посылка необходима, заключеніе будетъ о неприсущемъ ²⁾; если, напримѣръ, А не можетъ быть присуще ни одному В, а В можетъ быть присуще въ некоторымъ В, то съ необходимостью слѣдуетъ, что А не присуще въ некоторымъ В: предположимъ, что оно присуще всемъ; такъ какъ А не можетъ быть присуще ни одному В, то и В—ни одному А, если же А было бы присуще всемъ В, то В не могло бы быть свойственно ни одному В ³⁾; однако дано, что оно можетъ быть присуще въ некоторымъ изъ В. Если же частно утвердительное сужденіе будетъ необходимымъ, и именно въ отрицательномъ умозаключеніи, напримѣръ посылка ВВ⁴⁾, или если общепредикативное—и именно въ утвердительномъ умозаключеніи, напримѣръ посылка АВ ⁵⁾, умозаключеніе не будетъ относиться къ действительности ⁶⁾; доказательства здѣсь тѣ же, что въ предыдущихъ случаяхъ ⁷⁾. Если же всеобщее сужденіе—все равно утвердительное

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку Журн. М. Н. Пр. за 1891 годъ.

²⁾ Подразумѣвается „когда выключеніе получается“ (что не всегда бываетъ).
Ар. разуметь здѣсь модусы E₁O₂O и E₁I₂O.

³⁾ По модусу E₁AE₁ первой фиг.

⁴⁾ Модусъ E₁I₂O.

⁵⁾ Модусы A₁I₂I₂ и A₁O₂I₂ (при чемъ O₂=I₂). Модусъ A₁I₂ Ар. оставляетъ безъ вниманія.

⁶⁾ Но только въ возможности.

⁷⁾ Въ первой фигурѣ (и во второй) доказательства частныхъ модусовъ ведется также, какъ общихъ (только вмѣсто всеобщаго меньшаго термина стоятъ частный). Слѣдовательно, указанные частные модусы доказываются:

E ₁ O ₂ O,	какъ общій модусъ	E ₁ E ₂ E
E ₁ I ₂ O,	„	E ₁ A ₂ E
E ₁ I ₂ O ₂ ,	„	E ₂ A ₂ E ₂
A ₁ I ₂ I ₂ ,	„	A ₁ A ₂ A ₂
A ₁ O ₂ I ₂ ,	„	A ₁ E ₂ A ₂

Доказательство этихъ общихъ модусовъ см. выше, въ этой же главѣ.

или отрицательное—принятое за меньшую посылку, будет возможным, а частное суждение—необходимым, заключения не получается ¹⁾. Примеръ терминивъ для необходимаго утверждения: животное—бѣлое—человѣкъ, для необходимаго отрицанія: животное—бѣлое—платъе. Для случаевъ, когда всеобщее сужденіе необходимо, частное же—возможно, и когда притомъ всеобщее сужденіе—отрицательно ²⁾, мы возьмемъ терминивъ, для утверждения: животное—бѣлое—воронъ, для отрицанія: животное—бѣлое—доготъ; для случаевъ же, когда всеобщее понятіе утвердительно ³⁾, возьмемъ терминивъ: животное—бѣлое—лобедь (для утверждения) и животное—бѣлое—снѣгъ (для необходимаго отрицанія). Не получается заключенія и тогда, когда обѣ посылки вѣтви неопредѣленными или частными ⁴⁾; терминивъ общіе для всѣхъ случаевъ, для утверждения: животное—бѣлое—человѣкъ, для отрицанія: животное—бѣлое—неодушевленное; въ этихъ примѣрахъ и понятіе животнаго необходимо присуще иному бѣлому, а иному—необходимо не присуще, и понятіе бѣлаго необходимо присуще иному неодушевленному, а иному—необходимо не присуще; и тоже относительно возможности; такъ что эти понятія пригодны для всѣхъ случаевъ ⁵⁾.

Итакъ, изъ сказаннаго мы видимъ, что при одинаковыхъ отно-

¹⁾ Рѣчь идетъ о модусахъ I, E, I, A, O, E, O, A.

²⁾ При этомъ сохраняется прежнее условіе, именно что всеобщее сужденіе принимается вѣсто меньшей посылки. Дѣло идетъ о модусахъ O, E, и O, A.

³⁾ Дѣло идетъ о модусахъ I, E, и I, A. Два слѣдующихъ модуса Ap. не упоминаются: E, O, и A, O.

⁴⁾ Модусы: I, I, I, O, O, I, O, O, I, O, O, I, O, O.

⁵⁾ Развернемъ вотъ примѣръ:

А) для модусовъ I, I, I, O, O, I, и O, O:

- a) иное изъ блага необходимо (не) есть животныя, иные люди могутъ (не) быть бѣлы, и съ люди необходимо суть животныя;
- b) иное изъ блага необходимо (не) есть животныя, иное изъ неодушевленнаго можетъ (не) быть бѣлымъ, ничто не одушевленное необходимо не есть животное;

В) для модусовъ I, I, I, O, O, I, и O, O:

- a) иное изъ блага можетъ (не) быть животнымъ, иные люди необходимо (не) бѣлы, все люди необходимо суть животныя;
- b) иное изъ блага можетъ (не) быть животнымъ, иное изъ неодушевленнаго необходимо (не) бѣло, ничто неодушевленное необходимо не животное.

шеніяхъ повятій заключенія одинаково происходятъ или не происходятъ и въ умозаключеніяхъ дѣйствительности, и въ умозаключеніяхъ необходимости ¹⁾, съ тѣмъ однако различіемъ, что при отрицательной послыжкѣ въ первыхъ — заключеніе получалось о возможности [небытія], а во вторыхъ (при отрицательной же послыжкѣ) — заключеніе касается не только возможности, но и дѣйствительности небытія ²⁾. Мы видѣли также, что всѣ эти умозаключенія несовершенны, и что заключенія въ нихъ получаются черезъ разсмотрѣнныя выше фигуры.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О второй фигурѣ при двухъ послыжахъ возможности.

Если во второй фигурѣ обѣ послыжки взяты возможными, не получается никакого заключенія, все равно, будутъ ли онѣ утвердительными или отрицательными, всеобщими или частными. Если же одна послыжка указываетъ на дѣйствительность, а другая — на возможность, заключенія никогда не получается, когда утвердительная послыжка указываетъ на дѣйствительность, — и оно всегда бываетъ, когда на дѣйствительность указываетъ всеобщее отрицательная послыжка. То же имѣетъ мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, если одна послыжка взята необходимой, а другая — возможной. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны принимать „возможное“ въ томъ значеніи, въ какомъ брали выше.

Прежде всего должно доказать, что отрицательное сужденіе возможности не обращается: навривѣрь, если А можетъ быть не присуще ни одному В, то отсюда не слѣдуетъ съ необходимостью, что В можетъ быть не присуще ни одному А; предположимъ, что это иначе, то-есть, пусть В можетъ быть не присуще ни одному А; такъ какъ утвердительныя сужденія возможности провратимъ въ отрицательныя (какъ по противоположности, такъ и по противорѣчію ³⁾, то если В

¹⁾ Точнѣе было-бы сказать „умозаключеніи, въ которыхъ одна послыжка о дѣйствительности (а другая — о возможности) и въ умозаключеніяхъ, въ которыхъ одна послыжка необходима (а другая — возможная)“. То-есть Аристотель сравниваетъ здѣсь силлогизмы 15 и 16 главъ.

²⁾ Въ главѣ 15 мы имѣли модусъ съ анализеніемъ о возможномъ: EA „Е“, EE „Е“, EI „О“, EO „О“, въ главѣ же 16 подобныя же силлогизмы имѣютъ заключеніе о дѣйствительномъ: EA „Е“, EE „Е“, EI „О“, EO „О“

³⁾ Принимърв прнпато: каждый человекъ можетъ быть мудръ, следовательно каждый человекъ можетъ быть и не мудръ; примѣръ второгъ: каждый человекъ можетъ быть мудръ — каждый человекъ можетъ и не быть мудръ.

может не быть присуще ни одному А, ясно, что В может быть присуще и всякому А; однако это последнее не верно, ибо вѣдь если ничто может быть присуще всему другому, то отсюда не слѣдуетъ съ необходимостью, что и это второе может быть присуще всему первому ¹⁾; итакъ, слѣдовательно, отрицательное сужденіе возможности не обратимо. Далѣе ²⁾, ничто не препятствуетъ, чтобы, когда А может быть не присуще ни одному В, В было *необходимо* не присуще нѣкоторымъ А; напримѣръ, хотя всѣ люди могут не быть бѣлы (какъ и всѣ они могутъ быть бѣлы), однако было бы ложно утверждать, что все бѣлое можетъ не быть челоуѣкомъ, ибо многое изъ бѣлаго *необходимо* не есть люди, а необходимое мы должны отличать отъ возможнаго. Наконецъ ³⁾, нельзя доказывать обратимости (отрицательнаго сужденія возможности) отъ невозможнаго; это доказательство было бы таково: еслибы положеніе „В можетъ быть не присуще ни одному А“ ⁴⁾ было ложнымъ, то было бы истинно положеніе, что В не можетъ быть не присуще ни одному А, такъ какъ это [взвѣснннн] утвержденіе и отрицаніе; но если это такъ, В было бы *необходимо* присуще нѣкимъ изъ А; слѣдовательно, и А было бы *необходимо* присуще нѣкимъ изъ В, а это невозможно ⁵⁾. Это доказательство, говоримъ мы, несправедливо, ибо изъ того, что В не можетъ быть не присуще ни одному А, нельзя вывести, что оно *необходимо* присуще нѣкоторымъ А; ибо выраженіе „не можетъ быть не присуще ни одному“ имѣетъ два значенія: во первыхъ „нѣкоторымъ *необходимо* присуще“, а во вторыхъ „нѣкоторымъ *необходимо* не присуще; (ибо о томъ, что *необходимо* не присуще нѣкоторымъ А, было бы ложно утверждать, что оно *возможнымъ* образомъ всѣмъ А не присуще, и равнымъ образомъ о томъ, что *необходимо* присуще нѣкто-

¹⁾ Еслибы сужденіе „А можетъ быть не присуще ни одному В“ было обратимо въ сужденіе „В можетъ быть не присуще ни одному А“, то, такъ какъ это последнее обратимо въ сужденіе „В можетъ быть присуще всякому А“, изъ положенія „А можетъ быть присуще всякому В“ (въ которое обращается данное сужденіе „А можетъ быть не присуще ни одному В“), слѣдовало-бы съ необходимостью, что В можетъ быть присуще всякому А, то-есть въ такомъ случаѣ всеобщее утвердительное сужденіе было-бы обратимо воистинъ, что однако несправно (см. гл. 2).

²⁾ Второе доказательство того же.

³⁾ Третье доказательство того же.

⁴⁾ То-есть, положеніе, которое яко-бы составляеть превращеніе даннаго.

⁵⁾ Невозможно, ибо противорѣчить данному, то-есть тому, что А можетъ быть не присуще ни одному В.

ривъ А, было бы ложно утверждать, что оно всѣмъ *возможнымъ* образомъ присуще); итакъ, тотъ, кто утверждаетъ, что если В не можетъ быть присуще всѣмъ Г, то В необходимо не присуще нѣкоторымъ Г, дѣлаетъ ошибку: мы можемъ предположить, что оно присуще и всѣмъ Г, и только въ виду того, что нѣкоторымъ изъ нихъ оно присуще *съ необходимостью*, мы говоримъ, что оно не всѣмъ *возможнымъ* образомъ присуще; слѣдовательно, выраженію „можетъ быть присуще всѣмъ“ противоположно и выраженіе „нѣкоторымъ присуще съ необходимостью“, и выраженіе „нѣкоторымъ съ необходимостью не присуще“; то же должно сказать и о выраженіи „можетъ быть не присуще ни одному“. Итакъ, слѣдовательно, понимая такимъ образомъ возможное и невозможное, мы должны были первоначальному предположенію противоположить не только то, что В необходимо присуще нѣкоторымъ А, но и то, что оно нѣкоторымъ А необходимо не присуще; взявъ же это послѣднее, мы не получимъ ничего нелѣпаго, какъ и вообще [при этомъ.] не получается никакого слѣдствія¹⁾. Итакъ, изъ всего сказаннаго явствуетъ, что отрицательное сужденіе [возможности] не превратимо.

Доказавъ это, положимъ, что А можетъ быть не присуще ни одному В и можетъ быть присуще всякому В; заключенія черезъ превращеніе нельзя получить, ибо показано, что такая посылка не превращается; нельзя получить заключенія и черезъ сведеніе къ невозможному: принявъ, что В должно быть присуще всякому В, мы не получаемъ ни-

¹⁾ Это третье доказательство показываетъ только, что обращеніе отрицательныхъ сужденій не можетъ быть доказано черезъ сведеніе ad absurdum. Хоть этого рассужденія (помощнаго у Ар. нѣсколько случайно) таковы: дано, что ни одно В можетъ не быть А (иначе, что всѣ В могутъ не быть А); мыта днѣ доказывать, что это сужденіе обратно въ сужденіе „всѣ А могутъ не быть В“ и именно черезъ слѣдующее сведеніе къ неистинности положенія противоположнаго этому обращенію: если бы положеніе „всѣ А могутъ не быть В“ было ложно, то положеніе „всѣ А не могутъ не быть В“ истинно; однако это послѣднее значить, что нѣкоторые А должны быть В, или, по обращеніи, что нѣкоторые В должны быть А, что, однако, противорачитъ данному (всѣ В могутъ не быть А); слѣдовательно, наше положеніе „всѣ А могутъ не быть В“ истинно, то-есть отрицательное сужденіе возможности обратно. Это сведеніе къ невозможному, возвращаетъ Ар., ложно, потому что положеніе „всѣ А могутъ не быть В“ имѣетъ два смысла, равно какъ и ему противоположное „всѣ А не могутъ не быть В“. Именно это послѣднее верно, какъ въ томъ случаѣ, когда нѣкоторые А необходимо суть В, такъ и въ томъ, когда нѣкоторые А необходимо не суть В. Но такъ какъ мы свели къ невозможному только первое, второе же сведено быть не можетъ, то и все доказательство безсилно.

чего подлѣжнаго, такъ какъ А можетъ быть присуще и всякому В, и ни одному В¹⁾. Вообще, если здѣсь имѣется заключеніе, оно, очевидно, будетъ указывать на возможность, такъ какъ ни одна изъ посылокъ не указываетъ на дѣйствительность; это заключеніе, далѣе, было бы или утвердительнымъ или отрицательнымъ; однако ни то, ни другое невозможно: примемъ ли мы его за утвердительное, можно доказать изъ терминовъ, что ничто такое не возможно; примемъ ли его за отрицательное, можно доказать, что оно указываетъ не на возможность, а на необходимость; нусть, напримѣръ, А есть лѣтъ былое, В—люди, В—лошади: А—былое можетъ быть по свойству ни одному изъ первыхъ и всѣмъ вторымъ; однако нельзя сказать ни того, что В можетъ быть присуще В, ни того, что оно можетъ быть не присуще ему: первое очевидно, такъ какъ ни одна лошадь не можетъ быть человѣкомъ; но нельзя сказать и того, что В *можетъ* быть не присуще В, ибо ни одна лошадь *необходимо* не человѣкъ, а необходимое не есть возможное; итакъ, здѣсь не получается вообще никакого заключенія. То же самое можно показать, если мы переищемъ отрицаніе [въ меньшую посылку], или если обѣ посылы возьмемъ утвердительными или отрицательными: и это доказывается изъ приведенныхъ же терминовъ; не будетъ заключенія и тогда, если одна посылка всеобщая, а другая — частная, или обѣ частныя или неопредѣленныя, или если мы возьмемъ посылы еще какъ-нибудь иначе: доказывается и это черезъ приведенные термины. Итакъ, мы увидимъ, что если обѣ посылы [во второй фигурѣ] вѣты возможными, не получается никакого умозаключенія.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Заключенія во второй фигурѣ изъ одной посылки о дѣйствительности, а изъ другой о возможности.

Если одна посылка имѣетъ значеніе дѣйствительности, а изъ другая—возможности, и притомъ утвердительная указываетъ на дѣй-

¹⁾ Модусъ E₁A₁. Дано, что ни одно В можетъ не быть А, и всѣ В могутъ быть А; доказать отъ невозможнаго, что ни одно В можетъ не быть В; предположимъ обратное, именно, что всѣ В должны быть В, а такъ какъ ни одно В можетъ не быть А, то (по модусу E₁A₁E₁ первой фигуры) получимъ, что ни одно В можетъ не быть А, но это заключеніе вовсе не противорѣчитъ данному (всѣ В могутъ быть А). Следовательно, доказательство черезъ сведеніе къ невозможному непримѣнимо къ модусу E₁A₁ второй фигуры.

ствительное, а отрицательная — на возможное, заключенія никогда не получается, все равно возьмемъ ли мы понятія общія или частныя ¹⁾: доказательство опять то же и черезъ тѣ же термины. Если же утвердительная посылка говоритъ о возможности, а отрицательная — о дѣйствительности, заключеніе получается ²⁾; пусть, напримеръ, А не присуще ни одному В и можетъ быть присуще всякому В; обративъ отрицательное сужденіе, получимъ, что В не присуще ни одному А; но А присуще всякому В, слѣдовательно, получается заключеніе (по первой фигурѣ), что В можетъ быть не присуще ни одному В. Подобное же имѣеть мѣсто, если отрицаніе придано понятію В ³⁾. Если же обѣ посылки отрицательныя, и одна изъ нихъ указываетъ несвойственность, а другая — возможность ея, то изъ самыхъ вѣроятныхъ посылокъ ничего не слѣдуетъ, но обративъ сужденіе возможности, мы получимъ выводъ, что В можетъ быть не присуще ни одному В, какъ въ предыдущихъ случаяхъ; именно опять получается первая фигура ⁴⁾. Если же обѣ посылки утвердительныя, заключенія не получается; термины для утвержденія: здоровьё—животное—человѣкъ; для отрицанія: здоровьё—лонгиде—человѣкъ ⁵⁾.

Тѣже отношенія имѣютъ мѣсто и въ частныхъ умозаключеніяхъ. Если утвердительное сужденіе дѣйствительно—все равно всеобщемъ ли

¹⁾ Речь идетъ о модусахъ АЕ₁ и Е₁А и еще о некоторыхъ частныхъ, о которыхъ см. ниже.

²⁾ Модусъ ЕА₁Е₁ сводимый къ модусу ЕА₁Е₁ первой фигуры.

³⁾ Модусъ А₁ЕЕ₁. Этотъ модусъ (равно какъ и модусъ Е₁ЕЕ₁, см. ниже, отличается однако тѣмъ, что заключеніе изъ него получается обратное: дано, что всѣ В могутъ быть А, и ни одно В не есть А; обращаемъ меньшую посылку и принимаемъ ее за большую; тогда получается умозаключеніе по первой фигурѣ (ни одно А не есть В, и всѣ В могутъ быть А, слѣдовательно, ни одно В не можетъ быть В); здѣсь меншіи термины занимаютъ мѣсто слагаемыхъ, такъ что заключеніе должно быть еще обращено; однако прямо сдѣлать этого нельзя, но должно сначала обратять его „по противоположности“ въ сужденіе утвердительное (всѣ В могутъ быть В) и только въ этомъ последнемъ можно переименовать субъектъ съ предикатомъ, такъ что окончательное заключеніе будетъ таково: некоторые В могутъ быть В. Итакъ, мы видимъ, что модусъ А₁Е₁ даетъ вообще отрицательное заключеніе лишь обратное, прямымъ же будетъ частно утвердительное.

⁴⁾ Модусъ Е₁ЕЕ₁, превратимый въ модусъ А₁ЕЕ₁, и ЕЕ₁Е₁, превратимый въ модусъ ЕА₁Е₁. О первомъ изъ нихъ должно сказать то же, что сказано въ предыдущемъ примечаніи о модусѣ А₁ЕЕ₁.

⁵⁾ Средній терминъ—здоровіе, меншіи—человѣкъ. Это модусы А₁А₁ и АА₁.

опо или частное—заключенія никакого не получается ¹⁾. (Это доказывається также и через тѣ же термины, какъ предъидущіе случаи); если же отрицательное сужденіе дѣйствительно, заключеніе получается, какъ въ предъидущихъ случаяхъ, черезъ обращеніе. Если, далѣе, обѣ посылки отрицательныя, и притомъ дѣйствительныя въ нихъ всеобща, то изъ самихъ этихъ посылокъ ничего съ необходимостью не вытекаетъ, но обративъ возможную посылку, какъ то дѣлали въ предъидущихъ случаяхъ, получимъ заключеніе ²⁾; если же отрицательныя посылка о дѣйствительности взята частною, заключенія не получается, все равно будетъ-ли другая посылка утвердительной или отрицательной ³⁾. Не будетъ заключенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ посылки взяты неопредѣленными, (утвердительными или отрицательными) или частными ⁴⁾; доказательство то же и черезъ тѣ же термины.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О заключеніяхъ по второй фигурѣ изъ одной посылки необходимой, а другой — возможной.

Если одна изъ посылокъ необходима, а другая—возможна, и притомъ отрицательная необходима, получается отрицательное заключеніе и не только о возможномъ, но и о дѣйствительномъ; если же утвердительная посылка необходима, заключенія не будетъ. Положимъ, наиримѣръ, что А необходимо не присуще ни одному В и можетъ быть присуще всякому В ⁵⁾; по обращеніи отрицательнаго сужденія, В будетъ необходимо не присуще ни одному А, но А можетъ быть присуще всякому В, и мы получаемъ опять по первой фигурѣ заключеніе, что В можетъ быть не присуще ни одному В ⁶⁾:

¹⁾ Модусы A_2I и I_2A , A_2E и I_2A , E_2I и O_2A , A_2O и I_2E . Что эти модусы не даютъ заключеній видно изъ сравненія съ соответственными общими, а именно первые два подобны общему модусу AA_2 , вторые — AA_2 , третья — E_2A , четвертые — AE_2 .

²⁾ Модусы A_2O и OA_2 , I_2E и EI_2 , но для первыхъ исключены уже раньше (см. общее положеніе въ началѣ главы), модусы же I_2EO и EI_2O доказываются подобно общимъ модусамъ A_2EE_2 и EA_2E_2 .

³⁾ Модусъ EO_2 , превращающійся въ модусъ EI_2O_2 , и модусъ O_2E , превращающійся въ модусъ I_2EO_2 .

⁴⁾ Модусы E_2O и OE_2 , подобные общимъ модусамъ E_2E и EE_2 .

⁵⁾ Модусы: I_2I , I_2E , O_2O , OO_2 , O_2I , OI_2 , I_2O , IO_2 .

⁶⁾ Модусъ E_2A_2E .

но *вѣстѣ* съ тѣмъ очевидно, что В и дѣйствительно не присуще ни одному В; ибо предположимъ, что оно присуще, тогда А не можетъ быть присуще ни одному В, а В присуще нѣкоторымъ изъ В, следовательно, А не можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В; однако дано, что А можетъ быть присуще всякому В. Такимъ же образомъ ведется доказательство, если отрицаніе приложено къ понятію В. ¹⁾ Возьмемъ, вѣторыхъ, утвердительное сужденіе необходимымъ, а другое—возможнымъ, и пусть А можетъ быть не присуще ни одному В и необходимо присуще всякому В ²⁾; если понятія соотносятся такимъ образомъ, не получается никакого заключенія: вопервыхъ, бываетъ, что В необходимо не присуще ни одному В: пусть, напримеръ, А есть бѣлизна, В—человѣкъ, В—лебедь; бѣлизна необходимо присуща всякому лебедю и можетъ быть не присуща ни одному человѣку, понятіе же человѣка необходимо не присуще ни одному лебедю; итакъ, мы видимъ здѣсь, что заключеніе не относится къ возможности: необходимое по то же, что возможное; но съ другой стороны ясно, что заключеніе здѣсь не будетъ и необходимымъ, такъ какъ необходимое получается, если обѣ носылки необходимы или если отрицательная носылка необходима; далѣе, при такихъ данныхъ заключеніе можетъ быть будетъ и таково: „В присуще В“ ³⁾, ибо вѣдь ничто не мѣшаетъ, чтобы В было заключено подъ В, а А могло быть присуще всякому В ⁴⁾ и необходимо было присуще всякому В, какъ напримеръ, если В есть бодрствованіе, В—животное А—движеніе: всему бодрствующему необходимо присуще движеніе, всякому животному можетъ быть свойственно бодрствованіе, и *вѣстѣ* съ тѣмъ все, что бодрствуетъ живо [есть животное]; однако ясно, что в здѣсь заключеніе не будетъ относиться къ дѣйствительному бытію, такъ какъ при такихъ отношеніяхъ оно указываетъ на то, что не-

¹⁾ По модусу Е, А, Е первой фигуры; след. заключеніе здѣсь *примо* дано какъ дѣйствительное, а не только возможное; поэтому, строго говоря, дальнѣйшее доказательство Ар—я, что заключеніе *вѣстѣ* характеръ дѣйствительности, не нужно.

²⁾ Модусъ А, Е, Е сводимый опять къ модусу Е, А, Е первой фигуры черезъ обращеніе сужденія Е, и перестановку носылокъ; полученное заключеніе, какъ обратное, должно быть превращено.

³⁾ Модусъ Е, А.

⁴⁾ Доказавъ, что этотъ модусъ не даетъ заключенія о необходимости, ни о возможности, Ар. теперь хочетъ доказать, что силъ не даетъ заключенія о дѣйствительно существующемъ: этими тремя случаями очевидно исчермываются всѣ возможные предположенія.

обходимо существует¹⁾; не будет заключеній и противоположных родов²⁾; итакъ, вообще здѣсь заключенія не будутъ. Также ведется доказательство и того случая, когда утвердительное сужденіе занимаетъ мѣсто большой посылки³⁾. Если же посылки однородны, заключеніе происходитъ, когда онѣ отрицательны, и именно черезъ обращеніе возможнаго сужденія, какъ то мы дѣлали выше; примемъ, вопервыхъ, что А необходимо не присуще ни одному В и можетъ быть не присуще ни одному В; превративъ посылку, мы имѣемъ, что В необходимо не присуще ни одному А, и А можетъ быть присуще всякому В; получается первая фигура⁴⁾. Подобное же мы имѣемъ и въ томъ случаѣ, когда отрицаніе принадлежитъ понятію В⁵⁾. Когда напротивъ, обѣ посылки утвердительны, заключенія не получается⁶⁾: что здѣсь не будетъ заключенія о несвойственности или о необходимой несвойственности, совершенно ясно, такъ какъ ни одна посылка не говоритъ ни о несвойственности, ни о необходимости сго; но заключеніе не можетъ быть и о возможности несвойственности, ибо [например] при такихъ отношеніяхъ понятій [какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ], В необходимо не присуще В; пусть именно А будетъ близна, В—лобедь, В—человѣкъ⁷⁾; не будетъ здѣсь заключеній и противоположнаго рода, такъ какъ доказано, что В необходимо не присуще В⁸⁾; итакъ, здѣсь вообще не получается заключенія.

Такія же отношенія имѣемъ мы и въ частныхъ умозаключеніяхъ. Если отрицательное сужденіе вообще и необходимо, всегда полу-

¹⁾ Или, что то же, могло бы быть не присуще.

²⁾ Все бодрствующее не только живо, но и необходимо живо.

³⁾ Показавъ выше, что при этомъ модусѣ мы можемъ допустить заключеніе отрицательно необходимое, а теперь придемъ для этого модуса примѣръ съ заключеніемъ утвердительно необходимымъ, Ар. прибавляетъ, что отрицательное сужденіе необходимости исключаетъ противоположнаму утвердительно сужденію дѣйствительности и возможности, а утвердительное сужденіе необходимости исключаетъ противоположнаму отрицательнаму сужденію дѣйствительности и возможности; а такъ какъ эти шесть родовъ сужденія заключаютъ все возможности, то, следовательно, опредѣленнаго заключенія по этому модусу вообще не получается.

⁴⁾ Модусъ А,Е₁.

⁵⁾ Модусъ Е,Е₂Е, превращаемый въ модусъ Е,А₂Е первой фигур.

⁶⁾ Модусъ Е,Е,Е превращаемый въ модусъ Е,А₂Е первой фигур (перевращая посылку; заключеніе поэтому приходится вновь превратить).

⁷⁾ Модусы А,А₂ и А₂А.

⁸⁾ На одинъ человекъ необходимо не есть лобедь.

чается заключение отрицательное о возможности и действительности (доказательство через превращение)¹⁾, если же утвердительное, — заключения никогда не бывает (доказывается это таким же образом, как в общих умозаключениях и через те же понятия²⁾). Нѣтъ заключеній и тогда, когда обѣ посылки утвердительны (и здѣсь то же доказательство, что выше)³⁾; если же обѣ посылки отрицательны и всеобщая изъ нихъ необходима, то изъ самихъ вѣятыкъ посылкокъ заключеніе не вытекаетъ, но обративъ сужденіе возможности, получимъ такіа же заключенія, какъ въ случаяхъ указанныхъ выше⁴⁾. Если, наконецъ, обѣ посылки взяты неопредѣленными или частными⁵⁾, заключенія не будутъ; доказательство такое же и черезъ те же понятія.

Итакъ, мы видимъ изъ сказаннаго, что когда всеобще-отрицательная посылка необходима, заключеніе всегда происходитъ, и притомъ не только о возможности свойственности, но и о действительности ея; когда же утвердительная посылка необходима, заключенія никогда не бываетъ. Мы видимъ также, что при одинаковыхъ отношеніяхъ заключенія одинаково происходятъ и въ умозаключеніяхъ необходимости и въ умозаключеніяхъ действительности. Наконецъ ясно, что всѣ эти умозаключенія несовершенны, а что выводы достигаются черезъ указанные выше фигуры⁶⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ ихъ двухъ посылкокъ о возможности.

Въ послѣдней фигурѣ заключеніе получается какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ посылки возможны, такъ и въ тѣхъ, когда только одна. Если обѣ посылки возможны, то и заключеніе будетъ возможное, равно какъ и тогда, когда одна посылка возможна, а другая

¹⁾ То-есть заключеніе не будетъ по этимъ модусамъ и утвердительными (возможными, действительными или необходимыми), такъ какъ въ этихъ модусахъ можно взять примѣры понятій допускающихъ отрицательное заключеніе необходимости. Ср. выше доказательство модуса E_2A_1 .

²⁾ Модусы I_2E_1O (подобны общему модусу $A_2E_1E_1$) и E_1I_1O (подобны $E_1A_2E_1E_1$).

³⁾ Модусы O_2A_1 и A_1O_2 . Модусы, въ которыхъ утвердительное или отрицательное сужденіе хотя и необходимо, но не всеобще (A_2O_1 и O_1A_2 , E_2I_1 и I_1E_2) др. оставляютъ безъ упоминаній.

⁴⁾ Модусы A_1I_1 , A_1I_2 , I_1A_2 , I_2A_1 .

⁵⁾ Модусы O_2E_1O (превращается въ I_2E_1O) и E_1O_2O (превращается въ E_1I_1O). Напротивъ, модусы O_1E_2 и E_2O_1 не даютъ заключеній.

⁶⁾ Модусы I_1I_2 , I_2I_1 , O_1O_2 , O_2O_1 , O_1I_1 , O_1I_2 , I_1O_2 , I_2O_1 .

дѣйствительная; если же другая посылка необходимая, то, когда она утвердительная, заключенія не будетъ, ни необходимаго, ни дѣйствительнаго, когда же она отрицательная, получится отрицательное заключеніе о дѣйствительномъ, какъ то было въ предъидущихъ фигурахъ. Въ этихъ заключеніяхъ мы должны понимать возможность также, какъ то дѣлали выше.

Пусть, во первыхъ, обѣ посылки будутъ возможными, и именно пусть А и В могутъ быть присущи всякому В; такъ какъ утвердительное сужденіе обратимо отчасти, то если В можетъ быть присуще всякому В, и В можетъ быть присуще нѣкоторымъ В; итакъ А можетъ быть присуще всякому В, и В—нѣкоторымъ изъ В; слѣдовательно, А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В: получается первая фигура ¹⁾. Далѣе, если А можетъ быть неприсуще ни одному В, и В—всякому В, то съ необходимостью вытекаетъ, что А можетъ быть неприсуще нѣкоторымъ В: черезъ обращеніе мы опять получаемъ первую фигуру ²⁾. Если же мы положимъ обѣ посылки отрицательными, то изъ самыхъ взятыхъ положеній ничего съ необходимостью не вытекаетъ, но провративъ посылки, получимъ заключеніе, какъ выше: если именно А и В могутъ быть не присущи [ни одному] В, то взявъ отрицательное сужденіе возможности въ обратномъ значеніи ³⁾, мы получимъ черезъ провращеніе опять первую фигуру ⁴⁾. Если одинъ изъ терминовъ всеобщій, а другой частный, заключеніе получается или не получается при такихъ же отношеніяхъ, какъ въ умовключеніяхъ дѣйствительности. Пусть именно А можетъ быть присуще всякому В, и В можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В; черезъ обращеніе частной посылки получается опять первая фигура ⁵⁾: если А можетъ быть присуще всякому В, и В—нѣкоторымъ изъ В, то А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В. То же самое, если мы примемъ сужденіе ВВ за всеобщее ⁶⁾. Равнымъ образомъ

¹⁾ Модусъ А,А,А, сводимый къ модусу А,І,І, первой фигуры.

²⁾ Модусъ Е,А,О, сводимый къ модусу Е,І,О, первой фигуры.

³⁾ Т. е. принявъ, что сужденіе „А можетъ быть В“ значить то же, что „А можетъ не быть В“.

⁴⁾ Модусъ Е,Е,О, обратимый въ модусъ Е,А,О, и такимъ образомъ сводимый къ модусу Е,І,О, первой фигуры. Модусъ А,Е, сводимый въ модусъ А,А,І, Аристотель оставляетъ безъ упоминанія.

⁵⁾ Модусъ А,І,І, сводимый къ модусу А,І,І, первой фигуры.

⁶⁾ Модусъ І,А,І, сводимый черезъ обращеніе большей посылки и перестановку посылокъ къ модусу А,І,І, первой фигуры; заключеніе должно быть вновь обращено.

ИСТОРИЯ ФИЗИКИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛОГИКИ ОТКРЫТІЙ ВЪ ИХЪ ИСТОРИИ.

ПЕРІОДЪ ГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Родство и различіе древняго и новаго естествознанія.

Глава I. Источники и колыбель науки.

I. *Три періода въ исторіи физики.* Въ исторіи физики надлежитъ отмѣтить двѣ эпохи, въ которыя содалася эта отрасль знанія и сложился ея научный капиталъ: эпоха греческой науки и эпоха науки новаго времени. Между ними лежитъ длинный періодъ средневѣковаго знанія, почти безплодный по отношенію къ физическому познанію природы. Такимъ образомъ намъ предстантъ въ историческомъ трудѣ нашемъ обобщить три періода: періодъ греческой науки, періодъ средневѣковаго знанія и періодъ науки новаго времени. Первый и третій періоды должны быть главнымъ предметомъ нашего изученія.

Мы начинаемъ исторію физики съ греческой эпохи. Знаніе физическихъ явленій, было безъ сомнѣнія и прежде, но говорить о немъ, по недостаточности оставленныхъ имъ слѣдовъ, можно было бы лишь гадательно. Да оно и не составляло еще науки въ точномъ смыслѣ. На исторической памяти людей колыбель науки есть Греція. Что такое наука? Наука есть произведеніе пытливости ума, ищущаго истину для нея самой, при помощи естественнаго свѣта разума, съ довѣріемъ къ разуму. Наука въ этомъ смыслѣ есть созданіе греческаго духа. Ни Египетъ съ его культомъ смерти, ни Индія съ ея

построю игровую фантазию науки не создали. Греция великое чудо истории. В историческом потоке протекших тысячелетий выдѣляется на нѣсколько столѣтій слабый числомъ, но сильный духомъ народъ и чрезъ небывалое возбужденіе умственныхъ силъ, полагаетъ въ области науки, литературы, искусства фундаментъ для послѣдующей культуры, съ современной включительно. Серіозное пониманіе современнаго знанія возможно только чрезъ обращеніе къ его греческому источнику. Научное творчество новаго времени есть проявленіе тѣхъ же способностей челоувѣческаго духа, которыя имѣли свой разцвѣтъ въ Греціи. Наименованіе эпохи, непосредственно предшествовавшей,— послѣ многихъ безплодныхъ для науки вѣковъ—времени умственнаго оживленія, отъ котораго пошло современное намъ знаніе, эпохою возрожденія наукъ остъ иполитъ точное наименованіе. И Законъ имѣлъ основаніе называть сочиненія свои великимъ возстановленіемъ науки *Instauratio magna*. Въ исторіи науки, и въ особенности той, которой посвященъ нашъ трудъ, богатое плодами новое знаніе, есть продолженіе греческаго научнаго творчества. Въ литературѣ прошлаго вѣка было въ модѣ составленіе діалоговъ въ царствѣ мертвыхъ. Если-бы такіе діалоги были возможны въ дѣйствительности, то древній философъ и ученый новаго времени, при всемъ различіи мировоззрѣній, могли бы понимать другъ друга. Они родственны по духу. И родство ихъ именно въ той пытливости ума, которая порождаетъ науку¹⁾.

II. *Пытливость ума какъ источникъ науки.* Что порождаетъ науку? Декартъ въ сочиненіи своемъ „О страстяхъ души“²⁾, дѣлая клас-

¹⁾ Пытливость имѣли и алхимики, настойчиво добывавшіи эликсиръ для обращенія металловъ въ золото и средневѣковой ученый искавшій магическихъ средствъ для побѣды надъ природою. Но это не научная пытливость, идущая путемъ размысленія и опыта, работающая при помощи естественнаго силъ разума съ довѣріемъ къ его силамъ. О ненаучныхъ видахъ пытливости и опыта намъ придется говорить впоследствии.

²⁾ „*Sur les passions de l'âme*“ (II pag. § 53). Страстями, *passions*, Декартъ имѣетъ въ виду страданія состоянія души, тѣ чувствованія и волненія, которыя она ощущаетъ и которыя изъ ней вытекаютъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ опредѣ-

сификацію этихъ страстей, на первомъ мѣстѣ ставить удивленію (admiration). „Когда встрѣча съ какимъ нибудь предметомъ, говорить онъ, является для насъ неожиданностью и мы признаемъ его новымъ, или весьма отличнымъ отъ того, что прежде о немъ предполагали,—мы бываемъ удивлены. А такъ какъ случиться это можетъ прежде чѣмъ составилось у насъ какое-либо сужденіе о томъ, пригоденъ для насъ этотъ предметъ или нѣтъ, то мнѣ представляется, что удивленіе есть первая изъ страстей. И для него нѣтъ противоположной страсти, ибо если во встрѣчаемомъ предметѣ нѣтъ ничего на себѣ останавливающаго (rien qui nous surprenne), то мы никакого волненія не ощущаемъ изираемъ на него безъ страсти“. Отъ этого основнаго чувствованія Декартъ производитъ остальные: любовь, ненависть, желаніе, радости и грусть, съ ихъ подраздѣленіями. Люди, отъ природы мало склонны къ этому чувствованію, бывають обыкновенно невѣждами, по замѣчанію Декарта.

Есть ли удивленіе основное изъ нашихъ душевныхъ чувствованій и волненій, первоначальная изъ нашихъ страстей, объ этомъ можно спорить. Но несомнѣнно, что удивленіе въ смыслѣ пробужденнаго и волнующаго умъ вниманія есть исходный пунктъ умственнаго настроенія, которое мы называемъ пытливостью, любознательностью и которое породило знаніе и науку. Удивленіе есть зародышъ знанія, по выраженію Векова¹⁾. Это было замѣчено уже Платономъ и Аристотелемъ.

Платонъ въ знаменитомъ разговорѣ, озаглавленномъ *Тимей*, говоритъ, что зрѣніе, чрезъ наблюденіе послѣдовательности дня и ночи и звѣзднаго неба, дало намъ идею времени и желаніе нѣмскать природу вселенной. Отсюда, прибавляетъ онъ, родилась для насъ философія, „величайшее благо, какое нашъ смертный родъ получалъ отъ

лепныхъ нашеній въ тѣлѣ, а именно „которые производятся, поддерживаются и укрѣпляются тѣмъ или другимъ движеніемъ тонкаго нервнаго вещества“ („qui sont cauvées, et entretenues et fortifiées par quelque mouvement des esprits“).

¹⁾ De augmentis scient. L. I.

щедротъ боговъ". „Удивленіе есть философское чувство, это истинно-начало философіи" говорить онъ въ *Теостетъ*.

Въ „Метафизикѣ" Аристотеля читаемъ (кн. I, 2, 8). „Вслѣдствіе удивленія, люди и теперь начинаютъ и прежде начинали философствовать. Сперва почувствовали удивленіе къ тѣмъ изъ вызывающихъ недоумѣніе предметамъ, которіе были подъ руками. Потомъ, иди такимъ же образомъ далѣе, встрѣчали трудности въ болѣе важномъ, что касается, наприкладъ, фазъ луны, движенія солнца происхожденія вселенной". Аристотель поясняетъ далѣе, что философское знаніе преслѣдуется для самаго знанія, а не для практическихъ цѣлей и пользы. Какъ чловѣка зовемъ мы свободнымъ, когда онъ самъ по себѣ и не зависитъ отъ другого, такъ и философія свободнѣйшая изъ наукъ, ибо одна она существуетъ сама для себя: знаніе для знанія ¹⁾.

Когда Геродотъ прибылъ въ Египетъ, его поразило величественное явленіе разливовъ Нила. Немедленно родилось въ немъ пламенное желаніе узнать причину этого явленія, проходившаго вѣка предъ глазами мудрецовъ таинственной страны. „Относительно свойствъ этой рѣки, пишетъ Геродотъ, я не могъ ничего узнать ни отъ жрецовъ, ни отъ кого другого, хотя и спрашивалъ ихъ объ этомъ весьма настоятельно. Нилъ разливается на сто дней, начиная съ лѣтняго солнцестоянія, а послѣ того воды спадаютъ и остаются очень низки въ теченіе всей зимы. Объ этомъ предметѣ я не могъ узнать ничего удовлетворительнаго ни отъ кого изъ египтянъ, когда спрашивалъ ихъ, въ силу чего природа Нила такъ противоположна природѣ другихъ рѣкъ".

Смѣлая и свободная пытливость греческаго ума и породила науку. Пытливость источникъ науки, Греція ея колыбель. Иному учила индійская мудрость. Въ каноническомъ текстѣ буддизма ²⁾,

¹⁾ Ср. Hegel, *Werke*, XIV, 281. Berlin, 1842.

²⁾ См. статью „Le roi de l'Inde au III siècle avant notre ère" par E. Senart, *Revue d. d. Mondes*, 1889.

монахъ Малукія обращается къ Буддѣ съ вопросами: вѣчна ли вселенная, что бываетъ послѣ смерти, и съ другими задачами любознательности. Учитель отвѣтилъ: „когда человѣкъ раненъ ядовитою стрѣлою, развѣ онъ не лѣчится, прежде чѣмъ узнаетъ, кто поразилъ его — благородный человѣкъ или простолюдинъ, высокій, низкій или средняго роста; какое было оружіе какимъ онъ пользовался. Если бы онъ такъ спрашивалъ, то умеръ бы отъ раны. Почему Будда не научилъ учениковъ своихъ, конечна или безконечна вселенная, есть ли уничтоженіе или нѣтъ? Потому, что знаніе вещей этихъ не имѣетъ значенія для практики святой жизни: оно не даетъ ни мира, ни мудрости“.

И однако были и есть люди, для которыхъ и миръ и мудрость не въ устраненіи вопросовъ, а въ исканіи ихъ разрѣшенія, которые согласны умереть отъ раны, давая природѣ вопросы о ней и о произведшемъ ее орудіи, и болѣе тревожатся задачею изслѣдованія, чѣмъ исцѣленія! Этими людьми и создалась наука, властная нынѣ въ мірѣ. Сократа, привлеченнаго на народный судъ, обвинитель обличалъ въ томъ, что онъ „человѣкъ опасный, желающій, въ преступномъ любопытствѣ, проникнуть происходящее на небѣ и подъ землею“.

Глава II. Два разряда вопросовъ, предъявляемыхъ разуму научною пытливостью въ области природы.

I. Есть два основныхъ разряда вопросовъ, въ которыхъ проявляется пытливость человѣка, порождающая науку. Одинъ разрядъ сводится къ вопросу: *какъ и отчего*; другой знаменуется вопросомъ: *для чего, зачѣмъ*. Вопросъ о процессѣ явленія и его причинахъ и вопросъ о его поводахъ и цѣляхъ. Отвѣтить на первый вопросъ значитъ точно описать явленіе и опредѣлить условія, при которыхъ оно необходимо происходитъ именно такъ, какъ происходитъ. Указать поводъ и цѣль значитъ объяснить, въ смыу какихъ соображеній изъ ряда возможностей для даннаго явленія *избрана* именно та, которая соотвѣтствуетъ его дѣйствительному совершенію. Знаніе наше

слагается изъ отвѣтовъ на оба разряда вопросовъ; но наука, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ бесспорный капиталъ положительнаго знанія, сложилась изъ отвѣтовъ на вопросы первой категоріи. Область гадательнаго знанія живетъ вопросами, относящимися ко второй категоріи. Въ ученіи о природѣ, къ категоріи *какъ и отчего*, принадлежатъ искалие и указаніе физическихъ причинъ, приведеніе сложныхъ явленій къ простѣйшимъ; къ категоріи *для чего*, — исканіе и оправданіе въ явленіяхъ логическихъ и нравственныхъ основаній или мотивовъ, въ силу которыхъ явленію вымывается къ бытію съ разумною цѣлю. Исканіе такихъ основаній выражается въ ученіи о конечныхъ причинахъ, нѣмъ утратившемъ прежнее значеніе — во бесплодности и произвольности отвѣтовъ на вопросы, не подлежаще рѣшенію, — и преобразовавшемся въ раздѣляемую многими идею о нѣкоторомъ разумномъ планѣ, осуществляемомъ въ постепенномъ, прогрессивномъ развитіи природы. Говоримъ здѣсь о научной области. Но наукою не исчерпывается все духовное бытіе человѣка. Въ сферѣ религіозной, въ области нравственной и житейской практики вопросы *для чего*, вопросы цѣлей и поводовъ, имѣютъ громадное, нѣрѣдко рѣшающее значеніе. Они ближайше связаны съ тревожными задачами бытія. Устрашающая безцѣльность существованія, какую слѣдовало бы признать, если отвергнуть присутствіе въ существующемъ нѣкоторыхъ разумныхъ цѣлей и благихъ мотивовъ, есть для очень многихъ главный аргументъ для признанія и Высшаго разумнаго начала и личнаго бессмертія. Величайшій изъ философовъ новаго времени Кантъ, обнаруживъ тщету научныхъ доказательствъ этихъ верховныхъ положеній, признавъ ихъ необходимыми постулатами практическаго разума, неотразимымъ удовлетвореніемъ нравственной потребности, неспособной примириться съ неразумною безцѣльностью возникновенія и уничтоженія.

Два упомянутые разряда вопросовъ: вопросы *физическіе* и вопросы *этическіе* — какъ можно ихъ наименовать — различались уже древними. Но исканіе ближайшихъ причинъ, сдѣлавшееся въ новое время главною задачею научнаго изслѣдованія, ста-

вилось ими на низшую ступень сравнительно съ исканіемъ цѣлей и мотивовъ. Въ этомъ юномъ періодѣ науки, разумъ, ощутившій свою силу, придавалъ впервые сознаннымъ имъ логическимъ и нравственнымъ началамъ верховное владычество надъ существующимъ. Имъ покорна вся громада матеріальной вселенной, которая безъ нихъ не вышла бы изъ хаоса и косности. Возьмемъ примѣръ. Движенію небесныхъ тѣлъ,—равсуждали древніе философы,—должно быть совершеннѣйшимъ, какъ то причастствуетъ естественному движенію. Кругъ есть совершеннѣйшая изъ кривыхъ. Движеніе небесныхъ тѣлъ должно быть круговымъ. Аргументъ казался имѣющимъ неопровержимую силу, господствовалъ вѣка, порождалъ сложныя теоріи эпицикловъ, и устраненъ лишь въ эпоху Кеплера наукою новаго духа и направленія.

Въ діалогѣ Платона „Федонъ“, въ уста Сократа вложены слова весьма замѣчательныя для общей характеристики древней греческой философіи природы ¹⁾. Самъ Сократъ ограничивалъ свое ученіе преимущественно вопросами нравственности, касающимися воицей *человѣчески*хъ, уклоняясь отъ философіи природы—вопросовъ астрономіи, физики,—какъ касающихся воицей *божественны*хъ, мало поддающихся разумѣнію. Вложенныя Платономъ въ уста его слова, несомнѣнно отвѣчающія истиннымъ его идеямъ, указываютъ требованія, съ какими древняя мысль обращалась къ философіи природы. Вотъ эти слова:

„Однажды я слышалъ, какъ вѣкто читалъ книгу, написанную, по его словамъ, Анаксагоромъ. Когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ говорится, что умъ устриваетъ все и есть причина всего сущаго, и пришелъ въ восторгъ отъ этой причины и думалъ, какъ превосходно, что умъ есть причина всего, и если это такъ, думалъ я, то устривающій умъ долженъ придать всему благообразіе и размѣстить все наилучшимъ образомъ. Итакъ, еслибы кто пожелалъ узнать причину, почему что-либо зарождается, разрушается или существуетъ, опъ

---

¹⁾ На слова эти обратилъ вниманіе Льюисъ въ своей *Исторіи философіи* (Ср. переводъ г. Чуйко, стр. 111).

долженъ открыть, при какихъ наилучшихъ условіяхъ оно можетъ существовать или страдать или дѣйствовать. Поэтому человѣкъ долженъ искать во всемъ наилучшаго и наилучшеннѣйшаго. Но зная лучшее, онъ необходимо будетъ знать и худшее, такъ какъ знаніе должно обнимать и то и другое. Размышляя такимъ образомъ, я рѣдовался, думая, что нашелъ въ Анаксагорѣ наставника, который научить меня причинамъ всего сущаго и тѣмъ удовлетворить потребности моего ума. Вонервыхъ, онъ скажетъ мнѣ, плоска или кругла земля и почему она такова, объяснивъ, что въ этомъ отношеніи есть наилучшее, и покажетъ, почему для земли лучше имѣть такой-то видъ. Если онъ скажетъ, что земля находится въ центрѣ вселенной и покажетъ, почему ей лучше быть въ центрѣ — и если онъ все это сдѣлаетъ понятнымъ и очевиднымъ для меня, — то я не буду требовать другаго ряда причинъ.... Сказать мнѣ, что все приведено въ порядокъ умомъ, я никакъ не могу думать, чтобы онъ могъ ввести иную причину для объясненія существующаго, кромѣ того, что ему всего лучше быть такъ, какъ оно есть. Затѣмъ я полагаю, что, опредѣливъ причину для каждой частности и всего сущаго, онъ объясняетъ, въ чемъ состоитъ частное благо и въ чемъ общее. Право, я не промѣнялъ бы этихъ надеждъ ни на какія блага! Съ великимъ рвеніемъ взялся я за его книги и прочелъ ихъ съ большою поспѣшностью, чтобы поскорѣе узнать, что наилучшее и что наихудшее.

„Но эти надежды, другъ мой, разсѣялись, когда во время чтенія я увидѣлъ, что онъ не прибѣгаетъ къ уму и не пользуется известными причинами для объясненія правильности расположенія частныхъ, но указываетъ на воздухъ, эфиръ, воду и на множество другихъ равнаго рода нелѣпостей, какъ на причину всего сущаго. Онъ мнѣ представляется похожимъ на того человѣка, который сталъ бы утверждать, что всѣ поступки Сократа продуктъ его ума; а затѣмъ, желая опредѣлить причину каждаго отдѣльнаго поступка, онъ скавалъ бы, что я сижу теперь здѣсь потому, вонервыхъ, что мое тѣло состоитъ изъ костей и нервовъ (слово это употребляется Платономъ въ смыслѣ нижншихъ мускуловъ и связовъ), что кости тверды

и отдѣлены другъ отъ друга промежутками, и что нервы, способные по самой природѣ своей къ напряженію и ослабленію, покрываютъ кости вмѣстѣ съ кожей, въ которую они заключены. Такъ какъ кости свободно двигаются въ своихъ суставахъ, то нервы натягиваютъ и ослабляютъ ихъ, что и позволяютъ мнѣ сгибать свои члены, какъ, напримѣръ, въ данную минуту; и благодаря этой причинѣ, я сижу здѣсь согнувшись. Или, чтобы объяснить, почему я говорю съ вами, онъ бы назвалъ голосъ и воздухъ, и слухъ и тысячу другихъ частностей, позабывъ главную причину, а именно, что такъ какъ афиняне сочли за лучшее осудить меня, то я счелъ за лучшее сидѣть здѣсь и терпѣливо вынести назначенное мнѣ наказаніе, потому что иначе, клянусь Собакою, эти кости и нервы давно были бы въ Мегарѣ или Беотіи, еслибы я считалъ это за лучшее и не думалъ бы, что приличнѣе и справедливѣе перенести кару, наложенную на меня моею отечествомъ, какая бы она ни была, чѣмъ ускользнуть и бѣжать. Но называть подобныя вещи причинами въ высшей степени негѣпно. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы кто-нибудь сказалъ, что не будь у меня костей и нервовъ, я не могъ бы поступить такъ, какъ я поступаю, то онъ былъ бы правъ. Но утверждать, что я поступаю такъ, какъ поступаю въ настоящее время только потому, что имѣю кости и нервы, а вовсе не потому, что дѣлаю добровольно выборъ того что считаю наилучшимъ, утверждать такъ—значило бы показать полную небрежность и глупость мышленія....“

Аристофанъ, въ своей знаменитой комедіи (*Облаки*), осмѣиваетъ философовъ эпохи Сократа и самого Сократа.

Что же казалось выразителю толпы подлежащихъ осмѣянію въ философахъ? Что рѣже всего бросалось въ глаза?

Прежде всего бросалась въ глаза философская работа мысли въ размышленіи и преніяхъ, подвергавшая все логическому опредѣленію и рассмотрѣнію, искавшая истину чрезъ различеніе добраго и злаго, справедливаго и несправедливаго; діалектика въ обширномъ смыслѣ, способная переходить въ софистическое искусство все доказать и все опровергнуть. Вовторыхъ, научная любознательность безъ практиче-

скихъ цѣлей, удивлявшая толпу какъ нѣчто безплодное и пустынное.

Въ комедіи, Сократъ появляется на сценѣ сидящимъ въ корзинѣ, повѣшенной надъ землею.

— *Стрениада*. Прежде всего, скажи мнѣ, умоляю, что ты тамъ дѣлаешь?

— *Сократъ*. Ношусь въ воздухѣ, созерцаю солнце... Я не могъ бы проникнуть въ небесныя воцни, ослиби не повѣсилъ мой умъ и не смѣшивалъ топкости моихъ мыслей съ родственными имъ воздухомъ ¹⁾. Еслибы я остался на землѣ, ничего бы не открылъ, ибо земля притягиваетъ къ себѣ влагу мыслей.

По Аристофану, божество Сократа есть туманъ, принимающій причудливыя формы облаковъ.

Сократъ. Небесныя облака, божества ирадныхъ людей, даютъ намъ мысль, слово, умъ, шарматанство, болтливость, хитрость и пониманіе.

Наукая Стрениада, Сократъ заставляють его ложиться и размышлять.

— *Сократъ*. Думай, размышляй. Собери свой умъ и оборачивай его во всѣ стороны. Когда встрѣтишь трудность, быстро переходи къ другой идеѣ.

Діалектической работой можно, обличаетъ Аристофанъ, смѣшать сираведливое съ несправедливымъ, на все найти аргументы, доказать все что угодно.

По обличая софистику, Аристофанъ бросаетъ стрѣлы и въ философскую любознательность вообще. Выводится ученикъ, рассказывающій, что любимый послѣдователь Сократа, Херефонъ, занимается, по наставленію Сократа, опредѣленіемъ, сколько блошинныхъ ногъ помѣстилось бы на протяженіи отъ брови Херефона до лба Сократа, куда прыгнула блоха, и для того измѣряетъ блошинную ногу, опускаетъ ее въ воскъ, облекающій ее какъ персидскій башмачекъ. Ученикъ

¹⁾ Намекъ на идею Анаксимена, уподоблявшаго душу воздуху.

разсказываетъ также о томъ, какъ Сократъ объясняетъ жужжаніе комара выходненіемъ газовъ изъ кишекъ насекомаго. Въ другомъ мѣстѣ самъ Сократъ объясняетъ громъ—вмѣсто гремящаго Юпитера—столкновеніемъ облаковъ, подобнымъ бурчанью въ животѣ. Эти насмѣшки надъ естественнымъ способомъ объясненія явленій суть насмѣшки надъ научной пытливостью, породившей науку. Самыя насмѣшки эти свидѣлствуютъ о значительности этой пытливости у греческихъ ученыхъ. Въ школѣ Сократа, куда приходитъ Стрессіадъ выучиться надо-ли платить долги, онъ видитъ геометрическія и землѣрные инструменты, глобусъ, астрономическія принадлежности. Между философами присутствовалъ научный духъ. Потому-то греческая наука и родственна намъ. Но на зарѣ научнаго знанія размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ прельщало умы, обѣщая разрѣшеніе всякихъ задачъ и удаляя на задній планъ моделино дающее плоды размышленіа, провѣряемое труднымъ путемъ научнаго опыта. Греческая наука есть плодъ размышленія съ закрытыми окнами чувствъ.

Глава III. Греческая философія въ ея отношеніи къ исторіи физики.

I. Въ отдѣльной, пятой книгѣ мы изложимъ научныя приобрѣтенія, составляющія капиталъ греческой физики. Капиталъ этотъ не особенно богатъ: физика есть по преимуществу наука новаго времени. Для исторіи физики онъ менѣе важенъ, чѣмъ тѣ общія философскія идеи, какими опредѣлялось греческое міровоззрѣніе, сдѣлавшееся исходнымъ пунктомъ новой науки. Въ замѣнъ этого міровоззрѣнія новымъ, въ переходѣ отъ платоно-аристотелева ученія къ механической философіи Декарта и Ньютона и состоитъ главнымъ образомъ исторія физики съ эпохи возрожденія и до новѣйшаго времени.

Вотъ почему въ изложеніи греческаго періода въ исторіи физики мы сосредоточимъ исключительное вниманіе на платоно-аристотелевомъ міровоззрѣніи, представляющемъ собою какъ бы выводъ и результатъ древне-греческой философіи природы. Слѣдить за посте-

неннымъ развитіемъ этой философіи не входитъ въ планъ нашего труда. Ограничимся немногими строками.

Для уравнинія приведенныхъ словъ Сократа должно помнить, что первоначально греческая философія, а слѣдовательно и философія вообще—была философією природы. Постепенно и медленно, выходя отъ впечатлѣній чувственного міра, создавались и открывались философскія понятія, вводились новые термины, которые потомъ вошли въ обиходъ человѣческой мысли. Первое философское понятіе, такимъ образомъ созданное, было—если сказать по нынѣшней терминологіи—понятіе о веществѣ или общей матеріи, видоизмѣняющейся въ разнообразіе окружающихъ насъ предметовъ. Что такое весь этотъ окружающій насъ міръ? спрашивали древніе философы. Видоизмѣненіе въ разныя формы нѣкотораго одного общаго начала, общей среды. Видоизмѣненія *воды*, какъ богѣе опредѣлительно пояснялъ Фалесъ. Вода, какъ начало вещей, не та вода что налита въ сосуды, но нѣкоторая общая среда съ основнымъ качествомъ текучести и влажности, которая въ водѣ морей, рѣкъ, сосудовъ, проявляется лишь въ наиболѣе простой и типической формѣ. На сколько можно судить по сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ, міръ для Фалеса представлялъ собою родъ полусферическаго пузыря среди необъятнаго океана (такъ понимаетъ ученіе Фалеса Танверн, французскій ученый, свѣдущій математикъ, интересующійся исторіей философіи). Пузырь этотъ включаетъ въ себя нашу вселенную съ ея небесными тѣлами, размѣщенными вокругъ плоской земли, держащейся на водѣ. Для другихъ древнихъ философовъ мировая среда типичнѣе выражается въ воздухѣ, въ огнѣ, тѣмъ въ водѣ. Но въ основѣ всѣхъ такихъ ученій лежало, очевидно, представленіе о нѣкоторомъ единомъ общемъ мировомъ матеріалѣ.

Не прибѣгая къ той или другой типической формѣ, Анаксимандръ представлялъ себѣ это общее начало вселенной, какъ нѣчто безформенное, неопредѣленное, безпредѣльное и называлъ его безконечнымъ. „Начало всѣхъ вещей, возгласилъ онъ, есть *безконечное*“. Безконечное Анаксимандра есть, повидимому, то, что мы назвали бы

матеріей вообще. „Безконечное Анаксимандра, говорит г. Каринскій (въ статьѣ своей этого заглавія, помѣщенной въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* апрѣля 1890 года), не было чисто абстрактною безконечностью, какъ у Платона и пифагорейцевъ; оно было реально существующимъ предметомъ тѣлесной природы, безконечность же имѣла значеніе свойства, характеристическаго атрибута этого предмета“.

Позволимъ себѣ остановиться здѣсь на одномъ замѣчаніи. Передача мнѣній древнихъ философовъ,—кромѣ развѣ тѣхъ, отъ которыхъ, какъ Платонъ, Аристотель, сохранились обширные подлинныя трактаты,—представляетъ огромныя трудности. Сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, переданныя притомъ въ большинствѣ случаевъ не словами самихъ авторовъ. Приходится возстановлять мысль по догадкамъ и позднѣйшимъ истолкованіямъ. А сколько перебрано и передѣлано при послѣдовательной перепискѣ оригиналовъ! Постепенное созданіе новыхъ понятій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и созданіе языка. Являются новые термины, или прежнія слова получаютъ новый смыслъ. Весьма важно знать—выражена ли въ сохранившемся отрывкѣ или указаніи мысль тѣми словами, какими пользовался первоначально авторъ, или переведена на языкъ болѣе поздняго времени. То, что первоначально принадлежало автору, погрѣбно подъ наслоеніемъ истолкованій, а въ значительномъ числѣ случаевъ истолкованія эти являются единственнымъ источникомъ всѣхъ свѣдѣній о томъ, что такъ или иначе истолковывается. Отъ возстановленія того, что безвозвратно исчезло, приходится отказываться.

Чтобы общее, неопредѣленное матеріальное начало могло породить равнообразіе существующаго, принять форму и не быть хаосомъ, требуется,—размышляли далѣе философы,—нѣчто регулирующее, что бы подчиняло все существующее логическимъ основаніямъ. Такихъ регулирующихъ, правящихъ міръ началомъ для пифагорейцевъ является число: полнота единства, противоположность двойства и т. д. Идея числа проявляется не въ арифметическомъ только счетѣ предметовъ, но и въ пространственныхъ отношеніяхъ. Пространство,—слѣдовательно фигура, движеніе, геометрическое построеніе мате-

ріального міра. Через много віка Декарт учив, що ідею пространства можна вичерпавати понятіє о матеріальному мірі; що бути матеріальнимъ значить нітъ протяженіє и болѣе ничего.

Анаксагоромъ общее начало представлено, какъ разумъ, все регулирующий и движущій въ мірѣ. Понятіє матерія не исчезаетъ для Анаксагора, какъ и для пифагорейцевъ, ибо число и разумъ присутствуютъ въ чемъ-то и это что-то и есть міръ. По словамъ Дюгена Лаорція, сочиненіє Анаксагора (не сохранившееся) вачивалось словами: „вначалѣ всѣ предметы составляли смѣшанную массу; потому явился разумъ и устроилъ ихъ въ міръ“.

Идея регулирующаго разума естественно ведетъ мысль отъ предсташеній матеріальнаго характера въ область понятій нравственнаго характера, къ идеямъ совершенства, блага, красоты, разумнаго, философскаго, божественнаго міростроенія. Возникали вопросы, на которые въ приведенномъ выше отрывкѣ указываетъ Сократъ, но нашедшіи ихъ разрѣшенія въ ученіяхъ философовъ, дѣлавшихъ природу главнымъ предметомъ своего размышленія, и предлагавшій обратиться внутрь человѣка, познать самого себя.

Въ разговорѣ, озаглавленномъ *Тимей*, Платонъ высказываетъ ту же мысль, какою въ *Федонѣ* вложена въ уста Сократа. Въ *Тимей*, описывая философскаго сотворенія человѣка, Платонъ останавливается, между прочимъ, на органѣ зрѣнія, говоритъ о лучахъ зрѣнія и свѣта, и о физическаихъ условіяхъ и причинахъ ихъ распространенія и отраженія. Затѣмъ продолжаетъ: „Все это второстепенныя причины, коими боги пользуются какъ орудіями, чтобы осуществитъ, сколько возможно, идею блага. Между тѣмъ, большинство людей думаютъ, что эти вторичныя причины и суть главныя причины всѣхъ вещей, ибо онѣ производятъ холодъ, тепло, сжатіє, расширеніє и всякаго рода подобныя дѣйствія. Но невозможно, чтобы такія причины имѣли разумъ и пониманіє. Изъ всѣхъ существъ одно обладаетъ пониманіємъ—душа, а она невидима, тогда какъ огонь, вода, воздухъ, земля суть тѣла, видимыя по природѣ. Но тотъ, кто истинно любитъ разумъ и науку, долженъ прежде всего

искать разумных причинъ и на второй планъ ставить тѣ причины, которыя приводятся въ движеніе другими или сами двигаютъ другія необходимыми образомъ. Такимъ путемъ должны слѣдовать и мы. Мы должны говорить о двухъ родахъ причинъ: отдѣлить тѣ, которыя дѣйствуютъ съ разумомъ, производя благое и прекрасное, отъ тѣхъ, кои, будучи лишены разума, дѣйствуютъ случайно и безъ правилъ*.

Изъ пифагорейскихъ ученій вышла богатая содержаниемъ древняя математика: создавалась геометрія, первая основа положительныхъ знаній о природѣ. Особнякомъ отъ общаго потока философской мысли стояло ученіе атомическое, заключающее въ себѣ, какъ ученіе физическое, основу современнаго теоретическаго естествознанія. Какъ ученіе философское оно было прямымъ отрицаніемъ платоно-аристотелева міровоззрѣнія. Ниже мы посвятимъ ему отдѣльную книгу.

Глава IV. Различіе древняго и новаго естествознанія.

I. Мы говорили о духовномъ родствѣ греческой науки съ наукою новаго времени. Перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ чемъ различіе древнихъ философскихъ воззрѣній на природу и древнихъ ученій о природѣ отъ воззрѣній и ученій того періода человѣческихъ знаній, къ которому принадлежитъ наша эпоха. Вопросъ этотъ имѣетъ значительный интересъ. Наука древнихъ не есть только принадлежность давно минувшихъ вѣковъ; ея интересъ болѣе, чѣмъ историческій. Произведенія древнихъ изучаются и нынѣ. Школьное классическое ученіе основано на знакомствѣ съ литературными, философскими и даже тѣсно научными, какъ геометрія Эвклида, произведеніями древнихъ. Древняя наука не сдана еще въ архивъ.

И, однако, есть дѣлая пропасть между древнимъ естествознаніемъ и естествознаніемъ новаго времени. Стоитъ прочесть нѣсколько страницъ какого-либо древняго произведенія, трактующаго о явленіяхъ природы, — особенно Аристотеля, главнаго представителя древняго знанія, истолкованіемъ сочиненій котораго жила средневѣковая наука, —

чтобы убѣдиться, что эти проявленія плодъ совѣтъ много научнаго приема, много міропозврѣнія, тѣмъ трактаты новаго времени. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, налагающихъ исторію древней философіи и науки, есть много отдѣльныхъ указаній на различіе и въ началахъ и въ характерѣ изслѣдованія древнихъ ученыхъ, сравнительно съ учеными новаго времени. Но сжатого и точнаго отвѣта на вопросъ, въ чемъ существенное различіе древней науки отъ науки новаго времени, трактаты эти не даютъ. Проведеніе рѣзкой черты отчасти затрудняется тѣмъ, что въ богатомъ, почти чудесномъ, развитіи силы человѣческаго ума, какое обнаружилось въ греческой наукѣ, можно найти зародышъ всего, изъ чего разрослось современное знаніе. На каждое отмѣчаемое различіе можно привести указанія, ослабляющія рѣзкость проводимой черты. Усмотрѣнію короннаго различія мѣшаетъ еще и то обстоятельство, что историки философіи обыкновенно мало свѣдущи въ естествознаніи.

II. *Мнѣніе Юэла.* Знаменитый англійскій ученый Юэлъ (Whewell), авторъ „Исторіи индуктивныхъ наукъ“¹⁾, — хорошо знакомый и съ естествознаніемъ и съ произведеніями древнихъ, — кажется намъ ближе другихъ подошедшимъ къ указанію черты, раздѣляющей два научныхъ міра. Юэлъ вообще различаетъ въ наукѣ, какъ онъ выражается, — факты и идеи, наблюденіе внѣшнихъ предметовъ и внутреннюю дѣятельность мысли; другими словами, — чувственность и разумъ. „Ни одинъ изъ этихъ элементовъ“, говоритъ онъ, „отдѣльно не можетъ составить научнаго знанія (substantial general knowledge). Чувственные впечатлѣнія, не связанныя рациональнымъ и отвлеченнымъ принципомъ, могутъ дать только практическое знакомство съ отдѣльными предметами. Съ другой стороны работа умственныхъ способностей, безъ постоянного отношенія къ внѣшнимъ вещамъ, приведетъ лишь къ пустой отвлеченности и бесплоднымъ тонкостямъ. Реальное отвлече-

---

¹⁾ «Исторія индуктивныхъ наукъ» переведена въ концѣ шестидесятихъ годовъ Антоновичемъ и Пыпинимъ. Удовлетворителенъ переводъ лишь перваго тома, сдѣланный г. Пыпинимъ.

ченное знаніе (real speculative knowledge) требуетъ соединенія этихъ двухъ ингредиентов — здраваго сужденія и фактовъ, подлежащихъ этому сужденію. Справедливо говорится что истинное знаніе есть истолкованіе природы и потому наука требуетъ и истолковывающаго ума, и природы, какъ предмета истолкованія: и документа, и умѣнія правильно читать. Такимъ образомъ, для успѣховъ философскаго знанія необходимы, съ одной стороны, изобрѣтательность, проницательность и сочетаніе мысли; съ другой — точное и истощное примѣненіе этихъ способностей къ отчетливо извѣстнымъ и ясно воспринимаемымъ фактамъ*. Онъ указываетъ далѣе, что въ греческой наукѣ и количество фактовъ было значительно, и идеи имѣли самое богатое развитіе и, однако, „многочисленныя попытки, сдѣланныя греками для построенія физическаго науки, не имѣли удачи“. Почему же это?

„О грекахъ“, замѣчаетъ Юэлль, „часто говорятъ, что они пренебрегали опытомъ и сплетали свою философію исключительно изъ своихъ собственныхъ мыслей... Но Аристотель и другіе древніе философы не только самымъ положительнымъ образомъ утверждали, что все наше знаніе должно начинаться съ опыта, но и говорили языкомъ, очень похожимъ на обычную фразеологию самыхъ новѣйшихъ школъ философіи: что частныя факты должны быть собираемы, что изъ нихъ должны быть получаемы общіе принципы посредствомъ индукціи и что эти принципы, когда они бываютъ самаго общаго рода, становятся аксіомами“. Въ подтвержденіе Юэлль приводитъ рядъ цитатъ изъ Аристотеля. Онъ указываетъ далѣе на обширныя трактаты этого философа, сплошь состоящіе изъ собранія фактовъ. Такими трактатами о цвѣтахъ, о звукахъ, собраніе механическихъ проблемъ, наконецъ, сочиненія его по естественной исторіи и физиологіи, представляющія собою цѣлую сокровищницу свѣдѣній. Поэтому, прибавляетъ Юэлль, какой бы ни былъ недостатокъ философіи древнихъ, онъ не состоитъ ни въ неуѣннн должнымъ образомъ оцѣнить значеніе фактовъ, ни въ практическомъ пренебреженіи къ пользованію ими.

Недостатокъ древней науки заключался, по мнѣнію Юэлла, въ несоотвѣстствіи идей фактамъ. „Хотя древніе имѣли и факты и идеи, но идеи эти не были ясны и не соответствовали фактамъ“ (Ideas were not distinct at appropriate to the Facts). Такое несоотвѣтствие идей фактамъ Юэлле указываетъ въ рядѣ примѣровъ, взятыхъ изъ того же Аристотеля.

III. *Отсутствіе научнаго опыта у древнихъ.* Почему же, однако, при обилии фактовъ, при высокой оцѣнкѣ значенія, какое имѣетъ чувственное познание и при безспорной, съ другой стороны, проникательности ума и силѣ мысли,—между фактами и идеями было такое несоотвѣтствие, обнаруженное Юэлломъ? Въ чемъ, въ сущности, заключалась непримѣнимость весьма общихъ началъ, какими пользовался Аристотель, къ фактамъ, подлежащимъ объясненію? Откуда такая глубокая пропасть между фактами и идеями, указываемая Юэлломъ? Это требуетъ объясненія.

Чтобы рельефнѣе выставить свою мысль, Юэлле нѣсколько преувеличиваетъ значеніе, какое собраніе и обработка фактического научнаго матеріала имѣли въ глазахъ древнихъ ученыхъ, и роль, какую матеріалъ этотъ игралъ въ греческой наукѣ. Хотя нельзя отказать въ справедливости утвержденію Юэлла, что чувственное познание высоко цѣнилось древними, по крайней мѣрѣ Аристотелемъ, и что запасъ свѣдѣній, собранныхъ наблюденіемъ, не былъ бѣденъ, однако вполнѣ правы и тѣ, которые заявляютъ, что опыта въ современномъ значеніи—*научнаго опыта*—не было въ древности. Скажемъ болѣе. Въ отсутствіи *научнаго опыта* (мы пояснимъ ниже, что разумѣемъ подъ этимъ терминомъ) истинный источникъ различія древняго естествознанія отъ новаго и объясненіе несоотвѣтствія, указаннаго Юэлломъ. Отсутствие научнаго опыта не внѣшній какой-либо признакъ, а касается самой сущности дѣла. Справедливость положенія этого не опровергается, какъ покажемъ на своемъ мѣстѣ, даже тѣмъ, что древность имѣла въ Архимедѣ предшественника Галилея и другихъ основателей механической философіи природы.

Подъ опитнымъ познаніемъ, въ которомъ по Аристотелю начало

всего нашего знанія, философъ разумѣть ежедневное, обыкновенное чувственное наблюденіе окружающихъ вещей, дополняемое, впрочемъ, по отношенію къ естественнымъ предметамъ любознательнымъ ихъ собираніемъ и разсмотрѣніемъ. Наблюденіямъ Аристотеля (самого ли, однако, Аристотеля?) въ зоологической области, соединеннымъ съ большою проникательностью, Кювье даетъ высокую цѣну. Но насколько далеки были отъ Аристотеля въ области изученія физическихъ явленій, *опытъ* въ современномъ его значеніи, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

Философъ училъ, что скорость паденія тѣлъ пропорціональна ихъ вѣсу; что камень въ десять разъ болѣе тяжелый, чѣмъ другой, падаетъ въ десятеро скорѣе этого послѣдняго. Это нелѣпое положеніе должно бы развѣяться при первомъ опытѣ. Стоило однажды наблюдать паденіе съ высоты нѣсколькихъ кускомъ равнаго вѣса, чтобы увѣриться во всей несообразности утвержденія, будто бы кусокъ въ пудъ вѣсомъ достигнетъ земли въ сорокъ разъ скорѣе чѣмъ кусокъ въ фунтъ, и убѣдиться, что вовсе нѣтъ такой разницы въ паденія большихъ и малыхъ тѣлъ. Положеніе, повѣрить которое, помощью самаго простаго испытанія, не приходило на мысль, такъ однако несообразно, что надо полагать, Аристотель разумѣлъ пропорціональность скорости паденія не абсолютному вѣсу, а плотности тѣла, то-есть относительному его вѣсу. Не полагалъ ли Аристотель, что кусокъ свинца падаетъ скорѣе куска дерева соотвѣтственно тому, во сколько разъ свинецъ плотнѣе дерева. Это было бы во всякомъ случаѣ менѣе несообразно. И между тѣмъ въ эпоху, когда ученые чуждались опыта, комментаторы Аристотеля въ теченіе многихъ вѣковъ, не смущаясь, повторяли, что, по ученію Аристотеля, скорость паденія пропорціональна вѣсу падающаго тѣла. Огедъ физической механики, Галилей долженъ былъ и путемъ опыта, и путемъ длинныхъ разсужденій опровергнуть эту чудовищную физику, преподававшуюся въ школахъ.

У Аристотеля есть обширное сочиненіе, озаглавленное *Физика*, главное содержаніе котораго есть ученіе о движеніи (и современная

физика есть учение о движеніи въ его различныхъ преобразованіяхъ). И что же? Периодичикъ *Физики* Бартеlemi Сентъ Илеръ въ перечнѣ матерій (*table générale des matières*), приложенномъ къ переводу, отмѣтилъ подъ рубрикою „опытъ“ всѣ мѣста, гдѣ въ трактатѣ Аристотеля говорится объ опытѣ. Оказалось пять мѣстъ. Въ одномъ (кн. IV, 8, 8) говорится, будто бы въ пустомъ сосудѣ и въ сосудѣ, наполненномъ неломъ, помѣщается совершенно одинаковое количество воды. Въ другомъ (кн. IV, 12, 2), упоминается о деревянномъ кубѣ, погружаемомъ въ воду и вытѣсняющемъ равный себѣ объемъ воды. Въ трехъ остальныхъ мѣстахъ, неясныхъ и, полагать надо, перевранныхъ сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ, говорится о мѣхахъ, наполненныхъ виномъ, помѣщающихся въ той-же бечкѣ (кн. IV, 8, 6), о мѣхахъ, поднимающихся на поверхность воды (кн. IV, 13, 4) и о раздутомъ пузырьѣ, удерживаемомъ на днѣ (такъ-же). Вотъ и все. Упоминается впрочемъ еще о какомъ-то опытѣ, помощью котораго Анаксагоръ доказывалъ существованіе воздуха, подвергая его сжатію. Все остальное—разсужденія, не провѣряющія опытомъ.

IV. *Научный опытъ и его значеніе.* Остановимся съ нѣкоторымъ вниманіемъ на разъясненіи того значенія, какое имѣетъ въ дѣлѣ изученія природы научный опытъ,—отсутствіемъ котораго, какъ упомянуто выше, главнымъ образомъ характеризуется древнее естествознаніе.

Что такое *научный опытъ*? Постараемся дать возможно точное опредѣленіе этого важнаго понятія. Научный опытъ есть намѣренно, съ цѣлью обогащенія свѣдѣній, произведенное человѣкомъ перемѣщеніе тѣлъ, сопровождающееся наблюденіемъ перемѣнъ, какія при этомъ перемѣщеніи происходятъ. Перемѣщеніе тѣлъ или ихъ частей есть основаніе опыта. Я налагаю мѣдную монету на серебряную, помѣстивъ между ними бумажку, пропитанную кислѣмъ или соленымъ растворомъ, и получаю гальваническій элементъ. Поднимаю камень и выпускаю его изъ рукъ — дѣлаю опытъ съ паденіемъ тѣлъ. Дѣлаю опытъ съ лучами свѣта, выставляя кусокъ зеркала на солнце и отражая свѣтъ на отдаленную стѣну и т. под. Бываетъ, что пе-

ремѣщеніе тѣлъ производится не самимъ человѣкомъ, а происходитъ независимо отъ его воли, какъ явленіе природы. Двигутся небесныя тѣла, идетъ дождь, таетъ снѣгъ и т. д. Имѣемъ дѣло съ опытомъ природы, въ которомъ на долю человѣка остается одно наблюденіе. Наблюденіе становится научнымъ, какъ скоро производится съ цѣлью расширенія нашего знанія, помощью средствъ и снарядовъ, какіе имѣемъ для утонченія чувствъ и достиженія точности. Научное наблюденіе и научный опытъ суть, такимъ образомъ, операціи одного рода и должны разсматриваться вмѣстѣ.

Для произведенія перемѣщенія тѣлъ у человѣка одно первоначальное средство — его рука. Опытъ есть дѣло рукъ человѣка. Это вводитъ его отчасти въ область работы и ремесла. Опытъ требуетъ обращенія съ вышними предметами. Отрѣпленная отъ обращенія съ вышними предметами работа уединеннаго размышленія, оставляющая человѣка въ его внутреннемъ мірѣ, представляется какъ нѣчто высшее.

Пренебреженіе къ опыту со стороны дровникъ грековъ во многомъ обуславливалось тѣмъ, что въ Греціи всѣ механическія работы производились рабами, и потому ручной и ремесленный трудъ оцѣнялся, какъ занятіе низшаго порядка. Въ области же науки истинною и возвышенною цѣлью поставлялось чистое знаніе, практическія же примѣненія разсматривались, какъ нѣчто низшее, оскорбляющее чистоту знанія, и до чего приходится опускаться лишь въ силу необходимыхъ житейскихъ потребностей.

Въ наше время, знаменитый химикъ Либихъ такъ характеризовалъ отношеніе философовъ, желающихъ творить изъ себя, къ людямъ науки, обращающимся съ вышними предметами: „Философы, проинчически замѣчаетъ онъ, важно восходятъ на свою башню и бросаютъ вворы на насъ, рабочихъ людей—hard working men—какъ на дѣтей, играющихъ нестрими камешками. Стапція этихъ господъ слишкомъ высока, чтобы они могли видѣть потъ, который струится съ нашего чела, склонившагося подѣ тяжелою работою. Между тѣмъ

то, что они вовуть *тяжелою работою*, мы дѣлаемъ въ минуты отдохновенія^{*)}).

Говорю объ опытѣ научномъ. Подъ опытомъ въ широкомъ смыслѣ можно разумѣть всякое дѣйствіе человѣка на матеріальный міръ, какъ производимое ненамѣренно и случайно, такъ и преслѣдующее тѣ или другія цѣли. Громадна область практическаго опыта, житейскаго, ремесленнаго. Въ этой области добыто мимоходомъ не мало и научныхъ фактовъ; въ нее ширѣ болѣе и болѣе входитъ научный элементъ. Великій Фарадей, когда поднятъ былъ вопросъ о роли естествознанія въ школахъ, скромно отказавшись высказать, по некомпетентности, мнѣніе о школьныхъ системахъ, указалъ на одинъ фактъ: что работники легче и лучше понимаютъ объясненіе физическихъ явленій, чѣмъ люди образованные, обращавшіеся лишь съ книжнымъ матеріаломъ. Ширѣ опытъ практическій болѣе и болѣе становится научнымъ, въ смыслѣ зависимости его отъ научныхъ знаній, но нежелательно — скажемъ мимоходомъ — чтобы научный опытъ подпалъ подъ господство практическаго, какъ отчасти уже есть, и утратилъ свое значеніе въ смыслѣ орудія для приобретѣній чистаго знанія, независимо отъ приложений.

Опытъ имѣеть огромное значеніе въ области искусства. Изваять статую, написать картину, извлечь звуки значить произвести опытъ, перемѣстить матеріальныя частицы съ эстетическою цѣлью выразить художественную идею. Опытъ художественный во многомъ граничитъ съ опытомъ научнымъ. Леонардъ де Винчи говорилъ, обращаясь къ художникамъ: „прежде всего научайто науку“, и самъ былъ замѣчательнымъ ученымъ. Искусство не есть подражаніе природѣ, но средства знанія, достигнутаго изученіемъ окружающей насъ дѣйствительной природы, должны быть въ его распоряженіи. Каждое искусство имѣеть свой міръ; населяющія его существа не тѣ, которыя населяютъ нашъ реальный міръ; но, какъ и реальные предметы, они имѣютъ свою полноту бытія и должны быть вѣрны своей природѣ^{*)} какъ вѣрны природѣ реальные вещи.

---

^{*)} Lord Bacon, par. J. Liebig, trad. par Tchihatchef, Paris 1866, p. 206.

Есть еще область опыта, которую можно назвать мистической. Въ средневѣковую эпоху, когда въ школахъ ученіе ограничивалось истолкованіемъ сочиненій Аристотеля, было не мало ученыхъ, отступившихъ отъ рутинны, отважно стремившихся проникнуть тайны природы и дѣлавшихъ опыты. Но ихъ отношеніе къ опыту было иное чѣмъ какое образовалось въ позднѣйшее время и породило современную намъ науку. Отношеніе это было болѣе мистическое, чѣмъ научное. Употребимъ сравненіе. Я на берегу моря, предѣлы котораго скрываются за горизонтомъ. Стремлюсь узнать, что на томъ берегу и, какъ Колумбъ, вѣрю себя утлому куску дерева и по компасу отправляюсь въ медленное странствованіе, переплывая море. Это подобіе научнаго опыта. Иной ходъ мысли и дѣйствія у средневѣковаго ученаго. Я не пускаюсь въ море, но вѣрю, что есть нѣкоторая сила или мощь, ничего общаго не имѣющая съ простымъ, естественнымъ плаваніемъ, таинственная, которую требуется отыскать, которая, когда овладѣю ею, мгновенно перенесетъ меня на тотъ берегъ или перекинетъ въ мой кабинетъ его сокровища. Направляются усилія, иной разъ болѣе мучительныя, чѣмъ какія требуются, чтобы переплыть море, овладѣть ею: какъ овладѣть—на то есть неясныя указанія, недоговоренныя намекы. Таково подобіе надеждъ, какія возлагалъ на свой опытъ средневѣковой ученый, вѣрившій въ существованіе такихъ талисмановъ. Для научнаго возвращенія—причина *A* и дѣйствіе *B* однородны между собою, и возможно прослѣдить естественный переходъ отъ *A* къ *B*. Переходъ этотъ въ данномъ случаѣ можетъ быть неизвѣстенъ, но подлежитъ вѣдѣнію. Для мистическаго представленія нельзя прослѣдить перехода не потому, что переходъ этотъ неизвѣстенъ, но потому, что его нѣтъ, а связь между *A* и *B* таинственная. Для средневѣковаго ученія производить опытъ значило вызывать духовъ, — въ формѣ ли особыхъ существъ, или въ безличной формѣ тайныхъ силъ и могуществъ.

V. Опытъ, сказали мы, есть дѣло руки человѣка.

Въ сочиненіяхъ знаменитаго врача II вѣка по Р. Хр. Галена встрѣчаемъ краснорѣчивое изображеніе того значенія, какое рука

нмѣтъ въ организмѣ человѣка. „Рука, — говоритъ Галенъ (*Histoire de Medecine par Bouchut, Paris 1873, I, 189*)—самое чудесное, самое приспособленное къ природѣ человѣка орудіе. Отнимите руку, не было бы человѣка. Благодаря рукѣ, онъ готовъ и къ нападенію, и къ защитѣ, къ битвѣ и миру. Зачѣмъ ему рога и когти? Рукою беретъ онъ копье, мечъ; обрабатываетъ желѣзо и сталь. Животныя своими зубами, рогами, когтями могутъ нападать и защищаться лишь вблизи. Чоловѣкъ можетъ бросать вдалѣ орудія, которыми вооруженъ. Прощенная его рукою острая стрѣла летитъ на большое разстояніе искать сердце врага или остановить полетъ птицы. Человѣкъ не такъ быстръ, какъ лошадь или олень; но онъ садится на коня, направляетъ его и нагоняетъ оленя. Онъ голъ и слабъ, а рука слагаетъ ему оболочку изъ желѣза и стали. Тѣло его не защищено отъ непогоды, но рука строитъ ему жилища и снимаетъ одежду. Благодаря рукѣ, онъ покоритель всего живущаго на землѣ, въ воздухѣ, въ водахъ. Отъ флейты и лиры, услаждающихъ его досугъ, до страшныхъ орудій, посылающихъ смерть, до судовъ, носящихъ его, смѣлаго плователя, по ширинѣ морей—все дѣло его руки. Но рука есть только орудіе разума, какъ лира орудіе музыканта, молотъ кузнеца. Не лира научила музыканта, не молотъ кузнеца. Можно доказать, что способности предшествовали употребленію инструментовъ и что слѣдовательно не отъ нихъ происходятъ способности. При видѣ руки, этого удивительнаго орудія, не жалкимъ ли должно показаться мнѣніе философовъ, видящихъ въ тѣлѣ человѣка результатъ случайнаго соединенія атомовъ? Эта дивная организація, есть дѣло Высшаго Разума, для котораго человѣкъ слабый отблескъ на землѣ. Пусть другіе приносятъ божеству кровавыя жертвы, пусть поютъ гимны въ честь боговъ, мой гимнъ—наученіе и изложеніе чудесъ человѣческаго организма!“.

Философъ иного порядка мыслей, скептическій Гельвецій, въ сочиненіи „О духѣ“ (*De l'Esprit*), появившемся въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, говоритъ (I, ch. 1): „Если-бы природа вмѣсто рукъ и подвижныхъ пальцевъ снабдила оконечности наши копытомъ,

какъ у лошади, то люди—нѣтъ въ томъ сомнѣнія—безъ искусства, безъ жилища, безъ защиты отъ звѣрей, заботились-бы лишь о томъ, какъ добыть пищу и избѣгнуть хищныхъ враговъ, и скитались-бы донынѣ въ лѣсахъ бѣгучими стадами*.

V. Отсутствие научнаго опыта необходимо вело за собою отсутствіе механической философіи, составляющей основу современной науки о природѣ. Отсюда та непримѣнимость идей къ фактамъ, на которую указалъ Юэлль.

Механическая философія, основанная Галилеемъ, Декартомъ и Ньютономъ, есть именно то что рѣзко отдѣляетъ новое естествознаніе отъ древняго.

Указываемое нами различіе имѣетъ капитальное значеніе. Имъ знаменуется различіе двухъ міровоззрѣній и ницѣ по утратившее своей важности. Оно связано съ двумя основными формами размышленія, которыя мы предлагаемъ назвать—одну размышленіемъ съ закрытыми окнами чувства, другую размышленіемъ съ открытыми окнами чувства. Чтобы разъяснить значеніе этихъ формъ необходимо установить нѣсколько положеній касательно психологій познанія природы. Этому предмету посвящаемъ слѣдующую книгу.

КНИГА ВТОРАЯ.

Психологія познанія природы.

Глава I. Научное размышленіе и его матеріалъ.

I. *Два рода научно размышленія.* Порожденная пытливостью ума, наука создается размышленіемъ. Есть два рода размышленія, различіе которыхъ, по мнѣнію моему, имѣетъ существенное значеніе по отношенію къ изученію природы. Одинъ родъ размышленія можно назвать размышленіемъ съ закрытыми окнами чувствъ. Это размышленіе, устраняющее приливъ внѣшнихъ впечатлѣній, *диалектическое*, матеріаломъ для котораго служатъ иллюзіи образъ и понятія, получившіе и получающіе наименованіе словомъ. Какъ крайнюю форму такого размышленія можно указать гнѣмскую натуръ-философію первой четверти нынѣшняго вѣка. Какъ форму наиболѣе плодотворную—размышленіе отвлеченно-математическое. Другой родъ есть размышленіе съ открытыми окнами чувствъ, *предметное*, вызывающее приливъ новыхъ впечатлѣній и ими пользующееся, сопровождаемое наблюденіемъ и опытомъ или непосредственно предшествующее наблюденіемъ и опытомъ.

Чтобы ближе уразумѣть это различіе, которое, какъ существенное, должно проходить чрезъ все наше сочиненіе, войдемъ въ нѣкоторыя соображенія въ области психологіи познанія природы.

II. *Впечатлѣнія и оцущенія.* Психологія нынѣ болѣе и болѣе входитъ въ кругъ наукъ, пользующихся методомъ естествознанія. Но разработка ея въ этомъ направленіи находится лишь при самомъ

началѣ. Въ смыслѣ науки точной и опытной, она, можно сказать, находится на такой ступени, на какой физиологія находилась въ срединѣ XVII вѣка, послѣ уже открытія Гарвеемъ кровообращенія и когда Декартъ писалъ трактатъ „О человѣкѣ“. Въ этомъ трактатѣ знаменитый философъ, высказывая самыя смѣлыя физиологическія фантазіи, вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ начало ученію о рефлексахъ, столь важному въ физиологіи. Въ физиологическомъ смыслѣ мнѣнія Декарта о нервахъ, какъ о тянущихъ виткахъ, о мозговыхъ клапанахъ открываемыхъ этими витками и дающихъ исходъ тончайшей упругой матеріи, производящей движенія, наконецъ вообще о строеніи и механизмѣ мозга, оказались совершенно произвольными и были разрушены послѣдовавшими научными изысканіями. Но общая *схема* явленій оказалась вѣрною и не утратила научнаго значенія. Въ повѣйшее время психо-физиологическое изученіе отправленій мозга сдѣлало большіе успѣхи. Но до точнаго уразумѣнія матеріальныхъ процессовъ, сопровождающихъ психическую дѣятельность, и самой психической дѣятельности, этимъ процессомъ соответствующей, еще чрезвычайно далеко. Приходится довольствоваться схематическими представленіями. Такія схемы, не будучи изображеніемъ дѣйствительнаго хода явленія—дѣйствительный механизмъ его, быть можетъ, совсѣмъ иной способны бросить свѣтъ на общій характеръ явленія и намѣтить главныя его черты. И теорія электричества и свѣта какъ колебательнаго движенія эѳира есть еще схема; но какая плодотворная схема!

Мы съ своей стороны—не претендуя на большее соотвѣтствіе съ дѣйствительностью чѣмъ то, какое имѣла перинно веревки и клапаны Декарта, и очень бы желая приобрести для своей схемы хотя бы долю значенія схемы Декарта—для разъясненія вопроса, о равновѣшеніи въ двухъ его формахъ позволимъ себѣ прибѣгнуть къ слѣдующей схемѣ. Схема эта основана на строгомъ различеніи понятій: впечатлѣніе и ощущеніе, и на допущеніи—къ которому, полагаемъ достаточно уполномочиваетъ современная психо-физиологія—что пункты принимающіе впечатлѣнія и пункты вызывающія ощущенія помѣщены

въ мозгу отдѣльно ¹⁾). Термины: впечатлѣвіе и ощущеніе употребляются нерѣдко безразлично и это мѣшаетъ ясности представленія объ основнѣхъ и начальныхъ психическихъ актахъ.

Схему нашу мы относимъ исключительно къ головному мозгу человека. Здѣсь развитіе перваго вещества и раздѣленіе труда въ

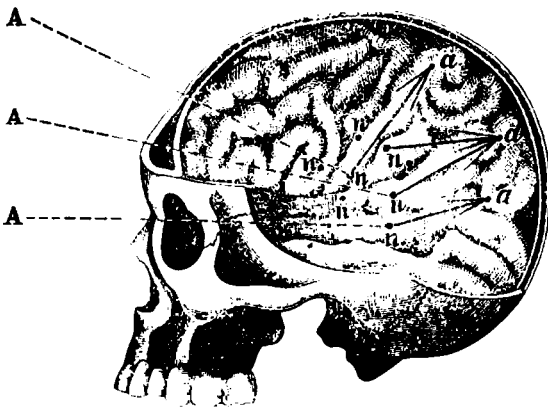
---

¹⁾ Къ такому заключенію приводятъ, между прочимъ, изслѣдованія англійскаго анатома Ферье (Fertier) обнаруженныя въ 1875 году. Опыты произведены были надъ обезьянами, строеніе мозга которыхъ, болѣе всего приближается къ строенію мозга человека. Опыты эти показываютъ, что первыя элементы мозга, соответствующія ощущеніямъ разныхъ органовъ чувствъ, развиты въ мозгу въ опредѣленныхъ его мѣстахъ. Если эти элементы разрушить, оставая въ цѣлости общую массу мозга, то животное продолжаетъ жить, но лишается того чувства, которому эти элементы принадлежатъ. Приведенъ нѣсколько строкъ, относящихся къ опытамъ надъ слуховыми элементами мозга. Приводимъ эти строки, такъ какъ содержащееся въ нихъ описаніе представляетъ болѣе характерныхъ черты, чѣмъ описаніе опытовъ со зрительными элементами. Мозгъ былъ подвергнутъ катеризаціи въ обоихъ полушаріяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя Ферье считалъ соответствующими слуховымъ ощущеніямъ. „Когда животное—говоритъ онъ (Funct. of the Brain, 1876, p. 174), ослѣдилось, его чувства и двигательная способность были многообразно испитаны. Осязаніе, вкусъ, обонаніе были въ полномъ порядкѣ, зрѣніе было безъ перерыва чрезъ 24 часа послѣ операціи. Его обнаруживалось количество свободныхъ движеній животнаго и способностію его находить пищу и питье. Что касается слуха, то не легко было придумать удовлетворительное испытаніе по причинѣ живости животнаго и вниманія его ко всему окружающему... Чтобы не привлечь къ себѣ его вниманія, я удалялся за дверь и чрезъ щель наблюдалъ животное, когда оно конвогтабельно располагалось у огня. Когда оно было спокойно, я громкимъ голосомъ всалъ его, свисталъ, стучалъ, но не могъ привлечь его вниманія на источникъ звука, хотя оно было въ совершенно бодрственомъ состояніи и озиралось вокругъ. Когда я осторожно сталъ приближаться къ нему, оно не сознавало моей близости до тѣхъ поръ, пока я не вступилъ въ его поле зрѣнія. Тогда оно внезапно вздрогнуло и начало дѣлать гримасы, какъ бы въ трепетѣ или ужасѣ (started suddenly and make grimaces as if in terror or alarm). Я повторилъ опыты когда оперированная обезьяна сидѣла рядомъ съ другою, несомнѣнно вполнѣ обладавшею слуховою способностію. Последняя издрагивала при всякомъ звукѣ и любопытно оглаживалась, отсыпывая откуда это произошло. Первая была совершенно спокойна.

психо-физиологических явлений достигло своего предѣла. Устраняемъ разсмотрѣніе тѣхъ зачатковъ психической жизни, для которыхъ матеріальнымъ условіемъ можетъ служить первное вещество вообще и даже вообще всякая организованная матерія.

Что такое *впечатлѣніе*? Условимся называть *впечатлѣніями* тѣ матеріальныя измѣненія—характеръ ихъ опредѣлять не беремъ—которыя происходятъ въ мозгу у пунктовъ *п, п, п*, подъ дѣйствіемъ

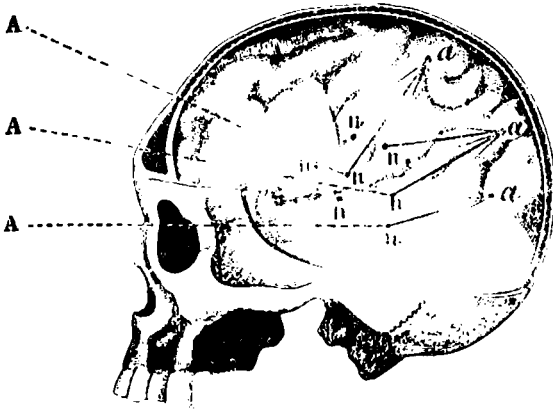
внѣшнихъ предметовъ *А, А, А*. Чтобы дойти до сознанія впечатлѣніе должно породить *ощущеніе*. Впечатлѣнія доходятъ до сознанія, производя *ощущенія*, когда соответственно съ измѣненіями при пунктахъ *п, п...* происходятъ нѣкоторыя измѣненія при пунктахъ *а, а, а...* мозга. Если бы на лицо были только матеріальныя измѣненія въ пунктахъ *п, п, п...*, то впечатлѣніе не дошло бы до сознанія: осталось бы въ области безсознательнаго; но, какъ матеріальное явленіе, оно существовало бы и могло бы сопряжаться своими послѣдствіями. Но было ли бы, спрашивается, возбуждено сознаніе, въ томъ случаѣ, когда при отсутствіи измѣненій въ пунктахъ *п, п, п...*, происходила бы измѣненія въ пунктахъ *а, а...*; если бы, напримѣръ, пункты *п, п* были физиологически разрушены? Для простоты схемы будемъ

принимать, что измѣненія въ пунктахъ *a, a, a* могутъ происходить только вслѣдствіе сообщенія съ пунктами *n, n, n...* и слѣдовательно разрушеніе пунктовъ *n, n...* равносильно одновременному разрушенію и пунктовъ *a, a...* Сознаніе возбуждается при одновременномъ существованіи измѣненій въ пунктахъ *n, n...* и пунктахъ *a, a*.

Разрушеніе или временное прекращеніе дѣятельности элементовъ *a, a...*, произведенное, напримѣръ, наркотическими средствами, какъ хлороформъ, прерываетъ сознаніе (хотя бы впечатлѣнія въ элементахъ *n, n* и пребывали) или вполнѣ или въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ. Мы говоримъ о матеріальныхъ условіяхъ ощущенія. Но условія эти не суть еще само ощущеніе. Ощущеніе есть явленіе духовное. Между матеріальными измѣненіями, вызывающими и сопровождающими ощущеніе, и самымъ ощущеніемъ цѣлая пропасть. Указаніе разнородности, по существу, матеріальнаго и духовнаго есть основаніе философіи Декарта и исходный пунктъ всей новой философіи. (Смотри мое сочиненіе о Декартѣ).

Сообщеніе отъ предмета, чрезъ впечатлѣніе, въ ощущеніе и сознаніе можно разсматривать какъ центростремительное дѣйствіе. Въ чувствѣ зрѣнія, напримѣръ, лучи свѣта, идущіе отъ предмета, даютъ на ретинѣ глаза оптическое изображеніе этого предмета. Но не съ этимъ изображеніемъ имѣетъ дѣло сознаніе. Есть, правда, явленія, зависящія именно отъ состоянія и измѣненія ретины, какъ напримѣръ порожденіе субъективныхъ изображеній при достаточно сильномъ свѣтовомъ дѣйствіи; но не въ этихъ явленіяхъ процессъ видѣнія. Путемъ фибръ глазаго пера впечатлѣніе образуется въ нѣкоторыхъ пунктахъ *n, n, n...* мозга. Это въ темнотѣ мозга образованное скрытое изображеніе есть то, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ процессѣ видѣнія предметовъ. Но, чтобы измѣненія эти породили ощущеніе, необходимо сообщеніе отъ пунктовъ *n, n...* къ пунктамъ *a, a...* И когда соответственно измѣненіямъ въ пунктахъ *n, n...*, происходятъ измѣненія въ пунктахъ *a, a...*, — рождается ощущеніе, которое и есть основанный элементъ сознанія. За центростремительнымъ дѣйствіемъ слѣдуетъ центробѣжное: отъ *a, a...* къ *n, n...* и далѣе къ предметамъ *A, A...*

Но этот выход от центра может быть только умственный, мы можем по отношению къ другому субъекту прослѣдить путь от *A*, чрезъ *n*, до *a*. Но путь, какимъ субъектъ этотъ отъ своихъ ощущеній переходитъ къ составленію для себя картины ви́шняго міра, наблюденію нашему недоступенъ. Фиктивно, его центробѣжное дѣйствіе порождающее для него картину ви́шняго міра, мы можемъ представлять себѣ какъ лучи зрѣнія, помонцію которыхъ онъ находитъ смѣшеніе предметовъ. Сказанное о процессѣ зрѣнія прилагается вообще къ процессу чувственнаго познанія.

Вообще пути, по которымъ происходитъ сообщеніе между пунктами впечатлѣній *n*, *n*... и пунктами сознанія *a*, *a*..., можно разсматривать, какъ лучи *сознанія* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы фиктивно разсматриваемъ лучи зрѣнія, идущіе изъ глаза, представляя ихъ себѣ, какъ нѣкоторыя прямолинейныя шкалицы, ошупывающія встрѣчающіеся предметы. Для простоты можно представлять себѣ всѣ пункты *a*, *a*, *a*... соединенными въ одномъ центрѣ—центрѣ сознанія.

III. *Слѣды*. Мы назвали впечатлѣніями тѣ матеріальныя измѣненія въ мозгу, которыя происходятъ въ присутствіи предметовъ, дѣйствующихъ на наши чувства. Но *слѣды* впечатлѣній остаются и

послѣ того, какъ предметы *A, A...* удалены. Слѣды, по существу тоже, что и самыя впечатлѣнія, но менѣе интенсивны. Существованіемъ слѣдовъ объясняется возможность памяти; оно есть основаніе всякой психологической теоріи.

Слѣды остаются въ мозгу болѣе или менѣе долгое, иногда неопредѣленно долгое время. Въ общей массѣ мозга присутствуютъ безчисленное множество слѣдовъ, изъ которыхъ лишь доля доходить до сознанія. Они по сути только результатъ впечатлѣній даннаго индивидуума. Они видѣрены въ мозгу отъ момента его развитія. Должно допустить, что человѣкъ уже рождается съ запасомъ множества слѣдовъ, наследственно и исторически передаваемыхъ, быть можетъ даже исторически развивающихся — если признать прогрессъ въ развитіи мозга, — способныхъ дойти до сознанія при благоприятныхъ условіяхъ.

Существованіе слѣдовъ можетъ служить къ объясненію замѣчательнаго ученія Лейбница о малыхъ представленіяхъ, которыя онъ рассматривалъ какъ вѣдоходящія до сознанія состоянія самой души¹⁾. „Есть говорить онъ, тысячи указаній, что въ насъ каждую минуту присутствуютъ безчисленное множество представленій, но безъ сознанія и размысленія (*sans apperception et sans reflexion*), то-есть такихъ переживаній въ самой душѣ, которыя мы не усматриваемъ, ибо впечатлѣнія эти или слишкомъ слабы и многочисленны, или слишкомъ слиты, такъ что не имѣютъ ничего отдѣльно различаемаго, хотя въ соединеніи съ другими и производятъ дѣйствіе и въ совокупности ощущаются болѣе или менѣе смутно. Такъ привычка производить, что мы не обращаемъ вниманія на движеніе мельницы или на ниввергающійся потокъ, когда прожилъ рядомъ нѣсколько времени... Чтобы еще лучше судить о малыхъ представленіяхъ, кои мы не умѣемъ различать въ ихъ толпѣ, я обыкновенно привожу въ примѣръ шумъ моря, ощущаемый, когда мы стоимъ на берегу. Чтобы слышать, какъ это бываетъ, такой шумъ, мы должны, очевидно,

¹ Лейбницъ: *Novem Essais sur l'entendement humain* (Opera ph. ed. Erdmann, p. 197). См. мое сочиненіе *Философія Декарта*, страница 387.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ № 18 (декабрь 1891 г.) ЖУРНАЛА

АРТИСТЪ

Содержаніе: Письма А. Н. Островскаго къ О. А. Бурдину. Братъ и сестра, пьеса В. Гете; 3-я лекція о сценич. искус. П. Д. Боборыкина; Самородокъ, пов. И. Н. Потапенко (оконч.) Оч. развитіи рус. сцен. искус., А. Н. Сиротинина (съ портретами). Не то..., пов. Д. Н. Мамина (Сибирія) (оконч.). Техника драмы, Г. Фрейтага; Лицедѣи, оч. П. М. Свободина. Франц. живопись, ст. А. Ни—лева. Соврем. обзоръ, ст. И. И. Иванова, С. Н. Кругликова и др. Богатѣй, ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго. „Компаньоны“, ком. П. М. Невѣжина; Дуэль изъ оп. L'Amico Fritz, Масканы; Успокоеніе, для ф. п., Альбанези. Приложенія: Турчанка, карт. К. Е. Маковскаго (ГЕЛЮГРАВИЮРА); Охота, карт. худ. Самоиша (фототипія); портр. Н. В. Рикалоной (фототипія).

Открыта подписка на 1892 г. Съ января 1892 г. „Артистъ“ съ приложеніемъ „Дневника Артиста“ (съ апрѣля по сентябрь) будетъ выходить ЕЖЕМѢСЯЧНО, 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ. Подписная цѣна НА ГОДЪ 10 р., съ перес. 12 р.

Подписная цѣна на сезонъ (7 квигъ „Артиста“) 9 руб., съ пер. 10 руб. На велевой бумагѣ (100 номерованныхъ экз.) 16 руб., съ перес. 18 руб. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№ 2 руб. Подписка принимается въ редакціи (Москва, Кудрино, д. Вартедьель), въ конторѣ Печковской, музык. маг. В. В. Вессель, книжн. магазины: „Новаго Времени“, Вольфа и др.

Вышелъ № 8 журн. „Театральная Библиотека“ Содержаніе: На своихъ мѣстахъ, ком. Н. В. Казанцева; Залцъ, фарсъ И. И. Мясничаго; Въ лунную ночь, этюдъ А. Степановой. Отдѣльные №№ по 1 р. съ перес. Цѣна за томъ (4 книжки)—3 р. съ перес. Подписка 3 р. въ годъ, съ перес. 4 р., принимается только отъ подписч. на „Артистъ“.

Вышла декабрьская книжка общепедагогического журнала для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

1. Правительственные распоряжения. 2. Начальное образование и народные училища въ Западной Европѣ и въ Россіи. Учительскія семинаріи. (Окончаніе). Н. Х. Весселя. 3. Памяти В. П. Коховскаго. П. И. Рогова. 4. Объ эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ. И. Ф. Амурскаго. 5. Душа ребенка въ первые годы жизни. (Окончаніе). И. И. Аяго. 6. Къ вопросу объ обмеженіи учениковъ нашихъ гимназій. (Окончаніе). Я. Г. Жора. 7. Источники сельско-хозяйственнаго знанія. (Окончаніе). М. В. Меручева. 8. Обзоръ иррипріатій земствъ по народному образованию за 25-ти лѣтній періодъ времени. (Окончаніе). А. М. Тютюмова. 9. Городскія и сельскія бібліотеки и читальни для народа по свѣдѣніямъ „Петербургскаго комитета грамотности“. (Окончаніе). В. В. Довала. 10. О желательныхъ измѣненіяхъ въ программѣ преподаванія въ городскіяхъ училищахъ. А. Козьмомова. 11. Критика и бібліографія: 1) Etudes sur l'enseignement et sur l'éducation par. G. Comraugé. Paris. 1891. в. II. 2) Рейнбольт, Е. Ф. Отвѣты на вопросы—какъ и изъ чего „это“ дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. 7-е изданіе, вполнѣ переработанное. Сиб. 1891 г., стр. XVII—463 in 8°. Ц. 2 р. 60 к. с. III-т. 3. Интеросъ изученія древней русской литературы. Лекція преподавателя К. А. Богословскаго. Изд. 2-е. Екатеринбургъ, 1891. М. С. 4) Три учебныхъ предмета: русскій языкъ, географія и исторія Россіи (въ объемѣ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ). Часть 1. Сост. Савинъ-Савчукъ. Кіевъ. 1891. Ц. 60 к. Часть 2. Сост. Савинъ-Савчукъ, Товстичій и Личневскій. Кіевъ. 1891. Ц. 50 к. А. И. 12. Обзоръ нашихъ дѣтскихъ журналовъ за 1890 годъ. (Окончаніе). И. Ш. 13. Обзорѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ. Revue de l'enseignement secondaire et de l'enseignement supérieur. (Второе полугодіе 1890 г.). В. П. Гельшга. 14. Педагогическая хроника: а) Изъ хроники школьной жизни Германіи. П. С. б) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова. с) Въ Московскомъ комитетѣ грамотности. И. Т.—а. Засѣданіи общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музоя 19-го октября и 16-го ноября 1891 г. 15. Листокъ объявленій.

ОТКРЫТА ПОДПИСНА НА 1892 ГОДЪ.

Въ будущемъ 1892 году журналъ „Русская Школа“ будетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ истекающемъ 1891 г. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками по мѣся 8 печатныхъ листовъ каждыя. Подписная цѣна: въ Исторбургѣ безъ доставки—шесть рублей въ годъ; съ доставкой шесть рублей 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою семь рублей; съ пересылкой за границу девять рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговки и Бассейной, гимназіи Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, въ книжномъ складѣ Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за несохраненіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. Радонежскаго:

„РОДИНА“.
СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.
въ трехъ частяхъ.
съ рисунками.

Изданіе тринадцатое 1890 г., дополненное новыми статьями и рисунками.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Вячеславу Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ *рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ*; Ученымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи *рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.*

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи *одобрена* Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *въ качествѣ руководства* для гимназій и реальныхъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—*въ качествѣ руководства* для духовныхъ семинарій

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе четвертое, дополненное, 1891 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. И. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ *рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ*. Посвящена священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА

и первая книга для чтенія на „Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

1-го ЯНВАРЯ вышла и разслана подписчикамъ 1-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Императрица Марія Александровна въ заботахъ о дѣятельности Россійскаго Общества Нраснаго Проста. Очеркъ Г. В. Вертенсона. — II. Адрианъ Грибовскій, составитель записокъ о Екаториѣ II. Очеркъ проф. В. А. Вильясова. — III. Записки Доктора де-ла Флаза, о походѣ въ Россію въ 1812 г. Переводъ съ франц. рукописи автора. — IV. Дневникъ лейбъ-медика баронета Я. В. Вилле, 1825. Переводъ съ франц. Сообщ. И. Г. Даниловъ. — V. Старецъ Феодоръ Кузьмичъ, 1836—1864 гг. Сообщ. М. О. Мельницкій. — VI. Россія и русскій дворъ въ 1839 г., записки маркиза де-Кюстина. Сообщ. Н. К. Шилъдьеръ. — VII. Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, профессоръ Казанскаго и Новороссійск. университетовъ. Сообщ. М. Колядковскій. — VIII. Изъ эпохи учителя, студента, вѣсн. В. К. Кукла. IX. Дневникъ анадимна и професс. А. В. Никитинъ, 1869 годъ. — X. Императоръ Александръ II и Франція въ 1875 г. Статья генерала Ле-Фуа. Перев. съ франц. — XI. Николай Михайловичъ Пржевальскій въ 1878—1888 гг. Воспоминанія В. И. Роборовскаго. — XII. Илья Ефимовичъ Андреевичъ, заслуженный профессоръ, ректоръ Сиб. университет., рѣчь въ Археол. институтѣ професс. С. В. Ведрова. — XIII. Всеволодъ Лорфферъ и Мокосей. Рѣчь въ педагогическомъ музеѣ П. И. Рогова. — XIV. Материалы, замѣтки и статьи.: Уваженіе Петра I къ паятникамъ старины, 1701 г. Сообщ. академ. А. Ѳ. Бычковъ. — Нартоль о Петрѣ I. — Императрица Екатерина II. Сообщ. Д. Ѳ. Кобеко. — Сперанскій. — Максимъ Дрснякинъ. — Надежда Андреевна Дурова. — Стихотвореніе А. И. Тургонова. — X. Л. Губбенетъ, профессоръ-хирургъ. — Старѣйшіе артисты русскаго театра въ Сиб. 1858 г. — Дашо, 1867 г. — Фантонъ де-Верраювъ. — Бантала стипендіи бывш. воспитанниковъ Дворянскаго полка и Коштантиновскаго кадetskаго корпуса. — XV. Библиографическія листки (на оберткѣ и въ книжномъ каталогѣ).

Приложенія: I. Портретъ императрицы Маріи Александровны († 1880 г.), гравированъ на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ. — II. Портретъ-группа старѣйшихъ русскихъ сценич. артистовъ въ Сиб., 1858 г., фототипия, снимокъ.

Продолжается подписка на 1892 годъ.

Можно получить „Русскую Старину“ 1891 г. (Осталось 60 экз.).

Двадцать второй и третій годы изданія. Цѣна по 9 р. за годъ.

Подписка принимается въ магазинѣ А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, у Полицейскаго моста, (магазинъ бывший Мелье), д. № 20. Иногородные обращаются въ книжный магазинъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» (Мих. Ив. Семевскаго), въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

Отъ книжный магазинъ И. М. Семевскаго (Сиб., Больш. Подъяческая, № 7) высылаютъ по требованіямъ, и съ надлежащими платежомъ, всѣ книги, о продажѣ которыхъ гдѣ-либо было публиковано.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

изданная трудами и средствами Издательскаго Общества при
Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній

подъ редакціею И. П. ХРУЩОВА

ПАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ПАРОДА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ОТДѢЛАХЪ.

Отдѣлъ первый. I. МѢСЯЦЕСЛОВЪ Православной Церкви, съ краткими житіями святыхъ и объясненіями праздниковъ. **Приложеніа** къ нему: 1) Знаки праздничныхъ дней Богослуженія; 2) Чины или лики святыхъ (различныя наименованія ихъ въ святцахъ); 3) Особыя чтенія изъ Евангелія и Апостола, общія Евангелія и Апостола и столбныя гласовъ; 4) Алфавитный указатель мѣстностей, упоминаемыхъ въ Мѣсяцесловѣ, и 5) Алфавитный указатель собственныхъ именъ, вошедшихъ въ Мѣсяцесловъ.—**II. КРУГЪ НАСХАЛЬНАГО ЮДА**, переходящія дни Богослуженія. **Приложеніа** къ нему: 1) Правила отсутствій для чтеній Евангелія и Апостола и столбныя гласовъ; 2) Правила церковнаго устава о соединеніи дневныхъ и праздничныхъ чтеній Апостола и Евангелія; 3) Церковное счисленіе времени и правила Насхалин, и 4) Насхальныя таблицы и объясненіе ихъ: таблица нервая—„конецъ текущаго XIV-го индикціона“ по 1910 годъ; таблица вторая—„нисходящая (т. е. на всегда), зрячая, азбучная Насхалин“. Отдѣлъ этотъ составленъ протоіереемъ *И. К. Смирновымъ* и *Д. П. Соколовымъ*.

Отдѣлъ второй. I. ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ, или повѣствованіе о важнѣйшихъ событіяхъ въ мірѣ со времени древнѣйшихъ. Составилъ профессоръ *И. А. Астафьевъ*.—**II. ЛѢТОИСЧИСЛЕНІЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ**. Составилъ *И. Д. Кошманъ-Самаринъ*. **Приложеніа**: 1) Перечисленіе Высочайшихъ Особъ Императорской фамиліи; 2) Родословіе, показывающее, какъ цари Московскіе происходятъ по прямой линіи отъ Рюрика и св. Владиміра; 3) Родословіе Россійскихъ Императоровъ, и 4) Полный титулъ нашего Государя, съ подробнымъ объясненіемъ его.

Отдѣлъ третій. I. ОБЩІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПОНЯТІА.—**II. Части свѣта и ИНОСТРАННЫМЪ** государства Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи.—**III. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРІЯ**. Составилъ князь *В. П. Мясоедовъ* и *А. П. Березинъ*. **Приложеніа**: 1) Пространство поверхности и количество народонаселенія иностранныхъ государствъ и губерній Россіи; 2) Алфавитный перечень важнѣйшихъ городовъ и городовъ Россіи, съ указаніемъ числа жителей, и 3) карты: полушарій, Европы, Азіи, Европейской и Азіатской Россіи.

Отдѣлъ четвертый. I. НЕБЕСНАЯ СВѢТЛАЯ. Звѣзды, планеты, кометы, падающія звѣзды. Луна, солнце. Затменія. Измѣреніе времени по небеснымъ свѣтламъ.—II. ЗЕМЛЯ И ЯВЛЕНІЯ, НА НЕЙ ПРОИСХОДЯЩІЯ. Суша. Распределеніе суши и воды. Матеріи и острова. Видъ поверхности суши. Вулканы; землетрясенія. Измѣненія суши. Вода. Океаны и моря. Ихъ глубина. Видъ дна. Соленость, температура, цвѣтъ, свѣченіе морской воды. Давленіе воды въ океанахъ. Вѣздухъ. Составъ и свойства воздуха. Его температура и влажность. Барометръ и термометръ. Движеніе воздуха. Погода. Метеорологическія станціи и метеорологическія карты. Барометрическіе минимумы и максимумы и зависимость отъ нихъ пороги. Свѣтотыя явленія въ воздухѣ. Лучи свѣта и цвѣтъ тѣлъ. Небо и его цвѣтъ. Рассѣянный свѣтъ. Заря. Миражъ. Радуга. Кольца и круги около солнца и луны. Побочныя и ложныя солнца. Полярныя сіянія. Съ 33 пояснительными рисунками и 4 метеорологическими картами. Составляя *А. П. Кирпиченко* и профессоръ *П. И. Броуновъ*.

Обобщенныя вмѣстѣ, эти четыре отдѣла составляютъ большой томъ, восьмидольнаго формата, въ 200+144+256+90 страницъ текста.

Цѣна (съ пересылкою) **і р. 50 к.**, въ нанѣі **і р. 70 к.**

Каждый отдѣлъ „Настольной книги“ продается и отдѣльно по слѣдую цѣнамъ: Отдѣлъ I—60 к., Отд. II—40 к., Отд. III—80 к., Отд. IV—30 к.

„Настольную книгу“ можно получить въ Канцеляріи Комиссіи народныхъ чтеній (С.-Петербургъ, Лиговка, уголъ М. Итальянской, д. № 19) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книга эта предназначается для любознательнаго грамотника. По ней онъ усилитъ себя церковный кругъ Богослуженія, получитъ понятіе о праздникахъ и о святыхъ мужахъ и женахъ, прославившихъ Церковь, и будетъ имѣть передъ глазами указаніе времени Пасхи и зависящихъ отъ нея постовъ и праздниковъ.

Тутъ же онъ получитъ краткія свѣдѣнія по исторіи всемірной и найдетъ глгописъ отечественной исторіи.

Описаніе чужихъ странъ и географія Россіи, съ необходимыми картами, составляютъ наиболѣе объемистую часть нашей книги.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ изложено ученіе о небесныхъ свѣтлахъ: солнцѣ и лунѣ, о затменіяхъ, неподвижныхъ звѣздахъ, планетахъ, кометахъ и падающихъ звѣздахъ; объ измѣреніи времени по небеснымъ свѣтламъ. Въ этомъ же отдѣлѣ читатель ознакомится съ ядомъ и разиѣрами земли, съ распределеніемъ суши и воды, материками, пулками, землетрясеніями и т. д. За свѣдѣніями объ океанахъ и моряхъ, ихъ видѣ, температурахъ и другихъ свойствахъ, предложено ученіе о воздухѣ и его свойствахъ, о погодѣ и свѣтотыя явленіяхъ.

Подобныя книги бывали и прежде на Руси въ старые годы и ими дорожили любознательные грамотники.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

ИЛИ

„ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ“.

Годовое изданіе состоитъ изъ 4-хъ книгъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ), выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ „Чтеніяхъ“ печатаются изслѣдованія и матеріалы по разнообразнымъ вопросамъ Русской исторіи и издаются различные напечатанные древнерусской письменности.

Лица, желающихъ подписаться на „Чтенія“ (семь рублей въ годъ для Москвы и 8 руб. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города), просить присылать свои требованія къ Казначей Общества Сергію Алексѣевичу Бѣлокурову (Москва, Садовники, д. церкви св. Георгія) или въ книжные магазины И. Глазунова и Н. Карбасникова (Москва, Моховая, противъ Университета).

Черезъ тѣхъ же лицъ можно приобретать и изданія Общества, обозначенныя въ Каталогѣ, безплатно доставляемомъ всѣмъ желающимъ.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ПРО- ДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩИЯ КНИГИ:

1. Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1816—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромя 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.
2. Русскія Достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.
3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи. Эверса, пер. съ нѣмц. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.
4. Списокъ печати. книгамъ, рукописямъ, медалямъ, монетамъ и вещамъ различнымъ, принадлежащимъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящему при Импер. Москов. Университетѣ (стр. 51 + 16 + 96). М. 1827 г., ц. 1 р.
5. Древности сѣвернаго берега Полята. Соч. П. Копцева, переводъ съ нѣмц. Средняго-Камашева. М. 1828 г. ц. 10 к., пер. за 2 ф.
6. Объ имени и положеніи г. Випеты, иначе Юмича, Юлиша, Юмбурга. П. И. Шафарика, пер. О. Бодянского. М. 1847 г., ц. 20 к.
7. Борускія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Описаны и объяснены О. Адельунгомъ; пер. съ нѣмц. Н. Артемова. Съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.
8. Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836 г., ц. 3 р., перес. за 3 ф.
9. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

10. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.
11. Славянскія древности. П. И. Шафарика, перес. съ чешскаго О. Бодянскаго. 2 тома въ 5 книгъ. М. 1837 г. Т. 1, кн. 1. (1-е и 2-е изд.); т. 1, кн. 3; т. II, книга 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фун.
12. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Томъ II. М. 1841 г., к. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.
13. Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго. содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государстваніе королей Свигизмуда Августа и Стефана Баторія. Два тома, издаваемые кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р. за томъ, перес. за 6 ф.
14. Повѣствованіе о Россіи въ 3-хъ томахъ. П. Арцибанова. М. 1838—1843 г., ц. за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.
15. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.
16. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Сост. П. М. Строевымъ. Со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фунта.
17. () Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. Н. Власова. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.
18. Книга Большой Чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книгамъ Г. Спаескимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.
19. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Рагельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.
20. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мантёвскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
21. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суворовскаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣляскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
22. Лѣтопись самовида о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобицахъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ. П. Кулѣша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.
23. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Рагельмана. Съ 30 рису. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.
24. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
25. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.
26. Краткое описаніе о казачествѣ Малороссійск. народѣ и о лосяныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.
27. Переписка и другія бумаги Шведскаго короля Карла XII, Польскаго Станислава Лещинскаго, Татарскаго хана, Турецкаго султана, Филипа Ордына и кievскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
28. Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Патріаршей Библіотеки. Раздѣлы I—III. Слѣд. Писаніе, Толкованія его и Каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.
29. Древнія сплитыи Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
30. Описаніе города Острога. Составъ. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 коп., перес. за 1 ф.
31. Паралиномъ Зонарий. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

32. Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣна, азь до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ. Сообщ. И. Заблывъ. М. 1848 г., ц. 10 к., пер. за 1 ф.

36. Грамматично искаваня об Рускомъ зыку. Соч. поца Юрка Крижаници. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к., перес. за 3 ф.

37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я; или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

38. Омытъ русскаго простонароднаго словоотковника. Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 руб.

39. Биографія А. В. Суворова, низъ самимъ писанная въ 1786 г. Сообщ. Дм. И. Голохвастовъ. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

40. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. Соч. И. Вѣалева. М. 1851 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

41. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александрова Милебскаго, изд. 2-е. т. I, (стр. I—IV+1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ц. 1 руб.

42. Алексѣй Однорогъ. Историч. романъ. Спб. 1853 г., ц. 1 р., съ перо-сылкою.

43. а) Лѣтопись византийца Теофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). Ц. 30 коп. б) То же, въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Ториновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—70). Ц. 2 руб.

44. Mémoires poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par Lui-Même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 руб.; перес. за 1 ф.

45. О времени происхожденія славян. писъмень. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

46. Діаріушь или журналъ то-есть повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оказаній и церемоній, акомъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Ник. Дан. Хапенка. Съ историч. свидѣніемъ о сочинителѣ. О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

47. Лѣтописи и описаніе г. Киева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литографскими рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

48. Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ литограф. видомъ оного. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ц. 50 к., пер. за 1 ф.

49. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ швед. А. Шемкина. Съ приложеніями и примѣчаніями итѣмъ. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 3 руб., перес. на 6 фун.

50. Источники малороссійской исторіи, собранныя Д. Н. Байтыцкемъ-Каменискимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1858 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб., перес. за 3 ф.

51. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

52 и 53. а) Дѣньги и пулы древней Руси великовикнжескія и удѣльными. Д. Соколова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140) съ 11-ю таблицами (Жѣ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ). Ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б) Прибавленіе:

2-е (стр. I—IV+5—32+2 таблицы (№ 13 и 14). М. 1862 г., ц. 50 коп. перес. за 1 фург.

54. Переписка между Россією и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ П. Н. Бантишомъ-Камолскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г. — Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г. — Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп., перес. за 4 ф.

55. Путешествіе вепсианца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб., перес. за 4 ф.

56. Конст. Оедор. Калайдовичъ, Биографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. О. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

57. Дѣло объ Арсеніи Мацвевичъ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

58. О недвижимыхъ имуществѣхъ духовенства въ Россіи. Вл. Милютина, М. 1862 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

59. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

60. Матеріалы объ Ив. Ив. Вецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

61. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

62. Сборникъ церковно-историч. и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. Сообщ. архим. Макарій. М. 1863 г., ц. 2 р., пер. за 3 ф.

64. Журналъ генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1863 г., ц. 1 руб.; перес. за 2 ф.

65. а) Журналъ роляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульского Рязанскаго и Калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышова и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1863 г. Цѣна 1 руб.

66. Очерки изъ исторіи Россійской церковной іерархіи. Г. О. Карпова. М. 1864 г., ц. 1 руб.; перес. за 2 ф.

67. Жизнеописанія древнихъ и средновековныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Черев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

68. Обзорніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. руб. съ перес.

69. Народныя пѣсли Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. О. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV. Ц. 10 руб. съ пересылкою.

70. Путешествіе мое въ Имеретію съ лѣтніи Кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію. Соч. Алек. Егор. Соколова. Сообщилъ П. П. Ермоловъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1873 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

71. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горадія Львельма Кальвуччи, послы въ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. П. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

72. О вліяніи борьбы между царями и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

73. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному явлѣнію І. Г. Фоккерода и Оттона Пасiera. Переводъ съ нѣмед. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

74. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. О. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 ф.

75. Описаніе путешествія въ Москву посла Римскаго императора Николая Вароча съ 22 юля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. П. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб., перес. за 1 ф.

76. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ Польскимъ Любомъ Казимиромъ, составленные 1619 г. октября 16-го дня, и изданныя по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянского, съ 2-ми литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подлинью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

77. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ глѣчался отъ рапъ осенью 1611 г. Гр. М. д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

78. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. П. Баснипа. М. 1876 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

79. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштойна, посла импер. Максимилиана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянского, М. 1876 г. Цѣна 25 к.; перес. за 1 ф.

80. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Данила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

81. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна эсарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

82. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ. Москва 1879 г., ц. 3 р.

83. Житіе препод. отца нашего Феодосія игум. Печерскаго. Синсавіе Нестора. По харатейн. списку москов. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп., перес. за 1 ф.

84. Библиографич. матеріалы, собранныя Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. Повѣсть о разореніи Москов. государства. М. 1881 г. Ц. 50 коп

85. Посланіе священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

86. Историко-статистич. описаніе замѣтнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарія епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

87. Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Наслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

88. Изъ бумагъ митрополита Московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

89. Домострой по списку Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

90. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

91. Портретъ Кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1884 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

92. Сазаво-Емауское Святое Благобѣствованіе, нынѣ же Ремское, на немъ же иржеде присягаша при вѣнчаніи митрополитомъ царя Францустин. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латинскими буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и издвеніемъ Вячеслава Ганки. Въ Ченской Празѣ. 1816. Цѣна 3 руб. сер., перес. за 2 ф.

93. О русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ ченской королевы Кувгуги и родѣ его. Фр. Палацкаго, пер. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 10 к.

94. Замѣчанія для исторіи церковнаго плѣніи въ Россіи. В. Ундольскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

95. Окружные жители Балтійскаго моря, т. е. Леты и Славяне. Юрія П. Венелина. М. 1846 г., п. 50 к.
96. О древнеславянскихъ Кирилловскихъ типографіяхъ въ южнославянскихъ земляхъ въ XV—XVII вв. П. Шафарика, перев. О. Бодявскаго, М. 1846 г., п. 25 к.
97. Кирилл и Меодій, Славянскіе просвѣтителі. Филарета еп. Рижскаго. М. 1846 г., п. 15 к.
98. Обь отношеніяхъ Повгорода къ великимъ князьямъ. С. Соловьева. М. 1846 г., к. 1 р.
99. Записки Георгія Кониискаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI в. не было никакоя униі съ Римскою церковію. М. 1847 г., п. 15 к.
100. О бунтѣ города Нинска и обь усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., п. 10 к.
101. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная съ 1647 г. Переводъ съ польскаго. М. 1847 г., п. 50 к.
102. Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о расстритѣ Гришкѣ Отрешевѣ, и о походеиіи его. Съ предисловіемъ О. Бодявскаго. М. 1847 г., п. 30 к.
103. Богослуженіе русской церкви до-Монгольскаго времени. Филарета еп. Рижскаго. М. 1847 г., п. 60 к.
104. Исслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ и описаніе дрепнѣйшаго харитойнаго списка онаго. А. Кубарева. М. 1847 г., п. 40 к.
105. О достоинствахъ Черингова. М. Е. Маркова. М. 1847 г., п. 20 к.
106. О словѣ боярина Ю. Венелина. М. 1847 г., п. 20 к.
107. Очеркъ жизни и дѣяній гр. Ал. Вас. Суворова-Риминскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., п. 20 к.
108. Очеркъ жизни Константинаопа. патр. Фотія. А. Зерина. М. 1858 г., п. 30 к.
109. Правая грамота ц. Алексѣя Троицкому Сергіеву монастырю на владѣніе деревнею Ильинкою. Сообщ. С. Смирновъ. М. 1858 г., п. 10 к.
110. Обь областяхъ Римской имперіи. Константина Вагриороднаго. Пер. съ греческаго. М. 1858 г., п. 20 к.
111. Допросы Емельяну Пугачеву (стр. 1—52) и письмо о немъ императрицы Екатерины II къ графу П. И. Панину (стр. 53—58). М. 1858 г., п. 30 к.
112. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Поваго Уложенія Дм. Наталину и возраженіе депутата Гр. Политія на оное наставленіе. М. 1858 г., п. 20 к.
113. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Сенатскаго архива). Мѣтвіе Мордкинова о способахъ конии Россіи удобнѣе можно приязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей. Письмо его же къ графу Аракчесеву по дѣлу о контрактахъ на поставку сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Зюбинимъ. Мѣтвіе адмирала Чичагова о продолженіи станицы. Выписка изъ проекта Аверина о винномъ откупѣ. М. 1858 г., п. 20 к.
114. Крестьянскіе челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Ва. Ворисовъ. П. 1859 г., п. 10 к.
115. Тетрадь, а въ ней писма писаны ональныхъ при царѣ и вел. князѣ Голибѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіев. Маркола царю Алексею о иурѣ св. Николая чудотворца, хранившимся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. П. Суворовъ. М. 1859 г., п. 10 к.
116. Мѣтвіе министра Юстиціи Троицкаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., п. 10 к.
117. Принятія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленія. Сообщ. А. И. Казначевъ. Объясненіе—смыслъ ли? (о расколуучителѣ діаконѣ Бедорѣ) О. М. Бодявскаго. М. 1859 г., п. 10 к.

118. Мѣтнія адмирала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя холсты по Черноморскому флоту: о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергати совместно и публичною продажд мѣтнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на портомъ казенноу взысканіе; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ч. 15 к.

119. Замѣчанія графа О. В. Росточина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ч. 10 к.

120. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ч. 10 к.

121. Послѣдній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія импер. Павла I. Графа О. Росточина. М. 1860 г., ч. 10 к.

122. Письма русскихъ государей, вел. князей и др. особъ къ Новгородскимъ архіереямъ, хранящихся въ Новгород. Софійск. соборѣ. Сообщ. архим. Макарій. М. 1860 г., ч. 15 к.

123. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Вухаріей, писанныя въ 1730 году Шеромъ Куки. М. 1863 г., ч. 10 к.

124. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. П. Лавровскаго. М. 1861 г., ч. 1 р.

125. Каталогъ славяноросійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Ваузе. В. Каравина. М. 1862 г., ч. 30 к.

126. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузин, Имеретин и Оджи со всими прилежащими народами. М. 1862 г., ч. 10 к.

127. Книга пожиткаль б. Чернигов. полковника Павла Подуботка и дѣтей его Андрея и Якова Подуботковъ, составл. по указу 1721 г. Мих. Раевскимъ и Львовымъ. Акты до маестностей Подуботковъ относящіяся. М. 1862 г., ч. 50 коп.

128. Проекты объ уничтоженіи грекоросійскаго вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшею отъ Россіи областяхъ. М. 1862 г., ч. 20 к.

129. Матеріалы о Гавриилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ч. 30 к.

130. Надписи на письмахъ, въ старину въ русскомъ государствѣ употреблявшіяся. М. 1864 г., ч. 10 к.

131. Доношеніе почечителя Казанскаго округа на издателя „Библиограф. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1861 г., ч. 10 к.

132. Письма къ государинѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Маріи Николаевнѣ. М. 1864 г., ч. 10 к.

133. Книга занесенная именнымъ письмомъ и указомъ императрицы Анны Иоановны и Елисаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудряшова. М. 1878 г., ч. 50 к.

134. Курьезы или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣляны. М. 1880 г., ч. 10 к.

135. Челобитые лекаря Ролонта боярину В. Н. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханиотова съ *сичемъ*. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣляны. М. 1880 г., ч. 10 коп.

136. Послѣдніе дни граф. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій еписк. Архангельскій. М. 1880 г., ч. 15 к.

137. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской бібліотекѣ. М. Лилева. М. 1880 г., ч. 20 к.

138. Записка объ Архангельскомъ кафедральномъ соборѣ. Записка объ Онежскомъ крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій, еписк. Архангельскій. М. 1880 г., ч. 15 к.

139. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Разсказъ о Монеѣ Чуричѣ и о воцѣленихъ его письмахъ, произведенный въ Архангельскѣ и Холмогоряхъ въ 1721 г. Сообщ. П. А. Поповъ. М. 1880 г., ч. 20 к.

140. Изложение хода миссионер. дѣла по просвѣщенію казакскихъ племени съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г., п. 1 р.

141. Замѣтка объ одной старопечатной книгѣ (книги о Вѣрѣ). Архим. Леонид. М. 1880 г., п. 10 к.

142. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ перес. 45 р. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

143. Читенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (1846). 4 книги; годъ 2-й (1846—1847), 9 книгъ; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849) 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взымается съ плѣсу по разстоянію. Съ 1887 г. каждая книга „Чтеній“ продается отдѣльно по слѣдующ. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

144. Сводокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. издаваніяхъ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университ. (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 годъ. Отд. I Сводокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II Указатель трудовъ. М. 1889. Ц. за обѣ книжки 1 рубль.

145. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же Общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. М. 1862 г., п. 50 к. съ перес.

146. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же Общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергій Бѣлокуровъ. М. 1883 г., п. 1 р. 25 к.

147. Указатель къ Читеніямъ въ томъ же Обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. ошъ же. М. 1888 г., п. 50 к.

148. Протоколы засѣданій Общества:

1) за 1878—1880 гг. (стр. 1—32). Ц. 20 к.

2) за 1881—1883 гг. (стр. 1—64). Ц. 35 к.

3) за 1886 г. (стр. 1—17). Ц. 10 к.

4) за 1887 г. (стр. 1—23). Ц. 15 к.

149) Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Дѣл. I-й: а) 1654 г. I. Półno obrzanie ot Lewóna do Mókwi. II. Besída ko Czirzásom wo osobí Czirzása urzýzna. III. Usmotrenio o Carskom Welicestwie. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Обясньеніе виводно о писмѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Колоцова—М. 1891 г. Ц. 50 к.

Вѣд. II-й: 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г. Ц. 75 к.

Лицъ, желающихъ приобрести означенныя книги, или подписаться на „Чтенія“ Общества (7 рублей въ годъ для Москвы и 8 руб. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города) просить присылать свои требованія или въ Общество (Москв. Моховая, зд. Университета), или къ Казначей Общества Сергѣю Алексѣевичу Бѣлокурову (Садовники, у Москворѣцкаго моста, д. пер. св. Георгія) или въ книжныя магазины П. И. Глазунова и Карбасникова.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія науки, критики и библиографіи, и современную жизнь учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписка цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другие города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрести въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала Министерства и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІХ.

1892.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Евстернинскій каналъ. № 10.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	29
И. И. Миллюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (окончаніе).	261
Ф. И. Успенскій. Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ (окончаніе).	348
В. Н. Александренко. Поручика барона М. А. Корфа съ княземъ М. А. Оболенскимъ по поводу „Московскихъ вѣдомъ“.	428
А. Л. Петровъ. Записки по Угорской Руси	439

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. К. Надлеръ. Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія	459
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. <i>Д. П. Майковъ. С.-Пб. 1891</i>	491
И. В. Цвѣтскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. <i>Н. Погроскало. С.-Пб. 1892.</i>	494
А. Л. Липовскій. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Соч. <i>А. Будиловича. Варшава. 1892</i>	500
К. Ан. Темирювъ. <i>С. М. Сур-Фонимъ. Сочиненіе Джильса Флетчера Of the Rise and Fall of the Mogul Empire, какъ историческій источникъ. С.-Пб. 1891</i>	504
— Книжныя новости	507

Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ).	49
---	----

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Наша учебная заведенія:	
—	I. Среднія и высшія школы въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году
С. Л. Чудновскій. II. Школы въ Омбири (окончаніе)	79
К. Я. Гротъ. О. О. Перельфъ (некроль)	107
	141

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. И. Ланге „Первая аналитика“ Аристотеля (продолженіе).	49
--	----

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе).	33
---	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІХ.

1892.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашкы, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1892.

Екатери. ш., № 87.
2028.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (18-го ноября 1891 года). *О служебныхъ правахъ учителей рисованія мужскихъ гимназій и прогимназій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ учителей рисованія мужскихъ гимназій и прогимназій, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣя исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ учителей рисованія мужскихъ гимназій и прогимназій, *мнѣніемъ положили:*

Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1. На должности учителей рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ назначаются преимущественно лица, окончившія курсъ въ классахъ рисованія и архитектуры Императорской академіи художествъ, въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, въ классѣ архитектуры Московскаго училища живописи, ваянія и архитектуры, въ С.-Петербургскомъ центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица, а также въ Московскомъ Строгановскомъ училищѣ.

2. Учителя рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, относительно класса должности, чиновпроизводства и мундира, пользуются правами, предоставленными преподавателямъ другихъ предметовъ въ

сихъ заведеніяхъ (за исключеніемъ учителей черченія и чистовисанія) и получаютъ пенсію по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, изъ оклада жалованья въ *триста* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе поднисано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (18-го ноября 1891 года). *О расходѣ на осуществленіе мѣропріятій по практическому примыненію метеорологическихъ наблюденій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о расходѣ на осуществленіе мѣропріятій по практическому примыненію метеорологическихъ наблюденій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Поднисалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о расходѣ на осуществленіе мѣропріятій по практическому примыненію метеорологическихъ наблюденій, *мнѣніемъ положила:*

Для развитія какъ производства, такъ и опубликованія метеорологическихъ наблюденій, въ видахъ болѣе успѣшнаго практическаго ихъ примыненія, ассигновать:

А. Единновременно: 1) на строительныя работы по расширенію зданія главной обсерваторіи *шестнадцать тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ* рублей, съ обращеніемъ въ счетъ этой суммы кредита въ 7.800 р., назначеннаго по § 18 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія, къ условному отпуску, на расходы по составленію и изданію бюллетеней о погодѣ, и со внесеніемъ остальныхъ 8.715 р. въ подлежащія подраздѣленія смѣты сего министерства на 1892 г.; 2) *одну тысячу четыреста восемьдесятъ пять* руб. на омеблировку поваго помещенія, и 3) *одну тысячу* руб. на покупку термометровъ для измѣренія температуры у поверхности почвы, со внесеніемъ сихъ двухъ послѣднихъ суммъ въ подлежащія подраздѣленія той же смѣты на 1892 г.

Б. Ежегодно, начиная съ 1892 г. :а) по *одной тысячь* рублей—

на усиленіе средствъ по изданію ежедневнаго бюллетеня, б) по *семи тысячъ девяти* рублей — на содержаніе новаго отдѣленія обсерваторіи, при чемъ, въ виду начатія занятій въ этомъ отдѣленіи лишь съ 1-го іюля 1892 г., къ отпуску въ 1892 г. подлежитъ только 3.600 р. и в) по *двѣ тысячи* рублей въ годъ въ теченіе трехъ лѣтъ на вознагражденіе за вычисленіе среднихъ величинъ, при чемъ сумма эта подлежитъ къ отпуску въ 1892 г. въ половинномъ размѣрѣ, то есть, 1.000 р., а засимъ въ 1893 и 1894 г.г. по 2.000 р. и въ 1895 г. 1.000 р.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

6. (18-го ноября 1891 года). *Объ ассигнованіи суммы на омеблировку новыхъ помѣщеній для архива и библіотеки главной физической обсерваторіи.*

Его Императорское Величество воспопсѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ ассигнованіи суммы на омеблировку новыхъ помѣщеній для архива и библіотеки главной физической обсерваторіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи суммы на омеблировку новыхъ помѣщеній для архива и библіотеки главной физической обсерваторіи, *мнѣніемъ положилъ:*

На омеблировку новыхъ помѣщеній архива и библіотеки главной физической обсерваторіи ассигновать *одну тысячу восемьсотъ семьдесятъ четыре* руб. *пятьдесятъ* коп., съ отнесеніемъ этого расхода на ожидаемые остатки отъ дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія и съ тѣмъ, чтобы о тѣхъ смѣтныхъ подраздѣленіяхъ, на которыя будетъ обращена означенная издержка, было своевременно сообщено министру финансовъ и государственному контролеру.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

7. (25-го ноября 1891 года). *О служебныхъ правахъ и преимуществахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ начальныхъ училищъ Туркестанскаго края.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ и преимуществахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ начальныхъ училищъ Туркестанскаго края, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ и преимуществахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ начальныхъ училищъ Туркестанскаго края, мнѣніемъ положила:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Служебныя права и преимущества, предоставленныя учителямъ приходскихъ училищъ, учрежденныхъ по уставу 8-го декабря 1838 года, распространяются на тѣхъ изъ русскихъ учителей русско-туземныхъ начальныхъ училищъ Туркестанскаго края, которые имѣютъ свидѣтельство на званіе начальнаго народнаго учителя. Пенсія и единовременныя пособія симъ лицамъ и ихъ семействамъ производятся изъ капитала приходскихъ учителей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (25-го ноября 1891 года). *О правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ мужской школы Садовникова и Герасимова въ С.-Петербурѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ мужской школы Садовникова и Герасимова въ С.-Петербурѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ при отбываніи воинской повинности учениковъ мужской школы Садовникова и Герасимова въ С.-Петербургѣ, *мнѣніемъ положила*:

Въ дополненіе подлежащихъ статей устава о воинской повинности (св. зак. т. IV), постановить:

Учрежденная въ С.-Петербургѣ мѣстными первой гильдіи купцами Садовниковымъ и Герасимовымъ мужская школа причисляется: для окончившихъ въ ней полный курсъ и выдержавшихъ испытаніе на основаніи правилъ, установленныхъ по сему предмету для двухъ-классныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія,—къ *третьему* разряду, а для лицъ, не окончившихъ курса, но переведенныхъ изъ I класса во II,—къ *четвертому* разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (25-го ноября 1891 года). *О добавочномъ жалованьи помощнику директора главной физической обсерваторіи полковнику Рыкачеву.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о добавочномъ жалованьи помощнику директора главной физической обсерваторіи, полковнику Рыкачеву, Высочайше утвердить соизволила и повелѣла исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о добавочномъ жалованьи помощнику директора главной физической обсерваторіи, полковнику Рыкачеву, *мнѣніемъ положила*:

Назначать помощнику директора главной физической обсерваторіи, полковнику Рыкачеву, на время, пока онъ будетъ состоять въ означенной должности, добавочное жалованье по *одной тысячѣ* руб-

лей въ годъ, начиная съ 1-го января 1892 года, со внесеніемъ потребнаго на сіе кредита въ подлежащее подраздѣленіе сѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе поднисано въ журналъ председателемъ и членами.

10. (25-го ноября 1891 года). *Объ учрежденіи при главной физической обсерваторіи новыхъ должностей физика и адъюкта по отдѣленію морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщений о погодѣ и штормовыхъ предостереженій.*

Его Императорское Величество воспоследовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при главной физической обсерваторіи новыхъ должностей физика и адъюкта по отдѣленію морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщений о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: председатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при главной физической обсерваторіи новыхъ должностей физика и адъюкта по отдѣленію морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщений о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, *мнѣніемъ положила:*

1) Высочайше утвержденный ⁹/₂₁-го мая 1876 года штатъ отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщений о погодѣ и штормовыхъ предостереженій при главной физической обсерваторіи, усилить одною должностью физика и одною должностью адъюкта, съ содержаніемъ и служебными правами, присвоенными такимъ же должностямъ дѣйствующимъ штатомъ.

2) Вызываемый настоящею мѣрою расходъ, въ двѣ тысячи рублей ежегодно, обратить на кредитъ, отпускаемый нынѣ въ равномъ размѣрѣ въ распоряженіе главной физической обсерваторіи, согласно Высочайше утвержденному, 10-го мая 1888 года, мнѣнію государственнаго совѣта.

Подлинное мнѣніе поднисано въ журналахъ председателями и членами.

11. (2-го декабря 1891 года). *О некоторых измѣненіяхъ въ штатѣ Императорскаго Дерптскаго университета.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатѣ Императорскаго Дерптскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнять.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатѣ Императорскаго Дерптскаго университета, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ Высочайше утвержденномъ, 9-го января 1865 года, штатѣ Императорскаго Дерптскаго университета слѣдуетъ слѣдующія измѣненія:

1) Увеличить оклады жалованья: лекторамъ: французскаго, англійскаго, итальянскаго, эстонскаго и латынскаго языковъ до 800 руб. въ годъ каждому и учителю гимнастики до 300 руб. въ годъ.

2) Упразднить должности учителей: танцевъ, плаванія, верховой ѣзды и фехтованія и прекратить отпускъ изъ государственнаго казначейства суммъ на содержаніе манежа при университетѣ.

3) Изъ освобождающихся по предыдущей статьѣ *двухъ тысячъ четырехсотъ* рублей обратить: 1.900 руб. на увеличеніе годоваго содержанія пяти лекторамъ и учителю гимнастики (ст. 1) и 500 руб. на нужды судебно-медицинскаго института при университетѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

12. (2-го декабря 1891 года). *Объ учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ должности бухгалтера.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ должности бухгалтера, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ должности бухгалтера, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ должность бухгалтера, съ окладомъ семьсотъ пятьдесятъ рублей въ годъ (въ томъ числѣ: 600 руб. жалованья и 150 руб. квартирныхъ), присвоивъ этой должности IX классъ по чинопроизводству и по штыю на мундиръ и VII разрядъ по пенсіи.

2) Вызываемый учрежденіемъ упомянутой должности ежегодный расходъ (750 руб.) покрывать изъ специальныхъ средствъ Императорскаго Варшавскаго университета.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (3-го января 1892 года). *О расходѣ на пособія учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ.*

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, послѣдовавшаго, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бычкова, 27-го сентября минувшаго года, симъ министерствомъ было распределено, изъ имѣвшихся въ его распоряженіи по финансовой смѣтѣ того года средствъ, шесть тысячъ рублей между пострадавшими отъ неурожая губерніями, для оказанія пособій учащимъ въ начальныхъ училищахъ.

Принимая во вниманіе, что и въ настоящее время, не смотря на помощь, оказываемую нуждающемуся населенію правительствомъ, земскими и общественными учрежденіями и частными благотворителями, въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ учителя и учительницы начальныхъ училищъ перѣдко испытываютъ серьезныя затрудненія, вслѣдствіе неисправной выдачи имъ жалованья и надорожанія средствъ продовольствія, министр народнаго просвѣщенія предполагалъ отчислить на тотъ же предметъ шесть тысячъ рублей и въ текущемъ году, въ томъ числѣ изъ кредитовъ, назначенныхъ по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія: на учебныя команди-

ровки, предпріятія, разныя пособія и печатаніе 2.000 руб., на распространеніе образованія между башкирами 1.500 руб. и на пенсіи приходскимъ учителямъ 2.500 руб.

На осуществленіе сего предположенія статсъ-секретарь графъ Деляновъ всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, 3-го текущаго января, на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ написать: „*Согласенъ*“.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го декабря 1891 года, за № 12: *Утверждены*: экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Майковъ*—ординарнымъ академикомъ сей академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности, съ 2-го ноября 1891 года; потомственный почетный гражданинъ *Розенштейнъ*, кандидатъ правъ *Протопоповъ*, князь *Долгоруковъ* и потомственный почетный гражданинъ, елабужскій купецъ *Кусакинъ*—почетными попечителями: первый—Омской и второй—Симферопольской гимназій, третій—Новозыбковскаго и четвертый—Елабужскаго реальныхъ училищъ, всѣ четверо на три года.

Назначены: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бюльиновъ*—ректоромъ сего университета (Высоч. пов. 23-го ноября 1891 г.); состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ четвертомъ департаментѣ правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Руксатицковъ*—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Продолжены срокъ командировки за границу съ ученою целью: приватъ-доценту Императорскаго Московскаго университета *Михельсону*—по 1-е мая 1892 года, кандидату сего университета *Сперанскому*—на шесть мѣсяцевъ, причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскому секретарю *Гороховицу* и окончившему курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Селиванову*—на одинъ годъ.

Командированы съ ученою целью за границу: ординарный акаде-

микъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Бакундъ* — на двѣ недѣли; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Филевичъ* — съ 1-го января по 1-е августа 1892 года; окончившій курса въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Стець-Илеръ* — на одинъ годъ, съ 1-го января 1892 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Мироновъ* и окончившій курсъ въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, съ дипломомъ первой степени, *Покровский* — на два года, съ 1-го января 1892 года.

Уволены въ отпускъ за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Георіевскій* (Высоч. повел. 23-го ноября 1891 г.) и сверхштатный ординаторъ факультетской хирургической клиники Императорскаго Харьковскаго университета, гваріаръ *Фабрикинтовъ* — на шесть мѣсяцевъ.

Объявлена Высочайшая Ею Императорскаго Величества благодарность, бывшему ректору Императорскаго Московскаго университета, заслуженному ординарному профессору сего университета, тайному совѣтнику *Лялюкову*, за усердное и вполне согласное съ истинною пользою для университета исполненіе имъ обязанностей ректора (Высоч. повел. 23-го ноября 1891 г.).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (9-го декабря 1891 года). *Циркулярное предложеніе и пожеланіямъ учебныхъ округовъ по вопросу о 2^о/_о вычетѣ на пенсіи съ вознагражденія сверхштатныхъ учителей гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.*

Одинъ изъ пожеланій учебныхъ округовъ просить разъясненія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли производить 2^о/_о вычетъ на пенсіи при выдачѣ вознагражденія сверхштатнымъ учителямъ, назначаемымъ, на основаніи ст. 55 устава гимназій и прогимназій 30-го іюля 1871 года и ст. 52 устава реальныхъ училищъ 9-го іюня 1888 года, и преподающимъ не менѣе 6-ти уроковъ въ недѣлю.

Вслѣдствіе сего имѣю честь изъяснить, что такъ какъ, въ случаѣ опредѣленія сихъ лицъ на штатныя учительскія должности, время бытности ихъ сверхштатными преподавателями зачитывается имъ въ

сроки выслуги пенсіи по учебной службѣ, то означенный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

12. (20-го декабря 1891 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени действительнаго тайнаго совѣтника Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго при Тверскомъ юридическомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. учреждаются при Тверскомъ городскомъ училищѣ пять стипендій имени министра финансовъ, действительнаго тайнаго совѣтника Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованныхъ съ этою цѣлью разными лицами въ память двадцатипятилѣтія открытія Тверскаго отдѣленія государственнаго банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціи 4% внутреннего займа, за № 159307, составляетъ неприкосновенную собственность Тверскаго городского училища и хранится въ мѣстномъ отдѣленіи государственнаго банка.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе пяти избранныхъ стипендіатовъ, а остающіяся затѣмъ деньги обращаются на покупку для нихъ учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ учениковъ училища, преимущественно изъ сыновей чиновъ, служащихъ или служившихъ въ тверскомъ отдѣленіи государственнаго банка, а за неимѣніемъ таковыхъ— изъ сыновей бѣдныхъ гражданъ Твери, особенно сиротъ, принадлежитъ действительному тайному совѣтнику И. А. Вышнеградскому, а въ случаѣ неопредѣленія имъ таковыхъ къ началу учебнаго года. управляющему тверскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка по соглашенію съ членами учетнаго комитета.

§ 5. Стипендіаты, оказавшіе неудовлетворительные успѣхи по причинамъ, не признаннымъ уважительными, или замѣченные въ дурномъ поведеніи, лишаются стипендій по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, а освободившаяся такимъ образомъ вакансія замѣщается порядкомъ, указаннымъ въ п. 5 сего положенія.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

13. (31-го декабря 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени Оттона Егоровича Креля въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ билетахъ 3-го восточнаго 5%, займа на сумму семь тысячъ шестьсотъ рублей, пожертвованнаго служащими на заводѣ и въ управленіи компаніи С.-Петербургскаго металлическаго завода, учреждается въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ стипендія имени Оттона Егоровича Креля.

§ 2. Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность института, хранится съ прочими специальными средствами онаго депозитомъ въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія О. Е. Креля назначается преимущественно для сыновей служащихъ въ компаніи С.-Петербургскаго металлическаго завода и выдается стипендіату со дня вступленія во все время пребыванія его въ институтѣ, но лишь при усвѣнныхъ занятіяхъ. Предоставленіе сей стипендіи обучающемуся въ институтѣ принадлежитъ О. Е. Крелю, пока онъ будетъ жить въ Россіи, а за совершеннымъ оставленіемъ имъ Россіи или за смертію, управленію компаніи, въ обоихъ случаяхъ, объ избранномъ кандидатѣ заявляется начальству института не позже 1-го октября. Если же до 1-го октября О. Е. Крель или вошедшее въ его права управленіе никого не назначитъ на стипендію, то учебный комитетъ института имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, предоставить эту стипендію на одинъ годъ кому-либо изъ студентовъ института, находящихся на послѣднемъ курсѣ.

§ 4. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго подоходнаго налога, выдается стипендіату О. Е. Креля по 30 руб. ежемѣсячно.

§ 5. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ компаніи С.-Петербургскаго металлическаго завода и, слѣдовательно, за несуществованіемъ лицъ, указанныхъ въ п. 3 сего положенія, назначеніе стипендіата предоставляется учебному комитету института на общихъ основаніяхъ.

§ 6. Если отъ процентовъ съ капитала, за удовлетвореніемъ расхода, упомянутаго въ п. 4 сего положенія, образуется остатокъ, или

же если стипендія, по какимъ-либо обстоятельствамъ, останется въ теченіе нѣкотораго времени не занятой, то учебному комитету предоставляется весь свободный остатокъ употребить на пособіе бѣднѣйшимъ изъ учащихся въ институтѣ, преимущественно же на внесеніе за нихъ установленной платы за обученіе.

§. 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (31-го декабря 1891 года). *Положеніе о пособіи имени полковника Александра Аполлоновича Майкова при С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ ежегодныхъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи сто рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію дочерью полковника Юлією Александровною Майковой и заключающагося въ 5% свидѣтельствахъ крестьянскаго поземельнаго банка по 500 руб. каждое и въ наличныхъ деньгахъ въ количествѣ тридцати пяти рублей тридцати семи коп., учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ пособіе для взноса платы за слушаніе лекцій бѣднѣйшаго студента по историко-филологическому факультету изъ потомственныхъ или личныхъ дворянъ безусловно русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 2. Означенный капиталъ долженъ именоваться капиталомъ имени полковника Александра Аполлоновича Майкова, оставаясь навсегда неприкосновенною собственностью Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Пособіе назначается правленіемъ университета, на основаніи существующихъ правилъ, если братомъ жертвовательницы въ должности гофмейстера Высочайшаго двора дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аполлономъ Александровичемъ Майковымъ не будетъ указанъ для этого кандидатъ не позже 1-го іюля академическаго года.

§ 4. Зачетъ процентовъ въ плату за слушаніе лекцій долженъ производиться одному и тому же студенту, начиная съ перваго полугодія перваго же курса за все время слушанія студентомъ университетскихъ курсовъ до окончанія имъ полнаго курса.

§ 5. Назначаемое съ означенною цѣлью пособіе студентамъ не выдается имъ на руки, а перечисляется правленіемъ университета въ

соотвѣтствующіе источники. Могущій оказаться ежегодный остатокъ отъ процентовъ за покрытіемъ платы за слушаніе лекцій выдается одновременно пользовавшемуся тою льготою студенту по окончаніи имъ полного курса наукъ въ университетѣ и по полученіи выпускнаго свидѣтельства. Этотъ остатокъ можетъ быть выданъ и не окончившему курсъ, если препятствіемъ къ окончанію его послужила законно удостовѣренная тяжкая болѣзнь, въ противномъ случаѣ онъ остается на университетскомъ счету, образуя запасъ на случай возвышенія платы за право слушанія лекцій.

§ 6. Если въ которомъ-нибудь году не окажется между вновь поступившими на историко-филологическій факультетъ студентами бѣднѣйшаго дворянина, нуждающагося въ зачетѣ ему процентовъ съ означеннаго капитала, то выросшіе за тотъ годъ проценты могутъ быть на слѣдующій годъ зачтены второму бѣднѣйшему студенту изъ дворянъ за право слушанія лекцій на томъ же факультетѣ, такъ что тогда уже двое бѣднѣйшихъ студентовъ изъ дворянскаго сословія въ продолженіе перваго по иступленіи ихъ въ университетъ года будутъ пользоваться этимъ зачетомъ. Если въ продолженіи двухъ сразу лѣтъ не окажется между вновь поступающими въ университетъ студентами изъ дворянъ нуждающагося въ этомъ зачетѣ, то тогда на слѣдующій годъ зачетъ производится двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ дворянамъ, изъ которыхъ одинъ будетъ пользоваться этимъ зачетомъ два года, а другой всѣ четыре года. Такой способъ зачета долженъ соблюдаться относительно накопленія и употребленія процентовъ при отсутствіи нуждающагося и за большее число годовъ, не выходя изъ предѣловъ историко-филологическаго факультета.

§ 7. Пользованіе пособіемъ не должно влечь за собою никакихъ обязательствъ для лицъ, которымъ пособия были назначены.

15. (31-го декабря 1891 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго управляющаго Лозово - Севастопольской желѣзною дорогою Федора Федоровича Баталина при Севастопольской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. учреждается при Севастопольской женской гимназіи одна стипендія имени О. О. Баталина на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу шестьсотъ руб.*, собраннаго съ этою цѣлью по подпискѣ служащими на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 4%, внутренняго займа, оставался на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. обращенію въ казну, выдаются избранной стипендіаткѣ.

§ 4. Право избранія стипендіатки изъ дочерей бѣднѣйшихъ служащихъ на Лозово - Севастопольской желѣзной дорогѣ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій, который, при жизни О. О. Баталіна, избираетъ въ стипендіатки, изъ числа представленныхъ имъ кандидатовъ, наилучше выдержавшую испытаніе или отличающуюся лучшими успѣхами и поведеніемъ, по смерти же Баталіна это право переходитъ всецѣло къ помянутому совѣту.

§ 5. Право лишенія стипендіатки стипендіи за неудовлетворительные успѣхи и поведеніе принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 6. Въ случаѣ выхода или исключенія стипендіатки изъ гимназій, открывшаяся такимъ образомъ вакансія замѣщается порядкомъ, указаннымъ въ пунктѣ 4; о всякой открывшейся вакансіи педагогическій совѣтъ извѣщаетъ О. О. Баталіна, а послѣ его смерти управляющаго Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, для поставленія о семъ въ извѣстность служащихъ на оной.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

16. (10-го января 1892 года). *Циркулярное предложеніе вл. министрамъ учебныхъ округовъ о мѣрѣ вспоможенія учащимъ и учащимся въ начальныхъ училищахъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ.*

Въ циркулярномъ предложеніи, отъ 6-го октября минушаго года, за № 16.956, министерствомъ народнаго просвѣщенія были указаны начальствамъ учебныхъ округовъ нѣкоторыя мѣры, направленныя къ вспоможенію учащимъ и учащимся въ начальныхъ училищахъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ.

Принимая во вниманіе, что и въ настоящее время, не смотря на помощь, оказываемую пущающемуся населенію правительствомъ, земскими и общественными учрежденіями и частными благотворителями, положеніе учителей и учащихся въ начальныхъ школахъ продолжаетъ нерѣдко оставаться весьма тяжелымъ, и испросилъ, по

примѣру прошлаго года, Высочайшее соизволеніе, послѣдовавшее 3-го текущаго января, на отчисленіе изъ имѣющихся въ распоряженіи моемъ суммъ шести тысячъ рублей, для распредѣленія оныхъ между губерніями: Нижегородскою, Тульскою, Рязанскою, Симбирскою, Казанскою, Воронежскою, Саратовскою, Самарскою, Вятскою, Оренбургскою, Уфимскою, Пензенскою и Тамбовскою.

Независимо сего, я признаю необходимымъ и на текущій годъ, предъ до выясненія результатовъ урожая онаго, оставить въ силѣ распоряженія упомянутого выше циркуляра, отъ 6-го октября прошлаго года, съ тѣмъ, чтобы:

1) до новаго по сему предмету предложенія министерства народнаго просвѣщенія, вса сумма по 4.250 руб. на губернію, назначенная по смѣтѣ сего министерства на нужды народнаго образованія въ губерніяхъ: Нижегородской, Тульской, Рязанской, Симбирской, Казанской, Воронежской, Саратовской, Самарской, Вятской, Оренбургской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Орловской, Костромской, Пермской, Херсонской и Харьковской, и 5.000 руб. на тотъ же предметъ въ губерніи Уфимской, была расходуема въ сяхъ губерніяхъ, по усмотрѣнію подлежащаго учебно-окружнаго начальства, согласно упомянутому циркуляру, исключительно на пособія нуждающимся, по причинѣ неурожая, учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ, объ употребленіи же этихъ денегъ были представлены мнѣ подробные отчеты, — и

2) начальствами учебныхъ округовъ было нѣмъ же донесено мнѣ, какую часть того же кредита, ассигнованнаго на губерніи, не потерявшаго отъ неурожая, она полагали бы возможнымъ перенести на нужды поменованныхъ выше 19-ти губерній.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для подлежащаго распоряженія по учебному округу.

17. (11-го января 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени Ея Императорскаго Величества Государя Императора Александра III и Апухтинской Семьи при Тельшевскомъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го декабря 1889 года учреждается при Тельшевскомъ городскомъ училищѣ, въ память чуднаго событія 17-го октября 1888 года, одна стипендія имени Ея Императорскаго Величества Государя Императора Александра III и

Августѣйшей Семьи на счетъ процентовъ съ капитала въ *два тысячи девять* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью крестьянами Тельшевскаго уѣзда.

2) Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Тельшевскаго городского училища.

3) Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, выдаются черезъ заведывающаго училищемъ избранному стипендіату.

4) Право избранія стипендіата изъ числа бѣдныхъ и отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ учениковъ училища, синовей крестьянъ Тельшевскаго уѣзда, на основаніи свѣдѣній о нихъ, сообщенныхъ педагогическимъ совѣтомъ, принадлежитъ сѣзду мировыхъ посредниковъ, а въ случаѣ упраздненія его замѣняющему оный учрежденію по крестьянскимъ дѣламъ. Въ случаѣ же упраздненія учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, право это переходитъ къ педагогическому совѣту училища. При равныхъ условіяхъ выборъ стипендіата изъ вѣсколькихъ учениковъ рѣшается жребіемъ.

5) Остатки, могущіе получиться отъ временнаго незаѣщенія стипендій, за отсутствіемъ въ училищѣ учениковъ изъ крестьянъ Тельшевскаго уѣзда, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія, современемъ, числа стипендій. Стипендіи, могущія образоваться такимъ путемъ, подчиняются настоящему положенію.

6) О поведеніи и успѣхахъ стипендіата педагогическимъ совѣтомъ училища сообщаются сѣзду мировыхъ посредниковъ или замѣняющему оный учрежденію свѣдѣнія къ 1-му сентября и къ 1-му января.

7) Въ случаѣ преобразованія или упраздненія Тельшевскаго городского училища, стипендіи переходятъ съ тѣмъ же назначеніемъ въ то училище, которое его замѣнитъ.

8) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Гомеръ, Илиада. Пѣснь III. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 22 рисунками и географической картою. Объяснилъ Степанъ Прыдульскій, преподаватель Императорской Николаевской гимназій. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. Царское Село. 1891, стр. 84. Цѣна 50 коп.*“—рекомендовать какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Petit Manuel de Littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours. A l'usage des classes supérieures de l'école St.-Pierre et de l'école réformée. Par A. Bonjour. Deuxième édition revue et augmentée. (Краткій учебникъ французской литературы отъ ея начала до нашего времени, для употребленія въ высшихъ классахъ училищъ при церквахъ св. Петра и реформатской, состав. А. Bonjour. 2-е изданіе просмотрѣнное и усиленное).* С.-Пб. 1891 Цѣна 35 коп.“—одобрено какъ учебное пособіе для употребленія въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподается.

— Книгу: „*Napoléon à St.-Hélène par Tiers. Извлеченіе изъ его сочиненія Histoire du Consulat et de l'Empire, съ примѣчаніями историческими и грамматическими, издалъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царяцкой Александровской гимназій. Выпускъ 5-й. С.-Пб. 1891. Цѣна 40 коп.*“—допустить для употребленія въ гимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по французскому языку.

— Книгу: „*Систематическій сборникъ ариметическихъ задачъ. Составили В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ. Изд. 5-е. Москва. 1891, стр. 233. Цѣна 50 коп.*“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариметики въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, а также въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу: „*Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ М. А. Стрелковъ. 306 чертежей въ текстѣ. 2-е, исправленное и дополненное изданіе. Сиб. 1891. Стр. 148. Цѣна 70 коп.*“—одобрить какъ весьма полезное учебное пособіе для ремесленниковъ и низшихъ техническихъ школъ, а также для городскихъ училищъ и двухклассныхъ сельскихъ школъ.

— Брошюру профессора Императорскаго Кавказскаго университета *И. М. Дюваль*: „Предѣлы челоѳической жизни... Казань. 1891. Стр. 46. Цѣна 30 коп.“—допустить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Пастольная книга для народа. Въ четырехъ отдѣлахъ. Отдѣлъ I—Календарь православной церкви. Отдѣлы II—Исторія всемірная и русская. Отдѣлъ III—Географія всеобщая и русская. Отдѣлъ IV—Міръ Божій. С.-Пб. 1891. Стр. VII+204+150+V+257+91. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для всѣхъ возрастовъ) библиотекъ гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, и для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также и для раздачи въ награду ученикамъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Элементарный курсъ теоріи словесности. *В. А. Жковлева*. С.-Пб. 1892. Стр. 92. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при разборѣ литературныхъ образцовъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „Азбука, составленная комиссіею учителей Екатеринбургскаго уѣзда. Изд. 3-е. Екатеринбургъ. 1891. Цѣна 8 коп.“ 2) „Нѣсколько объяснительныхъ словъ къ Азбукѣ, составленной комиссіею учителей Екатеринбургскаго уѣзда. М. 1884.“—допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а вторую—въ учительскіи библиотеки.

— Книгу: „Сборникъ устныхъ и письменныхъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ учитель *И. Впольшовъ*. М. 1891. Въ 8 д. л., 172 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Составилъ *С. Рачинскій*. М. 1892. Въ 8 д. л., 78 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ, какъ пособіе для 3-го года обученія, съ тѣмъ,

чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранины указанные ученымъ комитетомъ недостатки.

-- Книгу: „Аленькой цвѣточекъ. Сказка *Сергѣя Тимофеевича Аксенова*. Изданіе 3-е, С.-Пб. Комитета грамотности. С.-Пб. 1891. Въ 12 д. л., 43 стр. Цѣна 5 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа 23-го октября 1891 года послѣдовало открытіе двухкласснаго мужскаго и однокласснаго женскаго сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія при Богородско-Глуховской мануфактурѣ, Московской губерніи, при 323 учащихся въ первомъ и 140 учащихся въ послѣднемъ училищѣ.

— По донесенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа 21-го ноября 1891 года послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ г. Александровскѣ-Грушевскѣ, Донской области, при 186 учащихся.

ИПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1891 годъ, въ отдѣлѣ „Правительственныя распоряженія“, на стр. 34, строка 3-я сверху, въ заглавіи книги *А. Гобзана*, вмѣсто „Изданіе VI“ слѣдуетъ читать „Изданіе IV“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ВЪ СВЯЗИ СЪ РЕФОРМОЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Результаты реформы.

§ 38. Возстановленіе бюджета. Окладной и дѣйствительный приходъ бюджета за 1720—1724 гг. Результатъ введенія подушной подати. Сравненіе бюджетовъ 1680, 1701 и 1724 гг. Расходы 1719—1723 года. Распределеніе подушной. Расходъ 1724 года. Окончательный результатъ податной реформы въ бюджетъ¹⁾ 1725 года. § 39. Результаты административной реформы. Неопредѣленность взаимныхъ отношеній высшихъ государственныхъ учрежденій. Проекты реформы. Партильная реформа высшихъ учрежденій послѣ смерти Петра. Незаконченность устройства коллегій. Необходимость переустройства камерныхъ учрежденій по проекту Кохиуса. Недостатки камерной организаціи провинцій; разрушеніе этой организаціи мѣрами верховнаго совѣта. Сочетаніе стараго и новаго порядка въ воеводскомъ наказѣ 1728 года. § 40. Результаты податной реформы. Возраженія противъ формы и размѣра подушной подати, противъ способа ея взиманія непосредственно полковымъ начальствомъ. Отказъ отъ петровской расквартировки арміи по уѣздамъ; вопреку оубынкѣ подушнаго оклада въ комиссіи Голлицина. Реакція противъ регламной политики петровскаго времени; критика мѣднаго кредита, планъ и неудачная попытка выкупа мѣдной монеты. Отказъ отъ солиной и табачной реглам. Заключение.

Уже изъ предъидущей главы можно видѣть, что предпринятая въ 1718 г. реформа едва успѣла осуществиться къ моменту смерти Петра Великаго; такимъ образомъ, ея результаты не имѣли времени обнаружиться въ предѣлахъ его царствованія. Изученію этихъ результатовъ за предѣлами царствованія Петра могло бы составить особую тему, не менѣе обильную матеріаломъ и еще менѣе подготовленную существующей литературой, чѣмъ тема настоящаго послѣдованія. Не задаваясь такой темой, мы должны отмѣтить, однако, тѣ результаты реформы, которые успѣли обнаружиться немедленно по ея введеніи и тѣ главныя измѣненія, которымъ подверглась эта реформа непосред-

---

¹⁾ Окончаніе: См. январскую книгу *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1892 г.

ственно послѣ смерти реформатора. Мы увидимъ, какъ тѣсно эти измѣненія связаны съ самой реформой, какъ необходимо вытекали они изъ поставленныхъ, но не разрѣшенныхъ ею вопросовъ; вмѣстѣ съ этимъ выдѣлятся также необходимая связь настоящей главы съ предыдущимъ изслѣдованіемъ, естественнымъ завершеніемъ котораго она является.

§ 38. Самымъ важнымъ для нашей темы результатомъ коллежской реформы было восстановление дѣятельности государственнаго контроля. Съ 1711 года, какъ мы видѣли, прекратилась регулярная дѣятельность Ближней канцеляріи, а вмѣстѣ съ этимъ прекратилось и правильное составленіе государственныхъ росписей. Ни сенатской канцеляріи, ни комиссіи кн. Вахбольскаго, ни даже самой Ближней канцеляріи въ петербургскій періодъ ея существованія (1714—1718) не удалось восстановить правильнаго хода отчетности при новой системѣ государственнаго хозяйства по губерніямъ. Составленіе общаго государственнаго бюджета сдѣлалось возможнымъ только послѣ реставраціи центральныхъ финансовыхъ учрежденій. Данныя 1720 года были уже несомнѣнно сведены въ общую таблицу камеръ-коллегіей: вѣроятно, это была первая изъ ея таблицъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ этомъ году коллегія не успѣла вступить въ управленіе „новымъ манеромъ“. Извлеченія („перечневныя вѣдомости“) изъ общей таблицы поданы были коллегіей въ сенатъ въ августѣ 1722 года ¹⁾: надо думать, что тогда же, то-есть не раньше 1722 года и сама коллегія составила эту таблицу 1720 года ²⁾. Послѣ подачи вѣдомостей Петръ велѣлъ (10-го мая 1723) сдѣлать новыя опредѣленія окладовъ различныхъ податей на основаніи средняго сбора ³⁾. Къ сожалѣнію, изъ таблицы 1720 г. остается неизвѣстной та часть ея, которая касалась прямыхъ налоговъ; такъ какъ въ 1723 г. замѣна всѣхъ прямыхъ налоговъ однимъ подушнымъ была уже дѣломъ рѣшеннымъ, то сенатъ и не имѣлъ надобности въ своихъ соображеніяхъ руководиться окладами или поступленіемъ старыхъ прямыхъ налоговъ ⁴⁾. Тотъ же

¹⁾ И. С. З. № 4220: здѣсь помѣщено дальнѣйшее извлеченіе изъ перечневныхъ вѣдомостей, поданныхъ въ сенатъ.

²⁾ Выше, стр. 600.

³⁾ И. С. З. № 4220, 4222.

⁴⁾ Въ таблицѣ, напечатанную въ № 4220, помани однако нѣкоторые налоги, отмененные въ 1724 г., именно: съ подъячыхъ, церковниковъ и причетниковъ—Козловскаго оклада (то-есть, на поляхъ Козлова)—47.084 р. (въ № 4648: 40.254); съ поповъ и дяконовъ за драгунскихъ лошадей—18.850 р. (27.584); съ крестьянъ

пробѣлъ повторяется и въ позднѣйшихъ извѣстныхъ намъ росписяхъ 1723 и 1724 года; въ послѣдней уже введенъ взаимнѣ прежнихъ прямихъ налоговъ подушный окладъ ¹⁾).

Группировку свѣдѣній о бюджетѣ послѣднихъ лѣтъ Петра мы и начнемъ съ сопоставленія данныхъ этихъ трехъ росписей 1720, 1723 и 1724 гг. Приводимыя ниже цифры представляютъ оклады (а не дѣйствительныя поступленія) различныхъ податей. Распределеніе податей на группы принято иное, чѣмъ въ источникахъ.

I. Косвенныя налоги и акцизы.	1720.	1723.	1724.
1. Таможенные (внутр. и портовые).	871.773 *)	869.685	1.011.689 (932.722)
2. Кабачки	863.686 *)	1.521.377	951.740 (973.293)
1—2. Тѣ и другіе вмѣстѣ .	376.731	—	—
3. Съ млейменья кубовъ .	12.773	18.677	14.431 (14.432)
4. Табачныя (и трубачныя)	26.819	41.463	42.514 (42.518)
Итого ⁴⁾ .	2.153.782	2.446.102	2.023.374 (2.012.960)

яскихъ (26.609) и мншихъ чиновъ (разночиновцевъ — 40.293), съ бань — около 40 тысячъ и съ вчелъ и бортиныхъ угодьевъ 35.414 р. (29.111). Объ отивѣй ихъ см. П. С. З. №№ 4548, 4583, 4618. Ср. прилож. IV. Цвѣры въ скобкахъ по ставленю по П. С. З. № 4548.

¹⁾ Табелъ окладовъ 1723 г. напечатана въ *Johann Joseph Haigold's* (Шлецеръ) *Beilagen zum unveränderten Russland*. 1770. II Theil, 217—219, по ерицудскому переводу: *Etat des revenus, que perçoit la Chambre des Finances, suivant le tarif de l'année 1723*. Табелъ окладовъ и поступленій 1721 г. по документу государственнаго архива имъ печатанъ въ приложеніи IV. Въ скобкахъ прибавлены оклады, поиманные въ П. С. З. № 4548. Въ Сборникъ Р. Ист. Общ. т. XI, помещенъ при доиссннхъ Кампредона записка о русскихъ еннансахъ (*Mémoire concernant les revenus du Czar dans toute l'étendue de ses états*): здѣсь также находимъ предположительный бюджетъ Россіи за 1722 годъ, но совершенно фантастическій. Авторъ „нашелъ средство добыть роспись доходовъ“ изъ намеръ-поллегии; приводимая имъ, эта роспись оказывается табелью губернскихъ окладовъ 1710 года съ нѣкоторыми позднѣйшими измѣненіями; общія сумма по табели показана 3.254. 637 р. Но авторъ, нѣротно, слышнлъ, что общія цвѣра государственныхъ доходовъ гораздо значительнѣе трехъ милліоновъ; онъ собралъ также свѣдѣнія о разнѣрахъ отдѣльныхъ сборовъ и приложилъ ихъ къ 3.254.637 р., не подозрѣвая, что они уже заключаются въ этой цвѣрѣ. Такииъ образомъ онъ получилъ итогъ 7.829.836 рублей общаго дохода. Вообще, этой запиской надо пользоваться очень осторожно; рядомъ съ извѣстіями любопытными находимъ здѣсь немало ошибокъ и неточностей.

²⁾ Въ томъ числѣ 218.908 р.—*дѣйствительный* сборъ 1720 г., безъ оклада по вновь завоеванныхъ мѣстностяхъ (С.-Нб., Котляинъ, Шлассельбургъ, Ряская и Ревельская губ., Нарвская пров., Выборгъ и Або).

³⁾ Въ томъ числѣ 218.908 р. въ завоеванныхъ мѣстностяхъ.

⁴⁾ Эти подати въ источникахъ обыкновенно составляютъ особую группу.

5. Конскія пошлнны съ продажи .	21.746	41.277	40.861	(40.841)
6. Съ клейменія хомутовъ .	1.825	8.096	8.086	(8.086)
7. Съ мостовъ и перевозовъ .	10.191	42.358	42.628 ¹⁾	(42.594)
5—7. Тѣ же вѣстѣ .	40.464	—	—	—
8. Привальныя и отвальныя .	20.545 ²⁾	12.144	12.776	(12.776)
9. Съ вѣсннхъ товаровъ . . .	3.474 ³⁾	955	887	(887)

Итого косв. налоги и акцизы. 2.252.027   2.550.932   2.128.622 (2.118.154)

II. Оброки и откусы государственныхъ имуществъ.

1. Съ дворцовыхъ волостей	94.491? ⁴⁾	94.491	94.491	(94.491)
2. Съ рыбныхъ ловель .	89.093	87.595	89.197	(89.197)
3. Съ оброчн. земель и стѣн. покос.	18.812	44.183 ⁵⁾	26.616	(26.264)
4. Съ ледокола и водоноя .	3.849	3.829	3.754 ⁶⁾	(3.777)
5. Съ откупныхъ статей надзачи	4.915	—	—	—
6. Съ продажи слотнымъ и кожъ	11.333	3.908	3.906	(3.906)
7. Съ откупныхъ лавокъ, дер. и двор.	2.512	(ише)	1.501	(1.504)
8. Съ продажи виногр., чихаря и овоцъ.	—	313	313	(313)
	225.006	234.314	219.780	(219.452)

III. Промышленно сборм.

1. Съ торговыхъ банъ .	1.390	8.637	8.818	(8.811)
2. Съ разпочинцевыхъ банъ .	71.792 ⁷⁾	29.820	25.141	(40.293)
3. Съ мельницъ .	71.704	72.980	73.882	(73.261)
4. Съ постоялыхъ дворовъ .	} 20.433	6.613	6.669	(6.684)
5. Съ лавокъ, полокъ, кузницъ .		46.520	47.345	(47.344)
6. Съ найма ввозчинокъ 10-й доли .	12.240	29.871	29.927	(29.927)
9. Съ разныхъ промисловъ ⁸⁾	—	5.036	4.982	(6.183)
8. Съ ирѣзанныхъ въ Москву возовъ .	—	58.018	58.018	(58.018)
	177.559	256.995	254.782	(270.521)

IV. Пошлнны.

1. Съ дѣлъ .	25.704	46.490	33.249 ⁹⁾	(44.941)
2. Съ письма крѣпостей .	35.598	44.787	45.440 ⁹⁾	(45.438)
3. Печатными	12.789	21.832	21.818 ¹⁰⁾	(21.832)

¹⁾ Сюда присоединенъ сборъ съ С.-Иб. партикулярной веревъ (прил. IV). То же и въ скобкахъ.

²⁾ Въ 1720 г. сюда присоединены сборы съ плавныхъ судовъ и съ дровъ.

³⁾ Въ 1720 г. сюда присоединены поземельныя и поштрыя.

⁴⁾ Въ таблицѣ не показана.

⁵⁾ Сюда присоединены также остатки доходовъ архіерейскихъ домовъ (около 2 тысячъ) и съ отписныхъ лавокъ, деревень и дворовъ (около 2 тыс.).

⁶⁾ Въ этой цифрѣ еще включенъ сборъ съ крестьянскихъ банъ, отписный позвѣтъ.

⁷⁾ Мы соединили здѣсь сборы подъ №№ 23—24, 28—31, 33—35. (Прил. IV).

⁸⁾ Въ этотъ итогъ приняты II № 38 и VI, №№ 12—15. Приложенія IV.

⁹⁾ Здѣсь сложены II, № 42 и VI, №№ 16—17 (прилож. IV).

¹⁰⁾ Здѣсь сложены II, № 41 и VI. №№ 10—11.

4. Гербовая бумага.	16.355	17.135	17.135	(17.184)
5. Съ неуказаного платья и бородъ	2.149	1.939	2.149	(2.149)
6. Канцелярскія мелочница.	58.152 ¹⁾	29.923	30.274	(30.274)
	150.747	162.106	160.065	(161.768)

V. Регалии.

1. Съ соли.	662.118 ²⁾	662.118	662.118	(662.118)
2. Съ денежныхъ дворовъ.	216.808	216.808	216.808	(216.808)
3. Почтовый доходъ . . .	10.997 ³⁾	16.261	16.261	(16.261)
	889.923	895.187	895.187	(895.187)

VI. Прямые сборы ⁴⁾.

1. Съ татаръ, самоѣдовъ и лопарей лесныхъ . . .	24.826 ⁵⁾	57.042 ⁶⁾	56.969	(56.968)
2. Съ казанскихъ татаръ вѣдомства Кудрявцева . . .	—	—	59.444	
	24.826	57.042	116.413	

VII. Сборы разныхъ учрежденій и областей, не распределенные на рубрики.

1. Малороссійской коллегіи ⁷⁾	45.527	85.854	133.300	
2. Монастыр. и патриаршихъ прик. (синодальнаго вѣдомства ⁸⁾).	31.075	42.924	83.218	(83.257)

¹⁾ Въ эту цѣну введены, однако, выручка за продажу плодовъ и овощей, а также другіе мелочные неросписные всякіе сборы.

²⁾ Окладъ въ 1720 г. не вводитъ въ табель и, несомнѣнно, въ этомъ разрядѣ онъ установленъ не ранѣе 1722 г. См. ниже.

³⁾ Показанъ въ Рижской и Ревельской губ. и въ Нарвской провинціи.

⁴⁾ Объ отнѣсныхъ прямыхъ сборахъ см. ниже, стр. 268—269.

⁵⁾ Здѣсь эта цѣна стоитъ подъ рубрикой: съ мурзь и татаръ и съ однодворцевъ вѣсто олужбы.

⁶⁾ Эта цѣна составлена изъ: 1. Tribut des Tatars dans des provinces d'Oufa—6.728. 2.—des Tatars dans le gouvernement d'Astrakan—331. 3.—des Lapons et Samoïèdes dans le gouvt d'Archangel. 300. 3.—des Tatars en Siberie.

⁷⁾ Показанъ действительный сборъ; притомъ недостающая цѣна табели 1720 г. зачтена доходомъ, показаннымъ для 1722 г. въ *Beilagen Haigold's* II, 427. Для 1724 г. этотъ источникъ показываетъ 141.342 и хлеба 40.693 четв. По подробнымъ вѣдомостямъ, поданнымъ изъ Малороссійской коллегіи въ верховный совѣтъ, доходъ коллегіи 1724 г. показанъ 114.495 р. (въ томъ числѣ „прежде сего не сбавлялось“ 42.366 р.) и пропущена 80.872 четверта. Сб. И. Общ., т. LXIII, стр. 486—507. Ср. объ этомъ увеличеніи *Башкиры-Камскіе*, Ист. малой Россіи, III, 165 (М. 1830).

⁸⁾ Здѣсь соединены для 1720 г. съ церковн. данными и съ вѣчныхъ платежей, остаточные въ архіер. домахъ, оброчныя и за приказничьи доходы; для 1728 г.: taxes sur les terrains appartenants aux Eglises.—22.053. Permissions de

3. Новозавоеванныхъ мѣстностей канцелярскіе, оброчные, контрибутивные сборы	64.056	87.036	59.530	(87.032)
	140.657	215.813	276.048	
Всего	3.860.744	4.372.889	4.040.897	
VIII. Цалогъ, отпущенные поздне:	111.348			
	4.002.092			

Теперь припомнимъ, что въ составѣ перечисленныхъ сборовъ нѣтъ дѣлаго отдѣла прямыхъ налоговъ. Составъ этого отдѣла намъ хорошо извѣстенъ: это тѣ самыя драгуновскія, корабельныя, подводныя, рекрутныя и т. д., возмнкновеніе и разнѣры которыхъ мы не разъ виѣли случай наблюдать выше. Появившисъ быстро втеченіе войны, этотъ новый слой совершенно оттѣснилъ старыя прямыя подати конца XVII в., стрѣлцкія, ясскія и полонянничныя, и уже самъ успѣлъ превратиться въ „табельные новсагодные платежи“. Рядомъ съ этими постоянными платежами та же война вызывала поавленіе и другихъ спеціальныхъ сборовъ,—на провіантъ, фуражъ, городовое строеніе и т. д.,—и менѣе опредѣленныхъ разнѣрахъ, колебавшихся изъ году въ годъ; этотъ второй рядъ прямыхъ податей сталъ рядомъ съ первымъ подъ старымъ названіемъ „запросныхъ“. Границу между „новсагодными“ и „запросными“ платежами не всегда легко провести, такъ какъ съ теченіемъ времени тотъ же сборъ, напримѣръ, на городовое строеніе, могъ изъ временнаго стать постояннымъ и изъ измѣнчиваго—устойчивымъ въ своемъ разнѣрѣ. Общихъ цифръ оклада тѣхъ и другихъ сборовъ мы, къ сожалѣнію, не нашли въ официальныхъ источникахъ, но на этотъ разъ насъ выручаетъ записка о финансахъ Россіи, изданная вмѣстѣ съ донесеніями Кампредона. Несомнѣнно, всю сумму табельныхъ прямыхъ налоговъ эта записка соединяетъ подъ названіемъ „*capitation proportionnelle*“: общій имъ репартиціонный характеръ и взиманіе ихъ въ круглой цифрѣ съ двора давало для этого достаточное основаніе. Такнхъ налоговъ, по свѣдѣніямъ автора, должно было поступать „около милліона“ (то-есть, очевидно, по окладу), а „въ этомъ году, по причинѣ всеобщаго разоревія крестьянъ, не получено и 600.000 р.“. Послѣднее показаніе, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно вѣрно по отношенію къ 1721 г. и немногю не точно по отношенію къ 1722—1723 гг. Что касается

marriage.—19.770 и *revenus de certaines terres appartenantes cy-devant aux Patriarches.*—1.102. Для 1724: съ вѣчныхъ памятей и сборы въ канцеляріяхъ, подьядмствственныхъ снудку (см. прилож. IV). Изъ данныхъ 1724 мы не внесли въ таблицу прихода СПВ. магистрата 512, и СПВ. и Москов. полицеймейстерскихъ конторъ 2.025 р.

„запросных“ денег, авторъ знаетъ ихъ подъ этимъ самымъ названіемъ (tscharposnie dengui) и приводитъ какъ списокъ ихъ размѣровъ на одинъ дворъ, такъ и общую сумму 778.533 р. ¹⁾ Такимъ образомъ, прямые налоги табельные и запросные доходили до 1.778.533 р.

Итакъ, общій окладной приходъ государства составлялъ 5.780.625 р. въ 1720 г., 6.150.922 р. въ 1723 г. и 5.819.430 р. въ 1724 г. Къ счастью, мы имѣемъ за 1720—1723 гг. и цифры дѣйствительныхъ поступлений ²⁾. Въ этихъ цифрахъ не приложенъ только доходъ съ соли, такъ что первая рубрика (а) текущихъ поступлений соответствуетъ по нашимъ окладамъ — окладной цифрѣ 3.339.974 р. для 1720 г. и 3.710.271 р. для 1723 года, Второй рубрикѣ (b) соответствуетъ предположенный выше окладъ въ 1 миллионъ рублей, а третьей (с) — показанный у Камаредона же окладъ 778.533 руб. Дѣйствительныя поступления въ 1720—1723 годахъ были слѣдующія:

	1720.	1721.	1722.	1723.
I. Остатокъ отъ предыдущаго года	1.017.395 ³⁾	1.960.073	?	866.095
II. 1. Изъ донесен на прошлые годы	808.433	739.400	966.480	1.147.396
2. Приходъ текущаго года:				
а) Таможенныя, кабацкія, канцелярскія и оброчныя, кромѣ десятой деньги и двороваго чинсла (то-есть, прямаго обложенія) и на денежныхъ дворахъ и въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ.	3.249.924	3.303.083 ⁴⁾	2.924.003	2.838.330

¹⁾ Сб. И. Общ., т. XL, 438—439. На дворъ, по его списку, относимому имъ къ 1716 г., приходится: 1. На истерб. и рижскій магазинъ—57 коп. 2. На принасъ къ ревельскому адмиралтейству—25 коп. 3. На содержаніе работника (по 1 съ 100 дворовъ)—3 коп. 4. На содержаніе плотника (по 1 съ 5 00 дв.)—1 коп. 5. Гривенный сборъ на содержаніе ландригтовъ—10 коп. Всего 96 коп.

²⁾ Арх. инв. юстиціи. Для камеръ-коллегии, вѣка 30-я, ведомости отправлены въ канцелярію князя Дм. Мих. Голицына въ 1729 г. (см. объ этой канцеляріи выше).

³⁾ То же и по П. С. З. № 4220.

⁴⁾ И 52 пуда сениковъ.

б) Съ купечества и крестьянства та- бельныхъ и повся- годныхъ	793.131	572.555	654.516	637.691
с) Запросныхъ.	862.193	832.821	687.337	630.121
Итого текущій приходъ	4.905.248	4.708.459	4.265.856	4.106.142
з. Въ счетъ буду- щихъ лѣтъ ¹⁾	124.339	37.858	1.220	90.044
Всего наличный го- довой сборъ.	5.838.020	5.485.717	5.233.556	5.343.582
А съ остаточными въ приходъ.	6.855.415	7.445.790	5.233.556	6.209.678

Къ этимъ цифрамъ для полноты надо присоединить итоги соляного дохода. Выше мы видѣли, что окладъ солянаго сбора опредѣленъ былъ въ 1723—1724 гг. въ 662.118 р.; теперь прибавимъ, что эта цифра выведена была изъ средняго сбора трехъ лѣтъ, 1719—1721 гг., именно ²⁾).

¹⁾ За 1720—1722 гг.—откупныя; въ 1723 г.—сборъ на провантъ и оуражъ вчетъ подушнаго сбора.

²⁾ Госуд. арх. Каб. д. кн. Ж 94, л. 414—421 г.: всего государства въ губерніяхъ и провинціяхъ соляной оуки съ 1719 по 1723 годъ прибыльныхъ и пошлинныхъ денегъ въ сборъ, окромѣ пошлинныхъ:

	1719 г.	1720 г.	1721 г.	1722 г.
По подлиннымъ сборамъ няганъ прибыльныхъ и убавочныхъ	534.972	577.894	654.837	160.005
Пошлинъ таможенныхъ .	35.146	35.697	38.801	10.930
Трехденешныхъ.	5.925	5.517	4.505	1.727
Итого	575.443	618.608	698.143	172.662
Да изъ которыхъ нѣтъ головъ въ отчету не бывали, и разортовъ многихъ нѣсцовъ не приславо, и въ тѣхъ—противъ сборовъ настоящихъ годовъ тѣхъ городовъ:				
Прибыльныхъ и убавочныхъ .	6.146	36.737	30.712	508.800
Пошлинъ таможенныхъ .	464	881	1.344	26.874
Трехденешныхъ .	69	110	114	3.980
Всего	582.122	655.972	780.318	712.316
Да изъ Сибирской губерніи сборъ	5.425	3.589	4.871	1.059
Итого всей прибыли	587.547	659.541	735.184	713.375
Черезчуръ нѣжкіи сборъ 1719 г. объясняется отчасти тѣмъ, что въ Вахнутѣ				

1719.	1720.	1721.	Итого.	Треть.
687.547	659.541	735.184	1.982.272	660.757
Да въ Нарвской пров. сборъ 1720 г. въ Нарвѣ и Дерптѣ				1.026
Въ Выборгской провинціи сборъ 1719 г.				335
Итого треть				662.118

Доходъ слѣдующихъ годовъ 1722—1724 г. былъ ¹⁾:

1722.	1723.	1724.
713.375	696.671	606.884—618.957

Принимая въ расчетъ эти цифры прихода соляной суммы, мы получимъ слѣдующіе общіе итоги государственнаго прихода 1720—1723 гг.:

	1720 г.	1721 г.	1722 г.	1723 г.
Окладъ	5.780.625?	?	?	6.150.922
Наличный годовоіи сборъ ²⁾ .	6.498.922	6.222.262	5.948.292	6.041.614
Остатки предыдущ. лѣтъ	1.017.395	1.960.073	„ (?)	866.095
Итого приходъ.	7.516.317	8.182.335	5.948.292(?)	6.907.709

Низъ въ распоряженіи всѣ эти цифры, мы можемъ исполнѣ отчетливо представить себѣ результаты введенія подушной подати для государственнаго бюджета. Со введеніемъ подушной подати окладъ прямыхъ налоговъ уменьшился на 1.778.533 р. — принятую нами цифру табельныхъ повсегоднихъ и запросныхъ, и увеличился на 4.614.638 р. — новый окладъ подушной подати; слѣдствительно, всего онъ увеличился на 2.836.105 р. Правда, одновременно съ началомъ взиманія подушной подати, въ 1724 г. понизились нѣсколько оклады другихъ сбо-

„въ моровымъ повѣтріемъ“ сбора въ этомъ году не было (въ 1720 г. собрано 23.117 р.). Цѣна 1723 г., какъ видно изъ ея составныхъ частей, въ значительной степени—предположительная. Цѣна сбора за 1724—1726 гг., см. въ Сб. Ист. Общ. LXXIX, 919—920.

¹⁾ Госуд. арх. Кав. кн. № 68, л. 36—38; видѣнъ показанъ и налоговой сборъ, и его распределеніе на части:

	Прибыл.	Убав.	3-хъ ден.	Итого.	Истинн.	Тамож.	Итого.	Всего.
1723.	684.499	17.415	6.629	658.543	507.785	38.128	545.913	1.204.456
1724.	378.551	3.296	969	582.816	513.699	36.142	549.841	1.192.657

Въ текстѣ „таможенныя“ введены въ сумму прихода, такъ какъ они приняты, какъ видно изъ предыдущаго примечанія, и въ окладъ солянаго сбора. Цѣна 606.884 р. для 1724 г. показана въ росписи, напечатанной въ приложеніи IV.

²⁾ Къ соляному сбору каждаго года приложень сборъ въ Нарвѣ, Дерптѣ и Выборгѣ 1.361 р. (см. выше).

ровъ, преимущественно косвенныхъ (около 400.000, см. выше) ¹⁾; но и съ этой пониженной цифрой другихъ налоговъ общій окладъ, включая подушную подать, составляетъ 8.655.535 р. (по итогу прилож. IV—8.467.098 р.). Такимъ образомъ, можно заключить, что, въ круглыхъ цифрахъ, съ введеніемъ подушной—окладной доходъ государства увеличился съ 6 милліоновъ до 8¹/₂. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась, конечно, и дѣйствительныя поступления. Изъ приложенія IV видны размѣры поступленій отдѣльныхъ налоговъ; здѣсь мы сводимъ отдѣльныя цифры въ общія рубрики, соответствующія принятымъ выше. (Въ скобкахъ показанъ окладъ).

	Приходъ 1724 г.	Изъ донника.	Итого.
1. Прямые налоги (4.671.607 ²⁾)	3.294.826	43.852	3.338.678
2. Косвенные налоги (2.128.622).	1.754.405	450.638	2.205.043
3. Промысловые сборы (254.782 ³⁾).	92.887	72.374	165.261
4. Оброки и откупы государств. имуществ. (219.780).	94.466	133.616	228.082
5. Регалии (895.187).	1.037.911	„	1.037.911
6. Пошлины (150.065)	140.986	11.262	152.248
7. Оклады, не распределенные по рубрикамъ (147.073 ⁴⁾).	122.946	91.822	214.768
Итого окладной доходъ (8.467.116 ⁵⁾)	6.538.427	803.564 ⁶⁾	7.341.991

¹⁾ Вместо 4.372.389 р. (окладъ 1723 г. безъ табельныхъ в повсегоднихъ) въ 1724 г. мы получили для тѣхъ же самыхъ сборовъ окладъ 4.040.897 (по итогу прилож. IV, безъ подушныхъ—3.852.460 р.).

²⁾ Къ окладу подушной приложенъ окладъ ясака (см. выше). Слѣдовало бы ввести и 59.444 р. ясака съ казанскихъ татаръ, но мы не знаемъ дѣйствительнаго поступленія по этому окладу.

³⁾ Мы считали болѣе удобнымъ выдѣлить промысловые сборы въ особую группу въ виду того, что въ податной системѣ того времени они стоятъ ближе къ эксплуатациіи оброчныхъ статей, чѣмъ къ прямому обложенію. До петровскаго времени эта тѣсная связь съ оброками дѣлаетъ даже невозможнымъ выдѣленіе ихъ въ особую рубрику: изъ списка отдѣльныхъ сборовъ, помѣщенныхъ нами въ эту категорію, не трудно убѣдиться, что большая часть ихъ создана при Петрѣ (въ відомствѣ Имперской канцеляріи).

⁴⁾ Сюда введены изъ приложенія IV, II, №№ 10, 25, 37, 45; VI, №№ 4, 6—7, 18.

⁵⁾ Итогъ окладнаго прихода въ приложеніи IV ошибочно показанъ на 18 единицъ ниже.

⁶⁾ Итогъ донничныхъ долженъ быть нѣсколько выше, а итогъ текущихъ поступленій на ту же сумму ниже, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ донника не выдѣлена изъ текущихъ поступленій.

8. Разныя поступления безъ окладовъ	830.442 ¹⁾
	8.172.433
9. Остатокъ отъ 1723 г.	2.183.164
Всего	10.355.597

Итакъ, съ возвышеніемъ оклада отъ 6 до 8^{1/2} милліоновъ, и годичное поступленіе сборовъ увеличивается съ 6 милліоновъ до 8, не считая остатковъ. Любопытно сравнить только-что полученныя цифры и пропорція послѣдней государственной росписи петровскаго царствованія съ росписями 1680 и 1701 годовъ, рассмотрѣнными въ первой и второй главахъ нашего изслѣдованія. Всѣ три росписи раздѣлены другъ отъ друга почти одинаковыми промежутками времени; тѣмъ интереснѣе сопоставить перемѣны, произошедшія въ государственномъ хозяйствѣ Россіи въ послѣднее двадцатилѣтіе XVII вѣка и въ первое двадцатилѣтіе XVIII.

	1680.	1701.	1724.
I. Прямые налоги.			
1. Старые подворные.	390.259 (26,6%)	465.587 (16,8%)	"
2. Новый подушный	"	"	4.614.638 ²⁾ (54,1%)
3. Ясакъ	103.610 (7,1%)	118.650 (4%)	116.413 ³⁾ (1,4%)
	493.869 (33,7%)	584.237 (19,8%)	4.731.051 (55,5%)
II. 1. Промысловые сборы.			254.782
2. Оброки и откупы госуд. имуществъ.	146.150	130.183	219.780
	146.150 (10%)	130.183 (4,4%)	474.562 (5,6%)

¹⁾ Цифра, полученная вычитаніемъ предыдущей изъ общаго итога. Итоги самой росписи, напечатанныя въ приложеніи IV, не годятся для нашей цѣли, такъ какъ въ нихъ всѣ поступления сверхъ оклада выдѣлены въ особую сумму, а въ нашей таблицѣ значительная часть этихъ поступленій (именно тѣ, которые поступили хотя и сверхъ оклада, но по *окладнымъ* сборамъ) распределены по тѣмъ рубрикамъ, къ которымъ относятся. И цифра поступившей изъ домики, данная въ итогомъ приложенія IV (869.186), не можетъ быть сблизана съ нашей (803.564), такъ какъ въ значительной степени состоитъ изъ сборовъ, совсѣмъ не входящихъ въ окладъ (именно старыхъ сборовъ, отъѣмныхъ, но частью уже собранныхъ).

²⁾ Чтобы получить цифру прямого налога до введенія подушной подати, надо зачтуть 4.614.638 принятой выше цѣной повсегодичныхъ и запрошенныхъ сборовъ: 1.778.533 р.; тогда итогъ прямыхъ налоговъ будетъ 1.894.946 р. и общая сумма прихода 5.690.455 р.

³⁾ Прибавляемъ здѣсь сборъ съ казанскихъ татаръ; см. выше.

III. Косвенные налоги.	630.223 (44,4%)	1.196.974 (40,4%)	2.128.622 (24,9%)
IV. Регалия.			
1. Монетная операция.	40.000	791.728	216.808
2. Соляной доход.	"	"	662.118
3. Почтовый доход.	"	-	16.261
	40.000 (2,7%)	791.728 (26,8%)	895.187 (10,5%)
V. Пошлины	33.736 (2,3%)	118.689 (4%)	150.065 (1,8%)
VI. Сборы, не распределенные по рубрикам.	100.000 (6,8%)	134.944 (4,6%)	147.073 (1,7%)
Всего.	1.463.977	2.955.765	8.526.560

При оцѣнкѣ этихъ цифръ необходимо прежде всего принять въ расчетъ, что возрастаніе цѣнности государственнаго дохода не вполне соответствуетъ возрастанію его цифровой величины. Дѣло въ томъ, что за то же время, къ которому относятся эти данныя, рыночная стоимость рубля, какъ мы знаемъ, упала почти на половину: рубль конца XVII в. равнялся 17 нынѣшнимъ, а рубль первыхъ десятилѣтій XVIII в. только девяти. Къ 1701 году, можетъ быть, порча монеты еще и не успѣла оказать вліянія на цѣны; во всякомъ случаѣ, большая часть окладовъ бюджета этого года установлены въ предыдущее время. Но доходъ 1724 года, несомнѣнно, уже выраженъ въ рубляхъ половинной цѣны, и чтобы сравнить его съ 1680 и 1701 гг., необходимо умножить полученную цифру на $\frac{2}{17}$; такимъ образомъ въ старыхъ рубляхъ доходъ 1724 г. будетъ равняться всего 4.514.061 р. Выраженные въ рубляхъ нашего времени, цифры всѣхъ бюджетовъ составили бы:

1680 г.	24.887.609 р.
1701 г.	50.247.905 р. ¹⁾
1724 г.	76.739.040 р. ²⁾

Что касается составныхъ частей государственнаго дохода, главный тонъ переизмѣнамъ въ ихъ процентныхъ отношеніяхъ давало въ 1701 г. чрезвычайное увеличеніе регального дохода, именно, прибыли отъ монетной операціи. Въ 1724 г. абсолютная цифра этого дохода увеличивается благодаря соляной продажѣ, но процентное отношеніе его къ другимъ доходамъ падаетъ; и абсолютно и пропорціонально

¹⁾ Можетъ быть, эту цифру слѣдовало было получить умноженіемъ не на 17, а уже на меньшую цифру отношенія рубля 1701 г. къ нынѣшнему.

²⁾ Для времени, непосредственно предшествующему введенію подушной, можно принять цифру $5.690.455 \times 9 = 51.214.095$ р.

первое мѣсто въ бюджетѣ занимаетъ только что введенная подушная подать: теперь она превышаетъ половину всѣхъ поступлений, тогда какъ непосредственно передъ введеніемъ подушной статьи пріиме сборы не составляли и трети (31%) ихъ.

Переходимъ къ изученію расхода 1719—1724 годовъ. Главнымъ основаніемъ расхода продолжала служить известная намъ табель 1710 г. со всѣми послѣдующими дополненіями и прибавками. Какъ оклады отдѣльныхъ расходовъ, такъ и уплаты по нимъ до 1724 года видны будутъ изъ слѣдующей таблицы, составленной въ штатсъ-конторѣ; въ таблицу вошли всѣ уплаты, сдѣланныя по 1-е іюня 1725 года; но ней, слѣдовательно, не вполне можно судить о степени своевременности взносовъ ¹⁾.

	Окладъ.	Уплачено и велѣно отдать по ассигновкамъ.				
		1719.	1720.	1721.	1722.	1723.
1. На полки лейбъ-гвардіи (165.101)	165.101	165.101	165.101	165.101	165.101	165.101
2. Въ военную коллегію (1.896.965)	1.896.965	1.896.965	1.625.628	1.654.103	1.729.580 ²⁾	714.303
3. „ адмиралтейство. (592.741 —	592.741	—	—	—	—	—
	915.798 ³⁾	592.741	592.741	915.798	915.798	780.594
4. „ артиллерію (234.258)	234.258	234.258	234.258	234.258	234.258	216.180
5. „ иностр. коллегію (164.229 ⁴⁾	164.229	164.229	164.229	164.229	164.229	157.111
6. Дворцовые расходы (129.422 ⁴⁾	129.422	114.283	119.142	118.477	116.794	114.210
7. Въ медицинскую канцел. (43.502)	43.502	43.502	43.502	43.502	43.502	43.502
8. „ академію . . (22.459)	22.459	22.459	22.459	19.942	„	„
Итого (3.250.637 — 3.573.694 ⁵⁾	3.250.637	3.285.568	2.967.000	3.317.957	3.389.234	2.191.001
Въ недоникъ .	—	15.069	283.547	255.737	15.115	1.382.761

¹⁾ Госуд. арх. таб. д. кн. № 74, л. 639—642.

²⁾ И удержаны 184.609 р.; съ ними въ итогѣ этого года 3.558.618 (?), и въ недоникъ 15.145.

³⁾ По присланному указу сената 20-го ноября 1721 г. велѣно отнестись сверхъ таблицы на приближныя дачи съ 1721-го года во 523.057 р.⁴⁾

⁴⁾ Эта сумма составила изъ 1) оклада иностр. коллегіи 136.067 р. 2) На жалованье доминикъ казначикъ 17.142 р. 3) Готману и полицмейстеру 5.000 р. 4) Волостному господарю Каушериу — 6.000.

⁵⁾ Въ томъ числѣ: 1) Старый окладъ дворовой канцеляріи—61.132 р. 2) Императрица Екатерина Алексеевна—20.000 р. 3) Въ кабинетъ, вм. отпуска Ек. Ав. 6.750. 4) Блаж. памяти царицы Прасковьи Федоровны съ дареними на 4 комнаты по 4½ тысячи—18.000. 5) Царевичъ Марія Алексеевичъ—6.750. 6) Дворовыхъ и конюшеннаго чина людей царицы и царевны— 15.139 (на 1719 ничего не уплачено, на остальные — по 4—6 тысячъ). 7) Дома покойнаго Петра конюшенному чину — 1.651.

⁶⁾ Въ подлинной таблицѣ 3.250.706 — 3.573.704.

Несомнѣнно, перечисленными здѣсь рубриками не исчерпывались государственные расходы. Сюда не введены даже расходы на „городовое дѣло“, ставшіе, какъ мы видѣли, повсегодними и съ 1724 г. введенные въ табель. Здѣсь нѣтъ, дагѣе, расходовъ на центральную и губернскую администрацію. Наконецъ, и введенные въ этотъ списокъ оклады, хотя и значительно повышенные сравнительно съ табелью 1710 г., несомнѣнно, не исчерпывали *всѣхъ* расходовъ по этимъ самымъ рубрикамъ; мы уже привыкли радомъ съ расходами, введенными въ табель встрѣчать вновь прибавившіеся и не появившіе еще въ окладъ неокладные расходы. Мы уже знаемъ, что при расчетѣ величинъ новаго подушнаго налога расходъ на армію былъ опредѣленъ въ 3 милліона и на гарнизоны въ 1 милліонъ; сравнивая эти цифры съ 2 милліонами окладнаго расхода по первымъ двумъ рубрикамъ приводимой таблицы, мы должны будемъ заключить, что и до новой армейской табели производились значительные добавочные расходы на армію сверхъ оклада. Добавимъ, что и окладное содержаніе флота, увеличенное въ 1721 г. на 300 тысячъ (съ 600 до 900), въ 1724 году оказывается доведеннымъ до 1.200.000, то-есть, вторично увеличеннымъ на 300 тысячъ. По прежнимъ примѣрамъ мы можемъ безошибочно предположить, что всѣмъ подобнымъ увеличеніямъ оклада предшествуетъ накопленіе сверхъ-окладныхъ расходовъ. По цифрамъ бюджета 1720 — 1723 г.г., приведеннымъ выше (стр. 657), мы можемъ даже рассчитать общую величину неокладнаго государственнаго расхода до введенія подушной. Общій приходъ 1720 г. былъ 7.516.317 р., а къ 1721 г. остался остатокъ 1.960.073 р.; слѣдовательно, общій расходъ составлялъ 5.556.244 р. А такъ какъ окладная часть расхода въ этомъ году равнялась 2.967.090 р., то неокладной расходъ долженъ былъ составить не менѣе 2.589.154 р. ¹⁾ Точно также общій расходъ 1723 года былъ 6.907.709 — 2.183.164 = 4.724.545 р.; вычитая окладной расходъ этого года (2.191.001), получимъ для неокладнаго 2.533.544 р. ²⁾

¹⁾ Въ действительности значительно больше, такъ какъ 3.967.090 окладнаго расхода за 1720-й г. вносился вплоть до 1-го Іюня 1725 года, а втеченіе самаго 1720 г. навѣрное не была еще введена значительная часть этой суммы; на ту же сумму, на какую были менше 2.967.090 действительныя окладныя уплаты 1720 г., долженъ бы быть больше 2.589.154 неокладной расходъ.

²⁾ Мы пропускаемъ 1721—1722 г., такъ какъ не умремъ въ томъ, что отъ 1721 г. действительно не осталось къ 1722 году никакого остатка и что все

Такимъ образомъ, мы можемъ привѣсть, что въ послѣдніе годы передъ введеніемъ подушной подати государство расходовало всего около 5 милліоновъ и что около половины этой суммы употреблялось на покрытіе неокладнаго расхода. 1724-й годъ, какъ въ приходѣ, такъ и здѣсь, въ расходѣ, внесъ значительныя измѣненія, связанныя съ началомъ взиманія подушной. Поступленія новаго налога были направлены на покрытіе тѣхъ военныхъ расходовъ, на которые предназначались. Можно было бы ожидать, что и оклады военного расхода введены будутъ новыя. Но по нашимъ даннымъ оказывается, что въ 1724-мъ году военный окладъ оставался старымъ и, такимъ образомъ, новый налогъ еще не успѣлъ ко времени смерти Петра оказать всего того дѣйствія на бюджетъ, какое ему предстояло произвести. Главныя черты предстоящей перемѣны обозначились, однако, и въ этомъ году вполнѣ явственно. Весь расходъ на армію долженъ былъ покрываться изъ прямаго налога. Такимъ образомъ, сюда отнесены были слѣдующіе старыя и вновь прибавленные оклады:

На восьмигривенный сборъ: 1) въ военную колл. прежняго по табели 1712 г.	1.898.965
2) на гарнизонные полки ¹⁾	365.084
3) на гарнизонные полки, на провіантъ и фуражъ къ генералъ - провіантъ-мейстеру	362.519
На четырехгривенный сборъ съ госуд. крестьянъ: на полки лейбъ-гвардіи (жлоупые, мундиръ, аммуниція)	208.950
Изъ 1 р. 20 к. сбора (съ купечества) и изъ остаточныхъ четырехгривенныхъ ²⁾ : въ артиллерію	300.000
Итого	3.135.468

На всѣ остальные сборы, оставшіеся теперь свободными, прежде всего положенъ былъ расходъ на флотъ, въ размѣрѣ 1.200.000 р.;

его приходъ былъ спокоа нарасходованъ. Отсутствіе этого остатка въ 1722-мъ году понижаетъ цифру годоваго прихода и опять лишаетъ насъ возможности сдѣлать вѣрный расчетъ.

¹⁾ По табели 1712 г. оладное содержаніе гарнизонныхъ полковъ уже было включено въ предыдущую цифру въ суммѣ 340.033. См. выше.

²⁾ Указъ 9-го іюня 1724 г.

изъ нихъ же должны были удовлетворяться старше расходы, показанные выше подъ № 5—8 въ прежнихъ раздѣлахъ (всего 359.612), наконецъ, вводился въ таблицу расходъ „канцеларіи строеній“ — 200.000 р. и „въ академію вновь, въ которой бы учились языкамъ и прочему“ — 24.912 р. Общій итогъ этой части расходовъ составлялъ, такимъ образомъ, 1.784.524 р.; а съ положенными на подушный сборъ весь расходъ доходилъ до 4.919.992 р. ¹⁾.

По отчету штатсъ-конторы къ 1-му іюня 1725 г. за 1724-й годъ было въ дѣйствительности заплачено и разрѣшено уплатить 4.392.252 р.; слѣдовательно, недоплачена была, сравнительно съ обычнымъ ходомъ уплатъ, сравнительно ничтожная сумма. По экстракту, составленному въ 1726 г. и напечатанному въ прилож. IV, можно видѣть уплаты по отдѣльнымъ статьямъ: къ социальнѣю, иная рубрикація, а впрочемъ, кажется, и несходныя показанія не даютъ возможности сопоставлять цифры этого экстракта съ цифрами только что цитированнаго документа. По его даннымъ, окладнаго расхода было уплачено въ 1724 г.—5.209.358 р.: въ эту цифру вошли и въ некоторые окладные расходы, несомнѣнно не попавшіе въ отчетъ штатсъ-конторы 1725 г.: такъ, напримѣръ, въ ней показанъ расходъ 720.000 р. по винной продажѣ и 200.000 р. на администрацію. Затѣмъ, кромѣ окладныхъ, „экстрактъ“ включаетъ и неокладные расходы; общій итогъ ихъ, 1.033.889 р., свидѣтельствуетъ о сильномъ сокращеніи неокладнаго расхода сравнительно съ предыдущими годами: очевидно, здѣсь уже сказалось введеніе части его въ окладъ. Въ составѣ неокладнаго расхода отмѣтимъ одну крупную статью: уплата военной контрибуціи по Ништадтскому миру. Въ счетъ общаго суммы 2.000.000 р. было уплачено въ 1722 году 715.901 р. ²⁾; въ 1723 г.—312.181 р.; слѣдующій взносъ 229.018 р. сдѣланъ былъ уже по смерти Петра, въ 1725 г. ³⁾; такимъ образомъ, переводъ въ Швецію 250.000 р., внесенный въ нашу „экстрактъ“, вѣроятно, относится къ платежу предыдущаго года. По принятымъ нами рубрикамъ, дѣйствительный расходъ 1724 г. былъ слѣдующій:

¹⁾ Оклады 1724 г. и уплату по нимъ см. въ Госуд. арх. Каб. кв. № 74, л. 643—644, 645—646.

²⁾ Не этой ли уплатой объясняется исчезновеніе въ бюджетѣ 1722 года остатка отъ 1721 года?

³⁾ Арх. мин. юст. Дѣла камеръ-коллегіи, бумага 30, л. 118.

	Окладной.	Неокладной.	Итого.
1. Войско (и артиллерія)	3.051.625	89.263	3.140.888
2. Флотъ .	781.312		781.312
3. Казенн. имущества, товары и заводы ¹⁾ .	720.081	173.725	893.806
4. Администрація	202.660	692	203.352
5. Дипломатія	141.053	354.601	495.654
6. Обществ. постройки	132.197	160.173	292.370
7. Дворъ .	86.498	99.729	186.227
8. Духовенство и благотворительность	35.816	,	35.816
9. Медицина .	30.789	6.631	37.420
10. Школы и академіи	27.327		27.327
11. Разные расходы (особенно по 3 и 4 рубр.)	,	149.025	149.025
Итого	5.209.358	1.033.839	6.243.197

Изучивъ, такимъ образомъ, бюджетъ послѣдняго года царствованія Петра Великаго, мы могли бы на этомъ остановиться, еслибы насъ не заставляли перейти эту хронологическую грань два обстоятельства. Одно изъ нихъ мы уже упоминали выше: реформа прямаго налога не успѣла вполнѣ отразиться на бюджетѣ 1724 г.; вліяніе ея впервые обнаружилось въ полной мѣрѣ только на бюджетѣ 1725 г. Другое обстоятельство, которое побуждаетъ насъ остановиться еще на бюджетѣ послѣдняго (1725) года, — это очень хорошія свѣдѣнія, которыя мы о немъ имѣемъ ²⁾.

Во главѣ расхода поставлено, наконецъ, въ бюджетѣ 1725 года

¹⁾ Въ окладной расходъ внесены подъ этой рубрикой траты на поставку вина, въ неокладной: вкупку госуд. имущества, за слогу, поставку соли, на заводы и рыбные промыслы и т. д. См. прилож. IV.

²⁾ Уже Кирилловъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Цѣтущее состояніе Всероссийскаго государства“ и т. д. помѣстилъ таблицу пріхода и расхода 1725 года (II, 134—155); изъ этого сочиненія, тогда еще рукописнаго, заимствовалъ эту таблицу для своихъ расчетовъ, не всегда вѣрныхъ, и Гольицковъ (XIII, 675—705); ее же напечаталъ въ извлеченіи в *Шмидеръ* (Beulagen zum unveränderten Russland, II, 219: état de tous les revenus de la couronne et de leur emploi de l'année 1725). Важнымъ дополненіемъ къ этой таблицѣ служатъ документы Государ. архива, Каб. д. № 74, л. 685—698: извѣстность о положенныхъ мѣстахъ и коллегіяхъ и канцеляріяхъ, изъ какихъ доходовъ по указамъ изъ сената и по штату съ вѣнчанаго 1725 году наловашемъ и расходами опредѣлено содержать (2-го іюня 1725 г.). Тамъ же л. 743—746 объ окладѣ всего государства 1725 году.

содержаніе арміи и гарнизоновъ по табели 1720 года. Этотъ расходъ долженъ былъ покрываться изъ подушнаго сбора. По новому окладу въ 70 копѣекъ, окладъ этого сбора уменьшился съ 3.996.771 рубля до 3.780.729 рублей ¹⁾; между тѣмъ, табельный расходъ доходилъ по прежнему почти до 4 милліоновъ ²⁾. По соображеніямъ правительства, „тотъ недостатокъ можетъ пополниться отъ неполнаго комплекта людей“. По плакату 1724 года сборъ семигривеннаго оклада производился земскими комиссарами (на 1724 годъ полковниками и оберъ-офицерами), въ репертен не поступалъ и прямо обращался на содержаніе и продовольствіе мѣстныхъ расквартированныхъ войскъ. Другое назначеніе имѣла четырехгривенная оброчная подать (414.556 ³⁾). На этотъ сборъ содержалась гвардія (208.950) и артиллерія („остаточные“ 93.178 рублей), а на ту же подать съ однодворцевъ (Кіевской и Азовской губерній—117.627) — украинская ландмилиція ⁴⁾. Но въ 1726 году ⁵⁾ содержаніе гвардіи возложено на другой источникъ, болѣе близкій (слѣд. стр.), а 208.950 рублей четырехгривенной подати нѣсколько позже назначены временно „въ прибавку къ малороссійскимъ доходамъ“ на содержаніе нѣцоваго корпуса. Наконецъ, третій изъ подушныхъ сборовъ, по 1 рублю 20 копѣекъ (то-есть, подушная и оброчная) съ городскихъ жителей („купчества и разночинцевъ“) — 203.311 рублей ⁶⁾ — опредѣленъ былъ на содержаніе артиллеріи ⁷⁾. Оба послѣдніе сбора поступали, въ отличіе отъ пер-

¹⁾ Въ Каб. кн. № 74, л. 743 показана цѣна 3.786.951 рубль.

²⁾ Въ П. С. З. № 4513 на армію, гарнизоны, губернаторовъ и комендантовъ—3.992.179. У Кирилова 3.878.027 рублей.

³⁾ Эта цѣна показана выше, стр. 647; въ Каб. № 74, л. 743—746 показана, противъ сбора съ однодворцевъ, цѣна 296.953 (что даетъ вмѣстѣ съ однодворцами 414.580, т. е. почти ту же цифру); наконецъ, по цѣнамъ Кирилова, показаннымъ въ текстѣ, —419.715.

⁴⁾ По П. С. З. № 4513 на ландмилицію опредѣлено 95.364; по Кирилову—80.441 рубль. Гвардія по указу 12-го февраля 1724 (П. С. З. № 4472) должна была быть разложена на оба подушныя сбора Сибирской губерніи (80 копѣекъ и 40 копѣекъ); но по Каб. кн. № 74, л. 743—746 и по Кирилову она положена была на ~~четыре~~тридесяти въ Сибирской губерніи „и въ близлежахъ къ ней провинціяхъ“ (именно Казанской и Астраханской губерніяхъ).

⁵⁾ Указъ 7-го іюля. П. С. З. № 4752.

⁶⁾ Эта цѣна показана выше, стр. 647, и въ Каб. кн. № 74; — у Кирилова 206.862 р., что вмѣстѣ съ 93.138 рублями остаточныхъ четырехгривенныхъ и составляетъ ровно 300.000 рублей артиллерійскаго оклада.

⁷⁾ Въ инструкціи провіантмейстеру (20-го января 1724, П. С. З. № 4430) предполагалось еще, что „артиллерійскій и инженерный штатъ положены быть

ваго, въ рентереи, и отсюда уже направлялись на покрытие названных расходов, по распоряженіемъ сената и ассигновкамъ штатсконтопори. Такимъ образомъ, арміи, гарнизоны и артиллерія содержались изъ 4.404.842 рублей подушныхъ сборовъ ¹⁾. Самымъ значительнымъ расходомъ, помимо этихъ, оставалось содержаніе флота. Новый окладъ адмиралтейства опредѣленъ былъ съ 1725 года въ 1.400.000 рублей ²⁾. На покрытие этого расхода предназначались всѣ остальные государственные сборы сорока провинцій. Этихъ сборовъ считается въ 1725 году—1.799.377 рублей ³⁾. Такимъ образомъ за удовлетвореніемъ адмиралтейства оставалось изъ доходовъ этихъ провинцій 399.377 рублей. На этотъ свободный остатокъ и была положена гвардія, снятая съ подушнаго сбора,—въ окладѣ 206.082 рубля ⁴⁾.

Итакъ весь военный расходъ государства (на гвардію, армію, гар-

низуютъ на четырехгривенныя деньги⁴⁾; но уже 22-го мая издается опредѣленіе на артиллерію какъ оклада 300.000 рублей, такъ и точечника улаты—изъ подушнаго сбора, который положенъ на купечество, и изъ остаточныхъ четырехгривенныхъ, которыхъ положены на государственныя крестьянъ и остались за распоряженіемъ лейбъ-гвардіи⁴⁾ (П. С. З. № 4512). Каб. кн. № 74, л. 686—698 называетъ указъ 9-го іюля, довольно повторяющій распоряженіе 22-го мая; по тексту Каб. кн. № 74 мы и исправляемъ цитированный текстъ, испорченный въ П. С. З.

¹⁾ Т. е. 3.786.951 семигривенныхъ, 414.580 четырехгривенныхъ и 203.311 съ купечества. По циркуляръ Кириллова выйдетъ 4.407.305 рублей. Напомнимъ, что сюда же входить расходъ на губернаторовъ, вице-губернаторовъ и комендантовъ—по Кириллову 37.740 рублей; кромѣ того, слѣдуетъ прибавить сборъ по деньгѣ съ рубля подушной, на расходы по землеміру (содержаніе земнаго комиссара и его помощниковъ, ср. табель, прилож. къ инструкціи земскому комиссару П. С. З. № 4536)—21.125 рублей; всего 58.865 рублей на мѣстную администрацію. Такъ какъ послѣдняя цѣнера (21.125 рублей) не входитъ въ счетъ подушныхъ платежей, то съ нею будетъ подушныхъ (по Кириллову) 4.428.430 рублей. Кирилловъ прибавляетъ еще сборъ съ мурзъ и татаръ вѣдомства Кудрявцева—59.444 рубля и получаетъ общій итогъ подушныхъ—4.487.875 р.

²⁾ По указу 18-го марта 1725 (въ П. С. З. нѣтъ). У Кириллова въ счетъ этихъ 1.400.000 положенъ подушный сборъ съ казанскихъ татаръ вѣдомства Кудрявцева (59.444 рубля), такъ что остается 1.348.556 рублей.

³⁾ По даннымъ Каб. д. кн. № 74, л. 700; тамъ же л. 743—746 получается цѣнера 1.775.989, но, кажется, къ ней слѣдуетъ прибавить 21.397 руб. доходовъ Солданаго провинціи, о которыхъ параллельный списокъ л. 700—701 не упоминаетъ, а л. 743—746 упоминаетъ отдѣльно.

⁴⁾ 206.082 рубля у Кириллова есть опечатка Погодовскаго изданія. Въ табели Кириллова на гвардію прибавлено еще 37.999 рублей неопладнаго дохода. Составъ 209.082 рубля (доходовъ Московской губерніи) см. въ П. С. З. № 4752.

вязоны, милицію, артиллерію и флотъ) въ общей суммѣ 5.974.084 рубля ¹⁾ былъ обезпеченъ подушными сборами и всѣми остальными поступлениями (вредѣ всего, конечно, таможенными и кабацкими) сорока провинцій: отъ послѣднихъ еще оставался остатокъ въ 192.395 рублей.

За покрытіемъ этого главнаго расхода оставались въ распоряженіи государства слѣдующіе окладные доходы: воверныхъ, таможенные, кабацкіе и др. сборы С.-Петербурга и завоеванныхъ провинцій (684.772 ²⁾), Сибирской губерніи (146.088) и Сѣвской провинціи (60.392 рубля ³⁾), всего 891.252 рубля; во вторыхъ, прибыль съ денежныхъ дворовъ, и съ соляной продажи 859.262 ⁴⁾); въ третьихъ, поступления отдѣльныхъ вѣдомствъ, малороссійскаго (по сбору 1724 года съ хлѣбомъ 185,323 рубля ⁵⁾), дворцоваго (94.497 ⁶⁾) и синодальнаго (80.486 ⁷⁾), 310.306 рублей; въ четвертыхъ, наконецъ, нѣкото-

¹⁾ Мы вычли здѣсь 37.740 рублей расхода на губернаторовъ и комендантовъ. Напротивъ, слѣдуетъ прибавить къ 5.974.084 рубля цѣну малороссійскихъ доходовъ, оставшихся въ бюджетѣ вследствие отдаленности администраціи, по шедшихъ также на военный расходъ, именно на содержаніе живаго корпуса. У Кирилова обмѣнованные доходы Малороссіи показаны, за покрытіемъ местныхъ расходовъ, 110.198 рублей. Ср. выше, стр. 633, прил. 6.

²⁾ Именно: въ Петербургѣ взимаемыхъ и др. сборовъ 193.207 рублей; портовыхъ 180.924 рубля; въ Рижской губ. 235.672 рубля; въ Нарвской—12.263 р.; въ Выборгской—19.726 рублей; въ Ревельской—42.719 рублей.

³⁾ Такъ въ Каб. кн. № 74, л. 748—746; тамъ же л. 701 показано только 21.042 рубля. Можетъ быть, эта цѣна относится къ Солнцанской провинціи, которая на л. 743—746 слѣдуетъ за Сѣвской съ окладомъ 21.397, а на л. 701 пропущена? Но мы предположили выше, что доходъ Солнцанской пров. на л. 701 введенъ въ общую цѣну оставшихся отъ адмиралтейскаго оклада сборовъ.

⁴⁾ Именно, въ Каб. д. кн. № 74 показана прибыль на денежныхъ дворахъ (имѣеть съ табачными и др. сборами въ губерніяхъ и провинціяхъ) 326.902 р. и приходъ соляной суммы по воступленію 1724 года—533.360 р. Принимая извѣстные намъ оклады 216.808 р. и 662.118 р. мы получимъ бы 878.926 р., то есть, немного болѣе. У Кирилова табачный сборъ показанъ отдѣльно 42.514 р.

⁵⁾ Въ Каб. кн. № 74 въ счетъ не принято.

⁶⁾ Кроме этого окладнаго дохода, у Кирилова показано неокладныхъ 37.919 рублей, всего 132.416 рублей.

⁷⁾ Въ Каб. д. кн. № 74, л. 701 эта цѣна распределяется по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) Патриаршаго дворцоваго прих. сборовъ 5.722 р., 2) съ церкви даними 22.613 р., 3) съ вѣчныхъ пиматей—настоящихъ—9.410 р., 4) съ вѣчныхъ же пиматей на гошпиталь 9.410 р., 5) съ приписанныхъ къ госпиталю деревень—1.008 р., 6) съ церковныхъ земель 497 р., 7) съ архіерейскихъ и монаст. почтень, за опредѣленіемъ дачъ въ архіер. дома и монастыри — 29.443 рубля, 8) монаст. приказа пошмизъ 2.384 рублей. У Кирилова по 48 и 49 статьямъ всего 89.601 рубль.

рия пошлины и отдѣльные сборы—114.255 рублей ¹⁾. Всего выходитъ по этому счету 2.175.075 рублей, а съ остаткомъ въ провинціяхъ— 2.367.470 рублей доходовъ, предназначавшихся на покрытіе всѣхъ остальныхъ государственныхъ нуждъ, кромѣ военныхъ ²⁾. Каждый отдѣльный расходъ положенъ по табели на опредѣленную часть этого дохода. Наибольше значительны послѣ военныхъ — расходы на общественныя постройки, на дипломатію и дворъ. На общественныя постройки шелъ доходъ съ продажи соли, поступавшій въ казну по окладу 662.118 р. ³⁾. Дворцовые расходы покрывались прежде всего изъ доходовъ дворцовыхъ волостей, которые по указу 20 (17) марта 1725 года велѣно собирать въ привязѣ Большаго Дворца; но, кромѣ того, въ вѣдомство дворцовой канцеляріи отданы были всѣ доходы Рижской губерніи (200.148 рублей, а вмѣстѣ съ предъидущими 332.553 рублей). Расходы иностранной коллегіи по окладу составляли 162.820 рублей; но, кромѣ окладныхъ, у нея были и чрезвычайные расходы, показанные въ суммѣ 580.519 рублей ⁴⁾. Тѣ и другіе должны были производиться изъ прибыли денежныхъ дворовъ; по указамъ 15-го марта и 22-го апрѣля 1725 года ассигновано было съ денежныхъ дворовъ изъ передѣловъ 115.576 рублей. Какъ видимъ, эта сумма не обезпечивала и окладнаго расхода; неокладные приходилось, конечно, покрывать спеціальными ассигновками штатсъ-конторы на другія суммы, преимущественно на доходы завоеванныхъ мѣстностей ⁵⁾. Общій рас-

¹⁾ Имено: 1. за гербов. бумагу 17.135 р.; 2. въ печатной конторѣ въ СПБ.— 6.817 р.; 3. переловныхъ партикулярной веревъ— 18.024; 4. новоположенный сборъ въ Москвѣ съ привязки возовъ 58.018 р. Последніе два сбора въ ретерен не поступали. 5. Почтовый доходъ—16.261.

²⁾ Этотъ счетъ, основанный на Каб. нн. № 74 съ дополненіями по табели Кирилова, не совсѣмъ полонъ. По табели Кирилова общій итогъ прихода былъ 8.787-243 р., а въ текстѣ имъ перечислены доходы 8.341.554 р. Общій итогъ расхода у Кирилова тоже выше: кромѣ военныхъ расходовъ (включая медицинскую канцелярію)—6.107.026 р., у него насчитывается еще 2.927.315 р. другихъ расходовъ (а всего, следовательно 9.034.341 р.).

³⁾ На постройки употреблялся также сборъ съ возовъ въ Москвѣ 58.018 р.

⁴⁾ Табеля Кирилова; итогъ у Кирилова не вѣренъ и займѣненъ здѣсь нашимъ.

⁵⁾ У Кирилова въ соответствующей графѣ прихода показаны вмѣстѣ съ прибылью денежныхъ дворовъ сборы разныхъ портовъ (сѣнниками), высланные на денежные дворы,—въ общей суммѣ 396.992 р. По Каб. нн. № 74, л. 743—746, изъ портовъ (СПБ., Архангельскъ, Рига, Ревель) посылается въ персидскіе золотыхъ и сѣнниковъ на 354.025 рублей: если эта сумма включена въ 396.992, то на долю денежной прибыли остается сѣнниковъ мало. Но импонируетъ, что у Кирилова на 200 тысячъ сбора Рижской губ. показаны переданными въ дворцовую

ходъ по трети указанныхъ статей доходилъ такими образомъ до 1.796.029 р. Далѣе слѣдуетъ длинный списокъ штатовъ централь-ныхъ учреждений, каждое изъ которыхъ должно было содержаться изъ доходовъ, связанныхъ съ его дѣятельностью. Общій расходъ на всѣ эти учреждения и на всѣ остальные потребности бюджета составлялъ 1.131.286 р. Не имѣя надобности для нашей цѣли подробно изучать бюджетъ 1725 года, мы не будемъ перечислять всѣхъ этихъ статей расхода отдѣльно ¹⁾. Сказаннаго до сихъ

канцелярію, и слѣд. уже не должнъ входить въ 396.992 р. Въ такомъ случаѣ изъ портовъ передано около 150 тысячъ, а остальные 240 тыс. составляютъ денежную прибыль.

¹⁾ Необходимо, однако, сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній объ итогахъ прихода и расхода росписи 1725 г., въ виду того, что Голицынъ, воспользовавшись этой росписью, дополнилъ ее своими данными въ соображеніи и измѣнилъ, такимъ образомъ, итоги росписи Кириллова; а послѣдующіе исследователи не пользовались подлинной росписью Кириллова, напечатанной въ довольно рѣдкомъ изданіи Погодина, и были введены въ заблужденіе ошибочными расчетами Голицына (см. напр. *Булочникъ*, Государственные доходы и расходы въ Россіи XVII столѣтія въ *Вѣстникѣ Европы*, т. III, май 1869 г., стр. 338—341; *Соловьевъ*, XVII, изд. 2-е, 165 и прим. 78; *Блюха*, Финансы Россіи XIX столѣтія, I, 25). Голицынъ насчиталъ 10.186.707 р. прихода, между тѣмъ какъ по табели Кириллова итогъ получается 8.787.243 р. (у Швецера 8.779.751 р.): въ напечатанномъ текстѣ, правда, этою итога нѣтъ. Что *окладной* доходъ государства составлялъ въ 1724 г. около 8½ милліоновъ, это видно и изъ сообщенныхъ выше цифръ. Голицынъ самъ признаетъ, что послѣднія три статьи въ своей таблицѣ (½ милліона) прибавилъ гадательно; но и изъ статей, замѣствованныхъ у Кириллова, нѣкоторые расчетамъ Голицынымъ самостоятельно и чересчуръ высоко; напримеръ, подушную подать онъ считалъ съ предположенной имъ слишкомъ высокой цѣны плательщиковъ (см. выше) въ 4.289.217 р. (по окладу 74 коп.), тогда какъ у Кириллова (по окладу 70 коп.) она соотна всего въ цифрѣ 3.805.209 р., то-есть, тогъ почти на ½ милліона ниже. Далѣе, оброчная подать (40 коп.) высчитана Голицынымъ въ размѣрѣ 553.158 р., а по цифрамъ Кириллова можно насчитать только 419.715 р., то-есть, на 133.443 р. ниже. Изъ остальныхъ статей таблицы Голицына только №№ 4, 5, 7—12, 14—16, 19—21, 25—26. 32 замѣствованы изъ таблицы Кириллова (напечатанной) безъ великихъ измѣненій; въ другихъ же случаяхъ или цифры вьсходятся (№№ 17: 1.414 р. 40 к. вмѣсто 14.134 р. въ ст. 19-й Кириллова, №№ 28, 29, 30, 36, 41, 44, 45), или Голицынъ складываетъ цифры Кириллова по болѣе общимъ рубрикамъ въ свои итоги, которые не всегда легко проверить (№№ 1, 2, 3, 6, 13, 42, 43), или онъ вводитъ, наоборотъ, болѣе детальныя рубрики, которыхъ совѣтъ не видѣли въ напечатанной таблицѣ Кириллова (№№ 31, 33—35, 37—40). Въ одномъ случаѣ (№ 27) принята въ счетъ цифра, показанная и у Кириллова, но не сосчитанная тамъ, потому что этотъ доходъ только предвидѣтся въ будущемъ — «врядъ будетъ»

порь достаточно, чтобы показать намъ, что здѣсь государственный бюджетъ достигаетъ такой степени равновѣсія, какой мы не встрѣчали въ росписяхъ со времени окладной книги 1701 года. Любопытно, что средство, которымъ достигается такое равновѣсіе, скорѣе напоминаетъ намъ старую Русь, чѣмъ только что введенными финансовыми учрежденіями. Шведская коллежская система, какъ образцовая камеральная система тогдашней Европы, стремилась къ единству кассы и достигла во всякомъ случаѣ единства отчетности. Есть признаки, показывающіе, что въ Россіи понимали эту особенность введенныхъ учрежденій: не разъ мы встрѣчаемъ въ источникахъ замѣчанія, что отдѣльные до сихъ поръ сборы должны слиться теперь въ „общую сумму“. Но практика взяла верхъ: новая табель вновь специализировала сборы, предназначивъ каждый для опредѣленнаго употребленія. Вся главнѣйшая категорія податей — подушные сборы — была изъята вовсе изъ вѣдомства рентерей и штатсъ-конторы. Большая часть остальныхъ, хотя и проходила черезъ рентерей, но уже была распределена помимо штатсъ-конторы, ассигновки которой становились такимъ образомъ простой и ненужной формальностью. Только не распределенные еще на штатъ доходы оставались въ прямомъ распоряженіи, но опять не штатсъ-конторы, а сената. И приглядѣвшись къ сибѣнямъ различнымъ порядковъ государственнаго хозяйства, мы легко поймемъ, что вызывало такое превращеніе только что введеннаго новаго порядка въ подновленный старый. Специализація суммъ была необходима для центральныхъ учрежденій въ виду старой привычки, по которой всякій не назначенный на опредѣленное употребленіе доходъ считался свободной суммой. Пани старыя камералысты должны были знать, на что идетъ всякая данная копѣйка, чтобы убѣдить себя, что ее нельзя истратить на что либо другое. Мы знаемъ, что, даже помня это, они слишкомъ часто уступали соблазну — пожертвовать дальнѣйшимъ интересомъ ближайшему. Въ виду всего этого существованіе въ казенномъ сундукѣ „общей суммы“, предназначенной не на тотъ или другой, а вообще на окладной расходъ, было слишкомъ опасно для правильнаго исполненія бюджета. Вотъ почему

(ст. 46-я); въ другихъ случаяхъ (ЖМ № 18, 22—24, 45) также введены цифры, опущенныя Кириловымъ, но на этотъ разъ, кажется, действительно подлежащая счету. Что касается расхода, Голицыновъ присоединяетъ къ даннымъ Кирилова вѣдомости на некоторыя отдѣльныхъ учрежденій. Общій итогъ выходитъ у него 9.829.949 р. (У Шлецера 9.147.103 р.). Весьма вѣроятно, что къ этому расходу онъ и старался пригнать приходъ.

специализаціи къ себѣ, противорѣчившая духу новыхъ учрежденій, являлась какъ бы послѣдствіемъ ихъ введенія. Понятное дѣло, что одно это обстоятельство должно было такъ глубоко измѣнить характеръ заимствованнаго устройства, что опять возникаетъ уже представлявшійся намъ вопросъ: въ какой степени послѣ такого перерожденія оно оставалось еще заимствованнымъ?

§ 39. Съ тѣми же характерными чертами,—съ той же незаконченностью и съ подобной же націонализаціей заимствованныхъ учрежденій,—мы встрѣтились и при оцѣнкѣ результатовъ *административной* реформы послѣдняго періода.

Прежде всего, взаимное отношеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій оставалось крайне неопредѣленнымъ. Основной ячейкой этихъ учрежденій была „министерская консилія“, довольно безформенный и неопредѣленный по составу съѣздъ „министровъ“ или начальниковъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія. До учрежденія сената эта „консилія“ усиѣла, однако, выдѣлать изъ себя три комитета съ болѣе или менѣе постояннымъ составомъ: по финансовымъ, военнымъ и дипломатическимъ дѣламъ. Сенатъ замѣнилъ первый изъ этихъ комитетовъ, съѣзды при Ближней канцеляріи; члены двухъ послѣднихъ, „верховные господа“, стали выше сената, получившаго по отношенію къ нимъ характеръ исполнительнаго органа. Но съ учрежденіемъ коллегій, какъ мы видѣли, сенатъ самъ повысился въ значеніи: теперь уже коллегіи стали его исполнительными органами, что и было подчеркнуто назначеніемъ въ нихъ менѣе саповитыхъ президентовъ. Однако же, для трехъ главнѣйшихъ коллегій сдѣлано было исключеніе: президенты военной, адмиралтейской и иностранныхъ дѣлъ коллегій остались въ сенатѣ, какъ бы свидѣтельствуя этимъ, что ихъ коллегіи не подвѣдомственны, а равны сенату. Такъ какъ, съ другой стороны, тѣ же президенты (они же и „верховные господа“) сносились съ верховной властью по важнѣйшимъ дѣламъ непосредственно, мимо сената, то на практикѣ ихъ власть становилась даже выше сената. Такимъ образомъ, между тремя инстанціями центральнаго управленія, тайнымъ совѣтомъ (военнымъ и дипломатическимъ), сенатомъ и коллегіями не существовало правильнаго іерархическаго отношенія: власть учредительная, законодательная и исполнительная безпорядочнымъ образомъ мѣшалась въ каждомъ изъ нихъ.

Несомнѣнно, что въ послѣдній періодъ реформы Петръ началъ нѣсколько яснѣе понимать основныя идеи государственнаго права.

Къ этому времени относится первое въ нашемъ законодательствѣ опредѣленіе существа монархической власти, заимствованное, впрочемъ, буквально изъ шведскаго права ¹⁾. Скоро послѣ того сенатъ лишается права издавать общія распоряженія законодательнаго характера безъ высшей санкціи государя ²⁾. Вопросъ о правильномъ устройствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ частей центральнаго правительственнаго механизма также уже при Петрѣ дѣлается предметомъ теоретическаго обсужденія. Мы видѣли, что при самомъ введеніи коллегій предполагалось иностранцами (Люберасомъ и Фикомъ) устройство высшаго „дирекціоннаго“ учрежденія, на подобіе шведской канцлерской коллегіи ³⁾. Скоро этой идеей овладѣвають русскіе люди: однимъ изъ участниковъ въ обсужденіи реформы центральныхъ учреждений становится старинный и упрямый защитникъ „единособорнаго правленія“ бывшій инспекторъ ратуши и архангелогородскій губерняторъ, А. Курбатовъ. Мы видѣли, какъ настойчиво возражалъ онъ противъ разрушенія центральной администраціи въ 1708—1712 гг. Практика губернскихъ учреждений показала, какъ мы видѣли, основательность его опасеній и возстановленіе центральныхъ учреждений должно было быть его торжествомъ; но и въ этомъ

¹⁾ Именно въ новизнѣхъ артикулахъ (1716), гл. III, толкованіе къ артикулу 20 (сравненіе сдѣлано Н. Ньдме въ его интересной статьѣ: *ryska konstitutionsproject år 1730 efter svenska förebilder* въ *Historisk Tidskrift* 1884, häftet 3, 200);

Его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣеть свои государева и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомыслию управлять.

(Seine Majestät sind ein souveräner Monarch, der niemanden auf Erden von seinen Verriichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gntdüncken zu regieren).

²⁾ *Петровский*, О сенатѣ, 237—238, распоряженія 1721—1722 гг.

³⁾ См. выше, проектъ неазиатскаго и др.

Римское указание 1693 г.: шведскій король есть „самодержавно величій и величайшій суверенный король, который ни передъ кѣмъ на землѣ не отвѣтственъ за свои дѣянія, но имѣеть власть и силу по своему желанію и какъ христіанскій король править и царствовать своимъ государствомъ“.

(Sveriges konung är „en Envälds aljom hjudande Souverain konung, den jngen på Jorden är för des Actioner responsabel, utan har Macht och Wäld efter sit behag och som een Christelig Konung at styra och regera sitt Rijke“).

возстановленіи оны видѣтъ свой идеаль административнаго единства не вполне осуществленнымъ. „Царскаго величества о самодержавнѣйшемъ своемъ государствѣ благоразуднѣе попеченіемъ,—иметь оны въ одномъ „предложеніи“,—опредѣляются разныхъ правленій коллегіи; въ чемъ надежно признается быть лучшей всенародной пользѣ, а не въ собраніи государственныхъ казны въ едино правленіе: чрезъ которое приходъ и расходъ и остатокъ и недостатокъ всегда можетъ быть видевъ явво, и къ прибыли государственной совѣтованіе и въ дѣйство произведеніе происходить будетъ лучше“. Однако же, прибавляетъ оны далѣе, „крѣпчайшаго ради въ оныхъ коллегіяхъ во всемъ государствѣ правленія и содержанія невозмѣнима правды и страха и ради скорѣйшаго царскому величеству о всѣхъ въ государствѣ его правленіяхъ вѣдѣніи,—мысля, надлежитъ быть еще главнѣйшему правленію, именованію или кабинетъ-коллегіумъ, или архиканцеляріи имперіи, или какъ соизволитъ именовать его величество; въ которомъ правленіи временемъ присутствовать будетъ самъ его ц. в.“ Далѣе Курбатовъ перечисляетъ предметы вѣдомства предполагаемаго высшаго учрежденія ¹⁾. Компетенція его по этому перечню выходитъ довольно пестрая и безсистемная: это, несомнѣнно, самый слабый пунктъ предложеній русскаго организатора. Недостаточность его особенно бросается въ глаза при сравненіи съ другимъ проектомъ, преслѣдующимъ тѣ же задачи привести въ систему разныя части центральнаго управленія и принадлежащихъ

¹⁾ Имено 1) въ немъ слѣдуетъ хранить „въ единомъ собраніи всегда въ готовности“ для свидѣнія государя „всѣхъ изъ всѣхъ коллегій перечисленныя табели и вѣдомости“ о состояніи арміи, флота, чиновничества, о количествѣ населенія, объ окладномъ приходѣ и наличности, о заводахъ; 2) записывать указы, распоряженія отсылкой ихъ и требовать исполненія; 3) рѣшать все дѣла, переносимыя изъ коллегій и канцелярій; 4—5) принимать челобитныя и доношенія; 6) посылать по тюрьмамъ „спрашивать, кто въ законѣ дѣлъ и какое время сидитъ и не страдаетъ ли кто отъ кого до какихъ злобамъ или чести внимлемъ за званія (смысла на подобнаго чиновника — *сейбама* въ Константинополѣ); 7) посылать ревизовать состояніе рекрутъ, еще не принятыхъ; 8) производить слѣдствія по слову и дѣлу; 9) составить новый статутъ правъ російскихъ съ разными европейскими государствами статутовъ, уложенія и новоназванныхъ статей; 10) вѣдать енискаловъ и дѣла о бѣглыхъ; 11) вѣдать штрѣмъ и конвекціямъ „ради умноженія кабинетной казны“; 12) присоединитъ солдатной сборъ; 13) вѣдать строеніе госпиталей; 14—15) позаботиться объ устройствѣ въ Москвѣ академіи и въ епархіяхъ школъ. Госуд. Арх. Каб. д. кн. № 56, л. 1128—1134.

известному намъ камеррату Генриху Фикю (написано въ 1723 году ¹⁾. „Я нахожу почти невозможнымъ дѣломъ,—такъ начинаетъ Фикъ свою записку, чтобы въ такой обширной монархіи единственная сенатская или оберъ-коллегія могла всѣмъ завѣдывать, и все, что стекается въ нее изъ всѣхъ коллегій и канцелярій всего государства, достаточно взвѣсить, разрѣшить и своевременно исполнить“. Въ силу этихъ соображеній „и отчасти также руководясь учрежденіями въ которыхъ другихъ державъ“, Фикъ приходитъ къ мысли, что необходимо усилить составъ сената новыми членами и раздѣлить его на двѣ „высшія инстанціи“ или General-Directoria: 1) юстиціи и полиціи, 2) финансовъ. Вмѣстѣ съ двумя уже существующими высшими учрежденіями, синодомъ и тайнымъ совѣтомъ иностранныхъ дѣлъ, эти двѣ части сената будутъ составлять координированную систему высшихъ правительственныхъ мѣстъ, между которыми должно распределяться завѣдываніе коллегіями и канцеляріями. Военная и адмиралтейская коллегіи при этомъ не должны стоять на равной высотѣ съ четырьмя упомянутыми мѣстами, но не должны и подчиняться ни одному изъ нихъ специально (keiner hohen Instanz in specie), а по каждому роду подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ должны находиться въ зависимости отъ соответственной высшей инстанціи. Третья изъ коллегій, стоявшихъ въ дѣйствительности рядомъ съ сенатомъ,—коллегія иностранныхъ дѣлъ должна подчиняться тайному совѣту иностранныхъ дѣлъ. Остальныя коллегіи и канцеляріи распределяются между двумя отдѣленіями сената ²⁾.

¹⁾ Арх. инн. юстиціи, Дѣла сената, ин. 66/12, л. 40—48 Unterthänigste Vorstellung, welebergestalt hoffentlich die Affairen des Senats und des ganzen Reiches bequemer und leichter eingerichtet und vorgestanden, und folglich Ihre Kayserli. Maytt. hohes Interesse und der Unterthanen Verbesserung und Erleichterung befördert werden kann. Что эта записка Фикя обратила на себя вниманіе, видно уже изъ того, что въ сенатѣ сдѣланы были ея переводъ на русскій языкъ (см. *ibid.*, лл. 49—63). Провѣтъ датированъ 9-го ноября 1723 года.

²⁾ Именно, въ вѣдомствѣ „генералъ-юстиціи и полиціи-директоріи“ будутъ находиться: юстиціи-коллегія со всеми подвѣдомственными ей судебными мѣстами, полиційская канцелярія, главный магистратъ съ чехами, канцелярія герольдіи, das Oberdirectorium aller Academien, Schulen und Studien in weltlichen Wissenschaften, типографіи, alles was zur Education, Reisen und andern Anführungen des jungen Adels gehdret, кушетъ, натураліонъ- и вѣнчаніи-камера и библиотека, „произведеніе новыхъ зложеніевъ и регулъ процессовъ“ и „все, что, кромѣ того, въ государствѣ обращается и дѣлу ея инанціи не касается“. Съ другой стороны „генералъ-финансъ-директоріумъ“ вѣдаетъ: паниоръ-коллегію, камерные суды, штатсъ-контролю, бергъ-коммерцъ- и мануфактуръ-коллегіи, гене-

Раздѣливъ, такимъ образомъ, два ряда вѣнстанцій центрального управленія, Фикъ касается, хотя очень осторожно, и высшихъ функцій государственной власти. Перечисливъ эти функціи, составляющія предметъ непосредственной дѣятельности монарха и его кабинета, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что отъ воли государя зависятъ распредѣлить исполненіе („экспедицію“) разныхъ сторонъ его дѣятельности между упомянутыми четырьмя высшими вѣнстанціями ¹⁾.

При жизни Петра идеалъ Фика, повидимому, не было дано дальнѣйшаго движенія, но послѣ его смерти, какъ извѣстно, образованіе „высшей вѣнстанціи“ центрального управленія было достигнуто инымъ способомъ: устройствомъ верховнаго тайнаго совѣта ²⁾.

раль-конисеаріаты при военной и адмиралтейской коллегіяхъ, „коллею касаетса до приходу и расходу“, генеральную провіантскую канцелярію съ подрядной конторой, вотчинную канцелярію, „придворную канцелярію“ (Hofmeinen-kantzeley) „ладъ наместными обокхъ величества“, генеральную почтовую канцелярію, канцелярію строеній, медицинскую канцелярію, главную вальдмейстерскую канцелярію „и все, что, кромя того, къ еиваціи дѣлу подлежатъ“.

¹⁾ Въ числѣ возможныхъ вопросовъ и возраженій себя Фикъ ставитъ: ob bey dergleichen Abtheilungen vor das Cabinet von Jhro Maytt. einige besondere Bemühungen oder specielle fernere Beschwerden überbleiben werden? и отвѣчаетъ: diese Frage kann nicht von der allgemeinen Landväterlichen Vorsorge vor das Volk und Reich, als welche von dem allerhöchsten Regenten-Stande nicht getrennet werden kann, verstanden werden, sondern von denen speciellen Stücken, welche lediglich von des Monarchen Wohlgefallen alleine dependiren und regalla der Crone seyn und folglich von keiner hohen Instance resolviret werden können, als nembl. Begnadigungen mit Gütern und Pensionen, Stände-Erhebungen, Besetzungen der hohen Chargen, Begnadigungen der Uebertreter, Linderungen der Sentenzen, Allgemeine Perdons bey Crönungs- oder anderen besonderen Festen, *Bestätigungen und Aenderungen der Gesetze- und Kirchen- Ordnungen*, Legitimierung derer anrecht geböhren, Ehren-Restituciones, *neue Aufagen im Reiche* und was dergleichen mehr seyn kann, *welches alles alleine von des Monarchen Wohlgefallen dependiret, doch finde ich gar nicht nöthig zu seyn, dass Jthro Maytt. Cabinet mit den expeditionen solcher Dinge beschweret werden, sondern solches kann, wann ihro Maytt. denselbs Befehl ertheilet haben, in solcher hohen instants gesche hen wohin die Sache ihrer Natur nach gehöret.*

²⁾ Въ толькo что цитированной запискѣ Фика это—вторая изъ его вѣнстанцій послѣ еивады; ставя вопросъ, ob irgendwo nach obigem Fuss in Europa eine Regierung zu finden ist, Фикъ составляетъ предложеніемъ четыре вѣнстанціи съ учрежденіемъ другихъ государствъ, и замѣчаетъ относительно второй: „ein hohes geheimes Conseil, oder Staats- und Krieger- Conseil, findet man gleichfallß in allen Reichen“. Русскій переводъ передаетъ подчеркнутое названіе словами: „высшій тайный совѣтъ“. Поставивъ этотъ совѣтъ *омие всѣхъ* другихъ учрежденій, учредители оставили титулъ „высшаго“ севату, а совѣтъ, какъ и соот-

Нечего говорить, что появленіе этого учрежденія отвѣчало той самой потребности, которую отмѣтилъ Фикъ въ только что изложенной запискѣ, и, въ этомъ смыслѣ, вовсе не „принадлежало къ разряду самыхъ неожиданныхъ и внезапныхъ государственныхъ переворотовъ“, какъ думалъ Градовскій ¹⁾). Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію верховнаго совѣта, какъ кажется, было желаніе Меншикова уничтожить значеніе сената и этимъ путемъ свалить несправедливаго ему генералъ-прокурора Ягужинскаго. Эта цѣль и была достигнута ²⁾). Но Меншиковъ только овладѣлъ идеей, существовавшей раньше: уже три мѣсяца спустя по смерти Петра, Лефорть докладываетъ своему двору, что „поговариваютъ объ учрежденіи верховнаго кабинетнаго совѣта“ ³⁾). Составленіе проекта объ этомъ тотъ же самый дипломатъ (очень хорошо освѣдомленный) приписываетъ Шафирову и Вассевичу. У обоихъ были при этомъ ближайшія практическія цѣли: первый рассчитывалъ войти въ совѣтъ канцлеромъ, второй хотѣлъ дать преобладающую роль въ новомъ учрежденіи герцогу голштинскому. Однако же Меншиковъ, перехвативши идею, эксплуатировалъ ее въ своихъ собственныхъ интересахъ и обманулъ ожиданія обоихъ: Шафировъ совсѣмъ не попалъ въ совѣтъ, а герцогъ голштинскій, „приготовившии себя въ проектѣ верховнаго совѣта рѣшавшій голосъ“, долженъ былъ удовольствоваться „совѣщательнымъ“ ⁴⁾). Обойдя такимъ образомъ бывшихъ союзниковъ, Менши-

---

вѣтствовало смыслу учрежденія, наименовали „верховнымъ“ и „правительствующимъ“. Любопытно отмѣтить, что общій отзывъ Фика на вопросъ о сходствѣ проектируемаго нѣкъ устройства съ европейскими—слѣдующій: „нѣтъ никакого государства въ Европѣ, которое съ другимъ равную форму правительствъ имѣетъ и непрямою бы путь была весьма по учрежденіямъ много государства поступать... И кратко сказать, сей вопросъ, какимъ образомъ въ нѣмъ государствахъ учреждено, не таковъ есть надобенъ, немалыя вопросы, какъ въ здѣшнемъ государствѣ потребно, способою, возможно и полезно учредить можно“.

¹⁾ Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры, 137.

²⁾ См. донесенія Лефорты въ Сб. Р. И. Общ., III, 433—434. Ягужинскій сдѣланъ былъ оберъ-шталмейстеромъ.

³⁾ Ibid., 409.

⁴⁾ Ibid., 435. При самомъ учрежденіи совѣта герцогъ не былъ сдѣланъ его членомъ, но черезъ нѣсколько дней императрица предложила ему присутствовать лично себя въ совѣтъ, когда онъ захочетъ. Его права были официально подтверждены въ слѣдующемъ 1727 году. При этомъ двора, гдѣ каждый сильный человѣкъ образовалъ свою партію, положеніе партій мѣнялось чуть не каждый мѣсяць. Въ юнѣ 1726 г. Лефортъ пишетъ, что Меншиковъ a tūc le due de Holstein hors d' état de lui pouvoir tenir tête (440), а въ декабрѣ онъ же сооб-

ковъ вошелъ въ сдѣлку съ своими противниками, слѣдующимъ сильнымъ тобою можно было устроить верховный совѣтъ безъ ихъ участія. Представитель старой знати, выдвигавшій противъ супруги Петра кандидатуру его внука, князь Дм. Мих. Голицынъ былъ введенъ въ составъ членовъ совѣта. Всѣ эти хитрыя партійныя комбинаціи намъ интересны въ данномъ случаѣ въ одномъ отношеніи: и со стороны голштынской, и со стороны болгарской партій мы можемъ подозрѣвать участіе въ устройствѣ верховнаго совѣта того же Генриха Фика. Въ моментъ смерти Петра, когда Меншиковъ еще не успѣлъ обезвредить избраніе Екатерины, Бассевичъ посылалъ Фика къ Дм. Мих. Голицыну, чтобы выпросить мнѣніе послѣдняго относительно престолонаслѣдія. Эта деликатная миссія характеризуетъ отношеніе Фика къ обѣимъ партіямъ. Бассевичемъ онъ былъ рекомендованъ въ Россію и, слѣдовательно, хорошо ему извѣстенъ; подъ начальствомъ Голицына онъ служилъ въ камеръ-коллегіи и успѣлъ заслужить его расположеніе: часто старый князь зывалъ его къ себѣ и проводилъ съ нимъ долгіе вечера въ бесѣдахъ о политикѣ и религіи, засиживаясь до полуночи. Въ этихъ бесѣдахъ Фикъ передавалъ Голицыну тѣ идеи о шведской политической свободѣ, которыя тотъ попытался осуществить послѣ смерти Петра II ¹⁾. Въ тотъ моментъ, когда верховники диктовали условія новой императрицѣ, Фикъ, правда, былъ въ Петербургѣ, но это не помѣшало ему громко возмущаться при

знать, что le grand conseil n'a plus que le nom, la cour de Holstein a voulu se charger des rôles etc (446). Черезъ нѣсколько дней послѣ учрежденія совѣта Меншиковъ получилъ право личнаго доклада по военнымъ дѣламъ, князь совѣта. *Соловьевъ XVIII*, 295—296, и Сб. И. Общ. LXIV, стр. 256.

¹⁾ Нужно, впрочемъ, предполагать, что взгляды самого Фика до нѣкоторой степени измѣнились подъ вліяніемъ событий шведской государственной исторіи. Главный дѣтель по перенесенію въ Россію монархически-бюрократическаго режима Карла XI, не допускаяшаго промежуточныхъ учрежденій между королею и лично ему подвѣдомственными министерствами, онъ затѣялъ, —можетъ быть, подъ вліяніемъ шведской реорганизациі 1714 г., „при которой прежняя канцелярская коллегія должна была, кажется, исчезнуть, а остаться — большая государственная канцелярія, раздѣленная на 6 департаментовъ,“ — предлагаетъ свой проектъ организаціи четырехъ вмѣстѣхъ инстанцій. Когда же проходило новый переноротъ 1719—1720 г., результатомъ котораго было уничтоженіе самодержавія и устройство „свободы“, Фикъ дѣлается сторонникомъ олигархической конституціи. Любопытно, что до ноября 1723 г. онъ еще не зналъ подробностей новаго шведскаго устройства (Арх. мин. юст. ⁴⁴/11, л. 70 об.: wie es aber nach des Königes Tode und nach Aufhebung der Souveränität und nach dem Schluss des jetzigen (т. е. 1723 г.) Reichstages reguliert worden, solches ist mir so eigentlich noch nicht bekannt). Ср. *Naumann, Sveriges statsförhållnings-rätt*, I, 303—324.

первых известіяхъ о попыткѣ верховниковъ и не снасло его послѣ неудачи этой попытки отъ ссылки въ Тобольскъ ¹⁾).

Итакъ, Фикъ былъ одинаково близокъ и къ голштинской и къ боярской партіи; мы видѣли, что проектъ верховнаго совѣта былъ выдвинутъ голштинской партіей; но есть свѣдѣнія, что боярская партія немедленно по смерти Петра начала мечтать о политической самостоятельности ²⁾. Опираясь на украинскую армію, находившуюся подъ командой брата, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ очень силенъ, и опасеніе, что онъ двинетъ эту армію на защиту правъ Петра II, раздѣлялось многими. Весьма возможно, что устройство верховнаго совѣта было той уступкой боярской партіи, которая приняла ее съ воцареніемъ Екатерины I; а посредникомъ при этомъ компромиссѣ легко могъ быть Фикъ, какъ онъ былъ посредникомъ при переговорахъ о престолонаслѣдіи ³⁾.

¹⁾ См. *Пекорская*, Ист. акад. наукъ, I, 200—207. Фикъ говорилъ, что „либерія Россійская имѣла сестрица Швеція и Польша“, „что россияне имѣли умны, понеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Догорудій“. Среди умны Фикъ отправился даже нарочно въ Москву, „можетъ быть, надѣясь сыграть роль въ событіяхъ, которыя такъ происходили“ (*Нѣдѣе*, руска конституціонарпроект. 268), но тамъ онъ былъ арестованъ и возвращенъ въ Петербургъ. Изъ ссылки Фикъ былъ возвращенъ въ 1743 году († 1750 г.).

²⁾ Летопись 17-го февраля 1725 (Сб. И. Общ., III, 404): l'on commence à chanter l'heureuse délivrance du tyrranisme et l'on sent fort bien, que le règne d'une femme ne saurait être si despotique. Кампредонъ сообщаетъ отъ января 1726 г., что un grand nombre des seigneurs russiens ждуть первой неудачи правительства или пераго внутренняго замѣшательства, чтобы ruiner l'autorité inimportable du prince Menschikoff, de recouvrer leur ancienne liberté, d'établir une forme de gouvernement sur le pied de celui de Suède ou tout au moins d'Angleterre (Сб. И. Общ. LXIV, 187). Отъ 15-го января онъ повторяетъ qu'une grande partie des principaux de cette nation-ci cherchait à diminuer l'autorité despotique de leur souveraine, и прибавляетъ: on m'a même assuré de bon lieu, que quant au projet de la nouvelle forme du gouvernement, il avait été envoyé fort secrètement au prince Galzin, qui commande en Ukraine, d'où viendra apparemment le premier coup (ibid., 199—200). Наконецъ, сообщая 23-го февраля 1726 г. объ учрежденіи верховнаго совѣта, какъ о средствѣ усиленія власти царицы, Кампредонъ замѣчаетъ, что это только не первый шагъ à un changement de forme de gouvernement и что со временемъ „московиты“ захватятъ верховную власть, en se faisant accorder les prérogatives qu'ils jugeront nécessaires pour former et soutenir un gouvernement pareil à celui d'Angleterre; il est même vraisemblable, que c'est ce qui a principalement déterminé à prendre le parti, qu'on vient de prendre (ib., 256).

³⁾ Любопытно, что въ томъ же году Фикъ получилъ повышеніе: въ именныи дарницы 24 ноября 1726 г. онъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегии. Сб. И. Общ., т. LYI, 528, 537, 542.

Итакъ, въ ближайшее время послѣ Петра вопросъ о реорганизаціи высшаго центральнаго управленія получилъ другой смыслъ; административно-техническія дѣла этой реорганизаціи отошли на задній планъ передъ дѣлами политическими; устройство верховнаго совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 года.

Осуществленное путемъ партійной борьбы, новое учрежденіе не только не упорядочило, но, можетъ быть, еще болѣе запутало отношенія между центральными инстанціями¹⁾, и тѣмъ не менѣе въ исторіи учрежденій его появленіе не составляетъ никакого перерыва; оно является отвѣтомъ на потребность, ранѣе сознannую и не уничтожившуюся съ его уничтоженіемъ: первое доказывается ранѣе приведенными фактами, а лучшимъ доказательствомъ втораго можетъ служить приспособленіе къ тѣмъ же дѣламъ „кабинета“ скорѣй послѣ закрытія верховнаго совѣта.

Переходимъ теперь къ исполнительнымъ органамъ центральнаго управленія—коллегіямъ. Фокеродтъ разказываетъ, какъ послѣ неудобннпо-носіѣннаго перенесенія въ Россію шведскихъ коллегій „скоро оказалось, что ими поторопнлись; что только больше путаница можно ожидать отъ нихъ въ дѣлопроизводствѣ, а не порядка и точности“. „Это заставило, продолжаетъ онъ далѣе, Петра I въ 1722 г. подвергнуть вторичному измѣненію его новыя коллегіи, распустивъ большую часть иностранцевъ, а самыя коллегіи, съ удержаніемъ ихъ нѣмецкаго названія, дать такое устройство, которое близко бы подходило къ старинному русскому“²⁾. Авторъ вообще любитъ подчер-

¹⁾ Ср. изображеніе Цедеркрейца (*Нудге*, 246, прим. 1): „такъ называемый русскій сенатъ похожъ на особую коллегію, изъ которой исходятъ все ордера и экспедиціи касательно внутреннихъ дѣлъ государства отъ имени секретаря или канцеляриста, заведующаго экспедиціей. Вся болѣе важная внутренія дѣла, производимыя въ верховномъ совѣтѣ, разрѣшаются окончательно тамъ же, но экспедиціи производятся отъ сената. Другія же дѣла меньшей важности беретъ на себя и рѣшаетъ непосредственно послѣдній, вслѣдствіе чего дѣла пришла въ такую запутанность, что иногда на совѣтѣ, на сенатѣ не знаютъ, въ чемъ собственно заключаются ихъ занятія“. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ редко собирается отдѣльно, тамъ какъ ея члены имѣютъ также нѣста въ совѣтѣ, почему было бы для нихъ двойной работой обсуждать дѣла какъ въ коллегіи, такъ и въ совѣтѣ. Иностранными дѣла рѣшаются поэтому въ совѣтѣ и только экспедируются изъ коллегіи. Ср. *Градоскою*, Высшая администрація, 139—144. Любопытно отнѣтити, что теперь сенатъ сталъ въ положеніе близкое къ „дирекціонскн-коллегіи“ Люберса и „генералъ-директоріи“ Фина.

²⁾ *Чтенія Общ. Ист. и Др. Р.* 1874, II, 31. Манштейнъ также говоритъ, что, попытавшись ввести les mêmes réglemens, qui s'observoient en Suède, Петръ

кивать отрицательную сторону реформы, но въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ почти правъ; дѣйствительно, путаница въ дѣлахъ сопровождала открытіе коллегій, и дѣйствительно послѣ первыхъ регламентовъ Петръ приказалъ, какъ намъ извѣстно, составить новыя, общей чертой которыхъ должно было быть болѣе точное опредѣленіе вѣшняго порядка. Правда, тутъ еще не было возвращенія „къ старинному русскому устройству“; но если такое возвращеніе и не предписывалось регламентами, многіе изъ которыхъ вовсе не были вновь составлены, то во всякомъ случаѣ оно совершилось фактически: коллегійскій обрядъ дѣлопроизводства очень скоро принялъ видъ, заимствованный отъ стараго приказнаго¹⁾.

Мы остановимся здѣсь еще на нѣсколькихъ подробностяхъ, относящихся въ исторіи финансовыхъ коллегій. Наименѣе удачнымъ изъ коллегійскихъ регламентовъ былъ, кажется, регламентъ камергеръ-коллегіи. Именно относительно состоянія этой коллегіи мы имѣемъ свидѣнія въ запискѣ, составленной однимъ изъ ея членовъ, Стефаномъ Кохиусомъ, въ сентябрѣ 1723 года; съ этой запиской стоитъ въ тѣснѣйшей связи другая, напечатанная Поссальтомъ и безъ всякихъ основаній приписывавшаяся прежде Лейбницу²⁾. Обѣ записки

abandonna ce projet quelques années après... les institutions de la Suède n'étant pas compatibles avec celles de la Russie. (Lpz. 1771, 68).

¹⁾ Оуждая заимствованіе „безъ дальнѣйшихъ разсужденій“, Фокеродтъ нападаетъ собственно на переносеніе въ Россію того же состава коллегій, какъ въ Швеціи; но совѣтъ ясно изъ контекста, считалъ ли онъ не только составъ, но регламентъ и интрукціи заимствованными прямо изъ Швеціи. Предъидущая глава показываетъ, во всякомъ случаѣ, что ни составъ, ни устройство коллегій нельзя считать заимствованными изъ Швеціи „безъ дальнѣйшихъ разсужденій“.

²⁾ *Posselt*, Peter der Grosse und Leibnitz, прил. XI: generale Reflexions über die Ordnung und Oeconomie der Finanzen in Russland und ihre Verbesserung, 239—257. Проектъ Кохиуса см. въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; дѣла, касающіяся до образованія различныхъ государственныхъ учрежденій, вѣзка 3, подъ заглавіемъ *Umsatzgebliche reflexions betreffend das Cammerwesen in dem Russischen Reich*. Какъ проектъ, такъ и сопровождающее его письмо къ генералъ-прокурору (Ягуминскому) датированы 24-го сентября 1723 г. Изъ сличенія записокъ видно, что многія мѣста напечатаннаго Поссальтомъ проекта вѣзны дѣлкомъ, другіе въ сокращеніи изъ проекта Кохиуса; но послѣдній содержитъ только совѣты, относящіеся къ формальной сторонѣ дѣла, тогда какъ напечатанный проектъ прибавляетъ также указанія реальнаго содержанія. Это обстоятельство имѣетъ названъ оба проекта двумя редакціями одного и того же; но характеръ заимствованій таковъ (чисто редакціонный), что надо предположить для обоихъ одного автора. Сходство начинается съ стр. 246, *Ursachen der schlechten Ordnung und Oeconomie der Finanzen* (у Кохиуса: *Ursachen des schlechten Zustandes des Cam*

исходить изъ той мысли, что отягченіе населенія должно быть приписываемо не количеству податей, а дурному финансовому устройству ¹⁾. Первой причиною послѣдствяго нужно признать недостаточность камеръ-коллежской инструкціи. „Эта инструкція, служащая основаніемъ камерной дѣтельности, не составлена ни по шведскимъ, ни, тѣмъ мѣнѣе, по другимъ государственнымъ образцамъ ²⁾; она не даетъ надлежащаго представленія о камерныхъ дѣлахъ, объ ихъ различіи по качеству, природѣ и свойству и вытекающемъ отсюда разнообразіи ихъ администраціи, распределенія и расчета; она не указываетъ никакого метода, въ какомъ порядкѣ и какии образомъ приниматься за нихъ, трактовать, регулировать, выполнять ихъ, за что браться прежде, за что позже, за что одновременно, за что врозь; въ ней нѣтъ никакихъ указаній о надлежащемъ канцелярскомъ порядкѣ, которому должны слѣдовать

mer-wesens): первый абзацъ частью совращенъ, частью буквально взятъ изъ проекта Кохиуса; второй абзацъ вновь прибавленъ. Во II отдѣлѣ (у Кохиуса von der Verbesserung des Kammerwesens) буквально переписаны пункты 1-й на стр. 250 и 1-й абзацъ на стр. 251 (bei der Verbesserung—augmentiren). Въ Арх. мин. юстиціи, Дѣла сената, кн. № 55/м, л. 72—83, находится еще одинъ проектъ Кохиуса, составленный 21-го ноября 1793 года по ирриказанію Ягужинскаго, объявленному 11-го ноября. Эта записка касается исключительно реформы канцелярскихъ порядковъ камеръ-коллегій.

¹⁾ Кохиусъ: „dass das Kammerwesen alhier in Russland... in einem Zustande, der einer Verbesserung benöthigt ist, sich befindet, wird keiner in Abrede seyn, der die Proportion der wenigen Revenuen gegen den ansehnlichen Fonds der hiesu vorhanden, in Betrachtung zicket. Намечтанный проектъ развиваетъ эту мысль посредствомъ слѣдующаго расчета: около 15 милліоновъ населенія (писано слѣдовательно до окончанія рѣшнн, до весны 1794 года) платятъ въ казну около 7½ милл. рублей: на вѣдшаго приходится по 50 коп.: „in welcher Proportion keines souveraines Reich, auch sonst kein regulirter Staat von so vielen Unterthanen so wenig Reventen ziehet“, или другими словами, „die Reventen den Fonds beim weiten nicht repondiren“. Почему же населеніе все таки находится въ плохомъ состояніи, спрашиваетъ далѣе авторъ, и отвѣчаетъ: die Schuld dessen lieget nicht eigentlich in der Einrichtung der Finanzen, sondern meistens in der Administration der Finanzen. Ошибка автора состоитъ, очевидно, въ принятіи платежной способности населенія за абсолютную величину, извѣрженію количествомъ платимыхъ налоговъ, и въ игнорированіи степени экономическаго развитія, быстроты денежнаго обращенія и другихъ соціально-экономическихъ фактовъ, дѣлающихъ эту величину весьма относительной.

²⁾ Эта и слѣдующія фразы есть въ обихъ запискахъ. Градовскій ввзлагалъ это мѣсто, какъ принадлежащее Лейбницу, и при томъ невѣрно перевелъ пѣмецкій текстъ, такъ что смыслъ получился обратный: недостаткомъ инструкціи она-залось то, что она „устроена по образцу шведскихъ или другихъ иностраннымъ финансовымъ организаціямъ“ (Высшая администрація, 66).

въ отправленіи своей должности камерные чиновники, отъ высшаго до низшаго: однимъ словомъ, ничего, что должна заключать въ себѣ всякая инструкція, въ ней вѣтъ; нѣкоторые отдѣлы химеричны и все такъ перепутано, что ни одинъ пунктъ не стоять на своемъ естественномъ мѣстѣ". Какъ естественное послѣдствіе такого „отсутствія правильной идеи о камерныхъ и финансовыхъ дѣлахъ", авторъ изображаетъ дажѣ (въ напечатанномъ проектѣ) ту раздробленность финансового управленія, къ которой, какъ мы видѣли, свелась реформа на практикѣ. „Дошло, наконецъ, до того, что дѣла, спеціально относящіяся къ камерѣ и къ ея вѣдомству, были переданы въ непосредственное завѣдованіе различныхъ другихъ коллегій, а отъ камеры отняты, такъ что теперь камеръ-коллегія стала спеціальнымъ учрежденіемъ для нѣкоторыхъ только доходовъ и податей; въ то же время подушная подать находится въ вѣдомствѣ военной коллегіи ¹⁾, монетная и горная регалия—у бергъ-коллегіи; морскія пошлыны и нѣкоторые важные доходы съ государственныхъ имуществъ—у коммерцъ-коллегіи; гербовая бумага—у мануфактуръ-коллегіи и многіе другіе доходы—у другихъ коллегій и инстанцій". Мы видѣли, что такое распределеніе было возвращеніемъ къ старому національному порядку; но прусскій камералистъ-практикъ смотрѣлъ на дѣло другими глазами: „кто не видитъ изъ этого, заключаетъ онъ приведенную цитату, что дирекція и администрація камернаго и финансового дѣла представляеть здѣсь запутанный хаосъ, изъ котораго можетъ выйдти только величайшій вредъ, но извѣстному правилу: *quae ad omnes pertinet, ab omnibus negliguntur*"? Авторъ не могъ, конечно, предположить, что этотъ хаосъ былъ своимъ доморощеннымъ выводомъ изъ того же правила: *quiscujusque sicut commisit, ne ab omnibus negligatur*.

Но и внутри спеціализированнаго такимъ образомъ камернаго вѣдомства авторъ не находитъ признаковъ правильного порядка ²⁾. Инструкція, производящая себя отъ шведской, не позаботилась снабдить коллегію спеціалистами и распредѣлить между ними разные отдѣлы своего вѣдомства, какъ это превосходно устроено и въ Швеціи и въ другихъ мѣстахъ. Иностранцамъ, которые посажены въ коллегію, „до сего времени неизвѣстно даже количество и назва-

¹⁾ Въ 1724 г. „подушный осмигривенный сборъ вѣдомъ былъ", однако, еще „въ камеръ-коллегіи, а расходъ въ штатсъ-конторѣ". Сб. Н. Общ., LVI, 295.

²⁾ Дажѣ по рукописной запискѣ.

нія государственныхъ доходовъ, не говори уже о ихъ свойствахъ". „Понятно, что тотъ, кто не знаетъ дѣла, не можетъ его улучшить или привести въ новый порядокъ и регулировать то, о чемъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія". Вышній порядокъ занятій въ коллегіяхъ совершенно отсутствуетъ. Отчетности нѣтъ никакой: „за пять лѣтъ не было закончено ни одного счета en fogne, тогда какъ это одна изъ самыхъ существенныхъ потребностей камеръ-коллегій". Слѣдствіемъ безотчетности явилась значительная утайка государственныхъ податей, въ которой Кокиусъ частью прямо, частью косвенно обвиняетъ Фика. Но дѣлая своего настоящаго дѣла, коллегія тѣмъ не менѣе занята обширной и совершенно бесполезной канцелярской перепиской. Такъ же безотрадно смотритъ на дѣятельность коллегій и Фикъ въ цитированной выше запискѣ о реформѣ центральныхъ учреждений. „При теперешнемъ устройствѣ, говоритъ онъ, эта коллегія почти не можетъ ничего много дѣлать, какъ выполнять многочисленныя входящія распоряженія и класть резолюціи на множество рапортовъ, довошеній и челобитныхъ. А о томъ, какъ улучшить разоренное хозяйство и финансы страны и поднять благосостояніе подданныхъ, коллегія совѣмъ некогда думать".

Мы видѣли, что Кокиусъ жаловался на отсутствіе отчетности. Въ напечатанномъ проектѣ онъ требуетъ болѣе правильной организаціи контроля и регулярной дѣятельности ревизіонъ-коллегій. Послѣ смерти Петра этотъ вопросъ былъ поднятъ снова Ягужинскимъ ¹⁾ и, по его

¹⁾ Записка Ягужинскаго (*Уч. Общ. Ист. и Др. Р.*, 1860, IV, свѣд., 272): „ревизія поминѣ весьма недействительна, понеже счета не только не въ нѣ получены и не ревизованы и въ дѣйство не произведены, но и персона, кому то направлять, была еще не опредѣлена ... и нѣтъ ли какого ущерба, того безъ ревизіи знать не можно. И хотя нинѣ въ контору персона и опредѣлена, однакожь такъ сильно, какъ бы коллегія, выскрывать не можетъ, только приходится и о всемъ доносить въ сенатъ... Того ради, мнѣтся, *реально попрежнему учинить коллегію надлежитъ*, чтобъ безъ докладовъ счетъ и сильное замсаніе чинить могли". Съ этимъ надо сопоставить указъ 7-го іюля 1725 г., которымъ велѣно „оберъ-ревизіонъ-контору учинить попрежнему коллегію, дабы крѣпкое смотрѣніе было за приходами и расходами" (И. О. З. № 4753). Но по указу 7-го марта 1726 г. велѣно „ревизіонъ-контору нинѣ счетовъ въ полномъ вѣдѣніи въ сенатъ" (И. О. З. № 4847, § 13). Такимъ образомъ, указъ 7-го іюля 1725 г., не былъ исполненъ и восстановленіе коммерцъ-коллегіи совершенно уже распоряженіями верховнаго совета. Связь послѣднихъ съ запискою Ягужинскаго указана ниже; относительно этого пункта см. особенно въ Вумагахъ К. И. Арсеньева, 107—108, и въ Сб. И. Общ., т. LVI: въ засѣданіи 17-го окт. 1726 г. сенатъ представилъ доношеніе „о учиненіи ревизіонъ-конторы коллегію" (стр.

почину, верховнымъ совѣтомъ. Совѣтъ, подобно Кохиусу, призналъ, что ревизія существовала у насъ „только именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало; и оттого происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и о расходѣ и объ остаткахъ“. Указомъ 9-го января 1727 года велѣно было „учредить ревизионъ-коллегію на такомъ надежномъ основаніи, чтобъ счета годовые весьма порядочно слѣдовали и она бы коллегія обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ верховный тайный совѣтъ рпортовала и накрѣпко того смотрѣла, что не превосходить ли государственный расходъ приходу“¹⁾. Эта мѣра тѣмъ знаменательнѣе, что вообще верховный совѣтъ, какъ сейчасъ увидимъ, хлопоталъ о закрытіи по возможности присутственныхъ мѣстъ: тотъ же указъ повелѣлъ, что мануфактуръ-коллегію только „жалованье напрасно получаетъ“, и распорядился о ея упраздненіи; дѣла ея были переданы въ коммерцъ-коллегію; для „неважныхъ дѣлъ“ были назначены звніе съѣзды „въ фабрикантовъ—безъ жалованья“; по важнымъ они должны были „адресоваться“ къ особому „протектору“, сенатору Новосильцеву, и „довосять“ въ коммерцъ-коллегію²⁾. Еще равнѣе, именно указомъ 15-го іюля 1726 года, и штатсъ-коптора присоединена была къ камеръ-коллегіи³⁾. Наконецъ, въ томъ же 1726 г. верховный совѣтъ поднялъ вопросъ о сокращеніи штатовъ коллегій и рѣшилъ (того же 15-го іюля) уменьшить на половину составъ присутствія при президентѣ и вице-президентѣ: именно, вмѣсто 4 совѣтниковъ и 4 ассессоровъ оставить только по двое тѣхъ и другихъ, при чемъ и изъ нихъ половину отпускать погодию домой, и только другой половиной платить жалованье⁴⁾.

---

269); 4-го совѣтъ слушала это доношеніе (825); наконецъ, 20-го декабря представилъ докладъ объ этомъ государствѣ, со ссылкой на указъ 7-го іюля 1725 года (555).

¹⁾ Историческія бумаги, собранныя Арсеньевымъ (Сб. отд. русск. яз. и словесн. Имп. акад. наукъ, т. IX), 97 и II. С. З. № 5017, § 9.

²⁾ Бумаги Арсеньева, 94, 104—105 и II. С. З. № 5017, § 5. „А впрочемъ, что до мануфактуръ надлежитъ,—прибавлено въ послѣднемъ указѣ (24-го февраля 1727 г.),—то рассмотреть учрежденной коллегіи (комиссіи?) о коммерціи“ (это мнѣніе Остермана, см. бумаги Арсеньева, 105).

³⁾ II. С. З. № 4928. Разсужденіе объ этомъ въ верховномъ совѣтѣ (6-го іюля) см. въ Сб. И. Общ., т. LV, стр. 363, 405, 411, 460.

⁴⁾ Сб. И. Общ., т. LV, 383, 877, 405, 410, 458—458 (докладъ съ мотивами: помена въ такомъ множественномъ числѣ во управленіи лучшаго успѣху быть не можетъ, ибо оные всѣ въ слушаніи дѣлъ за одно ухо почитаются... отъ мно-

Кончая отдѣлъ о центральныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ и переходя къ областнымъ, упоминаемъ еще объ одной предполагавшейся мѣрѣ, касающейся связи между тѣми и другими. Кохиусъ предлагаетъ для улучшенія отчетности ввести по примѣру Швеціи и еще лучшимъ порядкамъ другихъ государствъ „частія камерныя визитаціи“: „это держитъ на уздѣ и на сторожѣ камерныхъ чиновниковъ, и отсутствіе указавій на это въ камерной инструкціи есть немаловажный пробѣлъ“. Ягужинскій, къ которому, какъ мы знаемъ, былъ направленъ проектъ Кохиуса, напоминаетъ также въ своей запискѣ, что еще Петръ опредѣлилъ, „чтобъ изъ сенаторовъ былъ одинъ, который бы объѣзжій былъ въ государствѣ во всѣхъ провинціяхъ, которымъ способомъ могло бы учиниться воровству пресѣченіе“¹⁾. Очевидно, результатомъ этого напоминанія была послышка графа Матвѣева—ревизовать Московскую губернію; въ указѣ, данномъ ему 8-го февраля 1726 г., его миссія представляется именно какъ исполненіе цитированнаго Ягужинскимъ петровскаго указа²⁾.

Мы уже знаемъ, что шведская система камернаго устройства провинцій была въ значительной степени искажена при самомъ введеніи ея. Приходское устройство было вовсе оставлено въ сторонѣ; новая уѣздная власть, земскій комиссаръ сталъ специальнымъ сборщикомъ подушной въ вѣдомствѣ военнаго приказа; въ результатѣ, уѣздъ остался даже безъ тѣхъ властей (воеводѣ), которыя были въ немъ ранѣе. Съ другой стороны, въ провинціи сохранены были всѣ камерные чиновники шведскаго ландгендингства, но послѣ изыятія изъ нихъ вѣдомства уѣздныхъ сборовъ имъ было нечего дѣлать. При томъ, и качество служащихъ было не особенно высокое. Кохиусъ требуетъ, чтобъ „въ провинціяхъ назначены были подходящіе камерные чиновники... потому что къ чему служить наилучшія правила и порядки, если нѣтъ людей, которые могли бы выполнять ихъ съ настоящимъ пониманіемъ заключающагося въ нихъ смысла?“ На предвидимое возраженіе, что сѣдущихъ людей не откуда взять, Кохиусъ отвѣчаетъ, что можно бы было научить наличный персоналъ: „время и усердіе могутъ здѣсь произвести то же слѣдствіе,

---

глаго разпогласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе, а въ жалованье наипраснѣи убытокъ происходить“), 474—475 (проектъ указа 15-го іюля 1726 г.; ср. П. С. З. № 4934).

¹⁾ Ягужинскій имѣетъ въ виду указъ 4-го апрѣля 1722 г. (П. С. З. № 3931), который, слѣдовательно, не исполнялся.

²⁾ Сб. И. Общ., т. LV, 202—203.

как и въ другихъ мѣстахъ". Вся бѣда въ томъ, что „камерное дѣло не достаточно серьезно начато“, что общая переимѣна введена сразу, безъ надлежащей подготовки. Еще важнѣе, чѣмъ эта неподготовленность областныхъ камерныхъ чиновниковъ,—безформенность финансовой администраціи, открывающая полную возможность произвола и воровства. „Большая часть доходовъ собирается неправильно и въ ненадлежащее время; плательщики по большей части не знаютъ, что и сколько должны платить, не получаютъ надлежащихъ квитанцій“; окладами книги не достаточны для контроля; въ сборахъ, взимаемыхъ безъ оклада, нѣтъ вовсе никакого контроля: „такимъ образомъ, бѣдные подданные предоставлены произволу сборщиковъ и вынуждены часто платить тотъ же налогъ нѣсколько разъ или въ большемъ количествѣ, чѣмъ положено; отсюда происходитъ великое разореніе для плательщиковъ, а касса ничего не выигрываетъ, такъ какъ эти лишки дѣлаются добычей частныхъ лицъ“. Благодаря отсутствію отчетности, касса даже „не получаетъ того, что ей слѣдуетъ; трудно доказать относительно нѣкоторыхъ доходовъ, что въ кассу не попадаетъ и третьей части сбора, хотя подданные уплачиваютъ его полностью или даже съ излишкомъ“¹⁾.

Ягужинскій не воспринялъ этой части разсужденій нашего автора, можетъ быть, потому, что зналъ, какой выводъ сдѣлаетъ изъ указанныхъ фактовъ правительство. Прусскій камералистъ думалъ искоренить указанное имъ зло порядками, введенными на его родинѣ Фридрихомъ Вильгельмомъ²⁾,—плучкой, строгимъ формализмомъ и отчетностью. Лица, ближе знакомыя съ русской дѣйствительностью, знали, что она не представляетъ возможности строгаго контроля, создавшаго профессиональную честность прусскихъ чиновниковъ. Въ приложеніи къ этой дѣйствительности верховный совѣтъ изъ тѣхъ же фактовъ, какіе указаны Кохиусомъ, сдѣлалъ совсѣмъ другой выводъ. Если вновь введенное чиновничество не соответствовало упрямденной системѣ финансовой администраціи, не представляло преимуществъ дѣловитости и не ввело порядка въ администрацію

¹⁾ О недостаткахъ администраціи—по печатному проекту; въ рукописи Кохиуса есть нѣсколько иллюстрацій послѣдняго положенія, относящихся къ доходамъ съ завоеванныхъ провинцій.

²⁾ О немъ, какъ образецѣ, одинъ разъ прямо упоминается въ запискѣ, и не разъ, конечно, подразумеваются прусскіе порядки, когда идетъ рѣчь объ образцовомъ и лучшемъ, чѣмъ даже въ Швеціи, камерномъ устройствѣ „другихъ государствъ“.

сборовъ, то какія же вообще оно представляло преимущества передъ прежнимъ? Качествомъ одинаковое, оно было только многочисленнѣе количествомъ, что само по себѣ отнюдь не составляло достоинства въ административномъ устройствѣ. „Нынѣ надъ крестьянами развѣ десять или и больше командировъ находится, вмѣсто того, что прежде былъ одинъ.... изъ которыхъ нѣмне не пастырини, но волками въ стадо ворваннися называтися могутъ“. „Всѣ тѣ разные правители имѣютъ свои особенныя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особенной свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ обидный народъ волочить; и всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцеляріи и канцелярскіе служители жить и пропитанія своего хотятъ“. Служа, такимъ образомъ, только „къ великой тягости народной“, новый порядокъ, сведенный къ „умноженію правителей и канцелярій во всемъ государствѣ“, составлялъ съ другой стороны „великое отягощеніе стага“¹⁾. Итакъ, задачей верховнаго совѣта становилось—привести составъ областного чиновничества въ соотвѣтствіе съ дѣйствующей административной практикой и сократить его во возможности. Въ засѣданіи 15-го іюня 1726 г. совѣтъ обсуждалъ недостаточность уѣздной администраціи и излишнюю численность провинціальной; къ 22-му іюня составлены были и „пробованы“ докладные пункты объ этомъ; предположено назначить въ уѣзды города (принисные къ провинціямъ) „вмѣсто воеводъ особыхъ управителей для судныхъ и расправныхъ дѣлъ“; 6-го іюля докладъ этотъ представленъ императрицѣ, которая велѣла „вмѣсто управителей опредѣлить воеводъ же“, потому что этотъ чинъ „уѣзднымъ жителямъ въ отпращиваніи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе“, и потому что такъ было прежде²⁾. Что касается провинціального управленія, вопросъ о немъ былъ рассмотрѣнъ въ засѣданіяхъ 6-го и 13-го іюля того же 1726 года. Согласно сенатскому донесенію верховный совѣтъ вѣшалъ, что послѣ назначенія „вмѣсто прежнихъ земскихъ сборовъ—подушныхъ денегъ“ и послѣ отдачи сбора ихъ „особымъ земскимъ комиссарамъ“, которые не подчинены провинціальнымъ властямъ, — „у камерировъ и у рентнейстеровъ противъ прежняго дѣла осталось мало“: именно у нихъ остались „одни таможенные, кабацкіе и канцелярскіе сборы“; при

¹⁾ Эти слова взяты изъ указа 9-го янв. 1717 г., но вопросъ объ излишней численности новаго чиновничества возникъ въ верховномъ совѣтѣ еще 1-го апрѣля 1726 г. См. Сб. И. Общ., LV, 189: „гражданскій штатъ ни отъ чего такъ не отягощенъ, какъ отъ множества служителей, изъ которыхъ по разсужденію великая часть отставлена быть можетъ“.

²⁾ Сб. И. Общ., т. LV, 363, 377, 405—406, 411, 460—461, LXIII, 64, 110.

томъ еще „многихъ городовъ таможенные сборы уже положены на магистраты“. Съ другой стороны, двойственность провинціальной финансовой администраціи, именно подчиненность камерирова камерь-коллегии, а рентмейстерова—штатсъ-конторѣ, вызываеъ „несогласіе у камерирова съ рентмейстеры въ рапортахъ“ и задержку „въ нужныхъ отправленіяхъ денежной казни“. Совѣтъ находилъ, что при этой двойственности „однѣ деньги въ двухъ рукахъ содержатся“, „въ каждой провинціи вмѣсто одной конторы—двѣ, а дѣлаютъ дѣло одно“ и въ результатѣ только „малыишее многое жалованье исходитъ“. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній верховный совѣтъ предлагалъ „рентмейстерова и ихъ подчиненныхъ—отставить, а быть только однимъ камерирамъ“. Въ этомъ смыслѣ и былъ опубликованъ указъ 15-го іюля 1726 г., нанесшій первый ударъ провинціальной камерной организаціи ¹⁾. Но на этомъ дѣло не остановилось. Уцѣлѣвшій камерный штатъ провинціи все еще казался слишкомъ многочисленнымъ и указомъ 9-го января 1727 года онъ былъ упраздненъ окончательно. „Всѣхъ лишнихъ управителей и канцелярій и конторъ земскихъ комиссарова и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить, и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторова и воеводу, ...отчего будетъ бѣдному народу сіе великое облегченіе, что вмѣсто разныхъ и многихъ канцелярій и судей токмо одну канцелярію знать будутъ, а статую будетъ великое умаленіе и тѣ на содержаніе тѣхъ разныхъ правителей и канцелярій и конторъ исходящія деньги сбережены будутъ и на другіе государственные пужнѣйшіе расходы употреблены быть могутъ“ ²⁾. Финансовая администрація „провинціи“ сосредоточена была въ рукахъ провинціального воеводы. Въ то же время признано было полезнымъ уничтожить ту независимость, которую теоретически провинція сохраняла, какъ склокъ съ шведскаго ландсгевдингства, и „подчинить воеводу губернаторамъ по прежнему (то-есть, до реформы 1719 года), чтобъ оные, вѣдая надъ собою ближнюю команду, осторожнѣе и исправнѣе поступали“ ³⁾.

¹⁾ Сб. И. Общ., т. LV, 413—414, 459—460, 476. Въ „Цвѣтушеніи состояніи Всероссийскаго государства“ *Кирилова*, написанномъ въ 1727 году, упоминаются уже одни камериры въ провинціяхъ.

²⁾ Бунага Арсеньева, 98—94. *Самозвѣтъ*, XVIII, 299, 304—305. П. С. З. №№ 5017, § 5, и 5033.

³⁾ П. С. З. № 5017, § 2. Обсужденіе этого указа въ верховномъ совѣтѣ см. въ бумагахъ Арсеньева, 102—103. О новостановленіи губернской финансовой ад-

Наказъ губернаторамъ и воеводамъ 12-го сентября 1728 года завершилъ, наконецъ, повятое движеніе въ исторіи областныхъ учреждений и внесъ нѣкоторый порядокъ въ сохранившіеся обломки петровской областной реорганизаци, свелъ въ систему всѣ предъидущія частныя мѣропріятія. Въ существенныхъ частяхъ этотъ порядокъ, установленный наказомъ 1728 года, пресуществовалъ до губернской реформы императрицы Екатерины II; уже по одному этому наказъ 1728 года заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ оказывала ему до сихъ поръ наша литература. По самому своему составу (и даже по названію) онъ точно отражаетъ въ себѣ смыслъ той ломки, которой онъ былъ результатомъ. „Наказъ“ принялъ въ соображеніе старую воеводскую „инструкцію“ 1719 года; но при новомъ губернскомъ порядкѣ нѣтъ неа надобилось взять весьма немногое (§ 1—введеніе съ присягой, §§ 17 и 18—о шлювахъ и развратникахъ въ вѣрѣ, § 37—передѣланъ изъ § 44 инструкціи 1719 года, § 52 изъ § 46). Воевода теперь былъ не контролеромъ только, а дѣйствующимъ лицомъ финансовой администраціи; замѣнилъ камериру и рентмейстера, онъ долженъ былъ руководиться самъ предписанными имъ прежде правилами. Дѣйствительно, наказъ 1728 года дѣлаетъ соответствующія заимствованія изъ инструкцій обояхъ упраздненныхъ камерныхъ чиновниковъ, приспособляя ихъ обязанности къ новому порядку. Подобно камериру, воевода ведетъ и провѣряетъ книги, необходимыя для отчетности; подобно рентмейстеру, онъ получаетъ сборы и расходуетъ ихъ не иначе, какъ по ассигновкамъ финансовыхъ коллегій. Но самое любопытное въ наказѣ 1728 года—это то, что всѣ эти заимствованія не дѣлаются механически, какъ въ переводныхъ со шведскаго инструкціяхъ 1719 года. Черезъ весь наказъ рѣзко проходитъ консервативная тенденція, приспособляющая къ новымъ требованіямъ старую дореформенную практику губернскихъ учреждений. Уже въ § 2 мы встрѣчаемъ, послѣ шведской присяги перваго параграфа; возвращеніе къ допетровскому

станціи злооталъ еще при жизни Петра Фикъ въ цитированномъ выше проектѣ, но съ цѣлью освобожденія камеръ-коллегій отъ ижеества дѣлъ. „Я нахожу, говорить онъ тамъ, довольно труднымъ въ такомъ большомъ государствѣ заведовать доходами во всѣхъ городахъ и провинціяхъ одной камеръ-коллегій“. „Хотя я и знаю, что е. ц. и. имѣлъ свои причины отменить губерніи, и что за неусовершенствоваіемъ губернаторовъ не можетъ существовать и губернскихъ камеръ“, однако онъ считаетъ необходимымъ ихъ учрежденіе. Какъ видно, здѣсь рѣчь идетъ не о сокращеніи, а о дальнѣйшемъ развитіи финансового управленія.

обычному началу воеводских наказов: точную реставрацию правил XVII века о сдаче города одним воеводой другому ¹⁾. В следующих параграфах (§§ 5—9, 11) наказ окончательно восстанавливает старую дореформенную власть городского воеводы и вместе ставит ее в определенное иерархическое отношение к сохранившимся от реформы инстанциям—провинции и губернии. „За городскими воеводами смотрение имеет провинциальных городов воеводамъ, такъ какъ и губернатору за своею губерніею смотрение имеет повелѣно: ибо какъ на губернаторатѣ за всю губернію, такъ и на провинциальномъ воеводѣ за его провинцію всякія несправности взыщутся“. Такимъ образомъ, „провинція“ окончательно сделана промежуточной областной инстанцией между „городомъ“ и „губерніею“.

Обязности воеводы определяются в наказѣ также согласно съ старымъ порядкомъ и съ действительными задачами правительства, чѣмъ въ инструкціяхъ 1719 года: мѣсто шведскихъ распоряженій о благоустройствѣ сообщеній и порядкѣ содержанія гостинницъ занимаютъ детальныя распоряженія о ловлѣ воровъ и разбойниковъ и о пользованіи ямскою повинностью; шведскія мѣры облегченія въ платежахъ при эпидеміи, неурожай или пожарѣ, частью отложенныя до дальнѣйшаго обсужденія, частью предоставленныя на усмотрѣніе мѣстныхъ чиновниковъ въ инструкціяхъ 1719 года, теперь замѣняются детальными распоряженіями о карантинныхъ и о предосторожностяхъ отъ пожара, въ значительной степени почерпнутыми изъ воеводскихъ наказовъ XVII столѣтія ²⁾. На старій приказный ладъ перестраивалась и областная канцелярія; наказъ приказывалъ „все прежде бывшія въ разныхъ копторахъ дѣла, а нынѣ въ единой собранныя, между канцелярскими служителями росписать, какъ прежде бывали, повѣты или столы“ ³⁾. „По прежнимъ обычаямъ“ устроилось также и финансовое дѣлопроизводство областной канцеляріи, веденіе ея „окладныхъ“, „приходныхъ“, расходныхъ“ и „домочинныхъ“ книгъ, форма и рубрики ея финансовыхъ отчетовъ, форма приходчиковъ и расходчиковъ; только движеніе суммъ въ высшія инстан-

¹⁾ П. С. З. № 5333.

²⁾ §§ 38—39. Ср. *Чичерина*, Обл. учр., 183. *Андреевскаго*, О наместничьихъ воеводахъ и губернаторатѣ, 96—99. Сюда же относятся распоряженія, касающіяся рыночной полиціи, §§ 43—45. См. также *Лешкова*, Русскій народъ и государство, 510—511, 533.

³⁾ § 4.

ціи и періодическая отчетность передъ послѣдними регулированы были преимущественно подъ вліяніемъ новыхъ камерныхъ порядковъ ¹⁾).

При общемъ сокращеніи расходовъ на областную финансовую администрацію, правительство отказалось и отъ только что введеннаго порядка взиманія городскихъ сборовъ. Мы видѣли, что къ этимъ сборамъ приставлены были отставные военные, и только вслѣдствіе оказавшейся невозможности замѣнить ими немедленно всѣ мѣста, сенатъ дозволилъ оставить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборы на время въ рукахъ посадскихъ людей ²⁾). Новый порядокъ повлекъ за собой и новый расходъ—на жалованье нривительственнымъ сборщикамъ: указъ 9-го января 1727 г. вчислялъ этотъ добавочный расходъ приблизительно въ 70 тысячъ; между тѣмъ, по замѣчанію того же указа, „пользы отъ того никакой нѣтъ, кромѣ ссоръ и кражи“. На этомъ основаніи сенатъ предлагалъ: „не лучше ли положить всѣ тѣ сборы на магистраты въ посредственный, а не въ самый великій окладъ; и чтобъ оныя магистраты къ тѣмъ сборамъ кого знаютъ опредѣляли, и что тѣ опредѣленные ими выбранны не выберутъ, и то взять на нихъ, магистратахъ, а лишнее сверхъ положеннаго оклада оставить имъ на общую пользу городовую“. Это предложеніе было принято и осуществлено указомъ 24-го февраля 1727 г.; то же распоряженіе повторено и въ указѣ 1728 г. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи правительство возвратилось къ порядкамъ XVII столѣтія ³⁾).

§ 40. Намъ остается познакомиться съ результатами реформы въ податной системѣ. Выдѣленіе подушной подати и прямое обращеніе ея на содержаніе арміи были, какъ мы знаемъ, главнымъ средствомъ, съ помощью котораго Петръ вышелъ изъ затруднительнаго финансового положенія и восстановилъ равновѣсіе въ бюджетѣ. Теоретическія возраженія противъ введенія подушной мы встрѣчаемъ уже при жизни Петра: въ извѣстной намъ запискѣ Кохіуса (текстъ, на-

¹⁾ §§ 21—23, 32, 34 (по указу 1714 г., который въ свою очередь возстановлялъ порядокъ, существовавшій при „продажѣ государевыхъ“, см. § 27, стр. 417), 35 (о квитанціяхъ съ осмыкой на „прежніе обмычалъ“; ср. также проектъ, напечатанный *Лоссельюмомъ*, 250). Правила воденія книгъ, предписываемыя указомъ 1728 г., до мелочей копируютъ книги приказовъ (въротно, и приказныхъ книгъ) XVII столѣтія. Конечно, и здѣсь шведскіе порядки внесли большую радикальность и регулярность производствъ.

²⁾ См. выше, § 36.

³⁾ Вумаги Арсеньева, 94—95; П. С. З. №№ 5017, § 5; 5383, § 26. Ср. выше § 1, стр. 13—14; § 9.

печатана. Посольством) авторъ замѣчаетъ, что прямой налогъ долженъ быть пропорціональнымъ, „такъ чтобъ каждый соотвѣтственно своему имуществу несъ одинаковую тяжесть съ другимъ“. При этомъ условіи можетъ оказаться, что „одно лицо обложить 20-ю копѣйками—слишкомъ много, а другое и рублемъ—мало: если брать съ тѣхъ, съ кого нечего взять, и щадать тѣхъ, съ кого можно взять больше“¹⁾. Это возраженіе имѣло бы значеніе, еслибы, какъ представляетъ себя иностранецъ-камералистъ, дѣло шло при введеніи подушной объ устройствѣ новой квотативной подати. Но о такой подати не могло и мечтать наше правительство; для этого необходимо было стать въ прямые отношенія къ каждому плательщику посредствомъ устройства низшихъ инстанцій финансовой администратціи, вродѣ шведскаго кирхшпиля. Конечно, подушная подать не предполагала правильной и періодической кадастраціи, какаю лежала въ основѣ шведскаго налога земельнаго; но съ нашей административной системой нельзя было рассчитывать услѣдить даже и за количественными измѣненіями въ составѣ плательщиковъ, не говоря уже о качественныхъ измѣненіяхъ въ ихъ налоговоспособности. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при самомъ введеніи подушной подати законодатель вовсе не имѣлъ въ виду удержать реального значенія за своимъ счетомъ платежныхъ „душъ“; § 8-я инструкціи, данной лицамъ, посланнымъ для расположенія полковъ на души, прямо говоритъ: „которыя души въ сказкахъ были написаны, а послѣ того померли,—и таковыхъ изъ той переписи никого не выключать, а положить въ сборъ съ прочими душами, а вмѣсто того младенцевъ, которые послѣ той переписи родились, въ наличное число не класть“²⁾. Такимъ образомъ, ревизская душа стала счетной,

¹⁾ *Posselt, Leibnitz*, 247—248. Отголосокъ того же возраженія находимъ у Лесорта, въ его запискѣ о ревизіи 1727 г. Сб. Р. И. Общ. III, 516; „il est au reste sûr, que cette capitation, quand on la mettrait à 20 copecks, ne trouvera jamais de proportion pour le bien de l'état, à cause de la différence des provinces d'un vaste état, comme la Russie“. Теоретическій характеръ имѣютъ и возраженіе Посошкова, несмотря на плохую шутку, которой оно сопровождается: „Душа вещь неославаемая и умомъ непостижимая и цѣны непонимая; надлежитъ цѣнить вещи грунтовыми“. Соч. I, 185.

²⁾ П. С. З., № 8901. То же предполагалось и при обещаніи подушной. Въ *ошибочныхъ случаяхъ*, особенно тотчасъ послѣ введенія новой раскладки, подушная подать, правда, могла быть „понята въ буквальный смыслъ“; налогоплательщики-крестьяне пользовались ею для того, чтобы свалить тяжесть налога на многодетныхъ скудныхъ; но это—только одно изъ проявленій социальной борьбы, существовавшей и при всѣхъ предыдущихъ системахъ рас-

а не реальной душой, уже во время самаго производства ревизіи вѣсть съ этникъ и новая подать получила прежній, репартиціонный характеръ; а подчиняясь процессу раскладки, она теряла этотъ признакъ неподвижности оклада, который вызывалъ возраженія иностранцевъ. Возраженія со стороны лицъ, болѣе знакомыхъ съ нашей финансовой практикой, были вызваны не этникъ, а нѣскольکو ными соображеніями. Прежде всего, при нормальномъ движеніи населенія и при нѣкоторой продолжительности дѣйствія перенесъ страна болше мингривала, чѣмъ проигрывала отъ взимаемаго подати по ревизіи, а не паличимъ душамъ. Но въ данномъ случаѣ этникъ условій не было на лицо: населеніе продолжало быстро убывать и послѣ ревизіи. Разговоръ объ этомъ поднялся въ тайномъ совѣтѣ уже немедленно послѣ его открытія. Размышляя о средствахъ, могущихъ понадобиться для грозившей войны, члены совѣта находили, что „на сборы подушныхъ денегъ слабая есть надежда“; кромѣ надежей скота и неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, плательщики приводятъ и такой „резонъ“ въ доказательство, „что де положеннаго на нихъ числа подушныхъ денегъ платить имъ невозможно“: „послѣ перенесъ многіе крестьяне, которые могли работою своею доставать деньги, померли и въ рекруты взаты и разбѣжались—нѣкоторые въ Сибирь и въ башкиры, а нѣкоторые за рубежъ польскій и литовскій; а вѣсто де того, хоти вновь и родились, по потребно отъ нихъ ожидать плода,—чтобы работою могли получать на платежъ деньги,—лѣтъ двадцать, а по меньшей мѣрѣ пятнадцать; а которые ни нѣ работою могутъ получать деньги на государственную подать, такихъ осталось малое число, и тѣ за умершихъ и за взатыхъ въ рекруты и за бѣглыхъ принуждены бывають платить, чего свестъ не могутъ, понеже де во многихъ мѣстахъ восходить великой платежъ на оставшихъ“¹⁾. Отдѣльными сильными людьми, какъ, напримѣръ, Меньшикову, удавалось добиваться снятія части подушныхъ, въ виду этой сильной убыли населенія²⁾; но въ общемъ, какъ видимъ, перенесъ 1719—23 гт.

кладки. Нечего и говорить, дажѣ, что, обезпечивая нѣкоторую равновѣрность *опушки* податной общины, раскладка подушной подати вовсе не обезпечивала равновѣрности платежей между различными податными группами. Ср. В. О. Ключевскому, Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи, *Русская Мысль*, 1886, V, стр. 114—116.

¹⁾ Сб. Р. Ист. Общ., т. LV, 21—22. Иллюстрацію къ такой убыли населенія даетъ Ягужинскій въ своей запискѣ (*Уч. О. Ист. и Др.*, 1860, II, 271).

²⁾ Сб. Р. Ист. Общ., т. LXIII, 747, 760—768.

пришлось играть такую же роль, какую раньше играла перепись 1678 г.: давать правительству фактивно-высокія цифры платежнаго населенія. Только новое „навальное“ письмо было на столько же тяжеле, на сколько новая прямая подать была больше старых, которыя она замѣнила. „Хотя въ прошедшее военное время было и не безъ тягости“, — разсуждали члены верховнаго совѣта, воротась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ вопросу „о народныхъ тягостяхъ въ платежѣ подушныхъ“, — однакожь не сравнительно съ нынѣшними: понеже тогда на армію входило меньше двухъ милліоновъ¹⁾, а нынѣ съ крестьянъ положено четыре милліона; тогдажъ провіантъ и фуражъ собиравъ натурой, а нынѣ платять за все деньгами“²⁾. Итакъ, верховный совѣтъ находилъ тягости петровскаго времени „несравнительными съ нынѣшними“ и полагалъ, что „если (крестьянамъ) какаго поправленія нынѣ не показать, то впредь въ непоправляемое бѣдство притить могутъ“; другими словами, онъ признавалъ мѣры для облегченія народной нужды неотложными.

Буквально тѣ же разсужденія мы находимъ въ запискѣ Ягужинскаго, поданной около этого же времени. „Далѣе сего такъ продолжать“ авторъ считаетъ не возможнымъ; онъ предлагаетъ „взять на письмѣ мнѣнія у всѣхъ господъ министровъ, какимъ образомъ въ настоящихъ конъюнктурахъ... поступать“; самъ же полагаетъ „за лучшее исправленіе“ — „на подданныхъ положить то, что понести могутъ“, то-есть, „въчто еще (крошъ скидки 4 коп.) подушныхъ денегъ убавить“. Къ тому же заключенію пришелъ совѣтъ въ упомянутомъ выше засѣданіи 22-го іюня 1726 г.; вѣроятно, уже нынѣ передъ собою мнѣніе Ягужинскаго, онъ „по многимъ разсужденіямъ приказалъ написать въ докладѣ мнѣніе, чтобы, не допуская до послѣдняго и впредь непоправляемаго бѣдства крестьянъ, изъ подушныхъ денегъ учинить сбавку еще“, припавъ за основаніе расчета старую таблицу военнаго расхода 1712 г. (вмѣсто новой 1720 г.); „а провіантъ и фуражъ собирать бы натурой“. (Итимъ, однако, жо и удовольствовались члены тайнаго совѣта; вопросъ „о тягости народной“ опять на нѣсколько мѣсяцевъ былъ забытъ и поднялся только тогда, когда о немъ напомнило неаккуратное поступленіе подушной къ концу того же 1726 года. Въ октябрьскихъ и ноябрьскихъ засѣданіяхъ члены совѣта распорядились собрать объ этомъ свѣдѣнія; но разошлись во

¹⁾ Ср. цифры табельнаго армейскаго расхода и прямыхъ податей выше.

²⁾ Сб. И. Общ., LV, 378.

миѣнникъ, можно ли удовлетвориться вѣдомостями, доставленными военной, адмиралтейской и камеръ-коллегіей, или слѣдуетъ сдѣлать повѣрку ихъ особо назначенной комиссіей ¹⁾). Однако же, одно предположеніе оказалось возможнымъ осуществить и безъ дальнѣйшихъ справокъ, именно о платежѣ, по желанію, провіанта и фуража натурой; въ этомъ смыслѣ рѣшено было „публиковать въ народъ“ указъ уже 12-го декабря 1726 г. ²⁾). Дальнѣйшій ходъ обсужденія виденъ изъ много разъ датированнаго выше указа 9-го января 1727 г. Поднятый собитомъ вопросъ о томъ, „чтобы изъ подушнаго сбора нѣчто убавить“, дѣйствительно, не могъ быть рѣшенъ до опредѣленія, „какою суммою армія и флотъ по крайней мѣрѣ содержаны быть могутъ“. Такъ какъ разрѣшить это затрудненіе простымъ возвращеніемъ къ военной табели 1712 года было, очевидно, нельзя, то указъ 9-го января назначилъ для пересмотра табели 1720 г. особую комиссію ³⁾). Но предположеніемъ объ убавкѣ подушнаго оклада указъ 9-го января не ограничивается и даетъ вопросу о „народной тягости“ новую и болѣе широкую постановку. „Бѣдные российскіе крестьяне“, замѣчаетъ указъ, „не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати подушной разоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками“. Другими словами, здѣсь впервые указывается на то обстоятельство, что не только налогъ самъ по себѣ, но—и главнымъ образомъ—форма его взиманія разоряетъ плательщиковъ. Съ этой точки зрѣнія указъ 9-го января приходитъ къ полному и важному рѣшенію—отказаться отъ непосредственнаго содержанія войска населеніемъ посредствомъ расквартировки полковъ на „вѣчныя квартиры“ въ уѣздахъ. Мы уже указывали на то, въ какой степени мало подходилъ русскій порядокъ земскаго содержанія полковъ на шведскій образецъ, имѣвшійся въ виду Петромъ. Изъ слѣдующаго выше (стр. 631 и 637) сравненія обоихъ видно, почему устройство, достигавшее, дѣй-

¹⁾ Сб. Ист. Общ., т. LVI, 261, 267, 268, 282, 292—297 (*Кромѣ провіантскихъ, семигривеннаго оклада подушнаго считается здѣсь 2.509.418 р.; на 1725 годъ собрано 2.181.719 р.; на двѣ трети 1726 г. 928.767. Очевидно, только послѣдняя цифра могла впускать усиленныя опасенія. Перечисленіе причтвъ домики по рапортамъ олицеровъ см. тамъ же), 308, 324—325 (опять поднять вопросъ во весь объемъ и „ничили о томъ довольное сужденіе о обавкѣ по 12 или по 20 коп. съ души“), 379, 542. Томъ LXIII, 5.*

²⁾ Сб. Ист. Общ., т. LVI, 457, 612. П. С. З. № 4986.

³⁾ Бумаги Арсеньева, 87.

ствительно, въ Швеціи облегченія страны, у насъ только способствовало разоренію населенія. Суровую критику поубадной расквартировки арміи содержатъ и указъ 9-го января. „Хотя блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ, говорится здѣсь, полки по дистриктамъ селить указалъ, будучи въ такой надеждѣ, что оное будетъ для лучшаго содержанія арміи и въ пользу подданныхъ; но какъ нынѣ всѣмъ видно и въ поданныхъ намъ мнѣніяхъ показано, — не такъ послѣдовало, но наче показываются изъ того многія неудобности“. „Лучшее содержаніе арміи“ не достигнуто, такъ какъ расположенный на 50—100 верстахъ полкъ „не безъ великой трудности будетъ... собирать и смотрѣть и учить“, также и предупреждать побѣги и своевольтва. „Полеза подданныхъ“ достигается еще въ меньшей степени, такъ какъ „помѣщикамъ и крестьянамъ не возможно миновать отъ обидъ, происходящихъ отъ солдатъ, а наипаче когда оныя въ отдаленія будутъ отъ своихъ офицеровъ; а легко ль крестьянину, оставя свою работу, съ солдатомъ въ судъ идти, о томъ всякой разсудить можетъ“. Содержаніе полковыхъ дворовъ и солдатскихъ квартиръ, тѣмъ тяжеле и не производительнѣе, что „рѣдко когда случится полкамъ дѣйствительно въ нихъ стоять“. Въ виду всѣхъ этихъ военныхъ и финансовыхъ соображеній, въ выгодахъ мобилизаціи и дисциплины, также какъ въ интересахъ сельскаго и торговаго населенія, указъ приходитъ къ рѣшенію вывести полки съ убадныхъ квартиръ и поселить ихъ при городахъ¹⁾. Такимъ образомъ, отмѣняется еще одна изъ самыхъ основныхъ чертъ петровской реорганизаціи.

Проектыруемые намъ обшчія мѣропріятія, указъ 9-го января считалъ нужнымъ принять также и немедленныя одновременныя мѣры: онъ предлагаетъ „для скорѣйшаго облегченія крестьянъ и для утѣшенія и надежды народной“ отсрочить платежъ подушной подати до сентабра 1727 года, „пока отъ насъ, по имѣвшему довольномъ разсужденіи, по состоянію нуждъ государственныхъ положено будетъ, по чему впредь платить“²⁾.

Для обстоятельнаго же разрѣшенія послѣдняго вопроса указъ предполагаетъ „учредить вскорѣ особливую коммиссію“, которая опредѣлитъ какъ размѣръ, такъ и форму пріамаго налога: „съ душъ, такъ, какъ нынѣ, или, по примѣру другихъ государствъ, съ однихъ

¹⁾ Бумаги Арсеньева, 86, 91—92.

²⁾ Ibid., 87—88.

работниковъ (напримѣръ, отъ 10 до 60 лѣтъ, „какъ обычай въ Швеціи“), или... съ двороваго числа, или съ тягolah, или съ земли положить“. Къ сентябрю коммиссія должна была представить свои заключенія, „дабы съ сентября мѣсяца по тому окладу, который положенъ будетъ, настоящій сборъ начать“¹⁾.

Подобно другимъ пунктамъ указа 9-го января, наложенныя мѣры подверглись оживленному обсужденію членовъ совѣта²⁾ и затѣмъ, съ измѣненіями въ деталяхъ, были опубликованы рядомъ указовъ въ февралѣ и мартѣ 1727 года³⁾. Уже по первому изъ этихъ указовъ, 9-го февраля, полковымъ офицерамъ, занимавшимся сборомъ подушной, велѣно было немедленно ѣхать къ своимъ командамъ; вниманіе подушной возложено на однихъ земскихъ комиссаровъ, поставленныхъ въ прямую зависимость отъ воеводъ; при томъ, комиссарамъ запрещено ѣздить для сборовъ въ уѣзды, а велѣно принимать взносы въ городѣ⁴⁾. Исполненіе этихъ распоряженій должно было замедлиться вслѣдствіе того обстоятельства, что не во всѣхъ городахъ были на лицо воеводы, и временно приходилось оставить у сбора полковыхъ комиссаровъ⁵⁾; затѣмъ, пришлось оставить въ уѣздахъ полковыхъ лошадей „до травы“—и для наблюденія за ними—по оборъ-офицеру отъ полка⁶⁾; наконецъ, и дожидаться добровольной уплаты подати въ городѣ оказалось неудобнымъ; 22-го мая велѣно послѣ просрочки посылать въ уѣзды нарочныхъ для правева подушной⁷⁾ Но въ главномъ распоряженіи указовъ 9-го января и 9-го февраля были выполнены: въ июльскихъ засѣданіяхъ совѣтъ обсудилъ подробности выведенія полковъ изъ уѣздовъ и поселенія ихъ при горо-

¹⁾ Бумага Арсеньева, 88—89.

²⁾ Бумага Арсеньева, 98—108 и Сб. Ист. Общ., LXIII, 22—23, 26, 49—51 (жизніе Голицына), 63—65 (Голицына и Остермана), 70—72, 81, 82, 105—106, 107—109 (жизніе герцога Голштинскаго), 109—111 (жизніе Меньшикова), 111—113 (жизніе Остермана), 113—117. Единственное извѣщеніе, внесенное преніями въ тѣ предположенія указа 9-го января, которыя наложены въ этомъ §, состояло въ томъ, что, вѣсто отерочки платежа подушныхъ до сентября, правительство отерочило сборъ ихъ только за майскую третъ (такъ какъ за январскую сборъ уже начался), стр. 100 и 105 и П. С. З. № 5010.

³⁾ Главный изъ нихъ—указъ 22-го (24) февраля, П. С. З. № 5017 и Сб. Ист. Общ., LXIII, 135—144.

⁴⁾ Сб. Ист. Общ., LXIII, 70, 100, 105—107 (П. С. З. № 5010).

⁵⁾ Сб. И. Общ., т. LXIII, 250, 259, 447; LXIX, 265.

⁶⁾ Сб. Ист. Общ., т. LXIII, 138, 152—153, 178.

⁷⁾ Сб. Ист. Общ., т. LXIII, 562—563 и П. С. З. № 5079.

дах¹⁾. Не так успешно подвигалась деятельность комиссии по пересмотру размѣровъ и формы прямаго налога. Начальникомъ этой комиссiи еще въ февралѣ—мартѣ былъ назначенъ кн. Дм. Мих. Голицынъ²⁾. Мы видѣли, что къ сентябрю эта комиссiя должна была представить свои заключенiя, въ ожиданiи которыхъ приостановленъ былъ сборъ подушныхъ за майскую треть. Въ августѣ оказалось, однако, что „о той убавкѣ за краткостью времени разсмотрѣнiя не учтено“; въ виду этого, Голицынъ вошелъ въ совѣтъ съ предложенiемъ—сложить вовсе съ плательщиковъ майскую треть подушныхъ денегъ. Это предложенiе и было принято³⁾. Но въ то же время (31-го августа) комиссiя получила повторительное приказанiе: „то разсмотрѣнiе (то-есть о уменьшенiи подушной) учинить немедленно“. Вѣроятно, въ отвѣтъ на это внушенiе Голицынъ представилъ 17-го сентября отчетъ о своей дѣятельности, изъ котораго видно, что ни одно изъ учрежденiй, къ которымъ онъ обращался за свѣдѣнiями, не сообщило ему почти никакихъ вѣдомостей. Совѣтъ постановилъ подтвердить приказанiе о немедленной высылкѣ вѣдомостей подт. угрозой штрафа; несмотря на этотъ указъ, дѣло, однако же, затянулось; напримѣръ, камеръ-коллегiя только въ 1729 году выслала Голицыну свои свѣдѣнiя⁴⁾. Воспользоваться ими Голицынъ, по всей вѣроятности, не успѣлъ, когда событiя 1730 г. низвергли и его, и

¹⁾ Сб. Ист. Общ., т. LXIX, 4, 9, 10—23 (вѣдомости о нововъ расиредрѣленiи полковъ); ср. распоряженiе Петра II о переименованiи полковъ по городамъ въ ноябрѣ 1727 г., ib., 633—637. Манштейнъ сообщаетъ, что Петровское расиредрѣленiе полковъ по влободамъ вовсе не было завершено, и полки съ 1723 по 1732 г. нѣли квартиры въ городахъ и сосѣднихъ съ городами деревняхъ (Лрп. 1771, 559). Но онъ, повидимому, не знаетъ, что раселенiе по городамъ произведено специальными распоряженiями верховнаго совѣта. Несомнѣнно, впрочемъ, что петровская расквартировка войскъ не была завершена къ 1727 году, когда началось ихъ выселенiе въ города. Ср. П. О. *Ключевскаго*, Подушная подать ете въ Русск. Мысли, 1886, V, стр. 116—117.

²⁾ Сб. Ист. Общ., LXIII, 120, 219, 237—238.

³⁾ Сб. Ист. Общ., LXIX, 225, 259, 264—266, П. С. З. № 5148.

⁴⁾ Дальнѣйшия подробности о дѣятельности комиссiи Голицына въ 1728—1729 гг., можетъ быть, сдѣлаются известными изъ слѣдующихъ томовъ Протоколовъ тайнаго совѣта, издаваемыхъ Императорскимъ Историческимъ Обществомъ (вышли томы LV, LVI, LXIII, LXIX, которыми мы пользовались въ этой главѣ). Вѣдомости, отправленныя въ комиссiю кн. Голицына изъ камеръ-коллегiи въ 1729 г., въ Арх. мин. юстицiи, Дѣла камеръ-коллегiи, являя 30, лл. 1—369.

самый тайный совѣтъ. Уменьшеніе подушнаго оклада такъ и не состоялось до вступленія на престолъ Елизаветы.

Точно также, какъ подушная подать, подвергалась вопросу и другая характерная черта петровской финансовой политики: усиленная эксплуатация регалій; и точно также, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ этой эксплуатаци, обнаружившемся, какъ мы видѣли, еще при Петрѣ, противоположныя правительственныя мѣры оказывались въ концѣ концовъ слабыми, колеблющимися и не доводились до конца: очевидно, сознавая экономическій вредъ регальной политики, правительство не имѣло возможности отказаться отъ непосредственныхъ выгодъ ея для фиска.

Въ частности, изъ монетной регаліи,—давшей, казалось, въ первые годы Сѣверной войны все, что она могла дать,—правительство нашло способъ извлечь новые доходы, перейдя отъ перечековки серебряной монеты къ новымъ и усиленнымъ выпускамъ мѣдной и увеличивъ нарицательную цѣну послѣдней сравнительно съ содержаниемъ металла ¹⁾. Уже при Петрѣ это новое направленіе вызвало осужденія компетентныхъ людей. „Увеличиваетъ ли введенная масса легковѣсной и равновѣсной мѣдной монеты камерные доходы?“—спрашивалъ Кохіусъ ²⁾, и продолжалъ: „къ сожалѣнію, приходится отвѣчать на это отрицательно и при томъ прибавить, что такое увеличеніе: 1) вредно для государя, такъ какъ хотя оно и приноситъ при выпускѣ вдвое или втрое противъ капитала, но при укладкѣ ея въ правительственную кассу казна получаетъ только внутреннюю цѣну металла, такъ какъ доказано, что деньги должны считаться такимъ же товаромъ, какъ другіе, и въ концѣ концовъ сводится къ своей внутренней цѣнности; 2) приносить непоправимый вредъ странѣ, такъ какъ страна наводняется отсюда дурной монетой, а хорошая монета вывозится изъ нея“.

Увеличеніе количества мѣдной монеты въ обращеніи и появленіе массы поддѣльной монеты вызвало уже при Петрѣ и проекты ея выкупа. Люберасъ, въ качествѣ президента бергъ-коллегии, сдѣлалъ 15-го декабря 1721 года слѣдующія предложенія объ этомъ ³⁾. Такъ какъ, по его мнѣнію, понизить просто нарицательную цѣну существующей мѣдной монеты нельзя безъ полнаго разоренія подданныхъ, а за-

¹⁾ См. выше, § 29.

²⁾ *Posselt, Leibnitz*, 253.

³⁾ Арх. мин. иностр. дѣл., бумаги Любераса, № 91: *Ohnmassegebil. Reflections über die Reclamirung der kupfernen Copieken.*

мѣнить ее новой полнолѣсной не позволяетъ бѣдность казны, то остается произвести выкупъ съ помощью монеты новаго чекана и новой нарицательной цѣны. Именно „можно было бы сдѣлать изъ двадцати пяти мѣдныхъ копѣекъ монету нарицательной цѣной въ рубль или 100 копѣекъ“ съ чеканомъ, болѣе тонкимъ и труднымъ для поддѣлки; такую же монету изъ $12\frac{1}{2}$ копѣекъ въ полтинникъ. „Такимъ образомъ можно перелить всю сумму копѣекъ, и $\frac{3}{4}$ ея вернуться въ казну“. Люберасъ полагаетъ, что при такой замѣнѣ легковѣсной мѣдной монеты новой, въ четыре раза болѣе легковѣсной, „тѣнѣеший прочно установившійся кредитъ мѣдныхъ копѣекъ вполне сохранится“. Итакъ, авторъ предлагаетъ съ помощью $\frac{1}{4}$ находящейся въ обращеніи монеты выкупить остальные три четверти. Въ будущее же время, когда рудники начнутъ приносить доходъ, можно будетъ „выкупить все по настоящей цѣнѣ мѣдными платами (Platen); неудобство отъ тяжести такихъ платъ можно облегчить учрежденіемъ депозитнаго банка“. Совѣты Любераса, несомнѣнно, приняты были по вниманію. Указомъ 28-го іюня 1723 года Петръ велѣлъ сдѣлать для обмѣна старыхъ мѣдныхъ денегъ (не пятидесяти и двадцати-пяти, а) пятикопѣечники новаго образца, какъ совѣтовалъ Люберасъ, съ болѣе тонкимъ чеканомъ и съ рубчиками по краямъ для затрудненія поддѣлки; содержаніе металла должно было быть уменьшено въ нихъ, но не вчетверо, а вдвое (вмѣсто 20 рублей въ пудѣ—по 40 рублей, какъ вообще было принято съ 1718 года ¹⁾). „Но потомъ за болѣзнію, а паче за кончиною Е. И. В. по тѣмъ указамъ не исполнено“, говорится въ одномъ указѣ 1727 года ²⁾. Такимъ образомъ, вопросъ о выкупѣ мѣдной монеты предстоило разрѣшить новому правительству. За три года (1723—1726) выяснилось прежде всего, что операція выкупа должна получить болѣе широкіе размѣры. Петръ велѣлъ сдѣлать мѣдныхъ пятикопѣечниковъ всего на полмилліона, но по свѣдѣніямъ бергъ-коллегии мѣдной монеты стараго чекана (1700—1718) обращалось въ народѣ и подлежало выкупу 1.732.940 рублей ³⁾. Между тѣмъ добровольно поступило въ обмѣнъ за 1723—26 годы включительно—всего $86\frac{1}{2}$ тысячъ. Очевидно, что для перечекалки пользы было ждать пріхода старой мѣдной монеты, а нужно было пустить

¹⁾ П. С. З. № 4258 и 4276. Прибыль отъ обмѣна должна была по указу 1725 г. передѣлываться въ мѣдныя плиты.

²⁾ П. С. З. № 5027 и Сб. И. Общ., т. LXIII, 220.

³⁾ Наши цѣны, приняты выше, разнятся отъ этой, см. § 29.

въ дѣло казенную наличную мѣду и подрядить новый запасъ ея. Въ этомъ смыслѣ и сдѣлала предложеніе бергъ-коллегія 31-го декабря 1726 года ¹⁾. Но въ это время какъ разъ подняты были извѣстные намъ вопросы о народной тягости и необходимости ея облегченія; подъ правымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ новый выпускъ мѣдныхъ денегъ получилъ совершенно иное назначеніе: вся прибыль отъ перечековки мѣды въ пятикопѣечники должна была теперь пойти не на выкупъ мѣдной монеты, а на покрытіе правительственныхъ расходовъ. Положеніе дѣлъ, приведшее къ такой перестановкѣ задачи, чрезвычайно откровенно формулировано въ именномъ указѣ кабинету 26-го января 1727 года ²⁾. „Необходимая нужда требуетъ, говорится въ указѣ, изъ двухъ одно выбрать...: или денегъ умножить, или расходовъ убавить“. Но объ убавкѣ расходовъ „уже до сего времени тианіе было, и не много или почитай и ничего“ не удалось убавить; „а объ убавкѣ армейскихъ расходовъ опасно и думать“. Итакъ, остается „умножить денегъ“, и при томъ такъ, „чтобъ и подданные были въ податяхъ облегчены, и армія и флотъ, какъ главнѣйшія крѣпости государственныя, въ добромъ содержаніи были, и настоящая всенародная скудость въ деньгахъ снабдена быть могла, и капиталъ денежный для всякихъ незанныхъ случаевъ въ запасѣ всегда быть“. Всѣхъ этихъ цѣлей разомъ достигалъ выпускъ мѣдной монеты. „Того ради, для облегченія крестьянъ въ податяхъ и ради всѣхъ вышевыпущенныхъ необходимыхъ крайнихъ нуждъ, а особливо чтобъ не остановить поминскихъ расходовъ“, указъ повелѣвалъ „умножить, какъ наискорѣе, мѣдной пятикопѣечной монеты до толикаго числа, сколько по настоящимъ нуждамъ заблагоразсуждено будетъ“, на первый же случай выпустить ея „не меньше дву милліоновъ“. Официально выпускъ пятикопѣечниковъ долженъ былъ производиться „подъ тѣмъ видомъ, что готовятся они только на пережѣлу старыхъ копѣечниковъ“; но „тайнымъ образомъ“ всю прибыль велѣно было отсылать „въ Москву, въ контору военной коллегіи, на поминскіе расходы“ ³⁾. Рѣшаясь, такимъ образомъ, вмѣсто уменьшенія на новое умноженіе мѣдныхъ денегъ, правительство очень хорошо понимало вредъ этой мѣры, но утѣшало себя тѣмъ.

¹⁾ Сб. И. Общ., LXIII, 222—224.

²⁾ П. С. З. № 5003.

³⁾ Чтобы увеличеніе монеты въ обращеніи было менѣе замѣтно, принята была и еще одна предупредительная мѣра: вслѣдствіе чеканки пятикопѣечники старыми *итетелелетъ*.

что по миновании текущей нужды надо будет „впредь стараться весьма ее (мѣдную монету) перевести“ и для этого будущаго выкупа принимало вполне планъ Любераса: сдѣлать запасы серебра и мѣди, начекавить изъ послѣдней мѣдныя „плати“: „и когда государственныя капиталы серебряныхъ денегъ, такожъ и плати умножатся, государство во всемъ исправится и подданные облегчены и въ доброе состояніе придутъ,—тогда всѣ мѣдныя деньги выкупить въ казну, за которыя платятъ серебряными деньгами и платами“. Въ ожиданіи же этого болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, тайный совѣтъ постановилъ 7-го іюня 1727 года—сдѣлать 2 милліона пятиконѣечниковъ, 1 милліонъ копѣекъ и $\frac{1}{2}$ милліона полушекъ ¹⁾. Въ виду, очевидно, неотложной нужды казначейства, чеканка пятиконѣечниковъ пошла очень быстро; съ 20-го февраля по 20-е августа было сдѣлано 1,16 милліона, а къ 24-му сентября уже 1,92 милліона, такъ что до предположенныхъ 2 милліоновъ оставалось дочекавить 0,08 милліона. Къ послѣднему числу оставалось въ обращеніи мѣдной монеты 1.582.850 рублей; то-есть, сравнительно съ расчетомъ конца 1726 года обмѣнъ ея почти вовсе не подвинулся ²⁾. Напротивъ, на военныя нужды ассигновано было 600.000 рублей, или почти вся прибыль отъ передела ³⁾. Такимъ образомъ, обмѣнъ не состоялся; напротивъ, скоро

¹⁾ Сб. И. Общ., т. LXIII, 657, 661; П. С. З. №№ 5088, 5089.

²⁾ Сб. И. Общ., т. LXIX, стр. 38—40, 281, 327, 480, 493,—494. Въ декабрь 1726 г. бергъ-коллегія считала, какъ мы видали, общій выпускъ мѣдной монеты въ 1.732.940 р., да по ея же показанію вычтено изъ этого количества въ 1723—1727 гг. 86.536 р.; следовательно оставалось въ обращеніи 1.646.404 р. Итакъ, вновь обмѣнено съ 1-го января по 24 сентября 1727 г. 1.646.404 р. — 1.582.850 = 63.554 рубля.

³⁾ Сб. И. Общ., т. LXIX, 494. Впрочемъ, действительно послано по 26-е сентября только 325.000 р., „а достальныя до указа удержаны“. О дальнѣйшихъ выпускахъ мѣдной монеты и попыткахъ ея выкупа см. ср. Толсмаю, Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи, 189—202; Е. Н. Ламанскаго, Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 г. въ Сб. Статист. свѣд. о Россіи, изд. стат. отд. Имп. р. геогр. общ., II, 93—95, 104—115, 125—128 („съ самаго начала учрежденія, говорить авторъ, ассигнаціонныя банки были чисто депозитныя банки и имѣли главною цѣлью облегчать ходеніе мѣдныхъ денегъ“. Такимъ образомъ только при Елизаветѣ осуществлялось предложеніе Любераса,—ассимиляціи замѣнили мѣдную монету, скопившуюся въ банкахъ. Ср. выше, стр. 701), 130—131; И. Пятлаевскаго. Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 года, Одесса, 1868, стр. 223—253. Авторъ старается опровергнуть мнѣніе современниковъ и послѣдователей, что русскій рынокъ былъ наводненъ мѣдной монетою. „Количество мѣдной монеты не превышало потребностей рынка“;

правительство прибѣгнуло къ новымъ выпускамъ мѣдной монеты, и послѣдняя продолжала вызывать опасенія и затрудненія правительства до Екатерины II, до замѣны мѣднаго кредита бумажнымъ.

Не многимъ удачливѣе были мѣропріятія верховнаго совѣта относительно ограниченія эксплуатаціи другихъ регалій—соляной и табачной. Мы знаемъ уже и то печальное состояніе, въ которое привела казенная продажа соли соляной промышлень, и тѣ жалобы на „безсолицу“ со стороны населенія, которыя вывѣсть съ жалобами соле-промышленниковъ побуждали правительство отказаться отъ соляной регаліи ¹⁾. Вопросъ „объ отдачѣ въ вольную торговлю соляныхъ промысловъ и продажи“ былъ рѣшенъ (по доношенію комиссіи о коммерціи) въ положительномъ смыслѣ въ засѣданіи совѣта 26-го мая 1727 года; въ декабрѣ того же года комиссія о коммерціи выработала подробности относительно пошлиннаго сбора съ вольной продажи соли ²⁾. Кабинетъ, получавшій, какъ мы знаемъ, весь доходъ съ соляной регаліи, соглашался удовольствоваться, вмѣсто прежняго оклада 662 тысячи значительно меньшей цифрой 400 тысячъ, для „облегченія народою тягости“ ³⁾. Дѣйствительное уменьшеніе дохода казны

„однимъ пріемъ въ податяхъ былъ совершенно достаточною гарантіею ея кредита“; поэтому „во весь разсматриваемый періодъ мы не находимъ никакихъ признаковъ обезцѣненія мѣдныхъ денегъ“ (ср. объ этомъ противоположныя мнѣнія Кохлуса и Любераса). „Одно правительство чувствовало большія неудобства отъ ланьма мѣдной монеты въ его кассы; поэтому всѣ мѣры противъ наношенія вреднаго вліянія мѣдныхъ денегъ на народное хозяйство вытекали изъ желанія устранить мѣду изъ казенныхъ сборовъ“. Со всѣмъ этимъ едва ли можно вполне согласиться. Въ качествѣ развѣчной монеты и въ раздробительныхъ цѣнахъ мѣдныхъ денегъ, дѣйствительно, могли, какъ думалъ и Люберасъ, сохранить нарицательную цѣну; но они не могли не оказывать вліянія на оптовыя цѣны, скопившись въ правительственныхъ кассахъ. Исчезновеніе изъ обращенія и отливъ изъ страны серебряной монеты есть фактъ несомнѣнный. Абсолютныя цѣны этой убили серебра и прѣбыли мѣды могли быть не особенно значительны, но въ то же время имѣть очень большое относительное значеніе при слабости нашего внутренняго обиха.

¹⁾ Выше, § 29.

²⁾ П. С. З. №№ 5085 и 5219; Сб. И. Общ., LXIII, 595 и LXIX, 918—922. Въ послѣднемъ мѣстѣ напечатано интересное доведеніе комиссіи, вполне подтверждающее наше изображеніе состоянія соляной промышленности при казенной продажѣ.

³⁾ Сб. И. Общ., т. LXIX, 919—990. Дѣйствительныя цѣны солянаго прихода 1724—26 гг. показаны здѣсь по двумъ различнымъ доношеніямъ камеръ-коллегіи различно (ср. выше § 38):

при свободной продажѣ было, однако же, еще значительнѣе предположеннаго; указъ 10 августа 1731 года считаетъ, что „отъ ннѣшней вольной продажи казенный доходъ не только уменьшился (сравнительно съ 600 тысячъ средняго прихода до 1727 года), но почитай въ треть того въ казну нашу приходитъ“ (то-есть, около 200 тысячъ). Такъ какъ, по утвержденію того же указа, и цѣль народнаго облегченія при вольной продажѣ не достигается, ибо, „какъ слышно, кунцы по уѣздамъ народу соль продаютъ цѣвою, какъ сами хотятъ, съ тягостью“¹⁾, то этотъ указъ и восстановилъ казенную продажу²⁾. До средины ннѣшняго столѣтія продолжались, однако, колебанія между вниманіемъ солянаго дохода въ видѣ регалин или въ видѣ акциза, и только десять лѣтъ назадъ правительство отказалось отъ того и другаго.

Не такъ затруднителенъ былъ вопросъ о табачной регалин. Мы видѣли выше, что англійская компанія отказалась отъ табачной монополіи въ виду ея невыгодности³⁾; по той же причинѣ отказалось отъ табачной регалин и правительство. Уже при Петрѣ именьнымъ указомъ 7-го апрѣля 1723 года велѣно было „въ продажѣ табака дать волю“ и замѣнить регалию пошлиной; но тогда сенатъ оставилъ въ казенныхъ рукахъ черкасскій табакъ, опасаясь отдачи его „въ

1724 г.	579.337 р.	(по другому доношенію 658.794 р.)
1725 г.	559.069 „	(„ „ 575.267 „)
1726 г.	559.492 „	(„ „ „ „)

Цифра 400.000 р. подсказана въ одномъ продолженіи, поданномъ въ комиссію о коммерціи. Авторъ утверждаетъ, что изъ оклада 600 тыс. въ казну попадаетъ, за вычетомъ жалованья служебному персоналу и за другія потери, едва 400 тыс.; что эти 400 тыс. при свободной продажѣ съ избыткомъ вносились въ казну; одинъ Строгановъ платилъ гривенной и трехъ-денежной пошлины, около 200 тыс.; купечество покупало у Строгановыхъ соль въ разныя руки и развозило по уѣздамъ и деревнямъ и продавало крестьянамъ въ обихъ на хлѣбъ, пеньку, холсты „безъ всякой трудности“; это купечество тоже платило пошлину „и тако тройная пошлина быти кнѣва и безъ сумнѣнія быти можетъ, что не меньше вышеозначенной суммы 400 тыс. въ казну доходило, а купечество распространялось и крестьяне превеликой тягости не мѣляли“. Гоеуд. Арх. Каб. д. ка. № 93, л. 596—597.

¹⁾ Ср. также замѣчанія о предложеніи Посошкова выше, стр. 525. Дальнѣйшую судьбу соляной регалин см. у гр. Толстаго, *Исторія енисевскихъ учрежденій Россіи*, 180—182; *И. И. Инжула*, *Основныя начала енисевской науки*, стр. 492—493.

²⁾ П. О. З. № 5827.

³⁾ § 16.

вольный торгъ¹⁾ подорвать казенный табачный заводъ въ Ахтыркѣ. Комиссія о коммерціи устранила это соображеніе, заявивъ, что она „изъ онаго завода чрезъ прошедшіе 8 лѣтъ (съ 1719 года) прибыли не находятъ, и впредь²⁾ быть не уиовають“: что табакъ съ этого завода дѣлается „не по большому числу“ и даже это число по высокой казенной цѣнѣ „не скоро изъ казны распродаютъ“. Тогда въ августѣ 1727 года правительство разрѣшило вольную табачную продажу³⁾. Но только со времени Екательрины II табакъ окончательно пересталъ быть регалией.

Подводя итоги всему сказанному въ послѣднихъ двухъ параграфахъ, мы находимъ, что, несомнѣнно, дѣятельность верховнаго совѣта представляеть собою реакцію противъ какъ финансовой администраціи, такъ и податной системы Петровскаго времени. Но эта реакція вовсе не составляетъ протеста противъ реформы, а, напротивъ, есть ея дальнѣйшее развитіе и осуществленіе въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Русская дѣйствительность необходимо должна была реагировать противъ буквального примѣненія къ ней иностранныхъ образцовъ. Законность этой реакціи была прежде всего признана самими тѣми лицами, которымъ поручено было введеніе новыхъ порядковъ. Стоя вообще довольно далеко отъ вопросовъ внутренняго законодательства, Петръ могъ не предвидѣть такой реакціи, но разъ онъ съ ней столкнулся, онъ и самъ призналъ ея необходимость и первый началъ ту „ломку“ только что введенныхъ воярдовъ, которую закончили его сотрудники въ верховномъ совѣтѣ. При Петрѣ и послѣ его смерти—это одни и тѣ же лица, одни и тѣ же вопросы, одни и тѣ же приемы ихъ рѣшенія. При жизни императора эти лица дѣлали то же дѣло правда, постоянно полукаемия имъ торопиться; но и по смерти его они не могли отложить дѣло въ дальній ящикъ, потому что, въ сущности, торопила не императоръ, а потребности текущей минуты; торопили тѣ „необходимыя крайнія нужды“ арміи и флота, то „крайнее и всеконечное разореніе“ плательщиковъ, тотъ страхъ, „чтобы все не упустилось на великое безславіе и вреду го-

¹⁾ Вопреки расчетамъ Посошкова на возможность „милліонной прибыли“ (Соч. I, 137). Посошковъ принялъ въ соображеніе только одну сторону дѣла—возможность расширенія производства, но не обратилъ вниманія на невозможность расширенія сбыта.

²⁾ Сб. И. Общ., т. LXIX, 250—253, 314—320 и П. С. З. № 5164. Дальнѣйшую исторію табачной регалии и акциза см. у гр. Толстаго, Фин. учр. Россіи, 174—175; Н. И. Лихуды, Осн. нач. ест. науки, 459—468.

сударственную", та опасность „конечной гибели и бѣдства", та необходимость „какъ внутри, такъ и внѣ государства для цѣлости государства и народу мѣры взять", о которыхъ безпрестанно говорится въ проектахъ, преніяхъ и указахъ верховнаго совѣта. Эти мотивы одинаково объясняютъ какъ быстрый успѣхъ мѣръ, принятыхъ совѣтомъ для сокращенія расходовъ (казенныхъ и народныхъ) на финансовую администрацію, на издержки изиманія, такъ и неудачу другихъ мѣръ, направленныхъ къ уменьшенію податныхъ тягостей и къ отиѣнѣ казенныхъ регалій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Заключеніе.

Планъ изложенія. Первый періодъ реформы: разрушеніе приказнаго строя, какъ слѣдствіе объединенія финансовой администраціи въ виду возрастанія военныхъ потребностей. Увеличеніе бюджета и новые источники доходовъ: 1) въ монотной операціи, 2) въ переоборудованіи казенныхъ стѣпей (Ижерская канцелярія), 3) въ коммерческихъ предпріятіяхъ казны. Первая общая реформа 1708—1712 гг.: пересмотръ бюджета, сосредоточеніе поступленій въ губернскихъ кассахъ и направленіе ихъ на важнѣйшія нужды. Процессъ сформированія губернскихъ центровъ. Паденіе центральныхъ учреждений, устройство севата, перепись 1710 года. Недостатки новаго устройства; частныя финансовыя попытки; необходимость общей административной и финансовой реорганизаціи. Вторая общая реформа 1718—1722 гг. 1) Административная реформа: реставрація центральныхъ учреждений (переходъ къ новой столицѣ) и реорганизація областныхъ по шведскимъ образцамъ. Отношеніе второй реформы къ первой. 2) Податная реформа: ея теоретическая разработка (лаандратская перепись 1717 г.) и практическое осуществленіе. Результаты введенія подушной подати—для бюджета. Несогласованность податной и административной реформы. Судьба реформы послѣ Петра. Ограниченность его личнаго участія въ государственной реформѣ. Отношеніе изученнаго круга явленій къ другимъ сторонамъ реформы.

При большомъ количествѣ неизданнаго матеріала, который приходилось группировать въ предыдущихъ главахъ, — слѣдить за общимъ планомъ и за руководящими мыслями изслѣдованія, можетъ быть, не всегда было легко непосвященному читателю. Чтобы дать возможность легче ориентироваться въ предлагаемой работѣ, мы сочли великимъ напомнимъ здѣсь еще разъ связь главныхъ ея частей. Это общее резюме содержанія книги будетъ выѣстъ съ тѣмъ и общимъ изображеніемъ хода реформы Петра Великаго. Читатель замѣтилъ, конечно, что именно изученію хронологическаго хода реформы

мы подчинили общій планъ изложенію. Поступивъ такимъ образомъ, мы сами лишили себя преимуществъ изложенія систематическаго; но намъ казалось, что при настоящемъ состояніи изученія вопросъ о гезевыхъ и общемъ ходѣ реформы долженъ быть разрѣшенъ ранѣе систематическаго изображенія разныхъ частей реформы.

Въ ея общемъ ходѣ мы дѣлимъ реформу Петра на три періода, соотвѣтствующіе тремъ отдѣламъ нашего изслѣдованія: періодамъ приказнаго, губернскаго и коллежскаго хозяйства. Первый періодъ, кончавшійся 1709-мъ годомъ, есть время разрушенія стараго государственнаго порядка. Второй періодъ, продолжавшійся отъ 1710 до 1718 г., характеризуется кризисомъ какъ государственнаго хозяйства, такъ и государственныхъ учреждений; въ которое подобіе порядка, функционировавшаго въ этомъ періодѣ, создается исключительно подъ влияніемъ неотложныхъ текущихъ потребностей государственнаго хозяйства и сложившихся ежедневной практикой способовъ ихъ удовлетворенія. Наконецъ, третій періодъ занятъ систематической реорганизацией государственнаго строя, едва успѣвшей закончиться къ концу царствованія Петра Великаго, а въ ближайшіе годы послѣ него потерпѣвшей существенныя измѣненія.

По отношенію къ каждому изъ этихъ періодовъ наше изложеніе опять распадается на три части: мы изучаемъ, во первыхъ, происхождение и историческіе прецеденты каждой изъ отмѣченныхъ трехъ перемѣнъ, во вторыхъ, организацію каждаго изъ трехъ смѣнившихся порядковъ и, въ третьихъ, ихъ примѣненіе на практикѣ. Такимъ образомъ, глава I излагаетъ происхождение, глава II—организацію и глава III—функционированіе приказнаго финансоваго строя; главы V—VII происхождение, организацію и функционированіе смѣннаго его губернскаго строя; наконецъ, главы VIII—X происхождение, организацію и осуществленіе на практикѣ новой административной и податной реформы.

Зародыши разрушенія стараго приказнаго строя мы нашли еще до Петра Великаго. Признаки этого разрушенія мы слѣдили въ XVII в. въ паденіи старыхъ областныхъ финансовыхъ приказовъ (четвертей), въ сосредоточеніи ихъ сборовъ въ рукахъ специальныхъ учреждений и въ сліяніи ихъ потомъ съ вѣдомствами, сохранившими финансовую силу и концентрировавшими финансовыя поступленія. Параллельно съ паденіемъ старой финансовой администраціи мы отмѣтили, далѣе, и разрушеніе старой податной системы: мы видѣли, какъ старая (сошпан) раскладочная система замѣнена была, сперва для новыхъ эк-

странных сборовъ, а потомъ и для старыхъ податей, системой по-дворнаго обложения; какъ выѣстъ съ переложениемъ старыхъ податей съ сохи на дворъ происходило и слiанiе ихъ въ единый прямой налогъ. Восходя къ причинамъ этихъ перемѣнъ въ области административной и податной, мы замѣтили, что тѣ и другiя вызываются одинаково возростанiемъ военныхъ потребностей государства, постоянныхъ и временныхъ. Мы отмѣтили также и то увеличенiе податныхъ тягостей, которое вызывалось этимъ ростомъ военного расхода.

Всѣ указанная тенденцiи финансовою исторiи XVII в. сохраняются и въ петровское время, но военная дѣятельность Петра съ самаго начала сообщаетъ имъ несравненно большую интенсивность. Подъ влiанiемъ нуждъ, вызванныхъ образованiемъ поной армiи и понаго флота, правительство, во первыхъ, концентрируетъ окончательно въ одномъ учрежденiи большую часть старыхъ сборовъ, а, во вторыхъ, начинаетъ создавать одинъ за другимъ новые источники поступленiй. Первая мѣра стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ мѣрориврѣтiями XVII столѣтiя: сосредоточенiе большинства старыхъ сборовъ въ новомъ учрежденiи, Ратушѣ, довершаетъ то, что было начато реформой 1681 г., сосредоточившей меньшее количество ихъ въ Большой Казнѣ. Выѣстъ съ этимъ, довершается и разрушенiе старыхъ областныхъ приказовъ: четыре изъ нихъ, исключительно финансовыя, съ учрежденiемъ Ратуши совсѣмъ прекращаютъ свою дѣятельность (Костромская, Устюжская, Галицкая и Владимирская чети); четыре другiя, соединявшiе съ финансовымъ вѣдомствомъ и военное, лишаются всего своего дохода и начинаютъ содержаться изъ средствъ Ратуши (Новгородскiй, Малороссiйскiй, Смоленскiй и Носольскiй); наконецъ, еще три, имѣвшiе болѣе широкую компетенцiю, передаютъ Ратушѣ значительную часть своихъ доходовъ и теряютъ въ соответственной степени свое старое финансовое значенiе (Казанскiй и Большой Дворцы, Разрядъ). Только одинъ Сибирскiй приказъ, изъ группы старыхъ областныхъ, остается неприкосновеннымъ. По рядомъ съ этимъ крупнымъ шагомъ къ объединенiю финансоваго управленiя мы видимъ явленiя противоположнаго характера: появленiе новыхъ (или обновленныхъ) специальныхъ военныхъ приказовъ, обеспечиваемыхъ и новыми налогами, отдаваемыми въ ихъ непосредственное распоряженiе (Военный приказъ съ драгунскимъ сборомъ, Адмиралтейскiй съ корабельнымъ, Военный морской—съ доходомъ отъ денежной операцiи, Оружейная палата и Преображенскiй приказъ—съ частью новыми, частью старыми пошлинными сборами). Организацiя финансоваго управленiя,

какъ она сложилась подъ вліяніемъ этихъ противоположныхъ тенденцій, изложена нами въ главѣ II. Тамъ же можно видѣть и общій результатъ финансовыхъ мѣропріятій этого времени, увеличившихъ русскій бюджетъ вдвое сравнительно съ бюджетомъ 1680 г.: съ 1½ милл. до 3-хъ милл. смѣтнаго ежегоднаго дохода.

При такомъ положеніи дѣлъ началась Сѣверная война. Первыхъ девяти лѣтъ ея было достаточно, чтобы привести старыя учрежденія къ окончательному кризису. Основной причиной этого кризиса было быстрое возрастаніе расхода, превисившее какъ параллельный ростъ охода, такъ и платежную способность населенія. Одинъ поспешный расходъ съ 2-хъ милл. поднялся до 3-хъ слишкомъ, а общій расходъ государства—съ 2,5 милл. до 3,8 милл. Цѣлый рядъ вспомогательныхъ источниковъ дохода придуманъ былъ для покрытія увеличившихся потребностей. Первой въ этомъ ряду стоитъ денежная операція, состоявшая главнымъ образомъ въ перечежаніи старой серебряной монеты въ новую, содержавшую на прежнюю нарицательную цѣну почти вдвое менѣе металла. Операція дала очень большую прибыль, среднимъ числомъ по 946.451 р., въ первые три года войны (1701—1703); вторе меньше, именно по 312.764 р., въ слѣдующіе три года, и еще меньше, по 224.625 р., въ остальные три года¹⁾; на послѣдней цифрѣ приблизительно и остановился доходъ отъ монетнаго передѣла въ остальное время царствованія Петра. Изъ денежной прибыли платились огромныя субсидіи королю Августу, до тѣхъ поръ пока изслѣпованіе этого источника не заставило русское правительство—прекратить ихъ уплату, а Августа—помириться съ Карломъ XII и отказаться отъ польской короны. Итакъ, прибыль отъ перечежанья монеты оказалась довольно непрочнымъ источникомъ дохода; иначе и не могло быть, такъ какъ количество этой прибыли зависѣло отъ количества обращающейся въ странѣ серебряной монеты; чѣмъ больше ея прошло черезъ монетные дворы въ первые годы перечежанья, тѣмъ меньше оставалось на слѣдующіе; постоянный же новый притокъ металла въ страну, хотя и существовалъ, но въ очень ограниченномъ размѣрѣ: это была исключительно ввозная иностранная монета, такъ какъ собственные рудники едва начинали разрабатываться. Не давъ, такимъ образомъ, постоянного прочнаго дохода, порча денегъ понизила цѣнность остальныхъ доходовъ страны, такъ какъ курсъ монеты съ уменьшеніемъ ея вѣса упалъ также почти

¹⁾ Если же взять только 1707—1708 гг., то опять вдвое меньше, по 189.954 р.

вдвое. Въ противовѣсъ этому обезцѣненію денегъ, казна, естественно, должна была увеличить размѣры своихъ поступленій, и прежде всего въ той области, въ которой ея отношенія къ плательщикамъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ: то-есть, она должна была путемъ переоброчки увеличить аренду съ своихъ оброчныхъ статей. Для увеличенія доходности казеннаго хозяйства употреблены были приказчики Меншикова, его дворовые люди, распредѣлившіе между собой завѣдованіе отдѣльными казенными статьями подъ главнѣйшимъ начальствомъ свѣтлѣйшаго князя. Новое учрежденіе, засѣдѣвшее на его дворѣ въ Семеновскомъ и получившее, по его титулу, названіе Ижерской канцеляріи, начало дѣйствовать съ 1704 года; къ переоброцкѣ старыхъ статей оно присоединило изоброченіе новыхъ: владѣльческихъ рыбныхъ ловель, домашнихъ бань, мельницъ, постоялыхъ дворовъ; въ управленіе тѣхъ же „боярскихъ людей“ отдано было также собственно дворцовое хозяйство, то-есть, вѣдомство Большаго Дворца, и сборъ ясака изъ вѣдомства Казанскаго Дворца. Такимъ образомъ съ учрежденіемъ Ижерской канцеляріи потеряли значеніе еще два территориально-финансовыхъ вѣдомства. Въ результатѣ дѣятельности новаго учрежденія къ 1708-му году на 299¹/₂ тысячъ стараго оброчнаго оклада прибавилось по переоброцкѣ 242 тыс. и совсѣмъ новыхъ оброчныхъ сборовъ 127¹/₂ тыс., то-есть, общая доходность оброчныхъ статей поднята была на 369¹/₂ тысячъ, или почти въ 2¹/₄ раза. Такой успѣхъ переоброчки, вначалѣ казавшійся еще болѣе блестящимъ, чѣмъ видно по этимъ цифрамъ увлекъ правительство въ хозяйственно-промышленныя предпріятія; къ большому неудовольствію какъ своего, такъ и иностраннаго купечества, казна взяла въ свои руки съ 1705 г. продажу соли и табака и въ 1707 г. цѣлый рядъ сырыхъ продуктовъ, служившихъ важнѣйшими предметами русскаго вывоза. Такъ какъ соль давала до 300 тысячъ, а казенные товары до 100 тыс. ежегоднаго дохода, то въ общемъ итогѣ финансовыя предпріятія правительства (кромя денежной прибыли) увеличили на миллионъ ¹) окладной доходъ государства. Выванный новыми настоятельными нуждами, этотъ миллионъ новыхъ поступленій расходовался помимо общаго государственнаго бюджета, и поэтому мы не можемъ прослѣдить его употребленіе; но не можетъ быть сомнѣнія, что весь онъ былъ распределенъ на новые расходы, и все-таки соединенные ресурсы обоихъ бюджетовъ, стараго и

¹) Считаю ок. 600 тысячъ *весь* доходъ Ижерскихъ канцелярій.

новаго, скоро перестали покрывать постоянно возростающіе расходы. На 1710-й годъ, при расходѣ 3,8 милліоновъ, смѣтныхъ поступленій предвидѣлось только 3,3 милліона, то-есть, ожидался полумилліонный дефицитъ. Дѣйствительная наличность, правда, была выше смѣтной; съ остатками предыдущихъ лѣтъ она въ 1702—1703 гг. доходила до 6½ милліоновъ; но эти остатки также годъ отъ году уменьшались, такъ что въ 1708—1709 гг., считая сверхбюджетный милліонъ, наличность центральныхъ учреждений составляла около 4½ милліоновъ. Въ виду этихъ угрожающихъ явленій, правительство рѣшилось произвести коренной пересмотръ стараго бюджета и обратиться его поступления на наиболѣе настоятельныя новыя нужды, перелая, такимъ образомъ, ожидаемый дефицитъ на менѣе настоятельныя потребности. Такъ какъ, по взгляду правительства, наименѣе нужными расходами была мѣстные, и такъ какъ по старой финансовой практикѣ эти мѣстные расходы удовлетворялись, наоборотъ, рѣньше общегосударственныхъ, то волюнѣ послѣдовательно было захватить государственные сборы уже въ мѣстныхъ кассахъ, равнѣе чѣмъ часть ихъ употреблена была на мѣстныя нужды, а другая выслана въ центральныя учреждения. Захватывая, такимъ образомъ, поступления въ самомъ ихъ источникѣ, правительство могло распорядиться въ полномъ ихъ развѣрѣ и прямо изъ мѣстныхъ кассъ направлять на покрытіе важнейшихъ общегосударственныхъ нуждъ, минуя центральныя учреждения. Такова идея первыхъ петровскихъ губерній.

Образованіе мѣстныхъ кассъ далеко не было, однако же, простой идеей: онѣ уже существовали фактически къ тому моменту, когда понадобились правительству для новой организаціи государственнаго хозяйства. Эти мѣстныя кассы съ давнихъ поръ создавались по мѣрѣ надобности для мѣстныхъ военныхъ потребностей; теперь только опредѣлено было формально ихъ взаимное отношеніе: ихъ излишки и недостатки должны были восполнять другъ друга по общей системѣ. Система эта называлась табелью 1710 года.

Изучая прецеденты налаженнаго новой табелью порядка, мы опять обратились къ XVII-му столѣтію. Тамъ мы нашли процессъ образованія мѣстныхъ кассъ для военныхъ цѣлей уже значительно подвинувшимся; мы видѣли, какъ подъ вліяніемъ войнъ Алексѣя Михайловича сформировались на окраинахъ мѣстные штабы и какъ при Феодорѣ сдѣлана была даже попытка распространить дѣленіе на военно-финансовыя округа на всю остальную Россію. Попытка эта

тѣмъ ближе къ губернской организаціи Петра, что въ основѣ ея лежала та же самая идея территориализаціи арміи, которую хотѣлъ осуществить по шведскому образцу Петръ Великій. Не доведенная до конца въ XVII-мъ столѣтіи, организація военно-финансовыхъ округовъ быстро и незамѣтно осуществлялась подъ вліяніемъ военныхъ потребностей перваго десятилѣтія XVIII вѣка. Постройка воронежскаго флота и азовской гавани вызвали образованіе военно-финансоваго воронежско-азовскаго вѣдомства; завоеваніе Ингрии и Карелін сопровождалось отдачей покоренныхъ земель въ „губернацію“ Меньшикова, къ которой присоединились, для увеличенія мѣстныхъ военныхъ и морскихъ силъ, сосѣдніе уѣзды Пскова, Новгорода и Олонда. Затѣмъ, наступленіе Карла XII вызвало сосредоточеніе военныхъ силъ и финансовыхъ ресурсовъ въ рукахъ смоленскаго воеводы и кіевскаго губернатора; волненія въ Поволжь заставили отдать доходы казанскаго и астраханскаго округовъ въ распоряженіе мѣстныхъ властей. Такимъ образомъ, губернскіе центры опредѣлялись сами собой; къ центрамъ сами собой тянули тѣ уѣзды, которые связаны были съ ними территориальной группировкой XVII столѣтія; такъ создались основныя очертанія петровскихъ губерній, и реформѣ оставалось только передать остальные города, не попавшіе въ военную группировку по своему центральному или сѣверному положенію, въ специальное вѣдомство тѣхъ начальниковъ, которые и до сихъ поръ имѣли надъ ними главную власть: сѣверные города въ вѣдомство начальника Ратуши, а центральные въ вѣдомство начальника Рязида (Архангелогородская и Московская губерніи). Оставалось далѣе систематически распредѣлить между губернскими кассами главнѣйшіе государственные расходы. Поступленія окраинныхъ губерній С.-Петербургской, Кіевской и Азовской были при этомъ цѣлкомъ обращены на содержаніе мѣстныхъ войскъ; затѣмъ, главнѣйшій расходъ всѣхъ губерній долженъ былъ состоять въ содержаніи расквартированной между ними арміи; наконецъ, изъ остатковъ должны были высылаться опредѣленныя суммы на дворцовые, адмиралтейскіе, полевые и артиллерійскіе расходы, а изъ Московской и Казанской губерній— на пополненіе средствъ другихъ губерній. Такимъ образомъ были распредѣлены всѣ 3 милліона окладныхъ поступленій губерній (расчитанныхъ по среднему сбору 1705—1707 гг.), и на покрытіе мѣстныхъ губернскихъ расходовъ не оставалось ничего.

Естественнымъ послѣдствіемъ передачи государственныхъ сборовъ и расходовъ въ губернскія кассы было окончательное паденіе цент-

ральной администраціи. Учрежденія, поглотившія старыя областныя приказы, Ратуша и Ижерская канцелярія, были сами теперь уничтожены съ раздачей ихъ сборовъ по губерніямъ: точнѣе говоря, эти и другія центральныя учрежденія получили характеръ губернскихъ: Казанскій и Сибирскій приказы перенесли свою дѣятельность въ новооткрывшіяся губернскія канцеляріи этихъ губерній и сохранились въ Москвѣ только въ качествѣ ихъ конторъ или „комиссарствъ“; Ратуша, Большой дворецъ, Помѣстный, Ямской, Земскій приказы сократили свое вѣдомство до предѣловъ Московской губерніи; Ижерская канцелярія осталась въ ней же въ качествѣ „комиссарства“ Петербургской губерніи; только Монастырскій приказъ вмѣстѣ съ патриаршими ¹⁾ сохранилъ свое вѣдомство въ прежнихъ размѣрахъ.

Такое крушеніе центральной администраціи оставляло пробѣлъ, который необходимо было чѣмъ нибудь пополнить. Прежде всего, помимо губернскихъ сборовъ существовали доходы, находившіеся въ непосредственномъ завѣдываніи центральныхъ учреждений: прибыль съ денжной операции, доходъ съ продажи соли и другихъ казенныхъ товаровъ. Отдача этихъ негубернскихъ поступленій въ отвѣтственное завѣдываніе была, какъ полагаемъ, главной цѣлью при учрежденіи сената. Но другой задачей новаго центрального учрежденія въ силу необходимости должно было сдѣлаться общее наблюденіе за ходомъ губернскаго хозяйства: сенатъ становился поневолѣ единственнымъ представителемъ отсутствующихъ центральныхъ учреждений. Роль посредствующихъ вѣдомствъ между ними и губерніями заняли комиссары отъ губерній.

Самый характеръ всей этой изложенной реформы показываетъ, что она не была дѣломъ теоретическаго обсужденія. Законодатель не пошелъ въ ней дальше, чѣмъ требовали неотложныя нужды времени, и для ихъ удовлетворенія ограничился тѣмъ, что попало въ руку. Устройство губернскихъ кассъ и расквартировка арміи была ближайшей и въ началѣ даже исключительной цѣлью этой реформы: цѣлью, которая сама собой представлялась, какъ естественное завершеніе ряда единичныхъ и безсистемныхъ распоряженій и какъ самый удобный выходъ изъ ожидавшагося финансоваго кризиса. Но

¹⁾ Впрочемъ, патриаршіи дворцовый приказъ также сохранялъ въ своемъ вѣдомствѣ съ учрежденія губерній до устройства синода (1710—1720) только ту часть патриаршихъ вотчинъ, которая находилась въ Московской губерніи; см. Горюхины. О земельн. владѣніяхъ митрополитовъ etc., 509.

устройство губерний повело за собой окончательное падение приказов и канцелярий, падение приказов сделало необходимым учреждение нового хозяйственного ведомства в центр, а учрежденное, оно по необходимости получило руководящую роль в общей государственной системе.

Прежде чем перейдем к функционированию нового порядка, остановимся на минуту на одном из предприятий, предприятии правительства одновременно и в связи с реформой 1710 г. В этом и предыдущем году произведена была в России, впервые после 1678 года, новая подворная перепись. Правительство надеялось, кажется, зарегистрировать большее количество плательщиков; но вместо ожидаемого за треть века увеличения населения ему пришлось констатировать огромную убыль. Оказалось, что во всей России убyla пятая часть дворов, а в отдельных местностях, именно на всем севере, убыль доходила до 40%. Важнейшими причинами этой убыли оказались поборы людьми для пополнения армии и для казенных работ, а также поборы, очевидно, вызванные прежде всего финансовым гнетом. Будучи, таким образом, последствием новых государственных требований, убыль населения в свою очередь становилась причиной дальнейшего усиления этих требований, так как оставшимся приходилось платить и за бывших: на каждый рубль оклада, падавшего на двор по переписи 1678 г., оставшиеся в живых дворы должны были приплачивать теперь за пустые дворы средним числом по 25 коп. лишних. Не имея возможности сократить своих доходов соответственно сокращению числа плательщиков, правительство игнорировало перепись 1710 г. и продолжало взимать раскладочные налоги с цифр переписи 1678 года.

Очевидно, такое состояние административного устройства в податной системе могло быть только временным; функционирование нового порядка в ближайшие же годы окончательно доказало его нестойкость.

Прежде всего, новый способ содержания армии оказался непригодным уже по той простой причине, что рассчитан был (в ожидании скорого мира) на размещение ее на постоянных квартирах, а принимать его пришлось в разгар войны, при постоянном передвижении разных частей войск, и при том большей частью совсем в пределах России. К каждому полку для постоянных сношений с своей губернией пришлось приставить по особому комиссару; но комиссарам этим так же трудно было сноситься с губернией, как

и полковому начальству; за регулярностью и полнотой уплатъ при прямыхъ сношеніяхъ полка съ губерніей совсѣмъ было невозможно услѣдить своевременно центральнымъ учрежденіемъ и, въ концѣ концовъ, пришлось постепенно восстановить между арміей и губерніями посредствующую роль военного приказа, то-есть, совершенно отказаться отъ идеи содержанія арміи прямо изъ мѣстныхъ средствъ, положенной въ основаніе реформы 1710 года.

По другимъ вѣдомствамъ исполненіе табели 1710 г. при губернской устроителѣ оказалось столь же необезпеченнымъ. Для наблюденія за выношеніемъ табели контролирующая роль сената оказалась недостаточно сильна; и въ то же время хозяйственная инициатива сената оказалась чересчуръ сильна, чтобы окончательно запутать губернское хозяйство. Дѣло въ томъ, что сенатъ самъ ежедневно нарушалъ табель, а отъ губернаторовъ требовалъ неукоснительнаго ея выполненія: его безответственные распоряженія необходимо сталкивались съ ответственными распоряженіями губернаторовъ, такъ какъ дѣло шло о распредѣленіи однихъ и тѣхъ же денежныхъ суммъ. Сенатъ разрушалъ этой ежедневной практикой только что установленный бюджетъ совершенно такимъ же образомъ, какъ этотъ самый бюджетъ разрушилъ старый бюджетъ приказнаго хозяйства: новая нужда постоянно представлялась наиболѣе неотложными и ихъ сдѣлали удовлетворить, минуя табель и захватывая въ свое распоряженіе первыя попавшіяся наличныя суммы. Но, такъ какъ эти суммы уже были назначены на табельный расходъ, и покрытіе этого расхода лежало на ответственности губернаторовъ, то послѣдніе вступали въ постоянную борьбу съ сенатомъ: они старались прежде всего скрыть отъ него состояніе своей наличности, а если уже приходилось выдать ее по распоряженіямъ сената на сверхтабельные расходы, то останавливали дальнѣйшіе платежи въ счетъ табели и начинали безконечную переписку о зачетѣ уплаченныхъ суммъ. Въ результатѣ ни одно изъ „опредѣленныхъ мѣстъ“ не получало слѣдующихъ ему окладовъ во время; повсюду хроническая недосылка изъ губерній считалась сотнями тысячъ и вызвала постоянныя жалобы.

Не слѣдуетъ, однако, заключать отсюда, чтобы всѣ изложенныя неудобства губернской системы вызывались исключительно недостатками организациі. Запутанность губернскаго хозяйства вытекала не столько изъ формальныхъ причинъ, сколько изъ реальныхъ. Въ концѣ концовъ основной причиной постоянныхъ нарушеній табели было то обстоятельство, что государственный расходъ не переставалъ роста и послѣ

реформы 1710 года и опять не умирался въ рамкахъ табели. Правда, составъ арміи и стоимость ея содержанія перестали возрастать, какъ они возрастали въ первое десятилѣтіе; пребываніе ея за границей тоже должно было сберегать издержки на ея содержаніе; но за то началъ быстро возрастать расходъ на содержаніе балтійскаго флота, на обстройку Петербурга, на оборону южной границы отъ возможнаго турецкаго нападенія. Не имѣя бюджетныхъ росписей за періодъ губернскаго хозяйства 1710—1718 гг., мы не можемъ судить о разбѣрахъ возрастанія государственнаго расхода; но фактъ этого возрастанія несомнѣненъ по многимъ косвеннымъ признакамъ. Изъ росписей отдѣльныхъ губерній мы могли заключить, что ихъ расходы, несмотря на окладныя недоплаты, были постоянно и значительно выше того, что они должны были платить по окладу. Губернія могли выплачивать эти добавочныя суммы, частью благодаря существовавшю значительныхъ денежныхъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ, частью благодаря тому, что самый окладъ табели 1710 г., выведенный изъ средняго сбора 1705—1707 гг., былъ слишкомъ низокъ сравнительно съ дѣйствительными поступлениями 1710—1718 гг., и губернія имѣли значительныя прибыли. Но в остаткахъ и приборахъ былъ прелѣгъ: значительная часть остатковъ бралась въ личное распоряженіе государя, „въ кабинетную сумму“; приборы, гдѣ они были постояннымъ явленіемъ, вызвали соответственныя надбавки обязательныхъ платежей: то и другое было, такимъ образомъ, введено въ финансовый оборотъ и, тѣмъ не менше, денегъ не хватало.

И, однако же, результаты переписи 1710 г. показали, говоря словами одного изъ „доносителей“, что „крестьянамъ не доведется быть болѣе отягченными“ и что при дальнѣйшемъ увеличеніи податныхъ тягостей можетъ „остаться земля безъ людей“. Очевидно, надо было искать новыхъ финансовыхъ ресурсовъ помимо „отягощенія народа“, то-есть, помимо прямаго обложенія. По совѣту того же доносителя и другихъ его товарищей правительству помыслось (въ 1711—1713 гг.) обратиться къ знакомымъ намъ финансовымъ и хозяйственнымъ операціямъ, уже испытаннымъ втеченіе перваго десятилѣтія: къ чеканкѣ монеты, къ торговлѣ солью и другими казенными товарами. Расширеніе этихъ операцій было, какъ мы говорили, ближайшей цѣлью учрежденія сената. Несмотря, однако же, на всѣ хлопоты сенаторовъ, поднять доходность этихъ статей на скольконибудь значительную цифру не удалось. Рядъ мѣропріятій въ монетномъ дѣлѣ, именно пониженіе пробы серебряной монеты, безпрестаннымъ

распоряженія объ усиленной покупкѣ серебра купецкой палатой и даже самая важная изъ этихъ мѣръ, замѣна мелкой серебряной монеты мѣдной, едва повысили доходъ денежныхъ дворовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ, съ 216 до 286 тысячъ. Еще печальнѣе былъ результатъ отплати у соляныхъ поставщиковъ по двѣ и по одной деньгѣ съ пуда соли; предприниматели потеряли при этомъ всю свою прибыль, стали забрасывать свои варницы; производство соли сильно сократилось и вмѣсто увеличенія солянаго дохода сенату пришлось принять самыя крутыя мѣры противъ его уменьшенія.

Волей-неволей приходилось возвращаться къ прямому обложенію и раскладывать на дворовое число каждый сколько нибудь значительный, а часто и совсѣмъ ничтожный новый государственный расходъ. Такъ возросло количество запросныхъ и неокладныхъ сборовъ. Но чѣмъ больше назначало правительство специальныхъ прямыхъ налоговъ, тѣмъ хуже платило ихъ населеніе: новые „повсегодние“ платежи носились неаккуратнѣе, чѣмъ старыя „табельныя“, а экстренныя „запросныя“ сборы еще неаккуратнѣе „повсегоднихъ“. Особенно ярко проявилось это истощеніе платежной способности населенія на уплатѣ сбора 1713 г. по полтинѣ съ двора „для турецкой войны“: правительство собрало меиѣе трети назначенной суммы этого налога. Въ оправданіе этой неудачи, какъ и вообще всѣхъ недоборовъ и недоимокъ этихъ годовъ, населеніе, а вслѣдъ за нимъ и отгнѣтственная за сборы мѣстная администрація приводили все ту же основную причину: запустѣніе дворовъ, вслѣдствіе котораго, напримѣръ, въ Архангельской губерніи вмѣсто полтины приходилось оставшимся дворамъ платить „мало на вдвое“.

Итакъ, черезъ два-три года послѣ окончательнаго введенія губернской организаціи государственнаго хозяйства, положеніе дѣлъ было слѣдующее. Содержаніе арміи, которое прежде всего должна была обезпечить эта организація, было только затруднено прямыми свошеніями каждаго полка съ своей губерніей. Содержаніе „опредѣленныхъ мѣстъ“, сосредоточившихъ важнѣйшіе расходы государства, было только формально обезпечено табелью 1710 г.; въ дѣйствительности же назначенныя для нихъ суммы постоянно перехватывались на другое употребленіе. Самые эти перехваты свидѣтельствовали о томъ, что государственныя нужды выросли изъ рамокъ табели. Всѣ свободныя суммы центральной и губернскихъ кассъ были израсходованы на покрытіе этого прироста; мѣстные расходы послѣднихъ сведены къ минимуму; наконецъ, пущены въ ходъ всѣ старыя способы,

чтобы увеличить государственный доход. Въ результатѣ—тѣ изъ нихъ, которые основывались на эксплуатаціи регальныхъ правъ, оказались уже раньше испробованными и истощенными; а тѣ, которые сводились къ прямому обложенію, встрѣтились съ грознымъ фактомъ уменьшенія платежнаго населенія Россіи. Губернская система хозяйства, фискальная политика правительства, старое подворное обложеніе оказались равно неэффективными. Сама сила вещей заставляла теперь выдвинуть вопросы о реорганизаціи центральныхъ учреждений, о свободной торгово-промышленной дѣятельности населенія и о податной реформѣ.

Поставленные самой жизнью, эти вопросы подверглись оживленному сомнительному обсужденію правительства съ иностранными и русскими дѣльцами. Первые освѣтили ихъ съ помощью европейской теории, вторые разработали ихъ въ приложеніи къ русской практикѣ. Правительству оставалось только выбирать между предлагаемыми со всѣхъ сторонъ мѣрами.

Старая торговая политика правительства слишкомъ шла въ разрѣзъ съ интересами русскихъ и иностранныхъ предпринимателей. По мѣрѣ того, какъ стала обнаруживаться ея неэффективность, все громче заговорили о себѣ и эти интересы. Сперва они старались защищать себя аргументами, заимствованными у самой опровергаемой ими системы. Въ рядѣ проектовъ, представленныхъ правительству въ 1711—1713 годахъ, проводилась мысль, что монополизациа торговли и промышленности въ рукахъ казны приносить непосредственный убытокъ самому фиску, а свобода торгово-промышленной дѣятельности въ концѣ концовъ непременно увеличитъ казенные доходы. Но затѣмъ защита предпринимательскихъ интересовъ стала на болѣе широкую и болѣе рѣшительную точку зрѣнія. Съ 1715 года появляются несомнѣнные признаки, что правительство начало усвоивать себѣ взгляды европейскаго меркантилизма. Рѣчь идетъ уже не о непосредственной прибыли или убыткѣ казны, а объ общегосударственномъ интересѣ и народномъ богатствѣ. То и другое должно быть по новому взгляду обеспечено выгоднымъ торговымъ балансомъ, достиженію котораго должна служить система государственнаго покровительства туземной промышленности и торговлѣ, торговые договоры и торговые консульства за границей. Развиваемая систематически въ проектахъ и донесеніяхъ иностранцевъ, меркантилистическая теорія становится руководящей нитью нашего торговаго законодательства.

Переходимъ къ другой сторонѣ дѣла: къ новой административной ре-

формѣ. Здѣсь мы должны, прежде всего, отмѣтить связь, которая, несомнѣнно, существовала между кризисомъ центральныхъ учреждений и переимѣной русской столицы. Мы видѣли, что крушеніе приказной системы совершилось въ годы наиболѣе постоянныхъ и продолжительныхъ отлучекъ изъ Москвы Петра. Нѣсколько недѣль, которыя онъ—при томъ не каждый годъ—могъ удѣлить между декабремъ и январемъ на занятія гражданскими дѣлами, конечно, не могли приучить его цѣнить правильную дѣятельность центральныхъ учреждений. Его губернаторы, начальники разныхъ частей арміи и флота, въ сущности больше и чаще находились въ его распоряженіи, чѣмъ судьи московскихъ приказовъ; на виднѣйшій сѣвѣдъ можно было заставить ихъ сѣзжаться ежегодно. При такихъ обстоятельствахъ произошла ликвидація приказнаго управленія. Послѣ того, какъ эта ликвидація стала совершившимся фактомъ, было время, когда сенатъ почти одинъ оставался представителемъ центральнаго управленія. Какъ разъ въ эти годы Петръ все чаще и дольше сталъ оставаться въ Петербургѣ, сдѣлавшемся операционнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи на Балтійскомъ морѣ, а съ успѣхомъ этихъ дѣйствій и съ достиженіемъ свободнаго плаванія въ Балтикѣ все болѣе привикалъ къ мысли сдѣлать новый городъ постоянной резиденціей. Вместе съ этимъ выборомъ новой осѣлости явилась, естественно, вновь и потребности имѣть во главѣ себя центральныя учрежденія. Вредныя послѣдствія ихъ разрушенія уже обнаружались волюнѣ къ этому времени и даже начались отдѣльныя попытки ихъ реставраціи въ Москвѣ. Первые распоряженія объ окончательномъ переводѣ сената въ Петербургъ сдѣланы были однако раньше (1712 г.), чѣмъ начались упомянутыя реставраціонныя попытки; во всякомъ случаѣ эти попытки не далеко ушли къ 1714 году, когда сенатъ началъ свою дѣятельность въ новой столицѣ. Въ моментъ перехода, слѣдовательно, въ сенатѣ заключалась, если не принимать въ расчетъ жалкихъ обломковъ приказнаго строя, вся система нашихъ центральныхъ учреждений. Такимъ образомъ, отсутствіе центральныхъ учреждений облегчило переимѣну столицы, а окончательный выборъ столицы вызвалъ потребность въ новыхъ центральныхъ учрежденіяхъ. Сенатъ не могъ, конечно, замѣнить цѣлой системы центральныхъ учреждений: пришлось созидать эту систему вновь: такимъ образомъ, новая централизованно-административная реформа была сама собой вызвана—не какими либо теоретическими недостатками въ устройствѣ старыхъ центральныхъ учреждений, а ихъ совершеннымъ отсутствіемъ.

Образцомъ для новыхъ учрежденій сдѣлалась Швеція, отчасти въ силу того, что административное устройство этой сосѣдней страны было болѣе извѣстно въ Россіи и частью даже практически извѣстно, такъ какъ съ нимъ встрѣтились русскіе въ новозавоеванныхъ у Швеціи провинціяхъ; отчасти же потому, что по общему мнѣнію, имѣвшему хорошія основанія, шведское устройство считалось тогда образцовымъ въ Европѣ. Какъ образецъ самодержавно-бюрократическаго строя, оно, несомнѣнно, было послѣ реформъ Карла XI въ своемъ родѣ единственнымъ и далеко опередило даже французскую организацію, принужденную считаться съ слишкомъ живучими остатками феодальнаго строя. Шведская государственная и военная организація, собственно, уже оказала нѣкоторое влияние при реформѣ 1708—1712 годовъ: въ учрежденіи сената, въ губернскомъ устройствѣ, въ расквартировкѣ по губерніямъ арміи мы находили несомнѣнное воздѣйствіе шведскихъ порядковъ. Но тогда эти порядки, извѣстные изъ третьихъ рукъ и только въ очень общихъ чертахъ, могли имѣть лишь очень поверхностное влияние на русскую реформу. Послѣ того, какъ начало было положено, скоро нашлись болѣе свѣдущіе совѣтчики, познакомившіе подробнѣе съ шведскими учрежденіями русское правительство. Это болѣе детальное знакомство пришло къ намъ какъ разъ во время, когда начала ощущаться потребность въ реформѣ центральныхъ учрежденій. Какъ разъ эта сторона шведскаго устройства, — шведскія коллегіи, — не играла вовсе никакой роли въ реформѣ 1708—1712 годовъ; на нее и обратилось теперь усиленное вниманіе правительства. Познакомившись въ общихъ чертахъ съ устройствомъ коллегій изъ проекта, представленнаго какимъ-то иностранцемъ въ началѣ 1716 года, Петръ къ зимѣ того же года командировалъ въ Швецію голштинскаго камералиста, гамбургскаго уроженца Генриха Фика; къ началу 1717 года Фикъ собралъ официальные источники шведскаго коллегіальнаго устройства, а съ середины того же года начались подготовительныя работы для введенія ихъ въ Россію. Въ теченіе слѣдующаго 1718 года подбирался персоналъ коллегій и обсуждалась ихъ регламенты; съ 1719 года коллегіи вступили въ дѣятельность, но „старымъ манеромъ“; не ранѣе 1720 года должна была начаться ихъ дѣятельность по новому. Этотъ новый порядокъ по отношенію къ штатсъ-конторѣ былъ, кажется, довольно точной копіей шведскаго; регламентъ камеръ-коллегіи составленъ былъ слишкомъ обще и, уже поэтому, не близко къ шведскому; регламентъ ревизіонъ-конторы запоздалъ до 1722 года. Но гораздо важ-

нѣе, чѣмъ составленіе коллежскихъ регламентовъ, была другая сторона дѣла: центральная финансовая организація Швеціи опиралась на приспособленное къ ней губернское устройство, и вводить одно безъ другаго не было никакой возможности. Фикъ заявилъ объ этомъ въ самомъ началѣ реформы, въ маѣ 1718 года; къ осени ему поручено было сравнить шведское губернское устройство съ русскими и представить объ этомъ докладъ: этотъ докладъ и положенъ былъ въ основу губернской реорганизаціи. Рѣшено было именно заимствовать всѣ областныя финансовыя инстанціи Швеціи, исключая низшей — кирхшннля; ближайшая къ ней слѣдующая инстанція — дистриктъ или härad—въ примѣненіи къ Россіи получалъ значительно большіе размѣры, вѣсть съ чѣмъ долженъ былъ довольно существенно измѣниться и характеръ дѣятельности его финансового представителя—ландфогта (земскаго комиссара). Высшая единица — ландсгевдинство (=провинція)—была заимствована цѣликомъ со всѣми своими чиновниками (ландсгевдингомъ—поводой, ландбухгалтеромъ—камерникомъ, рентмейстеромъ и др.). Инструкціи этимъ чиновникамъ были цѣликомъ переведены съ шведскихъ (1687—1688 гг.), съ нѣкоторыми измѣненіями, въ общемъ очень незначительными, и опубликованы въ началѣ 1719 года; съ 1720 года должно было начаться согласное дѣйствіе новыхъ областныхъ и центральныхъ учрежденій.

На практикѣ, однако, дѣятельность этихъ учрежденій встрѣтила весьма серьезныя затрудненія. Прежде всего, скоро обнаружилось довольно неожиданное обстоятельство. Вводя новый строй центральныхъ и областныхъ учрежденій, забыли о старомъ: шведскія коллегии не предполагали, и даже исключали возможность существованія сената; шведскія ландсгевдинства (провинціи) устраивали существованіе русскихъ губерній. Въ теоріи коллегии и провинціи должны были замѣнить сенатъ и губерніи; на практикѣ онѣ стали съ ними рядомъ. Такое сосѣдство не могло, конечно, продолжаться при дальнѣйшемъ игнорированіи другъ друга и пришлось новыя учрежденія приспособлять къ старымъ, то-есть, выработать формы подчиненія первыхъ послѣднимъ. Относительно сената это было сдѣлано присоединеніемъ къ нему ренняионт-конторы и назначеніемъ въ коллегии по указу января 1722 года новыхъ малочинныхъ президентовъ, замѣнявшихъ старыхъ вельможныхъ, которые остались членами сената. Относительно губерній, исключая отдѣльныхъ распоряженій, никакого общаго опредѣленія объ отношеніи ихъ къ провинціямъ при жизни Петра выработано не было: подчиненіе провинцій губерніямъ, въ-

роятно, существовало, но только фактически, юридически же они были равноправны.

Другія замедленія въ дѣятельности новыхъ финансовыхъ учреждений должны были произойти вслѣдствіе того, что назначеніе новаго провинціального персонала требовало времени, а также и вслѣдствіе того, что доставка изъ провинцій отчетовъ и вѣдомостей, необходимыхъ для регулярной дѣятельности центральныхъ учреждений, производилась очень неаккуратно.

Что вложеное введеніе новыхъ центральныхъ учреждений было вызвано не недостатками старыхъ, а ихъ отсутствіемъ, это лучше всего подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ. Эти учреждения замѣнили именно только старые вѣдомства, которыхъ уже не существовало ко времени второй реформы. Напротивъ, сохранившіяся до этого времени отдѣльныя сословно-финансовыя вѣдомства не слились со вновь введеннымъ финансовымъ управленіемъ и очень неполно подчинились ему: городское, дворцовое, монастырское финансовыя управленія сосредоточивались въ прежнихъ или вновь перестроенныхъ центральныхъ учрежденияхъ, что, конечно, нарушало единство камеральнаго устройства, управленія и отчетности. Къ этимъ старымъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ присоединилось еще новое—малороссійская коллегія; хотя послѣдняя также противорѣчила единству камерной администраціи, тѣмъ не менѣе ея появленіе было въ сущности шагомъ впередъ въ процессѣ государственной централизаціи, такъ какъ до тѣхъ поръ малороссійскіе доходы вовсе не подчинились московскому контролю.

Переходя теперь къ другой сторонѣ второй петровской реформы (1718—1722), къ реформѣ податной системы, мы тоже находимъ, что цѣли реформы сами собой указывались тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, а средства ей были выработаны коллективнымъ обсужденіемъ иностранныхъ и русскихъ совѣтниковъ. Мы видѣли, что съвѣты эти въ первое время послѣ реформы 1708—1712 годовъ, подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ результатовъ переписи 1710 года, были направлены на усиленную эксплуатацію регальныхъ правъ (1711—1713 годы); когда же путемъ частныхъ неудачъ выяснилось, что эти ресурсы уже исчерпаны, правительство поневолѣ вернулось къ прямому обложенію населенія всевозможными „запросными“ платежами. Плохое поступленіе послѣднихъ, объясняемое „пустотой“, само собой привело правительство къ выясненію причинъ этой пустоты; въ 1714—1716 годахъ подаваемые правительству проекты дѣлають

своими главными предметомъ именно обсужденіе этихъ причинъ и находить причины убыли населенія, помимо правительственныхъ наборовъ и фискальнаго гнета, въ бѣгствѣ и бродяжничествѣ. Въ концѣ 1716 года правительство назначило для рѣшенія поднятыхъ такимъ образомъ вопросовъ новую подворную перепись, поручивъ ее вновь назначеннымъ начальникамъ областныхъ подраздѣленій губерній („долей“) — ландратамъ. Провѣдство этой переписи въ 1716—1717 годахъ показало, что процессъ опустѣнія Россіи продолжается и распространяется съ сѣвера на весь юго-востокъ, то-есть, какъ разъ на тѣ мѣстности, куда можно было предположить главный притокъ колонизаціи бѣглыхъ. Притокъ этотъ оказывался теперь гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ предполагали, и во всякомъ случаѣ далеко не покрывавшимъ убыли населенія. Бѣгство, какъ причина пустоты, слѣдовательно устранялось; оставалось бродяжничество. Та же ландратская перепись дала косвенное подтвержденіе послѣдняго объясненія, показавъ, что въ каждомъ переписномъ дворѣ скучилось теперь гораздо большее, чѣмъ прежде, количество населенія. На югѣ, гдѣ это явленіе было замѣчено и ранѣе, фискальная практика уже выработала соответствующую поправку въ приемахъ обложенія: оставаясь фиктивно подворнымъ, прямое обложеніе тамъ было уже слѣдственно фактически поголовнымъ, такъ какъ облагаемой единицей мѣстное начальство сдѣлало здѣсь нормальную семью, то-есть, группу населенія изъ 4 мужчинъ и 4 женщинъ, приравнивая ее фиктивно двору¹⁾; эти цифры, дѣйствительно, близки соответствовали населенности дворовъ по переписи 1710 года (3,64 м. п. и 3,34 ж. п. на дворъ); ко времени же ландратской переписи средняя населенность двора, повидимому, возросла еще болѣе.

Итакъ, сами факты податной практики указывали на большее удобство подушнаго обложенія передъ подворнымъ; данныя переписи 1717 года должны были показать и большую выгоду первого, такъ какъ при раздробительномъ обложеніи каждого плательщика правительство могло утилизировать этотъ приростъ двороваго населенія, ускользавшій отъ него при платежахъ подворныхъ.

Въ то же самое время, какъ выяснялась такимъ образомъ необходимость перейти въ формѣ прямого обложенія, все болѣе чувствовалась съ другой стороны потребность въ измѣненіи размѣра

¹⁾ Въ Пензѣ—по 6 чел. на дворъ, но выходящихъ наложницъ до 15 лѣтъ и стариковъ послѣ 60 лѣтъ.

прямого налога: точнѣе говоря, потребность въ его консолидаци. Эти частичные налоги, вновь „запрашиваемые“ у населенія чуть ли не по случаю каждаго вновь набраннаго полка, каждаго спеціальнаго случая раскладки провіанта, фуража или конскаго набора, представляли, независимо отъ своей нестроты и сложности, уже то неудобство, что платились всего неаккуратнѣе, такъ какъ платились послѣдніе,—послѣ покрытія „табельныхъ“ платежей. Надо было слить ихъ съ старыми табельными платежами въ одну общую сумму и выѣсть съ тѣмъ повысить окладъ послѣдней, чтобъ удовлетворить значительно возросшимъ со времени табели 1712 года военнымъ потребностямъ.

Представленные правительству проекты опять измѣняютъ свое содержаніе соотвѣтственно указаннымъ практическимъ потребностямъ. Вѣроятно, въ бытность Петра во Франціи, въ 1717 году неизвѣстный намъ авторъ, можетъ быть, иностранецъ, представилъ царю проектъ „поголовщины“ съ простаго народа и „десятины“ (подходящаго налога) съ высшихъ классовъ. Въ то же время и русскіе доносители, критикуя по поводу новой подворной переписи старую подворную систему обложенія, находили, что она не обезпечиваетъ ни всеобщности, ни равномѣрности обложенія (то-есть, то же, что привели въ XVII вѣкѣ противъ соиннаго обложенія въ пользу подворнаго) и что слѣдуетъ замѣнить ее обложеніемъ или способнаго къ работѣ, или даже всего населенія поголовно. Доносители предлагали также съ измѣненіемъ основнаго принципа обложенія соединить и консолидацию прямаго налога, замѣнивъ новой поголовной податью всѣ прежнія; они опредѣляли приблизительно и размѣръ этой подати—нѣ, 50—75 коп. съ души.

Всѣ эти совѣты были приняты правительствомъ. Петръ съ весны 1717 года усвоилъ себѣ идею „поголовщины“, но, рѣшившись осенью того же года на ея введеніе, онъ не могъ, конечно, ограничиться приблизительнымъ расчетомъ ея будущаго размѣра; для точнаго же опредѣленія этого размѣра необходимо было имѣть двѣ цифры: во-первыхъ, общаго расхода на войско, который должна была покрывать новая подать, какъ покрывали старыя; во-вторыхъ, общаго количества плательщиковъ, между которыми должна была быть разложена эта подать. Только черезъ годъ, осенью 1718 г., Петръ сдѣлалъ окончательнымъ распоряженіемъ о предварительномъ вычисленіи той и другой цифры. Цифру новаго военнаго расхода было сравнительно не трудно вычислить; но и эта работа была докончена только

въ началѣ 1720 года составленіемъ новой генеральной табели, замѣнившей военную табель 1712 года. Военный расходъ государства (кромя флота) вычисленъ былъ этой табелью около 4 милліоновъ. Что касается цифры населенія, для ея исчисленія понадобилась новая перепись, которая и была назначена сенатомъ въ январѣ 1719 года. Привлеченіе къ платежу новыхъ разрядовъ плательщиковъ и болѣе строгая регистрація старыхъ должны были уравновѣсить убыль стараго платежнаго населенія. Несмотря на самыя строгія угрозы, на частое повтореніе указовъ, поголовная перепись затянулась: ни въ 1719 г., ни въ 1720 г. она не была окончена. Переписчики жаловались на многочисленныя утайки, и въ 1721 г. назначенъ былъ окончательный срокъ (1-е сентября) для подачи дополнительныхъ скалокъ. Къ концу этого года полученныя переписью цифры были, однако, еще крайне не полны: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣ повѣрки переписи оказались 4 слишкомъ милліона душъ мужскаго пола, по даннымъ конца 1721 г. значилось только 3 милліона. Подозрѣвая значительную утайку, правительство уже лѣтомъ 1721 г. предприняло повѣрку, «ревизію» перенесъ съ помощью губернскихъ властей; съ начала слѣдующаго 1722 г. эта ревизія перешла въ руки начальниковъ войскъ, расквартированныхъ по уѣздамъ, и продолжалась подъ ихъ руководствомъ весь этотъ и весь слѣдующій 1723-й годъ; въ результатъ на всю Россію оказывалась огромная цифра — свыше двухъ милліоновъ — утайки. Включая эту утайку, къ 1724 году получилось около 5 1/2 милліоновъ населенія, подлежащаго подушному обложенію.

Приблизительный расчетъ величины подушнаго налога былъ произведенъ, однако, еще до полученія ревизіей окончательной цифры переписи въ январѣ 1722 года. Принявъ расходъ (по табели 1720 г.) въ 4 милліона и раздѣливъ его на предполагаемому тогда цифру населенія — 5 милліоновъ, правительство получило размѣръ налога въ 80 коп.; позже, съ 5 1/2 милліонами, цифра эта возвысилась до 74 коп. Такимъ образомъ, назначенный впервые на 1724 годъ подушный сборъ предполагалось взять по первому окладу, а фактически онъ собираяъ былъ по второму.

Полный окладъ подушной (и оброчной) подати съ огромнымъ излишкомъ замѣнялъ всѣ старыя оклады прямыхъ податей — табельныхъ, повсегодныхъ и запросныхъ. Всѣ они вмѣстѣ составляли около 1,8 милліона рублей, тогда какъ подушная (и оброчная) подать давала 4,6 милліона; слѣдовательно со введеніемъ подушной

подати эта статья бюджета увеличилась на 2,8 миллиона; общий же итог государственных доходов по окладу поднялся съ 6 до 8^{1/2} миллионовъ. Почти тѣми же цифрами выражается и увеличение текущихъ годовыхъ поступленийъ.

Такая прибавка къ старымъ доходамъ развязала руки правительству для болѣе правильнаго обезпеченія главнѣйшихъ государственныхъ расходовъ. Новое распредѣленіе суммъ между этими расходами во всей полнотѣ было сдѣлано, правда, только послѣ-петровскимъ бюджетомъ 1725 года; но и въ бюджетѣ 1724 г. общій характеръ новаго распредѣленія выяснился достаточно отчетливо. Первымъ по важности стоялъ расходъ на армию; для обезпеченія содержанія арміи, собственно, и предпринята была вся реформа; возвращеніе арміи съ окраинъ и изъ-за границы по окончаніи военнаго времени дѣлало особенно необходимыми добавочные расходы на ея правильное содержаніе. При этомъ возвращеніи арміи домой Петръ окончательнo остановился на мысли, осуществленіе которой не удалось ему во время реформъ 1708 — 1712 гг. вслѣдствіе продолженія войны: расквартировать армию по уѣздамъ по шведской системѣ. Но шведская система основана была на дѣйствительномъ содержаніи арміи самымъ населеніемъ, организованнымъ въ извѣстныя группы, по особымъ контрактамъ съ правительствомъ. Въ Россіи же между арміей и населеніемъ стало правительство, опредѣлявшее обязанности населенія относительно арміи извѣстной цифрой налога. Въ Швеціи содержаніе арміи составляло повинность, которую населеніе откупалось отъ рекрутскихъ наборовъ: эта повинность выходила тамъ изъ рамокъ податной системы. Въ Россіи же, будучи переведено на прямой налогъ, оно составляло главную часть податной системы и значительно выдвѣстило дѣятельность только что введенной финансовой администраціи. Дѣло въ томъ, что по идеѣ Петра разныя части войскъ, въ сущности ничѣмъ не связанныя съ страной, тѣмъ не менѣе должны были стать въ непосредственныя сношенія съ ней, путемъ непосредственнаго полученія отъ плательщиковъ приходившейся на нихъ доли подушной подати. По смыслу только что введенной шведской системы, всѣ уѣздные сборы собирались земскимъ комиссаромъ (лапдфогтомъ) и направлялись въ провинцію, въ вѣдомство камерныхъ чиновниковъ, подчиненныхъ центральному финансовому учрежденію. По фактическому порядку, установившемуся вслѣдствіе только что указаннаго способа содержанія арміи, земскій комиссаръ сдѣлался специальнымъ сбор-

щикомъ подушной подати, передаваемой имъ непосредственно въ распоряженіе полковыхъ комиссаровъ мѣстнаго полка; такимъ образомъ, онъ перешелъ изъ вѣдомства камеръ- и штатсъ-коллегіи въ вѣдомство военнаго приказа; центральныя финансовыя учрежденія лишились, такимъ образомъ, завідованія главною изъ государственныхъ податей, а въ области, вслѣдъ за кирхшвилемъ, атрофировалась еще одна инстанція шведской камерной іерархіи—дистриктъ.

Видѣливъ, такимъ образомъ, 4,6 милліона подушныхъ сборовъ въ непосредственное распоряженіе сухопутно-военнаго вѣдомства, правительствомъ опредѣлено слѣдующую затѣмъ по размѣру статью поступлений — косвенные налоги (таможенные и кабацкіе) на покрытие другаго первостепеннаго по важности государственнаго расхода — на содержаніе флота (въ размѣрахъ 1,4 милл.). На обѣ потребности расходовалось, слѣдовательно, $\frac{3}{4}$ государственнаго дохода; изъ остальной четверти — двухъ съ небольшимъ милліоновъ — покрывались расходы на дипломатію, дворъ, общественныя постройки, администрацію и другіе менѣе значительныя ¹⁾.

Изученіе административной реформы 1718 — 1722 гг. привело насъ къ выводу, что она не была согласована съ учрежденіями, введенными реформой 1708 — 1712 гг. Сопоставленіе ея съ податной реформой 1718—1722 гг. ведетъ къ заключенію, что онѣ не были согласованы и между собой: новая система взиманія подушной подати существенно подрывала новое камерное устройство. Едва введенное къ послѣднимъ двумъ годамъ Петра, административное и податное устройство оставалось, такимъ образомъ, не приведеннымъ въ одну общую связь, въ цѣльную систему; уже поэтому реформа не могла закончиться на томъ моментѣ, въ которомъ застгла ее смерть Петра. Сверху до низу все въ этой реформѣ нуждалось въ завершеніи и во взаимномъ приспособленіи. Высшія государственныя учрежденія, „верховные господа“ тайныхъ совѣтовъ, сенатъ и коллегіи, не были поставлены въ опредѣленное іерархическое отношеніе другъ къ другу и не получили точнаго разграниченія этой дѣятельности. Еще менѣе опредѣлено было іерархическое отношеніе областныхъ инстанцій, губерній и провинцій; съ изъятіемъ же главнаго камернаго чиновника уѣзда, земскаго комиссара, изъ

¹⁾ Не причисляемъ сюда расходовъ по финансовымъ операціямъ казенн, такъ какъ казенныя средства служили только оборотнымъ капиталомъ этихъ операцій и не могли, слѣдовательно, считаться безвозвратно затраченными.

камернаго вѣдомства, дѣятельность камерныхъ властей провинціи была оторвана отъ своего естественнаго фундамента и лишена своего главнаго матеріала; уѣзды оказывался безъ представителя камерной администраціи, а въ провинціи такихъ представителей было больше, чѣмъ требовалось при новомъ объемѣ ихъ дѣятельности. Распределение армій по уѣздамъ оказывалось величайшей ошибкой, подвергнувшей страну всѣмъ неприяностямъ солдатскаго ностоя и сдѣлавшей безъ того уже тяжелую подушную подать совершенно невыносимой. Удерживать нѣкоторое формальное подобіе шведской системы, послѣ того какъ сущность ея была совершенно измѣнена, представлялось при этихъ обстоятельствахъ совершенно безсмыслицей.

Всѣ эти недостатки реформы, несомнѣнно, выдѣлились еще при жизни Петра и при немъ уже предлагались нѣкоторыя мѣры къ ихъ исправленію. Мы не сомнѣваемся, что еслибы Петръ остался живъ еще нѣсколько лѣтъ, онъ еще дальше пошелъ бы по пути націонализаціи своей государственной реформы, — какъ онъ уже пошелъ по этому пути со времени ея першаго введенія въ 1718—1719 годахъ. Но Петръ умеръ и начатое при немъ приспособленіе реформы къ русскимъ условіямъ пришлось довершать верховному совѣту. Измѣнило-ли это обстоятельство судьбу реформы? Едва-ли. Въ сущности, здѣсь дѣйствовали все тѣ же лица, которыя проводили реформу и въ послѣдніе годы Петра. Уже при жизни Петра мы привыкли, слѣдя за переиѣнами въ извѣстной намъ области явленій, наблюдать реформу безъ реформатора. Собственно, то же впечатлѣніе относительно государственной реформы получили въ свое время и болѣе посвященные участники и наблюдатели реформы. Только люди, стоявшіе дальше отъ дѣла, наввно отождествили потомъ Петра съ его реформой и подготовили тотъ взглядъ, по которому Петръ былъ единственнымъ творцомъ новой Россіи. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, ни одного искренняго и современнаго показанія о послѣднихъ годахъ Петра ни отъ одного изъ его ближайшихъ русскихъ помощниковъ. Но, читая многочисленныя донесенія и записки иностранныхъ посланниковъ, мы постоянно получаемъ все то же впечатлѣніе, гармонирующее съ результатами нашего исслѣдованія и, какъ намъ кажется, съ сущностью дѣла: впечатлѣніе сравнительной ограниченности личной сферы влияния государя. Коротко, ясно и, по обыкновенію, умно это впечатлѣніе выражено Фокеродтомъ, однимъ изъ такихъ наблюдателей. Вотъ какъ представляется ему градація личныхъ

интересовъ Петра, обуславливающая и предѣлы его личнаго вѣнша-тельства. „Онъ особенно и со всею ревностью старался улучшить свои военныя силы. Вѣдѣствъ съ тѣмъ также войны, занимав-шія всю его жизнь, и по поводу этихъ войнъ заключаемыя имъ договоры съ иноземными державами заставляли его обращать вниманіе также и на иностранныя дѣла, хотя тѣмъ не менѣе онъ полагался тутъ большею частью на своихъ министровъ и любимцевъ, обыкновенно умѣвшихъ повернуть его къ той сторонѣ, которая всего больше платила имъ. Самымъ его любимымъ и пріятнымъ занятіемъ было кораблестроеніе и другія дѣла, относящіяся къ мореходству. Оно развлекало его каждый день и ему должны были уступить и самыя важныя государственныя дѣла.. О внутреннихъ улучшеніяхъ въ государствѣ, судопроизводствѣ, хозяйствѣ, доходахъ и торговлѣ онъ мало или вовсе не заботился въ первые тридцать лѣтъ своего царствованія и бывалъ доволенъ, если только его адмиралтейство и войско достаточнымъ образомъ снабжались деньгами, дровами, рекрутками, матросами, провіантомъ и амуницией, а это случалось тѣмъ легче, что его войска много лѣтъ сряду выходили случай содержать себя на чужой счетъ, безъ отягощенія государства“. Мы знаемъ, что все это давалось не такъ легко, какъ думаетъ Фоко-родтъ, и что по неволѣ, поэтому, царю приходилось заботиться объ увеличеніи своихъ доходовъ; но мы знаемъ также, что дальше этой невольной заботы и не шли его реформаціонныя стремленія въ сферѣ внутренняго государственнаго устройства. Съ 1714 года кругозоръ законодателя замѣтно расширился; его внутренняя политика перестала быть исключительно фискальной; но и тутъ неподготовленность, отсутствіе общаго взгляда, системы продолжали сказываться въ безчисленныхъ противорѣчіяхъ, безпрестанно обнаруживавшихся не только между заимствованными формами и туземною дѣйствительностью, но даже и въ заимствованныхъ формахъ между самими собою,—между разнородными ихъ частями. Слѣдя по архивнымъ даннымъ за этой непрерывной цѣпью ошибокъ и недоразумѣній, мы невольно вспоминаемъ слова, вырвавшіяся у лица, компетентность котораго въ данномъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, у императрицы Екатерины, впервые и хорошо являвшей съ практическими дѣлами кабинетныя бумаги Петра Великаго: „онъ самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно“. Конечно, отъзывъ этотъ слишкомъ общъ и огуленъ; но при всей своей огульности онъ много ближе къ истинѣ, чѣмъ школьныя декламации нѣкоторыхъ новѣйшихъ исследователей:

„Петръ унесъ съ собою въ могилу ключъ отъ своихъ великихъ замысловъ, и ближайшіе продолжатели его дѣла не могли найти этого ключа. Они восприняли только внѣшность, форму его преобразованій, но не въ состояніи были постичь содержанія этой формы; они не были въ силахъ воскресить духа перваго императора“. Все, что мы знаемъ о государственной реформѣ Петра, протаворѣчитъ этой реторикѣ. Стихійно-подготовленная, коллективно-обсужденная, эта реформа не только не была скоронена въ „духъ“ императора, но, напротивъ, только изъ вторыхъ рукъ, случайными отрывками проникла въ его сознание.

Такъ представляется дѣло съ той точки зрѣнія, съ которой освѣщается его предметъ настоящаго изслѣдованія. Всѣмъ извѣстно, что съ другихъ точекъ зрѣнія оно представлялось иначе. Интересъ изслѣдователей къ реформѣ, можно сказать, развивался въ той же послѣдовательности, какъ и интересъ самого реформатора. Первая оцѣнка реформы въ литературѣ не шла дальше того номоднаго костюма, тѣхъ внѣшнихъ формъ жизни, въ которыя реформаторъ облекъ себя и служилую Россію. Процессъ этого переодѣванія всего нагляднѣе отразилъ въ себѣ личный свойства реформатора; по самому существу дѣла этотъ процессъ представлялся, такимъ образомъ, частнымъ дѣйствіемъ его воли. Формы были, конечно, только символами вещей; и смотря по симпатіи или антипатіи къ послѣднимъ, поклонники и противники Петра характеризовали это дѣйствіе его воли или какъ величайшую заслугу для Россіи, какъ актъ величайшей государственной мудрости, или какъ величайшее преступленіе передъ родиной, актъ произвола и насилія надъ ея нравственною индивидуальностью. Въ томъ и другомъ случаѣ они не сомнѣвались въ томъ, что введеніе новыхъ формъ есть дѣйствіе его воли и что вмѣстѣ съ формами онъ перенесъ и самыя вещи. Болѣе спокойное и болѣе подготовленное историческое мышленіе ввело въ эти предсталловія серьезную поправку. Что Петръ перенесъ въ намъ формы, въ этомъ оно, конечно, не сомнѣвалось; но что онъ могъ перенести и вещи, въ этомъ оно считало необходимымъ усумниться. По скольку на самомъ дѣлѣ сущность соотвѣтствовала формамъ, по столько она была подготовлена уже до Петра; по скольку формы опережали сущность, по столько и послѣ Петра онѣ долго еще оставались мертвыми формами. Другими словами, не сомнѣваясь въ личномъ влияніи Петра на культурную реформу, изслѣдователи отняли у него славу какъ инициативы ея, такъ и ея осуществленія. Старый рационалистическій взглядъ, отождествлявшій

реформу съ реформаторомъ, замѣнился органическимъ. Последній представлялъ несомнѣнный шагъ впередъ въ историческомъ объясненіи реформы; но его послѣдовательное проведеніе вело также къ нѣкоторымъ неудобствамъ. Переставъ представляться, какъ актъ воли законодателя, реформа представлялась теперь, какъ логическій моментъ въ схематизмѣ русской или даже всемірной исторіи. При прежнемъ взглядѣ наблюдательный аппаратъ изслѣдователя былъ установленъ слишкомъ низко; теперь онъ былъ поднятъ чересчуръ высоко. Если прежде изслѣдователь ничего не видѣлъ, кромѣ причудливыхъ узоровъ на нестройномъ костюмѣ реформы, то теперь онъ пересталъ видѣть всё сколько-нибудь индивидуальныя черты ея; то, что онъ видѣлъ съ высоты своей историко-философской абстракціи, казалось понятнымъ и безъ детальнаго изученія. Въ результатъ мы получили много горячихъ, краснорѣчивыхъ, остроумныхъ и глубокомысленныхъ разсужденій объ общемъ смыслѣ реформы, но ни одного вѣрнаго ея изображенія.

Чтобы получить такое изображеніе, нельзя было, конечно, ограничиться изученіемъ культурной стороны реформы. Работа изслѣдователей направилась къ изученію военной и дипломатической сторонъ ея, то-есть, тѣхъ именно сторонъ, которыя всего болѣе занимали самого реформатора. Введеніе этихъ сторонъ въ общую оцѣнку реформы усложнило ея характеристику, но не дало новыхъ точекъ зрѣнія: изслѣдователи примыкали въ одному изъ названныхъ взглядовъ, рационалистическому или органическому. Рационалистическій по существу дѣла былъ въ данномъ случаѣ удобнѣе: если въ чемъ-нибудь проявилась непосредственно личная дѣятельность реформатора, то это, конечно, въ реорганизациіи арміи и новомъ устройствѣ флота. Нѣкоторые спеціальныя изслѣдователи этой стороны реформы идутъ, впрочемъ, даже дальше; не довольствуясь признаніемъ за Петромъ организаторскаго таланта, они готовы считать его великимъ тактикомъ и полководцемъ; вопросъ, рѣшеніе котораго принадлежитъ, конечно, военнымъ авторитетамъ. Чаше однако же дипломатическая и военная дѣятельность разсматривается—общими историками—подъ впечатлѣніемъ органическаго взгляда; очень удобное средство для такого соединенія составляетъ общая рубрика „европеизація“, подъ которую—не безъ ущерба для ясности и раздѣльности пониманія—подводится какъ измѣненіе въ культурномъ, такъ и измѣненіе въ международномъ положеніи Россіи. Неудобство такой многозначности терміна заключается, въ данномъ случаѣ, въ томъ, что онъ сливаетъ

въ одно цѣлое двѣ стороны дѣла, которыя, конечно, могутъ соприкасаться и даже оказывать взаимное вліяніе, но вовсе не стоятъ въ необходимой внутренней связи: относительно каждой, слѣдовательно, возможны и законны особыя заключенія. Измѣненіе въ международномъ положеніи требовало войны, требовало заведенія арміи и флота; измѣненіе въ культурномъ положеніи, конечно, было ускорено пріобрѣтеніями войны, но было мыслимо, возможно и даже подготовлено безъ нея; первое должно объясняться исторіей европейской политики, второе—исторіей русской цивилизаціи.

Наименѣе изученными оставались, затѣмъ, социальная и государственная реформа Петра. Собственно, о „соціальной“ реформѣ Петра можно говорить только условно. За исключеніемъ мѣръ, принятыхъ въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ идей меркантилизма въ пользу городского класса, — Петръ не былъ социальнымъ реформаторомъ. Тѣ крупныя переи́зны, которыя можно наблюдать въ его время въ положеніи другихъ сословій, суть только косвенныя и менѣе всего предвидѣнныя имъ самимъ послѣдствія его законодательства. Вводя подушную подать, онъ совсѣмъ не предполагалъ, что затягиваетъ окончательно узелъ крѣпостнаго права; а привлекая служилое сословіе къ безсрочной службѣ и вводя единонаслѣдіе, онъ менѣе всего могъ думать, что способствуетъ созданію корпоративнаго духа російскаго благороднаго шляхетства и привилегированной дворянской собственности. Еще болѣе, чѣмъ культурное развитіе Россіи, ея социальный процессъ связанъ съ историческими прецедентами и еще менѣе зависѣлъ отъ воли законодателя.

Остается та сторона реформы, которая послужила предметомъ нашего изслѣдованія. Положеніе ея, какъ намъ кажется, среднее между тѣми сторонами процесса, которыя развивались подъ непосредственнымъ вліяніемъ преобразователя, и тѣми, которыя развились пошито или даже вопреки его волѣ. Измѣнить государственннй строй труднѣе, чѣмъ одѣть часть населенія въ новое платье, составить новые полки или построить новыя суда, но легче, чѣмъ измѣнить права или сословный строй. Государственная реформа не являва личными планами или увлеченіями законодателя, какъ его флотъ или нѣмецкое платье; но она не произведена также и однимъ самотннимъ историческимъ процессомъ. Воля Петра была, конечно, необходима для ея осуществленія; но эта сторона реформы выходила изъ его круговора и была осуществлена имъ по неволѣ. Факты историческаго прошлаго тоже подготовляли государственную реорга-

низацію, но она не вытекала изъ нихъ сама собою. Не личная инициатива и не историческіе прецеденты вызвали эту реформу, хотя тотъ и другой элементъ въ ней соединились; ее вызвали текущая потребность минуты, въ свою очередь созданныя и личною инициативой и историческими прецедентами.

Въ этомъ смыслѣ государственная реорганизація представляется явленіемъ вторичнымъ, производнымъ, и такъ смотрѣлъ на нее Петръ, видѣвшій въ ней не цѣль саму по себѣ, а только средство. Средство это было необходимо, по сколько необходимымъ были для государства поставленныя Петромъ цѣли; оно было своевременно, по сколько цѣли эти были имъ своевременно поставлены. Въ необходимости цѣлей, въ которой сомнѣвались современники Петра ¹⁾, было бы теперь поядно и бесполезно сомнѣваться; относительно своевременности ихъ постановки могутъ быть, къ сожалѣнію, два отвѣта, смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать ихъ по отношенію къ внутреннему или къ вѣдшему положенію Россіи. По отношенію къ вѣдшему положенію Россіи своевременность постановки этихъ цѣлей доказывается уже ихъ успѣшнымъ достиженіемъ; вѣроятно, эта своевременность подтвердится изъ сопоставленія фактовъ европейской политики, въ которой Россія не могла отсутствовать. По отношенію къ внутреннему положенію отвѣтъ на вопросъ о своевременности долженъ быть отрицательнымъ. Новые задачи вѣдшей политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія. Политическій ростъ государства опять опережалъ его экономическое развитіе. Угроженіе податныхъ тягостей (съ 25 на 75 милліоновъ на нани денега), и одновременная убыль населенія, по крайней мѣрѣ, на 20%—это такіе факты, которые, сами по себѣ, доказываютъ выставленное положеніе краснорѣчивѣе всякихъ деталей. Цѣной разоренія страны Россія возведена была въ рангъ европейской державы.

Предидущія строки имѣютъ цѣлью показать отношеніе той стороны реформы, объясненію которой посвящена эта работа, ко всѣмъ остальнымъ сторонамъ ея. Уже изъ сдѣланныхъ сопоставленій видно, что давать суммарную характеристику реформы мы не считаемъ возможнымъ и считать полученные нами выводы общей характеристикой—значило бы повторять постоянную ошибку предидущихъ взглядовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое оправданіе, если огра-

¹⁾ Самая серьезная формулировка этихъ сомнѣній сдѣлана Фокеродтомъ.

ничить его значеніе той сферой явленій, изъ наблюденія которой онъ выведенъ; но каждый хотѣлъ быть единственнымъ и объяснить все. Такимъ образомъ, въ словесной формулировкѣ многіе взгляды оказывались болѣе не совмѣстимыми и противорѣчивыми, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Этой судьбы мы всего больше желали бы избѣгнуть для нашего собственнаго взгляда. Мы желали бы, чтобы критики его не выходили изъ того круга явленій, изъ котораго мы его вывели: повторяемъ, представляя этотъ взглядъ, мы меньше всего думали зашѣнить имъ другіе или дать оцѣнку реформы во всей ея совокупности. Мы только хотѣли освѣтить одну изъ сторонъ реформы, — слишкомъ важную въ общей связи ея, но до сихъ поръ трактованную слишкомъ отрывочно или на основаніи слишкомъ недостаточнаго матеріала, — и по этой причинѣ слишкомъ недостаточно освѣщенную.

И. Миллюковъ.

ФИЛОСОФСКОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ XIV ВѢКѢ ¹⁾.

3. Философскія проблемы въ приложеніи къ догматамъ.

Обращаясь къ рассмотрѣнію обстоятельствъ, касающихся богословской полемики между Варлаамомъ и Григоріемъ Паламой, мы прежде всего остановимъ вниманіе на результатахъ этой полемики, нашедшихъ себѣ выраженіе въ Синодальнѣхъ.

При нѣкоторомъ вниманіи нельзя не замѣтить, что редакція статей противъ Варлаама составлена по образцу основной части Синодика, излагающей ученіе иконоборцевъ: каждая статья редактирована такъ, что сначала изложено еретическое, потомъ церковное ивѣніе. Затѣмъ, какъ это проведено и въ статьяхъ противъ иконоборцевъ, всѣ главы распределены на два отдѣла: въ одномъ предаются осужденію противъцерковныя ученія, въ другомъ увѣнчиваются провозглашеніемъ вѣчной памяти тѣхъ, кто защищалъ принятое церковью ученіе. Такая форма редакціи необходимо обуславливаетъ повторяемость основныя положенія, которыя приведены то въ положительной, то въ отрицательной формѣ. Само собой разумѣется, такая двойная форма редакціи облегчаетъ изслѣдователя, ибо даетъ возможность проверки одного положенія другимъ.

Анафематствованія изложены въ шести отдѣльныхъ статьяхъ, въ которыхъ присоединяется еще одно общее отлученіе и одно спеціальное противъ Исаака Аргира. Статьей же съ провозглашеніемъ „вѣчная память“ всего четыре, что показываетъ, что распределеніе предметовъ догматическаго спора по категориямъ не вполне достиг-

---

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

вудо, такъ что въкоторыя спорныя положенія можно было то раздѣлять по категоріямъ, то подводить подъ одну. Но, сокративъ до четырехъ статьи положительнаго ученія, составитель пространной редакціи въ замѣтъ того довелъ до четырехъ статьи спеціальнаго характера, присоединивъ сюда же провозглашенія вѣчной памяти: 1) царю Михаилу и Теодорѣ; 2) царю Андронику; 3) Паламѣ и 4) всѣмъ о православіи подвизавшимся.

Этимъ достигается равенство главъ въ положительной и отрицательной части, но вмѣстѣ съ тѣмъ сущность догматическаго спора, нашедшая себѣ выраженіе въ Синодикѣ, сводится только къ шести или даже къ четыремъ положеніямъ. Весь жгучій предметъ спора сосредоточивается на вопросѣ о существѣ и энергіи божества (ἡ θεία οὐσία καὶ ἐνέργεια): есть ли энергія самое существо Божіе, или же нѣтъ. Къ постановкѣ этого вопроса пришла посредствомъ другаго: что такое былъ свѣтъ Господня Преображенія на Олаворѣ, существо Божіе или нѣтъ. Въ сущности всѣ статьи Синодика исходятъ изъ этого красугольнаго вопроса и къ нему возираются.

1) Анагема тѣмъ, которые принимаютъ воссіявшій отъ Господа свѣтъ при Божественномъ Его Преображеніи то за образъ и тварь и, призвавъ, то за самое существо Божіе, и которые не исповѣдуютъ, что Божественный тотъ свѣтъ не есть ни существо Божіе, ни тварь, но несозданная и физическая благодать и осіяніе и энергія, всегда происходящая изъ самаго существа Божія.

2) Анагема тѣмъ, кто принимаетъ, что Богъ не имѣетъ физической энергіи, а одно только существо, и что нѣтъ никакого различія между существомъ Божіимъ и энергіей, кто не хочетъ думать, что какъ соединеніе Божественнаго существа и энергіи несліянно такъ и различіе неизвѣнно.

3) Анагема тѣмъ, кто принимаетъ, что вслкая физическая возможность и энергія Божества есть созданіе.

4) Анагема тѣмъ, которые говорятъ, что если допустить различіе въ существѣ и энергіи Божества, то значить мыслить Бога существомъ сложнымъ.

5) Анагема тѣмъ, кто думаетъ, что одному только существу Божію свойственно имя Бога, а не энергіи.

6) Анагема тѣмъ, кто принимаетъ, что существо Божіе можетъ быть приобщаемо (то-есть, людямъ) и кто не хочетъ допустить, что приобщеніе свойственно благодати и энергіи.

Приведенныя положенія всё направляются къ одному: къ различію возможностей и проявленій Божества отъ сущности Его. Въ томъ видѣ, какъ эти положенія наложены въ Синодикѣ, они сводятся къ рѣшенію философской проблемы о свойствахъ сущности Божества. Въ статьѣ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти Паламѣ, гдѣ нужно было съ невозможной краткостью обозначить его заслуги и характеризовать ученіе его противниковъ, читаемъ: „Вѣчная память святѣйшему митрополиту солунскому Григорію, который извергъ еретиковъ Варлаама и Акиндина, дерзнувшихъ назвать физическую и неиздѣльную энергію и возможность Божества, а равно и всё физическія свойства Св. Троицы — созданными“. Что Палама и его противники были представители двухъ враждебныхъ философскихъ лагерей, это отмѣчено въ той же самой статьѣ: противники Паламы *„дерзнули приносить ученіе о Платоновскихъ идеяхъ и славянскіе мѣом“*. Этими послѣдними замѣчаніемъ ставится въ сомнѣнія источникъ занимающей насъ полемики: это новый эпизодъ борьбы аристотеликовъ съ приверженцами Платона, это продолженіе спора, вшедшаго себѣ выраженіе въ статьяхъ Синодика XI и XII вѣковъ.

Ясно такимъ образомъ, что комментировать статьи противъ Варлаама и Акиндина—значить налагать исторію философскаго движенія въ Византіи въ XIV вѣкѣ. Первостепеннымъ источникомъ для этого служатъ матеріалы по исторіи полемики, къ ознакомленію съ которыми и обращаемся теперь. Можно бы, казалось, ожидать полного и всесторонняго освѣщенія возгорѣвшейся между Паламой и Варлаамомъ борьбы, такъ какъ она занимала общество цѣлыя десятилѣтія, породила обширную литературу, потребовала сильнаго напряженія умовъ и вѣштательства свѣтской и духовной власти. Однако же эта литература, свидѣтельствующая о страстной борьбѣ и раздраженіи партій, далеко не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ запросамъ критики, ибо отличается односторонностью и умолчаніями. Прежде всего, далеко не въ одинаковой степени полноты представлены мнѣнія той и другой партіи: больше сохранилось извѣстій, принадлежащихъ представителямъ восторжествовавшаго мнѣнія, сочиненія же еретиковъ или утрачены, или остаются въ рукописяхъ. Затѣмъ, встрѣчаются иногда такіе проговорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей и очевидцевъ, которые не могутъ быть проверены справками въ официальныхъ актахъ. Что касается этихъ послѣд-

нихъ (разумѣемъ соборныя дѣянія), то, какъ увидимъ ниже, большинство ихъ сохранилось въ изложеніи, а не въ подлинномъ видѣ. Такимъ образомъ, состояніе источниковъ должно побуждать исследователя быть крайне осторожнымъ даже въ тѣхъ выводахъ, которые, повидимому, наиболѣе подтверждаются современными свидѣтельствами.

Уже самый первый и несомнѣнно важнѣйшій вопросъ о ближайшихъ причинахъ, побудившихъ Варлаама и Паламу перенести свои философскія разномыслія на богословскую почву, не можетъ быть удовлетворительно выясненъ на основаніи сохранившихся матеріаловъ. Господствующее, хотя и не всѣми раздѣляемое, мнѣніе состояло въ томъ, что Варлаамъ и прибылъ въ Византію съ тайною цѣлью осмѣить греческую вѣру и церковь, что онъ искалъ только поводомъ привести къ осуществленію свой злокозненный умыселъ. Согласно этому воззрѣнію, такой поводъ дали Варлааму нѣкоторые монахи, въ простотѣ сердца вѣровавшіе, что существо Божіе можно видѣть тѣлесными очами. Но мы знаемъ, что Варлаамъ писалъ въ православномъ духѣ противъ латинства и что въ сношеніяхъ съ папой заявилъ себя самымъ искреннимъ греческимъ патриотомъ. При томъ же и не всѣ греческіе писатели рѣшаются бросать противъ Варлаама обвиненіе въ предательствѣ и лицемеріи. Напримѣръ, Кантакузинъ значительно видоизмѣняетъ этотъ упрекъ и признаетъ Варлаама дѣйствовавшимъ по подстрекательству діавола, общаго врага церкви ¹⁾. Наконецъ, есть совершенно иное мнѣніе, высказываемое тоже не друзьями Варлаама, по которому причина борьбы между Варлаамомъ и Паламой скрывается совсѣмъ не въ вѣроученіи, а въ ненависти къ Варлааму, какъ человѣку не греческаго происхожденія, какъ пришельцу изъ латинствующаго Запада. Согласно этому послѣднему воззрѣнію, Варлаамъ нашелъ поводъ въ сочиненіи Паламы пачать съ нимъ литературный споръ. Это мнѣніе принадлежитъ извѣстному уже намъ сопернику Варлаама, Никифору Григорѣ, автору діалога „Флорентій“, и заслуживаетъ того, чтобы привести его вполнѣ ²⁾.

„Поелику Палама всегда выставляетъ калабрійца Варлаама виновникомъ своего богохульства и тебя даже (дари І. Кантакузина) убѣдилъ говорить это, то выслушай (мой объясненіи). Палама поль-

¹⁾ *Migne*, 153, lib. II, c. 39.

²⁾ *N. Gregorae*, IX, I (ed. Bonn., p. 918 и слѣд.).

зается именемъ Варлаама, какъ приманкой для легковѣрихъ, такъ какъ это имя ненавистно всему ромѣйскому народу изъ-за латинской вѣры. Палама болѣль уже этою болѣзью до появленія Варлаама между тизитійцами и утверждалъ въ присутствіи моемъ и многихъ другихъ, что онъ видитъ тѣлесными очами существо Божіе, и не онъ одинъ, но и сомнѣнный его ученикъ Григорій Дрми. Я тогда же порицалъ ихъ и доказалъ изъ священнаго писанія нелѣдность ихъ словъ... Съ теченіемъ времени поселился между греками Варлаамъ и сталъ здѣсь извѣстенъ государямъ и удостоенъ былъ ими особеннаго расположенія, ради его чрезвычайной мудрости. Въ особенности ты, государь, какъ человекъ, издавна любившій филологію и приобрѣтавшій многія и разнообразныя книги и высоко цѣнившій бесѣды съ умными людьми, обласкалъ его передъ всѣми. Спустя нѣкоторое время, громкая молва дошла и до насъ, что Варлаамъ въ Солунѣ завелъ литературный споръ съ Паламой изъ-за того, что этотъ говорилъ и писалъ, что видитъ тѣлесными очами существо Божіе. Всѣмъ извѣстно и подтверждающее то же самое сочиненіе, которое Палама выставляетъ въ свое оправданіе. Итакъ, если существуютъ много доказательствъ, что Палама уже болѣль тою болѣзью прежде еще появленія Варлаама въ еллинскихъ предѣлахъ, то какую выгоду имѣеть онъ такъ часто прибѣгать къ этой слабой опорѣ, то-есть, къ имени Варлаама? Конечно ту, что, такъ какъ имя это покрыто позоромъ и подверглось гоненію изъ-за вѣры, то онъ надѣялся пайти въ немъ нѣкоторую поддержку противъ меня, имѣющаго также подвергнуться клеветѣ... Ибо, какъ оказывается изъ словъ и книгъ Паламы, *не Варлаамъ внесъ въ церковь Божію нечестивую оту массалианскую ересь вмѣстѣ съ дубожагіемъ и многобожіемъ*, но онъ, напротивъ, указалъ того, кто былъ виновникомъ ереси*

Быть можетъ, что Григора, какъ заинтересованное въ дѣлѣ Варлаама лице, имѣлъ основанія очистить его память; но по отношенію къ тому вопросу, который насъ теперь занимаетъ, едва ли въ словахъ его не слѣдуетъ видѣть полной правды. Онъ ссылается, между прочимъ ¹⁾, на сочиненія Паламы и на основанія его собственныхъ словъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что Варлаамъ вооружился именно противъ ученія, исповѣдуемаго учениками Паламы. Для ознакомленія

¹⁾ Книга XIX, гл. I, р. 921.

съ взглядомъ Григоры, отличающимся особенной оригинальностью, мы должны еще нѣсколько продолжать начатую въ него выписку. „Мнѣ не столько важенъ Варлаамъ,—говорить онъ царю,—сколько тебѣ. Ты самъ хорошо знаешь, какъ дружественно принималъ ты этого пришельца и какими довѣріемъ одарилъ его. Не я чрезмѣрными почестями сдѣлалъ его надменнымъ и гордымъ. Не я избралъ его тебѣ и черезъ тебя другимъ въ широкоупотребительные училища божественнаго Діонисія и вѣстѣ въ истолкователи таинственныхъ догматовъ церкви и тайнъ нашего богословія и тѣмъ побудилъ его перемѣнить отечественную землю на сію чуждую. Не я своимъ покровительствомъ довелъ его до того, что онъ восталъ противъ всякой другой ромэйской мудрости. Я, напротивъ, былъ тотъ, который такъ блистательно сокрушилъ кедры надменности его, какъ сильная рука дровосѣка обнажаетъ отъ листвы дубъ, кедръ и кипарисъ. Я тотъ самый, который въ тишинѣ сердца и съ скромностію твердаго знанія сократилъ его и отбросилъ, какъ морской песокъ сметаетъ свирѣствующее море. . . . И тогда, и нынѣ я порицаю его за то, въ чемъ онъ полемизировалъ со мной. Я настаиваю, что по отношенію къ еллинской рѣчи и вѣдншей наукѣ этотъ мужъ хромалъ изрядно. Ты имѣлъ его другомъ; а мнѣ какъ тогда былъ другъ, такъ и теперь не другъ. . . . Да и какъ вновь поднимать уже разъ достаточно разъясненное дѣло, когда Палама въ ежедневныхъ сочиненіяхъ присоединяетъ новыя обвиненія? Мы сохѣмъ *не въ состояніи струсить мертвому (Варлааму), чюдъ онъ говорилъ тогда и что бы сказалъ теперь*“

Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что Варлаамъ нашелъ въ Византіи радушный приемъ и пользовался отмиѣннымъ вниманіемъ царя Андроника, который далъ ему важное порученіе на западѣ, и царя І. Кантакузина, какъ о томъ убѣдительно свидѣлствуетъ рѣчь Григоры. Значительная доля влияния въ объясненіи ожесточенной борьбы противъ Варлаама должна быть приписана иноземному его происхожденію и тому предпочтенію, которое оказывали ему цари и вельможи. Изъ разбора миссіи его на западъ слѣдуетъ вывести заключеніе, что никакой задней мысли при поселеніи въ Византію у него не могло быть, и что въ сочиненіяхъ его, написанныхъ противъ латинства, нельзя подозрѣвать никакой инокрисіи. Напротивъ, надо думать, что Варлаамъ былъ въ душѣ идеалистъ и вѣрилъ вполне искренно въ возможность уніи запада съ востокомъ. Придерживаю-

пихся подобныхъ же взглядовъ въ Византіи было много, въ особенности въ высшихъ придворныхъ кругахъ, и всѣ державшіеся такихъ воззрѣній могутъ быть названы латинствующими или западниками. Итакъ, въ борьбѣ Паламы съ Варлаамомъ нужно видѣть одинъ изъ моментовъ борьбы національной византійской партіи съ западнической или латинствующею.

Что касается въ частности того обвиненія, будто Варлаамъ переселился въ Византію съ тайной цѣлью работать въ пользу уни, оно опровергается, между прочимъ, его же сочиненіемъ противъ латинской церкви, или собственно противъ папства, которое по своему общему тону и направленію вполне выражаетъ мнѣніе національной греческой партіи, и подъ нимъ могъ бы подписаться любой изъ византійскихъ патриотовъ. Латиняне ¹⁾, говоритъ онъ, отстанвають то мнѣніе, что папа въ силу своего примата имѣеть право по своей волѣ устанавливать догматы (πᾶν ὅτιοῦν βουλομένῳ ἐστὶν αὐτῷ δογματίζειν) и что его постановленіямъ никто не вправе противорѣчить. Я, говоритъ на это Варлаамъ, также признаю, что Петръ былъ пастыремъ и учителемъ вселенской церкви, но не одинъ онъ, а въ той же степени и съ одинаковою честью и каждый изъ 12 апостоловъ. Христосъ обѣщавъ вѣрить Петру ключа царства небеснаго. Что поль этия подразумеваются единственно власть вязать и рѣшить, объяснено въ послѣдующихъ вѣтѣхъ словахъ, но эту власть получили отъ Господа и другіе апостолы. Какъ же случилось, что Петру усвоится названіе корифея и первопрестольнаго апостола? Разсматривая выдающуюся роль Петра при избраніи Матея и въ первую проповѣдь въ праздникъ Пятидесятницы, Варлаамъ приходитъ къ заключенію, что примать Петра основывался на томъ, что остальные апостолы уступили ему право первой рѣчи. Далѣе, согласно всѣмъ грекамъ, писавшимъ противъ латинства, онъ обращается къ авторитету вселенскихъ соборовъ и спрашиваетъ: если патріархъ константинопольскій по каноническимъ постановленіямъ равенъ во всемъ римскому, то гдѣ основанія къ тому, что греки должны подчиняться папѣ? Идя далѣе, Варлаамъ утверждаетъ, что въ Римѣ было уже много еретическихъ папъ, и ссылается, между прочимъ, на папу Иоанна. Блаженный Климентъ не былъ рукоположенъ апостоломъ Петромъ во

¹⁾ *Migne*, 151, col. 1276—1278; *Fichler*, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident, München 1864, I, S. 362—363; *Подтопскій*, Варлаамитская ересь (*Труды Киевской духовной академіи*, 1872, стр. 319).

епископа вселенской, а только римской церкви, какъ и всякій другой епископъ рукополагается только въ известную епархію. Епископскій престолъ въ Римѣ не былъ ни первымъ, ни послѣднимъ, но сдѣланъ былъ первымъ впоследствии, по узаконенію святыхъ отцовъ и благочестивыхъ царей, которые возвеличили въ церковныхъ дѣлахъ престолъ новаго Рима, также какъ и престолъ древняго. Нѣтъ ни закона, ни обычая, которымъ бы требовалось, чтобы патріархи были рукополагаемы папой, чего на самомъ дѣлѣ никогда и не бывало. Папа не выше соборовъ, такъ какъ соборы сами предписывали законы церкви. Непозволительно никому изъ патріарховъ, равно и папѣ, прибавлять новые догматы безъ вѣдома и согласія всей церкви. Тому папѣ, который твердо соблюдаетъ ученіе святыхъ отцовъ, должно воздавать честь, опредѣленную священными канонами. Несоблюдающаго же этого ученія слѣдуетъ избѣгать, какъ волка и пагубнаго врага церкви. Такимъ образомъ, нѣтъ частной церкви, а есть только вселенская и каеволическая; вѣрующіе въ частную церковь суть отсѣченные и мертвые члены единаго тѣла церкви Христовой.

Несомнѣнно уже вполне свободный и искренній взглядъ на сравнительныя достоинства западной и восточной церкви находится въ письмахъ Варлаама къ друзьямъ, оставившимся въ Греціи. Въ одномъ изъ этихъ писемъ ¹⁾ Варлаамъ проводитъ параллель между строемъ западной и восточной церкви, при чемъ схватываетъ самыя существенныя и, нельзя не признаться, реальныя стороны. Здѣсь было бы умѣстно выразиться тѣмъ нападкамъ и скрытой неприязни противъ грековъ, о которой такъ любятъ говорить враги Варлаама. Между тѣмъ, мы не можемъ указать ни одной сколько нибудь преувеличенной и пристрастной черты. Такъ, онъ противопоставляетъ строгую дисциплину въ латинской церкви случайнымъ каузизмамъ патріарховъ или царей въ греческой; централизирующее начало папства противопоставляетъ разьединенности и отсутствію такого объединяющаго начала на востокѣ. Въ особенности стоить обратить вниманіе на двѣ слѣдующія черты. У латинянъ ученіе евангельское крѣпнеть, растетъ и распространяется, слово Божіе ревностно проповѣдуется по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ. Здѣсь каждому христіанину сообщается все то, что питаетъ благочестіе и побуждаетъ къ добродѣтели, здѣсь христіанство глубоко вошло въ жизнь. Между тѣмъ у грековъ очень мало людей искусныхъ въ словѣ, а

¹⁾ *Migne*, 161, col. 1258—1264.

еще менѣе такихъ, которые бы съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ занимались священнымъ писаніемъ, чѣмъ сочиненіями свѣтскихъ писателей. Что касается непросвѣщенной массы народа, то она остается совершенно не причастною спасительнаго слова Божія. На одного человѣка, знающаго существенно необходимое для спасенія души, приходится здѣсь цѣлыя тысячи такихъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сущности христіанскаго ученія. Все это весьма неблагопріятно вліяетъ на характеръ и жизнь грековъ. Затѣмъ Варлаамъ касается еще общей черты греческой набожности. „Нѣкогда христіане горячимъ и смѣлымъ исповѣданіемъ своей вѣры обращали въ христіанство даже жесточайшихъ гонителей своихъ. Теперь же мы видимъ на востокѣ противоположное этому явленіе: восточные христіане въ безчисленномъ множествѣ обращаются въ магометанство“.

Приведенныя данныя должны значительно ослабить тѣ извѣстія, по которымъ Варлаамъ выставленъ ненанястивкомъ и врагомъ греческой церкви и въ которыхъ сочиненіямъ его противъ латинской церкви приданъ характеръ умысленности и притворства. Нужно, наоборотъ, допустить, что сначала онъ искрено вѣрилъ въ то, о чемъ писалъ, и совершенно убѣжденъ былъ въ практической силѣ логическихъ доказательствъ. Перемѣна въ немъ произошла послѣ путешествія на западъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, завязавшая у него борьба съ Григоріемъ Паламой имѣла не послѣднее значеніе въ переходѣ его къ латинству.

Въ богословскій споръ съ Паламой Варлаамъ вступилъ по возвращеніи изъ миссія на западъ. По словамъ Н. Григоры¹⁾, этотъ споръ продолжался около трехъ лѣтъ, когда, наконецъ, Варлаамъ донесъ патріарху константинопольскому на своего соперника, обвиняя его въ омфалонсизмѣ, въ ненравильной молитвѣ и въ богословскихъ заблужденіяхъ. Изъ похвалъ Паламы, принадлежащей Филозою²⁾, узнаемъ нѣкоторыя другія подробности по хронологіи этого спора. Палама написалъ девять словъ противъ Варлаама, раздѣляющихся на три триады. Первая составлена до появленія сочиненій Варлаама; вторая, названная имъ послѣднею, написана уже въ опроверженіе письменно изложеннаго мнѣнія Варлаама. Но ей не суждено было остаться послѣднею, ибо на *второе сочиненіе* Варлаама, появившееся, очевидно,

¹⁾ Historia, I, p. 557.

²⁾ Migne, Patrologia, 151, col. 589.

вслѣдъ за этой триадою, Палама еще составилъ новую триаду въ опроверженіе и втораго сочиненія Варлаама. Такимъ образомъ, названная Паламою послѣднею, въ дѣйствительности же вторая по порядку и по времени составленіи триада написана Григоріемъ Паламою *по выходы изъ свѣтъ первую сочиненія Варлаама*, когда этотъ послѣдній путешествовалъ по Италіи ¹⁾. Въ этомъ весьма важномъ для насъ сообщеніи мы получаемъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о началѣ богословской борьбы, новидному. Оно, приводитъ къ заключенію, что нападающею стороною былъ Палама, Варлаамъ же защищающейся. Первая триада написана имъ противъ Варлаама, когда еще онъ не читалъ его сочиненій, а только слышалъ объ его ученіи. Вторая триада, составленная во время миссіи Варлаама (1338—1339), направлена была уже противъ сочиненія этого послѣдняго, съ которыми Палама успѣлъ тогда ознакомиться. Слѣдовательно, первое сочиненіе Варлаама могло быть составлено около 1337—1338 г.; этимъ оправдывается трехлѣтній періодъ борьбы, указанный П. Григорой. Возвратившись на западъ изъ путешествія, предпріятого, какъ мы знаемъ, по порученію императора, Варлаамъ, по словамъ Филоея, передѣлалъ во многихъ частяхъ свое сочиненіе, съ тѣмъ, чтобы избѣжать обвиненій ²⁾, давъ имъ даже другое надписаніе (*κατὰ Μασσαλιανών*). Это побудило Паламу написать свою третью триаду противъ Варлаама. Нужно думать, что это послѣднее сочиненіе и было поводомъ къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя Варлаамъ представилъ патриарху константинопольскому.

Въ большинствѣ византійскихъ изложеній хода борьбы и въ сорбныхъ грамотахъ мы напрасно стали бы искать хронологическихъ датъ. Во всѣхъ упомянутыхъ изложеніяхъ выдвинутъ тотъ фактъ, что Варлаамъ, желая осмѣять греческую вѣру, притворился ученикомъ, ищущимъ ознакомленія съ монашескою жизнью и воспользовался простодушіемъ одного калогера, который въ безыскусственной формѣ и передалъ ему, что каждый вѣрующій можетъ удостоиться тѣлесными очами видѣть свѣтъ Божій и созерцать природу Божию. Этими словами онъ воспользовался съ тѣмъ, чтобы представить въ смѣшномъ видѣ монашескую жизнь и вѣру. Не можетъ быть сомнѣ-

¹⁾ *Μετρε*, 151, col. 589: τοῖς γούν ὑστερίοις τούτοις τρεῖσι καὶ δευτέροις ὁ μέγας ἐχρήσατο κατ' αὐτῶν ἐκείνων τῶν τοῦ Βαρλαάμ φημί πρώτων λόγων... εἰς Ἱταλίαν ἀποδημιῶντος ἐκείνου.

²⁾ *Ibid.*: μεταλλάττει μὲν καὶ μεταποιεῖ τὰ κλειστά τῶν ἑαυτοῦ λόγων, τοὺς ἐλέγχους καὶ τὴν ἀπορίαν δὴθ' ἐκφεύγων.

нія, что эта точка зрѣнія не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла, обличая въ упомянутыхъ изложеніяхъ извѣстную степень тенденціозности.

Болѣе фактическихъ данныхъ о ходѣ литературной борьбы находимъ въ неизданномъ еще изложеніи, принадлежащемъ монаху Давиду, одному изъ дѣятельныхъ сторонниковъ Паламы, и Акиндиву.

Первый ¹⁾ въ своей „краткой исторіи происхожденія злой ереси Варлаама и Акиндива“, сводя ученіе Варлаама о свѣтѣ къ философскому принципу пытается послѣдовательно изложить весь ходъ литературной полемики. По словамъ Давида, Варлаамъ прежде всего выступилъ съ обличеніемъ противъ ученія греческихъ монаховъ о божественномъ осіяніи и богоявленіяхъ и нависалъ сочиненіе въ доказательство того положенія, что свѣтъ, возсіявшій на горѣ Фаворѣ, былъ вещественный и тѣлный и созданный на тотъ конецъ, чтобы озарить знаніемъ ученикомъ Христовыхъ, бывшихъ доселѣ простецами ²⁾. Сочиненіе Варлаама произвело волненіе между монахами, которые и обратились къ Паламѣ съ просьбой, чтобы онъ наговорилъ съ Варлаамомъ, усвоившись ему и удержавъ отъ подобныхъ словъ и писаній, оскорбительныхъ для монашествующихъ. Палама же зналъ его и бесѣдовалъ съ нимъ часто и обличалъ его, но какъ ничего не могъ достигнуть, то и рѣшился письменно опровергать его заблужденія ³⁾. Затѣмъ подробно сообщается ходъ и развитіе полемики, какъ она перешла отъ вопроса о свѣтѣ или осіяніи къ вопросу о существѣ и энергіяхъ божества.

Независимо отъ всего прочаго, въ изложеніи монаха Давида слѣдуетъ отмѣтить двѣ черты: 1) нападающею стороною признается Варлаамъ; 2) указывается однако, что оба знаменитые соперника были и ранѣе знакомы между собой и часто бесѣдовали по поводу вопроса о свѣтѣ и богоявленіяхъ. Если же дѣйствительно таковы были лич-

¹⁾ Вана, Cod. theolog. graecus, № 210, F. 358. Τοῦ τιμιωτάτου καὶ σοφωτάτου μοναχοῦ κ̅υρ Δαβὶδ ἱστορία διὰ βραχέως ὅπως ἔρχη συνέστη ἡ κατὰ τὸν Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδίνου πονηρὰ αἵρεσις. Тоже въ Московскои Синод. Библиотекѣ, № 290, л. 1.

²⁾ ἀπελλθὼν πρὸς ἀνατροπὴν τῶν χαλογέρων ἔγραψε λόγους κατὰ τοιοῦτου φωτὸς. Ἡλθὼν δεῖξει αὐτὸ ὑλιζὸν καὶ φθαρτὸν, λέγων ὅτι οὐκ ἦν ἐκεῖνο τὸ φῶς αἰεὶ, ἀλλὰ τότε ἐγένετο, ἵνα εἰδῶσιν οἱ μαθηταὶ ἰσθῆσαι ὄντες καὶ θαυμάσασαι.

³⁾ εἶδε τοῦτον καὶ ὠμίλησε πολλὰ ἡδὴ ὁ Παλαμᾶς καὶ παρεκάλεσε καὶ ἤλεγξε καὶ ἀνέτραψεν ἀπὸ στέματος, οὐκ ἤβουλήθη δὲ μετακείσθαι οὐδόλωσ... ἀναγκασθεὶς λοιπὸν ἀντέγραψεν ὁ Παλαμᾶς... ταῦτα ἰδὼν ὁ Βαρλαάμ ἀντέγραψεν...

ными отношеніи Паламы и Варлаама, то становится понятнымъ, почему первый могъ принять на личный счетъ часть тѣхъ обвиненій, которыя Варлаамъ выставилъ противъ монаховъ въ своемъ первомъ сочиненіи.

Свидѣтельство Акиндина ¹⁾, не противорѣча по существу сообщеніямъ монаха Давида, выдвигаетъ на первый планъ тотъ фактъ, что нападеніе Варлаама на греческихъ монаховъ нослѣдовало еще въ Константинополѣ и что Акиндинъ *прежде всего* обратилъ вниманіе патріарха на высказанныя имъ заблужденія. Такимъ образомъ, Варлаамъ удался въ Солунь, уже находясь въ немилости у патріарха. Здѣсь онъ встрѣтилъ Паламу и между ними сначала завязались состязанія, а потомъ литературная полемика ²⁾. Тотъ же Варлаамъ перенесъ потомъ въ Константинополь свой споръ съ Паламой, предложивъ рѣшеніе вопроса на судъ духовной власти. Акиндинъ выставилъ дальѣ на видъ, что начала этой полемики скрываются во враждѣ Варлаама къ Паламѣ и въ желаніи досадить ему ³⁾. Можно считать не подлежащимъ сомнѣнію то, что оба соперника хорошо знали одинъ другаго еще до начала полемики и что между ними были какіе-то личные счеты.

Не говоря о томъ, что матеріалы для исторіи борьбы Варлаама съ Григоріемъ Паламой не всѣ извѣстны, большимъ трудностямъ представляетъ распредѣленіе по категоріямъ и очищеніе критикой уже напечатанныхъ изложеній этой борьбы и относящихся къ ней документовъ. По всему видно, что приверженцы той и другой партіи употребляли всевозможныя усилія оправдать своихъ вождей, и такъ какъ побѣда не разъ склонилась то на сторону Варлаама, то ея противника, то и въ литературныхъ памятникахъ, имѣющихъ по большей части полемическій характеръ, недостаетъ надлежащей объективности и безпристрастія. Страстность не пощадила даже самыя официальные акты, которые подвергались передѣлкѣ въ угоду одержавшаго побѣду направлеиія. Такъ, когда Варлаамъ былъ отлученъ церковью, и ученіе его признано еретическимъ, для православнаго большинства, принявшаго сторону Паламы, стоило немалого труда свести счеты

¹⁾ Главнымъ образомъ имѣемъ въ виду его записку, представленную патріарху Іованну (Мюнхенъ, cod. graecus 223, f. 51), которую ниже приводимъ вполнѣ.

²⁾ μετά δὲ ταῦτα καί τε ἐπειδὴ γένομενος ἐν τῇ Θεσσαλονικίᾳ τῷ Παλαμῶν ἐν τῷ λόγῳ καὶ συνεισπλάσσαν ἄλλήλοις τοῖς κατ' ἄλληλων λόγοις.

³⁾ ἐκ τῆς γενομένης αὐτῷ πρὸς τοῦτον ἔριδος καὶ φιλονεικίαις εἰς τὸ ταῦτα λέγειν ἕκαστον κατὰ τοῦτου προήχθαι.

съ противоположнымъ направленіемъ, которое также могло сослаться въ свою пользу на соборныя постановленія. Борьба между приверженцами Паламы и Варлаама, сведенная на почву богословскаго ученія, по своей горячности напоминаетъ самыя выдающіяся эпохи возбужденія умовъ въ Византіи; въ XIV вѣкѣ повторится та же страстная полемика и та же крайняя нетерпимость къ чуждымъ мнѣніямъ, какая характеризуетъ періодъ иконоборства или вѣкъ Фотія. Официальныя акты при изображеніи такихъ эпохъ сами по себѣ не ручаются еще за полную достовѣрность ихъ и объективность и нуждаются всякій разъ въ доказательствахъ и подтвержденіяхъ ихъ цѣлости и неповрежденности. Такимъ образомъ, преимущество все же остается на сторонѣ частныхъ матеріаловъ, то-есть, изложевій, записокъ и замѣтокъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ борьбѣ или бывшихъ ея современниками. Что въ этомъ отношеніи можно ожидать еще значительныхъ дополненій, доказывается нижеслѣдующимъ.

Въ рукописи Лаврской бібліотеки на Аеоиѣ помѣщено, между прочимъ, нѣсколько писемъ Паламы, проливающихъ свѣтъ на македонскій періодъ жизни Варлаама ¹⁾. Эти письма прежде всего открываютъ, что Палама не только былъ хорошо знакомъ съ Варлаамомъ и его приверженцемъ Акиндивомъ, но считалъ ихъ нѣкогда друзьями и состоялъ съ ними въ перепискѣ. Первый поводъ къ разногласію между ними подало сочиненіе Варлаама противъ латинцевъ о происхожденіи Св. Духа. Какъ мы уже видѣли изъ похвалы Филовея ²⁾, Варлаамъ допустилъ неосторожность, говоря о двухъ началахъ божества, и далъ слишкомъ высокое значеніе еллинскимъ мудрецамъ передъ отцами церкви: въ письмахъ Паламы именно указывается на эти стороны сочиненія Варлаама, но предметъ разногласія обсуждается въ мягкихъ выраженіяхъ, но допускающихъ мысли, чтобы авторъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ, какъ на ересь. Упрекнувъ Варлаама, что онъ скорымъ шагомъ обходитъ богоносныхъ отцовъ, какъ неизвѣстныхъ, а сократистовъ и платонистовъ расцуетъ, какъ боговидцовъ и осиянныхъ ³⁾, онъ добродушно подписывается надъ

¹⁾ *Porphyria*, Первое путешествіе въ восточныя монастыри и скиты. Часть I. Отдѣленіе I. Киевъ. 1877. Стр. 229. Речь идетъ о рукописи въ Лаврѣ, переписанной въ 1708 г. по повеленію Николая Магнорордата и заключающей важныя для нашего предмета документы.

²⁾ *Migne*, 551, col. 684.

³⁾ Первое путешествіе, стр. 232: τοὺς τε θεοφόρους πατέρας λαληθότας διαπίπτει καὶ τοὺς κατὰ Σωκράτην τε καὶ Πλάτωνα θεόπτας καὶ πεφωτισμένους ἀναγράφει.

этими пресловутыми философами и указываетъ въ христіанскомъ боготумудрїи (*theologia*) идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться. „Это внушай, брате,—заключаетъ Палама,—любящимъ мірскую мудрость болѣе чѣмъ должно“.

Болѣе рѣзкій тонъ обнаруживается въ тѣхъ письмахъ и сочиненїяхъ, которыя посвящены защитѣ *исихастовъ* или священно-безмолвствующихъ. Здѣсь Палама уже задѣтъ былъ лично и не считалъ нужнымъ щадить противника. Но какъ возгорѣлся споръ объ исихастахъ? Едва ли не распоряженіемъ церковной власти Варлаамъ посланъ былъ изъ Солуни на Афонъ, гдѣ, повидимому, и обнаружился его несогласїя съ монашествующими. Это можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Паламы: „я радовался, видя Варлаама, посланнаго къ монахамъ, и безмолвники радовались и говорили, что этотъ книжникъ будетъ для насъ какъ сокровищница, выдающая старое и новое“. Писалъ ли что Варлаамъ противъ исихастовъ, или только ограничился словесными заявленїями, объ этомъ трудно сказать. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнїя въ томъ, что сношенїя между Паламой и Варлаамомъ не прекратились и послѣ того, какъ послѣдній окрестилъ направленїе монашествующихъ именемъ *омблосонскїи* (пулоумїе). Какъ выѣхался въ это дѣло Палама, объ этомъ передается изложенїе, составленное монахомъ Давидомъ. Оказывается, что исихасты обратились къ Паламѣ съ просьбой *помогнуть* съ Варлаамомъ и *убѣдить* его *прекратить* словесныя и письменныя на нихъ *инимидки* и не оскорблять святыхъ мужей, поклоняющихся божественному огню. Но словесно или письменно излагалъ Варлаамъ свой взглядъ на религиозное направленїе монашествующихъ, этотъ взглядъ тѣмъ не менѣе выражался въ слѣдующихъ опредѣленныхъ чертахъ. Монахи священное писанїе считаютъ бесполезнымъ, а науку вредною, и думаютъ, что существо Божїе можно видѣть тѣлесными очами и что для достиженїя того нужны вѣкоторыя чувственныя воздѣйствїя и приемы. Между тѣмъ Варлаамъ думалъ, что высшее усовершенствованїе челоука зависитъ отъ упражненїя духовнымъ силъ: какъ здоровье, хотя и дается отъ Бога, но поддерживается собственной внимательностїю, такъ и философія. Ее далъ Богъ пророкамъ и апостоламъ и ученымъ мужамъ, и при помощи изученїя оставленныхъ ими сочиненїй мы можемъ искать и обрѣтать мудрость ¹⁾. Здѣсь сталкивались два противоположныя направленїя, которыя еще могли ужи-

1) Первое путешествїе, стр. 235—236.

ваться на теоретической почвѣ, но въ выводахъ и практическихъ примѣненіяхъ никакъ не могли идти рука объ руку. Скоро оба направления бросятъ упрекъ одно другому въ еретичествѣ и безбожій.

Въ высшей степени любопытно въ исторіи борьбы Варлаама и Паламы имѣтись процессъ обостренія отношеній между партіями. Мы знаемъ въ этомъ отношеніи порядокъ происхожденія триадъ Паламы; знаемъ также, что Варлаамъ, по возвращеніи изъ миссіи на западъ, устранивъ обвиненіе исихаство въ омфалопсихизмъ, намѣтилъ болѣе ясными чертами ихъ направленіе, называя ихъ *massalianami*. Съ этихъ поръ борьба уже не могла ограничиться тѣсной областью Македоніи или Аэона, она переходитъ въ Константинополь, и въ ней принимаетъ участіе свѣтское и церковное правительство. Почему же поднятый въ Солуни или на Аэонѣ вопросъ получилъ такое важное политическое значеніе?

Нѣтъ сомнѣній, что объясненіе того должно видѣть въ имени *massalianства*, которымъ Варлаамъ обозначилъ зашищенное Паламою направленіе. Это значило, что аеонскіе подвижники и македонскіе монахи суть еретики, зараженные богомилствомъ, что ихъ ученіе о состояніи полнаго безстрастія, въ которомъ человѣкъ способенъ соединиться съ Вожествомъ, напоминаетъ ученіе ехитовъ, — секты, соединившейся съ богомилствомъ въ славянскихъ земляхъ. Словомъ, этимъ дѣлался намекъ на очень извѣстное и распространенное на Балканскомъ полуостровѣ ученіе. Другой вопросъ — на сколько Варлаамъ былъ правъ, бросая противъ исихаство и защитника ихъ Паламы этотъ упрекъ. Для сужденія объ этомъ имѣется весьма мало данныхъ. Мы должны, однако, взвѣсить то обстоятельство, что начало борьбы истекаетъ изъ Македоніи, и что тамъ же черпала главнымъ образомъ свои силы и подкрѣплялась приверженцами партія Паламы. Такимъ образомъ, съ нѣкоторой иброятностью можно думать, что Варлаамъ попалъ въ цѣль, употребивъ приведенное выраженіе. На сколько этимъ затронутъ былъ самъ Палама, можно судить на основаніи свидѣтельства Никифора Григоры. Какъ извѣстно, его никакъ нельзя причислить къ сторонникамъ Варлаама; поэтому взглядъ его на полемику во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, какъ взглядъ лица, одинаково не расположеннаго къ представителю той и другой партіи. Григоръ ¹⁾ отстаиваетъ ту мысль, что Палама уже до прибытія Варлаама въ византійскіе предѣлы болѣе *massalianской*

¹⁾ *Historia*, IX, I, p., 918 и слѣд.

ересью, и что заслуга послѣдняго именно въ томъ и состоитъ, что онъ называетъ виновника ереси. По мнѣнію Григорія, и вся полемика, въ которой Палама заставлялъ принять участие правительство и церковь, всецѣло падаетъ на отвѣтственность его. Эта полемика въ концѣ концовъ до того озлобила Паламу, что онъ *насмѣшно зисимавленъ государя скрывать свои подписаные соборные акты*. Въ сообщаемыхъ преосвященнымъ Порфиріемъ выпискахъ изъ Маврокордатовой рукописи ¹⁾ есть, между прочимъ, горячая реплика на это обвиненіе. „Ты говоришь, пустевый мудрецъ Григоря, что государь по принужденію подписалъ соборный томъ, противный правой вѣрѣ! Государь, который, еще не достигши совершеннолѣтія, самъ по себѣ не могъ благосклонно смотрѣть на Варлаама,—который, будучи еще отрокомъ, повелѣлъ изгнать акиндиновцевъ изъ царскихъ палатъ! Такой государь подписалъ принужденно!“ Легко понять, что это весьма слабое опроверженіе противъ высказаннаго Григоріемъ обвиненія, ибо отроческое нерасположеніе царя къ варлаамитамъ, еслибы оно и было ибрно само по себѣ, ничего не доказываетъ по отношенію къ подписанымъ соборнымъ протоколамъ. А что въ этомъ случаѣ допускались значительныя нарушенія, это будетъ видно при разсмотрѣніи соборныхъ актовъ. Переходя затѣмъ къ опроверженію того обвиненія, что Палама есть виновникъ церковныхъ нестроеній, ссоръ и разногласій, постигшихъ церковь послѣ собора 1347 года, Палама ограничивается въ своей защитѣ чисто формальною стороною и какъ хорошій адвокатъ старается держаться на почвѣ закона. „Соборные протоколы,—говоритъ онъ,—утверждены тремя царями и скрѣплены печатями трехъ патріарховъ. Итакъ, ежели соборный актъ, утвержденный такими и столькими лицами, произвелъ ссоры, то какъ тутъ виновенъ Палама? Сей томъ служитъ поводомъ къ разногласію, но только для тѣхъ, кто не покоряется истинѣ“. Если принять во вниманіе, что соборъ 1347 года составленъ былъ въ интересахъ Паламы, то нельзя не признать слинкомъ неудовлетворительными высказанными здѣсь оправданія. Наконецъ, на замѣчаніе, что царь, хотя и сознавалъ богохульства Паламы какъ должно, но только не высказался, Палама отвѣчаетъ слѣдующимъ. „Царь, находясь въ Солуни, присутствовалъ при богослуженіи Паламы, а въ Константинополѣ слушалъ литургію, которую совершалъ патріархъ вмѣстѣ съ Паламою и послѣ литургіи цѣловалъ руку его въ присутствіи всего народа“. Понятно, что и

¹⁾ Первое путешествіе, стр. 237—238.

эти знаки вниманія царя далеко не ослабляютъ намека Григорю на силу и вліяніе партіи Паламы, сдѣлавшей изъ правительства орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Не будемъ пока настаивать на томъ, что Григора сообщаетъ безпристрастное мнѣніе; въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется возвратиться къ этому вопросу. Можно остановиться на заключеніи, что до миссіи въ Авиньонъ Варлаамъ и Палама не только были знакомы, но и состояли въ перепискѣ, что хотя Варлаамъ не раздѣлялъ направленія Паламы и не скрывалъ этого въ бесѣдѣ съ учениками, но не называлъ его еретическимъ.

Вліяніи обстоятельна, давнія означеннымъ недоразумѣніямъ характеръ публичности и перенесенія ихъ изъ Солуны въ Константинополь, раскрыты въ похвальномъ словѣ Филооелъ, гдѣ онъ говоритъ о порядкѣ составленія знаменитыхъ триадъ своего героя ¹⁾. Именно, во время италіанской миссіи Варлаама Палама составилъ вторую триаду, въ которой показывалъ заблужденія своего противника, выяснивъ, что истинное и спасительное знаніе состоитъ не въ изученіи вѣдѣній мудрости, а въ тайной умственной молитвѣ и въ духовномъ служеніи Богу. Здѣсь же онъ описалъ качества и признаки этого духовнаго служенія и объяснилъ божественное и невзрачное озареніе священнымъ огнемъ, доступное избраннымъ Божиимъ слугамъ. Варлаамъ, возвратившись изъ путешествія на западъ, прежде всего и занялся этими сочиненіями Паламы, разборъ которыхъ привелъ его къ выводу, поставленному въ оглавленіи его отвѣта: κατὰ Μασσαλιανῶν. Когда солунская полемика сдѣлалась весьма гласною и обратила на себя общее вниманіе, когда Палама составилъ свою третью триаду, которую отправилъ въ Константинополь къ царю ²⁾, тогда положеніе Варлаама сдѣлалось въ Солунѣ весьма затруднительнымъ, и онъ рѣшился отправиться въ Константинополь, „расчитывая на поддержку патріарха и на дружбу тѣхъ, которые раздѣляли его мнѣнія и благосклонно относились къ искusstамъ“. По этому поводу составитель похвалы дѣлаетъ весьма для насъ важную вставку, рисующую Константинополь съ точки зрѣнія провинціала ³⁾. „Я не могу не превозносить Константинополь за его величіе, красоту, богатство, просвѣщеніе и подобныя тому качества, но мнѣ не нравятся въ немъ одно, что константинопольцы весьма легкомысленно относятся къ

¹⁾ *Migne*, t. 151, col. 589.

²⁾ *Ibid.*, col. 589: ὁ δὲ καὶ μᾶλλον Γρηγόριον—ἐρέθειαν καὶ τρέφασθαι κατὰ κράτος: καὶ τὸ πρόκαιον κατ' ἐκείνων ἐπιτελεῖς ἀναστῆραι τοὺς τελευταίους τρεῖς...

³⁾ *Ibid.*, col. 595.

божественнымъ предметамъ, они занимаются священными вопросами, какъ игрой въ камешки или въ мячикъ, и любятъ выставлять таинственныя вещи на позорище, какъ на сценѣ или въ драмѣ⁴. Варлааму удалось здѣсь съ большой легкостью привлечь на свою сторону ученыхъ и философовъ и посѣять недовѣріе къ своему противнику, набросивъ на него подозрѣніе въ богохульствѣ, обманѣ и ереси⁵). Прямымъ послѣдствіемъ перенесенія дѣла въ Константинополь было то, что Палама съ своими приверженцами и Варлаамъ должны были явиться на соборъ.

Въ такомъ свѣтѣ представляется дѣло по известнымъ доселѣ матеріаламъ. Нельзя сказать, что вопросъ о началѣ полемики этимъ исполнѣн исчерпывается. По всей вѣроятности, онъ можетъ быть съ успѣхомъ изучаемъ съ другихъ сторонъ по матеріаламъ, еще не напечатаннымъ. Въ особенности блѣдно пока намѣчена роль того лица, которое въ синаодикѣ вездѣ стоитъ рядомъ съ Варлаамомъ, разумѣемъ *Акиндина*. Откуда онъ происходилъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ Варлааму, когда принялъ участіе въ богословской полемикѣ, — все это оставалось и для насъ не яснымъ, пока намъ не удалось напасть на рядъ писемъ Акиндина и другихъ официальныхъ актовъ, проливающихъ обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ⁶).

Мюнхенская рукопись № 223 заключаетъ въ себѣ слѣдующіе матеріалы: во первыхъ, переписку Акиндина—писма къ Героею, Лаптеу, Максиму, Гаврѣ, патріарху Іоанну; во вторыхъ, полемическія статьи—сокращенное изложеніе еретическихъ мнѣній Паламы, опроверженіе исповѣданія вѣры Паламы, возраженія на письмо Паламы; третихъ, слово къ патріарху Іоанну и синоду о происхожденіи спора между Варлаамомъ и Паламой; исповѣданіе вѣры Акиндина; изложеніе и опроверженіе ереси Паламы, четыре трактата въ опроверженіе вѣщественныхъ догматовъ Паламы. Всего въ рукописи 363 листа. Уже этотъ перечень статей показываетъ, какой важный источникъ приобретается въ мюнхенской рукописи для пополненія исторіи богословской борьбы между Варлаамомъ и Паламой. Не исключая и писемъ, всѣ перечисленныя статьи посвящены главнѣйше одному и тому же вопросу и бросаютъ новый свѣтъ на участниковъ борьбы и

⁴) *Cantacuseni*, *Historiarum* II, 40 (ed. Bonn., p. 550): 'ἰσώνη τῶ πατριάρχῳ-οντι τότε τὰ κατὰ τὴν μοναχὸν συγγραμματα ἐγγυερῖσαι καὶ σύνθετον εἶτατο συναθροῖσιν κατ' αὐτῶν.

⁵) Это мюнхенскій cod. graecus № 223.

на ихъ взаимныя отношенія. Не останавливаясь на частностихъ, укажемъ въ этомъ смыслѣ самыя существенныя данныя.

Григорій Акиндинъ, ученый константинопольскій монахъ, принялъ дѣятельное участіе въ богословской борьбѣ не потому, что онъ раздѣлялъ мнѣніе Варлаама или былъ его ученикомъ, а потому, что патріархъ Іоаннъ Калека, зналъ его за образованнаго и начитаннаго богослова, сдѣлалъ ему порученіе защищать церковную точку зрѣнія противъ новшествъ, привнесенныхъ Паламой и Варлаамомъ. Акиндинъ представлялъ въ себѣ среднюю партію, былъ не пристрастенъ къ тѣмъ личнымъ счетамъ и недоразумѣніямъ, которыя обострили отношенія между Паламой и Варлаамомъ еще во время совѣстнаго ихъ жительства въ Солуни. Съ большой горячностью привязавшись за опроверженіе мнѣній Паламы и Варлаама, Акиндинъ съ замѣчательною энергіей распространялъ свои сочиненія по всѣмъ окраинамъ еллинскаго міра, стараясь удержать въ послушаніи церкви тѣхъ, кто колебался въ выборѣ, къ какой партіи прикнудить. Почти всѣ его письма проникнуты духомъ пропаганды и подстрекательства вооружиться противъ Паламы. Онъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ и самому патріарху, указывая, что слабость и попустительство въ церковныхъ дѣлахъ не простительны, что партія Паламы черпаетъ свою силу именно въ нерѣшительности церковной власти. Акиндинъ пріобрѣлъ своею полемикой большую славу въ патріаршество Іоанна Калеки, который высоко цѣнилъ его и готовъ былъ дать ему епископскую кафедру.

О происхожденіи богословской борьбы Акиндинъ подробнѣй сообщаетъ въ запискѣ, поданной патріарху и собору, которую и приводимъ здѣсь ¹⁾. Святѣйшій владыко и вселенскій патріархъ и священный синодъ Христовой церкви! Будучи воспитаны въ простыхъ и всѣми исповѣдуемыхъ догматахъ церкви и въ общеобязательныхъ правилахъ благочестія, установленныхъ святыми отцами, мы до самаго послѣдняго времени жили въ мирѣ и тишинѣ, съ довѣріемъ и въ простотѣ сердечной принимая слово вѣры и благочестія, когда завистью діавола и дерзостью собственнаго разума попущенъ былъ илкіи Варлаамъ противъ пребывающихъ въ молчаніи и проводящихъ въ простотѣ сердца чистую и къ Богу приближающую жизнь. Тогда,

¹⁾ Cod. 223, fol. 51. Λόγος πρὸς τὸν μακαριώτατον πατριάρχην κύρ Ἰωάννην καὶ τὴν περὶ αὐτὸν αὐνοὺν διεκρίων ἑπέως ἢ τοῦ Παλαμά καὶ Βαρλαάμ φιλονεικία τῆν ἐφύγη συνίστη.

и прежде всѣхъ другихъ, и выступилъ противъ него и съ сокрушеніемъ домогилъ о томъ вашему святѣйшеству; сдѣлали то же и прѣ томъ неоднократно и другіе, что и побудило его оставить Константинополь и переселиться въ Солунь. Ваше святѣйшество пригрозило ему съ своей стороны дурными послѣдствіями, если онъ будетъ упорствовать въ своихъ начинаніяхъ. Но, проживая въ Солуни, онъ испутилъ въ сношеніи съ Паламой и между ними завязался литературный споръ. Не буду говорить о подробностяхъ, напомню только, что Варлаамъ появился затѣмъ сюда и представилъ вашему святѣйшеству и собору свои сочиненія противъ Паламы и противъ аеонскихъ монаховъ. Явился онъ и ко мнѣ съ тѣми же самыми обвиненіями противъ Паламы и исихастовъ, предлагая мнѣ поддержать его въ начатой имъ полемикѣ. Я же подумавъ, что, еслибы и заблуждались въ чемъ Палама и исихасты, то не дѣло Варлаама изслѣдовать это и исправлять, а церковной власти, пригласивъ съ собой нѣкоторыхъ монаховъ, пришелъ просить вашихъ указаній, святѣйшій владыко. По обсужденіи этого дѣла вы пришли къ тому же заключенію, какъ и мы, что настоящая причина нападовъ Варлаама на Паламу скрывается во взаимной распрѣ и зложелательствѣ одного къ другому ¹⁾. Я же, одобрилъ Паламу, какъ вамъ извѣстно, и по вашему приказанію прочитавъ книгу Варлаама, нашелъ достойными порицанія его мнѣнія о божественномъ преображеніи и о священной молитвѣ и затѣмъ и словесно и въ нарочито составленныхъ запискахъ я опровергалъ его и дѣлалъ это съ такой внимательностью, что не только избѣгъ исихакихъ новшествъ, но, смѣю думать, значительно ограничилъ его дерзость и отвагу касаться такихъ предметовъ. Ссылаюсь въ этомъ отношеніи на судъ вашего святѣйшества, да и самыя мои сочиненія, противъ него написанныя, сами по себѣ ясно могутъ свидѣтельствовать, какъ я относился къ Варлааму и къ Паламѣ. Но Варлаамъ сталъ распространять въ столицѣ свои мысли и привлекать къ себѣ многихъ приверженцевъ, кромѣ того, нублично заявлялъ и донесъ вашему святѣйшеству, что Палама устраиваетъ противныя канонамъ собранія на Святой горѣ и въ Солуни. Этотъ послѣдній доносъ многихъ привелъ въ раздраженіе противъ Паламы, такъ что они стали дѣлать настойчивыя представленія о томъ, чтобы ваше святѣйшество выра-

¹⁾ Οὐθ' ἢ σὴ θεία γνῶμη οὔτε ἡμεῖς τὸν ἀληθῆ ταῦτα λέγειν ἠγγασμένα κατὰ τοῦ Πалаμά, ἀλλ' ἐκ τῆς γενομένης αὐτῷ πρὸς τοῦτον ἐριδος καὶ φιλονικίας εἰς τὸ ταῦτα λέγειν ἐκείνον κατὰ τοῦτου προήχθαι.

или Варлааму посредствомъ соборнаго акта, что онъ не подлежитъ ответственности за упомянутыя слова и сочиненія, а что Палама напротивъ подлежитъ. Вы, однако, не приняли подобнаго предложенія, а приказали отправить грамоту къ солунской церкви съ требованіемъ послать сюда Паламу для объясненій по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ обвиняется онъ Варлаамомъ. Правда, грамота была составлена далеко не въ мягкихъ выраженіяхъ, что и понятно, ибо шла рѣчь о сборницахъ и сходкахъ, противныхъ канонамъ и церковной дисциплинѣ. Имѣвъ случай ознакомиться съ этою соборной грамотой и пожалѣвъ Паламу, я, забывъ мое ничтожество и принявъ на себя роль властнаго лица въ синодѣ, дерзнулъ обратиться лично къ вамъ, владыко. Для этого я составилъ докладную записку на ваше имя, въ которой изложилъ, что несогласно съ вашей кротостью и человеколюбіемъ то обстоятельство, что означенная грамота адресована не лично къ Паламѣ съ предложеніемъ явиться, а послана къ другимъ съ требованіемъ послать его, какъ будто онъ вполнѣ осужденный. Что же на это отвѣчалъ ты, владыко! Ты не поразилъ меня прещеніемъ, не сказалъ: кто поставилъ тебя судьей надъ нами? Напротивъ, выслушавъ меня, ты строго потребовалъ отъ Варлаама, чтобы онъ отдалъ назадъ ту грамоту. А когда Варлаамъ сталъ утверждать, что грамота уже послана, ты ни минуты не колебался сомнѣніями, что трудно поправить дѣло, но немедленно приказалъ составить на имя Паламы такое письмо, какого только могъ желать онъ, и поручилъ мнѣ отправить его по назначенію. Спустя нѣсколько дней, прибылъ Палама и остановился въ моемъ жилищѣ. Когда я сталъ его разсиранивать по поводу высказанныхъ противъ него Варлаамомъ обвиненій, находившихъ себѣ подтвержденіе и въ сочиненіяхъ, недавно присланныхъ мнѣ самимъ Паламой, то онъ призналъ, что дѣйствительно употреблялъ нѣкоторыя изъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ обвиняетъ его Варлаамъ, но что въ нихъ вѣтъ ничего неумѣстнаго, въ чемъ старался убѣдить и меня. Но, такъ какъ я ставилъ ему на видъ, что эти выраженія смущаютъ и волнуютъ, то онъ пытался выяснять ихъ, хотя я не убѣдилъ меня. Наконецъ, онъ просилъ меня, по крайней мѣрѣ, не говорить объ этомъ предметѣ до тѣхъ поръ, пока не слѣдуетъ безвреднымъ Варлаама, который и помимо того окажется всуемишнымъ врагомъ всего нашего сословія, что, когда это удастся, онъ уничтожитъ въ своихъ сочиненіяхъ мѣста, возбуждающія въ пастъ печаль и волненіе. Такъ я явился съ нимъ къ тебѣ, божественная глава, и къ вамъ, святѣйшіе владыки, защищая его,

какъ только могъ. Я не обнаружилъ передъ вами тѣ его выраженія въ надеждѣ на то, что онъ исполнитъ обѣщанное мнѣ, освободившись отъ Варлаама, самъ же онъ не говорилъ объ нихъ изъ опасенія быть обличеннымъ въ ереси и ссылался въ оправданіе свое только на то, что у него нѣтъ тѣхъ словъ, въ которыхъ обвиняется, то-есть, о молитвѣ, добродѣтели, слезахъ и словахъ и тѣхъ выраженій о свѣтѣ, которыхъ нельзя было касаться ¹⁾. Такъ какъ всѣ были согласны со мной, то Варлаамъ лишентъ былъ права внести обвиненіе. Итакъ, ваше святѣйшество не подвергли разсмотрѣнію обвинительныхъ пунктовъ противъ Паламы и отвергли Варлаама. Мы же, зная богоубезнующую склонность вашу не допускать изслѣдованія догматовъ безъ особенной и настоятельной необходимости, съ своей стороны рѣшились спокойно наблюдать въ надеждѣ, что вы найдете средства сократить дерзость Паламы. Но онъ до такой степени оболъщенъ былъ происшедшимъ, что не въ состояніи былъ сдержаться, и позволилъ себѣ смѣло защищать тѣ новшества, которыя насъ возмущали и которыя прежде обличалъ намъ уничтожить въ своихъ сочиненіяхъ. Когда выступили мы съ обличеніями противъ него, ваше святѣйшество приказали перестать ему вводить новшества: ваше желаніе было примирить насъ и привести къ прежнему согласію. Но приверженцы Паламы строили мнѣ всякія козни и даже подуцали убить меня. Когда же твой божественный голосъ повелѣлъ мнѣ явиться, я не колебался и не откладывалъ, не просилъ того или другаго придти на соборъ, не собиралъ толпу, которая бы защищала меня, и вообще не употреблялъ никакихъ средствъ, но явился поснѣшно, имѣя себѣ одну защиту въ истинѣ и во вселенскомъ исповѣданіи вѣры и въ точномъ охраненіи православія со стороны вашего святѣйшества и собора. Излишне было бы говорить, что было сказано и что произошло на этомъ соборѣ. Когда стало ясно, что они не достигнутъ своей цѣли, поднялся шумъ, они убили двухъ преданныхъ мнѣ монаховъ, и еслибы не поднялась за защиту ихъ нѣкоторые изъ добрыхъ христіанъ, то навѣрное бы убили ихъ. Потомъ напустились и на меня съ криками: бейте его, варлаамита! Между тѣмъ извѣстно, что никто больше меня не подемизировалъ съ Варлаамомъ. Хотя вы были этимъ весьма недовольны, но по свойственной вамъ и прирожденной добротѣ не отказали дать имъ грамоту по свидѣтельству того, что они не отлучены отъ церкви. Въ этомъ смыслѣ составлено и соборное опре-

¹⁾ Въ этихъ выраженіяхъ Акиндий передаетъ Дѣянія собора 1341 года.

дѣленіе, при чемъ въ концѣ его безъ вашего вѣдома вкралась прибавка: „ни письменно, ни словесно отиудѣ не поднимать этихъ вопросовъ“. Пользуясь этимъ соборнымъ опредѣленіемъ, Палама передъ всѣми клялся, что соборъ оправдалъ и подтвердилъ своимъ авторитетомъ написанное имъ и осудилъ тѣхъ, кто иначе объ этомъ думаетъ. Не довольствуясь этимъ и не обращая вниманія на запрещеніе, онъ составилъ затѣмъ нѣсколько словъ, извращающихъ ученіе вселенской церкви о тринностасномъ божествѣ. Не вынося этого лжеученія, развращающаго ипогикъ и всѣхъ волнующаго, мы опять рѣшились обратиться къ нашей святости. И хотя мы заняты были другими важными заботами, однако не оставили безъ послѣдствія моего представленія, но сначала частнымъ образомъ потребовали отъ него прекратить распространеніе своего лжеученія, а когда это не помогло, позвали его на соборный судъ. Онъ же, зная, что его сочиненія таковы, что не могутъ не вызвать прещенія со стороны вашего благочестія, тайно скрылся изъ Константинополя, чѣмъ ясно доказалъ, что изводящимъ противъ него обвиненія не клевета, но чистая правда. Но на соборѣ этомъ былъ Исидоръ, двойникъ Паламы, который старался защитить и отстоять его. Тогда твоя святость и члены собора выразили мнѣніе—предать огню и совсѣмъ уничтожить возмутительныя и скандальныя сочиненія Паламы. Пока его разискивали и долго не могли найти, снова собрался соборъ, чтобы положить конецъ соблазну, то-есть, осудить еретическія его сочиненія. Послѣ этого Палама вытребованъ былъ изъ Иракліи и заключенъ въ обители Акаталинта. Но и это его не обрадуило, такъ какъ приверженцы его продолжали волновать населеніе столицы, смущали архіереевъ, монаховъ и свѣтскихъ людей, что могутъ засвидѣтельствовать и многіе другіе, и между прочимъ митрополитъ Тенедоса. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до васъ, святѣйшій патріархъ, вы потребовали, чтобы Палама предалъ проклятію свое еретическое ученіе. Но онъ самъ не явился, а сдѣлалъ объясненіе черезъ своихъ единомышленниковъ, на время удаленнаго изъ города, потомъ опять возвратился и живетъ здѣсь въ безопасности. Еслибы мнѣнія его не были извѣстны, еслибы были сомнѣнія, что они противны православнымъ опредѣленіямъ святыхъ отцовъ, тогда еще была бы необходимость въ длинныхъ доказательствахъ, но какъ дѣло совсѣмъ ясно, то мы ограничимся немногими словами*....

Приведенный документъ, очевидно, представляетъ собой записку, поданную Акиндиномъ на одинъ изъ соборовъ, бывшихъ въ патріар-

шество Іоанна XIV Калекі. Онъ въ высшей степени любопытенъ для исторіи первыхъ годовъ полемики и, безъ сомнѣнія, гораздо лучше знакомить съ отношеніями главныхъ участниковъ полемики, чѣмъ всѣ другіе матеріалы. Изъ него вытекаетъ, что всѣ главныя лица находилась между собой въ близкихъ отношеніяхъ и что въ періодъ между 1341 и 1347 годами дѣло Паламы далеко не было выиграно. Успѣхъ его въ 1347 году исключительно объясняется тѣмъ, что Іоаннъ *Калекс*, не принявъ противъ него тѣхъ мѣръ строгости, какія рекомендовалъ Акиндинъ, выпустилъ изъ своихъ рукъ направленіе движеніемъ и далъ Паламѣ время организовать сильную партію, которая въ 1347 году свергла уступчиваго патріарха.

Фактическая сторона занимающей насъ полемики выражена въ цѣломъ рядѣ документовъ, имѣющихъ officialный характеръ. Церковь въ концѣ концовъ должна была высказать свое мнѣніе по поводу спора между Варлаамомъ и Паламой. Эти officialные памятники суть соборныя дѣянія, которыя я подлежать теперь нашему разсмотрѣнію.

Первый соборъ происходилъ въ іюніѣ 1341 года. Подлинныхъ актовъ этого собора пока еще не разыскано, ибо то, что издано въ Патрологіи Миня ¹⁾ подъ именемъ *συνδικός τόμος*, не можетъ быть признано протоколами, а есть изложеніе происходившаго на соборѣ. Точно также нельзя считать протоколами и того акта, который изданъ у Миклошича ²⁾; впрочемъ оба упомянутые текста представляютъ дословное сходство за исключеніемъ даты и прибавки на концѣ въ изданіи Миня. Что это не officialный соборный актъ, видно уже изъ оглавленія (у Миня), на мѣсто *τόμος* *ὑπερῤῥιμένος* ожидалось бы *τόμος* *συντακτικός* или *ὑπόμνημα*, далѣе въ оглавленіи упомянуть Акиндинъ, а объ немъ на первомъ соборѣ не было рѣчи. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть объ уtratѣ подлинныхъ протоколовъ, что безъ нихъ почти невозможно возстановить того, что въ дѣйствительности происходило на этомъ соборѣ, такъ какъ историкъ Григора и Кантакузинъ протворѣчать одиѣ другому въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Съ точки зрѣнія приверженцевъ Паламы, Варлаамъ своевременно успѣлъ расположить въ свою пользу патріарха и значительную партію духовенства, такъ что для него казался обезпеченнымъ благоприятный исходъ дѣла, но въ дѣйствительности выходитъ совсѣмъ иное, ибо соборъ кончился осужденіемъ Варлаама.

¹⁾ *Migne*, t. 151, col. 679.

²⁾ *Miklosich et Müller*, *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, I, p. 202.

Согласно изложеніямъ, находимымъ у Миса, Миклошича и у Порфирія Успенскаго, передающаго дѣянія собора по Маврокордатовой рукописи, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Варлаамъ, донося на Паламу, просилъ созванія собора, но когда соборъ состоялся, на него не явился самъ обвинитель, ссылаясь на то, что онъ не хочетъ признавать собора, на которомъ вѣтъ царя. Потомъ, когда прибылъ царь и открылись засѣданія, Варлааму, какъ и слѣдовало, предоставлено было обвинительное слово противъ исихастовъ¹⁾. Но онъ, какъ бы забывъ о главномъ предметѣ, уклонился въ догматическія тонкости, почему и былъ прерываемъ нѣсколько разъ. Когда всѣ попытки обратить его къ существу вопроса оказались тщетными, председательствующій предложилъ къ слушанію каноническія правила, коими воспрещается толковать о богословскихъ предметахъ лицамъ, не получившимъ учительскаго достоинства²⁾. Затѣмъ представляемъ были и прочтаны донесенія Варлаама на монаховъ, послѣ чего приглашенъ говорить Григорій Палама. Далѣе читались сочиненія Варлаама противъ массалианъ, гдѣ у него изложено, между прочимъ ученіе о еаворскомъ свѣтѣ. Направленные противъ этого сочиненія опроверженія, очевидно, заранѣе приготовленные, занимаютъ главную часть изучаемаго памятника, которая заключается слѣдующими словами: „каковыми мѣстами и словами Варлаамъ изобличенъ былъ, какъ безбожно нападающій на священное, и постыжденъ“³⁾. Въ заключеніе заявлено было обвиненіе противъ Варлаама, что онъ нападаетъ на обычай безмолвниковъ и порочитъ молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня. По мнѣнію Варлаама, въ этой молитвѣ наставникъ безмолвниковъ, то-есть, Палама, по примѣру богомысловъ, внесъ измѣненіе: вмѣсто Сыне Божій, Боже нашъ. Итакъ, Варлаамъ оказался виновнымъ въ ереси, а монахи признаны свободными отъ обвиненія, какъ соблюдающіе преданія святыхъ отцовъ, „какъ они сами признали и подтвердили“. Вслѣдствіе чего единодушнымъ соборнымъ опредѣленіемъ признанный злобно нападающимъ на божественное, онъ сталъ просить у собора прощенія. Осужденіе противъ него произнесено въ условной формѣ: если раскаяніе его искреннее, и онъ не будетъ болѣе писать еретическихъ сочиненій, то благо ему;

¹⁾ Miklosich, I, p. 203: καὶ ὁ αὐτὸς Βαρλαάμ προτραπείς εἰπὼν καὶ ἀποδείξας κατὰ τῶν κατ' ἑσυχίαν ζώντων μοναχῶν παρόντων ἦδη καὶ αὐτῶν τῇ συνόδῳ.

²⁾ С4 правило 6 неслепянского собора и 19 правило халкидонскаго собора.

³⁾ Miklosich, I, p. 212; Migne, t. 151, col. 688.

въ противномъ же случаѣ ему угрожаетъ отлученіе отъ церкви. Документъ оканчивается угрозой такого же наказанія и другимъ лицамъ и запрещеніемъ обсуждать догматическіе вопросы, волнующіе церковь: „Ради чего и въ предупрежденіе другихъ отъ опасности впасть въ подобное заблужденіе составлено *πιστοποιηθεε τισσημο*, которое утверждаемъ своими подписями“¹⁾).

Что приведенный документъ не есть соборный протоколъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Прежде всего, своею формой онъ противорѣчитъ понятію о протоколахъ, представляя во многихъ мѣстахъ субъективный элементъ, выражающійся въ изъясненіи симпатій автора, въ выводахъ и заключеніяхъ его по отношенію къ приводимымъ текстамъ и ученіямъ. Далѣе, изъ заключительныхъ словъ документа явствуетъ, что это не *τόμος συνοδικός*, а *γράμμα*, слѣдовательно, изложеніе дѣяній соборныхъ; въ этомъ смыслѣ нужно призвать за нами нѣкоторые преимущества предъ другими изложеніями, такъ какъ авторъ, очевидно, имѣлъ подъ руками соборные акты и въ нѣсколькихъ случаяхъ дословно ими воспользовался. Но въ общемъ все дѣло представлено далеко иначе, чѣмъ оно происходило на соборѣ. Варлаамъ представленъ здѣсь обвиняемымъ и защищающимся, на самомъ же дѣлѣ онъ долженъ былъ выступить обвинителемъ. Что паши сомнѣнія въ подлинности приведеннаго изложенія основываются не только на предположеніяхъ и догадкахъ, подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ изданіи Миня²⁾ находимъ любопытную прибавку къ изложенію дѣяній этого собора, изъ которой видно, что одинъ изъ отцовъ, именно митрополитъ кизическій Аванасій, съелъ пужливый заявить нѣкотораго рода протестъ противъ этого собора, отказавъ дать свою подпись. Впослѣдствіи, приложивъ, однако, руку къ соборнымъ актамъ, онъ сдѣлалъ слѣдующее объясненіе. „Я не приглашенъ былъ ознакомиться съ содержаніемъ дѣла до собора. а на самомъ соборѣ не допущенъ былъ къ прочтенію нѣкоторыхъ бумагъ, которыя у меня были. Послѣ приговора мени оныхъ не пригласили къ разсмотрѣнію соборнаго акта, поэтому и отказался подписать его. Но, имѣя въ виду, что мнѣ случайно попались такіи части

¹⁾ *Miklosich*, I, p. 216: *χαρίν γάρ τοῦ μηδέτι μηδένα ταῖς ὁμοίαις πλανάς περιπίσειν κισόμενοι πρόβουαν, καί τὸ παρὸν εἰς ἀσφάλειαν ἐκθέρμενοι γράμμα, ταῖς αἰχμαῖς ὑπογραφαῖς ἐπιστημημάθεα κατὰ μῆνα ἰούλιον τῆς θ' ἡμέρῃς. У Миня, col, 691, κατὰ μῆνα Αὐγουστοῦ (инд. тотъ-же).*

²⁾ *Patrologia graeca*, t. 151, col. 692.

изъ сочиненій честивѣйшаго іеромонаха Григорія Паламы, которыя оказались неподлинными, и что впоследствии, прочитавъ настоящія его произведенія, я позналъ истину и увидѣлъ, что они во всемъ согласны со священнымъ писаніемъ, убѣдившись, кромѣ того, изъ его церковныхъ рѣчей въ согласіи его съ церковнымъ ученіемъ, а, во свидѣтельство и утвержденіе истинны словъ и писаній іеромонаха Паламы и прочихъ монаховъ, собственноручно подписываюсь". Къ этому присоединены еще 6 подписей, можетъ быть, также принадлежавшихъ опротестовавшимъ дѣянія собора лицамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ скрѣпа: „съ подлинника переписанъ настоящій актъ, что подтверждено въ удостовѣреніе и на случай сомнѣнія, что это не подлинный протоколъ". Примаемъ, мы находимъ довольно странной и позидѣйшую подпись Аванасія, утверждающую истинность ученія Паламы, и притязаніе скрѣпы доказать, что это есть нѣрная копія съ подлинника. Византійскіе акты скрѣплялись не такимъ образомъ, подноси протоколовъ соборныхъ точно также не вуждались въ такой пространный мотивировкѣ, какую находимъ у Аванасія.

Что соборныя дѣянія въ приведенныхъ изложеніяхъ потерпѣли значительныя поправки и измѣненія и не соответствуютъ дѣйствительному ходу дѣлъ, это доказывается изложеніями дѣяній того же собора, сохранившимися у историковъ Григорія и Кантакузина. По извѣстію Никифора Григорія¹⁾, на соборѣ прежде всего рѣшено было не допускать публичнаго обсужденія богословскихъ вопросовъ; этимъ распоряженіемъ имѣлось въ виду, съ одной стороны, охранить возвышенныя богословскія тайны отъ толпы неосвященныхъ слушателей, съ другой же, предостеречь Варлаама и Паламу отъ лишннихъ словъ, которыя они могли позволить себѣ въ увлеченіи. Итакъ, предметъ совѣщаній ограниченъ вопросомъ о молитвѣ, обвиненіе же въ маеліанской ереси отложено на нѣсколько дней. „И еслибы не случилась неожиданная смерть царя, продолжаетъ Григоръ, то, конечно, Варлаамъ достигъ бы своего въ спорѣ съ Паламой, то-есть, вырвалъ бы съ корнемъ еще только нарождавшуюся ересь". Послѣ этого Григоръ совсѣмъ неожиданно переимѣняетъ тонъ и, выкинувъ подробности, прямо заявляетъ, что Варлаамъ обличенъ былъ на основаніи другихъ его сочиненій въ злоумышленности и дерзости и оскорбительствъ народной славы. Правда, историкъ не скрываетъ, что онъ не присут-

¹⁾ Historia, XI, 10 (p. 568).

ствовавъ самъ на засѣданіи и вообще относится весьма недружелюбно къ самому собору, называя его театральнымъ представленіемъ ¹⁾. Въ изложеніи Кантакузина ²⁾ также видѣются черты несходныя съ содержаніемъ приведенныхъ выше извѣстій. Самая интересная особенность состоитъ въ томъ, что Варлаамъ выставленъ здѣсь въ роли обвинителя, какъ и должно было происходить на самомъ дѣлѣ; но уже во время соборныхъ засѣданій онъ замѣтилъ, что дѣло кончится не въ его пользу, посему, подошедши къ великому domestiku, сидѣвшему рядомъ съ царемъ, онъ просилъ у него помощи и совѣта. Великій domestikъ посоветовалъ ему публично сознаться въ заблужденіи и объявить ученіе монаховъ правильнымъ. Когда Варлаамъ послѣ нѣкотораго колебанія сдѣлалъ это, соборъ простилъ его. Последовавшее затѣмъ удаленіе Варлаама въ Италію объясняется здѣсь не осужденіемъ на соборѣ, но смертью царя.

Въ виду такого состоянія извѣстій о первомъ соборѣ, почерпаемыхъ въ главныхъ источникахъ, было бы весьма трудно съ точностью восстановить ходъ соборныхъ совѣщаній. Возникаютъ даже сильныя сомнѣнія по отношенію къ результату соборныхъ дѣній: осужденъ былъ Варлаамъ, или прощенъ? Эти колебанія не были бы умѣстны, еслибы не существовало не подлежащихъ сомнѣнію доказательствъ, что дѣяніями собора остался недоволенъ Григорій Палама. О ближайшихъ вслѣдъ за соборомъ обстоятельствахъ по отношенію къ Паламѣ можно дѣлать заключеніе на основаніи грамоты патріарха Іоанна XIV къ монахамъ Аѳонской горы отъ ноября 1344 года ³⁾. Эта грамота отвѣчаетъ на вопросъ монаховъ о томъ, что рѣшилъ соборъ по дѣлу Паламы и какъ къ нему отнесся. Дабы не оставить монаховъ въ невѣдѣніи по этому вопросу и не предоставить ихъ въ жертву ложнымъ слухамъ, патріархъ сообщаетъ имъ вкратцѣ все дѣло. Въ общемъ, это изложеніе совершенно сходно съ такъ называемымъ соборнымъ опредѣленіемъ, приведеннымъ выше. Особенный интересъ представляетъ въ немъ та часть, которая касается соборнаго опредѣленія. Изъ этой части видно, что Палама подалъ на соборѣ встрѣчный искъ противъ Варлаама, вслѣдствіе чего усложнилась задача собора: ему предстояло, во первыхъ, признать или отвергнуть право истца, въ данномъ случаѣ Варлаама; во вторыхъ,

¹⁾ Historia, I: p. 559, ἐπιφάρα γε μὴν ἰούσης τὸ θέατρον διαλύειτο.

²⁾ Historia, p. 551 (II c. 40).

³⁾ Miklosich, I, p. 238.

поставовить рѣшеніе по встрѣчному иску отвѣтчика, то-есть, Паламы. Въ порядкѣ обсужденія дѣла, повидимому, дано было предпочтеніе отвѣтчику передъ истцомъ, вслѣдствіе чего сначала вынесеть приговоръ противъ мнѣній Варлаама о еаворскомъ свѣтѣ и о молитвѣ, а потомъ поставленъ вопросъ о правѣ его быть обвинителемъ Паламы и монаховъ. Патріаршая грамота позволяетъ ясно отличить эти двѣ стороны дѣла и проливаетъ свѣтъ на соборное опредѣленіе съ канонической точки зрѣнія. Соборъ, признавъ богохульными и неправильными мнѣнія Варлаама о еаворскомъ свѣтѣ и молитвѣ и осудивъ ихъ ¹⁾, уже предрѣшилъ этимъ приговоръ о правѣ Варлаама быть обвинителемъ монаховъ. Ясно, что такая постановка дѣла если и не была неправильной съ точки зрѣнія формальнаго дѣлопроизводства, то во всякомъ случаѣ могла представляться не безпристрастной для Варлаама, ибо на основаніи ранѣе представленныхъ имъ документовъ могло подлежать спору право Паламы быть обвинителемъ его. Соборъ постановилъ, впрочемъ, довольно мягкое рѣшеніе по второму вопросу, какиимъ нельзя не признать также и первое, рѣшеніе, ибо имъ Варлаамъ отнюдь не отлученъ былъ отъ церкви. Ссылаясь на 4 правило Халкидонскаго собора, которыми признаны не компетентными обвиненія противъ епископовъ или клириковъ со стороны такихъ лицъ, которые сами не оправдались противъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненій, соборъ воспользовался правомъ отвода по отношенію къ Варлааму и не призвалъ его компетентнымъ для свидѣтельства противъ клириковъ ²⁾. Что всего любопытнѣй, это послѣдующая затѣмъ ссылка въ патріаршей грамотѣ на соборное опредѣленіе, въ которомъ, однако, мы напрасно стали бы искать соответствующаго мѣста. Точно также въ соборномъ опредѣленіи нѣтъ и дальнѣйшаго мѣста, 'читаемаго въ патріаршей грамотѣ: „Мы убѣждали и Паламу на будущее время не писать и не говорить о богословскихъ вопросахъ, дабы не вводитъ соблазнъ въ церковь“. По ходу дѣла оказывается, что соборъ, запретивъ на будущее время обсужденіе богословскихъ вопросовъ, удержался отъ произнесенія церковнаго отлученія на Варлаама и не высказался въ пользу Паламы. Мало того, послѣдующіе поступки этого послѣдняго, о кото-

¹⁾ *Niklosich*, I, p. 240—241, ἐκρίθη τοίνυν καὶ ἀμφοτέρη ταῦτα... βλασφημίας καὶ κακοδόξως εἰρησθαί παρ' αὐτοῦ, — χάντεσθαι κατεψηφίσθη παρ' ἡμῶν κοινῇ καὶ συνοδικῇ ψήφῳ...

²⁾ οὐδὲ εἰς κατηγορίαν ὅλων ἐκρίθη δεκτός.

рыхъ далѣе говорить грамота, внушаютъ серьезныя подозрѣнія, что онъ принималъ мѣры къ порчѣ соборныхъ актовъ. „Узнавъ же потому, что Палама поступаетъ вопреки соборному постановленію и что онъ перетолковываетъ нѣкоторыя изъ соборныхъ опредѣленій несогласно съ преданіемъ и общимъ смысломъ догматовъ церкви, мы приказали ему явиться къ намъ, чтобы узнать, дѣйствительно ли это такъ. Онъ же, вѣроятно, чувствуя свою вину, не явился къ намъ, а отправился въ Гераклею, откуда олятъ намъ донесено было, что онъ продолжаетъ упорствовать въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда отъ него потребовано было объяснить, почему онъ пренебрегаетъ отлученіемъ отъ церкви, онъ не сдѣлалъ этихъ объясненій и не далъ никакихъ оправданій, а продолжалъ попрежнему писать и говорить. Наконецъ, чтобы положить конецъ этому, державная государыня моя и архонты присудили заключить его подъ стражу и такимъ образомъ лишить его сношеній съ людьми, пока не докажетъ своего правосудія и не подчинится церкви, предлагающей ему снисходительныя средства“. Въ заключеніе патріархъ проситъ содѣйствія аеопскихъ монаховъ, чтобы они просили Паламу уступить требованіямъ церковной власти, и повторяетъ вину его ¹⁾).

Такимъ образомъ, соборное постановленіе не могло быть вполнѣ благоприятнымъ для Паламы, иначе бы не было причины возставать ему противъ собора, вносить толкованія къ нѣкоторымъ частямъ протоколовъ и вообще ставить себя въ такое ложное положеніе, въ какомъ рисуется его патріаршал грамота. Соборъ, съ другой стороны, призналъ заслуживающими осужденія нѣкоторыя сочиненія Варлаама, что доказываетъ, между прочимъ, циркулярное предвѣщеніе патріарха Іоанна XIV, которымъ повелѣвалось всѣмъ духовнымъ и мірянамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, доставить въ патріархію находящіяся въ частныхъ бібліотекахъ сочиненія Варлаама противъ мсихастовъ ²⁾).

Послѣ всего сказаннаго едва ли можно питать надежду возстановить дѣйствительное положеніе партій на соборѣ по изложеніямъ почитателей и учениковъ Паламы. Между ними нѣсколько оригинальныхъ чертъ находимъ въ предисловіи къ словамъ монаха Хри-

¹⁾ ὅτι τοῦ λέγειν, ὅτι τοῦ γράφειν ἐπιβόητο καὶ μετὰ τὴν ἐπίτιμησιν, μικρὰ τοῦ ἀφορισμοῦ φρονήσας, ἐφωράθη δὲ ἐπειτα καὶ τὴν τοῦ τόμου παραρτησίων καὶ λέγων καὶ γράφων παρὰ τὰς θεολογείσας τῶν ἁγίων παραδόσεις τε καὶ φωνάς.

²⁾ Miklosich, I, p. 201.

стодула противъ еретиковъ Варлаама и Акиндина ¹⁾. Здѣсь передана довольно правдоподобно послѣдовательность дѣлопроизводства на соборѣ. Сначала прочитано дозесеніе Варлаама, которое вызвало шумные безпорядки ²⁾; по восстановленіи тишины предоставлено слово монахамъ, вѣдѣмъ снова говорить Варлаамъ. Замѣтимъ, однако, что мѣнѣе собора склонялось не въ его пользу, онъ *примеорлется раскаявшимся*. Соборъ охотно принимаетъ его къ общенію и прощаетъ съ радостью, что найденъ (погибшій) братъ. Скоро послѣдовала смерть царя, 15-го іюля 1341 года. Варлаамъ же, воспользовавшись этой смертію, составилъ себѣ партію въ городѣ, всемірно нормца нсихастовъ и распространил свое мракобѣсіе; онъ не зналъ границъ въ хулѣ на соборъ и монаховъ; когда же это надоѣло, отправился изъ Константинополя.—Всѣ приведенныя свѣдѣнія должны быть признаны соответствующими дѣйствительному положенію дѣла. Но снова все запутывается нпжслѣдующими заключительными словами: „божественный же соборъ съ патріархомъ Іоанномъ Калекой, осудивъ ересь Варлаама и сообщниковъ его, составляетъ противъ нихъ опредѣленіе, которое все подробно объяснитъ“³⁾. Что обозначаетъ это заключеніе? Авторъ только что сказалъ, что соборъ принялъ Варлаама къ общенію, такъ какъ онъ изъяснилъ раскаяніе: какимъ же образомъ соборный актъ могъ осудить ересь Варлаама и его сообщниковъ? Не говоря о явномъ противорѣчій, въ которое впадаетъ авторъ съ самимъ собой, мы должны вспомнить, что на самомъ дѣлѣ соборъ 1341 года, во первыхъ, не осудилъ Варлаама въ еретичествѣ, во вторыхъ, не имѣлъ сужденія объ его приверженцахъ.

Предыдущія изложенія того, что послѣдовало на соборѣ 1341 г., ясно показываютъ, какъ много неточностей, умолчаній и намѣренныхъ искаженій вкралось въ исторію борьбы между Паламой и Варлаамомъ. Весьма вѣроятно, что въ общемъ болѣе правильный взглядъ представляетъ изложеніе Акиндина. Мы видѣли, что ему удалось расположить патріарха въ пользу Паламы, который и явился на соборъ, заручившись содѣйствіемъ ученыхъ константинопольскихъ монаховъ. Акиндинъ бросаетъ также вѣрный взглядъ на характеръ патріарха, который готовъ былъ многое простить Варлааму и Паламѣ, лишь бы прекратить споръ и восстановить церковный миръ. Такимъ

¹⁾ Рукопись Медицейской библ. во Флоренціи, cod. VIII, plut. VIII. Сп. *Bandini*, S. Iohannis Chrysostomi, etc. II, p. 133—134.

²⁾ ἀπίστου δ' εἰς ὧτα δεξαμένων τὰς βλασφημίας οὐχ ὁ τυχὼν ἤρθη θόρυβος.

образомъ, соборъ 1341 года едва ли высказался рѣшительно въ обвиненіе Варлаама или въ оправданіе Паламы. Это видно изъ того, что сейчасъ же по окончаніи собора оба противника, пользуясь полной свободой, начали истолковывать соборное постановленіе каждый въ свою пользу и оба находили себѣ многихъ приверженцевъ; это доказывается также и тѣмъ, что паламиты домогались и послѣ собора, чтобы имъ выдана была грамота, изъ которой бы видно было, что они не отлучены отъ церкви.

Умершій 16-го іюня 1341 года царь Андроникъ Младшій былъ, какъ извѣстно, покровителемъ Варлаама. Судя по тому вліянію, какимъ пользовался при Андроникѣ великій домашнѣйшій Іоаннъ Кантакузинъ, можно полагать, что и послѣдній былъ на сторонѣ ученаго калабрінца. Это, впрочемъ, подтверждается свидѣтельствомъ Н. Григоры ¹⁾, который ставитъ Кантакузину въ упрекъ, что онъ прежде такъ былъ расположенъ къ Варлааму и отличалъ его своимъ вниманіемъ, а потомъ совершенно измѣнился и сталъ вѣрить клеветѣ соперника его Паламы. Въ упрекахъ Григоры тѣмъ больше основательности, что онъ защищаетъ въ этомъ случаѣ память Варлаама и протестуетъ противъ вновь подыскиваемыхъ обвиненій, которыя провѣрять было трудно за смертію обвиняемаго. Соборомъ 1341 года не разрѣшался вопросъ, поднятій Варлаамомъ и Паламой, напротивъ, онъ вступилъ въ новую стадію развитія, сдѣлался знаменемъ политическихъ партій и на долгіе годы приковалъ къ себѣ вниманіе общества. Казалось бы, что съ удаленіемъ Варлаама на западъ, гдѣ онъ по ходатайству Петрарки получилъ епископскую кафедру въ южной Италіи, враждебная ему партія въ Византіи могла успокоиться, тѣмъ болѣе, что открытымъ переходомъ въ латинство онъ подрывалъ вѣру въ искренность его убѣжденій и давалъ противъ себя сильное оружіе своимъ противникамъ. Если, не смотря на то, имя Варлаама сдѣлалось достояніемъ исторіи и не одинъ разъ подвергалось анаемѣ на церковныхъ соборахъ въ Византіи, когда уже самого Варлаама не было въ живыхъ, то объясненія тому нужно искать въ положеніи церковныхъ и политическихъ партій послѣ смерти Андроника Младшаго.

Андроникъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій объ онекъ ²⁾. За

¹⁾ Historia, II, IX (p. 919, ed. Bonn.).

²⁾ Т. Д. Флоринскій, Южные славяне и Византія, выпускъ 1, стр. 58 и слѣд. Авторъ прекрасно характеризуетъ политическія партіи времени, но церковныхъ вопросовъ не касается.

малолѣтствомъ наследника престола Іоанна Палеолога, которому едва исполнилось 11 лѣтъ, великій доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ принялъ на себя роль опекуна и верховнаго правителя дѣлами государства. Устраненная отъ дѣлъ вдовствующая царица Анна вмѣстѣ съ тогдашнимъ патриархомъ Іоанномъ Калекоей составили оппозицію Іоанну Кантакузину и старались образовать враждебную ему партію. Интрига совершилась въ октябрѣ 1341 года, когда Кантакузинъ объявленъ былъ государственнымъ измѣнникомъ и приверженцы его подверглись систематическому преслѣдованію. Находясь въ то время въ Димотикѣ, Кантакузинъ 26-го октября отвѣчалъ на сдѣланный ему вызовъ тѣмъ, что провозгласилъ себя императоромъ. Такимъ образомъ началась пятилѣтняя междоусобная война въ Византіи, въ которой суждено было играть немаловажное значеніе церковнымъ партіямъ. Весьма вѣроятно, что непродолжительное время, проведенное Варлаамомъ въ Константинополѣ, совпадаетъ съ периодомъ отъ іюня по октябръ 1341 года, когда и ему стала угрожать опасность какъ присмерженцу бунтовщика І. Кантакузина; весьма можетъ быть, что Варлаамъ потому и не удался изъ Константинополя къ Кантакузину, что положеніе послѣдняго на первыхъ порахъ было не надежное, что многіе города Фракіи и Македоніи отказали ему въ признаніи его императоромъ. Съ теченіемъ времени, однако, Кантакузинъ приобрѣлъ твердое положеніе и именно въ трехъ областяхъ, гдѣ сильна была партія Паламы. Имѣя въ виду, что константинопольское правительство съ патриархомъ и царицей Анной во главѣ постоянно было на сторонѣ противниковъ Паламы и покровительствовало ученикамъ и почитателямъ Варлаама, можно думать, что І. Кантакузинъ, стремясь ослабить правительство, нашелъ нужнымъ подать руку противоправительственной партіи Паламы. Въ связи съ исторіей политическихъ партій является возможнымъ объяснять до нѣкоторой степени судьбу церковныхъ партій.

Уже въ февралѣ 1342 года І. Кантакузинъ вступилъ въ сношенія съ протомъ Св. горы Исаакомъ и умолялъ его принять на себя посредничество между нимъ и константинопольскимъ правительствомъ. Старцы аеоискіе дѣйствительно стали на сторону Кантакузина и отправили въ Константинополь пословъ хлопотать за него. Какъ и слѣдowało ожидать, тамъ недобѣрчиво отвѣслись къ ихъ ходатайству и старались различными мѣрами разстроить союзъ монаховъ съ Кантакузиномъ. Одного изъ пословъ, игумена лавры Магарія, назначили митрополитомъ въ Солунь, поручивъ ему дѣйствовать здѣсь противъ

І. Кантакузина ¹⁾, другихъ же задержали въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, партія Кантакузина въ Македоніи и на Асоці постоянно усиливалась, претендентъ на царскій престолъ жилъ въ большой дружбѣ съ Аеономъ и не разъ заявлялъ намѣреніе поселиться тамъ и принять иноческій санъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря этому союзу съ аеоискимъ монашествомъ и поддержкѣ, оказанной Григорію Паламѣ, Кантакузинъ выигралъ въ борьбѣ съ правительствомъ царицы Анны.

Развитіе борьбы Григорія Паламы съ учениками Варлаама испытало много перипетій и съ большими трудностями поддается анализу. Нужно идти съ крайними предосторожностями, постоянно рискуя попасть въ непроходимыя дебри, чтобы хотя до нѣкоторой степени ориентироваться въ этомъ запутанномъ дѣлѣ. Составлялись многочисленныя соборы приверженцами Паламы и Варлаама; чѣмъ дальше шла борьба, тѣмъ больше раздражительности и рѣзкости позволяли себѣ вожди партій. Но, такъ какъ партія Паламы съ 1347 годомъ стала правительственною и овладѣла господствующимъ положеніемъ, то она имѣла интересъ и располагала для того средствами—представить все время, протекшее отъ 1341 года, какъ періодъ господства демонской силы, какъ время случайнаго умопомраченія, память о которомъ лучше стереть, чѣмъ освѣтять. Хотя, какъ мы сказали, борьба рѣшалась соборами, но сохранились далеко не всѣ соборныя акты, и еслибы въ сохранившихся изъ нихъ не было исторіи вопроса, то мы бы оказались въ невозможности отнестись критически къ известнымъ лѣтописцамъ и къ наложеніямъ, оставленнымъ приверженцами Паламы. Напечатанныя въ патрологіи Миня акты относятся къ соборамъ 1351 и 1368 годовъ, при томъ второй соборъ долженъ быть перенесенъ на третье мѣсто, а третій на второе ²⁾. Десятилѣтній періодъ отъ 1341 года пополняется дѣяніями собора 1347 года, напечатанными у Мнѣлошича ³⁾. Но помянутыми соборами не исчерпывается исторія горячей борьбы, было и еще нѣсколько соборовъ, актовъ которыхъ уже не сохранилось.

Собору 1347 года предшествовала упорная борьба партія Паламы противъ патриарха. Объ этой борьбѣ можно судить по документу, по-

¹⁾ Показуемся здѣсь корректурными листами III тома Исторіи Аеопа преосвященнаго Норфирія, стр. 177.

²⁾ *Migne*, 151, col. 693—акты собора 1368 г., col. 717—акты 1351 года.

³⁾ *Acta patriarchatus*, I, 248.

данному правительству Анны Палеологъ шесть епископами въ сентябрѣ 1347 года ¹⁾). Эти шесть епископовъ, повидимому, сосланные патриархомъ на покой ²⁾), обвиняютъ его въ своемъ донесеніи въ слѣдующихъ проступкахъ. Объятивъ страстью сребролюбія, онъ ведетъ себя, какъ наемникъ въ церкви Божіей: собираетъ серебро и золото для сыновей и дочерей своихъ, открыто торгуетъ свободными владѣльцами, титулами экзарха и игуменствами, пристрастно рѣшаетъ церковныя дѣла, часто издавалъ два противоположныхъ указа по одному и тому же дѣлу; странно и сказать, какъ онъ обращается съ церковной утварью. Освященные на церковное употребленіе сосуды дерзко обращаетъ въ собственное употребленіе и извлекаетъ изъ нихъ доходы посредствомъ продажи ихъ. Изъ чрезмѣрнаго любочестія пренебрегаетъ церковью и проводитъ время въ царскихъ палатахъ. Вслѣдствіе чего соборъ церковный, остающійся безъ поддержки и попеченія, обратился въ жалкій видъ. Его ложь, обманъ и притворство, которое онъ обнаруживаетъ ежедневно, можно ли передать словами? Находясь въ нуждѣ и стѣсненіи, мы просимъ Господа, чтобы онъ открылъ святому царству твоему дѣла его. Нынѣ же этотъ жалкій человѣкъ впаде въ самое крайнее зло и, покинутый Богомъ, уклонился отъ православія въ ересь, подвергъ себя анаемѣ, такъ какъ дерзнулъ опровергать мнѣнія и рѣшенія того собора, который былъ подъ предсѣдательствомъ треблаженнаго и святаго государя нашего и царя, и вступилъ въ согласіе съ учениками и преемниками Варлаама. Отрицая, съ одной стороны, божественныя и творческія энергіи и утверждая различіе ихъ отъ существа Божія, мыслить существо Божіе обязаннѣйшимъ отъ промысла, справедливости, благодати и другихъ свойствъ; съ другой же стороны представляетъ упомянутыя творческія энергіи созданными, и самый блескъ божественной природы, которымъ Христосъ возсіялъ на горѣ, считаетъ отличнѣйшимъ отъ существа Божія, разсѣкая такимъ образомъ божественное на двое. Поставляетъ въ священники и архіереи такихъ, кто раздѣляетъ его нечестивыя воззрѣнія, преслѣдуетъ же и отлучаетъ несогласныхъ съ нимъ. Итакъ, просимъ святое царство твое, да освобождена будетъ церковь отъ опасности ради одного человѣка, и при томъ осужденнаго. Ибо какъ соборъ противъ Арія осудилъ всѣхъ, кто когда либо будетъ раздѣлять его мнѣнія, такъ и соборъ противъ Варлаама. Сей же открыто

¹⁾ *Migne*, 151, col. 767.

²⁾ *οἱ καθήμενοι ἐν τοῖς καλλίαις ἡμῶν ἀποκαλειόμενοι.*

говорить и писать въ защиту послѣдователей Варлаама, хиротонисуетъ его учениковъ, дѣлаетъ въ пользу ихъ соборныя опредѣленія; ему вѣтъ части съ православными, его слѣдуетъ отогнать отъ стада Христова, какъ волка, змѣя и кровожаднаго льва; или пусть предадутъ его суду, если онъ можетъ что сказать въ свое оправданіе. Многіе христіане умираютъ по вѣнѣ его безъ причащенія святыхъ таинъ, многіе не входятъ въ церковь. Многіе священники перестали совершать службу Божію.

Соборный актъ 1347 г. начинается обширнымъ изложеніемъ исторіи вопроса и краткой характеристикой школы Варлаама по отношенію къ ученію о свойствахъ Божества. Богъ, будучи по природѣ существомъ несозданнымъ, пребываетъ таковымъ же и по свойствамъ своимъ: волѣ, силѣ энергіи и пр., которыя ничѣмъ не отличаются отъ несозданнаго существа Его; если же бы они въ чемъ либо различались отъ существа Божія, то необходимо были бы созданіями Божества. Такимъ образомъ, послѣдователи Варлаама истолковывали блистаніе Божественнаго существа, образъ котораго ученики Христа видѣли собственными глазами на Фаворѣ, то въ смыслѣ существа Божія, впадая прямо въ массалианскую ересь ¹⁾, то въ смыслѣ созданія, такъ какъ принимали это блистаніе за энергію и несобственный свѣтъ. Подобнымъ толкованіемъ они вводили безбожіе и многобожіе, арианизмъ и савеллианизмъ. Виновникомъ и защитникомъ подобнаго безбожнаго и многобожнаго ограниченія божественной природы былъ калабріецъ Варлаамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ опредѣленіе честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламы ²⁾, словами и сочиненіями опровергавшаго такое его нечестіе. Итакъ, вызывается Палама на соборъ. „На соборѣ Варлаамъ изобличенъ названнымъ Паламой на очной ставкѣ въ томъ, что онъ мыслить, говорить и писать вопреки мнѣніямъ отцовъ церкви и православію, обвиняя его, Паламу, и монаховъ; объ этомъ буквально записано и въ состоявшемся тогда соборномъ опредѣленіи. Итакъ, будучи осужденъ на соборѣ, Варлаамъ завилъ раскаяніе, а скоро затѣмъ удалился бѣгствомъ“. Прежде чѣмъ продолжать изложеніе текста, мы должны остановиться на приведенной части, ибо въ ней передается кодъ

¹⁾ Mikolisch, I, p. 244. Припомнимъ, что Варлаамъ обвинялъ Паламу въ массалианской ереси.

²⁾ Ὁς καὶ ὁ τὸ μὲν διαλατάνει τοῦ τριστίτου ἐν ἱερομοναχοῦς κτὲρ Γρηγορίου τοῦ Πάλαμα. Какой тутъ разумеется актъ Паламы, весьма трудно сказать. Τὸ μὲν есть соборный актъ, а не частное мнѣніе.

дѣла далеко не точно и безпристрастно. Вопервыхъ, выставяя противъ Варлаама обвиненіе въ массаліанствѣ, соборное опредѣленіе употребляетъ противъ противника его же собственное оружіе; вторыхъ, неосновательно преувеличиваетъ значеніе Паламы на первомъ соборѣ, приписывая ему даже соборное опредѣленіе; третьихъ, преувеличиваетъ смыслъ соборнаго опредѣленія въ той части, которая касалась Варлаама, и умалчиваетъ о томъ, что Варлаамъ послѣ принесенія раскаянія былъ принятъ отцами въ общеніе. Несомнѣнно, все это весьма небезразличныя обстоятельства, которыя при томъ же будутъ все рѣзче и настоятельнѣе выставляться въ дальнѣйшихъ изложеніяхъ обстоятельствъ борьбы Паламы съ учениками Варлаама.

Далѣе, занимающій насъ актъ касается положенія партій послѣ собора. Ученики Варлаама и въ особенности ближайшій его послѣдователь Акиндинъ начинаютъ производить смуту и многихъ увлечаютъ въ свои сѣти. Палама обличалъ Акиндина и заставилъ его дать собственноручную записку, свидѣтельствующую, что онъ признаетъ слова и сочиненія Паламы по всемъ согласными съ отеческими писаніями. Но, такъ какъ Акиндинъ и послѣ того не успокоился, то составилъ новый соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ тотъ, кто и при жизни царя вводилъ и выводилъ Израиля и мудро управлялъ ромейскими дѣлами и кто вынѣ милостію Божіей облекся на счастье ромеевъ въ царское достоинство и соцарствуетъ съ сыномъ треблаженнаго государя нашего ¹⁾. На этомъ соборѣ произнесено осужденіе Акиндину, какъ единомышленнику Варлаама, такъ что онъ признанъ отлученнымъ не только этимъ вторымъ соборомъ, но и тѣмъ первымъ, ибо какъ соборъ противъ Арія осудилъ и тѣхъ, кто впоследствии выѣлъ раздѣлять его мнѣнія, такъ и осудившій Варлаама подразумѣвалъ какъ настоящихъ, такъ и будущихъ его соумышленниковъ. Составленное на этомъ соборѣ опредѣленіе, хотя и въ краткихъ чертахъ, обо всемъ упоминаетъ: съ одной стороны, оно утверждаетъ согласіе съ христіанскимъ ученіемъ мыслей Паламы и монаховъ, съ другой—подвергаетъ страшнымъ клятвамъ Варлаама, если онъ не раскается, и угрозамъ отлучить его отъ святой церкви и отъ христіанскаго общества, а равно и всѣхъ тѣхъ, кто дерзнетъ нападать на православіе Паламы и единомышленныхъ съ нимъ монаховъ.

¹⁾ Разумѣется ближайшее къ смерти Андроника Младшаго время, когда І. Кантакузинъ еще не объявленъ былъ бунтовщикомъ, то-есть, до октября 1341 г. Соцарствующимъ І. Палеологу Кантакузинъ объявленъ въ сентябрѣ 1347 года.

Но послѣ подписанія актовъ этого собора не прошло еще полныхъ двухъ тысячелѣтій, какъ Ромейская имперія сдѣлалась жертвой бунта и сматенія.

По поводу изложенныхъ обстоятельствъ также необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Оказывается, что второй соборъ составленъ былъ не позднѣе августа 1341 года, то-есть, черезъ два мѣсяца послѣ перваго. Имѣя въ виду, что изложеніе перваго собора, помѣщенное у Мина, помѣчено августомъ девятаго индикта, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что второй соборъ, по существу присоединившись къ актамъ перваго, не имѣлъ цѣли составлять новаго соборнаго опредѣленія, а лишь измѣнить нѣсколько редакцію его противъ Варлаама и въ пользу Паламы. На сколько удалось это, трудно судить; но что изложеніе дѣла въ актѣ 1347 года не безпристрастно, это видно изъ тѣхъ чертъ, которыя касаются Паламы, и ихъ тенденціи—доказать во что бы то ни стало, что Акиндина осужденъ не только вторымъ, но и первымъ соборомъ. Съ точки зрѣнія редакціи этого акта мы находимъ чрезвычайное совпаденіе находящихся въ немъ оборотовъ и выраженій съ похвальными словами въ честь Паламы, напримѣръ, Филоея ¹⁾. Сообщаемыя здѣсь данныя могутъ быть проверены свидѣтельствомъ Акиндина.

Послѣдующая часть соборнаго акта восхваляетъ подвиги Паламы, который употреблялъ всѣ усилія во время наступившей смуты дѣйствовать ко благу христіюлюбиваго рода и образумить патріарха, но, когда онъ понялъ, что ничего нельзя сдѣлать, удалился изъ Константинополя. Патріархъ же весьма сблизился съ Акиндиномъ, часто съ нимъ бесѣдовалъ, проводя вмѣстѣ дни и ночи, и, наконецъ, началъ вмѣстѣ съ нимъ словами и писаніями преслѣдовать только что передъ тѣмъ на соборѣ оправданныхъ, сдѣлавшись гонителемъ Паламы и монаховъ и всего православія. Не довольствуясь этимъ, онъ задумалъ посвятить Акиндина въ іерей, чтобы потомъ возвести его въ епископы, но благоразумно вѣтничалась въ это дѣло царица и предупредила посвященіе Акиндина въ санъ діакона ²⁾. Тогда патріархъ началъ писать противъ Паламы и монаховъ, или лучше противъ самой церкви и съ опроверженіемъ соборнаго опредѣленія и соборныхъ мнѣній и рѣшеній ³⁾. Когда же освободилась солунская кафедра, онъ назначилъ

¹⁾ *Migne*, 151, col. 601; ср. *Miklovich*, I, p. 246.

²⁾ *Miklovich*, I, p. 248; ср. *Похвалу Филоею* ap. *Migne*, 151, col. 605.

³⁾ p. 248: γραμματα συντίθησι — εἰς ἀνασχεύην τοῦ συνοδικοῦ τέμου καὶ τῶν ὑπὲρ εὐσεβείας συνοδικῶν διατάξεων τε καὶ ἀποφάσεων.

одного изъ друзей Акиндина кандидатомъ на эту кафедру, только внимательство царицы остановило его отъ исполненія этого дѣла ¹⁾). Затѣмъ идетъ рѣчь о соборѣ 1347 года. Патріархъ Іоаннъ былъ судимъ собравшимися отцами за то, что отрицалъ соборныя опредѣленія, что притѣснялъ оправданныхъ соборами, сочувствовалъ же ученикамъ и преемникамъ Варлаана и признавалъ недостойными „части“ православныхъ. Благочестивая царица неоднократно приглашала насъ на свиданіе съ членами севата и учеными мужами, чтобы рассмотреть божественныя догматы, и, прочитавъ соборное опредѣленіе, заключающее мнѣнія отцовъ о православіи и опровергаемое на словахъ и на письмѣ патріархомъ, потребовала наказанія тѣмъ, кто не признаетъ этого опредѣленія, и *подтвержденія его авторитетности*. Итакъ, созываетъ ихъ въ богохранимый дворецъ на соборъ, въ которомъ принялъ участіе противъ святой горы со старцами, и приказываетъ прежде всего прочесть *соборное опредѣленіе*, потомъ предлагаетъ на разсмотрѣніе *заниску патріарха*, въ которой опъ, подъ предлогомъ толкованія того опредѣленія, сдѣлалъ ложное объясненіе и опроверженіе и полное его уничтоженіе: въкоторыя его части и при томъ главнѣйшія считалъ второстепенными, другія же безстыдно отвергалъ вполнѣ ²⁾, при чемъ во вопросу объ энергіяхъ божіихъ оказался явнымъ богохульствующимъ. Въ этомъ сочиненіи и въ присоединенныхъ къ нему запискахъ его единомышленниковъ произносится анаеема на все православіе и на всѣхъ святыхъ только потому, что они писали согласно съ Паламой ³⁾).

Соборъ принялъ къ единогласному рѣшенію признать эти сочиненія отреченными, Акиндина же, если не раскается и не отречется отъ своихъ мнѣній посредствомъ акта собственноручно подписаннаго, подверженнымъ анаемѣ, согласно *опредѣленію прежняго собора, который вполнѣ отстыкаетъ отъ всякаго общенія съ православными не только Варлаана, но и вслѣдъ, кто оказался бы, подобно ему, нава-*

¹⁾ Здѣсь текстъ соборнаго опредѣленія возобновляется по похвальному слову Филоея, col. 611: καὶ τὴν τῶν ὁμιλητῶν τε καὶ ἐπουδαστῶν Ἰακινθίου... φηρῖσται πρὸς ἑμὴν.

²⁾ Miklosich I, p. 250 ἐν ᾧ βιβλίῳ ἐν ὑποκρίσει καὶ προφάσει τοῦ ἐξηγεῖσθαι τὸν τὸμον παρεξηγήσεν αὐτοῦ καὶ ἀνατροπῆν καὶ κατάλυσιν παντελῆ συνείραξε τὰ μὲν αὐτοῦ καὶ ταῦτα χριστάτα τῆς ὁκλήσεως ἐκ τοῦ παρῆκοντος γυμνασίου λέγων, τὰ δὲ καὶ τελείως ἀναίθην ἀνασχεάζων.

³⁾ Ibid., p. p. 250—251 любопытныя выдержки изъ соборнаго опредѣленія противъ паламитовъ, состоявшагося изъ 1345 г.

дающимъ на вышеозначенныхъ монаховъ, подвергаетъ такому же отлученію ¹⁾). Кроме того, соборъ призналъ недѣйствительными составленныя имъ и его послѣдователями сочиненія, направленныя противъ Паламы и его единомышленниковъ. Отлучивъ отъ церкви Акиндина, соборъ на этотъ разъ съ особенною энергіей настаиваетъ на той мысли, что это отлученіе простирается и на всѣ послѣдующіе подобныя же случаи: „если кто другой окажется также думающимъ или говорящимъ или пишущимъ противъ честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламы и единомышленныхъ съ нимъ монаховъ, то такое же отлученіе произносимъ и противъ него; а самого честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламу признаемъ въ мнѣніяхъ и писаніяхъ его нисколько не отступившимъ отъ боговдохновенныхъ мужей, напротивъ, провозглашаемъ его и послѣдователей его борцами за православную вѣру и церковное преданіе, стоящими выше заявленнаго противъ нихъ извѣтѣ, какъ объ этомъ сказано въ прежнемъ опредѣленіи, защитными и столпами православія. Такимъ образомъ *пусть получитъ утвержденіе и авторитетъ составленное на тиѣхъ соборахъ опредѣленіе*“ ²⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что главная цѣль собора 1347 года была въ возстановленіи авторитета Паламы; отцы собора съ особенною энергіей выдвигаютъ значеніе предыдущаго собора, стараясь истолковать его въ томъ смыслѣ, что онъ осудилъ уже Акиндина, въ этомъ отношеніи допущены значительныя натяжки и, можно догадываться, кое-какія прибавки. Такъ какъ соборъ имѣлъ въ виду воздѣйствовать противъ толкованій на тотъ же соборъ патріарха Іоанна, то можно думать, что фактическое положеніе дѣла дѣйствительно представляло возможность толкованій надвое. Вопросъ, очевидно, сосредоточивается на томъ, что паламиты стояли на прибавкахъ, внесенныхъ въ дѣянія собора послѣ іюньскаго собора 1341 года, варлаамиты же держались на почвѣ дѣяній перваго собора. Патріархъ Іоаннъ въ 1345 году дополнилъ дѣянія собора 1341 года въ интересѣ партіи Варлаама; теперь же, въ 1347 году, другая партія толкуетъ акты этого собора въ интересѣ партіи Паламы.

¹⁾ р. 253: οὐ μόνον τὸν Βαρλαάμ, ἀλλὰ καὶ τὶς ἕτερος φανείη τι τῶν ὑπ' αὐτοῦ κατὰ τῶν μοναχῶν ῥηθέντων τοῦτων ἀλλή: κατηγορῶν... αὐτὴν γὰρ ἔχειν τοῦ τόμου καταδικῆν ἐφ' αὐτὸν ἐπισπάσαστο.

²⁾ οὗτο γάρ καὶ ὁ ἐπὶ ταῖς συνόδοις ἔχειναι: προβάς τόμος ἐξεῖ, καθάπερ οὖν ἔχει, τὸ ἀσφαλές τε καὶ βέβαιον.

Вслѣдъ за этимъ соборомъ вступившій въ Константинополь Іоаннъ Кантакузинъ издалъ указъ, въ которомъ заявлялъ свое согласіе съ постановленіями собора ¹⁾. Документъ помѣченъ мартомъ 1347 года. Въ немъ изложены нѣкоторые дополненія къ событіямъ, послѣдовавшимъ за соборомъ. Царь извѣщаетъ, что по вступленіи въ столицу онъ нашелъ патріарха Іоанна Калеку низверженнымъ, а Акиндина отлученнымъ. Дѣянія помѣстнаго собора были подтверждены согласіемъ іерусалимскаго патріарха и другихъ епископовъ, которые на своемъ соборѣ также осудили патріарха Іоанна и лишили священства Акиндина. Между тѣмъ царь узналъ по прибытіи въ столицу, что Акиндинъ высталиваетъ противъ собора возраженія и именно указываетъ на заочность рѣшенія по его дѣлу, хотя онъ готовъ явиться и дать оправданіе. Тогда царь далъ ему явять, что онъ можетъ явиться на судъ собора подъ его предсѣдательствомъ. Но оказалось, что Акиндинъ коварно ссылался на заочное рѣшеніе, ибо не посмѣлъ лично явиться, хотя за нимъ послали четыре раза. Посему соборъ вновь осудилъ его, какъ и прежній соборъ; къ этому мнѣнію присоединился и царь. Таково значеніе указа.

Въ 1351 году составленъ новый соборъ противъ приверженцевъ Варлаама ²⁾. Соборному акту предпослана исторія вопроса, которою мы не можемъ пренебрегать. Въ ней изложены слѣдующіе факты. Варлаамъ вооружился противъ истины и обвинилъ въ двоебожій тѣхъ, которые признавали тринностное существо Божіе несозданнымъ, за что обличенъ на соборѣ и отлученъ отъ христіанской церкви ³⁾. Спустя нѣкоторое время, когда къ его мнѣнію присталъ Акиндинъ, котораго не образумило осужденіе учителя, составилъ противъ него второй соборъ, на которомъ предсѣдательствовали нинѣ царствующій Іоаннъ Кантакузинъ; на этомъ соборѣ Акиндинъ, призванный раздѣляющимъ мнѣніемъ Варлаама, присужденъ къ такому же наказанію. Соборное опредѣленіе, излагающее богохульства Варлаама, отсѣкаетъ его отъ общенія съ христіанами какъ за другія вины, такъ и за то, что онъ свѣтъ Христова Преображенія, явившійся ученикамъ и апостоламъ, называетъ созданнымъ и описуемымъ и ничѣмъ не отличающимся отъ воспринимаемаго чувствами свѣта. И не только Варлаамъ отлученъ этимъ опредѣленіемъ, но и всякій другой, кто, слѣдуя ему,

¹⁾ *Migne*, 151, col. 769.

²⁾ *Migne*, 151, col. 717; Московская Синод. Библіотека, № 290.

³⁾ Уже совѣтъ не упомянуто о распаніи Варлаама.

будеть враждовать противъ монаховъ и церкви Божіей. Но лукавый драконъ начинаетъ дѣйствовать черезъ патріарха Іоанна, который, сошедшись въ мысляхъ съ Акиндиномъ, много писалъ и дѣйствовалъ противъ православія, воспользовавшись внутреннею смутой, за что и получилъ достойное возмездіе. Ибо облеченный низвергается съ престола и соборнымъ опредѣленіемъ осуждается, какъ раздѣляющій мысли Акиндина и враждующій противъ христіанъ. Это соборное опредѣленіе, утвержденное подписями тридцати архіереевъ, къ которымъ присоединился потомъ и патріархъ іерусалимскій, отмечаетъ отъ общенія съ христіанами не только Акиндина и бывшего патріарха, но и всѣхъ ивѣрующихъ быть единомышленниковъ ихъ ¹⁾.

Но діаволъ привлекаетъ на свою сторону, чрезъ сторонниковъ Варлаама и Акиндина, занимающихъ епископскія кathedры въ Ефесѣ и въ Ганѣ Григору и Дексія, которые составили партію и подіяли смуту въ церкви Божіей, ища въ этомъ себѣ славы. Итакъ, составленъ новый соборъ во Влахернскомъ триклиніи, называемомъ Алексіакъ ²⁾. Были призваны производящіе смуту и раздѣляющіе Божію церковь и спрошены: ради чего дерзнули они посягать на таковое. Они указали, во первыхъ, на нѣкоторую прибавку, приписанную въ хиротонію архіереевъ; во вторыхъ, упомянули про епископа солунскаго, что ихъ соблазняютъ нѣкоторыя мѣста его опроверженной Варлаама и Акиндина. На эти послѣдніе слова солунскій епископъ (это былъ Палама) сказалъ: „такъ вы раздѣляете ихъ мнѣнія?“. Они же, подражая Акиндину, отрицавшему свое согласіе съ Варлаамомъ, отреклись отъ единомыслія съ обоими еретиками. Но Палама замѣтилъ: такъ какъ тѣ, которые несогласны съ нами, въ большинствѣ суть приверженцы Варлаама и Акиндина, то и вы, очевидно, становясь на ихъ сторону, являетесь представителями ихъ догматовъ. Тогда соборъ сказалъ: „что касается прибавки, на которую вы выражаете неудовольствіе, то это не есть собственно прибавка, а развитіе положеній 6-го вселенскаго собора, примѣнительно къ осужденію Варлаама и Акиндина; кто недоволенъ этою прибавкой, тотъ какъ бы признаетъ себя сочувствующимъ означеннымъ еретикамъ“. Но упомянутые выше епископы снова отрицали свою солидарность съ ними. Когда же они стали развивать мысль о томъ, что соблазняетъ ихъ

¹⁾ Слѣдуютъ подлинныя мѣста изъ приведеннаго выше опредѣленія 1347 г.

²⁾ *Migne*, 151, col. 721. Здѣсь мы въ первый разъ замѣчаемъ дѣйствительную протокольную форму, которой нѣтъ въ предыдущихъ изложеніяхъ раннихъ соборовъ.

въ обличительныхъ сочиненіяхъ Паламы на Варлаама и Акиндина, то оказалось, что они повторяли мысли этихъ еретиковъ, высказанныя противъ Паламы. Когда изъ ихъ словъ стало ясно, чѣмъ они заражены, святой соборъ рѣшилъ разобрать весь вопросъ съ начала до конца; на это изъявилъ согласіе и солунскій епископъ, но противники его высказались противъ.

На второмъ засѣданіи рѣчь предоставлена была противникамъ Паламы. За ними была очередь Паламы. Но, когда онъ сталъ говорить, то они прерывали его и устремились вонъ изъ засѣданія, но ихъ остановили и едва выпудили обѣщаніемъ прибыть на слѣдующее засѣданіе. Палама въ своей рѣчи подробно изложилъ догматическую часть вопроса и присоединилъ къ этому слѣдующее: „нужно дѣлать различіе между спорами о православіи и исповѣданіемъ вѣры, въ спорахъ нельзя гоняться за точностью выраженій, въ исповѣданіи же вѣры требуется прежде всего точность, поему въ составленныхъ мною обличительныхъ словахъ на Варлаама и Акиндина я изложилъ и мое исповѣданіе вѣры, чтобы всякій могъ провѣрять имъ цѣль спора“. После этого царь затребовалъ исповѣданіе вѣры и приказалъ прочесть его. Соборъ единогласно одобрилъ исповѣданіе вѣры Паламы.

На третьемъ засѣданіи должны были прочесть свое исповѣданіе вѣры противники Паламы. Въ концѣ оказалась слѣдующая прибавка: „по отношенію къ Варлааму и Акиндину раздѣляемъ мнѣніе церкви“. После обѣихъ жаркихъ мнѣній, протестанты наложили свои обвиненія противъ Паламы, которыя заключались въ томъ, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ онъ часто говоритъ о двухъ и многихъ божествахъ высшихъ и второстепенныхъ. Такъ какъ главное обвиненіе сосредоточивалось въ этихъ словахъ, то царь предложилъ имъ кѣсье высказаться: ставить ли они въ вину самимъ слова, или смыслъ, обозначаемый этими словами, или же то и другое вмѣстѣ. Нужно разбирать смыслъ и толковать его по ученію богослововъ, если же противъ смысла ничего не имѣете, то зачѣмъ нападать на выраженія? Не ради преній о словахъ мы собрались сюда. Солунскій епископъ сказалъ: „за выраженіями мы не гоняемся, ибо, какъ говоритъ Григорій Богословъ, не въ словахъ, но въ дѣлахъ истина и благочестіе. Мы состязаемся о догматахъ и о дѣлахъ. Пусть будемъ согласны въ дѣлахъ, на слова я не буду обращать вниманія“. Рѣчью его закончилось засѣданіе.

На четвертомъ засѣданіи протестанты опять начали выставлять нѣкоторыя возраженія противъ Паламы. Но царь и соборъ, желая

заниматься не словами, а дѣлами, постановили обратиться къ соборному опредѣленію на Варлаама. Чтеніе его доказало, что протестанты во всемъ раздѣляютъ еретическія мнѣнія Варлаама. Ибо солунскій епископъ, спрошенный, какъ онъ думаетъ о божественномъ свѣтѣ, своими объясненіями и выдержками изъ своихъ сочиненій обнаружилъ согласіе съ ученіемъ богослововъ, протестующіе же и на основаніи объясненій ихъ и сочиненій обличены были, какъ раздѣляющіе на двое божество Отца и Сына и Св. Духа, на созданное и несозданное. Слѣдуютъ тексты изъ отцовъ церкви, мѣста изъ протоколовъ 6 вселенскаго собора. Въ изложеніи этой послѣдней части встрѣчаемъ очень любопытное мѣсто для исторіи Синодика. „По повелѣнію царскому прочитано было мѣсто изъ *читаемыхъ обычно въ недѣлю православія Синодика*, которое начинается такъ: τοῖς ἀποβαλλομένοις τὰς τῶν ἁγίων κατέρων φωνάς ¹⁾. За прочтеніемъ святоотеческихъ мѣстъ отцы собора предложили заблуждающимся покаяться, но они отказались отъ этого предложенія. Поэтому, по приказанію царя и патріарха, прочитано опредѣленіе прежняго собора о низверженіи епископовъ Ефеса и Гана и другихъ за приверженность ихъ къ ереси Варлаама и Акиндина: ибо исполненія по этому опредѣленію еще не состоялось въ ожиданіи обращенія ихъ и раскаянія. По прочтеніи этого опредѣленія, честнѣйшій великій хартофилакъ и ипать философъ началъ по церковному обычаю спрашивать каждого объ его мнѣніи по поводу разсмотрѣнныхъ догматическихъ вопросовъ. И они всѣ единодушно и какъ бы по внушенію одного Духа признали вѣрность съ соединеніемъ дивное различіе божественнаго существа и энергіи. Затѣмъ патріархъ обратился къ упорствующимъ съ новымъ увѣщаніемъ и увѣжденіемъ присоединиться къ мнѣнію церкви. Когда же увидѣлъ, что они далеки отъ усугубивости, то съ ревностью, достойной его добродѣтели и троша, онъ лишаетъ ефесскаго и ганскаго епископа архіерейскаго сана и священства. На этомъ окончилось засѣданіе.

Прошло нѣсколько дней, царь желалъ дать время одуматься упорствующимъ, но такъ какъ они не измѣняли своихъ мыслей, то *рушено было собрать другой соборъ* ²⁾, чтобы новымъ изслѣдованіемъ вопроса яснѣе показать истину. Протестанты не пожелали явиться отвѣтчиками на соборъ, царь приказалъ изъ многихъ подлежащихъ

¹⁾ Ibid., col. 727.

²⁾ Ibid., col. 732.

обсужденію главъ поставить слѣдующія: 1) есть ли въ Богѣ различіе существа и энергіи; 2) энергія создана или вѣтъ; 3) если божественная энергія признана будетъ несозданною, то не будетъ ли необходимо отсюда заключеніе о сложности природы божественной; 4, прилагается ли богословами слово божество не только къ существу) но и къ энергіи божественной; 5) дѣйствительно ли богослови утверждаютъ, что существо выше энергіи; 6) когда говорится объ участіи въ божествѣ, подразумевается ли участіе въ существѣ или въ энергіи.—Соборъ занялся разъясненіемъ всѣхъ этихъ предложеній. Какъ оказывается, послѣдній вопросъ направлеиъ былъ противъ теории пантеизма ¹⁾. Такъ какъ враги церкви вселенную наполняли существомъ Божиимъ, не различая существа отъ энергіи, то соборъ поставилъ противъ нихъ слѣдующее соображеніе. Хотя существо Божіе пераадѣльно отъ физической энергіи, ибо вѣтъ энергіи внѣ производящей ее сущности, но по отношенію къ твореніямъ Божиимъ отъ вѣка не можетъ быть сомнѣнія, что всякое созданіе участвуетъ въ энергіи творца, а не въ сущности. Ибо ясно, что домъ есть произведеніе искусства и энергіи архитектора, а не сущности его; равнымъ образомъ и святые, удостоивался единенія съ Богомъ, участвуютъ не въ существѣ его, а въ энергіи. Когда собораны были голоса, обратился съ рѣчью къ собору императоръ, въ которой восхвалялъ ревность по вѣрѣ солунскаго митрополита и признавалъ православіе его мыслей, въ заключеніе благодарилъ Бога за то, что истина утверждена, и что смута церковная, *продолжающаяся уже четырнадцать лѣтъ*, можетъ считаться прекращенною ²⁾. По случаю собранія этого собора послано было приглашеніе къ старцамъ святой горы принять участіе въ засѣданіяхъ. Они же, не имѣя возможности прибыть, послали двухъ іеромонаховъ съ донесеніемъ, что они представляютъ собору нисѣмню свое мнѣніе. Итакъ, встали афонскіе уполномоченные старцы и передали собору изложеніе мнѣнія всей святой горы, составленное *еще жившимъ между ними митрополитомъ Иракліи Филоосема*. Представили вѣсть съ тѣмъ и присланное оттуда общее опредѣленіе, которое было прочтано и оказалось согласнымъ съ ученіемъ митрополита солунскаго.

Итакъ, продолжается далѣе, соборъ, засѣдавшій во Влахернскомъ триклинѣи Алексіакѣ, разобравъ предложенные ему вопросы и утверждая

¹⁾ Что видно изъ той части дѣній, гдѣ разбирается этотъ вопросъ, col. 748.

²⁾ *Migne*, 151, col. 757.

прежнія соборныя опредѣленія, подвергъ анаемѣ Варлаама и Акиндина. Нѣмъ же обнаруженныхъ и обличенныхъ на соборѣ единомысленниковъ ихъ подвергъ отлученію отъ Христовой церкви, если не раскаются, и лишилъ священнаго сана. Тѣхъ, кто увлеченъ въ ихъ ересь и не раскаялся, присудилъ къ такому же наказанію, раскаявшихся же и подвергшихъ анаемѣ ересь не только принялъ въ общеніе съ церковью, но и оставилъ въ священномъ званіи. Но соборъ сдѣлалъ оговорку по отношенію къ тѣмъ, кто бы осмѣлился на будущее время говорить или писать противъ Паламы: таковыя подвѣргаются вышешложенному осужденію. Точно также соборъ заявилъ торжественно похвалу ученію и ревности по вѣрѣ солунскаго митрополита.

Послѣ этого отцы, „озабоченные тѣмъ, чтобы отнять всякій поводъ у желающихъ вновь заявлять обвиненія и чтобы не оставить безъ рассмотрѣнія тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Паламы, которыя подали поводъ врагамъ церкви къ шатамъ на него, по предложенію царя, приступили къ разбору записокъ, поданныхъ противниками Паламы. Для этого отцы собора на собраніяхъ въ великой церкви подыскивали и вслѣдовали каждое мѣсто въ книгѣ Паламы и собирались для этого не однажды, а многократно. При чемъ оказалось, что митрополитъ солунскій и въ приводимыхъ его противниками мѣстахъ совершенно согласенъ съ священными богословами, а что противники его выдаютъ въ многочисленныхъ еретическихъ мѣстахъ. Посему и съ этой стороны осужденіе ихъ получило новое подтвержденіе“. Слѣдуютъ подлинси.

Въ апрѣлѣ 1368 года составилъ соборъ противъ Прохора Кидони, приверженца Варлаама и Акиндина ¹⁾). Изъ исторической части акта узнаемъ слѣдующее объ этомъ еретикѣ. Онъ принадлежалъ къ монашествующимъ въ Афонской лаврѣ и былъ уже въ священномъ санѣ, когда поднялось волненіе въ церкви, вызванное ученіемъ Варлаама и Акиндина. Какъ большинство людей, преданныхъ суетнымъ олинскимъ наукамъ, Прохоръ заразился еретическими мнѣніями. Онъ занималъ среди другихъ выдающееся мѣсто какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по превосходству въ нечестіи, ибо присоединялъ къ ихъ вѣдѣностямъ новыя и худшія. Вслѣдствіе этого, а также ради сочувствій, которое онъ оказывалъ преслѣдуемому церковью, онъ не могъ оставаться спокойнымъ въ Лаврѣ. Слыша часто, какъ онъ за-

¹⁾ Ibid., col. 693.

ищца Варлаама и Аккидина, какъ противорѣчилъ правымъ догматамъ церкви, монахи потребовали отъ него публичнаго заявленія своего исповѣданія вѣры. Онъ же, боясь осужденія, далъ притворно согласіе съ ученіемъ церкви, хотя въ сердцѣ былъ далекъ отъ того. Ученіе его произвело большое смущеніе и породило раздѣленіе между монашескимъ чиномъ, такъ что многіе изъ ревнителей благочестія и добродѣтели, какъ въ самой лаврѣ, такъ и въ другихъ святогорскихъ монастыряхъ, понемногу стали отдѣляться отъ церковнаго общевія съ лавріотами, о чемъ и сообщали церковной власти, ссылаясь на одно мѣсто соборнаго опредѣленія. Настоятель и игуменъ лаври киръ Іаковъ, ревнуя о благѣ церкви Божіей, старался всегѣрно убѣждать его оставить заблужденіе и присоединиться къ церковному ученію; когда же убѣщанія его остались безуспѣшны, сдѣлалъ обоимъ этомъ доносеніе. Главы противъ Варлаама и Аккидина, *отнесенныя въ священныи Синодикъ, ежегодно читаемый въ недѣлю православія* ¹⁾, въ которыхъ предаются авасемъ какъ упомянутые еретики, такъ и всѣ раздѣляющіе ихъ ученіе и защищающіе ихъ и выѣсть съ тѣмъ прославляются тѣ, кто обличаетъ ихъ и словомъ и дѣломъ ратуетъ за церковь; эти главы отправлены были и въ священную лавру, дабы ихъ вносить въ читаемый тамъ Синодикъ и прочитывать въ установленное время какъ бы въ успокоеніе монаховъ и во утвержденіе колеблющихся между ними. Получивъ эти главы, лавріоты заставили Прохора въ собраніи прочесть ихъ и подписать. Хотя онъ и далъ свою подпись, но скоро сталъ говорить противное тому, что собственноручно утвердилъ. Наконецъ, удалось схватить его съ поличнымъ: въ кельѣ его найдены сочиненія тѣхъ еретиковъ. Тогда исполненные гнѣва и ревности старцы лишаютъ его общевія, а сочиненія посылаютъ къ нашему смиренію. Такъ какъ объ этомъ не могло не быть извѣстнымъ Прохору, онъ дѣлаетъ отъ себя доносеніе, доказывая, что все это есть несправедливый доносъ; что онъ слишкомъ далекъ не только отъ превратнаго богословствованія, но и вообще отъ богословствованія, такъ какъ онъ совсѣмъ простой человѣкъ. Великое таинство богословія Богъ сдѣлалъ недоступнымъ для людей, чувственныи же небомъ завладѣли мелкіе торговцы, повара и актеры, то-есть, новоявленные догматисты: посему онъ предпочитаетъ скромную долю и молчаніе нѣтъ благоговѣнія къ богословію. Спустя короткое время,

¹⁾ Ibid., col. 605. Все это мѣсто интересно для исторіи Синодика.

вынужденный притѣсненіями со стороны монаховъ и поворомъ, онъ явился къ нашему смиренію и представилъ сочиненія свои. Когда еще мы не успѣли разсмотрѣть ихъ, снова явился Прохоръ и засталъ у насъ митрополита ефесскаго; тогда мы спросили его: какъ онъ думаетъ о церковныхъ догматахъ и объ осужденіи Варлаама и Акиндина и о церковномъ по этому поводу опредѣленіи?—На это онъ отвѣчалъ, что обо всемъ этомъ онъ имѣетъ колебаніе въ душѣ и сомнѣнія, но, однако, не дерзаетъ положиться на себя и предпочитаетъ слѣдовать мнѣнію святой церкви. Мы сказали ему, что прежде всего нужно принять безъ всякихъ оговорокъ соборное опредѣленіе, какъ излагающее безошибочно смыслъ священнаго писанія и отцовъ церкви, ибо здѣсь не умѣстны сомнѣнія, и ничто не нуждается въ толкованіи и объясненіи; что, впрочемъ, послѣ его чистосердечнаго призванія и заявленія о согласіи съ церковнымъ ученіемъ, мы готовы занять разрѣшеніемъ его недоразумѣній. Такъ я говорилъ съ нимъ, не читая еще его сочиненій. Но, когда черезъ нѣсколько дней я посмотрѣлъ въ нихъ, то уже по заглавію увидѣлъ, что они полны всякаго нечестія. Это было „Опроверженіе на неправильныя цитаты текстовъ въ соборномъ опредѣленіи противъ епископа ефесскаго и Григорія“. Въ предисловіи авторъ говоритъ слѣдующее. Поелику, по словамъ апостола Павла, борьба наша не съ кровью и плотью, а со всякой надменностью, поднимающеюся противъ познанія Христа, то намѣреваясь говорить о злоупотребленіяхъ текстами священнаго писанія въ соборномъ опредѣленіи на епископа ефесскаго и Григорія, мы считаемъ излишнимъ приводить мнѣнія автора и тѣхъ лицъ, которыми онъ пользовался. Будучи со многими изъ нихъ знакомы и дружественны при ихъ жизни, считаемъ справедливымъ чтить ихъ и по смерти, тѣмъ болѣе, что наша цѣль не порицать людей, а богословствовать. Да будетъ это произведеніе въ защиту какъ умершихъ, такъ и еще живущихъ: нервные на нраведпомъ судѣ получать свое воздашіе, вторые, очистившіеся отъ неправнаго мнѣнія и живя въ вѣдрахъ апостольской и отеческой вѣры, удостоятся своей награды. Это насъ побудило къ написанію сего труда, да еще ревность по Богѣ. Еще можно кое-какъ бороться съ ложью, когда въ образованіи ея участвуютъ человѣческія соображенія, которыя по самому существу не могутъ быть тверды и устойчивы; но кто въ состояніи выдержать борьбу съ такою ложью, которая выставляетъ самого Бога доносчикомъ на себя и которая злоупотребляетъ его чистѣйшими золотомъ словами?—Таково предисловіе, а то, что затѣмъ слѣдуетъ, пре-

посходить по нечестію самия отвратительнаго богохульства Варлаама и Акиндина. Ибо, погрузившись въ глубину богословія, этотъ почитатель діафрагмы неба прежде всего объясняетъ, кого считаетъ малыми торговцами и новарами и обнаруживаетъ крайнюю степень нечестія. Обвиняя насъ въ неправильномъ употребленіи текстовъ, онъ выдалъ себя своими силлогистическими доказательствами, обнаруживъ, что подвизалъ борьбу не противъ насъ, но противъ самихъ святыхъ. Ибо, приводя отеческіе тексты, не слѣдуетъ св. отцамъ въ объясненіи ихъ, но безстыдно придать имъ другой смыслъ ¹⁾). Такъ, напримеръ, толкуя мѣсто Златоуста на слова: „Господи, покажи намъ Отца и довольно намъ“, говоритъ: что Филиппъ желаетъ видѣть—мудрость ли Отца, благодать ли? Нѣтъ, онъ желаетъ видѣть все, что есть Богъ, то-есть, существо Божіе. Я утверждаю, говоритъ нашъ богословъ, что знаніе мудрости Божіей есть именно знаніе существа Божія, ибо тотъ, кто видѣлъ мудрость Божію, знаетъ существо Божіе, на сколько мудрость Божія даетъ идею о существѣ Божіемъ; точно также и благодать Божія не есть какое либо свойство божества, но существо его. И все это онъ доказываетъ не мѣстами священнаго писанія, но собственными соображеніями и доказательствами, основанными на *аристотелевскихъ силлогизмахъ* ²⁾). Между прочимъ, есть у него такое мѣсто. „Тѣмъ, которые обвиняютъ меня за употребленіе силлогизмовъ, въ которыхъ я вижу какъ бы орacula богословія, скажу слѣдующее. Такъ какъ всякая истина есть или силлогизмъ, или элементъ силлогизма, то очевидно, что я мѣ, и противникамъ моимъ нельзя избѣгать силлогизмовъ, когда мы налагаемъ истину. Почему бы въ самомъ дѣлѣ, имѣя знаніе и владѣя законами его, намъ не пользоваться ими для опроверженія тѣхъ, кто преступаетъ законы мышленія, и не употреблять этого метода въ изслѣдованіи истины какъ надежный руководитель, указывающій вѣрный путь для сужденія и для практической дѣятельности? Еслибы вѣра была сообщаема намъ откровеніемъ, какъ ее получали вожди православія, или еслибы ее можно было подвергать изслѣдованію, или еслибы мы не обязаны были давать отчета по общему къ намъ довѣрію, оправдываемому либо знаніемъ нашею, либо способностью сверхъестественными дѣйствіями подтвердить свои

¹⁾ Ibid., col. 698, примеръ толкованія словъ I. Дамаскина и Златоуста.

²⁾ Ibid., col. 699: οὐ ῥητὰ προφέρων ἁγίων, ἀλλὰ τοῖς ἰδίοις λογισμοῖς καὶ τοῖς ἀποδείξεσι χρημενοῦς ἤρην τοῖς Ἀριστοτελικοῖς συλλογισμοῖς,—и ниже: καὶ τοῦτο διὰ πολλῶν ἀποδείξεων τῶν τοῦ Ἀριστοτέλους συλλογισμῶν.

слова, то и въ этомъ случаѣ не было бы излишне пользованіе силлогизмами, какъ общепринятымъ средствомъ къ находенію истины, даваемымъ посредствомъ откровенія слова и къ тому же открывающимъ легкій техническій приемъ къ устраненію тяжкихъ заботъ и доставляющій пріятное занятіе благочестивому уму. Но, такъ какъ и до насъ дошла клятва іудейская и ослѣпились очи наши и не видать и такъ какъ Господь не даетъ слова благобѣствующимъ силою многую, то какое основаніе имѣемъ мы выпускать изъ рукъ единственное оставшееся у насъ средство къ находенію истины? Итакъ, я хвалю это искусство и считаю его болѣе всего необходимымъ въ наше время, какъ единственную помощь и свѣтъ для насъ, покинутыхъ Богомъ.

Таковыя негѣпости видя въ его сочиненіи, мы приказали снова позвать его и сказали ему: мы прочитали нѣкоторыя части сочиненія и нашли ихъ полными всякаго нечестія. Когда затѣмъ предложили ему подписать соборное опредѣленіе противъ Варлаама, онъ отказался, сказавъ: я не могу опровергать то, что написалъ самъ; писалъ же я, какъ думалъ. Тогда мы, оставивъ его въ Константинополѣ, посоветовали ему читать священныя книги и въ особенности протоколы 6-го вселенскаго собора и догматику I. Дамаскина. Но онъ притворно принималъ нашъ совѣтъ къ исполненію, на самомъ же дѣлѣ высказывался объ этомъ съ другими такъ: „на что мнѣ далъ патріархъ эти книги, какъ будто я не знаю ихъ“!

Такимъ образомъ дѣло Прохора перенесено на соборное рѣшеніе ¹⁾. Приглашенный въ засѣданіе, онъ началъ утверждать, что затѣянное дѣло объясняется завистью лавріотовъ, и вмѣсто того, чтобы просить у собора извиненія и присоединиться къ мнѣнію церкви, требовалъ, чтобы были представлены и прочитаны его сочиненія. Когда желаніе его было исполнено и прочитаны нѣкоторыя части, онъ настойчиво требовалъ разрѣшить указываемыя имъ сомнѣнія, подобно тому, какъ учитель его Варлаамъ съ такими же требованіемъ обращался къ судившему его собору. Но мы отвѣтили ему, что, пока онъ будетъ упорствовать въ ложныхъ мнѣніяхъ, никакихъ объясненій ему не будетъ дано, ибо какъ бы стали мы рѣшать его сомнѣнія, когда онъ отрицаетъ авторитетъ святыхъ учителей вѣры? На основаніи всего этого онъ заслуживалъ бы анаематствованіи, но соборъ, поль-

¹⁾ Ibid., col. 704.

взясь обычнымъ церкви человѣколюбіемъ и ожидая обращенія его, дозволилъ ему продолжать свое оправданіе. Было предложено собору нисѣмо Прохора къ игумену лавры, въ которомъ онъ говоритъ о своихъ надеждахъ оправдаться на соборѣ и о покровительствѣ, будто бы оказываемомъ ему царемъ и патриархомъ. Затѣмъ прочитана апологія и вмѣстѣ обвиненіе противниковъ его; она заключается въ слѣдующемъ: „Соглашаюсь и принимаю, что Богъ дѣйствительно и по истинѣ приобщается людямъ въ Духъ, поэтому люди становились пророками и сынами божіими и богами, какъ и Богъ дѣйствительно и по истинѣ сдѣлался Человѣкомъ; но предаю анаеміи тѣхъ, кто говоритъ, что Богъ мыслимъ и воображаемъ, какъ въ загадкѣ только по отношенію и подражанію и аналогіи, наблюдаемой въ создавіяхъ мудрости. Принимаю и соглашаюсь съ тѣми, которые говорятъ, что благодатію Божіей и исполненіемъ заповѣдей очищается сердце человѣка и такимъ образомъ уготовляется въ немъ обитаніе Бога и, какъ свѣтъ, доступно ярѣнію достойныхъ, свѣтъ же этотъ царство небесное и божественное осіаніе называется; но анаематствую тѣхъ, кто порицаетъ и издѣвается надъ исповѣдующими такое ученіе, давая имъ прозваніе энеусіастовъ и омфалонсиховъ и поклонниковъ ложнаго свѣта. Принимаю за дѣйствительныя и истинныя происшествія бывшія нѣкогда святымъ мужамъ явленія: Исаин, Аввакуму, Павлу; но анаематствую тѣхъ, кто думаетъ, что это были призрачныя видѣнія. Вѣрю и принимаю, что свѣтъ Господня Преображенія на Олпортѣ есть несозданный и вѣчный, что онъ есть безначальное и вѣчное Божество, физическій лучъ, существенная и Вожеская энергія, осіаніе и блескъ и красота Божества Бога-Слова; но анаематствую тѣхъ, которые утверждаютъ, что этотъ свѣтъ есть созданный и несозданный, видимый и невидимый, смертный и безсмертный или еще символъ чувственный, слабый прирѣкъ в образъ мысленный. Прохоръ, когда его спросили объ этомъ Божественномъ свѣтѣ, чтобы онъ объяснилъ, какимъ образомъ онъ называетъ одно и то же вещество созданнымъ и несозданнымъ, отвѣтилъ: потому, что и Христосъ есть созданный и не созданный, будучи двоимъ по прирѣдѣ, то-есть, Богомъ и человѣкомъ: онъ не создатъ какъ Богъ, но какъ человѣкъ есть твореніе. Такимъ образомъ, и свѣтъ исходящій отъ Христа, существа созданнаго и не созданнаго, долженъ быть созданный и несозданный. Слѣдуетъ прекрасное мѣсто объ установленіи празднованія памяти Григорія Паламы. До собора 1368

года почитали Паламу только въ нѣкоторыхъ церквахъ, официально онъ еще не былъ канонизованъ¹⁾).

По разсмотрѣніи дѣла, отцы собора высказали слѣдующее мнѣніе. Такъ какъ сочиненія Прохора показываютъ, что онъ зараженъ многими еретическими мнѣніями и что не только является послѣдователемъ Варлаама и Аквиндіана, но изобрѣтателемъ новыхъ ересей, то въ случаѣ раскаянія ограничиться анаематствомъ его сочиненій, самого же его принять въ общеніе съ церковью только не какъ іерея, а какъ простаго христіанина; въ случаѣ же нераскаянія, низвергнуть его изъ священнаго сана, подвергнуть анаемѣ. Прохоръ, спрошенный, имѣетъ ли онъ что сказать на это мнѣніе собора, просилъ отсрочки на одинъ день, чтобы подумать и завтра дать отвѣтъ. Но на слѣдующій день Прохоръ не явился, когда же на третій день послали къ нему патріаршихъ нотаріевъ, онъ не только не согласился прибыть, но упорно держался своего мнѣнія и говорилъ: „пусть дѣлаютъ со мной патріархъ и соборъ, что хотятъ“. Послѣ этого на одномъ изъ засѣданій, посвященномъ разсмотрѣнію другихъ церковныхъ вопросовъ, поставлено было и дѣло Прохора. При этомъ по прочтеніи мѣстъ, касающихся предстоятелей церкви, которыхъ Прохоръ называетъ торгашами и поварами,—соборъ произнесъ противъ него отлученіе снова, какъ и въ первый разъ, и хотѣлъ анаематствовать его торжественно съ амвона. Но на этотъ разъ удержался, въ ожиданіи его раскаянія. Но, когда всѣ принятые мѣры оказались тщетны, мы вмѣстѣ съ соборомъ низвергли названнаго Прохора изъ священнаго сана и предали анаемѣ. А то соборное опредѣленіе, которое онъ хотѣлъ опровергнуть, мы принимаемъ какъ столпъ православія и какъ канонъ непоколебимый здравыхъ догматовъ вѣры и видимъ въ немъ развитіе и истолкованіе евангельскаго ученія и символа вѣры. Послѣ обычной во всѣхъ разсмотрѣнныхъ соборныхъ опредѣленій похвалы инокамъ Святой горы, слѣдуетъ еще нѣсколько словъ о Прохорѣ: „А упомянутаго Прохора, дерзнувшаго утверждать, что плоть принятая Богомъ-Словомъ не могла никомъ образомъ быть безъ грѣха, и что не была совершенна при вочеловѣченіи, а лишь способна къ усовершенствованію²⁾, мы счи-

¹⁾ Ibid., col. 710—711.

²⁾ Ibid., col. 715: μὴ ὁπωσούν ἵναi χωρὶς ἀμαρτίας τὴν σάρκα ἣν ὁ Θεὸς λόγος ἐπέλαβετο, μὴδὲ τελείαν ἐξ αὐτῆς τῆς προλήψεως ἀλλὰ τελειωσῆν. Мѣсто напоминаетъ ученіе школы i. Итала.

таемъ отверженнымъ отъ всей церкви, какъ виновника новыхъ и странныхъ ересей, какихъ не дерзвалъ вводить ни одинъ изъ еретиковъ послѣ тѣлеснаго воплощенія Христа.

Въ дѣяніяхъ собора 1368 года обращаетъ на себя вниманіе одно мѣсто, гдѣ упоминается о главахъ противъ Варлаама и Акиндина, внесенныхъ въ священный Синодикъ и сообщенныхъ на Аѳонскую гору. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ нѣвѣстныхъ 14 главахъ Синодика, излагающихъ въ положительной и отрицательной формѣ какъ принятое, такъ и осужденное церковью ученіе о сущности и энергіяхъ Божества. Въ разсмотрѣнныхъ доселѣ соборныхъ дѣяніяхъ мы не встрѣчали той редакціи отлученія Варлаама и Акиндина, какая читается въ Синодикѣ, и это тѣмъ любопытнѣе, что соборы 1347 и 1351 годовъ главнѣйше были созваны для окончательнаго установленія церковнаго ученія и, слѣдовательно, имѣли настоятельную потребность формулировать то мнѣніе, котораго держалась церковь. Если на соборѣ 1351 года „главы“ противъ Варлаама и Акиндина не были еще отредактированы въ окончательной формѣ, а на соборѣ 1368 г. уже дѣлается ссылка на эти главы, то слѣдуетъ заключить, что въ промежутокъ между этими соборами церковь еще разъ разбирала этотъ вопросъ и пришла къ окончательной постановкѣ формулы анаематствованія.

Случайно познакомившись съ корректурными листами III тома „Исторія Аѳона“, издаваемого Императорскою Академіей Наукъ по рукописямъ пресвященнаго Порфирія, мы нашли дѣйствительно существенный пропускъ въ изданныхъ матеріалахъ. Оказывается, что въ іюлѣ 1352 года созванъ былъ новый соборъ для рѣшенія того же вопроса, и на этомъ-то соборѣ выработаны тѣ главы, которыя внесены въ Синодикъ ¹⁾. Такъ какъ текста соборнаго опредѣленія пока мы не имѣли подъ руками, то не можемъ сказать, почему потребовалось созвать этотъ новый соборъ, и чѣмъ онъ занимался. Но здѣсь будетъ уместно замѣтить, что редакція главъ противъ Варлаама и Акиндина, по всей вѣроятности, принадлежала Филовею, вскорѣ затѣмъ занявшему патриаршіи престолъ. Уже въ ранѣе мы имѣли случай указать, что многія мѣста похвалы его въ честь Паламѣ напоминаютъ выраженія Синодика. Теперь это подтверждается рукописными матеріалами. Существуютъ также анаематствованія на Варлаама и Акин-

¹⁾ Корректурные листы, стр. 260—261.

дина въ видѣ отдѣльныхъ пьесъ съ именемъ патріарха Филоея ¹⁾). Здѣсь все вѣроученіе еретиковъ разсматривается изъ 14 отдѣльныхъ положенійхъ, которыя легко, впрочемъ, могли быть сокращены на соборѣ въ шесть главъ ²⁾). Вообще дѣятельность Филоея, сначала аеопскаго монаха, потомъ митрополита Иракліи, наконецъ, патріарха константинопольскаго, этого ревностнаго защитника ученія Паламы, который не задумался признать его святымъ, когда еще не усюноклось волненіе умовъ и церковный раздоръ былъ въ разгарѣ, заслуживала бы спеціальнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, многія его сочиненія остаются въ рукописяхъ, такъ что его значеніе въ политической и церковной жизни эпохи представляется весьма блѣднымъ. Едва ли не лучше другихъ дѣятелей этого смутнаго времени онъ понималъ и выразилъ ту мысль, что вся борьба XIV вѣка имѣетъ философскую основу и коренится въ мировоззрѣніяхъ партій. Широкое распространеніе такъ называемыхъ варлаамовскихъ владовъ побудило церковную власть требовать съ посвящаемыхъ въ епископы лицъ особой присяги, въ которой бы они заявили о согласіи съ господствующимъ ученіемъ по предмету спора Паламы и Варлаама. Составленная Филоеемъ присяга представляетъ собою очень интересный документъ съ точки зрѣнія умственныхъ движеній времени ³⁾. „Отрицаясь и отвергая, говорить онъ, книгъ вселенской Христовой церкви отверженныхъ и анаемѣй преданныхъ Варлаама и Акиндина и споспѣшниковъ и единомышленниковъ ихъ, которые то утверждаютъ безразличіе въ Богѣ природы и энергій, то учатъ, что естественная сія св. Троицы возможность и энергій и благодать, присущія Божеству естественно и нераздѣльно, сотворены и имѣютъ происхожденіе во времени ⁴⁾. Посему и свѣтъ отъ лица Господня, воссіявшій апостоламъ на горѣ, эту естественную славу и блескъ Божества, державтъ называть призракомъ и подрываютъ такимъ образомъ всецѣло Божественную приобщаемость, уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ великую тайну возрожденія нашего усюновленія и благодать св. Духа, чудесно

¹⁾ Мюнхенъ, cod. graecus 505, f. 2 v.; τοῦ ἀγιοτάτου καὶ οἰκουμένηου πατριάρχου Φιλοθέου τὰ κεφάλαια τῆς αἵρέσεως Ἀκινθίνου καὶ Βαρλαάμ.

²⁾ Что будетъ наглядно показано при изданіи текста Синодальна.

³⁾ Мюнхенъ, cod. graecus 508, fol. 123. Ὁμολογία τῆς ὀρθοδόξου πίστεως ἐκτελεῖσθαι παρὰ τοῦ μητροπολίτου Ἰρακλίας Φιλοθέου.

⁴⁾ Fol. 137. Сущность вопроса сводится къ ученію объ универсалияхъ. По взгляду противниковъ, различіе сущности и энергій божества заключаются ἐν μόνοις φιλοῖς τοῖς ὁνόμασι. См. ученіе I. Итала и его школы.

сообщаему святымъ, кратко сказать, все таинство Христова домо-
строительства, уничтожая въ корнѣ ученіе о царствѣ небесномъ и
жизни вѣчной. Ожидал воскресенія мертвыхъ, суда и воздаянія за
содѣянное въ сей жизни, вѣрую въ царство небесное для праведныхъ
и въ наказаніе грѣшныхъ. Вѣрую, что сей видимый міръ созданъ изъ
ничего Богомъ и будетъ имѣть конецъ, что человѣческія души, со-
зданныя также изъ ничего, бессмертны и что по всеобщемъ воскре-
сеніи соединятся каждая со своимъ тѣломъ. Принимаю поклоненіе
святымъ иконамъ¹⁾. Поклоняюсь и цѣлую икону Христа, сына Божія,
описуемаго по человѣчеству, но описуемаго по Божественной природѣ.
описуемаго же на иконѣ по человѣчеству, возводя умъ чрезъ икону
къ прототипу и воздавая ему приличествующее поклоненіе и служе-
ніе, иконѣ же отдавая не служебное (τὴν δουλικήν), а относительное
(τὴν κατὰ οὐρανόν) поклоненіе²⁾.

Въ этомъ исповѣданіи вѣры Филофей кратко обозначаетъ всѣ
пункты вѣроученія, занимавшіе церковь во время иконоборческой
эпохи, въ періодъ дѣятельности І. Итала и его школы и, наконецъ, въ
его собственное время. Можно догадываться, что эти вопросы ни-
когда не умирала въ жизни византійскаго общества, какъ вопросы,
тѣсно связанные съ философскимъ движеніемъ. Въ терминахъ, употре-
бленныхъ Филофеемъ какъ для выраженія церковнаго ученія о покло-
неніи св. иконамъ, такъ ученія о твореніи міра и о душахъ, мы усла-
триваемъ почти дословное сходство съ тѣми литературными памят-
никами, въ которыхъ этимъ ученіямъ дана была окончательная фор-
мула въ IX и XI вѣкахъ.

Кромѣ Варлаама и Акиндина, Синодикъ подвергаетъ въ отдѣль-
ной статьѣ отлученію новаха Исаака Аргира. „Исааку, нарицающе-
му Аргіру, чрезъ все житіе болѣзновавшему болѣзнію Варлаамовою
и Акиндиновою... злѣ душу свою во исповѣданіи ереси извергшему,
анаѴма“. Изъ сожалѣній, матеріалы по исторіи полемики между Па-
ламомъ и Варлаамомъ не позволяютъ сдѣлать никакихъ заключеній о
жизни и направленіи Исаака Аргира. Имени его не находимъ и въ
соборныхъ дѣяніяхъ, и въ обличительныхъ сочиненіяхъ сторонниковъ

1) θέλωμαι γνησίως τὴν τῶν ἁγίων εἰκόνων προσκύνησιν, τὸν ὡς ἄνθρωπον περι-
γραπτον Χριστὸν τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ τὸν κατὰ τὴν θεϊαν φύσιν ἀπερίγραπτον τε καὶ ἀνε-
ρίμετον ἐν εἰκόνι περιγραφτον κατὰ τὸ ἀνθρώπινον...

2) ἀπαζόμενος τε καὶ προσκύνησιν ἀπονέμων αὐτῇ οὐ ὡς Θεῷ τὴν δουλικήν, ἀλλὰ
κατὰ οὐρανόν, τὴν κατὰ διάθεσιν ἀγαπητικὴν... καὶ γνησιότατα...

Паламы. Но довольно обильный материал¹⁾, находящийся въ рукописяхъ, подтверждаетъ, что Исаакъ не оставался чуждъ тѣхъ вопросовъ, которые волновали мыслящихъ людей въ XIV вѣкѣ. Именно, известно опроверженіе царя Кантакузина²⁾, направленное противъ ученія Исаака „о семи духахъ, то-есть, о божественныхъ энергіяхъ св. Духа“. Такъ какъ вопросъ объ энергіяхъ былъ жгучимъ вопросомъ полемикъ, то не можетъ быть сомнѣніемъ, что Исаакъ Аргиръ сталъ въ немъ на сторону Акиндина противъ Паламы. Можно также предполагать, что осужденіе его послѣдовало послѣ собора 1368 года. Исаакъ обладалъ широкимъ научнымъ образованіемъ, писалъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ: по астрономіи, геодезіи, геометріи, по риторикѣ и философіи. Изъ приписки въ одномъ изъ его сочиненій видно, что въ 1372 году онъ былъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, и что въ молодости проживалъ во еракійскомъ городѣ Эносѣ.

Но характеръ и направленіе дѣятельности Аргира трудно возстановить при скудости сохранившихся данныхъ. Мы имѣли случай ознакомиться съ однимъ изъ его философскихъ трактатовъ: „о силахъ души“, изъ котораго можно до нѣкоторой степени судить о томъ, какое принадлежитъ ему мѣсто между мыслителями XIV вѣка³⁾. Погрѣшность Исаака Аргира главнѣйше состояла въ томъ, что онъ придерживался Платоновскаго взгляда на душу. Слѣдовательно, мы можемъ съ полною смѣлостью утверждать, что въ Синодикѣ послѣдовательно проходятъ одна и та же черта: борьба аристотелизма и платонизма. Церковь усвоила себѣ аристотелевское направленіе и съ конца XI до конца XIV вѣка поражала анаемой тѣхъ, кто осмѣливался стоять за Платона.

¹⁾ Объ немъ можно судить по указаніямъ *Фабриція-Гарлеса*, *Bibliotheca Graeca*, XI. p., 126.

²⁾ *Vana*, cod. theolog. 210, f. 388. Ἀπο τῶν κεφαλαίων τῶν πρὸς τὸν μοναχὸν Ἰσαάκ τὸν Ἀργυρὸν. Περὶ τῶν ἐπιτὰ πνευματικῶν ἢτοι τῶν θεϊκῶν ἐνεργειῶν τοῦ παναγίου πνεύματος ἅπερ οἱ ἀντιλέγοντες τῇ ἐκκλησίᾳ χτισμάτα φασὶν εἶναι.

³⁾ *Мюнхенъ*, cod. 27, f. 269. Περὶ τῶν τῆς ψυχῆς δυνάμεων Ἰσαάκ μοναχοῦ τοῦ Ἀργυροῦ. Начиная даъ да каѣ тоуто γινώσκωμεν ὅτι τῶν ψυχικῶν δυνάμεων αἱ μὲν εἰσὶ φυσικαί..

V.

Пронагада противоцерковныхъ идей и ученій. Происхожденіе ереси стригольниковъ.

Византійскія церковныя партіи въ XIV вѣкѣ. — Характеристика паламитовъ въ колемическихъ сочиненіяхъ той эпохи. — Отождествленіе паламитовъ съ богониллами. — Пронагада антицерковныхъ ученій въ Македоніи и Болгаріи. — Житіе Θεοδοσία Терновскаго. — Палама и царь сербовъ Стефанъ Душанъ. — Пронагада антицерковныхъ ученій въ Россіи. — Значеніе термина „стригольничъ“. — Взгляды на происхожденіе ереси стригольниковъ. — Обличенія ереси. — Догматическія, метафизическія и обрядовыя черты въ ученіи стригольниковъ объясняются изъ системы вѣрученія богонилловъ.

Отринутыя церковью ученія представляютъ собою благодарный матеріалъ для провѣрки и обоснованія весьма важной въ культурно-историческомъ отношеніи проблемы о степени и области вліянія Византіи на южныхъ и сѣверо-восточныхъ славянъ. Въ общемъ, конечно, никто не будетъ отрицать этихъ вліяній въ сферѣ богословско-церковной и литературной, но въ частности, по отношенію къ отдѣльнымъ ученіямъ и идеямъ, остается много неяснаго и гадательнаго въ разсужденіи способовъ и путей передачи плодовъ византійской духовной производительности. Въ особенности это имѣетъ значеніе относительно тѣхъ ученій и идей, которыя для своего распространенія по отдаленнымъ окраинамъ нуждались въ посредничествѣ, то-есть, разносились не самими греками, а непосредственными учениками ихъ изъ южныхъ славянъ. Весьма вѣроятно, что при посредствѣ этихъ послѣднихъ византійскія идеи доходили и до Россіи. Мы предполагаемъ здѣсь прослѣдить пронагаду византійскихъ антицерковныхъ движеній XIV вѣка и наметить слѣды ихъ на сѣверѣ Россіи въ ереси стригольниковъ.

Начиная съ конца тридцатыхъ годовъ XIV столѣтія, въ Византійской имперіи происходило весьма живое философское и богословское движеніе, взволновавшее всѣ классы общества и породившее расколъ въ церкви. Мало по малу образовались три партіи, которыя оспаривали одна у другой главенство въ церкви; попережѣнное господство и паденіе этихъ партій необходимо сопровождалось смутой и потрясеніями, слѣдствіи которыхъ давали себя знать до самаго конца XIV

вѣка. Чтобы не повторять здѣсь подробностей, изложенныхъ въ предыдущей главѣ, ограничимся самымъ существеннымъ. Возгорѣвшійся между Варлаамомъ и Григоріемъ Паламоу споръ о существѣ Божіемъ и объ энергіяхъ раздѣлилъ церковь на два лагеря: варлаамитовъ и паламитовъ. Прежде чѣмъ партіи варлаамитовъ и паламитовъ окончательно организовались и формулировали свои церковно-богословскія воззрѣнія, выдѣлилась средняя умѣренная партія, которая съ одной стороны не одобряла увлеченій Паламы, съ другой же, хотя и отвергала принципы Варлаама, но считала возможнымъ войти въ соглашеніе съ однимъ изъ представителей партіи варлаамитовъ Акиндикомъ. Эта средняя умѣренная партія господствовала въ періодъ отъ 1340 по 1347 годъ и группировалась около патріарха Іоанна Калеки.

Важнѣйшій интересъ для насъ сосредоточивается въ партіи Григорія Паламы. Этой партіи суждено было въ концѣ концовъ возобладать надъ двумя другими; съ 1347 года она уже не была партией, но главенствовала въ церкви; члены ея заняли высшія церковныя каѳедры, расположились ея дорожкой свѣтская власть. Чтобы понять значеніе этой партіи, достаточно указать на то обстоятельство, что рука объ руку съ побѣдой паламитовъ надъ соперниками идетъ постепенное подчиненіе І. Кантакузину Балканскаго полуострова и окончательное рѣшеніе въ его пользу пятилѣтней борьбы его съ правительствомъ І. Палеолога¹⁾. Важная историческая роль, выпавшая на долю Паламы, вытекаетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Григорій Палама былъ не только представителемъ національной греческой тенденціи въ борьбѣ съ западничествомъ, но, что еще важнѣе, онъ стоялъ во главѣ монашескаго движенія, опираясь на Аѳонъ и зависящие отъ него монастыри на Балканскомъ полуостровѣ; кромѣ того, имя его пользовалось громаднымъ авторитетомъ среди общественной и весьма распространенной секты богомиловъ. Все это давало Паламѣ такое преимущество передъ его противниками, что І. Кантакузину не могъ пренебречь паламитами въ своихъ стремленіяхъ къ верховной власти.

Но для насъ прежде всего предстоить выяснитъ значеніе означенныхъ церковныхъ партій въ самой Византіи, такъ какъ несо-

¹⁾ Изложеніе византійской политической смуты въ сочиненіи *Т. Д. Флоринскаго*, Южные славяне и Византія, выпускъ I, стр. 58 и сл., и вып. II, стр. 66 и сл., будучи дополнено цитатами изъ исторіи церковной борьбы, получило бы болѣе широкій историческій смыслъ.

ивѣнно, что нестроеными въ вѣдрахъ господствующей церкви могли съ успѣхомъ пользоваться разныя противодерковныя партіи и ученія. Благодаря обширной полемиической литературѣ того времени и соборнымъ дѣліямъ, мы имѣемъ въ распоряженіи достаточный матеріалъ, чтобы охарактеризовать главнѣйшія церковныя и литературныя направленія. Занимающій насъ періодъ не уступаетъ самымъ напряженнымъ и критическимъ эпохамъ церковной исторіи, онъ можетъ быть сравниваемъ, напримѣръ, съ IX вѣкомъ, когда было двѣ церкви: господствующая и гонимая, вокровительствуемая свѣтской властью и только терпимая. Какъ въ IX вѣкѣ, во время борьбы Игнатія и Фотія, такъ и въ изучаемый періодъ достигшая преобладанія партія закрѣпляла свое положеніе соборными опредѣленіями, подвергавшими анаемѣ враждебную партію, при чемъ эта послѣдняя съ своей стороны бросала анаемѣ противъ господствующей партіи. Какъ тогда, такъ и теперь, одна партія отрицала за другой право на церковный авторитетъ и подвергала сомнѣнію благодатный характеръ рукоположеній и священнодѣійствій.

Не будемъ слишкомъ настаивать на томъ обвиненіи, которое выставлено было противъ Паламы его главнымъ соперникомъ Варлаамомъ и поддержано Н. Григорой,—обвиненіи въ приверженности къ *массалианской ереси*, въ которой въ XIV вѣкѣ всѣ единогласно усматривали опасное *богумальское ученіе*. Охотно допускаемъ, что здѣсь была значительная доля преувеличенія, легко объясняемая горячностью и страстностью полемики. Поядемъ чертъ для характеристики партіи Паламы изъ сочиненій, появившихся изъ другого лагера. Выше указана была средняя умѣренная партія I. Калеки. Сохранялось соборное дѣліе ¹⁾, составленное нѣсколькими епископами этой партіи, въ которомъ такъ характеризуются паламиты: „На соборѣ (1340 года) отклонено было сужденіе объ ученіи паламитовъ, и они сначала стѣснялись открыто обнаруживать свои богохульства, но потомъ... рѣшились явно выступить самозванными учителями въ столицѣ и стали сѣять новыя заблужденія, вопреки прямому распоряженію церкви, коимъ запрещалось имъ проповѣдывать или учить о вѣрѣ подъ страхомъ отлученія ²⁾. Простирались далѣе въ своей

¹⁾ *Aligne*, 150, col. 879.

²⁾ Πρωτα μὲν κρυφίως, ἔτα καὶ φανερώς ἔγαν διδασκαλοὶ αὐτοχειροτόνητοι τῆς κόλαως ἀναδείκνυνται, καὶ τὰς νέας πλανάς, οἷα τινα πονηρὰ σπέρματα ταλακάρων ἀνθρώπων ψυχὰς ἐναπαίρουσι, καὶ τὰτα κερὶ τῆς ἐκκλησίας κατασφαλίσθιντες μίστε τοῦ λοιποῦ ὁμοῖ τιθεῖσι, μίστε διδασκαλίῃ γινώσκουσι καὶ αὐτοὺς ὄντας ὡπ' ἡμεῖς καὶ ἄφροιστος.

злѣбъ, они наложили руку на брачныя узы и дерзко разлучали молодыхъ женщинъ отъ ихъ мужей и дѣтей посредствомъ своихъ странныхъ и дивныхъ внушеній; къ этому присоединили еще бессмысленное и необдуманное стриженіе малыхъ дѣтей. И все это они позволяютъ себѣ, усвоивъ власть пастырей и право дѣлать, что имъ заблагоразсудится ¹⁾.

Приведенное мѣсто представляетъ противъ приверженцевъ Паламы слѣдующія обвиненія: 1) они, не подчиняясь власти патріарха и собора, допустили себѣ въ Константинополѣ совершать требы и пользоваться правомъ учительства для совращенія въ свое ученіе; 2) это ученіе заключалось въ новыхъ заблужденіяхъ: въ отрицаніи брака и въ стриженіи, чинимомъ надъ малыми дѣтьми. Ниже мы постараемся выяснитъ смыслъ этихъ обвиненій, падающихъ на партію паламитовъ, теперь же остановимъ вниманіе на одной сторонѣ, рисуемой паламитовъ какъ отщепенцевъ отъ церкви, не признающихъ учительства и священства. Патріархъ I. Калекс, въ посланіи монахамъ Аѳонской горы ²⁾, съ особенной силой выясняетъ характеръ самозванства и узурпаціи, усвоенной паламитами: вопреки прямымъ запрещеніямъ канонѣвъ они присвоили себѣ право учительства, отвергли чинъ іерархическій, такъ что овца стала на мѣсто пастыря, простой воинъ стремится занять положеніе стратига ³⁾. Эти черты дополняются обвиненіями паламитовъ въ томъ, что они продолжали смущеннодѣйствовать послѣ отлученія ихъ отъ церкви и явно возстали противъ авторитета церковнаго суда ⁴⁾.

Для характеристики взглядовъ на партію Паламы имѣемъ еще любопытный документъ: это письмо митрополита Сиди къ своему хартофилаку ⁵⁾, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее. Да будетъ тебѣ извѣстно, что изъ Константинополя посланы письма

¹⁾ Ἐγγυερόσαι καὶ γάμοις ἀνθρώπων νέας γυναῖκας ἀνδρῶν τε καὶ παίδων ἀδελφῶν ἀριστῶν τε ταῖς ἑταῖς ἑταῖς καὶ ἀλλοκότοις διδασκαλίαις προστιθήσονται τῷ τολμηματι κοῦρις ἀλόγους καὶ ἀπειρηκίπτους νέων παιδῶν, τοῦ πρώτου δηλαδὴ γένους τῶν κατ' ἡμῶν. Ἄρθοι δὲ καὶ ταῦτα ὡσάνει κατὰ ποιμένας προνοεῖσθε τῆς πόλεως, καὶ ἐξόν αὐτοῖς ὁ τι βούλοιντο κατ' ἰξουσίαν ποιεῖν.

²⁾ Miklosich, Acta, I, 238.

³⁾ Рядомъ съ этимъ патріархъ принимаетъ паламитамъ употребленіе Исусовой молитвы по богословской редакціи (ibid., p. 240).

⁴⁾ Migne, 150, col. 880.

⁵⁾ Miklosich et Müller, Acta Patriarchatus Constantinopolitani, 1, p. 399. Митрополитъ Сиди находится въ Памвотіи, см. *Le Quien, Oriens christianus*, I, p. 996.

къ тремъ патриархамъ антиохійскому, александрійскому, іерусалимскому и сюда на Кипръ о безбожныхъ и многобожныхъ паламитяхъ. Прочитавъ ихъ, мы сочли полезнымъ переписать нѣкоторыя изъ нихъ и отправить къ вамъ, дабы кто нибудь изъ придерживавшихся этой ереси не пришелъ и къ вамъ и не совратилъ съ пути истины. Итакъ, еслибы кто пришелъ къ вамъ, монахъ, или священникъ, или епископъ, бѣгите отъ нихъ и изгоняйте ихъ изъ своихъ предѣловъ. Указавъ существенныя пункты богословскаго ученія Паламы, обличитель характеризуетъ его какъ манихейское, массліанское и иконоборческое ¹⁾.

Целью думать, чтобы напряженная и ожесточенная борьба византійскихъ партій въ XIV вѣкѣ имѣла свои главные основанія въ отвлеченномъ принципѣ, каковымъ представляется толкованіе свѣта Господня Преображенія на Фаворѣ. Вопросъ о фаворскомъ свѣтѣ, какъ можно заключать изъ приведенныхъ обвиненій противъ паламитовъ, былъ только вышнейшею формулой, сущность же заключалась въ дѣйствительной или мнимой связи паламитовъ съ богочинами. Такимъ образомъ, упрекъ, брошенный противъ Паламы со стороны Варлаама, Н. Григоры, патриарха І. Каледи, митрополита Сиди Кирилла и собора епископовъ, очевидно, имѣлъ за собою нѣкоторыя основанія. Мы не беремся утверждать, что враждебная Паламѣ партія была безпристрастна въ оцѣнкѣ направленія его. Весьма можетъ быть, что самъ Палама не повиненъ въ увлеченіяхъ тѣхъ лицъ, которыя прикрывались его именемъ и авторитетомъ. При изученіи этой смутной эпохи никакъ нельзя терять изъ виду того любопытнаго явленія, что главныя силы партій паламитовъ черпала на почвѣ, зараженной богочинствомъ. Впослѣдствіи, будучи уже въ милости при дворѣ и занимая солупскую митрополичью кафедру, Палама на соборѣ 1351 года далъ такое объясненіе по поводу введенныхъ на него обвиненій въ ереси ²⁾. „Не въ словахъ, а въ дѣлахъ я полагаю истину и благочестіе, а веду борьбу изъ-за догматовъ и дѣлъ; пусть согласятся со мной въ существѣ, о выраженіяхъ я не буду спорить. Въ спорахъ нельзя гопяться за точностью выраженій, таковая требуется въ исповѣданіи вѣры. Посему въ составленныхъ мной обличительныхъ словахъ я изложилъ и мое исповѣданіе вѣры, дабы всякому можно было провѣрить главное основаніе спора“. Признаемся, такое заявленіе еще

¹⁾ Miklosch, p. 401: ὁ τῶν Μανιχαίων καὶ Μασσαλιανῶν ἔστι καὶ ἰκονομάχων.

²⁾ Migne, 151, col. 725.

могло имѣть значеніе для собора, на которомъ присутствовали только сторонники Паламы, нисколько не сомнѣвавшіеся въ чистотѣ его вѣры, но при другихъ обстоятельствахъ, когда именно отдѣльными слова и выраженія составляли предметъ спора и разногласія ¹⁾, заявленіе Паламы не могло остаться безъ серьезныхъ возраженій.

Если взглянемъ, далѣе, на характеръ организованной борьбы между церковными партіями той эпохи, то можемъ понять до известной степени, почему воинствующіе паламиты, можетъ быть, и безсознательно, подали руку тому религіозному толку, который исходилъ изъ отрицанія существующаго церковнаго строя. Вотъ какъ отзывались о патріархѣ І. Калекѣ шесть епископовъ, изъ приверженцевъ Григорія Паламы, въ документѣ, поданномъ на имя регентши Анны Палеологъ ²⁾. „Объятый страстью сребролюбія онъ ведетъ себя какъ наемникъ, а не пастырь церкви Божіей, собираетъ золото и серебро для сыновей и дочерей своихъ, открыто торгуетъ свободными каедами, титулами на аукционы и игуменствами, пристрастно рѣшаетъ церковныя дѣла, часто издавая противорѣчные указы по одному и тому же дѣлу; странно и сказать, какъ обращается съ церковною утварью. Освященные на церковное употребленіе сосуды дерко обращаетъ на собственное употребленіе и посредствомъ продажи ихъ извлекаетъ себѣ доходы. Изъ чрезвычайнаго любочестія пренебрегаетъ церковными дѣлами“.

Смута, раздѣлявшая церковь на враждебныя партіи, бросавшія одна противъ другой страшныя обвиненія и отлученія отъ церкви, не прекратилась вслѣдствіе переворота 1347 года, давшаго паламитамъ полное удовлетвореніе. Напротивъ, когда патріархомъ назначенъ былъ приверженецъ Паламы Исидоръ, а самъ Палама получилъ солунскую митрополию, лишивше своихъ мѣстъ епископы партіи І. Калеки составляютъ соборъ ³⁾, предають отлученію Исидора и Григорія Паламу и заявляютъ открытый протестъ противъ существующаго порядка. Дѣянія этого собора подписаны десятью лично присутствовавшими на немъ епископами, да двадцать дали свои подписи послѣ. Здѣсь обращаютъ на себя вниманію крайне рѣзкія выходки противъ Паламы. „Упомянувъ только это имя, говорится въ документѣ, мы уже чувствуемъ потребность очистить умъ и душу: таково это гну-

¹⁾ Существо спора было въ опредѣленіи словъ *ὁμοίως* и *ἀντιόμοιος*.

²⁾ *Migne*, 151, col. 787.

³⁾ *Migne*, 150, col. 882.

свое имя! Онъ уже и прежде былъ подвергнутъ изверженію за святотатство, когда въ обители Перивлента этотъ воръ ободралъ ризы со святыхъ иконъ и воспользовался сосудами изъ-подъ елей, чтобы подобно Іудѣ приобрести сребренники. Онъ, несчастный, не устыдился въ святую пятницу на страстной недѣлѣ принимать ванны для врачеванія своего тѣла и пользоваться пищей и питьемъ вопреки канонамъ и въ соблазнъ бывшихъ тому свидѣтелями монаховъ⁴.

Не будемъ приводить дальнѣйшихъ образцовъ этой рѣзкой полемики, въ которой обѣ партіи одинаково полныны въ чрезмѣрной страстности. Эта полемика скорѣй похожа на памфлетъ и, строго говоря, не можетъ служить хорошимъ матеріаломъ для характеристики партій. Но мы должны вспомнить, что борьбою партій живо интересовалось тогдашнее общество, что обличительныя сочиненія быстро распространялись по всѣмъ областямъ имперіи и что читающая публика усвоила себѣ взгляды обличительной литературы. Партіи, попеременно достигавшія власти, слишкомъ безцеремонно обращались съ тѣми, кому было недоступно знаніе истинныхъ причинъ, возбуждавшихъ и поддерживавшихъ смуту. Для большинства было ясно одно, что патріархъ неправильно поставленъ, что соборы погрѣшаютъ, въ результатѣ получалось общее осужденіе существующаго церковнаго строя.

Полемическая литература, обвинявшая дѣяльцевъ партію въ неправоулавіи, въ неправильныхъ посвященіяхъ, въ захватѣ церковной власти насиліемъ и тиранией, въ сребролюбіи и святотатствѣ, несомнѣнно должна была дать сильный толчокъ существовавшимъ въ Византіи антицерковнымъ ученіямъ. Между этими ученіями первое мѣсто занимала весьма распространенная между греками и славянами Балканскаго полуострова ересь богомиловъ. Пользуясь протестомъ паламитонъ и борьбой церковныхъ партій, въ которой подрывался авторитетъ церковной іерархіи, богомилы, прикрываясь популярнымъ именемъ Григорія Паламы, успѣли дать новое движеніе дѣлу пропаганды и привлекли на свою сторону громадныя массы приверженцевъ.

Для исторіи пропаганды антицерковныхъ ученій въ XIV вѣкѣ сохранились довольно важныя указанія въ греческихъ и славянскихъ памятникахъ. При изученіи относящихся сюда фактовъ мы не могли не остановиться вниманіемъ передъ слѣдующимъ довольно любопытнымъ явленіемъ. Такъ называемая Варлаамова ересь коснулась только верхнихъ слоевъ, то-есть, болѣе образованныхъ классовъ общества,

пониманію которыхъ рационализмъ калабрійскаго монаха могъ быть доступенъ. Что же касается массы необразованныхъ людей и монаховъ, являющихся дѣятельнымъ органомъ пропаганды еретическихъ мнѣній, то здѣсь о философскихъ и богословскихъ элементахъ ученія Варлаама не могло быть и рѣчи. Послѣ 1347 года парламентами часто называли тѣхъ, кого прежде обозначали именемъ паламитовъ, или, правильнѣй говоря, кто воспользовался этимъ именемъ ради популярности его.

Уже давно было замѣчено, что афонскіе энеузіасты, эхиты или омафалосихи, взятые подъ защиту Паламы и подавшіе поводъ къ спору между нимъ и Варлаамомъ, имѣли связь съ богомилами ¹⁾, откуда объясняется оглавленіе обличительнаго сочиненія Варлаама: „противъ массаліанъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что враждебная Григорію Паламѣ партія окрестила именемъ массаліанства или богомильства ²⁾ его направленіе, такъ какъ уже вскорѣ послѣ собора 1341 года оказались такіе приверженцы Паламы, которые проповѣдывали расторженіе брака и вводили стригеніе дѣтей; съ другой же стороны, въ Македоніи, на Аевонѣ, въ Болгаріи и Сербіи стали появляться проповѣдники новыхъ ученій, увлекавшіе массами простой народъ. Житіе Θεοδοσία Терновскаго, представляя прекрасный матеріалъ для исторіи богомильскаго движенія въ XIV вѣкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ тѣсную связь и постоянный общеніи мыслей и направленій между Аеономъ, солунскими и болгарскими монастырями. Даже лучшіе подвижники рѣдко живутъ подолгу на одномъ мѣстѣ, большинство же переходитъ изъ монастыря въ монастырь, и всего чаще—которые были заподозрѣны въ еретическомъ образѣ мыслей. Таковъ монахъ Θεодоритъ, пришедшій изъ Константинополя въ Терновъ, таковы Лазарь и Кирилль. Инокіяи нѣкая, говорится въ житіи, именемъ Ирина, живя въ Солуни, заражена была массаліанской ересью и соvertsала многихъ въ это ученіе. Обращенные ею въ свой толкъ инокии ушли на Аевонскую гору и „на лики раздѣльшися по искъ силтую гору, и зѣло оскорблаху иже тамо сущіи монастыри“. Когда старци святой горы предали ихъ отлученію, двое изъ нихъ отпавились въ Болгарію и явились въ Терновъ. Живнеописатель передаетъ далѣе весьма

¹⁾ Это вмѣстено, между прочимъ, въ изслѣдованіи *Левницкио*, Богомильство—болгарская ересь (*Христіанскос Читаніе*, 1870, № 1, стр. 39).

²⁾ Тождественность терминовъ доказывается Службою Святымъ Седмичисленникамъ (*Русская Беседа*, 1859, II, стр. 131) и Житіемъ Θεοδοσία Терновскаго (*Чтенія въ Им. Обществѣ исторіи и древностей*, 1860, кн. 1).

любопытныя свѣдѣнія объ этихъ еретикахъ. Лазарь былъ скопецъ и открыто обнаруживалъ свое физическое уродство ¹⁾). Кириллъ, по прозванію Босота, распространялъ противоцерковное ученіе: худилъ святныя иконы и святыхъ угодниковъ, пониралъ животворящій крестъ. Кроме того, „сонная мечтанія боговидѣнія быти учаше, женамъ же и мужемъ законнаго брака отступати, и нная таковая многа, скверна же и хульна“. Сотрудникомъ Кирилла является скверный повъ Стефанъ и монахъ Θεодосій; послѣдній, „обходя горы же и холмы“, проповѣдывалъ безбрачіе, разлучалъ женъ и мужей и возстановлялъ противъ церковныхъ уставовъ.

Если мы дадимъ себѣ отчетъ въ главныхъ пунктахъ ученія этихъ проповѣдниковъ массаганской ереси, разносявшихъ ее изъ Срдума на Авоны и съ Авоны въ Болгарію, то найдемъ, что обрѣзаніе дѣтородныхъ органовъ, отрицаніе поклоненія святнымъ и изображеніямъ ихъ, безбрачіе и противленіе уставамъ церковнымъ—суть болѣе выразительныя внѣшнія признаки ереси. Эти признаки могутъ быть дополнены той частью житія, въ которой излагается преніе Θεодосія съ еретиками на соборѣ. Именно вопросы прендобнаго Θεодосія имѣютъ важныя интересы съ точки зрѣнія догматическихъ и метафизическихъ основъ вѣроученія еретиковъ. Такъ, Θεодосій спрашиваетъ: „что есть новое сіе и внѣ церковнаго чина ваше ученіе“? Еретики отвѣчаютъ: „мы проповѣдуемъ не нами изобрѣтенное ученіе и не внѣ церковнаго чина, но основываемся на евангельскомъ и апостольскомъ ученіи“. Слова „внѣ церковнаго чина“ имѣютъ здѣсь главное значеніе, что объясняется послѣдующими мѣстами составленія. Еретики выставляютъ, что они возлюбляли нищету и молитву и хранили *слово жизни*. Θεодосій, сводя споръ къ конкретнымъ фактамъ, перечисляетъ противоцерковныя дѣянія еретиковъ: 1) самовольное принятіе на себя священническаго и діакоискаго сана помимо епископскаго рукоположенія; 2) усвоеніе себѣ права учительства; 3) проповѣдь о безбрачій и обрѣзаніи ²⁾). Но всего любопытнѣе мѣста составленія, касающіяся метафизическихъ воззрѣній еретиковъ. Сюда относятся признаніе двухъ началъ въ твореніи или дуализмъ мавихеевъ

¹⁾ Ходящи нагъ иъ весь градъ, на срамныхъ же удѣхъ тмиу пошаше, тоу покрывашесе, страненъ и грозенъ поворъ всѣмъ врящамъ, и дѣтороднымъ удохъ, ихъ же чадородія ради Богъ человекомъ дарова, самъ казнитель.

²⁾ Кто повелѣи намъ учити отступати людемъ законнаго брака, иже руднаго дѣла дѣлати и дѣтородныи уди обрѣзовати? Кто васъ научи сонная мечтанія боговидѣнія творити?

и павликианъ¹⁾, отверженіе церковнаго строя и таинствъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „который бѣсъ науча васъ похирати святаго яконы и животворищій крестъ и прочіе священныя сосуды; еще же и святымъ тайнамъ яко просто причащагися хлѣбу“...

Приводимыя въ житіи Θεодосія данныя къ характеристикѣ еретиковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что съ Аеоны и изъ Македоніи приселено было въ Болгарію подпольное ученіе богомиловъ, а это въ свою очередь вновь подтверждаетъ ту мысль, что нестроеныя византійской церкви всего больше воспользовались богомилы²⁾. Впрочемъ, и въ сознаніи составителя житія Θεодосія главное зло того времени было именно въ богомильствѣ, что видно изъ предсмертныхъ словъ преподобнаго къ своимъ ученикамъ: „бѣгати яко же лѣпо есть богомильскія, сирѣчь массалианскія ереси, по сихъ же варлаамовой и акиндиновой, и сгорановой, и аванасіевой ереси“. Не можемъ не рекомендовать особенному вниманію приведенную редакцію обличенія болгарскихъ еретиковъ, потому что она во многомъ напоминаетъ обличенія, составленныя вскорѣ затѣмъ противъ появившихся въ Россіи еретиковъ.

Другой путь распространенія противокерковныхъ ученій намѣчается изъ Аеоны и Македоніи въ Сербское царство. Здѣсь на помощь богомильству шли политическія притязанія царя Стефана Душана; въ связи съ этими притязаніями проливается яркій свѣтъ на роль Григорія Паламы въ политической жизни южныхъ славянъ.

Лѣтомъ 1346 года Стефанъ Душанъ занятіемъ города Сереса проложилъ себѣ путь къ господству въ Македоніи; съ этихъ поръ замѣтно у него опредѣленное направленіе распространити свою власть по всему Балканскому полуострову и провозгласитъ себя царемъ ромеевъ³⁾. Въ апрѣлѣ 1346 года произошло вѣнчаніе на царство и

¹⁾ „Откуда дерзаете глаголати: два начала суть, едно убо благо, другое же зло... который убо бѣсъ пошепта вамъ естественнымъ страстямъ дати вѣщаніе; или естество наше рабу быти бѣсомъ“? Что текстъ въ этомъ мѣстѣ неопределенъ, можно видѣть изъ опроверженія преподобнаго Θεодосія: „тамъ же небу и земли и всей твари хитрецъ и содѣтель есть Богъ“. Сравни прѣднѣ Іларіонъ Меглинскаго (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, IX, 145).

²⁾ Позволимъ себѣ сдѣлать догадку, что и такъ называемая жидовская ересь въ Болгаріи, о которой говоритъ житіе (стр. 7—8), не представляетъ никакихъ чертъ, по которымъ бы можно было видѣть въ ней отличное отъ богомильства ученіе.

³⁾ Т. Д. Флоринскаго, Южные славяне и Византія въ XIV в., II, стр. 106 и слѣд.; Сремъковичъ, Исторія сръпскаго народа, II, стр. 483, 487.

принятіе титула царя сербовъ и грековъ. Дополненіемъ къ этому политическому дѣянію была организація сербской церкви въ независимый отъ Византіи патріархатъ. Предпринимая эти политическія и церковныя реформы, Стефанъ Душанъ долженъ былъ искать опоры въ греческомъ духовенствѣ и въ старцахъ Аѳонской горы. Обиліе выданныхъ имъ въ это время жалованныхъ грамотъ показываетъ, какъ онъ щедро вознаграждалъ своихъ приверженцевъ. Въ декабрѣ 1347 года Душанъ лично посѣтилъ Аѳонъ и провелъ здѣсь четыре мѣсяца, всюду расточая знаки вниманія и дѣлая богатыя приношенія въ монастыри. Несомнѣнно, что сербскимъ царемъ руководила въ этомъ отношеніи политическая цѣль поколебать на Балканскомъ полуостровѣ авторитетъ греческой власти и утвердить симпатіи къ основанному имъ Сербскому царству и патріаршеству ¹⁾. Популярное на Аѳонѣ и въ Македоніи имя Григорія Паламы имѣло нѣкоторое значеніе въ пладахъ Душана. Въ похвалѣ, принадлежащей Филоею ²⁾, есть любопытное мѣсто, посвященное сношеніямъ Душана съ Паламой. Оказывается, что послѣдній былъ также на святой горѣ въ 1347 году. Аѳонскіе монахи радостно приняли давно желаннаго и отъ источника рѣчей его ежедневно утоляли жажду, какъ бы отъ нѣкоего божественнаго нектара, и очень желали удержать его у себя, да и самъ онъ не чуждъ былъ этой мысли въ ожиданіи, пока не утихнетъ смута и не устранина будетъ аномалія. Тогда же и сербскій король Стефанъ, пришедши на Аѳонскую гору, — ибо междоусобная ромейская смута дала возможность тому королю завладѣть немалой частью имперіи, — увидѣвшись съ великимъ архіереемъ, вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Давно уже слышавшись объ немъ, теперь при свиданіи онъ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы привлечь къ себѣ этого мужа и побудить его къ переходу въ свою имперію ³⁾. И чего только онъ говорилъ, какіихъ обѣщаній ни давалъ, чтобы достигнуть своей цѣли! Когда же всѣ его убѣжденія не привели ни къ чему, приступилъ къ нему съ другою настойчивою просьбой, чтобы онъ отправился въ Константинополь въ качествѣ посла его къ царямъ. Но это было только предлогомъ для достиженія другой тайной цѣли, ко-

¹⁾ Сремьковичъ, II, 516.

²⁾ *Migne*, 151, col. 614.

³⁾ *Ibid.*, col. 615: ὁ τῶν Τριβαλιῶν ἄρχων Στέφανος... δεσποτικῶς καὶ τοῦ θεοῦ ἐπιβίβας ἦρος τότε, ἐπεὶ καὶ τῇ μεγάλῃ τῷδε ἀρχιεραὶ συγγεγονῶς εἰς ὀμίλιαν ἦλθε καὶ λόγους, παλαι ποθῶν ἐκ τῆς φήμης, πρῶτα μὲν ἰδαίτο καὶ παντοδαπός τις ἦν εἰς αὐτὸν ἐπαχούσασθαι, καὶ πρὸς τὴν ἰδίαν ὄρχην μεταβαίνειν τὸν ἄνδρα.

торая заключалась въ томъ, чтобы удалить Паламу изъ новопріобрѣтенной имъ области имперіи, такъ какъ зналъ его за человѣка преданнаго Ромейскому царству и могущаго легко снова вознестись въ тамошнихъ жителяхъ пламя расположенія къ царямъ¹⁾... Употребляя всаческія средства привлечь къ себѣ этого великаго мужа, король сербскій къ упомянутымъ доводамъ присовокуплялъ и другіе, „что греки постыдно преслѣдуютъ его, не позволяя ему вступить на его каедру, если же онъ согласился на его предложенія, то ему предоставлены будутъ во власть города и церкви и цѣлыя области и онъ обогащенъ будетъ громадными съ нихъ доходами“.

Въ той же похвалѣ Филовея²⁾ отмѣченъ эпизодъ, относящійся къ 1351 году и еще разъ свидѣтельствующій о сношеніяхъ Паламы съ Душавомъ. Похвальному эпизодъ подробно излагается въ современныхъ историческихъ трудахъ Кантакузина³⁾ и Н. Григорія⁴⁾ съ той лишь особенностью, что ни у того, ни у другаго нѣтъ намека на Паламу. Въ началѣ 1351 года готовилась междоусобная война между І. Кантакузиномъ и зятемъ его царемъ І. Палеологомъ. Послѣднiго находимъ тогда въ Солуни занятымъ организациею своей партіи. Между Палеологомъ и Душавомъ состоялось тайное соглашеніе, о важности котораго можно судить уже по тому, что послѣдній для этого лично прибылъ въ окрестности Солуни. Вовервиыхъ, дѣло шло о брачномъ союзѣ между домами І. Палеолога и Стефана Душана; вторыхъ, о политическомъ и военномъ союзѣ противъ Кантакузина. Предполагалось, что Палеологъ разведется съ женой своей Еленой, дочерью Кантакузина, и женится на сямченицѣ Душана, болгарской царевнѣ. Во время этихъ переговоровъ и случился эпизодъ, отмѣченный въ похвалѣ Григорію Паламѣ. Тогда онъ прибылъ на кораблѣ въ Солунскую гавань, но царь І. Палеологъ не нашелъ возможнымъ впустить его въ городъ, такъ что святой принужденъ былъ отправиться обратно на Афонъ⁵⁾. Составитель похвалы даетъ этому такое

¹⁾ Ibid.: οὐδὲ γὰρ ἐξοόλετο ἡ πατὴρ καὶ κραδαινομένῳ ἔτι τῆς τῶν Ῥωμαίων γῆς τὴν ἀρχὴν κλητῆμένους, τὸν μάγαν ἐκείνον παρ' ἐκείνη κλητῆσθαι, ζωπορον οἰονεὶ τῆς βασιλείας ὄντα Ῥωμαίων, καὶ ράστα δυνάμενον τὴν πρὸς ἐκείνους τῆς ἐκκοίας τῶν οἰκείων αὐθις ἀνάψαι φλόγα...

²⁾ *Migne*, 151, col. 623.

³⁾ III, p. 201—209, lib. IV, c. 27.

⁴⁾ p. 148, lib. XLVII, c. 27.

⁵⁾ *Migne*, 151, col. 623: ὡς γὰρ τῷ τῆς πόλεως προέστην λιμένι, κακείνης ἡδέως καὶ ἂν εἴποις ἐμῶν ἐπιβαίνων, βασιλεὺς τὴν εἰσοδὸν ἐκείνους ἀπέργει.

объясненіе, что присутствіе Паламы могло бы стѣснить Палеолога, такъ какъ хотя онъ и велъ со Стефаномъ какіе-то переговоры, но на самомъ дѣлѣ замышлялъ противъ него обманъ и боялся, чтобы его тайны наміренія не разоблачились раньше времени ¹⁾. Въ дѣйствительности этотъ домысль о притворствѣ и наизъренномъ желаніи обмануть въ данномъ случаѣ Душана ничѣмъ не можетъ быть подтвержденъ. На самомъ дѣлѣ соглашеніе имѣло мѣсто, и планъ возстанія противъ Кантакузина не только серьезно обдумывался въ Солуни, но и возбуждалъ большія опасенія въ Константинополѣ. Если онъ не осуществился, то не послѣдствіе двойной игры Палеолога, а энергичныхъ мѣръ Кантакузина, который заставилъ отправиться въ Солунь царицу Анну, мать Палеолога, чтобы остановить замышляемое междоусобіе. И только благодаря вышнательству послѣдней, не состоялся задуманный планъ союза съ Душаномъ ²⁾. Итакъ, приводимое авторомъ похвала объясненіе, почему Палеологъ не выпустилъ Паламу въ Солунь, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Вдумываясь, однако, въ слова его, мы должны приять, что съ его точки зрѣнія присутствіе Паламы въ Солуни могло повредить именно успѣху той двуличной политики, которую велъ Палеологъ. А это могло случиться при томъ предположеніи, о которомъ, впрочемъ, авторъ умалчиваетъ, что Палама могъ отдать предпочтеніе интересамъ Душана и пожертвовать выгодами Палеолога. Если наше заключеніе можетъ быть безъ натяжки выведено изъ словъ Филооен, то въ этомъ получится новое доказательство значенія Паламы въ славянскихъ земляхъ.

Пропаганда противъцерковныхъ ученій, получившая новый вышній матеріалъ и благоприятную почву для своего распространенія въ византійскихъ церковныхъ партіяхъ, не остановилась въ Болгаріи и Сербіи. Тѣ же самые посредники изъ бродячаго монашества, которые разнесли массалианскую или богонильскую ересь по Авоу, Македоніи, Болгаріи и другимъ славянскимъ землямъ, могли распростра-

¹⁾ τῆς μὲν πρὸς τὸν χηδεστὴν τε καὶ βασιλεὺς διαστάσεως ἤδη μελετωμένης, συνθηκῶν δὲ τινῶν καὶ λόγων οὐκ οἶδ' ὄντων οὐδὲν ἄν καὶ φαίην πρὸς τὸν προβήθηέντα τὸν τριβάλλων ἀρχιερεὶ Στέφανον τηλικαῦτα τῷ βασιλεὶ κοινουμένων, δι' αὐτοῦ καὶ τῷ τοῦ Θεοῦ ἀρχιερεὶ τὴν κερσοὶν ἀποκλείει... μὴ καὶ δόξῃ πλάττωσθαι τὰς συνθήκας τὰς πρὸς ἑαῖνον καὶ ἀπίτην τινὶ συσχεοῦσθαι, ὃ δὲ καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἦν...

²⁾ enl. 624: μνησὼν γὰρ μεταξὺ παρρηρόντων τρισῶν, καὶ ἡ θαυμαστὴ καὶ φιλόχριστος βασιλεὺς ἐπιστάσα φρονήματι γενναίῳ τε καὶ βασιλικῷ, καὶ τὰς τοῦ υἱοῦ καὶ βασιλέως πρὸς τὸν Στέφανον διαρρήγνους συνθήκας ἑκαίνας, μᾶλλον δὲ τὰ τῶν συνθηκῶν ἰνδάλματα καὶ τὰς προσηγορίας.

нить ее и далѣе. То обстоятельство, что на первыхъ порахъ имя Паламы связывало было съ протестомъ противъ церковнаго строя и существующей іерархіи и что онъ выступалъ въ защиту исихастовъ и омпалопсиковъ, въ которыхъ можно было усматривать видъ богомилскаго толка,—такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Варлаамъ и партія І. Калеки,—придало особенную силу и напряженіе антицерковному движению. Перенесено ли было это движенье прямо на сѣверъ Россіи, объ этомъ судить не беремся; мы предполагаемъ доказать лишь тожество того антицерковнаго движенья, которое извѣстно подъ именемъ ереси стригольниковъ, съ разсмотрѣннымъ выше византійскимъ и болгарскимъ, оставляя пока открытымъ вопросъ о средствахъ и путяхъ перенесенія его въ Псковъ и Новгородъ.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на самомъ имени еретиковъ русскихъ. У насъ принято объяснить названіе „стригольники“ отъ мастерства и занятія Карпа, основателя ереси. Въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоколамскаго сказано: „пѣкто бо бысть человекъ гнусный и скверныхъ дѣлъ исполнень, именовъ Карпъ, художествомъ стригольникъ“. Какъ бы мы ни толковали означенное слово, во всякомъ случаѣ было весьма рѣдкимъ въ исторіи религиозныхъ учений и сектъ явленіемъ, чтобы названіе занятія или ремесла, какому предавался ересеучитель, перешло на основанную имъ секту. Предвзятое и въ сущности не оправдываемое ближайшими къ тому времени памятниками толкованіе термина стригольники въ смыслѣ ремесла Карпа объясняетъ многое въ состояніи господствующихъ у насъ взглядовъ на самую ересь, на основныя возрѣнія еретиковъ и на происхожденіе вѣроученія ихъ. Если отрѣшиться отъ обыкновеннаго толкованія слова стригольникъ и взглянуть на него не какъ на ремесло или занятіе, а какъ на отличительный и наиболѣе характерный признакъ секты, тогда значительно расширится поле изслѣдованія и получатся опредѣленныя точки соприкосновенія между загадочной русской ересью и антицерковными ученіями, которыми мы доселѣ занимались.

Въ немногочисленныхъ русскихъ извѣстіяхъ объ ереси употребленіе термина стригольникъ должно быть толкуемо въ смыслѣ характеристики секты, а не искусства или ремесла Карпа, что, поводятому, и было доказываемо на второмъ археологическомъ сѣздѣ проф. М. И. Горчаковымъ по поводу реферата о томъ же предметѣ П. С. Тихоуравова¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, такія выраженія, какъ „смотрите

¹⁾ Труды II Археол. Сѣзда, вып. 2, стр. 39. Говоримъ, поводятому, потому что въ протоколѣхъ мысль проф. Горчакова изложена довольно темно.

же стригольницы, но паче еретикъ¹⁾, или еще: „завистію бо стрѣзавши вы, стригольницы, востаете на святителя и на поповъ“²⁾, не могутъ не вѣнчать мысли, что здѣсь стригольничекъ употреблено въ другомъ смыслѣ. Чѣмъ, напрямикъ, портной, рыбакъ, кузнецъ или названіе какого либо другаго мирнаго и полезнаго въ общежитіи занятія. иначе бы теряло смыслъ сопоставленіе выраженной еретикъ и востающей противъ церковной іерархіи съ обозначеніемъ самаго безобиднаго ремесла. Значеніе слова стригольничекъ, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворительно объясняется изъ слѣдующаго мѣста грамоты новгородскаго архіепископа Геннадія³⁾. „А по Захара есмь посылалъ того для: жаловались мнѣ на него чрънца, *перестригъ* ихъ отъ князя Федора отъ Бѣльскаго, да причастія три годы не давалъ. И какъ азъ его призывалъ да почалъ спрашивать: ты о чемъ же еси *перестригъ* дѣтей боярскихъ, да отъ государя еси ихъ отвелъ, а отъ Бога отлучилъ? И онъ ту свою ересь явилъ“⁴⁾. И азъ позналъ, что *стригольничекъ*, да велѣлъ есмь послати его въ пустыню... А вѣдь то о немъ вѣхто нечеловался: а чему *тогда стригольничекъ* (вѣдомъ) великому князю? Приведенное мѣсто въ высшей степени важно для рѣшенія поставленнаго нами вопроса по употребленію словъ „*перестригъ*“ и потому, что Геннадій убѣдился въ принадлежности Захара къ сектѣ стригольничковъ тогда, когда послѣдній *явилъ ему свою ересь*, то-есть, изложилъ взглядъ свой на церковную іерархію. Отсюда мы должны заключать, что стригольничья получили свое имя *отъ обряда посященія въ ересь*, отъ способа приведенія въ вѣру, усвоеннаго этою сектой⁵⁾. Если же псковскіе и новгородскіе стригольнички отличались такимъ выразительнымъ внѣшнимъ признакомъ, то естественно поискать сближеній между ними и византійскими и болгарскими *стригольничками*.

Какъ ни скудны извѣстія о русскихъ стригольничкахъ, въ нихъ

¹⁾ Поученіе русскаго епископа Стефана, въ *Русской Историч. Библ.*, т. VI, стр. 216, 218.

²⁾ Русская Историч. Библиотека, VI, стр. 779—780.

³⁾ Захаръ не признаетъ церковной іерархіи, отрицаетъ законность рукоположенія поповъ, митрополита и патриарха.

⁴⁾ Въ посланіи патриарха Антонія (Акты историческіе, I, № 6) занятіе и положеніе Карпа опредѣляется совершенно иначе: „валеше соблазнитеса въ время оного Карпа, *діакона* отлученаго отъ службы, *стригольничка*“. Итакъ, Карпъ изъ діаконствъ сдѣлался стригольничкомъ. Слѣдовательно, ересь могла бы усвоить себя имя діаконства, еслибы въ названіи ея играло роль предыдущее занятіе или положеніе епископа.

же же можно находить достаточныя указанія въ подтвержденіе выставленнаго нами положенія. Прежде чѣмъ перейти къ анализу обрядовыхъ и догматическихъ чертъ, подмѣченныхъ у стригольниковъ, позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Характеризующія стригольниковъ черты, отмѣченныя въ источникахъ, не могутъ претендовать на строгую точность, такъ какъ не составляютъ результата изученія еретическихъ обрядовъ и вѣроученія. Еретикамъ естественно было скрывать свое ученіе, и потому въ современныхъ памятникахъ обличительнаго характера могли остаться или внѣшнія черты ереси, или вообще случайно подмѣченныя церковной властью. Главныя и основныя черты не отдѣлены отъ такихъ, которыя составляютъ логическое заключеніе или практической выводъ изъ первыхъ.

Весьма вѣроятно, что немногочисленность и случайность наблюдений, относящихся къ ереси стригольниковъ, служатъ причиною того обстоятельства, что въ нашей литературѣ эта ересь остается довольно блѣднымъ и мало выясненнымъ явленіемъ до такой степени, что не известно ни существо ея въ смыслѣ вѣроученія, ни обстоятельства происхожденія.

Относительно происхожденія ереси большинство нашихъ церковныхъ историковъ держится того мнѣнія, что это есть туземное русское явленіе, и видятъ причины распространенія ереси въ особенныхъ обстоятельствахъ церковной жизни Новгорода и Пскова. Таковъ взглядъ Руднева ¹⁾ и преосвященнаго Филарета ²⁾. Точно также и преосвященный Макарій говоритъ о стригольникахъ, какъ о плодѣ своего времени и произведеніи русской почвы ³⁾. При такомъ взглядѣ естественно переносить центръ тяжести изученія въ мѣстныя церковныя безпорядки и нестроенія или даже искать поводовъ къ обнаруженію ереси въ личныя отношенія діаконовъ Карпа и Никиты ⁴⁾. Нѣсколько расширяется взглядъ на предметъ въ монографіяхъ профессора Никитскаго, посвященныхъ внутренней исторіи Пскова и Новгорода ⁵⁾. Въ очеркѣ по исторіи Пскова, авторъ ста-

¹⁾ Разсужденіе о ересахъ и расколахъ, Москва, 1838, стр. 85; по его мнѣнію, исторія не представляетъ намъ никакихъ слѣдовъ чужеземнаго вліянія на образованіе ученія стригольниковъ.

²⁾ Исторія Русской церкви, Харьковъ. 1849, II, стр. 70.

³⁾ Исторія Русской церкви, изд. второс, IV, стр. 160.

⁴⁾ У преосв. Макарія, IV, стр. 161—162.

⁵⁾ Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, С.-Петербургъ, 1873, стр. 228 — 231; Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, С.-Петербургъ, 1879, стр. 146.

вить ересь стригольниковъ въ связь съ богомильствомъ,—мысль счастливая, но, не будучи обставлена историко-литературными доказательствами, она не оказала вліянія на дальнѣйшее развитіе вопроса о стригольникахъ. И что въ особенности любопытно, тотъ же авторъ, возвращаясь къ стригольникамъ во второй своей монографіи, не сопоставляетъ ихъ уже съ богомилами, а удовлетворяется анализомъ мѣстной церковной жизни, которая вызвала къ бытію ересь. „Ближайшимъ исходнымъ пунктомъ ереси стригольниковъ послужилъ собственно только одинъ изъ видовъ владычныхъ поборовъ... и именно изда за ставленію“. Но какъ строгій изслѣдователь, проф. Никитскій не могъ не замѣтить, что вѣроученіе стригольниковъ не объясняется изъ указаннаго имъ исходаго пункта, почему оно и осталось для него совершенно темнымъ ¹⁾, какъ можно видѣть въ приведенномъ подѣ строкой мѣстѣ.

Новую точку зрѣнія въ разсматриваемый вопросъ привноситъ взглядъ проф. Н. С. Тихонравова ²⁾. Вонервыхъ, въ разсужденіи мѣстныхъ и временныхъ условій происхожденія ереси онъ приписываетъ важное значеніе подѣтившему Русскую землю мору. „Язва, говоритъ онъ, извѣстная подѣ именемъ черной смерти, особенно сильно свирѣпствовала въ Новгородѣ и Псковѣ; въ этихъ же мѣстахъ появилось и развилось ученіе стригольниковъ“. Вонторыхъ,—и въ этомъ оригинальность теоріи,— проф. Тихонравовъ находитъ параллель между стригольниками и нѣмецкими крестовыми братьями. „Въ 1349 году черная смерть страшно опустошала Германію. Въ томъ же самомъ году во всей Германіи таятся толпы еретиковъ, которые призываютъ всѣхъ къ круговому общественному покаванію. Эти еретики извѣстны подѣ именемъ крестовыхъ братьевъ. Сущность ученія нѣмецкихъ еретиковъ совпадаетъ во всѣхъ рѣшительно вунтахъ съ русскими стригольниками... Какъ и русскіе стригольники, нѣмецкіе крестовые братья проповѣдывали равенство и ненависть къ духовенству, нападали на користолюбіе духовенства“. Наконецъ, Д. И. Иловайскій ³⁾, объясняя ересь стригольниковъ мѣстными условіями, ука-

¹⁾ Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 146—147: „въ дальнѣйшемъ вышъчается склонность къ мудрствованію въ вопросахъ чисто религиозныхъ. Сюда относится критическое обращеніе въ евангеліи, апокалипсисы и отеческими свидѣтельствами и книгъ бы яризаніе чистаго деизма (?), ибо стригольники называли своихъ отцовъ Бога, который на небесахъ“.

²⁾ Труды II Археологическаго Съезда, выпускъ 2, стр. 35 и слѣд.

³⁾ Исторія Россіи, т. II, стр. 407—408.

зываетъ и другую струю въ нихъ вѣроученіа. „Въ своихъ религіозныхъ умствованіяхъ она, на подобіе саддукеевъ, дошла до отрицанія будущей жизни. Такимъ образомъ, въ ихъ ученіа отразилась примѣсь разныхъ греко-восточныхъ сектъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и болгарскаго богомилства“.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что вопросъ о происхожденіи ереси стригольниковъ остается въ русской наукѣ не разрѣшеннымъ. Если нестроенія въ новгородской и исковской церкви и мѣстныхъ условія владычнаго суда, пошливъ и мзды за ставленіе дѣйствительно подкупають въ пользу такой простой и натуральной мысли, что въ стригольникахъ выразился протестъ противъ безпорядковъ мѣстной церковной администраціи, то весь вопросъ сводился бы къ тому, чтобы отиѣченныя современниками черты ученія стригольниковъ объяснить изъ этихъ временныхъ и мѣстныхъ условій. Что далеко не все, однако, можно объяснить такимъ путемъ, видно уже изъ попытки искать аналогій на западѣ и на юго-востокѣ. Позволяемъ себѣ думать, что въ литературѣ о стригольникахъ недостаточно обследованы основные источники, изъ которыхъ заимствуются свѣдѣнія.

Самой выразительной чертою въ ученіи стригольниковъ, несомнѣнно пужно признать протестъ противъ существующаго церковнаго строя. Но при обсужденіи этой стороны дѣла мало обращено было вниманія на то обстоятельство, что русскіе еретики протестуютъ не противъ московской или новгородской церковной власти, но вообще противъ церкви и,—что въ особенности нельзя оставлять безъ вниманія,—противъ вселенской церкви. Слѣдуетъ думать, что мѣстныя нестроенія и безпорядки могли бы сопровождаться протестомъ частнаго и болѣе конкретнаго характера, здѣсь же мы видимъ протестъ по принципу, протестъ, абсолютно отвергающій церковную іерархію. „Вся еретики мняще святителя и священники и вся клирики и прочая люди христіани, себе же токмо правовѣрныхъ мняще“¹⁾. Въ этихъ словахъ отрицаніе идетъ гораздо глубже, чѣмъ это обыкновенно принимается: не только церковная іерархія, но и само христіанство подвергается здѣсь колебанію. И, конечно, такое принципиальное отриваніе никакъ не можетъ быть истолковано, какъ протестъ противъ мѣстныхъ церковныхъ нестроеній. Въ поученіи епископа Стефана²⁾ тотъ же самый принципъ отрицанія выраженъ такъ:

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, VI, стр. 191 (Грамота патріарха Нила).

²⁾ Русская Историческая Библиотека, VI, стр. 214.

„и оклеветать (то-есть, стригольникъ) весь вселенскій соборъ, патріарховъ и митрополитовъ, и епископовъ, и игуменовъ и поповъ, и весь чинъ священнический, яко не по достоянію поставлени“¹⁾. Нельзя не согласиться, что это былъ бы слишкомъ большой скачокъ, еслибы псковскій діаконъ изъ-за мѣстныхъ безпорядковъ вооружился на вселенскій соборъ, на патріарховъ, то-есть, не противъ мѣстныхъ и временныхъ ненормальныхъ явленій въ новгородской или московской церкви, а противъ вселенской церкви. А между тѣмъ главное положеніе нашихъ еретиковъ именно и заключалось въ непризнаніи общихъ принциповъ: „недостойнъ есть патріархъ, недостойни суть митрополити“²⁾. Нельзя далѣе сказать, что еретики ничего не давали на мѣсто отрицаемаго ими церковнаго строя. Вѣсто officialнаго священства они выставляли начало правоспособности каждаго быть учителемъ, полагая въ учительствѣ всю задачу священства. И это начало довольно рельефно выставлено въ обличеніяхъ на ересь „Завистию бо стрѣзими“³⁾ вы, стригольники, востаете на святителя и на поповъ, сами себя хотяще прехватити честь. Изучисте словеса княжная, яже суть сладка слышати крестьяномъ, и поставистесь учителяи народомъ“. Если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ той принципиальной мысли, которой держались стригольники, то-есть, если поймемъ, что они отрицали христіанскую церковную іерархію, то въ нашихъ глазахъ получаютъ второстепенное значеніе тѣ черты, которыми въ обличительныхъ сочиненіяхъ рисуется современное духовенство. Что духовныя лица суть нѣяници, дядя и нѣють съ нѣяницами, взимають отъ нихъ злато и серебро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ, что оны любостяжательны и корыстолюбивы,—развѣ это не общія черты, которыя примѣнимы ко всякому мѣсту и времени? И развѣ неимѣніе подобныхъ недостатковъ обратило бы въ духовенству симпатіи стригольниковъ? :

Хотя и не такъ отчетливо въ обличительныхъ сочиненіяхъ налѣчается, однако же, мотивъ самаго протеста еретиковъ противъ церковной іерархіи. Этотъ мотивъ коренится въ метафизическихъ воззрѣніяхъ и можетъ быть выведенъ на основаніи сопоставленія въ которыхъ мѣсть поученія епископа Стефана и посланія митрополита Фотія³⁾. Въ послѣднемъ, между прочимъ, читается слѣдующее мѣ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 217.

²⁾ Тамъ же, стр. 218.

³⁾ Тамъ же, стр. 484—485.

сто: „А какъ ми пишете о тѣхъ помянутыхъ, что како тѣ стригольники отпадающе отъ Бога и на небо взирающе бже, тамо Отца собѣ нарицають. а понеже бо самыхъ того истинныхъ евангельскихъ благовѣстей и предавей апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе, но како смѣють, отъ земли къ воздуху зряще, Бога Отца собѣ нарицающе, и како убо могутъ Отца собѣ нарицати... И которіи тѣ стригольники отъ своего заблужденія не имуть чистѣ вѣровати православія истиннаго, ни къ Божьимъ церквамъ, къ небу земному, не имуть быти прибѣгающе, и на показаніе къ своимъ отцемъ духовнымъ не имуть приходити... удалите себе отъ тѣхъ“... Въ этомъ свидѣтельствѣ затронута весьма существенная черта догматики стригольниковъ, но затронута вскользь, поверхностно, такъ что лишь по нѣкоторымъ случайнымъ выраженіямъ аргументаціи митрополита Фотія можно догадываться о сущности вопроса. Стригольники признавали Богомъ не творца неба и земли, а только небеснаго отца, что видно какъ изъ подчеркнутыхъ нами словъ, такъ и изъ опроверженія на нихъ Фотія „и се пакы и по божественному писанію вѣсте отъ апостолъ, еже Богъ нашъ на небеси и на земли“. Называя Богомъ творца высшаго надземнаго міра, стригольники, очевидно, приписывали земное строительство не Богу, а другому началу, отсюда отрицательное отношеніе ихъ къ земной церкви, также отриценное у Фотія въ слѣдующихъ словахъ: „ни къ божьимъ церквамъ, къ небу земному, не имуть быти прибѣгающе“. Аргументація Фотія направлена, конечно, противъ опредѣленной дуалистической системы, признающей два начала къ творенію, и при томъ эта аргументація вполне напоминаетъ споръ Θεодосія Терновскаго съ болгарскими богосилами, который также противъ еретиковъ выставлялъ положеніе: „тѣмъ же небу и земли и всей твари хитрецъ и содѣтель есть Богъ“. Въ житіи Иларіона Меглинскаго ¹⁾ такъ формулируется занимающее насъ воззрѣніе: „како убо мы благаго Бога глаголюще содѣтеля быти небеси, земля же и иже на ней много быти творца лукава мудрствующе, вы же не покараетесь?“

Намѣченныя въ посланіи Фотія черты находятъ себѣ однородныя указанія въ поученіи епископа Стефана. Этотъ послѣдній документъ несомнѣнно долженъ быть признанъ лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ ересью стригольниковъ. Метафизическія основы ереси выдвинуты въ немъ на передній планъ. Какъ въ древности чрезъ

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Летописей, IX, стр. 145.

посредство змѣи дѣяволѣмъ введена была клевета на Бога предъ Адамомъ, что Богъ изъ зависти и по зложелательству воспреталъ вкушеніе древа разумнаго ¹⁾, такъ и нынѣ ересеучитель Карлъ отълекаетъ людей отъ вкушенія древа животнаго, то-есть, причащенія: „стригольнякъ противно Христу повелѣваетъ, яко отъ древа животнаго отъ причащенія удалитися, яко древо разумное показася имъ писаніе книжное, еже и свиса на помощь ереси своей“. Главный пунктъ, на который направлено начало поученія Стефана, есть ученіе о таинствѣ причащенія: это ясно усматривается изъ приводимыхъ текстовъ и изъ опредѣленія словъ „древо животное“ и „древо разумное“. Отрицаніе таинства причащенія мотивируется у стригольняковъ не тѣми же причинами, какими непризнание церковной іерархіи и обрядности. Можно догадываться, что стригольники давали иное толкованіе нѣкоторымъ словамъ установленія таинства евхаристіи, почему въ поученіи Стефана и приведены выраженія стригольника вслѣдъ за текстомъ: ядый мою плоть... и аще ли не съѣсте плоти Сына Человѣческаго... Если стригольники на мѣсто древа животнаго выдвигали древо разумное и подъ этимъ послѣднимъ разумѣли писаніе книжное, то едва ли мы ошибемся, сказавъ, что существо дѣла заключалось здѣсь въ новманіи словъ установленія евхаристіи не въ смыслѣ тѣла и крови, а въ смыслѣ ученія Христа. Вообще относящіяся до таинства причащенія мѣста обличеній нужно толковать въ связи съ богемильскимъ на этотъ вопросъ ученіемъ ²⁾.

Если въ основѣ метафизическихъ воззрѣній стригольняковъ было начало дуализма, слѣды котораго сохранены въ посланіи Фотія, то нельзя не обратить вниманія на тѣ выраженія поученія епископа Стефана, гдѣ мотивомъ противоцерковныхъ мнѣній представляется *зависть*. Какъ извѣстно, начало зависти при актѣ творенія играетъ главную роль въ дуалистическихъ сектахъ. Въ особенности хорошо объясняются изъ метафизическихъ воззрѣній тѣ отношенія стригольняковъ къ церкви и ея обрядамъ, въ которыхъ попреимуществу принято усматривать черты времени и мѣста. Сюда относятся слѣдующее: „недостойтъ надъ мертвыми пѣти, ни поминати, ни службы

¹⁾ „Не того дѣла возбранилъ тебѣ Богъ ясти отъ древа разумнаго, дабы еси умерлъ, но того дѣла возбранилъ тебѣ Богъ, дабы еси не разумѣлъ ни добри, ни зла. Послушай мене: не язь отъ древа животнаго, но язь отъ древа разумнаго“.

²⁾ Какъ это, напримѣръ, видно изъ Житія Феодосія Терновскаго; ср. *Dollinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters*, I, 18 и др.

творити, ни принося за умершаго приносить въ церкви, ни паровъ творити, ни милостыни давати за душу умершаго". Нельзя, конечно, думать, что это ученіе есть логическое послѣдствіе отрицанія церковной іерархіи, ибо у стригольниковъ на мѣсто официальнаго священства являлись свои учителя, какъ нельзя принять взглядъ обличителя, что стригольники выступили съ этимъ ученіемъ, чтобы не одними имъ терять адскія мученія, какъ умершимъ безъ послѣдняго напутствія и наматей церковныхъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что, по ученію стригольниковъ, все кончается тѣлеснымъ существованіемъ человѣка; что они отрицали воскресеніе изъ мертвыхъ и загробныя мученія¹⁾. Въ обличеніяхъ противъ стригольниковъ обращаетъ на себя вниманіе довольно выразительный признакъ рационализма, приписываемый вождемъ ереси; обыкновенно эта черта квалифицируется какъ тщеславіе и высокоуміе. Правильнѣе смотрѣть на нее, вѣсть съ проф. Тихомировымъ, какъ на стремленіе освободить разумъ отъ вѣры²⁾. Вообще нужно признать, что русскія извѣстія крайне скудны, отрывочны и поверхностны. Обличители случайно схватывали иногда существенную черту вѣроученія или поведенія еретиковъ, но не могли дать необходимыхъ объясненій и не подозревали системы, въ которой одна черта вытекаетъ изъ другой. Такъ, едва ли не самая характерная и во всякомъ случаѣ слишкомъ бьющая въ глаза черта—непринятіе церкви—представлена въ обличеніяхъ блѣдно и не выдвинута на подобающее мѣсто: „Молитися Христосъ къ тайнѣ повелѣ, всякаго тщеславія и высокоумія убѣжати, не молитися на распутьяхъ и на ширинахъ градныхъ, ни виситися словеса книжными“. Комментарій къ этому мѣсту нужно видѣть въ словахъ митрополита Фотія: „ни къ божимъ церквамъ, къ небу земному, не имуть быти прибѣгающе“. Несомнѣнно, что стригольники избѣгали христіанскихъ церквей, не считали согласнымъ съ духомъ своихъ воззрѣній молиться въ церквахъ, но едва ли основанія къ тому были въ тщеславіи и въ отсутствіи духа смиренія. Мы думаемъ, что въ обличительныхъ сочиненіяхъ намъ чечъ внѣшній фактъ, но не раскрыты его мотивы. Между тѣмъ эти мотивы даны въ вѣроученіи богомыловъ: если стри-

¹⁾ Русская Историческая Библиотека, VI, стр. 476: и такъ по смѣшанію слышу, иже яко сатанѣемъ оимъ проклятымъ подражающе суть, сие яко и въ епископствѣ не надѣюще быти мнѣху; ср. 479.

²⁾ Труды II Археол. Съѣзда, стр. 38: „мысли ихъ можно видѣть въ знаменитомъ посланіи, которое заключаетъ въ себя, между прочимъ, такое положеніе: что разумъ человѣческій самовластенъ и его стѣсняетъ только вѣра“.

гольники, какъ и богомилы, призывали только небснаго Бога, а въ земныхъ созданіяхъ усматривали дѣло злаго начала, то и церковь они должны были разсматривать какъ жилище демоновъ, отсюда ихъ стремленіе совершать свои молитвы подъ открытымъ небомъ.

Къ подобнымъ же внѣшнимъ и формальнымъ признакамъ стригольнической ереси, отиѣченнымъ въ обличеніяхъ и вызвавшимъ разнообразныя толкованія исследователей, относится покаяніе въ грѣхахъ землѣ ¹⁾. Намъ кажется совершенно явнымъ усматривать въ этой яко бы формѣ исповѣди мнѳологическій смыслъ значенія матери сырой земли. Здѣсь мы должны видѣть одинъ изъ внѣшнихъ признаковъ исповѣди, который могли наблюдать всѣ желающіе, такъ какъ и исповѣдь совершалась публично подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ, православные могли замѣтить внѣшнюю форму безъ вниманія ко всему прочему. У богомилловъ отиѣчена слѣдующая форма исповѣди ²⁾. Въ присутствіи діакона одинъ изъ кающихся произносилъ слѣдующую формулу: „мы пришли исповѣдаться наши грѣхи передъ Богомъ и передъ тобой, ибо мы много согрѣшили словомъ, дѣломъ, зрѣніемъ, мыслями“; при произнесеніи этой формулы всѣ кающіеся склонялись къ землѣ. Затѣмъ діаконъ произносилъ освободительныя отъ грѣховъ слова. Весьма вѣроятно, что въ нашихъ обличительныхъ сочиненіяхъ правильно переданъ внѣшній обрядъ преклоненія къ землѣ, но неправильно отождествленъ съ исповѣдью.

Если согласиться, что догматическая часть ученія стригольниковъ не была изучена современниками и что изъ обрядовой стороны схвачены въ обличительныхъ сочиненіяхъ лишь немногія и при томъ бросающіяся въ глаза черты, то мы поймемъ, почему выводы объ этой ереси въ современной русской литературѣ должны носить характеръ неопредѣленности и незаконченности. Привносимая нами въ изученіе этого вопроса мысль состоитъ въ указаніи системы, изъ которой въ сохранившихся противъ стригольниковъ обличеніяхъ уцѣлѣло нѣсколько отдѣльныхъ и случайно взятыхъ положеній. На основаніи этихъ положеній, которыя сами по себѣ слишкомъ не характерны и могутъ быть толкуемы въ разныхъ смыслахъ, мы предполагаемъ возсоздать нѣкоторыя черты богомилскаго ученія. Говоримъ нѣкоторыя, потому что нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что

¹⁾ Русская Историч. Библіотека, VI, стр. 223: еще же и сію ересь прилагаете стригольникамъ, велите земли кланяться человеку.

²⁾ Döllinger, Beiträge zur Sektengeschichte, I, S. 235.

пропаганда не могла располагать стройной и весьма обширной системой, съ другой же стороны, потому, что допускаемъ развитіе и усовершенствованіе въ самомъ ученіи стригольниковъ. Можетъ быть, намъ удалось бы отыскать и другія звенья предполагаемой цѣпи, если бы стали слѣдить далѣе за исторіей стригольниковъ и приняли къ разсмотрѣнію обвиненія на ересь жидовствующихъ: въ самомъ дѣлѣ, только что названная ересь можетъ оказаться лишь стадіей развитія той, которую мы занимаемся. Но не будемъ заходить такъ далеко, сведемъ полученные уже результаты.

Въ названіи „стригольники“ мы обратили вниманіе на то обстоятельство, что подъ этимъ словомъ нужно понимать не ремесло или занятіе Карпа, а отличительный признакъ секты, способъ или обрядъ посвященія въ вѣру. Нашедши въ византійскихъ и болгарскихъ извѣстіяхъ, касающихся богомилловъ или массалианъ, указаніе, что они для посвященія въ свою вѣру употребляли обрядъ стриженія, иначе обрѣзанія, мы наведены были на мысль, что и русскіе стригольники объявы своимъ именемъ тому же обряду, и что послѣдніе представляютъ собой богомилскую секту, перенесенную въ Россію при посредствѣ южныхъ славянъ. Приступивъ съ указанной точки зрѣнія къ изученію небогатаго матеріала о стригольникахъ, мы нашли въ немъ слѣдующіе недостатки, совершенно, впрочемъ, объяснимые въ обличительной литературѣ: главные пункты переиъшаны съ второстепенными, существенныя стороны замѣчены вскользь, а формальныя и бросающіяся въ глаза выдвинуты на передній планъ, основы вѣроученія смѣшаны съ логическими изъ нихъ выводами и т. п. Но при всѣхъ недостаткахъ сохранившагося матеріала все же можно было отыскать слѣдующіе подлинныя признаки ереси стригольниковъ: 1) отрицаніе церковной іерархіи; 2) усвоеніе права учительства всякому посвященному въ ученіе стригольниковъ; 3) уклоненіе отъ причащенія или пониманіе подъ евхаристіей не причащенія тѣла и крови Христовой; 4) отрицаніе храмовъ, молитва подъ открытымъ небомъ и публичная исповѣдь; 5) дуалистическій взглядъ на мірозданіе; 6) отрицаніе воскресенія изъ мертвыхъ (и будущаго возданія). Въ виду указанныхъ наблюденій, передъ которыми отступаютъ на задній планъ черты, имѣющія отношеніе къ русской средѣ и современнымъ церковнымъ настроеніямъ, мы приходимъ къ выводу, что стригольничество есть богомилскій отпрыскъ.

Ф. Успенскій.

ПЕРЕПИСКА БАРОНА Ш. А. КОРФА СЪ КНЯЗЕМЪ Ш. А. ОБО- ЛЕНСКИМЪ ПО ПОВОДУ „МОСКОВСКИХЪ ПИСЕМЪ“¹⁾.

Въ концѣ 1735 года вышло въ Парижѣ анонимное сочиненіе подъ именемъ „Lettres Moscovites“ или „Московскія письма“. Въ этихъ письмахъ неизвѣстный авторъ нарисовалъ довольно неприглядную картину системы управленія Русскаго государства и мрачными красками очертилъ господство нѣмецкой партіи при дворѣ. Книга обратила на себя всеобщее вниманіе въ Западной Европѣ. Въ ноябрѣ русскій полномочный министръ въ Лондонѣ, князь Кантемиръ, счелъ необходимымъ уведомить свое правительство о вновь вышедшемъ сочиненіи, которое „съ крайнѣйшею безстыдностію и дерзостию порекаетъ двухъ министровъ и весь народъ російскій, одну высочайшую ея императорскаго величества и прищевъ крови особъ выключая“. Еще не имѣя въ рукахъ сочиненія, но получивъ подобное доносеніе, проницательный Остерманъ угадывалъ, кто бы могъ быть возможнымъ авторомъ этого сочиненія. Въ рескриптѣ къ князю Кантемиру изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи отъ 13-го декабря 1735 года было объявлено, что по всѣмъ обстоятельствамъ авторъ той книги есть извѣстный обманщикъ (то-есть, Локателли), который въ 1733 году за весьма его подозрительные поступки здѣсь (то-есть, въ Россіи) задержанъ былъ. Кантемиру предписывалось важнѣйшіе „пассажи, изъ книги выписавъ, въ С.-Петербургъ прислать, и затѣмъ всякое возможное стараніе прилагать, чтобъ изготовленный на аглинскомъ языкѣ съ оной книжки переводъ къ печатанію и публикованію въ народъ допустить не былъ, но иначе онакъ книга яко навскылъ подлежащихъ образомъ и подъ жестокихъ наказаніемъ конфискована и запрещена была“. Возненіе, вызвавшее въ С.-Петербургѣ изданіемъ „Москов-

---

¹⁾ Изъ портфеля зн. Оболенскаго (св. 62 въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

скихъ писемъ", было не малое, и русскому посланнику въ Лондонѣ негдѣно даже было стараться, чтобы и во „Франціи книга была также запрещена и авторъ, и издатель по достоинству преступленія и безстыдной продерзости жестоко наказаны были“. Кто же былъ авторъ этого злополучнаго сочиненія и въ чемъ заключались его подозрительныя поступки? Въ 1859 году на страницахъ *Библиографическихъ Записокъ* (въ № 18) директоръ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, князь Оболенскій, основываясь на дѣлахъ одного архива за 1735 годъ сообщилъ русской публикѣ интересныя свѣдѣнія объ авторѣ „Московскихъ писемъ“ и обнародовалъ переписку князя Кантемира съ графомъ Остерманомъ. Въ тѣ времена Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ не былъ еще открытъ для занятій публики, и потому переписка князя Кантемира, дотолѣ известная лишь немногимъ (Н. Н. Бантышъ-Каменскому, канцлеру Румянцову), обратила на себя вниманіе изслѣдователей отечественной старины и заинтересовала, между прочимъ, и барона Корфа, директора Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ. Прежде чѣмъ ознакомиться съ любопытной перепиской по этому поводу барона Корфа съ княземъ Оболенскимъ, напомнимъ кратко: известныя уже свѣдѣнія объ авторѣ „Московскихъ писемъ“. Когда князь Кантемиръ сообщилъ известныя ему данныя объ авторѣ названнаго сочиненія, въ С.-Петербургѣ наведены были справки, и по нимъ оказалось, что сочинитель „Московскихъ писемъ“ былъ не кто иной, какъ графъ Локателли, о которомъ имѣлись слѣдующія свѣдѣнія. Графъ Францискъ Локателли, итальянецъ католическаго вѣроисповѣданія, родился въ 1691 году въ городѣ Бергамо, находился въ французской военной службѣ и въ 1718—1719 гг. опредѣленъ былъ въ драгунскіе полки полковникомъ. Въ Парижѣ его хотѣли женить на какой-то „фамиліной дѣвицѣ“, что и побудило Локателли скрыться изъ Парижа и отправиться въ С.-Петербургъ съ цѣлью поступить въ русскую службу. Какъ-какъ добрался Локателли до Данцига, а такъ какъ у него никакого вида не было и далѣе путешествовать такимъ образомъ оказывалось невозможнымъ, Локателли перемѣнилъ имя и съ подложнымъ паспортомъ на имя итальянскаго купца Рокафорта продолжалъ далѣе свой путь. Въ Петербургѣ явился въ полицію съ этимъ паспортомъ, подлиннаго же своего званія и фамилии не объявить „за не дознаніемъ русскаго языка (какъ показывалъ Локателли при допросѣ въ 1734 году), да и для того, что не хотѣлъ собі дать знать; ибо де графа Миниха сынъ въ Парижѣ во многихъ мѣстахъ его видалъ, и ежелибъ онъ подлиннымъ

именемъ сказанъ, то думать, что оный Милыхъ могъ бы его признать⁴. Не имѣя подлинныхъ бумагъ, проживая подъ вымышленнымъ именемъ, графъ Локателли не могъ рассчитывать поступить на русскую службу. Къ счастью, онъ познакомился въ Петербургѣ съ своимъ соотечественникомъ итальянцемъ Маріоти, и отъ него узнать, что Академія Наукъ снаряжаетъ ученую экспедицію въ Камчатку. Для Локателли открывалась надежда хоть какъ нибудь устроиться въ Россію. Съ этой цѣлью онъ обратился къ профессорамъ Делию и Делакреру и просилъ ихъ взять его съ собой до Казани. Профессора охотно согласились исполнить просьбу Локателли, котораго и они также знали подъ именемъ Рокафорта. Въ скоромъ времени гр. Локателли пришлось узнать, однако, что и для путешествія въ Камчатку нужно имѣть разрѣшеніе отъ сената, а получить такое не представлялось ему возможнымъ. Тогда Локателли задумалъ отправиться въ Казань, а оттуда какъ нибудь пробраться въ Персію въ нижній корпусъ къ принцу Гессенъ-Ромбургскому, и тамъ поступить въ военную службу и служить въ русской арміи. Съ паспортомъ, выданнымъ изъ коммерцъ-коллегіи на имя Рокафорта, гр. Локателли пріѣхалъ въ Казань. Здѣсь онъ рѣшился явиться къ губернатору и просить его помощи въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи. Представляясь губернатору, Локателли чистосердечно объявилъ свое настоящее имя и причины, заставившія его принять вымышленную фамилію. Губернаторъ обнадежилъ просителя своимъ участіемъ и даже общалъ съ своей стороны ему содѣйствіе. Каково же было удивленіе несчастнаго итальянца, когда, явившись на квартиру, онъ немедленно былъ арестованъ и какъ колодникъ отправленъ въ С.-Петербургъ. Очевидно, графа Локателли заподозрѣли въ шпіонствѣ, бумаги его были конфискованы, и въ числѣ ихъ оказались: „1) писанное по-французски описаніе мѣстъ около Волги; 2) описаніе отъ Нижняго Новгорода разныхъ мѣстъ и городовъ, на какихъ мѣстахъ и какъ построены, и разстояніе отъ мѣста до мѣста, и подъ какимъ градусомъ и прочее“. На пути въ С.-Петербургъ Локателли допрашивали въ московской сенатской конторѣ, а 15-го декабря 1733 г. его представили въ кабинетъ, гдѣ вторично ему учиненъ былъ допросъ. Виредъ до указа Локателли нельзя было содержать подъ арестомъ. Сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла, сдѣлалъ государышѣ слѣдующее представленіе: „хотя оной Локателли въ С.-Петербургъ пріѣхалъ по паспорту и подъ чужимъ именемъ, не токмо подозрѣнія за нимъ не признается, понеже онъ объявлялъ, что въ С.-Петербургъ пріѣхалъ изъ Парижа отъ принужденія женитьбы

для принятія службы въ Россіи, и въ Казани губернатору объявилъ себя настоящимъ именемъ, а не куниномъ. Итакъ признается: ежели-бъ онъ, Локателли, выѣхалъ для какого шпіонства, то-бъ онъ для корреспонденціи жилъ въ С.-Петербургѣ, или-бъ поѣхалъ на Украину и въ Польшу, а онъ ѣхалъ въ низовый корпусъ для принятія службы въ такое отдаленное мѣсто, гдѣ шпіонства, или перенесокъ въ европскія государства чинить ему не можно, и опасности-бъ отъ того не было. Того ради не соизволить ли ваше императорское величество указать: оного Локателли по желанію его опредѣлять въ службу въ низовый корпусъ, или изъ Россіи его выслать на корабляхъ, куда онъ ѣхать похочеть“. На этойъ докладѣ императрица Анна 15-го октября 1734 года написала слѣдующую резолюцію: „отпустить изъ Россіи на корабляхъ, и дать ему на дорогу сто рублевъ“. Такимъ образомъ, почти цѣлый годъ пробылъ гр. Локателли подъ арестомъ и долженъ былъ на себѣ испытать всѣ невыгоды подобнаго заключенія. Весьма поэтому понятно, что неслыханныя неприятели легко могли сообщить желчный, ѣдкій токъ сочиненію ¹⁾ Локателли, которое не на шутку встревожило вѣмцевъ въ Петербургѣ.

Прочти статью князя Оболенскаго, приведенную нами только что въ краткомъ извѣщеніи, баронъ Корфъ пожелалъ подѣлиться съ нимъ и собственными свидѣніями объ авторѣ „Московскихъ писемъ“ и отправилъ къ князю Оболенскому слѣдующее письмо.

С.-Петербургъ, 10-го ноября 1859 г.

Извѣстная вамъ, многоуважаемый князь Михаилъ Андреевичъ, любовь ко къ историческимъ и биографическимъ изысканіямъ должна служить вамъ порукою того интереса, съ какимъ я прочелъ помѣщенный въ № 18 „Библиографическихъ Записокъ“ свѣдѣнія объ авторѣ „Lettres Moscovites“. Если нѣмъ и отчасти судьбы этого автора уже были извѣстны ²⁾, то тѣмъ не менше сообщенныя вами публикѣ переписка Кантемира съ Остерманомъ и извлеченія изъ подлинныхъ актовъ составляютъ драгоценный вкладъ для исторіи иноязычныхъ писателей о Россіи.

Между тѣмъ и Императорская Публичная Библіотека можетъ представить вамъ на обмѣвъ нѣсколько другихъ подробностей, также не совсѣмъ лишенихъ интереса. Вотъ онѣ:

¹⁾ Краткое изложеніе содержанія „Московскихъ писемъ“ можно найти въ статьѣ *Смолюгина*: Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ (*Вѣстникъ Европы*, 1867 г., т. I, стр. 264—267).

²⁾ Отъ васъ, конечно, не укрылось сказанное о *Lettres Moscovites* у *Barbier*, *Dictionnaire des anonymes* и проч. подъ № 10316 (прич. Корфа).

1) Книга Докателли въ французскомъ подлинникѣ находится въ Публичной Библиотекѣ не въ одномъ только вами приводимомъ Гюаровскомъ изданіи, но и въ другомъ еще, вышущенномъ также въ Парижѣ и въ 1736 году, въ томъ же форматѣ и подъ тѣмъ же заглавіемъ, но „au (sic) dépens de la compagnie“. Замѣчательно, что хотя это изданіе точно другое, чѣмъ Гюаровское... однако число страницъ въ обоихъ точъ въ точъ то же самое.

2) Кантемиръ, донося, „что печатаніе книги *Lettres Moscovites* на англискомъ языкѣ удержано“¹⁾, или самъ былъ обманутъ, или хотѣлъ обмануть наше правительство. Лучшее тому доказательство есть существованіе въ Публичной Библиотекѣ экземпляра англійскаго перевода. Послѣдній издавъ въ Лондонѣ тоже въ 1736 году подъ заглавіемъ: *Lettres Moscovites, or Muscovian Letters containing an account of the form of government, customs and manners of that great empire. Written by an Italian officer, in—8, XII, 190 стр.* (Московскія письма, составляющія изслѣдованіе о формѣ управленія, обычаяхъ и нравахъ этой великой имперіи, сочиненныя отличившимся итальянскимъ офицеромъ). На заглавномъ листѣ названъ и переводчикъ: *William Misgrave, esq.* Разность противъ подлинника состоитъ только въ томъ, что все нѣмѣншное тамъ въ „Post-face“ (стр. 344—363), то-есть, исторія этихъ писемъ въ переводѣ, вошла въ посвященіе его переводчикомъ герцогу Ричмондскому, и занимаетъ собою 12 страницъ, нѣмѣншныхъ римскими цифрами.

3) Замѣчаніе, выведенное вами изъ писемъ Кантемира (выноска на 1-й стр.), что хотя на самой книгѣ означенъ 1736 годъ, но собственно печатана она

---

¹⁾ Книга Кантемиръ не разъ упоминалъ въ своихъ донесеніяхъ о ходѣ переговоровъ съ англійскимъ министромъ лордомъ Гаринтономъ о воспріятіи изданія англійскаго перевода „Московскихъ писемъ“. Такъ 15-го ноября 1736 г. онъ доносилъ, что него настояніямъ милордъ Гаринтонъ обѣщавъ все возможное сдѣлать, но при томъ просилъ Кантемира донести императрицѣ, чтобъ его извинила, если не удастся того сдѣлать; конечно, вольность здѣшняго „народа такъ далеко простирается, что противъ своего собственнаго государя безъ всякой опасности неослабно печатаютъ. И подлинно (замѣчалъ Кантемиръ) англичане свободное печатаніе почитаютъ за фундаментъ своей вольности, и потому никакого акту парламентскаго до слухъ норъ сочинить было не можно противу издателей сатиры и либеральнаго, когда въ нихъ именныя персоны не упоминаются; отчего я заводилно вѣдалъ, что вышеназванной книжки изданіе запретить не можно, понеже хотя весь народъ русской аттикуетъ, однако никого имени не упоминаетъ“. 5-го декабря того же года Кантемиръ сообщилъ слѣдующее: „о запрещеніи печатанія здѣсь на англискомъ языкѣ книги *Lettres Moscovites* милордъ Гаринтонъ сказалъ мнѣ, что приказано королевскому генералу прокурору издателей той книги призвать и сказать низъ, чтобъ они отъ печатанія той книги удержались, иначе возникнетъ процессъ“. Наконецъ, 16-го декабря кн. Кантемиръ донесъ, что „печатаніе книги *Lettres Moscovites* на англискомъ языкѣ удержано такимъ способомъ, какъ я вашему императорскому величеству доносилъ въ реляціи моей“. Князь Оболенскій сообщилъ въ своей статьѣ всѣ эти свѣдѣнія, не заглянувши въ переписку кн. Кантемира за слѣдующій 1736 годъ. Баронъ Корфъ указавъ ему на сдѣланную ошибку, совершенно, впрочемъ, неправильно называя вину на Кантемира.

и появилась въ продажѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1735 года, вполнѣ подтверждается отиѣткою, напечатанною въ заглавіи англійскаго перевода: „переведено съ французскаго оригинала, напечатаннаго въ Парижѣ въ 1735 году“¹⁾.

4) На принадлежащемъ Публичной Библіотекѣ экземплярѣ нѣмецкаго перевода этой книги мною въ прежнее время отиѣчено, что и самъ переводъ, и возраженія принадлежать нѣкому Гроссу (Gross). Откуда я взялъ это свѣдѣніе, теперь никакъ припомнить не могу, но Гроссомъ извѣстно у насъ два: одинъ по Лохерову лексикону (II, 1198) и по Taberna (*Nye og forladre Extergatninger om dit Russiske Rige, Kiöbenhavn, 1747, I, 106*) родомъ изъ Либенштейна, который, съ степенью магистра пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1725 году, былъ профессоромъ при Академіи Наукъ и въ 1731 году выбылъ²⁾ (въ Комментаріяхъ Академіи о немъ нѣтъ ничего), другой, который по Бюшннговымъ Beiträgen zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen (II, 180, и IV, 99) является въ 1741 году секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, а въ 1749 году русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что переводчика и критика „Lettres Moscovites“ должно искать въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ лицъ. Быть можетъ, что вы найдете о немъ что нибудь въ вашемъ архивѣ.

Покорнѣйше прошу ваше сіятельство принять свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности

Баронъ М. Корфъ.

Указанія барона Корфа заставили князя Оболенскаго продолжать свои изысканія въ архивѣ, и его поиски въ этомъ направленіи не были напрасны. Князю Оболенскому удалось найти весьма любопытное письмо кн. Кантемира отъ 6-го января 1736 года, и до сихъ поръ еще не извѣстное въ нашей литературѣ. Оболенскій не замедлилъ подѣлиться и съ Корфомъ дальнѣйшими результатами своихъ изысканій, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго письма.

¹⁾ Весьма любопытно на нашъ взглядъ это появленіе книжки въ нѣсколькихъ изданіяхъ и переводахъ; оно показываетъ, на сколько интересовались тогда въ Западной Европѣ внутреннимъ состояніемъ Русскаго государства. По всей вѣроятности, первое изданіе (1735 г.) совершенно разошлось, и Кантемиру удалось пріобрѣсти и то съ большимъ трудомъ лишь изданіе 1736 года.

²⁾ Судя по его письмамъ къ кн. Кантемиру (хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ), Христианъ Фридрихъ Гроссъ снова вернулся въ Россію, пользовался довѣріемъ Остермана и исполнять у него обязанности домашняго секретари. Это и послужило причиною его тригической кончины. Когда Остерманъ былъ арестованъ (въ концѣ ноября 1741 года), слѣдственная коммиссія, назначенная надъ нимъ, потребовала къ допросу и Гросса; устранными угрозами, сдѣланными ему коммиссіей, Гроссъ по возвращеніи домой застрѣлился (Заниски гр. Минаха, изданіе *С. Н. Шубинскаго*, С.-Пб., 1874, стр. 184).

Милостивый Государь, баронъ Модестъ Андреевичъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ прочиталъ я ваше письмо, въ которое вы сообщаете столько интересныхъ библиографическихъ подробностей о сочиненіи „Lettres Moscovites“. Указаніе ваше, что переводчикомъ этой книги на нѣмецкій языкъ былъ Гроссъ, состоявшій въ 1749 году русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, заставило меня снова порыться въ дипломатическихъ дѣлахъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ. При этихъ розысканіяхъ я нашелъ одно весьма любопытное свидѣтельство въ письмѣ кн. Антона Кантемира, что онъ самъ составлялъ возраженія на книгу Локаттели. Что касается Гросса, то я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что изъ двухъ известныхъ вамъ лицъ, носившихъ эту фамилію, переводчикомъ „Московскихъ писемъ“ на нѣмецкій языкъ должно считать Генриха Гросса, состоявшаго въ русской службѣ на дипломатическомъ поприщѣ. Изъ дѣлъ Московскаго главнаго архива видно, что еще въ октябрѣ 1736 года онъ былъ опредѣленъ въ канцелярію Кантемира; впоследствии находился въ Парижѣ, а въ августѣ 1739 года, какъ это можно усмотрѣть изъ письма его на нѣмецкомъ языкѣ къ Бревену, просился въ секретаря посольства при князѣ Кантемирѣ. Изъ сообщеннаго въ моей статьѣ свидѣній видно, что мысль о составленіи возраженій на книгу графа Локаттели и о напечатаніи ихъ на иностранномъ языкѣ за границею принадлежала Кантемиру. Цыпѣ изъ вновь найденнаго письма Кантемира отъ 6-го января 1736 года открывается даже, что онъ звалъ на себя трудъ самъ составить эти возраженія и дѣйствительно ихъ составилъ, какъ упоминаетъ о томъ въ другихъ своихъ донесеніяхъ. Поэтому очень можетъ быть, что онъ поручилъ перевести и самую книгу и свои возраженія Гроссу, какъ человѣку, состоявшему при немъ на службѣ и хорошо знавшему по-нѣмецки. Переводъ нѣмецкій вышелъ именно около того времени (въ 1738 г.), когда Гроссъ находился при Кантемирѣ и когда этими послѣдними были написаны упомянутыя возраженія.

Зная, какъ много интересуетесь ваше высокопреосходительство вопросомъ возбужденнымъ о книгѣ графа Локаттели, я носибѣшилъ сообщить вамъ эти новыя свидѣнія; но я еще не кончилъ всѣхъ розысканій и продолжаю разбирать архивъ князя Кантемира. Можетъ быть, мнѣ удастся собрать и другія болѣе опредѣленные указанія по означенному вопросу; тогда я не замедлю передать ихъ чрезъ посредство печати въ общее свѣдѣніе. Не дозволяете ли воспользоваться мнѣ при этомъ вашимъ въ высшей степени любезнымъ письмомъ: свидѣнія, сообщенныя вами, за которыя приношу здѣсь мою искреннюю душевную благодарность, должны непремѣнно сдѣлаться общими достояніемъ всѣхъ интересующихся вопросами отечественной исторіи и библиографіи.

Книга „Lettres Moscovites“, хотя вообще по содержанию своему и не представляетъ особенной исторической важности, но любопытна уже потому, что въ ней находится указаніе о существованіи въ то время при русскомъ дворѣ двухъ партій, русской и нѣмецкой, и что послѣдняя недоброжелательно и пристрастно смотрѣла на царицу Елисавету Петровну, на которую русская сторона возлагала большія надежды. За этимъ слѣдуетъ замѣчательное по времени предсказаніе, что наступитъ же время, когда, наконецъ, восполь-

зается царевна своимъ законнымъ правомъ престолонаслѣдія и когда дорого пошатнется за свои кони нѣмецкая партія. Предсказаніе это, вѣроятно оправданное послѣдующими событіями, въ 1736 году представлялось особенно щекотливымъ въ книгѣ графа Локателли и даже затруднило Кантемира, какъ долженъ былъ возражать противъ такого намека, прямо касающагося правъ престолонаслѣдія, и онъ долженъ былъ испрашивать по сему предмету наставленій отъ вице-канцлера Остермана, что вы увидите изъ коніи письма князя Кантемира. Выѣстъ съ этиимъ нисемомъ честь кнѣзю препроводить въ коніи и нѣмецкое нисъмо Гросса отъ 6-го августа 1736 года и 4 экземпляра отдѣльныхъ оттисковъ статьи моея о сочинителѣ „Lettres Moscovites“, съ покорнѣйшею просьбою прилпть одинъ экземпляръ для себя, а остальные раздать по вашему усмотрѣнію служащимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, полезную дѣятельность и труды которыхъ, подѣ вашими просвѣщеннымъ руководствомъ, я давно привыкъ отъ души уважать.

Примите, милостивый государь баронъ, увѣреніе въ отличномъ почтеніи и душевной преданности и т. д.

№ 540.

Ноября 18-го дня 1859 г.

Его высокопревосходительству
барону М. А. Корфу 1-му.

При отпускѣ письма князя Оболенскаго (въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ) нѣбуются два слѣдующія приложенія: 1) письмо князя А. Кантемира къ графу Остерману и 2) измеченіе (въ русскомъ переводѣ) изъ нѣмецкаго текста „Московскихъ нисемъ“.

Сіятельвѣншій графъ, премилостивый государь мой!

По полученіи вашего сіятельства милостиваго письма отъ 9-го декабря. я на другой день шарочно былъ у французскаго министра г. Шавинни и, сколько могъ прилежно, ему изъяснилъ о известной книгѣ Лотръ Московить, сколь она продосудительна такъ министерству, какъ и всему народу русскаго, и что онъ, Шавинни, попрежнему меня обижаетъ, если позволить отписать къ двору своему, чтобъ печатникъ той книги былъ сыскаанъ и наказанъ, также книги конфискованы и чрезъ налача сожжены были, и буде авторъ ся во Франціи, то и съ нимъ такъ, какъ и съ книжникомъ, поступить, которымъ поступкомъ угодность покажетъ двору панему и взаимное оказательство дружбы его французское высокопревосходительство ожидать нѣбуетъ. Иначе же министры французскіи партикулярно въ томъ ваше сіятельство обижуть. понеже большая часть поношеній въ той книгѣ вѣстъ и другякъ чужестранныхъ касаются, какъ онъ, Шавинни, усмотрѣть могъ изъ книги, которую я притомъ ему далъ.

На то онъ съ обыкновеннымъ ему учтивствомъ меня наискрѣпнѣе обидежь, что если печатниково нимъ не подложное и та книга печатана въ Парижѣ, то онъ заранѣе можетъ меня удостовѣрить, что у его двора по моему требованію точно поступлено будетъ, какъ съ книгою, такъ и съ издателемъ, понеже де его государь никогда не позволитъ, чтобъ такіа пасквили

печатаны были противъ столь знатнаго народа и двора, еслибы и продолжалось еще прежнее несогласіе. а теперь при наступившии мира еще меньше тому поводъ подать причину и мѣсть. Къ тому оны прибавилъ, что ваше сіятельство заслужилъ себѣ во всемъ свѣтѣ такую высокую репутацию, что такіе и подобныя илуты, каковы есть авторъ книги, хотя не могутъ ее оворочить. одлако-жъ г. кардиналъ особливо затѣмъ сатисфакцію должную дать не преминеть, и оны, Шавинья, счастливымъ бы себя почелъ бы, еслибы своимъ старательствомъ о семъ дѣлѣ могъ удостовѣрить ваше сіятельство о особливои почтеніи.

Разговоръ нашъ съ нимъ продолжился нотомъ чрезъ долгое время, въ которомъ я ему далъ знать о освобожденіи г. Монтиа, и въ немъ усмотрѣлъ не малую склонность видѣть два наии двора приведеніе въ прежнее доброе согласіе, но поже о семъ пространнѣе въ моеи покорнѣйшей релііи допому при семъ, о томъ повторнымъ описаніемъ трудитъ ваше сіятельство оставлю. Но семъ первымъ поступкѣ съ г. Шавиньемъ я не оставилъ чрезъ здѣшнихъ книжниковъ увѣдомиться о прямой мѣстѣ изданія вышепомянутой книги, и сколько они мнѣ могли дать знать, книга эта во всѣмъ сюда пришла изъ Голландіи отъ книжника, называемаго Дебордъ, котораго чають они быти издателемъ ея. Я уже прискалъ синобѣ, чтобъ о томъ основательнѣе удостовѣрится, а между тѣмъ не оставлю о томъ просить и его сіятельство графа Александра Гавриловича, которому, кажется, потребно бы было, чтобъ ваше сіятельство своимъ писемомъ о томъ подтвердилъ, что ко мнѣ писать изволивъ, впротчемъ опроверженіе на оную книгу я уже писать началъ, пользуясь приложеннымъ при вашего сіятельства писемъ экстрактомъ и могу ваше сіятельство покорию удостовѣрить, что николи охотнѣе за веро не принялся, какъ при семъ случай имѣя защищать и отечество, и вашего сіятельства изрядное поведеніе, отъ котораго дворъ нашъ при всемъ свѣтѣ заслужилъ себѣ крайнюю репутацию. Будучи весьма легко опровергать такіа несостоятельныя язи, которыми книга та наполнена, и имѣя всю правоту съ своей стороны, надѣюсь, что мой трудъ не будетъ безплоденъ, въ чемъ ваше сіятельство лутчей будетъ судья, когда оное опроверженіе изволите увидѣть. Сочинено оно будетъ подъ образомъ писемъ и составитъ хорошую книжку, чего ради не скоро можетъ быть издана, наипаче что глаза мои многаго придежанія не позволяютъ. Однѣя только пунктъ для меня столько деликатенъ, что я безъ указу ничего объ немъ говорить не смѣю, а касается оны наследства къ російскому престолу, чего ради на оное требую отъ вашего сіятельства милостиваго изясненія, и для того прилагаю при семъ ту часть книги, въ которой объ немъ упоминается, и за симъ преноручая себя вашего сіятельства мвлости, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю

вашего сіятельства

всенекорно послушной слуга,

К. Антиохъ Кантомиръ.

М. Г. А. М. И. Д. А. д. за 1736 г., св. 46, № 4.

Изъ Лондона.

генваря 6-го 1736 года.

Р. S. По заключеніи сего получилъ я высочайшій ея и вашего сіятельства рескриптъ отъ 13-го декабря, которымъ повелѣно мнѣ, изъ той книги выписать, прислать пассажи, для которыхъ опроверженія требуются нужная изъясненія; и понеже за позднимъ временемъ на оный рескриптъ шлѣй отвѣтствовать не успѣлъ, а въ той книгѣ нѣтъ ни одной странички, въ которой бы не было достойнаго опроверженія, чего ради прилагаю вашему сіятельству для образца другую часть, покорно донося, что, кажется, нужно вашему сіятельству и всю книгу нѣтъ, о чемъ буду просить гр. Александра Гавриловича, чтобъ оную переслалъ къ вашему сіятельству чрезъ тележную почту.

2) Извлеченіе изъ „Московскихъ писемъ“, характеризующее отношеніе другъ къ другу партій нѣмецкой и русской.

(*Moscowit. Briefe*, стр. 793 и слѣд. въ послѣсловіи).

Хотя поведение этихъ (то-есть, иностранцевъ) министровъ нѣтъ отчасти было извѣстно, однакожъ я никогда не воображалъ, что преступленія ихъ могутъ заходить такъ далеко. Я зналъ уже изъ вѣрнаго источника, что они только того и ищутъ, чтобъ наполнить свои сундуки и потомъ удалиться куда нибудь, рдѣ бы имъ можно было жить въ спокойствіи и безопасности. Можетъ быть, они и правы, поступая такъ; но не нужно быть большимъ пророкомъ, чтобъ предсказать имъ то, что ихъ ожидаетъ, когда скончается императрица. нѣтъ имъ покровительствующая. Какъ бы они ни старались огорчать себя, я не сомнѣваюсь, что ожидающая ихъ гроза разразится надъ ними, когда та пресвѣтлѣйшая принцесса, которая нѣтъ несомнѣимое право на корону, однажды вступитъ на престолъ.

Эти министры обращаются съ нею самымъ вопиющимъ образомъ; вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на нее, какъ на предполагаемую наследницу обширнаго государства, они довели ее до такой крайности, что она не можетъ ни вести себя сообразно своему званію, ни содержать своихъ прежнихъ служителей, которые, однакожъ, готовы лучше переносить вѣстѣ съ нею всѣ бѣдствія, чѣмъ оставить ее. Жестокость съ нею простирается даже до того, что ее содержатъ какъ бы въ заключеніи, почему никто не смѣетъ посѣщать ее, и она видитъ себя всеми оставленною. Всѣ прїѣзжающіе въ Москву знаютъ, какъ все это дѣлается, и когда опять уважаютъ отсюда, не могутъ не говорить о томъ безъ величайшаго негодованія. Провосходная качества и необыкновенная доброта царствующей императрицы слишкомъ хорошо извѣстны, чтобъ считать ее виновницею столь строгаго обращенія.

Гр. министры-иностранцы одни во всемъ этомъ виновны, и такъ какъ они знаютъ, что совѣсть ихъ въ отношеніи къ этой принцессѣ не совсѣмъ чиста, то, вѣроятно, употребляютъ всѣ силы, чтобъ удалить ее отъ престола. Но весьма сомнительно, удастся ли имъ это. Правда, теперь власть въ ихъ рукахъ, и они могутъ во всемъ показывать свой произволъ, но вѣдь можетъ случиться, что они когда нибудь и утратятъ эту власть, которую въ настоящее время безнаказанно употребляютъ во зло, особенно, если дѣло дойдетъ до

разъясненія вопроса такой важности, вопроса, въ которомъ должны принять участие всѣ европейскія державы.

Тѣ же самыя причины, по которымъ министры-иностранцы думаютъ удалить эту принцессу отъ престола, непремѣнно послужатъ москвитянамъ для возведенія ея на престолъ, и если послѣдніе возьмутъ верхъ, то я не сомнѣваюсь, что *первое похвасту заслуженное или наказаніе*¹⁾.

Нельзя не пожалѣть, что, сообщивши указанныя данныя барону Корфу, кн. Оболенскій не подѣлился въ свое время съ публикою результатами своихъ изслѣдованій. Быть можетъ, тогда бы судьба этой книги была болѣе выяснена и можно было бы рѣшить, не существовало ли какой либуди связи между изданіемъ „Московскихъ инсертъ“ за границей и планами Волинскаго и не направлено ли было изданіе этой книги къ тому, чтобы заранѣе подготовить европейское общественное мнѣніе къ перемѣнѣ въ русскомъ правительствѣ²⁾. Елизавета Петровна, какъ извѣстно, по своемъ восшествіи на престолъ покровительствовала итальянцамъ, и, быть можетъ, еще задолго до того времени, когда рота преображенскихъ гренадеръ возвела ее на престолъ, ея симпатіи находились на сторонѣ того несчастнаго итальянца, который на себѣ самомъ испыталъ невыгоды нѣмецкаго управленія въ Россіи, и изъ отдаленнаго Парижа возвышалъ свой голосъ въ ея пользу и предсказывалъ ей побѣду.

В. Александровиче.

¹⁾ *Возраженіе*: Нетрудно угадать, о какой принцессѣ здѣсь идетъ рѣчь. Авторъ „Писемъ“ коварно хочетъ показать, что заботится о ней, а между тѣмъ въ мысляхъ у него не что иное, какъ желаніе посѣять возмущеніе и бунтъ и только скрыть свою злобу подъ лживой мишиго состраданія къ этой добродѣтельной принцессѣ. Но она слишкомъ благородна, чтобы обращать вниманіе на подобныя гнусныя слова, и потому, конечно, поступила бы съ этимъ злобнымъ итальянцемъ точно такъ же, какъ поступилъ Петръ II съ недостойнымъ графомъ Девьеромъ, который въ царствованіе Екатерины подобнымъ же образомъ старался войти у него въ милость (см. стр. 31).

²⁾ Ср. Д. А. Корсаковъ, Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. (Казань, 1891), стр. 313—314.

ЗАМѢТКИ ПО УГОРСКОЙ РУСИ ¹⁾.

Во время нашего пребывания въ прошломъ 1890 году на угорской Руси, мы, посреди нашихъ специальныхъ занятій—главной цѣли нашего путешествія по Угорщинѣ,—сдѣлали кое-какія замѣтки о современномъ положеніи угроруссовъ. Между прочимъ, были нами собраны нѣкоторыя данныя относительно границъ сплошнаго угрорусскаго населенія, численности угроруссовъ, народныхъ прозвищъ той или другой части угроруссовъ, а также относительно отдѣльныхъ особенностей угрорусскихъ говоровъ. Это и составитъ предметъ настоящаго сообщенія.

Сознавая всю скудость и неполноту находящагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, мы сравнили съ нимъ и между собою показанія по тѣмъ же вопросамъ другихъ изслѣдователей. болѣе или менѣе подробно останавливавшихся на изученіи угорской Руси ²⁾.

¹⁾ Читано въ засѣданіи Этнографическаго отдѣленія С.-Пб. географическаго общества 10-го ноября 1891 г.

²⁾ У насъ были подъ руками слѣдующія сочиненія и замѣтки:

Szarlovics, Gemälde von Ungern 1829 г. (съ сожалѣніемъ, въ нашемъ экзemplарѣ не доставало его этнографической карты).

Safařík, Slowanský národopis 1842 г. (2-е изд.).

Голованскій, О halické a uherské Rusi (*Сав. Сес. Мис.* 1843 г.).

Срезневскій, рецензія на Slow. národopis Шафаряка (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1843 г.).

Голованскій, Розсказа о языкѣ южнорускомъ и его нарѣчіяхъ. 1849 г.

Срезневскій, Русь угорская (*Вѣстн. Географич. Общ.* IV, 1852 г.).

Szoernig, Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie 1857 г.

Widerstaia, Ungarische Ruthenen 1862 г.

Будиловичъ, Статистическія таблицы распределенія Славянъ. 1875 г.

Кочубинскій, Заграничный отчетъ о занятіяхъ Славянскими нарѣчіями. (*Зап. Новор. унив.*, т. XX, 1876 г.).

Угорская Русь до сихъ поръ весьма мало изслѣдована, какъ въ историческомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Отъ мѣстныхъ угрорусскихъ силъ нельзя многого ожидать, да трудно и требовать: кратковременное возрожденіе угроруссовъ сдѣлилось, какъ извѣстно, довольно неблагоприятными условіями. Ближайшіе ихъ сосѣди и соплеменники, галицкіе русскіе, врядъ ли хорошо справляются и съ своими собственными галицкими задачами. Къ тому же восточная граница Трансильваніи почти такъ же мало доступна для галичанъ, какъ и граница Галичинъ для панскихъ изслѣдователей. Ученые изъ Россіи по разнымъ причинамъ рѣдко заглядываютъ въ Угорщину.

Нонимъ этихъ общихъ затрудненій, часть вопросовъ, которыхъ мы предполагаемъ коснуться, затенена еще слѣдующимъ общезвѣстнымъ фактомъ: На угорской Руси и народомъ, и интеллигенціей сознается только различіе религій, а не различіе языковъ и народностей. Русскій, словакъ, мадьяръ, если онъ православный (или, официально, униатъ), „русской“ вѣры, называетъ себя самъ и называемъ другимъ: русскій, руснакъ, orosz. Конечно, между мадьярами и русскими въ виду рѣзкаго различія языковъ легко провести границу. Не то со словаками. Близкое сосѣдство, перепутанность поселеній, разнообразіе смѣшанныхъ, переходныхъ, взаимно другъ на друга вліяющихъ говоровъ, прочно укоренившеся у униатовъ сознаніе себя русскими—все это въ высшей степени затруднитъ рѣшеніе вопроса о границахъ русскаго и словацкаго языковъ съ точки зрѣнія чисто

Михалюкъ, Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчійми Галичинъ (Труды этногр. статист. экспедиціи въ западно-русскій край, VII, 2; 1877 г.).

Головацкій, Карпатская Русь (Введеніе къ его „Народнымъ пѣснямъ галицкой и угорской Руси“ 1878 г.).

Одоловскі, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache 1890 г.

Семеновичъ, Объ особенностяхъ угрорусскаго говора (Сборн. статей по славяновѣдѣнію, составленный учениками В. И. Ламанскаго 1883 г.).

Werchratskij, Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen 1883 г.

Де Волламъ, Угрорусскія народныя пѣсни 1885 г.

Феникъ, Численность Угроруссовъ (*Угур. Листокъ*, 1889 годъ, № 9).

Анонимныя статьи объ угорской Руси въ *Слав. Извѣстіяхъ* 1890 г. и въ *Влшювѣстѣ* 1891 г.

Этнографич. карты: Шафарика, Черинга и де-Моннье (*Le Monnier*, Sprachen Karte von Oesterreich-Ungarn, bearbeitet nach den durch die Volkszählung vom 31 Dec. 1888 .. erhobenen Daten. Wien 1888. Масштабъ 1:1.000.000). Остальныя этногр. карты большей частью основаны на картѣ Черинга.

лингвистической, оставляя въ сторонѣ вопросъ о національности, въ опредѣленіи которой языкъ играетъ, правда, важную роль, но не можетъ быть признанъ *единственнымъ* критеріемъ. Прибавимъ къ этому еще и дѣйствительное существованіе болѣе или менѣе ословаченныхъ русскихъ и возможное существованіе обрусѣлыхъ словаковъ.

Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, разница въ показаніяхъ изслѣдователей происходитъ именно отъ того, какую часть уніатовъ.—руснаковъ они причисляютъ къ словакамъ и отчисляютъ отъ русскихъ.

Наиболѣе характернымъ признакомъ русскаго языка, конечно, должно быть признаю общераспространенное употребленіе полногласныхъ формъ (кромѣ, конечно, отдѣльныхъ исключеній подъ влияніемъ церковно-славянскаго и словацкаго языковъ).

Это и было взято нами за главное основаніе для опредѣленія границъ чисто-русскаго языка и количества лицъ, имъ говорящихъ. Къ этому мы присоединили еще произношеніе старослов. *шт* какъ *ч* (у словаковъ—*ц* (*c*)).

Въ нашихъ замѣткахъ мы пользовались показаніями четырехъ духовныхъ лицъ Мукачевской и одного свѣтскаго Пришевской епархій,— правда, не специалистовъ этнографовъ и врядъ ли знакомыхъ съ указанными выше трудами объ угорской Руси, но лично знающихъ свою роднину и побывавшихъ въ разныхъ краяхъ ея. Основывались мы также и на епархіальныхъ схематизмахъ.

I. Границы распространенія русскаго языка. Мы будемъ говорить здѣсь только о границахъ *сплошного* населенія, говорящаго русскимъ языкомъ съ вышеуказанными признаками, не касаясь отдѣльныхъ узкихъ выступовъ и острововъ среди словаковъ, мадьяръ, румынъ и сербовъ, такъ какъ для опредѣленія этихъ послѣднихъ у насъ не собрано данныхъ.

Болѣе или менѣе подробно опредѣлены границы русскаго поселенія Шафарикомъ въ 1829 г., Головацкимъ въ 1843 г. (которому слѣдуетъ и Срезневскій въ 1852 г.), Чернигомъ въ 1857 г. и Видерманомъ въ 1862 г.¹⁾ (Остальные авторы даютъ только самыя общія опредѣленія²⁾).

¹⁾ Относительно проведенія русско-мадьярской и русско-румынской границы Видерманомъ можно отчасти предполагать вліяніе Чернига.

²⁾ При передачѣ мѣстныхъ названій мы употребляли по возможности русскія народныя формы, на сколько онѣ указаны у Головацкаго (Пѣсни I) и въ схематизмахъ. Въ случаѣ сомнѣнія мы оставляли формы, приведенныя въ разбираемыхъ нами сочиненіяхъ или на геогр. картахъ съ мадьярско-латинско-нѣмецкимъ правописаніемъ.

Шафарикъ. Отъ Лелюхова граница входитъ въ Угрію и направляется русломъ Топлы чрезъ Рокитовъ къ Долгой Лукѣ надъ Бардіе-вымъ, отсюда на югъ чрезъ Куриму до Гаушовець на Топлѣ. Затѣмъ загибается на сѣверъ, обходитъ Строниковъ. Спину (Szinna), Гумешное (область Сотаконъ) и опять возвращается къ Топлѣ подъ Гаушовцами. Далѣе идетъ на югъ русломъ Топлы и Ондавы до устья Тернавы, отсюда поворачиваетъ къ востоку выше Бутковцевъ. идетъ черезъ Мукачевъ выше Береговъ (Bereg), возвращается на западъ къ Латорицѣ около Доброны и Касоны и опять идетъ на востокъ подъ Береги. вьется далѣе на востокъ подъ Селюшемъ (Nagy Szöllös) чрезъ Холмы (Halmi) къ Густу, слѣдуетъ за малыми исключеніями по теченію Тисы до Сягота. Оттуда возвращается восточнымъ берегомъ Бѣлой Тисы и за Ясиньемъ достигаетъ границъ Галичины.

Головацкій ¹⁾. Сперва долиной рѣки Нопрада, потомъ рѣки Торисы къ Пришеву, Михайловцамъ, Капошанамъ (Nagy Karos), затѣмъ къ Варену (Vár) и Войлоку (Tisza Ujlak), черезъ южную часть Угорской стѣны до Визкова (Visk), далѣе по лѣвому берегу Тисы къ Вышеви (послѣдніи русскія села Полина, отчасти Рускова и Костель (Rhoaszék) и по притоку Тисы (Wasser) достигаетъ вершины Печилова (Срезневскій—къ вершинамъ Кукольника и Чевчина).

Черныиъ. Русско-словацкая граница начинается недалеко Лешницы (но и въ языкѣ Магурскихъ словаковъ видно русское вліяніе) и идетъ изгибаясь чрезъ Кремпахъ къ Плавку на Нопрадѣ, возвращается русскимъ выступомъ у Якубяшъ къ границѣ между Спшской и Шаршеской столицъ, охватываетъ въ Спшской столицѣ села Ториска, Нижній Ренашъ, Родргозъ и Ольшавицу, отсюда направляется, многократно извиваясь, чрезъ Берзевницу къ Шенвицу, поворачиваетъ на лѣвомъ берегу рѣки Торисы къ юго-востоку къ русско-словацкому селу Якубовцы и подымается затѣмъ къ сѣверу чрезъ Монуоровъ, Осиковъ, Рихвальдъ къ Гарнову на Топлѣ. На лѣвомъ берегу Топлы—словацкій выступъ къ сѣверу до Габолтова и Смильна и къ юго-востоку къ Ганлину, Куримъ, Гиральдовцамъ и Желѣзнику. У Гау-

¹⁾ Либоимно, что *Срезневскій* въ 1852 г. слѣдуетъ Головацкому въ опредѣленіи границы, а въ рецензіи на Шафарика въ 1849 г. замѣчаетъ: „Шафарикъ исключилъ изъ числа словаковъ—уніатовъ Пряшевской епархіи, между тѣмъ какъ они почти всѣ только по вѣрѣ называются русскими, а по шарфцію принадлежать къ словакамъ“. Ранѣе—„въ землнскои столицѣ мало малоруссовъ“. Головацкій же, какъ видно здѣсь, еще больше, тѣмъ Шафарикъ, выключаетъ словаковъ уніатовъ изъ числа словаковъ.

поведец граница оставляетъ Топлу, переходитъ къ Валькову на Омдавѣ и идетъ по ту сторону ея на сѣверо-востоку черезъ Верхнюю Ситинцу къ Грабовцу на Лаборцѣ, далѣе обходитъ Панину и Снину (Szinna), поворачиваетъ опять на западъ ниже Гуменнаго и направляется на югъ чрезъ Порубку, Калушъ, дѣлаетъ выступъ къ востоку, обходя Собранцъ подходитъ къ Ужгороду и далѣе чрезъ Лучки (Nagy Lucska) и Зинтино (Jzsnete) къ Мукачеву. У Мукачева прерывается нѣмецкими и нѣмецко-русскими поселеніями, идетъ далѣе чрезъ русско-нѣмецкое Бартово къ Реметѣ на Боршовѣ, дѣлаетъ выступъ къ западу на правомъ берегу Борноны до мадырско-русскихъ Nagy Béganу и Дравцы (Dagócz), возвращается опять къ востоку до Egtes и достигаетъ Тисы у мадырско-русскаго Tisza Ujlak. На югъ отъ Тисы идетъ вдоль границы Бережской, Угочской и Сатмарской столицъ до мадырско-русскаго Яблувъ (Nagy Almás) на Турѣ (къ югу отъ Туры—выгибъ на западъ до Kis Namény, Jánk, Csegöd—здѣсь переиѣшаны мадыры, русскіе и румыны), возвращается ниже Гальмина (Halmi) опять черезъ Туру и переходитъ къ сѣверу къ рум. Бочкову (Biskeu) и Batartscha.

Отъ Бочкова чрезъ Хижи (Kis Tarna) къ южной границѣ Марамарошской столицы и по ней до мѣстности выше Mosesdorf, переходить въ Марамарошскую столицу, между русскими Ремета и румынскими Сапунка достигаетъ Тисы, переходитъ выше мадыро-русскаго Долго-поле (Hosszumező) на правый берегъ Тисы, изгибается къ сѣверу выше румынскихъ Верхняя и Нижняя Анна, достигаетъ рѣки Вышеевы у русско-мадырскаго Veresmart и идетъ по Вышеевѣ до мѣстности нѣсколько выше румынско-нѣмецко-русской Верхней Вышавы (Felső Vissó). На югъ отъ Вышеевы расположена чисто русская Верхняя Руна (Felső Róna), мадырско-русско-нѣмецкое Костель (Rópaszék) и румынско-нѣмецко-русское Петрова. Послѣ Верхней Вышавы переходить на другую сторону Борни и направляется къ границѣ Угрін и Галичины.

При этомъ опредѣленіи мы оставили безъ вниманія тѣ отклоненія границы Чернига къ западу и югу въ Шаринской и Земплинской столицахъ, гдѣ русское населеніе, по его словамъ и картѣ, сильно переиѣшано съ словаками и мадырями.

Бидерманъ. Отъ границы Галичины, Оравской и Спишской столицъ по сѣверному склону Магуры къ Люблову (Lublau), отсюда поворачиваетъ на югъ чрезъ Ридорфъ, Левочу до параллели Göllnitz, потомъ направляется на востокъ чрезъ Göllnitz, затѣмъ на юго-

востокъ чрезъ Золотую Идку (Arapu Idka), перерѣзываетъ выше Сиины (Szinpa) почтовую дорогу изъ Кошицъ въ Мишкольць, достигаетъ чрезъ Gölcz и Толчва хребта Подгорья (Negyállya), идетъ по нему къ Шаторалья Уйгелю и далѣе къ слиянію Латорицы и Лаборца, подымается нѣсколько вверхъ по Латорицѣ и загибается на сѣверъ къ слиянію Лаборца и Уга. Слѣдуя теченію Уга, она захватываетъ на лѣвомъ его берегу села Тегенус. Павловцы (Pálcs), Высока и Дарма и достигаетъ Ужгорода, откуда направляется на юго-востокъ по сѣверной границѣ бывшаго Кассонскаго округа, и послѣ выступа къ югу около Зинтина возвращается къ Мукачеву. Далѣе поворачивается на югъ къ рѣчкѣ Илонивъ, слѣдуетъ сперва ея изгибамъ, затѣмъ въ Угорской столицѣ проходитъ ниже Magyar-Komját, Eg-gés, Малую Копаню (Kis-Király), Királyháza, Дубовнику (Tölgyes-falu), Хижн (Kis-Tarna). Въ Марамарошской столицѣ идетъ по границѣ бывшаго Тячовскаго округа по южному берегу Тисы, переходитъ на сѣверный ея берегъ къ Грунцеву и обгибая Среднюю и Верхнюю Аину возвращается чрезъ Veresmart на южный ея берегъ, черезъ Верхнюю Руку достигаетъ слиянія Тисы и Вышеевы, подымается по Вышеевѣ до Вышовой (Felső-Vissó), отсюда выше Боржавскихъ рудниковъ направляется къ горѣ Supalac на Галицкой границѣ.

При *нашемъ* опредѣленіи границъ, мы, по указаніямъ нашихъ знакомыхъ угоруссовъ, отмѣчали на подробной картѣ Угорскаго королевства ¹⁾ цѣль русскихъ селъ, находящихся на окраинѣ мѣстности, занятой славянскимъ населеніемъ, говорившимъ по-русски.

Наша граница совпадаетъ по большей части съ границей, пропеленной Чернигомъ. Важнѣйшія отступленія—почти всѣ въ ущербъ русскому языку—слѣдующія (начиная съ сѣверо-запада):

Русскій выступъ къ югу отъ Плавца чрезъ Якубяны доходитъ у Чернига до Ренаша и Ольшавицы, по нашимъ же даннымъ русская граница послѣ Якубянъ сразу поворачивается на востокъ чрезъ Шопронъ и лишь у Кіева вновь сливается съ границей Чернига.

Точно также южная часть русскаго выступа къ Якубовцамъ должна быть отнесена къ области словацкаго языка. Наша граница не доходя до Якубовецъ направляется къ востоку черезъ русскія села: Лучина, Градиска и Gerald ²⁾.

¹⁾ Administrativ und general-Karte des Königreiches Ungarn 1858 г., изданная Вѣнскимъ военно-географическимъ институтомъ въ масштабѣ 1 : 288000.

²⁾ Здѣсь противорѣчіе между данными Чернига и нашими: къ сѣверу отъ этой черты по Чернигу есть нѣсколько словацкихъ селъ, у насъ же—только русскія.

По Черингу, на Ондавѣ находится словацкій островъ отъ Стропкова до Большой Брезинцы. по нашимъ же даннымъ словацкіи села занимаютъ берега Ондавы отъ Стропкова до Валькова.

На Лаборцѣ часть отъ Грабовца до Horgbok Csebinye мы также должны обозначить, какъ словацкій выступъ; на югъ отъ Чинвы и Гуменпаго по нашимъ даннымъ граница доходитъ лишь до Вальяшковецъ (Valyaskócz) и, поворачивая на югъ, идетъ по вершинѣ хребта Дѣля къ Ужгороду. На западномъ склонѣ Дѣля только въ селѣ Подгорьи (Vágalya) говорятъ по-русски. Такимъ образомъ вся остальная часть русской области, отъ Вальяшковецъ до Ужгорода, очерченной Черингомъ (черезъ Порубку) выдѣляется нами.

Дальнѣйшая, начинающаяся отъ Ужгорода, русско-мадьярская граница наша совпадаетъ почти вполнѣ съ границей Чернига. Должны быть исключены изъ русской области: 1) выступъ отъ Реметы къ Nagy Bégaпу и Дравцы (Dagócz); наша граница отъ Реметы спускается прямо на югъ до встрѣчи пловъ съ границей Чернига. За то Черный Потокъ (Fekete Patak) намъ, назвали русскимъ селомъ. 2) Затѣмъ — весь выступъ къ югу отъ Туры (къ Kis Námény, Iánk. Szegéd). Наша граница даже нѣсколько не доходитъ до Туры, продолжая сѣвернѣе Яблуня (Almás) чрезъ Batár и Hómlécz до границы Чернига, опять подымающейся къ сѣверу.

Надо однако замѣтить, что оба эти выступа — особенно къ югу отъ Туры — и у Чернига не обозначены чисто русскими. Здѣсь русскіе сильно перемѣшались съ мадырами и отчасти румынами. Возможно, что и теперь тамъ и здѣсь уцѣлѣли русскіи села, но они не отмѣчены нами, такъ какъ слишкомъ далеко заброшены отъ сплошнаго русскаго населенія.

Русско-румынская граница наша отстываетъ отъ границы Чернига только въ части между Вышеевой и границей Галичины. Наша граница совпадаетъ съ границей Головацкаго, слѣдовательно, идетъ нѣсколько западнѣе, чѣмъ у Чернига. Остальная же часть русско-румынской границы отмѣчена нами одинаково съ Черингомъ.

Если мы сравнимъ, такимъ образомъ, вышеуказанныя опредѣленія границъ угроруссовъ, данныя Шафарикомъ, Головацкимъ, Черингомъ, Бидерманомъ и нами, то должны прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

Границы сплошнаго русскаго населенія съ мадырами и румынами показаны всѣми почти *одинаково* (о выступахъ къ западу отъ Реметы и югу отъ Туры мы уже сказали выше). Правда, если отмѣтити ихъ на картѣ, то граница Бидермана, и особенно Головацкаго, — отъ

Ужгорода до Тиси—Уйлака пройдутъ нѣсколько южнѣе границы Чернига: но это совершенно объясняется тѣмъ, что у Бидермана и, особенно, у Головацкаго, границы не указаны такъ подробно, какъ у Чернига и, слѣдовательно, не могутъ точно передать дѣйствительнаго направленія сильно извивающейся пограничной линіи, а должны быть выражены прямыми линіями, соединяющими названные крайніе пункты.

Болѣе крушая разница замѣчается въ направленіи русско-румынской границы въ Марамарошѣ отъ галицкой границы къ югу—до Вылесеы. У Шафарика она отодвинута слишкомъ на западъ. Врядъ ли можно думать, чтобы русскіе внослѣдствіи вытѣснили румынъ и придвинулись на востокъ и югъ, тѣмъ болѣе, что Головацкій въ 1843 году проподитъ эту границу такъ же, какъ и мы. Вѣроятнѣе всего—у Шафарика не было точныхъ свѣдѣній объ этомъ, и позже вообще мало изслѣдованномъ, уголкѣ Марамарошской столицы.

Разница же между той же границей у Головацкаго и насъ съ одной стороны и у Чернига и Бидермана съ другой—весьма незначительна, да и касается мало населенной мѣстности. Только объ одной Верхней Вышовѣ можетъ быть возбужденъ вопросъ, но мы не обладаемъ данными для его рѣшенія.

Такимъ образомъ, невидимому, граница *столѣною* русскаго населенія и въ настоящее время вообще осталась на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее проводили Шафарикъ, Головацкій, Чернигъ и Бидерманъ, не отступивъ назадъ въ ущербъ русской народности. Въ подтвержденіе этого укажемъ еще то, что границы русско-мадьярская и русско-румынская и на картѣ Ле-Моннье, основывавшагося на данныхъ официальной статистики, также почти совпадаютъ съ нашими. Только островъ мадьярскій около Вышкова и Тячева, по Ле-Моннье, увеличился.

Совершенно другое относительно русско-словацкой границы. Здѣсь мы видимъ весьма большое разногласіе.

Какъ мы уже выше упомянули, такая разница въ опредѣленіи границы угро-русскаго населенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, на сколько каждый авторъ считаетъ возможнымъ выдѣлить область чисто словацкаго языка. Менѣе всего выдѣляетъ Бидерманъ, за нимъ слѣдуетъ Головацкій, далѣе Шафарикъ и, наконецъ, Чернигъ ¹⁾). На основаніи нашихъ данныхъ мы должны были еще дальше, тѣмъ Чернигъ, отодвинуть границы чисто русской рѣчи.

¹⁾ Гораздо дальше выдвигаетъ вообще область угро-руссовъ г. Кочубивскій въ своемъ отчетѣ: „Крайнія населенія лемковъ на западѣ переходятъ Шоврадъ“

Но помимо этой, такъ сказать, субъективной причины, мы должны отчасти указать и на возможность дѣйствительнаго распространенія словацкаго элемента въ ущербъ русскому—на постепенный процессъ ославаченія.

Словацкая интеллигенція, особенно аристократія, вообще мало дорожитъ своимъ языкомъ. Но въ массахъ простаго народа живетъ безсознательное упорство въ удержаніи національности. Такое упорство въ соединеніи съ подвижностью словаковъ, съ ихъ способностью къ колонизаціи, плодovitостью и энергіей, дѣлаетъ словаковъ опасными для сосѣднихъ народовъ. И это данно уже замѣчено. Еще въ XVIII вѣкѣ Матвѣй Бѣль въ своемъ: *Notitia comitatus Zemplinensis* ¹⁾ пишетъ: „*Quem admodum deficiunt Hungari, ita Slavi proficiunt, etsi non tam opibus, quam colonia. Vix unum vicum videas sine Slavis...* Далѣе онъ замѣчаетъ о русскихъ: *dum Ruthenis...* (словаки) *miscentur, inspirant eisdem quoque consuetudinem vagandi, quum alioquin gens haec difficiliter migret, nisi mandato deducta*“.

Фейеръ, въ мадырскомъ переводѣ энциклопедическаго словаря Губнера, подъ словомъ: *Magyar ország* восклицаетъ: „Горе мадырскому или ибменскому селу, гдѣ когда нибудь поселятся словаки, ибо они совершенно вытѣснятъ оттуда другія народности“.

Чапловичъ, признавая вѣрность этихъ словъ Фейера, прибавляетъ: „Со дня на

Немного же восточнѣе Попрада начинается западная граница венгерскихъ русиновъ—у села Липника. По направленію къ югу она идетъ мимо гор. Kniesen, Kosmark, Lentschau къ Гернаду, затѣмъ правымъ берегомъ Гернада къ Abos'у и Кошицамъ. Отсюда она принимаетъ юго-западное направленіе, слѣдуя теченію Боды до Минкольца, гдѣ сворачиваетъ на востокъ вдоль рѣки Sajó, до впаденія ея въ Тису. Переѣдя Тису, она идетъ къ Дебредину, отсюда ломанной линіей мимо Nagy-Kiraly къ Szathmar-Nemeti (на среднемъ Самощѣ), Густу (на верхней Тисѣ), мимо Виека, Сигета, Viszo и Русковой къ горамъ, составляющимъ подоравдъ Тисы и Прута“ (стр. 124). Основанія для проведенія такой границы высказаны г. Кочубинскимъ на стр. 110: „О восточныхъ комитатахъ трудно сказать, гдѣ кончатся словацкія поселенія и начинаются русскіи: при близости другихъ особенностей нарѣчій, одно полногласіе можетъ указать, кто словакъ, кто руснакъ; но на полногласныхъ формахъ язвана было гошеніе со стороны католическихъ священниковъ, полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, такъ что руснакъ, смотря по тому, съ кѣмъ говоритъ, употребляетъ то одну форму, то другую (?). По моему мнѣнію одно вѣрно: что православное,—то русское, но что не православное, то еще не словацкое“. Такимъ образомъ, г. Кочубинскій отказывается отъ выдѣленія православныхъ-уніатовъ словаковъ отъ русскихъ на основаніи языка. Поэтому и мы не останавливаемся на разсмотрѣніи указанной имъ границы.

¹⁾ Рукопись № 274 въ Пештскомъ національномъ музѣѣ.

день увеличивается число словаковъ, такъ какъ мадьяры, равно какъ и цѣмцы, русскіе, сербы, охотно усваиваютъ себѣ языкъ словацкій¹⁾.

О склонности русскихъ подражать словакамъ говорить и Головацкій¹⁾, сообщая слѣдующее о галицкихъ лемкахъ: „Лемко не родится съ мазуромъ, не переживаетъ отъ него ничего, ни платья, ни обычая. Напротивъ того, онъ охотно общается со словаками, легко привыкаетъ къ словацкой рѣчи, любитъ иногда похвастать знаніемъ словацкаго нарѣчія, которое даже считаетъ чѣмъ-то лучшимъ и вышнимъ своего роднаго. Побывавъ на заработкахъ или въ услуженіи за Бескидомъ, парни и дѣвки переживаютъ словацкую рѣчь и часто переимѣняютъ свои имена: Пастка, Фени, Парася—на словацкіи: Аница, Катца или Марца“²⁾.

Тѣмъ сильнѣе должно быть словацкое вліяніе на угорской Руси при непосредственномъ сношеніи и перекрещиваніи угроруссовъ и словаковъ. Процессъ распространенія словацкой народности въ ущербъ мадьярамъ задерживается теперь искусственными мѣрами. Русско-словацкіи отношенія предоставлены своему естественному теченію.

II. Численность. Показанія относительно численности угроруссовъ, также довольно сильно расходятся между собою. Колебаніе зависитъ и отъ свойствъ источниковъ и отъ національныхъ и политическихъ симпатій авторовъ. Главную же роль играетъ все-таки вопросъ объ униатахъ-руснакахъ, говоръ которыхъ приближается къ Словакамъ. Угроруссъ Орлай въ 1826 г. опредѣлялъ число угроруссовъ въ 800.000. Чанловичъ—358.913 чистыхъ русскихъ и 152.692 русскихъ ославчанныхъ—всего 511.605. Шафарикъ—625.000. Головацкій въ 1843 г. (по даннымъ отъ 1840 г.)—471.500. Фельшъ въ 1833 г.—442.903 (Statistik von Ungarn — тоже по даннымъ 1840 г.). По официальной переписи 1851 года—321.598. Срезневскій около 520.000. Чернигъ на основаніи данныхъ той же официальной переписи 1851 года—447.377—безъ войска. Видерманъ не менѣе 500.000—униатовъ, крогъ 75.000 католиковъ и 20.000 протестантовъ. Брахелли для 1869 г.—455.000 (Statistische Skizze der Oesterreichischen Monarchie). Крижекъ, съ которымъ соглашается и Будловичъ — по даннымъ переписи 1869 г.—596.500 (Statistika cisatsvi Rakouského). Шиндтъ въ 1872 г. на основаніи расчетовъ статистиковъ мадьярскихъ Келети и Гун-

¹⁾ Ифен, 1878 г. „

²⁾ Ср. также Торальскій „Русины-лемки“ въ *Зарѣ Галицкой*, 1860 (у Кочубинскаго, къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣч., *Зап. Нов. унив.* XXV, стр. 10).

фальви—448.000 (Statistik der österreichisch-ungarischen Kaiser-Staates). Головацкій въ 1878 г. 476.500. Огоновскій—520.000. Официальная перепись 1880 года 360.915 и Фенцикъ 507.973 (последній только въ Мукачевской и Пришевской епархіяхъ).

Какая же изъ этихъ разнообразныхъ цифръ должна считаться болѣе достоверной? Въ настоящее время для рѣшенія этого вопроса положительно нѣтъ точныхъ и достоверныхъ данныхъ. Можно, пожалуй, попробовать опереться на данныя схематизмовъ тѣхъ униатскихъ епархіи, которымъ подчинены угороруссы—Мукачевской, Пришевской, Велико-Варадинской и Крижевецкой. Такъ поступалъ, напримѣръ, Головацкій и другіе русскіе изслѣдователи, выдѣляя изъ общаго числа униатовъ, мадьяръ и румынъ, но не касаясь вопроса объ униатахъ, приближающихся по говору къ словакамъ. Дѣйствительно, въ схематизмахъ при перечисленіи приходовъ опредѣляется языкъ прихожанъ: *lingua ruthenica, hungarica et ruthenica, ruthenica et hungarica, slavoruthenica, valachica*. Но и эти данныя далеко не удовлетворительны, не точны и на нихъ нельзя съ увѣренностью полагаться. Во первыхъ, въ приходахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ не только не опредѣляется количество душъ, употребляющихъ тотъ или другой языкъ, но не указано и то, въ какихъ деревняхъ приходъ какой именно языкъ господствуетъ. Вторыхъ, такого рода показанія схематизмовъ обыкновенно переписываются изъ года въ годъ машинально, хотя бы на самомъ дѣлѣ произошли тѣ или другія измѣненія относительно языка прихожанъ. Такъ, напримѣръ, въ приходахъ Сабольчской и Сатмарской столицъ въ Мукачевскомъ схематизмѣ 1888 года помѣчено: *Penészlek, Nyir Béktek, Nyir Vasvárt. Mária-Pöcs-lingua hungarica et ruthenica; Nyir Lugos u Császári-lingua ruthenica*. Между тѣмъ лица, знающія эти мѣстности, говорили намъ, что въ названныхъ селахъ лишь нѣсколько стариковъ помнятъ еще русскій языкъ. Втретьихъ, наконецъ, въ схематизмахъ нѣтъ попытокъ отдѣлять словаковъ и русскихъ по языку. Въ схематизмѣ Пришевской епархіи помѣчено вездѣ неопредѣленно—*lingua slavo ruthenica*.

Мы произвели на основаніи схематизмовъ Мукачевскаго 1888 года, Пришевскаго 1878 года и Велико-Варадинскаго 1890 года слѣдующее вычисленіе. Въ смѣшанныхъ приходахъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ (*lingua ruthenica et hungarica*) мы отнесли $\frac{2}{3}$ къ русскимъ, $\frac{1}{3}$ къ мадьярамъ; въ приходахъ, гдѣ преобладаютъ мадьяры (*lingua hungarica et ruthenica*), наоборотъ.— $\frac{2}{3}$ къ мадьярамъ и $\frac{1}{3}$ къ русскимъ. Гдѣ употребляются три языка, относили къ

русскимъ $\frac{1}{3}$. Такимъ образомъ мы получили: въ Мукачевской епархіи въ чисто русскихъ приходахъ около 321.500 душъ, въ смѣшанныхъ—на долю русскихъ пришлось около 26.500—*всего 348.000 душъ*. Въ Припьевской—въ чисто-русскихъ приходахъ—122.500 душъ, въ смѣшанныхъ-русскихъ 15.000—*всего 137.500*. Въ Велико-Варадинской—въ чисто русскихъ приходахъ 4.100, въ смѣшанныхъ-русскихъ 2.200. *всего 6.300*. Въ Крижевецкой—по указанію Головацкаго (у насъ схематизма не было) ¹⁾ около 7.600 душъ русскихъ. Общая сумма всего русскаго населенія въ Угріи—*не отдѣляя* уніатовъ употребляющихъ болѣе или менѣе близкій къ словацкому языкъ—499.400 душъ, то-есть, *около 500.000*. Мы думаемъ, что это скорѣе *мнѣніемъ*, чѣмъ *фактомъ*.

Обращаясь къ вышеуказаннымъ нами границамъ болѣе или менѣе чисто русской рѣчи, мы вычисляли по схематизмамъ количество населенія, живущаго внутри этихъ границъ, и получили для Мукачевской епархіи цифру 262.523, для Припьевской 96.351, — *всего 358.874*. Не вошедшее въ эту цифру число лицъ употребляющихъ русскій языкъ *имъ* данныхъ предѣловъ, живущихъ разбросанно среди другихъ народностей, врядъ ли будетъ превышать 40—50.000. Такимъ образомъ, общій цифра говорящаго русскимъ языкомъ населенія могла бы быть опредѣлена приблизительно въ 400.000

Отъ болѣе точныхъ выводовъ мы должны, за неимѣніемъ достовѣрныхъ источниковъ, отказаться.

III. Мѣстныя прозвища. Одни народныя прозвища тѣхъ или другихъ группъ угрорусскаго населенія основаны на характеристическихъ особенностяхъ говора (цотаки, сотаки, цепеняки, лемаки, лишаки), другія — на мѣстности, занимаемой этими группами (Верховинцы, Долинщина, Крайняне и др.), третья, наконецъ,—неизвѣстнаго происхожденія (Гуцулы, Войки).

Оставляя пока въ сторонѣ прозвища, характеризующія особенности говоровъ, скажемъ о двухъ послѣднихъ родахъ прозвищъ.

Прежде всего отмѣтимъ, что о такихъ народныхъ прозвищахъ на угорской Руси мы имѣемъ очень немного извѣстій, да и то довольно смутанныхъ и не точныхъ. Къ тому же очень часто мѣстныя прозвища, дѣйствительно существующія на сѣверномъ склонѣ Карпатъ, переносятся изслѣдователями и на угорскую Русь, хотя, при

настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній, трудно сказать съ увѣренностью, употребляются ли они на Угорщинѣ.

Наиболѣе распространены и охватываютъ большую часть угроруссовъ названія: *Верховинцы* (также Горняне, Гориняне) и *Долинняне* (также Долиняне, Нижняне; Бидерманъ называетъ ихъ также и Влахами, но никто другой такого названія не упоминаетъ).

Срезневскій помѣщаетъ Верховинцевъ въ западной части Марамарошской столицы и сѣверной части Бережской; Черницъ—къ сѣверозападу отъ Гуцуловъ, повидимому, отождествляя Верховинцевъ съ Бойками, да и то, кажется, онъ говоритъ только о Галичинѣ¹⁾. Головацкій²⁾ называетъ Верховиной только западную часть горной страны Марамарошской столицы, ту трехугольную котловину, которая окаймлена съ трехъ сторонъ громадными горами и лишь по южному склону доступна, но долинамъ большаго Ага и Талабора. Опредѣленіе это конечно, слишкомъ узко. Бидерманъ даетъ болѣе общее и болѣе вѣрное опредѣленіе, говоря, что Верховинцы живутъ въ непосредственно граничащихъ съ Галичиной частяхъ Марамарошской, Бережской и Ужанской столицъ.

Дѣйствительно, самое названіе Верховинцы показываетъ, что это обитатели верхней, болѣе высокой части Карпатвъ, Долинняне же—ихъ отроговъ, спускающихся къ угорской низменности „Дольней землѣ“ (Al-föld). Границы Верховины можно опредѣлить приблизительно такъ: въ Марамарошской столицѣ отъ Рахова чрезъ Березникъ и Синій Вирь (Szinevár) къ Волоному, въ Бережской—соотвѣтствующая этому сѣверовосточная часть столицъ, въ Ужанской—къ востоку и сѣверовостоку отъ черты Перочинъ-Березное и въ Землянской—къ сѣверу отъ черты Березное-Гуменное.

Въ статьяхъ „Угроруссы“ въ *Благовѣсть* указано слѣдующее отличіе Верховинцевъ отъ Долиннянъ—Верховинцы сѣютъ и питаются овсомъ и картофелемъ, Долинняне же—кукурузой.

Прибавимъ къ этому многими высказывавшееся замѣчаніе: говоръ Долиннянъ сильно смѣшанъ съ чуждыми—мадярскими и отчасти нѣмецкими элементами, Верховинцы же сохранили его гораздо чище.

Другое, менѣе распространенное и менѣе обширное названіе—*Крайна*, *Крайняне*. Срезневскій упоминаетъ о Крайнѣ въ Ужанской и Землянской столицахъ—въ послѣдней—съ вершинъ Карпатскихъ

¹⁾ Nordwestlich von ihm (Huzulen-Stamme) die Bojken als die „Männer der Hohen“ auftreten.

²⁾ Пѣски, I.

горь до Гумениаго. Вндерманъ говоритъ о Маковицкой Крайиѣ (у Срезневскаго—просто Макова, жители ея—Маковцы, Маковяне). Головацкій помѣщаетъ Крайиу на западъ отъ Верховиши узкой полосой до р. Латорицы.

Намъ лично извѣстны названія: Земплинской Крайины—къ сѣверу отъ Михайловець и Бережской—къ востоку отъ Мукачева.

Еще меньшее пространство обнимаетъ слышанное нами названіе *Поляки*: въ Ужанской столицѣ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Березнаго. Народъ, слѣдовательно, считаетъ обитателей этой мѣстности позднѣйшими выходцами изъ Галичины. Галичина и русскіе — галичане—у угроруссовъ *Польша, Поляки*.

Гуцулы. Срезневскій упоминаетъ о Гуцулахъ въ Мармарацинѣ, восточной части Марамарошской столицы. Головацкій перечисляетъ 22 гуцульскихъ села (въ той же мѣстности, гдѣ и Срезневскій) и даетъ ихъ число 15.384 (для 1872 года). На этомъ точномъ и опредѣленномъ показаніи Головацкаго мы и должны остановиться, хотя намъ на Угорской Руси ничего не могли сказать о Гуцулахъ и отвѣчали только, что Гуцулы живутъ въ Польшѣ — не смотря на то, что мы носѣтили села, почти сосѣднія съ Гуцулами (Иски, Студеное (Hiddeg-Patak)).

Загадочное названіе *Бойки* нѣкоторыми приписывается также одной части угроруссовъ. Срезневскій называетъ Бойками сѣверныхъ Горянъ отъ Латорицы до Понрада. Мнѣніе Чернига приведено выше.

Михальчукъ, слова котораго повторилъ и Огоновскій, упоминаетъ о Бойкахъ, попадающихся спорадически въ Сатмарской и Бережской столицахъ (что вѣдь ли вѣроятно). Головацкій отказывается отъ возможности опредѣлить, гдѣ именно живутъ Бойки — даже въ Галичинѣ, въ которой названіе это дѣйствительно распространено. „Въ высшей степени трудно опредѣлить мѣстожителство настоящихъ Бойковъ, тѣмъ болѣе, что такъ называемые Бойки ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей—ни тѣлосложеніемъ, ни облакомъ, ни народнымъ бытомъ, ни одеждой, ни домашней обстановкой, ни народными вѣснями, ни языкомъ“. Въ другомъ мѣстѣ: „Самъ народъ никогда не называетъ себя Бойкомъ, а каждый отказывается отъ него съ негодованіемъ на отрубъ, считая его обиднымъ именемъ“.

Въ виду всего этого, а также потому, что намъ на Угорщинѣ отрицали существованіе тамъ названія Бойковъ, мы думаемъ, что—до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній—вопросъ о Бойкахъ угрорусскихъ долженъ пока считаться открытымъ.

Что же касается *Тухольцевъ*, *Куртаковъ* и *Чудонцевъ*, которыхъ Михальчукъ помѣщаетъ въ какіе то югозападные комитарты (!), то, какъ ясно указалъ Головацкій, эти названія вовсе не существуютъ въ народѣ, а сочинены Винцентіемъ Полемъ¹⁾ для Галичины, и произвольно перенесены Михальчукомъ на югъ отъ Карпатъ.

IV. Говоры. Относительно характеристики угорусскихъ говоровъ и ихъ географическаго распространенія мы находимся почти что въ полной невѣстности. Прежде всего имѣть достаточнаго и, главное, достовѣрнаго матеріала. Правда, мы имѣемъ порядочное количество угорусскихъ пѣсень, главнымъ образомъ въ сборникѣ Головацкаго²⁾. Но, во первыхъ, пѣсни вообще не могутъ служить надежной основой для выводовъ—они часто переносятся изъ одной мѣстности въ другую, мало подвергаясь измѣненіямъ и въ отношеніи языка. Вторыхъ, въ существующихъ сборникахъ далеко не всегда обозначено, въ какой именно мѣстности записаны тѣ или другія пѣсни. Наконецъ, напечатаны пѣсни по большей части такимъ правописаніемъ, которое не точно передаетъ дѣйствительный народный выговоръ. Особенно у Головацкаго при употребленіи ѣ, ѓ, ѣ совершенно скрадываются весьма характерныя особенности говоровъ. Прозаическаго же вѣрно записаннаго матеріала у насъ очень и очень мало. Кромѣ того подготовительныя работы почти отсутствуютъ. Память известна только вышеуказанная монографія Верхратскаго. Въ другихъ сочиненіяхъ, касающихся вообще южнорусскаго нарѣчія, говорится, правда, и объ угорусскихъ говорахъ, указываются иногда различныя явленія, существующія параллельно въ языкѣ разныхъ частей угорусскаго населенія. Но, во первыхъ, такихъ указаній очень мало, вторыхъ, они весьма рѣдко, или же не точно приурочены географически, а, наконецъ, нигдѣ не опредѣлены границы распространенія тѣхъ или другихъ особенностей.

Въ виду такого положенія вопроса объ угорусскихъ говорахъ, мы рѣшаемся предложить и тѣ немногочисленныя замѣтки, которыя были сдѣланы нами о нѣкоторыхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза осо-

¹⁾ Rzut oka na róŕnocne stoki Karpat 1851.

²⁾ См. перечисленіе сочиненій объ угорской Руси у де-Волана, Угорусскія народныя пѣсни стр 2, пр. 1. Издавшій въ 1890 г. въ Ужгородѣ *Врибелемъ* (изъ Керестура въ Бачкѣ) „Русскій Соловей“ даетъ 60 страницъ пѣсень на „Бачванскомъ и Землянскомъ діалектѣ“, то-есть, цотакомъ — изъ Бачки, Земляна, Шарша и Сяша. См. также пѣсни, печатаемыя въ приложеніяхъ къ „Листву“

бешностяхъ. При этомъ считаемъ необходимымъ прибавить, что о говорахъ угроруссовъ Пришевской епархіи намъ, по случайнымъ обстоятельствамъ, удалось приобрести меньше свѣдѣній, чѣмъ о говорахъ угроруссовъ Мукачевской епархіи.

Изъ предшествующихъ сочиненій мы выбирали только такія данныя, при которыхъ указано, хотя бы приблизительно, *идя именно* распространены разсматриваемыя явленія.

Коснемся слѣдующихъ особенностей: употребленіе *лемъ* и *лишьъ*, переходъ *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ въ *і* (иногда *е*) *у*, *ю*, проношеніе *чю* (що, што, что, со), различіе или смѣшеніе *м* и *н*.

1) *Лемъ—лишьъ*. По употребленію этихъ частицъ народъ раздѣляютъ себя на двѣ части—*лемакъ* и *лишакъ*. *Лемки*, какъ извѣстно, существуютъ въ Галичинѣ, но объ отношеніи ихъ къ угрорусскимъ лемакамъ мы говорить не будемъ, такъ какъ—не смотря на замѣчаніе Верхратскаго (см. ниже).—для насъ не совсѣмъ ясно, на сколько общее употребленіе *лемъ* можетъ свидѣтельствовать о тождествѣ и другихъ особенностяхъ говора галицкихъ лемковъ и угрорусскихъ лемаковъ.

Срезневскій совсѣмъ не упоминаетъ ни о лемакахъ, ни о лишакахъ. Чернигъ знаетъ, правда, тѣхъ и другихъ но, удивительнымъ образомъ, изъ 447.377 угроруссовъ—только 60.000 относитъ къ лемакамъ и 90.000 къ лишакамъ, предполагая, такимъ образомъ, что остальные не употребляютъ ни *лемъ*, ни *лишьъ*.

Михальчукъ помѣщаетъ лишаковъ въ Ужанской столицѣ, Голодацкій—въ Марамарошѣ. Огоновскій въ высшей степени странно и неопредѣленно характеризуетъ вообще говоры угроруссовъ: „Часть Марамарошской столицы занята гуцулами, Сатмарской и Бережской—Бойками, Синшской—лемками. Остальные угроруссы говорятъ нарѣчіемъ, въ которомъ смѣшаны говоры гуцуловъ, Бойковъ и лемковъ“. Верхратскій, въ своей монографіи занимающійся говоромъ марамаронскихъ лишаковъ, дѣлитъ угроруссовъ на двѣ части по ихъ говору: *лемки* и *лишаки*. „Говоры ихъ“, замѣчаетъ Верхратскій, „различаются не только употребленіемъ *лемъ* и *лишьъ* но и другими особенностями. Нарѣчіе лемаковъ, которымъ говорятъ большая часть угроруссовъ, вообще—если не обращать вниманія на мѣстныя варіаціи—сходно съ нарѣчіемъ галицкихъ лемковъ“.

Такимъ образомъ, по Верхратскому, лишаки живутъ лишь въ Марамарошѣ. Намъ говорили то же самое и указывали, что лишаки живутъ къ сѣверу и востоку отъ села Долга на Боршовѣ. Остальные угроруссы—лемки.

2) *б, ё*, произносятся тройко: *і* (и *и*), *у, ю* (*ё*—только *і* и *ю*): *кинъ, нинъ, титка; юнь, юнь, тютка; кунъ, пунъ, тютка*.

По Бидерману, на Верховинѣ говорятъ *кинъ, Визъ*. Кочубинскій (стр. 125): „О или остается безъ измѣненія (кошь, пошь), или измѣняется: въ *і* (Шаринъ, Землинъ), въ глухой звукъ (?) (Сининъ), въ *у, ю* (Мункачъ, Бережаны). Михальчукъ сообщаетъ: „въ Сукмарской и Беречской (!) столицахъ, у Войковъ—*у, уі* (изъ нихъ *уі* особенно у Тухольцевъ, пограничныхъ съ гуцулами), а на Подгорьи, въ среднихъ Бескидахъ и въ югозападныхъ комитатахъ, у Куртаковъ или Чухонцевъ (то-есть, у лемковъ, крайняковъ и лишаковъ, а также у спижковъ (!) и сотаковъ)—*и, ві: луйі, суі, вуі; куркій, луй, суль, вуль; лий, силъ, винъ, шркій; лий, силъ*“. Нельзя сказать, чтобы особенно ясно! Семеновичъ передаетъ: „Горѣшяне произносятъ *кинъ*, Долѣшяне *кунъ, юнь*. Въ Сатмарскомъ и Беречскомъ комитатѣ преобладаетъ *у, ю* надъ *и*, въ другихъ—наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шаринскаго и Синискаго комитатовъ, какъ отчасти и у лемковъ,—мы вытѣснило *и: юнь, юнь* волъ“. По Верхратскому, марамаронскіе лишаки произносятъ *кунъ, тютка, вечуръ*.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ нами, произношеніе *б, ё* распределяется приблизительно такъ:

а) *кинъ, нинъ, титка* произносятся въ Марамарошѣ, начиная отъ Менья (Кѳогтезѳ) къ югу по Тисѣ до Рахова (Акна Вавѳ). Отсюда граница переходитъ на Кобылью Поляну на Сопуркѣ, Врустуру и Русску Мокру на Тересвѣ (Тарасъ), Синій Виръ на Талаборѣ, Воловье (Ожогтезѳ) на большомъ Агѣ, Вереликъ на Боршовѣ и оттуда подымается на сѣверъ къ Галицкой границѣ (Иски, Студеое). Въ Ужаской столицѣ охватываетъ небольшое пространство, граничащее съ Галицкой—по теченію Лютой и Ужка, притокомъ Уга. Въ Землинской—въ верхней долині Лаборца.

Такимъ образомъ произношеніе *кинъ, нинъ* распространено, повидимому, не по всей Верховинѣ.

б) *Юнь, юнь, тютка* начинается нѣсколько къ западу отъ Густа, простирается на Угочскую столицу, въ Марамаронской столицѣ переходитъ къ Вилкамъ на Боршовѣ, охватываетъ долину Боршова до Керецкихъ, занимаетъ южную часть Беречской столицы до Мукачева, а также долину Латорицы (крошъ верховья).

в) Остальная часть угороруссовъ въ Марамаронской, Беречской, Ужаской и Землинской столицахъ произноситъ *кунъ, пунъ, тютка*.

3) *Что*.

а) *что* произносится *що* тамъ же, гдѣ произносится *кѣмъ*, *нѣма*, *нѣмка*. Надо замѣтить, что *що* считается простой народъ чѣмъ то чужимъ, свойственнымъ галичанамъ, „поликаамъ“. Даже если въ книгахъ, попадающихся въ руки народа встрѣчается *що*, книга не особенно ему нравится: „это-де не наше, а польское“.

б) *что* произносится *со* у такъ называемыхъ сотаковъ, которыхъ большинство изслѣдователей считаетъ болѣе близкими къ словакамъ. Грешневскій, напримеръ, говоритъ: „Въ сосѣдствѣ съ крайнянами въ Землинской столицѣ живутъ сотаки, смѣсь русскихъ съ словаками—особенно въ Кранскомъ округѣ съ вершинъ Карпатскихъ горъ за Гуменное. Сотаки кальвинисты чинце говорятъ по-словацки, сотаки православные—нарѣчиємъ, болѣе смѣшаннымъ съ русскимъ“.

Чернигъ прямо причисляетъ сотаковъ къ словакамъ, указывая, однако, что въ ихъ говорѣ много элементовъ русскихъ и отчасти польскихъ. Но Бидерману: „diese Ruthenen—Abart въ отношеніи ударенія (Accentuierung) ближе къ русскимъ, чѣмъ къ словакамъ, однако, большая часть словъ обща сотакамъ съ словаками“.

Мѣстность, которую занимаютъ сотаки, опредѣляется всѣми приблизительно одинаково—она лежитъ между Сншою, Гуменнымъ, Воропономъ (Vagapó). Требиновымъ (Тѣке Terebes), Бутковцами (Butka) и Собранцомъ.

Сотаки сосѣдять и перемѣшаны съ *цотаками*—словаками шаринскаго говора. Вотъ сообщеніями намъ отличія говора сотаковъ и цотаковъ: сотаки говорятъ: *со*, *сорег*, *bulmi*; цотаки: *со*, *legaz*, *bul som*.

в) Въ остальной части Угорской Руси преобладаетъ *што*, рядомъ съ которымъ встрѣчается также *что* и *шо*. Последнее, то есть, *шо*—въ Ужанской столицѣ между Перечномъ и Ужгородомъ, а также въ верхнемъ Земплинѣ на сѣверъ отъ Гуменнаго.

4) *ы*, *и*. Какъ извѣстно, на Угорской Руси болѣе или менѣе сохранилось различіе *ы* и *и*. Въ Марамарошской столицѣ къ югу отъ Тиси, гдѣ расположены селенія Руша и Костель (Rhosaszék), и часто даже вытѣняется *и*: *Господи помилуй*. Тутъ русскіе перемѣшаны съ румынами. Вообще же, повидимому, тамъ, гдѣ произносится *що* и *кѣмъ*, тамъ существуетъ только среднее *и*, *ы* же не слышно. Точно также исчезло *ы* въ восточной части Марамарошской столицѣ, въ мѣстностяхъ по Тисѣ къ востоку отъ Сигота, по Ашитцѣ, Сопуркѣ, Вышеевѣ, Русковой и Бѣлой Тисѣ (Луки, Богданъ). Къ западу отъ Сигота и въ остальной части столицъ Марамарошской, Угочской, Береж-

ской, Ужанской ы и и различаются (кромѣ мѣсть, гдѣ слышится юшь, юо). О Землинской и Шаринской столицѣ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но и тамъ, повидному, различаются ы и и.

Этимъ мы закончимъ наши замѣтки. Мы знаемъ много, что въ нихъ очень мало новаго и еще менѣе—важнаго. Сознаемъ также, что, можетъ быть, то или другое не вѣрно, тѣмъ болѣе, что мы основывались не на личныхъ наблюденіяхъ, а на показаніяхъ другихъ лицъ. Не все таки мы рѣшились сообщить и эти скудныя данныя собственно для той цѣли, чтобы, возбудивъ вопросъ объ Угорской Русн, вызвать на замѣчанія, поправки и дополненія лицъ, болѣе насъ свѣдущихъ.

Изъ представленнаго выше свода свѣдѣній, которые мы могли почерпнуть изъ литературы предмета, видно, до какой степени эти свѣдѣнія скудны, не точны и сбивчивы. Между тѣмъ, угорская часть русскаго племени заслуживала бы большаго вниманія.

Загадочная исторія его поселенія за Карпатами тѣсно связана съ вопросомъ о родинѣ и постепенномъ географическомъ распространеніи всего русскаго племени. Изученіе его просвѣщенія христіанскою вѣрою и сохраненія у него православія дало бы много важнаго для изслѣдователя судьбъ православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгрии. Кромѣ того, замкнутая въ своихъ горахъ народная масса угор-руссовъ сохранила и доселѣ сохранять такіе остатки древности въ языкѣ, вѣрованіяхъ, бытѣ и т. п., которые уже исчезли у другихъ вѣтвей русскаго племени. Такъ, приведемъ, на примѣръ, обычай *Дона-ложа*, существующій, какъ намъ извѣстно, въ Ужанской столицѣ: Когда кто нибудь умираетъ въ крестьянской семьѣ, то, до его похорошъ, приходитъ въ домъ покойника родные и знакомые и, чтобы утѣшить и разсвѣять опечаленную семью, играютъ въ разныя веселыя игры и даже даютъ импровизированныя комическія представленія, одинъ, на примѣръ, изображаетъ сельскаго голопу—бирова (мад. biró), двое другихъ приходятъ къ нему судиться и т. п. Называется такія увеселенія *лопатками* потому, что на нихъ очень обычна игра, состоящая въ томъ, что одному завязываютъ глаза, другіе ударяютъ его лопаткой по спинѣ, и онъ долженъ угадать, кто его ударилъ.

Такимъ образомъ, было бы очень важно позаботиться о болѣе основательномъ изученіи угорской Русн и по возможности не откладывать дѣло въ долгій ящикъ: съ ходомъ цивилизаціи быстро стираются народныя особенности. Впервыяхъ, могли бы лица, опытныя въ изученіи говоровъ и собраніи произведеній народнаго творчества, предпринимать съ этой цѣлью путешествія по Угорщинѣ. Повторяюхъ, бесполезно

было бы воспользоваться мѣстными угрорусскими силами, давъ имъ надлежащее руководство въ формѣ ясной и доступной программы для собиранія особенностей говора, топографической номенклатуры, иѣсенъ, повѣрій, обычаевъ и т. п.

Накопецъ, слѣдовало бы обратить вниманіе и на документы, хранящіеся въ архивахъ угорскаго королевства и освѣщающіе прошлую жизнь угроруссовъ. Эти документы важны не только въ историческомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, въ Земскомъ архивѣ въ Будапештѣ (országos levéltár) хранятся, начиная съ 1553 года, conscriptiones portarum, которыя представляютъ богатый матеріалъ для топографіи Угорской Руси и вообще угорскаго королевства. Но conscriptiones любопытны и въ другомъ отношеніи—именно для опредѣленія границъ распространенія, если не русской народности, то, по крайней мѣрѣ, „русской вѣры“, православія: при перечисленіи сельъ всадѣ въ православныхъ селахъ упоминаются православные священники „батьки“—*batykonos, baytkonos*.

Затѣмъ, въ Ужгородскомъ столбичномъ архивѣ мы просматривали опросы крестьянъ, произведенные при введеніи въ 1772 году урбаріальнаго положенія (*urbéri iratok*). Многие опросы и отвѣты крестьянъ записаны на нарѣчій отвѣчавшихъ—но-русски и по-словацки, латинскими буквами. Такихъ актовъ въ одномъ ужгородскомъ архивѣ 204, и подобнаго рода документы существуютъ и въ архивахъ другихъ столбцовъ. Очевидно, они даютъ богатый матеріалъ какъ для языка, такъ и для характеристики положенія крестьянъ, новинности которыхъ, какъ видно изъ отвѣтовъ, были опредѣлены не закономъ, а стародавнимъ обычаемъ.

Во всякомъ случаѣ при изученіи угорской Руси необходимо, конечно, обратиться къ содѣйствию венгерскихъ ученыхъ дѣятелей, Академіи Наукъ, Географическаго и Этнографическаго обществъ и т. п. Таковы бы ни были политическія и національныя отношенія, наука имѣтъ до нихъ дѣла. И съ русской стороны венгерскимъ ученымъ была оказываема возможная предупредительность и, конечно, и намъ въ ней не откажутъ. Мы лично могли убедиться въ этомъ и пользовались любезнымъ содѣйствіемъ всѣхъ, къ кому ни обращались во время нашего путешествія, какъ въ Будапештѣ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ.

А. Петровъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Россия и Франция въ первые годы XIX столѣтiя.

Дипломатическія сношенія Россiи съ Франціею въ эпоху Наполеона I. Подъ редакціею профессора *Александра Трачевскаго*. Томъ I. 1800—1802. (*Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго обществ.* Томъ 70). С.-Петербургъ. 1890.

Теорiя и предвзятая мысль не должны имѣть мѣста въ исторической наукѣ. Эта старая истина не нуждается въ особенныхъ доказательствѣхъ. Повидимому, что есть общаго между историческою наукою, занимающеюся изслѣдованіемъ и изученіемъ прошлой жизни человѣчества, и теоретическою системою, зтимъ чистѣйшимъ продуктомъ абстрактнаго мышленія? Тамъ, въ области исторiи, имѣть мѣста для субъективнаго міросозерцанія, для оправданія того или другаго положенія, той или другой снмнатiи. Историкъ можетъ и долженъ дѣлать выводы изъ своей науки, но его выводы должны вытекать лишь изъ самихъ фактовъ; они должны опираться на нихъ однихъ и оправдываться одними ими. Подобные выводы изъ законченной и завершившейся жизни прошлаго могутъ представлять самыя поучительныя аналогiи для жизни современной, настоящей; они могутъ давать самыя внушительныя уроки для государственныхъ людей и политиковъ нашего времени, они могутъ даже бросать свѣтъ на темное будущее и указывать вѣрный путь среди грядущихъ затрудненій и усложненій. Но подобные уроки настоящему исторiя можетъ давать лишь въ томъ случаѣ, если уроки эти вытекають дѣйствительно изъ объективнаго изученія прошлаго, а не являются результатами субъективнаго умствованія, плодомъ личной фантази или предвзвтой теорiи, насилующей факты историческаго прошлаго, за-

ставляющей ихъ говорить то, что отнюдь не вытекаетъ изъ ихъ внутренней сущности. Къ сожалѣнію, современные служители исторической науки то и дѣло нарушаютъ это основное правило своего призванія, и, быть можетъ, ни одно время не изобиловало столькими произвольными и чисто субъективными построениями исторіи прошлаго, какъ именно наше. Такое явленіе, впрочемъ, вполнѣ естественно. Политическая жизнь увлекаетъ въ наше время въ свой круговоротъ все большія и большія сферы общества, и если въ прежнія, сравнительно еще недавнія, эпохи исторіи считалась наставницею царей, то и теперь ее стремятся превратить въ наставницу народовъ. Стараются установить и утвердить путемъ исторической аналогіи современныя теченія политической и общественной жизни, ищутъ оправданій для своихъ политическихъ системъ и тенденцій въ прошломъ, и если оправданіе не является само собою, если оно не вытекаетъ изъ фактовъ, тогда стараются извлечь его изъ нихъ силою и, вичале не стѣсняясь, насилуютъ и комментируютъ факты. Въ результатѣ подобныхъ стремленій являются аналогіи, существующія не въ дѣйствительности объективной, а лишь въ сферѣ чисто субъективныхъ умышленій и предвзятыхъ положеній, имѣющихъ, быть можетъ, много общаго и съ современными политическими постулатами извѣстныхъ партій и съ тою, и съ другою политическою или философскою теоріею, но не имѣющихъ ничего общаго съ исторіею. Такія и подобныя имъ мысли приходятъ неволью въ голову при первомъ знакомствѣ со многими и многими произведеніями современныхъ историковъ. Передъ нами лежитъ, напримѣръ, объемистый томъ, носящій заглавіе: „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I“, книга, изданная подъ редакціею хорошо извѣстнаго своими трудами по новой исторіи профессора А. Грачевскаго и составляющая лишь начало обширной коллекціи. И заглавіе, да и самое содержаніе тома указываютъ, повидимому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ изданіемъ архивнаго матеріала, въ большинствѣ своемъ не извѣстнаго, матеріала, долженствующаго пролить новый свѣтъ на эпоху, и близкую намъ по времени, и чрезвычайно важную для насъ, по своему историческому содержанію. А что, казалось бы, можетъ быть интереснѣе, какъ не документальное освѣщеніе той эпохи новѣйшей исторіи, которая является во всѣхъ отношеніяхъ основною для всего дальнѣйшаго историческаго развитія, приведшаго въ концѣ концовъ къ тому положенію, среди котораго вращается жизнь современнаго культурнаго человѣчества. Читатель тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ

названнаго изданія отвѣта на многіе занимающіе его вопросы, тѣмъ солиднѣе кажется ему на первый взглядъ самая книга. И въ самомъ дѣлѣ, трудъ г. Трачевскаго носить на себѣ отпечатокъ не какогонибудь этюда, составленнаго на основаніи новыхъ, до сихъ поръ не извѣстныхъ документовъ, а является, наоборотъ, довольно полнымъ и чрезвычайно объемистымъ изданіемъ подлинныхъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній между Россією и Францією, начиная съ сентября 1800 и оканчивая декабремъ 1802 г. Если мы примемъ во вниманіе, что официальные сношенія между русскимъ и французскимъ правительствами прервались въ самомъ началѣ революціонныхъ войнъ, что въ теченіе цѣлыхъ 8 лѣтъ отношенія между обоими государствами отличались характеромъ въ высшей степени враждебнымъ, тогда какъ съ 1800 года начинается серьезная попытка не только возстановить правильныя дипломатическія сношенія, не только прійти къ полюбовному соглашенію по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, но и вступить даже въ союзъ, направленный къ достиженію такой цѣли, какъ освобожденіе морей и униженіе Англіи,—то мы легко поймемъ, какой громаднй интересъ не только для историка, но даже и для образованнаго читателя вообще, должно представлять критическое изданіе и строго научное освѣщеніе памятниковъ политическихъ сношеній между Россією и Францією именно за эти первые годы XIX столѣтія. Казалось бы, что именно въ этихъ памятникахъ должны искать мы отвѣта на тотъ основной вопросъ, на который такъ ясно указываетъ энциклопедистъ, избранный г. Трачевскимъ для его изданія.

Спрашивается, дѣйствительно ли дѣло стоитъ такъ, какъ утверждали это французскіе дипломаты начала XIX столѣтія? Можемъ ли мы повторить вслѣдъ за ними, что оба государства (то-есть, Россія и Франція), на крайностяхъ Европы, такъ сказать, находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а, соединясь, важное вліяніе вездѣ имѣти могутъ? Если подобное утвержденіе вѣрно, тогда придется соглашаться, что вся послѣдующая исторія русско-французскихъ отношеній была лишь цѣлымъ рядомъ роковыхъ ошибокъ и странныхъ недоразумѣній, въ числѣ которыхъ будутъ фигурировать и такія всемірно-историческія катастрофы, какъ нашествіе французовъ на Россію въ 1812 году, какъ восточная война 1853—1856 гг.

Мы не будемъ касаться пока вопроса, возможно ли допускать въ исторіи какія бы то ни было недоразумѣнія, а тѣмъ болѣе объяснять ими великія историческія событія. Мы поставимъ пока вопросъ гораздо частнѣе и, быть можетъ, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ угодно

было его поставить надателю дипломатической переписки между Россію и Франціею. Въ предисловіи къ своему сборнику г. Трачевскій даетъ понять читателю, что матеріалы, предлагаемые имъ, и новы, и въ высшей степени важны. Онъ полагаетъ, что документы, издаваемые имъ, дадутъ возможность представить впоследствии правильное и дѣйствительно историческое, а не романтическое изображеніе Наполеоновской эпохи. Г. Трачевскій думаетъ даже, что къ тому времени, когда онъ окончитъ начатый имъ колоссальный трудъ, то-есть, издастъ всѣ документы, относящіеся къ исторіи русско-франкскихъ отношеній въ эпоху Наполеона I-го, установится, конечно, *историческій* взглядъ на точку отправления новѣйшей исторіи, равно далекой какъ отъ панегирика, такъ и отъ пасквиля ¹⁾). До сихъ поръ, по мнѣнію г. Трачевскаго, никто не понималъ Наполеона I, этого титана новой исторіи, и если прежде писали императору панегирики, подобно Тьеру, то теперь начали писать на него пасквили. Даже такой мастеръ, какъ Тэнъ, набросалъ лишь крайне неудачный портретъ Бонапарта, разумѣется, потому, что не имѣлъ подъ руками документовъ, издаваемыхъ г. Трачевскимъ. Теперь, когда документы эти начали уже появляться въ свѣтъ, „историки начнутъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его безознательнаго служенія требованіямъ времени. Документы эти,—гонорить г. Трачевскій,—смиѣемъ думать, докажутъ, что титанъ новой исторіи былъ ея рабомъ; они докажутъ, что каждый его шагъ и замыселъ въ основѣ—не его достоинствѣ“. Но документы, издаваемые г. Трачевскимъ, по его убѣжденію, принесутъ и другую услугу историкамъ. „Быть можетъ“,—говоритъ онъ,—полнота, къ которой мы стремились, иѣсколько освѣтитъ глубокіе корни русско-французской политики, стволъ которой не укладывается въ рамки немногихъ лѣтъ“. Что же касается до національной сущности этой политики, то она опредѣляется опять таки, по мнѣнію г. Трачевскаго, какъ нельзя лучше эниграфомъ, избраннымъ имъ для перваго тома документовъ ²⁾).

Итакъ, г. Трачевскій, очевидно, держится очень высокаго мнѣнія о своемъ послѣднемъ трудѣ. При всей кажущейся скромности, онъ даетъ ясно понять, что издаваемые имъ документы измѣнятъ впоследствии весь взглядъ на Наполеоновскую эпоху, поставятъ дѣйствительную

¹⁾ Трачевскій, Предисловіе, стр. VIII.

²⁾ Трачевскій, тамъ же.

исторію на мѣсто фантастическаго романа, превратить титана исторіим въ ея раба и, что самое важное, убѣдить всѣхъ насъ, что эпитафій, избранный имъ къ первому тому его труда, выражаетъ самую сущность русско-французской политики. Отнынѣ никто уже не имѣетъ права сомнѣваться, что Россія и Франція должны быть союзницами въ силу того географическаго положенія, которое онѣ занимаютъ на картѣ Европы, и что, слѣдовательно, всѣ страшныя и разрушительныя войны, происходившія между этими естественными союзницами, относятся къ области случайностей и печальныхъ недоразумѣній.

Таковы выводы, которые дѣлаеть изъ своего изданія г. Трачевскій,—выводы, долженствующіе имѣть такое громадное значеніе не только для исторической науки будущаго, но и для будущей и современной политики. Но оставимъ пока и будущую исторію, и будущую, и настоящую политику въ покоѣ, и взглянемъ на изданіе съ иной болѣе скромной и, если хотите, болѣе практической точки зрѣнія. Посмотримъ, чтѣ понаго вносятъ въ науку дипломатическіе документы, изданные г. Трачевскимъ, и на сколько оправдываютъ эти документы тѣ взгляды на взаимныя отношенія между Россією и Францією, которые проводятъ на нихъ въ своемъ обширномъ введеніи самъ издатель. Что г. Трачевскій извлекъ изъ русскихъ и французскихъ архивовъ весьма значительное количество матеріала и что онъ первый обнародовалъ этотъ матеріалъ,—это не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію. Отнынѣ, благодаря г. Трачевскому, историкъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи полную дипломатическую переписку между правительствами Россіи и Франціи, начинаая съ конца 1800 и оканчивая концомъ 1802 года. Въ его изданіи мы находимъ: во-первыхъ, собственнопоручныя письма, которыми обмѣнялись главы русскаго и французскаго правительства въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ XIX-го столѣтія, то-есть, письма Наполеона Бонапарта, тогда еще перваго консула, съ одной стороны, императоровъ Павла I и Александра I, съ другой; во-вторыхъ, нѣсколько писемъ Талейрана къ графу Панину и графу Раstopчину, писемъ, носящихъ на себѣ характеръ настоящихъ дипломатическихъ документовъ; в-третьихъ, цѣлый рядъ донесеній нашихъ уполномоченныхъ при французскомъ правительствѣ, Колычева и Моркова, донесеній, перѣдко секретныхъ, адресованныхъ частью самимъ императорамъ, частью канцлерамъ и вице-канцлерамъ Россійской имперіи; в-четвертыхъ, цѣлый рядъ такихъ же донесеній французскихъ уполномоченныхъ при нашемъ дворѣ, Дюрока, Коленкура, Эдувиля; в-пятыхъ, цѣлую коллекцію писемъ, инструкцій и

т. д. какъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Талейрана, адресованныхъ къ представителямъ республики въ С.-Петербургѣ, такъ и въ особенности значительное количество императорскихъ рескриптовъ и министерскихъ указаний,шедшихъ изъ С.-Петербурга нашимъ посланъ въ Парижъ. Присоединимъ ко всему этому не малое количество протоколовъ конференцій, происходившихъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ, между представителями обоихъ правительствъ, и массу извлеченій изъ всевозможныхъ какъ чисто дипломатическихъ, такъ и публицистическихъ документовъ этой эпохи, помѣщенныхъ въ обширныхъ приложенияхъ къ изданію г. Трачевскаго, и мы легко поймемъ, какую массу весьма цѣннаго матеріала даетъ историкъ это изданіе.

Признавая за работою г. Трачевскаго два несомнѣнныхъ важныхъ достоинства: полноту и новизну, мы отказываемся, однако же, отъ всякой попытки провѣрить въ частностяхъ и мелочахъ его издательскую дѣятельность и отказываемся по весьма понятной причинѣ... Для того, чтобы провѣрить въ подробностяхъ всю работу издателя, намъ пришлось бы въ буквальный смыслъ этого слова идти по его стопамъ, то-есть, провѣрять и слѣдить издаваемые имъ акты съ подлинниками, а для этого намъ слѣдовало бы обратиться къ тѣмъ самымъ источникамъ, которые были въ распоряженіи г. Трачевскаго, то-есть, къ архивнымъ матеріаламъ. Обстоятельства времени и мѣста нашего настоящаго служенія не даютъ намъ даже возможности провѣрить и сравнить изданіе г. Трачевскаго со нѣсколькими подобными же сборниками, относящимися къ той же эпохѣ. Мы не имѣемъ, слѣдовательно, права утверждать, что сборникъ г. Трачевскаго содержитъ въ себѣ дѣйствительно все новое и все существенно важное, относящееся къ его темѣ, или упрекать его, наоборотъ, въ излишней полнотѣ, въ обремененіи не нужнымъ и не имѣющимъ значенія матеріаломъ. Мы позволимъ себѣ въ этомъ отношеніи лишь два замѣчанія. Мы полагаемъ, что г. Трачевскому слѣдовало бы имѣть въ виду при своей работѣ не столько новизну, сколько полноту, и отнюдь не пропускать или же давать лишь въ извлеченіи такіе документы, которые имѣютъ дѣйствительное значеніе, единственно по той причинѣ, что они были уже нанесены въ другомъ мѣстѣ. Далѣе, мы полагаемъ, что издателю вовсе бы не слѣдовало обременять своей книги переводомъ на русскій языкъ, такъ какъ этотъ переводъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ является совершенно не нужною и излишнею

роскошью, увеличивающую без всякой надобности чуть не вдвое и без того уже тяжеловѣсный объемъ изданія.

Мы, впрочемъ, вовсе не думаемъ ставить въ особую вину г. Трачевскому двухъ только что указанныхъ обстоятельствъ и, оставляя совершенно въ сторонѣ всю внѣшнюю обстановку его работы, переходимъ прямо къ основному вопросу нашей критики. Г. Трачевскій полагаетъ, что документы, изданные имъ, должны измѣнить совершенно господствовавшій до сихъ поръ въ исторической наукѣ взглядъ на характеръ и сущность русско-французскихъ отношеній въ началѣ XIX столѣтїя. Въ своемъ введеніи онъ проводитъ, правда, не совсѣмъ послѣдовательно мысль, что всего болѣе въ эти именно годы проектъ русско-французскаго союза былъ близокъ къ своему осуществленію; онъ даетъ даже понять, хотя и въ этомъ случаѣ не рѣдко противорѣчитъ самъ себѣ, что французское правительство, или, выражаясь точнѣе, Наполеонъ Бонапарте, вполне искренно и при томъ всѣми силами стремился вступить въ тѣсный союзъ съ Россією; наконецъ, онъ склопенъ думать, что союзъ этотъ не состоялся, единственно благодаря колебаніямъ русскаго правительства и враждебнымъ махинаціямъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и дипломатическихъ агентовъ нашего правительства въ Парижѣ.

Слѣдуетъ согласиться, что подобныя воззрѣнія отнюдь не принадлежатъ въ своей полнотѣ г. Трачевскому, что они вошли до извѣстной степени въ моду и пользуются, благодаря современному политическому положенію, большою популярностью въ публикѣ. Справедливо, однако же, на сколько подобныя взгляды соответствуютъ дѣйствительному, а не фантастическому историческому прошлому и на сколько вытекаютъ они изъ подлинныхъ историческихъ документовъ. Препжне изслѣдователи и историки революціонной эпохи смотрѣли на Наполеона Бонапарте, какъ на естественнаго преемника революціи и ея руководящихъ идей и стремленій. Анализируя характеръ великаго завоевателя новой эпохи, они констатировали въ немъ прежде всего двѣ основныя черты: ненасытное властолюбіе и безграничный эгоизмъ. Признавая гениальныя способности Наполеона I, отдавая должную дань вѣрности и смѣлости его политическихъ и военныхъ комбинацій, быстротѣ и математической точности въ исполненіи его предначертаній, считая его одинаково замѣчательнымъ, нерѣдко великимъ и въ области политики, и въ сферѣ администраціи, не говоря уже о военномъ искусствѣ, этомъ спеціальномъ, какъ говорилъ онъ самъ съ, его

ремеслѣ.—историки, подобныя Тэню, приходили, однако же, къ заключенію, и приходили къ нему не на основаніи какихъ либо фантастическихъ увлеченій, а тѣмъ менѣе предвзятыхъ тенденцій и теорій, что Наполеонъ смотрѣлъ на всю свою дѣятельность, какъ на свое личное дѣло, что на первомъ планѣ у него стояло удовлетвореніе личнаго славолюбія и могущества, а затѣмъ уже слава и величіе Франціи. Наполеонъ былъ прежде всего человѣкъ холоднаго разсудка, а такъ называемые нравственныя идеалы всегда вызывали съ его стороны лишь одну презрительную насмѣшку. Великій завоеватель былъ прежде всего реалистъ и человѣкъ безсердечный. Онъ былъ всю свою жизнь заклятымъ врагомъ идеологовъ и идеологин, то-есть, всего того, что вытекало изъ идеальныхъ сторонъ и стремленій человѣческой природы. Всякій энтузіазмъ, политическій, религіозный, національный, даже художественный, казался ему чѣмъ-то дикимъ, безумнымъ, даже преступнымъ. Онъ смотрѣлъ на людей исключительно съ точки зрѣнія реальной пользы, онъ пользовался ими, какъ машинами, какъ слѣпными орудіями своего произвола. Не одни только солдаты, но и чиновники, и министры, и ученые, и литераторы, и служители алтари, должны были слѣпо и покорно исполнять его волю. Неумолимая правда военной дисциплины была въ его глазахъ востулатами высшей государственной мудрости, а всё проявленія свободнаго человѣческаго духа, всё проблески одушевленія не входили въ его систему, казались ему излишними и даже опасными. Наполеонъ былъ мечтателемъ и фантастомъ только въ дѣтскіе годы своей жизни, но и тогда его мечты вращались исключительно въ сферѣ военной славы и личнаго славолюбія, а его властная натура, его врожденное властолюбіе, стремленіе повелѣвать сказывались уже въ его дѣтскихъ играхъ, въ его отношеніяхъ къ товарищамъ. Достигнувъ болѣе зрѣлаго позроста, заброшенный судьбою въ революціонный потокъ Франціи. Наполеонъ тщательно присматривается къ окружающей его средѣ и избираетъ свою партію единственно на основаніи точныхъ и холодныхъ соображеній своего математическаго ума. Чувство и личныя симпатіи не играютъ при этомъ никакой роли, или, лучше сказать, онъ умѣетъ подавить ихъ въ самомъ зародышѣ. Какъ чужестранецъ и первоначально корсиканскій патриотъ, онъ относится ко всѣмъ французскимъ партіямъ одинаково холодно, почти враждебно. Икобинцы и революціонеры въ немъ возбуждаютъ даже чувство презрѣнія и отвращенія. Онъ не можетъ видѣть безъ негодованія, какъ блузники и оборванцы бьютъ и гонятъ передъ собою линейныхъ солдатъ.

О, еслибы онъ могъ стать во главѣ этихъ солдатъ, онъ бы разъ навсегда рассчитался съ этою чернью. Но Бонапартъ умѣетъ подавить въ себѣ эти несвоевременные и во всякомъ случаѣ пудобные порывы чувства. Его здравый и холодный разумокъ говоритъ ему, что старый порядокъ и монархія проиграли свое дѣло, что они отжили свой вѣкъ, что будущность принадлежитъ революціонерамъ и республиканцамъ. И онъ слѣдуетъ голосу своего разсудка. Онъ становится въ ряды крайней партіи, онъ отдаетъ въ ея распоряженіе свою шнагу, свои гениальныя способности. Онъ рискуетъ даже своимъ добрымъ именемъ, онъ проливаетъ цѣлые потоки французской крови, на дѣлѣ показываетъ онъ, какъ слѣдуетъ расправляться съ мятежными толпами. Но онъ служить якобинцамъ и конвенту лишь для того, чтобы проложить путь къ собственному господству.

Тщательно изучаетъ онъ настроеніе арміи и народной массы и открываетъ тѣ потребности и инстинкты толпы, удовлетворяя которыми онъ можетъ подчинить себѣ все и всѣхъ. Онъ убѣждается, что идея свободы не имѣетъ ровно никакого значенія въ глазахъ французской массы, но что масса эта проникнута идеею равенства. Онъ обѣщаетъ солдатамъ добычу и славу, а народу—равенство передъ закономъ и общественную безопасность. Онъ становится во главѣ республиканскихъ армій и ведетъ ихъ впередъ по пути грабежа и завоеваній. Онъ плотно организуетъ шайку разбойниковъ, грабившую до сихъ поръ Францію и пограничныя съ нею страны. и превращаетъ ее въ орду завоевателей. Онъ пользуется революціонною пропагандою исключительно въ видахъ завоеванія. Систематически и безжалостно грабитъ онъ покоренныя страны, онъ истощаетъ ихъ натуральными и денежными поборами, колоссальными контрибуціями, онъ забираетъ изъ нихъ все, начиная отъ рекрутъ и лошадей и кончая картинами и статуями, но онъ организуетъ въ то же время эти страны въ смыслѣ революціонной идеи, онъ уничтожаетъ въ нихъ всѣ старыя учрежденія и силится преобразовать общество на демократическихъ началахъ. Новсюду является онъ неумолимымъ врагомъ мѣстныхъ особенностей національныхъ традицій, новсюду выступаетъ онъ побѣдоноснымъ поборникомъ идеи космополитизма. Онъ дѣйствуетъ такъ не столько въ силу своихъ убѣжденій, сколько на основаніи своекорыстнаго, эгоистическаго расчета. Онъ думаетъ основать на развалинахъ стараго міра свое собственное владычество, а потому и является такимъ непримиримымъ врагомъ всего того, что было создано историческими силами прошлаго. Онъ чуждъ всякихъ рели-

гизонныхъ и нравственныхъ принциповъ, но онъ искусно пользуется старыми предрассудками и суевѣрїями. Въ Египтѣ и Сирїи онъ надѣваетъ на себя личину мусульманина и выдаетъ себя за врага папства и христіанства. Во Франціи онъ играетъ сначала роль вольнодумца и атеиста, а затѣмъ, познакомившись ближе съ настроеніемъ массы, превращается въ поборника католицизма и реставратора христіанской церкви. Онъ возстановляетъ старые титулы, онъ окружаетъ себя блескомъ и этикетомъ и провозглашаетъ себя, наконецъ, преемникомъ древнихъ кесарей и Карла Великаго; но онъ дѣлаетъ все это лишь потому, что онъ приходитъ къ убѣжденію, что мишура эта не утратила еще своего обаянія надъ умами, и что онъ можетъ воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей, для упроченія своей власти. Вообще Бонапартъ является уже въ молодыхъ лѣтахъ тонкимъ знатокомъ человѣческой природы, или, лучше сказать, ея дурныхъ сторонъ. Искусно умѣетъ онъ пользоваться темными и эгоистическими инстинктами людей, съ неподражаемою ловкостью управляетъ онъ умами, пуская въ ходъ, смотря по надобности, то или другое средство. Подобно террористамъ, онъ умѣетъ навести ужасъ на своихъ рабовъ, но онъ умѣетъ дѣйствовать на нихъ и наградами, и поощренїями. Своихъ приверженцевъ и вѣрныхъ слугъ онъ осмыкаетъ почетными и богатствами, онъ мечетъ вокругъ себя графскими, герцогскими, княжескими, королевскими титулами, онъ надѣляетъ своихъ родичей и своихъ слугъ цѣлыми областями и королевствами, но онъ требуетъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія своей державной волѣ и на каждомъ шагѣ напоминаетъ имъ, что они его креатуры и рабы. Онъ эксплуатируетъ самые низкіе и животные инстинкты своихъ сателлитовъ, онъ смотритъ сквозь пальцы на всѣ ихъ продѣлки, но онъ не терпитъ съ ихъ стороны и тѣни самостоятельности и жестоко караетъ всякаго ослушника своей воли. Такъ идетъ онъ впередъ, попирая ногами всѣ божескія и человѣческія права, ругался надъ природою и исторїею, считая себя непогрѣшимымъ и избранникомъ судьбы.

Баснословные успѣхи не только не удовлетворяютъ его, а разпаливаютъ еще болѣе его ненасытную алчность, его безграничное славолюбіе. Идея мирового владычества рано зарождается въ его головѣ, и онъ стремится къ осуществленію этой идеи, наирядъ всѣ силы своего гения, не разбирая средствъ, разрушалъ и устраняя всѣ препятствія. Вольнодумецъ и атеистъ, онъ вѣрить, однако же, слѣпо въ свою звѣзду, считаетъ себя избранникомъ судьбы и не сомнѣвается ни на минуту, что какія-то высшія силы покровительствуютъ ему, и

что при ихъ содѣйствіи онъ доведетъ до конца задуманное имъ гигантское дѣло. Но, не смотря на эти приступы суевѣрія, онъ остается почти до конца человѣкомъ холоднаго разсудка и математическаго расчета. Дикая, корсиканская натура пробуждается въ немъ лишь по временамъ и заявляетъ себя пароксизмами бѣшеннаго гнѣва, неудержимой похоти, адской кровожадности. Малѣйшее противорѣчіе можетъ довести его до неистовства. Онъ требуетъ моментальнаго удовлетворенія своей страсти, своего желанія и чуждъ въ такомъ случаѣ всякаго чувства стыда, всякихъ требованій приличія. Онъ одинаково не сдержанъ и въ отношеніяхъ къ своей женѣ и метрессамъ, онъ одинаково грубъ и съ своими министрами и маршалами, и съ иностранными посланцами и государями. И на императорскомъ тронѣ онъ остается грубымъ плебеемъ, неотесаннымъ солдатомъ. Площадныя ругательства сыплются изъ его устъ въ присутствіи императрицы и ея придворныхъ дамъ, онъ называетъ свою ярость на бездушные предметы, бьетъ въ дребезги дорогой фарфоръ, ломаетъ въ щепки мебель. Онъ говоритъ иностраннымъ посланцамъ въ глаза страшныя дерзости, онъ кричитъ на нихъ, какъ на мальчиковъ, топчетъ ногами свою шляпу и истончается въ страшныхъ угрозахъ по адресу ихъ государей. Онъ способенъ на самыя невѣроятныя жестокости по отношенію къ своимъ врагамъ. И если нѣкоторыя изъ этихъ жестокостей входить, очевидно, во всю его систему, являются результатами расчета, то въ другихъ выражается, несомнѣнно, его страстная, мстительная, кровожадная натура; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить такіе общеизвѣстные факты, какъ взрывъ Московскаго кремля, какъ избиеніе безоружныхъ плѣнныхъ, какъ намѣреніе сжечь и взорвать на воздухъ Парижъ.

Въ такихъ чертахъ и краскахъ изображали и изображаютъ историка Наполеона I, изображаютъ его тѣ великіе ученые, которые поставили, наконецъ, на мѣсто Наполеоновской легенды Наполеоновскую исторію, которые производили свои изслѣдованія не на основаніи свидѣтельствъ пристрастныхъ и одностороннихъ, а на основаніи подлинныхъ документовъ, на основаніи собственныхъ словъ и собственныхъ дѣяній императора, на основаніи тонкаго психологическаго анализа, руководимые идеею строгаго объективизма, одинаково далекие и отъ духа палеогрифика, и отъ грязныхъ понозловечій наффлета. И что же получалось въ концѣ концовъ отъ этихъ всестороннихъ и тщательныхъ изслѣдованій? Получалось именно то, чего ждешь г. Грачевскій въ будущемъ, какъ прямаго результата своихъ архивныхъ

работъ и своей издательской дѣятельности. Оказалось, что титанъ новой исторіи былъ въ то же время ея работою, что, заканчивая разрушительное дѣло, начатое революціею, онъ очищалъ и подготавливалъ лишь почву для тѣхъ историческихъ силъ, которыя пользовались и имъ, какъ своимъ орудіемъ, и отбросили его въ сторону, когда онъ завершилъ свою задачу и оказался лишнимъ и не нужнымъ.

Теперь спрашивается, какъ могъ относиться историческій дѣятель, подобный Наполеону, къ Россіи и на сколько искренны могли быть его неоднократныя попытки вступить съ нею въ тѣсный политическій союзъ. Если первый императоръ Франціи считалъ себя дѣйствительно союзникомъ Россіи, если онъ дѣйствительно далекъ былъ отъ мысли пользоваться ею, какъ орудіемъ своихъ властолюбивыхъ плановъ, если его неоднократныя разрывы съ Россіею и конечная борьба, повлекшая за собою его собственное паденіе, совершались помимо его воли и были результатомъ отчасти печальныхъ недоразумѣній, отчасти ошибокъ и предрасудковъ русской политики, тогда придется согласиться, что все возрѣнію на личность и на дѣятельность перваго Наполеона, установившееся въ наукѣ за послѣднее время, не вѣрно и фальшиво въ самомъ основаніи. Въ такомъ случаѣ придется согласиться съ старыми панегиристами Наполеона, утверждавшими, что великій императоръ вовсе не стремился къ мировому владычеству и къ поработченію всѣхъ европейскихъ народовъ подъ свой желѣзный скипетръ, что, наоборотъ онъ, думалъ лишь осчастливить и умиротворить европейскій континентъ, положить предѣлъ тиранскому владычеству Великобританіи на моряхъ и создать для человѣчества новую эру всеобщаго благополучія и мирнаго прогресса. И въ самомъ дѣлѣ, если Наполеонъ относился къ Россіи и ея государю вполне искренно, если онъ намеренъ былъ признавать ея независимость, ограждать ея интересы и содѣйствовать даже ея стремленіямъ, вытекавшимъ изъ всей ея предшествующей исторіи, тогда придется отказаться отъ мнѣнія, что Наполеонъ стремился неуклонно и послѣдовательно къ созданію универсальной монархіи, въ которой, разумѣется, не могло быть мѣста ни для какой самостоятельной силы, а тѣмъ болѣе для такого колоса, какъ Россія? Но, быть можетъ, новые документы, извѣщенные на свѣтъ Божій новыми историками, заставятъ насъ измѣнить взглядъ на Наполеона и на основную цѣль его стремленій лишь по отношенію къ Россіи? Быть можетъ, Наполеонъ предполагалъ раздѣлить міръ между Франціею и Россіею пополамъ, быть можетъ, онъ стремился къ созданію того политическаго дуализма, при которомъ

судьба міра и челоуѣчества опредѣлялась бы волею двухъ верховныхъ державъ, а всѣ остальные превратились бы въ ихъ покорныхъ вассаловъ и подручниковъ? Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы допустить и неизбѣжное послѣдствіе подобной комбинаціи—ея непрочность и кратковременность. Двѣ властвующія державы никонимъ образомъ не могли бы идти долгое время рука объ руку. Ихъ согласіе неизбѣжно окончилось бы въ тотъ самый моментъ, когда совершился бы раздѣлъ міра между ними, когда ихъ границы или сферы ихъ вліянія пришли бы въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ. Въ такомъ случаѣ устранилось бы само собою то условіе ихъ союза, которое фигурируетъ въ эниграфѣ изданія г. Трачевскаго; изъ державъ, расположенныхъ на окраинахъ Европы, огибъ превратились бы тогда въ державы сосѣднія, и столкновеніе между ними сдѣлалось бы лишь вопросомъ времени. Такъ или иначе, а слова императора Алѣксандра: „Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, для насъ обонихъ нѣтъ мѣста въ Европѣ“, произнесены были бы рано или поздно, и великая катастрофа 1812 года воспослѣдовала бы, быть можетъ, нѣсколькими годами позже и при иныхъ условіяхъ, но воспослѣдовала бы неизбѣжно, въ силу исторической необходимости, все равно совершили бы или нѣтъ ошибки русскіе государственные люди Александровской эпохи,—ошибки, за которыя достается имъ теперь такъ жестоко отъ историковъ новѣйшей національно-дипломатической школы, отъ господъ, смотрящихъ на исторію, какъ на дѣло рукъ челоуѣческихъ, какъ на результатъ дѣятельности челоуѣческихъ индивидуумовъ, и преимущественно, ловкихъ и прозорливыхъ дипломатовъ.

Но мы идемъ далѣе. Мы полагаемъ, что ошибки, совершенныя русскими политиками начала XIX столѣтія, вовсе не были такъ велики и непростительны, какъ стараются увѣрить насъ гг. Трачевскій и всѣ его единомысленики. Мы полагаемъ далѣе, что ошибки, сдѣланныя тогда, вытекали, если и не всецѣло, то отчасти, изъ всего положенія тогдашней Европы, изъ принципиальной противоположности между революціонною Франціею и консервативною Россіею. Объ этой противоположности, созданной не чьею нибудь личною волею, а всею предыдущею исторіею, гг. новѣйшіе историки не считаютъ нужнымъ говорить. Не упоминаетъ о ней и г. Трачевскій въ своемъ обширномъ введеніи къ издааннымъ имъ документамъ,—введеніи, главная цѣль котораго, по его собственнымъ словамъ, служить ключемъ къ связыванію, пониманію и освѣщенію публикуемыхъ имъ актовъ. Въ этомъ отношеніи г. Трачевскому слѣдовало бы взять урокъ у современ-

наго французскаго историка Вандаля, занимающагося тою же историческою проблемою русско-французскаго союза, какъ и они сами. У Вандаля они могли бы узнать, что союзу Франціи съ Россіею нѣшали не какія нибудь личныя воззрѣнія и антипатіи, а вся предшествующая политика французскаго правительства ¹⁾). Вѣковая борьба Франціи съ Габсбургами заставила ее искать себѣ союзниковъ въ Польшѣ, Швеціи и Турціи, то-есть, именно въ тѣхъ государствахъ, которыя являлись исконными и вѣковыми врагами русскаго народа и государства. Польша, Швеція и Турція присвоили себѣ страны и области, составлявшія и въ географическомъ, и этнографическомъ смыслѣ составныя части русской территоріи; онѣ отрѣзали Россію отъ моря, онѣ являлись, кромѣ того, ея естественными антагонистами и врагами въ религіозномъ отношеніи. Франція, въ силу своихъ интересовъ и установившихся традицій, дѣятельно и неустанно поддерживала этихъ враговъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Она по нормала своихъ старыхъ связей съ этими союзниками даже въ то время, когда они утратили для нее всякое реальное значеніе. Иско, что во второй половинѣ XVIII вѣка для Франціи наступилъ тотъ рѣшительный моментъ, когда она должна была измѣнить свою политическую систему и искать себѣ новыхъ союзниковъ. Французское правительство и дѣлало попытки въ этомъ направленіи: оно заключило союзъ съ Пруссіею, потомъ даже съ Австріею, оно попыталось даже сблизиться съ Россіею, но измѣнить радикально всю систему своихъ союзовъ оно оказалось не въ состояніи. Оно не рѣшилось предоставить своихъ старыхъ друзей, то-есть, Швецію, Польшу и Турцію, ихъ судьбѣ и вступить въ тѣсную связь съ Россіею. Напротивъ, оно продолжало поддерживать Рѣчь Посполитую и подстрекать противъ Россіи Швецію и Турцію. Но и въ этомъ отношеніи его дѣйствія не отличались ни силою, ни послѣдовательностью и не въ состояніи были ни предохранить Польшу отъ окончательной гибели, ни спасти Швецію и Турцію отъ цѣлага ряда пораженій и потерь. Итакъ, если кто либо совершалъ во второй половинѣ XVIII вѣка ошибки, то отнюдь не Россія и русскіе политики, а только Франція и политики французскіе. Изъ такому выводу пришелъ, между прочимъ, и г. Вандаль, пользовавшійся тѣми же архивными матеріалами, какъ и наши неумолимые критики русскихъ государственныхъ дѣятелей и политиковъ.

¹⁾ Смыслъ въ данномъ случаѣ на г. Вандаля, мы имѣемъ въ виду его прежнія изслѣдованія, относящіяся къ исторіи XVIII вѣка, а не его послѣдній трудъ по исторіи Александра I и Наполеона I.

Затѣмъ начался тотъ великій переворотъ во Франціи, который вырылъ глубокую бездну между нею и всѣми старыми историческими силами Европы. Г. Трачевскій не обмолвился ни однимъ словомъ о значеніи и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ этого переворота для дальнѣйшаго развитія русско-французскихъ отношеній. Онъ хвалитъ Екатерину II за то хладнокровіе опытнаго дипломата, съ которымъ относилась она къ французскимъ дѣламъ даже послѣ казни Людовика XVI. Онъ утверждаетъ, что русская императрица поддерживала „правое дѣло“ лишь косвенно и платонически, что она даже находила выгоднымъ для Россіи вовлечь другія державы въ борьбу съ революціею, а самой устранилась, чтобы имѣть свободныя руки въ Польшѣ, Швейцаріи и Турціи¹⁾.

Характеризуя такимъ образомъ политику Екатерины II, г. Трачевскій считаетъ лишнимъ упомянуть, что Екатерина II дѣйствовала въ Турціи, Швейцаріи и Польшѣ, во первыхъ, въ силу важнѣйшихъ русскихъ интересовъ, а, во вторыхъ, что она поражала, но не мѣшала, въ лицѣ польской апархіи, того же врага, съ которымъ боролись другія европейскія державы во Франціи. Какъ только эта борьба со старыми друзьями Франціи была закончена, какъ только уничтожена была Польша, Екатерина II тотчасъ же начала дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ Франціею, и только внезапная смерть помѣшала ей принять самое энергическое участіе въ коалиціонной войнѣ. Г. Трачевскій говоритъ о той ненависти, которая разгоралась въ это время во Франціи къ Россіи и ко всему русскому, о пререканіяхъ между конвентомъ и русскимъ правительствомъ по поводу притѣсненій французомъ въ Россіи, о враждебныхъ замыслахъ директоріи противъ Россіи и о французскихъ проектахъ поднять противъ аловредной Россіи чуть не весь міръ, при чемъ авторы проектовъ возлагали особенныя надежды на поляковъ, турокъ, татаръ, персіевъ и казаковъ, этихъ врожденныхъ враговъ Россіи, готовыхъ, какъ слышно, „возстать“ (?!)²⁾. Всю эту вражду, г. Трачевскій склоненъ, однако же, объяснить исключительно враждебнымъ поворотомъ русской политики къ Франціи за послѣдніе годы Екатерины II, не смотря на то, что самъ онъ называетъ тутъ же Россію главною представительницею монархизма въ Европѣ. Итакъ, г. Трачевскій съ самаго начала выставляетъ Россію козломъ отпущенія и выставляетъ ее таковымъ, очевидно, не на основаніи какихъ

¹⁾ Трачевскій, Введеніе, стр. III.

²⁾ Трачевскій, тамъ же.

либо документовъ, а единственно на основаніи той предвзятой мысли, съ которой онъ писалъ свое введене.

Со смертью Екатерины въ Россіи, казалось, долженъ былъ произойти полный переворотъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ. Переворотъ былъ, повидимому, неизбѣженъ, уже вслѣдствіе той нововлети, съ которою относился императоръ Павелъ I къ своей предшественницѣ. Преувеличенные слухи о настроеніи и намѣреніяхъ Павла вышлани въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ, надежды на возможность сближенія Франціи съ Россією, надежды, оказавшіяся, однако же, въ скоромъ времени несбыточными. Если Павелъ осуждалъ вообще политику Екатерины, то зато онъ violentно сходился со своею родительницею въ отвращеніи къ французскимъ идеямъ и французской революціи. Именно это отвращеніе къ французскимъ идеямъ и страхъ передъ усиливающимся потокомъ революціонной пропаганды побудилъ въ скоромъ времени императора противиться, подобно покойной матери, всѣмъ мѣрама неистовствамъ Французской республики.

Извѣстно, какъ далеко пошелъ скорѣ Павелъ въ этомъ направленіи и какое энергическое участіе принялъ онъ, наконецъ, въ борьбѣ коалиціи противъ Франціи. Съ какою высокоуміемъ относились тогда представители республиканской Франціи къ Россіи, видно, между прочимъ, изъ ноты Талейраша къ Кальяру, французскому послу въ Берлинѣ,—ноты, въ которой русское правительство называется капризнымъ и произвольнымъ, а условія, ставимыя имъ для соглашенія съ Франціею, темными и бесполезными. Кальяръ въ свою очередь совѣтуетъ Талейрану щадить самолюбіе царя, но не допускать въ то же время усиленія Россіи, этой безпокойной и мятежной державы ¹⁾. Директорія отклонила предложеніе Павла I о посредничествѣ между Франціею и Германіею, какъ мысль вздорную, и этимъ ясно показала, что она не намѣрена даже щадить самолюбіе царя. Вслѣдствіи, когда французы испытали на дѣлѣ тяжелую руку русскаго царя, ихъ взгляды на Россію нѣсколько измѣнились. Наполеонъ Бонапартъ, ставшій послѣ 18-го брюмера во главѣ Французской республики, съ радостью прини́тствовалъ разладъ Павла I съ его союзниками и пустилъ съ своей стороны въ ходъ всѣ усилія, чтобы воспользоваться силами Россіи для своихъ цѣлей. Средства, пущенныя при этомъ въ ходъ первымъ консуломъ, характеризуютъ, однако же,

¹⁾ Травковский, Введеніе, стр. VIII.

какъ нельзя ясно, взгляды Наполеона на Россію и на ея императора. Всѣми силами старается онъ оболыстить Павла и привлечь его на свою сторону, не прибѣгая при этомъ ни къ какимъ реальнымъ уступкамъ въ пользу Россіи. Онъ приказываетъ своимъ агентамъ защищать императора отъ нападокъ пасквильнотвъ, онъ посылаетъ Павлу шапку, дарованную папою Львомъ X одному изъ магистровъ Мальтійскаго ордена, онъ освобождаетъ 6.000 русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ рукахъ у французонъ, онъ льститъ Павлу и превозноситъ его въ своихъ письмахъ, онъ готовъ даже на всевозможныя уступки. Если мы примемъ во вниманіе, что Бонапарте имѣлъ полное основаніе рассчитывать на энергическое содѣйствіе русскаго императора въ своей борьбѣ съ Англіею, то мы легко поймемъ, что ему, даже съ французской точки зрѣнія, не слѣдовало бы ограничиваться одними словами, лестью, подарками и освобожденіемъ плѣнныхъ, что ему необходимо было сдѣлать капризному и произвольному правительству и другія болѣе существенныя уступки. На дѣлѣ, однако же, вышло совсѣмъ другое. Правительство перваго консула затруднялось даже дать удовлетвореніе Россіи въ такихъ вопросахъ, гдѣ задѣвалось самымъ чувствительнымъ образомъ самолюбіе царя. Руководимое своими завоевательными инстинктами, оно не рѣшалось даже сдѣлать хотя что нибудь для королей неолитанскихъ и сардинскаго, на которыхъ Павелъ смотрѣлъ, какъ на своихъ кліентовъ. Колючевъ, отправленный Павломъ въ Парижъ для заключенія мира и союза съ Франціею, пришелъ въ скоромъ времени къ убѣжденію, что, не смотря на чрезвычайныя почести и словесныя увѣренія, кажется, что въ сближеніи Россіи съ Франціею ни малѣйшей нѣтъ искренности¹⁾; что напрасно было бы ожидать отъ Франціи чего либо хорошаго, что она желаетъ поссорить Россію со всѣми и создать для нея затрудненія, вызвать даже смуты въ Польшѣ. Мы охотно допускаемъ, что Колючевъ смотрѣлъ на отношенія къ Франціи черезчуръ безнадежно, что опасенія его на счетъ Польши лишены были всякаго разумнаго основанія, но вся дипломатическая переписка, изданная г. Трачевскимъ, не говоря уже о другихъ документахъ и свидѣтельствахъ, доказываетъ несомнѣнно, что взгляды русскаго уполномоченнаго на характеръ и цѣли тогдашней французской политики были въ основѣ своей совершенно вѣрны. Если Колючевъ постоянно

¹⁾ *Трачевскій, Документы, № 22, стр. 41.* См. также послѣдующіе доносенія Колючева.

повторяетъ въ своихъ донесеніяхъ, что онъ не вѣрить миролюбію Наполеона, что честолюбіе его не знаетъ предѣловъ, что онъ желаетъ, продолжать войну гдѣ бы то ни было, съ цѣлью занять армию и упрочить свое владычество во Франціи ¹⁾, что онъ намѣренъ лишь воспользоваться Россіею для своихъ цѣлей, то онъ высказываетъ въ этомъ отношеніи сущую правду о Наполеонѣ и его политической системѣ, — правду, подтверждаемую всевозможными свидѣтельствами какъ самого Наполеона, такъ и его приближенныхъ, его враговъ и друзей, правду, вытекающую изъ всей исторіи. Г. Трачевскій, видимо, сознаетъ самъ силу и неопровержимость этой правды. Говоря о письмѣ Талейрана къ Панину отъ 19-го іюля 1800 года, онъ говоритъ такъ: здѣсь всѣ черты наполеоновской дипломатіи — и корсижанскія стрѣлы противъ Англіи и Австріи, и лезвье, особенно ядовитая въ устахъ, знаменитости, и тогдашнѣ затлупуть новую жертву, въ защиту своихъ выгодъ ²⁾. Этого мало. Г. Трачевскій сознаетъ, что и въ другихъ случаяхъ Колычевъ говорилъ сущую правду, что обѣщанія пераго консула исполнить всѣ желанія царя не исполнялись на дѣлѣ, что государи, которымъ некропительствовалъ, Павелъ, не находили въ Парижѣ ни малѣйшаго удовольствія своимъ требованіямъ, и просьбамъ, что Наполеонъ даже въ виду союза съ Россіею, долженствовавшаго принести ему такую колоссальную пользу, не могъ преодолѣть, хотя бы въ угоду царю, ни на одинъ моментъ своей личности, не желалъ пожертвовать ничѣмъ изъ выгодъ, приобретенныхъ Франціею путемъ насилія и заносительной политики.

Визитная смерть, Царя I положила предѣлъ надеждамъ Наполеона на активную помощь Россіи въ борьбѣ съ Англіею. Французско-русскія отношенія вступили въ новую фазу своего развитія, хотя характеръ ихъ не измѣнился въ своей сущности. Императоръ Александръ I, одушевленный чувствами искренняго миролюбія, не намѣренъ былъ бросать Россію изъ одной войны въ другую. Онъ успѣшилъ уладить всѣ недоразумѣнія съ Англіею, но онъ былъ твердо намѣренъ искать въ то же время полнаго соглашенія съ Франціею. Съ своей стороны и Наполеонъ готовъ былъ попрежнему добиваться, возможно большаго сближенія съ Россіею. Основныя стремленія обѣихъ державъ, на окраинахъ Европы расположенныхъ, были такимъ обра-

¹⁾ См. въ особенности донесеніе Колычева отъ 19-го марта 1801 года (Трачевскій, Документы, № 34, стр. 77).

²⁾ Трачевскій, Введеніе, стр. XVII.

зомъ, повидимому, одинаковы, но въ дѣйствительности между ихъ цѣлями и намѣреніями существовало глубокое различіе. Наполеонъ желалъ заключить сепаратный миръ съ Россіею, хотя и не отвергалъ прямо ея посредничества въ европейскихъ дѣлахъ. Александръ былъ твердо намѣренъ включить въ мирный договоръ съ Франціею бывшихъ кліентовъ своего отца, королей неаполитанскаго и сардинскаго, и ни за что не хотѣлъ пожертвовать ими ради французской дружбы. Не смотря на свои либерально-философскія идеи, не смотря на свое расположеніе къ французской націи, онъ относился въ глубинѣ души съ недовѣріемъ къ первому консулу, а его совѣтники и окружающіе поддерживали его въ этомъ чувствѣ недовѣрія и подозрительности. Донесенія Колычева изъ Парижа продолжали выставять перваго консула, да и всѣхъ французовъ, въ самомъ черномъ свѣтѣ. Онъ то уличалъ Бонапарта въ якобинствѣ и въ хитростяхъ для выигрыша времени, то называлъ его плохимъ политикомъ и чуть не предметомъ всеобщаго негодованія во Франціи, то обвинялъ его въ стараніяхъ поссорить Пруссію съ Австріею и захватить всю Италію, то указывалъ на его завоевательные планы по отношенію къ Англіи и Португаліи, то на его проекты, направленные къ захвату британской Индіи и Египта ¹⁾.

Г. Грачевскій, видимо, выставляетъ Колычева, какъ члѣнокъ злоязычнаго и плохаго наблюдателя, и подчеркиваетъ всѣ обвиненія, взведенныя французами на русскаго дипломата. Да кто и станетъ отрицать, что Колычевъ хватилъ въ своихъ донесеніяхъ черезъ край. Кто станетъ повторять вслѣдъ за нимъ несправедливости на счетъ политическаго ничтожества Бонапарта и его полной завности отъ злодѣя Фуше ²⁾; но кто же отважится отрицать, что у перваго консула были черты, общія съ якобинцами, что его адичность и честолюбіе не знали предѣловъ, что его завоевательные замыслы обнимали собою цѣлый міръ, что онъ сѣялъ повсюду недовѣріе и вражду и что, добиваясь союза съ Россіею, онъ добивался его лишь изъ корыстныхъ и эгоистическихъ цѣлей. Но, что всего знаменательнѣе, на сцѣну Колычеву является въ Парижѣ новый русскій уполномоченный, графъ Морковъ, а отношенія не измѣняются нисколько вслѣдствіе этой перемены. Фран-

¹⁾ См., между прочимъ, донесенія Колычева отъ 25-го мая и 11-го іюня 1801 года. Документы, №№ 87, 88, стр. 185—187.

²⁾ Донесеніе Колычева отъ 12-го мая 1801 г. Документы, № 74, стр. 153—154. Тутъ же довольно вѣрные замѣчанія о Жозефинѣ и ея отношеніяхъ къ Бонапарту.

цужь, лично знавшіе Моркова, напримѣръ, Дюронтъ, не отрицали въ немъ ума и даровитости, но, замѣчаетъ г. Трачевскій, во Франціи не знали, что этотъ человекъ не позволитъ наступить себѣ на ногу, не знали, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ раздѣла Польши, что онъ считалъ французовъ заносчивыми выскочками и относился къ нимъ всегда съ явнымъ недоброжелательствомъ ¹⁾).

Итакъ, и здѣсь уполномоченный Россіи является у г. Трачевскаго главнымъ виновникомъ недоразумѣній; но, допуская даже, что на Моркова падала извѣстная доля вины, и что онъ, подобно своему предшественнику, относился съ предубѣжденіемъ къ Наполеону и ко всему французскому, мы замѣчаемъ, что и г. Трачевскій, а еще болѣе издаваемые имъ документы выставляютъ въ крайне двусмысленномъ свѣтѣ отношенія Наполеона къ русскому послу. Противоположность въ самыхъ основныхъ воззрѣніяхъ между русскою и французскою политикою высказалась ясно уже на первой аудіенціи графа Моркова у перваго консула. „Бонапартъ сразу наговорилъ колкостей на счетъ пристрастія русскаго царя къ сардинскому корольку“,—замѣчаетъ г. Трачевскій въ своемъ введеніи ²⁾). Изъ донесенія Моркова отъ 1-го октября 1801 года выходитъ, что первый консулъ напрямикъ заявлялъ, что не можетъ быть и рѣчи о требованіяхъ, основанныхъ на обязательствахъ, данныхъ первымъ консуломъ императору Павлу I блаженной памяти. Эти обязательства,—сказалъ онъ,—были чисто личные и вызваны исключительно широкими и благородными взглядами этого государя, и они до того соответствовали амбіціямъ Франціи, что онъ, первый консулъ, не задумался бы для ихъ исполненія сдѣлаться на мѣстникомъ Павла I. Но, такъ какъ теперь возвратились въ границы мудрой и умѣренной, но обычной политики, то и нужно идти общепринятымъ путемъ. Теперь нужно заботиться только о мирѣ, не задерживая его столь ничтожными соображеніями, какъ участіе къ сардинскому корольку; еслибы даже его возстановить въ Пьемонтѣ, то его нужно бы было поддерживать штыками, такъ какъ его подданные единодушно противятся его возвращенію. Къ тому же это участіе было высказано въ такихъ выраженіяхъ, которыя какъ бы предписывали законъ и обращались къ Франціи, какъ къ какой нибудь Луккской республикѣ. Затѣмъ Наполеонъ началъ жаловаться на грубую ноту Колюмеса, отстаивавшую интересы, сардинскаго короля, и замѣтилъ,

¹⁾ Трачевскій, Введеніе, стр. 12X.

²⁾ Трачевскій, Введеніе, стр. 12X.

что именно эта нота нанесла смертельный ударъ королю. Онъ началъ перечислять затѣмъ благодѣянія, оказанныя имъ родственникамъ русскаго императора въ Германіи, и закончилъ словами: заключимъ сперва миръ, а потомъ поговоримъ о другомъ.

Морковъ, никакъ не смущенный рѣчами и тономъ пернаго консула, не остался передъ нимъ въ долгу. Онъ замѣтилъ, что онъ не ожидалъ подобныхъ рѣчей, „думал, какъ и всѣ, что договоры, заключаемые между главами государствъ, относятся и къ самимъ государствамъ, что убѣжденія и намѣренія вашего величества не менѣе широкі и благородны, какъ и у вашего предшественника, ибо они направлены къ упороченію мира и благоденствія всего свѣта, что желаніе прійти къ соглашенію по такому великому дѣлу и сознаніе собственной силы должны исключить въ сношеніяхъ между императоромъ и первымъ консуломъ всякую мысль о преднамѣренномъ униженіи“. Далѣе, Морковъ замѣтилъ, что участіе императора Александра къ сардинскому королю вызывается столько же чувствомъ справедливости и дружбы къ этому государю, сколько и общими соображеніями изъ силу которыхъ императоръ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ какой бы то ни было европейской державы. „Не ограничиваясь этими замѣчаніями, Морковъ замѣтилъ, что нѣтъ надобности толковать особенно о мирѣ, такъ какъ миръ этотъ существовать уже надѣлѣ, что заключеніе договора есть пустая формальность, и что главная цѣль его посольства заключается въ опредѣленіи и установленіи послѣдствій, которыя должны произойти изъ этого мира для всеобщаго умиротворенія Европы. Въ заключеніе Морковъ не задумался выразить сожалѣніе, что первый консулъ уже съ самаго начала дасть ему законный поводъ и основаніе сомнѣваться въ искренности своихъ миролюбивыхъ намѣреній, и что онъ вынужденъ будетъ донести своему двору именно въ этомъ смыслѣ“¹⁾.

Такова была первая бесѣда новаго русскаго уполномоченнаго съ Бонапартомъ. Въ ней опредѣлился, можно сказать, весь характеръ дальнѣйшихъ отношеній между двумя державами, на окраинахъ Европы находящимися, и уже въ силу этого обстоятельства, призванными къ союзу другъ съ другомъ. Строго говоря, Наполеонъ держался и въ сношеніяхъ съ Александромъ такой же системы, какъ и въ отношеніяхъ къ Павлу I. И тутъ онъ прибѣгалъ къ тѣмъ же

¹⁾ Донесеніе Моркова отъ 1-го октября 1801 года. Документы, № 111, стр. 261—273.

средствами, то-есть, къ лесть, мелочнымъ услугамъ и подаркамъ. И тутъ старался дѣйствовать на императора лично, то черезъ собственноручныя письма, то черезъ своихъ уполномоченныхъ, которыхъ онъ избиралъ изъ числа своихъ военныхъ приближенныхъ, какъ бы не довѣря присяжнымъ дипломатамъ. Перечитывая донесенія этихъ французскихъ уполномоченныхъ: Дюрока, Коленкура, Эдувиля, помѣщенный въ изданіи г. Трачевскаго, мы приходимъ къ убѣжденію, что они все дѣйствительно исполняли въ точности инструкціи своего властелина и выбивались изъ силъ только бы добиться столь желаннаго сближенія между Россією и Францією.

При этомъ слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что если они и смѣряли на лица и на вещи болѣе непредубѣжденными глазами, нежели наши дипломаты, то зато не обладали и малою долею ихъ наблюдательности. Ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ dokonаться до истиной и настоящей причины глубокой и принципиальной розни между Россією и Францією. Подобно своему повелителю, они склонны были объяснить все и вся, и прежде всего безплодность своихъ усилій, интригами англичанъ. Все русскіе государственные дѣятели, за исключеніемъ князя Курякина, были въ ихъ глазахъ заклятые англоманы и все состояли на жалованьи у англичанъ. Моменты личные мнѣнія, по ихъ мнѣнію, единственно рѣшающее значеніе въ Петербургѣ. Они были убѣждены, что существуетъ большое различіе между личными взглядами императора и взглядами его подчиненныхъ. Такое свое мнѣніе они основывали на частныхъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ и были крайне изумлены, встрѣчая совершенно иного рода воззрѣнія не только въ дипломатическихъ актахъ, выходившихъ изъ канцеляріи русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, но и въ собственно-ручныхъ письмахъ и рескриптахъ государя. Принимая за звонкую монету въблвныя фразы и любезности Александра, они провозглашали торжественно, что довѣріе къ Франціи поднялось въ Россіи на 100°, и провозглашали это въ то самое время, когда императоръ Александръ писалъ слѣдующія знаменательныя строки своему уполномоченному въ Парижѣ графу Моркову: „Донесенія ваши получили я съ особливимъ удовольствіемъ. надеюсь въ нихъ все то, чего ожидать могъ отъ искусства и большой опытности вашей въ дѣлахъ. Не удивили меня ни странный тонъ перваго консула въ разговорахъ съ нами, ни заманки министра Талейрана, чтобы или совсѣмъ уничтожить многое уже въ продолженіе негоціаціи нашей условленное, или чтобы, по крайней мѣрѣ, ослабить разныя постановленія. Черное есть слѣдствие стесненія.

на которую Бонапартъ, будучи возведенъ цѣлѣмъ, не знаетъ различныхъ формъ; что же касается до министра вѣдѣвшихъ сношеній, онъ слѣдовалъ съ вами той чертѣ поведенія, которую страшные успѣхи оружія французскаго, или добровольныя или принужденныя угожденія разныхъ дворовъ ввели въ обыкновеніе въ кабинетѣ тильзійскомъ. И потому не могу довольно одобрить мѣру твердости, смѣшанную съ разумомъ согласія, кою употребили вы въ отвѣтахъ нашихъ, желая, чтобъ и впредь старались вы оную соблюсти, уклоняясь, однакожь, отъ всего того, что бы могло дать поводъ къ какимъ либо неприятнымъ раздробленіямъ съ правленіемъ столь заносчивымъ, каково есть французское, и съ коимъ тѣмъ осторожнѣе поступать должно, что въ настоящемъ положеніи вещей не существуетъ способовъ укротить оное" (стр. 286, № 117).

Итакъ, уже въ концѣ 1801 года императоръ Александръ нимало не сомнѣвался на счетъ истиннаго характера политики перваго консула и чрезвычайно вѣрно опредѣляя причины, изъ которыхъ вытекала заносчивость и неумѣрныя притязанія французскаго правительства. Если императоръ избѣгалъ тщательно всего того, что могло повести къ неприятнымъ раздробленіямъ, то избѣгалъ единственно потому, что не видѣлъ пока иныхъ средствъ, кромѣ убѣжденія, коими можно было бы укротить и поставить въ предѣлы французское правительство. Очевидно, что императоръ не возлагалъ уже особыхъ надеждъ на какую либо уступчивость со стороны Бонапарта, и дальнѣйшій ходъ переговоровъ какъ нельзя болѣе оправдалъ его опасенія. И въ самомъ дѣлѣ, чего добивалось русское правительство отъ Франціи въ эти годы самыхъ оживленныхъ и, повидимому, истинныхъ дипломатическихъ сношеній? Ничего для себя, и очень немногаго для Европы и для своихъ кліентовъ!

Оно хлопотало о территориальномъ вознагражденіи для сардинскаго короля и, не смотря на всѣ свои усилія, не смотря на цѣлый рядъ самыхъ настойчивыхъ требованій и просьбъ, не смотря на безконечную переписку, не добилося ровно ничего, кромѣ нѣсколькихъ пустыхъ обѣщаній, объ исполненіи которыхъ Наполеонъ никогда и не помышлялъ.

Дѣло о вознагражденіи короля проходить, какъ красная нить, черезъ всю дипломатическую переписку, издающую г. Трачевскимъ, и всѣ усилія русской дипломатіи и личныя ходатайства Александра оказываются бесплодными передъ упорствомъ Наполеона. А между тѣмъ, что стояло для перваго консула удовлетворить русскаго императора

въ этомъ, по самому существу своему, крайне второстепенномъ, можно сказать, ничтожномъ вопросѣ... О крупныхъ территоріальныхъ пожертвованіяхъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Изъ документовъ, опубликованныхъ г. Трачевскимъ, явствуется несомнѣнно, что русское правительство готово было удовольствоваться самою скромною долей для своего кліента. Изъ тѣхъ же документовъ выходить съ очевидностью, что французское правительство приняло на себя формальное обязательство доставить земельное вознагражденіе королю сардинскому и что оно не исполнило этого обязательства подъ разными предлогами. Въ концѣ 1802 года дѣло это находилось въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ находилось оно и въ концѣ 1801 года.

Въ вопросѣ о вознагражденіи крупныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ государей.—вопросѣ, созданномъ исключительно одною Франціею, захватившей весь лѣвый берегъ Рейна по праву завоеванія и присвоившей себѣ по праву сильного всѣ находившіяся тамъ владѣнія свѣтскихъ и церковныхъ князей (Священной Римской имперіи, Россія, какъ свидѣтельствуютъ это испод документа, обнародованные г. Трачевскимъ, имѣла въ виду лишь одни общіе, европейскіе интересы и руководилась принципами справедливости и требованіями политическаго равновѣсія. тогда какъ Франція преслѣдовала исключительно цѣли эгоистическія и корыстныя. Россія желала сохранить, по возможности, разшатанный и полуразрушенный организмъ Священной Римской имперіи, считая его сохраненіе однимъ изъ необходимѣйшихъ условій политическаго равновѣсія Европы. Франція хлопотала объ имперіи лишь на словахъ, въ дѣйствительности же смотрѣла на нее, какъ на объектъ для вознагражденія своихъ союзниковъ и вассаловъ. Россія настаивала, чтобы Австрія, Пруссія, равно какъ и мелкія нѣмецкія государства, удовлетворены были по возможности, въ одинаковой степени, соответственно своимъ размѣрамъ и своему значенію; Франція, наоборотъ, старалась увеличить долю вознагражденія Пруссіи и щедро надѣлать тѣхъ нѣмецкихъ владѣтелей, которые, подобно курфюрсту баварскому, превратились уже тогда въ ея покорныхъ сателлитовъ. И въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и во всѣхъ другихъ, Наполеонъ старался привлечь Александра мелочами, своими заботами о нѣмецкихъ родственникахъ русскаго императора: курфюрстѣ баварскомъ, герцогѣ вюртембергскомъ, маркграфѣ баденскомъ. Онъ самъ въ своихъ письмахъ, равно какъ его министры въ своихъ посланіяхъ и денешахъ, то и дѣло напоминаютъ русскому правительству о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми осмыслили они различныхъ мелкихъ нѣмецкихъ потеш-

татовъ, состоявшихъ въ родствѣ съ русскимъ императорскимъ домою. Въ концѣ концовъ они начинаютъ даже жаловаться, что русскій императоръ и его министры, повидимому, не придаютъ съ своей стороны никакого значенія ихъ отеческимъ хлопотамъ. Они даже не допускаютъ мысли, что русскій государь можетъ руководиться въ вопросѣ о нѣмецкихъ вознагражденіяхъ какими либо иными, болѣе высшими соображеніями, кромѣ мелочныхъ династическихъ интересовъ родства и свойства. Они на столько наивны, что полагаютъ видѣть, что все, дѣлаемое ими для баварскаго курфюрста, герцога вюртембергскаго и маркграфа баденскаго, дѣлается исключительно въ угоду императору русскому. тогда какъ въ дѣйствительности они дѣлали все это исключительно изъ своихъ собственныхъ интересовъ, награждали именно тѣхъ нѣмецкихъ князей, на которыхъ смотрѣли, какъ на своихъ вѣрныхъ сторонниковъ.

Въ дипломатической перепискѣ между Россією и Францією, изданною г. Трачевскимъ, затрогивается, помимо вопросовъ сардинскаго и германскаго, не мало и другихъ, но вездѣ и повсюду повторяется одна и та же двусмысленная игра, обнаруживается одно и то же отношеніе перваго консула къ русскому императору. Александръ, побуждаемый, безъ сомнѣнія, Лагарпомъ, выступаетъ иредъ Бонапартомъ ходатаемъ за Швейцарію. Онъ хлопочетъ иредъе всего, чтобы Наполеонъ положилъ предѣлъ безначалію въ этой странѣ ¹⁾. Наполеонъ отвѣчаетъ ему крайне любезно и сообщаетъ ему о своихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ возстановленію спокойствія у этой доброй націи ²⁾. Черезъ два мѣсяца, однако же, перный консулъ даетъ знать императору, что дѣла Гельвенціи запутались еще болѣе. Оказывается, что добрый народъ принадлежитъ къ числу такихъ, съ которыми справляться очень трудно, особенно въ томъ случаѣ, если не хотять прибѣгать къ силѣ, а желаютъ дѣйствовать только совѣтами и кроткими мѣрами. Впрочемъ, Бонапартъ все-таки надѣется, что эта итереспал страна, наконецъ, приближается, къ пристани ³⁾. Вѣтъ ивѣстно, въ какомъ смыслѣ оправдались эти надежды. Швейцарія была преобразована въ демократическомъ смыслѣ, но превращена въ то же время въ страну вполне подвластную.

Относясь такъ внимательно къ ходатайствамъ русскаго импе-

¹⁾ Письмо Александра I къ Бонапарту, Документы, № 123, стр. 300—301.

²⁾ Письмо Бонапарта къ Александру I, № 137, стр. 339—339.

³⁾ Письмо Бонапарта къ Александру I, № 162, стр. 405.

ратора, первый консулъ не опускаетъ въ то же время изъ виду французскихъ интересовъ и то и дѣло напоминаетъ о нихъ въ своихъ письмахъ. Онъ хлопочетъ, наприимѣръ, предъ Александромъ о французской торговлѣ въ Россіи и доказываетъ, какъ много выгодъ приобрѣсти бы Россія и Франція, еслибы открылась прямая торговля между французскими портами на Средиземномъ морѣ и русскими на Черномъ.

„Таковъ былъ и планъ Екатерины“.—говоритъ онъ въ своемъ письмѣ ¹⁾. Александръ увѣряетъ въ своихъ отвѣтахъ, что онъ готовъ оказать французской торговлѣ въ Россіи полное покровительство и всѣ желаемыя облегченія. Онъ выражаетъ свое искреннее желаніе, чтобы установился прямой обмѣнъ товаровъ по Черному морю къ удовлетворенію и выгодѣ обѣихъ странъ ²⁾. Впослѣдствіи, однако же, обнаруживается, что первый консулъ понимаетъ торговые интересы Франціи на Черномъ морѣ въ очень широкомъ смыслѣ, что онъ намѣренъ добиваться полной свободы плаванія для французскихъ судовъ по этому морю и рассчитываетъ, что Россія въ случаѣ надобности окажетъ ему всякое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, не останется даже передъ надѣйствиемъ на Порту. Понятно, что русский императоръ относится къ подобнымъ затѣямъ уклончиво; еще понятнѣе, что онъ смотрѣлъ съ крайнимъ подозрѣніемъ на всѣ предложенія Наполеона, касающіяся Турціи. А между тѣмъ первый консулъ то и дѣло возвращается въ своихъ бесѣдахъ съ нашими посланцами къ Портѣ и къ ея ближнему, неизбѣжному надеянію. Онъ, видимо, рассчитываетъ поймать въ этомъ вопросѣ на удочку Россію, онъ говоритъ даже прямо о дѣлѣхъ Турціи и совѣтуетъ Россіи, да мимоходомъ и Австріи, заранѣе подготовиться къ этому дѣлу и опредѣлить свои доли въ Османской добычѣ. Понятно, что подобныя рѣчи пернаго консула возбуждаютъ подозрѣнія не только со стороны Россіи, но и другихъ державъ. „Всѣ согласны въ томъ,—пишетъ Морковъ изъ Парижа отъ 27-го іюля 1802 года ³⁾.—а англійскій министръ въ истинной тревогѣ отъ того, что Франція замышляетъ что-то противъ Порты, или за одно съ нею; подозрѣнія касаются главнымъ образомъ Морен“. „Умнищенность,—читаемъ мы въ депешѣ Воронцова Моркову изъ С.-Петербурга отъ 24-го декабря

¹⁾ Письмо Бонапарта къ Александру I, № 137, стр. 341.

²⁾ Письмо Александра I къ Бонапарту, № 149, стр. 370—371.

³⁾ *Трагическія*, Документы, донесеніе Моркова, № 192, стр. 485.

1802 года, съ которою первый консулъ въ разговорахъ съ вашими сїятельствомъ всегда старается затронуть вопросъ о близкомъ разложеніи Оттоманской имперіи, заслуживающаго особеннаго вниманія. Подобно вамъ, мы не можемъ объяснить это поведеніе ничѣмъ инымъ, кромѣ желанія заподозрѣть насъ въ глазахъ Порты или подготовить умы къ какому нибудь неожиданному шагу французскаго правительства въ этомъ направленіи, а, можетъ быть, то и другое вмѣстѣ. При томъ и другомъ предположеніи одинаково необходимо, чтобы взше сїятельство подхватывали подобныя слова и каждый разъ давали исно понять, что императоръ вовсе не расположенъ принимать участіе во враждебныхъ Турціи планахъ; напротивъ, его величество рѣшился охранять доброе сосѣдство съ этою державою. Быть можетъ, въ скоромъ времени я буду имѣть случай дать вамъ формальное и весьма положительное порученіе въ этомъ смыслѣ, а покуда благоволите слѣдить за этимъ дѣломъ съ вѣнчайшимъ вниманіемъ и постарайтесь, если можно, проникнуть въ истинныя побужденія французовъ и разузнать, на что рассчитываютъ они внутри владѣній Порты⁴ 1).

Подозрѣнія Россіи не лишены были, какъ извѣстно, своего основанія. Планы Бонапарта обнимали уже тогда весь міръ, а Турціи играла въ нихъ уже и тогда немаловажную роль. Какъ ловкій игрокъ, Наполеонъ имѣлъ всегда наготовѣ нѣсколько ходовъ. Турціею онъ думалъ воспользоваться въ различномъ смыслѣ, смотря по обстоятельствамъ. На всякій случай онъ старался подчинить Порту своему вліянію. Заманивая Россію перспективою раздѣла Оттоманскихъ земель, Наполеонъ думалъ въ то же время воспользоваться силами Турціи въ случаѣ надобности и противъ самой Россіи. Однимъ словомъ, онъ игралъ уже и въ эти годы въ ту же двойную игру, которую вель онъ потомъ такъ искусно во времена Фридриха, Тильзита и Эрфурта. Во всякомъ случаѣ, русской дипломатіи того времени принадлежит не маловажная заслуга своевременнаго разоблаченія восточныхъ плановъ Бонапарта²).

¹) Документы, стр. 619.

²) См., между прочимъ, депешу Воронцова Моркову за № 243, гдѣ читаемъ: „Вы справедливо замѣтили нервозу консулу, что къ причинамъ недовольства нашего Франціею относится заключеніе договора съ Турціею при чужомъ посредничествѣ, тогда какъ испрашивали и получили согласіе его императорскаго величества на посредничество. Первый консулъ отвѣчалъ вамъ, что воспоминанія прощлаго и страхъ за будущее заставляли Порту предпочесть Россіи другаго посредника. Но что касается до воспоминаній, то болѣе свѣжи и непріятныя изъ нихъ

Возбуждая опасенія Россіи своими повѣсемѣстными вышательствами и интригами, Наполеонъ тщетно старался въ то же время привлечь къ себѣ расположеніе Александра своими совѣтами, любезностями и мелочными заискиваніями. Любопытно, что первый консулъ неоднократно предостерегалъ русскаго самодержца отъ увлеченія либеральными идеями, что онъ совѣтовалъ ему измѣнить свой слишкомъ простой образъ жизни, окружить себя большею пышностью ¹⁾ и недостатностью, что онъ смотрѣлъ съ недовѣріемъ на новыя государственныя учрежденія, введенныя Александромъ. Въ разговорѣ съ Морковымъ, консулъ сенага и манифеста о возстановленіи его права, онъ прямо выразился: „это новая конституція; она клонится къ сокращенію императорской власти“. „Я поправилъ его, — доноситъ Морковъ, сказавши, что права — только-что данныя вашимъ величествомъ сенату, были опредѣлены ему его основателемъ, Петромъ Великимъ, самымъ ревнивымъ къ своей власти государемъ въ Европѣ; они, правду сказать, были забыты, а ваше величество, считая, по своей мудрости и великодушію, умѣстнымъ возстановить ихъ, сохранили за собою и всѣ средства, необходимыя для того, чтобы и предупредить и подавить злоупотребленія, которыя могли бы произтечь отсюда. Я совѣтовалъ ему прочесть этотъ манифестъ повнимательнѣе, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Тѣмъ не менѣе онъ долго распространялся о духѣ времени, который требовалъ больше, чѣмъ когда либо, сосредоточенія всѣхъ дружинъ правительствъ въ одной рукѣ во всякомъ государствѣ, обширномъ по пространству и населенію. Онъ сказалъ, что поднятая послѣднею бурей волна не на столько улеглась, чтобы не опасаться новой грозы; а въ случаѣ новаго взрыва онъ рѣшился уже провозгласить Галльскую имперію и выступить противъ своихъ враговъ“ ²⁾.

Отческія заботы перваго консула о сохраненіи во всей ея полнотѣ прерогативы самодержавнаго русскаго императора оказались, какъ видно изъ этой бесѣды, не многими умѣстными. Александръ

должны бы сильнѣе впечатлѣться въ памяти, чѣмъ воспоминанія о старыхъ обидахъ, которыя потомъ были заглажены столькими добрыми поступками. А если дѣло идетъ о страхѣ за будущее, то, конечно, его должна внушать туркамъ не Россія, а скорѣе Франція, и первый консулъ не принимаетъ на себя труда скрывать это. Стало бытъ, эти слова съ его стороны не что иное, какъ изворотъ, который онъ не проведетъ насъ“.

¹⁾ Нисельо Гонзаварта къ Александру I, Документы, № 211, 523.

²⁾ Донесеніе Моркова отъ 1-го декабря 1802 года, стр. 584—586.

имѣлъ свои собственныя мысли насчетъ духа времени, онъ забоялся не столько о сосредоточеніи власти въ однихъ рукахъ, сколько объ установленіи болѣе правильныхъ формъ управленія. Счастье поданныхъ, нѣтъ матеріальный и нравственный подъемъ, распространеніе просвѣщенія—вотъ къ какимъ цѣлямъ, а не къ подавленію всѣхъ свободъ, направлялась тогда дѣятельность молодого русскаго государя. Въ этомъ отношеніи Александръ и Наполеонъ стояли на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія, были настоящими политическими антитепами. Александръ былъ всецѣло проникнутъ либеральными, гуманными идеями вѣка, Наполеонъ былъ полнымъ выразителемъ идеи самовластия. Не ясно ли отсюда, что дѣйствительное и прочное единеніе между такими противоположностями было невозможно.

Наполеонъ думалъ перешагнуть черезъ бездну, отдѣлявшую его отъ русскаго императора, прибѣгая лишь къ однимъ общавамъ, исполнять которыя онъ не былъ намѣренъ, къ соблазнамъ и приманкамъ, дѣйствительное значеніе которыхъ онъ хорошо понималъ самъ, къ совѣтамъ и предостереженіямъ, которые не могли быть приняты съ сочувствіемъ уже по самому существу своему, къ мелочнымъ любезностямъ и одолженіямъ, политическое значеніе которыхъ равнялось нулю. Что же удивительнаго, что онъ не могъ достигнуть предположенной имъ цѣли, что попытки установить прочныя дружественныя связи съ Россією окончились неудачно и что неизбежность новаго разрыва между противоположными другъ другу по самому существу своему силами сдѣлалась вскорѣ очевидною. Къ такому заключенію мы приходимъ именно на основаніи bona archivalia матеріала, опубликованнаго г. Трачевскимъ. Матеріалъ этотъ, по нашему убѣжденію, всецѣло подтверждаетъ прежнее мнѣніе, сложившееся въ исторической наукѣ, какъ относительно самого Наполеона, такъ и его отношеній къ Россіи. Изучая дипломатическую переписку, обнаруженную г. Трачевскимъ, изслѣдователь можетъ прійти лишь къ одному убѣжденію: союзъ между Россією и Франціей, воишь возможный въ другія времена и при другихъ условіяхъ, былъ невозможенъ и немыслимъ именно при Наполеонѣ I. Документы, вошедшіе въ сборникъ г. Трачевскаго, показываютъ на каждомъ шагѣ, что Наполеонъ былъ и въ годы своего консульства такимъ же точно, какимъ онъ былъ и во времена своего императорства. И тогда уже онъ мечталъ о созданіи всемірной монархіи, и тогда уже онъ стремился подчинить всю Европу своему владычеству, или, по крайней мѣрѣ, своему

вліянію. На Россію смотрѣлъ Наполеонъ точно такъ же, какъ на Пруссію, то есть, онъ думалъ воспользоваться ею для своихъ политическихъ цѣлей. Русскій союзъ имѣлъ въ его глазахъ даже гораздо большее значеніе, нежели какой либо другой, уже по той причинѣ, что лишь одна Россія могла доставить ему, по его мнѣнію, средства для окончательнаго испроверженія Англіи. Вообще, отношенія къ Англіи были именно тѣмъ пунктомъ въ политической системѣ Наполеона, вокругъ котораго вращалось все остальное. Одна Англія являлась въ его глазахъ серьезною помѣхою въ осуществленіи его универсальныхъ плановъ. Для устраненія этой помѣхи онъ готовъ былъ даже на временныя уступки по отношенію къ другимъ державамъ, а главнымъ образомъ къ той, которая могла доставить ему особенно могущественныя средства для борьбы съ Англіею, то есть, къ Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что міровые планы императора Наполеона отличались болѣею опредѣленностью и ясностью, нежели замыслы Наполеона, перваго консула, но въ своей основѣ и сущности они всегда были одинъ и тѣ же. Для осуществленія своихъ гигантскихъ цѣлей Наполеонъ думалъ воспользоваться Россіею два раза: послѣ 18-го брюмера и послѣ Тильзита; но послѣ Тильзита онъ готовъ былъ заплатить за русскую дружбу и помощь болѣе осязательную цѣну, нежели послѣ 18-го брюмера. Въ 1807 году онъ готовъ былъ пожертвовать изъ-за Россіи и Швецію, и Турцію, въ 1801—1802 гг. онъ думалъ достигнуть русской дружбы одними обѣщаніями, любезностями и мелочными услугами. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ онъ не намѣренъ былъ жертвовать изъ-за русской дружбы ни однимъ изъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Въ первомъ случаѣ, то есть, въ началѣ столѣтія, онъ старался завлечь Россію перспективою раздѣла Турціи, во второмъ, то есть, послѣ Тильзита, онъ соглашался на присоединеніе нѣсколькихъ турецкихъ областей къ Россіи, но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ онъ вовсе не былъ намѣренъ предоставлять въ распоряженіе Россіи всего Балканскаго полуострова, а тѣмъ менѣе дѣлить съ нею міръ. Россія должна была сдѣлать для него все, что требовала его политическая система; а затѣмъ, по минованіи надобности въ русской дружбѣ, се должна была постигнуть такая же участь, какою постигла Пруссію. Нашествіе 1812 года было прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ политики Наполеона по отношенію къ Россіи, а не результатомъ какихъ либо недоразумѣній или ошибокъ русской политики или дипломатіи. Толковать подобнымъ образомъ историческіе факты, объяснять великіи

историческія событія ошибками и недоразумѣніями высокопоставленныхъ лицъ, значить унижать достоинство исторіи и искажать сущность историческаго процесса.

Россія не избѣжала бы нашествія 1812 года даже въ томъ случаѣ, еслибы она бросилась очертя голову въ объятія Наполеона, еслибы она начала вмѣстѣ съ нимъ сокрушать Англію. Она могла бы избѣжать рѣшительной борьбы съ Наполеономъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы она подчинилась ему вполне и безусловно, еслибы она превратилась изъ независимой державы въ вассала Наполеоновской Франціи. Теперешнее политическое положеніе Европы не представляетъ ничего общаго съ положеніемъ въ Наполеоновскую эпоху. И если въ настоящій моментъ союзъ Россіи и Франціи представляется комбинаціею вполне возможною и во многихъ отношеніяхъ даже желательною, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы подобная комбинація была возможна въ началѣ XIX столѣтія. Всякое время имѣетъ свои задачи, и современнымъ политикамъ нѣтъ никакой надобности искать себѣ оправданія въ дѣлахъ давно минувшаго прошлаго.

Возвращаясь къ исходному пункту нашего разсмотрѣнія. Исторія должна быть наставницею политики, но отнюдь не должна быть ея слугою или даже адвокатомъ. Г. Трачевскій, очевидно, онусталъ изъ виду эту основную истину. Приступая къ задуманному имъ изданію документовъ, къ предпріятію дѣйствительно полезному и полному научнаго значенія, онъ не руководился одними чисто научными соображеніями. Увлекаемый современными политическими тенденціями, онъ задумалъ воспользоваться архивными матеріалами для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою. Ему захотѣлось доказать, что проблема русско-французскаго соглашенія была желательна и осуществима въ первые годы XIX столѣтія и что она не была осуществлена главнымъ образомъ по винѣ тогдашнихъ русскихъ политиковъ и дипломатовъ. Съ этою цѣлью написалъ онъ обширное введеніе къ первому тому своего изданія, введеніе, лишенное всякаго серьезнаго научнаго значенія. Въ концѣ концовъ оказалось, что документы, обнародованные г. Трачевскимъ, не только не оправдывали его предвзятую мысль, а, напротивъ, опровергали ее. Изъ документовъ этихъ выходитъ, что послѣ долгой переписки, послѣ безчисленныхъ увѣреній во взаимной дружбѣ, послѣ цѣлаго ряда обѣщаній, „къ концу 1802 года, политическій горизонтъ (повторяя слова самого г. Трачевскаго) омрачился“. И если читатель спроситъ, въ чемъ же заключалась причина этого омраченія, то издатель документовъ дастъ ему

на это слѣдующій отвѣтъ: „Побѣдитель у Марсго чувствовалъ приливъ силъ, сознавалъ всеобщее оцѣпеніе подъ давленіемъ сходящихся въ его рукахъ итей дипломатіи и массы отборнаго войска, готованаго ринуться на знакомый путь торжества. И его бурная природа, и это побѣдоносное воинство скучали безъ дѣла, которое такъ легко доставляло имъ рай земной. Имъ овладѣвали жажда вѣнчанія дѣятельности, самопластіе, ярость. Чувлось ему, что пришла пора раздавить одинокую соперницу за каналомъ и залечь соловьемъ-разбойникомъ въ дѣроги, отъ угрюмыхъ озеръ Шотландіи до улыбающихся береговъ Босфора, до оныяниющихъ пѣгомъ водъ Инда. Горе было станимъ ему на пути! Валовна судьбы въ военномъ мундирѣ не остановили бы ни годная для простыхъ смертныхъ мораль, ни склоняющаяся предъ ночью дипломатіи“¹⁾.

Итакъ, вотъ копочный выводъ, выравнійся изъ-подъ пера г. Травескаго. Политическій горизонтъ омрачился, и кровавый призракъ войны вновь поднялся надъ міромъ, единственно потому, что у Напонарта обнаружился новый приливъ силъ. Онъ и его армія жаждали новой славы и новыхъ завоеваній. Мысль о покореніи міра не давала покоя первому консулу, какъ не давала она вполсѣдствіи покоя и императору. Что касается Россіи, то самъ г. Травескій замѣчаетъ, что Наполеонъ пытался отвлечь ея вниманіе отъ запада, гдѣ должна была начаться кровавая расправа съ ея вчерашними друзьями, указаніями на восточный вопросъ, на ключки турецкой добычи, но что русскій колоссъ не поймаеся на удочку. „Здѣсь-то—замѣчаетъ онъ,—царь былъ особенно остороженъ,—словно не понимая намековъ сирены, онъ твердилъ о честности преимущественно въ отношеніи къ сосѣдямъ“²⁾. Тогда-то прекратились любезности перваго консула и его министровъ въ отношеніи къ Россіи, и появились первые признаки приближающагося разрыва въ видѣ „мелкихъ уколовъ самолюбія колосса“. Вопросъ же о соединеніи двухъ державъ, на окраинахъ Европы находящихся, этотъ основной предметъ документовъ, представляемыхъ на судъ науки и общества, остался благимъ пожеланіемъ, вопросомъ будущаго³⁾.

Спрашивается, послѣ этого, чѣмъ же отличается новое воззрѣніе на Наполеона и на его отношенія къ Россіи, извлеченное г. Травес-

¹⁾ Травескій, Введеніе, стр. СVII—СVIII.

²⁾ Травескій, Введеніе, стр. СIX.

³⁾ Травескій, Введеніе, стр. CXII.

скимъ изъ не извѣстныхъ до сихъ поръ архивныхъ матеріаловъ, отъ стараго, общепринятаго до сихъ поръ взгляда. Чѣмъ отличается этотъ новый, „дѣйствительный Наполеонъ“ документовъ, съ своею жаждою вышней дѣятельности, славолюбіемъ, яростью, съ своими стремленіями овладѣть всею міромъ, залечь все дороги отъ Шотландіи до Восточнаго Инда,—отъ Наполеона стараго, котораго угодно было г. Трачевскому признать за Наполеона романческаго, за создателя фантазіи. Ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ, какъ вынужденъ сознаться самъ г. Трачевскій. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было писать обширное введеніе и приводить въ немъ мысли, не вытекающія изъ документовъ и не оправдываемыя ими? Не лучше ли было бы ограничиться однимъ изданіемъ матеріала и отказаться на этотъ разъ отъ попытки представить Наполеона и его отношенія къ Россіи въ по-воинскомъ свѣтѣ?

В. Шадеръ.

Разказы Платова о Пятрѣ Великомъ. Л. П. Майкова. С.-Пб. 1871 г.

„Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго“—историческій памятникъ давно уже извѣстный лицамъ, занимающимся русской исторіей, и давно служившій источникомъ для изображенія эпохи преобразованій. Отрывки изъ него появились въ *Сынъ Отечества* 1819 г. Затѣмъ онъ напечатанъ въ *Москвитянинѣ* 1842 года, но по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ изъ 162 разказовъ 11 были исключены въ цѣлости, а одинъ поименно обрѣзаннымъ. Мнѣніе, будто изданіе Погодина не вѣрно, вполнѣ отстраняется повѣстью издателемъ, печатающимъ по той же самой рукописи, нынѣ хранящейся въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Рукопись эта, пока единственная извѣстная, довольно поздняя: писана въ началѣ XIX вѣка. Та, по которой печатавъ *Сынъ Отечества* и которая представляетъ нѣкоторыя, впрочемъ не важныя, варианты, не найдена. Не смотря на широкое распространеніе, памятникъ этотъ, какъ многое множество другихъ памятниковъ, еще не подвергался критическому изслѣдованію, ибо, какъ извѣстно, эта сторона исторической науки обращаетъ на себя у насъ вниманіе еще очень немногихъ изслѣдователей; оно и понятно: дѣла много всякаго, а дѣлателей, какъ ихъ ни много теперь, особенно сравнительно съ недавнею скудостью, все еще недостаточно. Куда ни посмотримъ въ нашей исторической наукѣ, всюду находимъ пробѣлы; они конечно пополняются, но еще пройдетъ много времени до того, когда наша русская историческая наука достигнетъ степени

зрѣлости науки французской, нѣмецкой, англійской, когда у насъ будетъ достаточно критическихъ изданій памятниковъ, изслѣдованій о нихъ, изслѣдованій о разныхъ сторонахъ жизни, справочныхъ словарей, компендіевъ по разнымъ отраслямъ исторической науки, библиографическихъ пособій и т. д. Возвращаясь къ занимающему насъ памятнику, замѣтимъ, что доселѣ только Устряловъ заподозрилъ, да и то невѣрно, существованіе его литературныхъ источниковъ, и указалъ на то, что Нартовъ только съ 1712 г., когда онъ, по документамъ, былъ назначенъ въ токарню Петра, можетъ быть названъ очевидцемъ. Такъ стояло дѣло до тѣхъ поръ, пока Л. Н. Майковъ не принялся за него съ его обычнымъ критическимъ тактомъ, съ его внимательною изыскательностью, съ большою начитанностью въ литературѣ иностранной. Результаты критической дѣятельности новаго издателя, оказываются чрезвычайнаго убѣдительными и прочными, такъ что ихъ можно считать отнынѣ достоинствомъ исторической науки. Изъ изслѣдованій оказывается, что составитель „Повѣствованій“ пользовался разными источниками, изъ которыхъ нѣмце указаны издателемъ положительно, и самими указанія сопровождаютъ обширными выписками въ примѣчаніяхъ, подтверждающими то буквально сходство показаній, то сходство по смыслу; другія указанія издателя предположительны, но весьма вѣроятны. Таково, напримѣръ, указаніе въ примѣчаніи къ разказу 126 на вѣроятный источникъ разказа, сообщающаго неблагоприятныя сужденія Петра о порядкѣ: источникъ издатель ищетъ въ какомъ-нибудь французскомъ сатирическомъ сочиненіи того времени и приводитъ сходный отрывокъ изъ одного памфлета, правда появившагося позднѣе, но могущаго имѣть и ранній источникъ. Иностранными источниками составителю служили по указанію издателя: *Руссе* (подъ псевдонимомъ бар. Нестесураны): „Mémoires du regne de Pierre le Grand“, *Вольтеръ*: „Histoire de Charles XII“, *сво же*: „Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand“ и *Мовильонъ*: „Histoire de Pierre, surnommé le Grand“. Изъ русскихъ печатныхъ источниковъ составитель пользовался изданнымъ кн. Щербатовымъ „Журналомъ Петра Великаго“. На основаніи этихъ источниковъ составлены 35 разказовъ изъ 162. Издатель, не ограничиваясь выписками параллельныхъ мѣстъ, подробно объясняетъ способы, которыми составитель пользовался при передачѣ источниковъ. Такой точный анализъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ выводахъ издателя. Вслѣдъ за литературными источниками Л. Н. Майковъ указываетъ на устное преданіе. Отдѣляя тѣ случаи, о которыхъ

Нартовъ могъ сообщить свои собственные свѣдѣнія, гдѣ онъ былъ очевидцемъ, издатель насчитываетъ до 40 разказовъ, заимствованныхъ изъ этого источника. Въ самихъ „Повѣствованіяхъ“, впрочемъ, изрѣдка упоминаются свидѣтели того или другаго событія. Разказовъ, принадлежащихъ самому Нартову, насчитывается до 35. Они отличаются большою простотою тона, тогда какъ въ разказахъ, основанныхъ на устномъ преданіи, встрѣчаются изображенія Петра, какъ иѣтко выразился издатель, „согласно понятіямъ и вкусамъ XVIII вѣка въ образѣ классическаго героя и мудреца“. Этою чертою связывается составитель съ другими собирателями анекдотовъ о Петрѣ, Штелинымъ и Голиковымъ, съ которыми онъ представляетъ нѣсколько сходныхъ разказовъ. Обстоятельное изученіе памятника привело изслѣдователя къ цѣнному историко-литературному выводу: сочиненія, которыми пользовался составитель, вышли частью уже по смерти А. К. Нартова; языкомъ иностранныхъ Нартовъ не зналъ; слогъ оказывается подновленнымъ; въ предисловіи встрѣчаются ошибки въ биографіи самого Нартова (такъ, онъ названъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а онъ былъ статскій). Отсюда выходитъ, что токарь Петра Великаго не былъ составителемъ „Повѣствованій“, а разказы его послужили только матеріаломъ. Прямо не отвѣчая на вопросъ о составителѣ, издатель считаетъ весьма вѣроятнымъ, что послѣдняя редакція источника принадлежитъ А. А. Нартову, бывшему президентомъ Российской Академіи, сыну Петровскаго токаря. Такимъ образомъ, въ результатѣ анализа оказывалось, что лишь нѣкоторые разказы изъ „Повѣствованій“ имѣютъ значеніе первостепеннаго источника. Не только тщательное изданіе и образцовое историко-литературное изслѣдованіе придаютъ цѣну новому предпріятію Л. Н. Майкова, но и тѣ примѣчанія, въ которыхъ онъ опредѣляетъ даты событій; его обширная начитанность дала ему возможность опредѣлить, напримеръ, достовѣрность разказа Нартова, что Петръ отказался отъ обѣда у французскаго епископа, посредствомъ указаній французскихъ источниковъ. Къ изданію приложены два документа, пополняющіе и исправляющіе биографію Нартова: Челобитная его Петру Великому въ 1723 г. (изъ Государственнаго Архива) и Доношеніе въ канцелярію Академіи Наукъ въ 1754 г. (изъ Архива Канцеляріи). Такимъ образомъ, русская наука имѣетъ теперь и хожее изданіе „Повѣствованій“, и цѣнный историко-литературный этюдъ о нихъ. Пользованіе этимъ памятникомъ теперь облегчено историкомъ.

И. Востужевъ-Рюминъ.

ЕВАНГЕЛІЕ ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИКОНОГРАФИИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВІЗАНТІЙСКИХЪ И РУССКИХЪ. *Н. Покровскаю*. Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами. (Труды восьмага археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1890. Томъ I). С.-Петербургъ. 1892 ¹⁾.

Богатый запасъ ученыхъ изслѣдованій, статей и докладовъ по различнымъ вопросамъ археологій до-исторической, русской и западно-европейской, накопившійся въ портфеляхъ администраціи Императорскаго Московскаго археологическаго общества послѣ VIII Русскаго археологическаго съѣзда въ январѣ 1890 года, начинаетъ дѣлаться общимъ достояніемъ. На дняхъ въ С.-Петербургѣ окончился печатаніемъ I-й томъ Трудовъ этого съѣзда, весь занятый, не смотря на свой весьма значительный объемъ (496 стр. in fol.), изслѣдованіемъ лишь *одного* изъ сочленовъ Московскаго съѣзда, Н. В. Покровскаго.

Имя профессора С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскаго уже давно пользуется почетной извѣстностью въ учебномъ мірѣ, какъ неутомимаго изслѣдователя и необыкновенно плодовитаго писателя по разнообразнымъ вопросамъ церковной археологій. Рѣдкій годъ проходитъ безъ того, чтобы профессору Покровскіи не напечаталъ одного или нѣсколькихъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ отдѣльно или въ *Христіанскомъ Ученіи*, въ *Сборникъ Археологическаго Института*, въ *Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*, въ *Трудахъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* и въ литературныхъ журналахъ, какъ *Церковный Вѣстникъ*, *Русскій Вѣстникъ* и т. д. „Происхожденіе древнехристіанской базилики“, церковно-археологическое изслѣдованіе; „Новѣйшія воззрѣнія на предметъ и задачи археологій“; „Стѣнная живопись въ Богословскомъ монастырѣ Рязанской губерніи“; „Миниатюры Евангелія Гелатскаго монастыря XII вѣка“; „Древности Костромскаго Ипатьевского монастыря“; „Объ иконѣ Св. Троицы съ 3 лицами и 4 глазами“; „Перегородчатые знаки А. В. Звенигородскаго“; „О раскопкахъ на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ“; „Ипатьевская лицевая псалтирь“; „Брачные вѣнцы и царскія короны“; „Чинъ коронаціи государей въ его исторіи“; „Археологическія рѣдкости Гелатскаго монастыря“; „Синодальный художникъ Алексѣй Антроновъ“;

¹⁾ Читано въ засѣданіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Отзывъ о трудѣ проф. Покровскаго былъ данъ и въ январской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ (Критика и Библиографія, стр. 256—257).

„По поводу археологическаго съѣзда въ Ярославль“; „Церковная старина на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ“; „Опродѣленіе Стоглава о св. иконахъ“; критическіе разборы трудовъ О. И. Вуслева „Русскій лицевой Апокалипсисъ“ и отца Raffaele Garrucci „Storia dell' arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa“ и сочиненія г. Фрикена; „Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства“; „Черты современности въ проповѣдничествѣ прошлаго и начала настоящаго столѣтія“; „Церковная археологія“; „Лекція, читанная студентамъ С.-Петербургской духовной академіи въ 1887—1888 годахъ“,—вотъ далеко не полный перечень темъ, разработанныхъ нашимъ почтеннымъ сочленомъ.

Но съ особенною силою и въ необыкновенныхъ размѣрахъ проявляется дѣятельность проф. Покровскаго на русскихъ археологическихъ съѣздахъ, въ „Трудахъ“ которыхъ изслѣдованія его занимаютъ уже второй разъ преобладающее мѣсто. Недавно вышедшій въ свѣтъ томъ Трудовъ VII съѣзда въ Ярославль подарилъ учепую литературу капитальнымъ изслѣдованіемъ, посвященнымъ заглавію: „Отъѣзныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“, и занимающимъ 170 страницъ большаго формата этого изданія съ политипажимами въ текстѣ и отдѣльными листами фототипій съ оригиналовъ. Масса потраченной на это изслѣдованіе работы давала нашему ученому право на продолжительный отдыхъ, или, по крайней мѣрѣ, на ослабленіе напряженной до крайности энергіи. Но только что напечатанный I томъ „Трудовъ VIII-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1890 году“ говоритъ намъ, что рядомъ со множествомъ другихъ работъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ занималъ профессора Покровскаго вопросъ о памятникахъ евангельской иконографіи, вопросъ первостепеннаго значенія, составляющій „одну изъ самыхъ крупныхъ величинъ въ общей системѣ церковной археологіи“, какъ справедливо замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ своей работѣ.

Научной важности поставленной задачи соответствуетъ и исполненіе ея нашимъ ученымъ. Начавши со сведенія иконографическихъ памятниковъ евангельской исторіи въ особую спеціальную группу и съ обслѣдованія ихъ при помощи ученыхъ изданій и наличной литературы съ внѣшней и внутренней стороны, профессоръ Покровскій пришелъ къ убѣжденію въ необходимости расширить размѣры своего труда вслѣдствіе неполноты археологическаго матеріала, неудовлетворительности прежнихъ изданій его и односторонности его обработки въ предшествующей западно-европейской и русской литературѣ. „Су-

существующія изданія намятниковъ византійскихъ и русскихъ,—говоритъ онъ,—крайне не достаточны и не надежны: многіе важнѣйшіе намятники не только не обследованы, но даже и не изданы; выборъ намятниковъ для изданій нерѣдко объясняется побужденіями случайными и вѣнскими, а не требованіями существа дѣла; списки съ намятниковъ иногда даютъ превратное понятіе объ оригиналахъ, явно противорѣчащее основнымъ принципамъ православной иконографіи; а существующая ученая литература касается лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ иконографіи евангеліа. остальныя не затронутую цѣлую массу ихъ и почти всецѣло игнорируи проиженію религиозныхъ идей въ намятникахъ *русскихъ*” Въ виду такого положенія дѣла нашъ авторъ рѣшилъ посвятить собранію и обследованію лицевыхъ изображеній евангельской исторіи возможно большее количество времени — въ надеждѣ когда нибудь издать этотъ новый сводъ художественныхъ матеріаловъ вмѣстѣ съ критическимъ обсужденіемъ всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ вопросовъ, съ этими матеріалами связанныхъ. Широта поставленной задачи потребовала отъ него цѣлаго ряда путешествій по Россіи и продолжительныхъ поѣздокъ во Турціи, Греціи, Италіи, Франціи, Германіи. Пешущій эти строки имѣлъ счастливый случай встрѣтить нашего путешественника въ Римѣ весною 1889 года и тамъ убѣдился, какъ много любви къ избранному имъ дѣлу вносилъ онъ въ свою не легкую задачу, какъ дорожилъ онъ всякимъ часомъ времени, отпущеннаго имъ для Ватикана и другихъ художественныхъ и научныхъ хранящихъ этого города. Работать такъ много могъ только ученый, всецѣло посвятившій себя исполненію предположенной задачи,—ученый, такъ сказать, поглощенный предметомъ своихъ думъ и своихъ исканій. Но большіе труды, понесенные нашимъ археологомъ на длинномъ пути его изслѣдованій, за то прилегли ему къ результатамъ, которыхъ нельзя не назвать по истинѣ блистательными, которые дѣлаютъ честь чрезвычайной энергіи и знаніямъ автора и которые составляютъ славу нашей археологической литературы, какъ первый и необычайно полный сводъ художественнаго матеріала и какъ критическій его анализъ, веденный въ связи съ прежними ученіями по различнымъ вопросамъ евангельской иконографіи. И количество матеріала, собраннаго имъ, и начитанность его въ христіанской археологіи изумительны.

Сочиненіе профессора Покровскаго обнимаетъ всю земную жизнь Иисуса Христа и всѣ событія евангельскихъ повѣствованій, начиная съ воскресенія Его до момента Сшествія Св. Духа на апостоловъ

включительно. Обширный материал расположенъ имъ въ порядкѣ историческаго благовѣстiя, въ трехъ частяхъ. *Первая* часть посвящена иконографiи дѣтства Иисуса Христа, куда вошло обсужденiе слѣдующихъ иконографическихъ вопросовъ: Благовѣщенiе Пресвятой Богородицы (гл. I, стр. 1—40), Посѣщенiе праведной Елизаветы (гл. 2, стр. 41—47), Рождество Христово (гл. 3, стр. 48—98), Обрѣзанiе (гл. 4, стр. 99—112), Поклоненiе волхвовъ (гл. 5, стр. 113—136), Бѣгство въ Египеть (гл. 6, стр. 137—155). *Вторую* часть изслѣдованiя нашего ученаго составило общественное служенiе Иисуса Христа, гдѣ получили себѣ мѣсто сводъ и критическая оцѣнка памятниковъ иконографiи: Крещенiе Иисуса Христа (гл. 1, стр. 159—194). Преображенiе Господне (гл. 2, стр. 195—204), Ученiе Иисуса Христа (гл. 3, стр. 205—221), Чудеса Евангелiя (гл. 4, стр. 222—246). Въ *третью* часть вошли иконографическiя изображенiя конечныхъ событiй евангельской исторiи: Воскресенiе Лазаря (гл. 1, стр. 249—257), Входъ Иисуса Христа въ Иерусалимъ и Изгнанiе торговцевъ изъ храма (гл. 2, стр. 258—266), Тайная вечеря (гл. 3, стр. 267—295), Умовенiе ногъ, Молитва Иисуса Христа въ саду Гевсиманскомъ и предательство Иуды, Судъ надъ Иисусомъ Христомъ, Вѣнчанiе Иисуса Христа, Отреченiе апостола Петра, Раскаленiе и смерть Иуды (гл. 4, стр. 296—313), Распятiе Иисуса Христа (гл. 5, стр. 314—385), Испрошенiе у Пилата тѣла Иисусова, Снятiе тѣла Иисуса Христа со креста. Положенiе тѣла Иисуса Христа въ гробъ (гл. 6, стр. 386—390), Воскресенiе Иисуса Христа. Сошествiе Иисуса Христа во адъ (гл. 7, стр. 391—425), Явленiе Иисуса Христа по воскресенiи (стр. 426—427), Вознесенiе Иисуса Христа на небо (гл. 8, стр. 428—447), Сошествiе Св. Духа на апостоловъ (гл. 9, стр. 448—466).

Трудъ профессора Покровскаго отличается не только полнотою собраннаго материала, но и строго научнымъ расположенiемъ его въ историческомъ порядкѣ. Разсмотрѣнiе cadaго изъ перечисленныхъ сюжетовъ начинается у него съ самыхъ древнихъ памятниковъ иконографiи и кончается наиболѣе поздними. При этомъ первое мѣсто по древности отводится, конечно, живописи римскихъ катакомбъ, которая привлекается сюда нашимъ авторомъ въ нѣсколькихъ случаяхъ, именно въ вопросахъ о Благовѣщенiи пресвятой Богородицы, о Поклоненiи волхвовъ, Крещенiи Иисуса Христа, Воскресенiи Лазаря, Тайной вечери, Воскресенiи Христовомъ. Вторая степенъ древности присуждается имъ памятникамъ скульптуры на саркофагахъ, которые по необходимости занимаютъ у него старшее мѣсто въ вопросахъ о Посѣ-

щеніи праведной Елизаветы, Рождества Христова, въ вопросѣ нѣкоторыхъ изъ чудесъ Благовѣстія, о Входѣ Иисуса Христа въ Иерусалимъ, объ Ужасеніи ногъ и др. Тамъ, гдѣ для первоначальнаго періода не было образцовъ катакомбной живописи древнѣйшей эпохи и данныхъ на саркофагахъ, играютъ *первенствующую* роль мозаики церквей Рима, Равенны, Венеціи и пр.: наиримѣрь, Срѣтеніе Господне, Преображеніе Господне, Молитва Иисуса Христа въ саду Геесимапскомъ и предательство Іуды и т. д.

Не продолжая этого анализа далѣе, скажемъ, что постоянною заботою нашего автора было начинать разборъ соответственныхъ памятниковъ евангельской иконографіи съ самой древней категоріи ихъ, будетъ ли то катакомбная живопись, древне-христіанскіе саркофаги, мозаики, миниатюры рукописей и т. д.

Если, какъ это обыкновенно случается въ его книгѣ, лицевыя изображенія евангельскихъ событій измѣнялись въ разныя эпохи у одного и того же народа или въ памятникахъ иконографіи различныхъ національностей эти священныя изображенія получали своеобразный характеръ, то нашъ авторъ старательно группируетъ всѣ существенныя разновидности, указывая каждый разъ главные отличительныя черты новой категоріи ихъ и возводя ихъ къ вѣроятному прототипу.

Не безъ причины профессоръ Покровскій указываетъ въ заглавіи книги, что его занимали памятники евангельской иконографіи *преимущественно византійскіе и русскіе*. Дѣйствительно, центръ тяжести его вниманія и самаго обширнаго его изученія находится въ этой области. До нашего ученаго никто не собралъ во-едино ни такого числа иконографическихъ изображеній евангелія, созданныхъ въ Византіи и въ другихъ странахъ по византійскимъ образцамъ, никто не далъ такого подробнаго описанія и ученаго обсужденія ихъ въ *такомъ числѣ*. Никто до него не посвящалъ столько времени, труда и силъ собиранію памятниковъ евангельской иконографіи, появившихся въ *Россіи* и принадлежащихъ нашему отечеству.

Разсматривая его книгу съ этой византійской и византійско-русской стороны, читатель постоянно видитъ, какъ правъ былъ авторъ, говоря: „Кипучая, создающая дѣятельность въ области собственно-христіанскаго искусства сосредоточивается въ Византіи. Работа шла тамъ быстро, и уже въ VI вѣкѣ были готовы обширныя циклы изображеній въ духѣ византійскихъ позрѣній на искусство. Тинъ Спасителя и композиціи на темы евангелій были такими предметами, на которыхъ прежде всего должна была сосредоточиться творческая дѣя-

тельность византийских художников. Въ VI вѣкѣ появились уже лицевыя евангелія съ обширнымъ иконографическимъ содержаніемъ, съ типомъ и композиціями довольно опредѣленными“. Художественная мысль, работавшая въ этомъ направленіи, питалась, кромѣ текста евангелія еще и христіанскимъ преданіемъ, которое въ разныхъ его формахъ и видахъ должно было находить доступъ въ иконографію и вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнять ея прежшій простой характеръ. Являются въ искусствѣ новыя формы, въ пополненіе или въ замѣну старыхъ, указывающія на перемѣны въ отношеніяхъ челоѳического сознанія къ евангельскому тексту и свидѣтельствующія объ усиліяхъ челоѳической мысли подняться на высоту евангелія и выразить всю глубину и ширину его содержанія въ живописныхъ образахъ. Этотъ процессъ развитія художественныхъ формъ продолжается не только въ періодъ расцвѣта византийской иконографіи, отъ V до XII вѣка, но и въ эпоху втораго возрожденія греческаго искусства въ XVI и XVII вв.

Читай книгу профессора Покровскаго, дальѣ видишь, какъ основныя начала византийской иконографіи усвоены были *средневековымъ искусствомъ Западной Европы* и легли въ основу многочисленныхъ памятниковъ стѣнописи, миниатюры, рѣзбы, эмали, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, пока, наконецъ, это направленіе не было вытѣснено новыми началами въ эпоху возрожденія западнаго искусства. Изученіе этихъ памятниковъ Запада, то представляющихъ собою рабскія копіи съ образцовъ византийскихъ, то носящихъ на себѣ явные слѣды попытокъ выйдти изъ шаблоной колеи подражанія, то имѣющихъ видъ произведеній, въ которыхъ византийская основа переработана на новый ладъ,—это изученіе ставитъ насъ свидѣтелями борьбы двухъ культуръ, въ которой культура новая старается сломить старую.

Новый и особый родъ изученія представляли для нашего автора памятники евангельской иконографіи, *появившіяся въ Россіи*. Внимательное и подробное изслѣдованіе многочисленныхъ образцовъ этой категоріи привело профессора Покровскаго къ заключенію, съ которымъ нельзя не согласиться, что отношеніе здѣсь Россіи къ Византіи въ разные эпохи исторіи, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не могло оставаться неизмѣннымъ. Какъ сначала у насъ преобладали лишь простѣйшія и наиболѣе распространенныя иконографическія формы Византіи (за рѣдкими исключеніями, каковы, наиримѣръ, изображеніи Кіево-Софійскаго собора), такъ дѣло стало измѣниться по мѣрѣ приближенія къ XVII вѣку, когда *наша* иконографія Евангелія начинаетъ обогащаться притокомъ формъ, ведущихъ свое родословіе или отъ

ново-греческой, или отъ западной иконографіи, или же созданныхъ самими русскими художниками; при чемъ нѣкоторыя древнія византійскія формы исчезаютъ изъ художественнаго обращенія или входятъ въ новыя комбинаціи. Эта перемена артистическихъ пріемовъ стоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ измѣненіемъ въ религиозныхъ и художественныхъ возрѣніяхъ: въ ней отразился переходъ отъ эпохи „вѣрмъ въ простотѣ сердца“ къ эпохѣ пытливаго знанія.

Но чтобы разъяснить всѣ эти стадіи въ исторіи византійскаго, западно-европейскаго и русскаго искусства на почвѣ спалггальской иконографіи, нашему автору предстояло ознакомиться почти съ необозримою массою памятниковъ всякаго рода, разсѣянныхъ въ Европѣ и Азіи, и предстояли многіе годы изученія. Русскій профессоръ съ величайшею честью для себя и для отечественной науки исполнилъ задачу какъ собранія необходимаго матеріала по подлинникамъ, какъ изученія многосложной литературы, сюда имѣющей то или другое отношеніе и написанной на языкахъ древнихъ и новыхъ, латинскомъ, греческомъ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, такъ и вполне научной классификаціи иконографическихъ памятниковъ, научнаго ихъ толкованія. Необычайная любовь къ избранному предмету и многіе годы ученыхъ изысканій дали возможность нашему археологу не только свести во-едино матеріалъ, разсѣянный по различнымъ изданіямъ, но и описать и опубликовать множество памятниковъ новыхъ, чрезъ это вводя ихъ въ кругъ ученаго обращенія. Книга профессора Покровскаго заслуживаетъ полнаго уваженія, и редакціонный комитетъ Трудовъ VIII археологическаго съѣзда вполне справедливо поступилъ, посвятивши весь *первый* томъ сочиненію этого нашего сочлена, какъ совершенно справедлива мысль той же редакціи о „необходимости вызывать и поощрять труды, касающіеся разработки византійско-русской иконографіи и вообще русскіихъ церковныхъ древностей“.

И. Цѣвѣтасъ.

Оницславянскій языкъ въ ряду другихъ овцкихъ языковъ древней и новой Европы. Соч. А. Вудиловича. Увѣчано 1-ю Кирилло-Медовдѣвскою премією. Т. I (436 стр.); II (374 стр.). Варшава. 1892.

Книга г. Вудиловича является прямымъ отвѣтомъ на задавшую 13-го мая 1885 года С.-Петербургскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ тему: „Представить историческіе очерки образованія общихъ

литературных языковъ у древнихъ грековъ, итальянскѣхъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до повѣйнаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ и у поляковъ, польскаго въ западной Руси у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить по возможности со времени Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появившіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результаты предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и рассмотреть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ“.

По этому готовому плану расположено все сочиненіе г. Будиловича. Указанъ въ „введеніи“ къ I тому на возможность примѣненія законовъ образованія общихъ языковъ старыхъ и новыхъ народовъ къ языкамъ славянскимъ, авторъ посвящаетъ I главу историческому очерку образованія общаго греческаго языка. Во II главѣ говоритъ объ образованіи общаго латинскаго языка; въ III—итальянскаго; въ IV—испанскаго; въ V—французскаго; въ VI—англійскаго и въ VII главѣ—объ образованіи общаго нѣмецкаго языка.

Пути изслѣдованія зарожденія общихъ языковъ слѣдующіи: авторъ опредѣляетъ прежде всего „естественныя“ условія народнаго развитія—вліяніе природы страны, характера населенія на исходъ борьбы разныхъ діалектовъ; затѣмъ указываетъ на роль силъ „общественныхъ“—церкви, государства, школы, въ стремленіи къ общему языку; наконецъ, придаетъ большое значеніе въ борьбѣ разныхъ частей одного цѣлаго „личнымъ“ вкладамъ мыслителей, писателей, дѣятелей. Въ заключеніе авторъ говоритъ о томъ великомъ зна-

чени во всѣхъ областяхъ высшей культуры. какое имѣеть образованіе общихъ языковъ.

Сколько требовалось отъ изслѣдователя подобной задачи подготовительныхъ занятій, какимъ многостороннимъ образованіемъ долженъ былъ владѣть извѣншійся за такой трудъ! Г. Будиловичъ вполне удовлетворилъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Работы положено много. Результаты достигнуты точные, ясные. Пусть специалисты по классической и романо-германской филологіи отыщутъ мелкіе промахи этой части изслѣдованія г. Будиловича, въ общемъ—этотъ очеркъ образованія общихъ языковъ древней и новой Европы не потеряетъ своего значенія поныне и важности въ скудной такого рода работами русской научной литературѣ.

Тѣ выводы, которые получились изъ разсмотрѣнія исторіи образованія 7 общихъ языковъ древней и новой Европы, вполне правдивы и къ славянскимъ языкамъ. Факты и доводы, приводимые въ доказательство этой мысли г. Будиловичемъ, заслуживаютъ большаго вниманія: они линній разъ доказываютъ, какъ несправедливо западные ученые исключаютъ славянъ изъ общей исторіи культурнаго челоуѣчества. Впрочемъ, эта ошибка Запада объясняется, кромѣ пристрастія, еще отсутствіемъ у него прощительности. Выработка новаго культурнаго типа принадлежитъ къ скрытымъ явленіямъ исторической жизни народовъ: его легче угадать, чѣмъ ясно себѣ представить. Задача науки проникнуть въ глубину народнаго духа, на сколько возможно точно опредѣлить его развитіе и не смѣлое проявленіе въ жизни и затѣмъ указать всѣмъ гражданскій долгъ стремленія въ своей дѣятельности къ осуществленію національныхъ идеаловъ. Эту высокую, животворную идею народнаго, или, что то же для насъ, славянскаго самосознанія, такъ краснорѣчиво и настойчиво проповѣдываемую у насъ вотъ уже 35 лѣтъ профессоромъ В. И. Ламанскимъ, авторомъ заданной Славянскимъ обществомъ темы, несомнѣ въ себя и г. Будиловичъ, считающій себя ученикомъ почтеннаго профессора. Весь 2-й томъ изслѣдованія г. Будиловича посвященъ тысячелѣтней исторіи славянскихъ нарѣчій, которая должна доказать справедливость аналогіи развитія языковъ славянскихъ и европейскихъ и еще легче опредѣлить указанную выше славянскую идею. Въ 1 главѣ 2-го тома авторъ говоритъ о діалектическихъ отношеніяхъ славянъ, по своей разрозненности не уступающихъ 7-ми народамъ древней и новой Европы до ихъ объединенія однимъ общимъ языкомъ. Европейцы определяли насъ въ своемъ развитіи, сплотившись въ тѣсныя національ-

ныя группы, но мы не отстанемъ, если будемъ слушаться уроковъ исторіи. Съ этой исторіей славянскихъ языковъ мы знакомимся начиная со II главы 2-го тома сочиненія г. Будиловича. Въ ней авторъ излагаетъ судьбы церковно-славянскаго языка и связаннаго съ нимъ славянскаго обряда. Распространеніе этого языка у всѣхъ славянскихъ народовъ, получившихъ крещеніе отъ свв. Кирилла и Меодіи или отъ ихъ учениковъ, является лучшимъ доказательствомъ возможности одного литературнаго языка для всѣхъ славянскихъ народностей. Изобразивъ, главнымъ образомъ на основаніи „Паннонскихъ житій“, великую просвѣтительную дѣятельность первыхъ славянскихъ учителей, указавъ огромные размѣры распространенія церковно-славянскаго языка и его вышнія судьбы въ разныхъ славянскихъ земляхъ и въ разныя эпохи, авторъ ярко опредѣляетъ историческую роль этого языка. Нынче онъ уже мертвый языкъ и въ качествѣ живаго международнаго славянскаго языка не пригоденъ, но, какъ языкъ литературскій, онъ имѣетъ полное право на существованіе.

Церковно-славянскій языкъ былъ первою, но не единственною попыткой установленія обще-славянскаго языка. Главу III посвящаетъ авторъ другимъ, стремившимся къ господству въ смежной средѣ, славянскимъ диалектамъ: сербскому—особенно въ эпоху Пеманшеи, чешскому—въ періодъ гуситскій и непосредственно слѣдовавшій за нимъ, польскому—съ половины XVI вѣка. Изобразивъ ихъ минутный успѣхъ, авторъ не мало удѣляетъ мѣста ихъ послѣдующему прозябанію и отчужденію на задній планъ чужими языками—нѣмецкимъ, итальянскимъ и др. Даже возрожденіе славянскихъ народностей въ началѣ вѣка не даетъ г. Будиловичу надежды на прежнюю роль въ славянскомъ мірѣ языковъ сербскаго, чешскаго, польскаго. Жаль, что, можетъ быть, недостатокъ времени, а, можетъ быть, неразработанность вопроса не позволили автору тщательнѣе обработать эту главу. Воимся, что сербы, чехи и поляки, при извѣстной славянской чертѣ—лучше изнемогать въ борьбѣ съ чужой націей, чѣмъ слиться по-едино со своими братьями, не вполне согласятся съ выводами автора.

Глава IV цѣлкомъ посвящена русскому языку, его грандіознымъ завоеваніямъ въ глубинѣ Азіи, среди славянскихъ народовъ и даже на Западѣ. Такъ какъ эти завоеванія не случай, а результатъ естественныхъ, нравственныхъ, политическихъ условій развитія Русскаго народа и государства, такъ какъ на этомъ языкѣ, благодаря Бога, уже есть такіе творенія, которыя составляютъ не только русское, но и общечеловѣческое достояніе, то въ великой міровой будущности рус-

скаго языка не можетъ быть сомнѣнія. V глава посвящена тѣмъ великимъ славянскимъ дѣятелямъ, которые это будущее ясно провидѣли и такъ или иначе формулировали. Хвала имъ всѣмъ, хвала и тѣмъ, кто хранитъ ихъ славные заветы!

Послѣсловіе автора—сжатое выраженіе той мысли, которая была путеводной звѣздой его на длинномъ пути его научнаго изслѣдованія. Пусть этотъ свѣтъ братскаго единенія и сплоченія славянъ именно такъ, какъ указываетъ исторія, свѣтитъ тѣмъ, кто еще находится во мракѣ. Помните замѣчаніе славнаго Колара (Ueb. III. Wechs. der Slawen. 40):

„Wichtig ist die Selbstschätzung eines Stammes; wichtiger noch die Selbstschätzung einer ganzen Nation“.

А. Димовичъ.

С. М. Середонинъ. „Сочиненіе Джильса Флетчера *Of the Russse Common Wealth*. какъ историческій источникъ“. С.-Пб. 1891.

Трудъ С. М. Середонина посвященъ критической оцѣнкѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ извѣстнымъ Дж. Флетчеромъ о Россіи и московскихъ дѣлахъ конца XVI столѣтія. Не смотря на то, что съ 1848 года сочиненіе Флетчера не пользовалось, да и теперь еще не пользуется свободнымъ у насъ обращеніемъ, къ нему ирибѣгали рѣшительно всѣ изслѣдователи исторіи Московскаго государства. С. М. Середонинъ справедливо замѣчаетъ (стр. II), что нельзя припомнить ни одного самостоятельнаго научнаго труда по русской исторіи XVI вѣка, въ которомъ не встрѣчались бы ссылки на сочиненіе Флетчера: на столько важны и нѣкоторыя показанія этого наблюдательнаго англичанина. При случайномъ и поверхностномъ пользованіи слабыми переподами трудно добываемаго текста Флетчера весьма затруднено было критическое отношеніе къ его сообщеніямъ, даже неизбежны были прямыя недоразумѣнія, въ родѣ всѣми допущеннаго и принятаго невернаго чтенія мѣста (въ X главѣ) о финансовыхъ учрежденіяхъ Московскихъ „четвертяхъ“ или „четяхъ“. Понятно поэтому, что, разъ создана была въ нашей исторіографіи необходимость спеціальнаго критическаго изслѣдованія иностранныхъ писателей о Россіи, выборъ молодого ученаго остановился именно на Флетчерѣ.

Вмѣсто *вступленія* къ своему труду г. Середонинъ даетъ общій очеркъ наиболѣе раннихъ английскихъ извѣстій о Россіи и пытается опредѣлить степень зависимости Флетчера отъ его литературныхъ по-

собой и тѣхъ устныхъ разказовъ, съ помощью которыхъ Флетчеръ дополняетъ повѣствованіе о лично видѣнномъ имъ на Руси. Въ *первой* главѣ авторъ разбираетъ показанія Флетчера о различныхъ фактахъ былевой исторіи и показанія географическія. Во *второй* главѣ группируются и оцѣниваются сообщенія Флетчера объ общемъ культурномъ состояніи Руси и о сословномъ дѣленіи и экономическомъ положеніи московскаго общества. Въ *третьей* главѣ дается оцѣнка извѣстій Флетчера касательно политическаго устройства древней Руси. Наконецъ, *четвертая* глава посвящена разказамъ Флетчера объ организаціи суда и управленія церковнаго, административнаго, финансоваго и военнаго.

Въ предисловіи (стр. III—IV) г. Середонинъ самъ опредѣляетъ основной приѣмъ своего труда такимъ образомъ: всѣ сообщенія Флетчера онъ раздѣляетъ на три категоріи; въ первую отнесъ все то, что не имѣетъ дѣяности для русской науки (например, разказы Флетчера о порядкѣ православнаго богослуженія), и на этого рода данныхъ не останавливался въ своемъ изслѣдованіи; во вторую категорію включилъ онъ всѣ полезныя тою или другою подробностью сообщенія Флетчера и старался дать имъ носильную учебную оцѣнку; третью же категорію составили тѣ немногія извѣстія изучаемаго писателя, „которыя служатъ главными источниками для рѣшенія затронутыхъ ими вопросовъ“. Эти послѣднія извѣстія не просто подтверждались или отвергались авторомъ: онъ старался, разбирая ихъ, разрѣшить въ полномъ объемѣ и тотъ вопросъ, къ которому они относятся; въ данномъ случаѣ изслѣдованіе источника переходило въ изслѣдованіе историческаго факта. И надобно сказать, что посвященныя такому изслѣдованію страницы—любопытнѣйшія въ книгѣ г. Середонина. Разумѣемъ прежде всего разсужденія о борьбѣ Ивана Грознаго съ боярами-княжатами и объ устройствѣ финансоваго управленія въ исходѣ XVI вѣка.

Слѣдуетъ, конечно, признать, что задача, поставъ г. Середонинымъ, разрѣшена имъ въ общемъ многою удовлетворительно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно предвинуть автору нѣсколько частныхъ (и даже не частныхъ) возраженій. Прежде всего, отношеніе автора къ Флетчеру какъ будто не вполне устойчиво и нѣрѣдко несправедливо строго: не разъ упрекаетъ онъ Флетчера въ томъ, что тотъ „снѣбнитъ всегда подхватить какое-нибудь явленіе, чтобы обобщить его“ (стр. 239), не разъ указываетъ на то, что въ основѣ всего труда Флетчера лежитъ несправедливое пониманіе важнѣйшихъ явленій русской жизни (стр.

68, 239—240); но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не разъ долженъ отиѣчать большой интересъ, важность и вмѣстѣ съ тѣмъ точность наблюдений Флетчера. Память кажется, что авторъ не всегда вспоминалъ ту очень неудобную для производства наблюдений обстановку, въ какую попадалъ всякій дипломатическій агентъ въ Москвѣ. Подъ докучливымъ надзоромъ, часто види лишь то, что ему желали показать, иностранный дипломатъ могъ со многими интересующимъ его познакомиться лишь исподтишка, окольными путями. И Флетчеръ не избѣжалъ общей участи; при этомъ, конечно, слѣдуетъ удивляться не тому, что онъ много перемуталъ, а тому, что онъ обо многомъ, даже самомъ интимномъ въ московской жизни, получалъ возможность говорить. Далѣе, планъ изложенія г. Середонинимъ выбралъ врядъ ли удачный: онъ заставляеть автора повторяться. Такъ, до нѣкоторой степени совпадаетъ содержаніе § 1-го I-й главы и главы III (разсужденія о политическомъ значеніи московской аристократіи); также близки мѣстами §§ 1 и 3 IV главы (о „четвертихъ“); „основная идея сочиненія Флетчера“ вылиняется дважды, въ разныхъ главахъ (стр. 69 и 239). Можно указать и частныя промахи автора; большинство ихъ происходитъ оттого, что авторъ не доводилъ отдѣльныхъ изысканій своихъ до конца, останавливаясь на томъ, что давали ему или общія пособія, или не полный подборъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи нельзя строго судить автора: по характеру его темы для повѣрки разнообразнѣйшихъ извѣстій ему нужно было имѣть одинаково детальныя познанія на всемъ пространствѣ его специальности, а между тѣмъ разбираемая книга — первый ученый трудъ автора. Не упрекать за недосмотры молодого изслѣдователя, а напротивъ, сочувствовать ему въ его мало благодарномъ трудѣ слѣдуетъ уже потому, что авторъ одинъ изъ первыхъ, и съ безспорнымъ успѣхомъ, посвятилъ свои силы исполненію дѣйствительнаго пробѣла въ нашей Questionkunde и не имѣлъ передъ глазами рѣшительно никакихъ образцовъ по критическому изученію иностранцевъ, если не считать извѣстнаго труда Е. Е. Замысловскаго, имѣвшаго цѣлью новѣрку однихъ историко-географическихъ данныхъ Герберштейна.

И. Ам. Темирова.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ.

Геддингъ. Очерки психологии, основанной на опытѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 422 стр. Цѣна 2 р. 50 к.—Сочиненіе датскаго философа, заглавіе коего нами выписано, пользуется заслуженною реуцтаціей. Одно то, что нѣмцы, у которыхъ множество собственныхъ учебниковъ по психологіи, сочли необходимымъ перевести это сочиненіе, указываетъ на цѣнность книги. Кромѣ того, эта книга переведена на англійскій и польскій языки. Въ нашей литературѣ, бѣдой психологическими сочиненіями, книга Геддингъ, конечно, займетъ подобающее ей мѣсто. Издана книга превосходно; бумага и печать не оставляютъ желать ничего лучшаго; за доброкачественность перевода ручаются имена редакторовъ: А. А. Козлова и Я. П. Колубовскаго. Первый пользуется извѣстностью, приобретенной продолжительною профессорскою и литературною дѣятельностью въ Кіевскомъ университетѣ, второй зарекомендовалъ себя переводомъ Ибервега („Исторія новой философіи“), вышедшимъ въ 1890 г. Переводъ Ибервега, о которомъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* не было говорено, заслуживаетъ большаго вниманія: Г. Колубовскій приложилъ къ переводу самостоятельную статью о философіи въ Россіи, въ которой собранъ чрезвычайно цѣнный библиографическій матеріалъ, касающійся философіи въ Россіи. Кромѣ 6-ти томовъ Исторіи философіи архимандрита Гавриила у насъ ничего не было по этому предмету, и Г. Колубовскій знающимъ образомъ, Г. Колубовскій, кромѣ библиографическихъ указаній, приводитъ краткія и въ большинствѣ случаевъ весьма мѣткія характеристики писателей. Что касается перевода Геддингъ, то нужно сказать, что гг. редакторы хорошо справились съ не легкою задачею. Въ русскомъ языкѣ все еще нѣтъ строго установленной терминологіи, и посему переводъ психологическаго сочиненія представляетъ всегда большія трудности. Книга Геддингъ состоитъ изъ семи главъ. Первые четыре (стр. 1—114) посвящены общимъ вопросамъ: опредѣленію задачи, методовъ психологіи, отношенію души къ тѣлу, бессознательнаго къ сознанию и классификаціи душевныхъ явленій; а послѣднія три главы (стр. 114—122) представляютъ собою анализъ трехъ основныхъ группъ психологическихъ явленій: познанія, чувства и воли. Хотя мы далеко не во всемъ согласны съ воззрѣніями г. Геддингъ, но все же смѣлѣе сказать, что его книга является лучшимъ изъ существующихъ на русскомъ языкѣ пособіемъ для изученія психологіи. Авторъ одинаково знакомъ какъ съ нѣмецкою метафизическою психологіей, такъ и съ англійскою эмпирическою, и старается избѣжать крайностей каждой изъ нихъ. Онъ не превращаетъ психологіи ни въ физиологію, ни въ философію, а даетъ, по возможности, точное описаніе явленій, которое иллюстрируетъ очень удовлетворительными примѣрами.

Въ теченіе января въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры.

Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1885—1888 годы. С.-Пб. 1891.

Обзоръ вѣдѣній торговли Россіи по европейской и азиатской границамъ за 1890 годъ. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ. С.-Пб. 1891.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Добрые люди древней Руси. *Д. Каческая* (Оттискъ изъ № 1-го *Бюллетеня* *Восточнаго Вѣстника* за 1892 годъ). Сергіевъ Посадъ.

В. Эйморъ. Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и Изясинскій магистратъ (1666—1669). Кіевъ. 1891.

В. Эйморъ. Къ исторіи просвѣщенія на Руси въ XVII вѣкѣ. Москва. 1891.

Методическія замѣтки по преподаванію чтенія въ народныхъ школахъ. Составилъ *А. Пугачевскій*. Кіевъ. 1891.

Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи. Бердянскъ. 1891.

Алфавитно-систематическій каталогъ бібліотеки С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго Института. Составилъ бібліотекарь Института *В. Э. Иерсень*. С.-Пб. 1891.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Русская просодия. Исследование объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законн русскаго ударенія въ особенности. *И. Шарловскаго*. Одесса. 1890. Стр. VIII+288. Ц. 1 р.

„Русская просодія“ *И. Шарловскаго* представляет собою переработку его прежнихъ размыслиній и изслѣдованій объ удареніи въ русскомъ языкѣ, печатавшихся въ *Филологическія Записки* и затѣмъ изданныхъ (между 1884—1889 г.) въ трехъ выпускахъ подъ названіемъ „Русское слогуудареніе“. Съ теченіемъ времени, замѣтивъ недосмотры въ своихъ изслѣдованіяхъ и воспользовавшись указаніями критики на нѣкоторые недостатки въ „Русскомъ слогуудареніи“, г. Шарловскій въ послѣднемъ своемъ трудѣ „Русская просодія“ многія изъ прежнихъ своихъ разъясненій законовъ ударенія измѣнилъ, многое совсѣмъ оставилъ, многое и прибавилъ, какъ, напримѣръ, замѣчанія о физиологій звуковъ, сравнительныя изслѣдованія объ удареніи въ разныхъ языкахъ и алфавитныя указатели словъ съ двоякимъ, тройкимъ и передвѣжнымъ удареніемъ, помѣщенные въ Приложеніяхъ къ „Русской просодіи“.

Цѣль „Русской просодіи“—разъяснить значеніе и законы нашего слогуударенія—цѣль, преслѣдуемая г. Шарловскимъ около 12 лѣтъ (стр. 255) и, можно сказать, смѣлая и заслуживающая вниманія, такъ какъ въ нашей литературѣ сдѣлано по вопросу объ удареніи очень мало. Сознывая всю трудность своей задачи, *И. Шарловскій* при своихъ изслѣдованіяхъ старательно пользовался такими капитальными сочиненіями, какъ Филологическія размыслинія *Я. Грота*, Толковый словарь *Даля*, Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка Академіи Наукъ, Полный русско-французскій словарь *Макарова*, Филоло-

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

гическія наблюденія Павскаго и др. т. и. (см. Предисловіе, VIII). Многія страницы „Русской просодіи“ обнаруживаютъ, что г. Шарловскій считалъ по словарямъ общее количество въ русскомъ языкѣ, на примѣръ, именъ существительныхъ—26.300 (стр. 88), именъ прилагательныхъ—10.441 (стр. 163), глаголовъ—13.474 (стр. 146), нарѣчій, затѣмъ сосчитывалъ извѣстныя части рѣчи съ удареніемъ на 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ слогѣ (стр. 51), выводилъ изъ всего этого нужныя для него процентныя отношенія одного разряда словъ къ другимъ, пересчитывалъ слова на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ (стр. 6) разныхъ сочиненій, чтобы опредѣлить, или какія части рѣчи чаще встрѣчаются въ русской рѣчи, или какія словъ больше: съ удареніемъ на 2-мъ, на 3-мъ, на 4-мъ слогѣ; высчитывалъ и ставилъ въ процентныя отношенія слова съ удареніемъ на приставкахъ: па, пра, роз, су (стр. 74). Съ часами въ рукахъ произносилъ разныя буквы, на примѣръ, б, ж, опредѣляя количество произнесенія ихъ въ секунду (стр. 23) и относительную быстроту, легкость произношенія каждой. Все это, конечно, дало въ итогѣ массу разнаго рода выводовъ и положеній, которыми и наполнена „Русская просодія“.

По характеру или содержанію этихъ выводовъ „Русская просодія“ удобно можетъ быть раздѣлена на 4 отдѣла: 1) физиологія звуковъ (3—87 стр.), 2) удареніе въ разныхъ частяхъ рѣчи (87—219 стр.), 3) семасіологическое удареніе и сравнительныя изслѣдованія объ удареніи въ другихъ языкахъ (219—257) и 4) Приложенія, или Алфавитныя указатели словъ съ двоичимъ, тройчимъ и вообще чередимымъ удареніемъ (257—286 стр.).

Каждый изъ указанныхъ отдѣловъ работы І. Шарловскаго имѣетъ по нѣскольку цѣнныхъ положеній или выводовъ, блестящихъ нѣкоторою новизною и опредѣленностью. На примѣръ, десятки лѣтъ мы, не задумываясь, называли по грамматикамъ удареніе то повышеніемъ, то усиленіемъ голоса на извѣстномъ слогѣ. Г. Шарловскій говоритъ: „съ фвіологической точки зрѣнія удареніе есть передышка или протяженіе звука съ тѣмъ, чтобы облегчить процессъ дыханія при безостановочной артикуляціи слова за словомъ“ (стр. 30, 248). „Обстоятельное разсмотрѣніе формъ съ приставкою *ем* приводитъ къ заключенію, что удареніе въ этихъ формахъ по преимуществу имѣетъ своимъ назначеніемъ различить глагольные виды“ (стр. 74). Пріятно знать интересующемуся удареніемъ въ русскомъ языкѣ, что „окончанія ой, уй, ой, ѣй, ай именъ существительныхъ всегда держатъ на себѣ удареніе“ (стр. 89), или что „генетическому началу под-

чиняется значительное большинство словъ, составляющихъ нашу рѣчь, а потому, не смотря на всю подвижность нашего ударенія, оно на самомъ дѣлѣ болѣе устойчиво, чѣмъ это кажется при поверхностномъ знакомствѣ съ просодіей" (стр. 204, 205). Еще пріятнѣе и полезнѣе нѣтъ подъ руками алфавитные указатели словъ съ двоякимъ удареніемъ, напримѣръ, вечерять и вечерать, библиотека и библіотека, иди съ тремя удареніями, какъ напримѣръ: временный, времѣнный и временной, что сдѣлано въ приложеніяхъ къ „Русской просодіи“ съ указаніями даже, по какому словарю читается слово съ извѣстнымъ удареніемъ. Эта послѣдняя часть „Русской просодіи“, состоящая изъ алфавитныхъ указателей словъ, наиболѣе затруднительныхъ по ударенію, кажется, самая цѣнная и практически полезная. При сложности нѣкоторыхъ русскихъ словъ, доходящей до 10 слоговъ (напримѣръ, переосвидѣтельствованіе), при передвиженіи ударенія до 6-го слога отъ конца, при разнообразіи удареній въ одномъ и томъ же словѣ, смотря болѣею частью по мѣстности, — русскому ударенію можно выучиться прежде всего, конечно, изъ разговора, а затѣмъ скорѣе по словарямъ, чѣмъ по какимъ-либо теоретическимъ положеніямъ, хоти бы и подкрѣпленнымъ иногда примѣрами или данными изъ языка.

Къ сожалѣнію, большинство положеній и выводовъ въ „Русской просодіи“ парализуется массою такъ называемыхъ исключеній изъ нихъ, крайнюю неточность, неопредѣленность выраженій, а часто правило основывается только на слуховыхъ впечатлѣніяхъ автора (§§ 41, 52, 54 и др. стр. 256), занимавшагося, какъ онъ говоритъ, (стр. 255) изученіемъ ударенія 12 лѣтъ, но все же не убѣждающаго безъ извѣстныхъ доказательствъ въ истинности своего положенія.

Г. Шарловскій, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, ставился цѣлью „изучить и изяснить значеніе и законы русскаго ударенія“. Но странно называть закономъ и невозможно собственно уяснить себѣ что-либо изъ теорій ударенія, если мы читаемъ на стр. 56: „удареніе четырехчленныхъ словъ почти постоянно падаетъ или па второй, или на третій слогъ, напримѣръ исцѣлѣніе, разработка и т. д.“ Какое же на основаніи этого положенія будетъ вѣрно произношеніе, напримѣръ, слова: мѣшленіе или мшлѣніе? На стр. 89-й читаемъ: „Что касается именъ существительныхъ съ окончаніемъ на ай, ей, то ихъ акцентація разнообразна“, напримѣръ воробѣй, йней, ходѣтай. Кто же не знаетъ этого безъ всякихъ выводовъ „Русской просодіи“? На стр. 107, п. 10 читаемъ: „Если не въ трехъ четвертяхъ, то по крайней мѣрѣ въ двухъ третяхъ всего числа именъ на

на акцентация удерживается генетическая; и если въ остальной части удареніе становится подвижнымъ, то все-таки падаетъ не на какой либо другой слогъ, кроми какъ на второй отъ конца... Впрочемъ, в здѣсь встрѣчаются изрѣдка уклоненія"; однако же объ этихъ рѣдкихъ уклоненіяхъ говорится на полтора слѣдующихъ страницахъ, до § 65. Таковы же положенія или выводы: 2-й на стр. 99, п. 4 на стр. 103, § 72, 79, 108 и многое множество другихъ страницъ, гдѣ во всякомъ положеніи фигурируютъ слова: или—или, почти все слова, но не всегда, впрочемъ изрѣдка, акцентация своеобразна, своеобразна, или прямо: „но для каждаго отдельнаго случая трудно опредѣлить, при какихъ именно условіяхъ удареніе разъ держится одного изъ сказанныхъ слоговъ, а другой—другаго" (стр. 109). Предоставляемъ читателю судить, что объясняютъ подобныя положенія, выводы или, можетъ быть, по мнѣнію г. Шарловскаго, законы, и на сколько можно научиться по нимъ русскому ударенію? Эта частности положеній или мнѣній г. Шарловскаго и составляетъ самую слабую сторону всего его труда, за исключеніемъ, впрочемъ, приложеній къ „Русской просодіи".

Можно было бы избѣгать и болѣе мелкихъ недостатковъ, напримеръ не исчислять глаголовъ, сложенихъ съ *ме* (стр. 79), потому только, что „авторъ потрудился надъ выборкою ихъ" изъ словарей, коль скоро они, по словамъ того же автора, „не имѣютъ никакого значенія въ просодіи". Можно бы на стр. 286 не помѣщать глаголовъ на *ить* съ однимъ удареніемъ, коль скоро на предыдущей стр. исчислены все глаголы на *ить* съ двоякимъ удареніемъ. Отзвываясь вездѣ съ должною похвалою объ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ академика Я. Грота, Шарловскій поступилъ бы послѣдовательнѣе, оставивъ уже утвердившееся начертаніе *стеклянный*, а не *стекляній* (стр. 44). Есть въ „Русской просодіи" болѣе или менѣе странныя выраженія и даже ударенія на словахъ. Напримеръ, на стр. 153 въ § 94 читаемъ: „Прозвонся глаголы *каверзять*, *обнадежить*, *крахмалять*; между тѣмъ, когда мы говоримъ *единять*, *величать*, *мастерять*, то мы *вовсе не думаемъ ни о чемъ-то* *единьомъ*, ни о великости, ни о мастерствѣ". Каль-то трудно согласиться съ этою мыслью и помириться съ оборотомъ *представлятъ о киверзль*. Трудно произнести съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ *казначей*, какъ это предлагается на стр. 97, тѣмъ болѣе, что авторъ не указываетъ, откуда онъ позаимствовалъ это слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, и не

включил его въ словарь существительныхъ съ двойнымъ удареніемъ, тогда какъ и въ жизни, и въ словаряхъ Даля, Академіи Наукъ, это слово носитъ удареніе на предпоследнѣмъ слогѣ: казначѣя. Считаю двусложныя слова съ окончаніемъ *ою* на стр. 211, г. Шарловскій говорить, что „это окончаніе практикуется *только съ тремя словами, изъ коихъ одно (церковь) иностранное*“, между тѣмъ съ этимъ однимъ будетъ четыре слова: морковь, свекровь, любовь и церковь.

Всѣ послѣдніе недостатки, конечно, легко могутъ быть устранены, положимъ, при новомъ изданіи. Не такъ легко порицать съ вышеуказанною массою исключеній изъ правилъ, съ частностью правилъ или положеній и шаткостью доказательствъ ихъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Шарловскаго „Русская просодія“ заслуживаетъ вниманія по долговременному, 12-лѣтнему подготовленію его, по добросовѣстному и полному подбору матеріала, правда, иногда для варяна уже составившагося у автора взгляда, и по малочисленности въ нашей литературѣ сочиненій о русскомъ удареніи. „Русская просодія“—все-таки извѣстный вкладъ въ нашу литературу по вопросу объ удареніи въ русскомъ языкѣ.

Русская литература XIX вѣка. Опытъ исторіи повѣстной русской словоноогіи въ биографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Пособіе для студентскихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Составилъ *Василій Гаршинъ*, преподаватель С.-Петербургскаго реальнаго училища Гуревича и Литейной женской гимназіи. Томъ I, выпускъ 1-й. Стр. 173. С.-Петербургъ. 1891. Цѣна 60 коп.

Означенная книга есть *первый выпускъ* *пернго тома* большого историко-литературнаго труда. Изъ объясненія на внутренней стороне обложки видно, что этотъ трудъ будетъ состоять изъ двухъ томовъ съ раздѣленіемъ того и другаго на выпуски. Вышедшій выпускъ посвященъ тремъ литераторамъ: Карамзину, И. И. Дмитріеву и Крылову; во второй (находящійся въ печати) войдутъ Гибдіачъ, Озеровъ, Ватюшконтъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, кн. П. А. Виновскій и кн. Одоевскій; въ послѣдующихъ выпускахъ (число ихъ не определѣно) явятся Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и Кольцовъ.

Второй томъ (приготавливаемый въ печати) назначенъ для *новѣйшей* русской литературы, въ лицѣ ея выдающихся представителей: Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Салтыкова, Островскаго, графа Л. Толстаго, Писемскаго, Мельникова (Щерскаго), гр. А. Толстаго Некрасова, Майкова, Половскаго, Фета... Въ основаніе своего плана г. Гаршинъ положилъ программу реальныхъ училищъ, которая и бу-

дети исчерпана, то-есть, выполнена, первымъ томомъ; второй же томъ (отъ Тургенева до Фета включительно) имѣетъ цѣлью довести обзорѣнне нашей изящной словесности до переживаемаго нами исхода XIX вѣка.

Изложеніе своего труда въ „біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ“ составитель объясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „мы стремились поставить предъ сознаніемъ изучающаго каждое произведеніе въ его непосредственной связи съ жизнедѣятельностью автора и съ его эпохой; такимъ образомъ, нашъ трудъ заключаетъ въ себѣ біографіи писателей, сведенныя лишь къ даннымъ изъ жизни авторовъ, выходящимъ непосредственное отношеніе къ ихъ литературной дѣятельности, выдающимся ихъ сочиненія, освѣщеніе ихъ литературнаго значенія въ связи съ событіями каждой данной эпохи“. Кроме того, образцы снабжены историко-литературными справками въ видѣ особыхъ примѣчаній, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и теоретическія понятія по словесности.

Познакомясь съ содержаніемъ и цѣлью 1-го выпуска I-го тома „Исторіи новѣйшей русской словесности“, мы должны сказать, что хотя этотъ трудъ и не представляетъ ничего собственнаго, оригинальнаго, а заимствовалъ изъ другихъ предшествовавшихъ ему сочиненій, но изложеніе заимствованнаго толково и выказываетъ въ авторѣ несомнѣнное знакомство съ отечественною литературою и педагогическую опытность.

Обращаемся къ частностямъ книги:

Вопервыхъ, на стр. 6-й слѣдуетъ исправить значительную опечатку: вмѣсто „прочти“ слѣдуетъ читать „прости“.

Стр. 110. „Чувство патриотизма Карамзинъ считалъ чувствомъ физическимъ“. Неправда: Карамзинъ въ разсужденіи о любви къ отечеству различаетъ три ея вида: *физическую* любовь къ мѣсту рожденія, *нравственную*—любовь къ людямъ, съ которыми жили съ младенчества, и *любавь политическую*, то-есть, патриотизмъ—любовь ко благу и славѣ отечества: онъ требуетъ *разсужденія*, и потому не всѣ люди имѣютъ его (стр. 44); физика тутъ ни при чемъ.

Стр. 123. При опредѣленіи *сатиры* не объяснено значеніе латинскаго слова *satir* (*сытое обиліе*), отъ котораго она получила свое названіе. Учащійся будетъ недоумѣвать, какое отношеніе это „сытое обиліе“ имѣетъ къ современной намъ сатирѣ.

Стр. 146. Не поватно, какимъ образомъ опытность Кутузова должна

была уступить мѣсто стратегическимъ измышлениямъ Чичагова: вѣдъ первый былъ начальникъ, а второй—его подчиненный.

Стр. 149. Напрасно думаетъ авторъ, что басня Крылова „Демьянова уха“ не имѣеть опредѣленной цѣли или морали; напротивъ, цѣль ея вполне опредѣлена—метроманія вообще и метроманія въ частности графа Хвостова.

Стр. 160. Нельзя всѣ закрытыя учебныя заведенія называть не нормальными. Нѣкоторые изъ нихъ были необходимы, да и теперь еще остаются таковыми, напримѣръ, институты, корпуса и другія. Куда отецъ семейства, живущій въ уѣздномъ городѣ или въ своемъ имѣніи, могъ бы помѣстить свою дочь или сына въ Петербургѣ или Москвѣ, какъ не въ означенныя закрытыя заведенія?

На стр. 167-й указано мѣсто жительства Крылова: „Васильевскій Островъ, 1-я лѣнія, домъ Вянова“. Это излишне: домъ можетъ переходить отъ одного лица къ другому, да сверхъ того, въ настоящее время, дома обозначаются не фамиліями ихъ владѣльцевъ, а номерами.

Краткая этимологія русскаго языка съ таблицами склоненій и спряженій.
Составилъ И. П. Кошелоичъ. Рига. Стр. 62.

Книжка г. Концевича — еще одно изъ руководствъ по русской этимологіи, спеціально предназначенныхъ для иностранцевъ, что сказывается означеніемъ удареній въ текстѣ и отсутствіемъ расчета на навыкъ учащихся при указаніи формъ склоненія и спряженія. Ея достоинство — краткость, при чемъ, однако, даны всѣ свѣдѣнія, необходимыя для элементарнаго курса. Это единственное достоинство, впрочемъ, врядъ ли искупаетъ недостатки изложенія.

1) Авторъ этимологіи, повидному, самъ не достаточно владѣеть русскимъ языкомъ, иначе какъ могли бы появиться въ ней, напримѣръ, слѣдующія строки:

„Въ досужное время прележный ученикъ читаетъ назидательныя книги не только для развлеченія, но и для *обжиганія себя*“ (стр. 4, §§ 15); или

„Ученики суть мальчики“ (стр. 4, § 12), или

„Родъ узнается изъ родительнаго, изъ именительнаго падежа“ (стр. 7, § 21) и т. п.

2) Встрѣчаются правила такъ слабо редактованныя, что они являются не вѣрными, напримѣръ:

„Производныя слова образуются изъ первообразныхъ черезъ при-

бавленіе окончаній и приставокъ" (стр. 3, § 7). Ошибочность такого указанія нѣсколько смягчается § 8-мъ, но далеко не вполне.

На стр. 18 авторъ утверждаетъ, что форма низшей всегда выражаетъ производную степень, а высшей, низшей — сравнительную.

На стр. 54 читаемъ: „когда при глаголахъ личныхъ не показанъ предметъ дѣйствующій, то они употребляются безлично, а именно въ 3-мъ лицѣ множ. числа. Не всегда, съ другой стороны, безлично употребляется и 2-е лицо единств. числа: „Что поешь, то пожнешь" и т. д.

Если нарѣчія и не намѣняютъ своихъ окончаній по склоненіямъ и спряженіямъ, русскія нарѣчія все-таки нельзя безъ оговорки отнести съ частіямъ рѣчи неизмѣнимымъ въ виду отмѣчаемыхъ ими степеней сравненія (ср. стр. 5, § 17) и проч.

3) Авторъ нрѣдко затрудняетъ учащихся не нужными отступленіями отъ общепринятаго изложенія; напримѣръ, на стр. 8, § 24 читаемъ:

„Въ русскомъ языкѣ три склоненія именъ существительныхъ, которыя различаются по окончаніямъ *родительнаго, дательнаго и творительнаго* падежа единств. числа"; затѣмъ отдѣльно указывается на стр. 9, 11 и 12 еще различія именительнаго падежа.

Также врядъ-ли облегчить учащихся ииородцевъ изложеніе степеней сравненія, признающее полную окончанія сравнительной степени формою производною отъ положительной степени того же окончанія, а краткія окончанія сравнительной степени формою, производною отъ положительной степени краткаго окончанія (стр. 17, § 40). Это тѣмъ болѣе затруднительно, что авторъ самъ на слѣдующей же страницѣ отступаетъ отъ этого приѣма (ср. таблицу § 41).

§ 60 (стр. 37) объ „образованіи настоящаго времени" не возможно. Основное правило не ясно, примѣры сбивчивы ... и т. д.

Учебникъ тогоабо языка. Отдѣлъ теоретическій. Ч. II. Снитаксисъ. Составилъ *Алексій Новопашенный*. С.-Пб. 1891. Въ 16-ю д. л. Стр. 38. Ц. 10 к. То-же. Отдѣлъ практическій. С.-Пб. 1891. Въ 16-ю д. л. Стр. 167. Ц. 40 к.

Новыхъ „курсовъ русской грамматики", какъ извѣстно, издается множество; большинство ихъ составляетъ довольно небрежно, но труда на столько торопливаго и мало оправдывающаго свое появленіе въ свѣтъ, какъ трудъ г. Новопашеннаго, давно не встрѣчалось.

Предлагаемый „Снитаксисъ" составляетъ часть задуманнаго авторомъ, еще не изданнаго въ цѣломъ, „Учебника русскаго языка",

именно вторую часть его, состоящую из двух отдѣловъ, напечатанных двумя книжками: 1) Отдѣла теоретическаго и 2) Отдѣла практическаго.

Дать обстоятельный отчетъ о первомъ изъ нихъ не легко: онъ на столько слабъ съ начала до конца, въ дѣломъ и въ частности, что обстоятельной критики не допускаетъ, или потребовалъ бы отъ насъ болѣе обширнаго, чѣмъ самое „теоретическое изложеніе синтаксиса“ г. Новопашеннаго, занимающее всего 33 небольшія страницы крупной печати, изъ которыхъ 18 (отъ 5 до 23) посвящены синтаксису простаго предложенія, и 9 (отъ 23 до 33) — синтаксису предложенія сложнаго. На страницахъ 33—38 изложено ученіе о знакахъ препинанія. Попробуемъ, однако, дать объ этой книжечкѣ хотя нѣкоторое понятіе.

Слишкомъ обширные учебники неудобны для школы, но излишняя краткость ихъ тоже врядъ-ли умѣстна. Трудно толково изложить курсъ II и III класса гимназій по синтаксису отечественнаго языка въ дипломъ объемъ, даже если, слѣдуя плану г. Новопашеннаго, и вносить въ учебникъ „только существенно необходимое въ точномъ и сжатомъ изложеніи“. Самый этотъ объемъ уже заставляетъ опасаться крайней неполноты. Дѣйствительно, посвятивъ страницъ 8—9 плохому (особенно далеко не „точному“) изслѣнію синтаксическихъ терминовъ¹⁾, да страницъ пять еще менѣе удачному изложенію явленій языка, вытекающихъ изъ самой сущности синтаксическихъ понятій, потому общихъ всѣмъ языкамъ, которые стоятъ на извѣстной ступени развитія (например, вопросу объ отношеніи частей предложенія къ частямъ рѣчи)²⁾, г. Новопашенный собственно фор-

¹⁾ На стр. 6—7, напримеръ, понятіе о дополненіи не пояснено вовсе, понятіе объ опредѣленіи дано неполное, „обстоятельными слова“ отождествлены съ „обстоятельными“.

²⁾ Напримеръ, г. Новопашенный, указавъ (стр. 9 + 10), что подлежащее, „какъ слово, означающее предметъ, чаще всего (вѣрнѣе — естественно всего) выражается существительнымъ“, прибавляетъ, что оно можетъ быть выражено еще: „1) прилагательнымъ муж. р. ед. или множ. ч. или среди. р. ед. ч. (При чемъ тутъ родъ? Каково значеніе каждой изъ этихъ форм?); 2) глаголомъ въ формѣ неопредѣленнаго инфл. или причастія (каково значеніе каждой изъ этихъ форм?); 3) въстопиеніемъ“... А другія части рѣчи подлежащаго выражать не могутъ? О томъ, что всакой частью рѣчи, означающей подлежащее, естественно пріобрѣтается значеніе существительнаго—ли подслова. Ученику такимъ образомъ предлагается изучить правило невѣрное, неполное и преподаанное совершенно формально. Таковы же указанія о падежѣ подлежащаго (стр. 10), о

манъ русскаго синтаксиса, его особенностямъ, удѣляетъ очень мало мѣста; напримѣръ, всему ученію о простомъ предложеніи (словорасположенію, способамъ выраженія частей предложенія, словосочетанію—согласованію и управленію) едва отааетъ страничекъ пять.

Въ оправданіе г. Новопапенному можно, пожалуй, сказать, что составители нашихъ учебниковъ по русской грамматикѣ вообще склонны болѣе заниматься грамматическими категоріями, чѣмъ формами языка, рассчитывая на то, что формы эти въ русской школѣ легко усвоятся по навыку. Но для такого расчета составителямъ учебниковъ, по синтаксису по крайней мѣрѣ, не представляется достаточнаго основанія. Не говоря уже о томъ, какія трудности въ усвоеніи русскаго языка по учебникамъ такого характера встрѣчаютъ инопородцы, и о томъ, что отъ русскаго юношества, обучающагося въ гимназіяхъ, слѣдуетъ требовать словосочетанія сознательнаго, а не только по навыку. замѣтимъ, что юношество наше, какъ приходится съ прискорбіемъ убѣждаться при просмотрѣ письменныхъ работъ въ гимназіяхъ, въ отечественномъ языкѣ, именно въ оборотахъ живой русской рѣчи, достаточнымъ навыкомъ далеко не обладаетъ: языкъ этихъ работъ не асенъ, однообразенъ, лишенъ выразительности, часто прямо неправиленъ, или въ лучшихъ случаяхъ напоминаетъ ту правильность, которую можетъ допольствоваться иностранецъ, но которой для чело-вѣка, говорящаго роднымъ языкомъ, не достаточно. Отъ составителей синтаксиса отечественнаго языка при настоящемъ обиліи учебниковъ, при возможности не допускать болѣе въ школу ничего посредственнаго,—вообще при существующихъ условіяхъ нашей школы, пора, кажется, требовать, помимо разъясненія общихъ синтаксическихъ понятій, еще и серьезнаго вниманія къ характернымъ явленіямъ собственно русскаго языка.

Въ виду малаго вниманія, посвящаемаго этой сторонѣ дѣла въ учебникахъ доселѣ издаваемыхъ, можно бы, впрочемъ, въ звѣстной мѣрѣ поступиться высказанными требованіями и по поводу учебника г. Новопапеннаго, еслибы книга его страдала только невольнотою указавій; но въ ней, къ сожалѣнію, при изложеніи синтакси-

---

дополненіи, опредѣленіи (стр. 11—14). „Опредѣленіе“, учить, напримѣръ, г. Новопапенный, „выражается тѣми же частями рѣчи, какъ и сказуемое“, а именно: 1) Прилагательнымъ преимущественно въ полной формѣ (о случаяхъ употребленія формъ краткой ии слова); 2) Существительнымъ въ родит. падежѣ (только?) и т. д. Особенно много такой путаницы на страницахъ, посвященныхъ сказуемому (стр. 11—13).

ческих особенностей русской речи, кроме неполноты, встречаемъ ту же запутанность, бессодержательность, небрежность приводимыхъ указаний, которыя встречались при изложеніи основныхъ началъ синтаксиса. Слабо не только изложеніе такихъ мало разработанныхъ въ русской грамматикѣ вопросовъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о безличныхъ предложеніяхъ (стр. 13), но и изложеніе явленій, богѣ изслѣдованныхъ и отгѣченныхъ нашими лингвистами, каково значеніе надежныхъ формъ, употребленныхъ въ связи съ предлогами (стр. 20—21), употребленіе надеждъ, сокращеніе придаточныхъ предложеній и т. д.

На страницѣ 13-й, напримѣръ, посвященной „безличнымъ предложеніямъ“, недурно наложены только п. 1, 2 и 3; но п. 4, 5 и 6 неизменно должны смущать мыслящаго ученика. Нельзя принуждать учащихся къ признанію *безъ дальнѣйшихъ поясненій* безличнымъ сказуемымъ неопредѣленную форму въ реченіяхъ: „Съ тобою мнѣ не ужиться!“, „бать тебѣ безъ шубы!“; „прилагательныхъ“ (?) средлаго рода — „то *холодно*, то *очень жарко*“; „словъ“ (какъ выражается г. Новонашенный, не разбираясь въ характерѣ этихъ „словъ“) *жаль*, *пора*, *можно*, *льнь*, при реченіяхъ: „мнѣ его жаль“, „пора домой“, „ему *льнь* было приготовить уроки“, „это сдѣлать *можно*“. Для мыслящаго ученика во всѣхъ этихъ реченіяхъ подлежащія очевидны, и признать ихъ безличными онъ, безъ ближайшихъ поясненій по крайней мѣрѣ, не можетъ. Нельзя также приучать учениковъ къ отождествленію оборотовъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое характерное значеніе: „Я хочу“, „мнѣ хочется“¹⁾. Такой произволъ убиваетъ въ ученикахъ ту чувствительность къ отгѣнкамъ языка (Sprachgefühl), которою школа должна дорожить и для развитія которой при современныхъ уснѣхахъ языковѣдѣнія представляется столько прекраснаго матеріала.

На страницѣ 20-й, говоря объ управленіи посредственномъ, г. Новонашенный говоритъ только о предлогахъ собственно, забывая, напримѣръ, о нарѣчіяхъ предложныхъ, при чемъ учитъ: „Предлоги имѣютъ различныя значенія и ставятся съ различными надежами“ (очень часто предлоги получаютъ опредѣленное значеніе только въ связи съ опредѣленнымъ надежнымъ окончаніемъ) „въ зависимости отъ того, къ какому глаголу относятся“. (При такомъ объясненіи какъ же объяснить реченія: „Иду въ поле, у поля, на поле, въ полѣ, съ поля“

¹⁾ Ср. стр. 19: „Я купилъ ему“, „Я купилъ для него“; на стр. 22 „трину правилъ послѣ нуль“, „по нуль“ и т. и.

и проч.?). Та же неточность и неясность выраженія и далѣе. Половина стр. 21 посвящена совершенно ненужнымъ указаніямъ: „Предлоги употребляются для означенія мѣста, времени, и какихъ либо отвлеченныхъ отношеній“; затѣмъ, не упоминая о предлогахъ, употребляемыхъ съ однимъ падежнымъ окончаніемъ, г. Новопашенный замѣчаетъ: „Предлоги, употребляющіеся съ двумя падежами (какіе именно, не сказано), соединяются съ винительнымъ—для означенія движенія, на вопросъ *куда?* съ творительнымъ или предложнымъ—для означенія пребыванія, на вопросъ *идь?*“ (Какъ же возникли реченія: за рубль, онъ вступился за отца, пріѣхалъ за день, на зарѣ и т. д.?). Объ управленіи глаголовъ сложныхъ съ предлогами, объ управленіи существительныхъ и т. п. ни слова. Такое изложеніе поражаетъ тѣмъ болѣе, что—на сколько можно судить по нѣкоторымъ частностямъ—г. Новопашенный, при составленіи своего учебника очевидно спрiлся съ исторической грамматикой профессора Вуслаева, заимствуя изъ нея подчасъ самыя примѣры.

Отдѣлъ практической составленъ нѣсколько внимательнѣе: примѣровъ на разные синтаксическіе случаи подобрано довольно много и они недурны (можно развѣ отгнѣять кое-гдѣ недостаточную постепенность въ переходѣ отъ случаевъ простѣйшихъ къ случаямъ болѣе затруднительнымъ), но подборъ ихъ, къ сожалѣнію, подчиненъ отдѣлу теоретическому, что, въ виду недостатковъ этого отдѣла, крайне неудобно. Особенно портятъ книгу образцы задачъ, которыя г. Новопашенный предлагаетъ задавать ученикамъ для укрѣпленія ихъ въ русскомъ синтаксисѣ; напримѣръ (стр. 3), послѣ длиннаго ряда очень неумеренныхъ примѣровъ на „обращенія“ (отысканіе которыхъ, замѣтимъ кстати, учениковъ никогда не затрудняетъ), предлагается ученикамъ:

- 1) Выписать изъ этихъ примѣровъ слова обращенія.
- 2) Придумать примѣры изъ собственной жизни, *воспользовавшись теми словами обращенія изъ данныхъ примѣровъ, какія окажутся пригодными.*
- 3) Написать примѣръ въ видѣ коротенькой записочки къ кому-либо изъ окружающихъ, напримѣръ, „написаи мнѣ, Ивановъ, какіе уроки заданы къ слѣдующему разу“!...

Или даже:

Написать *не менѣе 20-ти примѣровъ* съ дополненіями на различные вопросы съ предлогами и безъ предлоговъ...

Написать въ новомъ видѣ вопросы, на которые отвѣчаютъ опре-

дѣленія въ выбранныхъ оттуда же примѣрахъ, напимѣрь, № 12 ¹⁾: „Надъ чьей полосой крестьянинъ не разъ съ сохой трудился? Надъ своей“ и т. п.

Это образцы тѣхъ скучныхъ, бесполезныхъ задачъ, которыя непроизводительно отнимаютъ время учащихся, надѣждають имъ, вселяютъ въ нихъ отвращеніе къ предмету и, конечно, ведутъ къ „перетутомленію“, причинъ котораго часто ищутъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало.

Въ заключеніе хотѣлось бы указать еще на одну черту разбираемаго учебника. Г. Новопашенный ввелъ въ него цѣлый рядъ пріемовъ синтаксическаго анализа, которые въ отдѣльности встрѣчаются и у другихъ составителей синтаксиса, но вридь-ли правильны. Правильность ихъ во всякомъ случаѣ очень желательно бы подвергнуть проверкѣ. Не знаемъ,

1) Есть-ли основаніе признавать числительныя количественныя опредѣленія?

2) Есть-ли основаніе признавать предложеніемъ слятнимъ предложеніе, въ которомъ встрѣчается нѣсколько однородныхъ *второстепенныхъ* частей предложенія (напимѣрь: „Громады стройныя тѣнятся дворцовъ и башенъ“, „Дайте мнѣ перо или карандашъ“ (Отд. теорет.. стр. 23)?

3) Есть-ли основаніе признавать предложеніемъ сложнымъ предложеніе, состоящее изъ предложенія независимаго и *вводнаго*? (напимѣрь, тамъ же стр. 23: „Ты, сказывають, пѣтъ великій мастериче“)?

4) Есть-ли основаніе придаточныя предложенія, заиѣвляющія подлежащее, причислять къ дополнительнымъ только потому, что они подчиняются главнымъ тѣми же способами, какъ и дополнительныя (тамъ же стр. 27)?

5) Можно-ли признать, что опредѣленія могутъ относиться только къ существительнымъ (стр. 12) и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, какое же значеніе слѣдуетъ придавать, напимѣрь, словамъ, обозначающимъ признаки, которымъ выдѣляется извѣстный видъ качества изъ родового понятія о качествахъ, напимѣрь: *достаточно* темный, *твердо* заученный урокъ, *таланливо* задуманный планъ, и т. д.?

Съ своей стороны полагаемъ, что на всѣ эти вопросы можно дать только отвѣтъ отрицательный, и можемъ засвидѣтельствовать, что — на

¹⁾ № 12 таковы: „Крестьянинъ на зарѣ съ сохой надъ полосой своей трудился“.

сколько утверждаетъ насъ многолѣтній опытъ — утвердительное ихъ рѣшеніе очень затрудняетъ учащихся.

Очевидно, введеніе учебника г. Повопашеннаго въ школы не желательно.

Русская хрестоматія преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательнымъ языкомъ. Составилъ *Викторъ Богдановъ*. Въ 3-хъ частяхъ. Ч. II (для 3 и 4 классовъ гимназій, реальныхъ и другихъ училищъ). Съ русско-нѣмецкимъ словаремъ. Изд. 2-е. Исправленное и значительно дополненное. С.-Иль. 1890 г. Стр. 403 + 64.

Въ новомъ изданіи хрестоматія г. Богданова является дѣйствительно значительно дополненною и въ частностяхъ нѣсколько исправленною, въ общемъ же врядъ ли сдѣланныя измѣненія усовершенствовали ее.

Г. Богдановъ въ предисловіи къ первому изданію поставилъ было себѣ прекрасное правило: не гоняться за двумя цѣлями: не стремиться къ тому, наиримѣръ, чтобы книга его представляла и образцы русскаго языка, и „энциклопедію дѣтскаго міра“. Но онъ въ первомъ же изданіи измѣнилъ себѣ и виѣсть съ сборникомъ образцовъ художественной русской рѣчи, расположенныхъ въ порядкѣ возрастающей трудности пониманія ихъ для иностранцевъ, въ порядкѣ возрастающей своеобразности языка ихъ, стремится дать рядъ статей, которыя бы знакомили юношей съ русскою природою, съ русскимъ народомъ, съ его бытомъ, съ его исторіей. Ознакомлять дѣтей съ отечествомъ цѣль несомнѣнно прекрасная, но не менѣе, чѣмъ „энциклопедія дѣтскаго міра“, способная отвлечь составителя отъ основной задачи. Не единственно ли ради ознакомленія съ русскою природою, бытомъ, исторіей попали въ хрестоматію статьи Баншутскаго, Семенова, Ядова, Яхонтова, Попова, Малиновскаго, Сушова и др? Неужели это образцовые русскіе писатели? Тѣмъ менѣе желательно жертвовать образцами русскаго языка не для ознакомленія съ русской дѣйствительностью, а съ измышленіями литераторовъ, подлаживающихся подъ народный говоръ, воющихъ надъ народомъ, или представляющихъ его въ картинахъ, очень мало напоминающихъ дѣйствительность, вроде либерально-сантаментальнаго стихотворенія Пашенна „Птучка“ (стр. 55), очень мало правдоподобнаго разказа Некрасова „Ермилъ мельникъ“ (стр. 121)? Доманный языкъ С. В. Максимова тоже, по нашему мнѣнію, мало пригоденъ для хрестоматіи, да и мало довѣрія внушаетъ, наиримѣръ, разглагольствованія, влагаемыя имъ въ уста

вищика на стр. 189. Не пора ли оставить безусловные восторги и перед написанными восклицаниями Гоголя, замѣняющими правдивыя описанія малороссійской природы (напримѣръ, „Днѣпръ“, стр. 281; „Украинская ночь“, стр. 280), взявъ за образецъ хотя бы его же описанія другой манеры, напримѣръ описаніе степи въ „Тарасъ Бульба“, описаніе запущеннаго сада Плюшкина и т. п. Описаніе „Диѣпра“, правда, включено въ образцы для заучиванія въ „Учебные планы“, но оно поставлено на ряду не съ другими такими же, а именно съ описаніемъ „Стопи“, вѣроятно для надлежащаго сравненія. Вообще, и „Учебными планами“ надо пользоваться осмотрительно, примѣняясь къ цѣли книги. Умѣстенъ ли, напримѣръ, въ хрестоматіи для дѣтей-нѣмцевъ переводъ Жуковскаго „Львиной Царь“? Можетъ быть, выборъ отрывка изъ Руслана „встрѣча съ головой“ и оправдывается какими-нибудь соображеніями (по нашему мнѣнію, врядъ ли), но въ книгѣ г. Богданова онъ совсѣмъ неуѣстенъ. Дѣти-цѣмцы, пожалуй, признають въ немъ отрывокъ, предназначенный для ознакомленія ихъ съ русскимъ сказочнымъ міровоззрѣніемъ, и, конечно, не догадуются, что это только юношеское заимствованіе изъ русскихъ передѣлокъ французскаго и италіанскаго рыцарскаго романа, ничего общаго съ русской сказкой не имѣющаго.

Прекрасный прологъ Пушкина къ „Руслану“ для дѣтей, незнакомыхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, представляется наборомъ словъ. Бесодержательныя описательныя стихотворенія Языкова, Никитина и не образцовы, да и съ русской природой знакомятъ очень мало... Два стихотворенія Огарева (стр. 6 и 43) обязательно выпустить при слѣдующемъ изданіи...

Вообще, если г. Богдановъ стремится сдѣлать изъ своей хрестоматіи пособіе дѣйствительно хорошее, ему еще придется много поработать надъ выборомъ и распредѣленіемъ статей ея.

Перейдемъ къ русско-нѣмецкому словарю, приложенному къ хрестоматіи г. Богданова. Составитель говоритъ въ предисловіи: „Прилагаемый къ хрестоматіи словарь тщательно пересмотрѣнъ и восполненъ словами для статей, вновь помѣщенныхъ. 1) По отношенію къ I-му выпуску слова внеслись въ словарь съ большею полнотою; не помѣщались только самыя обычныя слова, а равно тѣ, которыя предполагаются извѣстными ученикамъ изъ грамматики. 2) По отношенію ко 2-му выпуску при выборѣ словъ для словаря составитель былъ строже. Не допуская въ ученикахъ незнанія главнѣйшихъ суффиксовъ и представокъ, составитель избѣгая повторенія словъ однокоренныхъ,—близкихъ по

составу, выписывалъ по преимуществу то слово, которое въ ученіи о словопроизводствѣ можетъ быть признано важнѣйшимъ^а.

Изложенными въ этихъ словахъ основаніями авторъ руководствуется не всегда съ одинаковою точностью. Отказываясь въ принципѣ отъ помѣщенія самыхъ обычныхъ словъ, онъ все-таки помѣстилъ такіа слова, какъ, напримѣръ: мать, сестра, сынъ, солнце, соль, снѣгъ, нѣтъ, знамя, луна, земля, сидѣть, ѣсть, ухо, новый, нога, рука, ротъ и т. п. А между тѣмъ въ словарѣ нѣтъ многихъ словъ, неизвѣстныхъ ученикамъ—пѣвцамъ третьего и четвертаго классовъ (а для такихъ назначается этотъ словарь). Возьмемъ для примѣра статьи 104 и 105 втораго выпуска (стр. 264 и сл.). Изъ встрѣчающихся тамъ словъ и выраженій не помѣщены въ словарѣ слѣдующія: акти, викакъ, чтоль (стр. 264), горожанка, нелегкая понесла (стр. 265), доколѣ (266), за неизмѣннѣмъ, заводъ (есть въ словарѣ только слово заводъ), гри-де-лепъ, блен-д'ануръ (268), поджывать (въ словарѣ только: жать *flücken*), дворовый (въ словарѣ есть слово „дворникъ“) (269), выкидывать, сучокъ, больно (270), расклеваться (271), подводный (въ словарѣ слово „подвода“), подстрѣленный (272), завѣяться (273), отдуваться (274), завязнуть (въ словарѣ есть слово „вязнуть“, но ученики, сираклись въ словарѣ, неспрѣмѣнно паткнется на глаголъ „завязать“, котораго помѣщенъ). Въ другихъ случаяхъ ученики при надлжащемъ словѣ или при словѣ, которое по отношенію къ отыскиваемому является кореннымъ, находятъ такое значеніе, которое не только прямо не приходится къ данному мѣсту, но даже не можетъ навести ученика на требуемое въ данномъ случаѣ значеніе. Примѣрами, заимствованными изъ тѣхъ же двухъ статей №№ 104 и 105, могутъ служить слѣдующія слова: задохнуться — въ словарѣ — *ersticken* — а требуемое значеніе — *ausser Atem kommen* (стр. 265); выдать — въ словарѣ: *herausgeben, vorausgeben*, а требуется значеніе: *preisgeben, im Stiche lassen* (стр. 266), нарекать бенеппен; *vorwerfen* нѣкто *ernennen* (стр. 267); выводится *ausgerottet werden* нѣкто *ausgebrütet werden* (стр. 268); тамъ же: шла къ нему, что по нѣмецки должно переводиться: *stand ihm* — а въ словарѣ только „йти — *gehen*“; выщупывать *betasten, befühlen* нѣкто *sondiren*; располагаться *sich gemächlich nieder lassen* нѣкто *sich anschicken* (стр. 274); карабкаться *klettern, hinaufklettern* нѣкто *sich abarbeiten*; болтать *schütteln, klopfen, plappern* нѣкто *zappeln*; выбирать — въ словарѣ только: выбирать *aussuchen, wählen, erwählen* — а здѣсь требуется значеніе *herauskommen* и т. д.

Встрѣчаются и невѣрные значенія—обыкновенно, правда, на ряду съ вѣрными—или такія, которыя могутъ дать поводъ къ недоразумѣнью. Вотъ нѣсколько приѣровъ: бездна die Untiefe (это слово обыкновенно значить—мелкое мѣсто); бездыханный atemlos; безмѣрный unermüdlich; безответный unverantwortlich; верховье der Ursprung (des Flusses); вещество der Bestandteil; гораздъ genug, beträchtlich; громоздиться hinaufklettern; грузить versenken; дебрь der Hain; доблесть der Mut, die Standhaftigkeit; заваль die Verstopfung; отвалъ der Einsturz; перевозчикъ der Uebersetzer; священнослужитель der Prediger и т. п.

Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ, въ которыхъ предлагаемыя въ словарь нѣмецкія слова и выраженія не могутъ быть признаны образцовыми съ точки зрѣнія литературнаго нѣмецкаго языка: валаться sich herumwühlen; варенье der Saft; внукъ der Grosssohn (отчего не der Enkel?); выпарить ausbrühen (?); гладѣть изъ подлюбы glupen; гробница der Reliquiensarg; дробиться sich brechen; жестяной blechen (имѣсто blechern); закусывать nachbeißen; киверъ der Kiweg; костенѣть sich verknöchern (въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ слово verknöchern, но оно по значенію не соответствуетъ русскому слову „костенѣть“, хотя и то и другое значить превращаться какъ бы въ кость); льняной flachsen; переливной abgehüllt (?); усненіе die Entschlafung, die Verscheidung; щетиниться sich borsten и т. п.

Въ составъ словаря вошло много мѣстныхъ выраженій, не имѣющихъ права гражданства въ русскомъ литературномъ языкѣ; ношили они потому, что встрѣчаются въ статьяхъ хрестоматіи; но разъ они въ словарь, то слѣдуетъ требовать отъ учениковъ, чтобы они при приготовленіи заучивали наизусть эти слова, для нихъ совершенно бесполезныя, такъ какъ имъ едва ли встрѣтятся въ жизни надобность быть знакомыми съ этими идиотизмами. Поэтому нѣрпѣ тотъ приемъ, котораго составитель держался во многихъ случаяхъ, а именно, вѣрнѣе помѣстить въ примѣчаніи подъ текстомъ объясненіе такою термина, не вводя его въ составъ словаря, что однако онъ сдѣлалъ относительно слѣдующихъ, между прочимъ, словъ: баранта, бахча, бѣлопашецъ, возчикъ, дощаникъ, выпунъ, касатикъ, клалы, колтуны, кубышка, подтибрить, ходебщикъ и т. п.

Желательно, чтобы при слѣдующемъ изданіи словарь еще разъ былъ тщательно пересмотрѣнъ.

И. Гензель. Руководство для изученія этимологии русскаго языка. Приспособить для употребленія въ младшихъ классахъ гимназій. Г. фонъ-Земль. Рига. 1891. Стр. 208.

И. Гензель. Руководство для первоначальнаго обученія этимологии русскаго языка. Приспособить для употребленія въ начальныхъ школахъ Г. фонъ-Земль. Рига. 1890. Стр. 94.

Мѣры правительства къ распространенію русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ вызвали составленіе нѣсколькихъ учебниковъ русской грамматики, приспособленныхъ къ потребностямъ учащихся, которые привыкли въ домашней обиходѣ говорить по-нѣмецки. Учебники, обыкновенно употребляемые въ нашихъ школахъ для привожденныхъ русскихъ дѣтей, оказываются недостаточными въ данномъ случаѣ по двумъ причинамъ: 1) Расчетывая на навыкъ къ родномъ языкѣ, составители учебниковъ по отечественной грамматикѣ мало заботятся о томъ, чтобы дать точныя правила словообразованія, формъ и сочетанія словъ, и останавливаются преимущественно на разъясненіи грамматическихъ категорій, на такъ называемой—общей части грамматики. Для инородцевъ, очевидно, нужно совсѣмъ другое. 2) Указывая на формы русскаго языка, необходимо подчасъ сопоставить ихъ съ формами языка нѣмецкаго, во всякомъ случаѣ подчеркнуть тѣ особенности русской рѣчи, которыя должны казаться нѣмцамъ наиболѣе своеобразными; не лишне, быть можетъ, подчасъ помочь учащимся переводомъ словъ, расположеніемъ удареній, а наконецъ, и подборомъ примѣровъ для упражненій, которыя русскимъ дѣтямъ не нужны.

Потому въ послѣднее время въ прибалтійскомъ краѣ выходятъ въ свѣтъ грамматики трехъ типовъ: 1) грамматики русскаго языка, составленныя безъ всякаго приспособленія къ языку нѣмецкому, но стремящіяся поставить преподаваніе грамматики на почву болѣе точнаго изученія формъ языка; 2) грамматики того-же типа, но дополненныя пояснительными примѣчаніями, переводомъ данныхъ примѣровъ на нѣмецкій языкъ и т. п. приспособленіями для дѣтей-нѣмцевъ, и 3) грамматики практическія, то-есть, расположенныя не въ обычномъ общепринятомъ порядкѣ, а въ иномъ, приуроченномъ къ преподаванію русскаго языка иностранцамъ: статьи менѣе трудныя предпосланы статьямъ болѣе труднымъ; правила, необходимыя для скорѣйшаго перехода учащихся къ практическимъ упражненіямъ, даны на первыхъ же страницахъ; приложенъ необходимый матеріалъ для практическихъ упражненій.

За послѣднее время изданы были грамматикѣ двухъ первыхъ типовъ (этимологіи Желобовскаго и Шингеля); теперь предъ нами учебникъ — практическаго типа.

Г. фонъ-Эльцъ даетъ только нѣсколько самыхъ общихъ синтаксическихъ указаній, едва достаточныхъ для составленія простѣйшихъ предложеній, но подробно излагаетъ этимологію. Рядомъ съ каждымъ отдѣломъ грамматики напечатаны соответствующія статьи для усвоенія данныхъ указаній путемъ переводовъ съ русскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на русскій; каждому переводу сначала предпосланы вокабулы (словъ 10—12); но затѣмъ (съ § 101) вокабулы болѣе нѣтъ, и учащемуся предоставляется нужныя слова подыскивать въ приложенномъ къ учебнику словарѣ.

Часть учебника отъ § 1 до § 100 напечатана въ обѣихъ выше названныхъ книжкахъ (назначенной для гимназій и назначенной для начальныхъ училищъ) безъ всякаго между ними различія. Книжка для первоначальнаго обученія составляетъ, такъ сказать, первую часть курса, которую авторъ признаетъ возможнымъ закончить занятія въ начальной школѣ; въ книжкѣ для гимназій она перепечатана, вѣроятно, только для удобства. Дѣйствительно она заключаетъ въ себѣ болѣе общія правила спряженія, склоненія существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ и т. д. а съ § 101 уже излагаются въ ней „дополнительныя“ свѣдѣнія, по склоненію и спряженію, касающіяся случаевъ менѣе общихъ.

Такое изложеніе вполнѣ обдуманно. Отдѣльныя правила тоже изложены не дурно, на сколько возможно при имѣющихся данныхъ. Говорю „на сколько возможно“ потому, что если, напримѣръ, помѣщенныя въ концѣ книги правила спряженія русскаго глагола запутаны, представляютъ большія трудности, то винить въ этомъ г. фонъ-Эльца нельзя: не даромъ надъ систематизаціей нашихъ глаголовъ трудились и Дубровскій, и Павскій, и Востокъ, и Миклошичъ, и Шлейхеръ, не достигнувъ все-таки въ ней простоты, достаточной для того, чтобы она могла быть признана удобопонимимою въ школѣ, когда навѣкъ руководить не можетъ.

Не знаю, на сколько учителя нашихъ прибалтійскихъ гимназій владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, чтобы пользоваться книгами вроде этимологіи г. фонъ-Эльца, на сколько процентъ русскихъ учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній дозволяетъ посвящать время на упражненія, необходимыя инородческой долѣ каждого класса, но, если мѣстныя условія вообще дозволяютъ пользованіе пособиями

вродѣ книги г. фонъ-Эльца, полагаю, что курсъ, предназначенный для гимназій, можетъ служить полезнымъ пособіемъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній при преподаваніи русскаго языка ученикамъ нѣмецкаго происхожденія.

Для послѣдующихъ изданій (книга г. фонъ-Эльца уже выдержала три изданія) я предложилъ бы, однако, составителю пересмотрѣть свой трудъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ; напримѣръ, на стр. 10 слово „дерево“ за образецъ для склоненія существительныхъ на „о“ выбрано неудачно, ввиду мало употребительной формы множественнаго числа „деревя, ъ“ и т. д. на ряду съ „деревья“ и т. д.; на стр. 15, примѣч. 1, формы „древенъ, древна, древно, древны“ врядъ-ли можно признать употребительными; напрасно также г. фонъ-Элецъ утверждаетъ, будто нѣтъ окончанія полнаго, соответствующаго краткому „любъ“ (lieb)... а „любой, ая, ое“? На стр. 17 и во многихъ другихъ мѣстахъ терминъ „притяжательный“ замѣненъ, пожалуй, правильнымъ, но не общеупотребительнымъ—„усвоительный“. Мѣстоименій „усвоительныхъ“ его, ся, ихъ (стр. 18) нѣтъ. Это родительный падежъ личнаго мѣстоименія 3-го лица, употребленный взаимно несуществующаго мѣстоименія притяжательнаго, если не признавать народныхъ „свойный“, „ейный“ (ср. также стр. 21). Искать нѣмецкій языкъ, прилаживая къ формамъ русскаго, нѣтъ основанія (на стр. 21: „ich sehe auf mich“, „du siehst auf dich“ и т. д.): это даже не поможетъ учащемуся въ отысканіи русскаго формы, такъ какъ онъ мыслить, вѣролтно, облечая мысль въ общеупотребительныя правильныя разговорныя формы. На стр. 24 редакция всего прайпада объ употребленіи мѣстоименія, самъ, а, о“, не ясна; и т. д.

Упомянутое руководство арифметики, по системѣ и подъ редакціей *Н. А. Шаповалова* составила *А. П. III*. Часть первая, арифметика дѣльныхъ чиселъ. Москва. 1890. Цѣна 30 коп. Стр. 82. Часть вторая, арифметика дробныхъ чиселъ. Цѣна 30 коп. Стр. 104.

Названная книга отличается во многихъ отношеніяхъ отъ обычныхъ учебниковъ арифметики. Въ ней строго-научное изложеніе совмѣщено съ краткостью и, за немногими исключеніями (о которыхъ будетъ сказано), она удободоступна пониманію учениковъ; особеннаго вниманія преподавателей арифметики заслуживаютъ весьма простыя и удачно изложенныя приемы рѣшенія задачъ.

Книга эта представляетъ переработку „Краткаго руководства арифметики, соединеннаго съ методикою и систематическимъ сборникомъ

типических задач, Н. А. Шапошникова*, отзывъ о которомъ былъ напечатанъ въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 года. Разсматриваемое нынѣ руководство отличается отъ упомянутого не только исключеніемъ методаки, но и упрощеніемъ курса ариметики.

Къ числу заслуживающихъ вниманія особенностей книги слѣдуетъ отнести отсутствіе тѣхъ доказательствъ теоремъ, которыя требовали бы значительнаго усложненія курса, для того чтобы быть наложенными съ достаточною строгостью. Такъ, напримѣръ, на стр. 68-й сказано: „Обращая равныя простымъ дроби въ десятичныя, можно замѣтить, что число цифръ періода не зависитъ совсѣмъ отъ числителя дроби и не зависитъ также отъ множителей 2 или 5, которые могутъ входить въ знаменателя. Это можетъ быть вообще доказано, но вслѣдствіе сложности доказательства мы не будемъ его разсматривать“. А также на стр. 69: „Въ чистую періодическую дробь“— авторъ такъ называетъ простую періодическую дробь—, обращается такая простая дробь, знаменатель которой не содержитъ множителей 2 или 5. Это положеніе (?) можетъ быть вообще доказано, но по причинѣ сложности доказательства мы его опустимъ.“— Опущеніе доказательства такихъ теоремъ слѣдуетъ одобрить, такъ какъ упрощенное руководство, очевидно, предназначено не для повторительнаго курса ариметики въ VIII классѣ, а для младшихъ классовъ.

Не всѣ однако особенности этого учебника заслуживаютъ одобренія; въ немъ, а именно въ первой части, есть частности, не соответствующія его названію упрощеннаго руководства, при томъ встрѣчаются мѣста не удовлетворительно редактированныя и требующія переработки. Напримѣръ:

Нельзя признать удачно изложеннымъ на стр. 1-й понятіе о счетѣ: „Производить счетъ предметовъ или считать значить соединять предметы мысленно въ группу,... Мы хотимъ сосчитать, сколько въ классѣ столовъ. Обратимъ сначала наше вниманіе на одинъ столъ—получимъ одинъ столъ...“

На стр. 3-й употребленъ терминъ: „число *стницъ*, содержащихся въ большой коробкѣ“. По всей вѣроятности, подъ словомъ *стницъ* авторъ подразумѣвалъ *стички*?

Вычитавію даю нѣсколько опредѣленій (стр. 16 и 17): „Вычесть изъ одного числа другое значить отсчитать отъ перваго числа столько единицъ, сколько ихъ содержится во второмъ числѣ“. „Вычесть изъ одного числа другое значить узнать, на сколько первое

число больше второго". — „Вычестъ значить по суммѣ в одноу слагаемому найти другое, слагаемое". Последнее опредѣленіе, то-есть, единственно подлежащее, авторъ называетъ *главнымъ опредѣленіемъ вычитанія*.

Подобная же тройственность въ опредѣленіи дѣленія (стр. 37-я и 38-я), происходящая отъ смѣшенія опредѣленія дѣйствія съ характеристивацією случаевъ, къ которымъ такое дѣйствіе приимается.

Способъ умноженія на многозначнаго множителя предложенъ такой (стр. 35).

$$2896 \times 473$$

 11584

20272

8688

 1369808

то-есть, начиная съ умноженія на цифру высшаго разряда множителя и, затѣмъ, каждое слѣдующее произведеніе подписывая правѣе предыдущаго на одно мѣсто.

На стр. 49-й и 50-й, подъ заглавіемъ „измѣненіе частнаго", изложены такіа свойства частнаго, которыя относятся лишь до полнаго частнаго, а между тѣмъ не упоминаютъ, что при этомъ подразумѣвается только тотъ случай, когда дѣленіе совершается безъ остатка.

На стр. 62-й сказано: „Величиной называется все то, что можетъ *опредѣленно* увеличиваться или уменьшаться". Не попятно, что подразумѣваетъ авторъ подъ словомъ „опредѣленно". Затѣмъ на слѣдующей страницѣ: „Признакъ, по которому различаются двѣ однородныя, но несовершенно одинаковыя величины, называется *размѣромъ величины*. Признакъ этотъ состоитъ въ томъ, что одна величина больше другой, или меньше другой"... „Измѣрить величину значить опредѣлить ея размѣръ". Оказывается поэтому, измѣрить величину значить опредѣлить ея признакъ. При томъ—какой же это признакъ? вѣдь сказать „размѣръ величины", все равно что сказать „величина величины". Наконецъ, на стр. 64-й: „Отношеніемъ двухъ величинъ называемъ то, что мы узнаемъ при измѣреніи одной величины посредствомъ другой". (Что же именно узнаемъ?) Затѣмъ, на той же страницѣ, введеть новый и совершенно излишній терминъ „размѣроуказатель величины".

На стр. 74-й сказано, что „съ именованными числами можно производить шесть дѣйствій—сложеніе, вычитаніе, *разностное срав-*

неніе, умноженіе, дѣленіе, кратное сравненіе". Разностнымъ сравненіемъ названъ тотъ случай вычитанія, когда рѣшается обычная задача опредѣленія промежутка времени между двумя данными событіями; шестымъ дѣйствіемъ, то-есть, кратнымъ сравненіемъ, названо дѣленіе одного именованнаго числа на другое.

Во второй части уже почти не встрѣчается неудачныхъ нововведеній, подобныхъ вышесказаннымъ; исключеніе составляетъ только опредѣленіе дѣленія на дробь. Высто общепринятаго опредѣленія дѣленія, какъ дѣйствія, посредствомъ котораго по данному произведенію и одному изъ множителей находится другой множитель того же произведенія, авторъ опредѣляетъ это дѣленіе такъ (стр. 36): „Раздѣлить одно число на другое значитъ измѣнить дѣлимое въ кратномъ отношеніи, обратномъ тому, какое выражается даннымъ дѣлителемъ по сравненію его съ единицей“.

Весьма вѣскія положительныя качества разсматриваемой книги заставляютъ сожалѣть, что авторъ послѣдшій изданіемъ, не придавъ своему труду окончательной обработки и не освободивъ его отъ излишнихъ новаторствъ, значительно уменьшающихъ достоинство книги, какъ учебника.

Элементарная алгебра. Составилъ А. Киселевъ. 2-е улучшенное изданіе, дополненное сообразно новой программѣ VII класса реальныхъ училищъ. Москва. 1890. Цѣна 1 р. 60 коп. Стр. VIII+464.

Въ разсматриваемое изданіе включены, подъ названіемъ дополнительныхъ, многія статьи, не входившія въ первое изданіе, а именно: основныя начала теорій предѣловъ, максимум и минимумъ нѣкоторыхъ функцій, тригонометрическое выраженіе комплексныхъ количествъ, приложеніе комплексныхъ количествъ къ рѣшенію двучленныхъ уравненій и къ дѣленію окружности на равныя части и нѣкоторыя другія; при томъ значительно пополнено понятіе о несоизмѣримыхъ числахъ и дѣйствіяхъ надъ ними и разъяснено истинное значеніе $\sqrt[n]{N}$, когда N не полная m -ая степень соизмѣримаго числа. Эти дополненія составляютъ почти исключительно заимствованія изъ переведенной и дополненной Н. И. Билибиннымъ алгебры Ж. Вертрана. Каждое изъ упомянутыхъ дополненій, разсматриваемое отдѣльно, возвышаетъ достоинство алгебры А. Киселева; но, ни по методу, ни по полнотѣ содержанія, эти дополненія не соответствуютъ остальнымъ частямъ учебника.

Изъ особенностей, отличающихъ упомянутыя дополненія отъ источ-

ника, изъ котораго они заимствованы, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія:

Въ § 185, озаглавленномъ „понятіе о предѣлѣ“ (стр. 155—156), сказано: „величиною называется такое свойство предметовъ или явленій, которое можетъ быть больше или меньше (вѣсъ, объемъ и т. д.). Каждая величина можетъ имѣть безчисленное множество значеній(?), такъ вѣсъ имѣетъ одно значеніе въ этой линейкѣ, другое значеніе (?) въ этомъ столбѣ и т. д.“ Все это темно и вообще неудачно.

Далѣе сказано: „Иногда случается, что переменная величина, измѣняясь, стремится къ нѣкоторому предѣлу“; слѣдовало бы, вмѣсто „измѣнялась“, сказать: „измѣнялась по нѣкоторому закону“.

Относительно способа нахождения максимум или минимум данной функціи приравниваніемъ этой функціи произвольному количеству x слѣдано полезное замѣчаніе (стр. 433), что способомъ этимъ „находимъ наибольшее или наименьшее значеніе данной функціи, но не максимум или минимум въ истинномъ значеніи этихъ словъ“.

Первое изданіе алгебры А. Киселева было подраздѣлено на двѣ части, изъ которыхъ вторая была предназначена для четырехъ старшихъ классовъ, и въ томъ изданіи не замѣчалось особой непропорциональности между содержаніемъ различныхъ отдѣловъ. Второе изданіе значительно бы выиграло, еслибы авторъ удержалъ прежнее подраздѣленіе, а дополнительные статьи издалъ бы отдѣльно, или въ видѣ 3-й части или же какъ дополненіе ко второй.

Вообще авторъ издалъ бы нѣсколько выпускомъ второго изданія своей алгебры и не освободилъ его отъ мелкихъ промаховъ и редакціонныхъ недосмотровъ, которые могли быть до нѣкоторой степени извинительны въ первомъ изданіи, а не въ новой переработкѣ той же книги. Напримѣръ:

Изложеніе алгебраическихъ дробей предпослано дѣленію многочленовъ; хотя авторъ оправдываетъ это нарушеніе системы тѣмъ, что при изложеніи дѣленія многочленовъ „приходится пользоваться нѣкоторыми свойствами дробей“, но въ такомъ пользованіи не было никакой существенной надобности.

Понятіе о числахъ отрицательныхъ и равныхъ нулю помѣщено послѣ разсмотрѣнія главныхъ свойствъ первыхъ четырехъ дѣйствій, изложенія алгебраическаго сложенія и вычитанія, раскрытія скобокъ и заключенія членовъ въ скобки, то-есть, предпослано алгебраическому умноженію. Такая система не можетъ быть одобрена, такъ какъ не имѣетъ достаточныхъ основаній; объ упомянутыхъ числахъ

слѣдовало или сказать въ началѣ алгебры, при изложеніи понятія о первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ, или же—отодвинуть ихъ гораздо далѣе, въ отдѣлъ уравненій, когда потребуется разъяснить отрицательное рѣшеніе какой-либо задачи. Вообще, параграфы объ отрицательныхъ числахъ, составляющіе заимствованіе изъ алгебры Бертрава, не сконцентрированы надлежащимъ образомъ, излишне растянуты (отъ 20-й до 33-й стр.), а потому, хотя и выдерживаютъ критику, при рассмотрѣніи каждаго параграфа отдѣльно, но размѣщеніе ихъ представляется разбросаннымъ и имѣетъ видъ излишней повторяемости.

Сложеніемъ названо (стр. 3) такое дѣйствіе „посредствомъ котораго по нѣсколькимъ даннымъ числамъ отыскивается новое число (сумма), которое содержитъ въ себѣ всѣ единицы и доли единицъ, заключающіяся въ данныхъ числахъ“. Авторъ упустилъ изъ виду, что можно для всякихъ данныхъ слагаемыхъ прискать сколько угодно чиселъ, которыя будутъ содержать въ себѣ всѣ единицы и доли единицъ, заключающіяся въ этихъ слагаемыхъ.

Изъ нѣсколькихъ мѣстахъ книги (напримѣръ, на стр. 9, 10, 11) встрѣчаются такія формулы: a^2 , a^3b^2 , $\frac{a^9b}{3}$, a^9b , $a^2a^{\frac{3}{4}}y^5$. Подобное неуклюжее знакоположеніе не желательно вводить въ учебную практику.

Встрѣчаются весьма неудачныя выраженія, напримѣръ (на стр. 13): „Теперь убѣдился, что провозводя сложенія и вычитанія....“ „Теперь число 3 прибавляется къ разности“....

Объ отрицательныхъ числахъ впервые говорится только на стр. 21, а уже на 19-й предложено раскрыть скобки въ выраженіи: $10p - [3p + (-10 + 5p) - 4]$. Задачіе такого примѣра оказывается въ противорѣчій со сказаннымъ на стр. 14: „переставляя члены многочлена, мы должны брать первый его членъ со знакомъ +“.

На стр. 40 сказано о значеніи нулевого показателя; не было пріятнѣе совмѣстно съ этимъ сказать и объ отрицательномъ показателѣ, а между тѣмъ объ этомъ послѣднемъ упоминается впервые только на стр. 254, совмѣстно уже съ показателями дробными.

Не упомянуто вовсе ни объ измѣреніи многочлена, ни объ однородныхъ многочленахъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы указать на недостаточно внимательное отношеніе автора ко второму изданію своей книги, но считаемъ полезнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Относительно отрицательныхъ чиселъ сказано въ предисловіи

(стр. IV—V): „Приниспаніе отрицательнымъ числамъ самостоятельнаго значенія, какъ величинамъ *противоположнымъ* положительнымъ не можетъ быть оправдано ни съ научной, ни съ педагогической точки зрѣнія. Здѣсь не мѣсто доказывать ошибочность этого воззрѣнія, да, пожалуй, и бесполезно...“

Нельзя признать умѣстнымъ въ учебникѣ алгебры такой бездоказательный и рѣшительный приговоръ воззрѣнію Декарта, Эйлера и другихъ знаменитыхъ математиковъ, называть это воззрѣніе ошибочнымъ и считать бесполезнымъ доказательство этой ошибочности, не смотря даже на то, что воззрѣніе это снова реставрируется авторитѣтѣйшими изъ современныхъ ученыхъ. Было бы педагогичнѣе и скромнѣе со стороны А. Киселева не упоминать вовсе о не раздѣлимыхъ имъ воззрѣніяхъ, или же — надлежало подтвердить свои критикѣ всѣмъ доказательствомъ.

Геометрія и сравненіе геометрическихъ задачъ. Руководство для женскихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій. Составили А. Малыгинъ и Ф. Еуровъ. Изданіе второе. Москва 1891. Цѣна 1 р. Стр. 288.

Главное достоинство этого учебника заключается въ обиліи и искусномъ подборѣ примѣровъ для упражненій, помѣщенныхъ въ концѣ каждой главы (теоремъ, предложенныхъ для доказательства, задачъ на вычисленіе и задачъ на построеніе). Но, не смотря на это достоинство и на многія другія заслуживающія одобренія частности, разсматриваемый учебникъ не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ — по слѣдующимъ причинамъ:

1) Теоремы, относящіяся до теоріи предѣловъ, не включены въ учебникъ, объ нихъ даже не упомянуто, и понятіе о предѣлѣ оставлено безъ разъясненія. Это сдѣлано, конечно, съ цѣлью упрощенія курса и могло-бы не вызывать возраженій, еслибы изложеніе теоремъ было надлежащимъ образомъ приворядлено къ такому пробѣлу. Было-бы несравненно рациональнѣе отказаться отъ доказательства нѣкоторыхъ геометрическихъ истинъ и изложить ихъ догматически, нежели замѣнять точныя доказательства не выдерживающими критики; но авторы предпочли послѣднее. Примѣрами такихъ доказательствъ, не долженствующихъ имѣть мѣсто въ столь строгой наукѣ какъ геометрія, могутъ служить: § 303 (стр. 180), § 311 (стр. 182), § 395 (стр. 223), § 425 (стр. 242), § 427 (стр. 243), § 434 (стр. 246), § 437 (стр. 248).

2) Глава IV (стр. 44), имѣющая своимъ предметомъ параллельныя

линии, начата слѣдующимъ образомъ: Постулатъ Евклида замѣненъ менѣе общимъ, а именно — взаимною пересѣкаемостью перпендикуляра и наклонной къ одной и той же прямой. На основаніи этой истины доказана теорема: „Черезъ данную точку можно провести параллельную къ данной прямой линіи, и при томъ только одну“, и изъ этой теоремы выведены нѣкоторыя слѣдствія. Затѣмъ сказано о взаимныхъ зависимостяхъ между углами, образуемыми пересѣченіемъ двухъ прямыхъ линій третьей и, какъ основаніе для дальнѣйшаго наложенія свойствъ параллельныхъ линій, приведена такая теорема (§ 102, стр. 47): „Двѣ прямыя, образующія при пересѣченіи съ третьей равные соответственные углы, параллельны между собой“. Относительно этой теоремы сказано: „Въ частномъ случаѣ, когда сѣкущая перпендикулярна къ даннымъ прямымъ, мы уже доказали эту теорему (§ 84). Доказательство теоремы для острыхъ и тупыхъ угловъ нѣсколько затруднительно; поэтому для этихъ случаевъ мы примемъ теорему безъ доказательства“. Однако, вслѣдъ за тѣмъ приведено это доказательство въ § 103 (мелкимъ шрифтомъ), и оно дѣйствительно должно оказаться нѣсколько затруднительнымъ для учениковъ или, вѣрнѣе, растлупитимъ и ванутаннимъ, но не изслѣдствіе сущности самой теоремы, а исключительно лишь по винѣ авторовъ, такъ какъ теорема могла-бы быть доказана весьма коротко и ясно. Не понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, почему авторы предполагаютъ избранный ими порядокъ изложенія основныхъ свойствъ параллельныхъ линій болѣе простымъ и краткимъ, чѣмъ общепринятый, и состоящій, на примѣръ, въ предпосланіи постулату Евклида теоремы о суммѣ внутреннихъ одностороннихъ угловъ, образуемыхъ съ сѣкущею двумя взаимно пересѣкающимися линіями.

3) Ни въ которой главѣ книги не разъясненъ смыслъ отношенія между двумя величинами несоизмѣримыми одна съ другою, а между тѣмъ уже въ 1-й главѣ говорится объ „отношеніи двухъ несоизмѣримыхъ прямыхъ“ (§ 54, стр. 22) и утверждается, что „отношеніи между такими прямыми нельзя опредѣлить совершенно точно“ [что, однако, не вѣрно: отношеніе, на примѣръ, діагонали квадрата къ его сторонамъ выражается совершенно точно числомъ $\sqrt{2}$ и т. под.]; затѣмъ, теоремы о пропорціональныхъ линіяхъ, углахъ и т. п. доказываются какъ для случая взаимной соизмѣримости данныхъ линій или угловъ и т. п., такъ и для случая несоизмѣримости. Очевидно, что всѣ такіа доказательства, основанныя на неразъясненномъ по-

нѣти объ отношеніи между двумя несоизмѣримыми одна съ другою величинами, не выдерживаютъ критики.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ, есть и другіе недостатки въ разсматриваемой книгѣ; не упомянуто, напримѣръ, о существованіи симметрическихъ многогранныхъ угловъ; въ доказательствѣ равенства прямыхъ призмъ, имѣющихъ равныя основанія и высоты, не удачно сказанное о совмѣщеніи такихъ призмъ „если мы совмѣстимъ нижнія основанія“, ибо упущенъ изъ виду случай симметріи равныхъ призмъ призмъ или, вообще, такого положенія ихъ въ пространствѣ, при которомъ совмѣщеніе призмъ достигается совмѣщеніемъ *не нижнихъ, а разноименныхъ основаній*, и т. п. Вообще, геометрія эта есть весьма неудачное сокращеніе составленнаго тѣми же авторами (А. Малининимъ и Ѳ. Егоровымъ) руководства для гимназій, реальнхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. Рецензія объ этомъ послѣднемъ была напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (въ апрѣльской книгѣ 1887 года). Авторы не только не воспользовались указаніями той рецензіи и не исправили ни одного изъ упомянутыхъ въ ней недостатковъ ихъ книги, но и ввели въ свой прежній и довольно удовлетворительный трудъ такіа сокращенія и измѣненія, которыя нельзя назвать иначе какъ искаженіями.

Учебникъ начальной геометріи. Сокращенный курсъ. Составилъ М. З. Штенко. С.-Пб. 1890.—Стр. XII + 166. Цѣна 90 коп.

Названная книга не имѣетъ такихъ вѣснхъ достоинствъ, которыя бы давали поводъ предпочесть ее другимъ краткимъ учебникамъ геометріи, находящимся въ употребленіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, а обиліе неудачныхъ и неточныхъ выраженій и доказательствъ свидѣтельствуетъ о недостаточной ея разработанности. Напримѣръ:

На стр. 10-й говорится относительно отрѣзка равнаго 4 AC или 4a, что этотъ отрѣзокъ „можно разсматривать какъ произведеніе отрѣзка a, или AC, помноженнаго на 4“ (то-есть, произведеніе четырехъ AC—на какого же множителя?)

На слѣдующей страницѣ сказано: „Неопредѣленная по длинѣ (?) часть плоскости, часто только подразумеваемой (?), заключенная между двумя прямыми линіями, выходящими изъ одной точки, называется плоскимъ прямолинейнымъ угломъ“, а далѣе слѣдуетъ такое примѣчаніе: „Прямолинейный уголъ для краткости будемъ называть просто угломъ“. Предварительно говорилось только о плоскомъ при-

молинейномъ углѣ, а въ примѣчаніи уже вообще о прямолинейномъ; слѣдовательно, къ послѣдней категоріи (то-есть, къ *просто угламъ*) авторъ причисляетъ и такой, напримѣръ, уголъ какъ не развернутый *комическій*, образуемый двумя производящими поверхности.

Доказательство теоремы: „Два угла смежные, если имѣютъ общую вершину, общую сторону, и если сумма ихъ равна $2l^{\circ}$ “ (стр. 19—20)—занимаетъ, включая схему, 21 строку, тогда какъ могло-бы быть изложено весьма просто и ясно въ двухъ или трехъ строкахъ.

Еще болѣе не удачно изложеніе (на стр. 24—25) доказательства теоремы: „Параллельныя прямыя образуютъ съ сѣкущею внутренніе накрестъ-лежащія углы равныя“.

Совершенно излишне сказано на стр. 18-й: „прямыя линіи, образующія при встрѣчѣ (при встрѣчѣ съ кѣмъ?) косые углы, очевидно, *наклонны между собою*“, послѣ того какъ на предыдущей страницѣ было уже сказано, что „прямыя, образующія при встрѣчѣ неравные смежные углы, называются наклонными одна къ другой“. При томъ, выраженіе „*наклонны между собою*“ не удачно.

Излишне также слѣдствие: „въ треугольникѣ не можетъ быть болѣе одного прямого или тупаго угла“, выведенное на стр. 31-й изъ теоремы о суммѣ угловъ треугольника, послѣ того какъ на стр. 29-й была уже доказана теорема: „треугольникъ можетъ имѣть только одинъ прямой или тупой уголъ“.

О несоизмѣримыхъ линіяхъ сказано (стр. 82), что „точного отношенія несоизмѣримыхъ линій найдти не возможно“, и не только не разъясненъ смыслъ термина „*отношеніе несоизмѣримыхъ линій*“, но и не приведено ни одного примѣра, подтверждающаго существованіе такихъ линій.

Въ числѣ задачъ есть такая (стр. 106): „Черезъ концы хорды, дѣлящей окружность въ отношеніи 1 5, провести касательную...“ (то-есть, требуется провести касательную къ окружности чрезъ двѣ точки той же окружности?)

Можно-бы привести много примѣровъ подобныхъ промаховъ, но еще существеннѣе слѣдующіе два недостатка разсматриваемой книги:

1) Порядокъ избранъ такой. Послѣ предварительныхъ понятій о линіяхъ, углахъ и т. п., изложены теоремы о параллельныхъ линіяхъ; затѣмъ слѣдуютъ: глава III—о треугольникахъ, ихъ равенствѣ и т. п., глава IV—взаимная величина перпендикуляра и наклонныхъ а также параллельныхъ отрѣзковъ, глава V—о кругѣ (о линіяхъ углахъ въ кругѣ и т. п.), глава VI—о многоугольникахъ, оканчи-

входящая теоремами объ основныхъ свойствахъ трапеціи, параллелограмма, ромба и т. п., глава VII — „вписанные и описанные (?) треугольники и многоугольники“. Эти семь главъ занимаютъ почти половину книги—80 страницъ, а вся остальная часть планиметріи и стереометріи 85 страницъ. Если такой порядокъ, не удовлетворительный въ систематическомъ отношеніи, былъ избранъ авторомъ для упрощенія и сокращенія изложенія, то такая цѣль не была достигнута: объемъ семи начальныхъ главъ не только чрезмѣренъ, сравнительно съ объемомъ всѣхъ остальныхъ отдѣловъ книги, но и былъ бы недостаточенъ уже не для сокращеннаго, а полнаго систематическаго изложенія перечисленныхъ статей. О неполнотѣ содержанія можно составить понятіе по отсутствію, напримѣръ, теоремы о равенствѣ треугольниковъ, имѣющихъ по двѣ равныя стороны, одна одной и другая другой, и по равному углу, противолежащему большей изъ этихъ сторонъ.

2) Въ своемъ „Предисловіи“ авторъ говоритъ, что курсъ его „изложенъ строго научно, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ должна бы быть примѣнена теорія предѣловъ“; между тѣмъ онъ не приводитъ безъ доказательства (то-есть, каждаго доказательства) ни одной изъ теоремъ, требующихъ, для своего доказательства, знанія теоріи предѣловъ. Въ результатѣ оказывается, что таковыя доказательства, не только не удовлетворительны въ отношеніи полноты и строгости, но и содержатъ даже ложныя утвержденія, примѣромъ которыхъ можетъ служить сказанное на страницѣ 102—103:

„Сдѣлавъ безконечно большое число удваиваній, мы будемъ какъ угодно близки къ истинѣ, принявши x за нуль при дугѣ $a)0^\circ$. Подразумѣвается удваиваніе числа сторонъ вписаннаго въ кругъ правильнаго многоугольника и рѣчь идетъ о равенствѣ $\frac{\text{дуга } a-x}{\text{хорда } a} = 1$, гдѣ хорда a —сторона вписаннаго многоугольника, дуга a соотвѣтствуетъ этой сторонѣ, x —разность между дугою a и хордою a .

Нѣкоторыя частности въ разсматриваемой книгѣ заслуживаютъ полнаго одобренія; примѣромъ таковыхъ можетъ служить весьма удачно, какъ по плану, такъ и по исполненію, доказательство теоремы о равновеликости пирамидъ, имѣющихъ равновеликія основанія и равныя высоты (стр. 156—160). Это даетъ право заключить, что еслибы авторъ не поспѣшилъ изданіемъ, а тщательно разработалъ-бы планъ краткаго курса геометріи и всѣ детали выполненія, то могъ-бы составить удовлетворительное руководство.

Начальный учебник физики и химии. Составили А. Л. Корольковъ и П. Т. Матюшенко. Съ 290 рисунками въ текстѣ. Киевъ. 1891. Стр. VI+298. Цѣна 1 р. 50 к.

Одинъ изъ авторовъ новаго учебника физики, г. А. Корольковъ, пользуется весьма заслуженною извѣстностью, какъ переводчикъ „Теоріи теплоты“ Клерка Максвелла и какъ авторъ множества критическихъ и иныхъ статей, появившихся въ *Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики*. Съ большимъ любопытствомъ мы узнали, что строгій критикъ самъ взялся за составленіе учебника физики, и мы приступили къ чтенію съ увѣренностью, что найдемъ книгу хорошую. По чтеніе это, даже при самомъ придирчивомъ къ ней отношеніи, обнаружилось, что книга по своимъ качествамъ далеко превосходитъ все, что мы могли ожидать, что она далеко оставляетъ за собою огромное большинство извѣстныхъ намъ русскихъ и иностранныхъ учебниковъ физики. Мы кончили чтеніе книги, съ одной стороны, съ чувствомъ величайшей радости, что русская педагогическая литература обогатилась такимъ прекраснымъ вкладомъ, и съ другой—съ чувствомъ искренней досады, чуть не грусти, что книга по содержанию не достаточно подходитъ къ программамъ преподаванія физики въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Отмѣтимъ тотчасъ же наиболее выдающуюся черту новаго учебника: это—замѣчательное соединеніе смелости и даже элементарности изложенія съ самою строгою научностью,—качества, такъ рѣдко встрѣчающіяся въ учебникахъ физики, авторы которыхъ обыкновенно излагаютъ точныхъ опредѣленій такихъ понатій, какъ напримѣръ: масса, сила, центробѣжная сила, электровозбудительная сила и т. д., или замѣняютъ ихъ опредѣленіями не точными или прямо не вѣрными. Авторы новаго учебника смѣло ввели строго научныя опредѣленія и сдѣлали это образцово. Прибавимъ сюда ясность изложенія, прекрасный выборъ матеріала и чрезвычайную простоту и наглядность дѣлага ряда своеобразныхъ выводовъ. Книга раздѣлена на 13 главъ. Первая, введеніе, трактуетъ объ измѣреніи длины и поверхности, объ измѣненіяхъ формы тѣлъ, о трехъ состояніяхъ тѣлъ и объ измѣреніи объемовъ. Глава II посвящена ученію о движеніи и о силахъ. Затѣмъ, три главы (III—V) трактуютъ о тѣлахъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, а глава VI—о тепловыхъ явленіяхъ. Глава VII—соотношенія между тепловыми и механическими явленіями—это просто *chef d'oeuvre*. На немногихъ страницахъ авторъ (г. Корольковъ) сумѣлъ высказать сущность дѣла

и даже дать вычисленіе механическаго эквивалента теплоты. Въ этой же главѣ находимъ изложеніе современнаго ученія о циклонахъ. Глава VIII, занимающая 42 страницы, посвящена ученію о химическихъ явленіяхъ и, наконецъ, послѣднія пять — звуку, свѣту, магнетизму, электричеству и гальваническому току.

Ошибокъ противъ научной истины мы въ книгѣ не нашли, если не считать утвержденія на стр. 55-й, что прилипаніе другъ къ другу шлифованныхъ стеклянныхъ пластинокъ объясняется дѣйствіемъ частичныхъ силъ. Пришлось быть весьма придирчивымъ, чтобы открыть слѣдующія мелкія источники:

Стр. 2. „Во всѣхъ западныхъ государствахъ принята десятичная система мѣръ“; Англія ея не приняла.

Стр. 3. „Такія тѣла, какъ металлы, дерево, камень и проч. называются твердыми тѣлами“, но вѣдь ртуть — тѣло жидкое.

Стр. 154. Оттѣпокъ объясняется добавочными гармоническими тонами; добавочные тона могутъ быть и не гармоническими.

Неудачныхъ выраженій весьма мало но, напримѣръ, на стр. 26: „Ускореніе силъ“.

Еще дальнѣйшему улучшенію могли бы подвергнуться слѣдующія мѣста:

На стр. 36, говоря о равновѣсіи двухъ силъ, слѣдовало бы сказать о томъ, что обѣ силы должны лежать въ одной плоскости.

На стр. 39 упущено указаніе, что положеніе центра тяжести не зависитъ отъ положенія тѣла, вслѣдствіе чего способъ опредѣленія этой точки (стр. 40) остается неяснымъ.

На стр. 82 приведенъ неудачный числовой примѣръ для уясненія закона охлажденія тѣлъ; слѣдовало взять періоды не въ 5 минутъ, а въ одну или нѣсколько секундъ.

На стр. 172 и 174 говорится, что чечевицу можно себѣ представить какъ бы составленною изъ призмъ, что можетъ показаться неяснымъ.

На стр. 201 болѣе серьезный недосмотръ: упоминается о взаимномъ уничтоженіи двухъ электричествъ, хотя раньше объ этомъ явленіи ничего не было сказано.

На стр. 207 дано нѣсколько причудливое объясненіе образованія электрической искры.

На стр. 219 дано странное и не нужное на этомъ мѣстѣ объясненіе преимуществъ большаго элемента (на стр. 226 дано объясненіе вѣрное).

Опечатокъ очень мало. На стр. 16 досадная опечатка: „силъ“, вмѣсто „массъ“; на стр. 169 напечатано QOL вмѣсто POL'.

Чертежи удовлетворительны; нѣкоторые, напримѣръ, фиг. 89 на стр. 63, не дурно было бы замѣнить болѣе ясными. На фиг. 193 (стр. 170) помѣщены четыре стрѣлки, значеніе которыхъ не понятно.

Упомянутыя мелкія неточности нисколько не умаляютъ достоинствъ учебника.

Какъ на мѣста, въ которыхъ особенно ярко выразилось стремленіе авторовъ держаться строго научныхъ опредѣленій, укажемъ на статьи о метрѣ (стр. 2), объ инерціи (стр. 7), о массѣ (стр. 8), о центрально-обѣдной силѣ (стр. 28), о волосности (стр. 56), объ удѣльномъ нѣтъ газовъ (стр. 69), множество статей, въ которыхъ говорится о работѣ объ электровозбудительной силѣ (стр. 216) и т. д., и т. д.

Особенно выдаются, кромѣ упомянутой уже всей главы VII, изслѣдованіе законовъ свободнаго паденія и дѣйствія силъ на машинѣ Атвуда (стр. 11—16), ученіе объ ударѣ тѣлъ (стр. 44), все главы о химическихъ явленіяхъ и многое другое.

Не смотря на малый объемъ учебника, въ немъ затронуты почти все вопросы—хотя иногда и очень кратко,—изложеніе которыхъ желательнѣе въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Жаль, что совсѣмъ опущенъ сферическій анализъ.

Замѣтимъ, что авторы нигдѣ не пользуются ни алгеброю, ни тригонометріею.

Относительно вопроса, могутъ ли учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія воспользоваться книгой гг. Королькова и Матюшенка, мы съ одной стороны скажемъ: дай Богъ, чтобы все молодые люди, кончающіе наши гимназіи, знали все то, что изложено въ этой книгѣ; съ другой—она все-таки слишкомъ кратка: многіе вопросы принято трактовать въ гимназіяхъ подробнѣе. Кромѣ того, ученіе о движеніи и о силахъ поставлено впереди учебника; болѣе подробнаго разбора вопросовъ о движеніи совсѣмъ нѣтъ, какъ нѣтъ и плавкихъ или почти никакихъ формулъ.

Допустить книгу, какъ учебникъ, значило бы сильно понизить уровень нѣтъ преподаваемого курса физики. Не обнаружится ли при этомъ столь же сильное повышеніе фактическаго знанія физики кончающими гимназію,—особенно если преподаватель отъ себя прибавитъ необходимыя дополненія,—это еще вопросъ.

Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній для младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ подстрочнымъ словаремъ. Составилъ Артуръ Экмъ, преподаватель Ростовской-на-Дону классической гимназіи. Дерптъ. 1891. Стр. 82. Цѣна 50 коп.

Заучиваніе наизусть нѣмецкихъ стихотвореній не можетъ, да и не должно занимать въ курсѣ преподаванія нѣмецкаго языка въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ столь важнаго мѣста, чтобы для такихъ занятій нуженъ былъ особый сборникъ стихотвореній, въ родѣ предлагаемаго г. Эккомъ. Всякая хрестоматія, помимо прозаическихъ статей, содержитъ въ достаточномъ количествѣ и стихотворенія, такъ что нѣтъ надобности обременять учениковъ приобрѣтеніемъ лишняго учебнаго пособія. Съ такимъ неудобствомъ можно было бы помириться лишь въ томъ случаѣ, еслибы выборъ стихотвореній былъ особенно удаченъ, чего нельзя сказать относительно разсматриваемаго сборника. Правда, въ числѣ 74 предлагаемыхъ стихотвореній есть много по своему объему, простотѣ изложенія и доступности содержанія соответствующихъ той цѣли, для которой они назначаются составителемъ, — заучиванія наизусть учениками младшихъ классовъ. Такого рода преимущественно стихотворенія, помѣщенныя въ началѣ книги; но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе въ нихъ преобладаетъ какое-то угрюмое даже мрачное настроеніе, дѣлающее эти произведенія и не понятными для дѣтей, и не пригодными для педагогическихъ цѣлей. Укажемъ между прочимъ на слѣдующія: 33. Der Wanderer in der Sägemühle, Юстинуса Кернера; 49. Die drei Kreuze, Финке; 60. Das Kind der Sorge, Гердера; 69. Die Löwenbraut, Шамиссо; 70. Unter Palmen, Фрейлграта, и 73. Des Fremdlings Abendlied, Шмидта фовъ-Любекъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I. СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ ВЪ 1890 ГОДУ ¹⁾.

1890 годъ ознаменовался для Кіевского учебнаго округа радостнымъ событіемъ — посѣщеніемъ Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ, Государыней Императрицей и Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великою Княжною Ксенією Александровною и другими членами Августѣйшаго Дома—Волинской губерніи въ концѣ августа, во время происходившихъ тамъ большихъ военныхъ маневровъ. Это событіе болѣе всего радостно для Ровенскаго реальнаго училища, которое было осчастливлено тѣмъ, что Его Императорское Величество изволило избрать его мѣстомъ Своего пребыванія. Къ принятію Августѣйшихъ Гостей по распоряженію г. попечителя, тайнаго совѣтника В. В. Вельяминова-Зернова, какъ самое зданіе Ровенскаго реальнаго училища, такъ и прочія училищныя зданія, были заблаговременно приведены въ надлежащій видъ подъ наблюденіемъ окружнаго архитектора Чекмарова. Государь Императоръ, Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна изволили имѣть пребываніе въ главномъ зданіи училища, а свита Ихъ Величествъ—въ зданіи, называемомъ „Оранжерей“, и другихъ флигеллахъ училища, а также во

---

¹⁾ Извлечено изъ „Отчета попечителя Кіевского учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1890 годъ“ (Кіевъ, 1890).

временныхъ помѣщеніяхъ, построенныхъ тѣмъ же архитекторомъ по порученію придворнаго вѣдомства.

28-го августа въ 8 часовъ утра Государь Императоръ изволилъ прибыть въ г. Луцкъ. На платформѣ желѣзной дороги г. Почетитель удостоился счастья представиться Ихъ Императорскимъ Величествамъ вмѣстѣ съ прочими главными членами управленія края. Съ платформы Ихъ Величества прослѣдовали въ соборъ, гдѣ въ ожиданіи ихъ прибытія въ оградѣ собора размѣщены были учащіе и учащіяся всѣхъ училищъ, участвовавшихъ во встрѣчѣ, а именно: Владиміро-Волинскихъ городскаго и начального еврейскаго, Луцкаго двухкласснаго городского, 11 сельскихъ народныхъ, а также ученицы Луцкаго и Владиміро-Волинскаго городскихъ двухклассныхъ училищъ и Луцкаго частнаго женскаго 2-го разряда г-жи Бурдымовой; всѣхъ учащихся было на лицо свыше 800 человекъ. Въ тотъ же день Ихъ Величества изволяли отбыть изъ Луцка въ Ровно. Въ ожиданіи прибытія Ихъ Величествъ, къ 4-мъ часамъ по полудни ученики Ровенскаго реальнаго, начального еврейскаго и приходскаго училищъ, подъ начальствомъ помощника почетителя графа Мусина-Пушкина, директора и всѣхъ служащихъ въ училищахъ преподавателей, завали указаннымъ мѣста возлѣ зданія училища, и, когда экипажъ Государя Императора и Государыни Императрицы показался изъ-за угла Директорской улицы, на которой находится реальное училище, ученики загляли народный гимнъ, а когда экипажъ поровнялся съ учениками, дѣти привѣтствовали Царя и Царицу радостными кликами ура. 28-го августа Ихъ Величества изволили отбыть въ г. Дубно, гдѣ на платформѣ станціи желѣзной дороги встрѣчены были г. почетителемъ съ полиціемъ штатомъ учащихся и учащихся, конкъ было свыше 300 человекъ изъ слѣдующихъ училищъ: двухъ Дубенскихъ городскихъ двухклассныхъ мужскаго и женскаго, Рачинскаго, Стромилловскаго и Семидубскаго, — при чемъ при подходѣ Императорскаго поезда дѣти исполнили народный гимнъ. 29-го августа, когда Ихъ Императорскія Величества прибыли на станцію „Озеряны“, были встрѣчены пѣніемъ народнаго гимна, исполненнымъ соединенными ученическими хорами; Ихъ Величества вышли изъ вагона и подошли къ ученицамъ; одна изъ нихъ, Ковтунова, поднесла Ея Величеству букетъ изъ бѣлыхъ розъ. Того же 29-го числа, при проѣздѣ Ихъ Величествъ изъ Озерянъ въ м. Варковичи, Ихъ Величества были встрѣчены въ м. Варковичахъ учениками Варковичскаго, Мирогощанскаго, Глинскаго, Подцурковскаго, Молодовскаго, Ульбаровскаго,

Грушвицкаго и Подгайскаго училищъ, собравшихся подъ наблюдениемъ инспектора народныхъ училищъ въ числѣ до 500 человекъ и спѣвшихъ народный гимнь. 30-го августа, въ церкви Ровенскаго реальнаго училища, въ присутствіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника и другихъ членовъ Августѣйшаго Дома, епископомъ Волинскимъ Модестомъ отслужено молебствіе и божественная литургія, при чемъ во время богослуженія въ церкви, кромѣ архіепископскаго, пѣлъ хоръ, составленный изъ учениковъ Ровенскихъ реальнаго и приходскаго училищъ. Въ тотъ же день въ семь часовъ вечера, съ соизволенія Ихъ Императорскихъ Величествъ, прибылъ въ Ровно къ зданію реальнаго училища ученической оркестръ Здобуновскаго двухкласснаго сельскаго училища, въ составѣ 19 мальчиковъ и дѣвочекъ, который имѣлъ счастье исполнить въ Высочайшемъ присутствіи нѣсколько пьесъ, а въ 10 часовъ вечера за городомъ былъ сожженъ въ присутствіи Ихъ Величествъ фейерверкъ, на которомъ присутствовали ученики реальнаго училища. 1-го сентября, согласно Высочайшей волѣ, выраженной Ея Императорскимъ Величествомъ, въ Ровно прибыли, въ сопровожденіи директора Острожской прогимназіи Горкунова, начальницы Острожскаго графа Д. Н. Влудова женскаго училища Доброправовой и нести классныхъ дамъ, воспитанницы женскаго графа Д. Н. Влудова училища въ числѣ 52 дѣвочекъ и ученики крестьянскаго при Острожской прогимназіи пансіона въ числѣ 20 мальчиковъ. По прибытіи въ Ровно, ученикамъ и ученицамъ прислапо было въ вагонѣ, гдѣ почивали дѣти, отъ Ея Величества Государыни Императрицы угощеніе. На слѣдующій день утромъ ученица передъ обѣдомъ, въ присутствіи г. попечителя и его помощника, директора Горкунова и начальницы Доброправовой, представлялись Ихъ Величествамъ, при чемъ были осчастливлены милостивымъ принятіемъ хлѣба и соли и иконъ — Государю Императору Нерукотвореннаго Спаса, Государынѣ Императрицѣ и Государю Наслѣднику Цесаревичу — образомъ преподобнаго Оеодора князя Острожскаго и Великой княжнѣ Ксеніи Александровнѣ — образа Почаевской Божіей Матери; тогда же ученицами училища графа Д. Н. Влудова была поднесена Ихъ Величествамъ вышитая цвѣтами бархатная салфетка, а Ея Высочеству Великой Княжнѣ вышитая подушка. Затѣмъ воспитанницы присутствовали на божественной литургіи въ дворцовой церкви, гдѣ пѣлъ опять ученической хоръ Ровенскаго реальнаго училища. При отъѣздѣ Ихъ Величествъ изъ дворца на парадѣ, воспитанники пансіона и воспитанницы пропѣли народный гимнь и про-

подми Царя и Царину восторженными ура; затѣмъ, отъ имени Ихъ Величествъ воспитанницамъ училища было предложено во дворцѣ угощеніе и чай. Въ 5 часовъ 2-го сентября, когда Ихъ Императорскія Величества изволили совсѣмъ отбывать изъ г. Ровно, на вокзалѣ г. нонечитель, вмѣстѣ съ прочими начальствующими лицами имѣлъ счастье откланяться Ихъ Величествамъ, а выведенные на платформу ученики реального училища громкимъ ура прощались съ отъѣзжающими Высочими Гостями.

Въ 1890 году всѣхъ гимназій и прогимназій состояло въ Киевскомъ Округѣ 23, въ томъ числѣ 17 гимназій: 4 Киевскія, Киево-Печерская, Бѣлоцерковская, Златопольская, Житомирская, Каменецъ-Подольская, Немировская, Полтавская, Лубенская, Прилуцкая, Черниговская, Нѣжинская, Новгородсѣверская и Глуховская и 6 прогимназій, а именно: Острожская, Черкаска, Уманская, Житомирская, Стародубская и Суражская. Пансіоны существуютъ при гимназіяхъ: Киевской 1-й, Златопольской и Лубенской, и кромѣ того имѣются двѣ общія квартиры—при Киевской 2-й гимназій и Острожской прогимназій. Всѣ гимназій восьмиклассныя, такъ какъ Глуховская гимназія, преобразованная въ 1889 году изъ шестиклассной прогимназій, достигла въ отчетномъ году восьмикласснаго состава; изъ прогимназій же Острожская и Уманская—шестиклассныя, а 4 прочія—четыреклассныя. Общее число нормальныхъ, параллельныхъ и подготовительныхъ классовъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Округа 333; кромѣ нормальныхъ классовъ, параллели существуютъ въ 10 гимназіяхъ, и въ концѣ отчетнаго года ихъ было 53, а распредѣлялись онѣ между 10 гимназіями слѣдующимъ образомъ: Киевская 1-я, Киевская 2-я и Житомирская имѣютъ по 8 параллелей, то-есть, всѣ классы въ двойномъ составѣ; Киевская 3-я—6, Немировская и Каменецъ-Подольская—по 5; Черниговская—4, Киевская 4-я, Полтавская и Бѣлоцерковская—3; подготовительные классы имѣются при 14 гимназіяхъ и 4 прогимназіяхъ, при чемъ въ гимназіяхъ Прилуцкой и Новгородсѣверской и прогимназій Суражской онѣ вновь открыты въ отчетномъ году.

Къ концу отчетнаго года въ фундаментальныхъ бібліотекахъ всѣхъ гимназій и прогимназій Округа состояло 77.836 названій въ 176.351 томахъ; въ бібліотекахъ ученическихъ — 17.846 названій въ 37.000 томахъ. На пополненіе первыхъ израсходовано 9.080 р. 10 к., а на пополненіе вторыхъ—3.643 р. 16 к. Наибольше богатыя числомъ книгъ, фундаментальныя бібліотеки принадлежатъ гимназіямъ: Житомирской

(7.413 названій въ 17.095 томахъ), Новгородсѣверской (6.269 названій при 14.497 томахъ) и Полтавской (5.388 названій при 14.315 томахъ), затѣмъ въ бібліотекахъ 7 гимназій имѣется названій свыше 4.000, въ 3 — свыше 3.000, въ 3 — свыше 2.000 и лишь въ Кіево-Печерской гимназіи фундаментальный отдѣлъ бібліотеки не достигаетъ 1.000 названій (781 при 1.950 томахъ); изъ прогимназическихъ фундаментальныхъ бібліотекъ полнѣе другихъ Стародубская (2.082 названія въ 3.078 томахъ), а самая бѣдная — Острожская (519 названій въ 1.288 томахъ); въ остальныхъ 4 — названій находится свыше 1.000. Изъ ученическихъ бібліотекъ наиболѣе богатыя числомъ книгъ принадлежатъ гимназіямъ: Кіевской 2-й (2.037 названій при 4.972 томахъ) и Житомирской (1.979 названій при 3.180 томахъ); далѣе слѣдуютъ гимназіи: Нѣжинская, Полтавская и Златопольская (въ каждой болѣе 1.000 названій); въ гимназіяхъ же Прилукской и Кіево-Печерской ученическія бібліотеки содержатъ менѣе 500 названій. Изъ числа прогимназій выше 500 названій имѣютъ бібліотеки Стародубская и Житомирская, а четыре остальные — ниже этой цифры; въ томъ числѣ въ Суражской прогимназіи всего 236 названій при 541 томѣ. Въ физическихъ кабинетахъ, книги снабжены всѣ 17 гимназій и двѣ прогимназіи — Острожская и Уманская, состояло къ концу отчетнаго года инструментовъ и приборовъ 4.757, изъ которыхъ въ течение года приобрѣтено — 168. Пополняли свои кабинеты 8 гимназій и 1 прогимназія, на чтѣ израсходовано было ими 1.922 р. 21 к. Кабинеты естественныхъ наукъ имѣются въ 13 гимназіяхъ, и общее число находящихся въ нихъ предметовъ къ концу отчетнаго года было 12.704; въ томъ числѣ вновь приобрѣтенныхъ за годъ 413. Прочихъ учебныхъ пособій по всѣмъ заведеніямъ числилось 12.205 и вновь приобрѣтенныхъ изъ нихъ было 682 пособія.

На содержаніе всѣхъ 23 гимназій и прогимназій поступило въ отчетномъ году 1.029.279 р. 19 к., — болѣе, чѣмъ въ предыдущій годъ на 28.713 р. 77½ к. (1.000.565 р. 41½ к.). Главные источники поступленій были слѣдующіе: изъ государственнаго казначейства — 522.043 р. 33 к., то-есть, 50,7% общей суммы поступленій, сумма сбора за ученіе — 285.782 р. 6 к., или 27,7%, и сбора за содержаніе пансіонеровъ — 82.331 р. 27 к., или 8%; затѣмъ остальныя поступленія были таковы: проценты съ капиталовъ — 33.980 р. 32 к., изъ суммъ земства — 25.623 р. 47 к., городскихъ обществъ и приказовъ общественнаго призрѣнія — 24.647 р. 34 к., пожертвованій разныхъ обществъ и частныхъ лицъ — 23.475 р. 82 к., изъ разныхъ

источниковъ поступило 30.752 р. 71 к. и изъ суммъ дворянства — 642 р. 47 к., идущіе собственно на Киевскую 2-ю гимназію; на средства же земствъ и городскихъ обществъ (47.320 р. 91 к.), съ пособіемъ отъ казны (64.337 р. 83 к.) содержатся 3 гимназіи — Лубенская, Прилукская и Глуховская и 3 прогимназіи — Черкасская, Стародубская и Суражская. Наибольшая цифра назначенія изъ суммъ государственнаго казначейства приходится на Нѣжинскую гимназію — 40.825 р. 30 к., вслѣдствіе существующихъ въ ней стипендій Его Величества Государя Императора и казенныхъ. Общая сумма расходовъ за отчетный годъ на всѣ 23 училища выражается цифрой 1.001.092 р. 46 к., болѣе тѣмъ въ предыдущемъ году на 43.972 р. 35 к. (957.120 р. 11 к.). Главные расходы составляютъ: содержаніе личнаго состава — 563.939 р. 36 к., то-есть, 56,3% общей суммы. — расходы на наемъ помѣщеній, ремонтъ и содержаніе зданій — 116.617 р. 94 к., или 11,6%, содержаніе параллельныхъ классовъ — 95.274 р. 82 к., или 9,5%; затѣмъ составляютъ: сумма стипендій и пособій учащимся — 3,7%, награды и денежные пособія служащимъ лицамъ — 2,3%, канцелярскія принадлежности съ жалованіемъ писмоводителямъ — 1,9%, санитарная часть съ жалованіемъ врачамъ — 0,9%; въ прочіе расходы, составляющіе цифру 111.590 р. 66 к. или 11%, входятъ, кромѣ отчисленій въ министерство и округъ, расходы переходящихъ суммъ и различнаго рода единовременныхъ затратъ; такъ, сюда отнесены расходы на сооруженіе зданія для помѣщенія Уманской прогимназіи, въ отчетномъ году законченнаго постройкой. При 13 гимназіяхъ есть свои церкви, и въ отчетномъ году расходъ по этой статьѣ составлялъ 6.275 р. 44 к.; наибольшій изъ нихъ былъ сдѣланъ въ Киевской 2-й, именно на 950 р., въ пяти гимназіяхъ траты были выше 600 р., а самый малый расходъ, не превышающій 45 р., произведенъ былъ въ гимназіи Глуховской, которая имѣетъ общую церковь съ состоящимъ въ Глуховѣ учительскимъ институтомъ.

Средняя стоимость обученія 1 ученика составляла въ 1890 году 119 р. 47 к. (ниже на 17 к. предыдущаго года); въ отдѣльности въ гимназіяхъ она равнялась 113 р. 13 к., а въ прогимназіяхъ — 177 р. 97 к. Плата за ученіе существуетъ различная по училищамъ, но въ каждомъ одинакова какъ для основныхъ, такъ и для приготовительныхъ классовъ и параллельныхъ отдѣленій; въ отчетномъ году она взымалась въ слѣдующихъ размѣрахъ: по 60 р. въ двухъ гимназіяхъ: Киевской 1-й и Киевской 2-й; 56 р. въ одной гимназіи — Киевской 3-й

по 50 р. въ шести гимназіяхъ: Кіевской 4-й, Кіево-Печерской, Немировской, Каменецъ-Подольской, Черниговской, Полтавской и въ одной прогимназіи — Уманской; по 40 р. во всѣхъ остальныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Всего сбора за ученіе во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ поступило въ 1890 году 285.782 р. 6 к. Размѣры ежегодной платы въ пансіонахъ таковы: въ Кіевской 1-й — 360 р. и одновременно при поступленіи—70 р., въ Кіевской 2-й — 260 р. и одновременно при поступленіи—40 р., въ Златопольской—250 р. и одновременно—50 р. (плата повышена на 10 р. съ отчетнаго года). въ Лубенской—280 р. и одновременно — 40 р. Общія сумма сборовъ за содержаніе пансіонеромъ была 82.331 р. 27 к.

Спеціальныя средства гимназій и прогимназій съ остатками содержанія состояли къ 1-му января 1891 года изъ 570.516 руб. 12¹/₄ к.; три четверти этой суммы составляютъ пожертвованныя разными общественными учрежденіями и частными лицами капиталы, а именно: 371.273 р. 2¹/₂ к., изъ коихъ 5.762 р. 47 к. принадлежатъ 4-мъ прогимназіямъ, кромѣ Стародубской и Суражской, и 365.510 р. 55¹/₂ к.—всѣмъ гимназіямъ, кромѣ Немировской и Новгородсѣверской; сюда же входятъ сбереженія изъ спеціальныхъ средствъ гимназій и прогимназій—16.314 р. 76¹/₂ к. и не израсходованная сумма изъ назначеній государственнаго казначейства, каковыхъ было въ 1890 году 14.535 р. 49 к. Важнѣйшія пожертвованія, сдѣланныя въ 1890 году, были слѣдующія: почетный попечитель Вѣлоцерковской гимназіи содержалъ на свои средства общую квартиру, въ которой проживало 26 учениковъ; почетные попечители гимназій: Кіевской 2-й—Ө. А. Терещенко, Кіевской 3-й — А. П. Терещенко и Кіево-Печерской—г. Меринычъ внесли по 1.000 р. на нужды заведеній; почетный попечитель гимназій Златопольской и прогимназій Черкасской графъ А. А. Вобрипскій внесъ на нужды этихъ заведеній по 300 р. Л. Бродскій пожертвовалъ на постройку зданія для Златопольской гимназій 15.000 р. и 200 р. на оркестръ; почетный попечитель Глуховской гимназій П. А. Терещенко внесъ въ кассу общества вспоможенія недостаточнымъ учащимся 1.000 р., а земство израсходовало на ремонтъ зданія той же гимназій 1.146 р. 33 к.; въ Лубенской гимназій земство затратило на ремонты двухъ зданій—пансіона 3.000 р., и самой гимназій 1.850 р., и кромѣ того внесло въ ту же гимназію на ученической оркестръ 445 р.; въ Новгородсѣверской гимназій наследники К. Д. Ушинскаго внесли капиталъ въ 10.000 р. на образованіе двухъ стипендій его имени по 250 руб.

кажда; въ прогимназіи Житомирской баронъ де-Шодуаръ пожертвовалъ 3.000 р. на устройство церкви; въ Черниговской гимназіи въ уплату за недостаточныхъ учениковъ внесено 435 р. губернскимъ земствомъ и 1.239 р. 56 к. изъ суммъ дворянства; въ Полтавской гимназіи земство продолжало вносить 500 р. за учение десяти учениковъ; въ Стародубской прогимназіи почетный попечитель С. А. Ширай внесъ 600 р. и земство—200 р. въ уплату за недостаточныхъ учениковъ; Уманской прогимназіи пожертвовано на строительныя ея надобности г. Дитряхомъ 500 р., а еврейское общество г. Умани поставило вносить ежегодно 300 р. изъ корочнаго сбора для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ.

Почти при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа существуютъ общества вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ, дѣятельность коихъ выражается преимущественно въ уплатѣ за право ученія, а иногда въ снабженіи книгами и одеждой бѣднѣйшихъ учениковъ. Суммы расходовъ отдѣльныхъ обществъ различны: такъ, по гимназіямъ Кіевской 2-й, Немировской, Кіевской 3-й израсходовано было въ 1890 году свыше 1.000 р. по каждой; въ Полтавской, Вѣлоцерковской, Каменецъ-Подольской, Черниговской, Златопольской гимназіяхъ и въ Уманской прогимназіи — отъ 500 до 1.000 р., въ Кіевской 4-й, Глуховской, Новгородъ-Сѣверской—отъ 200 до 400 рублей.

Изъ 17 гимназій округа только одна не имѣетъ собственнаго зданія, именно Кіевская 4-я, которая помѣщается въ наемномъ домѣ съ уплатой за него по 5.000 р. въ годъ. Всѣ же прочія гимназіи, за исключеніемъ Златопольской имѣютъ болѣе или менѣе удовлетворительныя зданія, хотя въ большинствѣ гимназическихъ помѣщеній, за давностью ихъ сооруженія или вслѣдствіе увеличенія числа учащихся, замѣчаются нѣкоторыя существенныя неудобства, какъ то: отсутствіе вентилляціи, рекреационныхъ и въ особенности гимнастическихъ залъ. Въ этомъ отношеніи въ 1890 году улучшено помѣщеніе Немировской гимназіи постройкой каменнаго флигеля для квартиры инспектора, жившаго въ главномъ зданіи гимназіи, и освободившаяся его квартира перестраивается подъ рекреационный залъ и минельную. Что касается зданія Златопольской гимназіи, то недостатки его заключаются въ томъ, что это—деревянный домъ пожертвованный владѣльцами мѣстечка Златополя, Лоцукиними, въ 1836 г.; ветная годъ отъ году, зданіе это представляетъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ существенныя неудобства. Изъ 6 прогимназій округа собственныя зданія имѣли сперва только двѣ — Суражская

и Стародубская, а въ теченіе 1890 года къ нимъ присоединились еще двѣ: Уманская и Житомирская. Воплнѣ законченное нынѣ сооруженіемъ зданіе Уманской прогимназіи было освящено въ присутствіи г. попечителя 26-го сентября 1890 года, а прогимназія Житомирская была переведена въ зданіе бывшаго еврейскаго учительскаго института, принадлежавшее еврейскому обществу и приобретенное у него за 133.800 р., которые будутъ выплачиваться въ теченіе 33 лѣтъ безъ начета процентовъ на сумму стоимости дома по 4.000 р. въ годъ, каковая сумма составляла расходъ государственнаго казначейства на наемъ дома для помѣщенія прогимназіи. Во вновь приобретенномъ зданіи съ удобствомъ можетъ помѣщаться не только прогимназія, но и пансіонъ, который предположено открыть въ ближайшемъ будущемъ для учениковъ какъ прогимназіи, такъ и гимназій Житомирскихъ. Остальныя двѣ прогимпазіи помѣщаются пока во временныхъ помѣщеніяхъ, именно: Острожская прогимназія—въ зданіи учительской семинаріи, вслѣдствіе неимѣнія другаго помѣщенія послѣ опустошительнаго пожара, коему подвергся почти весь г. Острогъ 4-го іюня 1889 года, а Черкасская прогимназія — въ двухъ деревянныхъ домахъ, занимаемыхъ для нея городомъ, который хотя и обѣзался выстроить зданіе, но еще не привелъ въ исполненіе принятаго на себя обязательства. Такъ называемыхъ ученическихъ квартиръ, на которыхъ проживаютъ дѣти, не имѣющія въ городахъ, гдѣ обучаются, родителей или родственниковъ, состояло въ округѣ около 300, и лишь при нѣкоторыхъ гимназіяхъ живутъ на частныхъ квартирахъ значительное число учениковъ, какъ, напримѣръ, въ Немировѣ 249, то-есть, около 50%, на 45 квартирахъ, въ Каменецъ-Подольскѣ — 144 (38%) на 23 квартирахъ, Вѣлой-Церкви — 141 (40,4%) на 24 квартирахъ, Прилукахъ — 58 (31,3%) на 11, Глуховѣ—58 (30,8%) на 12 и Златополѣ—60 (28%) на 15 квартирахъ. Лучшая и самая большая частная квартира состоитъ при самой гимназіи Вѣлоцарковской; ее содержитъ на свои средства графъ Вранницкій, и въ 1890 году въ ней помѣщалось 26 учениковъ; нѣкоторое число учениковъ имѣется почти во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ у учителей, или у лицъ принадлежащихъ къ штату гимназій; плата съ такихъ питомцевъ, въ виду полнаго ихъ содержанія и надзора за ними, взимается нѣсколько выше, нежели съ проживающихъ на частныхъ квартирахъ. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ помѣщеній есть еще одна общая квартира при Киевской 2-й гимназіи и общежитіе крестьянскихъ дѣтей при прогимназіи Острожской, а изъ трехъ

пансіонать при гимназіяхъ, именно Лубенскій, помѣщается въ домѣ, находящемся подлѣ зданія гимназіи и пожертвованнаго для этой цѣли земствомъ. Три пансіона и общія квартира Киевской 2-й гимназіи содержатся на сумми сбора съ воспитанниковъ, а общежитіе при Острожской прогимназіи — на средства крестьянскаго сословія Острожскаго уѣзда.

Въ продолженіе 1890 года г. попечителемъ были посѣщены и обрѣзаны, кромѣ четырехъ Киевскихъ гимназій, еще Немировская, Житомирская, Полтавская и Лубенская и прогимназіи Уманская и Острожская, а помощникомъ попечителя многократно посѣщались Киевскія гимназіи и обрѣзана Прилукская. Ученическія квартиры, находящіяся подлѣ непосредственнымъ наблюденіемъ директоровъ, инспекторовъ и классныхъ наставниковъ, распредѣлившихъ между собой ближайшій надзоръ надъ ними, и благодаря неустойчивой бдительности, достигли въ нѣкоторыхъ городахъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ: такъ, директора гимназій Прилукской, Глуховской, а также Уманской прогимназіи, свидѣтельствуютъ о лучшей выдержкѣ и болѣе усѣбности учениковъ-квартирантовъ частныхъ, сравнительно даже съ тѣми, которые живутъ у родителей.

Особыми событіями въ жизни учащихся были въ 1890 году слѣдующія. Въ Стародубской прогимназіи, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи во время крушенія поѣзда на станціи Борки, сооружена была на добровольныя пожертвованія служащихъ въ прогимназіи икона, за что жертвователи имѣли счастье удостоиться всемілостивѣйшей Его Императорскаго Величества благодарности. 17-го октября икона была водворена въ актовомъ залѣ прогимназіи послѣ торжественнаго богослуженія и на послѣдовавшемъ затѣмъ актѣ произнесены были соответственныя рѣчи о. законоучителемъ, инспекторомъ и однимъ изъ преподавателей, а день закончился праздникомъ, который былъ устроенъ для учениковъ на средства почетнаго попечителя заведенія С. А. Ширая. Въ Лубенской гимназіи торжественнымъ событіемъ было открытіе пансіона, послѣдовавшее 1-го октября въ присутствіи г. попечителя, присутствовавшего до того, именно 27-го сентябрѣ, въ Уманской прогимназіи при открытіи новаго зданія. Въ гимназіяхъ Черниговской, Прилукской, Лубенской совершены были военныя прогулки учениковъ въ городскія окрестности подлѣ командой преподавателей гимнастики съ участіемъ гимназическаго начальства и преподавателей. Въ Киевской 2-й и Лубенской гимназіяхъ, а также

въ прогимназіи Уманской устраиваемы были литературно-музыкальные вечера.

Личный составъ гимназій и прогимназій округа въ началѣ отчетнаго года состоялъ изъ 525 лицъ и къ 1-му января 1891 года увеличился на 18 и состоялъ изъ 543 лицъ, въ томъ числѣ 97 служащихъ въ прогимназіяхъ; между ними было: почетныхъ попечителей—12, директоровъ—19, инспекторовъ—20, законоучителей—47, учителей наукъ и языковъ—281, учителей чистописанія и рисованія—22, помощниковъ классныхъ наставниковъ—52, воспитателей и надзирателей—7, врачей, письмоводителей и другихъ должностныхъ лицъ—83. Переименіемъ служащихъ лицъ изъ одного заведенія въ другое произведено было въ теченіе года—20, новыхъ назначеній—19. Въ составѣ директоровъ произошли слѣдующія переименія: въ Кіевской 1-й гимназіи на мѣсто уволеннаго по выслугѣ 40 лѣтъ Андрияшева назначенъ бывшій директоръ Сумскаго реальнаго училища Посадскій-Духовской, а въ гимназіи Житомирской на мѣсто уволеннаго отъ службы за выслугою срока Омеліискаго назначенъ бывшій преподаватель С.-Петербургской 3-й гимназіи Сидоровъ. Въ шести гимназіяхъ и одной прогимназіи назначены новые инспектора, а въ три гимназіи переведены инспектора изъ другихъ гимназій. Въ преподавательскомъ составѣ сдѣлано было 15 переименій и 11 новыхъ назначеній; эти послѣдніе по предметамъ распределяются слѣдующимъ образомъ: 5 законоучителей, 1 учитель древнихъ языковъ и 1 древнихъ же языковъ съ другими предметами, 1 учитель математики и физики, 1 русскаго языка, 1 исторіи и географіи, 1 учитель искусствъ. Вакансій въ теченіе 1890 года открывалось 14, и оныя были замѣщены въ непродолжительномъ времени, за исключеніемъ трехъ: въ Кіево-Печерской и Глуховской мѣсто учителя русскаго языка, и французскаго въ Глуховской, но первую изъ этихъ вакансій занималъ по найму преподаватель института благородныхъ дѣвицъ, а вторая замѣщалась личнымъ составомъ преподавателей, третью же занималъ по найму, какъ и въ предыдущемъ году, учитель Веселый. Изъ общаго числа 19 директоровъ 10 преподають во вырѣнныхъ имъ заведеніяхъ древніе языки, тотъ же предметъ преподають 3 изъ четырехъ инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій; русскій языкъ преподають 4 директора, исторію и географію—6 преподавали въ первомъ полугодіи и 5—во второмъ, математику 1—во второмъ полугодіи, а инспекторъ Черкасской прогимназіи преподавалъ русскій языкъ въ первомъ полугодіи, исторію и географію во

второмъ. Кромѣ того, всѣ 19 директоровъ состояли классными наставниками въ теченіе обоихъ полугодій; изъ инспекторовъ несли эти обязанности 18 въ первомъ и 20 во второмъ полугодіи.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ въ отчетномъ году выражается цифрой 8.019 и было менѣе на 60 уроковъ предыдущаго года (8.079). Въ томъ числѣ по болѣзни пропущено 5.926 уроковъ, по другимъ уважительнымъ причинамъ — 3.004 урока и по неуважительнымъ — 89 (последніе случаи имѣли мѣсто лишь въ двухъ заведеніяхъ: Лубенской гимназій и Уманской прогимназій). Въ большинствѣ гимназій и прогимназій было проявлено стараніе замѣщать тѣмъ или инымъ способомъ пропущенные уроки; такъ, задавались письменныя работы, которыя и исполнялись учениками подъ надзоромъ классныхъ наставниковъ, а большая часть пропущенныхъ уроковъ была преподава другими учителями, въ томъ числѣ инспекторами и директорами заведеній, и лишь въ немногихъ случаяхъ дѣти отнуждались домой.

Педагогическіе совѣты всѣхъ гимназій и прогимназій округа имѣли въ 1890 году 2.130 засѣданій, въ томъ числѣ: общихъ засѣданій—653, предметныхъ комиссій — 132, классныхъ комиссій — 376 и засѣданій хозяйственныхъ комитетовъ—969. Предметомъ общихъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ были текущіе вопросы административной, учебной и воспитательной части жизни заведеній, а въ началѣ 1890—1891 учебнаго года—всестороннее обсужденіе предстоящихъ ко введенію новыхъ учебнаго плана и программы гимназическаго курса, при чемъ вопросы послѣдней категоріи во многихъ гимназіяхъ предварительно обсуждались въ предметныхъ комиссіяхъ: педагогическіе совѣты отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ этой важной реформѣ, и, судя по возвышенію цифры успѣшности по главнымъ предметамъ, она сразу благоприятно отозвалась на ходѣ ученія. Дѣятельность хозяйственныхъ комитетовъ имѣла цѣлью устроеніе текущихъ дѣлъ гимназическаго хозяйства.

Къ 1-му января 1891 года общее число учащихся было 7.172 то-есть, на 20 болѣе противъ начала предыдущаго года—7.152. Изъ этого числа въ гимназіяхъ состояло 6.495, въ прогимназіяхъ—677. Въ общемъ числѣ 7.172 учащихся, воспитанниковъ пансіоновъ и общихъ квартиръ было въ концѣ отчетнаго года—338, больше прошлаго года на 21 (317). По числу учащихся гимназій занимають мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Киевскія 1-я—697; 2) Житомирская—697; 3) Киевская 2-я—663; 4) Немировская—492; 5) Киевская

3-я—480; 6) Полтавская—407; 7) Черниговская—400; 8) Киевская 4-я—378; 9) Каменецъ-Подольская—375; 10) Бѣлоцерковская—349; 11) Киево-Печерская—329; 12) Нѣжинская—250; 13) Златопольская—217; 14) Новгородсѣверская—208; 15) Глуховская—189; 16) Придубская—185 и 17) Лубенская—180 учениковъ: изъ прогимназій по численности учениковъ первое мѣсто занимаетъ Уманская—189, 2) Житомирская—161, 3) Острожская—146, 4) Черкаска—85, 5) Стародубская—57 и 6) Суражская съ 39 учениками. Пансіонероѡ болѣе всего имѣется при Киевской 2-й гимназій—139, затѣмъ въ Киевской 1-й—97, Златопольской—48, Лубенской—34 и при Острожской прогимназій—20.

Распределеніе учащихся по исповѣданіямъ представляется въ такой схемѣ: православныхъ—4.677, или 65,2% общаго числа; римско-католиковъ—1.581, или 22%; иудеевъ—732, или 10,2%; лютеранъ—144, или 2%; магометанъ—6 учениковъ и прочихъ исповѣданій—31, что составляетъ вмѣстѣ—0,51%. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ округа число римско-католиковъ превышаетъ число православныхъ, а именно: въ трехъ гимназійхъ: Бѣлоцерковской—194 католиковъ и 99 православныхъ; Помпировской—237 католиковъ и 166 православныхъ, и Житомирской—303 католика и 285 православныхъ, а въ прогимназій Уманской число католиковъ составляетъ двѣ трети православныхъ (первыхъ—65, вторыхъ—97); вообще же въ учебныхъ заведеніяхъ на правомъ берегу Днѣпра число римско-католиковъ гораздо больше, нежели на лѣвомъ. Что же касается евреевъ, то наибольшее число учениковъ иудейскаго исповѣданія имѣется въ гимназій Полтавской, въ ней изъ 407 учащихся 81 еврей, то-есть, 22,3% общаго числа; за ней слѣдуютъ: Киево-Печерская—57 (17,02%), Златопольская—34 (15,2%), Бѣлоцерковская—53 (15,14%), Житомирская—86 (12,3%), Новгородсѣверская—33 (11%) и Уманская прогимназій—22 (11,1%); Черниговская гимназій имѣетъ 10%; въ остальныхъ гимназійхъ и прогимназійхъ процентъ этотъ меньше. По сословіямъ учащіеся распределяются слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—4.184, то-есть—58,3%, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—275 (3,84%), духовнаго званія—448 (6,2%), мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ—1.689 (23,5%), крестьянъ—349 (4,8%), казачьяго сословія—58 (0,8%), иностранцевъ—171 (2,3%). Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что наибольшее число дѣтей крестьянскаго сословія учатся въ Немировской гимназій, а именно: 45, то-есть, почти 10% общаго числа учениковъ, и въ Острожской прогимназій—33,

то-есть, 22%. Наибольшее число иностранцевъ учится въ Киевской 1-й (29 при 697 ученикахъ), потомъ въ Киевской 2-й (21 при 663), Бѣлоцерковской (20 при 340), Каменецъ-Подольской (17 при 376).

Распределение учащихся по отдѣльнымъ классамъ къ концу отчетнаго года было таково: въ приготовительномъ—598, въ I—992, во II—942, въ III—937, въ IV—1.021, въ V—833, въ VI—720, въ VII—633, въ VIII—486.

Всѣхъ подававшихъ прошеніе о допущеніи къ приемнымъ экзаменамъ было по гимназіямъ—1.821 и по прогимназіямъ—229, всего 2.050. Изъ этого числа не явилось на испытаніе 95, не выдержало его—327, не было принято за комплектномъ или недостаткомъ мѣста—122, итого 544. Такимъ образомъ, число принятыхъ было 1.506, или 74,7% общаго числа подававшихъ прошеній, въ томъ числѣ принято 1.106 выдержавшихъ испытаніе и 400 безъ экзамена на основаніи § 27 устава гимназій.

Всѣхъ выбывшихъ въ 1890 году изъ 23 заведеній было 1.484, а именно: по окончаніи курса въ гимназіяхъ 457 (въ томъ числѣ пансіонеровъ 20), или 6,48% общаго числа учениковъ всѣхъ гимназій и прогимназій ко времени начала выпускныхъ экзаменовъ 1890 года (7.051) и въ прогимназіяхъ—68, то-есть, 10,3% общаго числа учениковъ, состоявшихъ въ 6-ти прогимназіяхъ къ началу выпускныхъ экзаменовъ (660). До окончанія курса изъ всѣхъ 23 заведеній выбыло 959, или 13% общаго числа учащихся, и между ними пансіонеровъ 32. По отдѣльнымъ классамъ выбывшіе распределяются такъ: въ IV—17,1%, въ III—16,3%, во II—16,2%, въ I—13,2%, въ V—13%, въ VI—8,2%, въ VII—7,09%, въ приготовительномъ—5% и VIII—2,8%. Около половины выбывшихъ до окончанія курса оставили гимназическое ученіе для поступленія въ другія учебныя заведенія, именно—452 и въ томъ числѣ 13 пансіонеровъ, то-есть, 47%, а 100 и между ними 4 пансіонера, или почти 10%—для поступленія на службу; затѣмъ умерло 31, а объ остальныхъ 376 ничего не извѣстно.

Успѣхи учащихся были слѣдующіе: къ концу втораго полугодія истекшаго учебнаго года изъ числа 7.051 учениковъ всѣхъ 23 гимназій и прогимназій переводныя отбѣтки по всѣмъ предметамъ имѣли 4.937 учениковъ (70%) и въ томъ числѣ 201 воспитанникъ (64,4% общаго числа); всѣхъ переведенныхъ въ высшіе классы, удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса прогимназій и аттестатовъ зрѣлости, было 5.331 (75,6%), въ томъ числѣ пансіонеровъ было 212

(68,7%). Въ отдѣльности процентъ первыхъ въ гимназіяхъ былъ 70,5%, вторыхъ—76,1%; въ прогимназіяхъ первыхъ—64,8%, вторыхъ—70,7%; различіе между гимназіями и прогимназіями въ этомъ отношеніи есть явленіе постоянное, и объяснить его можно тѣмъ, что вообще усѣбность выше въ старшихъ классахъ, нежели въ младшихъ. Во второй половинѣ 1890 года число учениковъ ишѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ было 4.317 (60,1% наличнаго состава учащихся къ 1-му января 1891 года 7.172), и въ томъ числѣ пансіонеровъ таковыхъ было 174, то-есть, 51,4% общаго числа. Въ отдѣльности по гимназіямъ число ишѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки составляетъ 60,4%, въ прогимназіяхъ же процентъ этотъ, какъ и обыкновенно, ниже, а именно: 57,6%. По проценту усѣбности, заведенія числятся въ слѣдующей нисходящей послѣдовательности: гимназіи: 1) Кіевская 4-я — 84,3%, 2) Новгородсѣверская — 79,8%, 3) Глуховская — 68,6%, 4) Прилукская — 68%, 5) Кіево-Печерская — 67,6%, 6) Нѣжинская — 66%, 7) Житомирская — 65,5%, 8) Кіевская 3-я 62,9%, 9) Кіевская 2-я 62,1%, 10) Кіевскія 1-я 60,4%, 11) Лубенская 53%, 12) Черниговская 51,7%, 13) Златопольская 50,7%, 14) Полтавская 45,7%, 17) Немировская 41,8%; прогимназіи: 1) Суражская 74,6%, 2) Черкасская 68,2%, 3) Острожская 58,8%, 4) Житомирская 57,7%. 5) Уманская 51,8%, 6) Стародубская 50,9%; между пансіонами въ отдѣльности усѣбн были лучше въ Златопольской, гдѣ число переведенныхъ было 80,4% и въ состоящемъ при Кіевской 1-й гимназіи 79%, затѣмъ въ общей квартирѣ при Кіевской 2-й гимназіи 61,7% и въ общезитіи Острожской прогимназіи 50%. Число учениковъ, ишѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки по главнымъ предметамъ въ теченіе втораго полугодія отчетнаго года, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: русскій языкъ 83%, латинскій языкъ 83%, греческій языкъ 61,5%, математика 79%, а усѣбн пансіонеровъ были таковы: русскій языкъ 80,7%, латинскій 72,7%, греческій 78,2% и математика 76,8%.

Экзамены на аттестатъ зрѣлости начались въ 1890 году 24-го апрѣля и были закончены къ 10-му іюня. Помимо трехъ гимназій—Глуховской, Кіево-Печерской и Вѣлоцерковской, не достигшихъ полнаго числа классовъ, въ прочихъ 14 гимназіяхъ округа всѣхъ учениковъ VIII класса состояло къ началу экзаменовъ 499 человекъ; 12 изъ этого числа не были допущены къ испытанію по малоусѣбности, и одному испытаніе было отсрочено на годъ по болѣзни. Изъ

486 допущенныхъ къ экзамену признаны были выдержавшими его 455 учениковъ и 31 не выдержавшими. Кромѣ того, вмѣстѣ съ учениками VIII класса допущено было къ экзамену 16 постороннихъ лицъ, изъ коихъ 9 выдержало. Медалями награждены 50 учениковъ, въ томъ числѣ 23 золотыми и 27 серебряными, то-есть, почти 11%, общаго числа удостоенныхъ аттестата зрѣлости гимназистовъ. Изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ изъявили желаніе поступить въ университеты 92%, и распределяются по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическій 7,3%, на юридическій 30,2%, на физико-математическій 27%, на медицинскій 34,2% и 4 челоѣка на факультетъ восточныхъ языковъ; остальные 8% предназначали себя къ поступленію въ спеціальныя училища.

За малоусѣбность въ 1890 году уволено было 140, то-есть, 1,00% общаго числа учащихся во всѣхъ 23 гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1891 года. По отдѣльнымъ классамъ число распределялось въ нисходящемъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ: III—22,8%, IV—18,2%, II—16,4%, VI—13,00%, I—12,1%, V—10%, VII—3%, VIII—2,1%, а по заведеніямъ, наибольшее число уволенныхъ приходилось: изъ гимназій: на Кіевскую 2-ю 20, Кіевскую 1-ю 19, Черниговскую 14, Бѣлоцерковскую 11; наименьшее—на Пѣвнянскую 4, Житомирскую и Полтавскую по 3 и Новгородсѣверскую—1; въ Глуховской вовсе не было случаевъ увольненія, а въ остальныхъ 8-таковыхъ было отъ 5 до 8; изъ прогимназій всѣхъ уволенныхъ было 13: въ Уманской 5, Житомирской 4, Черкасской 3 и Острожской 1; въ Стародубской и Суражской—ни одного исключенія. Между пансіонерами исключеній за малоусѣбность было 7 случаевъ и всѣ семь приходились на одинъ пансіонеръ при Кіевской 2-й гимназіи. На основаніи § 34 устава гимназій уволено было 125 учениковъ, то-есть, 1,7% общаго числа учащихся; изъ нихъ по латинскому языку не оказалось усѣбныхъ 92 ученика, но математикѣ 68, по языкамъ греческому 63 и русскому 52, по исторіи и географіи 29 и по Закону Божію 9. Наибольшія цифры уволенныхъ этой категоріи принадлежатъ гимназіямъ: Кіевской 1-й 19, Кіевской 2-й 18, Черниговской 11 и Бѣлоцерковской 10.

Занятіи обязательными предметами по всѣмъ заведеніямъ были слѣдующія: обонимъ новымъ языкамъ обучалось 1.300 учениковъ, или 23% общаго числа учениковъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ положено преподаваніе этихъ предметовъ; одному нѣмецкому языку обучалось 2.456 учениковъ (43,2%), одному французскому—1.816 учениковъ

(31,9%). Рисованію обучающихся было 1.977, то-есть, 27,5% общаго числа учениковъ гимназій и прогимназій и въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ изучающихъ предметъ увеличилось на 793 человека (было 1.184, то-есть, 17,5%); но увеличеніе это объясняется тѣмъ, что по нѣмъ дѣйствующимъ программамъ рисованіе есть обязательный предметъ въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ, хотя въ большинствѣ гимназій осуществлено это нововведеніе только по отношенію къ приготовительному и первому классамъ, какъ то предоставлено предложеніемъ г. министра отъ 8-го ноября 1890 года; въ нѣкоторыхъ же гимназіяхъ, въ томъ числѣ въ Прилукской, гдѣ еще съ 1889 года рисованію обучалось болѣе половины общаго числа учащихся (50,2%), рисованіе введено сразу, какъ обязательный предметъ, въ трехъ низшихъ классахъ, а для высшихъ классовъ остается по прежнему предметомъ не обязательнымъ. Число обучающихся пѣнію было въ 1890 году 2.730, то-есть, 38%; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ директора прилагали особыя заботы въ тому, чтобы пѣнію обучались по возможности всѣ ученики, и имъ удалось достигнуть въ этомъ удовлетворительныхъ результатовъ. Такъ, въ гимназіи Глуховской пѣнію обучается 86,2% общаго числа учениковъ, въ Кіево-Печерской 85,4%, въ Нѣжинской 81%, въ Немировской 41,7%, а изъ прогимназій—въ Житомирской 74,53. Гимназическіе хоры существуютъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ которыхъ есть своя церковь, а гимназическіе оркестры существовали до 1890 года лишь въ Прилукской гимназіи и Острожской прогимназіи, въ отчетномъ же году возникли вновь оркестры въ гимназіяхъ Черниговской (23 ученика) и Новгородсѣверской (17 учениковъ); кромѣ того, положено начало организаціи оркестра въ гимназіи Лубенской, и средства для сего потребныя отпущены мѣстнымъ земствомъ.

Поведеніе учащихся въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и въ пансіонахъ при гимназіяхъ было въ 1890 году вполне удовлетворительно, чему свидѣлствуютъ отмѣтки, выставлемыя ученикамъ педагогическими совѣтами, а именно: въ первомъ полугодіи отчетнаго года баллъ 2 за поведеніе былъ поставленъ въ одной линіи Полтавской гимназіи двумъ ученикамъ, во второмъ полугодіи 6 ученикамъ въ той же гимназіи, 2 въ Каменецъ-Подольской и 1 въ Кіевской 3-й гимназіи; баллъ 3 за поведеніе получили 62 ученика, въ томъ числѣ 1 пансіонеръ, въ первомъ полугодіи и 91, въ томъ числѣ 1 пансіонеръ—во второмъ. Баллъ 4 за поведеніе имѣло 9,8% общаго числа учащихся, всѣ же остальные, то-есть, около 90%, имѣли 5. Всѣхъ взысканій въ 28

гимназіяхъ и прогимназіяхъ произведено было въ 1890 году 20.313, на 1.334 меньше чѣмъ въ 1889, между пансіонерами было ихъ 561; изъ этого числа болѣе трети четвертей приходится на учениковъ младшихъ классовъ, а именно: 15.727, остальные 4.586 падаютъ на учениковъ старшихъ классовъ, у пансіонеровъ изъ 561 — 90 приходится на воспитанниковъ старшихъ классовъ и 471 на младшихъ. Преобладающею мѣрой наказанія было оставленіе въ заведеніи на часъ по окончаніи уроковъ и оповѣщеніе о томъ родителямъ—10.706 разъ, а также заключеніе въ карцеръ на время отъ 1 до 4 часовъ, съ назначеніемъ письменной работы,—такихъ случаевъ было въ младшихъ классахъ 2.851 и въ старшихъ 872; затѣмъ задержаніе въ заведеніи на время не болѣе 3 часовъ въ праздники 1.776 разъ, въ томъ числѣ у старшихъ 320, выговоръ класснаго наставника передъ классомъ 1.747, въ томъ числѣ у старшихъ 613; одиночное сидѣніе ученика въ классѣ, каковыхъ случаевъ было 899, практикуется лишь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и одной прогимназій, но за то въ Кіевской 1-й гимназій оно имѣетъ значеніе преобладающей формы наказанія: на общее число всѣхъ высказаній 1.060 на эту рубрику приходилось 514, въ томъ числѣ въ старшихъ классахъ 23. Случаевъ удаленія ученика изъ гимназій съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія того же города было въ теченіе отчетнаго года 4, по одному въ гимназіяхъ Лубенской и Новгородскаго-Северской и два въ прогимназіяхъ Житомирской; удаленію безъ права поступленія въ другія заведенія подвергся одинъ ученикъ VI класса Каменецъ-Подольской гимназій, а исключенъ съ лишеніемъ права поступать въ какое-либо другое учебное заведеніе одинъ ученикъ VI класса Житомирской гимназій.

Состояніе здоровья учащихся было въ 1890 году нѣсколько лучше предыдущаго года, который былъ отмѣченъ появленіемъ эпидеміи остраго гриппа (инфлуэнца). Эпидемическій характеръ имѣли заболевания скарлатиной и корью лишь въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего въ двухъ изъ нихъ съ разрѣшенія г. Попечителя было прекращаемо ученіе, именно: въ Кіевской 1-й съ 7-го декабря и до наступленія зимнихъ вакацій и въ Уманской прогимназій съ 17-го по 27-е сентября. Всѣхъ пропущенныхъ учениками уроковъ было въ 1890 году 341.801 (меньше противъ предыдущаго года на 1 4.969); среднимъ числомъ на каждаго ученика приходится около 47 пропущенныхъ уроковъ. Въ отдѣльности у пансіонеровъ состояніе здоровья хотя было вообще удовлетворительно, но далеко не въ такой степени, какъ въ 1889 году, когда было 10.749 пропущен-

нихъ уроковъ, нынѣ же—ихъ 12.514, то-есть, на 1.765 болѣе чѣмъ въ прошломъ, а среднимъ числомъ на каждого пансіонера приходится 37 уроковъ, то-есть, болѣе учебной недѣли. Смертныхъ случаевъ по заведеніямъ было 32, въ томъ числѣ въ 12 гимназіяхъ 30 и двухъ прогимназіяхъ по 1; между воспитанниками пансіоновъ умерло двое.

Всѣхъ реальныхъ училищъ къ концу отчетнаго года было 7: Киевское, Ровенское, Полтавское, Кременчугское, Роменское, Новозыбковское и Винницкое, переведенное съ 1-го іюля 1890 года изъ Мэгилова на Дигбестуѣ. Изъ нихъ Кременчугское состояло изъ 10 классовъ: подготовительнаго, шести классовъ основнаго отдѣленія, V и VI классовъ коммерческаго и общаго отдѣленія VII дополнительнаго класса; Новозыбковское—изъ 9 классовъ, тѣхъ же, что и Кременчугское, за исключеніемъ VI класса коммерческаго отдѣленія; Киевское — также изъ 9 классовъ: шести основнаго отдѣленія и V и VI классовъ коммерческаго отдѣленія и механико-техническаго отдѣленія VII дополнительнаго класса; въ остальныхъ 4 училищахъ было по 7 классовъ, по Ровенское и Полтавское училища состоятъ изъ шести классовъ основнаго отдѣленія и механико-техническаго отдѣленія VII класса, а Роменское и Винницкое изъ подготовительнаго и шести основныхъ классовъ. Такимъ образомъ, въ реальныхъ училищахъ Киевскаго округа къ 1-му января 1891 года состояло 4 подготовительныхъ класса, 42 класса основнаго отдѣленія, 5 классовъ коммерческаго отдѣленія, 3 механико-техническихъ и 2 общихъ отдѣленія дополнительнаго класса, всего 56 и сравнительно съ предыдущимъ годомъ число классовъ увеличилось двумя, а именно: открыты подготовительный и первые два класса при Винницкомъ училищѣ и закрытъ дополнительный классъ Бѣлоцерковскаго училища, окончательно преобразованнаго въ гимназію. Сверхъ того, въ замѣнъ закрытаго механико-техническаго отдѣленія VII класса Полтавскаго училища въ немъ открыто общее отдѣленіе. Параллельныя отдѣленія имѣли сперва 3 училища, числомъ 9; въ отчетномъ году послѣдовало уменьшеніе ихъ на 1, вслѣдствіе упраздненія совѣмъ параллелей въ Ровенскомъ училищѣ, гдѣ онѣ существовали при трехъ (II, III и IV) классахъ, и закрытія одной параллели въ Кременчугскомъ училищѣ при III классѣ. Нынѣ параллельныя отдѣленія имѣютъ 2 училища: Киевское, въ которомъ съ открытіемъ въ отчетномъ году новыхъ параллелей при двухъ младшихъ отдѣленіяхъ—всѣ шесть основныхъ классовъ имѣютъ таковыя и Кременчугское — двѣ, при I и II классахъ, при чемъ послѣднее вновь открыто.

Къ 1-му января 1891 года въ фундаментальныхъ отдѣлахъ библиотекъ 7 реальныхъ училищъ находилось 18.617 названій въ 39.453 томахъ, а въ ученическихъ — 4.301 названія въ 8.479 томахъ; по численности книгъ въ фундаментальныхъ библиотекахъ первое мѣсто принадлежитъ Ровенскому училищу, какъ заведенію старому, — въ немъ числится 6.060 названій въ 14.239 томахъ, а послѣднее мѣсто занимаетъ вѣдѣвшая изъ библиотекъ — Винницкаго училища, въ коей имѣется всего 746 названій въ 1.666 томахъ; изъ прочихъ — въ Кіевской 1.794 названія, а въ четырехъ остальныхъ библиотекахъ имѣется отъ 2.000 до 2.700 названій; изъ ученическихъ библиотечныхъ отдѣловъ больше другихъ находится въ Полтавскомъ училищѣ и заключаетъ въ себѣ 950 названій. Въ 1890 году на пополненіе своихъ библиотекъ реальныя училища издержали 3.160 р. 99 к., изъ коего числа 1.268 р. 90 к. затрачено на ученическія библиотеки. Изъ учебныхъ кабинетовъ физическіе и естественныхъ наукъ имѣютъ всѣ 7 училищъ, и въ первыхъ изъ нихъ находится 2.704 прибора и вновь приобретенны въ году сдѣлано на 918 р. 71 к., во вторыхъ — 3.731 приборъ и новыхъ пополненій сдѣлано на 907 р. 50 к.; кабинеты механическіе съ 659 приборами и геодезическіе съ 498 имѣютъ всѣ училища, кромѣ Ровенскаго, и на пополненіе механическихъ своихъ кабинетовъ училища въ 1890 году затратъ не производили вовсе, въ виду закрытія механическихъ отдѣленій VII класса и исключенія механики изъ курса реальныхъ училищъ, а по геодезическимъ кабинетамъ лишь одно Кіевское училище приобрѣло для себя 8 новыхъ приборовъ за сумму 22 р. 60 к. Химическія лабораторіи 7 училищъ снабжены 5.034 пособиями; пополняли свои лабораторіи только два училища — Кіевское и Кременчугское и то на небольшую сумму, купивъ за 38 р. 45 к. 18 пособій. Прочіяхъ учебныхъ пособій по рисованію, черченію и моделированію, по исторіи и географіи, технологіи и строительному искусству, швію и музыкѣ къ 1-му января 1891 года числилось во всѣхъ 7 училищахъ 5.585 предметовъ, и въ томъ числѣ вновь приобретенныхъ въ году было 180 пособій на сумму 501 р. 62 к. Богаче всѣхъ пособиями Кременчугское училище, имѣющее ихъ 1.556, затѣмъ Ровенское — 1.035 и Кіевское — до 1.000, а меньше всѣхъ имѣется въ Ровенскомъ, всего 246 экземпляровъ.

На содержаніе свое 7 реальныхъ училищъ получили въ отчетномъ году 299.340 р. 60 к., а именно: изъ государственнаго казначейства — 120.117 р. 28 к., сбора за ученіе — 71.632 р. 23 к., отъ городскихъ обществъ — 28.060 р., отъ земства — 41.530 р., проценты съ

капиталовъ—3.519 р. 28 к., пожертвованія разныхъ обществъ и частныхъ лицъ—33.671 р. 30 к. и изъ другихъ источниковъ—810 р. 51 к. Всѣхъ расходовъ по 7 училищамъ въ 1890 году было произведено на 247.617 р. 30 к., считая въ общей суммѣ расходовъ и чрезвычайный—по приспособленію зданія Ровенскаго училища для пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, для каковой цѣли училище получило въ добавокъ къ своимъ средствамъ 4.000 р. изъ строительной суммы округа и 5.000 р. изъ суммъ министерства. Самый значительный расходъ составляетъ содержаніе личнаго состава—160.133 р. 77 к., или болѣе 64% всѣхъ расходовъ; слѣдующее мѣсто занимаетъ расходъ на ремонтъ и содержаніе помѣщеній—32.294 р. 73 к., составляющей немного болѣе 13%, затѣмъ—жалованіе служащимъ—8.365 р. 54 к. (болѣе 3%), учебныя пособія—7.583 р. 48 к. (3%); остальные статьи расходовъ суть слѣдующія и менѣе 3%: денежныя пособія служащимъ—6.355 р. 52 к. содержаніе канцеляріи—5.374 р. 95 к., жалованье врачамъ и расходы по санитарной части—2.116 р. 45 к. и содержаніе церковей при четырехъ училищахъ—1.650 р. (или немного болѣе 1/2 процента всѣхъ расходовъ). Кромѣ того, значительную статью расходовъ представляютъ другіе не помѣлованные расходы (21.301 р. 15 к.), составляющіе 9% къ которымъ отнесены перечисленія изъ средствъ училища въ доходы другихъ учрежденій и разныя экстраординарныя затраты.

Остатки отъ средствъ содержанія по училищамъ къ 1-му января 1891 года образовали денежную сумму въ 74.508 р. 10 к. и измѣлись по всѣмъ училищамъ округа, а особенно значительные въ Кременчугскомъ— 35.492 р. 73 к. Всей суммы за ученіе въ 1890 году съ остатками отъ прошлыхъ лѣтъ было 72.766 р. 85 к. Наиболѣе богато по этой статьѣ училище Кіевское, въ которомъ числилось сбора за ученіе 21.315 р. 84 к., а самое бѣдное—Новозибковское, въ коемъ этого сбора было всего 4.198 р. 59 к., а также Роженское, имѣвшее всего только 4.571 р. 87 к. Изъ всей суммы за ученіе въ 1890 году израсходовано 59.927 р. 32 к. (82%); главный расходъ представляли содержаніе дома и другія хозяйственныя нужды— 23.674 р. 87 к.; на содержаніе параллельныхъ отдѣленій— 19.269 р. 29 к.; остальные 16.963 р. 16 к. употреблены на отчисленіе въ средства министерства и округа, на награды и пособія служащимъ и ученикамъ и на учебныя пособія.

Средняя стоимость обученія 1 ученика обошлась въ 1890 году на 8 р. 64 к. дешевле предыдущаго года и составляла 152 р. 28 к. Плата за ученіе возвышена была въ одномъ училищѣ—Новозибков-

скомъ, съ 25 р. до 36 р. и вѣзгалась по училищамъ: Кіевскомъ, Ровенскомъ, Винницкомъ и Полтавскомъ по 50 р., въ Кременчугскомъ—40 р., въ Пологибковскомъ—36 р., и Роменскомъ—25 р. въ годъ.

Никакихъ особыхъ пожертвованій въ пользу училищъ въ отчетномъ году не было, кромѣ вносимыхъ ежегодно въ нѣкоторыхъ училищахъ почетными попечителями суммъ и въ пользу Ровенскаго училища владѣльцемъ г. Ровно 80 р. для найма квартиры законоучителю римско-католическаго исповѣданія. Но при большинствѣ училищъ существуютъ общества для пособія бѣднѣйшимъ ученикамъ, дѣятельность которыхъ выразилась въ 1890 году значительною помощью учащемуся юношеству на плату за ученіе, на снабженіе учениковъ книгами, одеждой, на пособія для лѣченія и т. п. Съ тою же благотворительною цѣлью въ Кіевскомъ и Ровенскомъ училищахъ учреждены особыя бібліотеки учебниковъ и учебныхъ пособій, которыми бесплатно пользуются бѣднѣйшіе ученики.

Всѣ реальныя училища помѣщаются въ собственныхъ казенныхъ домахъ, которые, за исключеніемъ номінаціи Ромнскаго училища, а также существеннаго недостатка въ номіненіи Кіевскаго училища, состоящаго въ отсутствіи рекреационной залы и раздѣльной комнаты для учениковъ, всѣ находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Зданіе Винницкаго училища еще не вполне окончено: въ немъ отстроено только $\frac{2}{3}$ собственно подъ училище; согласно обязательству городского общества достройка главнаго зданія и флигелей для квартиръ должна быть произведена въ теченіе четырехъ лѣтъ, а пока то же городское общество занимаетъ для директора и другихъ служащихъ квартиры въ частныхъ домахъ. Такъ какъ при реальныхъ училищахъ Кіевскаго округа нѣтъ пансіоновъ, то всѣ ученики, не живущіе при родителяхъ или родственникахъ, проживаютъ на ученическихъ квартирахъ, разрѣшенныхъ начальствомъ. Такихъ квартиръ въ 1890 году было 100, и на нихъ проживало 413 учениковъ, или 25% всего числа учащихся. Плата за содержаніе воспитанника на ученическихъ квартирахъ весьма разнообразна: въ Кіевѣ доходитъ до 500 р. и даже до 700 р. въ учебный годъ; въ Винницѣ и Кременчугѣ отъ 150 до 400 р.; въ Пологибковѣ и Ровно—отъ 150 до 300 р.; въ Полтавѣ—отъ 200 до 400 р., и въ Ромнахъ—отъ 160 до 300 р.; квартиръ съ указанною минимальною платой немного, большинство содержателей этихъ квартиръ взимаютъ за содержаніе ученика 250—300 руб. Нѣкоторыя изъ ученическихъ квартиръ содержатся преподавателями и помощниками классныхъ наставниковъ, именно: въ Кременчугскомъ

и Полтавскомъ училищахъ по 7, Киевскомъ 6, Винницкомъ 4, Ровенскомъ 2 и Новозибковскомъ 1, всего 27 квартиръ, и хотя плата взимаемая на квартирахъ, содержимыхъ учителями изъ высшихъ, за то воспитанники ихъ пользуются какъ лучшею матеріальною обстановкой, такъ и усиленнымъ надзоромъ за ихъ воспитаніемъ и ученіемъ. Для наблюденія за порядкомъ на частныхъ ученическихъ квартирахъ въ помощь квартиросодержателямъ назначаются училищнымъ начальствомъ старшіе изъ лучшихъ учениковъ высшихъ классовъ, которые обыкновенно бываютъ и репетиторами младшихъ учениковъ. Надзоръ за квартирами порученъ вообще всему учебно-воспитательному персоналу, чѣмъ достигается постоянный контроль за жизнью учениковъ на частныхъ квартирахъ и за поведеніемъ ихъ внѣ дома и стѣнъ учебнаго заведенія.

Изъ выдающихся событій въ жизни реальныхъ училищъ за отчетный годъ было переведеніе Винницкаго училища изъ Могилева на Днѣстръ и празднованіе его открытія въ августѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ, по примѣру принятымъ лѣтъ во многихъ училищахъ въ видахъ доставленія учащимся эстетическихъ удовольствій, соотвѣствующихъ ихъ возрасту, устраивались литературно-музыкальные вечера, на которыхъ воспитанники подъ руководствомъ наставниковъ читали литературные образцы и исполняли музыкальные піесы. Въ нѣкоторыхъ училищахъ были устраиваемы военныя прогулки.

Въ продолженіе 1890 года г. попечителемъ были осмотрѣны 4 училища: Ровенское, Кременчугское, Полтавское и Роменское, помощникомъ попечителя 2—Киевское и Ровенское и окружнымъ инспекторомъ—Винницкое. Кромѣ того, начальникъ края графъ А. П. Игнатъ посѣтилъ Могилевское училище, а изъ духовныхъ лицъ посѣтили училища: Киевское—епископъ Іеронимъ, Винницкое—епископъ Подольскій Донатъ и Новозибковское—епископъ Антоній.

Личный составъ реальныхъ училищъ къ 1-му января 1891 года состоялъ изъ 152 лицъ, и въ томъ числѣ было: почетныхъ помощниковъ—4, директоровъ—7, исполняющихъ обязанности инспектора—6 (такого лица не было при Винницкомъ училищѣ), законоучителей—13, въ томъ числѣ 5 священниковъ, учителей наукъ и языковъ—69, учителей рисованія и чистописанія—12, помощниковъ классныхъ наставниковъ—17 и другихъ должностныхъ лицъ, какъ письмоводителей, врачей, учителей пѣнія и гимнастики—24. Перемѣны въ личномъ составѣ училищъ были произведены слѣдующія: на мѣсто директора Винницкаго училища Парунова, выслужившаго 35-лѣтній срокъ, перемѣ-

ищенъ директоръ Ровенскаго училища Нѣмецъ, въ Ровенское училище съ 1-го января 1891 года перемѣщенъ директоръ Новозыбковскаго училища Радкевичъ, а на его мѣсто въ Новозыбковское училище назначенъ директоромъ учитель Киевской 2-й гимназій Жукъ. Нѣкоторыя измѣненія произошли во всѣхъ училищахъ за годъ по случаю перемѣщенія преподавателей; таковыхъ было 11, по причинѣ выхода служащихъ въ отставку, или открытій и закрытій параллелей въ училищахъ, между тѣмъ какъ новыхъ назначеній преподавателей произведено 6, именно: въ Ровенское училище вновь назначенъ законоучитель православнаго исповѣданія (взмѣнивъ перемѣщеннаго на мѣсто вышедшаго въ отставку законоучителя Киевскаго училища); въ Кременчугское—учитель математики,—Полтавское — законоучитель римско-католическаго исповѣданія; въ Роменское—учитель русскаго языка и въ Винницкое училище 2—оба законоучителя—православный и католическій. Вакантныхъ учительскихъ мѣстъ въ теченіе года было 3 по училищамъ: въ Новозыбковскомъ—учителя нѣмецкаго языка (съ 1-го ноября до конца года) и въ Винницкомъ—законоучителя: православнаго исповѣданія (съ 1-го іюля по 15-е октября) и римско-католическаго исповѣданія (съ 1-го іюля по 2-е ноября); но для промыводства пріемныхъ испытаній и преподаванія Закона Божія въ Винницкомъ училищѣ впредь до назначенія законоучителя былъ пригласенъ мѣстный приходскій учитель.

Должность классныхъ наставниковъ (конихъ было въ первое полугодіе отчетнаго года 45, во второе—46) несли какъ всѣ директора, такъ и исполняющіе обязанность инспектора, при чемъ первые состояли въ избранныхъ ими, а вторые въ назначенныхъ имъ классахъ. Директора преподавали: химію—въ Киевскомъ училищѣ, русскій языкъ—въ Полтавскомъ, математику—въ Кременчугскомъ и Роменскомъ, физикѣ—въ Новозыбковскомъ, исторію и географію—въ Винницкомъ и рисованіе—въ Ровенскомъ. Изъ инспекторовъ преподавали трое математику—въ училищахъ Киевскомъ, Кременчугскомъ и Полтавскомъ и трое естественную исторію въ училищахъ Ровенскомъ, Роменскомъ и Новозыбковскомъ. Уроковъ, пропущенныхъ въ теченіе 1890 года преподавателями реальныхъ училищъ, было 3.287, въ томъ числѣ по болѣзни 1.805 или 55% и по уважительнымъ причинамъ 1.480 или 45% (причинъ неуважительныхъ было лишь два случая). Наибольшее число пропусковъ уроковъ изъ-за болѣзни приходилось на училища: Кременчугское, въ которомъ крупныя пропуски были по урокамъ физики—147, иностраннымъ языкамъ — 144, математикѣ — 124 и по

остальнымъ предметамъ — 83, а всего 493; Роменское, гдѣ $\frac{4}{5}$ пропущенныхъ уроковъ пришлось на одинъ русскій языкъ, вслѣдствіе тяжелой продолжительной болѣзни преподавателя этого предмета, именно 364 изъ 450 уроковъ, и Кіевское, въ которомъ пропущено 340 уроковъ, въ томъ числѣ по всемъ предметамъ 232 и по иностраннымъ языкамъ 108 уроковъ.

Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ полномъ ихъ составѣ во всѣхъ реальныхъ училищахъ округа было въ 1890 году 186; классныхъ и предметныхъ комиссій—111 и засѣданій хозяйственнаго комитета—228. Предметомъ особаго вниманія педагогическихъ совѣтовъ было поднятiе успѣшности учащихся и поддержаніе необходимой въ школѣ дисциплины и добрыхъ нравовъ.

Всѣхъ учащихся въ 7 реальныхъ училищахъ округа въ 1-му января 1891 года было 1.654 — на 98 учениковъ болѣе чѣмъ къ 1-му января 1890 года. Такое увеличеніе числа учащихся объясняется главнымъ образомъ переводомъ реального училища изъ Могилева въ Винницу, открытіемъ въ немъ первыхъ двухъ и приготовительнаго классовъ и отчасти открытіемъ при Кіевскомъ училищѣ параллельныхъ отдѣленій. Въ этихъ же училищахъ послѣдовало и наибольшее увеличеніе учащихся, именно: въ Винницкомъ — на 67, въ Кіевскомъ — на 71; затѣмъ въ Кременчугскомъ повысилось число учащихся на 11 и въ Полтавскомъ—на 9 учениковъ; въ остальныхъ 3 училищахъ число учащихся стало менѣе 1890 года. По числу учащихся первое мѣсто занимаетъ Кіевское училище — 469 учениковъ, затѣмъ слѣдуютъ училища: Кременчугское — 295, Роменское — 248, Полтавское—223, Новосыбковское—151, Винницкое—145 и Роменское—123.

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распределяются такъ: православныхъ—1.015 или болѣе 61% общего числа, католиковъ — 383, или 23%, лютеранъ — 68, или 4%, евреевъ — 167, или съ небольшимъ 10% и прочихъ исповѣданій (старообрядцовъ, карликовъ)— 21 ученикъ, или до 2%. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ увеличилось % католиковъ и прочихъ исповѣданій и уменьшился % евреевъ. Преобладаніе учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія надъ прочими имѣется въ двухъ училищахъ: Роменскомъ, гдѣ изъ 248 учениковъ—126 католиковъ, 80 православныхъ, 11 лютеранъ и 31 еврей, и въ Винницкомъ, гдѣ изъ 145 учениковъ 76 католиковъ, 53 православныхъ, 2 лютеранина и 14 евреевъ, затѣмъ въ Кіевскомъ католики составляютъ 24% (113), въ остальныхъ училищахъ число ихъ

колеблется между 9 и 6⁰/₀: наибольшій процентъ евреевъ въ Кременчугскомъ училищѣ—16,6⁰/₀ (49), потомъ въ Ровенскомъ и Роменскомъ—по 12⁰/₀, Новомишковскомъ—11⁰/₀, Полтавскомъ—10⁰/₀, и въ Винницкомъ—9,6⁰/₀; меньше же всего въ Кіевскомъ—4,3⁰/₀ (7) всѣхъ учащихся. Лютеранъ больше всего въ Кіевскомъ училищѣ—6,6⁰/₀ (31) и наименше въ Винницкомъ—1,3⁰/₀ (2). По сословіямъ распредѣленіе учащихся слѣдующее: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—898, то есть, болѣе 54⁰/₀, затѣмъ мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ—525 (болѣе 31⁰/₀), крестьянъ и иностранцевъ—по 4,7⁰/₀ каждого (77 и 78), почетныхъ гражданъ болѣе 2⁰/₀ (41), духовнаго званія и казаковъ—болѣе 1⁰/₀ каждого (16 и 19); изъ перечисленныхъ сословій дѣтей лицъ духовнаго званія нѣтъ совершенно въ Кіевскомъ и Винницкомъ училищахъ, въ остальныхъ же они составляютъ всего только 1⁰/₀ всѣхъ учащихся въ каждомъ училищѣ, за исключеніемъ Новомишковскаго, гдѣ ихъ 2,7⁰/₀ всѣхъ учащихся; дѣтей казачьяго сословія больше всего въ Новомишковскомъ училищѣ—3,8⁰/₀ и совершенно нѣтъ ихъ въ училищахъ Ровенскомъ и Винницкомъ, какъ нѣтъ въ тѣхъ же двухъ училищахъ дѣтей почетныхъ гражданъ; дѣтей крестьянъ болѣе всего въ Ровенскомъ (7,6⁰/₀), Кіевскомъ (6,3⁰/₀) и Роменскомъ (6⁰/₀) училищахъ, иностранцевъ больше всего въ Могилевскомъ (6⁰/₀) и Кіевскомъ (5,6⁰/₀) и меньше всего въ Новомишковскомъ (0,6⁰/₀) училищахъ.

Учащіеся въ реальныхъ училищахъ распредѣлялись по классамъ въ слѣдующемъ числѣ: въ приготовительномъ—90, въ I—313, во II—301, въ III—220, въ IV—234, въ V и въ VI классахъ основнаго отдѣленія—по 181 въ каждомъ, въ V классѣ коммерческаго отдѣленія—21, въ VI классѣ того же отдѣленія—20, въ механико-техническомъ отдѣленіи VII класса—63 и въ общемъ отдѣленіи VII класса—29 учениковъ.

Подававшихъ прошенія о поступленіи въ реальныя училища въ теченіе 1890 года было 785; изъ нихъ приняты по выдержаніи испытанія 502, и безъ экзамена изъ другихъ училищъ—52, всего 554 человека; изъ не принятыхъ 231 желавшихъ поступить не пошло въ училища: 58—за пелькой, 148—по случаю невыдержанія испытанія и 26—за неимѣніемъ въ классѣ мѣстъ. Вновь поступившіе приняты были во всѣ классы, и наибольшее число въ I классѣ—236, приготовительный—77 и II—68, и наименьшее въ VI классѣ коммерческаго отдѣленія—1.

Всѣхъ выбывшихъ въ теченіе 1890 года, считая и получившихъ

аттестаты, но поступившихъ въ VII классъ своего же училища, было 505 человѣкъ; изъ нихъ окончили курсъ VI и VII классовъ 183 и оставили училища до окончанія курса 322; послѣднихъ болѣе всего было въ училищахъ Ровенскомъ — 103 и Кіевскомъ — 65. Изъ числа выбывшихъ до конца курса 47 учениковъ перешло въ другія реальныя училища, 38—въ другія учебныя заведенія министерства, 36—въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 32 поступили на службу государственную, частную и общественную, 7 умерло и 162 или 50% выбыли по разнымъ причинамъ.

По успѣхамъ въ занятіяхъ—учениковъ, имѣвшихъ въ концѣ 1889—1890 учебнаго года переподныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, было 452, что составляетъ 62,6% всѣхъ бывшихъ въ копку этого года учениковъ — 1.520. Удостоено перевода въ высшіе классы, а также аттестатовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи VI и VII классовъ—1.051, или 69%. Получили: аттестаты объ окончаніи шести классовъ основнаго отдѣленія—113 учениковъ и объ окончаніи коммерческаго отдѣленія—13; свидѣтельства объ окончаніи VII класса въ обществ. отдѣленіи—28 и въ механико-техническомъ — 66, итого окончили курсъ реальныхъ училищъ съ аттестатами и свидѣтельствами 220 учениковъ, что составляетъ 14,4% учащихся, бывшихъ на лицо во время переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Кроме того, при реальныхъ училищахъ въ 1890 году подвергались окончательнымъ испытаніямъ изъ курса VI класса 17 лицъ, а изъ курса VII класса 6 лицъ; изъ нихъ выдержало первыхъ 5, а экзаменовались изъ курса VII класса всѣ выдержали. Всѣхъ учениковъ, имѣвшихъ во второй половинѣ 1890 года удовлетворительныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, было 843 или 51%, а имѣвшихъ таковыя отмѣтки только по главнымъ предметамъ—994 или 60% всего числа учениковъ (1.654) къ 1-му января 1891 года.

Всѣхъ уволенныхъ за безусидчивость изъ 7 реальныхъ училищъ въ 1890 году было 48 учениковъ или 3% общаго числа учащихся, и на 8 мѣнѣе предыдущаго года; но классамъ болѣе всего уволенныхъ было изъ II—14 учениковъ, или 29% всѣхъ уволенныхъ, изъ IV—11 (23%), изъ III—10 (20%), затѣмъ изъ I класса 4 ученика (8%), а изъ V, VI основнаго и VI коммерческаго по 3 или 6,3% въ каждомъ; а въ VII дополнительномъ классѣ исключеній за безусидчивость вовсе не было; но училищамъ же увольненіе распределяются такъ: въ Кіевскомъ—15, въ Кременчугскомъ—13, Ровенскомъ—

12, въ Полтавскомъ и Роменскомъ—по 3, въ Новозыбковскомъ и Винницкомъ—по 1.

Поведеніе учащихся, на сколько оно выразилось въ числѣ и характерѣ взысканій, которымъ подвергались ученики въ продолженіе отчетнаго года за проступки, замѣченные начальствомъ реальныѣхъ училищъ, должно признать удовлетворительнымъ. Всѣхъ взысканій въ 8 училищахъ, считая и Бѣлоцерковское, было 7.058, и; менѣе на 1.583 предыдущаго года (8.651), и какъ и въ прежніе годы, наиболѣе часто назначалось для взысканія, состоящія либо въ арестѣ на одинъ часъ, съ извѣщеніемъ о томъ родителямъ, именно 4.033 случаевъ, или болѣе половины (57⁹/₁₀), всѣхъ взысканій, либо задержаніе провинившагося въ училищѣ не свыше 3 часовъ въ праздничные и воскресные дни—1.194 случая; затѣмъ было 467 случаевъ заключенія въ карцеръ отъ 1 до 4 часовъ, съ назначеніемъ письменной работы, выговоры: класснаго наставника—926, инспектора—96, директора—44, и наивысшее взысканіе—выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта—35 случаевъ; остальные роды взысканій примѣнялись въ ограниченномъ числѣ, всего 277 разъ, а уволенныхъ за проступки въ 1890 году не было вовсе. Получившихъ высшій отиѣтъ за поведеніе 5 и 4 было въ первое полугодіе 1.501, или 98,6⁹/₁₀, и во второмъ полугодіи—1.628, или 98,4⁹/₁₀; получившихъ отиѣтку 3 въ первомъ полугодіи было 16, во второмъ—20, и неудовлетворительную отиѣтку 2—всего 2 ученика Полтавскаго училища во второе полугодіе.

Пропущено уроковъ учениками было въ 1890 году на 396 менѣе, чѣмъ въ 1889, именно: 85.475, что составляетъ 51 урокъ на каждаго ученика. Главная причина пропусковъ была болѣзнь—79.240 случаевъ, но уважительнымъ причинамъ пропущено 5.784 урока и по неуважительнымъ—448 (менѣе на 341 урокъ предыдущаго года); случаевъ неусаджительнога по причинамъ пропуска уроковъ наиболѣе было въ Кіевскомъ училищѣ (172), наименѣе въ Винницкомъ, (7), и вовсе ни одного въ Кременчугскомъ училищѣ.

Преобладающими болѣзнями между учениками реальныѣхъ училищъ, считая еще и Бѣлоцерковское, были лихорадки, катарральная воспаленія горла и дыхательныхъ путей, глазная болѣзнь, болѣзнь желудка, а въ нѣкоторыхъ училищахъ тифъ и дифтеритъ. Изъ 79.240 заболѣваній наибольшее число пришлось на училища: Кіевское—19.688 заболѣваній, Кременчугское—17.009 и Ровенское—14.003 случая, наименьшее на Бѣлоцерковское—380, въ остальныхъ четырехъ учи-

лицахъ больныхъ было отъ 5.000 и за 9.000. Смертныхъ случаевъ въ году было 7 въ училищахъ: Ровенскомъ и Полтавскомъ по 2 и въ Кременчугскомъ, Новозыбковскомъ и Винницкомъ по 1.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II. ШКОЛЫ ВЪ СИБИРИ ¹⁾.

У. Иркутская губернія.

Переходя къ Восточной Сибири, мы, само собой разумѣется, должны прежде всего остановиться на Иркутской губерніи, пользовавшейся всегда преимущественнымъ вниманіемъ главной администраціи края, резидировавшей въ г. Иркутскѣ, служившемъ средоточіемъ всѣхъ главныхъ административныхъ органовъ края, въ томъ числѣ и учебнаго вѣдомства: главный инспекторъ для всей Восточной Сибири съ его канцеларіей сосредоточиваются въ Иркутскѣ и нигдѣ послѣ раздѣленія Восточно-Сибирскаго генералъ-губернаторства на Иркутское и Приамурское.

На площади въ 14.542,3 кв. миль, занимаемой Иркутской губерніей, населеніе къ 1-му январю 1890 г. простиралось до 437.084 д. обоюго пола (230.987 м. и 206.997 ж.). Въ распоряженіи этого населенія состояло 310 учебныхъ заведеній—38 мужскихъ, 25 женскихъ и 247 для обоюго пола. Въ общемъ числѣ 310 уч. заведеній приходится на города 54 (17,4%) и на округа—256 (82,6%)²⁾. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ городахъ число учебныхъ заведеній абсолютно меньше, чѣмъ въ округахъ, въ 4,7 раза,—совсѣмъ не то относительно. Изъ общаго населенія губерніи въ 1890 г. въ 437.084 д. обоюго пола приходится на города 55.379 д. (30.654 м. и 24.725 ж.). а на округа 381.705 д. (200.333 м. и 181.372 ж.), то-есть, городское населеніе меньше по численности окружнаго въ 6,9 раза; стало быть, относительно число учебныхъ заведеній въ городахъ, не смотря

¹⁾ *Окончаніе.* См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Въ число 256 учебн. завед., приходившихся на округа, входитъ 67 церковно-приходскихъ школъ (26,2%) и 124 школы грамоты (48,4%); стало быть, почти три четверти этихъ школъ состоятъ въ вѣдѣніи епархіальнаго училищнаго совѣта, а не дирекціи народныхъ училищъ. Офіціальный отчетъ предполагаетъ, что въ школахъ грамоты, при множествѣ въ деревняхъ сельскихъ, въ средѣ учителей преобладаютъ лица этого сословія.

на концентрированность населенія, не только не меньше, но еще даже больше въ 1,5 раза. Прогрессъ въ школьномъ дѣлѣ Иркутской губерніи, сравнительно съ прежде разсмотрѣннымъ нами 1885 годомъ, очевидный: 1) общее число учебныхъ заведеній увеличилось на 25% (вмѣсто 247—310), и 2) самое главное, это то, что увеличение это замѣчается почти исключительно въ округахъ, для которыхъ, при громадной разбросанности населенныхъ пунктовъ, количество школъ имѣетъ громадное значеніе: въ то время, какъ число городскихъ школъ увеличилось всего на 3,8% (вмѣсто 52—54), оно въ округахъ увеличилось на 31,8% (вмѣсто 195—256); въ 1885 г. число городскихъ школъ было относительно больше, чѣмъ въ округахъ, въ 2 раза, въ 1889 г. оно уже больше лишь въ полтора раза; въ 1885 г. приходится по всей губерніи одно учебное заведеніе на 1.652 д. обоего пола, а въ томъ числѣ—въ городахъ одно на 891,8 д., а въ округахъ—на 1.854,8 д.; въ 1889 же году по всей губерніи приходится одно учебное заведеніе на 1.409,8 д. и въ отдѣльности: въ городахъ—одно на 1.025,8 д., а въ округахъ—на 1.491 д.; то-есть, въ то время, какъ въ городахъ число учебныхъ заведеній относительно уменьшилось на 13,1%, оно въ округахъ значительно увеличилось—на 24,8%.

Во всѣхъ 310-ти учебныхъ заведеніяхъ губерніи въ 1889 г. состояло 8.913 учащихся обоего пола; это составляетъ въ среднемъ одно учебн. завед. на 28,8 учащихся (вмѣсто 31,8 въ 1885 г.).

Общій контингентъ учащихся распределяется такъ: мальчиковъ 6.239 и дѣвочекъ 2.674, то-есть, первые составляютъ 70%, а послѣднія—30% всѣхъ учащихся; мы не можемъ не видѣть въ этомъ выводѣ благоприятный шагъ впередъ для женскаго образованія сравнительно съ 1885 г., когда мальчики составляли 71%, а дѣвочки—29% учащихся.

Сравнивая число учащихся съ населеніемъ, мы видимъ вотъ что: по губерніи вообще обучался одинъ изъ 49 д. обоего пола (а въ 1885 г. одинъ изъ 52,7 д.): въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 37 мужчинъ, а въ женскомъ населеніи одна изъ 77,1 женщинъ. Мы видимъ и здѣсь замѣтный шагъ впередъ за четыре года: въ 1885 г. обучался одинъ изъ 39,8 мужчинъ и одна изъ 82,8 женщинъ; ясно, что и здѣсь, и тамъ число учащихся абсолютно и относительно увеличилось, при чемъ увеличение его въ женскомъ населеніи превышаетъ увеличение въ мужскомъ населеніи: въ 1885 г. школьно-учебное дѣло въ женскомъ населеніи стояло въ 2,1 раза выше уровня, чѣмъ въ мужскомъ, а въ 1889 г.—только въ 2 раза ниже.

Изъ общаго числа учащихся по всей губерніи 8.913 ч. приходится на города—4.289 уч. и на округа—4.624 уч. ¹⁾, то-есть, приходится на города 48,1%, а на округа 51,9%. между тѣмъ какъ четыре года назадъ въ 1885 г. на первые приходилось 54%, а на послѣдніе— 46%, то-есть, *тогда* число учащихся въ округахъ было меньше не только относительно въ 9,1 раза, но даже и абсолютно на 620 учащихся, или на 17,4%; теперь же въ 1889 г. оно относительно, конечно, въ городахъ больше, но уже не въ 9,1 раза, а только въ 6,4 раза; абсолютно же оно больше на 335 уч., или на 7,9%, когда въ 1885 г. оно было меньше абсолютно на 17,9%. Это, безспорно, пріятный успѣхъ. Конечно, далеко и далеко школьно-учебное дѣло въ округахъ отстало противъ городовъ: въ послѣднихъ въ 1889 г. одинъ учащійся приходится на 12,9 душъ населенія, а въ округахъ одинъ на 82,6 д.; но въѣдъ въ 1885 г., когда въ городахъ одинъ учащійся приходился на 11,1 д., въ округахъ онъ приходился на 101,1 душу! Грустно, что въ городахъ процентъ какъ бы понизился, но за то утѣнительно, что въ округахъ онъ замѣтно повысился.

Учащіеся обоихъ половъ составляютъ въ 1889 г. 7,7% городского населенія и 1,2% окружнаго населенія, между тѣмъ какъ въ 1885 г. учащіеся въ городахъ составляли 9% городского населенія, а въ округахъ—лишь 0,9% окружнаго населенія. По губерніи же вообще процентъ, конечно, повысился: въ 1885 г. учащіеся составляли 1,9% всего населенія, а въ 1889 г.—2%.

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ официальной отчетъ нѣтъ свѣдѣній относительно учащихся во *всѣхъ* церковно-приходскихъ школахъ и во *всѣхъ* школахъ грамоты: изъ 67 церковно-приходскихъ школъ епархіальному училищному совѣту доставлены свѣдѣнія лишь о 60-ти школахъ, въ которыхъ обучалось 1.353 дѣтей обоего пола, или около 29% учащихся во *всѣхъ* сельскихъ школахъ; а изъ 124 школъ грамоты свѣдѣнія доставлены о 78-ми, въ которыхъ обучалось 762 дѣтей обоего пола, или около 8,4% общаго числа учащихся. Интересны свѣдѣнія официального отчета о школахъ грамоты: „Особымъ помѣщеніемъ имѣютъ немногія школы; большинство же помѣщается въ жилыхъ помѣщеніяхъ у родителей учащихся. Число учениковъ въ нихъ незначительно, обыкновенно отъ 6 до 12. Плата учителямъ крайне ничтожна отъ 50 к. до 1 р. въ мѣсяцъ; часто случается, что вознагражденіе производится натурою—доставленіемъ харчей и квартиры, при чемъ родители довозвѣствуютъ учителя поочередно... Наблюденіе за ними составляетъ обязанность священниковъ, но надлежащаго контроля нѣтъ, да и не можетъ быть. Многочисленность примыкъ обязанностей не дозволяетъ священникамъ удѣлять школамъ достаточно времени, а изъ того, что дѣйствительно поспѣвается имъ, много тратится на переѣзды, такъ какъ населенные пункты отстоятъ другъ отъ друга на десятки верстъ“.

Обращаясь къ обзору учащихся въ городахъ и округахъ по поламъ, мы видимъ слѣдующее. Изъ общаго числа учащихся въ городахъ 4.289 человекъ,—мальчиковъ было 2.589, а дѣвочекъ—1.700; изъ 4.624 учащихся въ окружныхъ учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ было 3.650, а дѣвочекъ—974, то-есть, учащіеся мальчики составляли въ городахъ 60,3% всѣхъ учащихся, а въ округахъ 78,3%, учащіеся же дѣвочки въ городахъ—39,7%, а въ округахъ 21,1%. Въ то время, стало быть, какъ въ городахъ уровень школьно-учебнаго дѣла дѣвочекъ въ 1,3 раза ниже уровня его для мальчиковъ, въ округахъ онъ ниже въ 3,7 раза, то-есть, въ послѣднихъ онъ относительно ниже въ 2,3 раза. Этотъ фактъ изъ весьма прискорбныхъ. Въ городахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 11,3 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 14,3 женщинъ; въ округахъ же обучался одинъ мальчикъ изъ 54,3 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 186,3 женщинъ. между тѣмъ какъ въ 1885 г. обучался въ городахъ одинъ мальчикъ изъ 10 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 13,1 женщинъ, а въ округахъ—одинъ мальчикъ изъ 66,3 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 209,3 женщинъ.

Еслибы мы сравнили приведенные выводы съ соответственными выводами для губерній и областей Западной Сибири, то нельзя бы было не признать ихъ вполне благоприятными. Въ самомъ дѣлѣ:

	Въ То- больск. г.	Въ Ашмо- л. области.	Въ Иркут- ск. г.
Одно учебное заведеніе на число душъ.	2.416,3	3.312,4	1.652
Обучался одинъ изъ числа душъ.	89,9	81,9	49
Одинъ мужчина изъ	58,4	59,4	37
Одна женщина изъ	203,9	143,3	77,1
Учащіеся составляютъ % населенія.	1,1	1,2	2,0
Дѣвочки составляютъ % учащихся	21,7	26,9	30,0
Уровень школьно-учебнаго дѣла для дѣвочекъ ниже, чѣмъ для мальчиковъ, въ	3,3 раза	3	2 и т. д.

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ въ школьно-учебномъ дѣлѣ Иркутская губернія занимаетъ выдающееся, передовое мѣсто въ Сибири. Но выводъ этотъ правиленъ лишь до извѣстной степени. Дѣло въ томъ, что Иркутскъ является средоточіемъ для среднихъ и специальныхъ учебныхъ заведеній не для одной только губерніи, но и для всей Восточной Сибири, такъ что изъ общаго числа 54 городскихъ учебныхъ заведеній съ 4.289 учащимися на долю одного города Иркутска приходится 44 (81,3%) съ 3.853 учащимися (89,3%). Чтобы

представленіе о школьно-учебномъ дѣлѣ Иркутской губерніи было отчетливое и точное, необходимо выдѣлить изъ общаго числа учебныхъ заведеній и учащихся среднія и спеціальныя учебныя заведенія съ учащимися въ нихъ. Таковыхъ заведеній, собственно говоря, двѣнадцать, 5 среднихъ и 7 спеціальныхъ.

Къ среднимъ мы причисляемъ мужскую классическую гимназію съ 303 учащимися, женскую гимназію Н. С. Хаминова съ 207 учащимися, Дѣвичій Институтъ Восточной Сибири съ 121 учащеюся, духовную семинарію съ 99 учащимися и Иркутскую женскую прогимназію съ 196 учащимися. Къ спеціальнымъ же относимъ техническое (промышленное) училище съ 189 учащимися, ремесленно-воспитательное заведеніе Транзеникова со 100 учащимися, учительскую семинарію съ 82 учащимися, юнкерское училище съ 66 учащимися, приготовительную школу Сибирскаго кадетскаго корпуса съ 40 учащимися, военно-фельдшерскую школу съ 85 учащимися и писарскій классъ при резервномъ баталіонѣ съ 40 учащимися.

На всѣ города губерніи, какъ мы видѣли выше, приходилось въ 1889 г. 54 учебныхъ заведенія съ 4.289 учащимися. Исключивъ отсюда 12 учебныхъ заведеній (22,2%) съ 1.528 учащимися (35,6%), мы увидимъ, что начальное школьно-учебное дѣло городовъ Иркутской губерніи выразилось въ 1889 г. 42 учебными заведеніями съ 2.761 учащимися. Это составитъ среднимъ числомъ по одному учебному заведенію на 1.318,5 душъ населенія городского и по одному учащемуся на 20,1 души, при чемъ одно учебное заведеніе приходится на 65,7 учащихся. По поламъ, приходится изъ 2.761 учащагося въ городахъ 1.585 мальчиковъ (57,4%) и 1.176 дѣвочки (42,6%), то-есть, начальное образованіе получили одинъ мальчикъ изъ 19,2 мужчины и одна дѣвочка изъ 21 женщины. Въ округахъ же, какъ мы видѣли, обучался одинъ мальчикъ изъ 54,9 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 186,2 женщинъ. Стало бытъ, уровни начальнаго школьнаго дѣла въ городахъ и округахъ въ 1889 г. относились другъ къ другу—для мужскаго населенія, какъ 54,9 : 19,2, а для женскаго—какъ 186,2 : 21; первое отношеніе благоприятнѣе послѣдняго въ 2,9 раза.

Нѣкоторые изъ среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній служатъ населенію всей губерніи (гимназіи), нѣкоторые даже и для болѣе обширнаго района (дѣвичій институтъ, техническое училище, семинаріи). Отнесемъ, однако, ихъ къ одной Иркутской губерніи и выдѣлимъ тѣ, которыя доставляютъ оканчивающимъ въ нихъ курсъ

среднее образованіе въ строгомъ смыслѣ слова. Таковы будутъ мужская и женская гимназіи, двѣнадцатилѣтній институтъ, техническое училище и учительская семинарія. Стало бытъ, на губернію приходится (въ 1889 г.) одно среднее учебное заведеніе на 37.416,3 душъ населенія обоюго пола и по одному учащемуся на 484,6 души населенія, а на одно среднее учебное заведеніе по 180,4 учащихся. При указанномъ расчетѣ, мы получимъ, что въ мужскомъ населеніи губерніи среднее образованіе приходилось на долю одного изъ 402,4 мужчинъ и одной изъ 628,3 женщинъ. Но мы, конечно, будемъ ближе къ истинѣ, если предположимъ, что среднія учебныя заведенія доступны были почти исключительно городскому населенію, а въ такомъ случаѣ окажется, что одно среднее учебное заведеніе приходилось на 11.075,3 душъ населенія обоюго пола и на 180,4 учащихся; получать среднее образованіе одинъ изъ 63,4 мужчинъ, или одинъ изъ 2,3 получившихъ начальное образованіе, а въ женскомъ населеніи одна изъ 75,4 женщинъ, или одна изъ 3,3 женщинъ, получившихъ начальное образованіе. Стало бытъ, изъ 1.000 душъ мужскаго пола городского населенія получали образованіе: начальное 82, да среднее — 19; а изъ 1.000 душъ женскаго населенія получали — начальное 48, да среднее—13.

Положеніе школьнаго дѣла въ городскомъ населеніи Иркутской губерніи осталось бы, однако, не вполне выясненнымъ, еслибы мы не выдѣляли губернскаго города Иркутска, занимающаго въ этомъ отношеніи совершенно исключительное положеніе. Мы уже видѣли, что на его долю приходится всѣ среднія и спеціальныя учебныя заведенія; но и изъ остальныхъ 42 учебныхъ заведеній городского населенія губерніи на долю города Иркутска приходилось въ 1889 г. 32 и на остальные 5 городовъ, вмѣстѣ взятыхъ, только 10; то-есть, въ Иркутскѣ, населеніе котораго простиралось въ 1889 г. до 47.403 душъ обоюго пола (26.552 мужч. и 20.851 женщ.), было 44 учебныхъ заведеній съ 3.853 учащимися (2.302 м. и 1.551 ж.), въ остальныхъ же пяти городахъ съ населеніемъ въ 7.982 души обоюго пола (4.102 м. и 3.980 ж.) приходилось 10 учебныхъ заведеній съ 436 учащимися (287 м. и 149 ж.). Мы видѣли выше, что во всѣхъ округахъ, вмѣстѣ взятыхъ, было въ 1899 г. 4.624 учащихся, то-есть, всего на 771 учащихся больше, чѣмъ въ одномъ городѣ Иркутскѣ, населеніе котораго составляетъ лишь около одной восьмой части окружнаго населенія. Въ округахъ приходится одно учебное заведеніе на 1.854,3 души; въ Иркутскѣ оно приходится на 1.077,3 душъ, а въ осталь-

ныхъ городахъ на 798,3 душъ; въ округахъ одно учебное заведеніе приходится на 18,1 учащихся, въ Иркутскѣ на 87,6 учащихся, а въ другихъ городахъ — на 43,6 учащихся; одинъ учащійся приходится въ округахъ на 82,5 души, въ г. Иркутскѣ—на 12,3 душъ, а въ прочихъ городахъ—на 18,3 душъ. Отдѣльно по поламъ обучались въ мужскомъ населеніи: въ округахъ одинъ изъ 54,3 мужчинъ, въ городѣ Иркутскѣ одинъ изъ 12-ти, а въ прочихъ городахъ—изъ 14,3; въ женскомъ населеніи обучалось: въ округахъ одна изъ 186,2, въ г. Иркутскѣ—одна изъ 13,4, а въ прочихъ городахъ изъ 26,7; учащіеся составляли: въ округахъ 0,012 населеніи, въ г. Иркутскѣ—0,081, а въ прочихъ городахъ—0,055.

Для болыпой наглядности въ ходѣ школьнаго дѣла по губерніи сгруппируемъ въ таблицку данныя за 1885 и 1889 годы.

	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Количество учебныхъ заведеній.	247	310
Изъ нихъ: а) въ городахъ .	52	54
б) въ округахъ	195	256
Одно учебное заведеніе приходится на число		
душъ: а) въ городахъ	891,3	1.025,5
б) въ округахъ	1.854,9	1.491
в) по всей губерніи .	1.652	1.409,9
Количество учащихся: а) въ городахъ	4.178	4.289
б) въ округахъ	3.558	4.624
в) по всей губерніи.	7.736	8.913
Изъ нихъ мальчиковъ: а) въ городахъ.	2.670	2.589
б) въ округахъ	2.726	3.650
в) по всей губерніи.	5.396	6.239
Изъ нихъ дѣвочекъ: а) въ городахъ .	1.508	1.700
б) въ округахъ .	832	974
в) по всей губерніи .	2.340	2.674
Въ общемъ количествѣ учащихся:		
а) мальчиковъ	5.396	6.239
б) дѣвочекъ .	2.340	2.674
Процентъ учащихся: а) мальчиковъ	71	70
б) дѣвочекъ .	29	30
Процентное отношеніе учащихся къ населенію:		
а) въ городахъ .	9	7,7
б) въ округахъ .	0,98	1,21
в) по всей губерніи	1,9	2

Въ 1885 г.   Въ 1889 г.

Процентное отношеніе учащихся къ дѣтямъ		
школьнаго возраста: а) въ городахъ		
	53,99	46,32
б) въ округахъ		
	5,09	7,22
в) по всей губерніи.		
	11,21	12,17

VI. Енисейская губернія.

Енисейская губернія, существующая, какъ таковая, около 70 лѣтъ, занимаетъ обширную площадь въ 46.699 кв. миль, растянувшись въ длину на 2.800 верстъ и въ ширину на 1.300 верстъ. Но при этой колоссальной площади, превышающей слишкомъ въ 3 раза площадь только что рассмотрѣнной нами Иркутской губерніи, населеніе ея превышаетъ населеніе этой губерніи всего на 17.674 д. и простиралось къ 1-му января 1890 г. до 454.758 душъ (261.072 м. и 193.059 ж.). По состоянію же школьно-учебнаго дѣла Енисейская губернія и абсолютно, и относительно значительно уступаетъ Иркутской губерніи: въ отчетномъ году въ распоряженіи ея населенія имѣлось всего на всего 171 учебное заведеніе — 15 мужскихъ, 5 женскихъ и 151 для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола.

Городское населеніе Енисейской губерніи простиралось въ 1889 г. до 38.721 души (23.041 мужч. и 15.680 женщ.), а окружное до 416.037 душъ (238.661 мужч. и 177.376 женщ.); стало быть, городское населеніе составляетъ лишь 8,8% общегубернскаго населенія и меньше окружнаго въ 10,7 разъ, между тѣмъ какъ на долю его изъ 171 учебнаго заведенія приходится 35, или 20,8%, а на долю окружнаго населенія — 136 учебныхъ заведеній, или 79,8%, то-есть, абсолютно число учебныхъ заведеній въ городахъ меньше, чѣмъ въ округахъ, въ 3,9 раза; относительно же оно больше въ 2,7 раза. Сравнивая съ 1885 годомъ, мы должны будемъ констатировать замѣтное развитіе школьнаго дѣла въ губерніи: 1) общее число учебныхъ заведеній возросло на 44 заведенія, то-есть, на 34,8% (вмѣсто 127—171), и 2), — что, по нашему мнѣнію, весьма важно, — этотъ успѣхъ больше всего приходится на округа, для которыхъ, въ виду разбросанности окружнаго населенія, количество школъ играетъ гораздо большую роль, чѣмъ въ городахъ съ сравнительно болѣе сконцентрированнымъ населеніемъ. Дѣло въ томъ, что въ городахъ количество учебныхъ заведеній возросло лишь на 6 (вмѣсто 29—35), или на 20,7%; въ округахъ же оно возросло на 38 заведеній (вмѣсто 98 — 136), или на 38,8%; въ

1885 г. число школъ въ городахъ, правда, было относительно больше, чѣмъ въ округахъ, въ 2,4 раза, а въ 1889 г. въ 2,7 раза; но за то населеніе окружное *возросло* за это время на 18.033 души, или на 4,6⁰/₀, городское же населеніе *уменьшилось* на 10.351 душу, или на 21,1⁰/₀; потому-то, хотя абсолютно число школъ въ округахъ больше возросло, чѣмъ въ городахъ (въ послѣднихъ было меньше, чѣмъ въ округахъ—въ 1885 г. въ 3,4 раза, а въ 1889 г.—въ 3,9 раза), оно относительно все-таки не много отстало. Въ 1885 г. по всей губерніи приходится одно учебное заведеніе на 3.520,3 души—въ городахъ на 1.692,1 д., а въ округахъ на 4.061,3 д.; въ 1889 же году оно приходится по всей губерніи на 2.717,9 д.: въ городахъ на 1.106,3 д. и въ округахъ на 3.059,9: не ясно ли, на сколько дѣло въ 1889 г. обстоило благоприятнѣе, чѣмъ въ 1885 году?

Во всѣхъ 171 учебномъ заведеніи учащихся въ 1889 г. было 5.394—какая громадная разниця съ Иркутской губерніей! Приходится по одному учащемуся на 84,3 души населенія и одно учебное заведеніе на 31,7 учащагося: въ Иркутской же губерніи приходится одинъ учащійся на 49 душъ и одно учебное заведеніе на 28,3 учащихся! Если мы рассмотримъ положеніе вещей въ Енисейской губерніи безотносительно, то должно признать его благоприятнымъ, ибо изъ обзора нашего за 1885 г. мы видѣли, что тогда обучался одинъ изъ 111,3 душъ, а на учебное заведеніе приходилось учащихся столько же—31,7.

Контингентъ учащихся 5.394 чел. распредѣляется такъ: 3.785 мальчиковъ и 1.609 дѣвочекъ; первые составляютъ 70,2⁰/₀, а послѣднія—29,8⁰/₀, опять-таки отрядный выводъ изъ сравненія съ 1885 годомъ: тогда учащіяся дѣвочки составили лишь 27,8⁰/₀, теперь же 29,8⁰/₀; тогда количество учащихся дѣвочекъ было меньше количества учащихся мальчиковъ абсолютно въ 2,6 раза и относительно въ 2,06 раза (учился одинъ изъ 85,3 мужч. и одна изъ 176,7 женщ.); теперь же оно меньше абсолютно въ 2,4 раза и относительно въ 1,9 разъ, такъ какъ въ 1889 г. учился въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 69, а въ женскомъ населеніи одна изъ 120.

Распредѣлимъ теперь контингентъ учащихся по городамъ и округамъ: на первые приходится 2.528 (1.637 мал. и 891 дѣв.), а на послѣдніе—2.866 учащихся (2.148 мал. и 718 дѣв.). Стало быть, на города приходится 46,8⁰/₀, а на округа 53,1⁰/₀. всѣхъ учащихся, хотя городское населеніе составляетъ лишь 8,8⁰/₀, а окружное 91,8⁰/₀ всего губернскаго населенія. Но все же, сравнительно съ 1885 годомъ, положеніе вещей улучшилось въ пользу округовъ, такъ какъ тогда изъ

общаго контингента учащихся на города приходилось 47,8%, а на округа 52,2%; тогда количество учащихся въ городахъ было абсолютно меньше количества учащихся въ округахъ въ 1,1 разъ и относительно больше въ 7,3 разъ (въ округахъ одинъ учащійся приходится на 188,3 души населенія, а въ городахъ—на 25,7 душъ); теперь же, въ 1889 г., оно абсолютно меньше въ 1,13 разъ и относительно больше въ 9,6 разъ; ибо учился въ округахъ одинъ изъ 145,3 душъ, а въ городахъ одинъ изъ 15,3 душъ. Конечно, въ школьномъ дѣлѣ успѣхъ значительно болѣе, но и въ округахъ оно замѣтно подвинулось впередъ: уже не на 188,3, а на 145,3 душъ приходится одинъ учащійся. Учащійся составляли въ 1889 г. 6,8% городского населенія и 0,7% сельскаго населенія, а въ 1885 г. проценты были: 3,9% и 0,3%, по всей же губерніи въ 1889 г.—1,2% и въ 1885 г.—0,3%.

При анализѣ цифръ учащихся въ городахъ и округахъ отдѣльно по поламъ мы видимъ вотъ что: въ городахъ учащіеся мальчики составляли 64,8%, а учащіяся дѣвочки — 35,2%; въ округахъ же первые составляли 74,9%, а послѣднія—25,1%; то-есть, отношеніе между уровнями школьно-учебнаго дѣла обонхъ половъ въ округахъ въ 1,4 разъ неблагопріятнѣе, чѣмъ въ городахъ; это, конечно, печально, но не должно забывать, что въ 1885 г., когда учащіяся дѣвочки въ городахъ составляли 32,2% всѣхъ учащихся, онѣ въ округахъ составляли 23,9%, то-есть, уровень былъ почти тотъ же, но равница въ томъ, что въ 1885 г. учился въ городахъ одинъ мальчикъ изъ 20,2 м. и одна дѣвочка изъ 35,7 ж., а въ округахъ 1 мальчикъ изъ 238,2 м. и 1 дѣвочка изъ 348,6 ж.; въ 1889 же году учился: въ городахъ одинъ мальчикъ изъ 14,1 м. и одна дѣвочка изъ 17,6 ж.; въ округахъ 1 мальчикъ изъ 111,1 м. и 1 дѣвочка изъ 247 ж.: ясно, что если отношеніе между уровнями школьно-учебнаго дѣла обонхъ половъ не только не улучшилось, но даже ухудшилось (хотя и на едва замѣтную величину), то все же, бесспорно, школьно-учебное дѣло въ округахъ, сравнительно съ 1885 г., замѣтно уже улучшилось не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ — для первыхъ въ 2,1 раза (238,2 : 111,1), а для послѣднихъ въ 1,4 разъ (348,6 : 247). Конечно, прогрессъ школьно-учебнаго дѣла для дѣвочекъ въ городахъ за это время гораздо болѣе замѣтный: тамъ оно улучшилось, сравнительно съ 1885 годомъ, въ 2,03 разъ (35,7 : 17,6), но за то для мальчиковъ оно улучшилось только въ 1,44 разъ (20,2 : 14,1): слабѣе, чѣмъ въ округахъ на 41%. И во всякомъ случаѣ положеніе женскаго школьно-учебнаго

дѣла въ Енисейской губерніи отнюдь не изъ худшихъ, что ясно изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ:

	Въ губерніяхъ:				Въ областяхъ:	
	Тобольской.	Иркутской.	Акмолинской.	Забайкальской.	Якутской.	Въ Енисейской губерніи.
Обучался: одинъ мужчина иль .	58,4	37	59,4	57	190,2	69
одна женщина изъ	203,2	77,1	143,2	230	891,1	120
Дѣвочки составляютъ % учащихся.	21,7	30	26,2	19	18,2	29,2
Уровень школьно-учебнаго дѣла для дѣвочекъ ниже, чѣмъ для мальч.	3,1	2	3	4	4,1	1,7

Мы видимъ, что изъ 1.000 душъ мужскаго населенія обучалось: въ Тобольской губерніи—17, въ Иркутской—27, въ Якутской области—5, въ Акмолинской—17, въ Забайкальской—18, въ Енисейской губерніи—15. Изъ 1.000 душъ женскаго пола: въ Тобольской губерніи—5, въ Иркутской—13, въ Якутской области—1, въ Акмолинской—7, въ Забайкальской—4, въ Енисейской губерніи—8.

Теперь выдѣлимъ изъ общаго числа учебныхъ заведеній съ контингентомъ ихъ учащихся среднія учебныя заведенія. Таковыхъ можно считать пять: три въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ— мужская классическая гимназія съ 174 учениками, женская гимназія съ 225 ученицами и учительская семинарія съ 51 ученикомъ, да въ окружномъ городѣ Енисейскѣ два—шестиклассная прогимназія мужская съ 69 учениками да женская гимназія съ 135 ученицами, а всего во всѣхъ пяти заведеніяхъ 651 ученикъ:—291 мальч. и 360 дѣв., то-есть, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣвочки по численности преобладаютъ и составляютъ 55,2% всѣхъ учащихся.

Выдѣливъ изъ общаго числа городскихъ учебныхъ заведеній эти пять заведеній съ ихъ учащимися, увидимъ, что начальное-школьное дѣло Енисейской губерніи въ 1889 г. выражается 30 учебными заведеніями съ 1877 учащимися, что среднимъ числомъ составляетъ по одному учебному заведенію на 1.290,7 душъ городскаго населенія и по одному учащемуся на 20,6 душъ, а на одно учебное заведеніе по 62,6 учащихся. Далѣе изъ этихъ 1877 учащихся оказывается 1.346 мальчиковъ и 531 дѣвочка, или послѣднія составляютъ 28,2%. Начальное образованіе въ городахъ, стало быть, получалъ въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 17,1 мужч. и одна изъ 29,6 женщ.; въ округахъ же, какъ мы видѣли, учился 1 изъ 111,1 мужч. и 1 изъ 247 женщ.; значить, отношенія между уровнями начальнаго-школьнаго дѣла въ го-

родахъ и округахъ въ 1889 г. были таковы: для мужскаго населенія, какъ 111,1 : 17,1, для женскаго, какъ 247 : 29,5, при чемъ первое отношеніе благоприятіе послѣдняго только въ 1,3 разъ.

Еслибы мы отнесли среднія учебныя заведенія на счетъ всего губернскаго населенія, то выходило бы, что одно заведеніе мужское приходится на 87.024 души мужскаго пола и одно женское на 96.529,5 душъ женскаго пола, при чемъ среднія учебныя заведенія посѣщаль бы въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 897,1 мужч., или одинъ изъ 12 посѣщающихъ начальныя учебныя заведенія, а въ женскомъ населеніи одна изъ 536,3 женщ., или одна изъ 3,3 посѣщающихъ начальныя школы. Однако же мы полагаемъ, что будемъ гораздо ближе въ истинѣ, если отнесемъ среднія учебныя заведенія не на все населеніе, а лишь на городское, такъ какъ окружному населенію они доступны лишь въ самой малой степени. Тогда окажется вотъ что: одно среднее мужское учебное заведеніе приходится на 7.680,3 душъ мужскаго пола и одно женское на 7.840 душъ женскаго пола, и посѣщало эти среднія учебныя заведенія: въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 79,3 мужчинъ и въ женскомъ населеніи одна изъ 43,6 женщитъ, или, другими словами, среднее образованіе доступно для получающихъ образованіе въ начальныхъ школахъ—въ мужскомъ населеніи одному изъ 4,6 мужч., а въ женскомъ населеніи одной изъ 1,6 женщ.: очевидно, что по отношенію къ среднему образованію дѣвочки въ Енисейской губерніи поставлены болѣе благоприятно, чѣмъ мальчики.

Если Красноярскъ въ школьно-учебномъ дѣлѣ не такъ рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ городовъ, какъ Иркутскъ въ Иркутской губерніи, то все же положеніе его сравнительно весьма благоприятное, и для болѣе отчетливаго представленія слѣдуетъ выдѣлить его изъ общей массы городовъ въ губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ трехъ среднихъ учебныхъ заведеній, на его долю приходится еще 9 начальныхъ учебныхъ заведеній, а всего 12, на долю же остальныхъ пяти городовъ остается 23 учебныхъ заведеній; а между тѣмъ изъ 38.721 души городского населенія на долю Красноярска приходится 16.272 души или 42%; число учебныхъ заведеній, безспорно, въ Красноярскѣ меньше и абсолютно (въ 1,3 разъ), и относительно (въ 1,6 разъ), и это вполнѣ понятно, такъ какъ всѣ прочія заведенія разбросаны по пяти городамъ; по количеству же учащихся Красноярскъ занимаетъ, несомнѣнно, первенствующее мѣсто. Изъ общаго контингента учащихся въ городахъ (2.528) на его долю приходится 1.251, или 49,5%, а на

въ остальные города, вмѣстѣ взятые, остается 50,6⁰/₀: то-есть, количество учащихся въ Красноярскѣ относительно болыше количества учащихся во всѣхъ остальныхъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ 1,36 разъ; въ учебныхъ заведеніяхъ г. Красноярска учится одинъ изъ 13, а въ остальныхъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, одинъ изъ 17,6. Одно учебное заведеніе въ Красноярскѣ въ среднемъ приходится на 104,3 учащихся, а въ другихъ городахъ — на 55,5. Въ Красноярскѣ учащіеся составляютъ 7,7⁰/₀ населенія, а въ остальныхъ городахъ 5,7⁰/₀.

Намъ остается еще вычислить проценты дѣтей школьнаго возраста, посѣщавшихъ въ Енисейской губерніи въ 1889 г. учебныя заведенія. Такихъ дѣтей школьнаго возраста должно было быть по всей губерніи 75.906 (42.238 мужч. и 33.668 женщ.), училось же въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мы видѣли, 5.394 человека (3.785 мальч. и 1.609 дѣвоч.); стало быть, изъ дѣтей школьнаго возраста учебныя заведенія посѣщали въ 1889 г. 0,071, или 7,1⁰/₀,—9⁰/₀ мальчиковъ школьнаго возраста и 4,8⁰/₀ дѣвочекъ школьнаго возраста. Въ городахъ учебныя заведенія посѣщало: изъ мальчиковъ школьнаго возраста— 0,334, или 43,4⁰/₀, а изъ дѣвочекъ школьнаго возраста—0,326, или 32,6⁰/₀, а всего обоимъ пола школьнаго возраста — 0,322 или 39,2⁰/₀; въ округахъ же въ учебныхъ заведеніяхъ находилось изъ дѣтей школьнаго возраста— мальчиковъ 0,062, или 9,2⁰/₀, дѣвочекъ—0,052, или 5,2⁰/₀, а всего 0,073, или 7,3⁰/₀: въ сравненіи съ 1885 годомъ и здѣсь проявляется замѣтное развитіе школьно-учебнаго дѣла, ибо въ 1885 г. по всей губерніи школы посѣщало лишь 0,064 дѣтей школьнаго возраста, а по округамъ—0,033.

Чтобы какъ можно болѣе наглядно выяснить ходъ школьно-учебнаго дѣла за послѣдній 11-лѣтній періодъ, сгруппируемъ основныя данныя въ слѣдующей табличкѣ:

	Въ 1879 г.	Въ 1881 г.	Въ 1885 г.	Въ 1889 г.
Количество учебныхъ заведеній:				
а) въ городахъ .	19	20	29	35
б) въ округахъ .	36	39	98	136
в) во всей губерніи	55	59	127	171
Одно учебное заведеніе на число душъ:				
а) въ городахъ .	1.704	2.242	1.692,1	1.106,2
б) въ округахъ .	11.003,2	9.645	4.081,2	3.059,1
в) во всей губерніи	7.791,2	7.135	3.520,2	2.717,2
Количество учащихся:				
а) въ городахъ .	1.536	1.654	1.911	2.528

	Въ 1879 г.	Въ 1881 г.	Въ 1886 г.	Въ 1889 г.
б) въ округахъ	813	1.033	2.111	2.866
в) во всей губерніи.	2.349	2.687	4.022	5.394
Въ томъ числѣ мальчиковъ:				
а) въ городахъ	1.148	1.252	1.296	7.637
б) въ округахъ .	689	900	1.606	2.148
в) во всей губерніи	1.837	2.152	2.902	3.785
Дѣвочки:				
а) въ городахъ	388	402	615	891
б) въ округахъ	124	133	506	718
в) во всей губерніи .	512	535	1.120	1.609
Однихъ учащихся на число душъ:				
а) въ городахъ	21	27	26,7	15,9
б) въ округахъ .	487,1	364	188,8	145,1
в) во всей губерніи .	182,1	166	111,1	84,1
Учащихся на одно учебное за- веденіе:				
а) въ городахъ .	80,1	82,7	65,9	72,1
б) въ округахъ .	22,1	26,1	21,1	21,1
в) во всей губерніи	42,1	45,1	31,7	31,7
Процентъ учащихся:				
а) мальчиковъ	78,1	80	72,1	70,1
б) дѣвочекъ	21,1	20	27,1	29,1
Процентъ учащихся въ населеніи:				
а) въ городахъ	4,7	3,7	3,9	6,1
б) въ округахъ .	0,1	0,1	0,1	0,1
в) по всей губерніи	0,1	0,1	0,1	1,1
Какая доля дѣтей школьнаго воз- раста посѣщала школы въ гу- берніи	0,011	0,011	0,011	0,011

Одинъ взглядъ на табличку показываетъ замѣтный ростъ школьнаго дѣла въ Енисейской губерніи за сравнительно небольшой періодъ времени въ 11 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ:

1) Количество учебныхъ заведеній увеличилось въ 3 раза съ лишнимъ (3,1 р.) — на 210,9%, что составляетъ среднее годовое приращеніе на 19,2% (на 10,1 учебн. завед. въ годъ въ среднемъ), и увеличеніе это не только абсолютное, но и относительное — въ 2,9 раза: въ 1879 г. одно учебное заведеніе на 7.791,1 д., а въ 1889 г. — на 2.717,9 д. И, что отграднѣ всего, ростъ этотъ приходится преимущественно на округа, гдѣ количество школъ играетъ наиболѣе важную роль: въ городахъ оно возросло абсолютно въ 1,1 разъ (на 84,2%¹), а въ округахъ — въ 3,1 разъ (на 277,8%¹); отно-

сительно же оно увеличилось въ городахъ въ 1,8 разъ, а въ округахъ — въ 3,6 разъ.

2) Количество учащихся возросло на 3.045 чел., что составляетъ среднее годовое приращеніе на 276,6 учащихся. Абсолютно оно возросло въ 2,3 раза (на 129,6‰), но и относительно оно возросло въ 2,2 раза, и опять-таки главный ростъ приходится на округа: въ городахъ количество учащихся возросло абсолютно въ 1,6 разъ и относительно въ 1,4 раза; въ округахъ же оно возросло абсолютно въ 3,3 раза и относительно въ 3,3 раза.

3) Весьма отряднымъ является замѣтное возрастаніе количества учащихся дѣвочекъ: оно возросло абсолютно въ 3 раза. между тѣмъ какъ количество учащихся мальчиковъ абсолютно возросло только въ 2,1 раза; при этомъ количество учащихся дѣвочекъ въ городахъ возросло въ 2,3 раза, а въ округахъ — въ 5,6 разъ.

4) Процентъ учащихся къ населенію увеличился слишкомъ вдвое: въ 1879 г. онъ составлялъ 0,5‰, а въ 1889 г. — 1,2‰; при этомъ для городовъ процентъ этотъ выросъ въ 1,4 раза (вмѣсто 4,7—6,5), въ округахъ же въ три съ половиною раза (вмѣсто 0,2‰ — 0,7‰).

5) Наконецъ, контингентъ дѣтей школьнаго возраста, посѣждавшихъ учебныя заведенія, увеличился въ 2,1 раза (вмѣсто 0,032 — 0,071).

VII. Забайкальская область.

На пространствѣ въ 11.825 кв. миль, занимаемомъ Забайкальской областью, населеніе къ 1-му январю 1890 г. простиралось до 565.477 душъ об. пола (291.443 м. и 274.034 ж.).

Въ распоряженіи этого населенія состояло въ 1889 г. 151 учебное заведеніе, между тѣмъ какъ въ 1885 г., при населеніи въ 529.903 души, учебныхъ заведеній было 200: здѣсь регрессъ за послѣднее время весьма рѣзко бросается въ глаза: число учебныхъ заведеній за 4 года уменьшилось на 49, или 24,5‰—это абсолютно, и относительно оно уменьшилось на 26,1‰! Въ 1885 г. одно учебное заведеніе приходилось на 2.644 д., а въ 1889 г. на 3.744,9 души.

Учащихся во всѣхъ 151 учебномъ заведеніи въ 1889 г. было 6.296 чел., а въ 1885 г. ихъ было 6.287 чел., то-есть, за 4 года, когда населеніе возросло на 35.574 д., или на 6,7‰, число учащихся возросло всего на всего на *девять* человекъ, что составляетъ увеличеніе абсолютное на 0,14‰, относительно же число учащихся уменьшилось. Въ числѣ 6.296 учащихся было 5,105 мальч. и 1.191 дѣв.,

то-есть, первые составляли 81%, а послѣдніи 19%, всѣхъ учащихся, между тѣмъ какъ въ 1885 г. первые составляли 82,2%, а послѣдніи—только 17,8% учащихся; относительное увеличеніе учащихся дѣвочекъ сравнительно съ учащимися мальчиками составляетъ, безспорно, благоприятное явленіе, но оно все-таки мало ослабляетъ то неприятое впечатлѣніе, которое производитъ замѣтный упадокъ въ положеніи школьнаго дѣла въ области: въ 1885 г. приходилось одно учебное заведеніе на 31,4 чел., въ 1889 г.—на 41,7 ч., въ 1885 г. приходился одинъ учащійся на 84,2 д. об. пола, а въ 1889 г. одинъ на 90 душъ.

Въ числѣ учившихся въ 1889 г. въ 151 учебномъ заведеніи области 6.296 чел., какъ мы видѣли, было мальчиковъ 5.105 и дѣвочекъ 1.191; стало быть, учился одинъ мальчикъ изъ 57 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 230 женщинъ, между тѣмъ какъ въ 1885 г. учился одинъ мальчикъ изъ 53,6 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 225,6 женщинъ. Всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, принимая во вниманіе численность населенія и нормы академика Вуняковского, въ 1889 г. въ области было 94.830 (47.039 м. и 47.791 д.), всѣхъ же учащихся, какъ мы видѣли, было всего 6.296 (5.105 м. и 1.191 д.); стало быть, изъ дѣтей школьнаго возраста учебныя заведенія посѣщало лишь 0,66, или 6,6%, а именно 10,3% мальчиковъ школьнаго возраста и 2,4% дѣвочекъ школьнаго возраста, между тѣмъ какъ въ 1885 г. учившіеся въ учебныхъ заведеніяхъ области составляли 0,71, или 7,1% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, при чемъ учившіеся мальчики составляли 11,8% мальчиковъ школьнаго возраста, а учившіеся дѣвочки—2,4% дѣвочекъ школьнаго возраста: какъ видимъ, уровень школьнаго дѣла для дѣвочекъ оставался въ statu quo, а для мальчиковъ онъ понизился.

Мы должны, однако, оговориться: замѣтно уменьшилось абсолютно и относительно число учащихся и понизился вообще уровень школьно-учебнаго дѣла въ Забайкальской области не въ послѣдній (1889 г.), а въ предпослѣдній годъ—въ 1888 г., а именно: въ 1887 г. числилось учащихся 6.545 ч., а въ 1888 г. 6.109 ч. (4.989 м. и 1.120 д.), то-есть, мы видимъ, что сравнительно съ 1888 г. въ послѣдній отчетный годъ число учащихся все-таки увеличилось на 187 чел., или на 3,1%, но за то сравнительно съ 1887 г. оно уменьшилось на 253 ч., или на 3,9%. Что же касается учебныхъ заведений, то ихъ число и абсолютно, и относительно уменьшилось какъ сравнительно съ 1885 г., о чемъ мы говорили уже выше, такъ и съ

предшествовавшимъ ему 1888 годомъ, когда число ихъ простира-лось до 183, и однихъ низшихъ учебныхъ заведеній въ области было 167, то-есть, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число учеб-ныхъ заведевій уменьшилось на 32, или абсолютно на 17,5%, а от-носительно на 17,7%: въ 1888 г. приходилось одно учебное заведе-ніе на 3.090 человекъ и одинъ учащійся на 92,5 д. населенію, а въ отчетномъ 1889 г. одно учебное заведеніе приходится на 3,741,5 д. и одинъ учащійся на 90 душъ.

Изъ общаго числа 6.296 учащихся приходится на 32 учебныхъ заведеніи городовъ 2.223 ч. (1.512 м. и 711 д.) и на 118 учебныхъ за-веденій округовъ 4.073 учащихса (3.593 м. и 480 д.), то-есть, на го-рода приходится 35,3%, а на округа 64,7% учащихся. Въ городахъ на учебное заведеніе приходится среднимъ числомъ 67,4 учащихся, а въ округахъ 34,5 учащихся.

Не имѣя точныхъ данныхъ о численности населенія въ городахъ и округахъ области въ отдѣльности за 1889 г., мы лишены возмож-ности сдѣлать болѣе детальное сопоставленіе между положеніемъ на-чально-школьнаго дѣла въ тѣхъ и другихъ. Отметимъ лишь то, что въ то время, какъ въ 1885 г. число учащихся въ округахъ было больше абсолютно числа учащихся въ городахъ въ 3,5 раза, оно въ 1889 г. больше лишь въ 1,5 разъ, то-есть, въ округахъ положеніе школьнаго дѣла относительно ухудшилось въ сравненіи съ городами: въ послѣднихъ число учащихся увеличилось сравнительно съ 1885 г. на 66,8% (съ 1.333 до 2.223), въ округахъ же оно уменьшилось на 17,8% (съ 4.954 до 4.073); въ 1885 г. на 10 учащихся въ горо-дахъ приходилось 37 въ округахъ, а въ 1889 г. уже на 10 чело-вѣкъ, посѣщавшихъ городскія учебныя заведенія, въ округахъ при-ходилось лишь 18; стало быть, положеніе школьнаго дѣла въ послѣд-нихъ ухудшилось относительно слинкомъ въ два раза (37 : 18).

По поламъ, учащіяся распредѣляются такъ: въ городскихъ учеб-ныхъ заведеніяхъ дѣвочки составляютъ 32%, и мальчики 68%, а въ округахъ послѣдніе составляютъ 88,2%, а первыя—всего 11,8%; въ городахъ учащіяся дѣвочки составляютъ почти третью часть всѣхъ учащихся, а въ округахъ лишь около девятой части. Стало быть, въ округахъ уровень школьно-учебнаго дѣла для женскаго населенія былъ въ 1889 г. слабѣе, чѣмъ въ городахъ, въ 2,7 раза. Въ 1889 г. обучалось изъ 10.000 мужчинъ 175 мальчиковъ и изъ 10.000 женщинъ 43 дѣвочки, между тѣмъ какъ въ 1885 г. изъ такого же конти-

гента мужчинъ и женщинъ обучалось 186 мальч. и 40 дѣвочекъ: — явный регрессъ въ школьно-учебномъ дѣлѣ женскаго населенія.

Выдѣлимъ теперь изъ городовъ области г. Читы въ виду его исключительнаго положенія. Изъ 33 городскихъ учебныхъ заведеній на его долю приходится 8, или 24,2%, между тѣмъ какъ въ 1885 г. ихъ приходилось 47,6%; учащихся въ его учебныхъ заведеніяхъ было 534 ч. (352 мальч. и 181 дѣв.), или 24%, между тѣмъ какъ въ 1885 г. на его долю приходилось 39,8% всѣхъ учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что положеніе школьно-учебнаго дѣла въ областномъ городѣ въ 1889 г. было значительно менѣе благоприятно, чѣмъ въ 1885 г. И дѣйствительно въ Читѣ число учебныхъ заведеній абсолютно уменьшилось на 2 (вмѣсто 10—8), а въ окружныхъ городахъ увеличилось на 14, или слинкомъ въ 2 раза (вмѣсто 11—25); число учащихся въ Читѣ, правда, абсолютно увеличилось на 8 человекъ, но что значить это ничтожное увеличеніе въ 1,8% сравнительно съ увеличеніемъ числа учащихся въ округахъ на 883 чел., или на 109,4%.

Характеръ средне-учебныхъ заведеній въ области имѣютъ лишь Читинская классическая гимназія съ 145 уч., Троицкосавская женская гимназія съ 144 уч. и Троицкосавское же реальное училище съ 73 уч.; стало быть, изъ 33-хъ городскихъ учебныхъ заведеній съ 2.223 уч. должно выдѣлить 3 заведенія съ 362 учащимися, такъ что на начальную-школьную часть должно быть отнесено 30 учебн. заведеній съ 1.861 учащ. (1.294 м. и 567 д.), что составитъ въ среднемъ на одно учебное заведеніе по 62 учащихся, между тѣмъ какъ въ 1885 г. приходилось по 62,7 уч.

Относительно округовъ должно отмѣтить, что изъ 118 учебныхъ заведеній съ 4.073 уч. здѣсь въ 1889 г. было 51 станичная и поселковая школа съ 1.867 учащ. (1.718 м. и 149 д.) да миссіонерскихъ школъ, предназначенныхъ спеціально для дѣтей инородческаго населенія, 5 съ 77 учащ. (65 м. и 12 д.); сельскихъ школъ было 37 съ 1.364 уч. (1.146 м. и 218 д.), церковно-приходскихъ школъ 12 съ 336 уч. (297 м. и 39 д.) да 4 двухклассныхъ съ 219 уч. (162 м. и 57 д.). Здѣсь рѣзко бросается въ глаза, что наиболѣе слабый контингентъ учащихся дѣвочекъ оказывается въ казачьихъ, а на ними въ церковно-приходскихъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, учащіяся дѣвочки составляютъ слѣдующій процентъ всего числа учащихся: въ двухклассныхъ—26%, въ сельскихъ—16%, въ миссіонерской—15,8%, въ церковно-приходскихъ—11,6% и въ станичныхъ и

поселковых—8%. Крайне небрежное отношеніе казачьяго населенія къ обученію дѣвочек замѣчается повсемѣстно.

Нужно еще отмѣтить, что въ числѣ окружныхъ учебныхъ заведеній имѣется еще русско-монгольская школа съ 29 мальчиками и горная школа (Петровская) съ 55 м.

Слѣдующая табличка дастъ нѣкоторое наглядное представленіе о ходѣ школьно-учебнаго дѣла въ Забайкальской области за послѣдніи 11 лѣтъ.

Въ 1879 г. Въ 1881 г. Въ 1885 г. Въ 1888 г. Въ 1899 г.

Количество учебныхъ заведеній:					
а) въ городахъ	25	21	21	33	33
б) въ округахъ	77	126	179	150	118
в) во всей области .	102	147	200	183	151
Одно учебное заведеніе приходится на число душъ:					
а) въ городахъ	1.069,а	1.109,а	1.136,а	?	771,а
б) въ округахъ	5.990,а	3.933,а	2.827	?	4.576
в) во всей области	4.784	5.293	6.287	3.090	3.744,а
Количество учащихся:					
а) въ городахъ .	1.547	1.354	1.333	1.923	2.223
б) въ округахъ	2.480	3.939	4.954	4.186	4.073
в) во всей области .	4.027	5.293	6.287	6.109	6.296
Въ томъ числѣ мальчиковъ:					
а) въ городахъ	1.034	701	741	1.282	1.512
б) въ округахъ	2.216	3.613	4.425	3.707	3.593
в) во всей области .	3.250	4.314	5.166	4.989	5.106
Дѣвочекъ:					
а) въ городахъ	513	653	592	641	711
б) въ округахъ .	264	326	529	479	480
в) во всей области .	777	979	1.121	1.120	1.191
Процентное отношеніе къ общему числу учащихся:					
а) учащихся мальчик.	80,7	81,а	82,а	81,7	81,а
б) " дѣвочекъ .	19,3	18,а	17,а	18,3	19
Процентное отношеніе числа учащихся къ населенію области.	0,08	1,01	1,11	1,06	1,113
Обучался одинъ изъ сколькихъ душъ населенія .	121,3	98	84,а	92,3	90
На 100 мальчиковъ обучалось въ школахъ дѣвочекъ	24	22	23	22,а	22,3

Табличка показываетъ слѣдующее за 11-ти лѣтній періодъ:

1) Количество учебныхъ заведеній увеличилось абсолютно на 49, или на 48%, а относительно на 12,3%. Въ городахъ количество учебныхъ

заведеній увеличилось абсолютно на 8, или на 32%, а въ округахъ на 41, или на 53,2%.

2) Количество учащихся возросло на 2.269 ч., или абсолютно на 56,2% и относительно на 13,2%. Стало быть, среднее ежегодное позростаніе составляло: абсолютное—5,1% и относительное—1,2%. Въ городахъ число учащихся возросло на 676 ч. или абсолютно на 43,7%, что составляетъ среднее годовое приращеніе (абсолютное) на 61,5 ч., или на 4%; въ округахъ же число учащихся возросло на 1.706 ч., или абсолютно на 77%, что составляетъ среднее годовое приращеніе на 155,1 чел., или на 7%. Очевидно, что населеніе въ округахъ усилѣо замѣтно проникнулось сознаніемъ важности образованія для дѣтей, которое развивалось въ нихъ почти вдвое усильнѣе, чѣмъ въ городахъ.

3) Число учащихся мальчиковъ въ области увеличилось на 1855 ч., что составляетъ среднее годовое приращеніе абсолютное на 168,6 м., или на 5,2%. Число же учащихся дѣвочекъ увеличилось на 414 ч., что составляетъ среднее годовое приращеніе на 37,6 д., или на 4,8%. Стало быть, хотя и число учащихся дѣвочекъ возростало, но возростало оно не только абсолютно, но и относительно медленнѣе, чѣмъ число учащихся мальчиковъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что обзоръ Забайкальской области за 1889 г. констатируетъ, что „ученыхъ обществъ въ области нѣтъ, но есть кружокъ любителей музыки и литературы въ г. Нерчинскѣ, затѣмъ открылъ свои дѣятельнѣе кружокъ любителей драматическаго искусства, музыки и пѣнія въ г. Читѣ по утвержденному министерствомъ уставу. Въ г. Нерчинскѣ учреждены общественный музей и библіотека“.

VIII. Якутская область.

Послѣднимъ изъ районовъ, разсмотрѣнныхъ нами въ 1888 г. въ отношеніи школьно-учебнаго дѣла, была необъятная Якутская область, разлѣстившаяся на обширнѣйшей площади между 73° и 141° вост. долготы и 54° и 73° сѣв. широты, пространствомъ въ 71.352 кв. миль.

Въ этомъ районѣ школьное дѣло, говоря безотносительно, за послѣдніе четыре года подвинулось значительно впередъ: къ 1-му январю 1886 г. въ ней, при населеніи въ 251.896 д. обоого пола, учебныхъ заведеній было всего двадцать три, что составляло одно

учебное заведеніе на 10.952 д.; въ послѣдній же отчетный 1889-й г. учебныхъ заведеній при населеніи, возросшемъ лишь на 2.598 д. (254.494 ч.), было уже *пятьдесятъ два!* То-есть, въ то время, какъ населеніе возросло на 0,0103, или на 1,03⁰/₁₀₀, число учебныхъ заведеній возросло слишкомъ въ 2¹/₄ (2,26) раза, или на 126⁰/₁₀₀, что составляетъ среднее ежегодное приращеніе на 31,6⁰/₁₀₀! Въ то время, какъ въ 1885 г. одно учебное заведеніе приходилось на 10.952 д.,—въ 1889 г. уже оно приходится на 4.894,1 д. Конечно, и эта цифра далеко не изъ благоприятныхъ, но нельзя упускать изъ вида того существеннаго обстоятельства, что поглощающую часть населенія Иркутской области составляютъ не русскіе, а инородцы—якуты, численности которыхъ къ 1-му января 1890 г. простиралась до 224.496 душъ, или 88,2⁰/₁₀₀ всего населенія, да еще другіе инородцы (тунгусы, якугиры, чуванцы и ламуты) общей численностью (11.810 д.) составляли около 4,6⁰/₁₀₀ населенія, такъ что русскіе своей численностью въ 18.198 д. составляли всего на всего 7,2⁰/₁₀₀ областного населенія.

Изъ 52-хъ учебныхъ заведеній въ отчетномъ году приходилось на города—18, а на округа—34. Общее же населеніе въ томъ же году распредѣлялось такъ: въ городахъ 8.324 д., а въ округахъ 246.170 д., то-есть, въ то время, какъ городское населеніе составляло лишь 3,2⁰/₁₀₀, а окружное—96,7⁰/₁₀₀ всего населенія, на долю перваго изъ общаго числа учебныхъ заведеній приходилось 34,6⁰/₁₀₀, а на долю послѣдняго 65,6⁰/₁₀₀; другими словами, въ городахъ одно учебное заведеніе приходилось среднимъ числомъ на 462,4 д., а въ округахъ—на 7.240,3 душъ, или относительно въ послѣднихъ число учебныхъ заведеній въ 15,7 разъ меньше. Ипатьно, это обстоятельство и объясняется преимущественно именно тѣмъ, что въ городахъ русское населеніе составляетъ крупную часть, въ округахъ же оно совершенно поглощается инородческими элементами. Какъ бы то ни было, а по сравненію съ 1885 г. количество учебныхъ заведеній въ области замѣтно возросло, и (что важнѣе всего) возросло оно въ округахъ сравнительно сильнѣе, чѣмъ въ городахъ: въ 1885 г. оно въ послѣднихъ было относительно больше, чѣмъ въ первыхъ—въ 21,2 раза, а въ 1889 г. только въ 15,7 разъ, въ 1885 г. одно учебное заведеніе въ округахъ приходилось на 17.646,6 душъ, а въ 1889 г.—на 7.240,3 д., между тѣмъ какъ въ городахъ оно въ послѣдній годъ приходится на 462,4 вмѣсто 821,1 д. въ 1885 году.

Къ сожалѣнію, число учащихся, хотя и возросло, но далеко не съ такою скоростью. Во всѣхъ 52-хъ учебныхъ заведеніяхъ области въ

1890 г. обучалось 828 чел. вмѣсто 611 чел. въ 1885 г., то-есть, за 4 года число ихъ возросло на 217 чел., или на 35,8% абсолютно и на 35,1% относительно. Въ 1885 г. приходилось въ области по одному учащемуся на 412,2 д. населенія, а въ 1889 г.—по одному на 307,4 д.; въ 1885 г. учащіеся составляли 0,24% областного населенія, а въ 1889 г.—0,22%; въ 1885 г. учебныя заведенія посѣщало изъ дѣтей школьнаго возраста 0,016, или 1,6%, а въ 1889 г.—0,019, или 1,9%.

Изъ 828 учащихся приходится на города 531, а на округа—297 ч., то-есть, учащіеся въ городахъ составляютъ 64,1% и учащіеся въ округахъ—35,9% всѣхъ учащихся по области, между тѣмъ какъ въ 1885 г. учащіеся въ округахъ составляли лишь 32,4% всѣхъ учащихся. Это уже, безспорно, шагъ впередъ. Конечно, само по себѣ весьма прискорбно, что число учащихся въ 1889 г. въ округахъ было меньше, тѣмъ въ городахъ, и абсолютно, и относительно: абсолютно въ 1,8 разъ, а относительно въ 52,7 раза, по вѣдъ—4 года назадъ, въ 1885 г., число учащихся въ округахъ было меньше числа учащихся въ городахъ абсолютно въ 2,08 раза и относительно въ 68,2 раза; въ 1885 г. одинъ учащійся приходился въ городахъ на 17,4 д. и въ округахъ—на 1.235 душъ, а въ 1889 г. одинъ учащійся приходился въ городахъ на 15,7 д. и въ округахъ—на 828,9 душъ въ 1885 г. учащіеся составляли въ городахъ 5,8% населенія и въ округахъ—0,08% населенія, а въ 1889 г. они составляли въ городахъ 6,4% и въ округахъ—0,12% населенія; въ 1885 г. они составляли 0,222 дѣтей школьнаго возраста въ городахъ и 0,006 въ округахъ; въ 1889 году учащіеся составляли въ городахъ—0,222 дѣтей школьнаго возраста и въ округахъ—0,007.

Теперь проанализируемъ контингентъ учащихся по поламъ. Въ общемъ числѣ учащихся по области 828 чел. было 677 м. и 151 дѣв., то-есть, первые составили 81,8%, а послѣднія лишь 18,2%, между тѣмъ въ общемъ населеніи 254.494 душъ было 130.504 м. и 123.990 ж., то-есть, послѣднія составляли 48,7% населенія. Изъ 531 учащагося въ городахъ мальчиковъ было 406 и дѣвочекъ 125, то-есть, послѣднія составляли 23,6%, а первые 76,6%; здѣсь, къ сожалѣнію, мы видимъ, что хотя въ общемъ число учащихся въ городахъ, безспорно, возросло (съ 413 до 531 чел.), но возросло оно не въ одинаковой пропорціи для мальчиковъ и дѣвочекъ: въ 1885 г. послѣднія составляли 27,4% учащихся, а въ 1889 г.—только 23,6%. Въ общемъ все же количественный прогрессъ несомнѣненъ: въ 1885 г. въ городахъ

обучался въ учебныхъ заведеніяхъ одинъ мальчикъ изъ 13,4 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 29,9 женщинъ, а въ 1889 г. одинъ мальчикъ изъ 11,4 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 29,6 женщинъ. Что касается округовъ, то въ 1885 г. дѣвочки въ учебныхъ заведеніяхъ *вообще не обучались*, а въ 1889 г. обучалось ихъ всего на всего 26 д., или 8,8%, всѣхъ учащихся—фактъ въ высшей степени прискорбный, указывающій на крайнюю необходимость всячески споспѣшествовать усиленію въ населеніи сознанія необходимости обучать дочерей; впрочемъ, и школьно-учебное дѣло для мальчиковъ въ округахъ стоитъ на очень еще низкомъ уровнѣ: въ 1885 г. одинъ учащійся мальчикъ приходился здѣсь на 624 души, а въ 1889 г.—на 423,9 души. Общій итогъ этихъ данныхъ таковой: въ 1885 г. въ городахъ обучалось изъ 100 мужчинъ 7,6 мальчиковъ и изъ 100 женщинъ 3,3 дѣв., а въ 1889 г. изъ 100 мужчинъ—8,8 мальч. и изъ 100 женщинъ—3,4 дѣв.; въ округахъ же обучалось въ 1885 г. изъ 100 мужчинъ 0,16 мальчиковъ, а въ 1889 г. изъ 100 м.—0,24 мальчиковъ и изъ 100 женщинъ—0,20 д. Въ городахъ посѣщало учебныя заведенія изъ дѣтей школьнаго возраста въ 1889 г.—мальчиковъ 0,54, или 54,4% и дѣвочекъ—0,19, или 19,4%; въ округахъ же учащіеся мальчики составляли 0,016 мальчиковъ школьнаго возраста, или 1,6%, а дѣвочки—0,0012 д. школьнаго возраста, или 0,12%.

Въ отношеніи школьнаго дѣла областной городъ Якутскъ долженъ быть выдѣленъ изъ массы городского населенія. Въ самомъ дѣлѣ, на этотъ городъ изъ общаго населенія въ 8.324 душъ приходилось въ 1889 г. 6.499 душъ (3.672 мужч. и 2.827 женщ.), или 78,1%, расположавшихъ изъ 18-ти городскихъ учебныхъ заведеній восемью, или 44,4%, въ которыхъ обучалось изъ 531 учащагося 420 человекъ (295 м. и 125 д.), или 79,1% всѣхъ учащихся въ городахъ. Такимъ образомъ въ г. Якутскѣ приходился въ 1889 г. одинъ учащійся мальчикъ на 12,4 мужчинъ и одна учащаяся дѣвочка на 22,6 женщинъ между тѣмъ какъ въ остальныхъ четырехъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ, приходился въ среднемъ одинъ учащійся мальчикъ на 8,7 мужчинъ и на *одну дѣвочку!* Фактъ знаменательный: мальчиковъ въ этихъ несчастныхъ, Богомъ обиженныхъ городкахъ (Олекминскъ, Вилюйскъ, Верхоянскъ и Среднеколымскъ) обучаютъ даже равностиѣе, тѣмъ въ областномъ городѣ, за то для дѣвочекъ образованіе считается совершенно излишнимъ.

Обратимъ еще, наконецъ, вниманіе на то, что изъ 8 учебныхъ заведеній г. Якутска—два съ характеромъ средне-учебныхъ заведеній,

именно: мужская нестиклассная прогимназія съ приготовительнымъ классомъ, въ которой въ 1889 г. было 82 учащихся (вмѣсто 93-хъ въ 1885 г.) и духовная семинарія съ 55-ю учащимися (вмѣсто 46 уч. въ 1885 году). Такъ какъ этими двумя учебными заведениями пользовалось, безспорно, городское населеніе всей области, то, стало быть, среднимъ образованіемъ пользовался одинъ изъ 33,8 мужчинъ.

Теперь для большей наглядности приводимъ слѣдующую табличку:

Въ 1879 г.   Въ 1886 г.   Въ 1889 г.

Количество учебныхъ заведеній:

а) въ городахъ	8	9	18
б) въ округахъ	13	14	34
в) во всей области	21	23	52

Одно учебное заведеніе на число душъ:

а) въ городахъ	921,8	821,1	462,1
б) въ округахъ	18.048,1	17.646,8	7.240,2
в) во всей области	11.523,8	10.952	4.894,1

Количество учащихся: а) въ городахъ.	358	413	531
б) въ округахъ.	191	198	297
в) во всей обл.	549	611	828

Въ томъ числѣ мальчик.: а) въ городахъ.	329	300	406
б) въ округахъ.	187	198	271
в) во всей обл.	516	498	677

Дѣвочекъ: а) въ городахъ.	29	113	125
б) въ округахъ.	4	—	26
в) во всей обл.	33	113	151

Учащихся на одно учебное заведеніе:

а) въ городахъ	44,7	60,6	29,8
б) въ округахъ	14,6	14,1	8,7
в) во всей области	23,8	26,6	15,9

Одинъ учащійся на число душъ:

а) въ городахъ	20,2	17,8	15,7
б) въ округахъ	1.228,8	1.235	828,9
в) во всей области	441,8	412,2	307,4

Процентъ учащихся: а) мальчиковъ	93,9	81,6	81,8
б) дѣвочекъ .	6,1	18,8	18,2

Процентное отношеніе учащихся къ населенію:

а) въ городахъ	4,8	5,5	6,1
----------------	-----	-----	-----

Въ 1879 г. Въ 1885 г. Въ 1889 г.

б) въ округахъ	0,081	0,08	0,12
в) во всей области	0,222	0,24	0,23
Какая доля дѣтей школьнаго возраста въ области посѣщала учебн. завед.	0,012	0,016	0,019

Изъ этой таблички видно, что какъ ни печальна сама по себѣ картина школьно-учебнаго дѣла въ отдаленной Якутской области, но, если разсматривать ее въ перспективѣ послѣднихъ 12 лѣтъ (1879—1889 г.), улучшение ея за послѣднее время не подлежитъ сомнѣнію: количество учебныхъ заведеній увеличилось въ $2\frac{1}{2}$ раза, или на $147,8\%$, количество учащихся увеличилось въ $1\frac{1}{2}$ раза, или на $50,8\%$, увеличилось также въ полтора раза процентное отношеніе учащихся къ населенію и доля дѣтей школьнаго возраста, посѣщающихъ учебныя заведенія. Возростаніе количества учащихся наблюдается не только въ городахъ, но весьма замѣтно и въ округахъ, и въ послѣднихъ относительно даже больше, чѣмъ въ городахъ: въ послѣднихъ число учащихся возросло на $48,2\%$, а въ первыхъ на $55,5\%$. И что при этомъ отраднѣе всего, это—то, что число учащихся въ области дѣлочкикъ за этотъ 11-лѣтній періодъ возросло относительно больше, чѣмъ число учащихся мальчиковъ: число первыхъ возросло съ 38 до 151, или на 118 душъ, что составляетъ увеличеніе въ $357,8\%$; число же учащихся мальчиковъ возросло съ 516-ти до 677-ми, или на 161 м., что составляетъ увеличеніе лишь на $31,2\%$; то-есть, среднее годовое абсолютное приращеніе числа учащихся за этотъ 11-лѣтній періодъ составляло въ первыхъ $32,8\%$, а въ послѣднихъ— $2,8\%$. Въ 1879 г. учащіяся дѣвочки составляли лишь $6,1\%$, или меньше $\frac{1}{16}$ всѣхъ учащихся по области, а въ 1889 г. онѣ составляютъ уже $18,2\%$, или меньше $\frac{1}{6}$ части учащихся.

Общіе итоги, стало быть, для обширнаго района Восточной Сибири въ тѣхъ ея предѣлахъ, въ какихъ она разсматривана нами, таковы.

На площади, занимаемой двумя губерніями и двумя областями и простирающейся до 143.427,0 кв. миль, населеніе къ 1-му января 1890 г. простиралось до 1.711.813 душъ обоаго пола (914.006 м. и 797.807 ж.). Въ распоряженіи этого населенія было 684 учебныхъ заведенія съ 21.431 учащимся: ясно, что за 4 года школьное дѣло замѣтно подвинулось впередъ во всей восточной половѣ Сибири и абсолютно, и относительно. Въ 1885 г. учебныхъ заведеній здѣсь было только 597, а учащихся 18.656, то-есть, учебныхъ заведеній было

меньше абсолютю на 87 (на 14,6⁰/₀), а учащихся на 2.775 человекъ (на 14,3⁰/₀), хотя население за это время по всемъ районамъ увеличилось всего на 74.910 душъ, или на 4,6⁰/₀. Въ 1885 г. въ этой полосѣ Сибири приходилось одно учебное заведеніе на 2.686,6 душъ населенія и 31,2 учащихся, а въ 1889 г.—на 2.502,7 душъ населенія и 31,2 учащихся; тогда одинъ учащійся приходился на 87,7 душъ населенія, а теперь—на 79,6 душъ.

Въ числѣ 21.431 учащагося въ учебныхъ заведеніяхъ Восточной Сибири въ 1889 г. было 15.806 мальчиковъ и 5.625 дѣвочекъ, то-есть, первые составляли 73,7⁰/₀, а послѣднія 28,3⁰/₀ учащихся, между тѣмъ какъ въ 1885 г. дѣвочки составляли лишь 25,2⁰/₀ контингента учащихся. Въ 1885 г. по Восточной Сибири обучался одинъ изъ 62,2 мужчинъ и одна изъ 163,6 женщинъ, между тѣмъ какъ въ 1889 г. въ мужскомъ населеніи обучается одинъ изъ 57,8 мужчинъ и одна изъ 141,8 женщины.

Тотъ же прогрессъ количественный мы увидимъ при разсмотрѣніи школьно-учебнаго дѣла по городамъ и округамъ въ отдѣльности. Изъ общаго числа учебныхъ заведеній (684) приходится на города 140 и на округа 544, то-есть, на первые немного больше пятой части (20,5⁰/₀), а на послѣдніе около трехъ пятыхъ (79,5⁰/₀), между тѣмъ какъ въ 1885 г. на города приходилось лишь 18,4⁰/₀ изъ учебныхъ заведеній (111 изъ 597): тутъ, безспорно, неблагоприятный поворотъ для округовъ. Но въ 1885 г. приходилось въ городахъ по одному учебному заведенію на 1.141,2 душъ населенія и 70,6 учащихся, а въ округахъ—на 3.107,6 душъ населенія и 22,2 учащихся; въ 1889 году—въ городахъ на 922,1 души и 68,4 учащихся, а въ округахъ—на 2.909,4 душъ и 21,6 учащихся: мы видимъ, стало быть, что если положеніе улучшилось не одинаково въ городахъ и округахъ, то относительно оно все же выше стоитъ и тамъ, и здѣсь. Это же увидимъ и при анализѣ количества учащихся. Въ 1885 г. изъ общаго числа 18.656 ч. учащихся приходилось на города 7.835 учащихся (42⁰/₀) и на округа—10.821 учащихся (58⁰/₀); въ городахъ обучался одинъ изъ 16,2, а въ округахъ—одинъ изъ 139,6 душъ; въ 1889 же году изъ 21.431 учащагося приходится на города 9.571 учащагося (44,7⁰/₀), а на округа 11.860 (55,3⁰/₀); въ городахъ обучался одинъ изъ 13,5 душъ и въ округахъ одинъ изъ 133,6 душъ. Должно отмѣтить также относительный и абсолютный прогрессъ въ Восточной Сибири школьно-учебнаго дѣла въ женскомъ населеніи: въ 1885 г. на 13.962 мальчика приходилось 4.694 дѣвочки, то-есть, пере-

выхъ было больше вторыхъ почти въ три раза, а въ 1889 г. — ихъ больше лишь въ 2,8 раза, при чемъ въ городахъ ихъ больше въ 1,8 разъ, а въ округахъ—въ 4,4 раза; въ 1885 г. обучался въ мужскомъ населеніи—въ городахъ одинъ изъ 15,8, а въ округахъ одинъ изъ 88,8; а въ женскомъ населеніи— въ городахъ одна изъ 19,4 и въ округахъ—одна изъ 382,2; въ 1889 же году обучается въ мужскомъ населеніи—въ городахъ одинъ изъ 12-ти и въ округахъ одинъ изъ 86,8; а въ женскомъ населеніи—въ городахъ одна изъ 16,1 и въ округахъ одна изъ 337,8. Ясно, что и абсолютный, и относительный прогрессъ въ этой полосѣ Сибири за рассматриваемый періодъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Для нагляднаго сопоставленія положенія школьно-учебнаго въ обѣихъ полосахъ Сибири и сравнительнаго его развитія за послѣдній четырехлѣтній періодъ, составимъ въ заключеніе слѣдующую параллельную таблицу:

	Въ 1885 году.		Въ 1889 году.	
	Въ Запад. Сибири.	Въ Вост. Сибири.	Въ Запад. Сибири.	Въ Вост. Сибири.
Количество учебн. заведеній:				
а) въ городахъ .	196	111	213	140
б) въ округахъ .	653	486	1.063	544
в) во всемъ районѣ	849	597	1.276	684
Одно учебн. завед. на число душъ:				
а) въ городахъ .	1.459,8	1.141,2	1.509,4	922,1
б) въ округахъ .	5.054	3.107,5	3.298,8	2.909,4
в) во всемъ районѣ	4.212,5	2.686,8	3.000,1	2.502,7
Количество учащихся:				
а) въ городахъ .	14.506	7.835	15.005	9.571
б) въ округахъ .	15.956	10.821	24.139	11.860
в) во всемъ районѣ	30.462	18.656	39.144	21.431
Процентъ учащихся:				
а) мальчиковъ	74,8	74,8	76,4	73,7
б) дѣвочекъ	25,2	25,2	23,6	28,3
Процентное отношеніе учащихся къ населенію	0,8	1,1	1,02	1,25
Обучался одинъ изъ:				
а) мужчинъ	81,2	62,2	66,4	57,8
б) женщинъ	226,8	163,8	199,2	141,8
в) обоюго пола	117,7	87,7	97,8	79,8
Изъ дѣтей школьнаго возраста обучалось	0,049	0,088	0,61	0,075

В. Дополненіе.

Въ очеркъ нашъ школьнаго дѣла въ Сибири въ 1886 году мы включили Акмолинскую и Семипалатинскую области, такъ какъ онѣ до упраздненія Западно-Сибирскаго генераль-губернаторства входили въ составъ послѣдняго вмѣстѣ съ Тобольской и Томской губерніями, но мы не коснулись Семирѣченской области, отчасти потому, что она не входила прежде въ районъ Сибири, а отчасти потому, что у насъ не было о ней свѣдѣній. Имѣя теперь въ рукахъ свѣдѣнія о состояніи въ этой области школьнаго дѣла къ 1 января 1890 г. и принимая во вниманіе, что она входитъ вмѣстѣ съ Акмолинской и Семипалатинской областями въ составъ одного и того же Степнаго генераль-губернаторства, мы для полноты картины представимъ положеніе школьнаго дѣла въ этой области. Присоединимъ также свѣдѣнія и объ Амурской области, для которой въ 1888 г., при составленіи очерка школьнаго дѣла въ Сибири, данныхъ у насъ не было.

1. Семирѣченская область.

Область эта, образованная въ 1867 г. изъ трехъ округовъ Семипалатинской области и изъ лѣваго фланга Туркестанской области, занимаетъ территорію въ 353.015 кв. верстѣ. Въ 1889 г. населеніе области состояло изъ 671.112 душъ об. пола (387.907 м. и 283.205 ж.); но необходимо замѣтить, что большая часть территоріи присоединена, сравнительно недавно, между 1846 и 1864 гг., и обитателями края до того были исключительно кочевники-киргизы: первыя осѣдлыя поселенія стали возникать лишь съ 1847 г., такъ что еще въ 1889 г. больше трехъ четвертей населенія (77,1%) составляли кочевники, ихъ именно было 136.577 кибитокъ ¹⁾ въ количествѣ 517.246 дунъ об. пола (299.697 м. и 217.549 ж.). Да и изъ остальныхъ 22,9% осѣдлаго населенія почти половину—73.498 д. (10,9%) составляли таранчи, дунганы, сарты, татары и другіе азіатцы; вся же численность русскаго осѣдлаго населенія не превышала 12,9% всего населенія области и простиралась до 80.368 душъ (46.269 м. и 34.099 ж.).

Изъ учебныхъ заведеній въ отчетномъ году считалось въ области 91:25 мужскихъ, 7 женскихъ и 59 для об. пола. Изъ числа этихъ учебныхъ заведеній на города приходится 26 и на округа 65.

¹⁾ Въ томъ числѣ только 244 кибитки казыковъ, остальные всѣ—киргизовъ.

то-есть, на первое приходится 28,6%, а на послѣдніе 71,4%, между тѣмъ, какъ изъ общаго населенія въ 671.112 душъ на города приходится, всего 5,4% — 36.142 души (24.465 м. и 11.677 ж.), а на округа 94,6% — 634.970 душъ (363.443 м. и 271.527 ж.). Стало быть, число учебныхъ заведеній въ городахъ абсолютно меньше, чѣмъ въ округахъ, въ $2\frac{1}{2}$ раза, относительно же оно больше въ 7 разъ. По всей области приходилось одно учебное заведеніе на 7.374,0 душъ, въ отдѣльности же оно приходилось: въ городахъ на 1.390,1 душъ, а въ округахъ — на 9.768,8 душъ. Если мы припомнимъ, что въ Тобольской губерніи одно учебное заведеніе въ томъ же году приходилось на 2.416,2 (въ городахъ на 1.456,9 душъ и въ округахъ — на 2.546,3 д.), въ Акмолинской области — на 3.312,4 д. (въ городахъ на 1.608,8 д. и въ округахъ — на 3.947,4 д.), въ Иркутской губерніи на 1.409,9 д. (въ городахъ на 1.025,6 и въ округахъ — на 1.491 д.) и т. д., что даже въ Якутской области оно приходилось на 4.894,1 д. (въ городахъ на 462,4 д. и въ округахъ — на 7.240,8 д.), то ясно будетъ, на сколько въ этомъ отношеніи школьное дѣло отстало въ Семирѣченской области.

Впрочемъ, здѣсь необходима весьма важная поправка. Дѣло въ томъ, что изъ общаго числа зарегистрированныхъ въ 1890 г. 8.506 человекъ учащихся на учебныхъ заведеніяхъ приходится всего 2.897 (2.122 м. и 775 д.), остальные же 5.609 чел. (4.720 м. и 889 д.) обучались у муллъ въ киргизскихъ волостяхъ и у муллъ въ дунганскихъ селеніяхъ. Стало быть, одно учебное заведеніе въ области приходилось среднимъ числомъ на 31,8 учащихся, а одинъ учащійся въ учебныхъ заведеніяхъ — на 231,7 душъ населенія, а вообще одинъ учащійся въ области приходился на 78,9 душъ населенія, что даже благоприятнѣе, чѣмъ въ Акмолинской области, гдѣ одинъ учащійся въ томъ же году приходился на 81,9 д., или въ Тобольской губерніи, гдѣ онъ приходился на 89,9 душъ. Конечно, въ Иркутской губерніи положеніе вещей гораздо болѣе благоприятное: тамъ приходился одинъ учащійся на 49 душъ населенія, но вѣдь Семирѣченская область гораздо новѣйшаго происхожденія, и составъ ея населенія совсѣмъ иной.

Въ общемъ числѣ учащихся въ области, какъ мы видѣли, было 6.842 мальч. и 1.664 дѣвочки. Стало быть, послѣднія составляли менѣе пятой части — 19,6%, а мальчики — 80,4%. Фактъ несомнѣнный, но и въ другихъ районахъ онъ немного отрадише: въ Тобольской губерніи, вѣдь, дѣвочки также составляютъ лишь 21,7%, въ Акио-

линской 26,0° даже въ Иркутской не больше 30°/о; а въ другихъ районахъ онъ даже печальнѣе: въ Якутской области онъ составляли лишь 18,2°/о, въ Забайкальской — 18°/о!.. По всей Семирѣченской области обучался въ 1889 году одинъ мальчикъ изъ 56,7 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 176,2 женщинъ: цифры сравнительно довольно благоприятныя. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о Якутской области, въ которой въ 1889 г. обучался одинъ мальчикъ изъ 423,8 мужчинъ, а дѣвочекъ въ учебныхъ заведеніяхъ вовсе не было, — въ Акмолинской области обучался одинъ мальчикъ изъ 59,4 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 143,3 ж., въ Тюбюльской губерніи 1 мальчикъ изъ 58,4 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 203,9 ж., въ Забайкальской области одинъ мальчикъ изъ 57 м. и одна дѣвочка изъ 230 ж.; въ Иркутской губерніи, правда, обучался одинъ мальчикъ изъ 37 м. и одна дѣвочка изъ 77,1 ж., но Иркутская губернія—особь статья.

Распредѣлимъ теперь учащихся по городамъ и округамъ. Во всѣхъ 6-ти городахъ области съ населеніемъ въ 36.142 души приходилось, какъ мы видимъ, 26 учебныхъ заведеній, въ коихъ обучалось 1.291 ч. (875 мальчиковъ и 416 дѣвочекъ), такъ что на 65 учебныхъ заведеній въ округахъ учащихся (изъ общаго числа въ учебныхъ заведеніяхъ) остается 1606; другими словами, изъ контингента учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ на города приходится 44,6°/о, и на округа—55,4°/о, но и въ 5.609 человекъ, обучающихся у муллъ, приходятся также всецѣло на округа. Такимъ образомъ, составляя 1,27°/о всего населенія области, учащіяся въ городахъ составляютъ 3,3°/о городского населенія, а учащіяся въ уѣздахъ—1,4°/о уѣзднаго населенія; въ городскомъ населеніи одинъ учащійся приходится на 28 душъ, а въ уѣздахъ—на 88 жителей.

Обращаясь къ рассмотрѣнію учащихся по поламъ въ городахъ и округахъ, мы видимъ слѣдующее: изъ 1.291 учащагося въ городахъ было 875 мальчиковъ и 416 дѣвочекъ; первые составляли, стало быть, 3,6°/о мужскаго населенія, а послѣдніи—3,6°/о женскаго населенія, или въ городскомъ мужскомъ населеніи обучался одинъ мальчикъ изъ 27,6 мужчинъ, а въ городскомъ женскомъ населеніи одна дѣвочка изъ 28,1 женщины. Что же касается уѣздовъ, то въ общемъ числѣ обучавшихся здѣсь 7.215 человекъ было 5.967 мальчиковъ и 1.248 дѣвочекъ, то-есть, первые составляли 1,6°/о учащихся мужскаго населенія, а послѣдніи—0,46°/о женскаго уѣзднаго населенія, или въ уѣздахъ обучался одинъ мальчикъ изъ 60,9 мужчинъ и одна дѣвочка изъ 217,6 женскаго учащагося населенія. Стало быть, уровни началь-

наго образованія въ городахъ и уѣздахъ Семирученской области къ 1890 г. относились другъ къ другу въ мужскомъ населеніи, какъ 27,8 : 60,8, а въ женскомъ—какъ 28,1 : 217,8. Это значитъ, другими словами, вотъ что: уровень начального образованія въ городахъ области былъ выше, чѣмъ въ уѣздахъ, въ мужскомъ населеніи въ 2,18 раза, а въ женскомъ населеніи—въ 7,74 раза; последнее отношеніе для уѣздовъ неблагопріятнѣе перваго въ 3,8 раза.

Впрочемъ, если говорить о начальномъ образованіи въ строгомъ смыслѣ слова, то отношенія будутъ немного иныя. Дѣло въ томъ, что въ числѣ городскихъ учебныхъ заведеній имѣются: мужская классическая гимназія и женская гимназія, ихъ, конечно, должно отнести къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ: въ первой въ отчетномъ году было 163 учащихся мальчика, а въ послѣдней 97 учащихся дѣвочекъ. Мы видимъ, что среднее образованіе по области получалъ одинъ изъ 2.581 души и въ частности въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 2379,8, а въ женскомъ населеніи одна изъ 2.919,8. Есть много основаній думать, что среднимъ образованіемъ пользуются лишь тѣ, которые проходятъ черезъ начальныя учебныя заведенія, а тѣ, которые обучаются у мауля, о немъ и не думаютъ; если сопоставить контингентъ, воспользовавшійся средне-учебными заведеніями, съ контингентомъ, прошедшимъ черезъ начальныя школы, то окажется, что въ Семирученской области среднее образованіе приходилось на долю одного изъ 10,1 посѣщавшихъ училища: именно въ мужскомъ населеніи одинъ изъ 12-ти, а въ женскомъ одна изъ 7-ми.

Само собою разумѣется, что изъ городовъ области относительно образованія въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ оказывается областной городъ Вѣрный, въ которомъ находятся обѣ гимназіи, одно двухклассное училище, одно женское приходское училище—одноклассное, одна церковно-приходская школа, 6 училищъ при молитвенныхъ домахъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій и одно училище садоводства, то-есть, изъ 26 учебныхъ городскихъ заведеній—12 (46,5%); а изъ общаго числа 1.291 учащагося во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ на 12 Вѣренскихъ учебныхъ заведеній приходится 772 (489 мужчинъ и 283 женщины), или 59,8%.

Въ заключеніе, отмѣтимъ еще, что по всей области изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучалось въ 1889 г. лишь 0,87%, или 7,50‰ : 0,109‰, или 10,8‰, мальчиковъ школьнаго возраста и 0,324, или 3,27‰, дѣвочекъ школьнаго возраста. Если же отдѣльно разсматривать по городамъ и уѣздамъ, то увидимъ, что изъ дѣтей школьнаго возраста обу-

чалось изъ первыхъ 21,6% (22,2% мальчиковъ и 20,4% дѣвочекъ), а въ послѣднихъ 6,8% (10,2% мальчиковъ и 2,8% дѣвочекъ).

На содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній области отпущено было въ отчетномъ году изъ разныхъ источниковъ 138.334 р. 22 к.

Въ обзорѣ области оговаривается, что свѣдѣнія объ учащихся у муллъ въ киргизскихъ волостяхъ нельзя считать даже приблизительно вѣрными, во первыхъ, потому, что никакой записи ихъ не ведется, во вторыхъ, потому, что частью вслѣдствіе перекочевокъ, раздѣляющихъ сосѣдніе аулы и удаляющихъ ихъ другъ отъ друга на значительныя разстоянія, а частью вслѣдствіе переходовъ самихъ муллъ съ одного мѣста на другое, число учениковъ и ученицъ измѣняется нѣсколько разъ въ продолженіе одного года*.

Въ числѣ 26-ти городскихъ училищъ, кромѣ Вѣрненскаго училища садоводства, имѣется еще въ уѣздныхъ городахъ четыре сельско-хозяйственныхъ киргизскихъ школы, состоящихъ въ вѣдѣніи областной администраціи и имѣющихъ цѣлью ознакомить киргизъ съ земледѣліемъ, садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ и другими сельско-хозяйственными промыслами, а также ремеслами и мастерствами—кузнечнымъ, плотничнымъ, столярнымъ, сапожнымъ и прочими, въ сельскомъ хозяйствѣ необходимыми.

II. Амурская Область.

Эта сравнительно новѣйшаго происхожденія область (она образована въ декабрѣ 1858 г.), по площади своей наименьшая, занимаетъ самое послѣднее мѣсто между рассмотрѣнными нами районами, уступая пространствомъ своей территоріи даже Акмолинской области: расположенная между Забайкальской и Приморской областями, область эта занимаетъ пространство приблизительно около 8.128 кв. миль. По населенію же своему, область представляется положительно мизерной; изъ справочной книжки на 1890 г. видно, что на всей ея территоріи населеніе простиралось до 86.341 души обоаго пола! Столь же мизерно и количество ея учебныхъ заведеній, не превышавшее въ 1889 г. тридцати семи, что составляетъ въ среднемъ по одному учебному заведенію на 10.631,6 кв. верстъ и на 2.385,8 душъ. Изъ этихъ учебныхъ заведеній на областной городъ Благовѣщенскъ (единственный городъ области) съ населеніемъ въ 20.212 душъ приходится 6, а на всѣ остальные населенные пункты—31 заведеніе. Стало быть, въ Благовѣщенскѣ приходится въ среднемъ одно учебное заведеніе на 3.368,2 душъ, а по остальнымъ мѣстамъ—на 2.133,2 души.

Населеніе области въ главной массѣ, кромѣ городского населенія Благовѣщенска, состоитъ изъ казаковъ и крестьянъ: первыхъ—17.528 душъ, а послѣднихъ—24.500 душъ; вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ они составляютъ 62.238 душъ (72,1⁰/₀); остальная часть населенія состоитъ главнымъ образомъ изъ манчжуръ (14.000 душъ), приско-выхъ рабочихъ (6.134 души), инородцевъ—тунгусовъ, орочевъ и ман-негровъ (3.000 душъ) да корейцевъ — 967 душъ. Изъ 31 учебнаго заведенія приходится на казачьи станицы 22, на крестьянскія се-ленія — 7 и на приски — 2; то-есть, въ казачьемъ населеніи одно учебное заведеніе приходится на 796,7 душъ, а въ крестьянскомъ— на 3.500 душъ,—явленіе, встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ.

Общій контингентъ всѣхъ учащихся простирается въ области до 1.988 душъ (1.635 мужчинъ и 353 женщины), что составляетъ по одному учащемуся на 43,4 души и по 53,7 учащихся на одно учеб-ное заведеніе. Положеніе довольно благоприятное, говоря вообще; но въ частности въ крестьянскомъ населеніи школьное дѣло пребываетъ еще на весьма низкомъ уровнѣ. Дѣло въ томъ, что изъ этого кон-тингента учащихся на 6 учебныхъ заведеній г. Благовѣщенска при-ходится 737 учащихся (37,1⁰/₀), на 22 казачьихъ школы — 843 уча-щихся (42,4⁰/₀), на 7 крестьянскихъ школъ—321 учащихся (16,1⁰/₀) и на 2 присковскихъ школы—87 учащихся (4,4⁰/₀). Стало быть, больше третьей части учащихся приходится на г. Благовѣщенскъ, больше двухъ пятыхъ на казачье населеніе, а на крестьянское *меньше шестой части*, хотя оно и составляетъ 0,22 всего населенія. Въ городскомъ населеніи процентъ учащихся составляетъ 4,2⁰/₀, въ казачьемъ— 4,1⁰/₀, въ крестьянскомъ—1,2 и въ присковомъ—1,0. Исключивъ ино-родческое населеніе, въ области вообще приходится въ среднемъ одинъ обучающійся на 37 жителей и въ частности въ городскомъ населеніи одинъ изъ 27,4 жителей, въ казачьемъ—изъ 20,8 жителей, въ крестьянскомъ—изъ 76,2 душъ и въ присковомъ—изъ 72,6 душъ. Такимъ образомъ оказывается, что и по количеству учебныхъ заве-деній, и по количеству учащихся школьное дѣло въ казачьемъ на-селеніи поставлено и абсолютно, и относительно лучше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ слояхъ населенія; второе мѣсто занимаетъ городское на-селеніе, а крестьянское находится въ наиболѣе неблагоприятномъ по-ложеніи: изъ дѣтвой школьнаго возраста обучались въ учебныхъ заве-деніяхъ: у казаковъ—около 29,6⁰/₀, въ городскомъ сословіи—около 22⁰/₀, въ присковомъ населеніи — 8,4⁰/₀ и въ крестьянскомъ на-селеніи—около 7,8⁰/₀.

Въ числѣ 6-ти благовѣщенскихъ учебныхъ заведеній — три съ характеромъ среднихъ: духовная семинарія съ 42 учащимися, мужская шестиклассная прогимназія съ 144 учащимися и женская семиклассная гимназія съ 216 учащимися.

Для болѣе детального анализа у насъ нѣтъ данныхъ. Замѣтимъ лишь, что общее содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній въ области обходится въ годъ 105.475 р. 56 к., на счетъ казны 26,469 рублей (22,2%), на счетъ населенія 39.342 р. (34,1%), на средства святѣйшаго синода—37.764 р. 56 коп. (32,7%), миссіонерства—200 р. (0,2%) и Верхне-Амурскихъ частныхъ золотыхъ промысловъ — 11.700 р. (10,8%). Одинъ обучающійся обходится въ среднемъ 58 р. 9 к. въ годъ: въ духовной семинаріи и духовномъ училищѣ—243 р. 30 к., въ церковно-приходской образцовой школѣ—17 р. 60 к., въ мужской прогимназіи—158 р. 26 к., въ женской гимназіи—48 р. 35 к., въ народныхъ училищахъ—21 р. 54 к., въ казачьихъ школахъ—15 р. 38 к., въ крестьянскихъ школахъ—10 р. 92 к. и присковыхъ школахъ—134 р. 43 к. Стало бытъ, наименьшее содержаніе учащихся—въ крестьянскихъ школахъ, наибольшее—въ духовной семинаріи. Между же низшими школами по стоимости обученія первое мѣсто занимаютъ присковыя школы, а послѣднее—крестьянскія.

С. Чудомесидъ.

О. О. ПЕРВОЛЬФЪ.

(Некрологъ).

21-го декабря 1891 г. въ Варшавѣ внезапно скончался отъ удара
ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета
по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій Осипъ Осиповичъ Перволюфъ.

Варшавскій университетъ и русско-славянская наука потеряли
въ немъ крупную силу и неутомимаго труженика, а славянство —
виднаго дѣятеля, горячо преданнаго его интересамъ, съ любовью и
самоотверженіемъ служившаго ему на скромномъ поприщѣ ученаго
и профессора.

О. О. Перволюфъ родился въ 1841 г. въ южной Чехи, въ м. Чи-
мелицахъ (Čimelice), близъ г. Писка (Pisek). Гимназію онъ кончилъ
въ этомъ городѣ, а затѣмъ поступилъ въ Пражскій университетъ на
философскій факультетъ, гдѣ съ увлеченіемъ и энергіею продолжалъ
занятіе славистикой, къ которой пристрастился еще на гимназиче-
ской скамьѣ, подъ влияніемъ одного изъ своихъ преподавателей.
Любимыми его предметами уже тогда стали: исторія славянскихъ на-
родовъ, славянскія древности и историческая этнографія, которыя
онъ усердно себѣ усвоивалъ по трудамъ своихъ славянскихъ соотече-
ственниковъ и инославянскихъ ученыхъ.

Въ университетѣ Перволюфъ успѣшно изучалъ славянскія нарѣ-
чія подъ руководствомъ проф. Гатталы, а русскимъ языкомъ зани-
мался у В. Ганки. Занятія исторіей у Палацкаго также не могли
не оказать важнаго вліянія на научные интересы Перволюфа. Окон-
чивъ курсъ съ уже очень основательными и широкими познаніями
по славяновѣдѣнію вообще, славянскимъ языкамъ и въ особенности
по славянской исторіи, онъ не замедлил заявить себя въ литера-
турѣ рядомъ статей и очерковъ по исторіи славянскихъ народовъ,
въ которой особенное вниманіе было уделено Россіи, съ самаго на-

чала живо интересовать его. Эти статьи касались, между прочимъ, исторіи Малороссіи и замѣчательныхъ ея дѣятелей, вопроса о происхожденіи Руси, исторіи болгарь, полабскихъ и балтійскихъ славянъ и проч., и появлялись въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ начала 60-хъ годовъ „Obrazy Života“, „Routnik od Otavy“, „Obecní Listy“, „Narodní Listy“, „Pokrok“ etc.

За Первольфомъ установилась скоро репутація основательнаго ученаго и хорошаго слависта, и онъ былъ привлеченъ въ редакцію издаваемаго тогда „Научнаго Словаря“ Ригра, въ которой состоялъ дѣльныхъ 10 лѣтъ (съ 1861 г.) и неутомимо работалъ, составляя большія и малыя статьи по предметамъ славянской исторіи, этнографіи и проч. Многія изъ нихъ представляютъ порядочныя монографіи и даже цѣлыя изслѣдованія. Таковы, наприкладъ, статьи о Россіи, Польшѣ, Литвѣ, полабскихъ славянахъ, сербахъ, казакахъ и т. д. Въ 1864 году Первольфъ былъ приглашенъ на службу въ чешскій Национальный музей, гдѣ былъ сперва ассистентомъ, а съ 1869 г. архиваріусомъ. Эта служба могла лишь благопріятно отзвѣчаться на научныхъ его трудахъ, доставляя ему возможность имѣть подъ руками богатый матеріалъ для новыхъ изслѣдованій и для еще большаго расширенія его научнаго кругозора. Одновременно онъ былъ привлеченъ и къ изданію источниковъ по чешской исторіи, къ участию въ редактированіи „Fontes rerum Bohemicarum“.

Рано развившееся въ Первольфѣ чувство славянскаго самосознанія и увлеченіе славянскою идеею, унаслѣдованное отъ чешскихъ корифеевъ славянской науки и литературы старшаго поколѣнія, естественно направляли съ раннихъ лѣтъ его мысли и симпатіи къ Россіи, этому въ глазахъ каждаго истиннаго славянина несокрушиму олоту и центру тяготѣнія всего разрозненнаго славянства. Въ университетѣ уже онъ порядочно овладѣлъ русскимъ языкомъ. Состоитъ при Национальномъ музеѣ, онъ знакомился и сблизился съ посвященными Прагу русскими учеными славистами, завязывалъ съ ними научныя сношенія, и связь его съ тою славянскою страной, въ которой ему суждено было найти второе отечество, все болѣе укрѣплялась.

Плодомъ занятій Первольфа въ эту пору русской исторіей и живаго интереса къ русской современности была статья въ *Часописи Чешскаго Музея* (1867—1868) „Sněmu v pěkdyži Rusi“. Проникнутый искреннимъ сочувствіемъ (вмѣстѣ со всею западно-славянскою интеллигенціей) къ реформамъ прошлаго царствованія, освобожденію крестъ-

антъ, развитію общественности и проч., онъ въ этомъ очеркѣ задается цѣлью познакомить чешское общество съ явленіями старорусской земской и общественной жизни (старинными пѣчами, московскими земскими соборами и думами, казацкими кругами и радами) и дѣлаетъ это съ присущею ему всегда основательностью, пользуясь изслѣдованіями современныхъ русскихъ историковъ и бытописателей (Соловьева, Костомарова, К. Аксакова, Чичерина и др.).

Въ томъ же 1867 году вышелъ другой трудъ Первольфа, имѣющій въ послѣдующемъ направленіи его ученыхъ работъ и изысканій рѣшающее и опредѣляющее значеніе. Это его „Vývin idey vzájemnosti u národov slovanských“, то-есть, развитіе идеи взаимности у славянскихъ народовъ. Здѣсь авторъ впервые опредѣленно высказываетъ свои воззрѣнія на славянскій вопросъ, основанныя на глубокомъ изученіи исторіи, обнаруживая въ нихъ полную объективность и трезвость,—воззрѣнія, которымъ въ общемъ онъ до конца остался вѣрнѣе. Констатируя созданный исторіей фактъ разрозненности и разобщенности славянскихъ племенъ и невозможность славянъ ихъ въ одинъ народъ, авторъ выдвигаетъ изъ исторіи же идею славянской взаимности, то-есть, сознанія племеннаго родства и общности интересовъ славянъ, слѣдить за ея историческимъ развитіемъ и проявленіемъ въ политической и духовной жизни славянства, наконецъ, рекомендуетъ ее своимъ соплеменникамъ, какъ якорь спасенія, и въ настоящемъ.

Первольфъ стоитъ на нполнѣ реальной почвѣ, не мечтаетъ и не увлечается. Жизнь и опытъ заставили его, правда, впоследствии поступиться нѣкоторыми мнѣніями по частнымъ вопросамъ, напримѣръ, объ Австріи, отъ которой онъ тогда еще ожидалъ перехода къ болѣе здравому пониманію дѣйствительныхъ отношеній и интересовъ ея относительно славянъ и лучшаго въ ней житія для послѣднихъ, въ чемъ позже совершенно разочаровался, но это — подробности, а основной взглядъ его на славянскіе отношенія не измѣнился и послѣ. Очеркъ этотъ съ большимъ сочувствіемъ пріиѣтствовалъ (въ *Český Obzor literární*, č. 6, 1867) извѣстный чешскій писатель, историкъ чешской литературы возрожденія и сотрудникъ Первольфа по „Научному Словнику“ Як. Малый въ слѣдующемъ справедливомъ отзывѣ: „Если знать самого себя есть первый шагъ къ самоусовершенствованію и самоуправленію, то мы должны быть чрезвычайно благодарны тому, кто подставитъ намъ зеркало, въ которомъ мы увидѣли бы свой вѣрный образъ со всеми похвальными и предосудительными чертами, со всеми достоинствами и грѣхами, преимуществами

и недостатками. И такой благодарности съ полнымъ правомъ заслуживаетъ г. Первольфъ за представленный имъ въ его трудѣ вѣрный, не лиственный и не искаженный образъ славянства съ древнѣйшей поры до нашихъ дней"

Еще большаго вниманія и похвалъ и въ самой Чехи, и со стороны другихъ инославянскихъ ученыхъ заслужилъ историческій очеркъ Первольфа, посвященный всему славянству, но въ болѣе широкихъ рамкахъ, написанный для „Научнаго Словника“, но изданный и отдѣльно въ 1869 г.: „Slované, historický nástin“, въ которомъ по нѣкоторымъ отдѣламъ (археологін, міеологи, народной словесности) приняли участіе еще чешскіе ученые Воцель и Эрбенъ. Здѣсь судьба славянскихъ народовъ и историческая ихъ жизнь во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ основательно налагается съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, здѣсь же отведено значительное мѣсто и развитію идеи славянской взаимности. Первольфъ не только прекрасно опладѣлъ матеріаломъ и результатами чужихъ изслѣдовацій, но далъ доказательства собственной самостоятельной работы надъ источниками.

И у южныхъ славянъ, и въ Россіи былъ справедливо опѣненъ этотъ трудъ Первольфа. Специалисты сообщали ему свои сочувственные отзывы. Извѣстный хорватскій ученый Ф. Рачкій приготовилъ хорватское его изданіе. У насъ привѣтствовали автора по поводу его работы А. Млйковъ ¹⁾, Ниль А. Поповъ, М. Петровскій и др.

Мысль о привлеченіи въ Россію славянскихъ ученыхъ, въ видахъ оживленія русско-славянскихъ изученій и сближенія съ западными и южными соплеменниками въ области науки и литературы, находила себѣ у насъ усердныхъ стоятелей и приверженцевъ и послѣ неудачной попытки ея осуществленія при Шишковѣ, хлопотавшемъ въ этомъ отношеніи для Россійской Академіи.

Мысли этой въ привлеченіи къ Чехи, суждено было впервые осуществиться въ приглашеніи Первольфа. Первая попытка его привлеченія въ Россію относится еще къ концу 60-хъ годовъ, когда Ногодинъ брался хлопотать о доставленіи ему мѣста въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

Но на этотъ разъ Первольфъ самъ оуте не рѣшался покинуть родину. Когда же вскорѣ затѣмъ въ 1871 г. П. А. Лавровскій, первый ректоръ Варшавскаго университета, въ заботѣ о наилучномъ и наилучнѣйшемъ обставленіи въ немъ кафедры славянской филологін,

¹⁾ См его статью „Воселавинство“ въ *Бесѣды*, 1871, III.

обратилъ свои взоры въ Прагу и, остановившись на Первольфѣ, предложилъ ему доцентуру, онъ принялъ это лестное приглашеніе, и такимъ образомъ съ весня 1871 г. началось его ревностное и полезное служеніе новому отечеству, съ которымъ онъ тогда же связалъ себя и семейными узами ¹⁾, русской наукѣ и просвѣщенію. П. А. Лавровскій уже раньше лично зналъ Осипа Осиповича, высоко цѣнилъ его труды, а кромѣ того—имѣлъ самые лучшіе и сочувственные о немъ отзывы отъ славныхъ ученыхъ чешскихъ—Палацкаго и Эрбена.

Съ тѣхъ поръ Первольфъ ровно 20 лѣтъ занималъ съ честью кафедру славянской филологіи въ Варшавскомъ университетѣ, былъ самымъ добросовѣстнымъ преподавателемъ и руководителемъ своихъ слушателей, русскихъ и поляковъ, и неутомимымъ труженикомъ въ области своей науки. Многочисленные труды его преимущественно на русскомъ языкѣ, а отчасти на чешскомъ (есть, впрочемъ, у него статьи и на польскомъ — въ польской энциклопедіи, — и на нѣмецкомъ языкѣхъ), поляются заслуженною извѣстностью и въ Россіи, и на славянскомъ западѣ и югѣ и существенно обогащаютъ науку, научно исторію и древности славянскихъ народовъ. Въ университетѣ Осипъ Осиповичъ читалъ славянскія древности, историческую этнографію славянъ и характеристику славянскихъ нарѣчій. Въ 1874 г. онъ получилъ отъ С.-Петербургскаго университета степень магистра за диссертацию все по тому же предмету, который сталъ главною, центральной темой всѣхъ его трудовъ, то-есть, о славянской взаимности (напечатано въ *Журналѣ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія*), а въ 1876, — отъ Варшавскаго университета—степень доктора за сочиненіе „Германизация Балтійскихъ славянъ“ (С.-Пб., 1876). Возможно широкую и подробную научную разработку своей главной темы о развитіи идеи славянской взаимности и чувства племеннаго единства и солидарности въ исторіи всѣхъ славянъ, онъ ставилъ повидимому, главною задачею своей трудовой жизни, и всѣ усилія его были обращены къ расширенію своего матеріала по этому предмету, къ собранію отовсюду изъ всѣхъ доступныхъ ему историческихъ и литературныхъ памятниковъ новыѣхъ, правда, иногда и мелкихъ, но все же интересныхъ и важныхъ для него данныхъ и фактовъ. Съ этою цѣлью онъ ежегодно лѣтомъ предпринималъ поѣздки въ славянскія земли и съ увлеченіемъ и усиліемъ рылся тамъ въ архивахъ и бібліотекахъ, такъ что возвращался всегда обогащенный новыми драгоценными для него матеріалами.

¹⁾ См. Д. Мордовцова, Поминки по Костомарову, *Русскія Старина*, 1885, т. 46, стр. 634.

Изучая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ, живя въ Польскомъ краѣ, Первольфъ не могъ не относиться съ особеннымъ интересомъ и къ исторіи русско-польскихъ отношеній, къ судьбамъ западной Руси и къ польскимъ на нее вліяніямъ. Этотъ живой интересъ сказанъ и въ его работахъ: этимъ вопросомъ онъ занимался еще и въ Чехіи, а потомъ изучалъ въ Варшавѣ въ Главномъ архивѣ, „Метрику Литовскую“, а въ 1878 и 1879 гг. въ Петербургѣ—рукописи Императорской Публичной Библіотеки. Въ 1883 и 1889 гг. напечатаны были въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* его два обширныхъ и содержательныхъ отчета о научныхъ занятіяхъ за границу въ лѣтнее каникулярное время.

Результаты своихъ многолѣтнихъ усердныхъ розысканій по предмету излюбленной имъ темы Первольфъ задумалъ свести въ одномъ обширномъ трудѣ, обработавъ весь свой огромный матеріалъ по новому плану, и имѣлъ въ виду издать его не только на русскомъ, а также и на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ 1886 г. онъ приступилъ къ печатанію этого многотомнаго труда подъ заглавіемъ „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связь“. При нѣкоторыхъ несовершенствахъ, особенно въ системѣ и планѣ, трудъ этотъ (и въ не оконченномъ видѣ) представляетъ несомнѣнно важный вкладъ въ науку по массѣ сгруппированныхъ въ пять интересныхъ фактовъ изъ политической, культурно-религіозной и литературной исторіи славянскихъ народовъ и будетъ долго служить весьма полезнымъ пособіемъ въ этой области славновѣдѣнія, а также незамѣнимымъ основаніемъ для автора будущей связной и цѣльной исторіи славянской, о которой мечталъ уже не одинъ славистъ (напримѣръ, покойный Гильфердингъ). Къ великому сожалѣнію, трудъ Первольфа остался далеко не оконченнымъ. Въ 1886 г. вышелъ I томъ, посвященный очерку политической исторіи славянъ по народностямъ и быта славянъ (очень полезный очеркъ, хотя нѣсколько исполняющій крупный пробѣлъ въ нашей литературѣ); II томъ (1888 г.) посвященъ славянской идеѣ въ литературѣ славянъ до XVIII вѣка, а III-й—славянской идеѣ въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ славянъ до XVIII вѣка, по изъ этого тома Первольфъ успѣлъ издать только первую часть (1890 г.: „Западныя славяне“). Въ рукописи осталась глава—весьма важная и интересная—о польско-русскихъ отношеніяхъ.

Продолженіе осталось не написаннымъ, въ видѣ сырого матеріала. Особенный интересъ долженъ быть представлять IV томъ—о возрожденіи славянъ и о развитіи славянской идеи въ нѣмѣншемъ

столѣтіи—предметъ, въ которомъ покойный былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ. Тѣмъ живѣе приходится сожалѣть, что заглѣтымъ мечта Первольфа—привести къ концу этотъ стоявшій ему столько силъ и напряженія трудъ жизни—осталась не осуществленною. Повсюду въ славянскихъ ученыхъ и литературныхъ центрахъ съ горячимъ сочувствіемъ слѣдили за ходомъ работы Первольфа, и еще въ 1889 году хорватскій журналъ *Vjesnik* въ своей рецензійи выражалъ искреннее желаніе автору добраго здоровья, чтобы онъ довершилъ свой великій трудъ...

Къ тому же вопросу о взаимныхъ славянскихъ связяхъ относятся слѣдующія русскія и чешскія статьи Первольфа: „Чехи и русскіе“ (*Всесвѣтъ*, 1872 г.) „Чехи и поляки въ XV и XVI вѣкахъ“ (*Osvěta*, 1873 г.; къ ней добавленія въ *Čas. Č. Mus.*, 1880; *Přispěvky k česk. dějinám*, 15—16); „Александръ I и славяне“ (*Древняя и новая Россія*, 1879 г.); „Славянское движеніе у поляковъ 1800—1830 гг.“ (*Osvěta*, 1879 г.); „Славянская идея въ Россіи“ (*Osvěta*, 1879 г.); „Поляки и русины“ (*Osvěta*, 1881 г.). Уже судя по нимъ, можно составить себѣ понятіе о цѣнности и интересѣ предположеннаго авторомъ IV тома его „Славяне“.

Мы выше уже замѣтили, что Первольфъ всегда съ любовью занимался славянскими древностями (историческими, этнографическими и бытовыми), бывшими и предметомъ его университетскихъ чтеній. Къ этой области относится его докторская диссертация „Германизация Балтійскихъ славянъ“, имѣющая большое вполнѣ признанное критикой научное значеніе. Благодаря примѣненію къ этому темному вопросу строго-филологическаго метода, именно—разработкѣ данныхъ языка и быта (См. между прочимъ рецензію въ *Archivъ Ягича*, т. III). Какъ знатокъ исторіи Балтійскаго славянства, Первольфъ могъ съ полнымъ авторитетомъ высказаться по поднятому Геденовичемъ и Забѣлиннымъ вопросу о происхожденіи варяговъ-руси изъ племени Балтійскихъ славянъ, что онъ и сдѣлалъ, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ въ статьѣ „Варяги-руси и Балтійскіе славяне“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1877 г.). Той же категоріи принадлежитъ нѣсколько интересныхъ статей покойнаго въ *Архивъ славянской филологіи Ягича* (напримѣръ, „Slavische Völkernamen“, „Polen, Liachen, Wenden“ и проч.), а также чешская статья о славянскомъ бытѣ (позже вошедшая въ сочиненіе „Славяне“, I т): „Staroslov. tadý a obyčej“ („*Stov. Shorn.*“ Елипка, 1884 г.). Нельзя не отмѣтить здѣсь того интереса, который возбуждалъ всегда въ покойномъ ученомъ вопросъ о судьбѣ

старо-славянскаго языка у разныхъ славянъ въ начальную эпоху христіанскаго просвѣщенія, особенно у западныхъ — въ Чехіи, Польшѣ, Угріи. Его онъ разсматривалъ не разъ, между прочимъ, и въ болшемъ своемъ трудѣ о славянахъ, а всего подробнѣе отдѣльно — въ „Месодіевскомъ сборникѣ“, изданномъ Варшавскимъ университетомъ въ 1885 г. по поводу 1000-лѣтней годовщины смерти св. Месодія. Эта прекрасная и интересная статья носитъ заглавіе „Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ“.

Если Первольфа такъ интересовали славянскія древности и славянскія исторія, то еще съ болше живимъ и напряженнымъ интересомъ онъ относился къ славянскою современности. Тутъ онъ являлся, конечно, прежде всего также ученымъ, глубоко и объективно изучавшимъ вопросы, звѣщанные современнымъ поколѣніемъ исторіей, а затѣмъ въ известномъ смыслѣ и виднымъ славянскимъ дѣятелемъ, не выходящимъ, правда, изъ своей скромной роли ученаго, но и на этомъ поприщѣ оказавшимъ благотворное вліяніе, отчасти уже благодаря жизненному предмету своихъ сочиненій, повсюду у славянъ популярныхъ, а отчасти благодаря своимъ живымъ литературнымъ и научнымъ отношеніямъ съ славянами, своимъ частымъ посѣщеніямъ разныхъ земель славянскихъ и личному общенію съ представителями науки, просвѣщенія и политики у нихъ. Всюду Первольфъ являлся живымъ и симпатичнымъ воплощеніемъ идеи славянской взаимности и, благодаря своему общительному, миролюбивому и веселому характеру, носилъ всегда съ собою въ славянскіе кружки, съ которыми сближался, духъ братства и единенія. Всегда и повсюду онъ дорожилъ и гордился своимъ званіемъ русскаго профессора, проповѣдывалъ духовное сближеніе съ Россіей, необходимость изученія русскаго языка и самъ всего чаще говорилъ со славянами по-русски.

Въ связи съ развитіемъ идеи славянской взаимности сильно занималъ Первольфа *вопросъ восточный*, который онъ понималъ, какъ „славянскій“. Исторія этого вопроса — вотъ тотъ предметъ, въ которомъ славянскія научныя изслѣдованія покойнаго естественно сливались съ его непосредственнымъ званіемъ современныхъ сложныхъ и запутанныхъ западно-славянскихъ отношеній (особенно въ Австро-Венгріи), дѣлая изъ него глубокаго знатока и компетентнаго судью въ этомъ великомъ вопросѣ. Справедливость такого приговора доказывается цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ, написанныхъ съ полною объективностью и здравымъ пониманіемъ дѣла статей въ русскіяхъ и чешскихъ журналахъ. Несомнѣнно эти статьи способствовали значитель-

ному историческому уясненію восточнаго и австро-славянскаго вопроса, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой наиболѣе интеллигентной и серьезно читающей части нашего общества.

Первымъ трудомъ въ этой области была чешская статья Первольфа (въ *Čas. Č. Mus.* 1869 г.) „Uhrů a vřchodní otazka“, признанная, впрочемъ, выступившими тогда на сцену притязаніями *тюркской короны* (мадьяръ) на земли южно-славянскія, Румынскія и Галицію, и имѣвшая, слѣдовательно, помимо научнаго историческаго интереса, вполне жизненное, реальное значеніе. Авторъ обнаружилъ въ ней глубокое знаніе съ исторіей по первоисточникамъ и съ литературой предмета.

Впоследствии онъ переработалъ ее по-русски въ *Визитникъ Европы* (1877, „Мадьяры и восточный вопросъ“), гдѣ высказалъ свой взглядъ и на роль Австріи въ восточномъ вопросѣ. Эту послѣднюю тему онъ развивалъ затѣмъ подробно и обстоятельно по поводу результатовъ послѣдней русско-турской войны въ цѣломъ рядѣ статей: „Восточный вопросъ — славянскій вопросъ“ (*Osvěta*, 1878, перевелъ и на хорватскій языкъ), по-нѣмецки „Die Slavisch-orientalische Frage“ (1878); „Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848“ (*Русская Рѣчь*, 1879). „Славянское движеніе 1848 г. и австрійскіе славяне 1848—1849 гг.“ (*Визитникъ Европы*, 1879); сюда же относятся „Поляки и Турція“, историческія воспоминанія въ варшавской *Западной Почтѣ* 1878 г., а затѣмъ многочисленныя статьи и корреспонденціи въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ.

Во всѣхъ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и трудахъ Первольфъ является строгимъ и самостоятельнымъ ученымъ, трезвымъ и объективнымъ, безъ тенденцій и предвзятости ¹⁾, обладающимъ огромною эрудиціей и разнообразнымъ запасомъ свѣдѣній и наблюденій и при всемъ томъ проникнутымъ самоотверженною любовью къ наукѣ и своему предмету.

Будучи горячо преданъ идеѣ славянской взаимности, ни въ ея развитіи, а затѣмъ въ единеніи всѣхъ славянъ съ Россіей, какъ съ естественнымъ для нихъ, центромъ тяготѣнія, залогъ будущаго величія и преуспѣянія славянства, Первольфъ, быть можетъ, понималъ нѣсколько односторонне, по крайней мѣрѣ, съ нашей точки зрѣнія,

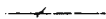
¹⁾ Лучшимъ примѣромъ можетъ служить его отношеніе къ шучему для чеха вопросу, къ пресловутымъ подложнымъ памятникамъ древне-чешской литературы, въ которыхъ онъ не колебался признать фальшивкаты, какъ скоро въ этомъ убѣдился.

вопросъ о характерѣ и условіяхъ возможнаго въ будущемъ духовнаго единенія славянъ, именно почти совсѣмъ изгоняя изъ него культурно-религіозный моментъ (какъ, по его мнѣнію, отживающій) и такимъ образомъ какъ бы забывая оть вѣковъ унаслѣдованную культурно-историческую постановку вопроса и сводя его исключительно на почву племенную, національную, но такой взглядъ вполне для насъ объясняется у Первольфа, какъ чеха, тою духовною средою и культурными условіями и вліяніями, среди которыхъ смолоду сложился его обречъ мыслей.

Какъ человекъ и членъ общества, Осинъ Осиновичъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и симпатіями всѣхъ его знавшихъ, какъ людей ему близкихъ, такъ и тѣхъ, которые имѣли случай лишь взрѣдка вступать въ общеніе съ нимъ и издали слѣдить за его дѣятельностью. Всегда серьезный, пылливый, исканій случай обогатить себя новыми свѣдѣніемъ, разъяснить собѣ тотъ или другой не ясный, но занимательный для него вопросъ, во время занятій и въ научныхъ споменіяхъ съ товарищами, готовый всегда и самъ служить всякому своимъ знаніями и трудомъ, онъ въ обществѣ, въ дружескомъ кругу въ часы отдыха, въ гостяхъ и дома былъ самымъ живымъ, пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ, вносящимъ всюду оживленіе, ясное и бодрое настроеніе духа.

Свѣтлая память о немъ, о его симпатичной личности будетъ долго жить въ сердцахъ всѣхъ, кто его достаточно зналъ или съ нимъ когда либо сколько нибудь сблизился.

И. Греть.

если сужденіе АВ отрицательное, а ВВ утвердительное, — через обращеніе получается опять первая фигура ¹⁾. Если же обѣ посылки взяты отрицательными, и притомъ одна—всеобщей, а другая—частной, то изъ самихъ взятыхъ посылокъ не вытекаетъ заключенія, но оно получается по обращеніи ихъ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ ²⁾. Если, наконецъ, обѣ посылки взяты неопредѣленными или частными, заключенія не будетъ: А необходимо присуще и всякому В и ни одному изъ В; термины для утвержденія: животное—человѣкъ—бѣлое, для отрицанія: лошадь—человѣкъ—бѣлое; средний терминъ— „бѣлое“ ³⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ изъ одной посылки о дѣйствительномъ, а другой—о возможномъ.

Когда одна изъ посылокъ указываетъ на дѣйствительность, а другая на возможность, заключеніе будетъ о возможности, а не о дѣйствительности, и получается оно при такихъ же отношеніяхъ терминовъ, какъ выше ⁴⁾. Пусть, впервыхъ, обѣ посылки утвердительныя, и именно пусть всякому В присуще А и можетъ быть присуще В; превративъ сужденіе ВВ, получимъ первую фигуру, и заключеніе будетъ, что А можетъ быть присуще нѣкоторымъ изъ В ⁵⁾, ибо если одна изъ посылокъ въ первой фигурѣ возможная, заключеніе будетъ указывать на возможное ⁶⁾. То же самое, если посылка ВВ говоритъ

¹⁾ Модусы $E_1I_1O_1$ и $O_1A_1I_1$, изъ которыхъ первый сводится къ модусу $E_1I_1O_1$ перв. фигуры, а второй—къ модусу $A_1O_1I_1$ (съ перестановкой посылокъ и обращеніемъ заключенія).

²⁾ Модусъ O_1E_1 обращается въ модусъ $O_1A_1I_1$, а модусъ E_1O_1 — въ модусъ $E_1I_1O_1$. Модусы: A_1O_1 (обращаемый въ модусъ $A_1I_1I_1$) и I_1E_1 (обращаемый въ модусъ $O_1A_1I_1$). Аристотель оставляетъ безъ упоминанія.

³⁾ Модусы I_1I_1 , O_1O_1 , O_1I_1 и I_1O_1 . Развернемъ приводимые Ар. примѣры:

- а) Иное изъ блага можетъ (не) быть животнымъ;
иное изъ блага можетъ (не) быть человѣкомъ;
человѣкъ необходимо животное.
- б) Иное изъ блага можетъ (не) быть лошадыю;
иное изъ блага можетъ (не) быть человѣкомъ;
человѣкъ необходимо не лошадь.

⁴⁾ Эти условія указаны въ началѣ предыдущей главы.

⁵⁾ Модусъ AA_1I_1 , превращаемый въ модусъ AI_1I_1 перв. фигуры.

⁶⁾ Это относится, конечно, лишь къ соединеніямъ возможной посылки съ дѣйствительной (ибо при соединеніи возможной съ необходимой получаются иногда заключенія дѣйствительныя, гдѣ то было показано въ главѣ 16).

о действительномъ, а посылка АВ—о возможномъ; или если АВ—утвердительное сужденіе, а ВВ—отрицательное, при чемъ все равно, которое изъ нихъ дѣйствительное: заключеніе въ обоихъ случаяхъ будетъ относиться къ возможности; ибо [въ этихъ случаяхъ] опять получается первая фигура, а доказано уже, что если въ этой фигурѣ одна изъ посылокъ указываетъ на возможность, то и заключеніе будетъ тоже о возможномъ ¹⁾. Если же отрицаніе прилагается къ меньшему крайнему понятію, или если оба посылки взяты отрицательными, то изъ самыхъ взятыхъ положеній не вытекаетъ никакого заключенія; обративъ ихъ, получимъ тѣ же заключенія, что въ предъидущихъ случаяхъ ²⁾.

Если же одна изъ посылокъ всеобщая, а другая частная, причемъ оба онѣ утвердительныя, или всеобщая—отрицательная, а частная—утвердительная, то получаются такого же рода заключенія; всѣ они выводятся черезъ первую фигуру, такъ что заключенія, очевидно, будутъ не о дѣйствительности, но о возможности ³⁾. Въ случаяхъ же когда утвердительная—посылка всеобщая, а отрицательная—частная, доказательство ведется отъ невозможнаго ⁴⁾; пусть напримѣръ В присуще всякому В, и А можетъ быть не присуще нѣкоторымъ В; отсюда необходимо слѣдуетъ, что А можетъ быть не присуще нѣко-

¹⁾ Модусы: A_1A_1 (обращается въ модусъ A_1I_1 первой фиг. и), E_1AO_1 (обращается въ E_1O_1) и EA_1O_1 (обращается въ E_1O_1).

²⁾ Модусы: A_1E_1 (обращается послѣ перестановки посылокъ въ модусъ EA_1O_1 третьей же фиг. и послѣ чего заключеніе О должно быть обращено, что въ сужденіяхъ возможности допустимо), AE_1 (обращается въ модусъ AA_1I_1 третьей же фиг. и равенству $E_1=A_1$), EE_1 (обращается такимъ же образомъ въ модусъ EA_1O_1) и E_1E_1 (обращается такимъ же образомъ въ модусъ A_1E_1 , а слѣд. и въ модусъ EA_1O_1).

³⁾ Модусы: 1) A_1I_1 (обращается въ модусъ A_1I_1 перв. фиг. и), AI_1I_1 (—въ модусъ AI_1I_1), I_1AI_1 (обращается послѣ перестановки посылокъ въ модусъ AI_1I_1 перв. фиг. и); заключеніе, конечно, должно быть вновь обращено), IA_1I_1 (обращается въ A_1I_1 перв. фиг. и, подобно предъидущему); 2) модусы E_1IO_1 (обращается въ модусъ E_1IO_1 перв. фиг. и), E_1O_1 (—въ модусъ E_1O_1), I_1EO_1 (обращается послѣ перестановки посылокъ въ модусъ E_1O_1 ; заключеніе должно вновь обратиться), IE_1O_1 (обращается въ E_1IO_1 перв. фиг. и, подобно предъидущему).

⁴⁾ Модусы: A_1OO_1 , AO_1O_1 , O_1AO_1 и OA_1O_1 . Четыре остальныхъ модуса, именно составленные изъ двухъ отрицательныхъ сужденій, Ар. остаются безъ упоминанія (это модусы: E_1OO_1 —доказывается чрезъ модусъ A_1OO_1 третьей же фиг. и, EO_1O_1 —доказывается черезъ обращеніе въ модусъ EO_1O_1 перв. фиг. и, O_1EO_1 черезъ модусъ I_1EO_1 третьей фиг. и, OE_1O_1 —черезъ модусъ OA_1O_1 третьей же фиг. и).

торымъ В; ибо если-бы А необходимо было присуще всякъ В, то такъ какъ положено, что В присуще всякому В, А было-бы необходимо присуще всякому В, какъ-то доказано выше ¹⁾; однако по предположеню А можетъ быть нѣкоторымъ В не присуще.

Если же обѣ посылки вьзяты неопредѣленными или частными, заключеніе не получается; доказательство [здѣсь] того же рода и черезъ тѣ же термины, какъ при общихъ посылкахъ ²⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О заключеніяхъ по третьей фигурѣ изъ одной посылки возможной, а другой—необходимой.

Если одна изъ посылокъ необходимая, а другая—возможная, то при утвердительныхъ терминахъ заключеніе всегда получается о возможномъ; при одномъ же изъ терминовъ утвердительномъ, а другомъ—отрицательномъ, заключеніе бываетъ или отрицательнымъ сужденіемъ возможности, именно когда утвердительный терминъ необходимъ, или же—отрицательнымъ сужденіемъ возможности и *дѣйствительности*, именно когда отрицательный терминъ необходимъ; отрицательныхъ же сужденій необходимости здѣсь не получается, подобно тому какъ и въ прочихъ фигурахъ. Пусть, во первыхъ, термины будутъ утвердительные, и именно всякому В пусть А необходимо присуще, а В можетъ быть присуще ³⁾; такъ какъ А необходимо присуще всякому В, а В можетъ быть присуще нѣкоторымъ В, то, слѣдовательно, А можетъ быть (а не дѣйствительно) присуще нѣкоторымъ изъ В; мы получаемъ опять первую фигуру. Такъ же ведется доказательство, если сужденіе ВВ вьзято необходимымъ, а сужденіе АВ—возможнымъ ⁴⁾. Пусть, далѣе, одинъ изъ терминовъ будетъ утвердительнымъ, а другой—отрицательнымъ, и при томъ утвер-

¹⁾ По модусу А,АА, первой фигуры.

²⁾ Однимъ изъ общихъ модусовъ нѣтъ такихъ доказательствъ, ибо всѣ они даютъ заключеніе. Поэтому эти слова должно понимать (основываясь на выраженіи въ началѣ главы: „заключеніе получается—въ общихъ посылкахъ—при такихъ же отношеніяхъ понятій, какъ въ предыдущей главѣ“), какъ косвенную ссылку на соответственные приемы, приведенные въ концѣ *предыдущей* главы.

³⁾ Модусъ А,А,І, (обращается въ А,І,І, первой фигуры).

⁴⁾ Модусъ А,А,І, (обращается въ модусъ А,І,І, первой фигуры).

дательный—необходимый: А можетъ быть присуще ни одному В, а В необходимо присуще всякому В; получается опять первая фигура; а такъ какъ отрицательная посылка указываетъ возможное, то ясно, что и заключеніе будетъ о возможномъ, ибо когда въ первой фигурѣ посылки имѣютъ такой видъ, заключеніе получается о возможномъ ¹⁾. Если же отрицательная посылка необходима, заключеніе тоже отрицательное, но не только о возможномъ, а и о дѣйствительномъ; пусть именно А необходимо не присуще ни одному В, а В можетъ быть присуще всякому В; обращая утвердительное сужденіе ВВ, получаемъ первую фигуру съ отрицательной необходимой посылкой; а такъ какъ при такого рода посылкахъ получалось, что А не только можетъ быть, но и дѣйствительно не присуще нѣкоторымъ В ²⁾, то и здѣсь съ необходимостью слѣдуетъ, что А дѣйствительно не присуще и нѣкоторымъ В ³⁾. Если же отрицаніе прилагается къ меньшему крайнему термину, то въ случаѣ, когда онъ возможный, заключеніе получается черезъ превращеніе меньшей посылки по противоположности ⁴⁾, въ случаѣ же, когда онъ необходимый, заключенія не будетъ, ибо при этомъ А можетъ быть и необходимо присуще всякому В и необходимо не присуще ему; термины для утвердительнаго случая: сонъ—сиящая лошадь—человѣкъ; повятія для отрицательнаго: сонъ—бодрствующая лошадь—человѣкъ ⁵⁾.

Таковы же отношенія, если одна изъ посылокъ всеобщая, а другая—частная. Если обѣ посылки утвердительныя, заключеніе получается о возможномъ, а не о дѣйствительномъ ⁶⁾; тоже если и одна изъ посылокъ взята отрицательной, а другая — утвердительной, и

¹⁾ Модусъ E₁A₁O₁ (доказывается черезъ обращеніе въ E₁I₁O₁ перв. фигуры)

²⁾ Это заключеніе по первой посылкѣ получалось изъ посылки съ иными расположеніемъ буквъ, а именно бралось, что В есть А, а В есть В; поэтому и заключеніе было: В есть А; на это заключеніе Аристотель здѣсь и ссылается.

³⁾ Модусъ E₁A₁O₁ (доказывается черезъ обращеніе въ модусъ E₁I₁O₁ первой фигуры).

⁴⁾ То есть, черезъ обращеніе сужденія E₁ въ A₁. Речь идетъ о модусахъ A₁E₁I₁ и E₁E₁O₁, обращающихся въ вышеуказанные модусы A₁A₁I₁ и E₁A₁O₁.

⁵⁾ Модусы A₁E₁ и E₁E₁. Въ приведенныхъ примѣрахъ „сонъ“ есть большій терминъ, „лошадь“—меньшій, „человѣкъ“—средній.

⁶⁾ Модусы: A₁I₁I₁ (доказывается черезъ сведеніе къ модусу A₁I₁I₁ первой фигуры), A₁I₁I₁ (—черезъ A₁I₁I₁), I₁A₁I₁ (черезъ сведеніе, послѣ перестановки посылки, къ модусу A₁I₁I₁; заключеніе должно вновь обращаться) и I₁A₁I₁ (черезъ сведеніе, послѣ перестановки посылки, къ модусу A₁I₁I₁ первой фигуры; заключеніе должно вновь обращаться).

утвердительная—необходима¹⁾; если же отрицательная посылка необходима, заключение получается отрицательное о действительном²⁾; доказательство этих частных случаев то же, что и при общих посылках, необходимо именно сводить их, как и тѣ, къ первой фигурѣ; поэтому и заключенія здѣсь необходимо совпадаютъ съ заключеніями тѣхъ случаевъ. (Если всеобщее отрицаніе заключено въ меньшей послылкѣ, то когда она возможна, заключеніе происходитъ черезъ обращеніе, когда же она действительная, заключенія не будетъ)³⁾. Доказывается это такъ же какъ и при общихъ посылкахъ, и черезъ тѣже термины. Итакъ, мы знаемъ теперь и относительно этой фигуры, когда и при какихъ отношеніяхъ получится заключеніе, и когда оно говоритъ о возможномъ, а когда—о действительномъ; мы видѣли также, что всѣ эти умозаключенія несовершенны и получаютъ черезъ первую фигуру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Всѣ заключенія могутъ быть получены черезъ общію модусъ первой фигуры.

Изъ предъидущаго мы видимъ, что всѣ умозаключенія въ разсмотрѣнныхъ фигурахъ доказываются черезъ всеобщія умозаключенія первой фигуры и къ этимъ послѣднимъ сводимы. Теперь же мы покажемъ, что и вообще всякое умозаключеніе имѣетъ такіа же свойства, а именно доказавъ, что всякое умозаключеніе строится по одной изъ нашихъ фигуръ.

Всякое доказательство и всякій силлогизмъ необходимо нѣчто утверждаетъ или отрицаетъ, и притомъ или всеобщимъ образомъ, или

¹⁾ Модусъ: $E_1I_1O_1$ (доказывается черезъ сведеніе къ модусу $E_1I_1O_1$ первой фигуры), $A_1O_1I_1$ (тоже черезъ $A_1O_1I_1$), $O_1A_1I_1$ (доказывается черезъ сведеніе, послѣ перестановки посылокъ, къ модусу $A_1O_1I_1$ первой фигуры, при чемъ заключеніе должно вновь обратять) и $I_1E_1O_1$ (тоже къ модусу $E_1I_1O_1$).

²⁾ Модусъ E_1I_1O (доказывается обращеніе въ E_1I_1O первой фигуры). Однако прочіе принадлежащіе сюда же модусы (A_1O_1 , I_1E_1 , O_1A_1) заключеній не даютъ.

³⁾ Эти слова текста (которыя мы заключаемъ въ скобки) или повѣримъ или не повѣримъ. Если она относится, какъ то слѣдуетъ въ связи разсужденія, къ модусамъ, въ которыхъ одна посылка утвердительная, а другая—отрицательная, и притомъ отрицательная необходима, то упоминаемые здѣсь модусы $I_1E_1O_1$ и I_1E_1 подходятъ подъ упомянутыя уже выше подраздѣленія, и слѣдовательно эти слова излишни; если же эти слова относятся къ случаямъ, когда (при одной общей послылкѣ, а другой—частной) оба посылки отрицательны (что можно думать, потому что Аристотель не упоминаетъ даже этого случая), то она не вѣрна, ибо въ этихъ модусахъ даетъ заключеніе $E_1O_1O_1$, а не O_1E_1 .

частнымъ, и дальѣ, или черезъ прямой выводъ или черезъ предположеніе [особаго условія]; одинъ изъ видовъ доказательства черезъ предположеніе составляютъ доказательства отъ невозможнаго. Прежде всего мы скажемъ о доказательствахъ черезъ прямой выводъ; доказавъ наше положеніе относительно этихъ силлогизмовъ, намъ станетъ яснымъ, что оно приложимо и къ доказательствамъ отъ невозможнаго и вообще къ доказательствамъ черезъ предположеніе [особаго условія].

Пусть мы должны построить умозаключеніе о томъ, что А присуще или неприсуще В. Для этого необходимо принять въ основаніе какое-нибудь положеніе о томъ, что то-то свойственно тому-то. Если мы взяли бы для этого, что А присуще В, то вѣдь взятое будетъ самымъ искомымъ выводомъ ¹⁾. Если же мы примемъ, что А присуще В, но не знаемъ, присуще ли В чему-нибудь, или присуще ли ему что-либо, и присуще ли А чему-нибудь, то не получится еще никакого умозаключенія, ибо изъ одной посылки, что А присуще В, ничего съ необходимостью не вытекаетъ. Итакъ, должно присоединить еще одну посылку. Если, однако, мы и примемъ, что А присуще тому-то, или что то-то присуще А, или что В присуще тому-то, то хотя умозаключеніе и можетъ имѣть въ такомъ случаѣ мѣсто, но относительно В изъ данныхъ носылокъ ничего не вытекаетъ ²⁾; не будетъ умозаключенія о В и тогда, когда мы примемъ, что В присуще тому-то, а то-то присуще другому, а другое—третьему, но о В ничего не прибавимъ ³⁾. Итакъ, мы можемъ вообще сказать, что никогда не получится никакого заключенія о томъ, что одно свойственно другому, если мы не примемъ нѣкотораго средняго понятія, которое находится къ каждому изъ данныхъ понятій въ какомъ-нибудь [опредѣленномъ] отношеніи, ибо заключеніе вообще происходитъ изъ посылкъ, заключеніе къ извѣстному понятію — изъ

¹⁾ Такое логичное доказательство, въ которомъ само доказуемое положеніе употребляется какъ посылка въ доказательствѣ, называется „предвосхищеніемъ вывода“ (petitio principii). О немъ Аристотель подробно говоритъ въ главѣ 16 второй книги.

²⁾ Если первой посылкой было *В есть А*, а второй возьмемъ *Г есть А*, или *А есть Д*, или *Е есть В*, то получаются выводы или *Г есть В*, или *Д есть В*, или *Е есть А*, но ни въ какомъ случаѣ не заключеніе объ отношеніи А и В.

³⁾ Если первой посылкой взять *В есть А*, и къ ней присоединимъ рядъ другихъ посылкъ: *Г есть В*, *Д есть Г*, *Е есть Г*, то отсюда слѣдуетъ, что *Е есть А*, но опять ничего объ отношеніи А и В.

посылокъ объ этомъ понятіи, и заключеніе объ отношеніи того-то къ тому-то—изъ посылокъ, идущихъ отъ того-то къ тому-то. Но нельзя взять посылки о В, которая чего-нибудь о немъ не утверждала или не отрицала, и дагѣ, нельзя взять посылку идущихъ отъ А къ В, въ которыхъ не было-бы принято чего-либо общаго и А и В (а только каждому изъ нихъ что-нибудь свое особенное приписано или отрицаемо); то-есть, слѣдовательно, для полученія заключенія объ отношеніи того-то къ тому-то необходимо выбрать нѣкоторое посредствующее между ними понятіе, которое объединяетъ посылки. Но если необходимо принять нѣкоторое понятіе, которое находитсѣ къ обоимъ [даннымъ] въ опредѣленномъ отношеніи, и если, дагѣ, эти отношенія могутъ быть троякаго рода—именно или А утверждается за В и В—за В, или В утверждается и за А и за В, или оба они—за В—причемъ составляются три рассмотрѣнныя фигуры, то ясно, что и всякое умозаключеніе получается не иначе какъ черезъ одну изъ этихъ фигуръ ¹⁾. Тѣ же самыя отношенія имѣютъ мѣсто и тогда, когда отношеніе А къ В устанавливается черезъ цѣлый рядъ среднихъ понятій, ибо и цѣлый рядъ членовъ составляется по тѣмъ же фигурамъ.

Итакъ, мы видимъ, что прямыя заключенія получаютсѣ черезъ рассмотрѣнныя фигуры; а что заключенія отъ невозможнаго получаютсѣ тоже черезъ эти фигуры, видно изъ слѣдующаго. Всѣ доказательства отъ невозможнаго заключаютъ къ ложному, а основное положеніе доказываютъ изъ предположнаго условія ²⁾, причемъ доказываеясѣ, что, утверждая противоположное основному положенію, мы получимъ нѣчто невозможное; таково, напр., доказательство, что диагональ [квадрата] не соизмѣрима [со стороною его]: принять, что

¹⁾ То-есть, средний терминъ составляетъ субъектъ одной посылки и предикатъ—другой (первая фигура); или предикатъ обихъ посылокъ (вторая фигура), или субъектъ—обихъ (третья фигура). Такимъ образомъ подъ первой фигурой Аристотеля заключаетсѣ и то видоизмѣненіе, которое стало впоследствии известнъ и подъ именемъ четвертой фигуры. О молчаніи Аристотеля объ этой такъ наз. четвертой фигурѣ (А есть В, В есть В, слѣд. В есть А) итакъ и кратко говорить Триблениусъ (*Blat. log.*, p. 95): „тогъ кто рассматриваетъ самую природу терминовъ, признаетъ три рода фигуръ силлогизма; тогъ-же, кто обращаетъ вниманіе на форму ихъ вѣшняго расположенія—четыре. Поэтому Галенъ не прибавилъ, какъ то обыкновенно говорятъ, въ третью премиссѣ фигуръ четвертую, но три Аристотелевскія фигуры разбилъ на четыре, пользуясь имиже, чѣмъ Аристотель, основаніемъ для дѣленія“.

²⁾ Это предположенное условіе состоитъ изъ въ предварительномъ согласеніи о томъ, что только одно изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій вѣрно.

она соизмѣрима, мы получимъ, что нечетное число равно четному; мы строимъ здѣсь умозаключеніе, что (въ такомъ случаѣ) нечетное число будетъ равно четному, а затѣмъ уже доказываемъ черезъ предположенное условіе, что діагональ не соизмѣрима ¹⁾, ибо, признавъ противоположное, получаемъ нелѣпость. Итакъ доказательство отъ невозможнаго состоитъ въ умозаключеніи, что предположеніе противное искомому заключенію приводитъ къ невозможному. Если, однако, и въ доказательствахъ отъ невозможнаго строится *прямое* умозаключеніе о ложномъ (а основное положеніе доказывается черезъ предположенное условіе), и если, далѣе, прямыя умозаключенія получаются, какъ мы уже показали, лишь черезъ разсмотрѣнныя фигуры, то очевидно, что и умозаключенія отъ невозможнаго получаются лишь по этимъ же фигурамъ. То же самое должно ска-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ это предположеніе, очевидно, таково: „диагональ или соизмѣрима или несоизмѣрима, но не то и другое имѣетъ“. — Что касается до доказательства, что если діагональ квадрата соизмѣрима съ его стороною, то четное число будетъ равно нечетному, то Александръ Аеродинійскій (около 800 г. по Р. Хр.) объясняетъ его слѣд. образомъ. Пусть ABCD будетъ квадратъ, котораго діагональ BC и сторона AB. Если BC и AB соизмѣрими, ихъ геометрическое отношеніе можетъ быть выражено въ видѣ отношенія конечныхъ чиселъ; при этомъ эти числа могутъ быть или оба нечетными или одно четное, другое нечетное (ибо если-бы оба были четными, ихъ отношеніе могло-бы быть выражено въ полячиныхъ членахъ меньшихъ). И такъ:

$$(I) \quad \overline{BC} : \overline{AB} = \begin{cases} \text{или } (2n+1) : 2m \\ \text{или } 2n : (2m+1) \\ \text{или } (2n+1) : (2m+1). \end{cases}$$

Но съ другой стороны

$$(II) \quad \begin{cases} \overline{BC}^2 = 2\overline{AB}^2, \text{ слѣд.} = \text{четному числу} \\ \overline{AB}^2 = \frac{1}{2} \overline{BC}^2 = \text{тому четному числу,} \end{cases}$$

ибо половина четнаго квадрата всегда равна четному числу (это доказывается слѣд. образомъ: всякое число есть или $2n$ или $(2n+1)$, поэтому всякій квадратъ есть или $(2n)^2 = 4n^2$ или $(2n+1)^2 = 4n^2 + 4n + 1$; такъ какъ первый случай представляетъ *ось* нечетныхъ квадратовъ, а второй — *ось* четныхъ, то очевидно, что половина всякаго четнаго квадрата = $\frac{4n^2}{2} =$ четному числу). Итакъ

и $\overline{BC}^2$ и $\overline{AB}^2$ суть четныя числа, слѣд. и

$$(III) \quad \overline{BC} : \overline{AB} = \text{отношенію четныхъ чиселъ (ибо какъ имъ сей-$$

часъ видѣли, всякій четный квадратъ, $4n^2$, имѣетъ четный корень). Но сравненіе (I) и (III) показываетъ противорѣчіе, ибо одно и то же числовое отношеніе въ одномъ случаѣ оказывалось нечетнымъ, а въ другомъ — четнымъ. Слѣд. и т. д.— (Совершенно ясно, однако, что все это доказательство ошибочно, ибо отношеніе (III) можетъ быть также сокращено на 2, какъ-то сдѣлано было раньше для полученія отношенія I).

зять и о прочих доказательствах отъ предполагаемаго условия. Во всѣхъ нихъ заключеніе идетъ черезъ сужденіе, принятое въ иномъ (чѣмъ раньше) значеніи, главное же заключеніе достигается или по уступкѣ, или черезъ какое-нибудь иное предполагаемое условіе ¹⁾.

Итакъ, если все сказанное вѣрно, всякое доказательство и всякое умозаключеніе необходимо происходить по тремъ разсмотрѣннымъ фигурамъ. А если это доказано, то очевидно, что всякое умозаключеніе доказывается черезъ первую фигуру и сводится къ общимъ ей случаямъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Всякое умозаключеніе должно имѣть, по крайней мѣрѣ, одну общую и одну утвердительную посылку.

Замѣтимъ далѣе, что въ каждомъ умозаключеніи одна изъ посылокъ должна быть утвердительной, и одна всеобщей. Безъ всеобщей посылки или совсѣмъ не получается умозаключенія, или оно не обьискомомъ, или искомоо предвосхищено. Докажемъ, напримѣръ, что наслажденіе музыкой нравственно: если мы приемъ [для этого], что удовольствіе нравственно, но не прибавимъ „всякое“, заключенія не получится ²⁾; если мы прибавимъ „нѣкоторое“, то возможны два

¹⁾ Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее доказательство отъ предполагаемаго условия:

Если В существуетъ, то и А существуетъ,
В — существуетъ.

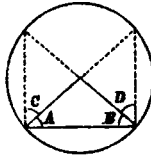
Слѣдов., А — существуетъ.

Въ этомъ доказательствѣ первое положеніе должно быть заранее уступлено и составляетъ, слѣдовательно, „предполагаемое условіе“; второе — есть сужденіе „принятое въ иномъ, чѣмъ раньше, значеніи“ (именно въ первомъ положеніи существованіе В принято условнымъ образомъ, а здѣсь — категорически); наконецъ, третье — есть главное или искомоо заключеніе. Таковы же отношенія въ доказательствахъ отъ противнаго. Напримѣръ возьмемъ такой случай: дано, что все А суть В, и все А суть С; доказать, что нѣкоторые С суть В (это главное заключеніе); или нѣкоторые С суть В, или ни одно С не есть В (это заранее предполагаемое условіе); признаемъ, что ни одно С не есть В (это „сужденіе, принятое въ иномъ значеніи“, чѣмъ въ предполагаемомъ условіи); но дано, что все А суть С; слѣдовательно, (по модусу ЕАЕ перв. фигуръ) ни одно А не есть В, что невозможно, ибо противорѣчить данному. Слѣдовательно (по предполагаемому условію) остается признать, что нѣкоторые С суть В, т. е.

²⁾ Удовольствіе нравственно, музыка — удовольствіе; заключенія пять, если мы не прибавимъ „важное удовольствіе нравственно“.

случая: или это некоторое удовольствие есть нечто иное, чѣмъ удовольствие музыки, тогда заключение будетъ не объ искомымъ, — или это и есть то самое удовольствие, тогда искомое уже заключено въ этой посылкѣ. Еще яснѣе это въ заключеніяхъ о геометрическихъ фигурахъ, напримѣръ, въ доказательствѣ, что углы равнобедреннаго треугольника, прилежащіе основанію, равны между собою¹⁾. Пусть линіи А и В будутъ продолжены черезъ центръ [круга]. Если мы примемъ, что уголъ А + С равенъ углу В + D, но не беремъ общаго положенія, что углы, опирающіеся на діаметръ, равны между собою; если мы далѣе примемъ, что уголъ С равенъ углу D, но не прибавляемъ „потому что всѣ углы, стягиваемые тою же дугою, равны между собою“; и наконецъ, если мы принимаемъ, что, вычитая равные углы изъ равныхъ, мы получаемъ равныя разности (именно углы Е и F), но не основываемся на томъ, что вообще, вычитая равныя величины изъ равныхъ, мы получаемъ равныя разности, [если мы ведемъ такъ доказательство, то во всѣхъ этихъ случаяхъ] мы предвосхищаемъ доказуемое. Итакъ, очевидно, что въ каждомъ умо-

¹⁾ Слѣдующее за симиъ разсужденіе, запутанное греческими, а отчасти и латынскими комментаторами, весьма въ сущности просто и явнѣе, какъ показалъ Вайтцъ (*Organon*, I, p. 434) слѣдующій смыслъ. Пусть данъ равнобедренный треугольникъ; доказать, что углы его, прилежащіе основанію, равны между собою, то-есть что $\angle A = \angle B$.

Опишемъ изъ вершинъ Δ окружность, проходящую черезъ вершины угловъ А и В; затѣмъ продолжимъ равныя стороны Δ до встрѣчи съ окружностью и соединимъ точки пересеченія съ вершинами угловъ А и В. Тогда $\angle (B + D) = \angle (A + C)$, какъ углы, опирающіеся на діаметръ (1) и $\angle ' = \angle C$, какъ углы, стягиваемые одною въ тою же дугою; слѣд., $\angle (B + D) - \angle D = \angle (A + C) - \angle C$, ибо равенство сохраняется, если мы изъ равныхъ величинъ вычтемъ равныя (2). Все это доказательство, говоритъ Аристотель, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда три большія посылки (1, 2 и 3) — всеобщы, безъ чего разсужденіе обратилось бы въ „предвосхищеніе искомага“ (*petitio principii*). Остается только сказать, что такое углы Е и F: это очевидно тѣ же углы, что А и В я, но добавитъ Вайтцъ, обозначены здѣсь иными буквами потому, что А и В означаютъ первоначально внутренніе углы Δ , а не углы, опирающіеся на окружность (хотя это одинъ и тѣ же величины).

заключеніе должно быть всеобщее понятіе, и что всеобщее заключеніе получается только тогда, когда всѣ термини всеобщі, а частное какъ тогда, когда всѣ термини всеобщі такъ и тогда, когда одинъ изъ нихъ всеобщій, а другой—частный; такъ что, если заключеніе всеобщее, термини [въ послыкахъ] необходимо тоже всеобщія, но если термини [въ послыкахъ] всеобщі, заключеніе можетъ и не быть всеобщимъ. Кромя того очевидно, что въ каждомъ умозаключеніи или обѣ послыки, или [по крайней мѣрѣ] одна должна быть подобна выводу; я говорю „подобна“ не только въ томъ смыслѣ, что утвердительному или отрицательному заключенію должна соответствовать такая же посылка, но и необходимому, или дѣйствительному, или возможному заключенію — такого же рода посылка; и это должно распространить и на всѣ другіе роды сужденій.

Итакъ, теперь мы вообще знаемъ, когда заключенія получаютъ, и когда нѣтъ, и когда они возможнаго рода ¹⁾, а когда совершенныя, и наконецъ, мы знаемъ, что если умозаключеніе имѣетъ мѣсто, понятія должны имѣть соотношенія по одной изъ разсмотрѣнныхъ фигуръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

О числѣ терминовъ, посылокъ и выводовъ въ умозаключеніяхъ.

Ясно, что въ каждомъ доказательствѣ должны быть три понятія, но не больше, кромя развѣ того случая, когда одно и то же заключеніе происходитъ и изъ такихъ и изъ другихъ посылокъ ²⁾, какъ на примѣръ, заключеніе E можетъ получиться и изъ посылокъ A и B, и изъ C и D, или изъ посылокъ A и B, и изъ A и C, и изъ B и C ³⁾; ибо ничто не препятствуетъ, чтобы одни и тѣже термини были соединены черезъ различныя средніе; однако при такихъ отношеніяхъ

¹⁾ Умозаключеніями возможнаго рода Аристотель называетъ здѣсь умозаключенія несовершенныя, ибо они происходятъ не сами собою, но возможны лишь при помощи такъ сказать нѣкоторыхъ условій.

²⁾ То-есть, въ каждомъ отдѣльномъ силлогизмѣ всегда находится лишь три понятія, но одно и то же заключеніе можетъ быть получено и изъ большаго числа понятій, если они распределены въ различныя силлогизмы по три въ каждомъ.

³⁾ Каждая буква означаетъ здѣсь сужденіе. Одно и то же сужденіе (E), говоритъ Аристотель, можетъ быть выведено въ умозаключеніяхъ, которыми не влѣзютъ на одной общей посылки (въ которыхъ посылки A и B, C и D) и въ умозаключеніяхъ, въ которыхъ общая большая посылка одна и та же (A и B, A и C) и, наконецъ, въ умозаключеніяхъ, въ которыхъ меньшая посылка однакова (A и C, B и C).

мы имѣемъ [строго говоря] не одно, а нѣсколько заключеній. То же самое ¹⁾ имѣетъ мѣсто и тогда, когда каждая изъ посылокъ (и А, и В) выведена [въ свою очередь] изъ умозаключеній, какъ напримѣръ А изъ D и E, а В изъ F и G; а равно и тогда, когда одна изъ посылокъ получена черезъ наведеніе ²⁾, а другая черезъ умозаключеніе,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ [не одно, а] рядъ умозаключеній, ибо получается рядъ выводовъ, таковы именно и А, и В, и С. Во всякомъ случаѣ, еслибы мы и могли сказать, что здѣсь не рядъ, а только одно заключеніе, то все таки невозможно, чтобы одно и то же заключеніе получалось изъ многихъ посылокъ точно такими-же образомъ, какъ напримѣръ заключеніе С изъ А и В ³⁾. Пусть напримѣръ E будетъ заключеніе изъ посылокъ А, В, С, D; эти посылки необходимо должны имѣть опредѣленные между собою отношенія, именно отношеніе цѣлаго къ части: мы доказали выше, что тамъ, гдѣ имѣется умозаключеніе, термины должны имѣть именно такіа соотношенія ⁴⁾; пусть А относится такимъ образомъ къ В; изъ этихъ посылокъ вытекаетъ, слѣдовательно, какое-нибудь заключеніе; это заключеніе будетъ или E; или какая-нибудь изъ посылокъ С или D, или еще что-нибудь иное; если заключеніе E, то умозаключеніе строится уже изъ двухъ посылокъ; пусть, далѣе, посылка С и D имѣютъ соотношеніе цѣлаго и части; изъ нихъ тоже можетъ вытекать или E, или одна изъ посылокъ А или В, или еще что-нибудь иное; если изъ нихъ вытекаетъ E или одна изъ посылокъ А или В, то мы будемъ имѣть или нѣсколько умозаключеній ⁵⁾, или тотъ случай, въ которомъ, какъ указано выше, одно заключеніе получается изъ ряда понятій ⁶⁾; если же изъ С и D вытекаетъ нѣчто иное, а не E и не А или В, то мы имѣемъ нѣсколько несоединенныхъ между собою умозаключеній ⁷⁾; если, наконецъ, отношенія E и D не таковы, чтобы дать заключеніе, то они напрасно взяты (если только они не взяты ради наведенія, или для затѣмненія мысли, или еще для чего-либо подобнаго же); если, далѣе, изъ посылокъ А и В слѣдуетъ не E, а какое-нибудь иное заключеніе, а изъ С и D или какая-нибудь изъ

¹⁾ То-есть то, что въ каждомъ силлогизмѣ только три термина.

²⁾ О наведеніи (индукціи) см. ниже, гл. 23, второй книги.

³⁾ То-есть, непосредственно.

⁴⁾ См. выше, гл. 23.

⁵⁾ Съ одними и тѣми же заключеніемъ E.

⁶⁾ Именно такъ ил. просиллогизмъ, напр., E вытекаетъ изъ А и В, а В въ свою очередь изъ С и D.

⁷⁾ Изъ А и В слѣдуетъ E, а изъ С и D напр. X.

этих посылок (А или В), или что-нибудь другое, то мы имеем несколько умозаключений и притом не обь искомомъ ¹⁾, а предположено, что получается заключение Е; если-же изъ посылок С и Д не слѣдуетъ никакого заключенія, то онѣ оказываются напрасно взятыми и заключение будетъ тоже не Е ²⁾. Итакъ ясно, что всякое доказательство и всякое умозаключение происходитъ черезъ три понятія.

Показавъ это, мы теперь видимъ также, что умозаключенія происходятъ изъ двухъ, но не больше посылокъ, ибо три понятія даютъ двѣ посылки, если только не прибавляется, какъ то мы видѣли выше, еще сужденіе для того, чтобы заключеніе стало совершеннымъ ³⁾. Итакъ очевидно, что если въ силлогистическомъ разсужденіи посылки, изъ которыхъ получается главный выводъ (мы говоримъ „главный выводъ, ибо вне изъ ранѣ сдѣланныхъ заключеній необходимо составляютъ посылки для главнаго вывода) по числу нечетны, то это или разсужденіе безъ вывода или въ немъ дается больше, чѣмъ то необходимо для задачи.

Итакъ, если разсматривать умозаключенія относительно ихъ главныхъ посылокъ ⁴⁾, мы видимъ, что всякое умозаключение имѣетъ четное число посылокъ и нечетное—терминовъ: число терминовъ на единицу больше числа посылокъ. Число же заключеній равно половинѣ числа посылокъ. Если даже доказательство идетъ черезъ просиллогизмы или черезъ нѣсколько послѣдующихъ другъ за другомъ сред-

¹⁾ Изъ А и В слѣдуетъ напр. У, а изъ С и Д или Х (тогда и изъ силлогизма распада на нѣсколько несоединимыхъ частей), или А или В (тогда мы имеемъ просиллогизмъ, но съ заключеніемъ не Е, а У).

²⁾ Перечисляя всѣ возможныя предположенія Ар. пропускаетъ одно, именно тотъ случай, когда изъ А и В слѣдуетъ что-нибудь, но не Е, а изъ С и Д вытекаетъ Е. Очевидно, что в при этомъ получаются или два совершенно независимыхъ силлогизма (если изъ А и В слѣдуетъ Х) или просиллогизмъ (напр. изъ А и В слѣдуетъ С, а изъ С и Д—Е).

³⁾ Несовершенные силлогизмы доказываются, какъ мы многократно видѣли, черезъ добавленіе обращенной посылки и приведеніе такимъ образомъ къ первой фигурѣ.

⁴⁾ То-есть, разсматривая умозаключеніе въ формѣ простыхъ силлогизмовъ, безъ всякой связи между собой, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ рядѣ:

В есть А	Д есть С	F есть E
С „ В	Е „ Д	G „ F
С есть А	E есть С	F есть H.

Здѣсь 6 посылокъ, 7—понятій (и 3 заключенія).

нихъ терминовъ какъ напримѣръ А и В черезъ С и Д¹⁾, то число терминовъ тоже на единицу больше числа посылокъ (ибо дополнительный терминъ попадаетъ или между прежними или внѣ ихъ, и въ обоихъ случаяхъ число сочетаній²⁾ на единицу меньше, чѣмъ терминовъ³⁾, число-же посылокъ равно числу сочетаній; однако здѣсь число посылокъ будетъ не всегда четнымъ, а число терминовъ — нечетнымъ, но бываетъ и наоборотъ, именно бываетъ такъ, что когда число посылокъ четное, число терминовъ — нечетное, и когда число первыхъ нечетное, число вторыхъ четное⁴⁾; во всякомъ случаѣ съ прибавленіемъ термина прибавляется одна посылка, гдѣ-бы мы ни вставили

1) Форма просяллоговна такова:

Д	есть	В
С	„	Д
<hr/>		
С	есть	В
А	„	С
<hr/>		
А	есть	В.

Форма же доказательства „черезъ нѣсколько послѣдующихъ другъ за другомъ среднихъ понятій“ (соритъ) отличается отъ предыдущей лишь тѣмъ, что посредствующія заключенія здѣсь опущены; напримѣръ

Д	есть	В
С	„	Д
А	„	С
<hr/>		
А	есть	В.

2) Сочетанія должно отличать отъ сужденій или посылокъ: АВ и ВА какъ сужденія различны, а какъ сочетанія тождественны.

3) Пусть, напримѣръ, АВ будетъ заключеніе и С — среднее понятіе. Вставимъ еще новое среднее понятіе Д; оно можетъ (если не обращать вниманія на изысканія вывода) впасть либо между А и В или внѣ ихъ, то-есть имъ получимъ или рядъ АСДВ или рядъ ДАСВ (А присуще С, С—Д, Д—В, слѣд. А присуще В; или Д присуще А, А—С, С—В, слѣд. Д присуще В), но какъ въ томъ-то и въ другомъ случаѣ число посылокъ на 1 меньше числа понятій, ибо въ обоихъ случаяхъ число сочетаній внѣ понятій на 1 меньше числа понятій.

4) Въ сложныхъ умозаключеніяхъ число понятій и посылокъ выражается (какъ-то легко сосчитать) слѣдующими числами:

	Въ просяллоговнѣ.	Въ соритѣ.
Число понятій.	4, 5, 6, 7	4, 5, 6, 7
Число посылокъ	4, 6, 8, 10	3, 4, 5, 6;

то-есть въ просяллоговнѣ число посылокъ всегда четное (число же терминовъ можетъ быть и четнымъ и нечетнымъ), въ соритѣ же и число посылокъ можетъ быть нечетнымъ, и притомъ если посылка четное число, понятій нечетное, и наоборотъ.

этот терминъ; такъ что въ случаѣ, когда число посылокъ четное, а терминовъ нечетное, послѣ прибавленія отношеніе, очевидно, измѣняется ¹⁾; число же (возможныхъ) заключеній всегда увеличивается не такъ, какъ число терминовъ, и не такъ, какъ число посылокъ, но при прибавленіи одного новаго термина возрастаетъ на число на единицу меньшее, чѣмъ число передъ тѣмъ бывшихъ терминовъ: [если новый терминъ прибавляется къ концу] онъ даетъ заключеніе со всѣми прежними терминами, кромѣ однако послѣдняго, какъ напримѣръ при прибавленіи термина Д къ АВС тотчасъ же являются два новыхъ заключенія, одно объ А, а другое о В ²⁾; то же и при прибавленіи еще другихъ терминовъ: если же новый терминъ прибавляется [не къ концу, а] въ серединѣ, то и тогда число заключеній увеличивается такимъ же образомъ: онъ не даетъ заключенія только съ однимъ изъ прежнихъ понятій ³⁾. Итакъ число заключеній растетъ гораздо быстрее, чѣмъ число терминовъ и посылокъ ⁴⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Какія положенія легче доказывать и какія легче опровергать.

Зная теперь, каковы выводы въ умозаключеніяхъ, и какіе изъ нихъ принадлежать къ какой фигурѣ, и какъ доказываются, мы можемъ опредѣлить, какія задачи легче и какія труднѣе разрѣшать: тѣ именно

¹⁾ То-есть, число посылокъ дѣлается нечетнымъ, число понятій четнымъ.

²⁾ Возьмемъ, напримѣръ, А—субстанція, В—одушевленное существо, С—животное; они составляютъ слѣдующій силлогизмъ: всякое одушевленное существо есть субстанція, всякое животное—существо одушевленное, слѣд., всякое животное есть субстанція. Прибавимъ теперь новое понятіе Д=человѣкъ и посылку „всякій человѣкъ есть животное“; тогда мы можемъ получить 2 новыхъ заключенія: всякій человѣкъ есть существо одушевленное, и всякій человѣкъ есть субстанція; заключенія же объ отношеніи понятія Д къ послѣднему изъ данныхъ (къ С)—нѣтъ, ибо это отношеніе уже прямо установлено прибавленной посылкой.

³⁾ Напримѣръ возьмемъ сорять АВСД (вѣшь А присуще В, вѣшь В—С, вѣшь С—Д, слѣд. вѣшь А присуще Д) и оставимъ въ середину, напр., между В и С, новый терминъ, М; тогда мы получимъ слѣдующее умозаключеніе: вѣшь А присуще В, вѣшь В—М, вѣшь М—С, вѣшь С—Д, слѣд. вѣшь А присуще Д. Здѣсь новое понятіе можетъ составить заключеніе съ А, съ С и съ Д, но не съ В, ибо сужденіе „вѣшь В присуще М“ есть не новое заключеніе, но дано какъ новая посылка.

⁴⁾ Ар. не опредѣляетъ точнѣе эту зависимость; легко однако показать, что вообще если число посылокъ = n , число терминовъ = $(n-1)$, то число заключеній = $n(n-1)$; напримѣръ, изъ десяти посылокъ можетъ слѣдовать не болѣе 45 заключеній.

заключенія, что получаютя по многимъ фигурамъ и чрезъ многіе модусы легче доказывать, а тѣ, что по немногимъ и черезъ немногіе—труднѣе. Всеобщіе утвердительныя сужденія доказываютя только по первой фигурѣ и только черезъ одинъ ея модусъ; всеобщіе отрицательныя—и по первой и по второй фигурѣ: по первой черезъ одинъ модусъ, по второй—черезъ два; частно утвердительныя сужденія доказываютя и по первой и по третьей фигурѣ: по первой черезъ одинъ модусъ, по третьей—черезъ три; частно отрицательныя—по всѣмъ фигурамъ и именно черезъ одинъ модусъ первой, черезъ два второй а черезъ три третьей ¹⁾. Отсюда видно, что доказывать всеобщіе утвердительное положеніе наиболѣе трудно, а опровергать его наиболѣе легко. Вообще опровергать общія положенія легче, чѣмъ частныя: всеобщіе утвердительное положеніе опровергнуто, когда доказано всеобщіе или частно отрицательное, но первое доказывается по двумъ фигурамъ, а второе—по всѣмъ; то же и относительно всеобщіе отрицательнаго положенія: оно бываеъ опровергнуто, когда доказано или всеобщіе или частно утвердительное, а это послѣднее получается по двумъ фигурамъ; опровергать же частное сужденіе возможно лишь однимъ способомъ, именно доказывая или всеобщіе утвердительное или всеобщіе отрицательное ²⁾. Напротивъ, доказывать частныя положенія легче, такъ какъ это исполнимо по многимъ фигурамъ и черезъ многіе модусы. Вообще должно помнить, что общія положенія и частныя опровергаются другъ черезъ друга: общія черезъ частныя и частныя черезъ общія, а доказывать возможно лишь частныя сужденія черезъ общія, а не наоборотъ ³⁾; отсюда видно, что опровергать вообще легче, чѣмъ доказывать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Объ изобрѣтеніи и построеніи умозаключеній.

Въ предъидущемъ было показано, какъ строится каждое умозаключеніе, сколько для того нужно терминновъ и посылкокъ, въ какомъ

¹⁾ Сужденіе А получается изъ модуса ААА (I фигуръ); сужденіе Е—изъ модусовъ: ЕАЕ (I), ЕАЕ (II) и АЕЕ (II); сужденіе I—изъ модусовъ: АII (I) ААI (II), IAI (III) и АII (III); сужденіе O—изъ модусовъ: EIO (I), EIO (II) AOO (II), EAO (III), OAO (III) и EIO (III).

²⁾ Первое—когда опровергаемое положеніе частно отрицательное, второе—когда оно частно утвердительное.

³⁾ Сужденія А и Е опровергаются черезъ сужденія O и I, и обратно; но изъ сужденій I и O не слѣдуетъ сужденій А и Е, а наоборотъ.

отношеніи должны находиться между собой эти послѣднія и наконецъ, какія положенія доказуемы по каждой фигурѣ и какія изъ нихъ только по одной фигурѣ, а какія по нѣсколькимъ. Теперь же должно показать, какъ мы сами должны поступать, чтобы получить умозаключеніе о каждомъ данномъ вопросѣ, и какиимъ путемъ находить нужныя для каждаго случая общія положенія: вѣдь недостаточно знать, какъ происходятъ умозаключенія, надо быть въ состояніи ихъ строить.

Все сущее бываетъ: или таково, что само оно по истинѣ вообще ничему другому не приписываемо (какъ, напримѣръ, Калліасъ, Клеонъ и вообще всякій индивидуальный и чувственно воспринимаемый предметъ, но ему все прочее приписываемо (напримѣръ Калліасъ и Клеонъ суть люди, животныя); — или сущее таково, что оно приписываемо прочему, но ему самому дальнѣйшимъ образомъ ничего не свойственно ¹⁾); — или, наконецъ, сущее бываетъ таково, что и оно свойственно иному и ему свойственно другое, какъ напримѣръ Калліасу свойственно быть человѣкомъ, а человѣку свойственно быть животнымъ. Очевидно, что иное изъ сущаго не можетъ составлять ничего свойства: почти все чувственно существующее таково, что не можетъ быть ничему приписано, иначе развѣ какъ случайно ²⁾, такъ напримѣръ намъ случается говорить: „вошь то бѣлое — Сократъ“ или „вошь это приближающееся — Калліасъ“. О томъ, что и при восхожденіи [къ болѣе общимъ понятіямъ] есть тоже граница, мы будемъ говорить впоследствии ³⁾; пока же достаточно сказаннаго. Нельзя, слѣдовательно, доказывать, что этимъ наиболѣе общимъ понятіямъ что-нибудь свойственно (развѣ что не въ точномъ смыслѣ слова), но только, что они чему-нибудь присущи; нельзя также доказывать, что индивидуальные вещи чему-нибудь свойственны, но только, что имъ вѣчто свойственно; а относительно средняго [между наиболѣе общими понятіями и индивидуальными вещами] можно доказывать и то, и другое: и оно свойственно

¹⁾ Таковы наиболѣе общія сказуемыя или категоріи: бытіе, время, мѣсто и проч.

²⁾ А случайно приписывается В тогда, когда А не свойственно самой сущности В, что бываетъ, когда В (субъектъ предположенія) долженъ былъ-бы занимать скорѣе мѣсто предиката. Это видно изъ слѣдующаго примѣра: вовсе не данное бѣлое пятно можетъ свойства быть Сократомъ, а наоборотъ, Сократъ является бѣлымъ.

³⁾ См. Вторую Аналитику, книга I, гл. 22.

иному, и иное — ему; такъ что, пожалуй, наибольшее число рассуждений и изслѣдованій имѣеть предметомъ это среднее.

Посылки о каждомъ предметѣ должно выбирать слѣдующимъ образомъ: прежде всего должно брать самый предметъ доказательства, его опредѣленіе и отличительные признаки; затѣмъ, берется то, что свойственно этому предмету, и то, чему онъ свойствененъ; наконецъ, то, что ему не можетъ быть присуще; а то, чему онъ не можетъ быть присущъ, вѣтъ нужды [отдѣльно] искать, ибо [всеобщие] отрицательныя сужденія обратимы, Далѣе, среди сопутствующихъ [предмету доказательства] свойствъ ¹⁾ должно различить тѣ, что входятъ въ его сущность, тѣ, что составляютъ его отличие, и тѣ, что случайно ему присущи; а изъ послѣднихъ — какія правдоподобны и какія несомнѣнны; чѣмъ болѣе найдено такихъ признаковъ, тѣмъ доказательство пойдетъ скорѣе, а чѣмъ они несомнѣнны, тѣмъ оно будетъ сильнѣе. При этомъ должно выбирать не то, что сопутствуетъ только нѣкоторой части предмета, но то, что всему ему, такъ напримѣръ не то, что присуще нѣкоторымъ людямъ, а то что всѣмъ имъ, ибо умовключеніе происходитъ благодаря всеобщимъ послылкамъ; замѣтимъ при этомъ, что въ неопредѣленныхъ сужденіяхъ не видно, общія-ли это сужденія [или частныя], а въ опредѣленныхъ — очевидно ²⁾; также должно выбирать и то, чему *всему* сопутствуютъ предметъ доказательства, но той же самой причинѣ. Относительно же того, что *сопутствуетъ* нашему предмету, не для чего указывать, что оно *все* сопутствуетъ, какъ на примѣръ что человѣку присуще быть *всякимъ* животнымъ, или музыкѣ быть *всєю* наукой, но достаточно просто указать, что оно сопутствуетъ, какъ то мы и дѣлали выше ³⁾; да это было-бы и бесполезно, и невозможно, какъ напримѣръ то видно изъ сужденій: „всякій человѣкъ есть всякое животное“ или „справедливость есть всякое благо“; о томъ же, чему иное сопутствуетъ, должно указывать, что *всему*.

¹⁾ То-есть, среди того, что составляетъ его возможные сказуемыя, того, что ему бываетъ присуще или свойственно.

²⁾ Поэтому должно ясно опредѣлять, какая посылка всеобщая, а какая — частная, то-есть приближать къ послѣднимъ должное поясненіе (нѣкоторое, но не *есть* А *есть* В).

³⁾ Сказуемое всеобщаго сужденія (вся А *есть* В) не берется всеобщимъ, иначе это будетъ тождество (вся А *есть* вся В). Объ этомъ подробнѣе Ар. говорить въ трактатѣ „О смыслѣ сужденій“ (Герменевтика), гл. 7.

Если основное понятие ¹⁾, къ которому должно прискаты сопутствующие признаки, само заключено подъ другимъ понятіемъ [какъ подъ болѣе общимъ], должно брать не то, что сопутствуетъ или не сопутствуетъ этому общему понятію—это уже дано въ основномъ понятіи (то, что свойственно животному, то присуще и человѣку, и то, что не свойственно первому, не присуще и второму ²⁾), но должно брать отличительныя свойства отдѣльныхъ предметовъ, которые, какъ видно, всегда имѣютъ особые признаки сравнительно съ родовъ, ибо должны же прочіе виды отличаться чѣмъ-нибудь отъ этого вида. Равнымъ образомъ, для родового понятія не должно брать того, чему сопутствуетъ заключенное подъ нимъ видовое, какъ, напримѣръ, для опредѣленія животнаго не должно брать того, кому присуще понятіе человѣка, ибо если уже признаки животнаго сопутствуютъ вообще человѣку, то необходимо и каждому изъ людей; признаки отдѣльнаго человѣка болѣе пригодны, когда отыскивается понятіе человѣка (вообще) ³⁾.

Должно брать то, что обыкновенно сопутствуетъ другому, и то, чему другое [обыкновенно] сопутствуетъ ⁴⁾, ибо умозаключеніе бываетъ именно объ обыкновенномъ и основано на посылкахъ объ обыкновенномъ, или всѣхъ или нѣкоторыхъ таковыхъ, а вѣдь заключеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подобно своимъ основамъ [посылкамъ]. Замѣтимъ еще, что не должно брать того, что присуще всѣмъ понятіямъ; ибо изъ такихъ посылокъ умозаключеніе не получимо, а почему, будетъ показано ниже ⁵⁾.

¹⁾ То-есть, субъектъ доказываемаго положенія.

²⁾ Точнѣе было-бы сказать: „то, что не можетъ быть присуще первому“ и т. д., ибо очевидно, что видовые признаки, не присущіе роду, присущи однако виду.

³⁾ Смыслъ всего этого разсужденія таковъ: возьмемъ 3 понятія: родовое = А (животное), видовое = В (человѣкъ) и индивидуальное = В (это существо); если мы хотимъ опредѣлить понятія В (чтобы вѣрнѣе строить относительно него умозаключенія), то мы не должны брать того, что свойственно болѣе общему понятію В (изъ таковыхъ признаковъ принадлежить и А, то-есть, животности), ибо изъ болѣе общаго мы не можемъ опредѣлять, чему свойственно частное понятіе, но должны брать индивидуальныя, особенныя признаки самаго В (отдѣльныхъ людей). Если же понятіе, относительно котораго мы хотимъ получить умозаключеніе, есть А, то не должно брать того, чему сопутствуетъ В, то-есть, В (индивидуальныхъ людей).

⁴⁾ Для построенія умозаключенія о данномъ предметѣ должно брать или тѣ сужденія, въ которыхъ этотъ предметъ служить субъектомъ (то-есть, искать, что ему сопутствуетъ), или тѣ, въ которыхъ онъ служитъ предикатомъ (то-есть, искать, чему онъ сопутствуетъ).

⁵⁾ См. слѣдующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Объ изображеніи и построеніи умозаключеній (продолженіе).

Желая доказать какое нибудь всеобщее утвердительное сужденіе должно относительно его предиката разсмотрѣть, какими другимъ субъектамъ бываетъ онъ свойствененъ, а относительно его субъекта, какіе ему другіе предикаты присущи, и если одинъ изъ этихъ новыхъ субъектовъ совпадаетъ съ однимъ изъ новыхъ предикатовъ, то и въ доказываемомъ положеніи предикатъ присущъ субъекту ¹⁾. Когда же доказываемое положеніе не общее, но частное, должно отыскивать понятія, которыми, какъ субъектамъ, свойственны то и другое изъ данныхъ, и если найдется понятіе общее имъ обоимъ, то и въ доказываемомъ положеніи предикатъ будетъ присущъ части субъекта ²⁾. Когда же [доказываемое] положеніе всеобщее отрицательное, то должно разсмотрѣть относительно субъекта отрицательнаго сужденія, что ему бываетъ свойственно, а относительно предиката, — чему онъ не бываетъ присущъ, или наоборотъ: относительно субъекта — что ему не бываетъ присуще, а относительно предиката — что ему бываетъ присуще; и если какія-нибудь изъ этихъ понятій тождественны, то субъекту [доказываемаго положенія] вовсе не присущъ предикатъ, именно въ одномъ случаѣ это получается умозаключеніемъ по первой фигурѣ, а въ другомъ — по второй ³⁾. Если, наконецъ, [доказываемое] положе-

¹⁾ Пусть, напримеръ, должно доказать, что А есть В, и пусть А можетъ имѣть предикатовъ В, Г и Д, а Б можетъ имѣть субъектовъ В, Е и Ж; тогда В есть Б и А есть В, следовательно (по первой фиг.) А есть Б, и т. д.

²⁾ Пусть, напримеръ, должно доказать, что некоторые А суть В, и пусть А имѣетъ субъектами В, Г, Д, а Б имѣетъ тоже субъектами В, Е и Ж; тогда вся В суть В и вся В суть А, следовательно (по третьей фиг.) некоторые А суть В, и т. д.

³⁾ Пусть, напримеръ, должно доказать, что ни одно А не есть В; доказательство по первой фигурѣ: возьмемъ различные предикаты, свойственные А (В, Г, Д) и различные субъекты, которымъ не присуще В (В, Ж, З); общій (средній) терминъ будетъ В, то-есть, ни одно В не есть В, всѣ А суть В, следовательно, ни одно А не есть В; доказательство по второй фигурѣ: возьмемъ различные предикаты не свойственные А (В, Г, Д) и различные предикаты свойственные Б (В, Ж, З); средній терминъ для доказательства явится, следовательно, В: всѣ Б суть В, ни одно А не есть В, следовательно, ни одно А не есть В. Всеобщее отрицательное сужденіе кромя этихъ модусовъ ЕАЕ(І) и АЕЕ(ІІ) можетъ быть доказано еще и черезъ модусъ ЕАЕ(ІІ), но Аристотель здѣсь объ этомъ не упоминаетъ, такъ какъ условия для доказательства его будутъ тѣ же, что въ модусѣ ЕАЕ(І).

ние частно отрицательное, то должно рассмотреть все те понятия, которыми присущ субъект отрицательного суждения, и все те понятия, которыми не может быть присущ его предикат, и если одно из первых совпадает с одним из вторых, то [въ доказываемом положеніи] субъекту не присущ предикат ¹⁾. Каждый из этих случаев станет, может быть, болѣе ясным из слѣдующаго разсужденія: пусть будетъ В то, что свойственно А; то, чему свойственно А, пусть будетъ С; а D пусть то, что не можетъ быть свойственно А; повторныхъ, пусть будетъ F то, что свойственно Е; то, чему свойственно Е, пусть будетъ G; и H пусть то, что не можетъ быть свойственно Е ²⁾. Если нные изъ С

¹⁾ Частно отрицательное сужденіе доказуемо по всамъ тремъ фигурамъ, но Аристотель равенатриваетъ здѣсь лишь то, какъ должно находить средній терминъ, чтобы доказать такого рода сужденіе по модусу ЕАО(III): этотъ средній терминъ долженъ быть общимъ субъектомъ для субъекта и для предиката доказуемаго положенія и составлять съ первымъ утвердительное сужденіе, а со вторымъ—отрицательное.

²⁾ Въ слѣдующемъ Ар. допавываетъ те условія для нахождения средняго термина, которыми онъ указалъ выше. Надо именно доказать отношеніе между А и Е, гдѣ Е—субъектъ, А—предикатъ, причемъ сужденіе АЕ можетъ быть или обще—или частно утвердительнымъ, или обще—или частно отрицательнымъ. Пусть

В есть предикатъ для А	F	} а то же самое относительно Е.
С „ субъектъ „ А	G	
D—то, чѣмъ А не можетъ	H	

Иначе говоря, пусть:

Всѣ А суть В	Всѣ Е суть F
Всѣ С суть А	Всѣ G суть Е
Нѣ одно А не D	Нѣ одно Е не H.

Тогда представляются шесть слѣдующихъ случаевъ:

Первый случай: для того, чтобы доказать, что всѣ Е суть А, С должно быть =F, ибо

Всѣ Е суть F.
Всѣ С суть А.
(если F=C)

Всѣ Е суть А (модусъ ААА первой фигуры).

Второй случай: для того, чтобы доказать, что нѣкоторое Е суть А, С должно быть =G, ибо

Всѣ С суть А.
Всѣ G суть Е.
(если C=G)

Нѣкоторые Е суть А (модусъ ААІ третьей фигуры).

тождественны съ иными въ F, то необходимо слѣдуетъ, что A присуще всякому E; ибо F присуще всякому E, A — всякому C, такъ что, слѣдовательно, A присуще всякому E. Если же C то же самое, что G, необходимо слѣдуетъ, что A присуще некоторымъ изъ E; ибо A присуще всякому C, E—всякому G. Если, далѣе, F тождественно съ D, A [по просиллогизму ¹⁾] не будетъ присуще ни одному E: такъ какъ отрицательное сужденіе обратимо, и F есть то же, что D, то A не присуще ни одному F, вмѣстѣ съ тѣмъ F присуще всякому E. A не будетъ присуще ни одному E и въ томъ случаѣ, когда B тождественно съ H; ибо B присуще всякому A, слѣдовательно, E не присуще ни одному A, такъ какъ B и H то же самое, а H не присуще ни одному E. Если, далѣе, D и G то же самое,

Третій случай: для того, чтобы доказать, что ни одно E не есть A, F должно быть $\equiv D$, ибо

Ни одно D не есть A.

Но $D \equiv F$.

Слѣдовательно, ни одно F не есть A.

Всѣ E суть F.

Ни одно E не есть A (модусъ EAE первой фигуръ).

Четвертый случай: для того, чтобы доказать, что ни одно E не есть A, B должно быть $\equiv H$, ибо

Всѣ A суть B.

Но $B \equiv H$.

Слѣдовательно, всѣ A суть H.

Ни одно E не есть H.

Ни одно E не есть A (модусъ AEE второй фигуръ).

Пятый случай: для того, чтобы доказать, что некоторые E не суть A, D должно быть $\equiv G$, ибо

ни одно D не есть A

$D \equiv G$.

Слѣдовательно ни одно G не есть A, но всѣ G суть E (ибо всѣ E суть F и всѣ F суть G)

Некоторые E не суть A (модусъ EAO третьей фигуръ).

Шестой случай: для того, чтобы доказать, что некоторые E суть A, G должно быть $\equiv B$, ибо

Всѣ A суть B

и всѣ B суть E (такъ какъ всѣ G суть E, а $G \equiv B$)

Всѣ A суть E,

некоторые E суть A.

¹⁾ „По просиллогизму“, то есть через особое предварительное умованіе, дающее большую посылку.

А не будет присуще некоторымъ изъ Е, ибо А не присуще ни одному G, такъ какъ не присуще ни одному D, но всѣ G заключены подъ Е, слѣдовательно, Е не присуще некоторымъ А. Если, наконецъ, G то же самое, что В, получается обратное заключеніе: Е будетъ присуще всякому А, ибо В присуще всякому А, и Е—всякому В (такъ какъ G то же самое, что В); но отсюда не вытекаетъ, что А будетъ присуще всякому Е, а только, что некоторымъ изъ Е, такъ какъ черезъ обращеніе всеобща утвердительнаго сужденія мы получаемъ частное.

Итакъ, мы видимъ, что должно разсматривать сужденія вышеуказанныхъ видовъ о субъектѣ и предикатѣ каждаго доказываемаго положенія: только такимъ образомъ находятся всѣ умозаключенія. При этомъ должно какъ изъ возможныхъ сказуемыхъ, такъ и изъ возможныхъ субъектовъ обращать вниманіе преимущественно на перичные и всеобщіе, такъ напримѣръ, въ сужденіяхъ объ Е предпочитать предикатъ KF простому F, или въ сужденіи, гдѣ А есть предикатъ, субъектъ KC—субъекту С¹⁾; ибо если KF суть А, то и К будетъ А, и Е будетъ А, если же не KF суть А, то F только въ некоторыхъ случаяхъ будетъ А²⁾; равнымъ образомъ, должно обращать вниманіе на то, каковъ субъектъ для А³⁾, ибо если KC суть А, то и все, что заключено подъ С, будетъ тоже А; если же не KC, то заключенное подъ С лишь иногда бываетъ А.

Итакъ мы видимъ, что всякая задача рѣшается черезъ три термина и двѣ посылки, и что всѣ доказательства сводятся къ указаннымъ фигурамъ. Такъ мы доказываемъ, что всякому Е присуще А, принявъ, что С и F тождественны: они составляютъ средній терминъ, а Е и А будутъ крайніе, и мы получаемъ первую фигуру. Или мы доказываемъ, что некоторымъ Е присуще А, принявъ, что С и G тождественны: получается третья фигура, а въ ней G будетъ среднимъ терминомъ. Или мы доказываемъ, что ни одному Е не присуще

¹⁾ Буква К означаетъ здѣсь большую степень общности, то есть KC и FC суть родовыя понятія для видовыхъ С и F.

²⁾ Буква К означаетъ еще, повтому слова Ар. значить слѣдующее: „если KF суть А (и всѣ Е суть F), мы всегда получимъ выводъ: всѣ Е суть А; если же F есть А, то есть, если только некоторые F суть А, то мы не можемъ доказать, что всѣ Е суть А, ибо при большей частной посылкѣ заключенія по первой фигурѣ (по которой только и можно доказывать всеобща утвердительными сужденіями) не получается“.

³⁾ То есть, если онъ КО или просто С.

А, принявъ, что D и F тождественны; такимъ образомъ, получается или первая или вторая фигура: первая—съ посылками: А не присуще ни одному F (черезъ обращеніе отрицательнаго сужденія) и присуще всѣмъ E, вторая же—съ посылками: D не присуще ни одному А и всѣмъ E ¹⁾). Или, наконецъ, мы доказываемъ, что нѣкоторымъ E не присуще А, принявъ, что D и G тождественны; получается третья фигура: А не присуще ни одному G, и E присуще всѣмъ G. Итакъ, слѣдовательно, очевидно, что всѣ доказательства ведутся черезъ указанныя фигуры. Очевидно также, что не должно выбирать такого средняго термина, который былъ бы присущъ обоимъ даннымъ, такъ какъ въ такихъ посылокъ не получается никакого заключенія ²⁾: утвердительнаго заключенія вовсе не получается, когда средній терминъ есть сказуемое для крайнихъ, отрицательное же не получается потому, что обѣ посылки утвердительныя. а для полученія отрицательнаго заключенія одна изъ посылокъ должна быть утвердительной, а другая—отрицательной.

Изысканіе прочихъ случаевъ, какіе могутъ встрѣтиться при выборѣ [терминовъ], бесполезно для построенія доказательствъ; таковы случаи, когда сказуемая, присущія обоимъ крайнимъ членамъ, тождественны, или когда субъектъ, которому присуще А, тождествененъ съ предикатомъ, который не можетъ быть присущъ E, или наконецъ, когда тождественны субъекты, которымъ не присущи оба крайнія понятія: изъ такихъ посылокъ не получается заключенія. Ибо если тождественны сказуемая, присущія обоимъ понятіямъ, то-есть В и F, получается вторая фигура съ двумя утвердительными посылками; если же тождествененъ субъектъ, которому присуще А, съ предикатомъ, который не можетъ быть присущъ E, то-есть С съ H, получается первая фигура съ отрицательной меньшей посылкой:

¹⁾ Сужденіе вообще отрицательное можетъ быть доказано черезъ два модуса второй фигуры: АЕЕ и ЕАЕ; выше Ар. приводитъ первое доказательство (см. примѣчаніе выше, четвертый случай); здѣсь же беретъ второе, имѣющее слѣдующій видъ:

Ни одно А не есть D.
Всѣ E суть D (ибо всѣ E суть F и D=F).

Ни одно E не есть А.

²⁾ Если мы возьмемъ средній терминъ, который присущъ и большому и меньшему, то получимъ вторую фигуру съ двумя утвердительными посылками; такіе модусы не даютъ заключенія, какъ то мы видали выше (гл. 5).

если, наконец, тождественны субъекты, которымъ не присуще ни А. ни Е, то-есть D тождественно съ H, получается первая или вторая фигура съ двумя отрицательными посылками: при всѣхъ такихъ отношеніяхъ заключеній никогда не получается ¹⁾).

¹⁾ Мы видимъ теперь, что Ар. действительно разобралъ все возможные случаи доказательствъ данныхъ сужденій. Эти доказуемыя сужденія могутъ быть или всеобщими или частными, или утвердительными или отрицательными, и, какъ всякое сужденіе, заключаютъ въ себя субъектъ (Е) и предикатъ (А). Но всякое сужденіе можетъ быть доказано лишь черезъ отысканіе средняго термина, могущаго составить сужденіе какъ съ А, такъ и съ Е, черезъ отысканіе двухъ посылокъ: обь А и Е. Изъ такихъ возможныхъ посылокъ, образованныхъ изъ терминовъ А и Е со среднимъ терминомъ, мы беремъ лишь общія (обь основаніи этого см. выше въ текста, о посылкахъ КС и ЕС). Но терминъ А можетъ быть въ посылкѣ или субъектомъ или предикатомъ, а посылка можетъ быть или утвердительной или отрицательной; следовательно, три случая: А есть В, С есть А, и А не есть D очерчиваютъ (схематически) все возможные виды большей посылки (сужденіе D не есть А, какъ вполне обратное, не составляетъ особеннаго вида). Совершенно такимъ же три возможныхъ вида меньшей посылки, именно Е есть F, G есть Е, и Е не есть H. Какъ показано выше, для полученія доказательства, то-есть, заключенія обь отношеніи А къ Е, посылки должны имѣть общее среднее понятіе, то-есть, или В, или С, или D должно быть тождественно съ F, или G, или H. Въ предъидущемъ Ар. рассмотрѣлъ шесть изъ возможныхъ случаевъ этой тождественности (С=F, С=и, F=G, В=H, D=G и В=G) и показалъ, для какихъ доказательствъ они пригодны; оставались, следовательно, еще три возможныхъ случая (В=F, С=H и D=H), но теперь Ар. рассмотрѣлъ и ихъ, показавъ, что они бесполезны для доказательства. Итакъ, Ар. разобралъ все возможные способы, какими только можетъ быть доказуемо черезъ простой силлогизмъ любое данное сужденіе. Онъ разрѣшилъ, следовательно, ту задачу, которая обратна первой, поставленной въ первыхъ главахъ этой книги: первая задача была такова: по даннымъ посылкамъ найти все возможные заключенія; вторая же ей обратная: по данному заключенію найти все возможные его доказательства. Результатъ этого втораго исследования можетъ быть сгруппированъ въ слѣдующей табличкѣ, въ которой первый столбецъ показываетъ свойство большей посылки, второй—меньшей, третій—заключенія:

AB —	{	EF — истъ заключенія. EG — модусъ ААА перв. фиг. (обратное заключеніе). EH — модусъ АЕЕ второй фиг.
AC —	{	EF — модусъ ААА перв. фиг. EG — модусъ ААІ третьей фиг. EH — истъ заключенія.
AD —	{	EF — модусъ ЕАЕ перв. фиг. и ЕАЕ второй. EG — модусъ ЕАО третьей фиг. EH — истъ заключенія.

(Waitz, Org., I, p. 451)

Мы видимъ, далѣе, что для доказательства должно брать тѣ понятія, которыя тождественны, а не тѣ, что различны или противоположны, вопервыхъ, потому что изысканіе направлено именно къ отысканію средняго термина, а вовторыхъ, потому что и тѣ случаи, когда умозаключеніе получается черезъ понятія противоположныя или не могущія быть присущими одному и тому же, сводимы къ разсмотрѣннымъ видамъ; пусть, напримѣръ В и F противоположны или не могутъ быть присущи одному и тому же, при такихъ понятіяхъ получается заключеніе, что ни одному А не присуще Е ¹⁾, но не изъ самыхъ этихъ понятій (В и F), а по вышеуказанному способу, ибо если В присуще всякому А и не одному Е, то В уже было тождественно съ нѣкоторыми изъ Н ²⁾; пусть, далѣе, В и G не могутъ быть присущи одному и тому же, тогда А не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ Е, именно мы имѣемъ здѣсь вторую фигуру: В присуще всякому А и не всякому Е ³⁾; но и здѣсь слѣдовательно, В уже должно было быть тождественно съ нѣкоторыми изъ Н, ибо выраженіе „В и G не могутъ быть присущи одному и тому же“ выражаетъ именно то же самое, что В тождественно съ нѣкоторыми изъ G: вѣдь G и означало все, что не присуще Е.

Мы видимъ, слѣдовательно, что изъ такихъ изысканій [противуположнаго, а не тождественнаго] не получается непосредственно никакого умозаключенія, и что если В и F противоположны, то В уже должно было быть тождественно съ нѣкоторыми изъ Н, такъ что заключеніе получается именно черезъ это тождество. Поэтому выходить, что тотъ, кто отыскиваетъ противоположности, ищетъ другого пути, чѣмъ необходимый, позабывая, что В и Н то же самое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Объ изобрѣтеніи и построеніи умозаключеній (продолженіе).

Въ доказательствахъ черезъ сведеніе къ невозможному мы находимъ тѣ же отношенія, что въ доказательствахъ прямыхъ: они тоже получаются черезъ предикаты и субъекты для двухъ данныхъ терминовъ, и въ обоихъ родахъ доказательствъ равняется одно и

¹⁾ В присуще всякому А и не присуще ни одному Е (ибо В не присуще ни одному F, и F всякому Е); слѣдовательно, А не присуще ни одному Е.

²⁾ Ибо подъ Н мы и разумѣемъ вообще все, что не присуще ни одному Е.

³⁾ Вся А суть В, и нѣкоторые Е не суть В (ибо вся В не суть G, и нѣкоторые Е суть G), слѣдовательно, нѣкоторые Е не суть А.

то же ¹⁾; такъ что то, что доказывається прямо, можетъ быть черезъ тѣ же термины доказано сведеніемъ къ невозможному, а то, что доказано сведеніемъ къ невозможному,—доказано прямо ²⁾. Пусть, на примѣръ, должно доказать, что А не присуще ни одному Е; предположимъ, что оно въ некоторымъ изъ Е присуще; тогда В присуще всякому А, и А присуще некоторымъ Е, слѣдовательно, В присуще некоторымъ Е; задано однако, что оно не присуще ни одному ³⁾; или докажемъ, воторыхъ, что А присуще некоторымъ изъ Е: если бы оно не было присуще ни одному Е, то такъ какъ Е присуще всякому И, А не было бы присуще ни одному G; задано однако, что оно присуще всемъ G ⁴⁾. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно другихъ задачъ: всегда и во всехъ случаяхъ доказательство отъ невозможнаго ведется черезъ субъекты и предикаты обонхъ данныхъ терминовъ, и для всякой задачи одно и то же служитъ основаніемъ, когда мы хотимъ прямо вести умозаключеніе и когда сводимъ къ невозможному. Что оба рода доказательствъ ведутся черезъ одни и тѣ же понятія, видно изъ примѣра; положеніе „А не присуще ни одному Е“ доказывається въ обонхъ случаяхъ тѣмъ, что иначе В было бы присуще некоторымъ изъ Е, что невозможно: или, наоборотъ, мы принимаемъ, что В не присуще ни одному Е и присуще всякому А, тогда А, очевидно, не будетъ присуще ни одному Е; или, воторыхъ, положеніе „А не присуще ни одному Е“—доказуемое прямо—будетъ доказано черезъ сведеніе къ невозможному, если мы примемъ, что А присуще некоторымъ изъ Е ⁵⁾; то же самое имѣетъ мѣсто и въ про-

¹⁾ То-есть, одинъ и тотъ же средній терминъ.

²⁾ Можетъ показаться, что это противорѣчитъ тому, что самъ Аристотель показывалъ выше, а именно, что есть модусы (АОО второй фигуры и ОАО третьей), которые не доказуемы прямо. Однако, должно помнить, что здѣсь идетъ рѣчь не о всехъ модусахъ вообще, а только о тѣхъ, въ которыхъ обѣ посылки всеобщія, а такіе все доказуемы и прямо, и черезъ сведеніе къ невозможному.

³⁾ Это доказательство отъ невозможнаго ведется, слѣдовательно, при томъ же условіи, что и соответствующее прямое (см. примѣч. въ предыдущей главѣ: четвертый случай), то-есть, въ предположеніи, что В есть И, то-есть, не присуще ни одному Е.

⁴⁾ Это доказательство отъ невозможнаго соответствуетъ доказательству прямому, приведенному въ предыдущей главѣ (примѣчаніе: второй случай), то-есть, ведется въ предположеніи, что все С (которые все суть А) суть G.

⁵⁾ Доказательства отъ невозможнаго и доказательства прямія ведутся, говоритъ Ар., черезъ одинъ и тѣ же понятія; такъ на примѣръ, пусть должно доказать, что ни одно Е не есть А (ср. примѣчаніе къ предыдущей главѣ: четвертый случай):

чихъ случаяхъ: во всѣхъ нихъ необходимо найти нѣкоторый общій терминъ, отличный отъ данныхъ, относительно котораго и получается заключеніе о ложномъ ¹⁾: взявъ же противоположное этому заключенію сужденіе за одну изъ посылокъ, а вторую посылку оставивъ тою же, мы получимъ прямое умозаключеніе съ тѣми же понятіями; такъ, что отличіе прямого умозаключенія отъ умозаключенія черезъ невозможное состоитъ въ томъ, что въ прямомъ—обѣ посылки взяты истинными, а во второмъ—одна взята ложною.

Это станетъ болѣе яснымъ въ послѣдствіи, когда мы скажемъ о невозможномъ: теперь же замѣтимъ только, что желаемъ ли мы вести доказательство прямо или черезъ сведеніе къ невозможному, мы должны искать одного и того же ²⁾. Въ прочихъ же умозаключеніяхъ черезъ предположенное условіе, какъ напримѣръ, въ умозаключеніяхъ черезъ перемѣну ³⁾, или въ умозаключеніяхъ по качеству ⁴⁾, доказательство основано на заранѣе принятомъ, причемъ это заранѣе принятое не есть нѣчто прямо утверждаемое, но категорически утверждаемое условное ⁵⁾, способъ же нахождения [средняго термина] опять тотъ же самый. При этомъ должно, однако, помнить, что эти умозаключенія черезъ предположенное условіе бываютъ равныхъ видовъ, и [строго] различать ихъ.

Итакъ, каждое положеніе доказуемо указаннымъ образомъ, но

<i>доказательство отъ невозможно:</i>	<i>прямое доказательство:</i>
всѣ А суть В	всѣ А суть В
(предположивъ, что) нѣкот. Е суть А	ни одно Е не есть В
нѣкот. Е суть В, что невозможно	ни одно Е не есть А

¹⁾ Въ выше приведенномъ примѣрѣ этотъ общій терминъ есть, очевидно, В. Для ясненія сказаннаго Аристотелемъ въ столь святой формѣ приведемъ еще одинъ примѣръ; пусть должно доказать, что всѣ Е есть А:

<i>доказательство отъ невозможно:</i>	<i>доказательство прямое:</i>
всѣ Е суть F	всѣ Е суть F
нѣкот. Е не суть А	всѣ F суть А
нѣкот. F не суть А, что невозможно	всѣ Е суть А

Общій терминъ есть F(=C), ср. предыдущую главу, въ примѣч., случай первый.

²⁾ То-есть, выше указаннаго общаго термина (въ первомъ примѣрѣ—В, во второмъ F).

³⁾ То-есть, черезъ „взатое въ иномъ смыслѣ условное измѣненіе“, о чемъ см. выше, гл. 23.

⁴⁾ Какія это умозаключенія, въ точности не извѣстно.

⁵⁾ См. выше, гл. 23.

кроме того иные из положений могут быть доказаны и особым способом; так общия положения можно доказывать из посылок, дающих [обыкновенно] частное заключение, прибавив к ним предикторное особое условие; если, например С и G то же самое, а E присуще одним только G, то A присуще всякому E; или, вторых, если D и G то же самое, а E присуще одним только G, то A не будет присуще ни одному E ¹⁾.

Таким же способом доказуемы и положения о возможности и необходимости: порядок изыскания здесь тот же, и заключения получают через те же термины, идет ли речь о возможном или о необходимом. Къ возможному относится и то, что не существует, но может быть, ибо доказано, что и из таких посылок получается заключение о возможном. То же должно сказать и о прочих родах связи между предикатом и субъектом.

Из сказанного не только явствует, что все заключения могут быть получены по этому методу, но и то, что они не получимы ни по какому другому. Ибо выше было доказано, что всякое заключение получается лишь по какой-нибудь из рассмотренных фигур; а эти последние не могут быть построены иначе, как через предикаты и субъекты каждого из данных терминов: только через них получают посылки и находится средний термин; следовательно, никакое заключение не может быть получено по какому-нибудь другому методу.

¹⁾ Условие, которое мы здесь прибавляем, состоит в определении объема означаемого (так называемая квантификация предиката), вследствие чего всеобщие утвердительные суждения, с введенными такими условиями, могут быть обращены во всеобщие же. Поэтому мы можем, при таком условии, получить общия заключения там, где обыкновенно получаются лишь частные, а именно:

а) Пусть по времену $C=G$ (примечание к предыдущей главе: *второй случай*), и кроме того условимся, что E присуще только одним G; тогда

все G суть A (ибо $C=G$)

все E суть G (ибо суждение „все G суть H“, благодаря прибавленному условию, вполне обратно)

все E суть A

б) Пусть $D=G$ (ср. предыдущую главу, примечание: *пятый случай*) и кроме того условимся, что E присуще только одним G, тогда

ни одно G не есть A (ибо $D=G$)

все E суть D (ибо все D суть E)

ни одно E не есть A.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

О приѣмности разсмотрѣннаго метода.

Методъ [для доказательства] всегда одинъ и тотъ же и въ философіи, и во всякомъ искусствѣ, и въ наукѣ; должно именно искать предикаты и субъекты къ каждому изъ данныхъ терминовъ, собирать ихъ возможно больше и разсматривать [подъ формою] трехъ терминовъ, извѣстнымъ образомъ при доказательствѣ, и извѣстнымъ — при опроверженіи; и когда дѣло идетъ о несомнѣнномъ заключеніи, вывести его изъ того, что принято какъ несомнѣнно существующее, а когда — о діалектическомъ, — изъ правдоподобныхъ посылокъ ¹⁾. Обь основахъ же умозаключеній ²⁾ вообще уже сказано, и какъ онѣ соотносятся, и какъ ихъ должно находить, а именно что не должно ихъ загромождать всѣмъ, что можетъ быть высказано, и что не на одно и то же должно обращать вниманіе, когда мы доказываемъ нѣчто и когда опровергаемъ, и когда доказываемъ нѣчто обо всемъ и когда — о части, и когда опровергаемъ всеобщее положеніе, и когда — частное; но должно обращать вниманіе на немногое и точно определенное; и въ каждомъ случаѣ дѣлать изъ всего существующаго выборъ, какъ то дѣлается, напримѣръ, относительно блага или званія; ибо многіе признаки составляютъ характерныя свойства каждой вещи. Поэтому отысканіе основъ [для умозаключенія] въ каждомъ случаѣ должно предоставить опытиному знанію, напримѣръ, основъ для теоретической астрономіи — астрономическому опыту: равъ будетъ наблюденно достаточное число явленій, найдутся такимъ образомъ и астрономическія доказательства; то же самое должно сказать и о всякомъ другомъ искусствѣ и наукѣ.

Такъ что, если факты относительно даннаго предмета собраны, наше уже будетъ дѣло быстро привести въ ясность доказательства; если при фактическомъ изслѣдованіи не упущено ни одно изъ истинныхъ свойствъ предмета, мы будемъ въ состояніи для всего допускающаго доказательства найти это послѣднее и доказать, а относительно того, о чемъ не можетъ быть доказательства, привести въ ясность эту новозможность.

Итакъ, мы вложили въ общіихъ чертахъ, какиимъ образомъ должно

¹⁾ О діалектическихъ сужденіяхъ см. гл. 1.

²⁾ То-есть, о п'сылкахъ.

находить посылки; точиѣ это будетъ разсмотрѣно въ учени о діа лектикѣ ¹⁾).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Объ употребленіи и злоупотребленіи раздѣленіи ²⁾.

Легко усмотрѣть, что раздѣленіе по родамъ составляетъ только незначительную часть вышеназложеннаго метода, ибо [само по себѣ] оно есть лишь какъ бы бесцѣльное умозаключеніе, именно въ немъ то, что должно быть доказано, постулируется ³⁾, а умозаключается [вмѣсто того] къ одному изъ общихъ понятій. Это обстоятельство укрѣпилось отъ всѣхъ, употреблявшихъ раздѣленіе, и они пытались показать, что раздѣленіе можетъ служить доказательствомъ для сущности и сущаго; то-есть, они не поняли ни того, что дѣлая раздѣленіе, они уже строятъ умозаключеніе, ни того, что это умозаключеніе именно того рода, какъ мы сказали ⁴⁾. Во всѣхъ доказательствахъ, когда приходится строить умозаключеніе о существованіи чего-либо, необходимо искать средній терминъ, черезъ который только и получается умозаключеніе, и который долженъ быть меньше [по объему] перваго изъ крайнихъ терминовъ, а не составлять его рода; доказывающій же черезъ раздѣленіе постуиаетъ иначе: онъ беретъ за средній терминъ родовое понятіе. Пусть, напримѣръ, А есть животное. В—смертное, С—безсмертное существо, а D пусть будетъ человѣкъ, понятіе которое и должно опредѣлить; принимается, что всякое животное бываетъ или смертнымъ, или безсмертнымъ, то-есть, все, что входитъ въ составъ А, должно быть или В, или С; далѣе о человѣкѣ, при доказательствѣ черезъ раздѣленіе, всегда утверждается, что онъ есть животное, то-есть, признается, что А присуще D; слѣдовательно, заключеніе получается такое: всякое D есть или В или С; а то, что человѣкъ есть смертное животное—это съ необходимостью [изъ предьдущаго] не вытекаетъ, и только постуируется, тогда какъ это-то и есть то положеніе, что должно было доказать ⁵⁾. Или, напримѣръ,

¹⁾ То-есть, въ „Топикѣ“, составляющей четвертый трактатъ „Органъ“.

²⁾ Эти критическія замѣчанія направлены преимущественно противъ Платона.

³⁾ А не доказывается. О такихъ ошибкахъ вообще см. во второй книгѣ гл. 16 (о придвухъ выводовъ).

⁴⁾ То-есть, не доказываетъ, а только постуируетъ выводъ.

⁵⁾ Доказательство черезъ дѣленіе имѣетъ здѣсь слѣдующій видъ: А есть, или В, или С, D есть А, слѣдовательно (яко-бы) D есть В (между тѣмъ какъ въ дѣйствительности слѣдуетъ лишь, что D есть или В, или С).

беруть А = смертное животное, В = имѣющій ноги, С = неимѣющій ногу и D = человекъ, и по прежнему утверждаютъ, что А заключено или въ В, или въ С (всякое смертное животное или имѣеть ноги или нѣтъ), и что D есть А (признается, что человекъ есть смертное животное); отсюда съ необходимостью слѣдуетъ лишь то, что человекъ есть животное или имѣющее ноги, или нѣтъ, но что онъ есть животное, имѣющее ноги, отсюда не вытекаетъ, и тѣмъ не менѣе утверждается, хотя это-то, по прежнему, и есть то положеніе, что должно было доказать. Такихъ же образомъ и всегда тому, кто употребляетъ дѣленіе [какъ доказательство], приходится общесъ понятіе принимать за средній терминъ, а то, о чемъ должно быть нѣчто доказано и видовымъ различіемъ — за крайніе ¹⁾; въ концѣ же концовъ выходитъ, что [напримѣръ] о человекѣ или о какомъ-нибудь другомъ послѣдуемомъ понятіи употребившій такое доказательство ничего определенно сказать не можетъ такъ, чтобы это было необходимымъ слѣдствіемъ; онъ стремится все впередъ по совершенно другому [чѣмъ должный] пути, не заботясь даже о могущихъ встрѣтиться удобныхъ для доказательства случаяхъ. Очевидно также, что по этому методу нельзя построить ни опроверженій, ни умозаключеній о случайныхъ или отличительныхъ признакахъ, или о родѣ, или о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ неизвѣстно, имѣеть-ли така-то вещь така-то свойства, какъ, напримѣръ, диагональ соизмѣрима-ли [со стороною квадрата]: если мы примемъ, что всякая длина бываетъ или соизмѣримою, или несоизмѣримою, и что диагональ имѣеть длину, то слѣдуетъ только, что диагональ или соизмѣрима, или несоизмѣрима; а если мы станемъ утверждать, что диагональ несоизмѣрима, то будемъ утверждать лишь то, что еще должно быть доказано; такъ что доказательство здѣсь вообще отсутствуетъ; ибо методъ здѣсь тотъ же [что въ приведенныхъ выше примѣрахъ], а черезъ такой методъ невозможно получать заключенія; здѣсь А = соизмѣрима или несоизмѣрима величина, В = длина, С = диагональ. Итакъ мы видимъ, что такой способъ изысканія приложимъ не во всякомъ изслѣдованіи, и что даже тамъ, гдѣ онъ, по видимому, наиболѣе пригоденъ, онъ бесполезенъ.

¹⁾ Такъ въ последнемъ примѣрѣ среднимъ терминомъ служить общее понятіе „смертное животное“, большимъ — „смертное животное, имѣющее ноги и неимѣющее ногу“, а меньшимъ — „человекъ“ (то, о чемъ нѣчто должно быть доказано).

слышать его составныя части, то есть шумъ каждой волны, хотя каждый такой малый шумъ повнается нами только въ общей ихъ совокупности и не былъ бы замѣченъ, еслибы производящая его волна была одна... Эти малыя представленія имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ думаютъ. Они-то обравуютъ все это неизловимое— равныя вкусы, образы чувственныхъ качествъ; ясныя въ совокупности, смутныя въ частяхъ впечатлѣнія, производимыя на насъ окружающими тѣлами и облакающія безконечность; связь cadaго существа со всею вселенной. Можно даже сказать, что, вслѣдствіе этихъ малыхъ представленій, настоящее полно будущимъ и нагружено прошедшимъ (*est plein d'avenir et chargé du passé*), что все въ согласіи— *οὐρανὸς πάντα*, какъ говоритъ Гиппократъ, что въ малѣйшей изъ субстанцій вѣтеръ, столь проникающій какъ вѣтеръ Бога, можетъ прочесть всю послѣдовательность предметовъ вселенной.

Quae sint, quae fuerint, quae mox futura trahuntur.

Эти нечувствительныя представленія отмѣчаютъ и образуютъ данное лицо, характеризуемое тѣми слѣдами, какіе въ представленіяхъ его сохраняются отъ предъидущихъ состояній, образуя связь его прошлаго состоянія съ настоящимъ; могутъ быть познаны высшимъ умомъ, еслибы даже то лицо не ощущало ихъ, то-есть, еслибы въ немъ не было воспоминаній*.

IV. *Образы и понятія.* Ощущенія, порождаемыя впечатлѣніями и слѣдами, представляютъ собою матеріалъ, надъ которымъ работаетъ сознание. Ощущеніе есть основной элементъ сознанія. Ощущенія воспринимаются не отдѣльно. Они соединяются въ группы. Миръ сознанія населенъ *образами*. Что такое образъ?

Образъ есть нѣкоторая совокупность ощущеній, усматриваемая на общемъ фонѣ сознанія, какъ нѣкоторое отдѣльное цѣлое. Совокупность ощущеній представляется, какъ одно цѣлое, прежде всего, когда она доставляется совокупностію впечатлѣній, производимыхъ отдѣльнымъ виѣшнимъ предметомъ — камнемъ, деревомъ, луною и такъ далѣе. Актомъ сознанія, который мы назвали безотчетно-логическимъ, источнику данной совокупности впечатлѣній отводится мѣсто

въ картинѣ внѣшняго міра, какъ нѣкоторому дѣйствительно существующему предмету. Человѣкъ сознаетъ, что внѣ его есть камень, дерево, луна. Черезъ повтореніе впечатлѣній изъ того же источника въ равныхъ обстоятельствахъ укрѣпляется и расширяется познаніе о камнѣ, деревѣ, лунѣ. Это и есть то познаніе черезъ опытъ вседневной жизни, о которомъ мы говорили.

Но образы, имѣющіе соответствующіе имъ предметы внѣ меня, суть лишь одинъ изъ разрядовъ образовъ, наполняющихъ сознаніе. Возможны образы, которымъ внѣ насъ нѣтъ соответствующихъ предметовъ. Ощущенія могутъ комбинироваться на фонѣ сознанія въ группы крайне разнообразно. Можетъ быть такая совокупность ощущеній, въ которой одна часть имѣетъ источникомъ одинъ внѣшній предметъ, другая заимствована отъ другого предмета. Я могу представить себѣ скрену, имѣющую женское туловище и рыбій хвостъ. Это—область воображаемыхъ или фантастическихъ предметовъ, въ отличіе отъ области дѣйствительныхъ предметовъ.

Но дѣятельность сознанія этимъ не ограничивается. Возможно соединеніе ощущеній въ одно цѣлое, для котораго вовсе нѣтъ соответствующаго внѣшняго предмета. Въ этомъ состоитъ актъ отвлеченія, черезъ который являются представленія о качествахъ, дѣйствіяхъ отдѣльно отъ предметовъ. Возникаетъ цѣлый міръ образовъ умственныхъ, не имѣющихъ соответственныхъ предметовъ во внѣшнемъ мірѣ. Для обозначенія членовъ этого умственнаго міра слово образъ становится уже узкимъ. Прибѣгаемъ къ болѣе широкому наименованію: *понятіе*, обнимающему всѣ разряды образовъ.

Каждое понятіе, отвѣчаетъ-ли оно дѣйствительному предмету или воображаемому, или есть только въ сознаніи произведенное соединеніе или выдѣленіе ощущеній въ нѣкоторое отдѣльно замѣчаемое цѣлое—есть равноправный фактъ сознанія. Оно для моего сознанія есть такой же предметъ, такая же вещь, епс, какъ дерево, какъ камень, отдѣльный предметъ, который я могу взять руками. И логика одна, и выраженія однообразны. Даже отрицательныя понятія, какъ

тьма, холодъ, разсматриваются нами какъ предметы, какъ вещи. Тьма приходитъ, холодъ дѣйствуетъ и такъ даждѣ.

Такимъ образомъ, миръ сознанія состоитъ изъ понятій. Понятіе, замѣчаемое какъ отдѣльное цѣлое, можетъ быть названо именемъ, выражено словомъ.

Каждое понятіе—конкретное, воображаемое или наконецъ, отвлеченное, можно разсматривать какъ нѣкоторое $c + X$. Здѣсь c есть то, что замѣчается въ данный моментъ сознаніемъ въ подлежащемъ ему понятіи, X то что, принадлежала понятію, въ данный моментъ не замѣчается. Величина c не есть постоянная, но измѣняется въ разныхъ случаяхъ. Пользуясь нашимъ схематическимъ приемомъ, можно сказать, что c есть число лучей, изъ центра познанія достигающихъ пунктовъ впечатлѣній $n, n, n, \dots$. Число этихъ лучей въ данный моментъ несравненно менѣе общаго числа впечатлѣній и слѣдовъ, благодаря которымъ исторически составилось данное понятіе. Не вся ихъ совокупность подлежитъ въ данный моментъ сознанію, а лишь тѣ $n, n, \dots$, отъ которыхъ возбуждаются ощущенія въ центрѣ сознанія, то-есть, для которыхъ по нашей схемѣ есть лучи сознанія. Произносится слово: столъ. У каждаго слушающаго возникаетъ въ сознаніи болѣе или менѣе опредѣленный образъ или понятіе, сложенныя изъ нѣкоторой части ощущеній, чрезъ совокупность которыхъ составилъ этотъ образъ, у одного тѣмъ путемъ, у другаго нѣсколько инымъ. Каждый видѣлъ много столовъ и получилъ множество впечатлѣній, оставившихъ слѣды. Слѣды доходили до центра сознанія, и постепенно составилъ образъ. Моментальное повтореніе историческаго хода, какимъ сложился образъ съ ясною отмѣтою нѣкоторой доли испытанныхъ ощущеній, и есть то, что происходитъ въ человѣкѣ, слушающемъ слово, имевшее этотъ образъ.

Глава II. Размышленіе съ закрытыми и съ открытыми окнами чувства.

I. *Размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ.* Вышеизложенное позволяетъ намъ съ ясностію представить собѣ различіе двухъ указанныхъ нами родовъ размышленія. Размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ есть размышленіе, имѣющее дѣло исклю-

чительно съ слѣдами. Размышленіе съ открытыми окнами чувствъ имѣетъ дѣло или непосредственно съ впечатлѣніями, и слѣдовательно происходитъ въ присутствіи предметовъ, или, если, съ слѣдами впечатлѣній, то послѣ возобновленныхъ и проверенныхъ впечатлѣній. Наблюденіе и опытъ суть основное его условіе. Размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ есть внутренняя работа, сосредоточенная въ темнотѣ мозга, не сопровождающаеся прикосновеніемъ со внѣшними предметами. Размышленіе съ открытыми окнами чувствъ путемъ опыта пополняетъ запасъ впечатлѣній и возникающихъ отъ нихъ образовъ. Первое работаетъ надъ приобретеннымъ матеріаломъ, второе умножаетъ самый матеріалъ.

Имѣя дѣло съ образами и понятіями, символически обозначаемыми помощью словъ, размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ можетъ быть наименовано *діалектическимъ* въ противоположность *предметному*, какимъ можно назвать размышленіе съ открытыми окнами. Замѣтимъ, что отвлеченно-математическое размышленіе, создающее область чистой математики, входитъ въ кругъ размышленія діалектическаго. Математика есть языкъ своего рода: развитіе мысли въ словахъ и въ математическихъ символахъ родственныи между собою операции. Иѣкоторые философы, какъ Гегель, надѣялись и старались, чрезъ приемы діалектики, приходить къ новымъ и новымъ выводамъ, подобно тому, какъ это дѣлается чрезъ приемы математики.

II. *Размышленіе съ открытыми окнами чувствъ.* Размышленіе діалектическое, съ закрытыми окнами чувствъ, есть размышленіе, которое мы производимъ, углубляясь, какъ говорится, въ себя; размышленіе непополняемое свѣжими впечатлѣніями, работающее надъ приобретеннымъ уже матеріаломъ. Оно имѣетъ дѣло съ образами и понятіями, выдѣляющимися на фонѣ сознанія, устранившаго отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Соединяя, группируя матеріалъ, производя своего рода перемѣщенія или опыты въ темной области мозговыхъ слѣдовъ, размышленіе это создаетъ новые понятія, дѣлаетъ выводы, производитъ великую работу, въ крайностяхяхъ своихъ ведущую въ добри метафизики. Но понятія эти и

выводы, если они не провѣряются опытомъ, т-есть свѣжими впечатлѣніями, легко остаются безъ соответствія въ дѣйствительности, какъ-то отиѣтилъ авторъ „Исторіи индуктивныхъ наукъ“ Юэлль (Whewell), говоря о древнихъ учевіяхъ о природѣ. Размышленіе, безъ выходи остающееся въ мірѣ иллюзіи, ведетъ къ ослабленію впечатлѣній, сглаживаетъ для сознанія различіе конкретнаго и не-конкретнаго. Всѣ эти сближенія и сочетанія образовъ и понятій на иллюзорномъ фонѣ сознанія, стоящемъ предъ нами при размышленіи съ закрытыми окнами чувствъ, совершаются свободно отъ затрудненій пространства и даже, въ извѣстной мѣрѣ, времени. Мысль свободно переносится и въ даль пространства и въ глубину вѣковъ.

Иное дѣло размышленіе съ открытыми окнами чувства, размышленіе естествоиспытателя, наблюдающаго, дѣлающаго опыты. Оно имѣетъ дѣло не только съ образами и понятіями, но и съ тѣми условіями, при которыхъ эти образы и понятія составляются: съ внѣшней дѣйствительностію. Наблюденіе, опытъ совершаются медленно: сблизить два удаленные одинъ отъ другаго предмета иногда бываетъ неодолимо трудно. Измѣнить мысленно условія давняго опыта можно мгновенно; чтобъ исполнять это на самомъ дѣлѣ—могутъ потребоваться дни, мѣсяцы и годы. Размышленіе съ открытыми окнами чувствъ все сводится на пополненія, освѣженія и новѣркіѣ доставленнаго впечатлѣніями матеріала. Мы всегда склонны размышлять съ закрытыми окнами чувствъ и предаваясь размышленію обыкновенно ихъ закрываемъ. Это не мѣшаетъ размышленію быть предметнымъ, если оно работаетъ надъ свѣжими впечатлѣніями. Но въ тѣсномъ смыслѣ размышленіе съ открытыми окнами чувства есть размышленіе во время самаго приобрѣтенія впечатлѣній, во время наблюденія и опыта. Размышлять, наблюдая и экспериментирова, то-есть оставляя окна чувствъ открытыми, дѣло очень нелегкое, требующее или особой способности, или навыка и воспитанія. Способность держать вниманіе на сторожѣ, замѣтить дотогѣ незамѣченное, есть источникъ открытій. Способность эта состоитъ въ томъ,

чтобы при наблюдении не повторять только — хотя бы съ освѣщеніемъ и укрѣпленіемъ впечатлѣній — тотъ процессъ, который могъ бы быть сдѣланъ, еслибъ окна были даже закрыты, а именно пользоваться тѣмъ, что они открыты и вносить цѣлую совокупность свѣжихъ впечатлѣній.

Фарадей, Клодъ Вернаръ въ высокой степени обладали этою способностію замѣтить дотоле незамѣчаемое. Съ Клодъ Вернаромъ бывало, что физиологическое явленіе происходило предъ глазами нѣсколькихъ: его и его помощниковъ, но онъ одинъ попадалъ на то, что предъ другими проходило незамѣченнымъ, а между тѣмъ заключало въ себѣ указаніе на фактъ великой важности (напримѣръ, измѣненіе въ цвѣтѣ крови, поведшее къ открытію сосудо-двигательныхъ нервовъ). Такое наблюдение, не проглядывающее то, что находится въ сторонѣ отъ впечатлѣній, на которыя непосредственно направлено вниманіе, Гюндаль назвалъ „боковымъ зрѣніемъ“. Оно развито у гениальныхъ наблюдателей природы и можетъ быть усилено навыкомъ и упражненіемъ. До Фарадея многіе, въ томъ числѣ такой великій умъ какъ Амперъ, искали не производятъ ли электрическія токъ, проходящія черезъ проволоку, электрическаго вліянія (индукціи) на сосѣднюю проволоку, и не находили, такъ какъ сосредоточивали вниманіе на томъ фазисѣ опыта, пока токъ шолъ по проволоцѣ, не ожидая, чтобы токъ дѣйствовалъ именно въ тѣ моменты, когда онъ только-что начинается или только-что оканчивается. Они проглядывали то, что было въ эти моменты, хотя явленіе происходило и даже нѣкоторыми было отмѣчено, но не точно. Фарадей не проглядѣлъ.

Воспитать умы въ томъ направленіи, чтобы размышленіе предметное, размышленіе съ открытыми окнами чувствъ стало общимъ достояніемъ; чтобы человѣкъ, имѣющій общее образованіе, былъ приготовленъ къ правильному чувственному наблюденію и могъ быть Робинзономъ — снабженнымъ средствами науки — въ какой угодно новой странѣ, есть трудная задача будущаго ¹⁾. Поколѣніе, которое

---

¹⁾ См. мою статью „Новая Атлантида XIX вѣка“ (*Русское Обозрѣніе*, 1890).

будеть воспитано въ этомъ направленіи, будетъ въ дѣлѣ наученія природы и вопросахъ примѣненія научныхъ положеній плодovitѣе поколѣній ему предшествовавшихъ. Изобрѣненіе чувственнаго наблюденія, соединенное съ знаніемъ основныхъ фактовъ, добытыхъ наукой, сдѣлаетъ отношеніе человѣка къ природѣ, и вышней, и собственной, иными чѣмъ доннѣй. Открытія побудятъ быстрѣе.

III. *Греческая наука есть плодъ размысленія съ закрытыми окнами чувствъ.* Греческіе философы создавали науку путемъ размысленія съ закрытыми окнами чувствъ. Въ этомъ коренное различіе древняго естествознанія отъ новаго. Научнаго опыта не было и это вліяло на весь характеръ древней науки. Наблюденія дѣлались — не главными, впрочемъ, представителями науки ¹⁾ — и наблюденій собрано было не мало, но отсутствовало главное условіе научнаго наблюденія: инструменты и соответственные имъ методы. Лишь въ области астрономіи, области положительнаго знанія наиболѣе разрабатывавшейся въ Греціи, были въ употребленіи примитивныя снаряды. Новзаніе разрабатывалось размысленіемъ въ удаленіи отъ прикосновенія къ предметамъ. Новыя понятія приобрѣтались на основаніи непополняемаго матеріала, доставленнаго чувственными образами ежедневно и случайно наблюдаемыхъ вещей, и лишь въ немногихъ случаяхъ на основаніи наблюденія, которое можно назвать научнымъ. Научное размысленіе съ открытыми окнами чувствъ есть дѣло новаго времени. Да и нынѣ оно лишь на первыхъ своихъ ступеняхъ. Его полнаго развитія и примѣненія въ школѣ и жизни надо ждать въ будущемъ.

Держась дѣйствительныхъ вещей, размысленіе съ открытыми окнами чувствъ необходимо ведетъ къ соображеніямъ механи-

¹⁾ Трактаты Аристотеля, заключающіе въ себѣ громадное количество фактовъ великаго рода, опровергаютъ, повидному, такое утвержденіе. Но и великій учитель Александра едва-ли составляетъ исключеніе. Крайне неосновательно было бы думать, что всѣ эти факты собраны самимъ Аристотелемъ. Въ трактатахъ его скорѣе можно усматривать компіляцію изъ трудовъ, не дошедшихъ до потомства, свидѣтельствующую о состояніи фактическаго знанія въ эпоху философа. Присылка Александромъ Македонскимъ изъ походовъ зоологическаго матеріала Аристотелю для изученія, совершенно легендарна.

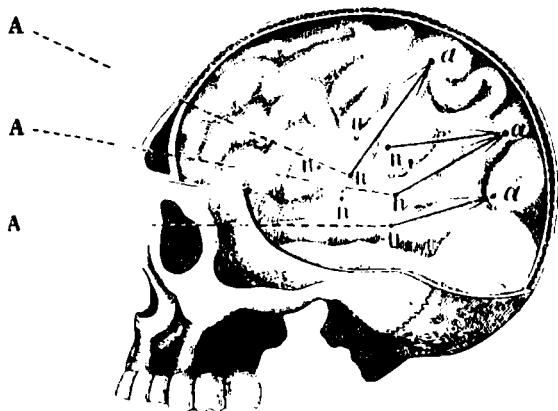
ческаго характера. Имъ создавалась механическая философія, которая не была извѣстна древнимъ, воззрѣнія которыхъ на природу (за исключеніемъ атомиковъ) по существу были анти-механическія. Разверните „Физику“ Аристотеля. Увидите, что и онъ все ученіе о природѣ разсматриваетъ какъ ученіе о движеніи, подобно тому, какъ ученіе это разсматривается нынѣ. Но какъ понимается движеніе? Движеніе, о которомъ трактуетъ Аристотель, не то подчиненное механическимъ законамъ движеніе, которое изучается въ современной механикѣ. Движеніе по Аристотелю есть то, что нынѣ мы назвали бы осуществленіемъ скрыто заключающагося въ вещи. Это переходъ отъ потенціи къ акту. Кромѣ перемѣщенія тѣлъ, въ область движенія, съ этой точки зрѣнія, входятъ рожденіе, разрушеніе, измѣненіе, приращеніе. Говорится о движеніи отъ здоровья къ болѣзни и т. д.

Недостатокъ размысленія съ открытыми окнами чувствъ не должно, впрочемъ, ставить въ упрекъ греческой наукѣ. Научный духъ, выражающійся главнымъ образомъ въ научной пытливости, присутствовалъ между философами древности, какъ мы уже упомянули выше по поводу насмѣшекъ Аристофана надъ Сократомъ. Потому-то греческая наука такъ и родственна намъ. Но на зарѣ научаго знанія размысленіе съ закрытыми окнами чувствъ прельщало умы, обѣщая разрѣшеніе всяческихъ задачъ и удаляя на задній планъ медленно дающее плоды размысленіе, провѣряемое труднымъ путемъ научаго опыта. Греческая наука есть плодъ размысленія съ закрытыми окнами чувствъ.

Глава III. Результатъ размысленія: объективировка, какъ умозаключеніе отъ мыслимаго къ дѣйствительному.

I. *Составленіе картины внѣшняго міра.* Вернемся къ слѣдѣ о лучахъ познанія. Какъ уже сказано, слѣды впечатлѣній то же, что и самыя впечатлѣнія, но менѣе интенсивны. Потому лучи сознанія, опираются ли они, —если можно такъ выразиться, —на самыя впечатлѣнія или на слѣды впечатлѣній, приносятъ въ сознаніе качественно одинакія ощущенія. Чтобы человекъ различалъ, что имѣетъ дѣло не съ слѣдами, а съ самими впечатлѣніями, то-есть, что въѣ

его находятся предметы, есть некоторый действительный мир, требуется довольно сложный процесс, который можно назвать процессом составления картины внешнего мира. Когда сознание орудует еще слабо, какъ, напримеръ, въ младенчествѣ, во снѣ, миръ действительности и миръ иллюзий рѣзко не различаются между собою: ребенокъ живетъ въ сказочномъ мирѣ, спящій — въ мирѣ видѣній. Укрѣпленное и бодрствующее сознание дѣлаетъ то, что лучи сознания не останавливаются при пунктахъ *n, n, n...* а продолженіемъ своимъ

имѣютъ линіи *nA, nA* и *nA...* Образуются ступальцы сознания, опирающіяся на самые предметы и производящія упомянутую картину внешнего мира. Двѣ части луча сознания: часть *an* и часть *nA* различаются между собою тѣмъ, что на протяженіи отъ *a* до *n* происходитъ матеріальное явленіе, протяженіе же *nA* есть чисто фиктивное (хотя видѣнія происходятъ матеріальными явленіями на протяженіи отъ *A* къ *n*, гдѣ принимается впечатлѣніе). Продолженіе лучей отъ *n, n, n* къ *A, A, A* есть актъ логическаго свойства, это есть безотчетное (или какъ иногда называютъ бессознательное умозаключение). На основаніи совокупности чувственныхъ показаній, мы составляемъ себѣ представленіе о внешнемъ мирѣ, образуемъ картину действительности.

II. *То что мы зовем действительнымъ міромъ есть наше умо-
заключеніе.* Дѣйствительный міръ есть то что мы внѣ себя вообра-
жаемъ на основаніи нашего познанія, то-есть, на основаніи ощущеній,
комбинируемыхъ и повѣраемыхъ помощію повторныхъ впечатлѣній,
слѣдовательно, помощію опыта жизни и опыта науки. Какой рядъ
заключеній требовался для того, чтобы человѣкъ созналъ себя на
нылинкѣ, именуемой земнымъ шаромъ, крутящейся и несущейся во-
кругъ солнца среди холода и пустоты небесныхъ пространствъ, гдѣ,
въ безграничномъ океанѣ эмира, носятся небесныя тѣла! Что *дей-
ствительный міръ* есть порожденіе нашихъ умственныхъ заключеній
и въ этомъ смыслѣ есть наша выдумка; что непосредственно доступ-
ный намъ міръ есть міръ, который можно назвать міромъ иллюзіи—
мы этого не замѣчаемъ. Въ обиходѣ жизни, при смѣнѣ впечатлѣній,
мы пользуемся нѣсколькими такими заключеніями (иногда ложными—
какъ неподвижность земли), укрѣпленными ежедневнымъ опытомъ,
и думаемъ себя среди прочнаго міра дѣйствительности.

На; самомъ дѣлѣ „міръ, въ которомъ мы живемъ сознаниемъ,
говорилъ я въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, „есть міръ видѣній, ибо есть міръ
образовъ, а образы тѣ же видѣнія. Сознаніе имѣетъ дѣло не съ
предметами, а съ ощущеніями... Для практики громадная разница,
есть или нѣтъ въ дѣйствительности предмета, который я мыслю,
но для акта сознанія, какъ таковаго, это индифферентно. Въ зна-
менитомъ сочиненіи великаго философа Канта *Критика чистаго
разума* есть любопытная страница, не разъ обращавшая на себя
вниманіе и способная вызывать нѣкоторое недоумѣніе. Философъ,
указывая, что существованіе предмета не можетъ разсматриваться
какъ качество предмета наравнѣ съ другими его качествами, утвер-
ждаетъ, что „дѣйствительное содержитъ въ себѣ нисколько не болѣе
того, что содержитъ въ себѣ чисто возможное“. „Сто дѣйствитель-
ныхъ талеровъ“, говоритъ онъ (*Sämmtl. Werke*, herausg. v. Harten-
stein. III, 409)“ содержатъ въ себѣ нисколько не болѣе, какъ сто

---

¹⁾ См. «Нѣтъ книги иллюзіи, чудеса и открытія», стр. 4. Петербургъ, 1888 г.

возможныхъ. Ибо, такъ какъ эти послѣднія обозначаютъ понятія, первае же—предметъ и его утвержденіе самого по себѣ (den Gegenstand und dessen Position an sich selbst), то въ случаѣ, еслибы предметъ содержалъ въ себѣ болѣе, чѣмъ что содержитъ въ себѣ мое о немъ понятіе, понятіе это не выражало бы всего предмета и слѣдовательно не было бы соотвѣтственнымъ ему понятіемъ. Но въ моемъ карманѣ въ случаѣ ста дѣйствительныхъ талеровъ болѣе, чѣмъ въ случаѣ простаго понятія о ста талерахъ, то—есть о ихъ возможности. Ибо, въ случаѣ дѣйствительности, предметъ не только содержится въ понятіи, но и синтетически ¹⁾ приводитъ къ моему понятію (которое есть опредѣленіе моего состоянія), при чемъ чрезъ бытіе внѣ моего понятія мыслимы мною сто талеровъ ни малѣйшимъ образомъ не увеличиваются". Сто талеровъ, какъ фактъ моего сознанія, остаются тѣми же самими, лежать-ли они у меня въ карманѣ или пребываютъ только въ моей мысли".

Въ подобномъ смыслѣ зрѣніе есть то же, что видѣніе, и то обстоятельство, что въ случаѣ зрѣнія наблюденіе сопровождается дѣйствительнымъ присутствіемъ предмета внѣ меня, а въ случаѣ видѣнія предметъ отсутствуетъ, не вмѣняетъ дѣла. Изъ того, что я *вижу* предметы, логически не слѣдуетъ, чтобы предметы дѣйствительно стояли предо мною. О ихъ дѣйствительномъ присутствіи я убѣждаюсь въ другихъ, стороннихъ акту зрѣнія, указаній.

III. *Объективировка и три ея вида.* Разсмотримъ ближе въ чемъ состоитъ умовключеніе отъ мыслимаго къ дѣйствительному.

Мірѣ образовъ и понятій, выдѣляющихся на фонѣ нашего сознанія, есть нашъ субъективный міръ. Міръ этотъ духовенъ, такъ какъ основной его элементъ: ощущенія,—изъ которыхъ слагаются образы и понятія,—явленіе нематеріальное. Міръ этотъ субъективенъ, ибо ощущеніе субъективно.

¹⁾ По Канту, А соединяется съ В аналитически, если соединеніе происходитъ на основаніи тождества и В присоединяется къ А для изъясненія того, что къ А уже находится; синтетически, если къ А присоединяется В, которое прежде въ А не мыслилось и не можетъ быть выведено изъ него никакимъ анализомъ.

Дѣятельность сознанія, — размышленіе, — стремится и переходитъ въ предѣлы субъективнаго въ область дѣйствительности. Переходъ этотъ можно назвать *объектировкой* образовъ и понятій. Объектировка играетъ громадную роль.

Ею создается то, что мы зовемъ окружающую насъ *дѣйствительностію*, дѣйствительнымъ міромъ. Она есть умозаключеніе отъ субъективнаго, со мною нераздѣлимаго, къ дѣйствительному независимо отъ меня существующему. Объектировка, какъ такое умозаключеніе, бываетъ троякая: — во-первыхъ, заключеніе *практическое*, на основаніи все дневнаго опыта, путемъ житейскаго размышленія съ открытыми окнами чувствъ; во-вторыхъ, заключеніе на основаніи размышленія съ закрытыми окнами чувствъ, которое можно назвать *иллюзорнымъ* (въ какомъ смыслѣ — пояснимъ ниже); и въ третьихъ, заключеніе *научное*, на основаніи наблюденія и опыта, помощію размышленія съ открытыми окнами чувствъ; таково, напримѣръ, заключеніе о землѣ, какъ вращающейся песчанкѣ, несущейся въ пространствѣ.

IV. *Вседневная объектировка.* Остановимся прежде всего на заключеніяхъ путемъ вседневнаго опыта. Какъ мы уже не разъ говорили, наличный матеріалъ нашего сознанія — то, что усматриваемъ на его фонѣ, состоитъ прежде всего изъ *образовъ*. Каждый образъ есть совокупность ощущеній, воспринимаемыхъ, какъ отдѣльное цѣлое. Соединеніе ощущеній въ такіа совокупности есть нашъ внутренний актъ, но обусловленъ онъ тѣмъ что находится внѣ насъ. Ощущенія, совокупно и повторно доставляемыя луною, комбинируются въ образъ луны; ощущенія, доставляемыя стоящимъ предо мною сосудомъ съ водою — въ образъ этого сосуда и такъ далѣе. Житейскій опытъ, невольна и безъ сознанія посылокъ, ведетъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло не съ образами, а состоящими предъ нами предметами. Я повернулъ голову, закрылъ глаза, и луны не вижу; протянувъ руку — встрѣчаю, передвигаю сосудъ и тому подобное. При этомъ нѣтъ сознанія ни тѣхъ посылокъ, какими дохожу до заключенія, ни о томъ, что непосредственно я имѣю дѣло съ впечатлѣніями мозга. Безотчетныя умозаключенія открываютъ знанію

нашему то, что мы зовемъ внѣшними предметами, вводятъ насъ въ дѣйствительный міръ и водятъ въ немъ. Въ этомъ объективка путемъ всендневнаго опыта. Ею опредѣляется бодрственное состояніе, всендневное обращеніе наше среди дѣйствительныхъ предметовъ, съ крѣпкимъ сознаниемъ достовѣрности этого внѣшняго міра. Черезъ нее мы имѣемъ, а иногда лишь мнимъ имѣть дѣло не съ видѣніями, а съ предметами и вещами.

Въ какой мѣрѣ объективка можетъ вести, особенно въ неразвитыхъ умахъ, къ принятію фантазіи за дѣйствительность, могутъ служить слѣдующіе примѣры.

Въ „Путешествіи по разнымъ провинціямъ російскаго государства“ Палласа (переводъ Зуева, 1788 года, часть III, 88), по поводу описанія нравовъ самоѣдовъ и ихъ большой пугливости, сообщается слѣдующій случай съ однимъ молодымъ шаманомъ. „Надѣли ему на руку, всегда уговаривая, кожаную съ шерстью рукавицу. Тотчасъ же устремля глаза свои на свою руку и осматривая долго, наконецъ, впалъ въ такое безуміе, что еслибы подлѣ него лежащаго топора не отняли, то бы онъ точно кого-нибудь тутъ порубилъ. Но какъ оваго схватить не могъ, то бѣгалъ вокругъ, какъ бѣшовый, кричалъ, тряся своею рукою, воображая, что это не его рука, а медвѣжья лапа, до которой другою рукою боялся дотронуться. Такимъ образомъ, до тѣхъ норъ бился, пока другіе, схвативъ силою, рукавицу стянули, и онъ мало по малу образумился“. Очевидно, требовалось значительное участіе воображенія, чтобы увидѣть свою руку, обращенною въ медвѣжью лапу, вслѣдствіе надѣтой рукавицы.

Другой разсказъ, заимствованный Горстомъ изъ *Intelligenzblatt der A. L. vom Jahre 1800*, гласитъ (Horst, *Dämonomagie*, I, 19) такъ: „Въ Каирѣ живописецъ Риго, членъ египетскаго института, имѣлъ случай познакомиться съ караваномъ нубійцевъ. Предводитель каравана отличался замѣчательно типическимъ лицомъ. Риго рѣшилъ снять съ него портретъ, но могъ склонить его къ тому только помощію значительной суммы денегъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ, нубіецъ пришелъ, наконецъ, въ сопровожденіи десятка соплеменни-

ковъ, которые должны были служить ему прикрытіемъ. Только съ трудомъ удалось уговорить ихъ отпустить. Рнго набросалъ портреты въ натуральную величину. Нубіецъ, казалось, былъ доволенъ рисункомъ. Но когда живописецъ наложилъ краски, нубіецъ громко закричалъ отъ ужаса. Не было уже возможности его успокоить. Онъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ, что въ мастерской живописца у него отняли голову и половину тѣла. Черезъ нѣсколько дней Рнго провалъ въ мастерскую другаго нубійца. Этотъ испугался портрета не менѣе того, съ кого портретъ былъ снятъ. Послѣ рассказывалъ своимъ соплеменникамъ, что у француза онъ видѣлъ много отрѣзанныхъ головъ и членовъ. Надъ нимъ смѣялись, хотѣли узвать, въ чемъ дѣло. Пришли шестеро, но также испугались и ихъ ничѣмъ было нельзя уговорить остаться*.

Объективную весьма поучительно слѣдить въ актѣ зрѣнія. Весь актъ зрѣнія слагается изъ безотчетныхъ умозаключеній. Мы видимъ умомъ, какъ выражался Декартъ; заключенія, помощью которыхъ составляется картина ви́шняго міра, весьма сложны и можно сказать смѣлы. Каждый ребенокъ, выучившійся видѣть, есть въ своемъ родѣ Коперникъ, заключающій вопреки непосредственнымъ чувственнымъ данностямъ. Въ главѣ изображенія предметовъ рисуются вверхъ ногами, безотчетное умозаключеніе ставитъ ихъ въ прямой видъ предъ глазами ¹⁾.

---

¹⁾ Впечатлѣнія доставляемыя глазами нервомъ, служатъ матеріаломъ для дѣйствія нашего сознанія, производящаго то, что мы видимъ въ насъ находящіеся предметы. То обстоятельство, что различныя точки даютъ свои изображенія на разныхъ пунктахъ ретинны, обуславливаетъ возможность различенія одной точки отъ другой. Сознаніе, что эти точки находятся въ насъ и расположены въ разныхъ направленіяхъ и на разныхъ расстояніяхъ, достигается совокупностію указаній зрѣнія съ указаніями другихъ чувствъ. Увидѣть предметъ значить, путемъ бессознательнаго соображенія, опредѣлить его мѣсто въ общемъ расположеніи предметовъ. Мы научаемся видѣть постепенно, путемъ длиннаго упражненія со младенчества, поитрая показанія зрѣнія показаніями другихъ чувствъ, въ особенности осязанія. Въ прежнее время было много теорій, чтобъ объяснить почему предметы не кажутся намъ вверхъ ногами, хотя они таковыми рисуются на ретинѣ. Опи-

V. *Объективировка иллюзорная, при размещении съ закрытыми окнами чувствъ. Объективировки научная.* Объективировка, — условіе бодрственаго состоянія, источникъ науки, когда проверяясь опытомъ, раскрываетъ дѣйствительность, — есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ безконечныхъ иллюзій. На ступени чувственнаго познанія она есть источникъ иллюзій, которую можно назвать мнелоогическою. Это есть распространеніе на всѣ предметы и наблюдаемыя явленія того, что наблюдается въ нѣкоторыхъ предметахъ, находящихся въ соотношеніи съ наблюдателемъ и ему подобныхъ. Міръ есть совокупность существъ въ томъ же смыслѣ, какъ каждый себя понимаетъ. Всякій

бочность суждений объ этомъ предметѣ простояла отчасти изъ ложнаго представленія, будто бы аякъ зрѣнія есть какъ бы наблюденіе картинки, рисующейся на ретинѣ, подобное наблюденію вообще какого-нибудь рисунка. На самомъ же дѣлѣ мы не рассматриваемъ картинки, изображающей на ретинѣ, а на основаніи впечатлѣній, получаемыхъ ретиной, составляемъ, руководствуясь приобрятенными опытомъ, представленію о томъ, гдѣ находится въ пространствѣ точки, лучи отъ которыхъ дѣйствуютъ на разные мѣста ретинны. Опытъ научилъ насъ, что, дабы найти вѣкъ насъ предметъ, производящій впечатлѣніе на нижнюю часть ретинны, мы должны протянуть руку кверху, и наоборотъ направить ее внизъ, чтобы найти предметъ, дѣйствующій на верхнюю часть ретинны. По этой причинѣ мы и не ошибаемся относительно истиннаго расположенія предметовъ. Еслибы было возможно на нѣкоторое время снабдить вѣкъ глазъ снарядами, который представлялъ бы предметы вверхъ ногами, то послѣ нѣкотораго времени мы вѣроятно утратили бы сознаніе обратности изображенія и видели бы предметы какъ они есть.

Осуществленіе подобнаго опыта едва ли возможно. Но слѣдующій, болѣе простой опытъ могъ бы, полагаемъ, привести къ той же цѣли. Еслибы поставить предъ глазами два зеркала, образующія уголъ, зеркальными сторонами котораго находятся на вѣшной его сторонѣ, и поставить притомъ такъ, чтобы правый глазъ видѣлъ въ стоящемъ предъ нимъ зеркалѣ предметы правой стороны, вождствіе отраженія, на лѣвой сторонѣ, лѣвый — на правой (самые предметы предполагаются недоступными, благодаря диафрагмѣ, прямому наблюденію); то надо думать, что поносивъ на головѣ такой аппаратъ нѣкоторое время, наблюдатель утратилъ бы сознаніе того, что правая сторона представляется ему вѣшно и наоборотъ, и видѣлъ бы предметы какъ они есть, то-есть безошибочно определялъ бы положеніе ихъ въ пространствѣ.

предметъ есть живое существо: и дѣсь, и рѣка, и варя, и сонъ, и гнѣвъ.

Объективку при размышленіи съ закрытыми окнами чувствъ мы наименовали иллюзорною. Къ разсмотрѣнію ея и обратимся теперь.

Процессъ объективки не ограничивается областію тѣхъ образовъ, для конхъ во внѣшнемъ мірѣ наблюдаются и опытомъ познаются соответственные предметы и явленія. Есть стремленіе объективировать образы и понятія вообще: для всего сознаниемъ замѣчаемаго признавать соответствующую вещь, внѣ сознанія существующую. Отдѣльность образовъ и понятій одного отъ другихъ въ сознаніи выражается помощью словъ — тѣмъ, что они имѣютъ наименованіе. Есть слово—должна быть вещь, для которой оно служить обозначеніемъ. На стадіи древняго философскаго мышленія, при господствѣ размышленія съ закрытыми окнами чувствъ, не было критическаго различенія субъективнаго элемента въ познаніи и господствовало стремленіе къ объективирокѣ всего, что наполняетъ сознаніе. Какъ есть внѣ меня мой столъ, моя собака, такъ должно быть нѣчто внѣ меня, нѣтъ бытіе въ мірѣ, и столъ вообще, и собака, какъ видовое понятіе, и цвѣтъ, и звукъ, и благоуханіе, и красота, и радость. „Что скажемъ мы о справедливости“, спрашиваетъ Сократъ въ „Федонѣ“? Есть ли она нѣчто или ничто? Мы скажемъ, конечно, что она есть нѣчто.—Не то же ли скажемъ о благѣ, о красотѣ?—Безъ сомнѣнія. — Но видѣлъ ли ты ихъ когда глазами? — Никогда.— И такъ, не тѣломъ познаемъ мы дѣйствительное бытіе».

Объективка отвлеченностей и всяческихъ понятій, хотя бы яственно субъективныхъ, каковы, наприимѣръ, отрицательныя понятія: тьма, холодъ, сухость, болѣзнь и тому подобное, составляетъ существенную черту Платоно-Аристотелева мировоззрѣнія. Тьма можетъ бороться со свѣтомъ; холодъ дѣйствовать, какъ особый физическій факторъ; болѣзнь ожесточаться и проч. Понятіе „возможность“ объективировано Аристотелемъ, какъ принадлежащее самой природѣ и въ ней пребывающее. Аристотель утверждаетъ, что статуя, какъ воз-

можная, уже заключается въ кускѣ мрамора, изъ котораго ее надо только извлечь.

Мы назвали объективровку чрезъ размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ иллюзорною не въ томъ однако смыслѣ, чтобы обозначить ее фальшивою. Иллюзорное и фальшивое не одно и то же. Иллюзорное можетъ быть и истиннымъ. Рождается вопросъ: объективируемое размышленіемъ съ закрытыми окнами чувствъ есть ли исключительно субъективное, то-есть такое, что внѣ сознанія не имѣетъ бытія и съ прекращеніемъ моего сознанія, или, точнѣе, человѣческаго сознанія, становится не существующимъ; или имѣетъ оно бытіе независимо отъ сознанія? И что именно изъ иллюзорнаго дѣйствительно и что только субъективно?

Въ извѣстной мѣрѣ и постепенно отвѣтъ на это получается на той третьей ступени объективровки, которую мы назвали научнымъ размышленіемъ съ открытыми окнами чувствъ, доставляющимъ положительное знаніе. Какъ чрезъ всадившии опытъ провѣрится объективровка практическаго, житейскаго сознанія, такъ чрезъ научные наблюденіе и опытъ провѣрится объективровка размышленія работавшаго, пока окна чувствъ оставались закрытыми. Но это путь медленный и крайне постепенный. А потребность отвѣта на вопросъ, что же дѣйствительно въ иллюзорномъ, желаніе чрезъ субъективное перешагнуть къ дѣйствительному такъ велики, что признаніе иллюзорно-объективованнаго дѣйствительнымъ дѣлается путемъ диалектическаго завѣренія: что иначе не можетъ быть, или путемъ вѣрованій.

Потребность перехода отъ мышленія къ бытію, отъ мыслимаго къ дѣйствительному удовлетворяется и успокоивается или чрезъ приобрѣтенное, послѣ тревогъ разума, убѣжденіе, или чрезъ вѣрованіе, признавшее бевсиліе разума и тщету его тревогъ.

Объективровка есть заключеніе отъ усматриваемаго сознаніемъ къ тому, что есть внѣ сознанія. Предъ нами фонъ сознанія. На немъ усматриваемъ образы и понятія: и такіе, для которыхъ есть чувственное соотвѣствіе во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ, и такіе — отвѣченности — для которыхъ нѣтъ такого соотвѣствія. Для размыш-

ленія съ закрытыми окнами чувствъ тѣ и другіе равноправны и объектруются одинакимъ способомъ.

VI. *Необходимая оговорка касательно развиваемаго ученія.* Сдѣлаемъ одну существенную оговорку.

Мы рассматриваемъ образы и вообще понятія, какъ опредѣленную совокупность ощущеній. Не есть ли однако такое представленіе крайній сенсуализмъ и даже матеріализмъ? Въ области вѣдѣній природы, которой посвящается наше сочиненіе, конечно, допустимо такое представленіе объ образахъ и понятіяхъ, въ ея области относящихся. Но всѣ ли понятія имѣютъ такое происхожденіе. Всѣ ли они суть совокупности ощущеній, то есть такія явленія сознания, которыя обуславливаются нѣкоторымъ матеріальнымъ имѣніемъ въ его центрахъ? Ограничивается ли наше познаніе тѣмъ, что приходитъ изъ вѣдѣнаго міра и разрабатывается внутри насъ? Это важный вопросъ.

Послѣдователи Аристотеля, перипатетики, учили: ничто не бываетъ въ умѣ, чего не было въ чувствѣ; *nihil fit in intellectu, quod non fuerit in sensu*. Согласно такому ученію отвѣтъ на поставленный вопросъ долженъ быть утвердительный: понятія образуются исключительно чрезъ ощущенія, и другаго ихъ источника нѣтъ.

Чтобы поставить вопросъ съ возможною ясностію, прибѣгну къ схематическому приему, какимъ мнѣ случалось уже пользоваться въ моемъ трудѣ о Декартѣ. Вообразимъ себѣ, что мы обладаемъ возможностью наблюдать во всѣхъ подробностяхъ состояніе мозга какаго-либо мыслящаго субъекта: имѣемъ удивительную трубу, раскрывающую нашему глазу всю внутренность этого мозга со всѣмъ разнообразіемъ колебаній или иныхъ матеріальныхъ имѣній его частицъ. Когда предъ наблюдаемымъ субъектомъ находится предметъ, мы замѣтили бы помощію трубы, что въ мозгу субъекта нѣкоторые пункты *n, n, n...* испытываютъ движеніе. Это суть впечатлѣнія. Но когда нѣтъ предмета, частицы мозга субъекта, способныя, принимать впечатлѣнія, находятся въ непрерывныхъ, разнообразныхъ движеніяхъ, болѣе или менѣ замѣтныхъ въ нашу трубу. Это цѣлый міръ колебаній, міръ слѣдовъ, о которыхъ мы говорили выше. Слѣды эти—одинъ

оставшіеся отъ бывшихъ впечатлѣній, другіе переданные наслѣдственно, наконецъ, можетъ быть, третьи вновь возникающіе вслѣдствіе исторически прогрессивнаго развитія организма. Но это еще не сознаніе. Чтобы субъектъ замѣтилъ впечатлѣнія или слѣды, требуется сообщеніе между пунктами *n*, *n...* и нѣкоторыми пунктами *a*, *a...*, движениемъ которыхъ обуславливается актъ сознанія. Допустимъ что въ трубѣ можно замѣтить, находятся ли пункты *n*, *n...* впечатлѣній и слѣдовъ въ сообщеніи съ пунктами *a*, *a* оцущеній, и наблюдать движеніе пунктовъ *a*, *a...* Находятся пункты эти въ движеніи—субъектъ испытываетъ оцущеніе: происходитъ актъ сознанія. Находятся пункты *a*, *a...* въ покоѣ—впечатлѣнія и слѣды могутъ быть въ обилии, субъектъ не имѣетъ оцущеній: явленія, происходящія въ пунктахъ, *a*, *a...* и причины, эти явленія вызвавшія, для него не существуютъ.

Вопросъ о сознаніи, независимомъ отъ оцущеній, приводится къ слѣдующему. Возможно ли такое явленіе, что субъектъ сознаетъ что-либо, а между тѣмъ, частицы *a*, *a...* остаются въ покоѣ, труба не усматриваетъ въ нихъ никакого движенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть различный. Декартъ допускалъ, что „акты чистаго разумѣнія“ не сопровождаются никакими матеріальными измѣненіями въ мозгу, но подобные акты—въ уединеніи отъ тѣла когда по нашей схемѣ пункты *a*, *a...* остаются въ покоѣ, сознаніе между тѣмъ происходитъ: душа думаетъ,—разсматриваетъ, какъ исключительныя, которыми, какъ онъ выразился, могъ отдать лишь немного число часовъ въ годъ. Онъ допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и при всякой психической дѣятельности—при соображеніи, памяти, одна часть дѣятельности сознанія сопровождается тѣлесными измѣненіями (въ пунктахъ *a*, *a...* по нашей схемѣ), другая же часть ничѣмъ въ тѣлѣ не отражается. Съ точки зрѣнія ученій, производящихъ все психическое отъ оцущенія, нѣтъ акта сознанія, который не сопровождался бы матеріальнымъ измѣненіемъ въ мозгу. Когда труба не обнаруживаетъ движенія въ пунктахъ *a*, *a...*, субъектъ не имѣетъ сознанія, не думаетъ. Для ученій, отвергающихъ такіа идеи, какъ матеріалистическія, долженъ быть, какъ для Декарта, обширный разрядъ душевной дѣятельности, не сопровож-

дающіеся тѣлесными измѣненіями. Во всякомъ случаѣ и спиритуальность не можетъ не согласиться, что какъ скоро мысль получаетъ сколько-нибудь опредѣленную форму, становится способной быть выраженной въ словѣ, и въ немъ, хотя бы молчаливо выражается,—въ мозгу мыслящаго субъекта происходятъ матеріальныя измѣненія. Да и допущеніе, что сознаніе *всегда* сопровождается тѣлесными измѣненіями, вовсе не есть матеріалистическое въ смыслѣ разрушительной доктрины. Дѣло идетъ о сознаніи. Но исчерпывается ли вся духовная жизнь сознаніемъ? Не есть ли сознаніе только часть дѣятельности духа. Упомянутое допущеніе не противорѣчитъ и религіознымъ представленіямъ, придающимъ нѣкоторую новую тѣлесную оболочку для духовной субстанціи, равставшей съ грубымъ земнымъ тѣломъ, и согласно которымъ будущее воскресеніе свершится съ тѣлами.

Признавая независимость духовной и тѣлесной субстанціи одной отъ другой, Лейбницъ—одинъ изъ представителей идеализма—полагалъ однако, что въ дѣйствительномъ существованіи онѣ являются нераздѣльно, и душа всегда имѣетъ то или другое тѣлесное обличеніе. Въ „*Nouveaux Essais sur l'entendement humain*“, сочиненія, представляющемъ собою обширный разборъ трактата Локка и изложенномъ въ формѣ діалога Филалета, защищающаго идеи Локка, и Теофила, изображающаго самого Лейбница, читаемъ:

Филалетъ. Картезианцы безъ труда допускаютъ, что душа можетъ быть безъ всякаго соединенія съ какою-нибудь тѣлою.

Теофилъ. Я держусь другаго мнѣнія, ибо хотя и согласенъ съ картезианцами въ ихъ утвержденіяхъ, что душа мыслить всегда, однако расхожусь съ ними въ двухъ другихъ пунктахъ. Я полагаю, что животныя имѣютъ неостребныя души¹⁾ и что души человѣческія и всѣ другія никогда не бываютъ безъ нѣ котораго тѣла. Думаю тоже, что только Богъ, будучи чистымъ актомъ, вполне отъ этого свободенъ.

---

¹⁾ Декартъ, какъ извѣстно училъ, что животныя суть автоматы природы и не имѣютъ сознанія.

Прибавимъ, что дѣятельность размышленія не есть только пассивная, воспринимающая. Размышляющій можетъ установить связь центровъ совнанія съ такими пунктами я, я, я... впечатлѣній и слѣдовъ, съ какими до даннаго момента связи не было и отъ которыхъ ощущенія слѣдовательно не доходили. Этоть-то процессъ,—сложный, измѣнчивый, подчиненный множеству условій, съ невольными и свободными актами,—и составляетъ размышленіе въ тѣсномъ смыслѣ, со включеніемъ воспоминанія. Работою размышленія устанавливаются и пріобрѣтаются познанія, создается наука.

Глава V. Гдѣ происходитъ работа размышленія: сѣдалище мысли по мнѣнію древнихъ.

I. *Древніе воображали что мыслятъ не головою но сердцемъ.* Философія, какъ наука, вышла изъ головы греческихъ мыслителей. Древняя греческая жизнь была временемъ процвѣтанія философской мысли. Едва-ли была когда такая дѣятельная работа человѣческаго мозга въ процессѣ размышленія, углубленнаго въ самого себя, забывающаго вѣщныя впечатлѣнія минуты, какъ въ эту удивительную эпоху тонкой диалектической игры ума, научившей людей мыслить. И никогда, повидимому, не долженъ былъ человѣкъ въ такой мѣрѣ ощущать въ головѣ своей присутствіе образовъ, идей, мыслей, какъ въ эту эпоху усиленной мозговой дѣятельности. Хотя у человѣка отсутствуетъ самочувствіе мозга, и мозговая внутренняя работа столь же мало сопровождается мѣстнымъ ощущеніемъ, какъ работа печени, отдѣляющей сахаръ, почекъ и другихъ внутреннихъ органовъ, однако мы довольно явственно сознаемъ, что голова есть сѣдалище мысли. Мы говоримъ о мысляхъ, толпящихся въ головѣ, о работѣ головою, объ умственномъ напряженіи мозга, о думахъ на челѣ, о вѣтренной и пустой головѣ въ смыслѣ порицанія. У Пушкина въ „Моцартѣ и Сальери“ „священный даръ, бессмертный геній... озаряетъ голову безумца, гуляки правднаго“. Шенъе на эшафотѣ скавалъ, коснувшись головы: вѣдь было вѣчто. Лагранжъ, по поводу казни Лавуазье, выразился: „мнѣ довольно было нѣсколькихъ секундъ, чтобы от-

нять эту голову; потребуется вѣскольکو вѣковъ, чтобы народилась другая такая*.

Но относительно древнихъ обнаруживается вещь неожиданная, мало обращавшая на себя вниманія, но весьма интересная и важная. Есть множество свидѣтельствъ о томъ, что древніе помѣщали сѣдальце мысли не въ головѣ, а въ груди и сердцѣ, и воображали, что думаютъ не головою, а сердцемъ. По вышнему представленію, чело-вѣкъ фیزیологически есть мозгъ, облеченный остальнымъ тѣломъ. Мозгъ есть центральный органъ, все остальное служебно. На взглядъ древнихъ мозгъ былъ гораздо менѣе важною частью тѣла, чѣмъ, напримѣръ, печень и особенно сердце. Человѣкъ, по ихъ представле-нію, есть сердце, облеченное остальнымъ тѣломъ, служебнымъ по отношенію къ сердцу и крови, его наполняющей. Головѣ также при-писывается важное значеніе, но не смыслѣ хранительницы мозга, психическое значеніе котораго большинствомъ и не подозревалось. Пространство подъ черепомъ въ значительной части представлялось пустымъ, и выраженіе „пустая голова“, вѣроятно, не могло быть оскорбительнымъ. Было бы интересною и благодарною задачею от-мѣтить въ исторической послѣдовательности, какъ въ разныя време-на выражались люди о своихъ психическихъ настроеніяхъ, думкахъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ въ связи съ представленіемъ о сердцѣ, груди, печени и головѣ, какъ органахъ психической дѣятельности, Ощущеніе этой дѣятельности, насколько оно доходитъ до сознанія, не должно быть одинаково въ случаѣ, когда сѣдальцемъ ея я со-знаю голову и въ томъ, когда полагаю его въ сердцѣ и груди.

II. *Подтвержденіе у сареевъ.* Въ трудѣ профессора богословія въ университетѣ въ Эрлангонѣ Ф. Делича (Franz Deltzsch: *System der biblischen Psychologie*) собраны интересныя указанія изъ Библии на то, какъ древніе евреи смотрѣли на психическое значеніе дѣятельности—сердца. Сердце было для древняго еврея центромъ всей тѣлесной жизни чело-вѣка. Пница и питье поддерживаютъ сердце. „А я принесу хлѣбъ, и вы подкрѣпите сердца ваши“ говорилъ Авраамъ при встрѣ-тѣ трехъ странниковъ у дубравы Мамре (Быт.. 18, 5). Но главное

сердце есть центръ всей психической жизни. „Сердце влекло“ приносившихъ Моисею пожертвованія на скинию (Исх. 35, 21, 29). „До сего дня не далъ вамъ Господь сердца, чтобы разумѣть“ говорилъ Моисей сынамъ израилявымъ (Второз. 29, 4). „Сердце знаетъ горе души своей и въ радость его не виѣшается чужой“ (Притч. Сол. 14 10). „Человѣку принадлежатъ предположенія сердца его“. „Сердце человѣка обдумываетъ свой путь“ (Притч. Сол. 16, 1, 9). Иносказательно даже о Господѣ говорится: „Сказалъ Господь въ сердцѣ своемъ“ (Быт. 8, 21). „Еще не пересталъ я говорить въ сердцѣ моемъ“ (въ русскомъ переводѣ поставлено въ умѣ моемъ), какъ вошла Ревекка* (Быт. 24, 45). Принималось слѣдовательно, что размышленіе умственный разговоръ происходитъ въ сердцѣ. „И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время“ (Быт. 6, 5). „Чтобы ты узвалъ помышленія сердца твоего“, говорилъ пророкъ Даніилъ Навуходоносору (Пр. Дан. 2, 30). Но слѣдуетъ замѣтить, что у того же пророка Даніила есть нѣсколько выраженій, гдѣ по обычному употребленію слѣдовало бы ожидать сердце, а поставлено — голова (и это единственный случай въ Библии). А именно голова упоминается, какъ мѣсто сна... „Сонъ твой и видѣнія головы твоей на ложѣ твоемъ“ (Дан. 2; 28; тамъ же почти, гдѣ говорится о помышленіяхъ сердца). „Я видѣлъ, говорилъ Навуходоносоръ сонъ который устрашилъ, и размышленія на ложѣ моеи, и видѣнія головы моеи смутили меня“ (Дан. 4. 2). „Видѣнія головы“ упоминаются Даніиломъ еще нѣсколько разъ. Прямого противорѣчія, впрочемъ, нѣтъ: головѣ приписываются видѣнія, размышленія же ложа отдѣлены отъ видѣній головы. Такъ какъ органъ зрѣнія принадлежитъ головѣ, то естественно было къ головѣ отнести и видѣнія; о снахъ всегда говорятъ: „сны видѣлись“ (напримѣръ сны Фараона).

Въ связи съ представленіемъ о сердцѣ находится представленіе о крови, его наполняющей. Кровь, по древне-еврейскимъ понятіямъ, есть сѣдалище души, и даже болѣе—сама душа: оба понятія употребляются одно вмѣсто другого. При этомъ подъ словомъ душа ра-

зумѣтся то, что нинѣ мы выразили бы словомъ—жизнь, жизненная сила. „Все движущееся, что живетъ и будетъ вамъ въ пищу. Только плоти съ душою ея, съ кровью ея не ѣште (Быт. 9, 45). „И вкущу и вашу кровь, въ которой жизнь ваша (русскій переводъ), вкущу ее отъ всякаго звѣря. вкущу также душу человѣка“ „Обрашу лицо мое на душу того, кто станетъ ѣсть кровь... Ибо душа тѣла въ крови... И назначаю вамъ ее для жертвенника, чтобы очищать души ваши ибо кровь сія душу очищаетъ... Кто поймаетъ звѣря или птицу, которую можно ѣсть, то овъ долженъ дать вытечь крови ея и покрыть ее землею. Ибо душа всякаго тѣла—есть кровь его, она душа его“ (Лев. 17, 10—14)

Не у однихъ древнихъ евреевъ сердце признавалось главнымъ органомъ психической дѣятельности. По индійскимъ воззрѣніямъ „солнце знанія восходитъ въ зеницѣ сердца (Делитч, стр. 253). Древніе персы говорили, что „мысли развѣтвляются изъ сердца подобно лѣсу“ (in modum silvarum).

III. *Подтвержденіе у грековъ.* Перейдемъ къ грекамъ. Въ древнѣйшемъ греческомъ періодѣ, у Гомера, всегда говорится о сердцѣ, а не о головѣ, когда упоминается о движеніяхъ души и даже о думѣхъ. Благочестивый Несторъ „сердцемъ внушенный“, говорилъ на совѣтѣ героевъ.

Нинѣ я вамъ повѣдаю, что нинѣ является лучшимъ.
Думы другой, превосходите сей, никто не помыслитъ.
Въ сердцѣ, какую вошу я, съ давней поры и донынѣ.
(Нѣсь IX 103—105).

Пріамъ говоритъ Гекубѣ:

Моя, сунруга любезная, что ты о семъ помышляешь.
Сильно меня самого побуждаетъ и сердце и дума.

У Витрувія, въ началѣ III книги *Архитектуры*, встрѣчаемъ любопытное свидѣтельство.

„Сократъ, провозглашенный оракуломъ Апполона въ Дельфѣхъ, мудрѣйшимъ изъ людей, говорилъ съ большимъ основаніемъ, какъ желательно было бы, еслибы мы нинѣ *отверзіе въ зрудѣ*, такъ что

мысли и намеренія наши не оставались бы скрытыми. Дѣйствительно, еслибы природа, согласно мысли этого великаго мужа, дала намъ средство раскрывать помышленія однихъ другому, то мы знали бы сильныя и слабыя стороны умовъ, и сужденія наши не были бы сомнительны, какъ теперь часто бываютъ*.

Откуда Витрувій заимствовалъ такое мнѣніе—не знаю. Платонъ, въ діалогахъ котораго часто является Сократъ, не вложилъ бы ему въ уста такого мнѣнія, ибо имѣлъ, какъ увидимъ ниже, иное понятіе о сѣдалищѣ мысли. Но откуда бы ни заимствовалъ Витрувій свое свидѣтельство, оно имѣетъ значительную силу. Высказывается мнѣніе, бывшее по видимому, ходячимъ въ эпоху Сократа и послѣ, ибо и самъ Витрувій, по видимому, его раздѣляетъ.

Сократъ не занимался вопросами естествознанія. Наиболѣе распространенныя въ древности научныя воззрѣнія на значеніе мозга, сердца, головы находимъ у Аристотеля, главнаго представителя древней науки. Аристотель разсматривалъ мозгъ, какъ смрую, безкровную, холодную массу, соединенную со спиннымъ мозгомъ и не вполне наполняющую черепъ, оставляя довольно значительныя пустоты. Аристотель зналъ, что слуховой и глазной аппараты соединены съ мозгомъ, но соединяющимъ каналамъ (нервамъ) не приписывалъ значенія и соединялъ глазъ и ухо, въ качествѣ органовъ чувствъ, съ сердцемъ. Назначеніе мозга, по Аристотелю, быть холодильникомъ. Онъ умѣрляетъ жаръ сердца. Предшественники Аристотеля приводили въ связь натуру души съ дѣятельною натурою огня (теплота); связывали ощущеніе тепла съ ощущеніями дѣятельности вообще. Аристотель разсматривалъ душу, какъ начало простое и нематеріальное, но дѣйствующее чрезъ тѣлесное посредство. Потому сердцу, какъ источнику крови и тепла, можно придавать значеніе сѣдалища души. Съ этимъ философъ связывалъ представленіе объ эфирѣ или духѣ (въ смыслѣ воздуха), пребывающемъ въ сердцѣ и около него и называлъ средою души то огонь, то духъ, то эфиръ. Забѣчу по поводу ученія Аристотеля о мозгѣ и сердцѣ,—какъ иногда отголоски мнѣній въ глубины вѣковъ достигаютъ нашего времени, вожди въ разговорный обиходъ и передаваясь отъ

поколѣнія къ поколѣнію. Всякому извѣстно выраженіе: холодный разсудокъ въ противоположность горячему сердцу. Выраженіе это, очевидно, есть отголосокъ древняго ученія о охлаждающемъ дѣйствіи мозга.

Лукрецій (*De rerum nature*, L. III, 140 и сл.) говорятъ: „Душа и духъ (*anima et animus*) соединены и образуютъ одну природу. Но сужденіе (*consilium*), которое мы называемъ умомъ и духомъ (*quod nos animum mentemque vocamus*), составляетъ ея главенствующую часть (*caput esse quasi et dominari in corpore toto*). Оно пребываетъ въ груди. Здѣсь проявляются страхъ и трепетъ, и ласкающая радость; здѣсь, значитъ, обитаютъ разумѣніе и духъ. Остальныя части души равнѣяны по всему тѣлу и повинуются мановеніямъ духа“.

„Почему, наконецъ (L. III, 616 и сл.), сужденіе и умъ не рождаются съ юностью, или въ ногахъ, или въ рукахъ; но пребываютъ у всѣхъ въ однихъ и тѣхъ же сѣдалищахъ и опредѣленныхъ областяхъ“.

Denique quae animi nunquam mens consilium quae
Gignitur in capite, aut pedibus manibusque; sed unis
Sedibus, et certis regionibus, omnibus haeret.

Что страсти имѣютъ сѣдалищемъ сердце, это мнѣніе имѣло силу и въ новое время. „Хотя душа соединена со всемъ тѣломъ, говоритъ Декартъ (*Les passions de l'âme*, I, 31), но въ немъ есть часть, въ которой душа дѣйствуетъ по преимуществу. Обыкновенно полагаютъ, что часть эта мозгъ, а можетъ быть, сердце“. „Что касается, замѣчаетъ философъ съ своей стороны, мнѣнія тѣхъ, кои полагаютъ (I, 33), что душа принимаетъ свои страсти въ сердцѣ (*receoit ses passions dans le coeur*), то оно значенія не имѣетъ. Основано оно на томъ, что страсти производятъ въ сердцѣ измѣненіе. Но легко замѣтить, что измѣненіе это ощущается какъ бы въ сердцѣ помощью небольшого нерва, приходящаго къ нему изъ мозга; подобно тому какъ боль чувствуется въ ногѣ помощью нервовъ ноги, звѣзды усматриваются какъ бы въ небѣ при посредствѣ ихъ свѣта и оптическихъ нервовъ. Столь же мало необходимости душѣ непосредственно дѣйствовать въ сердцѣ, какъ быть на небѣ, чтобы видѣть тамъ звѣзды“.

Ученіе о головѣ, какъ первенствующемъ органѣ тѣла, образова-

дось въ пнеагорейской школѣ, какъ въ ней же образовалось смѣлое ученіе о томъ, что земля не неподвижна

Наиболѣе полное выраженіе нашло оно у Платона, въ знаменитомъ разговорѣ, озаглавленномъ *Тимей*.

Объ этомъ будетъ сказано ниже. Теперь, отмѣтимъ лишь, что по Платону голова есть вмѣстѣлице разумной и бессмертной части души. Разумная часть души, по выраженію Платона, по своему родству съ небомъ, поднимаетъ насъ отъ земли, какъ если бы мы были растеніями, имѣющими корни не въ землѣ, а въ небѣ.

Не только древній, но и современный человѣкъ представляетъ собою любопытное явленіе. Мы имѣемъ большое практическое знакомство со внѣшними предметами; знаемъ ихъ свойства, слѣдимъ за ихъ размѣщеніемъ, имѣемъ познанія о томъ, что отстоятъ отъ насъ на громадномъ разстояніи, но о томъ, что ближе всего къ намъ, о томъ, что происходитъ внутри насъ, въ насъ самихъ, объ этомъ имѣемъ самое смутное, обыкновенно крайне обманчивое представленіе и лишевы способности дать себѣ ясный отчетъ о томъ, что въ насъ совершается. Даже врачъ призываетъ къ себѣ другого врача, если жаждетъ имѣть правильное сужденіе о себѣ самомъ, ибо опасается иначе; впасть въ заблужденіе. Мы не имѣемъ точнаго самочувствія органовъ. Легко ошибаемся, желая указать мѣсто чувствуемой боли, испытываемаго удовольствія, принимаемаго впечатлѣнія и вообще психической дѣятельности. Этимъ объясняется, что можно было размышленіе помѣщать въ груди, сны видѣть печенью.

Во всякомъ случаѣ то самочувствіе, какое въ насъ есть, не должно быть волюйъ одинаково, въ томъ случаѣ, когда я сознаю, что мысль работаетъ въ головѣ, и въ томъ, когда полагаю, что она дѣйствуетъ въ груди и сердцѣ.

Да и не должно ли самоощущеніе наше мѣняться по мѣрѣ расширенія нашихъ знаній. Не слабѣе ли мы ощущаемъ нынѣ трепетаніе сердца и не сильнѣе ли мозговое напряженіе, чѣмъ какъ ощущали прежде?

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Греческая философія природы въ міровозрѣніи Платона и Аристотеля.

Глава I. Творенія Платона и Аристотеля.

I. Философія древнихъ грековъ завіщана намъ главнымъ образомъ въ твореніяхъ Платона и Аристотеля наиболѣе полныхъ, наилучше сохранившихся сравнительно съ трудами другихъ философовъ Греціи. Все остальное приходится восстанавливать по отрывкамъ и по отзывамъ идущимъ изъ вторыхъ рукъ. Не принимая на себя задачи слѣдить философскія ученія въ ихъ историческомъ развитіи, мы сосредоточимъ вниманіе на ученіяхъ Платона и Аристотеля по скольку она относится къ задачѣ нашего сочиненія. Греческая философія природы перешла въ Римъ чрезъ платоно-аристотелево міровозрѣніе, и иншѣ не потерявшее значенія.

На знаменитой картинѣ Рафаэля „Аѳинская школа“, составляющей одну изъ фресокъ Ватикана, исполненной въ 1510 году и изображающей собраніе мудрецовъ древности, на первомъ планѣ поставлены двѣ фигуры. Одна изображаетъ Платона, призывающаго мысль чловѣка въ горнія области и указывающаго на небо, другая Аристотеля, простертою рукою какъ бы останавливающаго надземные порывы и обращающаго мысль къ земному научному познанію. И не только во время Рафаэля, но и донынѣ Платонъ и Аристотель, въ ихъ взаимномъ пополненіи, признаются высшими представителями древней мудрости. Мало того. Представители древней философіи, Платонъ и Аристотель вѣстѣ съ тѣми учителями и всего новаго че-

ловѣчества. Новая наука вышла изъ ихъ школы. И хотя новая наука создавалась и развивалась именно черезъ освобожденіе отъ платоно-аристотелевскаго міровоззрѣнія и первая эпоха ея ознаменовалась борьбой съ господствомъ ученій Аристотеля, но самое освобожденіе это стало возможнымъ лишь благодаря работѣ философской мысли, созданной и укрѣпленной греческою мудростью и переданной новому человѣчеству, какъ великое орудіе исканія истины, главнымъ образомъ черезъ обширныя творенія этихъ двухъ великихъ наставниковъ. Да и освобожденіе это нельзя считать общепризнаннымъ. Платоно-Аристотелевское міровоззрѣніе не утратило еще окончательно силу: достаточно вспомнить о германской натуръ-философіи первой половины нынѣшняго вѣка. Окончательный выходъ на новые пути есть еще задача будущаго. Изученіе Платона и Аристотеля—если имѣть въ виду приобрѣтеніе положительныхъ знаній—бесплодно для современнаго естествоиспытателя. Но знакомство съ ихъ твореніями тѣмъ не менѣе имѣетъ существенное значеніе. Платоно-Аристотелево міровоззрѣніе есть великій фактъ въ исторіи науки, имѣющій значеніе далеко выходящее за сферу собственно философскихъ знаній. Знакомство съ ними необходимо для полнаго пониманія современныхъ ученій о природѣ. Безъ знанія исторіи науки самая наука является какимъ-то случайнымъ соединеніемъ болѣе или менѣе доказанныхъ положеній невѣстнаго происхожденія. При отсутствіи знанія исторіи науки плодятся ученые безъ учености и специалисты безъ общаго образованія—явленіе у насъ, увы, весьма распространенное. Да и не у насъ однихъ. Нельзя не признать, что исторія естествознанія есть еще предметъ крайне неразработанный и мало освѣщенный.

Есть огромная разниа во впечатлѣніи, какое производитъ на современнаго читателя, особенно если онъ естествоиспытатель, чтеніе Аристотеля сравнительно съ чтеніемъ Платона. Погружаясь въ творенія Аристотеля, онъ чувствуетъ себя въ мірѣ чуждомъ современной наукѣ. Чтеніе крайне утомляетъ. Современнаго читателя едвали можетъ удовлетворить наслажденіе комментатора, улавливающаго смыслъ темной рѣчи, или думающаго, по крайней мѣрѣ, что его

увлялъ: никто не имѣлъ столько комментаторовъ, какъ Аристотель, до его восторженнаго поклонника, французскаго переводчика, Бартеlemi Сентъ-Илера влѣчательно. Современный читатель, вмѣсто комментаторскаго наслажденія, чувствуетъ скорѣе нѣкоторое раздраженіе безплодностью чтенія, держащаго умъ среди непроходимаго лѣса отвлеченностей, изъ котораго не усматривается выхода. Знаніе не расширяется. Оно, новидимому, углубляется и дѣйствительно углубляется—или возвышается: выраженіе безразлично—но ведетъ къ бездонной пустотѣ отвлеченія, предъ которой мысль останавливается подобно тому, какъ останавливается предъ безконечностью вѣнмироваго пустого пространства. То, что Кантъ (во введеніи къ „Критикѣ чистаго разума“) сказаль о Платонѣ, быть можетъ, даже болѣе приложимо къ Аристотелю. „Легкій голубь, говорилъ великій кенигсбергскій философъ, раздѣляя въ свободномъ полетѣ воздухъ, могъ бы подумать, что въ безвоздушномъ пространствѣ онъ будетъ летать еще лучше. Такъ и Платонъ, оставая чувственный міръ, какъ полагающій тѣсныя границы уму, отважился, на легкихъ крыльяхъ идей, по ту сторону этого міра, въ пустое пространство чистаго разумнѣя“. Иллюзія полета въ пустое пространство, вообще приложима къ Платово-Аристотелевскому мировоззрѣнію, кажется намъ еще болѣе приложимою къ пребыванію среди отвлеченностей Аристотела, чѣмъ среди „идей“ Платона.

Творенія Платона гораздо ближе къ нашему пониманію, чѣмъ трактаты Аристотела. Читеніе Платона можетъ доставить великое наслажденіе и современному читателю. Призывая и вводя читателя въ міръ сверхчувственнаго и духовнаго, Платонъ являетъ выразителемъ и великихъ истинъ и великихъ иллюзіей челоуѣчества, способныхъ и нынѣ также возбуждать и тревожить умъ, какъ возбуждали и тревожили двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Это тѣ же тревожныя задачи бытія, отъ которыхъ нѣтъ успокоенія и современному челоуѣку. А художественная форма изложенія дѣлаеть изъ мисоувъ Платона такія же вѣчныя произведенія, какъ статуя, картина, поэма гениальнаго

художника, предмет не преходящаго наслажденія и безконечнаго истолкованія.

II. *Жизнь и творенія Платона.* Платонъ родился — если перевести день его рожденія на христіанское лѣтосчисленіе—29-го мая 428 года до Р. X. ¹⁾ въ Афинахъ, въ семьѣ знатнаго происхожденія. Онъ былъ слѣдовательно двадцати-девяти лѣтъ въ годъ осужденія и казни Сократа (въ 399 г. до Р. X.), послѣ которой на нѣкоторое время покинулъ Аены. Въ обществѣ Сократа онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ²⁾. Аристотель былъ моложе его на сорокъ четыре года (родился въ 384 году), успѣлъ однако быть его ученикомъ (Платонъ умеръ восьмидесяти лѣтъ отъ роду). Пифагоръ училъ полтора столѣтія прежде Платона; Эпикуръ на полстолѣтіе, Архимедъ на полтора столѣтія позже. Платонъ всталъ еще въ живыхъ Демокрита. Въ эпоху дѣятельности Платона вѣкъ Перикла былъ уже воспоминаемъ, Аены или по склоню политическаго паденія.

Немного источниковъ для біографіи Платона, и сообщенія въ нихъ свѣдѣнія въ значительной части легендарны. Главнѣйшій источникъ есть жизнеописаніе, сдѣланное Діогеномъ Лаертскимъ въ его сочиненіи „Жизнь и ученія философовъ древности“, источникъ самый древній (сочиненіе Діогена Лаертскаго относить ко второй половинѣ III вѣка до Р. X.) и наиболѣе подробный. Кромѣ того находится свѣдѣнія у Апулея (въ его „De dogmate Platonis“) и у Олимпіадора (въ комментаріи къ „Первому Алкивиаду“). Были жизнеописанія Платона и до Діогена Лаертскаго, но они не сохранились.

Какъ сообщаетъ Діогенъ, Платонъ первоначально именовался Аристоклесомъ. Платономъ называлъ его учитель гимнастики вслѣдствіе его крупнаго сложенія. „Другіе полагаютъ, что онъ названъ былъ такъ по полнотѣ его слога; нмые видятъ намекъ на ширину

---

¹⁾ По исчисленію Штейнхарта (Steinhart „Plato's Leben“, 37).

²⁾ Діогенъ Лаертскій говорилъ, что Платонъ явился къ Сократу, имѣи 27 лѣтъ, а затѣмъ удалился въ Мегару 28 лѣтъ. Выходитъ, что онъ и года не былъ при Сократѣ. Это невѣроятно.

его жба... Платонъ составлялся въ гимнастическихъ упражненіяхъ на Истмійскихъ играхъ. Занимался также живописью и поэзіей, составляя дифирамбы, а затѣмъ лирическія пѣсни и трагедіи".

Сказаніе Діогена о дальнемъ странствованіи, предпринятомъ Платономъ по смерти Сократа, имѣетъ легендарный характеръ. Платонъ отправился, пишетъ Діогенъ, съ нѣсколькими учениками Сократа въ Мегару къ Эвклиду (не геометру), затѣмъ поѣхалъ въ Кирену, послушать Теодора математика, отсюда въ Италію къ пифагорейцамъ. Былъ потомъ въ Египтѣ, чтобы бесѣдовать съ жрецами. Въ этомъ путешествіи его, говорятъ, сопровождалъ Эврипидъ. Въ Египтѣ Платонъ сдѣлался боленъ и былъ исцѣленъ жрецами помощью морской воды. Это внушило ему стихъ

Море смываетъ всѣ бѣды человѣка

и побудило вмѣстѣ съ Гомеромъ сказать, что всѣ египтяне врач. Платонъ имѣлъ еще намѣреніе посѣтить маговъ, но война, опустошавшая Азію, помѣшала тому. Возвратившись въ Аонны, онъ сталъ учить въ Академіи. Это было мѣсто, назначенное для гимнастическихъ упражненій, засаженное деревьями и получившее свое наименование отъ героя Академа, какъ свидѣтельствуешь Эпиполісъ въ „Освобожденныхъ вонцахъ“:

Въ тѣнистыхъ аллеяхъ бога Академа.

Равнымъ образомъ Тимонъ говоритъ о Платонѣ: „Въ главѣ ихъ шелъ полный собою, краснорѣчивый учитель, соперникъ цикадѣ, оглашающихъ своимъ гармоническимъ пѣніемъ тѣнистыя аллеи Академида“. (Замѣтимъ, прибавляетъ Діогенъ, что слово Академія писалось первоначально чрезъ е: Екадеміа).

Легендарны также рассказы Діогена о трехъ поѣздкахъ Платона въ Сицилію, хотя поѣздки эти много вѣроятнѣе путешествія въ Египетъ. Первую поѣздку Платонъ предпринялъ будто-бы съ цѣлью обозрѣть островъ и въ особенности кратеръ Этны. Тиранинъ Діонисій пожелалъ говорить съ нимъ и оскорбился его обличеніемъ тираніи; хотѣлъ казнить, но ограничился тѣмъ, что передалъ его лакедемонскому

посланнику, поручивъ продать въ невольники. Діогенъ присоединяетъ, что онъ дѣйствительно былъ проданъ, но выкупленъ почитателями. Второе путешествіе, по тому же легендарному повѣствованію, было предпринято съ цѣлью просить у Діонисія Младшаго земли для осуществленія плана платоновой республики. Въ третью поѣздку Платонъ старался примирить возмущавшагося Діона съ Діонисіемъ. Умеръ Платонъ по однимъ 81 года, по другимъ 84 лѣтъ.

Если освободить свѣдѣнія о жизни Платона отъ подробностей легендарнаго характера, то останется немного достовѣрнаго. Досто- вѣрно, что великій философъ долго жилъ и училъ въ Аѳонахъ, былъ ученикомъ Сократа и находился при немъ въ эпоху его осужденія и казни ¹⁾; уѣзжалъ изъ Аѳонъ и былъ въ Сициліи, гдѣ вошелъ въ сношенія съ пнеагорейцами. Остальное все легендарно.

Важны не обстоятельства жизни Платона, а его великія творенія. Онъ изложилъ ихъ въ формѣ діалоговъ. „Діалогъ“,—говоритъ Діогенъ Лаэртскій,—„естъ рѣчь, состоящая изъ вопросовъ и отвѣтовъ о о законѣ-нибудѣ предметѣ философіи или полемикѣ, составленная съ искусствомъ и изяществомъ и сохраняющая за каждымъ изъ участвующихъ въ разговорѣ его собственный характеръ.“

Въ составъ сочиненій Платона входятъ 42 діалога, сводъ „опредѣленій“ и 13 писемъ. Для изученія Платона было бы, безъ сомнѣнія, въ высокой степени важно расположить его діалоги хронологически. Къ сожалѣнію, это оказывается невозможнымъ. Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи нѣтъ. Приходится гадать, основываясь на содержаніи произведеній и нѣкоторыхъ скудныхъ указаніяхъ. Время написанія нѣкоторыхъ діалоговъ въ извѣстной мѣрѣ опредѣляется по тѣмъ событіямъ, которыхъ оно касается, напримѣръ, Аполлогія Сократа, Федонъ, Республика, Тимей, Законъ, очевидно, принадлежать къ поздней эпохѣ творчества философа, Лизіяхъ и Федръ

---

¹⁾ При самой кончинѣ Сократа,—если не вымышлено сказанное въ „Федонѣ“—Платонъ по болѣзни не былъ. Федонъ, перечисляя бывшихъ при послѣднихъ минутахъ философа, прибавляетъ: „Платонъ, казненъ имъ, былъ болѣзнь“.

относится къ эпохѣ его молодости. „Говорятъ, пишетъ Діогенъ Ла-эртскій, что Сократъ, прослушавъ діалогъ Лизіа съ Платона, воскликнулъ: „чего, чего не приписываютъ мнѣ этотъ молодой человѣкъ“. „Федръ считается первымъ произведеніемъ Платона, замѣчаетъ Діогенъ въ другомъ мѣстѣ. И правду сказать, діалогъ этотъ отзывается нѣсколько молодымъ человѣкомъ" ¹⁾.

III. *Жизнь и творенія Аристотеля.* Аристотель родился въ Стагирѣ (городѣ на западномъ берегу Стримонскаго залива). Его отецъ былъ врачъ и близкій человѣкъ Македонскому царю Аминту II, при дворѣ котораго Аристотель сошелся съ сыномъ царя, будущимъ Филиппомъ II. Когда Аристотелю минуло 17 лѣтъ отецъ его скончался и ювона вступилъ въ обладаніе значительнымъ состояніемъ. Нѣкоторые враждебные философу, біографы повѣствуютъ о его расточительности и развратной жизни, поведшей къ потерѣ полученнаго достоянія. Свидѣтельство крайне сомнительное, такъ какъ Аристотель во всю жизнь пользовался хорошимъ достаткомъ и собралъ богатую бібліотеку. По смерти отца, Аристотель отправился въ Аѳины и чрезъ

---

¹⁾ Вопросы о времени написанія діалоговъ особенно занимались: переводчикъ Платона, Шлегельмахеръ, Зохеръ (*Über Platons Schriften*, München, 1820) и Германъ (*Geschichte der Platonischen philosophie*, I B., 1839). Что касается вопроса о подлинности діалоговъ, то вопросъ этотъ рассматривался уже въ древности. Уже древніе, въ Академіи, признавали семь діалоговъ неподлинными. Неподлинными признаются также письма и опредѣленія. Современные исследователи исчисляютъ изъ остальныхъ 35 еще нѣкоторыя, такъ что подлинными считаются вышшіе отъ 22 до 27 діалоговъ. Несомнѣнно подлинны тѣ, относительно которыхъ, кромѣ внутреннихъ основаній имѣются еще свидѣтельства Аристотеля (Республика, Тимей, Законы, Федонъ, Федръ, Паръ, Горій, Менонъ, Гиппій). Уже въ древности старались группировать сочиненія Платона. Аленскій грамматикъ Аристофанъ располагаетъ ихъ по трилогіямъ, следуя при этомъ вышшимъ, сценическимъ принципамъ діалога. Изданіе Альда Мануччи и изданіе (современное) Таухница придерживается этого расположенія по трилогіямъ. Знаменитѣйшее изданіе Платоновскихъ сочиненій принадлежитъ Азри Этьену (*Henricus Stephanus*). По этому изданію обыкновенно дѣлаются цитаты изъ Платона.

три года, когда вернулся отсутствовавший изъ Аены Платонъ, сдѣлакс его ученикомъ и другомъ, сохраняя близкую связь въ теченіе семнадцати лѣтъ, до смерти Платона, послѣдовавшей въ 347 году. Когда Платонъ умеръ, Аристотель перешагъ въ Мидію къ своему соученику, мѣстному правителю Гермію и женился на его близкой родственницѣ. Возвратившись въ Аены, онъ открылъ школу риторики. Въ 342 году Аристотель былъ призванъ Филиппомъ II въ Македонію, въ качествѣ воспитателя молодого Александра, и оставался при немъ до походовъ Александра въ Азію. Около 334 года Аристотель опять вернулся въ Аены и открылъ въ Ликей школу, получившую названіе перипатетической. Смерть племянника философа, Клемена, пораженнаго Александромъ, нарушила дружескія отношенія Аристотела къ Александру. Вскорѣ по смерти Александра Аристотель вынужденъ былъ удалиться въ Эвбею, такъ какъ въ Аеннахъ ему грозилъ религіозный процессъ. Аристотель умеръ въ 322 году, въ одинъ годъ съ Демосееномъ ¹⁾.

Въ ряду многочисленныхъ сочиненій Аристотела первое мѣсто принадлежить его логическимъ трактатамъ. Какъ Эвклидъ есть отецъ геометріи, такъ Аристотель отецъ логики. Геометрія Эвклида и логическіе трактаты Аристотела чрезъ вѣка были учебниками человечества и въ смыслѣ таковыхъ не потеряли значенія донынѣ: англичане въ школахъ и нынѣ учатся геометріи по Эвклиду. То, что въ школьной логикѣ главное и наиболѣе полезное, принадлежить Аристотелю.

Совокупность логическихъ сочиненій Аристотела носитъ наименованіе „Органонъ“.

---

¹⁾ Курьезно, что три величайшіе философа древности: Сократъ, Платонъ и Аристотель далеко не были представителями греческой красоты. Сократъ походилъ на сатира, по описанію Алівиада въ „Пирѣ“; Платонъ самое наименованіе свое получалъ отъ чрезвычайной ширины лба и тучнаго сложенія, Аристотела изображаютъ біографы малорослымъ, съ маленькими глазами и тонкими ногами, шелелящимъ и заикающимся.

Названія другихъ сочиненій Аристотеля указываютъ на ихъ содержаніе: риторика, этика, политика, метафизика. Трактатъ, именуемый Метафизикою, получилъ имя отъ того мѣста, какое онъ, подлѣ физики, занимаетъ въ ряду сочиненій Аристотеля. Вслѣдствіе такого случайнаго наименованія, вопросы, которымъ трактатъ посвященъ, принято называть метафизическими.

Для цѣли нашего сочиненія наиболее важны естественно-историческія сочиненія Аристотеля.

1) Уроки физики или *Физика*; общее ученіе о природѣ въ восьми книгахъ. Въ сочиненіи разсматриваются первыя начала вещей, основныя четыре причины: матерія, форма, начало движенія и цѣль его или конечная причина. Ученіе о природѣ есть ученіе о движеніи, понимаемомъ въ гораздо обширѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ движеніе изучаемое въ механикѣ; различные виды движенія, ихъ происхожденіе и прекращеніе.

2) *О небѣ* (*De caelo*) въ четырехъ книгахъ. Круговое и прямолинейное движеніе (отъ центра вверху, или къ центру внизъ). Круговое притягиваетъ эфиръ (*quinta essentia*). Вселенная пространственность ограничена; безначальна, неразрушима, едина. Форма вселенной сферическая. Звѣзды состоятъ изъ эфира. Сфера звѣздъ и сферы планетъ. Земля шарообразна, недвижна въ центрѣ вселенной, размѣры ея опредѣлены. Последнія двѣ книги трактуютъ о происхожденіи и разрушеніи, о четырехъ элементахъ и ихъ преобразованіяхъ.

3) *Метеорологія*, четыре книги, изъ которыхъ три трактуютъ о метеорологическихъ явленіяхъ (со включеніемъ кометъ, падающихъ звѣздъ, млечнаго пути). Последняя книга посвящена элементамъ.

4) Механическія проблемы или *Механика*. О сочиненіи этомъ (въ мемуарахъ Берлинской Академіи наукъ есть нѣмецкій переводъ Позельгера, 1829 г.) будемъ говорить въ пятой книгѣ, трактата о началахъ положительныхъ знаній у древнихъ.

5) *Проблемы* (недавно выданъ французскій переводъ Бартеlemi Сентъ-Илера) заключающія въ себѣ отвѣты на разнообразные вопросы,

преимущественно медицинскаго и фізіологическаго, отчасти физическаго содержания. Принадлежность сочиненія самому Аристотелю весьма, впрочемъ, сомнительна.

6) Біологическія сочиненія: *о души* (De anima) въ смыслѣ жизненной силы, если выразиться по терминологіи новаго времени; *О чувствахъ*; *О членахъ*; *Естественная исторія животныхъ*; *О частяхъ тѣла животныхъ* (de partibus animalium); *О рожденіи* ¹⁾.

---

¹⁾ Страбонъ (XIII, 1.481, 19) разсказываетъ, что Нелей, ученикъ Теофраста узнававшая бібліотечу Теофраста, который владелъ въ свою очередь рукописями и сочиненіями своего учителя, Аристотеля. Нелей въ Скезіасъ въ Троадѣ и его наследники спрятали бібліотечу, чтобъ спасти ее отъ алчныхъ царей пергамскихъ, въ сырой погребъ и продали много позднѣе попорченными отъ сырости и насекомыхъ, книги и рукописи великаго Стагирита богачу Аполлиону. Этотъ привезъ книги и рукописи въ Аеіи и велѣлъ сдѣлать съ нихъ новыя копіи. Сулла, овладѣвъ Аеіиами, завладѣлъ и бібліотечою Аристотеля и перевезъ ее въ Римъ. Этотъ разсказъ можетъ быть и справедливымъ относительно судьбы подлинныхъ рукописей Аристотеля, но нѣтъ сомнѣній въ томъ, что у учениковъ его были свои записки Аристотелевской эмиссоіи и что съ исчезновеніемъ подлинныхъ рукописей Аристотеля не исчезли списки съ его сочиненій.

Римскій грамматикъ Тирраіонъ получилъ дозволеніе на пользованіе рукописями Аристотеля и сдѣлалъ съ нихъ копіи. Андроникъ Родосскій, получивъ эти копіи и сдѣлалъ (около 50—60 г. до Р. Хр.) первое изданіе Аристотелевскихъ сочиненій (объ этомъ говоритъ Воссій. De Interpret II, 284). Въ первые вѣка послѣ Р. Хр. сочиненія Аристотеля несомнѣнно были извѣстны ученымъ, и наизвѣстнѣе въ Александрійскомъ музеѣ находились копіи съ сочиненій. Распространенность Аристотелевскихъ сочиненій подтверждается большимъ количествомъ комментариевъ на Аристотеля.

Въ 529 году императоръ Юстиніанъ закрылъ все эмиссоескія школы въ Аеіицахъ, въ центрѣ эмиссоіи. Философамъ переселились въ Персію, ко двору царя Хозроя, куда перенесли и занятія Аристотеля, но еще ранѣе, въ V вѣкѣ, Несторіане въ Сиріи, стали переводить на сирійскій языкъ Аристотелевскія сочиненія. Сирійскіе переводы донынѣ не издаваемые, отъ VI до VIII вѣковъ, хранятся въ различныхъ бібліотечкахъ въ рукописяхъ, напримѣръ, въ

Глава II. Ученіе Платона какъ призвъкъ къ размышленію съ закрытыми окнами чувствъ.

I. Характеристическая черта ученія Платона есть горячій, краснорѣчивый призвъкъ къ размышленію съ закрытыми окнами чувствъ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ своему учителю Сократу, котораго выводитъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ своихъ діалоговъ и въ уста котораго влагаетъ разсужденія, отчасти дѣйствительно принадлежавшія великому учителю, отчасти переработанныя великимъ ученикомъ. Размышленіе это должно раскрыть уму бестѣлесный міръ, для созерцанія котораго чувственнымъ воспріятію суть только пренатствіе. Представленіе объ „иномъ“, умственномъ мірѣ, доступномъ чистому разуму, мірѣ неизмѣнныхъ и вѣчныхъ сущностей, въ противоположность измѣчивости грубаго чувственного міра, познаваемого при посредствѣ тѣла, можетъ быть названо открытіемъ Платона. Мало того. Многія представленія, слѣдовавшіяся въ христіанскомъ мірѣ общепри-

---

Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Въ IX вѣкѣ съ еврейскаго былъ сдѣланъ первый арабскій переводъ Аристотеля.

Арабы принесли знаніе Аристотелевой философіи въ Европу, въ Испанію; съ арабскаго языка здѣсь, въ Испанію, Аристотеля переводили на еврейскій; а на латинскій языкъ его перевелъ въ 13-мъ вѣкѣ частью съ арабскаго, частью съ еврейскаго. Великій учитель католической церкви, Фома Аквинскій, былъ первымъ, знавшимъ всего Аристотеля въ латинскомъ переводѣ, предпринятомъ по его инициативѣ.

Но истинное знакомство съ Аристотелемъ стало возможнымъ лишь въ концѣ XV и XVI вѣка, когда константинопольскіе греки привезли въ Италію рукописи Аристотеля и когда знаменитый педагогъ Альдо Мануцци приготовилъ по рукописямъ первое полное изданіе (1495 г.) сочиненій Аристотеля, вмѣняющее и до нынѣ рукописи, которыя до насъ не дошли.

Въ XIX вѣкѣ, когда стали серьезно заниматься исторіей философіи интересъ къ Аристотелю (благодаря Гегелю) снова возросъ. Лучшимъ изданіемъ Аристотеля, по которому принято цитировать, считается изданіе Берлинской Академіи Наукъ, сдѣланное Веккеромъ въ 1831—70 году, въ пяти томахъ.

вѣтими, находятся уже у Платона. Въ эпоху возрожденія наукъ, когда стали знакомиться съ его твореніями, его наименовали божественнымъ, видѣли въ немъ какъ бы христіанина до христіанства. Во Флоренціи образовалась академія неоплатонизма. Козьма Медичи былъ поклонникомъ Платона и поручилъ молодому Фичину перевести древняго учителя (переводъ появился въ Венеціи въ 1482 году). Тотъ же Фичинъ издалъ сочиненіе „Платоново богословіе“ (*Theologia Platonica. De immortalitate videlicet animorum ac aeterna felicitate libri XVIII*) и въ рѣчи, произнесенной съ церковной кафедрѣ, требовалъ, чтобы діалоги Платона читались при богослуженіи и объяснялись подобно текстамъ священнаго писанія. Въ комнатѣ Фичина предъ изображеніемъ Платона горѣла неугасимая лампада ¹⁾. Савонарола говорилъ, что въ его время ничего нельзя было услышать съ церковной кафедрѣ кромѣ Платона божественнаго. Возвышенныя ученія Платона о безсмертіи, о загробныхъ наградахъ и наказаніяхъ дѣлають его родственнымъ христіанскому міру.

Въ мірѣ, гдѣ культъ красоты, въ ея матеріальныхъ воплощеніяхъ былъ основнымъ култомъ, доходившимъ до страннаго для насъ явленія влюбленности мушкетера въ мушкетера, Платонъ, слѣдуя учителю своему Сократу, возглашаетъ безконечное превосходство духовнаго надъ матеріальнымъ. Еще въ мечтательномъ Федрѣ онъ зоветъ тѣло гробницею души и, развивая иллюзію о существованіи душъ, предшествующемъ ихъ земному бытію,—когда онѣ слѣдовали за колесницами боговъ—говоритъ: „и мы сами были чисты, свободны отъ этой гробницы, которую зовемъ тѣломъ и волочимъ съ собою, какъ улитка свою темницу“. А въ Федонѣ „душа вынуждена смотрѣть на вещи сквозь тѣло, какъ сквозь темницу, и страстями, поражаемыми тѣломъ, сама затягиваетъ свои цѣпи“.

„Заботы философа, читаемъ въ Федонѣ (64,е—66,в), не тѣло

---

¹⁾ Carriere: „Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit 1847, стр. 26.

нѣвють своимъ предметомъ. Напротивъ, онъ всѣ усилія употребляетъ, чтобы отдѣлаться отъ тѣла и заниматься исключительно душою. . . Не болѣе ли всего стремится философъ сдѣлать душу свою свободною и отдѣлить ее отъ всякаго обращенія съ тѣломъ? Что сказать о приобрѣтеніи истиннаго разумѣнія? Есть или не есть тѣло препятствіе въ такомъ исканіи?.. Поясню примѣромъ. Доставляютъ ли зрѣніе и слухъ людямъ что-либо достовѣрнаго или правы поэты, постоянно поющіе намъ, что истиннаго мы ничего не видимъ и не слышимъ? А если эти два чувства неточны и неясны въ своихъ показаніяхъ, то что сказать о другихъ слабѣйшихъ? Таково ли твое мнѣніе?

— *Симміасъ*. Конечно.

— *Сократъ*. Когда же душа обнимаетъ истину? Стараясь изслѣдовать вещи помощьюъ тѣла, она, мы видимъ, впадаетъ въ ошибки.

— *Симміасъ*. Это правда.

— *Сократъ*. Не мышленіемъ ли достигается она подлиннаго бытія?

— *Симміасъ*. Да.

— *Сократъ*. И не размышляетъ ли она лучше, когда не возмущается ни зрѣніемъ, ни слухомъ, ни болью, ни наслажденіемъ и когда :заклученная въ себя и отложивъ тѣло, прерываетъ съ нимъ, на сколько возможно, всякое сношеніе, она стремится обнять подлинное бытіе.

— *Симміасъ*. Совершенно хорошо сказано.

— *Сократъ*. И не презираетъ ли тогда душа философа тѣло, избѣгая его и стараясь быть одна сама съ собою?

— *Симміасъ*. Миѣ кажется.

— *Сократъ*. А что скажемъ мы, Симміасъ, о нѣкоторыхъ вещахъ? О справедливости, напримѣръ; скажемъ ли что она есть нѣчто сама по себѣ или это ничто?

— *Симміасъ*. Безъ сомнѣнія, мы скажемъ, что она есть нѣчто.

— *Сократъ*. Не то-же ли скажемъ о красотѣ и благѣ?

— *Симміасъ*. Безъ сомнѣнія.

— *Сократъ*. Но видѣлъ ли ты подобныя вещи глазами?

— *Симміасъ*. Нѣтъ.

— *Сократъ*. Есть ли въ тѣлѣ чувство, помощью котораго ты могъ бы воспріять такія вещи? Я говорю обо всемъ этомъ: о величинѣ, здоровьѣ, силѣ, словомъ, о существѣ всѣхъ вещей, о томъ, что онѣ суть на самомъ дѣлѣ? Тѣломъ ли мы познаемъ то, что есть въ нихъ самое истинное? И не тотъ ли ближайше достигнетъ дѣли и приобрететъ наилучшее познаніе каждой вещи, кто будетъ въ состояніи точнѣйше мыслить предметъ своего изслѣдованія?

— *Симміасъ*. Безспорно.

— *Сократъ*. И не тотъ ли сдѣлаетъ это чистѣйшимъ образомъ, кто приступитъ къ изслѣдованію вещи единственно помощью размысленія, не прилагая зрѣнія къ мысли и не призывая на помощь размысленію никакого чувственного воспріятія? Не тотъ ли, кто, пользуясь чистою, безъ примѣси, мыслию, будетъ стараться найти чистую и простую сущность каждой вещи, не прибѣгая къ глазамъ или ушамъ и, такъ сказать, совсѣмъ освободившись отъ тѣла, только смущающаго душу и мѣшающаго ей — какъ только она придетъ съ нимъ въ сношеніе, — найти истину и правильное размысленіе? Огъ, а не другой кто проникаетъ въ сущность вещей.

— *Симміасъ*. Какъ, справедливо то, что ты говоришь. Это удивительно!

II. Трудно сдѣлать болѣе сильный призывъ къ размысленію съ закрытыми окнами чувствъ. Безъ сомнѣнія, и Платонъ не думалъ, чтобы можно было приобретать чувственные познанія, не прибѣгая къ чувствамъ, и изучать явленія, закрывая глаза и не наблюдая. Но знаніе этого рода и ближайшіе вопросы, имъ возбуждаемые, казались ему знаніемъ, во-первыхъ, извѣстнымъ, остающимся въ области предположенія или „мнѣнія“, какъ онъ выражается, во-вторыхъ, ведущимъ въ безвыходный лабиринтъ безчисленныхъ вопросовъ, вынудившіи философа отказаться отъ безнадежнаго разбора ближайшихъ причинъ явленій и перейти къ исканію опредѣляющихъ дѣлей. Такъ, по крайней мѣрѣ, Сократъ въ діалогѣ Платона передаетъ исторію своей философской мысли. Пониманіе того, что мы зовемъ положительною

наукою, оцѣнка значенія, какое имѣютъ наблюденія, опытъ, не были чужды древнему уму. Но прязнь къ размышленію, освобожденному, какъ казалось, отъ условій чувственной, матеріальной измѣчивости, и имѣющаго дѣло съ умственнымъ міромъ вѣчныхъ истинъ и подлинныхъ сущностей, былъ такъ силенъ, такъ новъ и привлекателенъ, что научное изученіе чувственного міра, съ его медленными, дробными и трудными приобрѣтеніями отошло на далекій планъ.

„Послушай меня, говоритъ Сократъ въ Федонѣ (96,а). Въ молодости моей я былъ исполненъ страстнаго желанія изучить отдѣлъ знанія, который зовутъ физикою (въ смыслѣ естествознанія). Ибо я считалъ удивительно важнымъ познать причины всякой вещи: что порождаетъ ее, что разрушаетъ, чѣмъ она существуетъ. Нѣтъ труда, который бы не принялъ я, чтобы изучить, во-первыхъ, не отъ тепла ли и холода,—претерпѣвъ родъ гнѣнія,—рождаются животныя, какъ думаютъ нѣкоторые; кровь ли производитъ мысль, или воздухъ, или огонь, а если не эти вещи, то не могъ ли причина нашихъ чувствъ—зрѣнія, слуха, обонанія. Не отъ этихъ ли чувствъ происходятъ память и представленіе; не память ли и представленіе, установившись, рождаетъ науку. Хотѣлъ также знать причины порчи тѣлъ; простиралъ любопытство до небесъ и въ пропасти земли, чтобы узнать, что производитъ всѣ явленія. Но въ концѣ концовъ почувствовалъ себя неспособнымъ, какъ только можно быть неспособнымъ, къ изслѣдованіямъ такого рода. . . Изученіе это сдѣлало меня слѣпымъ въ вещахъ, которыя прежде зналъ съ совершенною очевидностью, какъ казалось мнѣ и другимъ; совсѣмъ разучился тому, что думалъ знать о многихъ вопросахъ“.

III. *Мысль Платона о ступеняхъ земнаго знанія.* Ступени земнаго знанія, отъ чувственнаго наблюденія и до умственнаго созерцанія, изображены Платономъ въ великолѣпномъ миѣ въ седьмой книгѣ „Республики“, одного изъ совершеннѣйшихъ произведеній философа.

„Сократъ. Вообрази себѣ людей, заключенныхъ подъ землею въ нещербъ, вдоль которой свѣтъ извнѣ можетъ широко проникать. У

людей этихъ съ дѣтства ноги и шеи такъ обременены цѣпами, что они вынуждены оставаться неподвижными и могутъ видѣть лишь тѣ предметы, которые находятся передъ ними. Цѣпы мѣшаютъ имъ повернуть голову. Сяди ихъ на нѣкоторомъ разстояніи, на известной высотѣ, разложенъ огонь, свѣтъ котораго ихъ освѣщаетъ. Между огнемъ и этими плѣнниками на высотѣ проходитъ путь, вдоль котораго, вообрази себѣ, невысокую стѣну, подобную тѣмъ перегородамъ, какія помѣщаютъ фокусники между собою и зрителями, чтобы въ-за нихъ показывать свои фокусы.

— *Глазкомъ.* Представляю себѣ это.

— *Сократъ.* Вообрази также людей, проходящихъ вдоль стѣны, несущихъ разные предметы, возвышающіеся надъ стѣною, фигуры людей, животныхъ изъ камня, дерева, тысячи разнообразныхъ формъ. Несущіе, одни разговариваютъ между собою, другіе проходятъ молча.

— *Глазкомъ.* Странная картина и страшные плѣнники!

— *Сократъ.* И однако похожіе на насъ. И скажи, могутъ-ли въ такомъ положеніи они видѣть себя и окружающихъ иначе, какъ помощью тѣни, рисуемойся при свѣтѣ огня на той сторонѣ пещеры, которая предъ ихъ глазами?

— *Глазкомъ.* Нѣтъ, такъ какъ они вынуждены держать всю жизнь голову неподвижно.

— *Сократъ.* Не то-же ли и относительно предметовъ, проносимыхъ сзади ихъ.

— *Глазкомъ.* Какъ-же иначе?

— *Сократъ.* Но если они могутъ разговаривать между собою, не полагаешь-ли, что они постараются дать названія тому, что предъ собою видятъ?

— *Глазкомъ.* Безъ сомнѣнія.

— *Сократъ.* А если въ глубин пещеры есть эхо, повторяющее слова проходящихъ, то кому кромѣ тѣней припишутъ эти звуки?

— *Глазкомъ.* Никому, конечно.

— *Сократъ.* Они и не подумаютъ, что есть что-либо въ дѣйствительности, кромѣ этихъ тѣней отъ предметовъ всякаго рода.

— *Главконъ*. Необходимо такъ.

— *Сократъ*. Посмотри-же, что должно произойти, еслибы ихъ освободили отъ цѣпей и исцѣлили отъ вкоренившагося заблужденія. Когда плѣнникъ освобожденъ отъ цѣпей, долженъ подняться, повернуть голову, идти, смотрѣть на огонь: когда, производя всѣ эти движенія, онъ испытываетъ боль и внезапное ослѣпленіе мѣшаетъ ему различать предметы, тѣмъ которыхъ онъ прежде видѣлъ, — какъ думаешь ты — что отвѣтитъ онъ тому, кто скажетъ ему, что доселѣ онъ видѣлъ только фантомы, а теперь, ближе въ дѣйствительности и обращенный къ дѣйствительнымъ предметамъ, видитъ вѣрнѣе? Предположимъ, наконецъ, что, показывая ему каждый изъ проходящихъ предметовъ, его заставляютъ помощью вопросовъ отвѣчать, что это такое. Какъ думаешь ты, — не приведетъ ли это его въ затрудненіе и не покажется-ли ему, что видѣнное прежде истиннѣе того, что ему показываютъ?

— *Главконъ*. Конечно, покажется.

— *Сократъ*. А если заставить его глядѣть на огонь, не будутъ ли глаза его ослѣплены? Не отвернется ли онъ, чтобы обратиться къ тѣнямъ, которыя наблюдалъ безъ боли? Не сочтетъ-ли онъ, что онъ болѣе доступенъ зрѣнію, чѣмъ предметы, которые ему показываютъ?

— *Главконъ*. Да.

— *Сократъ*. А если теперь его, несмотря на боль, поведутъ по трудной утесистой тропинкѣ и не выпустятъ, пока не выйдетъ на солнечный свѣтъ, не издастъ-ли онъ крика боли и гнѣва? И когда выйдетъ на свѣтъ дня, его ослѣпленные глаза будутъ ли въ состояніи различить хоть одинъ изъ предметовъ, которые мы зовемъ дѣйствительными?

— *Главконъ*. Въ началѣ не будутъ въ состояніи.

— *Сократъ*. Лишь мало по малу, если не ошибаюсь, привыкнетъ онъ смотрѣть на то, что вверху. Съ наибольшей ясностью будетъ онъ въ началѣ различать тѣни, затѣмъ изображенія людей и другихъ предметовъ, отражающіяся въ водѣ, наконецъ, самые предметы.

Затѣмъ обратитъ глаза къ небу и легче перенесеть видѣ ночью звѣздъ и луны, чѣмъ солнца съ его дневнымъ свѣтомъ.

— *Гласкомъ.* Безъ сомнѣнiя.

— *Сократъ.* Наконецъ, будетъ въ состоянiи наблюдать солнце не въ отраженiи только въ водѣ, но какъ оно есть на своемъ мѣстѣ.

— *Гласкомъ.* Необходимо.

— *Сократъ.* Послѣ того, начавъ размышлять, онъ придетъ къ заключенiю, что отъ солнца зависятъ времена года и самыя годы, что оно правитъ всѣмъ въ видимомъ мiрѣ и есть нѣкоторымъ образомъ причина всего, что онъ видѣлъ въ пещерѣ вмѣстѣ съ товарищами своего плѣна.

— *Гласкомъ.* Очевидно, что постепенно онъ придетъ къ такимъ заключенiямъ.

— *Сократъ.* И если онъ тогда вспомнитъ о первоначальномъ своемъ жилищѣ, о томъ, какъ представляють себѣ тамъ мудрость, о товарищахъ своего рабства, не сочтетъ ли онъ себя счастливымъ своею пережвѣною и не пожалѣетъ ли другихъ?

— *Гласкомъ.* Навѣрно.

— *Сократъ.* И если тамъ, въ пещерѣ, были установлены почести, хвалы, награды тѣмъ, кто быстрѣе скватывалъ проходъ тѣней, лучше хранилъ въ своей памяти тѣни, шедшія одна за другой или и вмѣстѣ, и потому былъ болѣе другихъ искусенъ предсказывать ихъ появленiе, то полагаешь ли ты, что человекъ, о которомъ мы говоримъ, будетъ ревнивъ къ такимъ почестямъ и станетъ завидовать тѣмъ, кто почетенъ и могуществененъ въ ихъ подземелья? Не предпочтетъ ли онъ, какъ герой Гомера, быть рабомъ земледѣльца и терпѣть всякія лишения, чѣмъ жить, какъ жилъ прежде?

— *Гласкомъ.* Увѣренъ, что предпочтетъ страдать, чѣмъ жить, какъ прежде.

— *Сократъ.* Предположи далѣе, что человекъ зтотъ сходитъ вновь въ пещеру и садится на свое мѣсто. Не будутъ ли при этомъ переходѣ отъ свѣта къ темному глаза его какъ бы слѣпы?

— *Главконъ*. Конечно.

— *Сократъ*. И если, пока зрѣніе его будетъ неясно и глаза не приобрѣли къ темнотѣ, что требуетъ нѣкотораго времени, ему будетъ нужно давать мнѣніе о тѣняхъ и спорить относительно этого предмета съ товарищами, не скинувшими еще своихъ цѣпей, не подастъ-ли онъ повода къ тому, чтобы надъ нимъ насмѣхались? Не скажутъ-ли, что онъ ослѣпъ, поднимаясь кверху; что не стоитъ и стремиться, чтобы туда подняться. А если кто затѣветъ освобождать ихъ и вести вверхъ, то при первой возможности схватитъ и убить такового, — не сдѣлаютъ ли они это?

— *Главконъ*. Непремѣнно такъ будетъ.

— *Сократъ*. Вотъ, любезный Главконъ, вѣрный и полный образъ того, о чемъ мы говорили. Подземная пещера—этотъ видимый міръ; огонь, его освѣщающій — свѣтъ солнца; плѣнникъ, восходящій въ верхнюю область—ее созерцающая душа, поднимающаяся въ умственный міръ... У каждаго въ душѣ есть способность познания и органъ, служащій для этой цѣли, подобно глазамъ, не могущимъ повернуться отъ темноты къ свѣту иначе, какъ со всѣмъ тѣломъ: такъ и органъ разумный совокупно со всею душою обращается отъ зрѣлища того, что рождается и мѣняется, къ созерцанію того, что есть и пребываетъ, и приобретаетъ возможность смотрѣть на то, что самое лучезарное въ бытіи и что мы назвали благомъ. Не такъ-ли?

— *Главконъ*. Да.

— *Сократъ*. Въ этомъ обращеніи души, все искусство въ томъ, чтобы обратить ее наиболѣе удобнымъ и полезнымъ для нея способомъ. Дѣло не о томъ, чтобы дать ей способность видѣть: ее она видѣть, но органъ ея обращенъ не такъ, смотреть не туда, куда надобно: вотъ что надлежитъ поправить.

— *Главконъ*. И мнѣ такъ кажется.

— *Сократъ*. Относительно другихъ способностей души можно сказать то же почти, что относительно способностей тѣла: если не даны отъ природы, ихъ можно приобрести воспитаніемъ и упражненіемъ. Но истинное мышленіе принадлежитъ чему-то болѣе боже-

ственному, не теряющему никогда своей силы и, смотря по данному направлению, могущему стать полезнымъ или бесполезнымъ, выгоднымъ или вреднымъ“...

Таковъ замѣчательный мнѣз Платона. Мы видимъ три градаціи: иллюзорный міръ тѣней въ пещерѣ—міръ обманчиваго чувствена аго наблюденія; міръ пещерныхъ предметовъ и костра, ихъ освѣщающаго—міръ наблюденія научнаго, и наконецъ верхній міръ подлинныхъ вещей, свѣтъ котораго проникаетъ въ пещеру, но созерцать который вполне можно лишь выйдя изъ пещеры—умственный міръ философскаго созерпанія. Что такое, по понятіямъ Платона, этотъ міръ подлинныхъ вещей, къ созерцанію котораго должны быть обращены глаза души, пояснимъ ниже. Здѣсь скажемъ только, что тѣлесный глазъ не можетъ его усмотрѣть, хотя бы обращался къ горнимъ пространствамъ. На замѣчаніе Главкова, что астрономія, очевидно, „побуждаетъ душу смотрѣть вверхъ и подниматься отъ земныхъ предметовъ къ созерцанію небесныхъ“, Сократъ замѣчаетъ: „Это можетъ быть очевидно для другихъ, во не для меня, а сужу иначе.

— *Главокъ*. Что хочешь ты сказать?

— *Сократъ*. На мой взглядъ, ты ииѣешь неважное ииѣніе о наукѣ, предметъ которой горнія вещи. Если кто, смотря на потолокъ, различить что-либо въ его украшеніяхъ, то ты и про него, вѣроятно, скажешь, что онъ смотритъ глазами души, а не тѣла. Можетъ быть, ты правъ, и я грубо ошибаюсь. Но для меня наука, заставляющая душу глядѣть вверхъ, есть та, которая ииѣетъ предметомъ то, что подлинно есть и что невидимо. При этомъ все равно, прибрѣтается ли наука эта, глядя вверхъ съ разинутымъ ртомъ, или опустивъ голову и зажуриивъ глаза. Никогда не скажу, чтобы смотрящій вверхъ съ разинутымъ ртомъ могъ уразумѣть что-либо, ибо ничто чувственное не есть предметъ науки; не скажу также, что душа его смотритъ вверхъ; ова смотритъ внизъ, хотя бы онъ лежалъ навзничъ на землѣ или на морѣ, производя своимъ изслѣдованіемъ. Такъ высоко надъ чувственнымъ наблюденіемъ подымалъ Платонъ размышленіе съ закрытыми глазами чувствъ, въ которомъ

видѣлъ проникновеніе чистаго разума въ міръ вѣчныхъ и неизмѣн-
ныхъ существей, того, что подлинно есть, по его выраженію.

Глава III. Ученіе Платона о духовномъ мірѣ, какъ части наблюдаемаго бытія.

I. *Духовный міръ въ двухъ формахъ: міръ спиритуальный и міръ интеллектуальный.* Никто не выставлялъ съ такою силою и яркостью, какъ Платонъ, противоположности двухъ міровъ: чувственнаго и умственнаго, видимаго и бестѣлеснаго, земнаго и небеснаго, вѣчнаго—временнаго и неизмѣняваго, и „того“—вѣчнаго и неизмѣннаго. Для Платона чувственный міръ есть низшій—міръ кажущагося; умственный—высшій міръ подлинныхъ вещей. Усилія философа направлены къ тому, чтобы раскрыть умственному глазу человека этотъ высшій міръ. Объ этомъ мірѣ онъ говоритъ и въ отвлеченной формѣ разсужденія и еще чаще въ образной формѣ идеа. Отвлеченность блѣдна для изображенія этого міра, неподдающагося выраженію въ словѣ. Высказать недосказуемое на человѣческомъ языкѣ философъ-поэтъ (хотя поэтъ и выгнанный изъ своей республики) могъ только помощью иносказательнаго способа изображенія, оставляющаго многое въ таинственной неясности и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы позволяющаго проникнуть болѣе или менѣе глубоко въ это таинственное. Платонъ усиливается характеризовать умственный міръ не отрицательно только, какъ міръ *нечувственный*, но и нѣкоторыми положительными чертами—хотя туманными и трудно уловимыми—какъ міръ *сверхчувственный*. Двойственный способъ изображенія, то отвлеченный, то иносказательный, мы встрѣчаемъ повсюду у Платона и встрѣчаемъ иногда въ смѣшеніи, затрудняющемъ читателя, желающаго проникнуть въ истинную мысль автора. Должно вмѣстѣ съ тѣмъ помнить, что мною эти иносказанія не суть только замѣны отвлеченнаго способа выраженія образнымъ. Они имѣютъ болѣе самостоятельное значеніе и многое въ нихъ не есть иносказаніе, а изображеніе дѣйствительности согласно міровоззрѣнію философа.

Увлекательные діалоги Платона, рѣчи постоянно выводимаго изъ

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-СЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(январь и февраль 1892 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАИ.

1. (5-го октября 1891 года). Объ утвержденіи новаго рисунка медали для лицъ, отлично окончивающихъ курсъ въ гимназическихъ классахъ лица Цесаревича Николая.
2. (22-го октября 1891 года). Объ устройствѣ въ 1892 г. въ городѣ Москвѣ международныхъ конгрессовъ по до-исторической археологій, антропологій и зоологій. 4
3. (21-го ноября 1891 года). О причисленіи начальныхъ училищъ Закаспійской области, въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, къ IV разряду
4. (18-го ноября 1891 года). О служебныхъ правахъ учителей рисованія мужскихъ гимназій и прогимназій 29
5. (18-го ноября 1891 года). О расходѣ на осуществленіе мѣропріятій по практическому примѣненію метеорологическихъ наблюденій 30
6. (18-го ноября 1891 года). Объ ассигнованіи суммы на омеблировку новыхъ помѣщеній для архива и библіотеки главной физической обсерваторіи 31
7. (25-го ноября 1891 года). О служебныхъ правахъ и преимуществахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ начальныхъ училищъ Туркестанскаго края. 32

8. (25-го ноября 1891 года). О правах по отбыванію воинской повинности учениковъ мужской школы Садовникова и Герасимова въ С.-Петербургѣ.	—
9. (25-го ноября 1891 года). О добавочномъ жалованьи помощнику директора главной физической обсерваторіи полковнику Рывачеву.	33
10. (25-го ноября 1891 года). Объ учрежденіи при главной физической обсерваторіи новыхъ должностей физика и адъюкта по отдѣленію морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій	34
11. (2-го декабря 1891 года). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатѣ Императорскаго Дерптскаго университета.	35
12. (2-го декабря 1891 года). Объ учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ должности бухгалтера .	
13. (3-го января 1892 года). О расходахъ на пособія учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, постигнувшихъ урожаемъ	36

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го декабря 1891 года за № 12 37

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го октября 1891 года). Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи П. Т. Рѣваго за лучшую „исторію Финляндіи для школъ“.	4
2. (20-го октября 1891 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ильича Щуцкаго.	6
3. (2-го ноября 1891 года). Правила о стипендіяхъ, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ капитала въ въ двадцать тысячъ рублей, пожертвованнаго кандидатомъ правъ Михаиломъ Герасимовичемъ Комиссаровымъ и заключающагося въ двухъ 4% билетахъ внутренняго займа за №№ 1702601 и 1702701, по 10.000 рублей каждый	7
4. (3-го ноября 1891 года). Положеніе о стипендіи имени въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, на проценты съ капитала, пожертвованнаго членами С.-Петербургской судебной палаты и окружнаго суда, прокурорскаго надзора, при силѣ судебныхъ мѣстахъ состоящаго, и присяжными новѣршенными округа той же судебной палаты, съ ихъ помощниками.	9
5. (21-го ноября 1891 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ имени Михаила Ивановича Добротова, перваго председателя Московскаго совѣта присяжныхъ новѣршенныхъ .	10

6. (28-го ноября 1891 года). Положеніе о стипендіяхъ, въ память двадцатилѣтія существованія Общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, при С.-Петербургскомъ Владимірскомъ городскомъ училищѣ. 11
7. (30-го ноября 1891 года). Положеніе о стипендіи имени дочери штабсъ-капитана дѣвицы Евгеніи Григорьевны Мустиць при Николаевской Маріинской женской гимназій. 12
8. (30-го ноября 1891 года). Положеніе о стипендіи имени жены подполковника Наталіи Алексѣевны Волоцкой при Грязовецкой женской прогимназій. 14
9. (9-го декабря 1891 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени потомственного почетнаго гражданина Николая Ивановича Акатьева. 14
10. (9-го декабря 1891 года). Положеніе о стипендіи имени почетнаго Дмитровскаго приходскаго училища почетнаго гражданина города Дмитрова Филиппа Филипповича Бордмана при Дмитровскомъ уѣздномъ училищѣ. 15
11. (9-го декабря 1891 года). Циркулярное предложеніе гг. почетными учебными округами по вопросу о 2%, вычитѣ на пенсіи съ вознагражденія сверхштатныхъ учителей гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ. 38
12. (20-го декабря 1891 года). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго при Тверскомъ городскомъ училищѣ. 39
13. (31-го декабря 1891 года). Положеніе о стипендіи имени Оттона Егоровича Креля въ С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ. 40
14. (31-го декабря 1891 года). Положеніе о пособіи имени полковника Александра Аполлоновича Майкова при С.-Петербургскомъ университетѣ. 41
15. (31-го декабря 1891 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго управляющаго Лозово-Севастопольской желѣзною дорогою Федора Осдоровича Баталина при Севастопольской женской гимназій. 42
16. (10-го января 1892 года). Циркулярное предложеніе гг. почетными учебными округами о мѣрахъ вспоможенія учащимъ и учащимся въ начальныхъ училищахъ губерній, институтовъ и курсамъ. 43
17. (11-го января 1892 года). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра III и Августѣйшей Семьи при Тельшевскомъ городскомъ училищѣ. 44

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- 3-го декабря 1891 года 16

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ.**

СТРАН.

- О книгѣ: *О. Карженеръ*: „Болезни и поврежденія нашихъ сельско-хозяйственныхъ культурныхъ растений. Руководство къ распознаванію ихъ и къ борьбѣ съ ними. Переводъ профессора *Гоби*“ 21
- О „Полномъ собраніи проповѣдей *Димитрія*, архіепископа херсонскаго и одесскаго. Въ пяти томахъ“ —
- О книгѣ: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія. Составилъ *В. А. Соколовъ*“ —
- О книгѣ: „Пѣсни о Нибелунгахъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Перевелъ *М. И. Кудряковъ*. Изданіе журнала „Пятнолетъ Литературы“ . —
- О книжкахъ: „Наглядное обученіе русскому языку. Составили *Д. Л. Фрейфельдтъ* и *Н. О. Лауровъ*. Въ двухъ отдѣлахъ: Отдѣлъ I. Человѣкъ и домашнія животныя. Изданіе 2-е. Отдѣлъ II. Лѣсъ и лѣсными пня дикія животныя“ —
- О журналѣ: „Филологическое Обзорѣніе. Журналъ филологія и педагогики. Томъ I, книга 1. Редакторы-надатели: *Андрей Адольфъ* и *Владиміръ Аннелъротъ*“ —
- О книгѣ: „Эвсида Виргилія. Издалъ *Д. В. Науменскій*“ 22
- О книгѣ: „Упраженія по греческой этимологіи. Составилъ *Д-ръ Эрнстъ Кохъ*. Часть вторая“ —
- О книгѣ: „Учебникъ греческаго синтаксиса для гимназій. Составилъ *Владиміръ Исаенковъ*“ . —
- О книгѣ: „Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Составилъ *А. Кролюшницкій*“ —
- О книгѣ: „Систематическій курсъ древней исторіи. Составилъ *Николай Энобло*“ —
- О книгахъ: 1) „Грамоты и другіе историческіе документы относящіеся къ Грузіи. Томъ I съ 1768 по 1774 годъ. Подъ редакціею *А. А. Цагарели*“, 2) „Сношенія Россіи съ Кавказомъ. *Сергій А. Блюкхоровичъ*. Выпускъ I“ . —
- О книгахъ: 1) „*Neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von Mittelsteiner, Oberlehrer. II Theil.*“, 2) „*Neue deutsche Sprachunterricht Methode und Lehrbuch. III Theil. E. M. Mittelsteiner*“ 23
- О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкой грамматики. Составилъ *Г. Беръ*. Часть I. Этимологія . —
- О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Я. Гросмихъ*. Третья часть“ . —
- О книгѣ: „Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическомъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекала*“ —
- О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Ноннъ Аллендорфъ*. 4-е исправленное изданіе. Часть I и II“ —

О книгѣ: „ <i>V. Hauff, Märchen für Söhne und Töchter gebildeter Stände. Сказки Вильгельма Гауффа. Приспособилъ С. Чекала. Выпускъ 1^й.</i> “	21
О книжкахъ: 1) „ <i>Prof. Dr. Otto Kohl, Griechische Übungsbuch für Secunde neben und nach Xenophons Anabasis</i> “, 2) „ <i>Dr. Karl Meissner. Kurzgefasste lateinische Synonymik nebst einem Antibarbarus. 4-te verbesserte Auflage</i> “.	
О книгѣ: „ <i>Полный англо-русскій словарь, составленный А. Александровымъ. Изданіе 2-е</i> “	
О книгѣ: „ <i>Е. Ф. Рейбомаъ Ответы на вопросы: какъ и изъ чего это дѣлается? Изданіе седьмое</i> “.	
О книгѣ: „ <i>Гомера, Илиада. Пѣсь III. Объяснилъ Сигизмундъ Цибульскій. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій</i> “	46
О книгѣ: „ <i>Petit Manuel de littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours. A l'usage des classes supérieures de l'école St-Pierre et de l'école réformée. A. Bonjour. 2-е изданіе</i> “.	
О книгѣ: „ <i>Napoléon à St-Hélène par Tiers. Издавъ А. Алексеевъ</i> “	
О книгѣ: „ <i>Систематическій сборникъ арифметическихъ задачъ. Составилъ В. Арбузовъ, А. Мининъ, Б. Мининъ, Д. Назаровъ. Изд. 5-е</i> “	
О книгѣ: „ <i>Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ М. А. Страховъ</i> “.	
О брошюрѣ профессора <i>И. М. Доцеля</i> : „ <i>Пределы человеческой жизни</i> “	47
О книгѣ: „ <i>Настоящая книга для народа. Въ четырехъ отдѣлахъ. Отдѣлъ I—Календарь православной церкви. Отдѣлъ II—Исторія всемірная и русская. Отдѣлъ III—Географія всеобщая и русская. Отдѣлъ IV—Міръ Божій</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Элементарный курсъ теоріи словесности. В. А. Яковлева</i> “.	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгахъ: 1) „ <i>Азбука, составленная комиссіею учителей Екатеринбургскаго уѣзда. Изд. 3-е</i> “, 2) „ <i>Нѣсколько объяснительныхъ словъ къ Азбукѣ</i> “	47
О книгѣ: „ <i>Сборникъ устныхъ и письменныхъ арифметическихъ задачъ. Составилъ Н. Боголюбовъ</i> “	
О книгѣ: „ <i>1001 задача для умственнаго счета. Составилъ С. Рачинскій</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Аленькій цветочекъ. Сказка Осерія Тимофеевича Аксакова. Изданіе 4-е</i> “	48
Официальныя извѣщенія	24
Открытіе училищъ	25 и 48
Общество въ память Амоса Комарскаго	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

	СТРАН
Н. П. Милюковъ. Государственное хозяйство Россія въ связи съ реформой Петра Великаго (окончаніе)	65 и 261
О. И. Успенскій. Философское и богословское движеніе въ XIV вѣвѣ (окончаніе).	3 и 348
В. О. Солнцевъ. „Всякая Влячина“ и „Спектаторъ“	125
И. П. Ждановъ. Босѣда трехъ святителей и Јоса попашогити.	157
В. П. Сторожевъ. Къ вопросу о „четвертякахъ“	195
В. П. Александренко. Нерониска барона М. А. Корфа съ влязомъ М. А. Оболенскія, по поводу „Московскихъ писемъ“	428
А. А. Петровъ. Замѣтки по Угорской Русѣ.	439

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. А. Радловъ. <i>А. Казимскій. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи.</i> Одесса. 1891	218
О. Ф. Зѣлинскій. <i>М. Крашенинниковъ. Римскіе муниципальные жрецы и жрицы.</i> С.-Пб. 1891	228
Ф. Г. Мищенко. „Филологическое Обзорѣніе“. Журналъ филологіи и педагогикѣ. Т. I. Кн. I. Москва. 1891	238
П. Е. Чижевъ. Отвѣтъ г. Ивановскому	241
Ф. Г. Мищенко. Отвѣтъ г. В. Шефферу	253
В. К. Падлеръ. Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія.	459
К. П. Вестужевъ-Рюминъ. Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. <i>Д. П. Майковъ.</i> С.-Пб. 1891	491
И. В. Цвѣтасвъ. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. <i>Н. Покровскаго.</i> С.-Пб. 1892.	494
А. А. Липовскій. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Соч. <i>А. Будимовича.</i> Варшава. 1892	500
К. Ан. Темировъ. <i>С. М. Серодонинъ.</i> „Сочиненіе Джильса Флетчера <i>Of the Rise Common Wealth</i> , какъ историческій источникъ. С.-Пб. 1891.	504
Книжныя новости	256 и 507

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

А. О. Брандтъ. Краткія правила относительно учебныхъ столовъ и скамей.	1
И. В. Новыи трудъ по методикѣ исторіи.	11
Наша учебная литература (разборъ 33 книгъ)	16 и 49

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

	СТРАН.
Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы въ Киевскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году	79
С. А. Чудновскій. Школы въ Сибири	1 и 107
А. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	46
В. И. Ламинскій. А. А. Потебня (<i>некроль</i>)	55
А. М. Д. Н. Лебедевъ (<i>некроль</i>)	73
К. П. Вестужевъ-Рюминъ. П. А. Поновъ (<i>некроль</i>)	75
К. Я. Гротъ. О. О. Нервольфъ (<i>некроль</i>)	141

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. Вал. Маяковъ. О не дошедшихъ до насъ произведеніяхъ Пиндара	1
И. А. Ровинскій. Продолженіе раскопки древней Діоклеи	15
В. Л. Эпиграфическая записка	35
П. И. Ланге. „Первая аналитика“ Аристотеля (<i>продолженіе</i>)	37 и 49

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

И. А. Любимовъ. Исторія физики	1 и 33
--	--------

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

	СТРАН
Н. П. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (окончаніе)	65 и 261
О. И. Успенскій. Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ (окончаніе).	3 и 348
В. О. Солицевъ. „Псыкая Вячана“ и „Снектаторъ“	125
И. П. Ждановъ. Васѣда трехъ святителей и Јоса попасоботит.	157
В. П. Сторожевъ. Къ вопросу о „четвертикахъ“	195
В. П. Александренко. Перениска барона М. А. Корфа съ княземъ М. А. Оболенскямъ, по поводу „Московскихъ писемъ“	428
А. А. Петровъ. Записки по Угорской Руси.	439

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. Л. Радловъ. <i>А. Казанскій. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи.</i> Одесса. 1891	218
О. Ф. Зѣлинскій. <i>М. Кристияновича. Римскіе муниципальные жрецы и жрицы.</i> С.-Пб. 1891	228
Ө. Г. Мищенко. „Филологическое Обзорніе“. Журналъ филологіи и педагогика. Т. I. Кн. I. Москва. 1891	238
Н. Е. Чижевъ. Отвѣтъ г. Иваловскому	241
Ө. Г. Мищенко. Отвѣтъ г. В. Шефферу	253
В. К. Надлеръ. Россія и Франція въ первые годы XIX столѣтія.	459
К. П. Вестужевъ-Рюминъ. Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. <i>Л. П. Майковъ.</i> С.-Пб. 1891	491
Н. В. Цяѣтасвъ. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. <i>Н. Покровскаго.</i> С.-Пб. 1892.	494
А. Л. Липовскій. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Соч. <i>А. Будиловича.</i> Варшала. 1892	500
К. Ан. Темировъ. <i>С. М. Сердобинъ. „Сочиненіе Джильса Флетчеръ Of the Rise Common Wealth, какъ историческій источникъ.“</i> С.-Пб. 1891	504
Книжныя новости	256 и 507

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

А. О. Браядтъ. Краткія правила относительно учебныхъ столовъ и скамей.	1
И. Б. Новый трудъ по методикѣ исторіи.	11
Наша учебная литература (разборъ 33 книгъ)	16 и 49

VI

СОВРЕМЕННАЯ ЛВТОНИСЬ.

	СТРАН.
Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы въ Киевскомъ учебномъ округѣ въ 1890 году . . .	79
С. А. Чудновскій. Школы въ Сибири	1 и 107
А. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа.	46
В. И. Ламанскій. А. А. Потебня (<i>некрологъ</i>).	55
А. М. Д. Н. Лебедевъ (<i>некрологъ</i>) . . .	73
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. А. Поновъ (<i>некрологъ</i>)	75
К. Я. Гротъ. О. О. Первольфъ (<i>некрологъ</i>) .	141

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. Вал. Маяковъ. О не дошедшихъ до насъ произведеніяхъ Пиндара . . .	1
И. А. Ровинскій. Продолженіе раскопки древней Діоклии .	15
В. Л. Эпиграфическая записка . . .	35
П. И. Ланге. „Первая аналитика“ Аристотеля (<i>продолженіе</i>) .	37 и 49

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

И. А. Любимовъ. Исторія физики .	I и 33
----------------------------------	--------

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Ж У Р Н А Л Ъ

„ВИЗАНТІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

издаваемый К. Крумбахеромъ.

Цѣна въ годъ за 4 выпуска отъ 9 до 10 печатныхъ листовъ 20 марокъ или 25 франковъ (*Verlag von B. G. Teubner in Leipzig*).

Изученіе Византіи, которое оставалось въ пренебреженіи со времени грандіозныхъ работъ французскихъ и греческихъ ученыхъ XVII столѣтія Дюкляжа, Аляция и др., въ послѣдніа десятилѣтія получило новую жизнь, и значеніе его въ семьѣ историко-филологическихъ наукъ усматривается со дня на день. Но трудямъ этого рода не достаетъ единства и связи, что, конечно, очень вредитъ методичности изслѣдованія и успѣху дѣла. Потребность въ центральному органѣ для этого отдѣла знаній,—органѣ, подобномъ тѣмъ, какими владѣютъ родственныя дисциплины: древне-классическая, германскія, романская, кельтская и славянская—чувствуется вѣснѣ. Появленіе такого журнала несомнѣнно подниметъ изученіе Византіи, освободитъ его отъ пренебреженія, которое все еще тяготеетъ надъ нимъ, и придастъ ему полноту и самостоятельность. А для этого давно пришла пора. Богатая византійская культура, которая въ большей части Европы и нынѣ еще отражается по множествѣ явленій, а въ средніе вѣка плодотворно влияла на весь Западъ, требуетъ основательнаго обследованія. Въ виду вышесказаннаго, побуждаемый многими друзьями и товарищами по специальности, я рѣшился основать для изученія восточно-европейской старины строго-научный органъ, который обнималъ бы *византологию* въ самомъ широкомъ смыслѣ. Кромѣ *литературы и языка*, сюда должны входить *богословіе, внутренняя и внѣшняя исторія, искусство и культура* вообще, *юриспруденція, медицина* и прочія естественно-историческія науки.

Короче сказать, въ этомъ журналѣ должны собираться, какъ въ фокусѣ, всѣ научныя работы, касающіяся Византіи, а съ другой стороны, отсюда должны распространиться лучи свѣта на всю эту обширную область.

Каждая книжка этого журнала должна состоять изъ 3-хъ отдѣловъ: *первый* будетъ заключать самостоятельныя статьи, *второй*—критическіе разборы важнѣйшихъ новыхъ трудовъ, и *третій*—полную библиографію всего, что появляется по византологіи, съ объяснительными замѣтками. Мы приложимъ всѣ усилія къ тому, чтобы нашъ журналъ, какъ относительно сотрудничество и читателей, такъ и относительно библиографіи, носилъ вполнѣ международный характеръ; что-же касается языка, то послѣ ардаго размышленія и переговоровъ съ специалистами мы рѣшились допустить только два наиболѣе распространенные языка—*нѣмецкій и французскій*.

Цѣна за годовое изданіе, издѣющее заключать въ себѣ около 40 печатныхъ листовъ (640 стр.) въ 4-хъ выпускахъ, назначается 20 марокъ (25 франковъ). Цѣль настоящаго циркуляра—узнать, на сколько можно обойтись финансовыя затрудненія, неизбежныя при такомъ предпріятіи. Лишь, желающихъ подписаться на „Византійское Обозрѣніе“, прошу обозначить фамилію свою и книгопродавца, черезъ котораго желаютъ получить изданіе, и переслать заявленіе о подпискѣ по моему адресу: въ Мюнхенъ, д-ру К. Крумбахеру (*Bayern, München, Herzog-Maxstrasse 4, an Dr. Karl Krumbacher*).

Д-ръ Карлъ Крумбахеръ, членъ Баварской Академіи Наукъ,
принимать доносить Мюнхенскаго университета.

ОВЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

XXXI г.

въ 1892 году.

XXXI г.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніемъ также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи).

Изданіе „Филологич. Записокъ“ будетъ продолжаться въ 1892 году съ тѣми же направленіемъ, съ тѣми же задачами, какія постоянно преслѣдуются Редакціею на пользу русской науки и просвѣщенія—по языку и литературѣ, сравнительному языковѣданію, классицизму, славистикѣ, мифологіи и проч.— съ цѣлію доставлять пособіе для учебныхъ заведеній въ разработанныхъ статьяхъ по разнымъ вопросамъ, особенно по преподаванію отечественнаго языка.

Въ послѣднее время все вниманіе, вся забота Редакціи обращены на новый методъ преподаванія роднаго языка. Область языковѣданія обширна, и потому, въ интересахъ науки родного и дорогого намъ языковѣданія, мы хотя кратко высказывемъ наши пожеланія, къ чему намъ нужно стремиться въ дѣлѣ преподаванія.

Учитель русскаго языка (а не грамматики только) долженъ разъяснять и указывать не на обрывки только языка,—а на его живой организмъ, какъ на выраженіе духа человѣческаго, на выраженіе мыслительности, указать на богатство языка, его выразительность, стройность, красоты и благозвучіе, на значеніе словъ и оборотовъ, на синонимическое значеніе словъ, противоположенное, собственное и переносное, разбирать коренныя и производныя слова съ приведеніемъ большинства примѣровъ, выяснять значеніе и содержаніе цѣлаго произведенія, съ его психологической стороной, и пр. и пр... и наконецъ дѣлать, гдѣ нужно, сравненія съ славянскимъ языкомъ и другими изучаемыми въ школѣ.

Если учащіеся ознакомятся съ строеніемъ языка, его красотами, поэтическими образами и особенностями, его значеніемъ въ жизни и обществѣ, какъ драгоценнымъ орудіемъ для выраженія и передачи нашихъ мыслей,—они полюбятъ этотъ естественный даръ слова, будутъ интересоваться произведеніями отеч. литературы болѣе и болѣе, в отсюда и усвѣхи будутъ имѣе, болѣе плодотворныя, а не зная цѣли изученія языка, не имѣя влеченія и любви къ родной литературѣ, учащіеся и не могутъ достигать тѣхъ результатовъ, какіе желательны.

Такія требованія, такое направленіе предъявлены въ разработанной методикѣ г. Барсовымъ, печатаемой нами въ Ф. З. подъ заглавіемъ „*Какое слово*“ для изученія роднаго языка. „*Методика*“ русскаго языка въ разсказахъ и объясненіяхъ по литературнымъ образцамъ, въ связи съ логикой, грамматикой и словесностью, для всесторонняго развитія и воспитанія учащихся,

согласно съ требованиями педагогическихъ принциповъ", словомъ—въ ней представляется пособие къ изученію языка въ обширномъ смыслѣ этого слова, а кромѣ того, при разборѣ образцовъ языка, обращается особенное вниманіе и указывается, гдѣ нужно, на историческое событіе и на религіозно-правственное направленіе и воспитаніе, что въ школахъ крайне нужно.

Намъ сообщаютъ, что *методика* эта даетъ быстрое развитіе учащимся,—это фактъ, добытый практикою, который краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Желающіе провѣрить сказанное пусть и провѣрятъ на практикѣ. Съ своей же стороны мы можемъ добавить,—что методикѣ этой предстоитъ будущность. Характеръ занятій по этой методикѣ обуславливается часто собственными разсказами и нересказами преподавателя съ дѣтьми. Въ слѣдующей кв. Ф. З. (VI), окончится 2-й курсъ методики, а предполагаются авторомъ 3-й 4-й и т. д. провести чрезъ всѣ курсы и дать для каждого хрестоматію.

Въ параллель съ методикой—другое пособие для ознакомленія съ языкомъ готовится подъ заглавіемъ „*Разборы избранныхъ образцовыхъ поэтическихъ произведеній нашей литературы*“, г. Кукулина,—представляющее высокій интересъ развитія психологическихъ процессовъ, выражающихъ глубокія чувства и ихъ оттѣнки, сокрытые ностами въ произведеніяхъ. На сколько авторъ „разборовъ“ глубоко заглядываетъ въ душу ностовъ,—достаточно указать на стихотвореніе „*Комбельная пѣсня*“ (см. IV—V вын. Фил. Зап. 1890 г.).

„*Филологическія Записки*“ издаются въ Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересылк. за-границу 7 руб.

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ редакціи „*Филологическихъ Записокъ*“, въ Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе Фил. Зап. можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-издатель А. Ковалевскій.

Изданя А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе тридцатое, 1890 г., дополненное новыми статьями и рисунками. Съ позволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Влѣдному Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ специальныхъ женскихъ училищъ, въ качестве хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качестве руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ министерскихъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качестве руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качестве учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ОДНОКЛАССНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ“.

Съ вопросами для пересказа, задачами для письменныхъ работъ, рисунками и нотами для пѣнія двухъ голосовъ съвд. нѣсть: 1) «Коль славенъ»; 2) «Слова на небѣ»; 3) «Славься, славься»; 1) «Боже, Цари храни». 1890 г.

Цѣна 45 коп.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качестве книги для класснаго и въѣдкласснаго чтенія.

„СОЛНЦЬ ИЩЕГО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе четвертое, дополненное, 1891 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и въѣдкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется къ руководству для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Козѣ починаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

•ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ•.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

ИЛИ

„ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ“.

Годовое изданіе состоитъ изъ 4-хъ книгъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ), выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ „Чтеніяхъ“ печатаются изслѣдованія и матеріалы по разнообразнымъ вопросамъ Русской исторіи и издаются различные напечатанные древнерусской письменности.

Лишь, желающихъ подписаться на „Чтенія“ (семь рублей въ годъ для Москвы и 8 руб. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города), просить присылать свои требованія къ Казначеему Общества Сергію Алексѣевичу Бѣлокурову (Москва, Садовники, д. церкви св. Георгія) или въ книжные магазины И. Глазунова и П. Карбасникова (Москва, Моховая, противъ Университета).

Черезъ тѣхъ же лицъ можно приобретать и изданія Общества, обозначенныя въ Каталогѣ, безплатно доставляемомъ всѣмъ желающимъ.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩИЯ КНИГИ:

1. Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1816—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромя 1-й, по 50 к. за каждую, перес. за 2 ф.

2. Русскія Достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; ч. 2-я (Русская Правда), 1813 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф. ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

4. Списокъ печати, книгамъ, рукописямъ, медалямъ, монетамъ и вещамъ различнымъ, принадлежащимъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, состояющему при Импер. Москов. университетѣ (стр. 51 + 16 + 96). М. 1827 г., ц. 1 р.

5. Древности сѣвернаго берега Пола. Соч. П. Кеппена, переводъ съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г. ц., 10 к., перес. за 2 ф.

6. Общ. имени и положенія г. Висвы, иначе Юмша, Юмша, Юксбурга. П. 1. Шафарика, пер. О. Бодискаго. М. 1847 г., ц. 20 к.

7. Корунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Описаны и объяснены О. Адельунгомъ; пер. съ нѣмец. П. Артемона. Съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

8. Суздалская рукопись, содержащая новгородскую и кievскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836 г., ц. 3 р., перес. за 3 ф.

9. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

10. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.
11. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. 2 тома въ 5 книгаль. М. 1837 г. Т. I, кн. 1. (1-е и 2-е изд.); т. I, кн. 3; т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фуп.
12. Историко-критическія изысканія. Ю. Веселина. Томъ II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.
13. Книга нородская метрики великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государстваніе королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія. Два тома, издавшие кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубеискииъ. М. 1843 г., цѣна 2 р. за томъ, перес. за 6 ф.
14. Повѣствованіе о Россіи въ 3-хъ томахъ. Н. Арцыбашева. М. 1838—1843 г., ц. за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.
15. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.
16. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Сост. П. М. Строевымъ. Со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фупта.
17. О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Осодоровича и послѣ его до Петра I-го. Изслѣд. Н. Бѣльева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.
18. Книга Большой Чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книгамъ Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.
19. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.
20. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мадлевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскія. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
21. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суворецкаго. Переводъ съ польскаго Кристиана Бѣльева. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
22. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобицахъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кульмина и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.
23. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана. Съ 30 рису. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.
24. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
25. Описаніе о малой Россіи и Украйнѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.
26. Краткое описаніе о казакахъ Малороссійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симонюскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.
27. Черенкиа и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филипа Ордыка и князскаго посреда Юсифа Потоцкаго на латинск. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
28. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Патриаршей Библіотеки. Раздѣлы I—III. Слин. Висеніе, Толкованія его и Каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.
29. Древній святыни Ростова Великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстата. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.
30. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 коп., перес. за 1 ф.
31. Параллельныя Зоваримъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

32. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ М. 1847 г., ч. 50 коп., перес. за 1 ф.
33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1818 г., ч. 50 коп., перес. за 1 ф.
34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тою норю, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1818 г., ч. 25 коп., перес. за 1 ф.
35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ. Сообщ. И. Забѣлицъ. М. 1848 г., ч. 10 к., пер. за 1 ф.
36. Грамматично исказано об Рускомъ зынку. Соч. иона Юрка Крижанниця. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ч. 1 р. 25 к., перес. за 3 ф.
37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я; или часть 4-я. М. 1848 г., ч. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.
38. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1818 г., ч. 1 руб.
39. Биографія А. В. Суворова, имъ самимъ писанная въ 1786 г. Сообщ. Дм. И. Голохвастовъ. М. 1848 г., ч. 25 коп., перес. за 1 ф.
40. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. Соч. И. Бѣлова. М. 1851 г., ч. 50 коп., перес. за 1 ф.
41. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мадявскаго, изд. 2-е, т. I (стр. I—IV+1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ч. 1 руб.
42. Алексій Охидоргоъ. Историч. романъ. Сиб. 1853 г., ч. 1 р., съ пересылкою.
43. а) Лѣтопись византійца Ософана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). Ц. 30 коп. б) То же, въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терювскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1867 г. (I—II+1—70). Ц. 2 руб.
44. *Mémoires poétiques sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui-même.* Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 руб., перес. за 1 ф.
45. О времени происхожденія славян. писемъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., ч. 2 р., перес. за 3 ф.
46. Діаріумъ, или журналъ, то-есть новседневная записка случающихся при дворѣ наша гетмана Скоропадскаго оказаній и церемоній, вѣкомъ и въ канцеляріи войсковою отравуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Пнк. Дав. Хавенка. Съ историч. свидѣніемъ о сочинителѣ, О. Бодянскаго. М. 1858 г., ч. 50 коп., перес. за 1 ф.
47. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. П. Закревскій. Съ 4 литографскими рисунками. М. 1858 г., ч. 2 р., перес. за 4 ф.
48. Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ литограф. видѣмъ онаго. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ч. 50 к., пер. за 1 ф.
49. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перовъ съ нѣмед. А. Шемкина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ч. за обѣ части 3 руб., перес. на 6 фун.
50. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Вытшегъ-Каменискимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1858 г. Ч. II. М. 1859 г., ч. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб., перес. за 3 ф.
51. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. А. Майкова. М. 1860 г., ч. 50 коп., перес. за 1 ф.
- 52 и 53. а) Деньги и нули древней Руси великокняжескія и удѣльными (Д. Сошова. М. 1860 г. (стр. 1—X+11—140), съ 11-ю таблицами (Жѣ: 1—11. литограф. снимковъ нуль и денегъ) Ц. 2 р., перес. за 2 ф., и б) Прибавленіе

2-в (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№№ 13 и 14). М. 1862 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф. ут.

54. Переписка между Россією и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ П. П. Бантишемъ-Камонскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. Ч. I. 1487—1581 гг. М. 1860 г. — Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г. — Ч. III. 1612—1615 гг. М. 1862 г. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп., перес. за 4 ф.

55. Путешествіе явскаица Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ явскаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб., перес. за 4 ф.

56. Конст. Федор. Калайдовичъ. Биографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. О. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсопова. М. 1862 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

57. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, бывш. митрополитѣ ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

58. О недвижимыхъ имуществахъ духовництва въ Россіи. Вл. Милютяна. М. 1862 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

59. Письма и записки императр. Екаторины II къ графу Никитѣ Иван. Пашину. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

60. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

61. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

62. Сб. рѣши церковно-историч. и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. Сообщ. архим. Макарій. М. 1863 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

64. Журналъ генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1863 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

65. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. тульского, рязанскаго и калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышова и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1863 г. Цѣна 1 руб.

66. Очерки изъ исторіи Россійской церковной іерархіи. Г. О. Карпова. М. 1861 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

67. Житіеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. П. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

68. Обзорные рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранящихся монастыряхъ, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г.

69. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. О. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ, ч. I—IV. Ц. 10 руб. съ пересылкою.

70. Путешествіе мос въ Имеретію съ линіи Кавказской, по тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сложеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію. Соч. Алекс. Егор. Соколова. Сообщилъ П. П. Ермоловъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1873 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

71. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горациа Вильгельма Кальвуччи, посольствъ импер. Леопольда къ царю Алексію въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. П. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

72. О влияніи борьбы между народами и сословіями на образованіе Русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затиркевича. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

73. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію Г. Г. Фоккерода и Оттона Шейера. Переводъ съ нѣмецк. А. П. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

74. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. О. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 ф.

75. Описаніе путошества въ Москву посла римскаго императора Николая Баркоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. П. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб., перес. за 1 ф.

76. Ресстра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленнаго 1649 г. октября 16-го дня, и издаване по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

77. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

78. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. П. Васнина. М. 1876 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

79. Донесеніе о Московіи Іоанна Перинштейна, посла импер. Максимилиана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 к., перес. за 1 ф.

80. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Давида, принца изъ Букова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя московскаго. Переводъ съ латынскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп., перес. за 1 фунт.

81. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна, ексарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

82. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ. Москва. 1879 г., ц. 3 р.

83. Житіе препод. отца нашего Феодосія, игум. Печерскаго. Синоскіе Пестора. По харатейн. синоску москов. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп., перес. за 1 ф.

84. Библиографич. матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. Повѣсть о разореніи Московск. государства. М. 1881 г. Ц. 50 коп.

85. Посланіе священно-архим. Фотія къ духовной дщери его, двѣдѣ Аннѣ (1820--1822 гг.) Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

86. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Цертоинскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій, епископъ архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

87. Митрополитъ Даниль и его сочиненія. Исслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

88. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

89. Домострой во свиску Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

90. Коши съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

91. Портретъ Кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1884 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

92. Сазаво-Емуское Святосъ Благовѣствованіе, нѣтъ же Ремское, на нѣтъ же прежде присигама при вѣнчаніи митрополитомъ дари Францустин. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латинскими буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и изданіемъ Вячеслава Ганки. Въ Ченской Прагѣ. 1846. Цѣна 3 руб. сер., перес. за 2 ф.

93. О русскомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ чешской королевы Кунгуты, и родѣ его. Фр. Палацкаго, пер. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 10 к.

94. Забѣчанія для исторіи цорковнаго пѣнія въ Россіи. В. Ундольскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

95. Окружно жителю Балтійскаго моря, т. е. лоты и славяне. Юрія П. Венелина. М. 1846 г., ч. 50 к.
96. О древнеславянскихъ Кирилловскихъ тѣнографіяхъ въ южнославянскихъ земляхъ въ XV—XVII вв. П. Шафарика, перев. О. Бодянского. М. 1846 г., ч. 25 к.
97. Кирилль и Меодій, славянскіе просвѣтителю. Филарета, еп. рижскаго. М. 1846 г., ч. 15 к.
98. Обь отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. С. Соловьева. М. 1846 г., ч. 1 р.
99. Записки Георгія Копиискаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI в. не было никакой униі съ Римскою церковію. М. 1847 г., ч. 15 к.
100. О бунтѣ города Пинска и обь усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Ликовскаго. М. 1847 г., ч. 10 к.
101. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ татарами, шведми и угрями въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная съ 1647 г. Переводъ съ польскаго. М. 1847 г., ч. 50 к.
102. Скаваніе и новѣсть еще содѣяна въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о расстрій Гришкѣ Отрѣнзевѣ, и о походевіи его. Обь ирадисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1847 г., ч. 30 к.
103. Богослуженіе русской церкви до-монгольскаго времени. Филарета еп. рижскаго. М. 1847 г., ч. 50 к.
104. Исзвѣдованіе о Паторикѣ Печерскомъ и описаніе древнѣйшаго харатейнаго списка онаго. А. Кубарова. М. 1847 г., ч. 40 к.
105. О достопамятностяхъ Чернигова. М. Е. Маркова. М. 1847 г., ч. 20 к.
106. О словѣ боярина. Ю. Венелина. М. 1847 г., ч. 20 к.
107. Очеркъ жизни и дѣяній гр. Ал. Вас. Суворова-Риминскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ч. 20 к.
108. Очеркъ жизни константинопольск. патр. Фотія. А. Зарина. М. 1858 г., ч. 30 к.
109. Писаная грамота и. Алексія Троицкому Сергіеву монастырю на владѣніи деревномъ Ильинкомъ. Сообщ. С. Смирновъ. М. 1858 г., ч. 10 к.
110. Обь областяхъ Римской имперіи. Константина Багрянороднаго. Пер. съ греческаго. М. 1858 г., ч. 20 к.
111. Допросы Емельяну Пугачеву (стр. 1—52) и письмо о немъ императрицы Екатерины II къ графу П. И. Панину (стр. 53—58). М. 1858 г., ч. 30 к.
112. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дн. Паталину и возраженіе депутата Гр. Полития на оноу наставленіе. М. 1858 г., ч. 20 к.
113. Записки о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Сенатскаго архива). Мнѣніе Мордвинова о способахъ кончи Россіи удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей. Письмо его же къ графу Аракчеву по дѣлу о контрактахъ на поставку сухонутнаго провѣнта Поретцомъ и Злобынымъ. Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы. Выписка изъ проекта Аверьяна о винномъ откупѣ. М. 1858 г., ч. 20 к.
114. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Ва. Борисовъ. П. 1859 г., ч. 10 к.
115. Тетрадь, а въ ней несна писаныхъ ональныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная вологодск. архіон. Маркелла царю Алексію о мучѣ св. Николая чудотворца, хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. П. Суворовъ. М. 1859 г., ч. 10 к.
116. Мнѣніе министра юстиціи Троицкаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ч. 10 к.
117. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныхъ. Сообщ. А. И. Казначевъ. Объясненіе—снѣналь ли? (о расколу учителя діаконѣ Одерѣ) О. М. Бодянскаго. М. 1859 г., ч. 10 к.

118. Мнѣнія адмирала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государствомъ казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на нарушѣнія полетна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ жентѣ, когда окажется на первомъ казенномъ взыскаіііи; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ч. 15 к.
119. Замѣчанія графа О. В. Ростовича на книгу г. Строиловскаго. М. 1860 г., ч. 10 к.
120. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ч. 10 к.
121. Послѣдній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія импер. Павла I. Графа О. Ростовича. М. 1860 г., ч. 10 к.
122. Письма русскихъ государей, вел. князей и др. особъ къ новгородскимъ архіереямъ, хранящихся въ Новгородск. Софійск. соборѣ. Сообщ. архим. Макарій. М. 1860 г., ч. 15 к.
123. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 году Шеромъ Куки. М. 1863 г., ч. 10 к.
124. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. П. Лавровскаго. М. 1861 г., ч. 1 р.
125. Каталогъ славяноросійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г., проф. Ваузе. В. Каравина. М. 1862 г., ч. 30 к.
126. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузин, Имеретин и Одисин со всѣми прилежащими народами. М. 1862 г., ч. 10 к.
127. Книга жюиткамъ б. чернигов. полковника Павла Полуботкина и дѣтей его Андрея и Якова Полуботковыхъ, составл. по указу 1724 г. Мих. Раевскимъ и Львовымъ. Акты, до маѣностей Полуботковыхъ относящіеся. М. 1862 г., ч. 50 коп.
128. Проекты объ уничтоженіи грокороссійскаго вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшею отъ Россіи областяхъ. М. 1862 г., ч. 20 к.
129. Матеріалы о Гавриилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ч. 30 к.
130. Надписи на писмахъ, въ старину въ Русскомъ государствѣ употреблявшіяся. М. 1864 г., ч. 10 к.
131. Доношеніе почитателя Казанскаго округа на издателя „Библиограф. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ч. 10 к.
132. Письма къ государынѣ цесарынѣ Елисаветѣ Петровнѣ Мавры Шенелевой. М. 1864 г., ч. 10 к.
133. Книга записная иваннымъ письмамъ и указамъ императрицы Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. М. 1878 г., ч. 50 к.
134. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ч. 10 к.
135. Челобитные боярѣ Рюхонта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханиотова съ ячмемъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ч. 10 коп.
136. Послѣдніе дни Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій, еписк. архангельскій. М. 1880 г., ч. 15 к.
137. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г., ч. 20 к.
138. Записка объ Архангельскомъ семинарскомъ соборѣ. Записка объ Онежскомъ крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій, еписк. архангельскій. М. 1880 г., ч. 15 к.
139. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Разсказъ о Моисей Чуринѣ и о волшобныхъ его писмахъ, произведенный въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Сообщ. П. А. Поповъ. М. 1880 г., ч. 20 к.

140. Изложене хода мисіонерск. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцовъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г., ц. 1 р.

141. Записка объ одной старопечатной книгѣ (книга о Иѳрї). Архивъ. Леонидъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

142. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ перес. 45 р. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фута.

143. Читенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (1846). 4 книги; годъ 2-й (1846—1847), 9 книгъ; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга; по 2 руб. каждая книга. Годы 1846—1846, по 4 книги, каждый годъ 10 рубл. Я. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію. Съ 1857 г. каждая книга „Чтеній“ продается отдѣльно по слѣдующ. цѣнѣ: за 1857 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

144. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повременн. изданіяхъ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университ. (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забылинск. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 годъ. Отд. I. Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ в. М. 1884. Ц. за обѣ книжки 1 рубль.

145. Алфавитный указатель къ периодич. изданіямъ того же Общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. М. 1862 г., ц. 50 к. съ перес.

146. Указатель ко всѣмъ периодич. изданіямъ того же Общества за 68 лѣтъ (1815—1883 гг.). Сост. Сергій Бѣлокуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25 к.

147. Указатель къ Читеніямъ въ томъ же Обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. оныъ же. М. 1888 г., ц. 50 к.

148. Протоколы засѣданій Общества:

1) за 1878—1880 гг. (стр. 1—32). Ц. 20 к.

2) за 1881—1883 гг. (стр. 1—64). Ц. 35 к.

3) за 1886 г. (стр. 1—17). Ц. 10 к.

4) за 1887 г. (стр. 1—23). Ц. 15 к.

149) Собраніе сочиненій Юрія Крижаннича:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pátro opisánie ot Lewóna do Móskwı. II. Besída ko Crigásom wo owobi Sziráca uráana. III. Usmotrenie o Carskom Welicestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. П. Щепкина, и б) 1661 г. Обясненіе владно о нискиъ Словѣскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Козлова. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Вып. II-й: 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г. Ц. 75 к.

Инд. желающихъ приобрести означенныя книги или подписаться на „Чтенія“ Общества (7 рублей въ годъ для Москвы и 8 руб. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города), просятъ присылать свои требованія или въ Общество (Москва, Моховая, зд. Университета), или къ Казначей Общества Сергѣю Александровичу Бѣлокурову (Садовники, у Москворѣцкаго моста, д. церква св. Георгія), или въ книжныя магазины Н. П. Глазунова и Карбасникова.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разслана подписчикамъ II-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Е. И. В. вел. кн. Константинъ Николаевичъ, † 13 января 1892 г.—II. Князь де-Линь въ Россіи въ 1780—1788 гг. Очеркъ проф. В. А. Вильбасова.—III. Принцесія наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ проф. А. Лебедева.—IV. Записки доктора де-ла-Фанза, 1812—1813 гг.—V. Замѣтки Герсака о пребываніи въ Петербургѣ, 1826 г. Сообщ. П. П. Ореусъ.—VI. Россія и русскій дворъ въ 1839 г., записки маркиза де-Пюстина. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—VII. Дневникъ аладеица и професс. А. В. Никитино, 1870 г.—VIII. Федоръ Ив. Юрданъ въ письмахъ къ художн. А. А. Иванову, 1850—1853 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова.—IX. Князь Труевдой: замѣтки 1762 года. Сообщ. В. М. Юефовичъ.—X. Бытовныя черты XVII вѣка. Сообщ. П. П. Оглоблинъ.—XI. Высылка изъ Россіи принца Фридриха Вуртембергскаго, 1786 г., очеркъ проф. В. А. Вильбасова.—XII. Лейтенантъ Ильинъ, 1770 г. Сообщ. М. О. Лодыгинъ.—XIII. Сэръ Уайтъ въ Варшавѣ, 1841 г., разсказъ Д. Г. Анучина.—XIV. Николай Ивановичъ Стояновскій, его государств. дѣятельность въ 1841—1891 гг. Сообщ. Г. А. Джалишевскъ.—XV. Николай Мих. Благовѣщенскій, его ученая и обществ. дѣятельность въ 1812—1892 гг. Ред.—XVI. Театральные воспоминанія Л. А. Леонидова, 1854—1868 гг.—Замѣтки: Мусина-Юрская, 1801 г.—Русскіе писатели въ партияхъ Чернецова, 1832 г.—Музей гвард. артиллеріи.—XVIII. Библиографическія замѣтки В. И. Семевскаго, Н. В. Водозозова, проф. Цѣтѣева и Ред. (на оберткѣ)

Приложенія: I. Портретъ вел. князя Константина Николаевича, фотографія Г. П. Скамони, съ портрета, исполн. съ натуры въ Оксенд-заготовл. Госуд. бумажъ въ 1876 г.—II. Портретъ-группа писателей: И. А. Крыловъ, В. А. Жуковский, А. С. Пушкинъ и И. И. Гѣдичъ—въ 1832 г. фотографія Шерера-Набгольда съ картины, исполненной съ натуры художникомъ Григоріемъ Чернецовымъ въ 1832 г.

Продолжается подписка на 1892 годъ.

Можно получить „Русскую Старину“ 1891 г. (Осталось 57 экз.), двадцать второй и третій годы изданія. Цѣна по 9 р. за годъ.

Подписка принимается въ магазинѣ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГ'А, на Невскомъ, у Полицейскаго моста (магазинъ бывшій Мельс). д. № 20. Иногородные обращаются въ книжный магазинъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» (Мих. Ив. Семевскаго), въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7, кв. 2.

Книжный магазинъ М. И. Семевскаго (Сиб., Больш. Подъяческая, № 7) высылаетъ по требованіямъ, и съ надлежащимъ платещомъ, всѣ книги, о продажѣ которыхъ гдѣ либо было публиковано.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтоспись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города.
